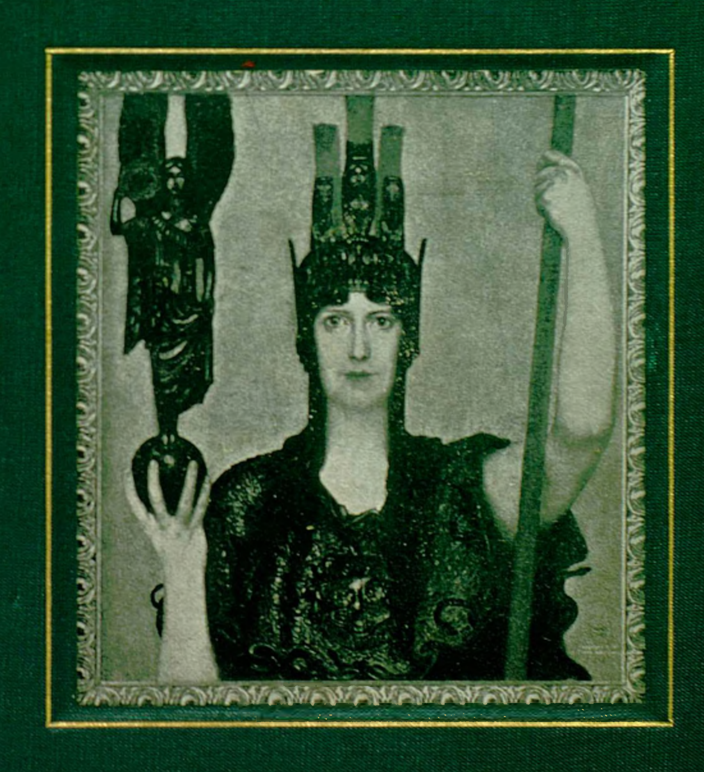
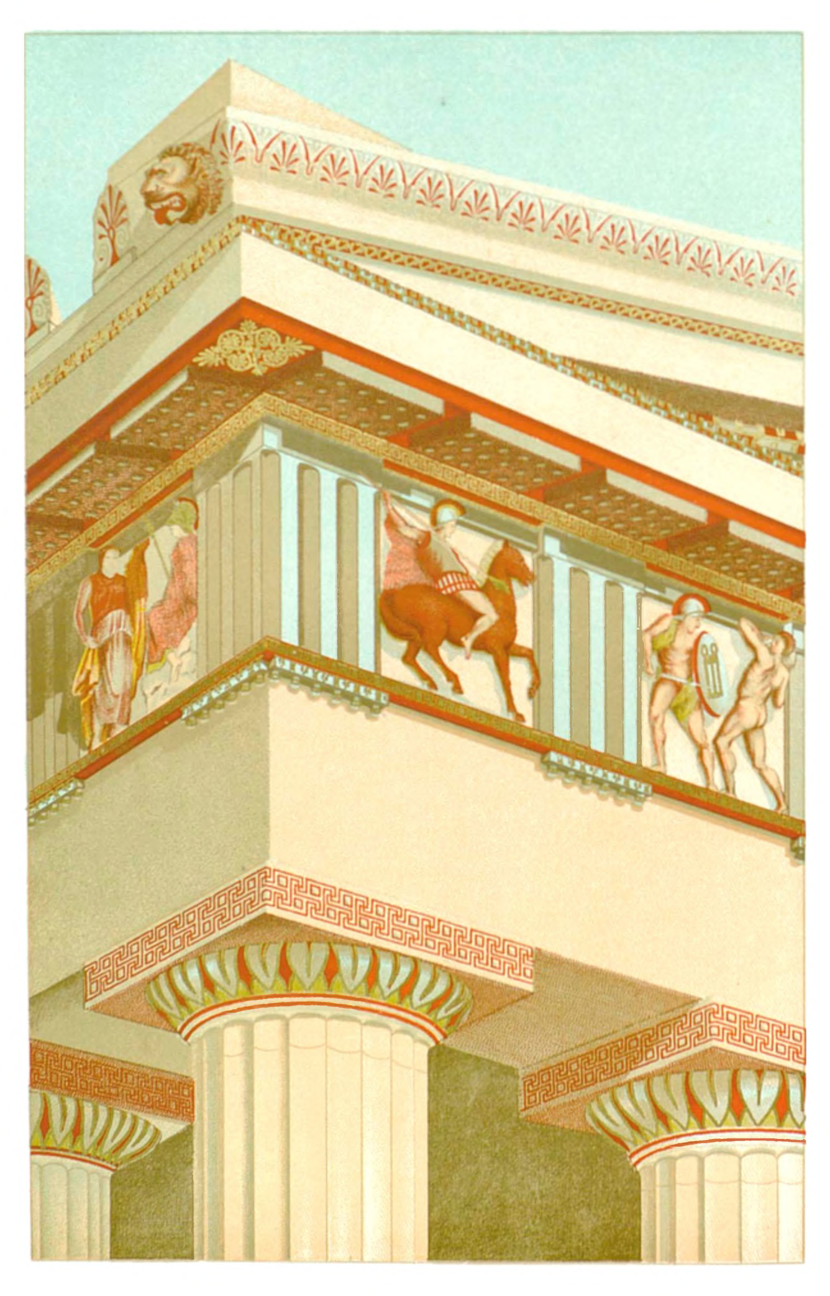
В. ВЕГНЕРЪ

ЭЛЛАДА

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ЭЛЛАДА

ФРОНТОНЪ ПАРѲЕНОНА ВЪ АѲИНАХЪ

(ВЪ РЕСТАВРИРОВАННОМЪ ВИДѢ, ПО ФЕНГЕРУ)

ЭЛЛАДА

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ

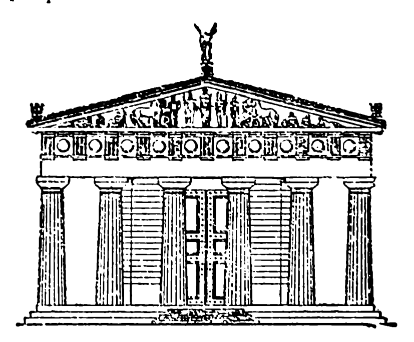
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

СОЧИНЕНІЕ

д-ра ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕГНЕРА

ЧЕТВЕРТОЕ РУССКОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

профессора В. И. МОДЕСТОВА

Съ одною хромолитографированною, 9-ью отдѣльными картинами и 401 рисункомъ въ текстѣ.

ИЗДАНІЕ

поставщ. двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дв., 18 — МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.

2007083346

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ

Русскій текстъ въ предлагаемомъ изданіи нисколько не похожъ на текстъ предыдущихъ изданій. Переводъ былъ сдѣланъ сызнова, и только на этомъ условіи я согласился быть его редакторомъ. Полагаю, что въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ какихъ-либо рѣдкихъ недосмотровъ, дѣло поставлено вполнѣ удовлетворительно. Всякій знаетъ, что редактировать чужіе переводы не легкое дѣло; но редакторъ перевода не щадилъ усилій къ тому, чтобы сдѣлать книгу Вегнера правильно переданною и легко читаемою. Особенно много хлопотъ доставляетъ въ сочиненіяхъ, относящихся къ древней Греціи, способъ передачи собственныхъ именъ и терминологія. Съ одной стороны, у насъ уже укоренились формы, явно неправильныя, но не рѣдко такія, съ которыми надо считаться; съ другой — правописаніе многихъ словъ и названій въ нашей литературѣ до того произвольно, что, слѣдуя при редакціи книги извѣстному принципу, приходится поневолѣ или дѣлать насиліе надъ ходячимъ ихъ употреб-

леніемъ, или жертвовать правильностью безъ всякаго разумнаго основанія.

Мнѣ уже не разъ приходилось печатно заявлять свою теорію транскрипціи греческихъ словъ и именъ, теорію, гдѣ я старался по возможности согласовать научность съ распространившимся употребленіемъ, будучи убѣжденъ, что строгое слѣдованіе одному принципу, безъ обращенія вниманія на употребленіе въ живомъ языкѣ невозможно. Такимъ образомъ, передавая греческія имена на — ας соотвѣтствующимъ имъ русскимъ окончаніемъ на *а* и *я* (Скопа, Лисія, Гиппія), какъ мы говоримъ Ѳома, Илья, а римляне — Агриппа, Катилина и т. д., я и здѣсь, какъ при редакціи словаря Любнера, не осмѣливался писать: Эпаминонда, Пелопида, Анаксагора, въ противность слишкомъ укоренившемуся русскому употребленію этихъ словъ, къ которымъ такъ привыкло наше ухо въ другой формѣ еще со времени школьнаго обученія. Но зато я не стѣснялся систематически употреблять научное правописаніе въ такихъ именахъ, какъ Тимолеонтъ, Антифонтъ, и даже Анакреонтъ, Лаокоонтъ, хотя и въ двухъ послѣднихъ случаяхъ неправильное правописаніе относится къ словамъ очень распространеннымъ. Право на эту неуклонность здѣсь давала мнѣ рано усвоенная нашему языку форма Ксенофонтъ. Кто увидитъ тутъ поводъ упрекать меня въ непослѣдовательности, имѣетъ это право; но, повторяю, соблюденіе абсолютной послѣдовательности въ живомъ языкѣ очень трудно. Не былъ поэтому я вездѣ послѣдователенъ и въ передачѣ греческихъ именъ на — ις (съ основой на ιδ). И дѣйствительно, какъ писать Паридъ, когда огромнѣйшей массѣ русскаго народа извѣстна лишь форма Парисъ, распространенная не только школой, но и театромъ? Въ немаломъ количествѣ случаевъ я ставилъ рядомъ двѣ формы — обычную и научную, одну изъ которыхъ заключалъ

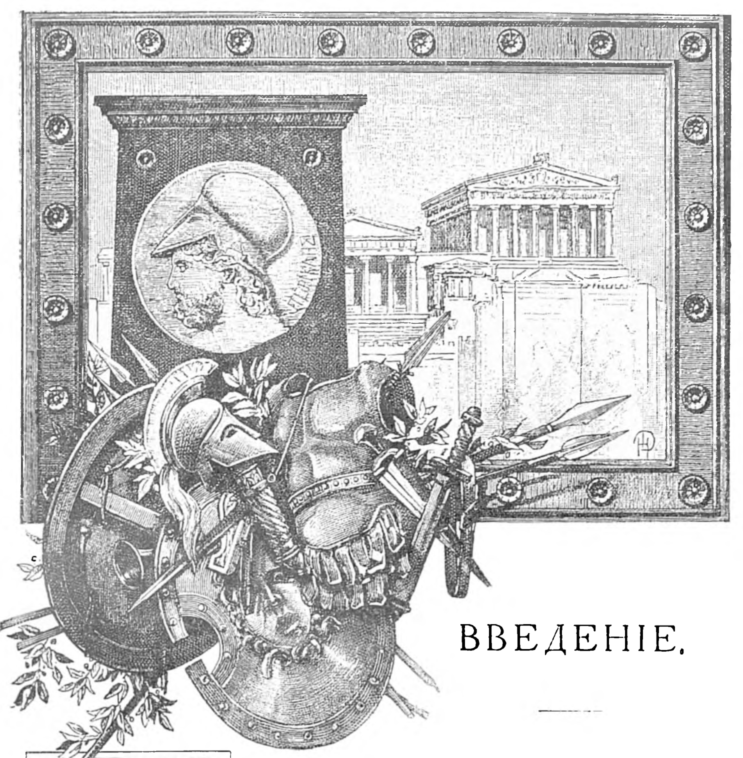
въ скобки, какъ, напр., Агисъ (Агидъ), чтобъ нетолько указать на иное правописаніе, но и предупредить возможность недоразумѣнія, которое даже очень возможно, когда пишешь напр. Ѳесей вм. Тезея, всѣмъ извѣстнаго, хотя и латинизированнаго. Но я счелъ необходимымъ совершенно отступить отъ передачи греческ. γυμνάσιον общепринятою русскою формой гимназія, не только по несоотвѣтствію женской формы русскаго термина средней греческаго, — несоотвѣтствію, на которое наши ученые и писатели XVIII ст., надѣлившіе нашъ языкъ разными неправильностями, не обращали вниманія, — но и съ тою цѣлію, чтобъ не подать поводъ думать, что между греческимъ гимнасіемъ, мѣстомъ для гимнастическихъ упражненій, и нашей гимназіей, среднимъ учебнымъ заведеніемъ, есть что-нибудь общаго. Найдутся, можетъ быть, и другіе случаи, которые слѣдовало бы оговорить въ предисловіи, но данныя выше разъясненія помогутъ внимательному читателю въ нихъ разобраться самостоятельно.

Заканчивая свое обращеніе къ читателю, я обязанъ сказать ему, что со стороны издательской фирмы прилагалось особое стараніе къ тому, чтобы книга вышла въ возможно изящномъ видѣ. Что касается иллюстрацій, то ихъ читатель найдетъ здѣсь еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько ихъ находится въ оригиналѣ. При этомъ я долженъ заявить, что выборъ и расположеніе рисунковъ принадлежатъ всецѣло издателямъ.

В. Модестовъ.

С.-Петербургъ,
14-го сентября 1900 г.

ЭЛЛАДА
СТРАНА И НАРОДЪ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ

ВВЕДЕНІЕ.

ПРЕДЪ вами, читатель, повѣсть о древнихъ эллинахъ, ихъ домашняя и общественная жизнь, ихъ битвы, побѣды и невзгоды, ихъ расцвѣтъ и упадокъ, а равнымъ образомъ ихъ творенія въ области искусства и науки. Такое обширное содержаніе, конечно, не легко укладывается въ тѣсныя рамки нашего сочиненія, но мы, при попыткѣ выполнить свою задачу, разсчитывали на снисходительность читателя и на разнообразныя отношенія, связывающія насъ съ древними греками. Многое изъ греческой древности вошло въ нашу собственную культуру и усвоено нашей образованностью.

Мы усердно отыскивали истину и старались добытые результаты представить въ возможно привлекательной формѣ. Прежде всего мы сами пытались оріентироваться въ прославленной Элладѣ,

слѣдуя свѣдущимъ путешественникамъ, обошедшимъ эту страну. Мы разсматривали многочисленные обломки памятниковъ минувшаго величія и развалившіяся гробницы тѣхъ людей, которые съ добрымъ и веселымъ духомъ стремились произвести достохвальныя дѣянія. Затѣмъ мы обратились къ историческимъ лѣтописямъ, и, чѣмъ глубже мы вникали въ ихъ содержаніе, тѣмъ болѣе оживало то, что раньше казалось давно отжившимъ, и оживало не только въ собственной славѣ своей, но и въ продолжающемся вліяніи на образованіе и возвышеніе рода человѣческаго. И вотъ стали выступать прославленные герои, принесшіе все, что имѣли, и самую жизнь, на алтарь отечества; великіе художники, создавшіе изъ бронзы и мрамора образы, полные правды и граціи; учители мудрости, стремившіеся къ познанію добра и правды, всего, чѣмъ зиждется государство и украшается свободный гражданинъ; наконецъ, увѣнчанные пѣвцы, пѣвшіе подъ звуки лиры то, что радуетъ и облагораживаетъ сердце человѣка. А на вершинѣ Акрополя, для украшенія котораго нѣкогда соединились всѣ художества, появилась муза со свиткомъ пергамента и разсказала, какъ и почему здѣсь, на этомъ клочкѣ земли, опоясанномъ моремъ, совмѣстилось столько прекраснаго и превосходнаго.

Вы, конечно, слышали о странномъ явленіи, наблюдаемомъ иногда у моря и называемомъ фата-моргана, при которомъ, благодаря особенному преломленію лучей свѣта, глазамъ вашимъ представляются отчетливыя очертанія далекаго взморья, до этого недоступнаго вашему зрѣнію. Нѣчто подобное испытываетъ тотъ, кто долго изучалъ исторію знаменательнаго народа, хотя уже исчезнувшаго. Отжившія поколѣнія встаютъ изъ сѣдого моря временъ; исчезаетъ разстояніе, отдѣляющее его отъ нихъ, и они, кажется, опять живутъ на его глазахъ. А что стало для него близкимъ и съ чѣмъ онъ черезъ продолжительное знакомство, такъ сказать, сдружился, тѣмъ ему хочется подѣлиться съ другими людьми, которыхъ онъ считаетъ готовыми принять дружелюбно его даръ. Чувствуя въ себѣ такую потребность, мы осмѣливаемся посвятить плоды нашихъ изслѣдованій прежде всего молодому поколѣнію, въ которомъ наиболѣе должно быть воспріимчивости къ истинѣ, красотѣ и умственному величію, а затѣмъ и всѣмъ тѣмъ, кому ни время, ни средства не позволяютъ заняться

широкимъ изученіемъ исторіи эллинскаго народа, хотя они и имѣютъ полное желаніе съ ней ознакомиться.

Чтобы имѣть возможность ближе разсмотрѣть страну и народъ, нужно рѣшиться взять мысленно посохъ путешественника и сопровождать насъ въ самую Грецію. Такое путешествіе не будетъ утомительнымъ, тѣмъ болѣе, когда вспомнишь, что идешь повидаться съ близкими нашему сердцу друзьями, съ передовыми бойцами за просвѣщеніе, дѣятельность которыхъ, несмотря на протекшіе съ тѣхъ поръ вѣка и тысячелѣтія, и теперь еще сохраняетъ громадное историческое значеніе. И въ самомъ дѣлѣ мы съ ними близкіе друзья, мы съ ними связаны общимъ умственнымъ достояніемъ, которое переходитъ по наслѣдству изъ рода въ родъ и къ которому каждое поколѣніе прибавляетъ цѣнную долю. Поэтому существуетъ или должна бы существовать связь по симпатіи и благодарности между людьми, положившими основаніе общему сокровищу, и ихъ потомками, которые стремятся къ увеличенію этого сокровища.

Вѣдь мы обязаны рачительности предковъ, оставленному ими потомкамъ наслѣдію—тѣмъ, что умъ человѣческій, несмотря на внѣшнія стѣсненія, стремится къ свободѣ и истинѣ, познаетъ таинственныя силы природы и пользуется ими, подвергаетъ изученію даже звѣздный міръ, переходя отъ одного открытія и изобрѣтенія къ другому.

Находясь въ обладаніи этимъ наслѣдственнымъ сокровищемъ, человѣкъ все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ земную природу и даже слѣдуетъ за незримымъ, неустанно творящимъ Создателемъ міра въ Его сокровенную мастерскую, стремясь постигнуть, какъ Онъ ведетъ родъ человѣческій, то свѣтлыми, то мрачными путями къ его зрѣлости.

Въ это духовное наслѣдіе, постоянно приносящее богатые проценты и все болѣе и болѣе увеличивающееся, древне-эллинскій народъ съ мощію и съ свѣтлымъ духомъ самоотверженія внесъ значительные и драгоцѣнные матеріалы. Правда, не изъ него возсіялъ ясный небесный свѣтъ высшей правды, раскрывающій глубины неизмѣримости и Виновника бытія и исчезновенія — этотъ свѣтъ долженъ былъ возсіять на весь міръ изъ мало замѣтнаго азіатскаго племени — но идею прекраснаго и возвышеннаго пробудилъ и проявилъ въ чувственныхъ

образахъ народъ Эллады, и эта заслуга останется за нимъ на всѣ времена.

Итакъ, любезный читатель, слѣдуйте охотно за нами въ ту страну, гдѣ нѣкогда на высотахъ и въ долинахъ воздвигались алтари этой неувядаемой красотѣ. Тамъ и остатки прежняго величія стоятъ нашего вниманія, да и исторія сохранила намъ богатый матеріалъ изъ этого великаго прошлаго. Она показываетъ намъ, какъ въ зеркалѣ, образы славныхъ мужей, жившихъ тамъ, показываетъ ихъ намъ такъ ясно, что мы ихъ видимъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу, читая въ ихъ душѣ тѣ идеи, ради которыхъ они жили. Она учитъ, что одной мыслью былъ проникнутъ весь народъ эллинскій, мыслью произвести что-нибудь достохвальное на пользу отечества, и что всѣ граждане, безъ различія ихъ общественной дѣятельности, старались этой дѣятельностью принести пользу своей родинѣ. Прослѣдивъ потомъ въ нашемъ изложеніи за тѣмъ, какъ на этомъ сочувствіи къ общественнымъ интересамъ выросло общественное благосостояніе, но какъ впослѣдствіи расточительность и себялюбіе привели въ упадокъ народъ и страну, всякій почувствуетъ стремленіе добросовѣстно и ревностно содѣйствовать на избранномъ имъ поприщѣ благосостоянію общества. Нѣтъ надобности, чтобы дѣятельность старательныхъ людей награждалась публично и дѣлалась всѣмъ извѣстной: если только они въ мѣру силъ своихъ совершили хорошія и общеполезныя дѣла, то плоды ихъ не заставятъ ждать себя.

Теперь же, любезный читатель, бросьте бѣглый взглядъ на племена и роды, послѣдовательно населявшіе Элладу. Пусть они пройдутъ мимо насъ въ своемъ вооруженіи и съ своими отличительными знаками.

Открываютъ шествіе плотныя, сильныя фигуры. Это герои изъ юношеской поры націи, одни въ львиной шкурѣ и съ палицей въ рукахъ, другіе—со щитомъ и копьемъ. Они выступаютъ на борьбу съ исполинами и чудовищами и стремятся твердой десницей карать всякую неправду. Единственной школой для нихъ была суровая жизнь; поэтому они привыкли разсчитывать, въ случаѣ нужды, только на себя однихъ. Въ юношескомъ пылу они нерѣдко нападаютъ на друзей и честныхъ людей и творятъ всякія бѣды. За это терпятъ они наказаніе въ пламени земныхъ стра-

денiй, чтобы, очистившись въ немъ, воспарить къ вершинамъ Олимпа. Проходите, нестройныя полчища! Наступаетъ пора возмужанія народа; законность и порядокъ получаютъ силу. Слѣдуютъ законодатели, учреждающіе общественный порядокъ; за ними полководцы и воины, лозунгомъ которыхъ было: побѣдить или умереть за отечество. Они стоятъ передъ нами, украшенные блестящими доспѣхами; они выстраиваютъ воинственныя полчища въ боевой порядокъ; щитъ къ щиту, копье къ копью, въ тѣсно сомкнутыхъ рядахъ. Часто происходятъ между ними кровавыя войны однихъ племенъ съ другими. Но лишь только надвигаются полчища варваровъ для порабощенія свободныхъ мужей, послѣдніе приходятъ къ сознанію своей братской связи, тѣсно смыкаются граждане враждебныхъ прежде городовъ, и Эллада и вмѣстѣ съ нею геній свободы торжествуютъ надъ варварствомъ и рабствомъ. Съ ними и позади нихъ подходятъ почтенные мужи, засѣдающіе въ совѣтахъ цвѣтущихъ городовъ и государствъ; свободные граждане, пользующіеся правомъ самостоятельно управлять своими дѣлами; учители мудрости, окруженные любознательными юношами; поэты, то поющіе на серьезные, наводящіе ужасъ мотивы, то воспѣвающіе веселую радость жизни; художники съ указной мѣркой и рѣзцомъ, строящіе жилища богамъ и создающіе божескія изображенія нетлѣнной красоты. Широко развернулось шествіе, но мало-по-малу порядокъ его исчезаетъ. Только изрѣдка, еще тамъ и сямъ выдѣляется высокая фигура. Она закутываетъ свое лицо, какъ бы плача о томъ, что приблизилось время праздныхъ наслажденій и упадка.

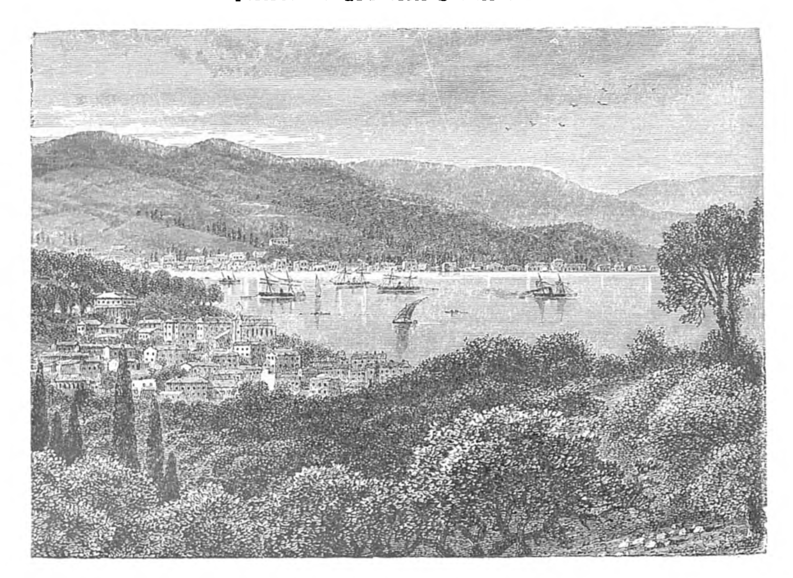
Вотъ несутся шумные рои юношей, мужей и разряженныхъ женщинъ, спѣшащихъ на пиръ, гражданъ, убивающихъ время на площади въ тяжбахъ и праздномъ бездѣліи, наемныхъ солдатъ, несущихъ на торжища за деньги собственное тѣло. Позади легкомысленно шутящихъ, надушенныхъ кутилъ и бездомныхъ наемниковъ, появляются два мужа съ царскими знаками отличія, вѣроятно купившіе золотомъ оружіе эллинскаго народа.

Младшій изъ нихъ устремилъ свой взоръ къ Азіи; онъ хочетъ завоевать новый міръ греческой культурѣ. Вокругъ него стоятъ его приверженцы, отважные, гордые мужи въ блестящихъ доспѣхахъ, готовые съ царемъ своимъ проникнуть до страны чудесъ, омываемой Индомъ. Сцена мѣняется, какъ мѣняется волна морская;

предъ нами трупъ героя и надъ нимъ клокочетъ разрушительнымъ пламенемъ раздоръ его сподвижниковъ. Люди, называвшіеся его вѣрными соратниками, теперь свирѣпствуютъ другъ противъ друга и противъ владѣтельнаго дома, пока не истребленъ весь царскій родъ и всѣ они одинъ за другимъ не сошли въ могилу. Вотъ распалось міровое царство великаго Александра, а изъ его развалинъ возникли новыя царства.

Въ златѣ и пурпурѣ возсѣдаютъ на своихъ тронахъ цари эллинскаго происхожденія; восточная пышность окружаетъ ихъ и униженное искусство рабски пресмыкается у ихъ ногъ. Но греческій геній подъ ихъ покровительствомъ вступаетъ на новое поприще; въ области серьезной науки онъ приводитъ къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, которыя украшаютъ общественную жизнь и открываютъ уму новые, невѣдомые дотолѣ міры. Впереди неутомимыхъ изслѣдователей стоитъ почтенный старецъ. Онъ держитъ въ рукахъ книжный свертокъ и карту, и какъ высокій умъ его обнимаетъ землю и небо, такъ онъ, кажется, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ современныя ему знанія и возноситъ надъ прочими народами славу эллиновъ въ области науки, въ то время, какъ ихъ политическое могущество уже совершенно надломлено. Однако, этотъ великій дѣятель не единственный въ мірѣ науки. Преемники его въ своихъ изслѣдованіяхъ доходятъ до не менѣе удивительныхъ результатовъ. Они производятъ сооруженія, увеличивающія удобства жизни и содѣйствующія роскоши: корабли, дворцы, маяки, а также военныя машины и другія искусственныя орудія. Они отъ одного открытія въ мірѣ природы приходятъ къ другому и собираютъ научныя сокровища, которыя оставались непонятными въ продолженіе тысячелѣтій, но, наконецъ, были оцѣнены по достоинству и послужили основой новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Вотъ, любезный читатель, въ основныхъ чертахъ то, что мы пытаемся представить вамъ въ образѣ и словѣ. Пусть это введеніе побудитъ васъ съ участіемъ отнестись къ нашимъ стремленіямъ. Вѣдь мы преподносимъ вамъ не сказки для легкой, праздной забавы, но истину, которой учитъ исторія, истину, которая такъ же скрыта подъ туманнымъ покровомъ миѳическихъ и баснословныхъ временъ, какъ ярко и опредѣленно она представляется въ событіяхъ, засвидѣтельствованныхъ исторіей.

ВИДЪ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ И БОСФОРЪ (РИСУНОКЪ СЪ ФОТОГРАФІИ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБОЗРѢНІЕ СТРАНЫ И НАРОДОВЪ ЭЛЛАДЫ

СТРАНА ЭЛЛИНОВЪ

ПУТЬ изъ Россіи въ Грецію идетъ по Черному морю, которое древніе называли Понтомъ Эвксинскимъ, т.-е. моремъ гостепріимнымъ, —украшающій и довольно снисходительный эпитетъ, которымъ греки эвфимистически хотѣли обозначить его, какъ не гостепріимное, ибо уже тогда моряки боялись его изъ-за его бурь и сильнаго волненія. Слѣдуя къ югу по извилинамъ его большею частью плодоносныхъ и красивыхъ береговъ, которые, правда, утра-

тили много изъ своихъ прелестей подъ владычествомъ османовъ, вскорѣ можно увидѣть, какъ поднимаются отроги Гэма (Балканскихъ горъ), доставляющіе мореплавателямъ живописные виды разнообразнаго рода. Особенно живописно то мѣсто, гдѣ берега Малой Азіи выдвинулись, какъ бы съ намѣреніемъ запереть Понтъ. Здѣсь близко сталкиваются берега двухъ частей свѣта, оставляя промежъ себя проливъ, Босфоръ, ширина котораго во многихъ мѣстахъ не превышаетъ 500 шаговъ. Чудный путь по синимъ водамъ спокойно несущаго свои волны пролива! Справа Европа, слѣва богатая пальмами Азія и издали, въ солнечномъ сіяніи, блистаютъ уже золотой полумѣсяцъ и причудливыя очертанія куполовъ Айи-Софіи (Софійской мечети).

Вотъ показываются одни за другими куполы, минареты, кіоски и дворцы, живописно утонувшіе въ тѣнистой зелени фиговыхъ и фисташковыхъ садовъ. Передъ нами Стамбулъ (или Константинополь), называемый на образномъ языкѣ Востока „блескомъ щеки мірового лица". Здѣсь мы впервые знакомимся съ эллинами. На этомъ мѣстѣ заложена была ими въ древности одна изъ ихъ значительнѣйшихъ колоній, многолюдная, цвѣтущая торговлей Византія, посылавшая свои нагруженные корабли до далекихъ киммерійцевъ на берегу Меотійскаго болота (Азовскаго моря).

Проливъ отсюда расширяется настолько, что на картѣ кажется озеромъ. Эти воды греки называли Пропонтидой (теперь Мраморное море); по берегамъ ими были основаны различныя колоніи.

Поспѣшимъ теперь на всѣхъ парусахъ къ Геллеспонту (Дарданельскому проливу), гдѣ оба материка въ послѣдній разъ сближаются до 12 миль (84 версты) разстоянія.

Замѣчательные города и городки расположены были по обѣимъ сторонамъ пролива, частью основанные греками, частью по крайней мѣрѣ проникшіеся духомъ эллинизма, и игравшіе роль въ исторіи. Теперь только развалины обозначаютъ мѣста ихъ. Миновавъ Перинѳъ, затѣмъ рейдъ Эгоспотами (къ югу отъ нынѣшняго Галлиполли), мы видимъ на той сторонѣ, въ Малой Азіи, деревню Лампсаки, неподалеку отъ древняго Лампсака; наконецъ, направо замѣчаемъ Сестъ, налѣво Абидъ, оба знаменитые любовью Леандра и Геры еще болѣе, нежели мостомъ персидскаго царя Ксеркса. Вотъ мы огибаемъ ѳракійскій Херсонесъ, замы-

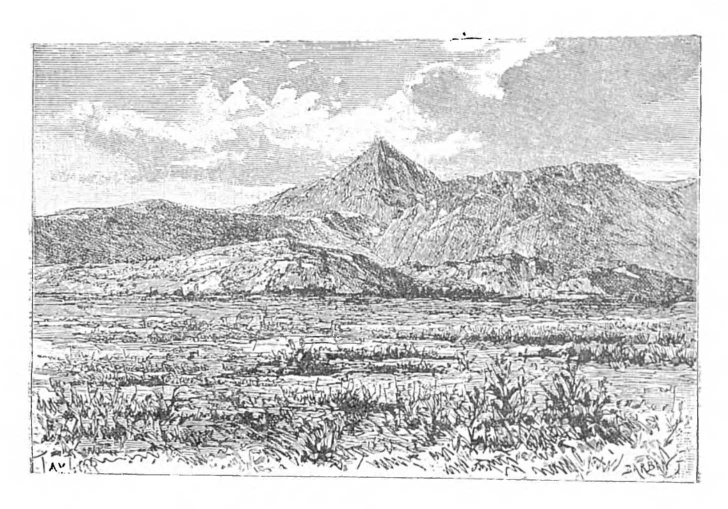
кающій проливъ съ европейской стороны. Насъ принимаетъ Эгейское море, и волны его несутъ насъ вдоль берега далѣе на западъ. При устьѣ Неста находилась Абдера, извѣстная глупостью своихъ жителей, и недалеко отсюда поднимается островъ Ѳасосъ, представлявшій нѣкогда, вслѣдствіе богатыхъ золотыхъ рудниковъ своихъ, предметъ страстныхъ желаній и многихъ войнъ. Прежде чѣмъ объѣхать мысъ Аѳонъ, мы минуемъ устье Стримона, откуда недалеко вглубь страны до того мѣста, гдѣ возвышался Амфиполь подъ покровительствомъ Аѳинъ. Не менѣе значительными были города Олинѳъ и Потидея на южномъ полуостровѣ Халкидикѣ.

Попутный сѣверный вѣтеръ мчитъ насъ по Ѳермейскому заливу къ берегу, надъ которымъ возвышаются громады горныхъ цѣпей. Только одна долина спускается здѣсь къ морю, и приноситъ ему стекающія внизъ съ обѣихъ сторонъ воды: это знаменитая, столько разъ воспѣтая, Темпейская долина, орошаемая Пенеемъ, обвѣваемая лаврами, олеандрами и предревними рощами. Теперь мы въ Ѳессаліи, самой сѣверной изъ трехъ главныхъ частей, составляющихъ прославленную страну эллиновъ.

Вся Греція покрыта горами, большею частью суровыми; съ трехъ сторонъ она омывается моремъ, которое безчисленными бухтами и глубоко врѣзывающимися заливами далеко вдается внутрь страны, какъ бы желая повсюду подать пути торговлѣ и промышленности. Къ сѣверу отъ береговъ рѣки Пенея уступами громоздятся горы, наиболѣе высокія вершины которыхъ большую часть года опоясаны облаками и покрыты снѣгомъ. На ихъ неприступныхъ туманныхъ высотахъ, по прелестнымъ миѳамъ греческой древности, помѣщались жилища блаженныхъ боговъ. Тамъ безсмертные держали совѣтъ о судьбахъ людей; тамъ услаждали они свои пиры нектаромъ и амброзіей и внимали пѣнію музъ и киѳарёда Феба-Аполлона.

Начиная съ Ѳермейскаго залива, цѣпь Олимпа и Камбунскихъ горъ тянется на западъ вплоть до горъ Пинда-съ которыми сталкивается почти подъ прямымъ угломъ. По ту сторону горнаго узла она тянется далѣе подъ названіемъ Линкскихъ (рысьихъ) горъ (теперь Лингонскія горы) и оканчивается у Іонійскаго моря Акрокеравнскимъ мысомъ. Всѣ эти

горы, какъ и къ югу идущая цѣпь Пинда, отдѣляющая Ѳессалію отъ западнаго Эпира, извѣстны только въ главныхъ направленіяхъ. Рѣдко онѣ посѣщались любознательными и достаточно свѣдущими путешественниками. Ихъ развѣтвленія, лабиринтъ смѣняющихся высотъ и долинъ, живописныхъ скалъ и глухихъ ущелій большей частью еще не изслѣдованы. А, конечно,

ГОРА ОССА (РИСУНОКЪ СЪ ФОТОГРАФІИ).

онѣ не уступаютъ Альпамъ съ романтической точки зрѣнія; но хаотически нагроможденныя скалы, страшныя пропасти, шумные водопады, скрытыя озера, поляны, представляющія роскошные ковры зелени, какъ бы расшитые фіалками и анемонами, и альпійскія розы на снѣжныхъ вершинахъ—все это услаждало взоры однихъ лишь уединенныхъ пастуховъ и любящихъ приключенія паликаровъ, и они ни о чемъ этомъ не разсказали литературному міру.

Далѣе, къ югу отъ Пинда, отдѣляется цѣпь горъ Ѳ ѳ р и с с к и х ѣ и идетъ на востокъ, къ Эгейскому морю, замыкая Ѳессалію съ юга. Вся эта область представляетъ обширную, со всѣхъ сторонъ окруженную высокими горами долину, съ сильно развѣтвленной рѣчной системой. Узость долины, дающей стокъ главной

рѣкѣ, Пенею, на крайнемъ сѣверо-востокѣ, между крутыми склонами Оссы и Олимпа, массы стоячей воды въ низменностяхъ привели уже въ древности къ мнѣнію, что Ѳессалія первоначально была бассейномъ громаднаго озера, и зародили миѳъ, будто потрясатель земли Посидонъ создалъ узкое Темпейское ущелье и превратилъ страну такимъ образомъ въ плодородную равнину. Еще и теперь въ низменномъ центрѣ области скопляется озеро Бебейское, водамъ котораго нѣтъ стока въ море.

Жители этой области никогда въ исторіи эллинскаго народа не играли важной роли, хотя они славились своей страшной для враговъ конницей, которая давала союзнымъ силамъ немалый перевѣсъ въ битвахъ. Роскошныя пастбища въ обширныхъ долинахъ и равнинахъ благопріятствовали коневодству.

Поэтому преданіе сюда помѣщаетъ мѣстопребываніе кентавровъ, изображавшихся въ скульптурѣ полулюдьми, полуконями. Болѣе древній миѳъ повѣствуетъ о могучихъ дѣтяхъ земли, гигантахъ, пытавшихся нагромоздить Оссу на Пеліонъ, чтобы завладѣть жилищемъ боговъ, пока они не были поражены молніей тучесобирателемъ Зевсомъ. Въ историческія времена страну эту мы находимъ уже раздѣленной между многими племенами—магнетами, ахейцами Фтіотиды, малійцами, долопами и другими, которые, однако, всѣ болѣе или менѣе находились въ зависимости отъ Ѳессаловъ. Послѣдніе, по преданію, пришли изъ эпирской Ѳеспротіи, частью оттѣснили, частью покорили себѣ древнія пеласгическія племена и поселились на плодоносныхъ поляхъ на Пенеѣ, называвшихся въ то время Эолидой. Отъ горнаго узла съ Ѳриссксими горами Пиндъ направляется болѣе на юго-востокъ; а на востокъ онъ шлетъ третій горный хребетъ, Эту, котораго суровыя, частью совершенно лишенныя растительности громады отдѣляются отъ моря знаменитымъ Ѳермопильскимъ ущеліемъ. Рѣка Сперхій катитъ здѣсь свои воды къ Малійскому заливу. Въ плодородной области ея низовья, до богатыхъ, хорошо обработанныхъ южныхъ склоновъ Ѳриссхихъ горъ жили малійцы и другія племена эллинскаго происхожденія и съ эллинскими нравами, привыкшіе также сражаться въ тяжеломъ вооруженіи. Западные ихъ сосѣди, дикіе, воинственные обитатели Эты, были родственны эпиротамъ и этолянамъ.

Вся область по теченію Сперхія причисляется къ Элладѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова; но собственно послѣдняя начинается лишь по ту сторону Эты. Тамъ Эллада; тамъ, преимущественно въ восточной части, колыбель культуры, того, что во всѣ времена считается прекраснымъ и превосходнымъ. Тутъ намъ нужно дольше остановиться.

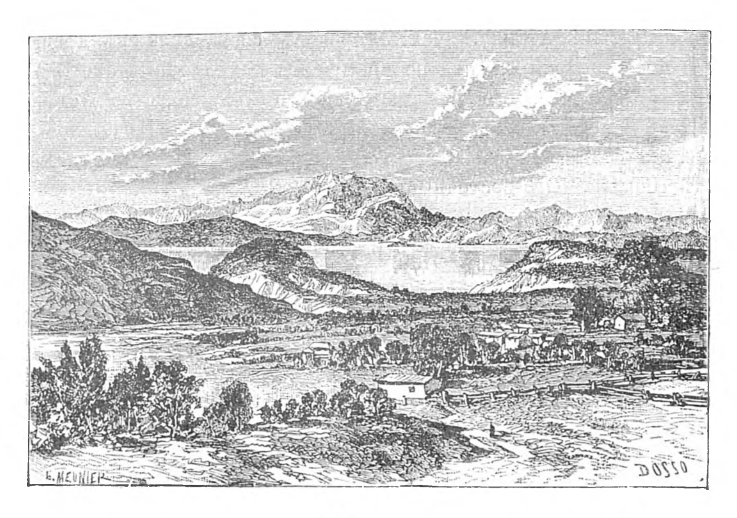
Громадная горная цѣпь Пинда раздѣляется здѣсь на двѣ вѣтви, изъ коихъ юго-западная, состоящая изъ суроваго Коракса и Аракинѳа, у мыса Антиррія, достигаетъ Коринѳскаго залива, другая же, образуемая двухвершиннымъ Парнассомъ, Геликономъ, Киѳерономъ и Гиметтомъ, достигаетъ Эгейскаго моря у аттическаго мыса Сунія. Третій, менѣе значительный горный хребетъ идетъ вдоль морского берега. Изъ его высотъ извѣстнѣйшія: Парнесъ и богатый мраморомъ Пентеликъ.

Самою западною изъ областей, причислявшихся къ Элладѣ въ собственномъ смыслѣ, была Акарнанія. Она включала въ себѣ мѣстности отъ Амбракійскаго залива до Іонійскаго моря на югѣ. По всей области проходятъ невысокія горы, оставляя еще мѣсто довольно обширнымъ равнинамъ и низменностямъ. Акарнанцы, бывшіе немногимъ цивилизованнѣе своихъ эпирскихъ сосѣдей и не связанные національнымъ союзомъ, никогда не получали значенія въ греческой исторіи. Границу на востокѣ образуетъ рѣка Ахелой, самый длинный и многоводный потокъ Греціи, вытекающій далеко на сѣверѣ изъ ущелій Пинда. Граничащая на востокѣ съ Акарнаніей Этолія имѣетъ почти такую же природу, только горы ея выше и суровѣе, а обитатели ея, также разбитые на незначительныя племена, по городкамъ и селамъ, играли нѣсколько замѣтную роль, по крайней мѣрѣ, во время переселенія дорянъ и послѣ, когда звѣзда Греціи стала клониться къ закату. Они дольше всѣхъ отстаивали свою въ своихъ горахъ свободу.

Иначе обстояло дѣло въ крошечной, съ сѣвера ограниченной Этой, Доридѣ, родинѣ могучаго дорійскаго племени, въ раздѣленной на три части Локридѣ и въ Фокидѣ, заключающей Парнассъ, Кастальскій источникъ, Дельфы съ ихъ святилищами и Криссейскія поля. Тутъ была эллинская жизнь, эллинскіе нравы и законы. Впрочемъ, и эти народы никогда не

достигали такого политическаго значенія, чтобы вліять на судьбы всей Эллады.

Наоборотъ, большимъ значеніемъ пользовалась Беотія, и въ очень раннія и въ позднѣйшія времена; главный городъ ея Ѳивы стоялъ одно время впереди всѣхъ греческихъ государствъ. Беотія простиралась отъ Эвбейскаго пролива (Эврипа) до Коринѳскаго залива и на югѣ отдѣлялась отъ Аттики горнымъ хребтомъ

ВИДЪ ПАРНАССА СЪ АХЕЙСКАГО БЕРЕГА (СЪ ФОТОГРАФІИ).

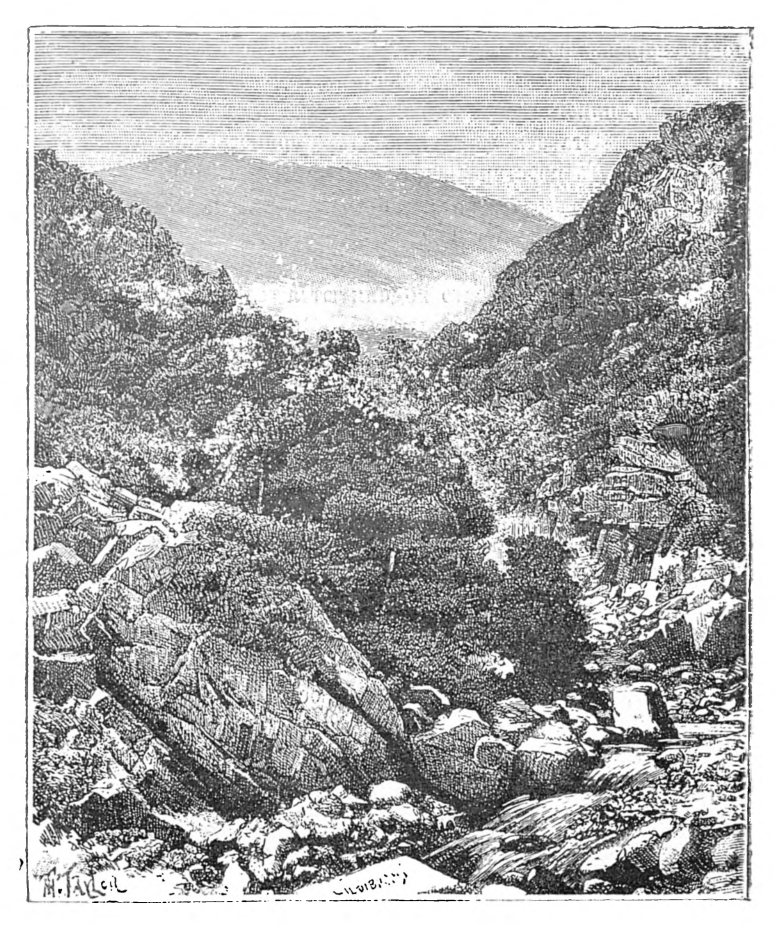
Киѳерона и Парнеса. Вдоль этихъ горъ протекаетъ Асопъ и несетъ воды южной части Беотіи къ Эвбейскому проливу; воды же сѣверныхъ мѣстностей скопляются въ значительное озеро Копаиду, такъ какъ Птойскія возвышенности заграждаютъ имъ путь къ берегу. Здѣсь, какъ еще и въ другихъ мѣстахъ Греціи, вода промыла себѣ подземный выходъ въ известковыхъ горныхъ породахъ, а также и рука человѣка создала подземные водосточные каналы; однако и этихъ „катавоѳръ" недостаточно для осушенія озера. Страна эта съ пышными пастбищами и плодоносными полями лежитъ въ видѣ котловины между болѣе или менѣе высокими горами, отъ которыхъ спускаются расщелины и рѣки въ низменность. Кромѣ выше названнаго Асопа

замѣчательна фокидская рѣка Кефисъ, текущая по глубокому болоту къ сѣверовосточному углу озерной долины, гдѣ она исчезаетъ въ самой значительной изъ катавоѳръ, по которой воды ея стекаютъ въ Фокейскій заливъ, глубоко врѣзающійся въ страну. На югѣ возвышается въ мягкихъ формахъ Геликонъ, считавшійся священнымъ мѣстомъ рожденія девяти музъ; на немъ въ изобиліи произрастали цѣлебныя травы. На границѣ расположенъ былъ скалистый, суровый Киѳеронъ, крутые проходы котораго ведутъ въ Аттику. Десять городовъ составляли въ древности благоустроенный, хотя по временамъ и непрочный беотійскій союзъ. Во главѣ его стояли Ѳивы; но также и Орхоменъ, Платея, Ѳеспіи, Коронея, Херонея и Левктры прославились блестящими подвигами своихъ гражданъ или какъ сцена достопамятныхъ событій. Юго-восточный полуостровъ Эллады занятъ Аттикой, которая граничитъ на сушѣ съ Беотіей и крошечной Мегарой, съ прочихъ же сторонъ омывается Эвбейскимъ, Эгейскимъ и Сароническимъ морями. Различныя возвышенности, связанныя съ Киѳерономъ, проходятъ по этой области. Сюда принадлежитъ скалистый Парнесъ, Пентеликъ, хранящій въ своихъ нѣдрахъ, какъ уже сказано, богатыя мраморныя ломки, Лаврій, со значительными серебряными рудниками, и Гиметтъ, пряныя травы котораго питаютъ многочисленные рои пчелъ. Всѣ эти горные хребты недостаточно велики и лѣсисты, чтобы дать начало значительнымъ потокамъ и рѣкамъ. Поэтому Аттика, страна гористая, скудно орошенная Кефисомъ и Илиссомъ, изобилуетъ однако фигами, маслиной и медомъ. За то всѣ города и села, изъ которыхъ мы назовемъ лишь Элевсинъ на западѣ и Мараѳонъ на востокѣ, близъ Эвбейскаго пролива, находились въ крѣпкой свободной связи гражданства со столицей, славой вѣнчанными Аѳинами. И это было источникомъ той любви къ родинѣ, геройской доблести и духа свободы, благодаря которымъ небольшое государство впослѣдствіи стало главой Союза, бывшаго въ состояніи противостать и близкимъ, и дальнимъ народамъ, и пріобрѣвшаго неувядаемую славу на страницахъ исторіи, какъ великими подвигами, такъ и произведеніями благороднѣйшаго искусства. Да и природа, хотя даровавшая Аттикѣ небольшое плодородіе, за то снабдила ее большими преимуществами. Воздухъ здѣсь здоровъ и подкрѣпляющаго свойства; небо

ГРЕЦІЯ
и
БЕРЕГА ЭГЕЙСКАГО МОРЯ
Масштабъ
Стадіи
Эллинскія племена:
Эолійцы
Іонійцы
Дорійцы
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
MACEDONIA
THRACIA
ILLYRIA
EPIRUS
THESSALIA
HELLAS
PELOPONNESUS
PHRYGIA AD HELLESPONTUM
MYSIA
LYDIA
CARIA
IONIA
AEOLIS
DORIS
CRETA
Mare Thracicum
Mare Aegaeum
Mare Ionium
Mare Myrtoum
Mare Creticum
Mare Carpathium
Propontis
CYCLADES
SPORADES
Sinus Corinthiacus
Sinus Strymonicus
Sinus Thermaicus
Sinus Argolicus
Lemnus
Lesbus
Chius
Samus
Rhodus
Naxus
Andrus
Scyrus
Samothrace
Imbrus
Thasus
Corcyra
Cephallenia
Zacynthus
Cythera
Carpathus
ATHENAE
Thebae
SPARTA
Olympia
Delphi
Corinthus
EPHESUS
Miletus
SARDES
Pergamum
Abdera
Amphipolis
Pella
Apollonia
Nicopolis
Gortina
Cnossus
20
22
24
26
28
40
38
36

блистаетъ ясностью, а скалистые берега чудными цвѣтными переливами выступаютъ изъ темносиняго моря; округленныя высоты Гиметта вечеромъ и утромъ кажутся какъ бы облитыми пур-

УЩЕЛЬЕ ВЪ ЭРИМАНѲСКИХЪ ГОРАХЪ (РИСУНОКЪ СЪ НАТУРЫ).

пуромъ отъ красныхъ цвѣтковъ тимьяна, ихъ покрывающаго. Рѣзкій контрастъ съ этимъ представляютъ темный, лѣсистый Пенteликъ и суровый, въ 1413 метровъ вышиной, Парнесъ, на

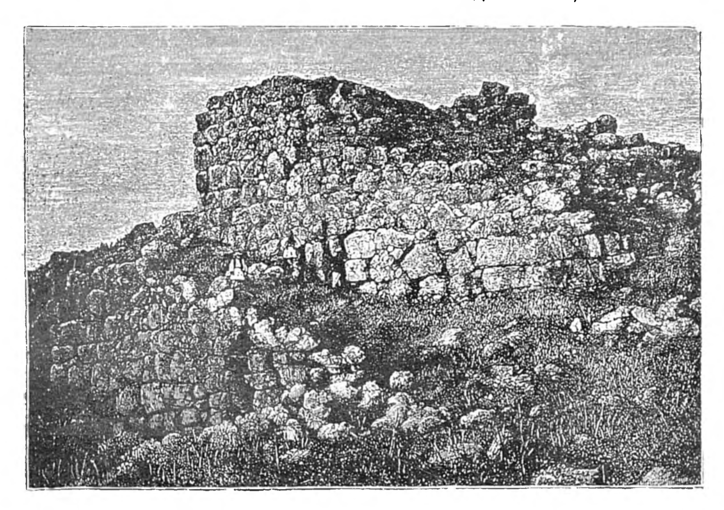
которомъ громоздятся въ дикихъ массахъ одна на другой поднимающіяся скалы.

Такова была и есть та почва, на которой нѣкогда возвышались Аѳины въ блескѣ своихъ мраморныхъ храмовъ, гдѣ онѣ еще и теперь являются внушающими уваженіе своими развалинами и интересными по новымъ сооруженіямъ. Съ этимъ величіемъ и великолѣпіемъ никогда не могло сравняться сосѣднее государство Мегарида. Эта земелька занимала Коринѳскій перешеекъ, и такимъ образомъ простиралась отъ Коринѳскаго до Сароническаго залива и въ то же время заключала въ себѣ обнаженныя крутизны Гераніи и Оніи.

Перейдемъ теперь черезъ высоко лежащій Коринѳскій перешеекъ, на сѣверѣ котораго поднимаются только что упомянутыя скалистыя высоты Гераніи, а на югѣ—Онійскія, и мы въ Пелопоннессѣ, самой южной главной части Греціи. Горы, стѣснившіяся на Истмійскомъ перешейкѣ, расходятся въ различныхъ направленіяхъ по всему полуострову. Одна цѣпь, Акрокоринѳскія горы, охвативъ Коринѳскую цитадель, идетъ на западъ и отдѣляетъ Ахайю отъ Аркадіи. Съ Акрокоринѳа, какъ и съ мощныхъ вершинъ Килленскихъ горъ, взоръ по сушѣ и по морю достигаетъ до еще болѣе высокаго Парнасса. Эриманѳскія горы образуютъ горный узелъ, ибо здѣсь соединяется цѣпь горъ, какъ бы перепрыгивающихъ съ сѣвера заливъ, съ цѣпью, идущей на западъ. Еще до ихъ соединенія хребетъ, стремящійся съ сѣвера на югъ, поднимается въ Панахаикѣ до значительной высоты, въ своемъ продолженіи составляетъ границу между Элидой и Аркадіей, называется затѣмъ Ликеемъ, а въ Лаконіи, гдѣ поднимаются самыя суровыя и высокія вершины его, Тайгетомъ, и, наконецъ, мысомъ Тенаромъ врѣзывается въ море. Третья горная вѣтвь идетъ отъ Исѳма прямо на югъ. Извѣстнѣйшая часть ея въ Лаконіи называется Ѳорнакомъ, и ея продолженіе оканчивается опаснымъ для мореплавателей мысомъ Малеа.

Что касается различныхъ государствъ и городовъ Пелопоннесса, то богатый въ силу своей торговли Коринѳъ со своей областью занималъ большую часть Исѳма. Гавани его Лехей и Кенхреи благопріятствовали торговымъ сношеніямъ на двухъ сосѣднихъ моряхъ. Сикіонъ на западѣ господствовалъ надъ частью плодородной равнины, простирающейся почти до Коринѳа.

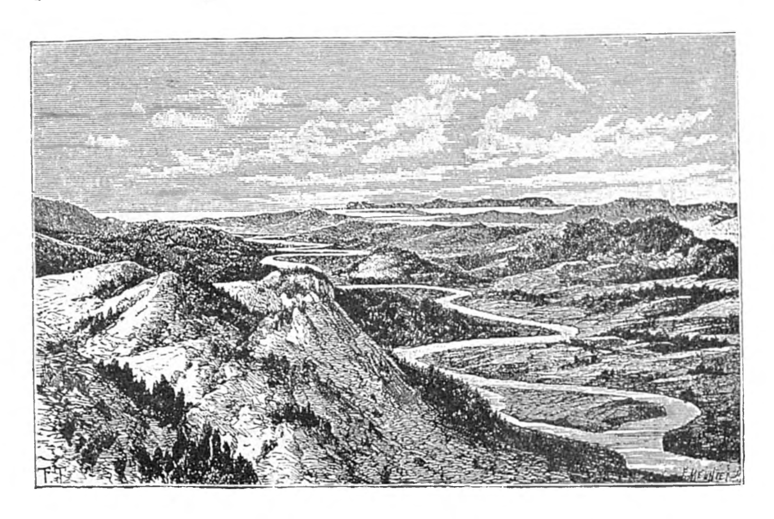
Къ югу и къ востоку расположено было нѣкогда могущественное Аргосское государство. Самый городъ Аргосъ, лежавшій недалеко отъ незначительной рѣчки Инаха, въ началѣ греческой исторіи былъ главой аргосскаго союза, къ которому принадлежали: Микены, Тиринѳъ, Эпидавръ, Трёзенъ и другіе города. Во владѣніи его были также частью плодоносныя, частью бо-

СТѢНЫ ТИРИНѲА (РИСУНОКЪ СЪ НАТУРЫ).

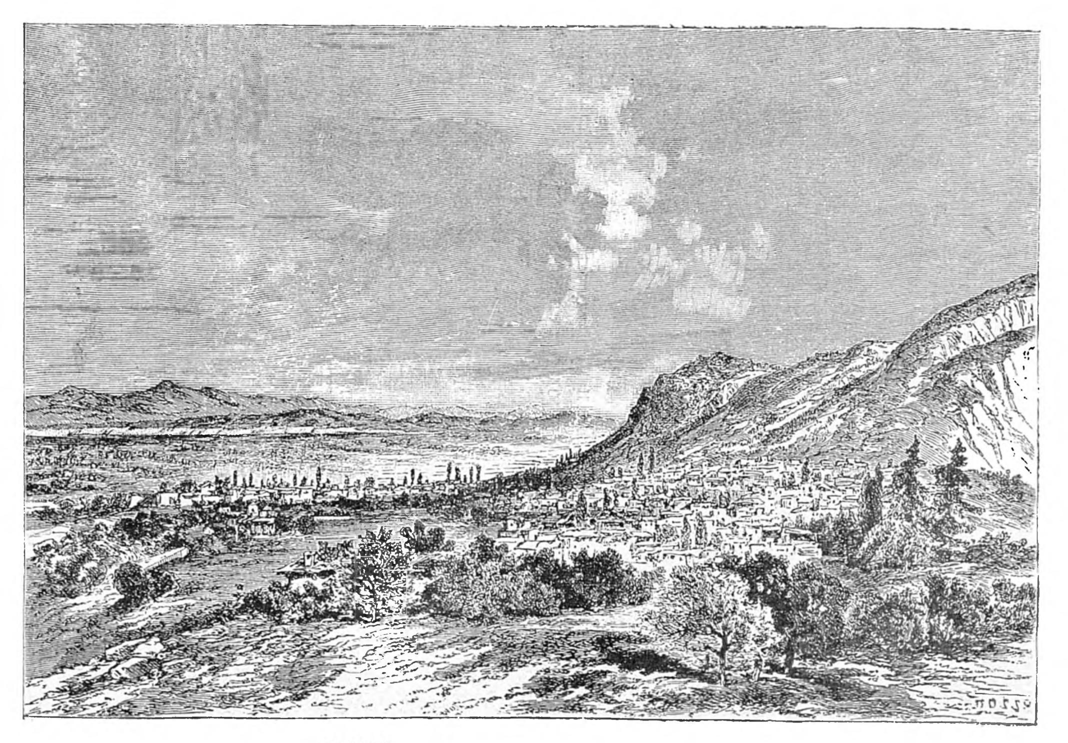
лотистыя равнины и низменности, которыя тянутся вдоль извилистыхъ береговъ Аргосскаго залива. Въ древнѣйшее героическое время Тиринѳъ, расположенный на востокъ отъ Аргоса на скалистой возвышенности, имѣлъ первенствующее значеніе. Его обводныя стѣны, сложенныя изъ необтесанныхъ каменныхъ глыбъ толщиной отъ 10 до 18 метровъ, мѣстами еще сохранились и выступаютъ какъ суровыя скалы. Во времена троянской войны, по преданію, первое мѣсто на полуостровѣ занимали Микены, такъ какъ ихъ властитель былъ всѣми собравшимися героями признанъ верховнымъ главою. Этому значенію соотвѣтствовали блескъ и богатство, окружавшіе царя и его городъ. Тройная обводная стѣна, частью сложенная изъ грубыхъ каменныхъ глыбъ, частью искусно сооруженная изъ обтесанныхъ

плитъ, служила оплотомъ. Царскій дворецъ и сокровищница или могильный склепъ изнутри обиты были блестящими металлическими листами. Все это покоится теперь въ глубокой лѣсной глуши, напоминая собой спутнику о пышности и великолѣпіи временъ минувшихъ.

ДОЛИНА АЛФЕЯ (РИСУНОКЪ СЪ НАТУРЫ).

Отъ узкой южной границы Арголиды начинается Лаконія, подвластная всѣмъ своимъ пространствомъ и со всѣмъ населеніемъ своихъ городовъ, деревень и дворовъ могущественной столицѣ Спартѣ. Власть этого города, не защищеннаго вовсе стѣнами и представлявшаго собственно только соединеніе пяти открытыхъ деревень, была однако неограничена въ этой области. Весь юговосточный берегъ Пелопоннесса, цѣпь Ѳорнака до мыса Малеи, богатая долина Эврота, текущаго въ низовьяхъ по плодоноснымъ равнинамъ, могучія высоты и дикія ущелья Тайгета—все это несло свою дань воинственнымъ и гордымъ спартанцамъ; мало того, послѣдніе покорили себѣ даже западныхъ сосѣдей, мессенянъ, сломили ихъ города Анданію и Стениклиръ, ихъ твердыни Иѳому и Иру и распространили свое господство до Іонійскаго моря.

ДОЛИНА ЭВРОТА. РИСУНОКЪ СЪ НАТУРЫ ТАКЕЛЬБЕРГА.

Теперь, идя постепенно на сѣверъ, взглянемъ на мѣстности, лежащія между Эриманѳскимъ и Ликейскимъ горными хребтами и Іонійскимъ моремъ. Область трифилійцевъ и округъ Писатида, въ которыя мы, прежде всего, вступаемъ, въ историческое время стояли въ большей или меньшей зависимости отъ сѣверной Элиды. Рѣка Алфей, вытекающая изъ Аркадіи, имѣетъ свои устья въ Писатидѣ и орошаетъ богатыя, хорошо обработанныя равнины, въ особенности знаменитую Олимпійскую равнину. Не менѣе плодоносны поля вокругъ элейской рѣчки Пенея. Напротивъ, примыкающая на сѣверѣ къ Коринѳскому заливу Ахайя, двѣнадцать городовъ которой находились другъ съ другомъ въ политическомъ союзѣ, прорѣзана горами и не такъ одарена природой.

Аркадія, область, занимающая середину Пелопоннесса, есть вполнѣ суровая горная страна. Воды ея частью въ Алфеѣ и Эвротѣ текутъ къ морю, частью собираются въ небольшія озера или низвергаются въ ущелья и пропасти, гдѣ онѣ создаютъ себѣ подземный истокъ. Вблизи города Фенея, въ сѣверной части области, пѣнится ручей Стиксъ между утесовъ и подводныхъ камней. Мѣстность эта такъ мрачна, что именемъ этого ручья назвали рѣку въ подземномъ царствѣ, черезъ которую угрюмый Харонъ перевозитъ странствующія души. Также и Стимфальскія болота были извѣстны въ древности, какъ печальныя пустыни. Въ западной части области пастушескія племена пасли свои стада; въ восточныхъ мѣстностяхъ, напротивъ, существовало городское устройство, и Тегея и Мантинея по временамъ достигали даже значительнаго могущества.

Греція, въ описанныхъ нами размѣрахъ, достигаетъ приблизительно площади королевства Португаліи; но ея вліяніе, языкъ, нравы и населеніе простирались далеко за предѣлы этой страны. Ея колоніи населили Южную Италію и Сицилію и процвѣтали по всему побережью Малой Азіи. Мы уже познакомились съ таковыми на Босфорѣ, на Пропонтидѣ и на Геллеспонтѣ; но онѣ распространялись и на Понтѣ Эвксинскомъ до Мэотійтскаго болота (Азовскаго моря).

Въ особенности причислялись къ Элладѣ и всегда были съ нею въ сношеніяхъ острова Эгейскаго моря—Киклады, т. е. въ кругу расположенные. Среди нихъ, плодородіемъ почвы, отлич-

нымъ состояніемъ земледѣлія и морской торговлею знамениты были цвѣтущіе острова Андросъ, Теносъ и еще больше Наксосъ, богатый виномъ и маслиной, колыбель Діониса. Здѣсь онъ заступился за покинутую всѣми Аріанду и съ нею вознесся на Олимпъ, послѣ того какъ обошелъ вмѣстѣ съ нею побѣдоносно землю.

По промышленности и торговлѣ, выдающимся былъ островъ Паросъ; хотя его мраморъ, ослѣпительной бѣлизны, вошелъ въ употребленіе лишь въ позднѣйшее время, островъ этотъ уже рано получилъ значеніе, благодаря храбрости его обитателей и крѣпкимъ стѣнамъ главнаго своего города. Напротивъ него лежитъ мало воздѣланный, безплодный островокъ, теперешній Антипаросъ. На немъ замѣчательный сталактитовый гротъ, о которомъ не упоминаетъ, однако, ни одинъ греческій писатель. Повидимому, трудность доступа пугала посѣтителей, и они не проникали внутрь грота. Между тѣмъ, вѣроятно, во времена македонскаго владычества, пещера была изслѣдована, такъ какъ на это указываютъ различныя греческія надписи, и такъ какъ по древнему, правда ничѣмъ не обоснованному сказанію, часть этого грота названа по имени македонскаго полководца Антипатра, который бѣжалъ сюда, обвиненный въ цареубійствѣ. Кто отваживается при помощи лѣстницъ и по крутымъ склонамъ спуститься въ глубину пещеры, тому открывается внизу волшебный міръ чудесъ. Факелы проводниковъ освѣщаютъ соборъ въ 56 метровъ вышины. Предъ вами открывается міръ духовъ — джиннистанъ восточныхъ сказокъ; стѣны, столбы, цвѣты, пирамиды, точно изъ яшмы, порфира и алебастра, тысячами отблесковъ отражаютъ свѣтъ, бросаемый факелами. Въ серединѣ возвышается пирамида въ 7 метровъ высоты, на подобіе исполинскаго камнерастенія. Ее называютъ жертвенникомъ.

Кикладскіе острова расположены вокругъ небольшого островка Делоса, который, какъ мѣсто рожденія Аполлона и Артемиды, считался священнымъ. Тамъ же находился храмъ обоихъ божествъ и въ честь ихъ на незначительномъ въ другихъ отношеніяхъ островѣ отправлялись торжественныя празднества, тѣснѣе связывающія іонійскихъ грековъ между собой. Естественно замыкается эта группа острововъ обширнымъ Критомъ, составлявшимъ нѣкогда могущественное морское государство; по миѳу, царь его

Миносъ послѣ смерти былъ однимъ изъ трехъ судей подземнаго царства. Также и Спорады, т.-е. разсѣянные острова, лежащіе ближе къ азіатскому берегу, поддерживали связь и сношенія съ прославленной родиной; Самосъ, важнѣйшій островъ этой группы и вполнѣ эллинскій по языку и устройству, обладалъ нѣкогда значительнымъ морскимъ могуществомъ. Еще далѣе къ югу, между Критомъ и азіатскимъ берегомъ, встрѣчаемъ Родосъ. Цѣлыя столѣтія этотъ островъ не имѣлъ никакого значенія; но когда уже вся остальная Эллада пришла въ упадокъ и подчинилась чужеземному игу, тогда маленькій Родосъ поднялся до высокой степени могущества.

Всѣ земли, граничащія съ Сицилійскимъ, Іонійскимъ, Эгейскимъ морями и болѣе сѣверными водами, или были населены греками, или все-таки стояли подъ ихъ вліяніемъ. Гдѣ селились эллины, тамъ возникали цвѣтущіе города и государства съ свободнымъ гражданскимъ устройствомъ, воздвигались храмы, мраморные портики и далеко виднѣющіяся твердыни. Туземцы или перенимали черты эллинизма, или оставались безъ значенія, если имъ недоставало духовныхъ качествъ, свойственныхъ греческому народу и не допускавшихъ остановки въ развитіи.

Также къ южному берегу Галліи, затѣмъ на западъ въ Испанію и даже къ побережью жаркой Ливіи направлялись предпріимчивые эллинскіе мореплаватели, и города въ родѣ Массиліи, Сагунта и Кирены процвѣтали цѣлыми вѣками въ искусствѣ и наукахъ среди горячихъ войнъ, свидѣтельствуя о силѣ и крѣпости эллинской духовной природы.

НАРОДЪ ЭЛЛИНСКІЙ

РУДНАЯ задача — раскрыть происхожденіе древняго народа, который, какъ напримѣръ греческій, образовался и распространился въ глубокой древности, когда еще не существовало никакихъ письменныхъ памятниковъ. Правда, въ устномъ преданіи и въ пѣсняхъ сохранялись изъ рода въ родъ воспоминанія о важныхъ событіяхъ и дѣяніяхъ отдѣльныхъ вождей и племенъ; но разсказчики и пѣвцы, вдохновляемые своимъ геніемъ, одно прибавляли къ ихъ содержанію, другое исключали, такъ что невозможно уже выдѣлить изъ этихъ разсказовъ дѣйствительныя событія.

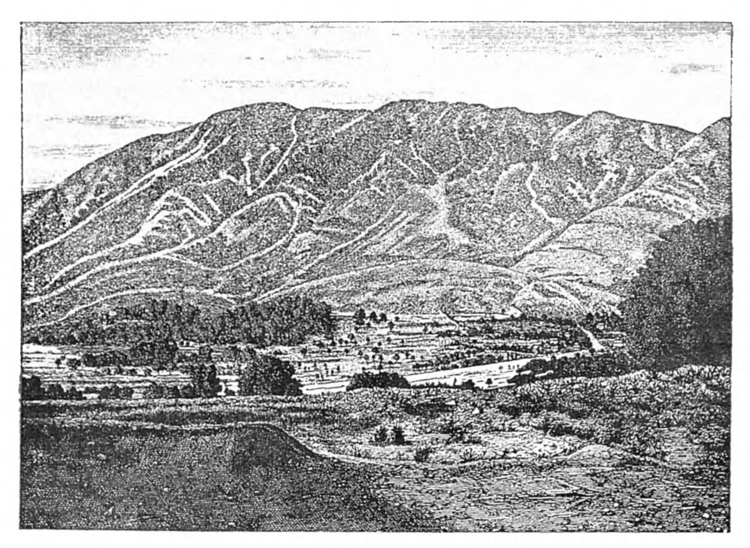
Однако, кажется несомнѣннымъ, что первобытные обитатели эллинскихъ странъ были переселенцами съ сѣвера [1]). Какъ міръ растительный съ весною покидаетъ свои почки и покровы, какъ перелетныя птицы осенью собираются стаями и тянутся вдаль, такъ и въ человѣчествѣ бываютъ времена, когда овладѣваетъ людьми какое-то безпокойство и вызываетъ ихъ съ мѣстъ жительства, изъ прежней обстановки. Людей охватываетъ

---

[1]) Напротивъ, это очень сомнительно: по антропологическимъ даннымъ, вѣрнѣе всего—съ юга *Примѣч. ред. перевода.*

надежда или можетъ быть только инстинктивное стремленіе улучшить свой бытъ, и въ силу этого побужденія они приходятъ въ движеніе, чтобы путемъ трудныхъ странствованій отыскивать дѣйствительное или воображаемое благополучіе.

Такія передвиженія народовъ происходили въ различныя времена съ возвышенныхъ площадей Средней Азіи. Тамъ, при истокахъ большихъ рѣкъ Окса и Яксарта, въ Бактріанѣ и Согдіанѣ и до долинъ Паропамиза жило многочисленное населеніе, дѣлившееся на различныя племена. Всѣ здѣсь называли себя арійцами, т. е. благородными, и въ дѣйствительности отличались благородствомъ, будучи одарены физическими и духовными преимуществами, и занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ. Повидимому, климатъ и состояніе почвы съ теченіемъ времени измѣнились, жаркіе вѣтры съ пустыни высушивали почву и, съ другой стороны, снѣжныя бури и поздніе морозы вызывали частые неурожаи. Поэтому страна не могла уже питать размножавшагося населенія, и съ тѣхъ поръ стали происходить передвиженія въ западный Иранъ или Мидію и Персію, въ Индію и даже далеко въ самую Европу. Переселенцы эти ужь не находились болѣе въ грубомъ, первобытномъ состояніи; они знали земледѣліе и законные порядки и имѣли религіозныя представленія, которыя, возникнувъ изъ неопредѣленнаго чувства о божествѣ, господствующемъ внутри человѣка, внѣ его и надъ нимъ, приняли извѣстную форму и образъ. Снабженные этими образовательными зародышами, передвигавшіеся народы разошлись по разнымъ направленіямъ. Значительная часть изъ нихъ нашли, какъ уже сказано, путь въ Европу, и тамъ распространились въ разныя времена и различными племенами. Они раздѣлились на народы Кельтскіе, которые дошли до Атлантическаго океана и заняли западныя страны, на Германскіе, выбравшіе себѣ сѣверъ и средину материка, и на Славянскіе, осѣвшіе прежде всего въ сѣверо-восточной части. Большая масса народовъ потянулась на югъ, и въ то время, какъ одна часть ея племенъ спустилась къ югу по правую и лѣвую сторону горной цѣпи Пинда и, наконецъ, нашла себѣ родину въ Греціи, другая перешла черезъ Альпы и поселилась въ Италіи. Неоспоримые слѣды первоначальнаго родства языковъ индійскихъ брамановъ, персовъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ, равно какъ

ДОЛИНА ДОДОНА, ПОЗАДИ ГОРА ТОМАРОСЪ (РИСУНОКЪ СЪ НАТУРЫ).

италиковъ и эллиновъ приводятъ насъ къ твердому убѣжденію объ общемъ происхожденіи этихъ народовъ.

Почти во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жили эллины, разсказывалось и пѣлось о пелазгахъ, народѣ, рожденномъ землею. Но древнѣйшія сказанія объ ихъ жизни и дѣяніяхъ раздавались въ горахъ и богатыхъ пастбищами долинахъ Эпира. Гдѣ высокій Томарскій хребетъ отдѣляется отъ Пинда и дикими, могучими громадами возвышается надъ ахерусійскимъ болотомъ (Памботида, теперь озеро Янинское), тамъ и въ лежавшей передъ нимъ плодоносной области была Геллопія, тамъ должна была быть первоначальная родина того сказочнаго племени. Еще теперь видны у озера рѣдкіе остатки киклопическихъ стѣнъ, окружавшихъ, вѣроятно, Додонскую рощу, святилище пелазговъ. Жреческій родъ Гелловъ или Селловъ здѣсь, по шелесту дубовъ, по журчанію источниковъ или по полету голубей, открывалъ совѣты и волю верховнаго бога. И, по преданію грековъ, славное имя эллиновъ слѣдуетъ производить отъ этого жреческаго племени Гелловъ или Селловъ, какъ и названіе грековъ мы находимъ впервые у эпирскихъ народовъ. Разсказываютъ, что

родъ Гелловъ съ многочисленными приверженцами перешелъ черезъ горный хребетъ и распространился въ Θессаліи по Пенею, гдѣ воздвигалъ лариссы, или каменныя твердыни, и гдѣ развилась его культура. Того же происхожденія были піэрійцы, священный пѣвецъ которыхъ, Орфей, по сказанію, ввелъ у Олимпа культъ музъ и сдѣлалъ сердца дикарей воспріимчивыми къ благороднымъ нравамъ. Пелазги проникли еще далѣе въ Іолкъ и Пагасы, гдѣ стали строить корабли и плавать по морю отважными пиратами. Такими искателями приключеній были рыцарскіе минійцы, родиной которыхъ было море, но которые проникли и внутрь Беотіи и утвердили свое владычество въ богатомъ городѣ Орхоменѣ. Тамъ, по преданію, они исполнили много искусныхъ сооруженій, провели и подземный каналъ для стока болотныхъ водъ Копайскаго озера. Они, по преданію, построили и сокровищницу Минія, отъ блестяще украшенныхъ стѣнъ которой еще осталось нѣсколько обломковъ. Не меньше, чѣмъ въ сѣверныхъ мѣстностяхъ, осталось различныхъ воспоминаній о нихъ и на югѣ, въ Пелопоннессѣ, особенно въ Аргосѣ и Аркадіи. Тамъ разсказывалось преданіе о Пелазгѣ, сынѣ Зевса, строившемъ гордыя твердыни, и о царѣ того же имени, родившемся въ лѣсной глуши изъ темныхъ нѣдръ земли. Такимъ образомъ, мы всюду встрѣчаемъ пелазгическій пранародъ, отъ котораго, по преданію, отдѣлились позднѣе упоминаемыя племена эолянъ, ахеянъ и іонянъ.

Что въ этихъ преданіяхъ исторически вѣрно, существовалъ ли вообще когда-либо народъ „пелазги“ и какія были его особенности, намъ теперь невозможно опредѣлить. Въ историческое время мы находимъ только одинъ цѣльный народъ эллинскій, который—хотя бы происхожденіе его имени, которымъ онъ самъ себя обозначалъ (ибо названіе „грековъ“ для этой націи происходитъ отъ римлянъ), было вполнѣ сомнительнымъ—чувствовалъ свое единство и былъ таковымъ въ языкѣ, религіи и нравахъ; главными племенами этого народа были іоняне, доряне и эоляне, изъ которыхъ однако только первые два представляли ярко выраженные племенные типы, между тѣмъ, какъ подъ названіемъ „эолянъ“, повидимому, разумѣли то, что не было ни іонійскимъ, ни дорійскимъ, смѣсь племенъ и народовъ.

Даже сухопутное переселеніе эллиновъ съ сѣвера невозможно

утверждать вполнѣ рѣшительно, хотя оно болѣе, чѣмъ вѣроятно. Пытались доказать, что переселеніе главнымъ образомъ происходило моремъ, что, значитъ, спачала была заселена эллинами Малая Азія, затѣмъ острова Эгейскаго моря и, наконецъ, материкъ. Но такъ какъ эллинскія поселенія были только по берегамъ Малой Азіи, внутри же страны обитали совершенно другіе народы, то, по всей вѣроятности, малоазійскіе эллинскіе города основаны колонистами, пришедшими съ запада изъ Эллады въ собственномъ смыслѣ.

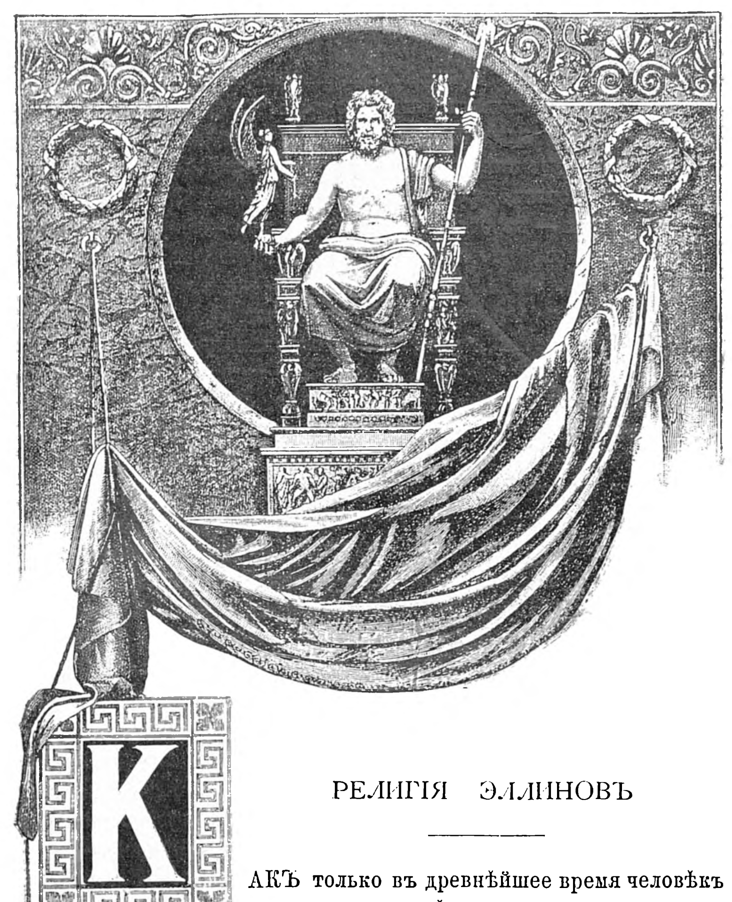
Между тѣмъ, конечно, отдѣльные переселенцы изъ другихъ странъ по морю пріѣзжали въ прекрасную страну, оказывая вліяніе на развитіе и образованіе эллинскаго народа. Прежде всего, это были финикіяне, которые, по торговымъ дѣламъ, посѣщали не только острова, но и материкъ и поддерживали дѣятельныя сношенія въ особенности съ минійцами. На побережьи они находили раковины багряники, въ горахъ—металлы; они открывали свои мастерскія, строили святилища и вступали въ живыя торговыя сношенія съ населеніемъ. Поэтому въ Орхоменѣ, Коринѳѣ и на многихъ островахъ мы находимъ слѣды финикійскаго культа. Напримѣръ, тамъ приносили человѣческія жертвы Зевсу, какъ финикіяне — Молоху; равнымъ образомъ почитали тамъ, по распутному способу этого торговаго народа, богиню любви Афродиту (Астарту). Впрочемъ, греческій геній скоро бросилъ эти низкіе обычаи и выдвинулъ, благодаря искусству и поэзіи, благородныя стороны этого культа. О финикійскихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ напоминалъ обычай въ Коринѳѣ, сохранявшійся еще долго въ историческое время, и происхожденіе котораго относилось къ волшебницѣ Медеѣ, дочери Солнца, а именно: въ храмѣ небесной богини Геры ежегодно совершали похоронное торжество. Для этой цѣли жрецы выбирали 14 красивыхъ, безупречныхъ мальчиковъ изъ знатнѣйшихъ родовъ, но не приносили ихъ въ жертву, а водили въ святилище какъ бы въ качествѣ замѣстителей дѣйствительныхъ жертвъ. Тамъ они съ коротко остриженными волосами и въ темныхъ одѣяніяхъ должны были проводить годъ въ покаяніи и плачевныхъ пѣсняхъ, послѣ чего возвращались къ своимъ семействамъ. Также и культъ Гефеста на Лемносѣ и другихъ вулканическихъ островахъ указываетъ на финикійскіе обычаи, и даже малорослый образъ этого бога, кажется, заимствованъ у гномовъ съ молотомъ и рогами

для питья, подъ которыми хорошо знакомый съ искусствомъ ковки народъ (финикіяне) представлялъ себѣ покровителей горнаго производства и обработки металловъ.

Какъ финикіяне перенесли въ Элладу свою промышленность и свои религіозныя представленія, такъ и переселенцы изъ Египта и Малой Азіи вносили съ собой зародыши образованія, которые эллинскій духъ воспринялъ въ себя и съ помощью присущей ему облагораживающей силы сдѣлалъ своимъ достояніемъ.

Изъ такихъ переселенцевъ, пріѣхавшихъ моремъ въ Элладу и поселившихся въ ней, преданіе намъ называетъ особенно четырехъ. Извѣстія о нихъ не выдерживаютъ исторической критики, но греки вѣрили имъ; поэтому мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ. Первымъ изъ этихъ чужеземцевъ-колонистовъ называютъ Кекропа. По преданію, онъ около 1550 г. до Р. Х. изъ Саиса, въ нижнемъ Египтѣ, переселился въ Аттику и насадилъ тамъ оливковое дерево, ввелъ супружество и разрозненныхъ туземцевъ сумѣлъ сблизить узами религіи, построивъ храмы и жертвенники. Немного позже явились Данай, также изъ Египта, въ Аргосъ, гдѣ онъ захватилъ власть, и Кадмъ изъ Финикіи, который основалъ Ѳивы, или, по крайней мѣрѣ, Кадмею, крѣпость въ Ѳивахъ. Спустя болѣе ста лѣтъ, Пелопъ съ богатыми сокровищами изъ Лидіи или Фригіи, въ Малой Азіи, высадился въ Пелопоннессѣ, которому онъ далъ свое имя. По другимъ же повѣствованіямъ, первые трое изъ вышеназванныхъ вождей были туземцами, которыхъ лишь позднѣйшія сказанія называли героями-переселенцами.

Но здѣсь мы вступаемъ въ миѳическій періодъ жизни эллинскаго народа и будемъ ближе изучать наиболѣе замѣчательныя сказанія, не заботясь о томъ, что въ нихъ принадлежитъ дѣйствительности и что вымыселъ. Еслибъ даже цѣликомъ всѣ сказанія были вымысломъ, то вѣдь и послѣдній—произведеніе народнаго духа и раскрываетъ намъ самое внутреннее ядро человѣческой природы, еще не укрощенной, но и не ослабленной еще культурой и утонченностью. Въ путаницѣ скучивающихся ужасовъ, которые мы здѣсь встрѣчаемъ, нельзя, однако, не распознать стремленія къ лучшему; подъ ужасающимъ бурнымъ проявленіемъ необузданныхъ страстей можно читать священныя слова: „И сотворилъ Богъ человѣка по своему бразу, по образу Божію сотворилъ его“.

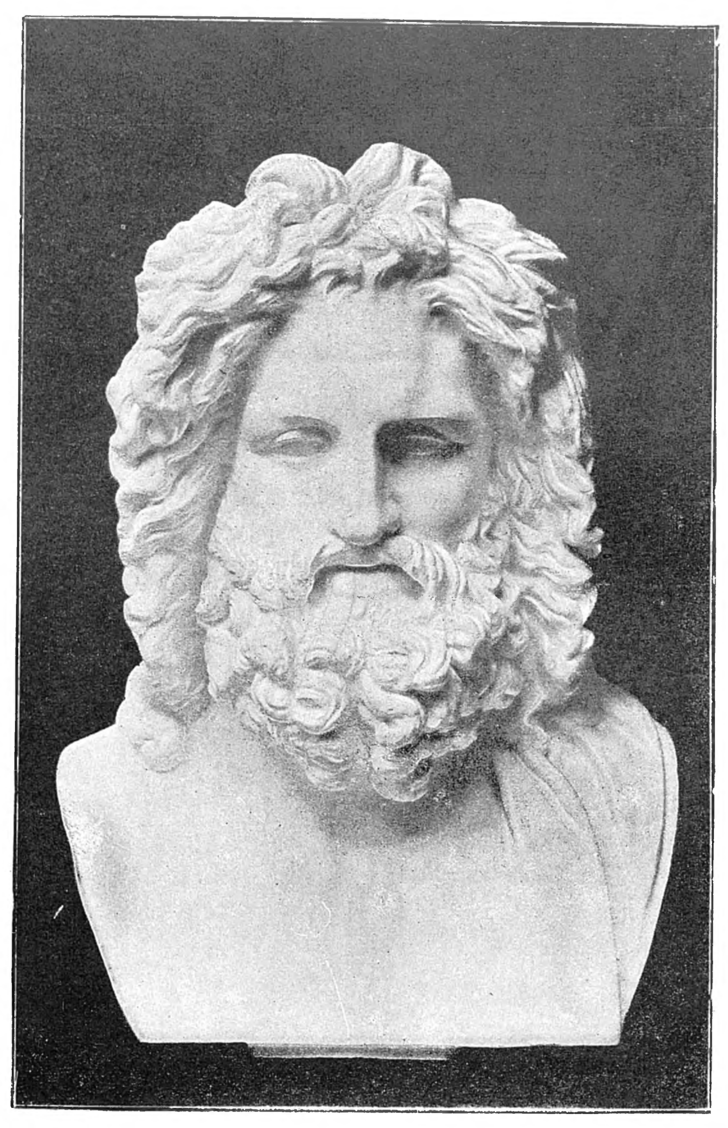

РЕЛИГІЯ ЭЛЛИНОВЪ

КАКЪ только въ древнѣйшее время человѣкъ проснулся отъ дѣтскаго сна и пришелъ къ сознанію себя самого и окружающей его природы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ сознавать, что есть нѣчто божественное надъ нимъ и внѣ его. И сталъ онъ пытаться выразить это неосязаемое нѣчто въ чувственномъ образѣ Однако, пока еще разнообразіе природы поглощало и связывало его; поэтому человѣкъ сталъ принимать незримыя силы природы или же видимыя ея явленія за само божество и посвящать имъ свое богопочитаніе. Такимъ образомъ, въ его сознаніи божественное раздробилось на множество божествъ; но это дало ему возможность выразить свои

представленія, какъ ни были они неопредѣленны, въ образахъ: онъ сталъ создавать себѣ видимыхъ боговъ. При этомъ представлялись ему божества въ видѣ животныхъ или въ другихъ чувственныхъ образахъ, которые напоминали ему явленія природы, относимыя къ богамъ. Такъ солнце представляли себѣ колесомъ, бурю—орломъ, дождевыя тучи — коровами. Однако, съ развитіемъ образованія, человѣкъ понялъ, что лишь онъ одинъ способенъ къ сознательнымъ мыслямъ, что лишь онъ обладаетъ личностью. Тогда высшимъ силамъ стали придавать человѣческій образъ, сохраняя прежнія изображенія, какъ ихъ символы или принадлежности. На развитіе идеи о божествѣ, какъ и вообще на народный характеръ, имѣли рѣшающее вліяніе свойства почвы, образъ жизни и судьбы народовъ. Поэтому у арійцевъ сѣверныхъ склоновъ Гиндукуша, жившихъ въ постоянныхъ противоположностяхъ изобилія и недостатка, палящаго зноя и леденящаго холода, возникла идея о двухъ вѣчно борящихся между собой силахъ, происшедшихъ изъ неопредѣленнаго божественнаго Нѣчто,—начало доброе—Агурамазда (Ормуздъ, милостивый владыка) и Аграмайніусъ (Ариманъ, зломыслящій)—начало злое, тьма. Арійскія племена соединяли съ этимъ и радостную надежду, что нѣкогда борьба кончится, тьма исчезнетъ въ свѣтѣ, зло — въ добрѣ и будетъ царствовать полная гармонія. Эту основную идею своихъ вѣрованій народы-переселенцы перенесли съ собой въ новую свою родину на югѣ, западѣ и сѣверѣ и развили ее, каждый по своему. Браманскія племена на Индѣ многое умѣли разсказать о борьбѣ свѣтлыхъ божествъ съ демонами тьмы. Лишь когда они прочно осѣли па Гангѣ, ихъ жрецы развили систему, что Богъ и природа—единое цѣлое, а смѣна явленій лишь обманъ чувствъ. И германскіе народы знаютъ о борьбѣ боговъ съ враждебными силами; но въ послѣдней битвѣ Азы и чудовища тьмы гибнутъ, и изъ міроваго пожарища выходитъ болѣе чистое небо и болѣе прекрасная земля, на которыхъ вѣчно живутъ безгрѣшные боги и люди.

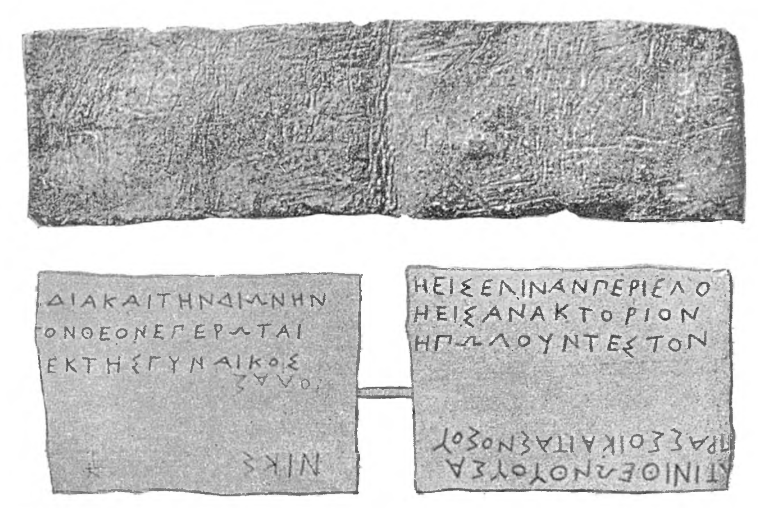
У эллиновъ, благороднѣйшей вѣтви арійскаго племени, это воззрѣніе является уже отжившимъ: безпорядочныя силы природы укрощены, Титаны и Гиганты низвергнуты въ Тартаръ; боги свѣта и нравственнаго порядка господствуютъ надъ міромъ и смертными людьми. Эллины, исходя изъ олицетворенія явленій природы, доходили до олицетворенія божественныхъ идей или свойствъ,

БЮСТЪ ЗЕВСА «ОТРИКОЛИ»
ТЕПЕРЬ ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ ВЪ РИМѢ).

соотвѣтствовавшихъ въ то же время ихъ облагородившимся понятіямъ о нравственности.

Какъ браманы и евреи видѣли откровеніе божества въ идеѣ и въ словѣ, такъ эллины — въ идеальной красотѣ, творимой искусствомъ. Поэтому они придерживались вѣры въ своихъ боговъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ продолжалось воодушевленіе къ пре-

СВИНЦОВЫЯ ПЛИТОЧКИ СЪ ВОПРОСАМИ КЪ ДОДОНСКОМУ ОРАКУЛУ.

красному. Когда исчезло это воодушевленіе, трезвый разсудокъ не находилъ болѣе удовлетворенія въ отжившихъ представленіяхъ. Тогда они оставались безъ всякой опоры въ пустынѣ безбожія, пока не было къ нимъ принесено слово откровенія Отца Сыномъ.

Древнѣйшимъ святилищемъ въ Греціи считалось Додонское, посвященное богу неба Зевсу, подателю плодотворнаго дождя. Этотъ издревле знаменитый и многопосѣщаемый оракулъ находился въ Эпирѣ, области, отдѣляющейся съ восточной стороны горами Пинда отъ Ѳессаліи. Томаръ, вѣтвь этой главной цѣпи горъ, тянется черезъ страну на западѣ, и у подошвы его, недалеко отъ озера Памботиды (у теперешней Янины) позвышалось святилище, посвященное Зевсу и супругѣ его Діонѣ. По одному ска-

занію, когда пелазги пасли стада свои еще въ этой богатой источниками мѣстности, пара черныхъ голубей улетѣла изъ Ѳивъ въ Египтѣ, одинъ—въ Аммонъ, что въ Ливіи, другой—въ Додону. Они говорили человѣческимъ языкомъ и приказали въ этихъ двухъ мѣстахъ выстроить святилище всѣмъ управляющему Зевсу, такъ какъ здѣсь онъ желаетъ вѣщать свою волю и раскрывать почитателямъ своимъ загадки будущаго. Это произошло въ тѣни священной дубовой рощи. Тогда установили здѣсь должность жрецовъ, которыхъ назвали Геллами или Селлами. Они пророчили по шелесту листьевъ, по звону тазовъ, прикрѣпленныхъ къ вѣтвямъ громаднаго дуба, а также по журчанью близкаго ручья. Только позднѣе здѣсь воздвигнутъ былъ достойный храмъ.

Такимъ-же древнимъ, какъ почитаніе Зевса, былъ культъ великаго бога природы—Гермеса. Объ оракулѣ и великолѣпномъ храмѣ въ Дельфахъ, передъ которымъ Додона скоро утратила все свое значеніе, мы впослѣдствіи поговоримъ подробнѣе. Достаточно здѣсь упомянуть, что это мѣсто было посвящено свѣтоносному Аполлону, которому еще древніе пелазги приносили жертвы и молились, какъ и великому богу природы Гермесу и Палладѣ, богинѣ небесной лазури. На мѣсто Діаны рано стала богиня неба Гера, дарующая плодовитость землѣ и человѣческому супружеству. Эти и другія божества возникли, какъ сказано, изъ познанія преобладающаго могущества природы, изъ чувства божественнаго начала въ человѣческой душѣ; они покоились еще безъ образа въ сознаніи и получили форму и значеніе только отъ творческой руки поэзіи, старающейся приблизить человѣка къ божественному. Впрочемъ, мы должны предоставить миѳологіи подробный разборъ греческихъ миѳовъ о богахъ; поэтому мы здѣсь предпошлемъ лишь обзоръ ихъ, для того, чтобы представить первоначальное развитіе эллинскаго міровоззрѣнія и сдѣлать вступленіе къ слѣдующимъ затѣмъ сказаніямъ о герояхъ.

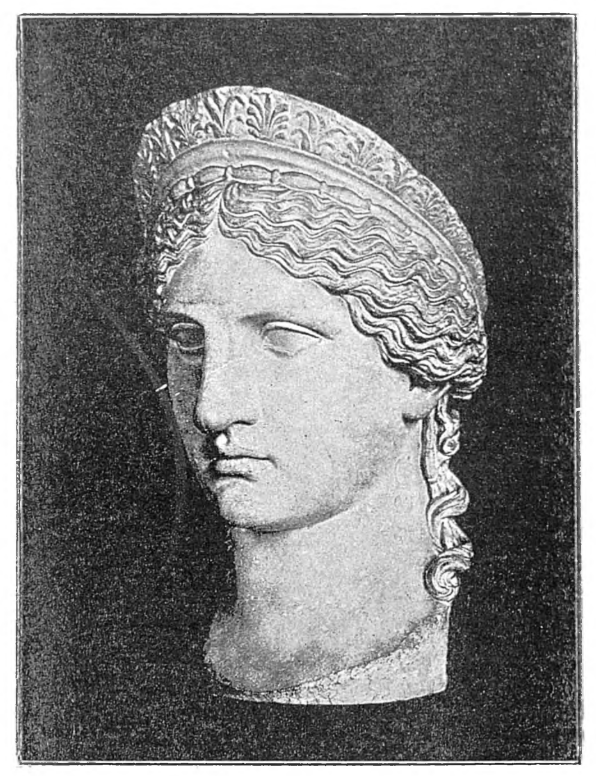
Вначалѣ былъ Хаосъ, т.-е. безпорядочная борьба стихій между собою. Изъ этого Хаоса возникли прелестная Гея (земля), мрачный Тартаръ (подземный міръ) и все соединяющій Эротъ (любовь). Отъ земли родился Уранъ (небо), а отъ ея объятія съ Ураномъ произошелъ Кронъ (время) и могучіе Титаны, затѣмъ Киклопы и сторукіе Великаны. Уранъ, изъ боязни лишиться власти, ниспровергъ собственныхъ дѣтей въ Тартаръ; но Гея при-

звала къ себѣ Крона и приказала ему алмазнымъ серпомъ оскопить своего отца. Изъ капель пролитой крови возникли змѣеногіе Гиганты и Эриніи, богини мщенія и наказанія. Кронъ сталъ править міромъ вмѣстѣ съ Титанами и проглатывалъ собственныхъ дѣтей, что, по обычному объясненію, указываетъ на отсутствіе счета годовъ, но что съ бóльшимъ правомъ можно относить къ тому душевному состоянію, при которомъ въ сознаніи не выступаютъ еще никакія представленія. Жена Крона, Рея, которая есть не что иное, какъ земля, по рожденіи Зевса, утаила его отъ отца. Съ помощью Метиды (ума) Зевсъ заставилъ своего родителя выпустить изъ себя остальныхъ дѣтей, и вмѣстѣ съ ними началъ борьбу противъ Титановъ. Киклопы ковали ему молніи; на его сторону стали сторукіе великаны и даже одинъ изъ Титановъ, Прометей (предвидящій исходъ) и Зевсъ одержалъ побѣду. То была побѣда духа, пробудившагося къ ясному сознанію, побѣда порядка и божескаго закона. Титаны опустились въ Тартаръ, такъ какъ на свѣтѣ не могла дольше господствовать власть безпорядочной силы. Тщетно Гея, въ раздраженіи за судьбу дѣтей своихъ, поднимаетъ Гигантовъ на новыхъ боговъ; напрасно рождаетъ она чудовище, Тифона, наполнив-

СТАТУЯ ЗЕВСА (ВАТИКАНЪ).

шаго пространство между небомъ и землей. Сначала онъ дѣйствуетъ успѣшно, однако и онъ побѣжденъ молніями Зевса и съ тѣхъ поръ покоится въ глубокой пропасти, на которую нагромождена, какъ могильный холмъ, Этна. Боги порядка правятъ съ того времени на небѣ, на землѣ, подъ землей и въ водахъ.

ГОЛОВА ГЕРЫ (ВЪ ВИЛЛѢ ЛЮДОВИЗИ).

Зевса, верховнаго бога, представляли не творцомъ міра, а устроителемъ его. Онъ былъ олицетвореніемъ идеи о духовномъ существѣ, правящемъ жизнью и какъ-бы воплощеніемъ всемогущества и премудрости. Какъ первобытнаго духа природы, его почитали, какъ приведено выше, въ дикихъ горахъ Ѳеспротіи, между Пиндомъ и Іонійскимъ моремъ. Тамъ пѣли пророчицы Пле-

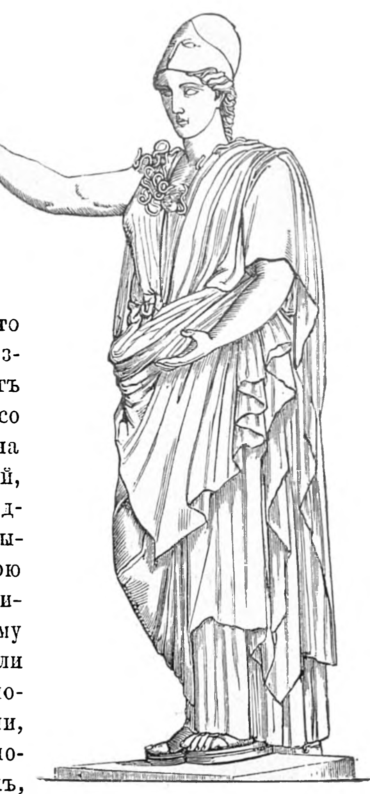

СТАТУЯ АѲИНЫ-ПАРѲЕНОСЪ

(ОТКРЫТАЯ ВЪ АѲИНАХЪ ВЪ 1880 Г).

яды: „Зевсъ былъ и есть и будетъ! О, великій Зевсъ! Благодаря землѣ, созрѣваютъ наши плоды; почитайте ее за это, какъ нашу мать!“ Въ этихъ словахъ уже ясно высказывается великое поклоненіе, которое отдавалось верховному богу. Вѣдь это онъ,—говорили благочестивые отцы,—онъ, царящій въ высокомъ эѳирѣ, могущій посылать молнію и опустошительную бурю, есть и учредитель государственныхъ порядковъ, достохвальныхъ законовъ и правъ. Онъ охраняетъ царя, общину и домъ гражданина и содѣйствуетъ всему хорошему и благородному.

Съ Герой, также дочерью Крона и Реи, олимпійскій Зевсъ вступилъ въ брачный союзъ. Полагаютъ, что имя ея обозначаетъ верхнее воздушное пространство; но, можетъ быть, ее слѣдуетъ отожествлять со всеобщей матерью — землей. Она изображается съ звѣздною діадемой, какъ земля окружена сводомъ звѣзднаго неба. Посредницей между земными силами и духовною, небесною властью является Паллада-Аѳина, богиня мудрости. По древнему вѣрованію, она возникла изъ воды или изъ огня. Когда свойственныя поклоненію природѣ представленія отжили, въ Палладѣ-Аѳинѣ стали видѣть помощницу въ жизненныхъ невзгодахъ, наставницу въ полезныхъ искусствахъ и ремеслахъ, богиню жизненной мудрости въ мирное время и на войнѣ, родившуюся въ полномъ вооруженіи изъ головы Зевса.

ПАЛЛАДА-АѲИНА,
такъ-называемая Паллада „Веллетри“, мраморная статуя, найденная въ 1797 г. въ развалинахъ виллы, около Веллетри, теперь въ Луврѣ, въ Парижѣ

Гермесъ, дарующій благоденствіе богъ, возникшій въ пелазгической древности, можетъ быть, сперва изъ неопредѣленнаго

чувства о божественномъ, былъ первоначально духомъ, проникающимъ всю природу. Онъ, по древнѣйшему представленію, вызываетъ жизнь и погружаетъ опять во мракъ смерти; онъ упорядочиваетъ и устраиваетъ отношенія въ человѣческой жизни и управляетъ смѣной явленій вообще. Власть его велика на небѣ и на землѣ, въ возникновеніи и исчезновеніи, въ ростѣ и увяданіи. Поэтому то особенно почитали его пастушескіе народы въ Томарскихъ горахъ, въ Ѳессаліи и Аркадіи. Они приносили ему жертвы и взывали къ нему о благословеніи своихъ луговъ и процвѣтаніи своихъ стадъ. Съ этой высоты онъ опустился въ народныхъ вѣрованіяхъ при дальнѣйшемъ развитіи и упорядоченіи миѳовъ о мірѣ боговъ. Тогда онъ сталъ сыномъ Зевса и Майи, дочери Атланта, родившей его въ мрачномъ гротѣ у аркадійской горы Киллены. Едва родившись, онъ спялъ покрывавшія его пеленки (туманы) и коварно увелъ стада, которыя пасъ Аполлонъ въ Піеріи. По приговору Зевса, ему слѣдовало ихъ отдать обратно; но онъ такъ благозвучно игралъ на изобрѣтенной имъ лирѣ, черепашьемъ черепѣ со струнами, что Аполлонъ въ благодарность за игру оставилъ ему скотъ и научилъ его простѣйшему пророчеству. Самъ Зевсъ удивлялся ловкости и уму молодого бога, далъ ему крылатыя сандаліи, крылатый шлемъ и жезлъ вѣстника и назначилъ его вѣстникомъ боговъ. Но онъ оставался и покровителемъ ремеслъ и дѣловыхъ занятій, какъ торговли и сношеній вообще, и былъ призываемъ поэтому купцами и моряками, какъ дарователь богатствъ. Далѣе, онъ былъ покровителемъ искусства краснорѣчія и гимнастики, охранителемъ границъ и дорогъ и, наконецъ, проводникомъ умершихъ на пути въ подземное царство, что вытекало изъ первоначальнаго представленія о его существѣ. Онъ, такимъ

Аресъ (рисунокъ на вазѣ).

образомъ, вошелъ въ отношенія къ таинственнымъ силамъ, которыя въ глубинѣ управляютъ жизнью и смертью, ростомъ и умираніемъ и которымъ поклонялись въ мистеріяхъ. Сооружали ему памятники или гермы, небольшіе столбы съ головой Гермеса, которые ставились на дорогахъ, на площадяхъ и у дверей домовъ и украшались впослѣдствіе остроумными изреченіями.

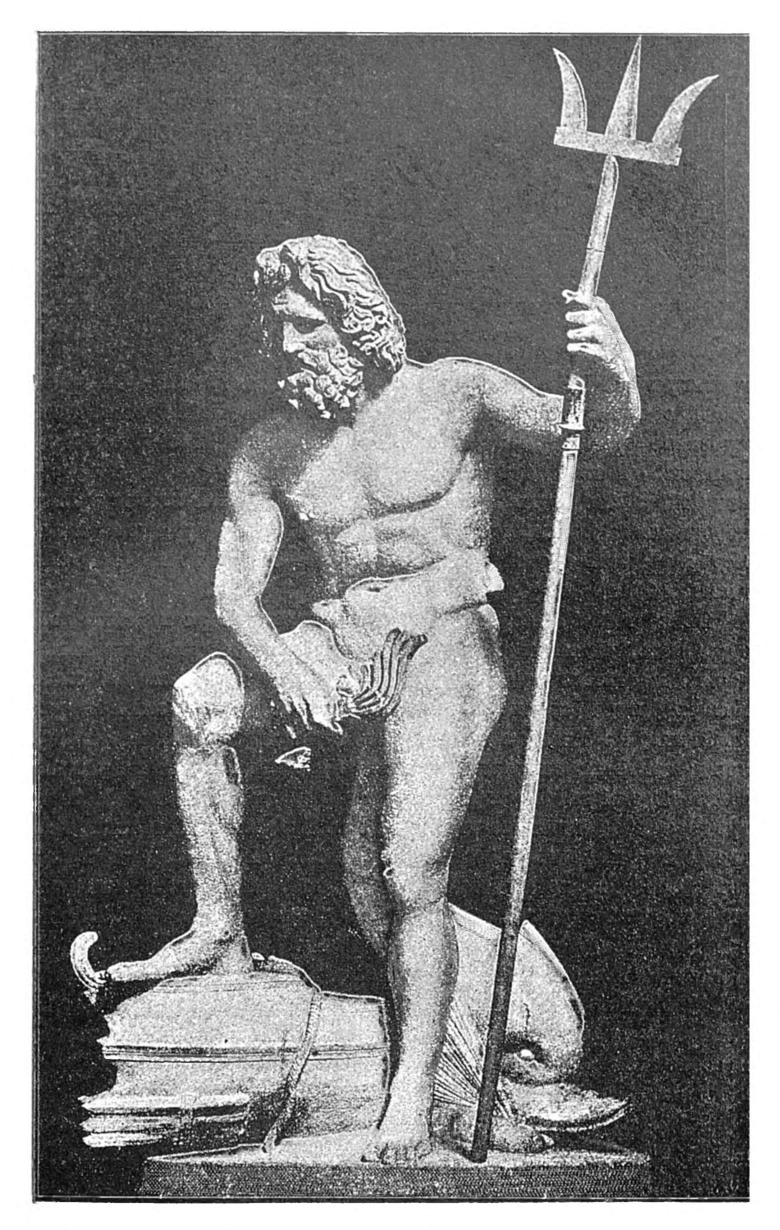

ПОСИДОНЪ
МОНЕТА 700—480 ДО Р. Х.

Какъ Паллада руководила общественною жизнью вообще, такъ въ лицѣ доброй, матерински-заботливой Гестіи почитали руководительницу семейной жизни, хозяйничавшую у очага дома, въ лицѣ же Гефеста, хромого бога огня и кузнечнаго мастерства, почитали наставника и завѣдующаго всѣми ремеслами, въ которыхъ употребляется огонь. Его власть видѣли и въ дымящихся и огнедышащихъ вулканахъ и посвящали ему храмы и жертвенники для его умилостивленія и обезпеченія себѣ его помощи и содѣйствія.

Афродита, богиня красоты и любви, родившаяся изъ пѣны морской и украшенная поясомъ обольстительной прелести, стала супругой закоптѣлаго мастера Гефеста; вѣдь для того, чтобы создавать, въ красивыхъ формахъ произведенія искусства, вблизи художника должна быть красота. Въ свитѣ Афродиты были Хариты (граціи): Аглая, Ѳалія и Ефросинія, украшающія жизнь привѣтливостью и прелестью. Напротивъ, къ супругу, обдѣленному относительно наружности мачихой-природой, она была мало расположена; она обратила свое расположеніе на статнаго бога войны Ареса, культъ котораго перешелъ въ Элладу изъ Ѳракіи. Онъ представлялъ собой необузданную военную дикость, наслаждающуюся боемъ и кровопролитіемъ. Но какъ грубая воинственность уступаетъ спокойной осмотрительности, военному искусству, такъ и Ареса одолѣвала въ столкновеніяхъ Паллада-Аѳина. Афродита подарила ему Эрота, который повсюду бродитъ рѣзвымъ мальчикомъ, разжигая своими стрѣлами муки и наслажденіе любви. Его поэтому нельзя смѣшивать съ Эротомъ древнѣйшаго времени, обнимающимъ міръ и дѣлающимъ боговъ и людей доступными полезнымъ совѣтамъ.

На дальнемъ, богатомъ чудесами западѣ, на могучей рѣкѣ живетъ почтенный старецъ Океанъ съ женой Теѳисой, оберегая

ПОСИДОНЪ.

Колоссальная статуя изъ греческаго мрамора въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ. Посидонъ никогда не изображался на тронѣ, рѣдко въ сидячемъ положеніи, чаще же всего по образцу Лизиппа, стоя, упершись на одну ногу. Въ чертахъ лица наша статуя показываетъ выраженіе полнѣйшаго спокойствія; слѣдуетъ обратить вниманіе на форму волосъ, образующихъ значительную и плотную массу, которая кажется покрытой точно морской влагой. Во всей фигурѣ выступаетъ наклонность къ дородности и массивности; особенно руки и грудные мускулы, которые у моряковъ, главнымъ образомъ, бываютъ развиты плаваніемъ и греблей, у бога—властителя моря, дышатъ полнотой силъ.

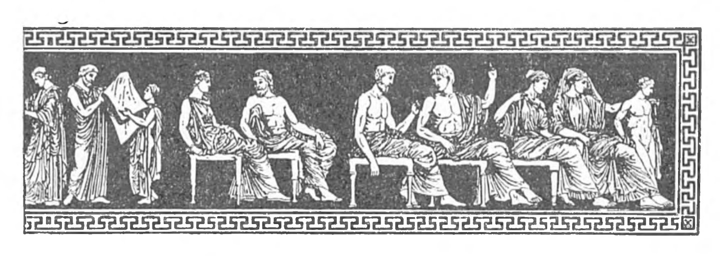

СОБРАНІЕ БОГОВЪ.

границу міра. Рѣка эта, кругообразно сливаясь опять съ самой собой, обнимаетъ все существующее, принимаетъ въ свое русло журчащіе ручьи и дикіе потоки, сама распространяясь въ безконечность. Такъ представляли себѣ въ пелазгическое время границу міра. Но этотъ древній богъ жилъ еще только въ памяти народной и въ поэзіи; жертвенниковъ и храмовъ ему уже не строили. Его вытѣснилъ другой богъ, помоложе—Посидонъ (Посейдонъ), братъ Зевса.

Въ честь его, могучаго, бурнаго владыки моря и всѣхъ вообще водъ, дымились на берегахъ, островахъ и даже внутри материка жертвенники отъ крови жертвъ. Островъ Калаврія, мысъ Тенаръ были мѣстами его культа; почитался богъ во всей Аркадіи; въ Эгахъ, въ Ахайѣ и въ Аѳинахъ ему воздвигнуты были святилища; самое же знаменитое изъ нихъ возвышалось въ священной сосновой рощѣ на Коринфскомъ перешейкѣ, гдѣ въ честь его каждые три года справлялись праздничныя игры. Его принадлежностью былъ трезубецъ; имъ онъ въ состязаніи съ Аѳиной ударилъ въ скалу, изъ которой выскочилъ благородный конь, подаренный имъ аѳинянамъ, хотя масличное дерево богини получило награду. Съ женой своей Амфитритой онъ произвелъ Тритона, изображавшагося наполовину человѣкомъ, наполовину рыбой. Онъ воздвигъ стѣны многихъ городовъ, иныя же онъ и разрушалъ, будучи чѣмъ-нибудь разгнѣванъ. Ибо въ гнѣвѣ онъ былъ непримиримъ и вообще былъ буйнымъ и насильственнымъ, какъ воды, надъ которыми онъ властвовалъ.

Когда онъ ударялъ трезубцемъ по морю, начинала свирѣпствовать буря, высоко воздымались волны, поглощали корабли и наводняли страны. Онъ разсѣкалъ скалы своимъ оружіемъ и потрясалъ землю, такъ что крѣпости и города обращались въ развалины. Отсюда называется онъ землепотрясателемъ. Напротивъ,

БАРЕЛЬЕФНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ФРОНТОНѢ ПАРѲЕНОНА.

гдѣ его почитали, онъ останавливалъ разрушительный натискъ бурныхъ водъ, и когда онъ въ колесницѣ, везомой конями или дельфинами, точно свѣтлое облако проѣзжалъ по морю, оно совершенно стихало и поверхность его являлась гладкою и блестящею, какъ зеркало. Морякамъ, взывавшимъ къ нему, онъ посылалъ попутные вѣтры и иногда сопровождалъ молодыхъ героевъ въ ихъ отважныхъ походахъ. Такъ, іоняне вѣрили, что богъ самъ провелъ ихъ, во время бѣгства изъ Пелопоннеса, въ Малую Азію, и они на мысѣ Микале выстроили ему храмъ, гдѣ различныя іонійскія колоніи, какъ прежде на Исомѣ, каждый третій годъ совершали всеобщее торжество.

Въ кругъ эллинскихъ воззрѣній на нравственный порядокъ, который человѣкъ долженъ установить себѣ въ жизни, вступаютъ близнецы Фебъ-Аполлонъ и Артемида, рожденные оба Лето (Латоной) Зевсу на островѣ Делосѣ. Они вооружены лукомъ и мѣткими стрѣлами, чтобъ настичь преступника, но и готовы загладить совершенный проступокъ и защитить невинно преслѣдуемаго. Фебъ, златокудрый, кромѣ того вѣщаетъ приговоры скрытно дѣйствующаго рока; поэтому ему посвящено святилище въ Дельфахъ. Онъ воодушевляетъ къ пѣнію и подкупающей сердце рѣчи и его сопровождаютъ музы, завѣдующія искусствами. Онѣ сохраняютъ въ своей памяти людскія дѣла, ихъ начала и слѣдствія. На празднествѣ своего бракосочетанія Зевсъ вызвалъ ихъ къ жизни для того, чтобъ онѣ на радость небесныхъ боговъ восхваляли чудеса творенія. Обыкновенно насчитываютъ девять музъ, а именно: Кліо (муза исторіи) со свиткомъ пергамента, Эвтерпа (лирическая поэзія) съ двойной флейтой, Калліопа (краснорѣчивая; муза эпической поэзіи) съ табличкой для письма и грифелемъ, Ѳалія (комедія) съ комической маской, Мельпомена (трагедія) съ героической маской, Эрато (любовная пѣснь) со

струннымъ инструментомъ, Терпсихора (пляска) съ лирой и плектромъ, Полигимнія (краснорѣчіе), плотно закутанная и въ покрывалѣ, съ серьезнымъ задумчивымъ взоромъ, Уранія (астрономія) съ небеснымъ глобусомъ.

Артемида, обыкновенно изображаемая богиней охоты, любила лѣсной сумракъ или же, какъ богиня луны, ярко плыла по ночнымъ небесамъ. Въ таврическомъ Херсонесѣ (полуостровъ Крымъ), у варварскихъ скиѳовъ, ей поклонялись какъ грозному, строгому божеству; тамъ ей приносили жестокія человѣческія жертвы. Совершенно различнымъ былъ ея культъ въ Малой Азіи, гдѣ около Эфеса стоялъ ея въ древности весьма знаменитый храмъ. Тамъ представляли ее себѣ какъ всепитающую великую мать-природу, объемлющую распростертыми руками вселенную.

АРТЕМИДА (Лувръ).

Богиня изображена покровительницею дичи. Въ порывѣ гнѣва выхватываетъ она стрѣлу изъ колчана, чтобы поразить преслѣдователя ищущей у нея защиты лани.

Какъ эти божества обращены къ свѣту, содѣйствуя духовной жизни и развитію божественнаго въ человѣческой груди, такъ другія принадлежатъ землѣ, возникновенію и исчезновенію, жизни и смерти. Въ царствѣ смерти правитъ Гадесъ (Аидъ), называемый также Аидонеемъ и Плутономъ. Онъ сидитъ на мрачномъ тронѣ съ шлемомъ на головѣ, закрывающимъ его отъ глазъ боговъ и людей. Его власти подчинены Эриніи (Фуріи), мстительницы убійствъ, Керы, женскія божества страшной наружности, олицетворенія насильственной смерти въ бою, и Мойры (Парки), прядущія и обрѣзающія нить жизни. Поднявшись на черныхъ коняхъ изъ глубины на бѣлый свѣтъ, онъ похитилъ Персефону или Кору на цвѣтущихъ лугахъ Тринакріи (Сициліи), чтобъ она раздѣляла съ нимъ тронъ въ царствѣ тѣней. Де-

СТАТУЯ АПОЛЛОНА „БЕЛЬВЕДЕРСКАГО“.

Извѣстная статуя Аполлона, открытая въ концѣ XV вѣка въ Антіѣ, увеселительномъ мѣстечкѣ римскихъ императоровъ въ Лаціумѣ, теперь находится въ Бельведерѣ, въ Ватиканѣ. Черты лица выражаютъ самосознаніе и увѣренность въ побѣдѣ. Аполлонъ изображенъ здѣсь не нѣжнымъ, мягкимъ богомъ пѣнія, покровителемъ музъ, но воинственнымъ, гнѣвнымъ, эгидой своей (въ протянутой лѣвой рукѣ) повергаетъ въ прахъ боевые ряды враговъ, проходя мимо. Происходитъ приблизительно изъ эпохи послѣ Лизиппа.

метра, мать похищенной дѣвицы, которая ввела среди людей земледѣліе, законъ и супружество, искала свою дочь по всему свѣту. Она спросила о ней Гекату, дочь Астеріи, звѣздной ночи, а та ее послала къ приносителю дня Гелію. От него она узнала о похищеніи. Гнѣваясь на боговъ и людей, богиня не давала болѣе созрѣвать питательнымъ плодамъ, пока Зевсъ не рѣшилъ, что Персефона одну часть года должна проводить въ подземномъ царствѣ у своего супруга, другую же въ надземномъ мірѣ въ блаженномъ обществѣ безсмертныхъ, наслаждающихся золотымъ свѣтомъ. Такъ, посѣвъ ввѣряется темному лону земли и поднимается изъ нея свѣжей зеленью, такъ и человѣкъ погружается во мракъ могилы, чтобы вступить въ новую жизнь. Это прекрасное вѣрованіе эллины облекали въ приведенный прелестный миѳъ и въ тайномъ богослуженіи въ Элевсинѣ странствованіе черезъ царство смерти на пути къ новой жизнерадостности изображалось символически. Въ связи съ этимъ былъ миѳъ о Діонисѣ или Вакхѣ. Послѣдній произошелъ отъ союза Зевса съ Семелой, пожелавшей узрѣть бога во всемъ его величіи, но погибшей отъ ужаса предъ сверкающими молніями, какъ отъ бракосочетанія небесъ съ всеобщей матерью-землей въ плодотворномъ дождѣ весенней грозы выростаетъ прелестный плодъ. Недоношеннаго Діониса Зевсъ спря-

ДЕМЕТРА (СТѢННАЯ ЖИВОПИСЬ ВЪ ПОМПЕЯХЪ).

Богиня изображена съ мистическимъ факеломъ и съ корзиною плодовъ.

талъ въ своемъ бедрѣ и спасъ такимъ образомъ. Быстро развилось затѣмъ дитя бога, оно было нѣжнымъ, мягкимъ, очень склоннымъ къ веселью и наслажденію, но отъ отца было одарено чудодѣйственной силой. Сопровождали Діониса Ѳіяды или Менады, женщины, которыя, пьяныя, справляли его празднества, далѣе—Силены, Фавны и другіе. Такъ онъ побѣдоносно прошелъ по Азіи, всюду насаждая виноградную лозу и укрощая дикость народовъ. Съ нимъ смѣшивали или отожествляли Іакха, нѣжнаго ребенка Персефоны и Аидонея, вскормленнаго Деметрой,—другой образъ жизни, возрождающейся изъ смерти. Къ нему взывали посвященные въ Элевсинѣ, поднимаясь изъ подземныхъ помѣщеній на бѣлый свѣтъ.

Таковы, по представленію эллиновъ, были божественныя существа, которымъ строили они алтари, приносили жертвы и молились для снисканія ихъ милости и помощи. Многія изъ этихъ представленій они усвоили себѣ уже въ прародинѣ до своихъ странствованій, какъ общее достояніе арійскихъ племенъ, и можно указать слѣды этого въ религіозныхъ представленіяхъ народовъ, живущихъ на Индѣ, въ Иранѣ, у эллиновъ и у германцевъ, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ сопоставленій. Арійцы на Индѣ почитали таинственнаго бога Варуну, уже по имени тождественнаго съ Ураномъ (небомъ) эллиновъ. Послѣдній въ древнѣйшее время былъ, повидимому, въ большомъ уваженіи у грековъ, но мало-по-малу отошелъ въ ихъ сознаніи на задній планъ; по миѳу, онъ былъ побѣжденъ Кроном и свержен съ престола. Индусы же продолжали поклоняться ему. Для нихъ онъ былъ всеобъемлющимъ божествомъ, охватывавшимъ созданную имъ вселенную, какъ небо—землю. Какъ творецъ міра, онъ далъ и законы, по которымъ совершаютъ свой вѣчный путь солнце, луна и звѣзды, земля приноситъ свои плоды и опредѣляется человѣческая жизнь, возникновеніе, бытіе и исчезновеніе. Онъ, наконецъ, установилъ нравственный порядокъ, который онъ открываетъ душѣ мыслящаго человѣка. Смотря потому, какъ человѣкъ слѣдуетъ этому порядку, его награждаетъ или наказываетъ Яма, судья умершихъ, живущій въ преисподней. Послѣдній поэтому совпадаетъ съ Аидонеемъ (Плутономъ) грековъ. Но еще яснѣе и опредѣленнѣе въ Ведахъ, древнѣйшихъ священныхъ книгахъ арійцевъ на Индѣ, выступаетъ богъ Индра, высшій изъ почитавшихся добрыхъ духовъ, которыхъ называли

Девами (родственно съ dei). Онъ небесный богъ, который живетъ на горѣ Меру въ свѣтломъ эѳирѣ высоко надъ туманами земли и борется своимъ копьемъ-молніемъ съ враждебными демонами тьмы, особенно же съ Вритрой, распространяющимъ ночныя облака, и съ ядовитой змѣей Аги.

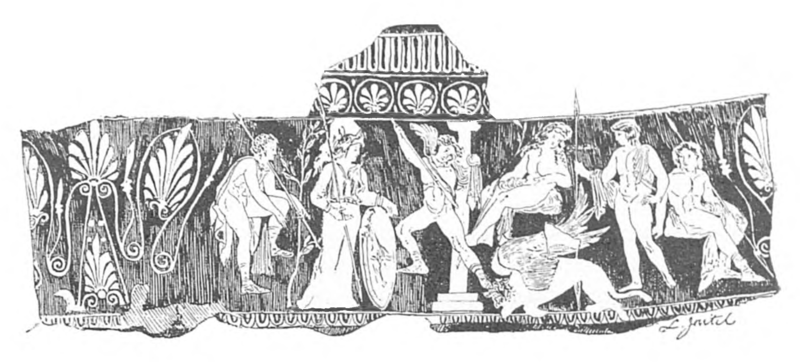
Въ болѣе свѣтлой Элладѣ, гдѣ природа не являетъ такихъ противоположностей: разрушительныхъ силъ природы, опустошительныхъ бурь, засухи, зноя и наводненій,—борьба съ мрачными демонами отошла уже въ прошлое: богъ совершенно преодолѣлъ враждебныя силы, Титаны побѣждены и лежатъ въ оковахъ въ Тартарѣ; на Индѣ этотъ богъ хотя и побѣдоносенъ, но ведетъ постоянную борьбу, какъ у древнихъ германцевъ и сѣверныхъ народовъ Тунаръ или Торъ, по древнѣйшимъ представленіямъ, родоначальникъ боговъ, со своимъ молотомъ міэльниромъ, молніей, борется безпрестанно до самаго преставленія боговъ (Рагнарёкъ) съ Гримтурсами (великанами мороза) и съ чудовищами. Когда настанетъ Рагнарёкъ, Торъ разобьетъ голову змѣѣ Мидгардѣ, но самъ умретъ отъ ея ядовитаго дыханія, и также погибнутъ въ этой послѣдней битвѣ всѣ боги и чудовища, а Сутуръ (огонь) сожжетъ вселенную. Но возникнетъ новое, болѣе чистое небо и болѣе прекрасная земля, гдѣ будутъ жить безгрѣшные боги и люди въ невозмутимомъ блаженствѣ. Это представленіе о послѣдней борьбѣ, о гибели міра и о возникновеніи новаго, лучшаго показываетъ родство съ представленіемъ Иранцевъ, что борьба добраго начала со злымъ кончится при свѣтопреставленіи, что тогда Аграмайніусъ, очистившись въ огнѣ, соединится съ Агурамаздой. Арійцы на Индѣ принесли изъ своей прародины схожія представленія, и слѣды ихъ замѣтны еще въ философски развитыхъ религіозныхъ системахъ позднѣйшаго времени, особенно въ вѣрованіи буддистовъ о послѣдующемъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ переселеній душъ, раствореніи ихъ въ блаженномъ Нирванѣ (ничто). Отъ Иранцевъ эти идеи о зломъ началѣ и послѣдней борьбѣ или страшномъ судѣ перешли къ семитическимъ народамъ, главнымъ образомъ къ евреямъ и приняты были и въ христіанское вѣроученіе, ибо отпаденіе Сатаны отъ Бога, его борьба и паденіе съ неба, его вліяніе на людей, воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ соотвѣтствуютъ иранскимъ воззрѣніямъ.

Подъ свѣтлымъ небомъ Греціи эти и подобныя идеи не утвердились, и лишь немного слѣдовъ отъ нихъ осталось въ эллинскихъ сказаніяхъ. Напротивъ, божества свѣта, Паллада и Аполлонъ, многимъ напоминаютъ Индру и его сподвижниковъ, дующихъ духовъ (т.-е. грозовыя бури). Марутъ, среди которыхъ особенно выступаютъ Ваю и Рудра. Паллада является передовымъ бойцомъ противъ вражескихъ силъ; она носитъ на груди ужасную эгиду (козью шкуру, образъ грозныхъ тучъ) и мечетъ копье (молнію) на преступниковъ. Аполлонъ своими стрѣлами (тоже молніями) поражаетъ Пиѳона (заразу), подымающагося изъ болота. Такъ, индійское преданіе разсказываетъ, будто вражескіе демоны увели у боговъ коровъ (дождевыя тучи, также ручьи и рѣки) и заперли ихъ въ темныхъ пещерахъ; тогда Индра въ поиски за ними послалъ собаку боговъ — Сараму, и когда та ихъ отыскала, то богъ своимъ копьемъ (молніей) разсѣкъ скалу, убилъ злыхъ духовъ и освободилъ стадо. Схоже съ этимъ, только въ болѣе мягкихъ краскахъ, эллинская поэзія повѣствуетъ намъ о похищеніи рогатаго скота Аполлона Гермесомъ, который примирилъ разгнѣваннаго бога, подаривъ ему лиру. Сынъ Сарамы, имя котораго Сарамеясъ—тождественно съ болѣе древнимъ именемъ Гермеса, Гермейясъ, проводитъ къ судьѣ умершихъ—Ямѣ души умершихъ и сторожитъ ихъ, что напоминаетъ путеводителя умершихъ, Гермеса, и Кербера, сторожа подземнаго царства. Еще опредѣленнѣе является сходство основной идеи въ существѣ и принадлежностяхъ иранскаго и индійскаго солнечнаго бога Сурьи и греческаго Гелія или Гиперіона, изъ которыхъ послѣдній, можетъ быть, не разнится съ Аполлономъ. Какъ тотъ, такъ и другой ѣздитъ въ колесницѣ, везомой неутомимыми конями; утромъ онъ поднимается на востокѣ изъ моря и вечеромъ погружается опять въ него на западѣ. Впереди его Ужасъ (утренняя заря) на Индѣ пасетъ своихъ рыжихъ коровъ, какъ розоперстая Эосъ у Гомера предшествуетъ Гиперіону. Почти тождественными являются индійскіе близнецы Асвины (Ачвины) съ Тиндаридами или Діоскурами Гомера. Они доставляли побѣду въ бою, а взывавшимъ къ нимъ во время бури морякамъ спасеніе. Затѣмъ можно сравнить съ ними г рманскихъ боговъ Бальдера и Гёдура; первый—свѣтлый и добрый, какъ лучезарный день, второй—мрачный (слѣпъ), какъ облачная ночь. Пред-

ставленіе о такомъ враждебномъ другъ къ другу положеніи ихъ могло возникнуть уже на суровомъ сѣверѣ. Мы могли бы привести еще много чертъ, свидѣтельствующихъ объ общемъ происхожденіи вѣрованій арійскихъ племенъ; но предыдущаго будетъ для нашей цѣли достаточно. Кромѣ названныхъ боговъ, еще много было второстепенныхъ божествъ, такъ что и земледѣлецъ на своей нивѣ, и пастухъ на пастбищахъ и у клокочущихъ источниковъ и путникъ въ горахъ и долинахъ чувствовали близость божества и восхваляли его въ радостной пѣснѣ или взывали къ его помощи въ теплой молитвѣ.

То была прекрасная, свѣтлая вѣра, которая жила въ древнюю пору въ сердцѣ человѣка.

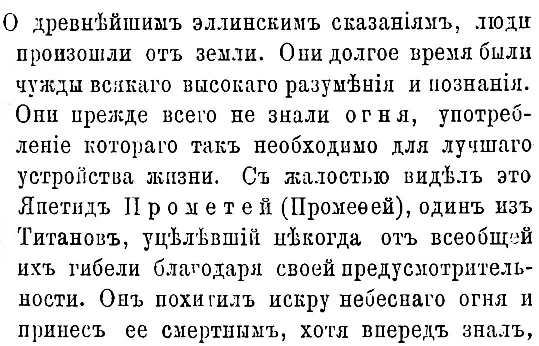
ОРНАМЕНТЪ, ИЗОБРАЖАЮЩІЙ АѲИНУ И БОРЬБУ ГЕРКУЛЕСА СЪ ХИМЕРОЙ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СКАЗАНІЯ ЭЛЛИНСКОЙ СТАРИНЫ

ГРЕЧЕСКІЕ ГЕРОИ

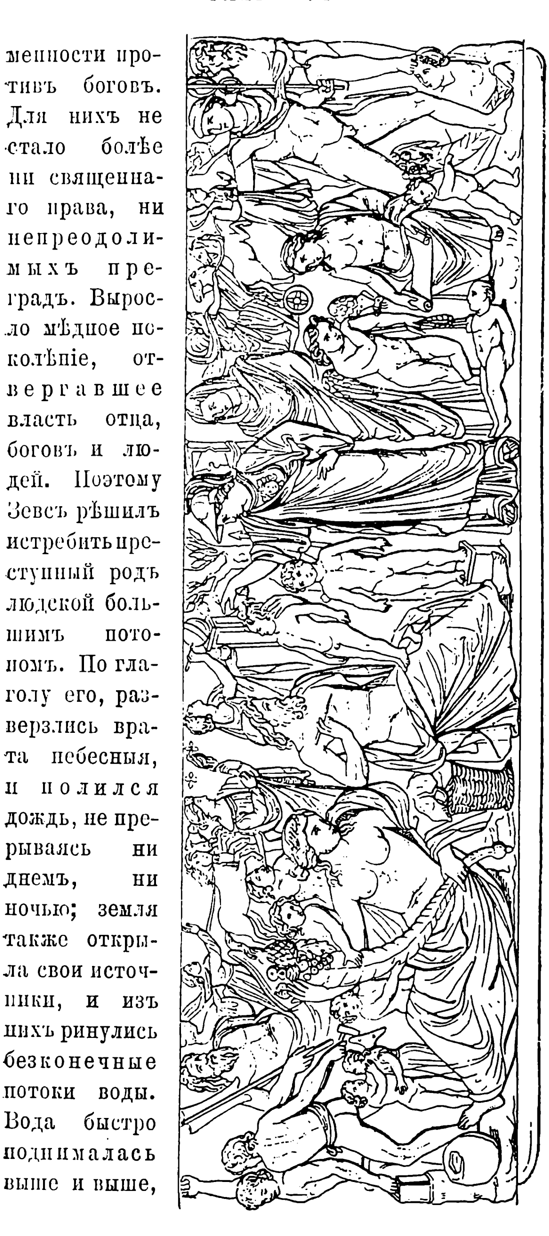
ДЕВКАЛІОНЪ И ЕГО ПОТОМКИ

По древнѣйшимъ эллинскимъ сказаніямъ, люди произошли отъ земли. Они долгое время были чужды всякаго высокаго разумѣнія и познанія. Они прежде всего не знали огня, употребленіе котораго такъ необходимо для лучшаго устройства жизни. Съ жалостью видѣлъ это Япетидъ Прометей (Промеѳей), одинъ изъ Титановъ, уцѣлѣвшій нѣкогда отъ всеобщей ихъ гибели благодаря своей предусмотрительности. Онъ похитилъ искру небеснаго огня и принесъ ее смертнымъ, хотя впередъ зналъ, что за это вседержащій Зевсъ подвергнетъ его несказаннымъ мученіямъ. Такимъ образомъ, онъ, по греческому миѳу, сталъ мученикомъ, благодѣтелемъ человѣчества.

Между тѣмъ пріобрѣтенное разумѣніе, власть, достигнутая надъ животными и природой, увлекли людей къ преступной над-

менности противъ боговъ. Для нихъ не стало болѣе ни священнаго права, ни непреодолимыхъ преградъ. Выросло мѣдное поколѣніе, отвергавшее власть отца, боговъ и людей. Поэтому Зевсъ рѣшилъ истребить преступный родъ людской большимъ потокомъ. По глаголу его, разверзлись врата небесныя, и полился дождь, не прерываясь ни днемъ, ни ночью; земля также открыла свои источники, и изъ нихъ ринулись безконечные потоки воды. Вода быстро поднималась выше и выше,

ПРОМЕТЕЙ, КАКЪ СОЗДАТЕЛЬ ЛЮДЕЙ.

Саркофагъ на Капитоліѣ въ Римѣ. Въ серединѣ рисунка легко узнать благородную фигуру Прометея съ похожимъ на Зевса лицомъ; онъ сидитъ, покрытый лишь въ нижней половинѣ тѣла плащомъ, и держитъ лѣвой рукой только что сформированнаго человѣка, а въ правой рѣзецъ, обдумывая, что еще нужно исправить; рядомъ съ нимъ стоитъ корзина съ кусками глины. Уже подошла къ нему Аѳина, намѣреваясь оживить уже оконченный образъ протянутой надъ нимъ бабочкой (символъ души). Налѣво отъ Прометея лежитъ Гея, богиня земли, у ея ногъ видимъ мы Эрота и Психею, надъ ними бородатаго бога съ весломъ, Океана, изъ лона котораго поднимается солнечный богъ на колесницѣ, запряженной четверкой коней; передъ ними двѣ Парки. Вторая сцена, занимающая правую половину рельефа, имѣетъ средоточіе въ растянутомъ на землѣ мертвомъ ребенкѣ, которому Эротъ ставитъ на грудь опрокинутый и угасающій факелъ. Въ головахъ мертвеца третья Парка вычитываетъ изъ свитка судьбы покойника. Закутанная фигура рядомъ съ Аѳиной вѣроятно олицетвореніе смерти; надъ нею богиня луны, Селена, поспѣшно поднимающаяся по небу на парѣ коней. Конецъ группы съ правой стороны образуетъ Гермесъ, проводникъ покойниковъ, который, правой рукой обнявъ граціозно несущуюся тѣнь мертвеца, низводитъ ее въ Аидъ.

пока не покрыла высочайшихъ горныхъ вершинъ. Ни люди, ни животныя не нашли себѣ убѣжища на землѣ; они утонули въ морѣ, разстилавшемся надъ горами и долинами.

Повидимому, внѣ сомнѣній то, что сказаніе о всеобщемъ потопѣ слѣдуетъ относить лишь къ необыкновенному наводненію въ ущельяхъ и долинахъ Додонскихъ. Съ этимъ связываютъ повѣствованіе о Девкаліонѣ, царѣ въ Эпирѣ, и переносятъ его въ Ѳессалію, чтобы вывести происхожденіе дорянъ, іонянъ, ахеянъ и эолянъ отъ общаго предка. Приведемъ здѣсь просто само преданіе.

Задолго передъ всеобщимъ потопомъ, къ сѣверу отъ горъ Ѳериссихъ, въ прелестныхъ поляхъ Ѳессаліи, называемыхъ Фтіотидой, жилъ Девкаліонъ, сынъ Прометея, съ женой своей Пиррой. Онъ прибылъ сюда съ дружиной куретовъ и лелеговъ изъ Локридской земли, жилъ бѣдно, но честно и во время всеобщей испорченности одинъ почиталъ боговъ. Его, потомка великаго благодѣтеля, славили за его мудрость, но не обращали вниманія на его совѣты. Отъ отца своего онъ узналъ, что Зевсъ пошлетъ наводненіе, и потому рѣшилъ спасти по крайней мѣрѣ себя, жену и свое имущество, такъ какъ прочій народъ не вѣрилъ его предостереженіямъ. Девкаліонъ построилъ вмѣстительный и крѣпкій ковчегъ, родъ ящика или судна, и въ немъ нашелъ спасеніе во время наступившаго бѣдствія. Девять сутокъ носился онъ по безбрежному морю; потомъ вода стала мало-по-малу убывать, снова выступили верхушки горъ, и ковчегъ сѣлъ на одной изъ вершинъ Парнасса. Девкаліонъ и Пирра вышли на землю, и первымъ дѣломъ ихъ было — въ благодарность за свое спасеніе воздвигнуть жертвенникъ и принести Зевсу-Крониду жертвы и молитвы. Взирая на это съ высотъ Олимпа, обрадовался Зевсъ благочестивому дару и послалъ къ нимъ вѣстника боговъ Гермеса сообщить радостную вѣсть, что Зевсъ исполнитъ всякое ихъ желаніе. Они же пожелали, чтобъ имъ не оставаться въ печальномъ одиночествѣ, но чтобъ снова появились на землѣ люди. Тогда Зевсъ имъ повелѣлъ бросать за спину камни. Они такъ и сдѣлали, и, о диво! обернувшись, увидѣли, что камни, брошенные Девкаліономъ, превратились въ мальчиковъ, а камни его жены — въ дѣвочекъ. Дѣти быстро выросли, стали обработывать и населять опять всю землю до моря, вошедшаго въ свои естественные предѣлы.

Хотя Девкаліонъ былъ уже старъ, говорится далѣе, однако его подруга жизни родила ему двухъ сыновей, Эллина и Амфиктіона, и дочь Протогенію. Послѣдняя отъ союза съ Зевсомъ имѣла сына Аэѳлія; Эллинъ же сдѣлался отцомъ Дора, Ксуѳа и Эола, между которыми раздѣлилъ онъ всю Эллинскую страну, такъ что первый правилъ въ Ѳессаліи, второй въ Пелопоннесѣ, третій въ собственной Элладѣ, къ сѣверу отъ Коринѳскаго залива. Ксуѳъ сочетался съ Креузой, дочерью земнороднаго аттическаго героя Эрехѳея, и прижилъ съ нею Ахея и Іона. Потомки Девкаліона, по миѳу, дали происхожденіе и имя всему народу, отдѣльнымъ племенамъ и знаменитѣйшимъ учрежденіямъ Греціи. Эллинъ—родоначальникъ эллинскаго народа и имени; отъ Дора ведутъ свое происхожденіе столь могущественные впослѣдствіи доряне, отъ Ахея—ахеяне, отъ Іона—іоняне, отъ Эола — эоляне. Амфиктіона называютъ учредителемъ знаменитаго впослѣдствіи амфиктіонова союза, Аэѳлія — основателемъ олимпійскихъ игръ, которыя праздновались всѣми греками.

РОДЪ ЭОЛА.

Внукъ Аэѳлія, Этолъ, изгнанный изъ Пелопоннеса, покорилъ названную по его имени Этолію и женился на дочери Дора, чѣмъ объясняютъ связь между этолянами и дорянами. Первоначальною страной эолянъ, напротивъ, была Ѳессалія. Доряне не ограничивались крошечною Доридой у подножія Эты, но жили и властвовали до Коринѳскаго залива; іоняне же и ахеяне подѣлили между собой Пелопоннесъ и были въ родственныхъ отношеніяхъ съ жителями Аттики. Доръ, по миѳамъ, былъ воинственнымъ героемъ и повелъ свою дружину отъ Олимпа къ полямъ около Эты; Ксуѳъ, вытѣсненный изъ Ѳессаліи, ушелъ сначала въ Пелопоннесъ, затѣмъ, какъ выше упомянуто, въ Аттику, гдѣ, въ награду за храбрую помощь на войнѣ, получилъ руку царской дочери и сдѣлался родоначальникомъ іонянъ и ахеянъ. Такимъ образомъ, преданіе перенесло странствованія племенъ на ихъ миѳическихъ родоначальниковъ.

Много было сказаній о потомкахъ Эола. Семеро сыновей и пятеро дочерей украшали его старость и вполнѣ наслаждались довольствомъ, которымъ надѣляла ихъ плодоносная Ѳессалія, и ко-

торое они унаслѣдовали по смерти почтеннаго патріарха. Но если они и получили его богатства и знатность, то имъ оставались чуждыми честность и благочестіе ихъ предка Девкаліона; какъ потонувшее мѣдное поколѣніе, они были полны высокомѣрія и надменно смотрѣли на боговъ и людей. Салмоней, одинъ изъ сыновей, владычествовалъ въ Іолкѣ, въ плодоносныхъ долинахъ къ югу отъ Пелія до самаго моря. Онъ мнилъ себя равнымъ олимпійскому Зевсу. Въ колесницѣ, увѣшанной мѣдными гремящими тазами, онъ разъѣзжалъ по царству, метая головни въ небо, въ подражаніе грому и молніи. Понятно, онъ пришелъ въ ярость, когда узналъ, что дочь его Тиро соединилась съ властителемъ морей Посидономъ и родила ему близнецовъ Пелію (Целія) и Нелея. Онъ позволилъ своей второй женѣ, Сидеро, обрѣзать кудрявые волосы несчастной Тиро, подвергнуть ее истязаніямъ и посадить въ мрачное подземелье. Своихъ обоихъ внуковъ, которые были выброшены, онъ считалъ погибшими; но сострадательный пастухъ позаботился о нихъ, воспиталъ и выростилъ ихъ. Когда они стали крѣпкими юношами, то неожиданно ворвались въ царскій дворецъ, освободили свою мать и преслѣдовали жестокую мачиху. Та напрасно бѣжала въ священный храмъ царицы боговъ Геры; преслѣдователи убили ее на самомъ жертвенникѣ. На это прогнѣвались безсмертные на Олимпѣ и наложили на убійцъ тяжкую, хотя и позднюю кару. Самъ Салмоней не могъ уже отомстить за преступленіе. Далеко разъѣзжалъ онъ въ своей колесницѣ, метая факелы и головни, но, наконецъ, пораженъ былъ на смерть молніей Зевса. Гордость и надменность его перешли и къ его внукамъ и скоро проявились въ ихъ спорахъ объ отцовскомъ наслѣдіи. Ни тотъ, ни другой не хотѣли уступить части своему брату. Пелія, у котораго было больше приверженцевъ, принудилъ, наконецъ, брата къ бѣгству и одинъ сталъ владѣть Іолкомъ. Нелей покинулъ Ѳессалію, отправился въ Пелопоннесъ и основалъ свое владычество въ югозападной части его, въ Пилосѣ. У него было двѣнадцать сыновей и одна дочь. Много злыхъ, беззаконныхъ дѣлъ приписываютъ ему; но за нихъ онъ не избѣжалъ наказанія. Однажды къ нему пришелъ съ просьбою Гераклъ, о которомъ послѣ мы будемъ говорить подробно. Нелей грубо отказалъ ему и приказалъ удалиться изъ города и страны. Тутъ вспыхнулъ гнѣвомъ легко раздражавшійся Гераклъ и убилъ Нелея и всѣхъ его сыновей, кромѣ

Нестора, случайно отсутствовавшаго изъ царскаго жилища. Несторъ возстановилъ снова померкшій блескъ своего дома, а въ старости, когда уже не могъ носить оружія, прославился мудростью среди греческихъ героевъ подъ Троей. Потомки его, во время завоеванія Пелопоннеса дорянами, бѣжали въ Аѳины, гдѣ достигли царскихъ почестей. Отъ этихъ миѳическихъ героевъ впослѣдствіи вели свое происхожденіе знатнѣйшіе вожди іонійскихъ переселенцевъ.

БОРЬБА БЕЛЛЕРОФОНТА СЪ ХИМЕРОЙ,
ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЛИКІЙСКАГО ЦАРЯ И АѲИНЫ-ПАЛЛАДЫ (РИСУНОКЪ НА ВАЗѢ).

Другой изъ сыновей Эола былъ Сизифъ, отъявленный плутъ, которому равнаго въ хитрости и коварствѣ не было ни среди людей, ни среди боговъ. Собравъ дружину отважныхъ юношей, онъ двинулся на югъ, пока на перешейкѣ, соединяющемъ Элладу съ Пелопоннесомъ, не нашелъ удобнѣйшаго мѣста для поселенія. Тамъ, между двухъ пограничныхъ морей, на благопріятномъ для торговли мѣстѣ, онъ основалъ Коринѳъ или Эпиру, какъ назывался Коринѳъ въ раннее время. Здѣсь онъ безъ стыда совершалъ грабежи, убійства и разбои. Съ утесовъ Геранейскихъ онъ скатывалъ камни на мирныхъ путешественниковъ и потомъ обогащался

имуществомъ убитыхъ. Въ земной жизни, онъ, правда, избѣгнулъ кары, но за то въ подземномъ царствѣ, въ наказаніе, ему опредѣлено безпрерывно вскатывать на гору тяжелый камень.

Внукомъ Сизифа былъ Беллерофонтъ, сынъ Главка, царя Коринѳскаго. За неумышленное убійство ему пришлось бѣжать изъ Коринѳа, и онъ нашелъ радушный пріемъ въ Тиринѳѣ у дружественнаго царя Прёта. Молодой, цвѣтущій герой отличался здѣсь передъ всѣми силой и доблестью, какъ въ серьезныхъ битвахъ, такъ и на военныхъ играхъ, но лучшимъ его украшеніемъ былъ цѣломудренный, добродѣтельный нравъ. Когда царица Антейя вспыхнула преступной страстью къ юношѣ и дала это понять, онъ въ негодованіи отвергъ ее, ссылаясь на оказанное ему гостепріимство, котораго онъ не смѣетъ запятнать преступленіемъ. Тогда любовь царицы превратилась въ ненависть, и она рѣшила его погубить. По ея злорѣчивымъ обвиненіямъ, Прётъ отправилъ юношу къ тестю своему Іобату, царю Ликіи, въ Малой Азіи. Онъ далъ ему складную дощечку съ тайными знаками, содержавшими приказъ убить ея предъявителя. Ничего не подозрѣвая, молодой герой прибылъ ко двору ликійскаго царя, радушно былъ принятъ и, по тогдашнему обычаю, не тотчасъ спрошенъ о происхожденіи и о цѣли пріѣзда. Когда же онъ отдалъ дощечку, царь не рѣшился нарушить священнаго гостепріимства убійствомъ. Но онъ возложилъ на него опасныя предпріятія, въ которыхъ онъ долженъ былъ погибнуть. Прежде всего его отправили на борьбу противъ страшной Химеры, чудовища, изрыгавшаго пламя и бывшаго спереди львомъ, въ средней части дикою горною козой, а въ задней части—змѣей. Онъ отправился въ путь, къ вѣрной для него смерти, если бы не спасла его божья помощь. Ему явилась Паллада-Аѳина, защитница храбрыхъ героевъ, и дала ему крылатаго коня Пегаса. На немъ онъ быстро примчался къ тому мѣсту, гдѣ Химера подстерегала добычу. Напрасно чудовище изрыгало потоки пламени на героя, тщетно по-

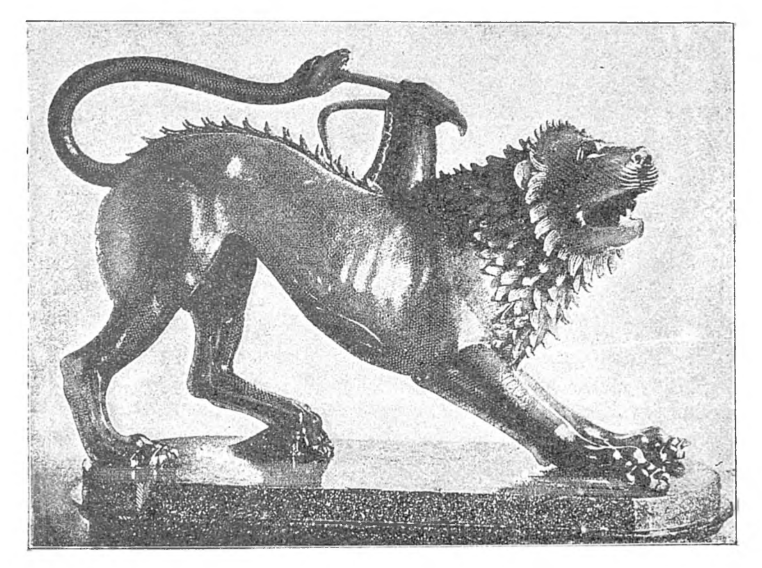
БЕЛЛЕРОФОНТЪ.

ХИМЕРА.

(КОРИНѲСКАЯ МОНЕТА)

рывалось оно растерзать его зубами и когтями; юноша убилъ его, и слава его облетѣла всю Ликію. Такъ-же счастливо побѣдилъ онъ дикихъ, свирѣпыхъ Солимовъ въ ихъ горныхъ ущельяхъ, надъ которыми переносилъ его крылатый конь, и воинственный народъ женщинъ-амазонокъ. Его подвиги пріобрѣли ему, наконецъ, милость царя, который далъ ему въ жены свою дочь и вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ значительную часть царства. Его внуки, Сарпедонъ и Главкъ, впослѣдствіи славно бились подъ стѣнами Трои, какъ союзники троянцевъ противъ греческой силы.

ХИМЕРА.
(ГРЕЧЕСКАЯ БРОНЗА ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ МУЗЕѢ ВО ФЛОРЕНЦІИ)

Аѳамантъ, третій сынъ Эола, былъ основателемъ Орхомена въ Беотіи, на озерѣ Копаидѣ, недалеко отъ впаденія въ него Кефиса. Вѣроятно, онъ перевелъ воинственное племя, называвшееся минійцами, чрезъ горы Ѳриссскія и Эту. Мы уже выше упомянули объ этихъ минійцахъ и о сооруженной ими сокровищницѣ. Мы находимъ ихъ тамъ и сямъ на большомъ протяженіи, отъ Іолка въ Ѳессаліи до самаго Пилоса въ Мессеніи, и они,' кажется, были предпріимчивыми мореходцами, далеко простиравшими свои пла-

ванія и вступившими въ торговыя сношенія вѣроятно и съ финикіянами. Въ Орхоменѣ они достигли особеннаго благосостоянія и значенія, и они-то предприняли сооруженіе колоссальныхъ катавоѳръ черезъ Птойскія горы, по которымъ излишнія воды озера Копаиды стекали въ море. Остатки этого древняго гигантскаго сооруженія человѣческой руки видны еще теперь и служатъ свидѣтельствомъ настойчивости и ловкости минійцевъ.

Исторія Аѳаманта вплетена во многіе миѳы. Жена его Нефела (облако) была божественнаго происхожденія и подарила ему двухъ дѣтей, Фрикса и Геллу. Вторая жена его Ино была злой мачихой для этихъ дѣтей. Особенно ненавистенъ былъ ей Фриксъ, который, выросши юношей, сталъ выказывать смѣлое сопротивленіе истязаніямъ съ ея стороны. Ея коварные замыслы готовили ему гибель; но Нефела, пришедшая къ нему незримо, передала ему златоруннаго барана, чтобъ имъ воспользоваться для бѣгства. Тотчасъ же Фриксъ вмѣстѣ съ сестрой Геллой сѣли на необыкновенное вьючное животное и умчались по горамъ и долинамъ. Веселая была ѣзда по зеленымъ лѣсамъ и цвѣтущимъ полямъ; когда же баранъ, домчавшись до моря, безъ всякаго колебанія прыгнулъ въ воду и продолжалъ путь по шумнымъ волнамъ съ быстротой стрѣлы, Геллу взялъ страхъ. Въ морѣ Эгейскомъ она еще крѣпко держалась за брата, но въ проливѣ, гдѣ волны высоко вздымались, она свалилась съ животнаго и утонула, почему эта часть моря по ней носитъ названіе Геллеспонта. Фриксъ благополучно достигъ береговъ Колхиды, гдѣ правилъ царь Ээтъ надъ суровой страной варваровъ. Онъ принялъ подъ свою защиту утомленнаго путешественника, золотое же руно принесеннаго въ жертву барана повѣсилъ въ рощѣ бога войны Ареса.

АРГОСЪ И ЕГО ГЕРОИ.

Преданіе разсказываетъ еще много чудеснаго о потомкахъ Эола; но мы теперь обратимся къ Аргивскому полуострову, гдѣ греческій миѳъ распустился не менѣе пышно. Древнѣйшимъ царемъ и основателемъ Аргоса называютъ Инаха, бога главной рѣки въ этой области, сына Океана и Теѳисы. По сказанію, онъ жилъ за 1900 лѣтъ до христіанской эры. Дочери его, Іо, приключенія которой были любимой темой древнихъ поэтовъ, приписываютъ

еще болѣе удивительныя путешествія, чѣмъ Фриксу. Она была жрицей Геры въ знаменитомъ храмѣ послѣдней между Микенами и Аргосомъ. Здѣсь-то съ нею вошелъ въ связь Зевсъ. Когда Гера открыла обманъ своего супруга, то онъ, чтобъ избѣжать ея упрековъ, превратилъ жрицу въ бѣлоснѣжную корову. Гера тотчасъ

ДАНАЯ И ПЕРСЕЙ ПЕРЕДЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕМЪ ВЪ ЯЩИКЪ.
(ПО РИСУНКУ НА ВАЗѢ).

Благородный, съ выдержанной мѣрой рисунокъ на сосудѣ изъ Церe въ строго красивомъ стилѣ V-го столѣтія до Р. Хр. Даная готова войти въ ящикъ; на лѣвой рукѣ держитъ она маленькаго Персея, который, не вѣдая грозящей ему опасности, играетъ своимъ мячикомъ, въ то время, какъ она поднимаетъ вверхъ правую руку, обративъ лицо съ выраженіемъ упрека на отца; послѣдній съ протянутой рукой еще разъ объявляетъ ей приговоръ. Налѣво столяръ, смастерившій ящикъ и готовый задѣлать теперь крышку.

же послала ядовитаго овода, и мучимая имъ Іо, спасаясь отъ него, бѣжала по землѣ и по морю, пока, наконецъ, не достигла Египта, гдѣ Зевсъ далъ ей покой и возвратилъ естественный, прекрасный человѣческій образъ. По другимъ сказаніямъ, жрица была похищена и продана въ Египетъ финикійскими купцами, высадившимися на аргивскомъ берегу по торговымъ дѣламъ.

Потомками Іо были, по преданію, Египтъ и Данай. У перваго было 50 сыновей, у второго столько же дочерей. Сыновья Египта пожелали жениться на дочеряхъ Даная; но Данай отвергнулъ эту связь, сѣлъ на корабль съ дочерьми и имуществомъ и по морю бѣжалъ въ Аргосъ. Однако и туда за нимъ послѣдовалъ на-

ДАНАИДЫ.
(БАРЕЛЬЕФЪ ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

стойчивый Египтъ со всѣми своими сыновьями и, съ помощью вооруженныхъ юношей, продолжалъ свое сватовство съ такимъ успѣхомъ, что достигъ цѣли. Но въ вечеръ свадебнаго дня Данай призвалъ еще разъ къ себѣ своихъ дочерей и наполнилъ ихъ сердца такимъ же негодованіемъ на насильственный бракъ, какое онъ чувствовалъ самъ. Онъ заставилъ ихъ поклясться, что каждая изъ нихъ въ эту ночь убьетъ навязаннаго ей мужа. Кровавое дѣло свершили сорокъ девять изъ новобрачныхъ. Одна лишь Гипермнестра пощадила любимаго ею Линкея и дала ему средства бѣжать. Ея сестры-убійцы рано умерли и въ подземномъ царствѣ потерпѣли кару за свое преступленіе. Онѣ осуждены были на вѣчныя муки напраснаго, утомительнаго труда: онѣ должны были безъ отдыха и покоя носить воду въ бездонную бочку.

Потомкомъ того Линкея былъ Персей, исторія котораго переноситъ насъ совершенно въ сказочный міръ востока. Пышная фантазія востока придумала въ ней такіе образы и событія, въ которыхъ трудно найтись холодному уму. Сказаніе, очевидно, финикійскаго происхожденія; оно олицетворяетъ, повидимому, подвиги бога Солнца, который укрощаетъ силы мрака на дальнемъ западѣ. Между тѣмъ греки производили отъ Персея родъ своего національнаго героя Геракла, котораго спартанскіе цари съ гордостью выдавали за своего родоначальника. Послѣдуемъ поэтому за миѳомъ по лабиринтнымъ путямъ его волшебнаго міра.

Двое братьевъ, Акрисій и Прётъ, раздѣлили между собой владычество надъ аргивскимъ полуостровомъ. Съ послѣднимъ изъ

нихъ, избравшимъ своимъ мѣстопребываніемъ Тиринѳъ, мы уже познакомились въ исторіи Беллерофонта; первый же жилъ въ Аргосѣ. Ему оракулъ предрекъ смерть отъ руки своего внука. Поэтому, чтобъ совершенно обезпечить себя отъ потомства, онъ засадилъ единственную дочь свою Данаю въ подземелье, въ комнату, искусно сдѣланную изъ мѣди. Но золотымъ ключемъ можно отворить самые крѣпкіе замки, и таковымъ воспользовался вседержитель Зевсъ. По миѳу, онъ въ видѣ золотого дождя проникъ чрезъ щели крыши къ одинокой царевнѣ. Прелестный ребенокъ Персей былъ плодомъ союза безсмертнаго бога со смертной Данаей. Рожденіе внука не могло остаться тайной для бдительнаго дѣда. Въ страхѣ за собственную жизнь онъ рѣшилъ погубить дочь вмѣстѣ съ ея ребенкомъ. Онъ ихъ обоихъ заперъ въ ящикъ и бросилъ въ бурное море, увѣренный, что имъ не миновать погибели. Но волны морскія оказались болѣе сострадательными, нежели отецъ, и вынесли ящикъ на островъ Серифъ, гдѣ мать и дитя нашли дружескій пріемъ у Диктиса, брата тамошняго царя. Любвеобильный покровитель воспиталъ красиваго мальчика, какъ если бы послѣдній былъ его собственнымъ сыномъ, и заботы его были богато вознаграждены, такъ какъ Персей выросъ крѣпкимъ, мужественнымъ юношей, отличавшимся среди молодыхъ людей, окружавшихъ царя Полидекта. Только послѣднему онъ былъ большой помѣхой, такъ какъ царь охотно посватался бы къ матери его—Данаѣ. Однажды царь потребовалъ отъ своей свиты пополнить приданое для его невѣсты. Всѣ поднесли отъ себя подарки, одинъ лишь бѣдный Персей ничего не могъ предложить. Когда его за это попрекнули, онъ воскликнулъ: „Царь, у меня ничего нѣтъ, кромѣ храброй души и крѣпкой руки; я готовъ услужить тебѣ ими, и доставить тебѣ все, чего не пожелаетъ твое сердце, еслибъ даже то была голова Медузы!“— Подарокъ не дуренъ,—подумалъ Полидектъ, искавшій случая удалить Персея,—и кто мнѣ доставитъ его,—сказалъ онъ,—того сочту я лучшимъ своимъ другомъ и самымъ отважнымъ изъ смертныхъ.

Персей зналъ опасность такого предпріятія; онъ зналъ, что трое сестеръ, называемыхъ Горгонами, были дочерьми дракона Форкина и чудовища Кето, и что одна изъ нихъ, Медуза, превращала въ камень всякаго однимъ своимъ видомъ; но гордое слово было имъ сказано, и онъ не желалъ показаться пустымъ

хвастуномъ. Поэтому онъ отправился въ путь на геройское предпріятіе. Сперва нужно было узнать мѣстопребываніе сестеръ. Для этого юноша воззвалъ къ Палладѣ-Аѳинѣ и былъ ею услышанъ.

Явился вѣстникъ боговъ Гермесъ и указалъ ему дорогу къ **Грайямъ**, также происходившимъ отъ Форкина. Отъ рожденія онѣ уже были дряхлыми, сѣдыми старушками съ однимъ глазомъ и съ однимъ зубомъ на троихъ, которыми онѣ пользовались попеременно. За то это былъ удивительный глазъ, ибо Грайи, которыя однѣ только умѣли имъ правильно пользоваться, видѣли имъ все, что дѣлалось, даже самыя скрытыя тайны, во всѣхъ странахъ. Путь къ нимъ былъ, правда, самый дальній, ибо онѣ жили на краю свѣта; но Персей, съ помощью Гермеса, благополучно добрался до нихъ. Онъ сейчасъ-же спряталъ къ себѣ драгоцѣнные глазъ и зубъ, которые въ это время какъ-разъ лежали безъ употребленія. Сестры отъ природы были любопытны и почти цѣлый день голодны. Поэтому онѣ скоро стали искать свои орудія и спорили и бранились другъ съ другомъ, такъ какъ каждая думала, что другія ей не хотятъ ихъ отдать. Когда же онѣ убѣдились въ похищеніи, онѣ разразились страшными воплями. Тутъ Персей открылъ имъ свое присутствіе и выразилъ готовность отдать имъ ихъ орудія, если онѣ опишутъ ему мѣстопребываніе Горгонъ и путь къ нимъ. Грайи тогда сообщили ему, что онъ долженъ отыскать ихъ сосѣдокъ, трехъ прелестныхъ нимфъ и попросить у нихъ необходимыя орудія, а затѣмъ отправиться далѣе черезъ Океанъ къ предѣламъ ночи; тамъ онъ найдетъ Горгонъ. За это сообщеніе онъ снова вручилъ голоднымъ старушкамъ зубъ и глазъ и отправился далѣе. Онъ нашелъ нимфъ, которыя снабдили юношу крылатыми сандаліями, мѣшкомъ и шлемомъ Аида, который дѣлалъ невидимымъ всякаго, кто его надѣвалъ. Благодаря первому подарку путешествіе было легкое и быстрое. Когда онъ подошелъ къ страшному, окруженному грязью и гадами гроту, въ которомъ трое Горгонъ какъ-разъ почивали послѣ обѣда, онъ сталъ приближаться задомъ впередъ, глядя, какъ въ зеркало, на блестящій щитъ, подаренный ему Аѳиной. Такимъ образомъ онъ увидѣлъ страшныхъ спящихъ Горгонъ, опоясанныхъ змѣями, со змѣями же, обвивающимися вмѣсто волосъ вокругъ головы, и узналъ между ними **Медузу**. Подойдя

къ ней все задомъ, совсѣмъ близко, онъ, ловкимъ ударомъ меча, отсѣкъ голову Медузы, которая упала въ подставленный имъ мѣшокъ. Остальныя сестры, правда, тотчасъ же проснулись, но скрывавшій его отъ глазъ ихъ шлемъ спасъ героя отъ пагубныхъ объятій, въ которыя онѣ хотѣли и заключить его. Прежде чѣмъ онъ на крылатыхъ сандаліяхъ успѣлъ отправиться въ обратный путь, глазамъ его представилось новое чудо. Изъ материнскаго лона земли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще дымилась кровь

МЕДУЗА РОНДАНИНИ ВЪ МЮНХЕНСКОМЪ МУЗЕѢ.

обезглавленной Горгоны, выросъ крылатый конь **П е г а с ъ**. Статный конь тотчасъ же развернулъ свои крылья, чтобы вознестись къ поднебесью; но тутъ Персей быстро вскочилъ на него, укротилъ его и направилъ полетъ его по своему произволу.

Прежде всего возвратилъ онъ нимфамъ шапку - невидимку и сандаліи - самолеты; безцѣнный мѣшокъ онъ, съ ихъ позволенія, оставилъ у себя. Затѣмъ онъ пронесся надъ Грайями, которыя поперемѣнно глядѣли на него единственнымъ своимъ глазомъ; потомъ на жаркомъ побережьи Эѳіопіи онъ увидѣлъ красавицу-дѣвушку, прикованную къ скалѣ. То была **А н д р о м е д а**, дочь царя **К е ф е я**, оставленная несчастнымъ своимъ отцомъ, по при-

казанію оракула, на съѣденіе морскому чудовищу. Храбрый юноша съ мечомъ ринулся на чудовище, когда оно поднялось изъ воды, чтобы проглотить свою добычу. Но на чудовище не дѣйствовали ни удары, ни уколы, и взбудораженная имъ пучина грозила гибелью и коню, и всаднику. Тогда герой въ минуту крайней опасности показываетъ чудовищу голову Горгоны и превращаетъ его въ камень. Затѣмъ онъ освобожденную Андромеду приводитъ къ ея отцу и въ награду за свой подвигъ получаетъ ея руку и богатыя сокровища. Съ женой и полученнымъ добромъ позади себя на крылатомъ конѣ онъ поскакалъ къ Серифу. Тамъ предстояло ему новое дѣло. А именно: мать свою и своего пріемнаго отца Диктиса нашелъ онъ обнимающими жертвенникъ Паллады Аѳины, у котораго они искали защиты отъ преслѣдованій царя Полидекта. И въ это убѣжище послѣдовалъ за ними насильственный царь съ вооруженными тѣлохранителями, но на гибель себѣ самому. Персей, карауля у воротъ въ святилище, обнажилъ голову Медузы, и остановились внезапно окаменѣвшіе преслѣдователи, точно мраморныя статуи, поставленныя вокругъ храма.

То было въ послѣдній разъ, что герой воспользовался своей добычей. Голову и крылатаго коня онъ передалъ покровительницѣ своей—Палладѣ Аѳинѣ. Съ тѣхъ поръ закутанный обликъ Горгоны красуется на щитѣ богини, и она обнажаетъ его на полѣ кровавой брани на ужасъ своихъ враговъ.

Но еще не исполнилось изреченіе оракула, полученное нѣкогда Акрисіемъ до рожденія его внука, а вѣдь неумолимому року подчинены и боги, и люди. Напрасно Акрисій покинулъ свой городъ, чтобъ избѣжать встрѣчи со внукомъ: въ Ѳессаліи, на праздничныхъ играхъ, брошенный Персеемъ дискъ попалъ прямо въ голову далеко въ сторонѣ стоявшаго дѣда, и Акрисій, смертельно раненный, повалился наземь. Скорбя о ненамѣренномъ убійствѣ, герой не вернулся въ Аргосъ, но сѣлъ на царскій престолъ въ Тиринѳѣ и основалъ Микены, киклопическія стѣны которыхъ еще теперь въ развалинахъ своихъ свидѣтельствуютъ о нѣкогда знаменитомъ городѣ.

ГЕРАКЛЪ (У РИМЛЯНЪ—ГЕРКУЛЕСЪ).

Потомкомъ Персея былъ Гераклъ, національный герой всего греческаго народа, особенно же дорійскаго племени, ко-

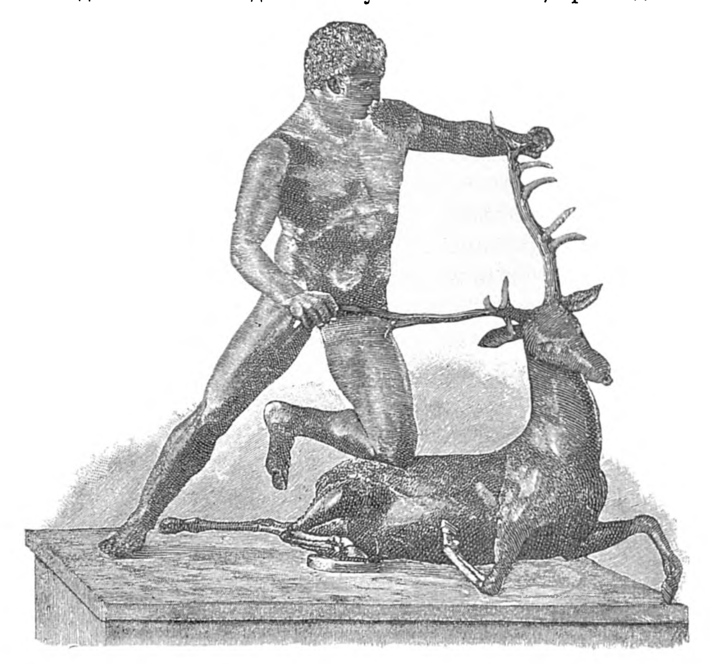
торое горделиво вело отъ него свое происхожденіе. Онъ идеалъ героическаго времени; въ немъ миѳъ совмѣстилъ въ одно пестрое цѣлое чудеснѣйшіе подвиги и приключенія многихъ героевъ. Но онъ и вообще идеалъ могучей человѣческой природы, не укрощенной еще ни закономъ, ни обычаемъ, но стремящійся въ трудахъ и работѣ, великими и благородными, но рядомъ съ этимъ и дикими кровавыми подвигами, къ божественному и, наконецъ, достигающій его искупленіемъ смерти. На геройскомъ поприщѣ своемъ, богатомъ и трудами, и подвигами, онъ долженъ служить трусу, облеченному властью, пока онъ, наконецъ, очищенный, не воспаряетъ къ высотамъ Олимпа. Первоначально онъ по свойству своему былъ сходенъ съ Персеемъ, олицетвореніемъ божества свѣта, защитникомъ и спасителемъ отъ мрачныхъ враждебныхъ силъ, съ которыми онъ безпрестанно борется и побѣждаетъ ихъ. Благодаря перенесеннымъ на него миѳомъ дѣяніямъ онъ сталъ ближе человѣческой природѣ и превратился въ прославленнаго національнаго героя эллиновъ.

БОРЬБА ГЕРАКЛА СЪ НЕМЕЙСКИМЪ ЛЬВОМЪ (МОНЕТА ИЗЪ ГЕРАКЛЕИ).

Гераклъ, сынъ Амфитріона и Алкмены, двухъ внуковъ Персея, по другому миѳу сынъ Зевса и Алкмены, имѣлъ несчастье родиться нѣсколькими днями позже Эврисѳея, другого потомка указаннаго героя и сына Сѳенела; иначе онъ сдѣлался бы властителемъ Аргивскаго полуострова. Миѳъ подробно описываетъ, какъ Зевсъ, за круговой чашей нектара, похвалился другимъ богамъ, что черезъ нѣсколько дней отъ него родится сынъ, которому опредѣлено владычество надъ обширными странами, и какъ вслѣдъ за тѣмъ ревнивая Гера спустилась на землю и ускорила рожденіе Эврисѳея въ Тиринѳѣ. Эта женская хитрость принудила отца боговъ утвердить власть за Эврисѳеемъ, такъ какъ тотъ, черезъ Персея, также отъ него происходилъ. Гераклъ же родился въ Ѳивахъ, куда, какъ передаютъ, бѣжалъ Амфитріонъ изъ-за совершеннаго имъ убійства. Сюда Гера послала двухъ змѣй, чтобъ погубить ненавистнаго ребенка; но мальчикъ поднялся въ своей колыбели, схватилъ животныхъ, какъ игрушки, за шею и задушилъ ихъ, несмотря на ихъ сопротивленіе и шипѣнье. Рано развилась его могучая сила, но также и его необузданный

нравъ, который, какъ и у другихъ смертныхъ, былъ укрощенъ лишь суровой рукой судьбы. Онъ убилъ пѣвца Лина, учившаго его игрѣ на лирѣ, когда тотъ его наказалъ за то, что пальцы его были слишкомъ неповоротливы, чтобъ найти гармонію звуковъ. Ему поэтому пришлось покинуть городъ и пасти стада. Но при этомъ онъ не давалъ себѣ отдыха: высушивалъ болота, преслѣдовалъ и

БОРЬБА ГЕРАКЛА СЪ ЛАНЬЮ АРТЕМИДЫ
(БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ ВЪ МУЗЕѢ ВЪ ПАЛЕРМО).

убивалъ разбойниковъ и звѣрей и всюду охранялъ земледѣльца, который подъ его защитой спокойно могъ засѣвать поля и собирать жатву.

Въ награду за его храбрыя дѣла, ѳивскій царь Креонтъ далъ ему въ жены дочь свою, съ которою Гераклъ прижилъ восемь человѣкъ дѣтей. Но Гера, непримиримый врагъ его, съ завистью глядѣла на его цвѣтущее счастіе. Она смутила его умъ, и въ припадкѣ бѣшенства онъ убилъ свою жену и своихъ дѣтей. Пришедши въ себя, онъ обратился къ оракулу въ Дельфахъ за

совѣтомъ, какъ искупить свое преступленіе. Пиѳія, которая, по преданію, тогда впервые назвала его Геракломъ, потому что онъ своей славой обязанъ былъ врагу своему, Герѣ, приказала ему 12 лѣтъ служить своему двоюродному брату Эврисѳею. Униженный навлеченнымъ на себя по своей винѣ несчастіемъ, онъ подчинился оракулу и сталъ слугой. По приказу Эврисѳея, онъ исполнилъ тѣ двѣнадцать могучихъ работъ, о которыхъ повѣствуетъ намъ преданіе. Сперва онъ въ дебряхъ Немейскаго лѣса въ Аргивской области своими руками задушилъ неуязвимаго льва, а шкурой его облекъ свои мощныя плечи. Затѣмъ, въ болотахъ Лернскихъ, онъ у громадной змѣи отсѣкъ ея девять головъ, а вѣрному сподвижнику своему Іолаю велѣлъ прижигать раны, чѣмъ только можно было достигнуть того, чтобъ не наросли новыя головы. Въ ядѣ чудовища онъ омочилъ свои стрѣлы, которыя съ тѣхъ поръ стали смертоносными. Далѣе, онъ изловилъ лань Артемиды, голова которой была увѣнчана золотыми рогами, а позднѣе въ почти неприступныхъ ущельяхъ Эриманѳскихъ горъ, въ Аркадіи, поймалъ вепря, видъ котораго былъ такъ страшенъ, что Эврисѳей спрятался отъ него въ бочку. Гераклъ же устроилъ обѣдъ и вмѣстѣ съ товарищами съѣлъ огромное изжаренное животное до косточекъ. Дальнѣйшей задачей Геракла было вычистить скотный дворъ богатаго царя Элиды—Авгія. Двора этого, гдѣ было до 3000 головъ рогатаго скота, никогда еще не очищали отъ навоза. Алкидъ—такъ называли часто Геракла по имени дѣда его, Алкея,—поставилъ условіемъ, чтобъ, по совер-

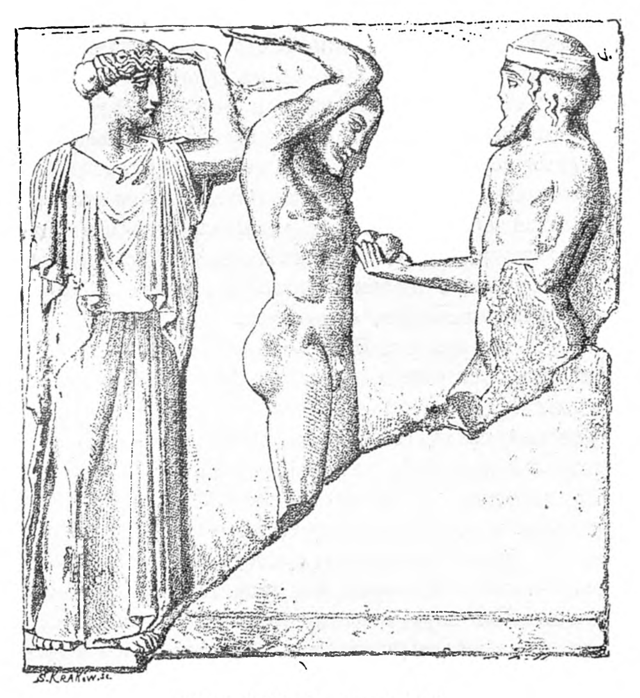
БОРЬБА ГЕРАКЛА СЪ НЕУКРОТИМЫМЪ БЫКОМЪ НА ОСТРОВѢ КРИТѢ (РИСУНОКЪ НА ДРЕВНЕЙ ВАЗѢ).

шенія работы, ему въ награду отдали часть стада. Когда царь выразилъ на это согласіе, герой не сталъ уносить навоза на своихъ плечахъ, а направилъ теченіе рѣки Алфея на скотный дворъ, который былъ быстро очищенъ водой. Но Авгій отказалъ герою въ вознагражденіи, такъ какъ, по его мнѣнію, такого рода чистка скотнаго двора приноситъ больше убытка, нежели пользы. Онъ и не испугался, когда Гераклъ произвелъ враждебное вторженіе въ Элиду: у него были крѣпкіе бойцы, близнецы Моліониды, хвалившіеся, что отецъ ихъ Посидонъ. Они были не только огромны и сильны, но еще и совершенно особеннаго тѣлосложенія. Ниже бедеръ они были однимъ, вполнѣ развившимся, человѣкомъ, но выше этого мѣста ихъ тѣла расходились, образуя двухъ статныхъ мужчинъ. Эти близнецы съ другими товарищами встрѣтили вторгающагося героя. Двумя щитами своими они отражали его стрѣлы и удары его палицы и отвѣтили на это такъ внушительно двумя брошенными копьями и ударами двухъ мечей, что онъ, послѣ упорной борьбы, принужденъ былъ отступить. Когда же они, гордясь своей побѣдой надъ сыномъ Зевса, отправились на исѳмійскія игры, онъ напалъ на нихъ въ ущельяхъ у Клеоны въ Арголидѣ и убилъ. Вслѣдъ за тѣмъ погибель постигла и Авгія и весь его домъ.

Послѣ этихъ подвиговъ, Гераклъ вернулся на службу и тотчасъ же получилъ новое занятіе. Своими стрѣлами, не дававшими промаха, перестрѣлялъ онъ многочисленныхъ хищныхъ птицъ съ мѣдными когтями, тучами носившихся около Стимфальскихъ болотъ въ Аркадіи и нападавшихъ на людей и животныхъ. Онъ изловилъ на островѣ Критѣ неукротимаго быка и привезъ его своему повелителю, который, къ ужасу жителей Аттики, выпустилъ его на волю къ Мараѳонскому полю. Вмѣстѣ со многими героями онъ счастливо боролся во Ѳракіи съ царемъ Діомедомъ и увелъ его коней-людоѣдовъ, которые, будучи выпущены на волю Эврисѳеемъ, были въ Ликейскихъ горахъ растерзаны дикими животными. Такъ-же побѣдоносно похитилъ онъ поясъ царицы амазонокъ—Гипполиты, которая погибла отъ его оружія, и быковъ великана Геріона на крайнемъ западѣ.

Труднѣе была задача достать золотыя яблоки изъ вѣчно цвѣтущихъ садовъ Гесперидъ. Гераклъ не зналъ мѣста, гдѣ ихъ найти. Во время своихъ, не знавшихъ отдыха, странствованій онъ

нашелъ на Кавказѣ страдальца Прометея, принесшаго роду человѣческому огонь и небесный свѣтъ лучшаго познанія. Орла, ежедневно терзавшаго грудь титана, Гераклъ застрѣлилъ, а затѣмъ своей исполинской силой разломалъ мѣдныя цѣпи, приковывавшія

ГЕРАКЛЪ И АТЛАНТЪ.

Метопъ на храмѣ Зевса въ Олимпіи, по снимку. Въ серединѣ Гераклъ поддерживаетъ на двойной подушкѣ небесный сводъ, замѣняя Атланта; послѣдній, прямо стоя передъ нимъ, подаетъ ему яблоки, только что собранныя имъ въ саду Гесперидъ. Позади Геракла одна изъ Гесперидъ помогаетъ герою нести тяжесть неба.

его къ скалѣ. Отъ освобожденнаго титана Гераклъ узналъ, что на сѣверѣ, тамъ, гдѣ небесный сводъ покоится на плечахъ Атланта, можно найти прекрасную страну Гесперидъ. Слѣдуя его указанію, онъ на ливійскомъ берегу добрался до твердаго, какъ камень, старца Атланта, который охотно былъ готовъ самъ достать ему нѣсколько чудныхъ плодовъ, съ условіемъ, чтобъ тотъ на это время занялъ его мѣсто. Гераклъ согласился, взвалилъ себѣ не-

бесный шаръ на крѣпкую спину, а тотъ досталъ яблоки. Вернувшись, однако, онъ предложилъ Гераклу остаться еще на нѣкоторое время его замѣстителемъ, онъ же за это отправится къ Эврисѳею. Гераклъ на видъ согласился и попросилъ его, на нѣсколько мгновеній, взять опять на себя свою ношу, пока онъ приготовитъ себѣ подушку для спины. Но едва Атлантъ снялъ съ него небесный сводъ, герой собралъ съ земли яблоки и оружіе и съ насмѣшками удалился. Затѣмъ онъ, отягченный гесперійскими золотыми плодами, весело продолжалъ свой тернистый жизненный путь и такимъ образомъ пришелъ и въ то мѣсто, гдѣ Средиземное море совершенно было загорожено отъ Атлантическаго. Своей божеской силой онъ открылъ проходъ, вырвавъ изъ земли двѣ скалы, изъ которыхъ одну, въ знакъ своего пребыванія, водрузилъ въ Европѣ, другую въ Африкѣ. Такъ объясняли себѣ крутыя громады скалъ, возвышающіяся еще теперь при входѣ въ Средиземное море у Гибралтара и у Цеуты. Но кромѣ того тутъ, повидимому, припоминалось еще и сказаніе о финикійскомъ богѣ солнца Мелькартѣ.

Двѣнадцатый трудъ состоялъ въ томъ, чтобъ герой привелъ изъ преисподней пса, Кербера (Цербера), сторожившаго врата подземнаго царства. Неустрашимый герой проникъ чрезъ всѣ ужасы пропасти къ стигскимъ воротамъ, укротилъ адскаго пса, вытащилъ его на бѣлый свѣтъ и бросилъ его къ ногамъ ужаснувшагося Эврисѳея. Чудовище же, лишь только коснулось земли, тотчасъ съ глухимъ ворчаніемъ провалилось въ глубину.

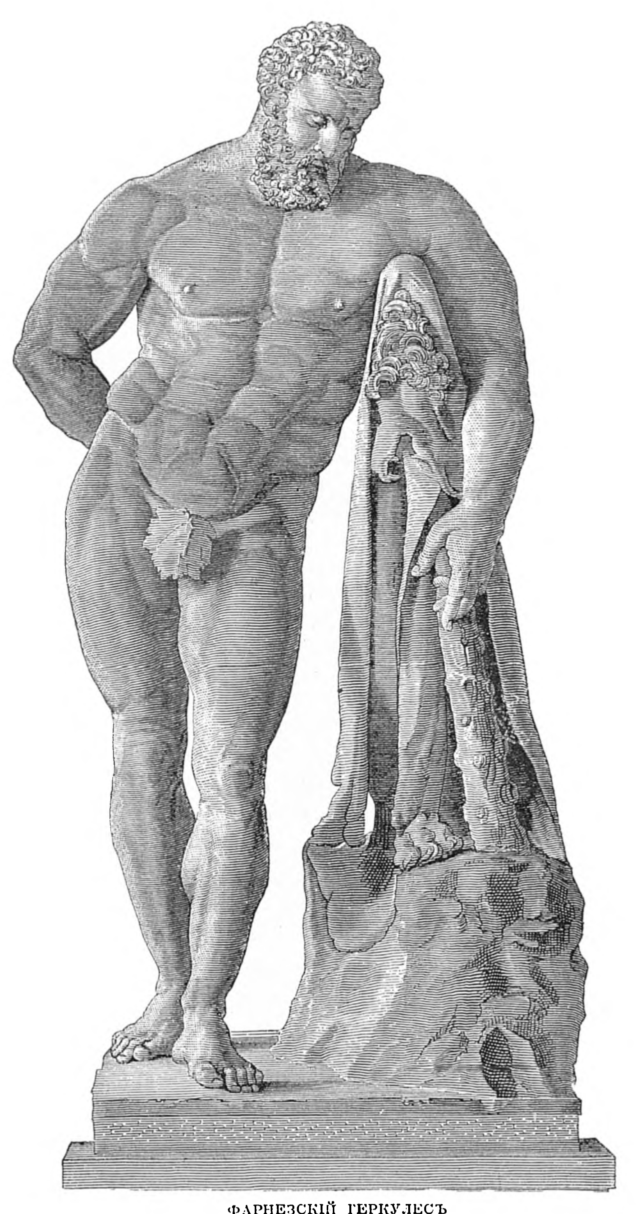
Рабство героя теперь кончилось; но онъ по своей волѣ искалъ еще приключеній, боролся съ кентаврами и еще два раза спускался по ему уже извѣстной страшной дорогѣ на Тенарскомъ мысу на югѣ Пелопоннеса въ подземное царство. Среди своихъ походовъ онъ прибылъ и въ Ливію, гдѣ жилъ земнородный великанъ Антей, не оставлявшій нетронутымъ ни одного чужеземца. Онъ тотчасъ же съ кулаками набросился на Геракла, но тотъ, искусный въ борьбѣ, такъ сильно грянулъ его о земь, что, казалось ему, чудовище не соберетъ костей своихъ. Однако, къ его удивленію, великанъ поднялся цѣлымъ и невредимымъ и со свѣжими силами возобновилъ страшную борьбу. Трижды Гераклъ бросалъ разбойника на земь, но все безъ успѣха. Тогда догадался онъ, что, при каждомъ соприкосновеніи съ матерью землей,

великанъ, ея сынъ, пріобрѣтаетъ новыя силы. Поэтому онъ поднялъ его, наконецъ, на воздухъ и задушилъ его между небомъ и землей своими крѣпкими руками. Послѣ этого онъ усталый растянулся на лужайкѣ и заснулъ. Вблизи же жили крошечные пигмеи, которые служили Антею и за это оберегались имъ отъ враговъ своихъ, журавлей. Эти пигмеи толпами собрались, оплакивая своего покровителя. Потомъ разразился ихъ гнѣвъ противъ спящаго убійцы его. Одинъ изъ ихъ храбрѣйшихъ героевъ сказалъ, что своимъ копьемъ убилъ уже не одного длинноногаго журавля; онъ отважится одинъ сразиться съ варваромъ. Но совѣщательное собраніе пигмеевъ было осторожно и постановило забить чужеземцу ротъ и носъ, чтобъ онъ задохнулся. Тотчасъ натаскали матеріала и сдѣлали попытку, но все стараніе и работа были напрасны. Герой такъ сильно храпѣлъ и сопѣлъ во снѣ, что отъ дыханія его летѣли внизъ кубаремъ человѣчки всякій разъ, какъ пытались они приблизиться къ носу. Тогда вокругъ спящаго навалили горючаго матеріала и зажгли его. Огонь охватилъ уже волоса героя; послѣдній въ испугѣ вскочилъ и увидѣлъ тогда кишавшій у его ногъ крошечный народецъ. Одного изъ крошекъ онъ посадилъ себѣ на руку, чтобъ разсмотрѣть его вблизи. Это былъ какъ разъ тотъ герой - пигмей, который вызвался одинъ побѣдить его въ единоборствѣ. „Знай“,—крикнулъ ему воинственный пигмей,—„что ты долженъ бороться со мной на жизнь и на смерть, или признать себя побѣжденнымъ“. Гераклъ подумалъ о томъ, что у крошки этого такое же отважное сердце въ груди, какъ у него самого, и что геройство заключается не въ величинѣ и силѣ членовъ, а въ живущей внутри душевной отвагѣ. Поэтому онъ призналъ себя побѣжденнымъ и получилъ миръ и союзъ. Затѣмъ онъ оказалъ имъ помощь противъ враждебныхъ журавлей, которыхъ перестрѣлялъ тысячами. За это его радушно угостили. Пигмеи, не уставая, привозили на телѣгахъ мяса, овощей и вина, чтобъ удовлетворить могучій аппетитъ чужеземца.

Среди такихъ подвиговъ Гераклъ сталъ старше: онъ приближался къ серединѣ человѣческой жизни и былъ въ полномъ расцвѣтѣ силы и славы. У него, правда, было уже значительное потомство въ различныхъ мѣстностяхъ; но ему теперь хотѣлось все-таки устроить постоянное мѣстожительство и хозяйство. Въ Тиринѳѣ, гдѣ онъ проживалъ, онъ много слышалъ о красотѣ

Дейяниры, дочери этолійскаго царя Опея. Тотчасъ онъ отправился въ путь и прибылъ въ Калидонъ, главный городъ Этоліи. Тамъ онъ побѣдилъ своего соперника, рѣчного бога Ахелоя, и получилъ руку благородной царевны. Весело отпраздновали свадьбу, послѣ чего герой съ женой отправились въ обратный путь. Сперва дорога шла вдоль рѣки Эвена; потомъ надо было переправляться черезъ нее. Здѣсь кентавръ Нессъ за плату перевозилъ путешественниковъ на паромѣ. Хотя самому Гераклу не нужно было этого удобства, онъ воспользовался имъ для молодой жены своей. Вручивъ плату, онъ съ берега сталъ наблюдать за переправой, чтобы потомъ послѣдовать за нею вплавь. Скоро, однако, онъ замѣтилъ, что уже близко отъ противоположнаго берега неуклюжій варваръ позволялъ себѣ насилія надъ Дейянирой. Тогда онъ воспылалъ гнѣвомъ и, натянувъ лукъ, пронзилъ ему животъ стрѣлой, которая была омочена въ крови Лернейской гидры. Раненый кентавръ зналъ дѣйствіе этого яда и, умирая, далъ совѣтъ Дейянирѣ сохранить немного крови его въ сосудѣ, такъ какъ-де это вѣрное средство привязать къ себѣ супруга неразрывною любовью. Въ убѣжденіи, что умирающій Нессъ не могъ-бы солгать, ослѣпленная исполнила злой совѣтъ. Гераклъ послѣ этого отправился съ нею въ Трахину на сѣверной сторонѣ Эты и нѣкоторое время велъ тамъ мирную жизнь. Его товарищъ по оружію Ифитъ взялъ его оттуда съ собой въ сосѣднюю Эхалію, гдѣ отецъ его Эвритъ устраивалъ состязаніе въ стрѣльбѣ изъ лука женихамъ своей дочери. Царь Эвритъ и сыновья его далеко вокругъ были лучшими стрѣлками изъ лука, и они опредѣлили условіемъ, что тотъ только изъ жениховъ, кто превзойдетъ ихъ въ этомъ искусствѣ, получитъ въ жены прекрасную Іолу. Когда Гераклъ увидѣлъ послѣднюю, онъ воспылалъ къ ней дикой страстью. Онъ превзошелъ всѣхъ участниковъ состязанія и потребовалъ обѣщанной награды, которой, однако, ему не выдали. Вслѣдствіе этого онъ впалъ въ какое-то безуміе, которое всегда охватывало его подъ вліяніемъ пожирающей страсти.

Онъ отправился въ Тиринѳъ; вѣрный товарищъ его по оружію на многихъ геройскихъ походахъ, вышеназванный Ифитъ, сопровождалъ его, стараясь утѣшить. Но Гераклъ видѣлъ въ немъ только сына ненавистнаго Эврита и убилъ его, сбросивъ съ городской стѣны. Но лишь только совершилъ онъ это злодѣйство,

ФАРНЕЗСКІЙ ГЕРКУЛЕСЪ
(СТАТУЯ, НАХОДЯЩАЯСЯ ВЪ НЕАПОЛИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

раскаяніе охватило и обуздало героя. Смиренно подчинился онъ приговору оракула, осудившаго его на новое рабство. Онъ былъ проданъ на годъ лидійской царицѣ Омфалѣ и, по ея приказанію, сидѣлъ, подобно женщинѣ, за веретеномъ въ то время, какъ она кичилась его палицей и львиной шкурой. И это сказаніе, какъ и многія другія, повидимому, возникло подъ вліяніемъ финикійскихъ миѳовъ. Финикіяне почитали вооруженную доспѣхами Астарту, а эту богиню напоминаетъ воинственная Омфала.

Тяжкимъ покаяніемъ, думалъ герой, онъ искупилъ и загладилъ всю вину; онъ не подозрѣвалъ, что рокъ невидимо слѣдитъ за человѣческой жизнью и не оставляетъ безъ наказанія ни одного злодѣянія, но однимъ мститъ за другое, хотя бы слабый глазъ смертнаго не узнавалъ связи въ дѣйствіяхъ этой силы. Затѣмъ герой съ вооруженной силой напалъ на Эхалію, взялъ приступомъ крѣпкія стѣны горящаго кремля, гдѣ Эвритъ и сыновья его пали подъ ударами его палицы, и завладѣлъ очаровательной Іолой. Вмѣстѣ съ другимъ награбленнымъ добромъ онъ отправилъ ее, какъ военную добычу, къ Дейянирѣ въ Трахину. Послѣдняя же угадала дѣйствительную причину и теперь прибѣгла къ роковому средству, оставленному ей умирающимъ перевозчикомъ. На Эвбеѣ Гераклъ въ ознаменованіе своей побѣды хотѣлъ принести жертву олимпійскому Зевсу. Для этого ему нужна была бѣлая, парадная одежда. Дейянира искусно соткала таковую и отправила къ нему, предварительно смазавъ ее съ внутренней стороны долго сохранявшейся кровью Несса. Гераклъ, далекій отъ подозрѣній, облекается въ нее; но лишь только одежда прониклась теплотой тѣла, какъ плотно пристала къ нему и стала жечь до костей, точно была омочена въ водѣ огненнаго потока въ подземномъ мірѣ. Въ невыразимыхъ мукахъ онъ срываетъ ее съ кусками собственнаго тѣла, приставшаго къ ней; но ядъ проникъ уже внутрь организма и безостановочно продолжаетъ дѣйствовать.

По желанію Геракла, его несутъ въ Трахину, гдѣ Дейянира, при видѣ его страданій, въ отчаяніи лишаетъ себя жизни, и затѣмъ далѣе на одну изъ опоясанныхъ туманами вершинъ Эты. Тамъ герой, собравшись съ послѣдними силами, воздвигаетъ себѣ громадный костеръ и, подавляя свои страданія, ложится на него съ спокой-

ствіемъ безсмертнаго. Вокругъ стоятъ его испытанные боевые товарищи, между ними сынъ его Гиллъ. Никто не хочетъ оказать ему послѣдней услуги и зажечь костеръ, такъ какъ имъ страшно при мысли, что герой, значитъ, разстается съ ними. Наконецъ, рѣшаются сдѣлать это Филоктетъ и его старый отецъ; пламя вспыхиваетъ, и изъ жара страданій и огня герой, преображенный и очищенный отъ всей вины своей земной жизни, поднимается въ облакѣ къ Олимпу, гдѣ онъ въ неувядаемой молодости возсѣдаетъ на тронѣ рядомъ съ отцомъ. Женатый на цвѣтущей Гебѣ, онъ теперь наслаждается нектаромъ и амврозіей на пирахъ безсмертныхъ боговъ.

Въ миѳѣ о Гераклѣ выражены до извѣстной степени судьбы, подвиги и злодѣянія, жизнь и стремленія, даже весь характеръ эллинскаго народа и соединены въ одну общую картину. Поэтому Греки вездѣ, куда ни приводили ихъ странствованія, думали найти слѣды этого національнаго героя. Впрочемъ, скрыты-ли въ этомъ миѳѣ историческіе моменты, или же онъ принадлежитъ всецѣло поэзіи,—онъ открываетъ намъ нравственную истину, что, если полный силъ, способный человѣкъ, стремящійся къ высокой цѣли, необузданной страстью увлекается къ преступнымъ дѣяніямъ, онъ долженъ искупать ихъ по волѣ божества внѣшней своей участью и муками души, пока не достигнетъ примиренія при кончинѣ.

ѲЕСЕЙ (ТЕЗЕЙ).

Теперь обратимся, слѣдомъ за миѳомъ, въ Аттику. Это маленькая страна, богатая горами съ превосходнымъ мраморомъ, душистыми горными травами, медомъ, маслиной и лавровыми деревьями, менѣе—изобиліемъ воды и полевыми плодами, впослѣдствіи превосходившая всѣ другія государства мудростью и дѣлами своихъ гражданъ, славилась и великой древностью своей; однако, ея герои давали меньше сюжетовъ поэзіи, нежели герои Беотіи и Арголиды.

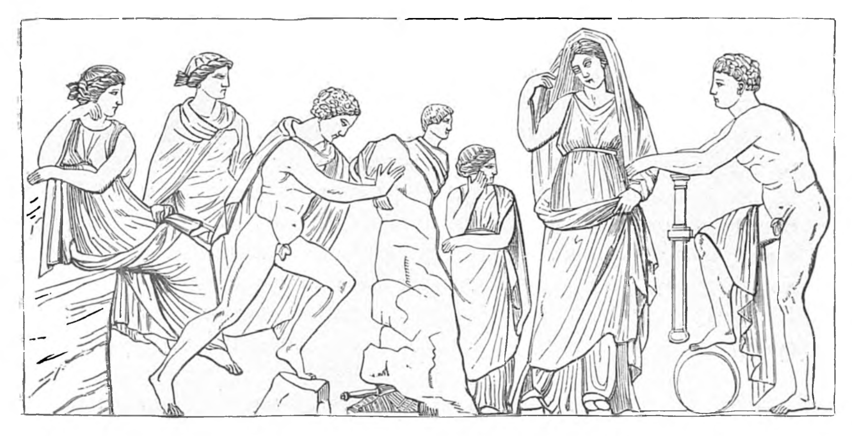
Первымъ царемъ Аттики называютъ Кекропа, по аттическимъ сказаніямъ, сына земли, полу-мужчину, полу-змѣю, основателя кремля Кекропіи. За нимъ слѣдовалъ Эрехѳей (онъ-же Эрихѳоній), котораго Паллада, покровительница Аѳинъ, воспитала въ своемъ храмѣ. Деревянную статую богини, упавшую съ неба,

онъ поставилъ на высокомъ акрополѣ и для освѣщенія ея учредилъ праздникъ жатвы — Панаѳинеи. Потомкомъ Эрехѳея былъ Эгей, правившій страной съ тремя своими братьями. Однажды онъ поѣхалъ къ старинному другу, Пелопиду Питѳею, властвовавшему въ Трезенѣ, въ Арголидѣ. Онъ нашелъ радушный пріемъ и тайно соединился съ Эѳрой, дочерью друга. При прощаніи съ ней, онъ повелъ ее въ тишину сосновой рощи, положилъ свои сандаліи, украшенныя благороднымъ металломъ, и царскій мечъ свой въ углубленіе, сильной рукой завалилъ его тяжелымъ камнемъ и сказалъ: „Когда мальчикъ, котораго подарятъ тебѣ боги, нѣкогда выраститъ сильнымъ юношей, такъ что сможетъ сдвинуть этотъ камень, ты надѣнь ему на ноги сандаліи, опояшь его этимъ мечомъ и отправь его въ Аѳины. По этимъ признакамъ, я узнаю въ немъ сына, и онъ будетъ моимъ наслѣдникомъ".

Это пророческое слово сбылось. Мальчикъ Ѳесей подросъ и сталъ прекрасенъ и силенъ, какъ отецъ. Безъ труда онъ сдвинулъ камень, покрывавшій драгоцѣнныя вещи, и, блистая доспѣхами, простился съ матерью, чтобъ получить отцовское наслѣдіе. Но на дорогѣ изъ Трезена въ Аѳины жестокіе разбойники подстерегали мирныхъ путниковъ, потрясатель Перифетъ, который убивалъ ихъ, нагибатель сосенъ Синисъ, привязывавшій ихъ къ сосновымъ стволамъ, которые, разгибаясь, разрывали жертву на части, Скиронъ, бросавшій путниковъ въ море, Дамастъ или Прокрустъ, который послѣ ласковаго пріема предлагалъ имъ свое ложе, причемъ короткихъ вытягивалъ, а у длинныхъ лишнее отсѣкалъ. Ѳесей былъ на сторожѣ; не мечомъ своимъ, но ихъ собственнымъ оружіемъ онъ одолѣлъ и истребилъ всю шайку разбойниковъ и очистилъ отъ нихъ дорогу. Счастливо прибылъ онъ въ Аѳины и неузнанный пріобрѣлъ себѣ любовь старика Эгея. Но мачиха его, извѣстная ворожея Медея, послѣ многихъ злодѣяній нашедшая защитника и супруга въ лицѣ царя Эгея, сумѣла измѣнить расположеніе царя и, съ его вѣдома, приготовила отраву иноземцу. Послѣдній уже держалъ въ рукахъ чашу яда, чтобы выпить ее, но тогда Эгей узналъ мечъ на его боку и, выбивъ изъ рукъ его чашу, заключилъ его въ свои объятія. На своей драконовой колесницѣ отравительница умчалась въ мрачную свою родину, Колхиду.

Въ это время поля Мараѳонскія опустошалъ неукротимый быкъ,

котораго нѣкогда изловилъ Гераклъ на Критѣ и привелъ къ своему повелителю. Царственный юноша смѣло отправился на бой съ дикимъ животнымъ. Послѣ утомительныхъ поисковъ, онъ напалъ на свѣжій слѣдъ быка и разставилъ крѣпкіе, неразрывные силки; затѣмъ онъ, заслышавъ хриплое рычаніе быка, пошелъ по направленію къ нему и скоро увидѣлъ чудовище. То смѣлыми нападеніями, то мнимымъ бѣгствомъ онъ завлекъ его въ силки и овладѣлъ имъ. Радостно встрѣтили его въ Аѳинахъ народъ и

ѲЕСЕЙ, СДВИГАЮЩІЙ КАМЕНЬ, ПОКРЫВАЮЩІЙ САНДАЛІИ И ОТЦОВСКІЙ МЕЧЪ (БАРЕЛЬЕФЪ ВЪ ВИЛЛѢ АЛЬБАНИ, ВЪ РИМѢ).

сѣдой отецъ, на глазахъ у которыхъ онъ принесъ быка въ жертву Фебу-Аполлону.

Между тѣмъ приближалось печальное для города время Панаѳиней. Уже болѣе восемнадцати лѣтъ не праздновали этого торжества, совершаемаго раньше въ срединѣ лѣта съ жертвоприношеніями, играми и хороводами въ честь покровительницы Паллады-Аѳины. Ибо тогда погибъ при нападеніи на мараѳонскаго быка Андрогей, сынъ властвовавшаго на моряхъ критскаго царя Миноса и побѣдитель во всѣхъ состязаніяхъ. Отецъ его, считавшій смерть юноши вызванною съ умысломъ, послѣ этого подступилъ съ флотомъ и большой военной силой и наложилъ на Аѳины страшную дань. Каждый девятый годъ Аѳины должны были отправлять семерыхъ юношей и столько же дѣвушекъ благороднаго

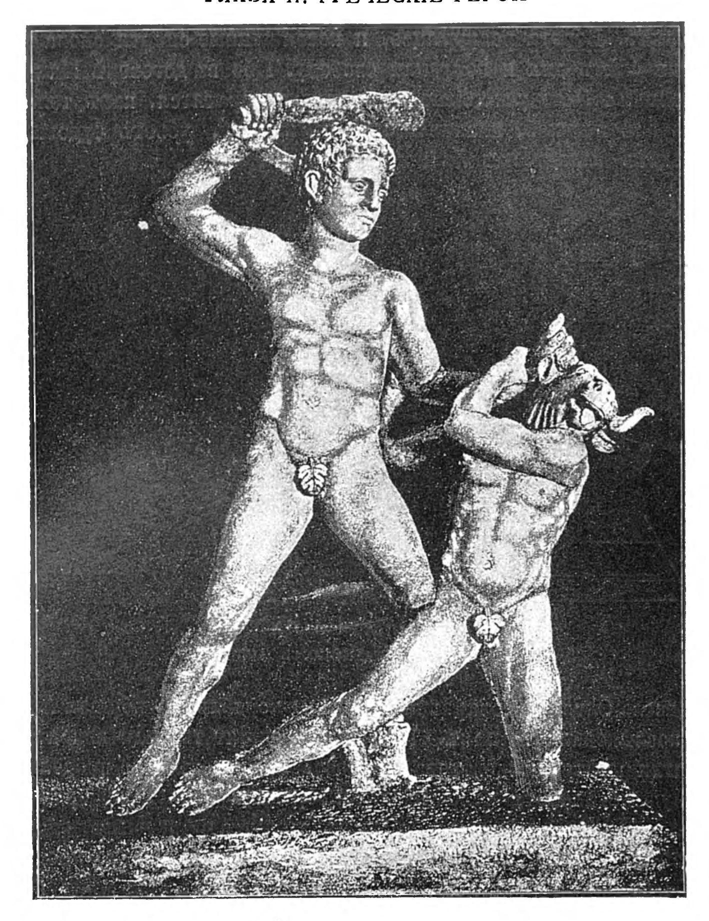
происхожденія и безукоризненной красоты въ городъ Кноссъ, на Критѣ, на съѣденіе чудовищу Минотавру, полу-человѣку, полу-быку, обитавшему въ Лабиринтѣ. Теперь вотъ опять приближался срокъ позорной дани и громкіе вопли наполняли городъ въ то время, какъ выбирались жертвы. Тогда выступилъ Ѳесей и пожелалъ быть принятымъ въ число жертвъ. Тщетно противился этому опечаленный Эгей: молодой герой съ остальными товарищами несчастія сѣлъ на корабль. Съ мачты развѣвался черный флагъ и черные паруса раздувались въ дуновеніи попутнаго вѣтра. „Если мы счастливо вернемся", крикнулъ юноша отцу, пребывавшему еще на берегу, „то бѣлые паруса уже издали возвѣстятъ тебѣ наше спасеніе".

Послѣ благополучнаго плаванія достигли Кносса. Здѣсь приготовленія къ жертвоприношеніямъ длились еще нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ жертвы пользовались большой свободой. Ѳесей въ это время успѣлъ сдѣлать наблюденія надъ превосходными учрежденіями и государственнымъ устройствомъ, вызванными къ жизни мудрымъ законодательствомъ могущественнаго Миноса. Напередъ увѣренный въ счастливомъ успѣхѣ, онъ рѣшилъ ввести современемъ и въ родномъ своемъ городѣ подобные порядки.

ѲЕСЕЙ УБИВАЕТЪ МИНОТАВРА (РИСУНОКЪ НА ВАЗѢ).

Такая увѣренность и безпечность происходили впрочемъ изъ упованія на обѣщанную помощь Афродиты, и это довѣріе его не обмануло. Дѣло въ томъ, что Аріадна, дочь Миноса, почувствовала состраданіе къ благородному юношѣ, и состраданіе это скоро превратилось въ сердечное расположеніе. Когда его вмѣстѣ съ другими жертвами въ праздничныхъ одеждахъ вводили въ лабиринтъ, она подала ему мечъ и клубокъ нитокъ, и онъ тотчасъ угадалъ, для какой цѣли. Привязавъ нить къ ручкѣ воротъ, онъ приказалъ спутникамъ слѣдовать за собой

ѲЕСЕЙ УБИВАЕТЪ МИНОТАВРА.

АНТИЧНАЯ ГРУППА ВЪ ВИЛЛѢ АЛЬБАНИ ВЪ РИМѢ (СЪ ФОТОГРАФИЧЕСКАГО СНИМКА).

Укрощеніе этого чудовища въ древнее время было любимымъ предметомъ греческаго искусства. Изображаемая здѣсь мраморная группа въ половину человѣческаго роста, можетъ быть, есть копія статуи, стоявшей на аѳинскомъ акрополѣ.

и медленно пошелъ по запутаннымъ извилинамъ, разматывая нить. Такъ добрался онъ до средины, гдѣ поджидалъ ихъ Минотавръ. Убивъ его мечомъ, онъ вступилъ въ обратный путь, наматывая

свою нить. Ворота раскрылись, и посвященные смерти снова вышли на свѣтъ дня и получили свободу. Ибо въ договорѣ Миноса съ Аѳинами было условлено, что дань прекратится, какъ только одинъ изъ юношей, назначенныхъ въ жертву, убьетъ чудовище и найдетъ выходъ изъ Лабиринта.

СПЯЩАЯ АРІАДНА
(СТАТУЯ ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

Весело Ѳесей съ товарищами сѣли на корабль, и любящая Аріадна послѣдовала за нимъ. Погода благопріятствовала плаванію; достигли цвѣтущаго острова Наксоса. Здѣсь сдѣлали продолжительную остановку; молодые люди бродили по хорошо орошеннымъ долинамъ, апельсиннымъ [1]), гранатовымъ и фиговымъ рощамъ и отвѣдывали превосходнаго вина, котораго имъ охотно предлагали дружелюбные жители. Но въ одно утро, прежде чѣмъ поднялась надъ горами заря, Ѳесей далъ приказъ къ отплытію. Всѣ товарищи были на кораблѣ, когда его отвязали; одна лишь Аріадна покоилась еще въ объятіяхъ сна. Когда она, наконецъ, проснулась и, увидѣвъ вдали паруса удалявшагося корабля, съ громкими жалобами ломала себѣ руки,—явился ей **Діонисъ**, увѣнчанный плющемъ и лозой винограда, утѣшилъ ее и съ покинутою

[1]) Нѣмецкій авторъ ошибается. Апельсинныя деревья въ древности ни Грекамъ, ни Римлянамъ вовсе не были извѣстны. *Примѣч. редактора перевода.*

людьми вознесся на божескую высоту, гдѣ возсѣдаетъ она съ тѣхъ поръ рядомъ съ нимъ на тронѣ въ неувядающей юности. Въ миѳѣ, такимъ образомъ, выступаетъ утѣшительная истина, что божество милостиво заступается за безвинно страдающихъ и заботливо готовитъ имъ убѣжище.

Ѳесей между тѣмъ безпечно плылъ дальше на Делосъ, священное средоточіе Кикладскихъ острововъ, мѣсто рожденія Феба, Аполлона и Артемиды. Здѣсь онъ первому принесъ торжественную жертву и вмѣстѣ съ товарищами исполнилъ геранъ, танецъ, изображавшій запутанныя извилины лабиринта.

Послѣ этой послѣдней остановки, направились прямо къ родинѣ. Тамъ, на берегу, стоялъ и въ этотъ разъ, какъ и до тѣхъ поръ каждый день, озабоченный Эгей, ожидая, не покажется ли на синихъ волнахъ корабль, увезшій его единственнаго сына. Онъ тотчасъ же узнаетъ его, по мѣрѣ того, какъ онъ приближается; но онъ узнаетъ и черные паруса, которые забыли замѣнить бѣлыми. Видя, что всѣ его надежды обмануты, обдумывая свою бездѣтную старость, онъ сознаетъ, что все его царское добро и сама жизнь не имѣютъ болѣе никакой цѣны для него. Съ уступа скалы, на которомъ онъ стоялъ, онъ бросился въ море и утонулъ. Ѳесей нашелъ только трупъ его.

Онъ похоронилъ и оплакалъ отца; но торжественный пріемъ, оказанный ему народомъ, восторгъ толпы, доходившій до обоготворенія, утѣшили его. Получивъ царскую власть, онъ могъ теперь привести въ исполненіе то, что замѣтилъ на Критѣ и чему задумалъ подражать. Онъ соединилъ въ одинъ народъ жителей страны, населявшихъ 12 мѣстечекъ, и раздѣлилъ его на три сословія: благородныхъ (эвпатридовъ), земледѣльцевъ, (геоморовъ) и ремесленниковъ (деміурговъ), которымъ всѣмъ далъ одинаковое участіе въ управленіи страной, оставивъ, однако, исключительно за первыми, бывшими прежде довольно независимыми властелинами, судебныя и жреческія должности. Естественно, что такія нововведенія вызвали и неудовольствіе, ибо отдѣльная личность, теряющая что-нибудь, рѣдко смотритъ на выгоду цѣлаго, но только на собственную потерю и негодуетъ на ея виновника. Ропотъ былъ тѣмъ опаснѣе, что Ѳесей вскорѣ послѣ этого отправился на новыя приключенія и предоставилъ страну и народъ самимъ себѣ.

До него дошелъ слухъ о прекрасной и храброй царицѣ страны амазонокъ Антіопѣ, господствовавшей на южномъ берегу Понта Эвксинскаго, и онъ рѣшилъ похитить ее изъ среды ея воинственныхъ женскихъ дружинъ. Предпріятіе удалось вполнѣ, и царственная жена, повидимому, не была тѣмъ недовольна, такъ какъ она сдѣлалась и осталась вѣрной супругой героя до самой своей смерти. Но тѣмъ болѣе это похищеніе ожесточило ея искусныхъ въ военномъ дѣлѣ подданныхъ. Чтобъ отомстить, онѣ собрали всѣ свои силы, явились подъ Аѳинами и проникли до самаго Пникса, мѣста народнаго собранія, гдѣ встрѣтилъ ихъ Ѳесей съ храбрѣйшими своими бойцами. Здѣсь пылала битва съ перемѣннымъ счастіемъ; однако, наконецъ, Ѳесей одолѣлъ и совершенно разбилъ амазонокъ. Но Антіопа, храбро сражавшаяся рядомъ съ возлюбленнымъ супругомъ противъ своихъ сестеръ, была убита въ бою, и герой увидѣлъ себя опять одинокимъ. Тогда явился къ нему старинный другъ его Пириѳой, властвовавшій надъ лапиѳами въ Ѳессаліи, съ дружелюбнымъ предложеніемъ. Онъ разсказалъ ему, что его вѣрная жена Гипподамія, которую онъ нѣкогда въ самый день свадьбы отбилъ у неуклюжаго кентавра съ помощью многихъ героевъ, умерла и что онъ теперь намѣренъ снова жениться. Къ этому онъ прибавилъ, что было бы лучше всего имъ вмѣстѣ отправиться сватать невѣстъ и во всѣхъ опасностяхъ оказывать другъ другу посильное содѣйствіе. — „Знаю я“, — говорилъ онъ—„на берегахъ Эврота расцвѣла прекрасная Елена, точно дитя боговъ; правда, ее оберегаютъ два Тиндарида, Касторъ и Полидевкъ, ея братья; но я достану ее тебѣ, если ты готовъ потомъ помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ“. Ѳесей тотчасъ же выразилъ согласіе, и оба отправились въ Спарту. Тамъ они воспользовались случаемъ, когда молодая дѣвушка вмѣстѣ съ подругами совершала торжественныя пляски у алтаря Артемиды, похитили ее изъ среды ея подругъ и увели въ Аѳины.

По окончаніи совершенныхъ тамъ празднествъ, Пириѳой потребовалъ помощи друга въ смѣлой затѣѣ похитить саму Персефону, царицу подземнаго царства, у мрачнаго Аида. Братски связанные герои снова прошли черезъ Пелопоннесскій полуостровъ и пропастью на Тенарскомъ мысу спустились въ мрачное царство. Они одолѣли всѣ ужасы и овладѣли своей добычей. Когда же они, утомленные, на мгновеніе предались отдыху, незримо при-

близившійся Аидоней сковалъ ихъ алмазными цѣпями и они не могли болѣе подняться. Сказаніе не повѣствуетъ, какъ долго должны были они оставаться въ печальномъ одиночествѣ; за то оно сообщаетъ намъ, что Гераклъ, на пути своемъ въ подземное царство, освободилъ Ѳесея, но не Пириѳоя, осужденнаго на безконечныя муки.

Такимъ образомъ, аѳинскій герой вернулся на поверхность земли и отправился въ свое отечество. Но тамъ онъ нашелъ большія перемѣны. Могучіе Тиндариды во время его заключенія вторглись съ сильной ратью и городъ, и область довели до крайне стѣ-

БОРЬБА СЪ АМАЗОНКАМИ (РИСУНОКЪ НА ВАЗѢ).

спеннаго положенія. Затѣмъ они съ освобожденной Еленой и большой добычей побѣдоносно вернулись въ Спарту. Неоднократныя потери еще болѣе ожесточили народъ аѳинскій противъ своего героя, чѣмъ прежнія новшества въ государственномъ устройствѣ. Ѳесей при возвращеніи нашелъ запертыя ворота и враждебныя сердца и бѣжалъ на островъ Скиросъ, на востокъ отъ Эвбеи. Тамъ онъ искалъ помощи у царя острова, но нашелъ смерть, такъ какъ коварный человѣкъ сбросилъ его со скалы въ море.

Ѳесей носитъ черты аттическаго національнаго характера. Онъ проявляетъ, что рѣдко видно у другихъ героевъ, любовь къ законному развитію своего отечества, какъ и къ процвѣтанію и славѣ его вообще. Онъ восторгается великими дѣлами и способенъ на всякаго рода самоотверженіе. Съ другой стороны, онъ является непостояннымъ и безпечнымъ относительно послѣдствій

своихъ поступковъ, что много повредило его отечеству и принесло, наконецъ, гибель ему самому. Кажется, какъ будто въ этомъ аѳинскомъ героѣ отразилась позднѣйшая исторія Аѳинъ.

Впрочемъ, нельзя не признать, что въ сказаніи о Ѳесеѣ содержатся и историческіе факты. Изъ Трезена, гдѣ аѳиняне еще въ позднѣйшее время обладали извѣстными правами, іоній-ское племя переселилось въ Аттику. Приключенія и дѣла этого племени миѳъ совмѣщаетъ въ жизни героя. Онъ истребляетъ разбойниковъ на Исѳмѣ, чтобы обезпечить сношенія съ родиной. Финикіяне тогда еще господствовали повсюду на Эгейскомъ морѣ, у нихъ и въ Аттикѣ были поселенія, а островъ Критъ былъ средоточіемъ ихъ власти; поэтому сказаніе туда помѣщаетъ резиденцію Миноса, осчастлившаго народъ свой мудрыми законами, но и преданнаго культу Молоха человѣческими жертвоприношеніями. Съ помощью флотовъ своихъ онъ налагалъ дань на острова и береговыя страны, какъ то дѣлали финикіяне. И Аѳины подвластны ему; онѣ не могутъ уклониться отъ страшной дани, пока геройское племя іонянъ изъ Трезена не сломило ига самоотверженными подвигами. При этомъ ему оказываетъ помощь Астарта, финикійская богиня любви, что относятъ къ нѣжной связи Аріадны съ Ѳесеемъ, сокрушившей силу молохова культа. Далѣе, разсказъ о пораженіи амазонокъ также указываетъ на финикійскіе обычаи. Греки познакомились съ культомъ Астарты въ Малой Азіи. Они видѣли тамъ жрицъ этой богини рожденія и природы, которыя въ мужскомъ вооруженіи, съ воинственными обрядами, почитали великую матерь боговъ. Такъ образовалось понятіе объ амазонкахъ. Миѳъ о побѣдѣ надъ ними аѳинскаго героя указываетъ на то, что варварское богослуженіе финикіянъ было вытѣснено болѣе благороднымъ культомъ эллиновъ. Что же, наконецъ, касается отнесеннаго къ Ѳесею соединенія всего народа Аттики въ одно общественное цѣлое, то оно, конечно, фактъ—и мы съ нимъ встрѣчаемся въ первыхъ извѣстіяхъ объ Аѳинахъ, — но оно едва-ли произошло такъ быстро и навѣрно не такимъ образомъ, какъ повѣствуетъ сказаніе.

ЭАКЪ И ЕГО ПОТОМКИ.

Трое людей за свою справедливость въ жизни были назначены по смерти судьями въ подземномъ царствѣ: Миносъ, Ра-

даманөъ и Эакъ. Двое первыхъ, сыновья Зевса и Европы, были могущественными царями на Критѣ, какъ отчасти видно изъ исторіи Өесея; послѣдній же, тоже сынъ царя боговъ, долгое время одиноко жилъ на островѣ Эгинѣ, пока отецъ его не обратилъ многочисленныхъ муравьевъ тамошнихъ въ людей, получившихъ названіе Мирмидоновъ. Эакъ былъ благочестивъ и почиталъ боговъ, но сыновья его не слѣдовали его примѣру. Старшіе братья, Пелей и Теламонъ, убили младшаго Фока за то, что онъ одерживалъ побѣду во всѣхъ состязаніяхъ. Но старикъ отецъ предпочелъ быть бездѣтнымъ, чѣмъ оставить злодѣяніе ненаказаннымъ: онъ изгналъ убійцъ изъ своей страны. Тѣ испытали много приключеній, наконецъ, Теламонъ нашелъ себѣ жилище и владычество на островѣ Саламинѣ, Пелей же съ дружиной храбрыхъ Мирмидоновъ—въ өессалійской области Пиөіи. Послѣдній пріобрѣлъ себѣ далеко прославленную жену, морскую богиню Өетиду, среброногую, какъ называетъ ее Гомеръ. По совѣту мудраго Хирона, онъ напалъ на нее на берегу моря, гдѣ она почивала, и удержалъ ее, несмотря на всѣ ея чудесныя превращенія. Всѣ олимпійскіе боги присутствовали на свадьбѣ Пелея и надѣлили новобрачныхъ счастливыми дарами; только Эрида, богиня раздора, явившаяся безъ приглашенія, дала золотое яблоко, сдѣлавшееся причиной расприи войны, какъ будетъ разсказано послѣ.

Почти не менѣе знамениты, чѣмъ Ахиллесъ, сынъ Пелея, —сыновья Теламона, могучій Эантъ и смѣлый стрѣлокъ изъ лука Тевкръ, о которыхъ подробно повѣствуетъ Гомеръ, какъ они бились подъ Троей, какъ старшій братъ прикрывалъ своимъ щитомъ младшаго, въ то время какъ тотъ слалъ свои смертоносныя стрѣлы въ рати троянскія, и какъ первый передовымъ бойцомъ одинъ защищалъ корабли во время крайней опасности, когда остальные герои изнемогали отъ ранъ, пока не явился на помощь Патроклъ. Мы еще будемъ говорить объ этомъ подробно.

ТИНДАРИДЫ (ДІОСКУРЫ) ВЪ ЛАКОНІИ.

Въ долинахъ Тайгета и на берегахъ Эврота также живетъ сказаніе и повѣствуетъ потомству о временахъ темной древности.

Это миѳъ о двухъ братьяхъ, которые и въ жизни и въ смерти связаны были между собой неизмѣнной любовью. Тамъ, въ Лаконской области, справедливо и мудро правилъ Лелегъ, сынъ земли. Внукъ его Гіакинѳъ, прекрасный какъ Аполлонъ, былъ любимцемъ этого бога, но по злой случайности былъ имъ убитъ въ игрѣ въ дискъ. Въ память его, опечаленный богъ учредилъ празднество Гіакинѳій, которое совершалось еще въ позднѣйшее время.

Отъ Лелега происходили еще Тиндарей и Икарій, сначала изгнанные, но впослѣдствіи возстановленные снова въ своихъ старыхъ правахъ Геракломъ. Цѣломудренная Пенелопа, благородная супруга Одиссея, называется дочерью Икарія, въ то время, какъ Клитемнестра, дочь старшаго брата, будучи женой Агамемнона, впутывается въ злодѣйства и несчастья Пелопидовъ.

Но у Тиндарея были еще другія дѣти, именно Касторъ и Полидевкъ (Поллукъ) и пагубная своей великой красотой Елена. Впрочемъ, двухъ послѣднихъ называютъ еще и дѣтьми Зевса, который въ образѣ лебедя проникъ въ домъ ихъ матери Леды. Братья Касторъ и Полидевкъ еще мальчиками были неразлучны и по мѣрѣ того, какъ выростали они цвѣтущими юношами, увеличивалась и ихъ взаимная любовь. Первый постоянно одерживалъ побѣды въ ристаньи на колесницѣ и въ укрощеньи коней, второй славился какъ кулачный боецъ. Вмѣстѣ участвовали они въ калидонской охотѣ и въ походѣ Аргонавтовъ; вмѣстѣ также пошли они на Аѳины, какъ разсказали мы въ исторіи Ѳесея. Послѣ многихъ приключеній и геройскихъ подвиговъ они посватались на двухъ сестрахъ, на которыхъ скоро и женились. Но двое жениховъ, мессенцы Идасъ и Линкей, подстерегли братьевъ и въ завязавшемся кулачномъ бою Касторъ убитъ былъ Идасомъ, Линкей Полидевкомъ. Теперь обѣимъ сторонамъ нужно было отомстить за убитаго брата. Идасъ выхватилъ столбъ изъ отцовскаго кургана, на которомъ онъ стоялъ, и жестоко поразилъ нападающаго противника, но не убилъ его, такъ какъ тотъ былъ безсмертенъ; самого же Идаса въ рѣшительную минуту поразила молнія, посланная Зевсомъ, которая положила конецъ его схваткамъ. Затѣмъ самъ отецъ боговъ и людей явился въ темныхъ облакахъ, чтобы поднять

сына и унести его въ жилище безсмертныхъ; но тотъ, наклоненный надъ тѣломъ брата, отказался одинъ вести на Олимпѣ безсмертную жизнь. Онъ желалъ умереть вмѣстѣ съ дорогимъ товарищемъ, какъ онъ жилъ вмѣстѣ съ нимъ.

Тронутый такой любовью Зевсъ опредѣлилъ обоимъ героямъ проводить вмѣстѣ попеременно день у безсмертныхъ и день въ царствѣ смерти. Съ тѣхъ поръ сверкаютъ они яркими звѣздами на тверди небесной и мореходцы во время бури взываютъ къ помощи

ПОХИЩЕНІЕ ЛЕВКИППИДЪ

(РЕЛЬЕФЪ НА РИМСКОМЪ САРКОФАГѢ ВЪ УФФИЦІЯХЪ ВО ФЛОРЕНЦІИ).

Каждый изъ обоихъ Діоскуровъ, которые ясно характеризованы кудрявыми волосами, яйцевидными шапками и хламидой, держатъ въ совершенно симметрическомъ положеніи висящихъ въ ихъ рукахъ дѣвушекъ, которыя страстнымъ жестомъ обнаруживаютъ ужасъ изъ-за внезапнаго насилія. Помѣщенныя между обѣими группами двѣ женщины въ дорическомъ хитонѣ и въ похожемъ на покрывало развѣвающемся надъ головой одѣяніи—испуганныя подруги. Дальше вправо убѣгающую женщину въ развѣвающемся покрывалѣ называютъ Филодикой, матерью похищенныхъ, которая обращается къ тоже убѣгающему отцу Левкиппу, вооруженному шлемомъ, щитомъ и мечомъ, но, вмѣсто нападенія на похитителей, только гнѣвно сжимающему правую руку.

Діоскуровъ (сыновей Зевса), чтобы они даровали имъ счастливое плаваніе. Ихъ имущество и владычество въ Лаконіи перешли къ Атриду Менелаю, мужу ихъ сестры Елены.

Тиндариды или Діоскуры первоначально были божествами свѣта, культъ которыхъ встрѣчается уже у Пелазговъ. Но вѣроятно вѣра въ двухъ божественныхъ братьевъ была еще древнѣе и распространена еще у арійскихъ племенъ до выхода ихъ изъ прародины, какъ изложено выше. Въ основѣ ея лежалъ естественный миѳъ о днѣ и ночи, о свѣтѣ и тьмѣ. Въ свѣтлой Элладѣ исчезла эта противоположность и преобразовалась въ прекрасную идею о любви двухъ братьевъ и ихъ неразрывномъ союзѣ.

У германскихъ племенъ, переселившихся на сѣверъ, миѳъ развился инымъ образомъ, но не менѣе величественнымъ. Относясь къ заходу солнца и къ арктической зимней ночи, сказаніе заставляетъ свѣтлаго Бальдера пасть отъ руки слѣпого, мрачнаго Гёдура; но при возрожденіи міра, при которомъ исчезли всѣ противоположности, снова являются братья и впредь живутъ въ вѣчномъ мирѣ между собой.

ДІОСКУРЫ (МОНЕТА ИЗЪ ТАРЕНТА).

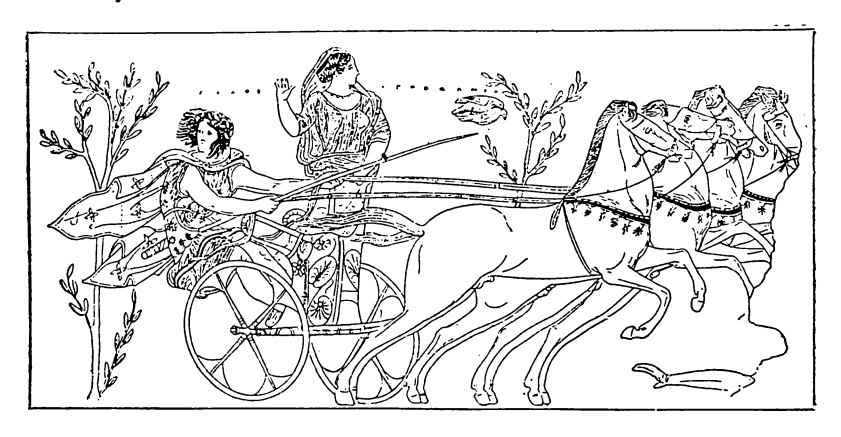
Въ Элладѣ особенно доряне поддерживали этотъ перешедшій къ нимъ культъ въ празднествахъ Тиндаридовъ и придали этимъ празднествамъ болѣе высокій характеръ. О попеременной жизни братьевъ на Олимпѣ и въ подземномъ мірѣ пѣлъ уже Гомеръ, но созданіе дальнѣйшихъ миѳовъ о смерти Кастора и о рѣшеніи Полидевка раздѣлить участь брата, какъ и о предшествующемъ боѣ съ мессенскими героями, принадлежитъ лишь дорійскому времени и вѣроятно относится къ мессенскимъ войнамъ и къ окончательной побѣдѣ спартанцевъ. И въ Римѣ Діоскуры стали рано извѣстными и сдѣлались предметомъ культа. Они, по преданію, даровали римлянамъ побѣду въ битвѣ у Регилльскаго озера.

ПЕЛОПЪ И ЕГО РОДЪ.

Обращаемся снова къ Аргивскому полуострову и, руководимые миѳомъ, входимъ въ царскія палаты микенскія, точно какъ въ лабиринтъ, который, будучи отдѣланъ съ великолѣпіемъ и богатствомъ, углубляется въ мрачныя запутанныя извилины неслыханныхъ злодѣйствъ, гдѣ въ самой глубинѣ Минотавръ требуетъ жертвъ печальнаго рока, пока его не укрощаетъ рука божества. По словамъ поэта, проклятіе преступленія въ томъ и состоитъ, что оно вызываетъ за собой цѣлый рядъ сцѣпляющихся между собой злодѣяній. Это вполнѣ оправдалось на домѣ Пелопа. Но если мы потрясены при видѣ этихъ злодѣйствъ, если насъ удручаетъ рокъ, тяготѣющій надъ родомъ Пелопа, то насъ возвышаетъ исходъ, который, точно откровеніе человѣческаго духа, возвѣщаетъ намъ, что вина, наконецъ, искупается послѣ продол-

жительной кары. Можетъ быть, въ основѣ сказанія вовсе не лежитъ историческаго факта или очень мало; но лучшіе поэты воспѣли судьбы дома Пелопидовъ, и такимъ образомъ все это въ совокупности стало твореніемъ, вышедшимъ изъ эллинскаго духа и сохраняющимъ на всѣ времена свою цѣнность, благодаря заключенной въ немъ нравственной истинѣ.

Путешественники, побывавшіе во многихъ странахъ земли,

ПЕЛОПЪ И ГИППОДАМІЯ—ПОБѢДИТЕЛИ
(РИСУНОКЪ НА КРАСИВОЙ ВАЗѢ ИЗЪ АРЕЦЦО).

Пелопъ, едва сдерживающій бурный бѣгъ коней, увѣнчанъ лавромъ какъ побѣдитель и какъ женихъ; длинные его волосы развѣваются по вѣтру; онъ по-гречески одѣтъ въ шитый хитонъ и разукрашенную хламиду, передъ нимъ стоитъ Гипподамія въ хитонѣ съ короткими рукавами и въ верхнемъ платьѣ съ воздымающимся покрываломъ, гордо выглядывая и только слегка дивясь чуду морской ѣзды, поднявъ руку. Передъ ней два голубя, птицы Афродиты.

при возвращеніи разсказывали о странѣ Лидіи въ Азіи, какъ щедро боги надѣлили ее всѣми дарами, которые радуютъ смертнаго. Тамъ, по ихъ словамъ, паслись стада самаго тучнаго рогатаго скота, овцы тончайшей шерсти, табуны статныхъ коней на обширныхъ пастбищахъ; тамъ пшеница сторицей вознаграждала трудъ земледѣльца; тамъ роскошно росли маслина и виноградъ, доставляя превосходные плоды. Обитатели этой страны жили въ счастьи и изобиліи. Между ними выдавался богатствомъ и могуществомъ Танталъ, сынъ Зевса, блаженство котораго не омрачалось еще никакимъ несчастіемъ. Сами боги сходили со своихъ высотъ, чтобъ участвовать въ его пирахъ, и въ благодарность открыли ему

доступъ къ Олимпу, чтобъ онъ наслаждался вмѣстѣ съ ними нектаромъ и амвросіей. Но смертный человѣкъ не можетъ вынести такого постояннаго блаженства; вѣдь гордость и высокомѣріе— спутники земного счастія. Это испыталъ и Танталъ. Онъ скоро возмнилъ себя равнымъ безсмертнымъ богамъ и дерзнулъ подвергнуть испытанію ихъ безошибочность. Въ дворцѣ своемъ у горы Сипила онъ устроилъ большой пиръ, на который пригласилъ всѣхъ боговъ, обѣщая имъ блюдо, которое превзойдетъ ихъ обычную пищу изъ амвросіи. Блюдо это состряпалъ онъ самъ тайкомъ отъ всѣхъ. Убивъ собственнаго сына Пелопа, онъ изъ нѣжныхъ членовъ мальчика приготовилъ ужасный обѣдъ. Боги тотчасъ же узнали совершенное злодѣйство; одна лишь Деметра, погруженная въ скорбь о похищенной дочери своей Персефонѣ, въ разсѣянности съѣла кусокъ плеча. Тогда поднялся Зевсъ во всемъ своемъ страшномъ величіи; молнія его низвергла злодѣя въ глубину Тартара, гдѣ онъ вѣчно томится голодомъ и жаждой. Убитаго малютку возстановила божеская власть и дала ему вмѣсто недостающаго плеча искусственное изъ слоновой кости.

Когда Пелопъ выросъ, воспоминаніе о пережитыхъ ужасахъ вызывало въ немъ содроганіе; онъ не желалъ дольше оставаться въ своемъ отечествѣ, гдѣ развалины разрушеннаго молніей дворца возвышались еще страшнымъ свидѣтельствомъ совершившагося. Собравъ всѣ свои богатства, онъ отправился въ Элладу. Онъ высадился на берегъ при устьѣ Алфея и радушно былъ принятъ Эномаемъ, властвовавшимъ надъ плодоносными берегами рѣки вплоть до равнины Олимпіи. Пелопъ присватался къ дочери его Гипподаміи; но такъ какъ Эномаю предсказали, что онъ умретъ, если дочь его выйдетъ замужъ, то онъ объявилъ, что дастъ ее въ жены только тому, кто побѣдитъ его въ ристаньи на колесницѣ; но если онъ обгонялъ жениха, то сзади закалывалъ его копьемъ. Уже многіе женихи погибли такимъ образомъ; однако, Пелопъ, любимецъ бога коней Посидона, побѣдилъ царя, подкупивъ его возницу Миртила, чтобъ онъ не вставлялъ гвоздей въ колеса, вслѣдствіи чего Эномай свалился и убился. Миртилу Пелопъ обѣщалъ половину царства, которое онъ получилъ вмѣстѣ съ рукой Гипподаміи; но чтобы быть освобожденнымъ отъ обязательства, онъ бросилъ Миртила въ море, а тотъ проклялъ его и родъ его. Это проклятье и гнѣвъ Гермеса навлекли много

бѣды на родъ Пелопа. Самъ онъ, правда, овладѣлъ еще Олимпіей, гдѣ возобновилъ игры и сдѣлался могущественнымъ властителемъ въ Пелопоннесѣ, который былъ названъ такъ по его имени. Въ Олимпіи въ честь его, какъ героя и воителя, у могилы его приносились кровавыя жертвы. Но проклятіе не дремало. Ѳіестъ и Атрей, двое сыновей его отъ Гипподаміи, ненавидѣли своднаго брата своего Хризиппа, которому, по ихъ мнѣнію, отецъ ихъ отдавалъ предпочтеніе, и по наущенію Гипподаміи убили его. Изгнанные за это Пелопомъ, они отправились въ Микены, гдѣ народъ за ихъ большое богатство возвелъ ихъ на царскій престолъ Эврисѳея. Гипподамія тоже послѣдовала за ними туда, и Пелопъ остался одинокимъ въ своемъ домѣ въ Писѣ, на Алфеѣ. Но и сестра его Ніоба, жившая въ Ѳивахъ въ счастливомъ бракѣ съ царственнымъ пѣвцомъ Амфіономъ, не избѣгла рока, тяготѣвшаго надъ домомъ Тантала. Лето, божественная мать Аполлона и Артемиды, была съ нею въ дружескихъ сношеніяхъ. Она же, такъ-же высокомѣрная, какъ и отецъ ея, хвалилась своими семью сыновьями и семью дочерьми, и себя называла болѣе счастливой матерью, чѣмъ Лето. Богиня пожаловалась на причиненную ей обиду своимъ дѣтямъ, и вотъ очень быстро погибло все многочисленное потомство Ніобы отъ стрѣлъ Аполлона и Артемиды. Безутѣшная мать скиталась послѣ этого по бѣлу свѣту, пока на развалинахъ отцовскаго дворца у горы Сипила не была превращена въ камень. Еще теперь тамъ, какъ говорятъ, есть скала, имѣющая въ своихъ очертаніяхъ сходство съ фигурой плачущей женщины, что можетъ быть и дало поводъ къ созданію сказанія.

Между тѣмъ возрастающее преступленіе проникло и въ Микенскія палаты. Ѳіестъ увлекъ жену брата своего къ тяжкому проступку противъ мужа и за то принужденъ былъ покинуть страну. Но онъ былъ лукавъ и захватилъ съ собой малютку-сына Атрея, скрывъ его подъ своимъ плащомъ, и дѣлилъ съ нимъ скудный хлѣбъ на негостепріимной чужбинѣ. Такъ выросъ мальчикъ въ любви къ нему и въ ненависти къ незнакомому отцу. Когда онъ, снабженный указаніями Ѳіеста, прибылъ въ Микены, то со злобой глядѣлъ на великолѣпный царскій замокъ, сверкавшій золотомъ, слоновой костью и электромъ (янтаремъ), точно жилище какого-то бога, и на сокровищницу, сложенную изъ обте-

санныхъ, многогранныхъ камней, украшенную полуколоннами и блестящими плитами. Его сердца не могло примирить гостепріимство, которымъ пользовался здѣсь всякій иноземецъ. Онъ попытался убить царя, но былъ схваченъ и казненъ. Слишкомъ поздно Атрей узналъ, что юноша этотъ былъ его сынъ, и въ его омраченной душѣ созрѣлъ планъ неслыханной мести.

Время шло и, казалось, мало-по-малу стерло совершенную и понесенную обиду; старость, повидимому, потушила гнѣвъ царя. Путешественники сообщали изгнанному Ѳіесту, что братъ его желалъ бы принять его снова въ своемъ дворцѣ и возвратить ему отнятое имущество. Ѳіестъ самъ желалъ и надѣялся помириться и, наконецъ, послѣдовалъ за посланцемъ, приглашавшимъ его въ Микены. Онъ привезъ съ собой одного изъ двухъ своихъ сыновей, которыхъ подарила ему жена на чужбинѣ. Въ честь его пріѣзда устроенъ былъ праздничный обѣдъ; гости весело пировали и особенно Ѳіестъ ѣлъ съ аппетитомъ почетное блюдо, поданное ему, по приказанію царя, прислужницей. Когда обѣдъ кончился, Атрей поставилъ передъ братомъ еще одно красивое серебряное блюдо и сказалъ: „Поистинѣ, мнѣ слѣдуетъ предложить подарокъ вернувшемуся брату. Возьми же это произведеніе искусства вмѣстѣ съ остатками твоего обѣда и неси его въ свой домъ". Удивленный Ѳіестъ снялъ крышку и содрогнулся отъ ужаса, увидѣвъ окровавленную голову своего сына. Въ ужасѣ онъ бѣжалъ изъ дома и съ мѣста преступленія, и самъ Г е л і й, приносящій день смертнымъ, закуталъ свой блестящій ликъ, такъ что внезапная ночь охватила испуганную землю.

А т а, виновница зла, неразлучно кралась за бѣглецомъ по дорогамъ и тропамъ, какъ дурные помыслы, наполняющіе душу и неотступно подвигающіе ее на черныя дѣла. Единственнаго, еще оставшагося у него, сына Ѳіестъ не училъ, какъ почитать боговъ, но какъ можно погубить врага силой и коварствомъ. Когда мальчикъ выросъ, созрѣвшій планъ мщенія былъ исполненъ. Онъ проникъ неузнаннымъ въ царскій дворецъ въ Микенахъ и ночью убилъ дядю на его мягкомъ, пурпурномъ ложѣ.

Сыновья убитаго были богаты и могущественны, какъ отецъ ихъ. Пастырь народовъ А г а м е м н о н ъ властвовалъ въ Микенахъ, смугловатый герой М е н е л а й—въ Спартѣ. Вмѣстѣ съ царями и

НІОБА СЪ МЛАДШЕЙ ДОЧЕРЬЮ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

Большой рядъ статуй Ніобы и ея дѣтей, средоточіе котораго образуетъ здѣсь изображенная группа, былъ найденъ въ 1583 г. въ Римѣ и теперь находится въ Уффиціяхъ во Флоренціи. Происходитъ ли первоначальное произведеніе отъ С к о п а с а или П р а к с и т е л я, было неизвѣстно уже въ древности.

народами всей Греціи они отправились въ гибельный походъ подъ Трою. Когда черезъ десять лѣтъ городъ былъ взятъ ихъ соединенными силами, они вернулись на родину. Агамемнонъ нашелъ царскій замокъ, блистающія палаты и сокровищницу въ цѣлости. Онъ радовался, когда вступилъ снова въ родной край. Радостно привѣтствовала его и жена Клитемнестра. Но въ то время, какъ онъ сидѣлъ за лакомымъ обѣдомъ, на него напалъ Эгисѳъ, сынъ Ѳіеста, скрывавшійся у коварной жены, и смертоносною мѣдью убилъ его и вмѣстѣ съ нимъ вѣрныхъ его товарищей. Послѣдніе валялись теперь въ залѣ вокругъ кувшина для смѣшанія вина съ водой и вокругъ столовъ, нагруженныхъ лакомыми блюдами, точно скотъ богача, зарѣзанный на свадьбу или на пиръ. Такъ разсказываетъ Гомеръ объ этомъ страшномъ злодѣйствѣ; другіе поэты сообщаютъ, что убійца поразилъ царя сѣкирой въ банѣ, когда жена накинула на него одежду. Эгисѳъ теперь владѣлъ обширнымъ царствомъ и женой, пріобрѣтенными съ помощью коварства и убійства.

А между тѣмъ подросталъ мститель въ лицѣ Ореста, послѣдняго сына Атрида, котораго заботливая сестра Электра заблаговременно отправила къ дядѣ своему Строфію въ Фокиду. Съ сыномъ этого царя, вѣрнымъ другомъ своимъ Пиладомъ, Орестъ выступилъ черезъ десять лѣтъ на дѣло кровной мести. Колеблясь еще, онъ обратился сначала за совѣтомъ къ Аполлону въ Дельфахъ. Тотъ отвѣтилъ:

„Разъ не назначенъ другой богами безсмертными мститель,
Требуетъ мщенія тѣнь отца отъ руки сына родного“.

Какъ иноземцы вступили друзья въ золотыя Микенскія палаты. Они вручаютъ Клитемнестрѣ урну, утверждая, что въ ней содержится прахъ умершаго тѣмъ временемъ Ореста. Развратная мать, всегда боявшаяся мести сына, не можетъ скрыть радости при извѣстіи о его смерти. Еще колеблется Орестъ, но Электра, узнавшая его, разжигаетъ пламя его гнѣва, а Пиладъ напоминаетъ о волѣ боговъ. Клитемнестра падаетъ отъ руки сына, а Эгисѳъ—вторая жертва. Но изъ мрачнаго Аида поднимаются Эвмениды (богини мщенія), какъ изъ души преступника—самообвиненіе и мученія совѣсти. Передъ ихъ змѣиными бичами убѣгаетъ матереубійца и ищетъ убѣжища у Аполлона въ Дельфахъ. Страшныя богини слѣдуютъ за нимъ точно ищейки, чующія запахъ крови, въ самый храмъ.

Но оттуда унеслись онѣ прочь, когда богъ погрозилъ имъ серебряной змѣйкой, пускаемой изъ лука. И вотъ несчастный получаетъ приказаніе отправиться въ Тавриду къ варварамъ и привезти оттуда въ Элладу священное изображеніе Артемиды. Сопутствуемый близкимъ другомъ Пиладомъ, онъ спѣшитъ къ таврическому побережью. Но едва они высадились на берегъ, какъ ихъ схватываютъ варвары и ведутъ къ Ѳоанту, царю этой страны. Тотъ приказываетъ принести обоихъ иноземцевъ, по древнему обычаю, въ жертву Артемидѣ. Когда ихъ потащили къ жертвеннику, Орестъ въ жрицѣ узнаетъ сестру свою Ифигенію, которую богиня нѣкогда унесла сюда и спасла отъ злодѣяній ея дома. Дѣвушка уже приготовляется обречь брата на смерть, но еще во время узнаетъ его. Быстро составленъ планъ бѣгства, и спасительный корабль увозитъ ихъ и похищенное изображеніе богини къ дорогой родинѣ. Сильно разгнѣванный похищеніемъ священнаго изображенія, Ѳоантъ хочетъ преслѣдовать бѣглецовъ, но ему является Аѳина и успокоительными словами удерживаетъ его отъ преслѣдованія.

Здѣсь мы можемъ сообщить, что Агамемнонъ значитъ благородно мыслящій, Эгисѳъ—бурный, Орестъ—обитатель горъ, что Ифигенія есть прозвище Артемиды, и мы могли бы все это разложить на аллегоріи; но, какъ мы уже замѣтили, миѳъ въ своей связности, въ своемъ внутреннемъ значеніи для насъ важнѣе. Изъ туманной древности слышится намъ его пѣснь, и мы чувствуемъ себя потрясенными истиной, въ немъ содержимой, и удовлетворены развязкой. Вѣдь это правда: если даже оракулъ присовѣтовалъ злодѣяніе, все-таки могущественнѣе Эриніи, которыя, по совершеніи злодѣянія, неумолимо преслѣдуютъ преступника. Человѣкъ долженъ терпѣть кару за свои прегрѣшенія. Но потомъ божество страдальцу приготовило искупленіе. Эту истину, какъ она олицетворена въ миѳѣ, обработалъ по своему величайшій поэтъ древности, какъ мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, а вслѣдъ за нимъ, но также по своему, художественно развилъ Гёте въ своей Ифигеніи.

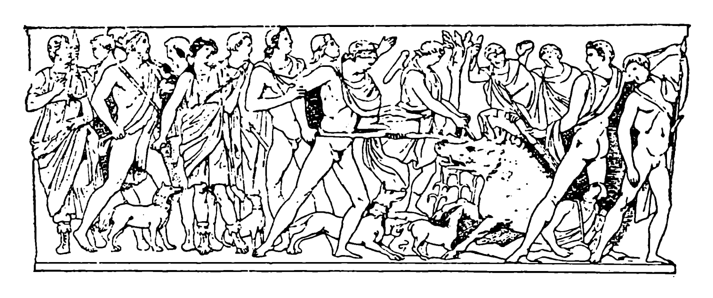
ИФИГЕНІЯ, ПРИГОТОВЛЯЮЩАЯСЯ ПРИНЕСТИ ВЪ ЖЕРТВУ ОРЕСТА И ПИЛАДА (РЕЛЬЕФЪ ИЗЪ ВИЛЛЫ АЛЬБАНИ ВЪ РИМѢ).

СОВМѢСТНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ

КАЛИДОНСКАЯ ОХОТА.

Уже разъ мы слѣдомъ за героемъ Г915 Геракломъ были въ хорошо обработанныхъ, окруженныхъ лѣсами и горами равнинахъ Калидонскихъ въ Этоліи и видѣли, какъ онъ тамъ пріобрѣлъ себѣ въ жены прекрасную Дейяниру; теперь насъ приглашаетъ туда громкій призывъ смѣлыхъ охотниковъ. Вепрь, огромный и сильный, какъ быкъ, опустошалъ поля на большомъ протяженіи, потому что Артемида гнѣвалась на царя Енея. Правда, царица Алѳея родила своему мужу, кромѣ Дейяниры, еще двухъ сыновей— Мелеагра и Тидея, отца Діомеда, и они оба уже были извѣстны подвигами храбрости, но всѣ ихъ усилія убить звѣря были до сихъ поръ тщетны. Поэтому они созвали славнѣйшихъ героевъ изъ Эллады на общую охоту. Явились на приглашеніе Касторъ и Полидевкъ, Ѳесей и Пириѳой, Несторъ, Пелей, Теламонъ, Язонъ, Амфіарай и другіе, особенно же воинственная молодежь этолянъ и сосѣднихъ куретовъ. Даже изъ горъ Аркадіи прибыла смѣлая охотница Аталанта, ловкость которой въ стрѣльбѣ изъ лука и быстрота бѣга были знамениты.

Съ пѣснями и кликами охотники отправились въ лѣсъ. Они отыскали слѣдъ звѣря, пошли по нему и обложили его, но не разъ прорывался вепрь сквозь ряды преслѣдователей, и многіе почувствовали крѣпость его клыковъ. Уже Анкей и нѣсколько героевъ были ранены на смерть; но нападенія безпрестанно возобновлялись, и, наконецъ, настойчивость смѣлыхъ охотниковъ увѣнчалась успѣхомъ. Аталанта, стремясь быть впереди всѣхъ, первая поразила стрѣлой вепря, понесшагося изъ чащи. Эта и другая еще рана, правда, усилили его свирѣпость и

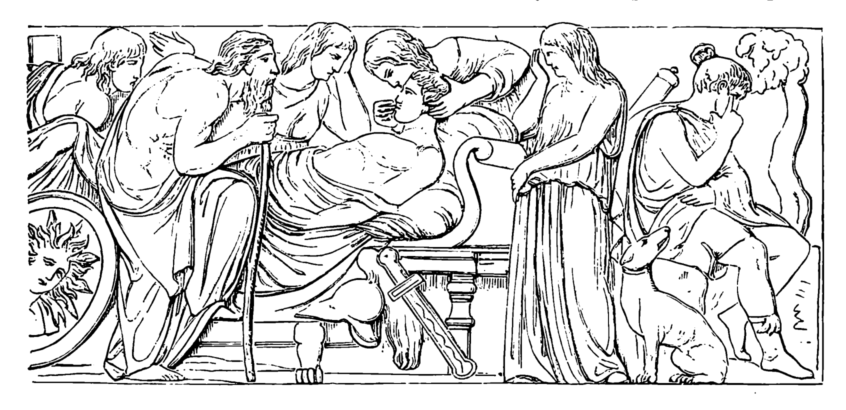

КАЛИДОНСКАЯ ОХОТА (РЕЛЬЕФЪ НА САРКОФАГѢ).

опасность, но теперь Мелеагръ вонзилъ ему въ спину крѣпкое копье, а затѣмъ, когда тотъ ринулся на него, встрѣтилъ его короткимъ дротикомъ. Тутъ охотники, даже и струсившіе, прибѣжали изъ-за кустовъ и деревьевъ и помогли прикончить звѣря. Затѣмъ они съ добычей своей по зеленому лѣсу вернулись въ Калидонъ и стали совѣщаться, кому присудить трофеи этого дня, щетинистую шкуру и голову вепря съ клыками. Скоро всѣ голоса сошлись на томъ, что отважный Мелеагръ заслужилъ ихъ своей ловкостью. Но молодой герой отдалъ рѣдкую охотничью добычу Аталантѣ, первою ранившей звѣря. На слѣдующій день, когда охотники разошлись и каждый отправился въ обратный путь на родину свою, Мелеагръ съ большимъ неудовольствіемъ узналъ, что братья его матери отняли у охотницы добычу, чтобы самимъ украситься ею. Въ гнѣвѣ онъ поспѣшилъ къ нимъ, но такъ какъ тѣ отказались отдать трофеи, то завязался бой, въ которомъ сами они были перебиты, а дружина ихъ разсѣяна. Бѣжавшіе привер-

женцы подняли къ отомщенію своихъ земляковъ, куретовъ, которые тотчасъ же подступили къ Калидону съ военною силой. Пока воинственный герой Мелеагръ бился во главѣ этолянъ, послѣдніе были побѣдоносны; но вскорѣ онъ палъ жертвой неизбѣжнаго рока.

Миѳъ разсказываетъ конецъ жизни героя различно; мы слѣдуемъ болѣе извѣстному, хотя позднѣйшему поэтическому сказанію. Матери его Алѳеѣ при его рожденіи явились Мойры, прядущія и обрѣзающія нить человѣческой жизни. Клоѳо предсказала, что мальчикъ будетъ великодушенъ, Лахезисъ—что онъ будетъ героемъ, а Атро-

СМЕРТЬ МЕЛЕАГРА.
(РЕЛЬЕФЪ ВИЛЛЫ АЛЬБАНИ ВЪ РИМѢ).

посъ объявила, что онъ будетъ живъ, пока лишь не догоритъ головня, пылавшая въ то время на очагѣ. Алѳея тотчасъ потушила огонь и хорошо запрятала головню. Когда же она теперь узнала о смерти братьевъ своихъ, она въ сильномъ гнѣвѣ на сына бросила головню въ огонь, и по мѣрѣ того, какъ головня пожиралась пламенемъ, исчезали безповоротно силы и жизнь молодого героя.

Аталанта, между тѣмъ, съ возвращенной ей охотничьей добычей достигла родины своей Аркадіи, гдѣ изъѣденная червями шкура вепря и голова его съ могучими клыками хранились еще многія столѣтія въ храмѣ Аѳины въ Тегеѣ на удивленіе достовѣрныхъ очевидцевъ. Греки умѣли такими остатками старины обосновывать свои миѳы.

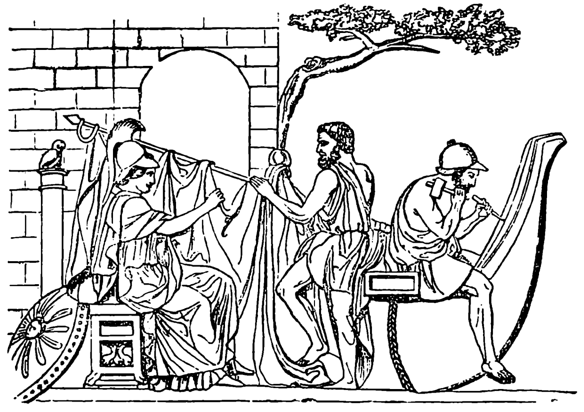
Объ охотницѣ Аталантѣ миѳъ даетъ намъ дальнѣйшія свѣдѣнія. Она презрѣла узы супружеской жизни. Ей казалось болѣе веселымъ бродить по раздолью лѣсовъ, чѣмъ сидѣть въ тѣсныхъ женскихъ покояхъ. Женихи, устремлявшіеся къ ней, были ей ненавистны. Она каждому предлагала состязаніе въ бѣгѣ съ нею, назначивъ себя въ награду тому, кто ее побѣдитъ. Жениха она пускала сначала впередъ, но затѣмъ слѣдовала за нимъ, размахивая копьемъ, и, если настигала, то закалывала его. Уже многіе нашли такимъ образомъ вмѣсто брачной спальни смерть, и у жизнерадостныхъ юношей, наконецъ, прошла охота добиваться руки этой дѣвушки. Только настойчивый Миланіонъ не побоялся опаснаго состязанія. По милости Афродиты, онъ получилъ три золотыхъ яблока Гесперидъ; эти яблочки онъ одно за другимъ выронялъ передъ охотницей, когда она въ крылатомъ бѣгѣ почти настигала его. Аталанта, при видѣ прелестныхъ плодовъ, не могла удержаться отъ того, чтобъ не поднимать ихъ, и чрезъ это опоздала къ цѣли. Счастливый женихъ выигралъ. По условію, она должна была подчиниться ненавистному брачному игу; однако, миѳъ умалчиваетъ о томъ, предпочла ли она впослѣдствіи прижимать къ груди собственныхъ дѣтей своихъ, или звучащій лукъ и смертоносныя стрѣлы.

По словамъ нѣкоторыхъ поэтовъ, Аталанта, по заключеніи брачнаго союза, воспылала такой неумѣренной любовью къ мужу, что великая матерь боговъ Кибела превратила обоихъ супруговъ въ львиную чету. Другіе же разсказываютъ много похвальнаго о ихъ супружеской жизни, и что сама Аѳина научила ихъ дѣламъ домашняго хозяйства, особенно ткацкому искусству. Вѣдь эта богиня не только царила на полѣ почетной брани, но была и наставницей въ мирныхъ искусствахъ. Она-то именно и руководила, поэтому, отважными героями и мореплавателями, о которыхъ идетъ рѣчь въ слѣдующемъ разсказѣ, въ искусной постройкѣ ихъ корабля Арго.

ПОХОДЪ АРГОНАВТОВЪ.

Пелія, сынъ Посидона и несчастной Тиро, вытѣснилъ брата своего Нелея, какъ сообщено выше. Онъ властвовалъ надъ богатыми равнинами Іолка, ограниченными съ сѣвера

Пеліономъ, а съ юга далеко вдающимся въ глубь страны заливомъ Эгейскаго моря. У кого много, тотъ хочетъ еще больше. И вотъ Пелія отнялъ владѣнія у своднаго брата своего Эзона, такъ что теперь ему сталъ подвластенъ весь минійскій народъ въ Ѳессаліи. Съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Язономъ опечаленный Эзонъ ушелъ въ горы къ дикимъ кентаврамъ и встрѣтилъ тамъ мудраго Хирона, принявшаго къ себѣ и отлично воспитавшаго мальчика. Подъ его руководствомъ онъ развилъ

ПОСТРОЙКА КОРАБЛЯ АРГО (АНТИЧНАЯ ТЕРРАКОТТА).

свой умъ и окрѣпъ въ силахъ и мужествѣ ко всякому предпріятію. Одаренный такими свойствами, снабженный богатой одеждой и оружіемъ, юноша, на двадцатомъ году своей жизни, рѣшилъ потребовать отъ дяди обратно отцовское наслѣдіе.

На дорогѣ попалась ему рѣка, вздувшаяся отъ дождевыхъ потоковъ. Сѣдая старушка стояла на берегу ея, желая переправиться черезъ нее. Язонъ, не долго думая, посадилъ старуху на свои крѣпкія плечи и не безъ труда перенесъ ее черезъ воду. Онъ, правда, потерялъ одну изъ своихъ сандалій въ тинистомъ днѣ, но онъ не тужилъ объ этомъ, такъ какъ ему не разъ приходилось странствовать по суровымъ горамъ и безъ обуви. Не дожидаясь выраженія ему благодарности со стороны старухи, онъ уже собирался идти дальше; но вдругъ увидѣлъ, какъ она выросла и, облеченная удивительной красотой и величіемъ, походила на

царицу боговъ Геру, которую часто описывалъ ему мудрый Хиронъ. Полный радости отъ этого видѣнія, предвѣщавшаго ему счастіе, онъ продолжалъ свой путь и скоро достигъ значительнаго города Іолка. Когда онъ сквозь ряды придворныхъ подошелъ къ трону владыки минійцевъ, тотъ поблѣднѣлъ еще раньше, чѣмъ чужестранецъ изложилъ свою просьбу; ибо онъ вспомнилъ объ изреченіи оракула, предупредившаго его, чтобъ онъ остерегался человѣка съ одной только сандаліей. Однако, онъ съ кажущимся спокойствіемъ выслушалъ просьбы племянника и утѣшилъ его указаніемъ на лучшія времена. Между тѣмъ онъ привлекъ его къ царскому столу и обращался съ нимъ по обычаю гостепріимства. На многократно повторенныя требованія Язона онъ далъ, наконецъ, такой отвѣтъ: въ настоящее время невозможно выдать изъ царскаго казнохранилища конфискованнаго имущества; но если молодой герой привезетъ изъ варварской страны Колхиды золотое руно барана, которое свезъ туда Фрикса изъ минійскаго Орхомена, и доставитъ его въ цѣлости, то требованія его будутъ ближе разсмотрѣны. Язонъ обдумалъ предложеніе, обратился къ оракулу за совѣтомъ и получилъ увѣреніе, что боги будутъ благопріятствовать предпріятію. Приказавъ затѣмъ строить крѣпкое судно, самъ онъ отправился искать приключеній и набирать пригодныхъ товарищей. Тѣхъ и другихъ онъ нашелъ въ изобиліи, и, когда корабль Арго былъ готовъ къ плаванію, собралось участвовать въ походѣ пятьдесятъ героевъ. Кромѣ уже названныхъ нами въ предыдущихъ разсказахъ, были особенно замѣчательны: ѳракійскій пѣвецъ Орфей и затѣмъ Зетъ и Калаидъ, крылатые сыновья Борея.

Сперва плаваніе направилось по знакомымъ водамъ къ острову Лемносу. Тамъ всѣ мужчины были перебиты своими женами. Послѣднія рады были пріѣзду Аргонавтовъ и угощали ихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Геллеспонтѣ не случилось съ ними ничего замѣчательнаго. Затѣмъ они нашли дружескій пріемъ у царя Доліоновъ на берегу Пропонтиды. По отплытіи оттуда, буря ночью вторично пригнала ихъ къ этой странѣ; считая ихъ морскими разбойниками, доліоны произвели на нихъ нападеніе, при чемъ Язонъ убилъ дружественно расположеннаго царя. Когда же утромъ обѣ стороны поняли свою ошибку, ими овладѣла глубокая печаль, и убитаго царя предали

торжественному погребенію съ жертвоприношеніями и играми. Вечеромъ дружина не могла заснуть отъ горя; тогда Орфей схватилъ свою арфу и сталъ пѣть хвалу богамъ и героямъ, такъ что скоро исчезло горе и тяжкія заботы; а по мѣрѣ того, какъ онъ все тише и прелестнѣе ударялъ по струнамъ, засыпала земля и вѣчно движущееся море, а также и на усталыхъ героевъ нисходилъ упоительный сонъ и отрадныя грезы.

АРГОНАВТЫ ВЪ СТРАНѢ БЕБРИКОВЪ.

(ИЗОБРАЖЕНІЕ КУЛАЧНАГО БОЯ ПОЛИДЕВКА И АМИКА НА ТАКЪ-НАЗ. ФИКОРОНСКОЙ ЦИСТѢ).

Находящаяся въ Кирхеровскомъ музеѣ въ Римѣ такъ-назыв. фикоронская циста, бронзовый ларчикъ для драгоцѣнностей—прекраснѣйшее и благороднѣйшее произведеніе древне-италійскаго искусства, какимъ мы владѣемъ. Переданное здѣсь частью главное изображеніе, рисунокъ высшей красоты и характерности, тамъ вырѣзано на металлической доскѣ. Предметъ его въ существенномъ ясенъ. Побѣжденный варваръ привязывается одолѣвшимъ его Полидевкомъ (налѣво) къ лавровому дереву. Оба бойца голы, и руки у нихъ обвиты еще боевымъ ремнемъ. Возлѣ Амика лежитъ его одѣяніе и грубые полусапожки стоятъ на землѣ; рядомъ съ Полидевкомъ подъ деревомъ сидитъ его слуга, несущій платье и боевыя принадлежности своего хозяина и, повидимому, заснувшій. Къ побѣдителю подлетаетъ крылатая Ника съ вѣнкомъ и повязками, безъ сомнѣнія посланная стоящей подъ нею Афиной.

На берегу Мизіи Гераклъ отсталъ, чтобы отыскать Гиласа, юношу изъ его свиты, котораго похитили нимфы источника въ то время, какъ онъ черпалъ воду. При слѣдующей высадкѣ, Полидевкъ убилъ сильнаго кулачнаго бойца Амика, царя бебриковъ на Виѳинскомъ побережьи, хотѣвшаго помѣшать Аргонавтамъ черпать воду. Сердечнѣйшій пріемъ встрѣтили они у слѣпого царя Финея въ Виѳиніи, который въ лицѣ ихъ узналъ обѣщанныхъ ему оракуломъ спасителей отъ тяжкихъ мученій. Дѣло въ томъ, что несчастный никогда не могъ спокойно принимать пищу. Каждый разъ, какъ садился онъ за столъ, тотчасъ налетали Гарпіи, громадныя хищныя птицы съ человѣческими головами и мѣдными когтями, съѣдали и загрязняли пищу, а кто

имъ хотѣлъ помѣшать, того страшно исцарапывали. Вотъ и теперь, когда царь среди своихъ гостей сидѣлъ за роскошно приготовленнымъ обѣдомъ, прилетѣли съ хриплымъ крикомъ хищныя птицы и набросились на пищу. Но Зетъ и Каландъ, схвативъ свое оружіе, начали охоту. Они ранили и преслѣдовали птицъ, пока онѣ не скрылись въ темныхъ пещерахъ, изъ которыхъ вызвало ихъ магическое слово. Благодарный Финей затѣмъ не только снабдилъ путешественниковъ обильными съѣстными припасами, но и далъ имъ совѣтъ, какъ на дальнѣйшемъ пути своемъ избѣжать опасности, грозящей у Симплегадъ. То были подвижныя скалы, которыя постоянно сталкивались и опять раздвигались съ быстротою молніи. По полученному наставленію, Аргонавты въ рѣшительный моментъ сначала пустили голубицу, которая благополучно пролетѣла между скалъ, потерявъ только нѣсколько перьевъ; затѣмъ послѣдовали и они, съ напряженіемъ всѣхъ силъ гребцовъ. Гера, или по другимъ разсказамъ Паллада-Аѳина, мощными руками придерживала нѣкоторое время скалы, такъ что при своемъ столкновеніи они захватили и отбили лишь самыя крайнія украшенія съ кормы корабля.

На дальнѣйшемъ пути Аргонавты, плывя вдоль Кавказа, видѣли орловъ, терзавшихъ Прометея, и слышали самые стоны страдальца, тогда еще не освобожденнаго Геракломъ. Наконецъ, они высадились на берегъ у истока Фазиса въ Колхидѣ, гдѣ жилъ царь Аэтъ, владѣтель золотого руна. Ему объявилъ Язонъ о своемъ желаніи, увѣряя, что боги желаютъ его исполненія. Суровый варваръ сперва грубо отказалъ ему; но потомъ сказалъ, что если дерзкій пришелецъ такъ увѣренъ въ волѣ боговъ, то пусть онъ это докажетъ на нѣсколькихъ испытаніяхъ, а потомъ можно будетъ и поговорить о дѣлѣ. „Тутъ,—продолжалъ онъ,—есть два быка, подарокъ Гефеста, которыхъ нельзя запречь въ ярмо, такъ какъ они изрыгаютъ огонь, а рогами разбиваютъ мѣдь и желѣзо. Такому мужу, какъ ты, Язонъ, легко будетъ съ помощью этихъ животныхъ вспахать небольшое поле, засѣять его драконовыми зубами и, когда вырастутъ оттуда одѣтые въ броню мужчины, то справиться и съ ними“. Товарищи уговорили молодого героя принять эти предложенія, и на слѣдующій день было назначено ихъ исполненіе. Задумчиво гуляя по берегу, онъ встрѣтился съ царской дочерью Медеей. Свѣдущая въ таинственныхъ силахъ природы,

она передала ему волшебную мазь, приготовленную изъ растенія, которое выросло на Кавказѣ изъ капель Прометеевой крови. Она увѣряла, что отъ натиранія этой мазью человѣческое тѣло станетъ безопаснымъ противъ огня и ударовъ. Затѣмъ она учила его далѣе, какъ воины, которые вырастутъ изъ посѣянныхъ зубовъ дракона, тотчасъ же накинутся на сѣятеля, если онъ не броситъ между нихъ большого камня, изъ-за котораго возникнетъ среди нихъ кровавый бой и избавитъ его, Язона, отъ труда и опасности сражаться съ ними.

Язонъ былъ не только мужественъ, но и уменъ, и осмотрителенъ и не пренебрегалъ этой помощью. Согласно полученному наставленію, онъ натерся мазью, благодаря чему ему удалось запречь въ ярмо непокорныхъ быковъ, несмотря на ихъ огненное дыханіе и жестокіе удары, избороздить требуемый кусокъ земли и засѣять его. Когда же изъ земли выросли страшные воины, онъ швырнулъ въ нихъ камень преткновенія, и тогда, вмѣстѣ съ прочими, онъ могъ безопаснымъ зрителемъ наблюдать, какъ эти люди сначала обвиняли и поносили другъ друга, а затѣмъ набросились одинъ на другого съ своимъ оружіемъ, пока не покрыли своими трупами клочка поля, изъ котораго они выросли.

Царь Аэтъ былъ пораженъ зрѣлищемъ. Онъ, правда, понималъ, что тутъ было что-то неладное, но тѣмъ болѣе опаснымъ казался ему Язонъ со своими товарищами, и онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ немилыхъ гостей, когда они будутъ опьянены виномъ. Устроенъ былъ царскій пиръ, на которомъ не щадили вина. Аэтъ подавалъ другимъ добрый примѣръ, осушая кубокъ за кубкомъ; но онъ имѣлъ дѣло съ испытанными людьми, у которыхъ голова была еще довольно свѣжа, когда царственный хозяинъ уже охмелѣлъ. Въ то время, какъ они теперь совѣщались объ отъѣздѣ, вдругъ предстала передъ ними волшебница-дѣва Медея и помогла имъ словомъ и дѣломъ. Еще въ эту же ночь необходимо было отправиться въ путь, но передъ тѣмъ доставить на корабль желанное руно. Она поэтому повела своего любимца Язона въ темную дубовую рощу, гдѣ драконъ охранялъ драгоцѣнное сокровище. Когда они оба вошли, чудовище поднялось, шипя и гремя чешуей, а огненные глаза его освѣтили темноту мѣстности. Но Медея брызнула въ него волшебнымъ сокомъ и запѣла усыпляющую пѣсню Гекаты, призрачной богини

ночи, которая тотчасъ же погрузила дракона въ глубокій сонъ. Тогда она взяла руно, передала его своему спутнику и послѣдовала за нимъ на корабль, захвативъ передъ тѣмъ изъ царскаго дворца маленькаго брата своего А б с и р т а въ качествѣ заложника.

Проснувшись поздно на слѣдующее утро, Аэтъ узналъ о тройномъ похищеніи и бѣгствѣ гостей; но у него во флотѣ были превосходныя парусныя суда и хорошіе гребцы. Онъ тотчасъ же началъ преслѣдованіе и еще до заката солнца увидѣлъ паруса корабля Арго. Онъ хотѣлъ съ удвоеннымъ усердіемъ продолжать погоню, но въ это время онъ на берегу замѣтилъ голову любимаго сынка своего Абсирта, воткнутую на копье, и изрубленные и разбросанные члены его. Это его такъ огорчило, что онъ оставилъ преслѣдованіе и только думалъ о погребеніи останковъ своего сына. Вмѣсто него, боги взяли на себя наказаніе злодѣйства, вызывавшаго отвращеніе даже въ душѣ варваровъ. Они дали Аргонавтамъ вернуться въ Средиземное море и на родину лишь послѣ продолжительнаго и труднаго плаванія по Истру (Дунаю), Эридану (По) и западному океану.

Еще много опасностей пришлось одолѣть Аргонавтамъ въ этомъ плаваніи. Они проѣхали мимо С и р е н ъ, морскихъ дѣвъ, которыя неодолимымъ пѣніемъ своимъ манили къ себѣ мореплавателей и потомъ увлекали ихъ съ собою въ глубь морскую; героямъ послышался какъ будто плачъ кому жены своей, кому ребенка, кому возлюбленной невѣсты. Они уже направили корабль къ гибельному мѣсту, но тогда Орфей ударилъ въ золотыя струны своей лиры и запѣлъ о прекрасной, богами любимой Элладѣ, какъ тамъ процвѣтаетъ все доброе и возвышенное, и наполнилъ сердца всѣхъ такой тоской, что кормчій снова повернулъ корабль по направленію къ родинѣ, а гребцы бодрѣе стали разсѣкать пѣнящіяся волны.

Послѣ этихъ и подобныхъ приключеній, Аргонавты, наконецъ, прибыли въ Пагасейскій заливъ и въ Іолкскую бухту, радостно привѣтствуя родные берега. Недобрыя, однако, вѣсти ждали возвращающихся героевъ. Пелія въ отсутствіе Язона приказалъ убить его отца и мать и окружилъ себя сильнымъ войскомъ. Поэтому новоприбывшіе остались собранными у своего корабля, и только Медея, превратившись, съ помощью своего волшебнаго

искусства въ старуху, пошла въ царскій дворецъ къ дочерямъ Пеліи, у которыхъ, по ея словамъ, она просила защиты отъ насилій Аргонавтовъ. Ее охотно приняли, и она, по обыкновенію старухъ, словоохотливо стала разсказывать, что она также можетъ быть и полезной, что она въ особенности можетъ вернуть молодость старикамъ, и какую большую выгоду

МОЛОЖЕНІЕ БАРАНА (ПО ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМУ РИСУНКУ НА ВАЗѢ).

Въ простой треножникъ вставленъ большой искусственный котелъ, изъ котораго старается подняться баранъ. Іолкскій царь сидитъ рядомъ на стулѣ, покрытый богатымъ плащомъ и украшенный повязкой на сѣдыхъ волосахъ; онъ опираетъ лѣвую руку на свою палку и, полный ожиданій, глядитъ на исходъ чуда. Рядомъ съ нимъ стоитъ Медея, высокій головной уборъ которой, похожій на калаоъ, замѣняетъ азіатскую тіару (которую Медея обыкновенно часто носитъ), можетъ быть по отношенію къ часто украшавшейся подобнымъ образомъ богинѣ луны, служа которой она колдовала. Движеніе ея лѣвой руки кажется придаетъ барану смѣлость, чтобы онъ постарался высвободиться; съ подобно поднятыми руками противъ нея стоятъ двѣ богато украшенныя дѣвушки: безъ сомнѣнія, Антиноя и Астеропея, дочери Пеліи, которыя, жестоко обманутыя, съ ликованіемъ привѣтствуютъ чудо.

принесло бы это почтенному Пеліи въ его положеніи, угрожаемомъ самонадѣянными смѣльчаками. Царевны благосклонно отнеслись къ предложенію. Но когда онѣ услышали, что дѣло заключается въ разрѣзаніи человѣческаго тѣла и въ варкѣ его въ котлѣ, то, подвергнувъ зрѣлому разсмотрѣнію опасность этого способа, онѣ выразили желаніе предварительно сдѣлать опытъ. И на это согласилась старуха. Она сварила дряхлаго барана съ

волшебными травами и, произнося разныя магическія формулы, вытащила его снова изъ котла, но уже молодымъ барашкомъ. Теперь не было больше сомнѣнія. Ночью со спавшимъ старымъ царемъ продѣлали то же, что и съ бараномъ, только ворожея положила больше чудодѣйственныхъ травъ въ котелъ, говорила больше заклинаній и, наконецъ, поднялась на вышку дворца, чтобы воззвать къ могучей помощи Гекаты. Но какъ только зажженный здѣсь ею огонь запылалъ въ ночной темнотѣ, то по этому сигналу герои съ берега ворвались въ городъ и дворецъ и послѣ короткаго сопротивленія совершенно одолѣли застигнутыхъ врасплохъ и оставшихся безъ вождя горожанъ. Однако-же они опасались приближавшагося съ военными силами А к а с т а, сына Пелія. Поэтому они снесли всю свою добычу снова на корабль и поплыли въ К о р и н ѳ ъ, гдѣ Язонъ съ Медеей остались, между тѣмъ какъ остальные участники похода разошлись.

Десять лѣтъ оба супруга прожили въ новомъ жилищѣ въ согласіи, наслаждаясь привезенными богатствами; потомъ снова проснулось честолюбіе прославленнаго героя. Онъ пріобрѣлъ дружбу престарѣлаго царя коринѳскаго, К р е о н т а, который охотно отдалъ бы ему руку единственной дочери своей Г л а в к и или К р е у з ы, и вмѣстѣ съ ней обѣщалъ бы престолонаслѣдіе, если бы тотъ не былъ уже женатъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, для устраненія препятствія рѣшенъ былъ разводъ съ Медеей. Колхидянка приняла эту вѣсть спокойнѣе, чѣмъ ожидали; она послала даже невѣстѣ діадему и великолѣпную брачную одежду. Но въ этотъ подарокъ она воткала свою тайную злобу и пламя тартара, которое разрѣшалось при соприкосновеніи съ человѣческимъ тѣломъ. К р е о н т ъ бросился срывать съ дочери горящее одѣяніе; тогда пламя охватило и его, и дворецъ, и все обратило въ груды развалинъ и пепла. Въ то время какъ виновница этого бѣжала на своей драконовой колесницѣ, коринѳяне схватили ея дѣтей, искавшихъ защиты у алтаря Геры, и убили ихъ.

По позднѣйшему сказанію, Медея сама зарѣзала своихъ дѣтей, залоги любви Язона, и затѣмъ умчалась на своей колесницѣ. Самого Язона, заснувшаго однажды въ тѣни Арго, вытащеннаго на берегъ, убило упавшимъ обломкомъ корабля. Волшебница же

МЕСТЬ МЕДЕИ.

Барельефъ на саркофагѣ, въ Луврѣ, на которомъ выступаютъ четыре группы, соотвѣтствующія столькимъ же сценамъ этой драмы, ставшей такой популярной въ древности черезъ трагедіи Еврипида и Сенеки.—1-ая. Креуза, сидя возлѣ кормилицы своей, принимаетъ подарки, предлагаемые ей Язономъ, представленнымъ стоящимъ между колоннами дворца, и двухъ дѣтей, которыхъ герой имѣлъ отъ Медеи. Позади дѣтей товарищъ Язона.—2-ая. За первой сценой, тихой и спокойной, слѣдуетъ бурная сцена—Креуза надѣла отравленное цвѣтное платье, и уже пожираетъ ее волшебный огонь: отбросивъ голову назадъ, поднявъ руку какъ бы для того, чтобъ удалить пламя, она хочетъ ринуться. Отецъ ея Креонтъ и позади него Язонъ безсильно присутствуютъ при этой пыткѣ, которую Еврипидъ нашелъ пріятнымъ долго описывать.—3-ья. Месть Медеи еще не полная: она идетъ убивать своихъ двухъ сыновей. Послѣдніе представлены бѣгущими; быть можетъ они заняты игрой, какъ ихъ показываетъ Еврипидъ; быть можетъ они убѣгаютъ изъ дворца, которому сообщалось пламя, пожирающее Креузу. Тогда нужно бы видѣть рухнувшую колонну въ валикѣ на землѣ у ногъ дѣтей. Позади нихъ ихъ мать, которая, на аналогичныхъ барельефахъ, держитъ въ рукѣ кинжалъ. Подобно Еврипиду, скульпторъ не хотѣлъ представить самого убійства.—4-ая. Волшебница—побѣдоносна и сейчасъ исчезнетъ: видно, какъ она подымается на колесницу, везомую крылатыми змѣями. Она поворачиваетъ голову назадъ, какъ-бы для того, чтобы еще разъ порадоваться на свое мщеніе.

Медея гналась за новыми радостями и, пылая дикими страстями, творила неслыханныя злодѣйства.

Мы уже разсказали, какъ она послѣ нашла себѣ защиту у царя Эгея, заключила съ нимъ новый брачный союзъ и пыталась погубить Ѳесея; правда, это сказаніе нельзя согласовать съ послѣдовательнымъ порядкомъ событій, ибо аѳинскій герой упоминается какъ участникъ въ калидонской охотѣ и въ походѣ Аргонавтовъ. Разрѣшать такія противорѣчія — не наша задача, ни дѣло миѳа, который повѣствуетъ не о хронологическихъ датахъ, но о дѣлахъ боговъ и героевъ. Миѳъ продолжаетъ свой разсказъ о приключеніяхъ волшебницы, какъ она, подобно огненному метеору, пролетала надъ городами и странами, посѣщала знаменитыхъ героевъ, имѣя постоянно наготовѣ отраву, кинжалъ и пагубное искусство волшебства.

Но виновница несчастій оставалась въ свѣтлой, богами любимой Элладѣ чуждымъ, мрачнымъ явленіемъ. Всюду возбуждая ненависть и изгоняемая, она, наконецъ, умчалась на свою родину Колхиду. Тамъ отецъ ея Аэтъ лишенъ былъ престола братомъ своимъ Персесомъ и съ немногими спутниками блуждалъ по пустынямъ. Она отыскала его и ободрила для рѣшительнаго нападенія на похитителей престола. Въ то время, какъ онъ съ горстью своихъ приверженцевъ подступалъ къ вражескому войску, Медея пѣла волшебныя пѣсни и изъ земли поднимались страшилища, которыя впереди войска вступили въ битву и разогнали вражескихъ воиновъ. Аэтъ затѣмъ снова вернулся въ свое царство, гдѣ охраняла его дочь-чародѣйка.

Конецъ Язона, убійство его дѣтей по винѣ матери или даже отъ ея собственной руки, пылающее брачное платье Креузы придаютъ сказанію неожиданно трагическій конецъ. Вообще мы находимъ въ болѣе древнихъ поэтическихъ твореніяхъ грековъ склонность къ трагизму. Вотъ герой мужественно стремится къ своей цѣли, но неизбѣжный рокъ тяготѣетъ надъ исходомъ. Судьба сплетаетъ между собой непредвидимыя случайности, нити, незамѣтныя глазу, присоединяетъ сюда собственную вину человѣка и, наконецъ, трагической развязкой приводитъ къ свойственной греческому духу идеѣ, что герой долженъ бороться, побѣждать, но и страдать за сознательную или безсознательную вину.

Основой сказанія объ Аргонавтахъ служатъ морскія плаванія минійцевъ, широко распространеннаго племени смѣлыхъ искателей приключеній и морскихъ героевъ. Они ѣздили въ далекую солнечную страну Эю, о которой упоминаетъ и Гомеръ, помѣщая ее на крайнемъ западѣ. Когда же Черное море открыто было мореплаванію и торговлѣ, солнечную страну перемѣстили на восточное побережье его, въ Колхиду, гдѣ рѣкой Фазисомъ изъ горъ вымывается золото. Тамъ туземцы клали овечьи руна въ теченіе рѣки и, спустя нѣкоторое время, вытаскивали ихъ покрытыми золотымъ пескомъ. Отважные моряки увозили этотъ драгоцѣнный предметъ торговли; на родинѣ же они разсказывали о пережитыхъ приключеніяхъ и опасностяхъ, прибавляя много чудесъ, а старъ и младъ жадно прислушивались къ страннымъ вѣстямъ. Всѣ эти элементы поэзія соединила въ одно округленное цѣлое, которое пѣлось поэтами во всѣхъ эллинскихъ земляхъ подъ звуки струнъ.

Уже сказаніе о Фриксѣ и Геллѣ можно отнести къ естественнымъ миѳамъ и полнымъ приключеній морскимъ плаваніямъ минійцевъ. Аѳамантъ, сынъ бога вѣтровъ, соединяется съ Нефелой, тучей, которая рождаетъ ему двухъ дѣтей: Фрикса (волнующіяся воды, здѣсь также дождь) и Геллу (солнечная теплота?). Позже онъ женится на Ино, дочери Кадма, значитъ, на финикіянкѣ, которая изъ-за продолжительной засухи хочетъ пасынка своего, по финикійскому обычаю, принести въ жертву Зевсу Лафисту. Тогда Нефела посылаетъ златорунпаго барана,—оплодотворяющій дождь, способствующій созрѣванію золотыхъ колосьевъ. Гелла, свѣтлый лучъ солнца, погружается въ морскую пучину; но Фриксъ достигаетъ солнечной страны Эи, гдѣ, вмѣсто финикійскихъ человѣческихъ жертвъ, теперь закалываются и приносятся въ жертву богамъ бараны. Напротивъ, проклятіе человѣческихъ жертвоприношеній тяготѣло еще надъ Іолкомъ и надъ домомъ Аѳаманта, пока не явился Язонъ, исцѣляющій и примиряющій, и открылъ торговый путь въ богатую золотомъ солнечную страну.

КАДМЕЯ И ЕЯ ГЕРОИ.

Изъ Коринѳа, гдѣ Язонъ не безъ вины такъ несчастно кончилъ свою богатую подвигами жизнь, путь нашъ идетъ на сѣверъ

черезъ Исѳмъ въ страну Беотію. Предъ нами Ѳивы, окруженныя крѣпкими стѣнами, и внутри ихъ царскій кремль Кадмея. Она открываетъ предъ нами свои богато украшенныя палаты; но и надъ этимъ мѣстомъ, какъ и надъ Микенами, царитъ судьба, подобно темной тучѣ, и рокъ тѣмъ ужаснѣе, что онъ поражаетъ дѣйствующихъ лицъ частью безъ сознательной вины ихъ; виновные и невиновные обрекаются на неизбѣжную гибель. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ болѣе современной, мы сказали бы даже—христіанской идеей, что преступникъ гибнетъ безъ истиннаго величія, а неоплакиваемый невинный страдалецъ, если онъ терпитъ кару за недобровольныя ошибки, даже въ глубочайшемъ несчастіи является великимъ, достойнымъ сожалѣнія, и въ смерти находитъ свое успокоеніе.

Мы уже говорили о Кадмѣ, но здѣсь мы связно изложимъ миѳъ о немъ. Египтянинъ Агеноръ переселился въ Финикію. Зевсъ, бывшій въ это время — въ молодости своей — плутишкой, въ образѣ быка, унесъ дочь Агенора, Европу, по морю на Критъ. Агеноръ поэтому приказалъ своимъ сыновьямъ, особенно Кадму, отыскать сестру. Послѣ тщетныхъ странствованій, Кадмъ прибылъ въ Дельфы, по приказанію оракула пошелъ слѣдомъ за встрѣчной имъ коровой и тамъ, гдѣ она остановилась, основалъ города Ѳивы и Кадмею. Изъ дочерей его особенно извѣстна была Семела, какъ мать Діониса. Между позднѣйшими его потомками слѣдуетъ указать на Зеѳа и Амфіона, пѣвца, супруга Ніобы. Они освободили свою мать отъ насилій и преслѣдованій Дирки и наказали послѣднюю, привязавъ ее къ рогамъ дикаго быка, что стало излюбленнымъ сюжетомъ пластическаго искусства.

По ихъ смерти, престолъ достался вытѣсненному ими Лаю. Ему и женѣ его Іокастѣ оракулъ предрекъ, что сынъ ихъ нѣкогда будетъ убійцей отца и супругомъ своей матери. Поэтому какъ только плодомъ ихъ союза явился мальчикъ, то его бросили въ лѣсахъ въ горы Киѳерона на съѣденіе звѣрямъ. Пастухи коринѳскаго царя Полиба нашли плачущаго малютку и принесли его къ своему повелителю, бездѣтная жена котораго Меропа, обрадовавшись красивому ребенку, оставила его у себя и воспитала съ материнской нѣжностью. Эдипъ (Пухлоногій), — такъ назвали мальчика по его опухлымъ ногамъ,—уже зрѣлымъ

юношей все еще считалъ Меропу матерью, а Полиба отцомъ. Разъ въ спорѣ товарищи его стали поносить его за сомнительное происхожденіе. Эдипъ разспросилъ тогда своихъ пріемныхъ родителей и узналъ отъ нихъ все, что имъ было извѣстно объ этомъ. За дальнѣйшими свѣдѣніями онъ отправился въ Дельфы и получилъ указаніе избѣгать отца и матери, въ противномъ случаѣ, онъ убьетъ перваго и вступитъ въ кровосмѣсительный союзъ со второю.

ПОХИЩЕНІЕ ЕВРОПЫ (РИСУНОКЪ НА ВАЗѢ).

Европа уносится могучимъ быкомъ черезъ море; въ волнахъ видны двѣ звѣзды, надъ ними рыба и пр. Крылатый амуръ слѣдуетъ за Европою, съ длинной лентой въ рукахъ. На берегу, направо, находится самъ Зевсъ, оперишійся о скипетръ.

Испуганный этимъ изреченіемъ, онъ рѣшилъ не возвращаться никогда болѣе въ Коринѳскую землю. Странствуя, онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ перекрещиваются дороги изъ Фокиды и Беотіи. Здѣсь онъ встрѣтился съ Лаемъ. Спутникъ царя безъ церемоніи столкнулъ съ дороги невзрачнаго иноземца, который за это схватился съ нимъ и поразилъ его и самого Лая, подбѣжавшаго къ нему на помощь. Такъ исполнилась первая часть пророчества оракула. Эдипъ, правда, ничего не подозрѣвалъ объ этомъ.

Такія драки въ тѣ времена были ежедневнымъ явленіемъ, и сильный юноша полагалъ, что въ схваткѣ съ двумя мужами доказалъ свою геройскую мощь.

Онъ странствовалъ еще нѣкоторое время въ странѣ этой и узналъ, что народъ наказанъ тяжкимъ бичомъ. Ему разсказывали, что злое существо Сфинксъ, въ верхней части — точно женщина, въ нижней—съ львинымъ туловищемъ и львиными лапами, распространяетъ ужасъ въ странѣ; даже у самыхъ воротъ Өивскихъ нельзя себя считать въ безопасности. Ежедневно оно, то тутъ, то тамъ, останавливаетъ людей, задаетъ имъ неразрѣшимую загадку и затѣмъ пожираетъ ихъ цѣликомъ. Поэтому, — сообщали далѣе Эдипу, — тому, кто устранитъ чудовище, обѣщанъ незанятый еще со смерти Лая престолъ, вмѣстѣ съ рукой овдовѣвшей царицы. Бездомный юноша вдругъ увидѣлъ передъ собой возможность пріобрѣсти отечество, жену и царство, и, не колеблясь, рискнулъ своею жизнью. Онъ отыскалъ страшнаго для всѣхъ Сфинкса на горѣ Фикіѣ, возвышавшейся къ сѣверу надъ озерами Капаидой и Гилике, къ югу надъ холмами и плодородными долинами до самыхъ Өивъ. „Что это за тварь“,—спросилъ Сфинксъ героя, — „которая утромъ идетъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ?“ — Не долго думалъ Эдипъ; онъ отвѣтилъ: „Это—человѣкъ; ибо на утрѣ дѣтства ползаетъ онъ на рукахъ и ногахъ, въ полдень жизни идетъ на двухъ ногахъ, а на закатѣ дней, въ старости, онъ, опираясь на палку, приближается къ могилѣ“. Лишь только произнесъ онъ рѣшеніе, Сфинксъ сбросился съ крутого обрыва и исчезъ въ глубокой пропасти. Эдипъ же радостно отправился въ городъ Өивы за полученіемъ обѣщанной награды. Когда онъ предъявилъ требуемыя доказательства, ему присудили царство и отпраздновали свадьбу его съ царицей Іокастой. Но боги, обыкновенно не чуждавшіеся празднествъ героевъ, на этотъ разъ не явились со своими подарками, и только люди, не вѣдающіе темнаго рока, веселились на этой свадьбѣ, какъ дѣти, радующіяся пылающему пламени, которое превращаетъ ихъ отеческій домъ въ груды пепла. Долгое время оставались скрытыми совершившіяся преступленія; народъ любилъ и уважалъ своего спасителя отъ тяжелыхъ бѣдствій, а отъ брака его родилось четверо подававшихъ большія надежды дѣтей: Этеоклъ, Полиникъ, Антигона и Исмена. Но вотъ по-

явилась гибельная заразительная болѣзнь, не щадившая ни возраста, ни пола. Спрошенный по поводу этого оракулъ приказалъ, чтобъ ѳивяне удалили изъ своихъ стѣнъ того, кто неискупимой виной навлекъ на страну проклятіе боговъ. Недоумѣвающій народъ довѣрчиво обращается къ своему царю, чтобъ тотъ объяснилъ таинственное изреченіе. Эдипъ призываетъ къ себѣ прорицателя Тиресію, которому все извѣстно, и разспрашиваетъ его; но тотъ на всѣ вопросы молчитъ, пока царь сильнѣйшими угрозами не заставляетъ его высказаться. И вотъ Эдипъ, Іокаста и весь народъ узнаютъ роковую тайну. Несчастная царица сама лишаетъ себя жизни; Эдипъ же не хочетъ больше зрѣть дневного свѣта и выкалываетъ себѣ глаза. Отвергнутый и сыновьями своими, слѣпой старецъ покидаетъ городъ, поддерживаемый и ведомый любящей дочерью Антигоной. Такъ онъ достигаетъ аттическаго мѣстечка Колона, гдѣ ужасныя Эриніи пользуются почитаніемъ въ посвященной имъ рощѣ.

ЭДИПЪ И СФИНКСЪ

(РИСУНОКЪ НА ВАЗѢ, ВЪ ВАТИКАНѢ, СЪ ФОТОГРАФІИ).

Эдипъ, съ петасомъ на головѣ и одѣтый въ хламиду, сидитъ на скалѣ; между его скрещенныхъ ногъ — его дорожная палка. Передъ нимъ, на іонической колоннѣ, возвышается сфинксъ съ женской головой: онъ говоритъ, и надпись относится къ задаваемой имъ загадкѣ. Можно, дѣйствительно, читать и дополнить: «и кто имѣетъ три ноги».

Здѣсь онъ можетъ отдохнуть; богини мщенія примирены его страданіями и раскаяніемъ, и Ѳесей защищаетъ его отъ преслѣдованія людей. Ѳесей сопровождаетъ его до того мѣста, гдѣ тихая смерть ждетъ усталаго отъ жизни старца. Такъ именно разсказываетъ и объясняетъ намъ конецъ несчастнаго благороднѣйшее драматическое произведеніе (трагедія Софокла).

Проклятіе рока между тѣмъ тяготѣло надъ домомъ Лая. Сыновья Эдипа, братья Этеоклъ и Полиникъ, воспылали страшной взаимной ненавистью. По болѣе древнему миѳу, распря между ними возникла при погребеніи отца; по позднѣйшему, при-

чиной ея было стремленіе каждаго брата къ царской власти. Полинику пришлось покинуть Кадмею и страну, и онъ нашелъ защиту у Адраста въ Аргосѣ. Тамъ онъ въ вечернихъ сумеркахъ встрѣтился съ изгнаннымъ изъ Этоліи Тидеемъ и обнажилъ мечъ противъ неузнаннаго пришельца. Но Адрастъ еще во время розн͏ялъ бившихся мужей и привелъ ихъ въ свой гостепріимный домъ. Въ нихъ онъ призналъ суженыхъ его двумъ дочерямъ супруговъ, ибо у одного на щитѣ было изображеніе льва, у другого—вепря, а, по изреченію оракула, онъ долженъ былъ выдать своихъ дочерей за льва и за вепря.

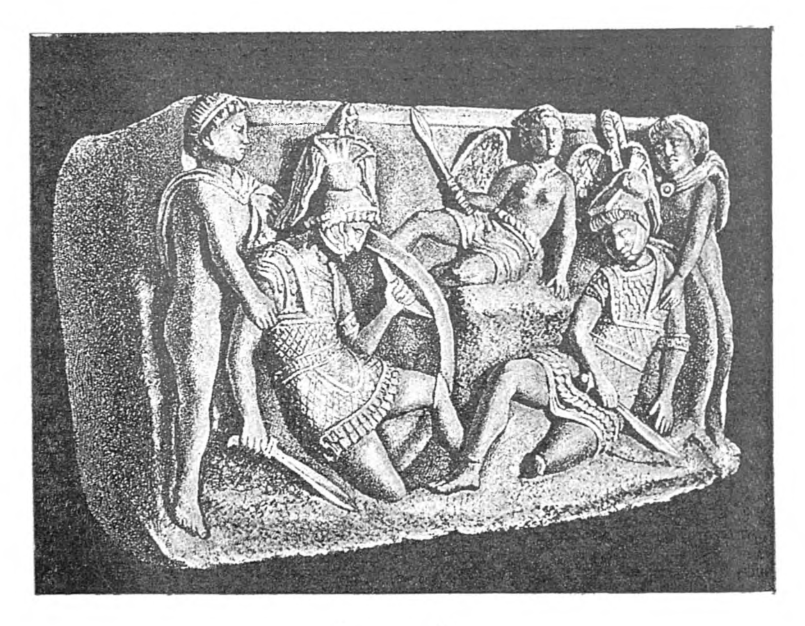
Затѣмъ онъ собралъ князей аргивскихъ и съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ представилъ имъ, что справедливость и честь требуютъ отъ нихъ вооруженной силой водворить снова его зятя въ царскомъ замкѣ Кадмеѣ, и всѣ согласились съ нимъ, за исключеніемъ храбраго Амфіарая. Послѣдній, потомокъ прорицателя Мелампа, приподнялъ завѣсу, скрывавшую будущее, и предсказалъ гибель большинства изъ героевъ, если они осмѣлятся помочь своимъ оружіемъ Полинику при разореніи его собственнаго родного города. Аргивскіе князья гордились своей властью и геройской силой; но они не рѣшались предпринять походъ безъ Амфіарая. Тогда Полиникъ подошелъ къ Эрифилѣ, женѣ героя-прорицателя, и предложилъ ей великолѣпное ожерелье, подаренное нѣкогда богами невѣстѣ Кадма въ день ея свадьбы, если она побудитъ мужа къ участію въ походѣ. Она не могла устоять противъ блеска золота и драгоцѣнныхъ камней и съ хитростью и льстивой рѣчью стала упрашивать мужа, пока тотъ, наконецъ, не далъ своего согласія.

Семеро князей со своими дружинами собрались теперь въ походъ противъ семивратныхъ Ѳивъ. Добродушный Адрастъ, зятья его, Полиникъ и мощный Тидей, мудрый Амфіарай, безстрашные Капаней, Гиппомедонтъ и Парѳенопей во всей Элладѣ были извѣстны своими подвигами. На поляхъ, орошаемыхъ Асопомъ, войско остановилось. Въ то время какъ здѣсь приносились жертвы и совершались празднества, Тидей отправился посломъ во вражескій городъ. Онъ былъ человѣкъ невзрачный и неразговорчивый, но зато одаренъ былъ большой силой. Найдя всѣхъ кадмейскихъ князей собранными въ царскомъ замкѣ на пир у Этеокла, онъ коротко и ясно высказалъ свое предложеніе: воз-

становленіе Полиника на престолѣ мирнымъ договоромъ или мечомъ Семи. „Другъ",—смѣясь сказалъ одинъ изъ князей,—„ты бы пошелъ прежде съ нашими свиньями на кормъ, чѣмъ мечомъ и коньемъ угрожать нашимъ стѣнамъ". Всеобщій язвительный хохотъ покрылъ насмѣшливую рѣчь. Тогда поруганный Герой сказалъ, что онъ еще достаточно силенъ, чтобы бросить всѣхъ ихъ свиньямъ, если они осмѣлятся вступить съ нимъ въ борьбу или кулачный бой. Тѣ не отказались отъ схватки, и одинъ за другимъ, опоясавшись, выступили противъ него; но онъ побѣдилъ ихъ всѣхъ. Озлобленные, они поручили отряду воиновъ напасть на него на возвратномъ пути. Однако, онъ и изъ этой схватки вышелъ побѣдителемъ и, покрытый кровью враговъ, достигъ лагеря, послѣ чего войско тотчасъ же устремилось на городъ.

Жители выступили навстрѣчу ратнымъ силамъ, но скоро пришлось имъ искать защиты за стѣнами своего города. Въ то время какъ ихъ князья, смущенные, совѣщались о томъ, что дѣлать, къ нимъ подошелъ прорицатель Тиресія и объявилъ, что осажденная Кадмея останется побѣдительницей надъ всѣми врагами, если сынъ царственнаго Креонта, М е н ё к е й, принесетъ себя въ жертву Аресу. Великодушный юноша тотчасъ же подчинился такому требованію, и эта жертва, принесенная отечеству, такъ подняла всеобщій духъ, что всѣ рѣшились побѣдить или погибнуть. Аргивяне между тѣмъ подступили къ городу и со всѣхъ сторонъ пошли на приступъ. Мощный Капаней взошелъ на стѣну и грозилъ уничтожить Кадмею, даже противъ воли боговъ. Зевсъ услышалъ надменную рѣчь и своей молніей низвергъ страшнаго воина съ зубца стѣны, на который онъ взобрался. Передъ могуществомъ бога отступилъ Адрастъ съ войскомъ; но ѳиванцы высыпали изъ всѣхъ воротъ и продолжали бой. Въ общемъ смятеніи Этеоклъ встрѣтился съ Полиникомъ, и оба брата пронзили другъ друга, при смерти еще горя взаимной ненавистью. Въ продолженномъ бою пали затѣмъ Тидей и Гиппомедонтъ. Амфіарай стоялъ еще твердо, какъ скала, окруженный врагами; но, наконецъ, и онъ былъ увлеченъ всеобщимъ бѣгствомъ и нашелъ свою гибель, такъ какъ подъ нимъ разверзлась земля. Одинъ только Адрастъ спасся отъ смерти, благодаря быстротѣ своей черногривой кобылы Арея. Съ печальнымъ сердцемъ вернулся онъ въ Аргосъ.

Въ Ѳивахъ между тѣмъ распоряжался верховной властью старый Креонтъ, братъ Іокасты; онъ издалъ приказъ, чтобы убитые враги, въ особенности же тѣло Полиника, остались безъ погребенія, на добычу коршунамъ и собакамъ. Нѣжная, любящая Антигона, направлявшая нѣкогда шаги слѣпого отца, съ ужасомъ услышала

БРАТСКІЙ ПОЕДИНОКЪ ЭТЕОКЛА И ПОЛИНИКА
(РЕЛЬЕФЪ НА ЭТРУССКОЙ УРНѢ. СЪ ФОТОГРАФІИ).
Обоихъ братьевъ, павшихъ смертельно ранеными, поддерживаютъ ихъ товарищи; между ними на возвышеніи скалы сидитъ крылатая богиня смерти съ мечомъ.

этотъ приказъ. Она не могла вынести мысли, чтобы братъ лишенъ былъ покоя могилы, и рѣшилась воспротивиться жестокому закону. Тщетно уговаривала ее застѣнчивая сестра Исмена отказаться отъ своего намѣренія: безъ всякой помощи она бродила по полю битвы, пока не отыскала брата. Своими слабыми руками она вырыла могилу и опустила туда дорогой трупъ. Но око предателя не дремало. Ее повели къ Креонту, который, согласно закону, произнесъ ей приговоръ: быть погребенной живою. Прорицатель Тиресія, правда, грозилъ ему карой боговъ, но царь объя-

вилъ, что только при строгомъ выполненіи законовъ возможно процвѣтаніе отечества, и приказалъ исполнить приговоръ. Антигона великодушно, съ чувствомъ, что она совершила долгъ сестры, подчиняется и спускается въ мрачный склепъ. Женихъ же ея Гемонъ, сынъ царя, на ея могилѣ самъ лишаетъ себя жизни.

Въ десятилѣтній промежутокъ времени въ Аргосѣ выросла свѣжая воинственная молодежь. Сыновья убитыхъ стали сильными юношами. Ихъ, Эпигоновъ, т. е. потомковъ героевъ, старый царь Адрастъ призвалъ для мщенія въ походъ противъ Кадмеи. Хорошо вооруженные и окруженные ратными людьми, собираются Эгіалей, сынъ царя Адраста, Ѳерсандръ, сынъ Полиника, Алкмеонъ, и Амфилохъ, храбрые потомки Амфіарая, далѣе Діомедъ, происходившій отъ Тидея, другъ его Сѳенелъ—сынъ Капанея, Промахъ—сынъ Пароенопея, и другіе. Безпрепятственно Эпигоны дошли до города Глиса въ Беотіи. Тамъ сошлись съ ними кадмейскія дружины. Лаодамантъ, сынъ Этеокла, сражавшійся во главѣ послѣднихъ, убилъ царственнаго юношу Эгіалея, и аргивяне уже стали отступать передъ его копьемъ; но Алкмеонъ, мудрый и храбрый, какъ его отецъ, бросился ему навстрѣчу и при страшномъ кровопролитіи принудилъ его и его воиновъ къ бѣгству. Въ отчаяніи, не довѣряя болѣе разгнѣваннымъ богамъ, разбитые кадмейцы покинули свое отечество, чтобы въ пустыняхъ Иллиріи искать себѣ новой родины; въ Ѳивахъ же побѣдоносные Эпигоны возстановили Ѳерсандра на отцовскомъ престолѣ. Между радостными и торжествующими побѣдителями одинъ Адрастъ былъ погруженъ въ печаль о павшемъ сынѣ и скоро, снѣдаемый скорбью, послѣдовалъ за своимъ любимцемъ въ могилу.

Миѳъ о Сфинксѣ, носящій египетскую окраску, указываетъ на уничтоженіе чужеземнаго богослуженія и, очевидно, имѣетъ отношеніе къ вытѣсненію финикіянъ изъ Беотіи, гдѣ они такъ долго распоряжались никѣмъ неоспориваемой верховной властью. Также и добровольная смерть великодушнаго Менёкея обнаруживаетъ финикійское происхожденіе, но греческій геній далъ ей болѣе пріятное изображеніе. Другіе элементы вплетены поэзіей. Содержатся ли въ ней и насколько именно также и историческіе факты, съ достовѣрностью нельзя уже узнать.

ПОХОДЪ НА ТРОЮ.

Къ югу отъ Геллеспонта, на азіатскомъ берегу возвышается горная цѣпь Иды разнообразными вершинами и склонами. Изъ долинъ Иды вытекаютъ двѣ рѣчки, Скамандръ и Симоентъ, которыя орошаютъ равнину, простирающуюся отъ подошвы этихъ горъ до Эгейскаго моря. Отъ главнѣйшихъ вершинъ тянутся отдѣльныя цѣпи холмовъ, пріятно нарушая однообразіе мѣстности; пышная растительность покрываетъ плодородную страну, и подъ счастливымъ небомъ Малой Азіи никогда не прерывается зимнимъ льдомъ и снѣгомъ. На этой равнинѣ въ старину находился древній знаменитый Иліонъ, обыкновенно называемый Троей. Богами были воздвигнуты его могучія стѣны, остававшіяся несломленными, пока не вторгся Гераклъ, чтобы отомстить царю Лаомедонту за понесенную обиду.

ЦАРЬ ПРІАМЪ. БРОНЗОВАЯ МОНЕТА, ЧЕКАНЕННАЯ ВЪ ИЛІОНѢ.

Преемникъ Лаомедонта, Пріамъ, еще болѣе расширилъ свое царство и увеличилъ его могущество и богатство. Сокровища изъ золота, серебра, бронзы и произведеній искусства были собраны въ его дворцѣ; многочисленное потомство мужественныхъ сыновей и цвѣтущихъ дочерей и внучатъ окружало и поддерживало его старость, и много сосѣднихъ народовъ были ему подвластны или съ нимъ въ союзѣ. Изъ пятидесяти сыновей его особенно знамениты были: мощный Гекторъ, Деифобъ, Политъ, Троилъ, красавецъ Парисъ, изъ дочерей—Креуза, Поликсена и пророчица Кассандра. Однажды Парисъ, пася отцовскія стада у подошвы Иды, отдыхалъ подъ деревомъ, какъ вдругъ вниманіе его обратило на себя свѣтлое облако, приближавшееся съ большой быстротой. Онъ скоро различилъ въ прозрачномъ туманѣ сіяющую золотомъ колесницу, запряженную крылатыми конями. Вотъ удивительная колесница спустилась около него и изъ нея вышли три богини, хорошо знакомыя юношѣ, такъ какъ онъ часто приносилъ имъ жертвы въ ихъ храмахъ. Передъ нимъ стояли: богиня неба, Гера, украшенная діадемой власти, Паллада-Аѳина, съ шлемомъ на головѣ, окруженная

сіяніемъ божественной мудрости и воинственнаго мужества, и Афродита въ расцвѣтѣ прелести, укрощающей боговъ и людей. Впереди нихъ шелъ Гермесъ, вѣстникъ боговъ, который и объяснилъ удивленному пастуху, зачѣмъ явились къ нему богини. Краснорѣчиво онъ разсказалъ ему, что по ту сторону моря, въ Өессалійской странѣ Фөіи, праздновалась большая свадьба Пелея, властителя Мирмидоновъ, съ морской богиней Өетидой. Всѣ боги

СУДЪ ПАРИСА (РИСУНОКЪ НА ВАЗѢ).

Налѣво сидитъ Парисъ. Передъ нимъ остановились: Гермесъ и три богини, каждая съ цвѣткомъ въ рукѣ. Первая – Аөина съ эгидой, затѣмъ Гера со скипетромъ, наконецъ Афродита съ голубемъ въ лѣвой рукѣ; вокругъ нея витаютъ четыре амура.

были приглашены и присутствовали, исключена была лишь Эрида, богиня пагубнаго раздора. За это она бросила между собравшихся золотое яблоко съ надписью: „прекраснѣйшей“. Тотчасъ же три высшія богини заявили притязаніе на золотой плодъ и призвали для рѣшенія спора Зевса, а тотъ указалъ имъ на царственнаго пастуха на Идѣ, какъ на особеннаго знатока красоты. Парисъ очень обрадовался этому предложенію: оно доставило ему возможность глазами знатока узрѣть самое прекрасное, что было на небѣ и на землѣ. Скверное обстоятельство этого дѣла, женское тщеславіе, отъ котораго не свободны даже богини, не принималось въ расчетъ неопытнымъ юношей. Между тѣмъ его окружали высокіе пришельцы, торопя къ рѣшенію. Гера сулила ему богатство и владычество надъ Азіей, Паллада — мудрость и военную славу, которая затмитъ всѣхъ героевъ земли, Афродита же обѣщала дать ему жену, которая прелестью приблизится къ ней самой больше всѣхъ смертныхъ. Царственный пастухъ, который,

при своей праздной пастушьей должности, не разъ задумывался о сватаніи, нашелъ послѣднее предложеніе очень отвѣчающимъ его тайнымъ желаніямъ. Поэтому онъ отдалъ золотой плодъ богинѣ любви и красоты, не подозрѣвая вызваннаго этимъ рока. Послѣ этого безсмертныя богини взошли на воздушную свою колесницу и умчались обратно къ высотамъ Олимпа, побѣжденныя—въ уныніи, побѣдительница—торжествуя.

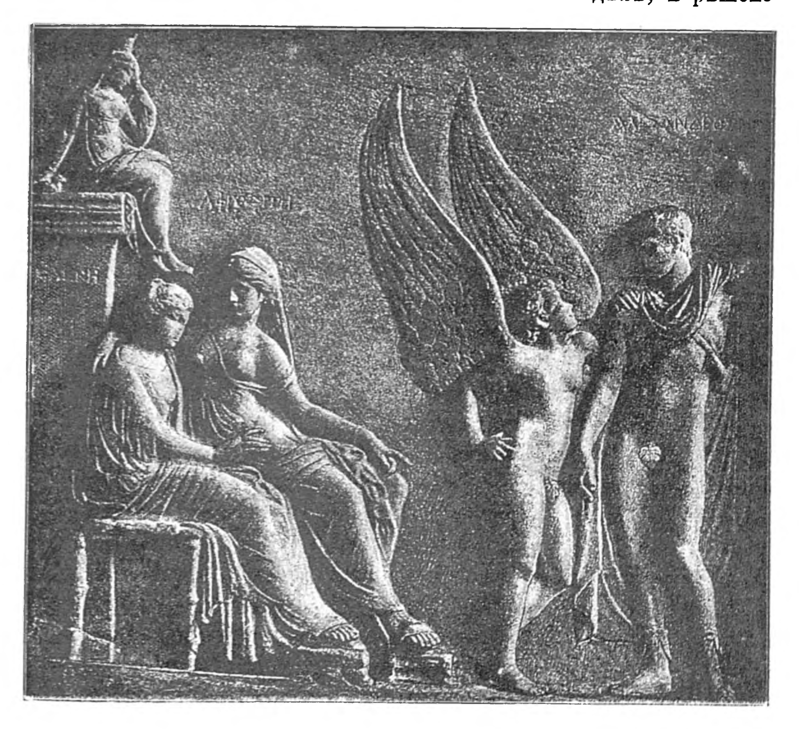
Прошли годы, прежде чѣмъ исполнилось обѣщаніе. Но вотъ однажды Парисъ опять отдыхалъ подъ тѣнистымъ деревомъ у склона Иды; тогда ему явилась снова богиня любви и предложила ему поѣхать въ Элладу: тамъ въ царскихъ чертогахъ Атрида Менелая въ Спартѣ онъ найдетъ то, что ищетъ. Послушный словамъ богини, онъ отправился въ путь. Стихіи благопріятствовали путешествію, и онъ скоро высадился на лаконскомъ берегу. Окруженный блестящей свитой, съ богатыми подарками, юноша отправился въ Спарту и остановился у воротъ царскаго замка, пока не замѣтилъ его слуга и не доложилъ объ этомъ царю. Тотчасъ же его ввели внутрь богатаго дворца.

По окончаніи обѣда, когда мужи бесѣдовали другъ съ другомъ и Парисъ разсказывалъ объ Иліонѣ и его сокровищахъ, изъ высокой, великолѣпной комнаты подошла жена царя, Елена, съ блестящимъ веретеномъ, чтобы принять участіе въ бесѣдѣ. Она, дочь Тиндарея или Зевса и Леды, какъ раньше упомянуто, по красотѣ своей казалась одной изъ богинь. Троянскій юноша узналъ въ ней тотъ образъ, который онъ себѣ составилъ о будущей своей женѣ; вѣдь она была похожа на самую Афродиту, какъ та являлась ему нѣкогда. Поэтому онъ день за днемъ оставался въ гостепріимномъ дворцѣ въ Спартѣ. Прямодушный герой Менелай, самъ чуждый притворства, такъ мало чаялъ лукавства и обмана, что радовался продолженному присутствію гостя.

Торжественное жертвоприношеніе отозвало его въ это время на островъ Критъ. Во время его отсутствія, Парисъ, съ помощью Афродиты, пріобрѣлъ расположеніе Елены и бѣжалъ съ нею и многими сокровищами на свой, находившійся у берега, корабль, который благополучно увезъ бѣглецовъ въ Иліонъ.

Но гордая Гера еще гнѣвалась на Париса и поэтому отправила свою вѣстницу Ириду къ Менелаю объявить ему о совершенномъ преступленіи. Ограбленный герой, вернувшись въ опу-

стѣлыя палаты своего дворца, сталъ замышлять тяжкую кровавую месть. Могущественный Агамемнонъ въ Микенахъ былъ его братомъ, многоопытный старецъ Несторъ въ Пилосѣ—его другомъ. Онъ посовѣтовался съ обоими объ этомъ дѣлѣ, и рѣшено

ЕЛЕНА, СКЛОНЯЕМАЯ КЪ ПОХИЩЕНІЮ
(РЕЛЬЕФЪ ИЗЪ ХОРОШАГО ГРЕЧЕСКАГО ПЕРІОДА, НАХОДЯЩІЙСЯ ВЪ МУЗЕѢ, ВЪ НЕАПОЛѢ, СЪ ОРИГИН. ФОТОГРАФІИ).

Здѣсь въ застѣнчиво и смущенно сидящей Еленѣ изображена не пробуждающаяся страсть, но, какъ замѣчаетъ Бруннъ, любовная встрѣча, какъ истокъ высшей божеской воли. Парисъ представленъ здѣсь въ дружеской бесѣдѣ съ Эротомъ, юношеская фигура котораго съ огромными крыльями указываетъ уже не на шуточныя дѣтскія забавы.

было предложить всѣмъ народамъ эллинскаго племени общій походъ для отмщенія. Несторъ съ умнымъ Паламедомъ шелъ изъ города въ городъ, всюду въ краснорѣчивыхъ словахъ описывая понесенную обиду. Сама Гера, безъ остановки спѣша туда и сюда, воспламеняла сердца. Не всюду герои охотно слѣдовали

приглашенію, ибо путь былъ долгъ, могущество Иліона велико; но умъ и убѣдительное краспорѣчіе пословъ преодолѣли всѣ препятствія. Особенно необходимо было участіе въ предпріятіи храбраго Ахиллеса, родившагося отъ брака Пелея и Ѳетиды. Его божественной матери извѣстенъ былъ оракулъ, предсказавшій ему или богатую подвигами, но короткую жизнь, или долгую, но безславную. Поэтому ее очень безпокоила его жажда славы, и она свезла его на островъ Скиросъ къ царю Ликомеду, гдѣ онъ въ женской одеждѣ долженъ былъ скрываться между царскими дочерьми. Посланные не могли отыскать среди женщинъ красиваго юноши. Тогда хитрый Одиссей разложилъ передъ ними женскія украшенія и великолѣпныя одежды и прибавилъ сюда и блестящіе доспѣхи. Затѣмъ онъ велѣлъ грянуть въ воинскіе инструменты, какъ будто вторглись враги. Дѣвушки тотчасъ же обратились въ бѣгство; Ахиллесъ же скинулъ длинныя одѣянія, надѣлъ шлемъ и панцырь и схватилъ торчащее копье. Такимъ образомъ его открыли и тогда онъ выбралъ себѣ славную, хоть и короткую жизнь, и послѣдовалъ за посланцами.

Цари и герои со своими дружинами собрались теперь со всѣхъ концовъ Греціи въ бухтѣ беотійскаго приморскаго города Авлиды, насупротивъ острова Эвбеи. Во главѣ всѣхъ по могуществу и богатству стоялъ Агамемнонъ, который привезъ на ста корабляхъ своихъ ратныхъ людей изъ Микенъ и на пятидесяти другихъ аркадійскую молодежь. Менелай привезъ шестьдесятъ кораблей, старецъ Несторъ девяносто, Идоменей съ Крита и храбрый Діомедъ изъ Аргоса каждый по восьмидесяти. Одиссей наполнилъ воинами только двѣнадцать кораблей, и столько же Теламоніадъ Эантъ (Аяксъ); но первый принесъ съ собой свой дѣльный умъ, второй—мощную десницу. Легко вооруженные Локридцы явились подъ начальствомъ Эанта, сына Оилея, Аѳиняне же подъ начальствомъ Менесѳея. Пятьдесятъ судовъ везли непобѣдимаго Ахиллеса съ его храбрыми Мирмидонами. Всего насчитывали до 1200 кораблей и болѣе 100000 ратныхъ людей.

Противные вѣтры, посланные оскорбленной Артемидой, задерживали флотъ, ибо Агамемнонъ на охотѣ убилъ священную лань. Поэтому верховный жрецъ Калхантъ объявилъ, что разгнѣванная богиня требуетъ въ жертву чистую дѣвственницу, Ифигенію, дочь Агамемнона. Отецъ согласился и дѣвушку увели изъ объятій

ея матери Клитемнестры. На жертвенникѣ уже занесенъ былъ надъ нею жертвенный ножъ, когда опустилось облако. Сама Артемида сжалилась надъ нею, отняла ее у смерти и унесла ее въ Тавриду, гдѣ она осталась жрицей въ святилищѣ богини, чтобы впослѣдствіи дать брату и отцовскому дому искупленіе.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ ИФИГЕНІИ
(помпейская стѣнная живопись изъ casa del poeta tragico).

Калхантъ съ жертвеннымъ ножомъ ожидаетъ дѣвушку, которую Одиссей и Діомедъ готовы возложить на алтарь, между тѣмъ какъ отецъ ея стоитъ въ сторонѣ, закрывъ голову. Нимфа, по приказанію Артемиды, влечетъ по воздуху лань, которая должна заступить мѣсто Ифигеніи.

Скоро теперь попутный вѣтеръ надулъ паруса и понесъ флотъ къ острову Тенедосу, напротивъ троянскаго берега. Одиссея и Менелая отрядили потребовать выдачи Елены и похищенныхъ сокровищъ; но они безуспѣшно вернулись обратно, и флотъ тогда подплылъ къ берегу, впереди судно Менелая, какъ это было изображено на картинѣ Полигнота въ Лесхе (мѣсто общественнаго собранія) въ Дельфахъ.

Осада Трои продолжалась долгое время, по сказанію, де-

сять лѣтъ. Изъ-за громадныхъ стѣнъ нельзя было взять города приступомъ, а изъ-за обширности—обложить его и голодомъ принудить къ сдачѣ. Напротивъ, вспомогательнымъ войскамъ и подвозу провіанта былъ свободный доступъ.

Эллины вытащили свои корабли на берегъ и расположились возлѣ нихъ лагеремъ. Равнина между городомъ и лагеремъ была мѣстомъ стычекъ тѣхъ и другихъ дружинъ. Конечно, не было и рѣчи о бо-

ОСАДА ТРОИ (ОБЛОМОКЪ БАРЕЛЬЕФА).

евомъ порядкѣ. Бойцы стояли другъ противъ друга безпорядочными толпами; вожди, превосходившіе простыхъ воиновъ силь-

нымъ вооруженіемъ и боевымъ искусствомъ, мчались по бранному полю на колесницахъ или, спрыгнувъ, сражались пѣшими. Главнымъ оружіемъ было копье, рѣдко употреблявшееся для удара, обыкновенно же для метанья; затѣмъ брались за булыжники и, наконецъ, за обоюдоострый бронзовый мечъ. Голову воина покрывалъ шлемъ съ развѣвающимся султаномъ, лѣвую руку — щитъ, грудь—панцырь; всѣ эти доспѣхи дѣлались изъ бычачьей кожи, часто обивавшейся мѣдью. Каждый воинъ двигался независимо отъ другихъ, дрался обыкновенно въ единоборствѣ, которое часто прерывалось взаимными рѣчами сражающихся, и обнаруживалъ наполнявшую его страсть, какъ и силу, которой онъ обладалъ. Какъ ни привлекательно выступаетъ все это въ повѣствованіи, но оно нейдетъ въ сравненіе съ массовыми дѣйствіями греческихъ войскъ въ позднѣйшее, историческое время, когда воины, тѣсно сомкнутыми рядами, щитъ къ щиту, копье возлѣ копья, движимые одной волею, проникнутые и направляемые одной и той же мыслью, повергали въ прахъ безчисленныя полчища варваровъ.

Конечно, у осаднаго войска не было устроено и правильнаго подвоза съѣстныхъ припасовъ. Воины толпами разсыпались по окрестностямъ для грабежа, уходя иногда и на болѣе далекое разстояніе. Особенно повѣствуется объ Ахиллесѣ, какъ онъ бралъ приступомъ двѣнадцать городовъ на побережьи и одиннадцать внутри страны и каждый разъ возвращался съ богатой добычей. Въ битвахъ подъ Троей онъ убилъ нѣсколькихъ сыновей Пріама, и сила его скоро стала наводить такой страхъ, что троянскіе воины уже не рѣшались болѣе выступать въ открытое поле, когда онъ находился въ лагерѣ.

Но вотъ возникла распря между нимъ и повелителемъ народовъ, Агамемнономъ. Послѣдній привелъ въ лагерь, какъ свою добычу, Х р и с е и д у, дочь жреца Аполлонова. Богъ изъ-за этого прогнѣвался, и жрецъ Калхантъ потребовалъ ея возвращенія. Агамемнону пришлось повиноваться; но за то онъ велѣлъ потребовать у Ахиллеса его добычу, прекрасную Б р и с е и д у. Сильно вознегодовалъ герой на такую несправедливость и рѣшилъ удерживаться отъ участія въ битвахъ. Онъ хотѣлъ оставаться впредь только празднымъ зрителемъ сраженій и молилъ божественную мать свою, чтобъ она принесла униженіе ахейцамъ. Ѳетида услы-

шала просьбу сына. Она поднялась на вершину Олимпа. Тамъ она обняла колѣни громовержца Зевса, прося его исполнить мольбу ея сына.

И во знаменіе, черными Зевсъ помаваетъ бровями,
Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы; и потрясся Олимпъ многохолмный.

Троянцы между тѣмъ снова выступили въ открытый бой; ибо Зевсъ, тронутый мольбой Θетиды, послалъ имъ добрую вѣсть, и

АХИЛЛЕСЪ И БРИСЕИДА (РИСУНКИ НА ВАЗѢ).

изъ Пафлагоніи, Θракіи, Мизіи прибыли свѣжія войска. Въ особенности ликійскія рати подъ начальствомъ Сарпедона и Главка горѣли желаніемъ сразиться съ врагами.

Инымъ было настроеніе войска осаждающихъ. Агамемнонъ созвалъ собраніе и, чтобъ испытать мужество героевъ, предложилъ имъ вернуться на родину, но едва онъ произнесъ это слово, какъ всѣ воины устремились къ кораблямъ. Нестору и Одиссею много стоило труда вернуть ихъ въ собраніе, и при этомъ случаѣ Θер-

ГНѢВЪ АХИЛЛЕСА.

Рисунокъ на вазѣ, въ Луврѣ. Оборотная сторона чаши Гіерона, гдѣ представлено отнятіе Брисеиды. Ахиллесъ занимаетъ центръ сцены, и на него обращены взоры остальныхъ лицъ. Герой сидитъ на складномъ стулѣ: завернувшись въ свою одежду, онъ весь, кажется, погруженъ въ свою печаль. Его мечъ и его pilos висятъ на стѣнѣ. Передъ нимъ стоитъ Одиссей, глава посольства, присланнаго Агамемнономъ, и Эантъ; позади—старикъ Фениксъ, преданный другъ Ахиллеса.

ситъ, ругавшій весь свѣтъ и не щадившій самого пастыря народовъ, получилъ сильный ударъ отъ мощной руки Одиссея. Такимъ чувствительнымъ настроеніемъ и силой краснорѣчія удается поднять опять падающій духъ войска, и оно выступило въ открытый бой.

Вотъ въ первыхъ рядахъ троянцевъ шествуетъ Парисъ или, какъ называетъ его Гомеръ, **Александръ**. Со спины его развѣвается барсовая шкура, на плечѣ виситъ лукъ, на бедрѣ — мечъ; на большомъ шлемѣ развѣвается конскій хвостъ, въ рукахъ онъ размахиваетъ двумя копьями. Увидѣвъ его, Менелай, смугловатый герой, точно левъ на добычу, набрасывается на виновника злополучной войны. Но юноша, испугавшійся тяжело оскорбленнаго героя, спѣшитъ спрятаться въ толпѣ надвигающихся троянцевъ. Гекторъ возмущенъ такимъ позоромъ и бранитъ брата горячими, язвительными словами. „Нѣженка",—восклицаетъ онъ,— „ты съ красивымъ лицомъ, умеръ бы ты лучше прежде, чѣмъ соблазнять женщинъ! То было бы полезнѣе, чѣмъ чтобъ ты теперь на позоръ троянцамъ, на смѣхъ грекамъ убѣгалъ, точно робкій мальчикъ отъ розги".

— Братъ,—возразилъ Парисъ,—я не знаю, что со мной случилось, когда я увидѣлъ этого мужа. Со всѣми другими я мужественно сразился бы, только не съ нимъ, которому я нанесъ обиду. Но теперь я и противъ него выйду въ открытомъ бою, передъ всѣмъ войскомъ. — Радостно услышалъ эти слова Гекторъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ передніе ряды, гдѣ уже летали копья, и остановилъ кровавую работу. „Слушайте меня, вы, Ахейцы“!— крикнулъ герой громогласно,—„Александръ, вызвавшій эту войну, хочетъ окончить ее открытымъ боемъ съ Менелаемъ. Кто изъ нихъ побѣдитъ другого, пусть возьметъ Елену и похищенныя сокровища, какъ награду за побѣду, и тогда пусть союзъ и связь гостепріимства примирятъ враждующіе народы“.

Слова эти сочувственно были встрѣчены съ обѣихъ сторонъ. Войска расположились, чтобъ смотрѣть на жертвоприношеніе и на бой. Агамемнонъ закололъ жертвенныхъ животныхъ и затѣмъ возвысилъ молитвенный гласъ:—„Отецъ Зевсъ, владыка боговъ и людей, и ты, Геліосъ всевидящій, мать Земля, и вы, подземные боги, которые судите души умершихъ, будьте свидѣтелями нашего договора. Если побѣдитъ Александръ, то пусть онъ оставитъ у себя похищенное, а мы на корабляхъ вернемся въ отчизну. Если же Менелай одержитъ славную побѣду, то троянцы отдадутъ ему обратно похищенное, а намъ заплатятъ справедливую пеню“. Всѣ цари вслѣдъ за нимъ произнесли эту клятву и изъ поданныхъ чашъ пролили въ честь боговъ нѣсколько капель вина на землю.

Послѣ того, какъ Гекторъ и Одиссей обозначили мѣсто единоборства и, бросивъ жребій, признали за Парисомъ право первымъ метнуть свое копье, вышли бойцы: Александръ, сіяющій красотой и блескомъ оружія, Менелай, смугловатый, въ невзрачныхъ мѣдныхъ латахъ. Первый съ силой бросилъ копье на противника, но попалъ только въ мѣдный край щита, отъ котораго оружіе безсильно отскочило.

„Помоги мнѣ, Кроніонъ, мститель преступленій“, воскликнулъ Менелай, „помоги мнѣ наказать мальчишку, дерзкимъ проступкомъ своимъ осквернившаго гостепріимство!“ Съ этими словами такъ мощно метнулъ онъ копье на врага, что проломилъ его щитъ. Парисъ, только благодаря быстрому повороту, избѣгнулъ смерти и испуганно взглянулъ на пронзенное оружіе. Но Менелай наступалъ уже для новаго нападенія. Ударомъ меча онъ грянулъ по

шлему Париса; однако, ломкій клинокъ разбился, не причинивъ и раны. Тогда онъ мощной рукой схватилъ противника за султанъ его шлема и позорно повлекъ бы его къ ахейцамъ, если бы не разорвалась подвязь шлема. Парисъ теперь снова поспѣшно убѣжалъ отъ разгнѣваннаго героя, который, съ пустымъ шлемомъ въ рукахъ, обвинялъ Зевса, что тотъ не далъ ему наказать преступнаго юношу.

Съ восторженными криками эллины привѣтствовали своего героя побѣдителемъ, между тѣмъ какъ троянцы хранили молчанье. Одинъ изъ нихъ, славный стрѣлокъ изъ лука, Пандаръ, увлеченный негодованіемъ изъ-за пораженія, схватилъ стрѣлу и пустилъ ее въ ликующаго Менелая, броня котораго тотчасъ же обагрилась потокомъ крови. Но рана не была смертельна. Агамемнонъ, въ тревогѣ поспѣшившій къ брату, поклялся не давать себѣ отдыха, пока весь вѣроломный родъ мечомъ, а городъ огнемъ не будутъ стерты съ лица земли.

Затѣмъ остальные князья, также очень раздраженные, со своими воинами послѣдовали за нимъ въ бой.

Впереди всѣхъ сражался Діомедъ, сынъ Тидея. На своей колесницѣ, управляемой его товарищемъ по оружію Сѳенеломъ, сыномъ Капанея, онъ смѣло мчался чрезъ толпы троянцевъ, мощнымъ копьемъ посылая смерть въ ихъ ряды. Его узрѣлъ Пандаръ, стрѣлокъ безъ промаха, и стрѣлой своей пронзилъ ему броню, такъ что остріе глубоко застряло въ плечѣ. Герой поспѣшилъ убѣжать отъ страшной опасности и велѣлъ Сѳенелу извлечь изъ раны стрѣлу, причинявшую боль. Но затѣмъ явилась ему на помощь Паллада-Аѳина, останавливая кровь и боли и наполняя душу неукротимымъ мужествомъ. „Не отступай ни передъ кѣмъ изъ смертныхъ“,—сказала она ему,—„даже ни передъ Афродитой, если она осмѣлится проникнуть въ средину сражающихся. Только съ другими богами избѣгай встрѣчи“. Тотчасъ же ринулся герой снова въ самую тѣсную свалку. Въ то время, какъ прорывался онъ чрезъ ряды троянскихъ воиновъ, поражая храбрѣйшихъ бойцовъ и грабя оружіе и благородныхъ коней, Эней, славный сынъ Анхиза и блистательной Афродиты, подошелъ къ Пандару. „Гдѣ у тебя твой лукъ, не дающій промаха“,—сказалъ онъ, указывая на Тидида,—„что ты не направляешь его на мужа, такъ ужасно истребляющаго троянцевъ?“

На это возразилъ Пандаръ: „Я его хорошо знаю; это сынъ Тидея—Діомедъ. Но рядомъ съ нимъ сражается одинъ изъ безсмертныхъ боговъ, ибо уже разъ я попалъ въ него стрѣлой, такъ что полилась кровь, а вотъ, видишь, копье его продолжаетъ рѣзню страшнѣе прежняго. Я хотѣлъ бы лучше вернуться домой и бросить въ огонь восхваленное оружіе свое; вѣдь оно, хоть постоянно и попадаетъ въ цѣль, но не убиваетъ врага, а сильнѣе возбуждаетъ его бѣшенство“.

— Не дѣлай этого,—воскликнулъ Эней,—прежде испытай свое оружіе еще разъ противъ ужаснаго мужа, можетъ быть, ты пріобрѣтешь себѣ славу; поднимись ко мнѣ на колесницу; ты обрадуешься превосходнымъ конямъ моимъ, съ которыми ни одинъ на всемъ полѣ не можетъ сравняться.

Пандаръ, вмѣсто лука схвативъ ясеневое копье, поднялся къ нему на колесницу, а Эней сейчасъ-же направилъ фыркающихъ коней на врага. Когда Сѳенелъ увидѣлъ приближающихся, онъ крикнулъ: „Смотри, Діомедъ, вотъ устремляются на насъ два крѣпкихъ бойца. Я поверну назадъ, ибо они статные и храбрые герои, ты же утомленъ продолжительной рѣзней и болью своей раны“.—„Никогда“,—возразилъ Діомедъ,—„я не привыкъ бѣгать отъ врага. Я соскочу съ колесницы и нападу на нихъ. Думается мнѣ, что оба не спасутся отъ меня“.

Онъ такъ и сдѣлалъ, но тотчасъ же копье Пандара ударило въ средину его щита, проломило его и грянуло въ панцырь, такъ что сильный герой, смутившись, отступилъ на мгновенье.

„Ага“,—крикнулъ Пандаръ,—„ужь это навѣрно проникло въ тѣло; надѣюсь, ты скоро избавишься отъ всякой боли“. Но Діомедъ стряхнулъ копье съ щита и, въ то время какъ Эней въ испугѣ повернулъ коней, метнулъ свой дротикъ сзади въ голову Пандара, такъ что остріе вышло чрезъ ротъ. Ликуя, онъ ринулся къ падающему врагу, чтобъ овладѣть его доспѣхами. Эней соскочилъ уже съ колесницы, чтобъ не дать тѣла своего друга на поруганіе. Тогда ужасный Тидидъ бросилъ ему въ бокъ булыжникъ, схваченный съ поля; подъ нимъ подкосились колѣни и мракъ охватилъ его очи. Онъ бы погибъ, еслибъ не подняла его Афродита, бодрствовавшая надъ сыномъ. Діомедъ смутился при видѣ богини, но, вспомнивъ о словахъ своей покровительницы, онъ смѣло метнулъ копье на богиню и ранилъ ее въ руку, изъ которой заструился

свѣтлый ихоръ (кровь боговъ). Ощущая жгучую боль отъ раны, Афродита покинула сына и поспѣшно поднялась опять на высоты Олимпа. За то Фебъ Аполлонъ защитилъ троянскаго героя. „Отступи, сынъ Тидея!“—крикнулъ онъ бѣшено наступавшему Діомеду, щитомъ своимъ отражая его удары.—„не дерзай сражаться съ безсмертными богами, чтобъ не объяла тебя погибель!“ Тутъ только Тидидъ узналъ пиѳійскаго бога и прекратилъ бой, чтобъ поискать себѣ другого мѣста для подвиговъ.

БЮСТЪ АРЕСА
(ГЛИПТОТЕКА ВЪ МЮНХЕНѢ)

Также Агамемнонъ, Одиссей, Эантъ (Аяксъ), сынъ Теламона, и Эантъ (Аяксъ), сынъ Оилея, убивали храбрыхъ мужей. Наконецъ, на сторонѣ троянцевъ Гекторъ проникъ въ первые ряды, ободрилъ отступавшихъ воиновъ и смертоноснымъ копьемъ сталъ свирѣпствовать среди грековъ. Ему помогалъ самъ Аресъ, богъ войны, который спустился съ Олимпа, раздраженный нанесеніемъ раны Афродитѣ. Но и Гера съ Палладой-Аѳиной замѣтили перемѣну боевого счастья. Быстро онѣ велѣли запречь крылатыхъ коней и помчались на поле брани. Аѳина нашла своего любимца Діомеда въ то время, когда онъ въ сторонѣ отъ свалки выжималъ запекшуюся кровь изъ раны. Она упрекнула его за то, что онъ праздно стоитъ здѣсь, между тѣмъ какъ войско нуждается въ его мощной десницѣ. Онъ радостно узналъ богиню. „Паллада-Аѳина, дарующая безсмертную славу“,—воскликнулъ онъ,—„смотри, тамъ сѣетъ смерть Аресъ, присоединившійся къ могучему Гектору. Я отступилъ только передъ безсмертнымъ богомъ, какъ ты мнѣ сама же повелѣла“.

„Ну, хорошо, такъ и съ нимъ ты смѣло долженъ повстрѣчаться“,—возразила богиня, сѣла на его колесницу и направила коней навстрѣчу свирѣпому Аресу. Тотъ увидѣлъ подлетающаго героя, но не замѣтилъ его защитницы, потому что шлемъ Аида скрывалъ ее отъ глазъ людей и боговъ. Онъ нагнулся, чтобъ пронзить Тидида, но Аѳина отразила ударъ, и теперь копье смѣлаго Діомеда вонзилось

ему въ бокъ, такъ что онъ, вскрикнувъ точно десять тысячъ человѣкъ, въ темномъ грозовомъ облакѣ умчался на Олимпъ. Аѳина тоже покинула поле битвы; но Діомедъ продолжалъ свирѣпствовать среди троянцевъ съ убійственнымъ копьемъ и сверкающимъ мечомъ. Вотъ встрѣтился съ нимъ молодой воинъ, прекрасный какъ одинъ изъ безсмертныхъ, въ блестящемъ вооруженіи. То былъ **Главкъ**, царь ликійцевъ, вмѣстѣ со славнымъ Сарпедономъ прибывшій на помощь троянцамъ. Діомедъ спросилъ его: быть можетъ, онъ одинъ изъ боговъ, что такъ смѣло выступаетъ противъ него?—„Чего ты спрашиваешь о моемъ родѣ?"—возражаетъ молодой герой,—„роды людей подобны листьямъ въ лѣсу. Вѣтеръ ихъ сдуваетъ, а когда весной съ новой жизнью и деревья пускаютъ почки, то онѣ снова появляются; такъ точно одинъ родъ растетъ, другой исчезаетъ. Я же,—продолжаетъ онъ,—происхожу изъ богатой конями страны Аргоса, откуда предокъ мой **Беллерофонтъ** переселился въ страну ликійцевъ. Мой отецъ—сынъ его **Гипполохъ**, а боевой товарищъ мой Сарпедонъ происходитъ отъ его дочери и всемогущаго Кроніона. Вотъ почему, сынъ Тидея, я сражаюсь впереди другихъ и не боюсь рѣшительнаго боя съ тобой".

Но Діомедъ опускаетъ смертоносное копье, дружески возражая ему: „Въ такомъ случаѣ ты мой гость со временъ отцовъ нашихъ, ибо предокъ мой угощалъ однажды славнаго Беллерофонта. Намъ поэтому не слѣдуетъ встрѣчаться враждебно, но поддерживать между собой дружбу отцовъ и завѣщать ее позднѣйшимъ внукамъ; это мнѣ кажется похвальнымъ и предъ богами и предъ людьми. Давай же, другъ, обмѣняемся доспѣхами, чтобъ народы узнали, какъ мы чтимъ связь гостепріимства, заключенную нашими предками".

Радостно Главкъ пожалъ протянутую ему руку и отдалъ свои латы, сверкавшія золотомъ и стоившія сто быковъ, а взамѣнъ ихъ получилъ мѣдное вооруженіе Тидида, оцѣненное только въ девять быковъ.

Кровавый день склонялся къ концу, когда Гекторъ поспѣшилъ въ городъ принести жертву богамъ, чтобъ они удержали свирѣпо нападающихъ враговъ отъ высокихъ стѣнъ Иліона. На обратномъ пути къ полю битвы встрѣтилъ онъ вѣрную супругу свою **Андромаху**, за которой слѣдовала прислужница съ сын-

комъ его Астіанактомъ. Обрадовался герой при видѣ жены своей и своего ребенка; она же со слезами на глазахъ подошла къ нему и, охвативъ его руку, сказала: „Странный мужъ, тебя губитъ твое мужество, и ты не жалѣешь ни меня, несчастной жены, ни малолѣтняго сына, которые скоро будутъ покинутыми и сирыми. О, пусть меня тогда лучше проглотитъ земля, ибо, если тебя постигнетъ рокъ, я лишусь своей отрады. Отца и семь братьевъ моихъ убилъ божественный Ахиллесъ; мать мою въ родномъ дворцѣ поразила стрѣла Артемиды. Ты, Гекторъ, отецъ мнѣ и мать и братъ, ты мнѣ и супругъ прекрасный. Такъ сжалься же надо мной, чтобы мнѣ не пришлось оплакивать тебя вдовой, а сыну—сиротой".

Тронутый ея словами, Гекторъ возражаетъ:

,,Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
,,Стыдъ мнѣ предъ каждымъ троянцемъ и длиннооденжной троянкой,
,,Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
,,Сердце мнѣ то запретитъ: научился быть я безстрашнымъ,
,,Храбро всегда межъ троянцами первому биться на битвахъ,
,,Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!"

Затѣмъ онъ хотѣлъ взять ребенка на руки, но тотъ, испугавшись развѣвающагося султана на шлемѣ отца, прижался къ груди прислужницы. Тогда онъ снялъ шлемъ, и ребенокъ, узнавъ лицо отца, охотно давалъ ему качать себя на рукахъ и улыбался ему, когда онъ его цѣловалъ. Въ сердечной отеческой радости сказалъ онъ:

,,Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
,,Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
,,Также и силою крѣпокъ и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
,,Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
,,Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой добычей
,,Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!"

Съ этими словами онъ отдалъ ребенка матери, которая, улыбаясь сквозь слезы, припала къ его груди. Разставаясь, онъ потрепалъ ее рукою по цвѣтущимъ ланитамъ и сказалъ:

,,Добрая, сердца себѣ не круши неумѣренной скорбью.
,,Противъ судьбы человѣкъ меня не отправитъ къ Аиду;
,,Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный.
,,Шествуй, любезная, въ домъ; озаботясь своими дѣлами,
,,Ткапьемъ и пряжей займися, приказывай женамъ домашнимъ
,,Дѣло свое исправлять; а война—мужей озаботитъ
,,Всѣхъ, наиболѣ-жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденномъ"

Затѣмъ герой поспѣшилъ въ пылъ сраженія, которое представляетъ намъ поэтъ во всемъ своемъ разнообразіи и подвижности. Изображеніе такъ просто и въ то же время такъ цвѣтисто и величественно, какъ сама природа, и иногда сквозь дикія страсти мужей, сквозь бушеваніе боя проглядываетъ теплое, мягкое чувство лучшей человѣческой натуры, такъ что трудно удержаться отъ умиленія. Такое именно впечатлѣніе производитъ прощаніе Гектора съ Андромахой.

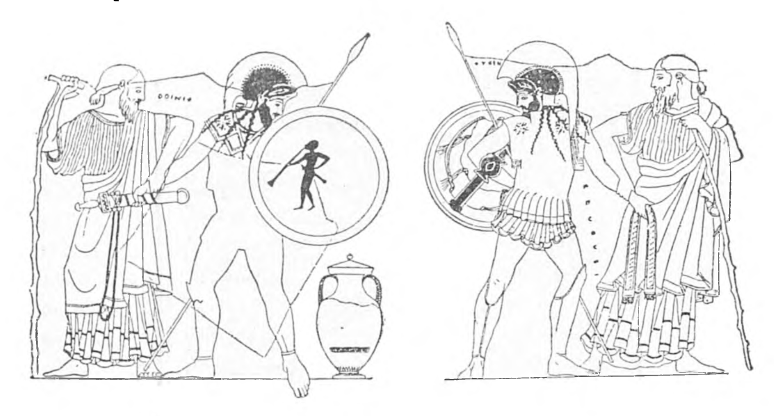
СРАЖАЮЩІЙСЯ ГЕКТОРЪ.

Гекторъ, вооруженный шлемомъ, панцыремъ, копьемъ и щитомъ, стоя въ военной колесницѣ, везомой его четырьмя конями, въ правую сторону (оборотная сторона бронзовой монеты, отчеканенной Каракаллой въ Иліонѣ).

Но герою нѣтъ досуга предаваться нѣжнымъ чувствамъ; онъ хочетъ смыть позоръ, навлеченный на троянцевъ трусостью брата. Поэтому онъ самъ вызываетъ на бой греческихъ вождей. Тѣ слышатъ его слово, но колеблются, ибо очень ужъ сильнымъ и мощнымъ кажется имъ Гекторъ. Гнѣваясь на это, старецъ Несторъ превозноситъ дѣла своей юности, какъ онъ никогда не избѣгалъ противника, и тогда первымъ поднимается смугловатый герой Менелай, который хотя и сознаетъ превосходство противника, но не хочетъ терпѣть этого позора. Съ горькимъ упрекомъ онъ обращается къ колеблющимся вождямъ: „Горе мнѣ отъ такого позора, что ни одинъ данаецъ не рѣшается болѣе схватиться съ Гекторомъ! Такъ сидите же тамъ малодушно и безславно; я самъ ополчусь на бой! Исходъ борьбы находится на небѣ въ рукахъ безсмертныхъ боговъ“. Онъ облекается въ доспѣхи, и мощный Гекторъ живо положилъ бы предѣлъ его жизни, но вожди удержали Менелая отъ борьбы съ болѣе сильнымъ врагомъ. Девять храбрѣйшихъ героевъ, между ними Діомедъ, Эантъ, сынъ Теламона, Одиссей и даже Агамемнонъ, пастырь народовъ, всѣ они вызвались на опасный бой и бросили жребій, чтобъ узнать волю боговъ; жребій рѣшилъ въ пользу алчавшаго побѣды Эанта, который мужествомъ и тѣлесной силой могъ бы сравняться съ Гекторомъ.

„Ты видишь“, гордо и радостно крикнулъ онъ противнику, „что въ лагерѣ грековъ еще есть воинственные мужи, дерзающіе сойтись съ тобой. Впередъ же! нападай, какъ можешь!“—Ты думаешь наглыми словами испугать меня?—возразилъ Гекторъ,—я

научился сражаться въ открытомъ бою, и дѣла мои подтверждаютъ слова. Поэтому прикрой голову и грудь, ибо не тайной хитростью, но въ открытомъ нападеніи я думаю сразить тебя.— Съ этими словами онъ бросилъ копье, которое попало въ средину щита Теламонова сына, но не пробилъ его, потому что онъ семь разъ былъ обитъ кожей и сверху еще мѣдью. Напротивъ, дротикъ Эанта пробилъ щитъ Гектора, и послѣдній только ловкимъ поворотомъ избѣжалъ страшной гибели. Удары же булыжниками были отражены щитами.

ОБМѢНЪ ОРУЖІЯ МЕЖДУ ЭАНТОМЪ И ГЕКТОРОМЪ
(ИЗОБРАЖЕНІЕ НА АТТИЧЕСКОЙ ВАЗѢ СЪ КРАСНЫМИ ФИГУРАМИ ИЗЪ Vulci).

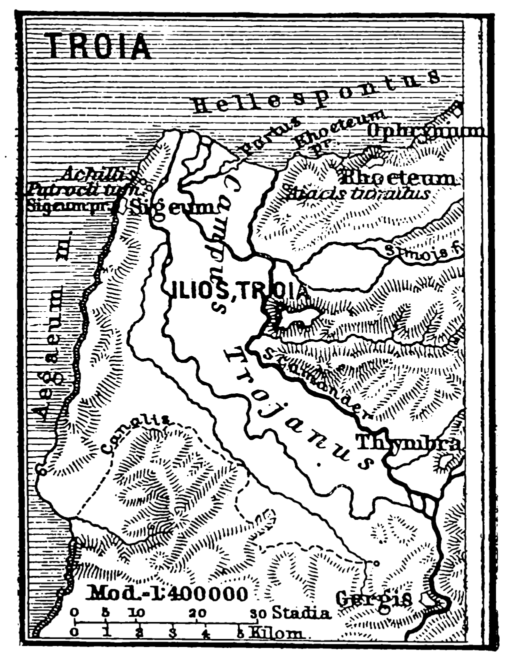
Двухъ вооруженныхъ бойцовъ берутъ за руки и разводятъ двое старцевъ, въ длинныхъ одѣяніяхъ, жезлами своими отмѣченныхъ, какъ глашатаи. У Гектора, имя котораго прописано, въ рукѣ—поясъ, у противника его—мечъ съ перевязью, совершенно по Гомеру.

Тогда герои взялись за мечи, чтобъ рѣшить исходъ; но вотъ подошли вѣстники, убѣждая прекратить бой, такъ какъ спускается ночь и ей нужно повиноваться. Эантъ зоркимъ окомъ слѣдилъ еще за каждымъ движеніемъ противника. „Требуйте отъ него перемирія“, крикнулъ онъ вѣстникамъ, „если онъ согласится, то и я готовъ“. Гекторъ на это возразилъ: „Ты доказалъ свой храбрый духъ, и какой-нибудь богъ надѣлилъ тебя силой и умомъ. Такъ пусть же оружіе теперь отдыхаетъ, потому что велитъ это ночь. Завтра или въ другой день мы окончимъ нашъ бой. Но прежде чѣмъ разстаться, почтимъ другъ друга славными подарками, чтобъ о насъ говорили:

„Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
„Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной“.

Затѣмъ онъ подалъ Эанту свой превосходный мечъ и взамѣнъ получилъ поясъ, окрашенный въ прелестный пурпурный цвѣтъ.

Вечеромъ Агамемнонъ собралъ героевъ на праздничный пиръ въ своей палаткѣ и самъ предложилъ храброму Теламониду лакомый

КАРТА ТРОИ.

кусокъ жаркого, чтобъ почтить его за его дѣла. За круговой чашей, старецъ Несторъ произнесъ рѣчь. Онъ совѣтовалъ отдыхать слѣдующіе дни и, заключивъ перемиріе, похоронить умершихъ и выстроить крѣпкую стѣну вокругъ лагеря и кораблей.

Подобный совѣтъ происходилъ и у троянцевъ, собравшихся вокругъ Пріама. Почтенный Антеноръ тщетно убѣждалъ ихъ выдать обратно Елену и похищенныя сокровища. Только послѣднихъ Александръ готовъ былъ лишиться, но не прекраснѣйшей

изъ женщинъ. Предложеніе было отвергнуто окованными мѣдью ахейцами; перемиріе же принято обѣими сторонами. Когда убитые были погребены и стѣна со рвомъ вокругъ лагеря были окончены, снова начался бой.

Зевсъ до сихъ поръ смотрѣлъ на битвы съ высотъ Иды. Хотя онъ и былъ такъ властенъ, что отъ мановенія его бровей сотрясался Олимпъ, ахейцы, однако, успѣшно сражались съ помощью покровительствующихъ божествъ, и его обѣщаніе, данное Өетидѣ, оставалось невыполненнымъ. Поэтому онъ объявилъ собранію боговъ, что онъ впредь одинъ желаетъ управлять битвой, и запретилъ всякое чужое вмѣшательство.

Бой въ этотъ день былъ упорный. Діомедъ сразилъ возницу Гектора. Но вотъ собрались грозовыя тучи; надъ войсками загремѣли раскаты грома, ослѣпительная молнія испугала коней Тидида, и сѣдой Несторъ, лошадь котораго была поражена стрѣлой, направился къ лагерю, боясь разгнѣваннаго Зевса. Трижды герой хотѣлъ повернуть назадъ и воспротивиться насмѣхавшемуся надъ нимъ Гектору, и трижды молнія и громъ побудили его возобновить бѣгство. Только стѣна, воздвигнутая вокругъ лагеря и вытащенныхъ на берегъ кораблей, остановила побѣдоносныхъ троянцевъ. Напрасно греки, ободренные Агамемнономъ, высыпали опять изъ лагеря послѣ того, какъ Гекторъ булыжникомъ тяжко ранилъ храбраго Тевкра, стрѣлы котораго сразили многихъ троянцевъ; онъ вогналъ враговъ убійственнымъ копьемъ своимъ, со страшнымъ боевымъ крикомъ, въ ихъ лагерь. Самъ же онъ съ войскомъ всю ночь оставался въ открытомъ полѣ у пылающихъ огней.

Вечеромъ греки поняли, что дольше они не могутъ обойтись безъ помощи Ахиллеса. Ему предложили вернуть прекраснощекую Брисеиду, вмѣстѣ съ богатыми подарками, но ему не столько обидна была потеря добычи, сколько надменность пастыря народовъ, Агамемнона. Онъ упорно отказывался отъ всякаго участія въ битвахъ. Съ этимъ отвѣтомъ онъ отпустилъ посланныхъ къ нему Діомеда и Одиссея, гостепріимно почтивъ ихъ.

Князья отправились въ свой лагерь, чтобъ отдохнуть отъ трудовъ этого дня; но Агамемнонъ не находилъ покоя: душа его горевала о народахъ, которые по его винѣ попали въ опасное положеніе. Покинувъ свою палатку, онъ блуждалъ въ ночномъ мракѣ.

Тутъ встрѣтился онъ съ братомъ своимъ Менелаемъ, который, подобно ему, не находилъ успокоительнаго сна. Вдвоемъ отыскали они Нестора, владыку Пилоса, и по совѣту старца снова созвали вождей на собраніе. Тутъ Діомедъ и Одиссей вызвались подкрасться къ лагерю троянцевъ, чтобы по возможности узнать о ихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Они встрѣтили воина, посланнаго Гекторомъ осмотрѣть стѣну и корабли. Убивъ его, они наткнулись на ѳракійскихъ воиновъ подъ начальствомъ Реса, спавшихъ въ сторонѣ отъ троянскихъ караульныхъ и огней. Ихъ убили они острыми мечами своими и затѣмъ на быстро соединенныхъ коняхъ ускакали отъ преслѣдователей.

Ночной подвигъ двухъ героевъ поднялъ мужество войска. Рано утромъ оно выступило въ бой. Впереди всѣхъ былъ властитель народовъ Агамемнонъ. Подъ смертоноснымъ копьемъ его падали знатнѣйшіе троянцы, и до самыхъ Скейскихъ воротъ гналъ онъ бѣгущихъ враговъ. Но и здѣсь, гдѣ собрались массы, онъ продолжалъ безъ удержа наступать, пока храбрый сынъ Антенора не пронзилъ ему руки копьемъ. Обливаясь кровью, онъ покинулъ поле брани, а Гекторъ снова повелъ впередъ ободрившихся троянцевъ. Но его остановилъ Діомедъ, оглушивъ его страшнымъ ударомъ по шлему, такъ что герой отшатнулся назадъ. Мощный Тидидъ рубилъ толпу. Но Парисъ, карауливиій въ засадѣ, пустилъ ему въ ногу стрѣлу, и мѣдное остріе проникло въ самую землю. Раненаго героя заслонилъ высокимъ щитомъ своимъ изобрѣтательный Одиссей, но остался одинъ въ пылу сраженія, когда друга его увели къ кораблямъ. Тщетно нападали на него троянцы густыми толпами; то тамъ, то сямъ прорывался онъ черезъ ряды враговъ, поражая благородныхъ воиновъ. Наконецъ, одинъ сильный боецъ вонзилъ ему въ бокъ копье чрезъ щитъ и броню. На крики его явились къ нему на помощь Эантъ и Менелай и отразили троянцевъ. Между тѣмъ Гекторъ привелъ въ порядокъ и ободрилъ свои дружины. Самъ Эантъ отступилъ, когда онъ повелъ ихъ въ непреодолимомъ натискѣ, къ стѣнѣ лагеря, за которою ахейцы искали себѣ защиты.

Тщетно прорицатель Геленъ умолялъ брата отдохнуть теперь отъ боя, ибо появилось неблагопріятное знаменіе. „Одно только знаменіе имѣетъ значеніе—спасти отечество!“ крикнулъ ему Гекторъ и скомандовалъ на приступъ. Бой колыхался туда и сюда; но

вотъ силачъ Сарпедонъ сорвалъ брустверъ, и, ухватившись за стѣну, выдерживалъ нападеніе двухъ ахейскихъ героевъ, братьевъ Эанта и Тевкра, сыновей Теламона. Гекторъ съ радостью видѣлъ этотъ успѣхъ. Схвативъ одинъ изъ оторвавшихся камней, какой нѣсколько человѣкъ позднѣйшаго времени едва взвалили бы на телѣгу съ помощью рычаговъ, онъ понесъ его такъ легко, точно пастухъ пукъ шерсти, и швырнулъ его со всего размаха въ ворота лагеря,

БОЙ У КОРАБЛЕЙ

(ПО РИСУНКУ НА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ ВЪ МЮНХЕНѢ).

Моментъ, приблизительно выраженный въ Иліадѣ Гомера въ пѣснѣ XV, 718, гдѣ побѣдоносно наступающій Гекторъ кричитъ своимъ принести огня и бѣжать на приступъ, или тотъ, когда (пѣсня XVI, 125 слд.) Эантъ наконецъ отступаетъ и Гекторъ со своими дѣйствительно зажигаетъ корабль Протесилая. Носъ и передняя часть корабля видны налѣво, послѣдній защитникъ уходитъ стремительнымъ шагомъ, Гекторъ неудержимо подступаетъ, сражаясь копьемъ, между тѣмъ какъ товарищъ, согласно тому призыву, подноситъ къ нему факелъ, который онъ хочетъ бросить въ корабль. Разнымъ другимъ, теперь слѣдующимъ бойцамъ, мы можемъ придать имена Энея, Сарпедона, Деифоба и т. д., не желая, конечно, обозначить каждаго отдѣльно; только Париса мы можемъ узнать въ стрѣлкѣ изъ лука.

которыя съ трескомъ рухнули. Съ восторгомъ ринулся онъ, а за нимъ его дружины, во внутреннее пространство, и едва ли кто-нибудь изъ боговъ остановилъ бы его въ бурномъ натискѣ. Лишь у кораблей не побѣжденному еще Теламониду удалось привести въ порядокъ разбитыя греческія войска, такъ что они, тѣсно сомкнувшись, выказали стойкое сопротивленіе.

Въ такой опасности Гера, Паллада-Аѳина и владыка морей Посидонъ рѣшили на свой страхъ оказать помощь находившимся въ опасности. Богиня неба льстиво выпросила на время у Афродиты поясъ прелести. Украсившись имъ, она предстала предъ Зевсомъ на Идѣ. Тотъ, привыкшій находить свою супругу въ противорѣчіи съ собой, былъ восхищенъ ея прелестью и любезностью. Подъ

ея ласками онъ сладко уснулъ. Тогда Аѳина поспѣшила къ грекамъ, приведеннымъ въ уныніе успѣхами враговъ, а изъ пучины морской поднялся Посидонъ и въ образѣ стараго воина зычнымъ голосомъ призвалъ дружины на бой. Троянцы теперь были оттѣснены за стѣну; Гектора, тяжело раненаго въ грудь булыжникомъ, пришлось унести съ поля брани; битва все болѣе и болѣе приближалась къ воротамъ города.

Зевсъ, пробужденный можетъ быть криками бойцовъ, съ удивленіемъ замѣтилъ перемѣну военнаго счастья. Онъ такъ разгнѣвался, что чуть было не низвергнулъ въ Тартаръ ласкавшую его Геру. Онъ приказалъ Иридѣ объявить землепотрясателю, чтобъ онъ сейчасъ же вернулся въ свое влажное царство. Затѣмъ Фебъ-Аполлонъ подкрѣпилъ храбраго Гектора, который, все еще стеная отъ боли, лежалъ на рукахъ своихъ вѣрныхъ ратниковъ. И поднялся герой во всей своей мощи и погналъ предъ собой ахейцевъ, точно робкихъ ягнятъ, вспугнутыхъ волкомъ. На переднемъ кораблѣ стоялъ крѣпкой защитой Эантъ, сынъ Теламона. Подобно башнѣ выдавался онъ среди воиновъ. Стрѣлы и дротики дождемъ сыпались на шлемъ и на щитъ; какъ натискъ волнъ морскихъ, вокругъ него бушевало волненіе боя; онъ задыхался отъ безмѣрныхъ усилій, но все-таки онъ посылалъ копье за копьемъ въ толпу троянцевъ, пытавшихся прорваться чрезъ ряды ахейцевъ и уже подносившихъ факелы, чтобы сжечь корабли. Но Гекторъ, ужасный на видъ, со сверкающими глазами и пѣной на устахъ, проложилъ себѣ кровавый путь. Ринувшись впередъ, онъ схватилъ руль корабля, а когда напалъ на него Эантъ, онъ отсѣкъ ему остріе копья и принудилъ его отступить. Сіяя предъ народами побѣднымъ счастіемъ, онъ неудержимо тѣснилъ отступавшаго героя. Онъ бросилъ огонь въ судно, и вспыхнуло пламя къ небу, на далекое разстояніе возвѣщая гибель ахейцевъ.

Во время этихъ событій Ахиллесъ со своимъ братомъ по оружію Патрокломъ стоялъ на одномъ изъ своихъ кораблей, установленныхъ далеко въ сторонѣ отъ другихъ. Онъ замѣтилъ, какъ Несторъ заботливо уводилъ съ поля битвы раненаго воина, и ему показалось, что то былъ Махаонъ, превосходный врачъ войска. Онъ послалъ своего друга за вѣрными вѣстями. Патроклъ поспѣшилъ къ Нестору и узналъ о теченіи событій

МЕНЕЛАЙ СЪ ТРУПОМЪ ПАТРОКЛА.

ГРУППА ИЗЪ МРАМОРА ВО ДВОРѢ ПАЛАЦЦО ПИТТИ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Безъ сомнѣнія, воспроизведеніе какого-нибудь знаменитаго болѣе древняго произведенія. Толкованіе спорное. Раньше относили его къ Эанту съ трупомъ Ахиллеса; но свойство ранъ на трупѣ указываетъ на Патрокла. Менелай изображенъ обнаженнымъ, такъ какъ художникъ не хотѣлъ тяжелыми доспѣхами лишить фигуру всей пластической красоты и прелести формъ. Можетъ быть, у него на лѣвомъ плечѣ висѣлъ щитъ съ копьемъ или безъ него.

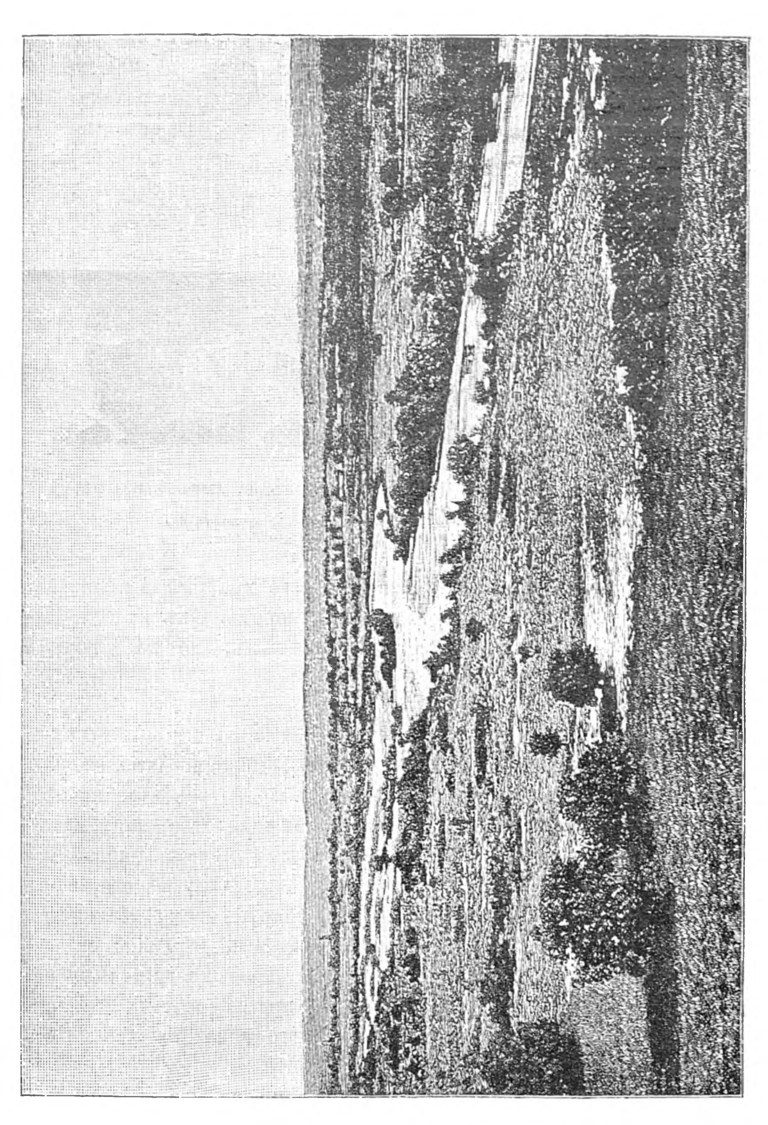
и о грозящей гибели всѣхъ силъ греческихъ. Растущая опасность не даетъ ему покоя; онъ спѣшитъ къ Ахиллесу; онъ живо представляетъ ему отчаянное положеніе дѣлъ, ихъ собственную опасность. Это, наконецъ, дѣлаетъ упрямаго героя нѣсколько сговорчивѣе. Онъ облекаетъ любимаго товарища въ собственные доспѣхи и дозволяетъ ему во главѣ Мирмидонянъ отогнать троянцевъ отъ кораблей, но требуетъ, чтобъ онъ не продолжалъ преслѣдованія, но чтобы вслѣдъ затѣмъ вернулся къ нему.

Патроклъ обѣщаетъ все это и уходитъ съ отдохнувшими, жаждавшими боя воинами. Неожиданному нападенію, особенно же мужеству и сильной рукѣ героя не могутъ воспротивиться враги, отуманенные побѣдой; они отступаютъ съ большимъ урономъ. Но Патроклъ, одерживая побѣду за побѣдой, забываетъ свое обѣщаніе. Даже храбрый Сарпедонъ падаетъ отъ его копья. Но въ пылу битвы его дважды ранятъ и, наконецъ, онъ сраженъ Гекторомъ, который тотчасъ же облекается въ его прекрасные доспѣхи.

Изъ-за трупа героя загорается ожесточенная схватка; грековъ опять принуждаютъ къ отступленію. Уже настали сумерки, они уже не могутъ дольше защищать трупа; но вотъ появляется Ахиллесъ, правда, безъ оружія, но все-же страшный. Зычнымъ своимъ голосомъ онъ удерживаетъ враговъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Но горе его по дорогомъ другѣ безгранично, и громкіе его вопли призываютъ изъ хрустальной глубины морской его божественную мать, Океаниду Ѳетиду, въ палатку, наполненную рыданіями. Она тщетно старается отклонить его отъ мысли объ ужасной мести, объявляя, что, по смерти Гектора, рокъ постигнетъ и его. Онъ жаждетъ только мщенія; затѣмъ онъ готовъ спуститься въ мрачное царство тѣней. Тогда Ѳетида поднимается на Олимпъ и велитъ хромому Гефесту изготовить блестящіе доспѣхи: тяжелый шлемъ съ султаномъ, сіяющимъ золотомъ, панцырь, поножи и щитъ изъ пяти слоевъ серебра съ рѣзной работой, изображающей небесныя свѣтила и дѣятельность людей на войнѣ и въ мирное время. Все это художественно было исполнено въ одну ночь, и еще не взошла розоперстая Эосъ, утренняя заря, какъ богиня уже принесла доспѣхи ожидавшему сыну. Скоро онъ вооружился; онъ входитъ въ собраніе вождей, чтобъ побудить ихъ къ быстрому выступленію, и

подаетъ главѣ войска Агамемнону руку для примиренія, ибо весь гнѣвъ его изъ-за понесенной обиды совершенно угасъ. Пастырь же народовъ чистосердечно признаетъ свою неправоту и тотчасъ же приказываетъ принести подарки, обѣщанные Пелиду въ искупленіе обиды: семь котловъ, треножники и бронзовыя чаши, затѣмъ благородную Брисеиду съ семью рабынями, къ тому же еще десять талантовъ чистаго золота. Такъ тяжкая рука несчастія уничтожила, наконецъ, всю злобу и примирила враждующихъ героевъ. Послѣ ранняго обѣда. они выступаютъ въ бой.

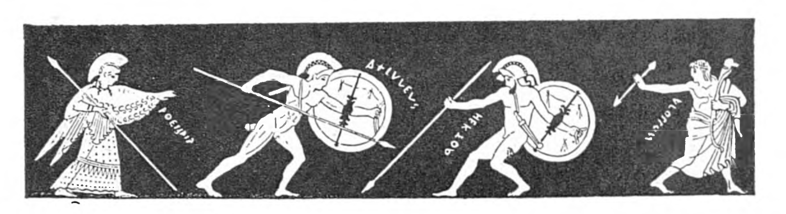
Впереди всѣхъ шествуетъ Ахиллесъ, сіяя въ своемъ вооруженіи, подобно безсмертному богу. Но и во главѣ троянцевъ храбро выступаетъ благородный вождь Эней, жаждая пріобрѣсти славу. Съ сильнымъ размахомъ бросаетъ онъ въ того свое копье, и только выкованное Гефестомъ оружіе отвращаетъ страшную гибель. Ясеневое копье Ахиллеса съ трескомъ проламываетъ край щита противника и, пролетѣвъ надъ его плечомъ, втыкается въ землю. Быстро схватилъ Эней булыжникъ, въ то время какъ Пелидъ нападаетъ на него съ обнаженнымъ мечомъ. Теперь палъ бы одинъ изъ героевъ противъ приговора судьбы, но Посидонъ уноситъ великодушнаго Энея изъ опасности и ведетъ его на другую сторону поля брани. Ахиллесъ, напротивъ, свирѣпствуетъ недосягаемыми руками среди дружинъ троянскихъ, ненасытимый рѣзнею и все-таки тщетно отыскивая блистающаго Гектора. Когда же онъ въ страшномъ пылу битвы пронзилъ также юнаго Полидора, младшаго сына Пріама, тогда троянскій герой не могъ дольше удерживаться. Смѣло нагрянулъ онъ на Пелида, полный страстнаго желанія отомстить за юношу. Копья двухъ бойцовъ не попали въ свою цѣль, ибо боги отвратили ихъ своимъ дуновеніемъ, и Фебъ-Аполлонъ разостлалъ густой туманъ вокругъ Гектора, котораго и спасъ отъ гибели. За то другіе воины во множествѣ падали подъ ударами ужаснаго истребителя. Онъ гналъ кучи бѣглецовъ въ рѣку Скамандръ; онъ бросился вслѣдъ за ними въ потокъ и рубилъ ихъ своимъ мечомъ, такъ что вода обагрилась отъ струящейся крови. Астеропей, отважный юноша, научившійся обѣими руками пользоваться оружіемъ, метнулъ въ него заразъ два копья. Одно отскочило отъ щита, другое задѣло Пелида за руку, такъ что выступила темная кровь; однако, юный герой не избѣгнулъ смерти. Послѣ этого

ДОЛИНА СКАМАНДРА (СЪ ФОТОГРАФІИ).

въ гнѣвѣ поднимается запруженный трупами Скамандръ и преслѣдуетъ героя по равнинѣ, надуваясь до самыхъ плечъ его. Тщетно Пелидъ напрягаетъ свою могучую силу; надувающіяся воды рѣки бушуютъ вокругъ него въ бурныхъ водоворотахъ. Но Гефестъ приходитъ ему на помощь. Своимъ жаромъ онъ высушиваетъ выступившія воды и сжигаетъ кусты и деревья на берегу.

Между тѣмъ троянцы бѣгутъ къ открытымъ воротамъ твердыни, и вотъ Ахиллесъ вторгся бы вмѣстѣ съ бѣгущими дружи-

БОЙ АХИЛЛЕСА СЪ ГЕКТОРОМЪ (РИСУНОКЪ НА АМФОРѢ ИЗЪ ЦЕРЕ).

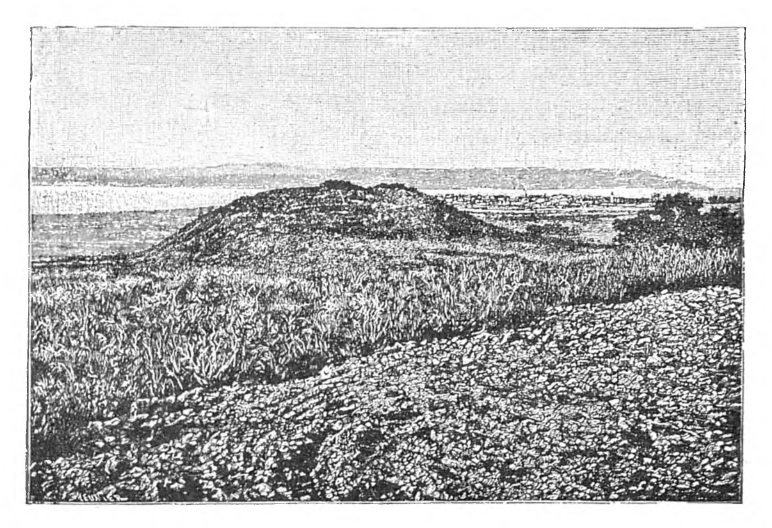
Смертельно раненый, Гекторъ падаетъ. Аполлонъ, его покровитель, покидаетъ его и удаляется, между тѣмъ какъ Аѳина возбуждаетъ противъ него Ахиллеса.

нами, если бы не выступилъ противъ него храбрый Агеноръ, который не могъ уже болѣе достигнуть воротъ. Онъ попалъ Пелиду въ поножи и затѣмъ поспѣшно убѣжалъ, не настигнутый преслѣдователемъ.

ПАДЕНІЕ ГЕКТОРА.

Съ длиннотѣннымъ копьемъ на плечѣ мчится Ахиллесъ по пустому полю къ воротамъ города, куда вошло разбитое войско. Только Гекторъ стоитъ еще у воротъ, ожидая страшнаго мужа, котораго онъ до сихъ поръ избѣгалъ. Съ громкимъ ликованіемъ тотъ замѣчаетъ его, бросается къ нему и преслѣдуетъ его, охваченнаго предчувствіемъ смерти, трижды вокругъ стѣнъ. Наконецъ, троянскій герой прекращаетъ свой бѣгъ. Онъ рѣшился на отчаянный бой. „Какъ бы безсмертные ни опредѣлили исходъ нашей борьбы“, кричитъ онъ навстрѣчу преслѣдователю, „пусть между мной и тобой будетъ договоръ, что тѣло павшаго не будетъ осквернено“.

„Никакого нѣтъ между нами договора“, возражаетъ грозный воинъ, „никогда волкъ не заключаетъ договора съ ягненкомъ“.

КУРГАНЪ ПАТРОКЛА (СЪ ФОТОГРАФІИ).

Съ этимъ бросаетъ онъ на противника страшное копье, которое, однако, проламываетъ только верхній край щита и далеко вонзается въ землю.

„Промахнулся", радостно восклицаетъ Гекторъ; „теперь самъ берегись, глупый болтунъ", и съ трескомъ его копье ударяется объ Ахиллесовъ щитъ, который, однако, выкованный самимъ Гефестомъ, непроницаемъ для человѣческаго оружія. Теперь обнажаетъ онъ двуострый мечъ, чтобъ попробовать бой вблизи. Ахиллесъ напротивъ схватилъ отскочившее отъ щита копье и пронзаетъ ему горло. Тщетна просьба умирающаго о пощадѣ его трупа; безжалостный побѣдитель волочитъ его за своей колесницей на глазахъ рыдающаго Пріама, несчастной Андромахи и прочихъ троянцевъ къ стану, гдѣ онъ долженъ служить пищей собакамъ.

На слѣдующій день—торжественное погребеніе Патрокла. Трупъ сожигается на большомъ кострѣ; при этомъ двѣнадцать плѣнныхъ троянскихъ юношей приносятся въ жертву. Послѣ этого прахъ собираютъ въ золотую урну и ставятъ въ высоко сооруженный могильный курганъ. Напослѣдокъ устраиваются праздничныя игры, при чемъ эллинскіе вожди состязаются за назначенные призы.

Все это, однако, не могло смягчить горя героя. Въ комнатѣ, которую раньше раздѣлялъ онъ съ другомъ, одинъ сидѣлъ онъ всю долгую ночь. Оперши голову на руку, онъ предавался безмѣрной скорби и роптал на боговъ, навлекшихъ на него столь тяжкое испытаніе. Погруженный въ такія мысли, онъ не слышитъ, какъ со стукомъ подъѣзжаетъ колесница, и не видитъ, какъ входитъ старецъ почтенной наружности, пока тотъ со слезами не обнимаетъ его колѣнъ и рукъ. „Услышь меня, богоподобный сынъ Пелея", говоритъ старикъ; „услышь меня ради твоего отца. Можетъ быть, и его, въ старости, тѣснятъ вражескія рати и онъ сердечно то-

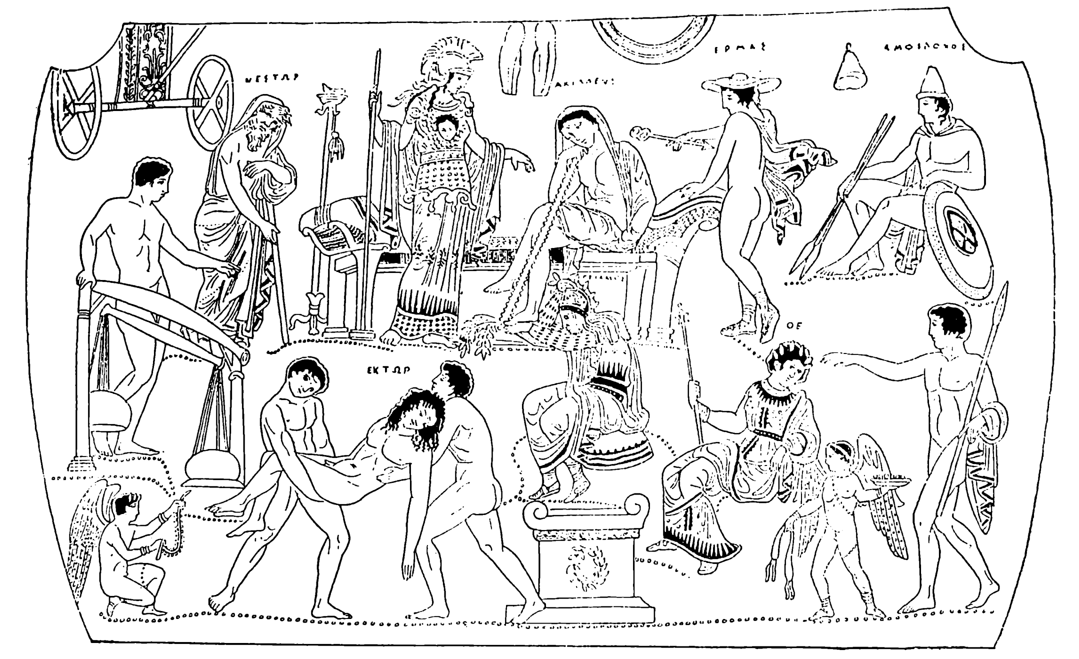

ПРІАМЪ У АХИЛЛЕСА

(ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ВЕЛИКОЛѢПНОМЪ СОСУДѢ ИЗЪ НЕКРОПОЛЯ ВЪ Cervetri).

Мы видимъ Ахиллеса въ его палаткѣ—о мѣстѣ даютъ знать развѣшенное оружіе и одежды—возлежащимъ на красиво убранной обѣденной софѣ съ двойной подушкой, по образцу позднѣйшихъ временъ. Онъ кончилъ обѣдъ, какъ у Гомера, но ножъ у него еще въ рукахъ; передъ нимъ обѣденный столъ съ двумя чашами, между ними кушанья и свѣсившіяся повязки. Подъ ложемъ лежитъ распростертый, связанный еще по рукамъ, покрытый ранами на груди, трупъ Гектора, какъ ужасное краснорѣчивое свидѣтельство о значеніи происходящаго. Пріамъ, у Гомера, обнимающій колѣна молодого героя, здѣсь стоитъ передъ нимъ съ достойной осанкой, опираясь на жезлъ; повидимому, онъ окончилъ свою рѣчь, ибо Ахиллесъ обращается къ стоящему сбоку такъ же съ вѣнкомъ на головѣ, какъ и онъ самъ, виночерпію-мальчику, съ приказомъ принести гостю привѣтственное питье. Позади Пріама стоятъ двое слугъ и двѣ служанки, несущіе большія амфоры, ящики, треножники и серебряныя чаши, какъ выкупъ.

скуетъ по сильномъ сынѣ, который защитилъ бы его. Но онъ вѣдь знаетъ, что ты живъ, и надѣется на твое возвращеніе, которое отгонитъ всякое притѣсненіе. Этому радуется царь и повторяетъ себѣ въ своей одинокости многообѣщающее слово: „Онъ скоро вернется!" Я тоже былъ нѣкогда счастливымъ отцомъ, имѣлъ пятьдесятъ цвѣтущихъ сыновей, опору моей старости; многіе изъ нихъ пали, лучшаго убилъ ты самъ, и я не могу болѣе умолять

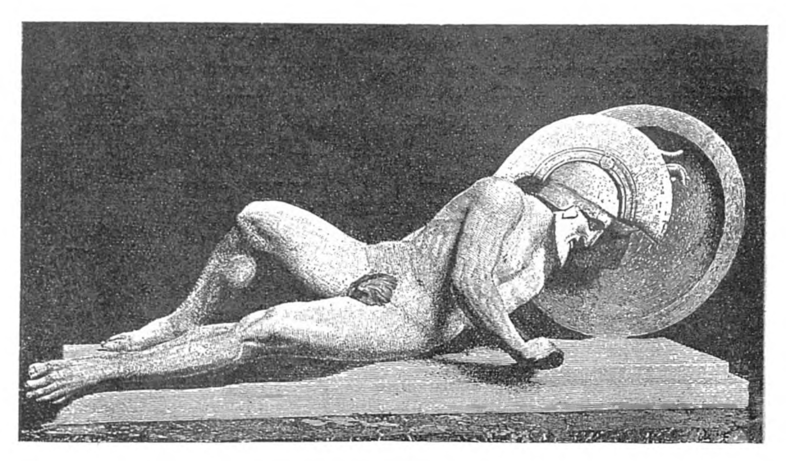
ВЫКУПЪ ГЕКТОРА (ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ НА ВАЗѢ).

Ахиллесъ сидитъ на ложѣ для отдыха, одержимый горемъ: голова его покрыта въ знакъ скорби, и художникъ представилъ его съ остриженной головой, такъ какъ онъ обрѣзалъ свои прекрасные волосы и бросилъ ихъ на костеръ Патрокла. По бокамъ его боги, Аѳина и Гермесъ, силятся смягчить героя, оставшагося глухимъ къ голосу Нестора (слѣва) и его сына Антилоха (справа). На стѣнѣ развѣшены его πῖλος (войлочная шапка), его щитъ, поножи; налѣво видна колесница, къ которой былъ привязанъ Гекторъ. — Подъ Ахиллесомъ находится Пріамъ. Старикъ, въ богатой фригійской одеждѣ, держитъ лѣвой рукой о ивковую вѣтку, но онъ не держитъ ея съ мольбой къ убійцѣ его сына, а весь занятъ зрѣлищемъ, представляющимся его глазамъ. Передъ нимъ трупъ Гектора, несомый двумя мужчинами, которые направляются влѣво къ вѣсамъ, гдѣ будутъ свѣшены останки троянскаго героя. Позади наря— Ѳетида, мать Ахиллеса, и молодой человѣкъ, можетъ быть, Мирмидонъ. Двое крылатыхъ геніевъ кажутся похоронными геніями: одинъ собирается увѣнчать трупъ Гектора, а второй несетъ ему повязки и блюдо, нагруженное плодами, — Художникъ вдохновился Гомеромъ и утерянной теперь трагедіей Эсхила, озаглавленной: Фригійцы или Выкупъ Гектора, ибо поэту-трагику принадлежитъ идея дать свѣсить трупъ.

тебя о его жизни; ахъ, отдай намъ хотя мертваго! Отдай его, я заклинаю тебя богами, головой твоего старика-отца, которому да не придется никогда стоять такъ на колѣняхъ передъ болѣе молодымъ мужчиной. Дома рыдаютъ жена, мать, братья и сестры убитаго, и я самъ обнимаю руку, унесшую у меня сына".

Такой просьбѣ не можетъ противиться сердце героя. И онъ плачетъ о далекомъ отцѣ и объ убитомъ другѣ, и слезы его сливаются со слезами старца, на колѣняхъ простертаго передъ нимъ. Онъ поднимаетъ его со словами: „Я тебя хорошо знаю, старикъ; ты Пріамъ и переносишь, какъ и я, тяжкое горе. Но ободрись; боги дарують бѣднымъ смертнымъ то печаль, а то и радость, и все нужно принимать такъ, какъ они устрояютъ. Вотъ теперь добрый богъ провелъ тебя сюда между сторожами стана; поэтому просьба твоя не останется неуслышанной". Онъ хочетъ вести его къ собственному креслу своему, но старецъ умоляетъ его сначала принять подарки, принесенные имъ, и на ихъ мѣсто положить на колесницу трупъ его сына. Тотчасъ Ахиллесъ оставляетъ комнату, приказываетъ слугамъ омыть мертвое тѣло, умастить его благовонными маслами и покрыть его чистымъ одѣяніемъ. Самъ онъ поднимаетъ его затѣмъ на колесницу, мрачно произнося слова: „Не гнѣвайся на меня, Патроклъ, когда ты въ Аидѣ услышишь, что я передалъ трупъ Гектора его отцу. Вѣдь онъ преподнесъ мнѣ крупные подарки, изъ которыхъ я часть посвящу тебѣ". Войдя снова къ Пріаму, онъ говоритъ ему: „Сынъ твой освобожденъ, старецъ, какъ ты желалъ; онъ покоится на одрѣ въ колесницѣ. Теперь же вспомни о пищѣ; вѣдь даже Ніоба принимала пищу, когда стрѣлы боговъ поразили всѣхъ ея дѣтей".

Закалываютъ жирную овцу, готовятъ ее и подаютъ, раздаютъ для этого и хлѣбъ. Во время пира оба мужа разсматриваютъ другъ друга. Пріамъ дивится мощному тѣлосложенію и пылкому взору героя; тотъ удивляется при видѣ почтеннаго лица и благородной осанки своего гостя и съ удовольствіемъ внемлетъ разумной его рѣчи. Когда они поѣли и отвѣдали прелестнаго вина, Ахиллесъ приготовилъ постель усталому старцу, и тотъ дремлетъ подъ кровлей страшнаго мужа такъ мирно и безопасно, какъ обыкновенно въ родномъ дворцѣ. Еще до разсвѣта царственный старецъ уѣзжаетъ къ Иліону; при прощаніи, Пелидъ

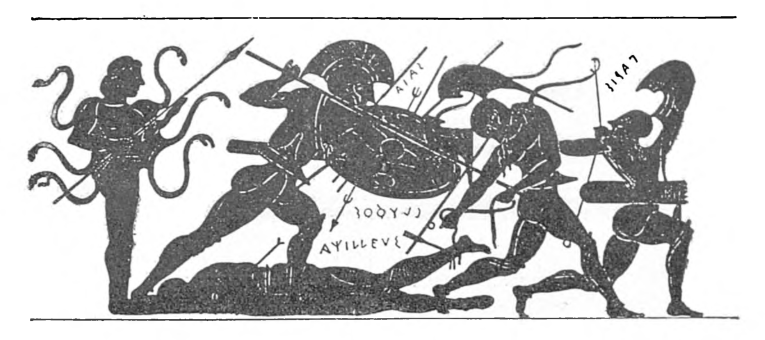
ПАВШІЙ ВОИНЪ
(СЪ ФРОНТОНА ЭГИНСКАГО ХРАМА, ВЪ МЮНХЕНѢ).

разрѣшаетъ ему еще одиннадцатидневное перемиріе, чтобъ достойнымъ образомъ совершить погребеніе.

Мы разсказали событіе въ возможной полнотѣ, насколько то дозволяетъ мѣсто, слѣдуя поэту. Принадлежитъ ли оно исторіи, или все цѣликомъ поэзіи,—оно обнаруживаетъ благородство человѣческой души, проявляющееся сквозь всю дикость времени и войны. Начало разсвѣта той любви и того милосердія, ясность которыхъ распространилась изъ Голгоѳы на весь міръ, по всѣмъ народамъ, проливаетъ надъ нимъ свое мягкое мерцаніе, и, конечно, это мѣсто почитаемой всею Элладою поэмы было источникомъ многихъ прекрасныхъ мыслей и великодушныхъ дѣлъ, о которыхъ повѣствуетъ намъ исторія.

Погребеніемъ Гектора кончается „Иліада“ Гомера. Другіе, большею частью позднѣйшіе поэты въ отдѣльныхъ чертахъ дальше развили разсказъ и продолжили его. На театрѣ войны появляется на помощь притѣсненнымъ троянцамъ ратная царица Пенѳесилея со своими амазонками. Въ жаркой битвѣ она гонитъ ахейцевъ обратно въ ихъ станъ, но падаетъ отъ оружія бурно выскочившаго Ахиллеса. Когда побѣдитель снимаетъ съ нея блестящіе доспѣхи, его охватываетъ неутолимый жаръ любви.

Надъ его жалобами объ убитой героинѣ насмѣхается злорѣчивый Ѳерситъ, котораго, какъ мы уже разсказывали, Одиссей наказалъ за его непристойныя рѣчи. Пелидъ убиваетъ болтуна; но теперь надъ нимъ тяготѣетъ смертоубійство, которое онъ долженъ искупить жертвоприношеніями на Лесбосѣ. Между тѣмъ прибылъ герой Мемнонъ съ безчисленными полчищами вооруженныхъ эѳіоплянъ. Мощный воитель гонитъ предъ собой ахейцевъ, какъ

БОЙ НАДЪ ТѢЛОМЪ ГЕРОЯ

(ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ НА ВАЗѢ АРХАИЧЕСКАГО СТИЛЯ).

Трупъ Ахиллеса простертъ на землѣ, и троянецъ силится его оттащить, но Эантъ, котораго охраняетъ Аоина, присутствующая на сраженіи, защищаетъ останки своего друга. Парисъ убѣгаетъ вправо, метая стрѣлу.

робкую дичь, ибо онъ силенъ, какъ левъ, и мать его, розоперстая Эосъ, идетъ возлѣ, охраняя его. Самъ Ахиллесъ старается избѣгать его, потому что, по рѣшенію судьбы, когда падетъ Мемнонъ, будетъ близокъ и конецъ его жизни. Когда же Антилохъ, славный сынъ Нестора, истекъ кровью подъ руками страшнаго воина, тогда ринулся Пелидъ въ страшный, рѣшительный бой. Онъ побѣждаетъ и сражаетъ противника, онъ преслѣдуетъ троянцевъ до городскихъ воротъ, и здѣсь, когда онъ хочетъ вторгнуться, уничтожить высокую твердыню и ненавистный родъ, его постигаетъ рокъ. Стрѣла, пущенная Парисомъ въ его пятку, которая одна только уязвима, наноситъ ему смерть.

Но Троя все еще стоитъ незыблемо. Греки сами ослабляютъ себя пагубнымъ споромъ изъ-за оружія павшаго героя. Теламонидъ Эантъ и хитроумный Одиссей заявляютъ претензіи на божественные доспѣхи. Ихъ присуждаютъ послѣднему, потому что

плѣнные троянцы увѣряютъ, будто онъ тяжелѣе всѣхъ вредилъ городу храбрыми дѣлами и умными совѣтами. Эантъ не можетъ выносить позора пренебреженія; охваченный безуміемъ, онъ бросается самъ на свой мечъ.

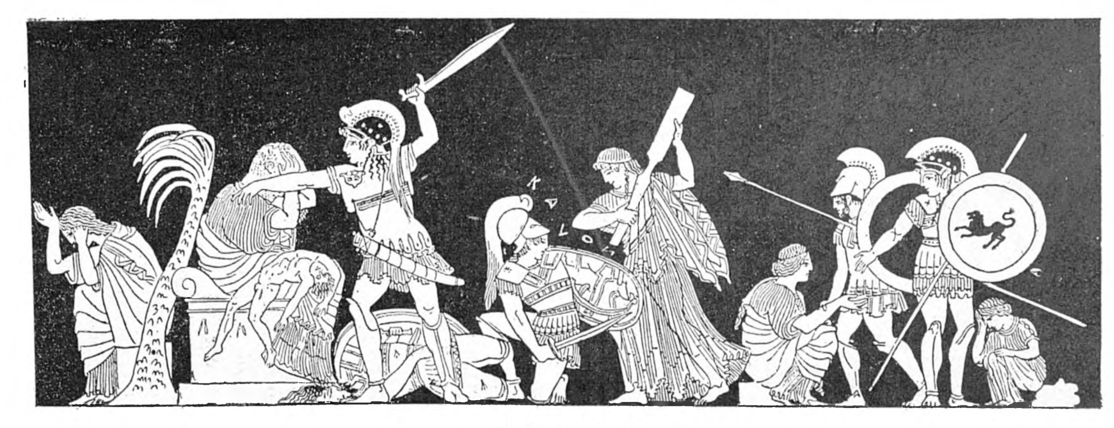
Сильные частью умерли, но другіе становятся на ихъ мѣсто. Троянскій прорицатель Голенъ, взятый въ плѣнъ, объявилъ, что безъ стрѣлъ Геракла городъ не можетъ быть взятъ. Этимъ оружіемъ владѣлъ славный Филоктетъ, который, страдая неизлѣчимой, постоянно гноящейся раной, былъ высаженъ на пустынномъ островѣ. Несчастный герой гнѣвался поэтому на греческое войско. Чтобы побудить его вернуться, Діомедъ и Одиссей отправились на этотъ островъ. Когда онъ, недоступный ихъ просьбамъ, оставался при своей ненависти, хитрый сынъ Лаэрта сумѣлъ, наконецъ, тайкомъ овладѣть оружіемъ. Но мучимый постоянными страданіями мужъ отказывался слѣдовать за посланцами. Онъ предпочиталъ безоружнымъ погибнуть отъ голода и нужды, нежели уступить силѣ и коварству. Такое мужество страдальца тронуло прямого и благороднаго Діомеда. Онъ отдалъ ему стрѣлы и предоставилъ ему свободный выборъ оставаться въ своемъ одиночествѣ или вступить въ боевые ряды эллиновъ. Теперь Филоктетъ добровольно послѣдовалъ за старыми товарищами. Въ станѣ его вылѣчилъ опытный врачъ Махаонъ; онъ же посылалъ свои смертельныя стрѣлы въ бурномъ сраженіи и убилъ многихъ воиновъ, между ними Париса, виновника злосчастной войны. Также и Неоптолема, цвѣтущаго сына Ахиллеса, привезъ Лаэртіадъ съ острова Скироса. Этотъ, подобно своему отцу, обладалъ могучей силой и убилъ Эврипила, который изъ Мизіи прибылъ на помощь троянцамъ и, подобно Гектору, приводилъ ахейцевъ въ стѣсненное положеніе.

Иліонъ между тѣмъ стоялъ непобѣдимымъ, пока,—такъ гласилъ приговоръ судьбы,—сохранялся въ акрополѣ Палладіумъ, изображеніе, подаренное отцомъ боговъ. Поэтому Одиссей отважился, обезобразивъ себя и выдавая себя за избитаго эллинами нищаго, вкрасться въ городъ и высмотрѣть акрополь. Никто не узналъ его, кромѣ Елены, но та, охваченная тоской по родинѣ, умолчала о тайнѣ. Такъ удалось отважное предпріятіе, и, послѣ того какъ Одиссей выждалъ удобный случай, онъ съ товарищемъ по оружію Діомедомъ похитилъ священное изображеніе изъ акрополя и благополучно привезъ его въ греческій станъ.

ЖРЕЦЪ ЛАОКООНТЪ.

Вожди и народы были утомлены долгой военной работой; они не видѣли конца трудамъ; они поняли, что ихъ силы не хватаетъ для того, чтобъ низвергнуть въ прахъ высокія стѣны. Самъ Агамемнонъ совѣтовалъ на темныхъ морскихъ корабляхъ направить путь обратно къ давно не видѣнной родинѣ. Противъ него гнѣвно возсталъ отважный Діомедъ, а Одиссей заявилъ, что часто можно достигнуть умомъ и благоразуміемъ того, что не удается открытой силѣ. Затѣмъ онъ изложилъ подробнѣе то, что придумалъ въ глубинѣ души, и собравшіеся цари единодушно выказали одобреніе. Тотчасъ же на слѣдующій день онъ велѣлъ свѣдущему мастеру построить огромнаго деревяннаго коня, въ брюхѣ котораго онъ самъ и спрятался съ храбрѣйшими героями. Греческія силы для виду отплыли, но остановились для выжиданія за островомъ Тенедосомъ. Радостно высыпавшіе изъ города троянцы нашли избитаго грека, который имъ донесъ, что, согласно оракулу, ихъ городъ станетъ на все время непобѣдимымъ, если они втянутъ внутрь стѣнъ своихъ это выстроенное произведеніе искусства. Обсуживали дѣло и такъ и этакъ. Вотъ подошелъ Лаокоонтъ, жрецъ Аполлона. „Злополучные мужи“, воскликнулъ онъ, „вы хотите принять подарки Данайцевъ? Неужели вѣрите вы, что изъ ихъ рукъ вамъ представится какое-нибудь благо? Еслибъ только я могъ всѣхъ ихъ поразить такъ, какъ вотъ это произведеніе ихъ пагубнаго искусства!“ Съ этими словами онъ мощно ударилъ копьемъ въ брюхо коня, и внутри забряцало оружіе скрытыхъ тамъ мужей. Въ это мгновеніе двѣ огромныя змѣи, вышедшія изъ моря, устремились на обоихъ сыновей Лаокоонта, обвились вокругъ нихъ, и когда отецъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь, то и его опутали смертельными кольцами, какъ это впослѣдствіи изображалось на мраморѣ ваятельнымъ искусствомъ.

Смерть жреца и его обоихъ сыновей казалась троянцамъ указаніемъ боговъ, что деревянный конь стоитъ подъ ихъ особенной защитой. Они повлекли его въ городъ, сломивъ часть стѣны, такъ какъ ворота были слишкомъ узки, чтобъ провести его. Въ слѣдующую ночь, въ то время, какъ народъ праздновалъ торжество освобожденія, Синонъ, тотъ мнимый перебѣжчикъ, зажегъ сигнальный огонь и отворилъ затѣмъ потайную дверь, придѣланную къ боку коня.

СМЕРТЬ ПРІАМА

(ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ НА ВАЗѢ, ВЪ НЕАПОЛѢ).

Вокругъ Палладіума и жертвенника Зевса Геркея группируются наиболѣе драматическія сцены разрушенія Трои. Въ центрѣ, на жертвенникѣ Зевса Геркея, сидитъ старецъ Пріамъ. Раненый уже въ голову и въ правое плечо, онъ держитъ голову обѣими руками, на колѣняхъ его распростертъ трупъ Астіанакта; у ногъ его — трупъ Полита. Неоптолемъ, поднявъ мечъ, собирается зарѣзать старца, котораго онъ уже схватилъ за плечо. Позади Неоптолема, грекъ на колѣняхъ защищается противъ Андромахи, которая готовится поразить его тяжелымъ пестомъ. Позади жертвенника, у корня пальмоваго дерева, сидитъ троянка, которая прибѣжала къ Палладіуму. Съ правой руки представлены Өесеиды, узнающими свою бабушку Эөру, сидящую позади Андромахи. Послѣдняя фигура, поменьше всѣхъ другихъ,—это Елена: сидя на камнѣ, Елена плачетъ при видѣ вызванныхъ ею бѣдствій.

ПОХИЩЕНІЕ КАССАНДРЫ
(ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ НА ВАЗѢ, ВЪ НЕАПОЛѢ).

Статуя Паллады архаической формы, возвышается на основаніи; богиня носитъ шлемъ, вооружена щитомъ и замахнулась копьемъ: можно сказать, что она принимаетъ участіе въ битвѣ. За Палладіумомъ видитъ троянка: впереди опустилась на колѣна Кассандра, которая держится за него лѣвой рукой и съ мольбою простираетъ правую руку къ Эанту. Герой схватилъ ее уже за голову: у ногъ его распростертъ Коребъ. Съ лѣвой стороны спасается бѣгствомъ Эней, неся на спинѣ своей отца своего Анхиза и сопровождаемый своимъ сыномъ Асканіемъ. Одинъ Эней вооруженъ: всѣ трое оборачиваютъ голову назадъ по направленію къ городу, ими покидаемому.

ПАДЕНІЕ ТРОИ.

Герои вышли и начали кровавую работу; въ то же время вернувшаяся рать извнѣ вторглась въ захваченную врасплохъ твердыню. Была полночь и свѣтилась луна надъ несчастнымъ городомъ, гдѣ еще тамъ и сямъ за веселымъ пиромъ раздавались радостныя пѣсни, между тѣмъ какъ другія части погрузились уже въ мирной сонъ. Вскорѣ грабежъ и убійство распространяются по улицамъ и далѣе къ кремлю. Но здѣсь ратныя дружины оказываютъ упорное сопротивленіе ахейцамъ. Съ вышки метаютъ камни и стрѣлы, и многіе ахейцы вмѣсто ожидаемой добычи находятъ здѣсь раны и смерть. Неоптолемъ стоитъ незыблемо подъ бурей стрѣлъ у воротъ, которыя старается онъ прорубить схваченнымъ топоромъ. Наконецъ, они ломаются подъ его мощными ударами, и онъ врывается туда, производя страшную рѣзню, и потомъ наверхъ, въ царскія палаты. Сѣдой Пріамъ покрылъ дрожащіе члены тяжелыми латами; онъ бросаетъ еще безсильное копье въ ворвавшихся враговъ, затѣмъ онъ падаетъ отъ руки

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ЧАШѢ БРИГА, ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ СЦЕНЫ ИЗЪ БИТВЫ ПОДЪ ТРОЕЙ.

Съ особеннымъ предпочтеніемъ греческіе художники, расписывавшіе вазы брали сцены изъ битвъ подъ Троей. Предлежащая ваза прекраснѣйшаго стиля, найденная въ Vulci и изготовленная живописцемъ Бригомъ въ 4 столѣтіи, въ крайнемъ рисункѣ представляетъ взятіе троянскаго кремля греками.

Сѣдой старецъ Пріамъ бѣжалъ къ алтарю и молитъ Неоптолема, лютаго сына Ахиллеса, но повидимому не за свою жизнь, а за жизнь мальчика, котораго неистовый грекъ схватилъ за ногу, чтобы имъ разможжить Пріама. Съ большимъ вѣроятіемъ, этого мальчика звали Астіанактомъ, сыномъ Гектора. Позади Пріама—Поликсена уводится, какъ плѣнница, Акамантомъ, сыномъ Θесея.

На противоположной сторонѣ стоитъ грекъ съ обнаженнымъ мечемъ надъ троянцемъ, дѣлающимъ послѣднюю тщетную попытку оказать сопротивленіе; за этимъ слѣдуетъ бурная боевая сцена: женщина съ распущенными волосами, можетъ быть Гекаба, въ ужасѣ бѣжитъ передъ грекомъ, который хочетъ нанести послѣдній ударъ падающему троянцу. Но вотъ набрасывается на него Андромаха, бывшая женой Гектора, бѣшено ударяя его предметомъ домашней утвари, а за нею пытается убѣжать сынъ ея Астіанактъ.

Въ мирномъ срединномъ рисункѣ Брисеида, прибывшая въ Грецію, какъ добыча Ахиллеса, наливаетъ вина престарѣлому мужчинѣ, старому отцу Ахилле а, Пелею.

БОЙ ПРИ ТРОѢ.

Греческая ваза, изображающая крайнимъ рисункомъ послѣдній бой въ Троѣ и круглымъ внутреннимъ рисункомъ—сѣдого Пелея.

Неоптолема, который, будучи безжалостнѣе своего отца, не щадитъ слабаго старца.

Другая толпа, предводимая Менелаемъ и Одиссеемъ, вламывается въ домъ Деифоба, съ которымъ по смерти Париса сочеталась бракомъ прекрасная Елена. Здѣсь много храбрыхъ мужей готовы для отпора. Бой колышется туда и сюда; съ трудомъ, и то только съ помощью охраняющей его Аѳины, Лаэртіадъ ускользаетъ отъ летающихъ копій. Наконецъ, побѣда оказывается на сторонѣ превосходства силъ. Деифоба убиваютъ; Менелай размахиваетъ убійственнымъ мечомъ надъ невѣрной женой, чтобъ выместить позоръ; но, когда онъ вглядывается въ ея лицо, пребывающее въ цвѣтѣ неувядаемой юности и красоты, пробуждается старая любовь, и онъ, охраняя ее, заключаетъ въ свои объятія.

Между тѣмъ рушатся дома и дворцы; что не истреблено мечомъ, не похищено жадностью, пожирается пламенемъ, которое, вздымаясь къ небу, возвѣщаетъ окружнымъ народамъ гибель прекраснаго города и месть эллиновъ. Даже въ храмахъ, у алтарей боговъ жители не находятъ защиты; даже Кассандра, обнимающая образъ Паллады-Аѳины въ ея святилищѣ. Она нѣкогда посулила Фебу-Аполлону свое расположеніе, если онъ дастъ ей даръ пророчества. Когда же богъ исполнилъ это, она нарушила обѣщаніе. За то подарокъ отягченъ былъ проклятіемъ, что никогда ей не будутъ вѣрить. Она предсказала все злосчастное горе, но никто на это не обратилъ вниманія. Теперь надѣялась она на безопасность у богини, защитницы невинности; однако, Эантъ, сынъ Оилея, съ дикимъ свирѣпствомъ оттащилъ ее отъ статуи, хоть сыновья Атрея отговаривали преступнаго.

Все еще троянцы съ отчаяннымъ мужествомъ пытались сопротивляться, между тѣмъ какъ пощаженный греками сѣдой Антеноръ спасается съ имуществомъ своимъ и дѣтьми, Эней же, неся отца своего Анхиза, сквозь обнаженные мечи и пылающее пламя благополучно убѣгаетъ на Иду. Страшный Неоптолемъ между тѣмъ не отдыхаетъ отъ рѣзни; онъ приноситъ ужасныя жертвы тѣни своего отца. Два троянскихъ воина, Эласъ и Астиной, становятся ему навстрѣчу, въ надеждѣ его смертью открыть себѣ свободный путь; но оба они падаютъ подъ его ударами. Такимъ образомъ онъ продолжаетъ свирѣпствовать среди

мрака ночи, пока не наступаетъ утро и восходящее солнце не освѣщаетъ разрушеннаго города. Между его плѣнниками находится и вдова Гектора, Андромаха, которую онъ повлекъ съ собой въ станъ, сбросивъ со стѣны ея сынка Астіанакта.

Однако, отъ восторженныхъ побѣдой героевъ ускользаетъ драгоцѣннѣйшая часть добычи, именно сокровище Пріама; вѣрные его хранители, во время взятія приступомъ кремля, пытались унести его и счастливо спасли его отъ жадности грабителей. Но среди пламени и подъ рушащимися зданіями они при этомъ, вѣроятно, погибли, или же, заботясь о своемъ собственномъ спасеніи, покинули тяжелую ношу и убѣжали. Такъ осталось драгоцѣнное сокровище погребеннымъ подъ мусоромъ и развалинами, между тѣмъ какъ грабившіе побѣдители устремлялись далѣе.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЭЛЛИНСКИХЪ ГЕРОЕВЪ.

Обратимся теперь къ возвращающимся эллинскимъ героямъ. Нѣкоторые изъ нихъ нашли свою гибель частью на морѣ, частью у чужихъ береговъ, частью же, какъ могущественный Агамемнонъ, на родинѣ. Эантъ, сынъ Оилея, быстроногій герой Локрянъ, насильно оттащившій Кассандру отъ священнаго алтаря Аѳины, вслѣдствіе гнѣва боговъ потерпѣлъ кораблекрушеніе и былъ Посидономъ спасенъ на скалѣ. Но такъ какъ онъ хвастался, что не нуждался въ божеской помощи, то властитель морей разбилъ скалу, такъ что преступникъ утонулъ.

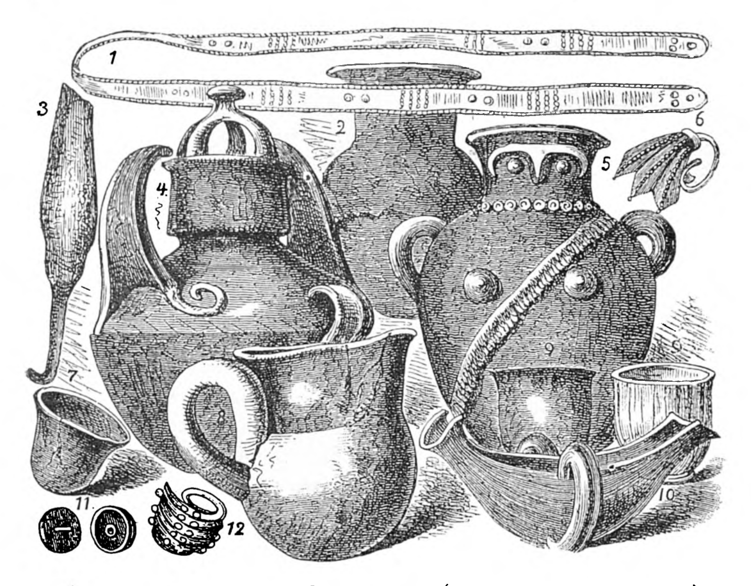
Греки нисколько не сомнѣвались въ историческомъ существованіи героевъ, разрушившихъ Трою. Многіе города почитали ихъ, какъ своихъ основателей, князья и цари причисляли ихъ къ своимъ предкамъ.

Сынъ Ахиллеса, Неоптолемъ, который, по Гомеру, благополучно возвращается со своими Мирмидонянами, по позднѣйшимъ поэмамъ, отправился въ Эпиръ, гдѣ онъ сталъ родоначальникомъ эпиротскихъ царей. По другимъ преданіямъ, Діомедъ поплылъ въ Апулію и тамъ основалъ городъ; жреца Калханта эти преданія переносятъ въ Колофонъ, гдѣ его почитали какъ полубога. Отдѣльный циклъ сказаній образовался о троянскомъ князѣ Энеѣ, который при разрушеніи города избѣжалъ гибели. Охраняемый матерью своею—Афродитой, онъ пристаетъ къ берегу Лаціума. Онъ находитъ пріемъ у царя Латина, который рукой

своей дочери Лавиніи связываетъ его со своимъ домомъ. Отъ него происходятъ цари Альбы Лонги, и поэтому также и Ромулъ и Ремъ, миѳическіе основатели Рима.

РАСКОПКИ ШЛИМАНА.

Проходили тысячелѣтія, одинъ городъ за другимъ былъ выстроенъ надъ могилой Иліона. Наконецъ, нѣмецкій археологъ,

ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЕ СОКРОВИЩЕ ПРІАМА (РАСКОПАНО Г. ШЛИМАНОМЪ).

1. Золотой начельникъ. 2. Серебряная ваза. 3. Обоюдоострый кинжалъ изъ мѣди. 4. Красная ваза изъ терракотты. 5. Ваза съ изображеніемъ иліонской Минервы. 6. Золотая серьга. 7. Серебряный кубокъ. 8. Большая серебряная ваза. 9. Два кубка изъ янтаря. 10. Золотая чаша для питья. 11. Золотыя пуговки. 12. Золотая серьга.

Генрихъ Шлиманъ, открылъ такъ долго остававшееся зарытымъ подъ развалинами разрушенной твердыни сокровище троянскаго царя. Въ продолженіе трехъ лѣтъ изслѣдовалъ онъ мѣсто воспѣтыхъ Гомеромъ дѣлъ. Онъ производилъ съ крупными издержками и съ личными опасностями обширныя раскопки и нашелъ, какъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что древняя Троя находилась на возвышенности, нынѣ называемой Гиссарликомъ, и что не-

большія рѣки Скамандръ и Симоэнтъ, которыя во времена Гомера достигали моря у мыса Сигея при началѣ Геллеспонта, теперь измѣнившимся русломъ впадаютъ въ него сѣвернѣе.

Вслѣдствіе своихъ изслѣдованій, онъ узналъ далѣе, что на означенномъ имъ мѣстѣ одинъ за другимъ были основаны различными поселенцами и опять разрушены четыре или собственно пять городовъ, такъ что одно поселеніе возникало надъ развалинами и наваленнымъ надъ ними мусоромъ другого. Въ четырехъ слояхъ, изслѣдованнымъ имъ, Шлиманъ нашелъ горшки, шаро-и полушаро-видные сосуды, вазы, чаши съ нарѣзными украшеніями, всякаго рода утварь, также и утварь для пряденія и тканья, далѣе большое множество идоловъ, особенно солнечное колесо съ лучезарнымъ вѣнцомъ, все изъ обожженной глины (терракотты), но также мѣдныя кружки, чаши и оружіе.

Еще богаче была добыча предметовъ каменной утвари и оружія въ четырехъ поселеніяхъ; между ними красивые наконечники копій и стрѣлъ, тщательно отшлифованныя сѣкиры, обоюдоострые ножи и др. Между идолами изъ терракотты часто встрѣчались женскія фигуры, которыя Шлиманъ счелъ за изображенія троянской богини покровительницы, Паллады-Аѳины. Найденные въ низшихъ слояхъ предметы были красивѣе найденныхъ сначала, что заставляетъ заключить объ упадкѣ цивилизаціи въ болѣе позднее время; но и въ верхнихъ слояхъ встрѣчались цѣнныя произведенія искусства, напр., обломки статуи Аѳины изъ слоновой кости. Они можетъ быть привезены были туда путемъ торговли.

Самый нижній городъ имѣлъ наибольшіе размѣры и, вѣроятно, какъ предполагаетъ Шлиманъ, былъ той Троей, на которую указываетъ сказаніе о разрушеніи Геракломъ. Во второмъ слоѣ, по мнѣнію археолога, онъ открылъ Гомеровскую Трою (Иліонъ). Онъ нашелъ даже скейскія ворота, башню, на которой стоялъ Пріамъ, когда онъ смотрѣлъ на битвы, также и царскій замокъ недалеко отъ обводной стѣны и другія крупныя зданія, выстроенныя всѣ изъ необтесанныхъ каменныхъ глыбъ, которыхъ гладкія стороны, обращенныя наружу, представляли довольно ровную поверхность. Надъ мусоромъ разрушеннаго города водворилось новое населеніе, а когда и оно было разсѣяно войною и городъ развалился, надъ нимъ возникли деревянныя постройки, которыя такъ же, какъ и Троя, погибли отъ огня. Подъ владычествомъ лидянъ,

приблизительно около 700 до Р. Хр., поднялся, наконецъ, значительный впослѣдствіи Иліонъ, который Лисимахъ, преемникъ великаго Александра, расширилъ и украсилъ, такъ что онъ, вѣроятно, могъ насчитывать до 100,000 жителей. Императоръ Константинъ Великій впослѣдствіи хотѣлъ перенести туда свою новую всемірную столицу, но въ концѣ-концовъ выбралъ Византію. Жители Иліона потомъ мало-по-малу переселились въ Константинополь, чрезъ что городъ снова пришелъ въ упадокъ.

Въ предполагаемой гомеровской Троѣ Шлиманъ въ такъ-называемомъ домѣ Пріама нашелъ его сокровище, множество драгоцѣнныхъ предметовъ, которые, скученные въ четыреугольникѣ, вѣроятно наполняли давно истлѣвшій ящикъ. Найденный мѣдный ключъ дѣлаетъ это предположеніе вѣроятнымъ.

Сокровище состояло изъ мѣдной, серебряной и золотой утвари и предметовъ украшенія. Изъ мѣди были: небольшой щитъ, едва покрывавшій нижнюю часть руки отъ локтя, котелъ съ ручками, ваза, бляха съ выкованной изъ серебра вазой, нѣсколько топоровъ, наконечниковъ копій и обоюдоострыхъ ножей. Серебряной утвари нашли: шесть клинковъ, длиной въ 17—21 сант., пять вазъ, кубокъ, нѣсколько чашъ и красивый, сдѣланный изъ одного куска электра (янтаря) кубокъ. Многочисленнѣе всего были предметы изъ чистаго золота. Нашли шаровидную бутылку съ орнаментами на шейкѣ, вѣсомъ въ 400 грам., кубокъ въ 226 грам., другой кубокъ съ ушками и сточными желобами, вѣсомъ въ 600 грам., кромѣ того еще нѣсколько сосудовъ, далѣе въ серебряной чашѣ двѣ діадемы, налобную повязку, четыре серьги, шесть браслетовъ и болѣе пятидесяти серегъ. Счастливый находчикъ насчитывалъ, наконецъ, еще свыше 8,000 болѣе мелкихъ предметовъ украшенія, какъ то: колецъ, кубиковъ, листиковъ, пуговокъ и т. п.

Вотъ и навязывается намъ теперь вопросъ: имѣлъ ли право Шлиманъ приписывать это удивительное сокровище миѳическому царю Пріаму или вообще какому-нибудь троянскому царю? Онъ говоритъ, что, судя по описанію Гомера, онъ считалъ древнюю, защищавшуюся туземными и иноземными воинами Трою городомъ въ 500,000 жителей и былъ удивленъ, найдя, что мѣсто, окруженное обводными стѣнами на Гиссарликѣ, могло быть достаточнымъ только для населенія въ нѣсколько тысячъ. Поэтому теперь извѣстіе о

гораздо большей окружности Трои онъ считаетъ поэтическимъ преувеличеніемъ. Правда, извѣстные ученые во всей троянской войнѣ видятъ вообще только прелестный поэтическій вымыселъ; однако, не представляется основанія подвергать сомнѣнію фактъ общаго похода грековъ на могущественный городъ.

Эллины въ тѣ времена были народомъ, стремившимся далеко за предѣлы своей тѣсной родины, и при этомъ приходили въ многократное, часто и враждебное соприкосновеніе съ финикіянами, которыхъ они старались вытѣснить съ береговъ и острововъ Эгейскаго моря. Рыцарская аристократія, благодаря своимъ воинскимъ способностямъ и земельному владѣнію, державшая народъ въ зависимости, жаждала приключеній, чтобъ быть прославленной пѣвцами. Поэтому она искала случаевъ подраться; она предпринимала смѣлые походы по сушѣ и по морю. И вотъ дерзкое нарушеніе права гостепріимства очень легко могло побудить славныхъ героевъ къ общему предпріятію противъ царя, взявшаго преступника подъ свою защиту. Отдѣльныя битвы, можетъ быть и имена большинства бойцовъ, входятъ въ область поэтическаго творчества, и къ нему нужно причислить даже и его завязку—гнѣвъ непреклоннаго Ахиллеса. Отдѣльныя пѣсни переходили съ постоянными измѣненіями изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ, пока первоклассный поэтъ, зовутъ ли его Гомеромъ или иначе, приблизительно около конца 9-го столѣтія до Р. Хр., съ геніальнымъ мастерствомъ не соединилъ ихъ въ одну округленную, поэтически цѣльную картину, которая справедливо возбуждаетъ удивленіе какъ не превзойденное произведеніе, хотя бы самый разсказъ, такъ сказать фабула поэмы, и разработка подробностей принадлежали исключительно автору или авторамъ. Но также кажется неоспоримою истиной, что въ основаніи величественнаго произведенія лежитъ передававшееся по традиціи предпріятіе, походъ самыхъ выдающихся эллинскихъ героевъ противъ могущественнаго царя. Можетъ быть, пѣвецъ перенесъ это событіе къ знакомому ему Гиссарлику; но тотъ Иліонъ, который онъ описываетъ, не имѣлъ мѣста въ открытыхъ Шлиманомъ развалинахъ, и замѣчательное сокровище едва ли находится въ какомъ-нибудь отношеніи къ миѳическому Пріаму. Скорѣе тамъ, вѣроятно, находились обширныя храмовыя зданія съ помѣщеніями для жрецовъ и съ сокровищницами для обѣтныхъ даровъ, что предполагаютъ

и извѣстные археологи. Мѣсто это неоднократно разграблялось и разорялось морскими разбойниками; однако, храмовое сокровище ускользнуло отъ ихъ алчности и досталось нѣмецкому изслѣдователю въ награду за его посвященныя наукѣ многотрудныя стремленія. Военное искусство и образъ жизни, нравы и обычаи, которые такъ наглядно, такъ живо описываются въ поэмѣ, очевидно, не относятся къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь въ разсказѣ, но къ времени возникновенія поэмы, значитъ, приблизительно къ 9-му столѣтію до Р. Х. Но и такъ она для насъ крайне цѣнный культурно-историческій памятникъ.

Впослѣдствіи Шлиманъ съ великодушнымъ, истинно патріотическимъ намѣреніемъ завѣщалъ свое весьма богатое, безконечно цѣнное для науки собраніе троянскихъ древностей германскому народу въ вѣчное владѣніе. Выставленное въ имперской столицѣ, оно и для позднѣйшихъ поколѣній будетъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ неутомимой и готовой на жертвы энергіи того, кто открылъ его, и его восторженной преданности наукѣ и отечеству.

Мы оставляемъ теперь область, гдѣ возникли эти чудно сплетенные миѳы, чтобъ обратиться къ поэмѣ о страдальцѣ - героѣ Одиссеѣ и благородной Пенелопѣ.

СТРАНСТВОВАНІЯ ОДИССЕЯ.

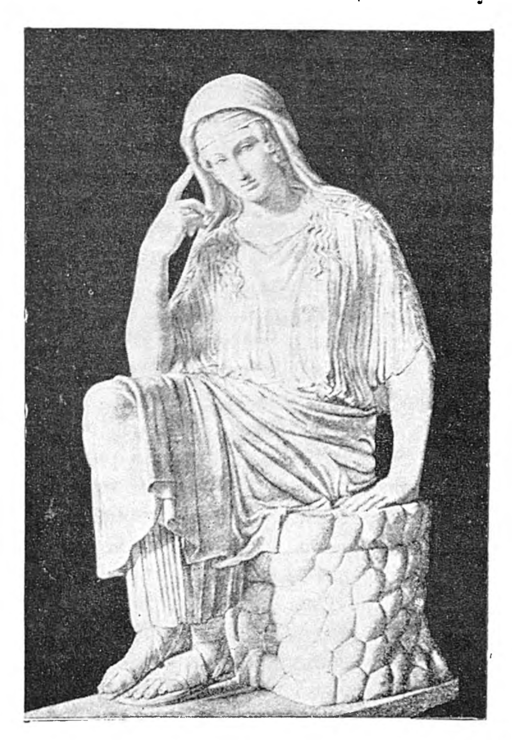
«Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей, города посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возвратѣ въ отчизну сопутниковъ».

РЕДСТОЯЩИМИ словами начинается поэма, описывающая странствованія Одиссея или Улисса. Она такъ-же, какъ и Иліада, приписывается слѣпому старцу, пѣвцу Гомеру, хотя она планомъ и изложеніемъ замѣтно отличается отъ Иліады. Пускай она, какъ и та, возникла изъ пѣснопѣній различныхъ пѣвцовъ, но ее переработала искусная рука и дала ей единство, вращеніе вокругъ одного центра, чего Иліадѣ недостаетъ въ разныхъ мѣстахъ. Одиссея была закончена, пожалуй, около 780 г. до Р. Х. Однако, болѣе глубокія научныя объясненія возникновенія поэмы предоставляемъ ученымъ и обращаемся къ разсказу ея содержанія.

Много лѣтъ отсутствовалъ Одиссей отъ Иѳаки (Итаки), родного своего острова. Тамъ онъ, прежде чѣмъ отправился на войну противъ Трои, кротко и справедливо правилъ народомъ, по образу отца своего Лаэрта. Но такъ какъ онъ не возвращался и послѣ разрушенія Иліона, то законный порядокъ въ странѣ разстроился и взяло верхъ насильственное притѣсненіе. Старикъ Лаэртъ не

ходилъ болѣе въ городъ; онъ жилъ въ своемъ помѣстьи, садилъ прекрасныя фруктовыя деревья и обрѣзывалъ свои виноградныя лозы; но душа его тосковала о далекомъ сынѣ. Еще болѣе глубокое горе испытывала благородная Пенелопа, жена героя, ибо она не только была наполнена скорбью о супругѣ, но въ то время ее притѣсняли сто жениховъ, сыновья властителей Иѳаки и окрестныхъ острововъ, требовавшіе, чтобъ она послѣдовала за однимъ изъ нихъ въ его домъ супругою. Такъ какъ она отказывалась отъ этого, то они ежедневно приходили во дворецъ и въ безпутныхъ пиршествахъ проматывали богатое имущество царя.

ПЕНЕЛОПА (СТАТУЯ ВЪ ВАТИКАНѢ).

Прекрасное произведеніе греческаго искусства—вѣроятно копія съ болѣе древняго рельефа. Особенно нѣжно и выразительно—лицо. Оно имѣетъ продолговатую, узкую форму, такъ соотвѣтствующую выраженію горя или тоски; губы слегка надуты какъ бы отъ неудовольствія, и распущенные волосы характеризуютъ печальное, равнодушное къ внѣшнему украшенію настроеніе. Облокачиваніе лѣвой руки указываетъ на усталость отъ тревоги и горя. По покрывалу мы узнаемъ добродѣтельную, по корзинкѣ съ шерстью—трудолюбивую хозяйку.

Правда, Телемакъ, котораго нѣкогда Одиссей покинулъ малюткою, выросъ сильнымъ юношею, но, не будучи въ состояніи одинъ остановить безчестную толпу, онъ долженъ былъ оставаться зрителемъ, какъ вѣрныхъ пастуховъ принуждали доставлять лучшій скотъ для ежедневнаго пира мотовъ. Онъ созвалъ народное со-

браніе и смѣло сказалъ о вопіющей несправедливости, совершаемой на глазахъ всѣхъ надъ благороднѣйшимъ родомъ. Но хотя многіе также осуждали злое безобразничанье жениховъ въ домѣ наслѣдственнаго правителя и отъ души желали возвращенія Одиссея, чтобъ онъ положилъ конецъ этимъ безобразіямъ, никто, однако, не рѣшался поднять руки противъ насильственныхъ, но богатыхъ и знатныхъ мужей. Напротивъ, женихи выступали еще нахальнѣе. „Твоя мать виновата въ томъ, что мы проѣдаемъ твое имущество", сказалъ гордый Антиной Телемаку; „она должна выбрать одного изъ насъ въ мужья, такъ какъ Одиссей никогда не вернется; но она изо дня въ день, изъ года въ годъ задерживаетъ насъ уловками. Четыре года передъ этимъ она обѣщала сдѣлать выборъ, какъ только приготовитъ саванъ сѣдому герою Лаэрту. Она прилежно работала надъ нимъ, но онъ не подвигался впередъ. Наконецъ, одна служанка открыла намъ, что она ночью распускаетъ то, что соткала днемъ. Правда, мы ее принудили окончить саванъ, но она оставалась при своемъ отказѣ. Если ты вотъ хочешь, чтобъ мы покинули твой домъ, то пошли свою мать къ ея отцу Икарію, который потомъ и дастъ ее одному изъ насъ въ жены; если же ты ее оставишь у себя, то мы не перестанемъ пировать въ твоемъ домѣ на счетъ твоего имущества".

Въ собраніи Менторъ, старый другъ Одиссея, говорилъ за правое дѣло. Онъ, или, какъ говоритъ поэтъ, Паллада-Аѳина въ его образѣ, подошелъ къ юношѣ, когда онъ грустный стоялъ у моря, и предложилъ ему не оставаться празднымъ, но, подобно отцу, заботиться о томъ, какъ дѣлу помочь. Пусть онъ, такъ совѣтовалъ понуждающій другъ, идетъ въ Пилосъ къ старцу Нестору и въ Лакедемонъ къ Менелаю и разспроситъ ихъ, нѣтъ ли у нихъ извѣстій о далекомъ отцѣ. Когда Телемакъ далъ согласіе, Менторъ досталъ корабль и сильныхъ гребцовъ, которыхъ онъ уговорилъ на это дѣло. О съѣстныхъ припасахъ и сердцекрѣпительномъ винѣ позаботилась старая вѣрная ключница Эвриклея, которой сообщили о предпріятіи. Когда наступила ночь, корабль съ попутнымъ вѣтромъ поплылъ по катящимся волнамъ и на слѣдующій день достигъ песчанаго Пилоса. Здѣсь пилосскіе мужи какъ разъ собрались на берегу моря, чтобъ принести Посидону праздничную жертву, и посреди нихъ можно было

замѣтить сѣдого Нестора съ однимъ изъ его сыновей. Онъ радушно принялъ чужеземцевъ, когда они сошли съ корабля, и припудилъ ихъ къ участію въ праздничномъ пирѣ. Когда кончилась ѣда и насладились искристымъ виномъ, Несторъ спросилъ, кто такіе и откуда гости, занимаются ли они какимъ-нибудь дѣломъ или находятся они въ военномъ походѣ, чтобъ, рискуя собственной жизнью, воевать съ иноземнымъ народомъ. Тотчасъ же открылся ему Телемакъ и умильно просилъ его дать ему вѣсть объ его славномъ отцѣ, если онъ что-либо услышалъ, будь то о его жизни или о его смерти.

Тогда разсказалъ старецъ, какъ ахейцы послѣ паденія Иліона разошлись въ раздорѣ, какъ онъ самъ со своими безъ замедленія достигъ родного Пилоса и потому ничего не узналъ объ Одиссеѣ, вѣрномъ товарищѣ. Но онъ совѣтовалъ своему гостю отправиться въ Лакедемонъ къ Менелаю, который много лѣтъ скитался въ чужихъ краяхъ. Послѣ того, какъ онъ затѣмъ радушно угостилъ его, онъ послалъ его въ блестящей колесницѣ въ Спарту, давъ ему въ проводники собственнаго сына.

Когда юноши остановились у высокаго царскаго замка, гдѣ Менелай праздновалъ свадьбу двоихъ дѣтей, служитель доложилъ царю о прибытіи чужихъ странниковъ и спросилъ, угостить ли ихъ въ другомъ домѣ. Но властитель побранилъ его за то, что онъ говоритъ, точно неразумный ребенокъ, такъ какъ онъ вѣдь знаетъ, какъ ихъ самихъ принимали на чужбинѣ. Итакъ,они были введены на пиршество и удивились великолѣпію бронзы, серебра, золота и электра, которыми блестѣли стѣны вокругъ. Когда Телемакъ удивленно высказался, что жилище царя сіяетъ подобно преддверію олимпійскаго Зевса, царь возразилъ, что съ безсмертными богами не можетъ соревновать ни одинъ сынъ земли. Богатства эти онъ привезъ на родину послѣ безконечныхъ бѣдствій; но онъ готовъ бы довольствоваться малымъ, если-бъ онъ этимъ могъ уготовить возвращеніе славному Одиссею, самому милому и любимому изъ своихъ товарищей по оружію. Когда царь произнесъ эти слова, юноша закуталъ лицо свое въ складки пурпуроваго плаща, чтобъ скрыть свои слезы.

Между тѣмъ какъ Менелай, хорошо узнавшій юношу, обдумывалъ, разспрашивать ли его далѣе, вошла Елена, цвѣтущая и прекрасная, какъ въ раннюю юность. Служанки несли ея зо-

лотое веретено и пурпуровую шерсть въ искусно сдѣланныхъ изъ серебра корзиночкахъ. „Знаешь-ли ты уже, Менелай“, спросила она, „кто такіе гости? Вѣдь этотъ и ростомъ и чертами похожъ на божественнаго героя Одиссея, какъ никакой другой смертный“. —„Онъ, правда, сынъ высокаго мужа“, возразилъ сынъ Нестора; „но онъ не считаетъ благопристойнымъ съ самаго начала говорить о себѣ. Меня же прислалъ съ нимъ Несторъ, мой родитель, чтобъ ты далъ ему полезный совѣтъ“. Затѣмъ онъ разсказалъ далѣе Менелаю, какія злодѣянія осмѣлились совершать женихи, и какъ Телемакъ надѣется отъ него получить свѣдѣнія о судьбѣ отца.

„Вправду“, воскликнулъ высокій властитель, „они покоятся въ берлогѣ могучаго мужа. Но когда онъ вернется, онъ разорветъ ихъ, какъ левъ дѣтенышей лани, которыхъ она уложила въ его логовищѣ“. Менелай разсказалъ затѣмъ о своихъ странствованіяхъ. Онъ былъ занесенъ въ Эѳіопію, Ливію и Египетъ. На островѣ Фаросѣ долго его удерживала буря и непогода. Тамъ вопрошалъ онъ морского бога Протея и узналъ, что долженъ вернуться къ рѣкѣ Египту, потому что не принесъ должныхъ жертвъ богамъ. Далѣе свѣдущій въ судьбахъ морской старецъ много сообщилъ горестнаго о его товарищахъ. „Эанта, сына Оилея“, сказалъ онъ, „оскорбившаго боговъ, Посидонъ вмѣстѣ съ разгромленной скалой низринулъ въ пучину. Вождь народовъ Агамемнонъ нашелъ кровавый конецъ отъ руки невѣрной жены своей Клитемнестры и безбожнаго Эгинѳа; но Лаэртіада, божественнаго героя Одиссея, удерживаетъ нимфа Калипсо на обуреваемомъ моремъ островѣ Огигіи. Тамъ долженъ онъ пребывать и не въ состояніи, какъ ни желаетъ онъ, достигнуть отечества, ибо ему недостаетъ кораблей и знакомыхъ съ греблею мужей. Вернется ли онъ когда-нибудь или нѣтъ, это рѣшаютъ боги въ своемъ вѣчномъ совѣтѣ, скрытомъ для смертныхъ.

Это было то свѣдѣніе, которое Менелай получилъ отъ морского бога о судьбѣ Одиссея. Но съ тѣхъ поръ протекло два года, и оставалось неизвѣстнымъ, живъ ли еще многострадальный герой. Телемакъ теперь, по полученіи свѣдѣній, хотѣлъ какъ можно скорѣе вернуться на родину, но Менелай еще удержалъ его, чтобъ онъ вкусилъ гостепріимнаго обѣда и получилъ изъ его рукъ богатые подарки; затѣмъ онъ съ сыномъ Нестора отправился въ обрат-

ный путь и не остановился въ Пилосѣ, но тотчасъ же сѣлъ на темный морской корабль.

Женихи между тѣмъ рѣшили подстеречь отважнаго юношу и убить его. Антиной, съ двадцатью вооруженными людьми, сѣлъ на хорошо снаряженный корабль, и у скалистаго острова Астерибы онъ въ безопасной засадѣ ожидалъ возвращавшагося, не чая зла, юношу. Но о злодѣйскомъ предпріятіи вѣрный глашатай Медонтъ донесъ царицѣ.

У несчастной матери не было друга, который оказалъ бы ей помощь. Она поднялась на вышку и прибѣгла къ безсмертнымъ богамъ, которые одни могли спасти сына отъ грозившей опасности. Она съ горячей молитвой принесла жертву Палладѣ-Аѳинѣ, покровительницѣ ея дома. „Услышь меня", сказала она, молясь, „непобѣжденная дочь Зевса; если когда-либо мой милый супругъ Одиссей сожигалъ тебѣ жирныя бедра быковъ или овецъ, то спаси, помня это, дорогого сына моего Телемака и прогони жениховъ, которые, полные злого коварства, замышляютъ его гибель". Такъ громко молилась она, и богиня вняла ея молитвѣ; она послала ей крѣпительный сонъ и сновидѣніе, успокоившее ее насчетъ сына; затѣмъ она позаботилась о цвѣтущемъ юношѣ.

СТРАНСТВОВАНІЯ ОДИССЕЯ.

Славный страдалецъ Одиссей между тѣмъ находился среди невыразимыхъ опасностей въ отдаленныхъ странахъ. По разрушеніи Иліона, онъ съ товарищами, пощаженными войной, поплылъ къ милой родинѣ. Но онъ не брезгалъ по пути заниматься грабежомъ въ странахъ варваровъ. Между прочимъ онъ разорилъ на побережьи городъ киконовъ; когда же его спутники, несмотря на его увѣщаніе поспѣшно отъѣхать, справляли пиромъ побѣдное торжество, на нихъ напали многочисленныя толпы поселянъ и съ большимъ для нихъ урономъ прогнали ихъ на корабли.

Носимые бурями, они прибыли къ лотофагамъ, радушно принявшимъ ихъ и угостившимъ ихъ лотосовой пищей, которая была такъ сладка и прелестна, что воины забыли даже объ отечествѣ и, наконецъ, только силою могли быть принуждены сѣсть на суда.

Плача, схватили они весла и стали ударять по сѣрымъ соленымъ водамъ, которыя относили ихъ изъ страны блаженнаго мира обратно въ волнующійся міръ. Вскорѣ достигли они страны негостепріимныхъ, дикихъ циклоповъ и пристали къ лежащему впереди островку, гдѣ многочисленныя дикія козы представляли обильную охотничью добычу. Самъ Одиссей, на собственномъ кораблѣ, поѣхалъ на берегъ материка. Материкъ этотъ былъ дикъ и гористъ; нигдѣ не видно было слѣда, чтобъ рука человѣка взрощала питательное злато колосьевъ или виноградную лозу. Съ двѣнадцатью рѣшительными спутниками бродилъ Одиссей по негостепріимному берегу и, наконецъ, нашелъ просторную пещеру, содержавшую много молодого скота и большіе запасы молока, масла и сыра. Онъ рѣшилъ дожидаться возвращенія пастуховъ и между тѣмъ со спутниками сдѣлалъ себѣ угощеніе изъ найденныхъ и изъ привезенныхъ съѣстныхъ припасовъ. Вечеромъ поплелось стадо великолѣпнаго шерстоноснаго скота въ обычный хлѣвъ и, наконецъ, пришелъ пастухъ Полифемъ. Но онъ не былъ похожъ на другихъ людей, а былъ неуклюжимъ великаномъ съ однимъ только глазомъ на широкомъ лбу. Онъ закрылъ входъ въ пещеру огромной каменной глыбой, подобно воротамъ, подоилъ скотъ, поѣлъ и также выпилъ много молока. Когда же онъ затѣмъ зажегъ огня, онъ увидѣлъ гостей и грубо заревѣлъ на нихъ. Тщетно герой просилъ его о дружескомъ гостепріимствѣ и заклиналъ его Кроніономъ, защитникомъ отягченныхъ трудами странниковъ. Безжалостно схватилъ великанъ двоихъ изъ спутниковъ Одиссея, разбилъ ихъ о-земь и сожралъ ихъ съ кожей и костьми на закуску. Пока онъ затѣмъ предавался сну, герой размышлялъ, вонзить ли ему мечъ во внутренности, или нѣтъ; но, помня о каменныхъ воротахъ, онъ укротилъ негодованіе, пожиравшее его сердце.

Утромъ циклопъ снова съѣлъ двухъ странниковъ и затѣмъ выгналъ стадо на пастбище, закрывъ предварительно пещеру снова каменной глыбой. Днемъ хитроумный Одиссей придумалъ планъ мщенія и какъ спасти себя и своихъ спутниковъ. Онъ отрубилъ кусокъ отъ оставленной палицы циклопа и вырѣзалъ изъ нея гладкій, остроконечный колъ. Когда же вечеромъ вернулся злонамѣренный хозяинъ и съѣлъ свой дессертъ, онъ подошелъ къ нему съ мѣхомъ превосходнаго вина, со словами:

„Выпей, киклопъ, золотого вина, человѣчьимъ насытясь
„Мясомъ“.

Трижды просилъ варваръ искристаго напитка, затѣмъ крикнулъ онъ, опьянѣвъ:

„Знай же, другъ мой любезный, что будешь ты самый послѣднiй
„Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими: вотъ мой подарокъ“.

Затѣмъ онъ растянулся для сна на землѣ. Между тѣмъ гости разожгли на огнѣ изготовленный колъ и воткнули его въ его единственный глазъ, такъ что одновременно обожгли и вѣки и брови. Ослѣпленный киклопъ, страшно завывшiй, тщетно старался ихъ схватить, ощупываясь во всѣ стороны; на утро они ускользнули со стадомъ, прицѣпившись къ шерсти подъ брюхомъ статныхъ барановъ. Послѣ того какъ они принесли на свой корабль прекраснорунный шерстоносный скотъ, отважный вождь сталъ еще насмѣхаться надъ ослѣпленнымъ Полифемомъ, который, съ своей стороны, брошенными имъ каменными глыбами дважды чуть не разбилъ корабля.

«Улиссъ нищій» (гравированный камень).

Скорбя о милыхъ спутникахъ, но все-таки радуясь своему спасенiю, моряки, теперь снова соединившiеся, поплыли по кишащимъ рыбами водамъ. Они прибыли на Эоловъ островъ, гдѣ Эолъ, властитель вѣтровъ, съ шестью сыновьями и столькими же дочерьми, жилъ въ ненарушимой радости въ великолѣпной палатѣ, увеселяемый игрой на флейтѣ. Божественный владыка далъ морскимъ странникамъ дружеское пристанище, и когда они, послѣ луннаго оборота, подкрѣпленные и нагруженные превосходными запасами, прощались съ нимъ, онъ передалъ герою враждебные вѣтры въ крѣпко завязанномъ мѣхѣ и послалъ имъ вослѣдъ прелестнаго зефира, который нѣжно погналъ корабль къ родинѣ. Мужи видѣли уже высокiя горы Иѳаки, уже и поднимающiйся дымъ, когда они, во время сна Одиссея, изъ жадности развязали мѣхъ, въ которомъ они предполагали скрытыми сокровища. Тотчасъ же вырвались вѣтры и унесли корабль обратно къ Эолову острову. Когда же Эолъ увидѣлъ героя, онъ сказалъ: „Прочь, нечестивецъ, котораго преслѣдуетъ месть боговъ; не прилично

мнѣ дольше принимать тебя или снаряжать въ отъѣздъ". Итакъ, путники безъ помощи и утѣшенія поплыли дальше.

У Кирки.

Шесть дней и ночей гребли товарищи чрезъ пустыню морскую, пока не достигли они берега Лестригоновъ. Но то не была гостепріимная страна. Исполинскіе варвары привѣтствовали ихъ брошенными скалами, которыя раздавливали мужей и корабли. Едва смогъ Одиссей спасти отъ преслѣдователей-великановъ единственный корабль съ экипажемъ и выбраться въ открытое море. Онъ поплылъ дальше по безпредѣльнымъ соленымъ водамъ, пока не достигнулъ острова Эи, гдѣ жила волшебница, богиня Кирка. Друзья, которыхъ онъ отправилъ къ замѣченному вдали жилищу, нашли тамъ много странныхъ вещей. Хищные звѣри, волки и львы бродили безвредно по окрестностямъ и печально глядѣли на нихъ, точно желали отсовѣтовать имъ остановиться здѣсь. Они же, не чая зла, входятъ въ блестящій покой прекрасной волшебницы и просятъ гостепріимства. Они получаютъ вкуснаго виннаго сока; но едва вкусили они этой пищи, какъ Кирка прикасается къ нимъ своимъ волшебнымъ жезломъ и этимъ обращаетъ ихъ въ свиней. Одинъ только изъ этихъ людей осторожно остался въ засадѣ и онъ-то теперь спѣшитъ къ кораблю и сообщаетъ о случившемся. Тотчасъ же Одиссей самъ отправляется спасти друзей. Съ нимъ встрѣчается размахивающій золотымъ жезломъ Гермесъ и передаетъ ему зелье, дѣлающее всякое волшебство недѣйствительнымъ. Снабженный имъ, герой входитъ въ жилище богини и вкушаетъ чародѣйственной пищи. Когда она затѣмъ хочетъ превратить и его и запереть въ свиной хлѣвъ, онъ кидается на нее съ обнаженнымъ мечомъ. Умоляя, обнимаетъ она его колѣна. Она получаетъ прощеніе и снимаетъ волшебство. Теперь всякое недовѣріе, всякая непріязнь забыты, и остальные товарищи съ корабля призываются на обѣдъ, и Кирка, какъ любезная хозяйка, раздаетъ мяса, овощей и прелестнаго вина въ изобиліи, такъ что гости забываютъ глубокую печаль свою и всѣ трудности. Они долго оставались на островѣ. Проходили смѣняющіеся мѣсяцы, и годъ окончилъ свой круговоротъ. Наконецъ, однако, снова появилось воспоминаніе о милой родинѣ и тоска по домѣ и нивамъ отцовъ.

„Кирка, теперь выполни слово, данное мнѣ, отправить насъ на родину; сердце мое волнуется уже отъ тоски", такъ говорилъ Одиссей, и богиня не воспротивилась.

ОДИССЕЙ ВЪ ЦАРСТВѢ АИДА.

Но напередъ герой долженъ былъ плыть къ крайнимъ границамъ Океана, чтобъ отыскать царство Аида, жилище мертвыхъ, ибо тамъ онъ нашелъ бы ѳиванскаго прорицателя Тиресію, который возвѣстилъ ему о пути и плаваніи на милую родину. Правда, герой робѣлъ передъ смѣлымъ предпріятіемъ проникнуть въ царство умершихъ, но онъ подчинился неизбѣжному року.

Въ утро, когда Одиссей хотѣлъ начать это плаваніе, его привѣтствовала Кирка въ протканномъ серебромъ одѣяніи, чтобъ нагрузить судно нужными припасами и еще разъ передъ опаснымъ путешествіемъ заключить въ объятія милаго друга. Но нехватало одного изъ товарищей по плаванію, всегда веселаго Элпенора; нашли только его трупъ, такъ какъ онъ наканунѣ вечеромъ въ пьяномъ видѣ ради прохлады расположился на ночь на плоской крышѣ и утромъ, при быстромъ выступленіи, съ просонья свалился внизъ. Скорбя о потерѣ товарища, Одиссей простился съ Киркой и получилъ отъ нея попутный вѣтеръ, который ускорилъ ходъ корабля.

Плаваніе къ царству мертвыхъ продолжалось безостановочно, такъ что отважные моряки въ короткое время достигли рѣки Океана, обтекающей землю. Тамъ герой нашелъ и зіяющія ворота въ мрачное царство Аида, мѣсто пребыванія умершихъ.

Здѣсь онъ, по указанію Кирки, вырылъ углубленіе въ темной землѣ, закололь пару черныхъ овецъ и далъ крови стечь въ яму, ибо только черныя жертвы могли получать подземные. Вотъ появились изъ глубины юноши и дѣвушки, мужчины, женщины и старики, также много воиновъ въ обагренныхъ кровью доспѣхахъ, вынесшіе всѣ счастье и горе жизни. Безтѣлесные, какъ облака, всѣ тѣснились къ ямѣ, чтобъ хлебнуть крови. Но Одиссей отгонялъ ихъ обнаженнымъ мечомъ, пока не явился прорицатель Тиресія, который, какъ наставила Кирка, долженъ былъ дать ему знать о его дальнѣйшемъ плаваніи и о возвращеніи. Передъ нимъ онъ спряталъ мечъ въ ножны и прорицатель, хлебнувъ крови, началъ свое пророчество: „Знай, о Лаэртіадъ, ты еще далеко и

долго будешь странствовать среди страданій и опасностей, потому что на тебя гнѣвается властитель морей Посидонъ, которому ты ослѣпилъ сына Полифема; однако, ты, хотя и поздно и безъ товарищей, снова достигнешь твоего родного острова. Тамъ ты найдешь много горя, ибо сто могучихъ жениховъ притѣсняютъ твою вѣрную жену, чтобъ принудить ее къ новому брачному союзу. Ежедневно они пируютъ на счетъ твоего имущества, а твой цвѣтущій сынъ одинъ не въ силахъ мѣшать имъ. Но ты смѣло рискни на борьбу, ибо дочь Зевса, Паллада-Аѳина, съ тобою, и когда падутъ женихи, ты съ Пенелопой будешь жить въ почестяхъ и мирѣ". Радуясь предсказанію, Одиссей поклонился уходящему прорицателю, но теперь онъ увидѣлъ, что приближается милый товарищъ Элпеноръ, и онъ далъ ему попробовать напитка въ ямѣ. „Благородный Одиссей", тотчасъ шепнулъ умершій товарищъ, „знай, я здѣсь безъ покоя долженъ бродить потому, что земное тѣло мое еще не предано пламени и землѣ. Если ты вернешься, то окажи мнѣ послѣдній долгъ и воздвигни мнѣ памятникъ". Едва отлетѣла тѣнь, подошелъ образъ матери героя. Охотно онъ заключилъ бы ее въ свои объятія, но она была точно облачный образъ, и онъ хваталъ пустой воздухъ. Когда же она выпила крови, то сказала: „Возлюбленный сынъ, все-ли еще бродишь ты по странамъ и морямъ, или достигъ, наконецъ, милой родины? Знай, меня похитила не болѣзнь, но терзающая сердце тоска по тебѣ. Твой старый отецъ тоже тоскуетъ и живетъ, полный скорби, среди рабовъ, считая себя имъ равнымъ и еще ниже, потому что мощный сынъ его пребываетъ далеко и не можетъ мѣшать насильственнымъ мужамъ расхищать его имущество". Печальною ушла она отъ него вдаль.

Среди тѣней, которыхъ повидимому приманивала жертвенная кровь въ ямѣ, шествовали и мужи, которыхъ Одиссей хорошо узнавалъ. То были товарищи въ войскѣ греческомъ подъ стѣнами Трои. Имъ онъ охотно дозволялъ хлебнуть желанной крови. Впереди шелъ Агамемнонъ, съ лицомъ, искаженнымъ терзающей сердце скорбью. „Какъ это ты, великій царь, такъ рано вошелъ въ царство мертвыхъ?"—спросилъ Одиссей. „Увлекли ли тебя волны, взбаломученныя бурею, или сразили тебя шайки грабителей на землѣ?"—„Знай, благородный Лаэртіадъ",—возразилъ царь,—„не пѣнящіяся соленыя воды и не руки разбойниковъ приготовили мнѣ

смерть; моя собственная жена бросила мнѣ, когда я выходилъ изъ бани, на голову запутывающее одѣяніе, и затѣмъ убилъ меня ея сообщникъ Эгисѳъ, какъ быка у жертвенника, смертоносной сѣкирой.—Благородный Лаэртіадъ, какъ тебя можно величать счастливымъ, ибо тебя нетерпѣливо дожидается цѣломудренная Пенелопа и съ нею твой цвѣтущій сынъ Телемакъ, котораго ты нѣкогда покинулъ нѣжнымъ малюткою!"—Послѣ этихъ словъ тѣнь отошла въ прискорбіи. На ея мѣсто сталъ духъ героя, затмившаго блескомъ славы подъ Троей всѣхъ воиновъ. И онъ, казалось, былъ исполненъ прискорбія, и когда Одиссей сталъ величать его счастливцемъ, ибо онъ-де при жизни былъ славнымъ героемъ, а теперь онъ—царь въ царствѣ мертвыхъ, то онъ сказалъ: „Знай, Одиссей, я лучше хотѣлъ бы среди живущихъ людей зарабатывать себѣ хлѣбъ поденщикомъ за малую плату, чѣмъ здѣсь въ царствѣ Аида быть царемъ надъ безтѣлесными тѣнями."

Герой увидѣлъ еще много другихъ товарищей изъ прежняго времени и услыхалъ ихъ жалобы; но онъ заглянулъ и черезъ ворота въ мрачное царство Аида. Тамъ на тронахъ сидѣли судьи умершихъ: Миносъ, Эакъ и Радаманѳъ, судившіе дѣла людей, когда тѣ, отдѣлившись отъ своего тѣла, достигали Ада. Одиссей услышалъ также изъ глубины, гдѣ зіяетъ пропасть Тартара, оханье и стенаніе осужденныхъ на муки. Вотъ катится разрушительное колесо, къ которому привязанъ И к с і о н ъ, за то что онъ домогался объятій Геры; вотъ лежитъ прикованный къ скалѣ Титій, который преступно мучилъ божественную Л а т о н у безбожной любовью, и алчные коршуны растерзываютъ его печень, ежедневно вновь заростающую. Также С и з и ф ъ, великій плутъ, обманывавшій боговъ и людей, находится тамъ внизу и съ трудомъ вскатываетъ на гору каменную глыбу; но съ громовымъ шумомъ у него ускользаетъ изъ рукъ коварный камень, какъ только онъ близокъ къ вершинѣ, и трудная работа постоянно начинается снова. Не менѣе терпитъ здѣсь безконечныя муки тотъ Т а н т а л ъ, который нѣкогда, преступно желая испытать безошибочность боговъ, зарѣзалъ собственнаго сына Пелопа и изрѣзанное на куски тѣло, какъ уже разсказано въ другомъ мѣстѣ, подалъ на обѣдъ олимпійцамъ. Но всевидящій Зевсъ замѣтилъ обманъ и громовой молніей низринулъ преступника въ глубину

Тартара. Здѣсь стоитъ онъ теперь, мучимый голодомъ и жаждой, крѣпко прикрѣпленный къ мѣсту. Окружающая его вода отступаетъ назадъ, когда онъ хочетъ хлебнуть ея, и висящія надъ нимъ вѣтви съ прекрасными плодами высоко возносятся вѣтромъ, всякій разъ, какъ онъ стремится ихъ схватить.

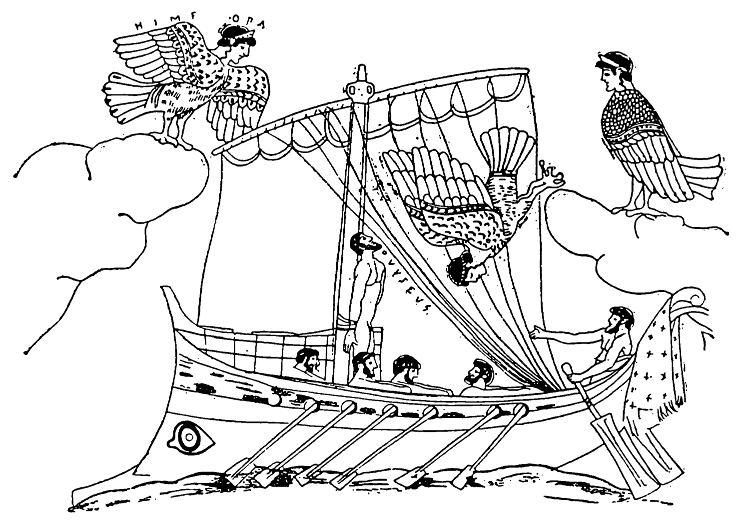
Все это увидѣлъ отважный Одиссей въ глубинѣ Тартара. Когда же теперь все новыя, безчисленныя толпы тѣней показывались изъ стигскихъ воротъ, его охватилъ блѣдный испугъ. Онъ поспѣшилъ на судно къ товарищамъ и поплылъ на веслахъ и съ попутнымъ вѣтромъ отъ мѣста ужаса на бѣлый свѣтъ, гдѣ находится въ движеніи свѣжая жизнь и солнечное сіяніе озаряетъ землю и море.

Гомеръ, сочинившій, по убѣжденію эллиновъ, какъ Иліаду, такъ и Одиссею, что по праву оспаривается, далъ намъ здѣсь безотрадную картину жизни послѣ смерти. Но едва ли возможно, чтобъ это было общераспространеннымъ представленіемъ эллиновъ также и въ древнѣйшее время: какъ они, въ противномъ случаѣ, могли бы такъ мужественно смотрѣть въ глаза смерти въ безчисленныхъ сраженіяхъ! Вѣдь и—правда, позднѣе—Леонидъ со своей геройской дружиной ожидаетъ вслѣдъ за послѣдней битвой лучшей жизни. Далеко свѣтлѣе были представленія древнихъ языческихъ германцевъ и скандинавовъ. О послѣднихъ мы знаемъ, что они съ увѣренностью надѣялись въ Вальгаллѣ у боговъ вести блаженную жизнь, и что существовала вѣра, что вѣрно любящіе другъ друга, юноша и дѣвушка, мужъ и жена, послѣ разставанія ихъ съ землей, снова сойдутся въ Фенсалирѣ, блистательномъ залѣ Фрейи.

Мы возвращаемся къ Одиссею, который съ товарищами снова направилъ путь къ острову, гдѣ ожидаетъ его Кирка. Плаваніе идетъ быстро, корабль словно летитъ, и безъ дальнѣйшей опасности они достигаютъ желаннаго берега. Стоитъ ночь, когда они пристаютъ и, скудно закусивъ, засыпаютъ на мягкой травѣ, покрывающей землю.

Утромъ герой отправилъ вѣрныхъ людей къ дворцу Кирки, которые доложили о его прибытіи и просили выдачи трупа Элпенора. Охотно волшебница-дѣвица исполнила эту просьбу. Когда Лаэртіадъ сжегъ тѣло умершаго товарища, пепелъ схоронилъ въ курганѣ и водрузилъ надъ нимъ весло, онъ подумалъ объ отъ-

ѣздѣ. Но вотъ явилась Кирка со служанками, которыя приносили съѣстные припасы, въ то время какъ сама она наставляла героя, какія опасности еще ожидали его, и какъ онъ могъ бы ихъ встрѣтить. Подготовленные такимъ образомъ, Одиссей и его товарищи простились съ волшебницей, и крѣпко весла ударили по пѣнящимся соленымъ водамъ. Вскорѣ на дальнемъ горизонтѣ они увидѣли островъ Сиренъ. Тогда герой, по совѣту Кирки, за-

ОДИССЕЙ И СИРЕНЫ
(ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ВОДЯНОЙ УРНѢ ИЗЪ Vulci).

Привязанный къ мачтѣ своего корабля, паруса котораго уменьшены, Одиссей плыветъ мимо Сиренъ, являющихся птицами съ женскими головами. Герой извивается въ своихъ узахъ, но товарищи, побуждаемые мановеніемъ руки кормчаго къ неутомимой работѣ, гребутъ съ напряженной силой, чтобы поскорѣе избѣжать опасности. Одна изъ сиренъ, въ досадѣ за неудавшуюся попытку плѣнить Одиссея, бросается въ воды. Глазъ на носу корабля имѣетъ цѣлью отвращеніе дѣйствія дурного глаза; за кормчимъ виситъ родъ пестраго флага.

клеилъ уши товарищей воскомъ и велѣлъ самого себя крѣпко привязать къ мачтѣ, ибо онъ зналъ, что ни одинъ смертный не могъ устоять передъ соблазнительнымъ пѣніемъ дѣвушекъ. Онъ слыхалъ отъ Кирки, какъ Сирены нѣкогда въ дерзкомъ соревнованіи побѣдили Музъ и были сосланы на этотъ островъ, гдѣ онѣ прельщаютъ мореплавателей, такъ что послѣдніе направляются къ берегу, гдѣ затѣмъ терпитъ крушеніе ихъ корабль, и они сами

находятъ гибель. Поэтому герой принялъ тѣ предосторожности, и когда онъ, прельщенный пѣніемъ, потребовалъ, чтобъ развязали его узы и пристали къ берегу, друзья еще крѣиче стянули веревки, пока судно не прошло счастливо мимо.

СКИЛЛА И ХАРИБДА.

Радостно и полные надежды скоро достигнуть милой родины, мужи крѣпко налегли на весла, когда они въѣхали въ морской проливъ, отдѣляющій Сицилію отъ материка Италіи. Одинъ Одиссей зналъ, что здѣсь грозитъ имъ гибель отъ двухъ ужасныхъ морскихъ чудовищъ; дѣло въ томъ, что съ одной стороны Харибда втягиваетъ въ себя соленыя воды съ людьми, кораблями и рыбами и затѣмъ, выдыхая, выталкиваетъ все въ сломанномъ видѣ, на другой сторонѣ Скилла съ шестью головами подсматриваетъ пищу себѣ. Въ этомъ направленіи велѣлъ плыть безстрашный герой, и онъ самъ стоялъ на палубѣ съ двумя мѣднобластящими копьями, чтобъ сразиться съ чудовищемъ. Тщетно!—изъ скрытой разсѣлины въ скалѣ выскочили шесть головъ и похитили столько же людей, которыхъ онѣ проглотили, чмокая и раздробляя кости.

ОДИССЕЙ И СКИЛЛА
(ГРЕЧЕСКАЯ МОНЕТА).

Чудовищная Скилла, окруженная собаками и везомая двумя дельфинами съ длинными хвостами, лѣвой рукой держитъ руль, з правой схватываетъ за волосы кормчаго съ корабля Улисса. Послѣдній спѣшитъ выручить товарища; на сценѣ виднѣется нѣсколько воиновъ, въ волнахъ барахтаются уже другіе. Оборотная сторона медали съ ободкомъ.

Ночь принудила моряковъ пристать къ острову Тринакіи, гдѣ паслись быки Гелія, которыхъ никто не трогалъ безнаказанно. Много дней и недѣль пришлось морякамъ здѣсь оставаться, потому что сильная буря волновала море; когда же припасы были съѣдены, они не удовольствовались пойманными въ недостаточномъ количествѣ рыбами и птицами, но зарѣзали быковъ, въ то время какъ Одиссей отыскивалъ другой пищи. Слишкомъ поздно онъ вернулся обратно. Совершено было преступленіе, повлекшее за собой гнѣвъ и кару бога.

Обманчивое безвѣтріе манило къ отплытію; вновь же пробудившаяся буря и молнія Зевса разбили корабль. Герой, плавая на связанныхъ вмѣстѣ килѣ и мачтѣ, боролся съ ужаснымъ ро-

комъ. Онъ попалъ въ теченіе, которое всасывала Харибда; но онъ схватилъ нависшую съ близкаго берега вѣтвь фиговаго дерева и повисъ въ воздухѣ надъ зіяющей бездной, пока въ возвращающемся водоворотѣ съ проглоченными водами подъ пѣной и паромъ не подплыли снова и балки. Онъ схватилъ ихъ прыжкомъ и, девять дней носившись по морю, прибылъ къ острову Огигіи, гдѣ въ гротѣ жила нимфа Калипсо.

У нимфы Калипсо.

На этомъ островѣ природа была такъ пріятна и такъ ласково взирала своею прелестью на страдальца Одиссея, что онъ легко могъ забыть свои бѣдствія.

Густо разросшись, отвсюду пещеру ту окружали
Тополи, ольхи и сладкій ліющіе духъ кипарисы;
Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздилися тамъ длиннокрылыя птицы:
Кобчики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая!
Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,
Росъ виноградъ, и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли;
Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали
Близко одинъ отъ другого, туда и сюда извиваясь;
Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ, и злаковъ
Полные сочныхъ.

Прекрасная и ласковая, какъ самый островъ, приняла героя нимфа и дала ему вкусной пищи и пѣнистаго вина въ изобиліи и всякой услады, радующей сердце человѣка. Она посулила ему и безсмертіе, если онъ останется у нея. Но все это не могло преодолѣть его тоски по отчизнѣ и вѣрной супругѣ. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ на утесистомъ берегу и глядѣлъ черезъ безпредѣльное море, желая увидѣть хотя бы только поднимающійся дымъ отцовскаго дома и затѣмъ умереть. Надъ нимъ наконецъ сжалились боги и послали на островъ Гермеса, который донесъ нимфѣ о рѣшеніи Зевса, что страдальцу опредѣлено возвращеніе. По ея наставленію, Одиссей выстроилъ плотъ, получилъ пищи и питья и попутный вѣтеръ и поплылъ къ родинѣ. Но Посидонъ, все еще гнѣвавшійся на него изъ-за ослѣпленія его сына Полифема, во время возбужденной имъ бури разбилъ судно.

Волна, вышиной съ гору, увлекла героя въ бездну. Съ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ достигъ обломковъ судна и прицѣпился къ нимъ. Тогда изъ водъ выплыла сіяющая морская богиня Левкоѳея и подала отчаявшемуся Лаэртіаду покрывало для спасенія. Когда разбились послѣдніе обломки корабля, Одиссей обвязался этимъ покрываломъ, какъ плавательнымъ поясомъ, бросился въ волны и вплавь съ несказаннымъ трудомъ спасся на землю Фэаковъ, гдѣ онъ подъ густыми вѣтвями маслинъ зарылся въ сухіе листья и погрузился въ глубокій крѣпительный сонъ.

У царя Алкиноя.

На слѣдующій день дочь царя, Навсикая, для стирки поясовъ и одѣяній, съ подругами пришла на рѣку, устья которой герой достигъ наканунѣ. Хохотъ дѣвушекъ, которыя по окончаніи работы забавлялись игрою въ мячъ, разбудилъ спавшаго. Когда же онъ теперь, сорванной вѣтвью скрывая наготу и обезображенный морскимъ иломъ, появился изъ чащи, то онъ показался дѣвушкамъ морскимъ чудовищемъ, вышедшимъ изъ глубины, и онѣ разбѣжались въ разныя стороны. Одна лишь Навсикая выслушала его разумную рѣчь и велѣла, когда онъ выкупался, подать ему подкрѣпленія и одѣяніе. Теперь онъ сталъ другимъ, котораго можно было сравнивать съ однимъ изъ безсмертныхъ. Затѣмъ онъ послѣдовалъ за царевной въ городъ славныхъ мореплавателей Фэаковъ.

Когда онъ вступилъ въ царскій дворецъ, то онъ подивился великолѣпію и искусству, съ какими было украшено жилище царя Алкиноя. Порогъ и стѣны сверкали бронзою, ворота—золотомъ; серебряные косяки и надъ ними вѣнокъ изъ такого же металла облегали дверь, въ то время какъ съ обѣихъ сторонъ были разставлены искусно сформованныя собаки изъ золота и серебра. Дворъ и отлично воздѣланный садъ окружали дворецъ; во внутреннемъ же залѣ были установлены золотыя фигуры юношей, державшія факелы, и вокругъ стѣнъ красивыя кресла на превосходно сотканныхъ коврахъ. Тамъ сидѣли князья фэаковъ одинъ день за другимъ, собравшись вокругъ высокаго Алкиноя и его прославленной супруги Ареты, занимаясь совѣщаніемъ и попеченіемъ о народѣ, въ то же время наслаждаясь пищей и ароматическимъ виномъ. Поспѣшно пошелъ Одиссей чрезъ залу

къ царицѣ, колѣна которой и обнялъ. Онъ помолился богамъ о счастьи и благословеніи для царскаго дома и гостей, а затѣмъ просилъ для себя гостепріимства и отправленія обратно на родину, съ которой такъ долго былъ разлученъ. Тотчасъ же Алкиной велѣлъ своему сыну встать съ кресла, обитаго серебряными гвоздями, и уступить сѣдалище иноземцу. Затѣмъ гостю подали хлѣба и овощей и не забыли также о прохладительномъ питьѣ.

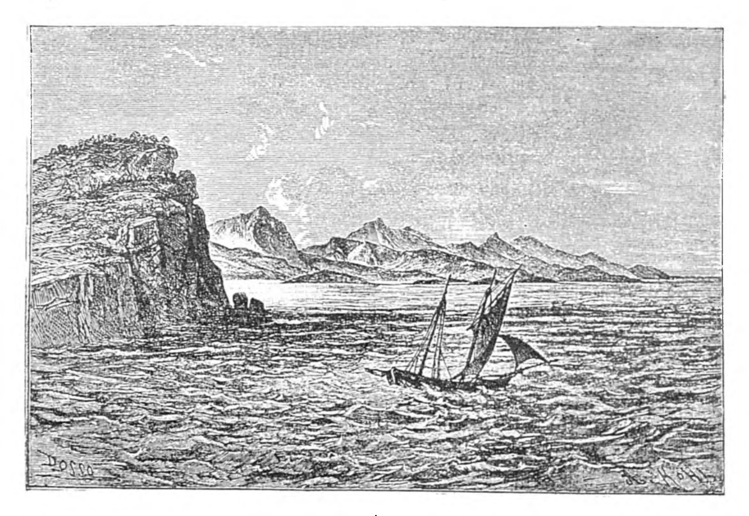
Много дней провелъ страдалецъ у веселаго народа фэакійскаго, наслаждался обѣдомъ и прислушивался къ пѣвцу, услаждавшему радостныхъ гостей игрой на арфѣ и пѣніемъ. То пѣвецъ начиналъ пѣснь о томъ, какъ Гефестъ мѣдными цѣпями опуталъ сильнаго Ареса и злотокудрую Афродиту; то начиналъ онъ серьезные мотивы о злосчастной войнѣ подъ Троей. Когда же онъ повѣствовалъ о выстроенномъ конѣ и о дѣлахъ Одиссея во взятомъ Иліонѣ, гость не могъ дольше скрыть выступавшихъ у него слезъ. Онъ назвалъ свое имя, получилъ богатые подарки и въ просторномъ кораблѣ былъ отправленъ на Иѳаку.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА ИѲАКУ.

Стояла ночь, когда героя, спящаго, высадили на берегъ родного острова; поэтому вначалѣ, когда онъ на разсвѣтѣ проснулся, онъ подумалъ, что моряки привезли его въ чужую страну. При свѣтѣ восходящаго солнца онъ однако скоро нашелся въ крутыхъ скалахъ горячо желанной отчизны, старательно спряталъ привезенное имущество въ ущельи и, покрытый лохмотьями съ грязной котомкой нищаго на спинѣ, отыскалъ честнаго Э в м е я, который, какъ первый среди пастуховъ, имѣлъ подъ своимъ надзоромъ многочисленныя стада свиней царя. Гостепріимный пастухъ охотно далъ пристанище невзрачному чужеземцу и съ негодованіемъ разсказалъ ему о женихахъ, ежедневно пировавшихъ на счетъ имущества его отсутствующаго хозяина.

Въ то время какъ оба говорили еще другъ съ другомъ, Телемакъ зашелъ въ хижину славнаго свинопаса. Съ помощью Аѳины онъ на ночномъ плаваніи ускользнулъ отъ подстерегавшихъ его жениховъ и присталъ здѣсь къ другой сторонѣ острова. Эвмей плакалъ отъ радости, увидѣвъ прекраснаго юношу, о которомъ онъ тревожился. Онъ цѣловалъ ему лицо и руки и же-

лалъ присутствія отца, чтобъ онъ обнялъ цвѣтущаго сына. Одиссей же, сдерживая свое бьющееся сердце, всталъ передъ знатнымъ пришельцемъ, чтобы уступить ему свое мѣсто. Телемакъ же возразилъ, останавливая его: „Оставайся сидѣть, незнакомецъ, этотъ человѣкъ ужъ приготовитъ мнѣ сѣдалище“. Такъ и сдѣлали. Эвмей изъ прутьевъ съ разостланной надъ ними козьей шкурой приготовилъ сидѣнье для царственнаго юноши. Когда

ОСТРОВЪ ИѲАКА (СЪ ФОТОГРАФІИ).

свинопасъ затѣмъ удалился, чтобъ тревожной Пенелопѣ сообщить о возвращеніи молодого героя, Одиссей открылся сыну. Оба долго стояли обнявшись и плакали отъ радости свиданія и въ то же время отъ печали за позоръ, который безпрестанно наносили ихъ дому надменные женихи.

Одиссей объявилъ теперь сыну, что онъ рѣшилъ смерть всей шайки. Тотъ подробно разсказалъ ему о большомъ числѣ жениховъ, о ихъ крѣпкой юности и ихъ приверженцахъ и просилъ отважнаго мужа сначала позаботиться о другихъ помощникахъ. Но герой произнесъ съ твердой увѣренностью:

,,Еслибъ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были
,,Наши помощники, стали-ль тогда-бъ пріискивать новыхъ?“

На слѣдующій день Одиссей съ вѣрнымъ свинопасомъ пошелъ въ городъ. На дорогѣ встрѣтился съ ними козій пастухъ Меланѳій, бывшій другомъ жениховъ. Онъ побранилъ Эвмея, что тотъ приводитъ докучливаго нищаго въ благородное собраніе, и полный злобы и коварства ударилъ ногою въ бокъ презрѣннаго мужа, который, однако, терпѣливо вынесъ незаслуженное оскорбленіе. Правда, свинопасъ помолился богамъ, чтобъ они вернули славнаго царя, чтобъ онъ истребилъ жениховъ вмѣстѣ со злымъ преступникомъ Меланѳіемъ; но козій пастухъ насмѣшливо возразилъ, что могущество жениховъ вѣроятно скоро уничтожитъ и Телемака, какъ боги уже давно отправили его отца въ царство тѣней. Съ этимъ невѣрный пастухъ поспѣшно удалился въ царскій дворецъ, гдѣ онъ, желанный другъ, занялъ свое мѣсто между пирующими женихами.

Оба путника спокойно слѣдовали по той же дорогѣ. Они вошли въ передній дворъ дворца. Тамъ на кучѣ навозной лежала старая, погибавшая отъ недостаточнаго ухода собака. Она была при послѣднемъ издыханіи; однако, она повела хвостомъ и ушами и такъ умильно взглянула на нищаго, точно хотѣла сказать: „Не узнаешь меня болѣе, милый хозяинъ? Я тебя узнаю и въ нищенскихъ лохмотьяхъ и радуюсь, что вижу тебя, прежде чѣмъ умру“. И Одиссей тоже узналъ своего вѣрнаго Аргуса, котораго онъ нѣкогда самъ выростилъ; онъ понялъ и его нѣмой языкъ и долженъ былъ скрыть выступавшую слезу, когда онъ увидѣлъ, какъ издохла собака; вѣдь ему казалось, точно умеръ у него милый другъ.

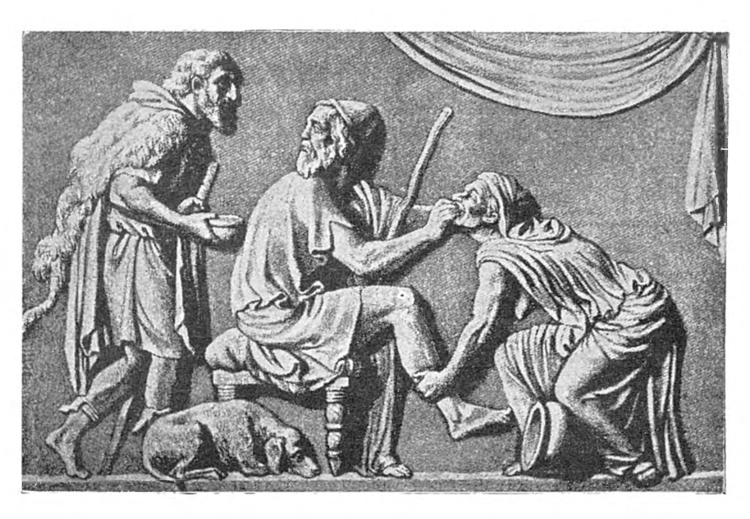
Путники вошли въ залу, гдѣ раздавалось громкое ликованіе, такъ что почти не слышно было звука арфы и голоса божественнаго пѣвца Фемія. Нищій, какъ подобаетъ просителямъ, сѣлъ на порогѣ, но Телемакъ велѣлъ по гостепріимному обычаю подать страннику мяса и пшеничнаго хлѣба и предложилъ ему собирать и у гостей ласковыя подачки. Всѣ женихи дали бѣдняку обильные куски отъ своего обѣда, одинъ лишь Антиной, знатнѣйшій среди пирующихъ, промолвилъ, что негодяю, по лѣности живущему подачками, подобаетъ наказаніе, а не лакомая пища. Когда же величественный страдалецъ возразилъ ему, какъ онъ можетъ отказать страннику въ ласковой подачкѣ изъ чужого имущества, которое онъ самъ вѣдь проѣдаетъ, неблагосклонный

мужъ швырнулъ ему въ плечо скамейкой съ такою силою, что другой упалъ бы на-земь; Одиссей же стоялъ твердо, подобно скалѣ. Все собраніе порицало наглое нарушеніе права гостепріимства, и Телемакъ схватился за мѣднoблестящее копье, чтобъ кровью отомстить за преступленіе; но знакъ отца заставилъ его подавить гнѣвъ, который ему самому принесъ бы гибель. Также Эвмей и пастухъ рогатаго скота Филетій схватили для защиты оружіе и опять опустили его. Вскорѣ снова при звонѣ чашъ въ залѣ царствовала радость и веселая болтовня.

До вечернихъ сумерекъ на долю жениховъ выпало еще другое удовольствіе; дѣло въ томъ, что въ воротахъ показался второй нищій—Иръ, всѣмъ хорошій знакомый и пріятель, носившій извѣстія отъ одного жилища къ другому, но неохотникъ до трудной работы, хотя онъ былъ еще молодъ и статнаго роста.—„Нищенская сума",—въ гнѣвѣ крикнулъ онъ страннику,—„убирайся прочь съ порога, гдѣ мнѣ одному принадлежитъ право, иначе я тебя за ноги вытащу за ворота, или разобью тебѣ твои хрупкія кости, какъ глиняные черепки".—„Странный человѣкъ",—промолвилъ старикъ, — „вѣдь никогда не обидѣлъ я тебя словомъ или дѣломъ, да и здѣсь вѣдь мѣсто для насъ обоихъ; но если тебя увлекаетъ мужество, то я попробую, не одолѣю ли тебя въ борьбѣ".—Смѣясь, женихи окружили усердствующихъ нищихъ и ссорили ихъ, судя побѣдителю лучшіе куски. Итакъ, опоясались бойцы; но какъ дивились женихи вокругъ, когда увидѣли мускулистые, мощные члены странника! Теперь размышлялъ Одиссей, бросить ли противника однимъ ударомъ замертво на земь, или только оглушить его болѣе легкимъ ударомъ. Послѣднее ему показалось болѣе разумнымъ рѣшеніемъ, чтобъ не возбудить шума. Бой продолжался не долго. Герой легко отражалъ удары противника; но затѣмъ онъ такъ хватилъ его по гортани, что тотъ трепеща опустился на-земь, и изо рта у него полился потокъ крови. Тотчасъ же онъ подъ хохотъ толпы за ноги потащилъ его за ворота двора и далъ ему въ руки его посохъ. Вернувшись, онъ отъ самого Антиноя получилъ обѣщанный кусокъ.

Лишь позднимъ вечеромъ насильственные гости покинули залу. Въ обширномъ помѣщеніи Одиссей увидѣлъ себя однимъ съ сыномъ. Онъ показалъ на копья и доспѣхи вокругъ по стѣнамъ. Юноша хорошо понялъ его и помогъ ему унести оружіе на чер-

дакъ. Когда и онъ отправился на покой, Одиссей одинъ оставался въ палатѣ и думалъ о страшномъ мщеніи. Вотъ вошла Пенелопа со своими служанками; въ то время, какъ тѣ убирали со стола, хозяйка сѣла въ кресло возлѣ огня и позвала къ себѣ нищаго. Кто онъ и откуда пришелъ, спрашивала она его, и не могъ ли бы дать онъ ей вѣсть объ Одиссеѣ, ея благородномъ супругѣ. Хорошо вымышленную басню разсказалъ ей многохитро-

ЭВРИКЛЕЯ УЗНАЕТЪ ОДИССЕЯ ВО ВРЕМЯ ОМОВЕНІЯ ЕГО НОГЪ (ГРЕЧЕСКІЙ БАРЕЛЬЕФЪ).

стный мужъ, чтобъ испытать ея истинное настроеніе; она же въ благодарность велѣла вѣрной ключницѣ Эвриклеѣ вымыть ему ноги, какъ милому гостю; та съ дѣтства воспитывала Одиссея и ходила за нимъ, и потому, едва ощупала она рубецъ, причиненный нѣкогда ударомъ вепря, какъ узнала его и съ радостью привѣтствовала хозяина; онъ же велѣлъ ей сейчасъ замолчать, и она обѣщала ему строго хранить тайну.

Когда взошла утренняя заря, уже снова стали дѣлать приготовленія къ пиршеству. Вскорѣ кучами стали входить женихи, такъ что мѣдныя ворота были едва достаточно просторны, чтобы всѣмъ имъ дать впускъ; они подняли руки для обѣда, и въ па-

латѣ снова раздались насмѣшливая рѣчь и звонкій хохотъ. Но благородная Пенелопа, слышавшая это въ верхнихъ покояхъ, обдумывала, какъ ей, какъ матери, должно сохранить сыну его имущество. Она взяла крѣпкій лукъ и стрѣлы изъ комнаты, гдѣ хранилось много мѣднoблестящаго оружія милаго мужа, и, послѣ того какъ наплакалась и погоревала, пошла съ нимъ въ собраніе жениховъ.—„Разъ вы такъ неудержимо тѣсните сына и меня саму“,—сказала она,—„то попробуйте состязаніе. Кто изъ васъ стянетъ лукъ моего далекаго супруга и пуститъ стрѣлу черезъ отверстія двѣнадцати топоровъ, разставленныхъ въ рядъ одинъ за другимъ, какъ онъ самъ нѣкогда имѣлъ обыкновеніе, за тѣмъ я послѣдую въ его жилище, какъ законная его жена“. Правда, заплакали вѣрные пастухи, услышавъ эти слова, правда, и разгнѣвался сынъ на превосходную мать свою; но надменный Антиной выругалъ ихъ и въ душѣ своей ужь мнилъ себя побѣдителемъ. Между тѣмъ были установлены топоры ушками вверхъ, и женихи вышли для состязанія. Но какъ ни старались они, никто не смогъ натянуть крѣпкаго лука.—„Дайте же и мнѣ лукъ“,—просилъ теперь невзрачный нищій,—„я прежде былъ очень опытенъ въ такомъ дѣлѣ и хотѣлъ бы испытать, не вся ли исчезла моя юношеская сила подъ вынесенными бѣдствіями“.—Сильно зашумѣли женихи на запосчиваго странника; но Телемакъ, не робѣя, велѣлъ свинопасу подать тому лукъ и не обращать вниманія на крикуновъ. Охотно повиновался вѣрный человѣкъ, ибо Одиссей передъ тѣмъ открылся ему и пастуху рогатаго скота Филетію. Въ то время какъ нищій сталъ умѣло обращаться съ лукомъ, Пенелопа по просьбѣ сына удалилась въ верхніе женскіе покои, тотъ же безъ труда натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу со звономъ черезъ ушки кольца.

„Итакъ, это состязаніе окончено“,—воскликнулъ герой, сбрасывая съ себя рубище и вскакивая на мѣдный дверной порогъ; —„другую цѣль я теперь себѣ избираю, въ какую не попалъ еще ни одинъ стрѣлокъ“,—и прямо въ горло пьющему Антиною пустилъ онъ горькую стрѣлу.

„Бѣшеный“, — шумѣли женихи, тщетно искавшіе своего оружія,—„на гибель себѣ пускаешь ты стрѣлы въ мужей; скоро коршуны будутъ тебя облетать, какъ пріятную добычу для съѣденія“.—„А, вы, собаки!“—возразилъ Одиссей,—„вы мнили, что я

никогда не вернусь обратно; поэтому вы не уважали ни человѣческаго, ни божественнаго закона; теперь смотрите, какъ бы вамъ отразить отъ себя гибель".—Тогда Эврнмахъ предложилъ щедрое вознагражденіе за расхищенное добро.—„Да еслибъ вы преподнесли мнѣ все ваше наслѣдственное имущество",—крикнулъ ему Одиссей,—„мои руки все равно не должны бы удержаться отъ убійства".—„Ну, что же",—ободрялъ тотъ,—„вспомните вы, женихи, о браннолюбіи. Съ обнаженнымъ мечомъ дружно нападемъ на этого мужа".—Но прежде чѣмъ онъ достигъ до героя, его поразила смертоносная стрѣла. Безъ одного промаха пускалъ Одиссей стрѣлу за стрѣлою, а Телемакъ между тѣмъ принесъ копья и латы ему и вѣрному пастуху. Труденъ былъ бой, когда колчанъ опорожнился, ибо двѣнадцать щитовъ, копій и шлемовъ хитрый Меланѳій принесъ и женихамъ, и копья летали и въ ту и въ другую сторону. Однако избіеніе жениховъ удалось вполнѣ; только глашатай Медонтъ и пѣвецъ Фемій были пощажены Одиссеемъ.

Страшное дѣло было окончено, и призвана было ключница Эвриклея, чтобы привести преданныхъ женихамъ служанокъ для очистки залы. Она громко ликовала при видѣ струящейся крови и кучъ труповъ. Но Одиссей сказалъ ей съ упрекомъ: „Матушка, радуйся въ душѣ, но удержись отъ ликованія, такъ какъ это грѣхъ. Ихъ поразилъ судъ боговъ и собственная злоба".

Когда залу вычистили и прокурили горячею сѣрой, то призвали Пенелопу. Она же не узнала супруга, который сидѣлъ у огня, испачканный пылью и кровью, и безмолвно остановилась поодаль. Хоть и упрекалъ ее Телемакъ: „Мать, какъ ты безчувственна! Вправду, у тебя въ груди сердце тверже камня", но онъ не тронулъ ея. Даже когда герой омылся и подошелъ къ ней покрытый блестящимъ одѣяніемъ, ростомъ и станомъ уподобимый одному изъ безсмертныхъ, она оставалась не тронутой. Она велѣла выставить кровать, сдѣланную имъ самимъ и приготовить ему ложе. Одиссей нѣкогда вырѣзалъ эту кровать въ дуплѣ масличнаго дерева; она была скрѣплена съ самимъ стволомъ, и никто не зналъ этого скрытаго покоя, кромѣ него и Пенелопы. Поэтому онъ съ досадою спросилъ, кто открылъ и срубилъ кровать. По этому знаку узнала его вѣрная супруга, обвила его руками и поцѣловала его дорогую голову.

„Дочь многоумная старца Икарія; мужу любящимъ
Сердцемъ избранному вѣрность она сохранила, и будетъ
Слава за то ей въ потомствѣ, и въ пѣсняхъ Каменъ сохранится
Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ“.

Другіе поэты разсказываютъ еще о позднѣйшихъ судьбахъ Одиссея, какъ и о странствіяхъ Діомеда въ Гесперію. Также и старецъ Антеноръ, всегда совѣтовавшій выдать похищенную Елену и нѣкогда радушно угощавшій героевъ Менелая и Одиссея, по преданію, спасся отъ пожара Трои, какъ уже сообщено выше. На картинѣ въ Лесхѣ въ Дельфахъ было изображено его бѣгство изъ дома своихъ предковъ.

ГРАЖДАНСКОЕ УСТРОЙСТВО, НРАВЫ И КУЛЬТУРА

Гражданское устройство въ то древнее время, которое описывается въ поэмахъ Гомера, было такъ же просто, какъ жизнь вообще. Каждый городъ вмѣстѣ съ принадлежащей къ нему областью имѣлъ главу, царя, который, будучи изъ рода божественнаго происхожденія, исправлялъ свою должность какъ дарованную богами привиллегію. Въ общемъ царское достоинство было наслѣдственнымъ въ семьѣ правителя, однако, наслѣдникъ долженъ былъ въ то же время умѣть поддерживать уваженіе къ себѣ своими личными способностями. Въ противномъ случаѣ онъ всюду встрѣчалъ противорѣчіе, ибо у него не было другихъ средствъ добиться повиновенія себѣ, кромѣ такихъ, которыя доставляло ему владѣніе богатыми землями и прочимъ имуществомъ, особенно же выдающійся умъ и военныя способности. Такія преимущества собирали вокругъ него значительную свиту, бывшую подлѣ него во всѣхъ предпріятіяхъ. Онъ былъ главнокомандующимъ на войнѣ, охранителемъ общественной безопасности и верховнымъ судьею въ спорахъ. Вмѣстѣ съ нимъ засѣдали въ совѣтѣ аристократы страны, нерѣдко рѣшавшіеся порицать его самого, обыкновенно же подчинявшіе свое мнѣніе его авторитету. При важныхъ обстоятельствахъ созывалось собраніе всего народа; но и тамъ говорили только вожди; большая масса, бывшая мало способной къ публичной рѣчи, молчала и подчинялась рѣшенію вождей, а если случалось, что простолюдинъ выражалъ свое не-

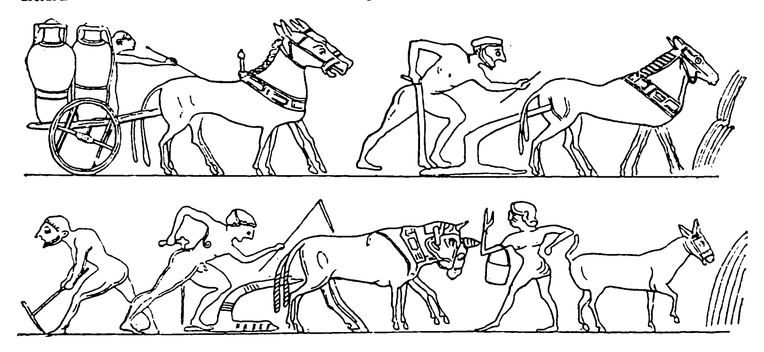
согласное мнѣніе, то на него могли посыпаться бранныя слова и насмѣшки, даже удары, какъ это произошло съ Ѳерситомъ въ собраніи войска подъ Троей. Часто собраніе крикомъ давало знать объ одобреніи или неодобреніи, однако глашатаи призывали его къ порядку и заставляли его замолчать. Но тѣмъ не менѣе общественнымъ мнѣніемъ, выражавшимся на собраніи, ничуть не пренебрегали, а по возможности принимали его во вниманіе.

Какъ плохо дѣло обстояло съ общественной безопасностью и соблюденіемъ права, показываютъ уже предыдущіе разсказы, особенно безстыдство жениховъ въ домѣ Одиссея. Тамъ не нашелся никто, кто бы имъ далъ отпоръ и защитилъ притѣсняемую Пенелопу. Лучшей охраной были крѣпкій кулакъ и надежные родственники и друзья. Въ древнѣйшее время только одни послѣдніе мстили за убіеніе какого-либо изъ своихъ родственниковъ; позднѣе, представляли себѣ мстителями боговъ и старались умилостивить ихъ жертвоприношеніями, но платили, вѣроятно, и пеню родственникамъ. Что обществу, какъ таковому, наносится оскорбленіе совершеннымъ преступленіемъ, и что оно поэтому должно злодѣя привлечь къ наказанію, такое представленіе не находило еще мѣста въ народномъ правовомъ чувствѣ. Правда, существовало нѣкоторое чувство права, чести и общественнаго благосостоянія, но оно еще не пришло въ ясное сознаніе, и требовались сильныя возбудительныя средства, чтобы вызвать его на дѣло, какъ это доказываетъ ополченіе противъ Иліона, вызванное похищеніемъ знаменитой женщины и оскорбительнымъ нарушеніемъ права гостепріимства.

Царская власть была ограничена, не столько совѣтомъ знати (βουλή) и народнымъ собраніемъ (ἀγορά), сколько недостаткомъ правительственныхъ средствъ по отношенію къ свободнымъ землевладѣльцамъ. Лишь въ болѣе позднее время, когда устройство и правовыя отношенія развились яснѣе, эти народныя учрежденія достигли дѣйствительнаго значенія и превзошли и вытѣснили, наконецъ, значеніе царей. Во время героическаго періода между правителемъ и народомъ существуютъ еще патріархальныя отношенія: первый управляетъ дѣлами своихъ хотя и совершеннолѣтнихъ, но все же еще болѣе или менѣе зависимыхъ дѣтей.

Совершенно схоже обстояло дѣло въ домѣ, въ лонѣ семьи. Жена вовсе не была безвольной рабой мужа, какъ это было на востокѣ, но была подлѣ мужа, какъ его подруга, совѣтница и

соуправительница имущества. Она была ему подчинена, какъ благородные царю, въ общемъ управленіи, но въ управленіи женской прислугой, въ поощреніи и опредѣленіи женскихъ работъ она была довольно самостоятельна; часто она участвовала въ совѣтѣ мужей и высказывала свое мнѣніе, и охотно слушали ея разумную рѣчь и слѣдовали ея совѣту, если онъ казался цѣлесообразнымъ. Но какъ жена была связана съ мужемъ не только общими интере-

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ
(ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ НА ЧАШѢ ВЪ ЛУВРѢ).

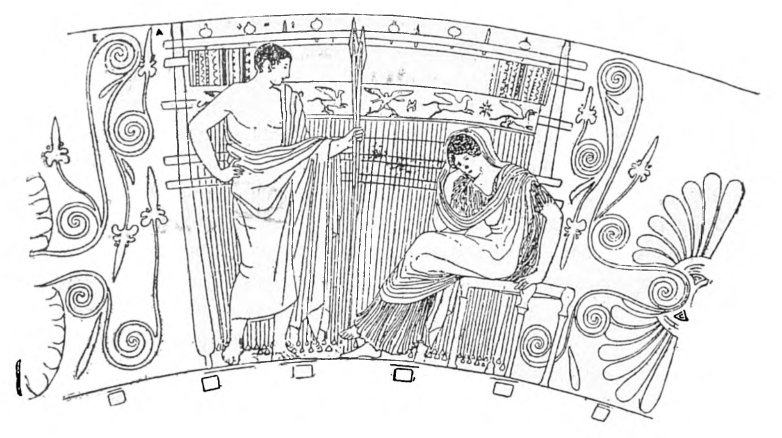
Верхній рис.: направо запряженный мулами плугъ, рукояткой котораго мужчина управляетъ правой рукой, въ то время какъ лѣвой ногой онъ наступаетъ на плугъ, чтобы дать ему глубже забирать почву; хлыстомъ въ лѣвой рукѣ онъ погоняетъ животныхъ. Налѣво двухколесная, тоже запряженная мулами повозка, на которой стоятъ два закрытыхъ сосуда, похожихъ на амфоры; рядомъ идетъ погонщикъ со своей палкой. **Нижній рис.:** Прежде всего справа находится мулъ безъ упряжи; позади его мужчина, держа корзину съ посѣвомъ. Затѣмъ налѣво слѣдуетъ запряженный двумя волами плугъ, за которымъ пахарь дѣлаетъ то-же, что и изображенный въ верхнемъ рисункѣ. Позади его мужчина, мотыкой раздробляющій взрыхленныя глыбы земли. Очевидно дѣло идетъ здѣсь о трудной работѣ взрыванія, для которой преимущественно употребляли болѣе сильныхъ воловъ, въ то время какъ для болѣе легкаго вторичнаго вспахиванія предпочтеніе отдавали болѣе быстрымъ муламъ.

сами, но прежде всего сердечнымъ расположеніемъ, такъ дѣло обстояло и со взрослыми дѣтьми.

Сыновья поддерживали и возвышали честь отца и дома, дочери своими добродѣтелями были лучшимъ украшеніемъ семьи, и, если они отклонялись отъ похвальнаго обычая, то подвергались тяжкимъ наказаніямъ. Узы родственной любви, которая впослѣдствіи слишкомъ поглощалась любовью къ государству, охватывали всѣхъ членовъ семьи. Утѣшительно, что эти отношенія, созданныя материнской рукой природы на радость людей, въ тѣ времена насилія выступаютъ такъ нѣжно и прекрасно именно у эллиновъ, между тѣмъ какъ у азіатскихъ народовъ, преданныхъ полигаміи, они мало соблюдаются, часто даже прерываются гнус-

ными преступленіями и попираются ногами. Доказательства этому сравненію представляетъ намъ исторія какъ вавилонянъ, мидянъ и персовъ, такъ и народа израильскаго.

Къ хозяйству причислялись и слуги, также принимавшіе участіе въ благоденствіи и несчастіи семьи. Они были, правда, плѣнные или купленные рабы, но въ общемъ съ ними обходились мягко. Испы-

ПЕНЕЛОПА ЗА ТКАЦКИМЪ СТАНКОМЪ

(ПО АНТИЧНОМУ ИЗОБРАЖЕНІЮ).

Этотъ ткацкій станокъ, на величину котораго слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ вѣроятно большая часть ихъ въ древности или всѣ,—прямой, за которымъ, стоя, работали на вертикально повисшей основѣ. Справа и слѣва мы видимъ два крупныхъ бруса, наверху соединенныхъ перекладиной, но нити основы прикрѣплены къ немного ниже помѣщенной перекладинѣ, на которую навернутъ уже, какъ видно, значительный кусокъ готовой, снабженной всякими узорами ткани. Онѣ натянуты маленькими, внизу привязанными къ нимъ гирями. Пріискиваніе нитей основы, смотря по требованію узора, происходило вѣроятно только съ помощью руки. Получался ли утокъ посредствомъ челнока или иглы, также не видно изъ рисунка.

танныхъ вѣрныхъ рабовъ ставили, дѣйствительно, почти въ уровень съ членами семьи. Свинопасъ Эвмей имѣлъ много рабовъ подъ своимъ начальствомъ; со слезами радости онъ цѣловалъ любимаго сына своего хозяина, когда тотъ вернулся изъ опаснаго путешествія.

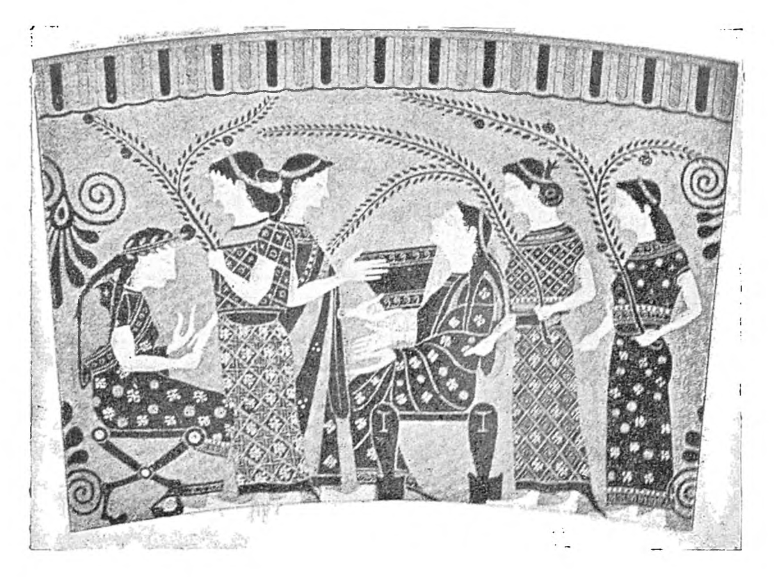
Положеніе такихъ слугъ въ богатыхъ домахъ было гораздо лучше положенія простолюдиновъ, нанимавшихся для земледѣлія у помѣщиковъ за кормъ и одежду. Судьба этихъ свободныхъ поденьщиковъ, не владѣвшихъ собственной пашней, во многихъ мѣстахъ описывается, какъ въ высшей степени печальная. У нихъ

не было постояннаго жилища и даже родины, они по произволу могли быть увольняемы и тогда принуждены бывали терпѣть голодъ и горе, если вскорѣ не находили снова занятія. Имъ свобода мало приносила пользы, ибо они постоянно были рабами нужды.

Главнымъ занятіемъ эллиновъ, свободныхъ какъ и не свободныхъ, было скотоводство и земледѣліе. Одиссей хвалился своею ловкостью въ управленіи плугомъ, Гераклъ и троянскій царевичъ Парисъ пасли стада. Скотоводство и земледѣліе доставляли этимъ простымъ людямъ все, что было имъ нужно для поддержанія и для удобства жизни. На ихъ, не истощенныхъ еще, поляхъ хлѣбъ родился въ изобиліи; тамъ росли маслины и давали свои плоды, частью съѣдавшіеся, частью доставлявшіе масло, необходимое для приготовленія другихъ кушаній и для натиранія тѣла; тамъ въ пышномъ изобиліи вилась виноградная лоза и пріятнымъ сокомъ своихъ ягодъ услаждала царей и рабовъ. Милостивое небо, прелестный климатъ рѣдко допускали возникновеніе недорода и нужды. Рогатый скотъ, козы и овцы доставляли молоко, мясо и одежду; усердно занимались и разведеніемъ щетинистыхъ свиней, и изжаренное мясо ихъ на празднествахъ ѣли съ большимъ аппетитомъ. Шкуры животныхъ употреблялись на одежду и оружіе; косматый плащъ, шлемъ, щитъ и панцырь изъ бычачьей кожи,—послѣдніе часто обитые металломъ,—были необходимы въ мирѣ, какъ и на войнѣ. Обработкой овечьей шерсти занимались женщины. Онѣ при помощи веретена пряли пряжу и на ткацкомъ станкѣ ткали матерію для платья и покрывала, особенно также для искусныхъ ковровъ. Полотно, хлопчатая бумага и шелкъ были малоизвѣстны, или же совершенно неизвѣстны.

Что же касается одежды, то первоначальнѣйшимъ родомъ ея у грековъ, какъ и у всѣхъ Индоевропейцевъ, была одежда изъ шкуръ животныхъ, которая въ отдаленныхъ областяхъ, въ особенности въ горахъ, у болѣе бѣднаго населенія сохранилась даже до позднѣйшихъ временъ. Рядомъ съ нею—вѣроятно соотвѣтственно высокому расцвѣту скотоводства—рано появилось употребленіе шерсти. Носили платья, сотканныя изъ шерсти, и притомъ свободно надѣваемыя, большею частью скрѣплявшіяся на плечахъ булавками или застежками; и при томъ хлэна мужчинъ въ существенномъ была однородна съ пеплосомъ женщинъ: мужчины кромѣ того носили еще поясъ на бедрахъ.

Сношеніями съ востокомъ, особенно съ Египтомъ, была вызвана громадная перемѣна въ одеждѣ. Оттуда перешла выдѣлка полотна и вмѣсто свободно накинутой шерстяной матеріи, державшейся только застежкой и под., стали носить настоящее платье, выкроенный и сшитый хитонъ (родъ рубахи), который, плотно прилегая, покрывалъ все тѣло и оставлялъ свободными только

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА
(ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ НА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ ДРЕВНѢЙШАГО СТИЛЯ).

Видно, что женщины снизу носятъ юбку (хитонъ) безъ складокъ, плотно прилегающую къ тѣлу и подвязанную на бедрахъ, а сверху кофту, тоже безъ складокъ, но болѣе широкую, свободно висящую на груди, и большей частью на столько короткую, что она не совсѣмъ доходитъ до таліи. Подъ нею часто видиѣтся еще нижнее платье (верхняя половина хитона), покрывающее верхнюю часть тѣла.

руки (сравн. рисунокъ). Со времени переселенія дорянъ снова стала болѣе и болѣе появляться древнегреческая шерстяная одежда, однако хитонъ сохраняли. Мужчины носили его, какъ нижнее платье, и надъ нимъ, при выходѣ изъ дому, какъ верхнее платье—шерстяную хлэну, большею частью окрашенную въ пурпурный цвѣтъ и часто разукрашенную искусными узорами. То была одежда 9-го и 8-го вѣка до Р. Хр., какъ описана она въ поэмахъ Гомера. Въ мирное время и при праздничныхъ случаяхъ носили

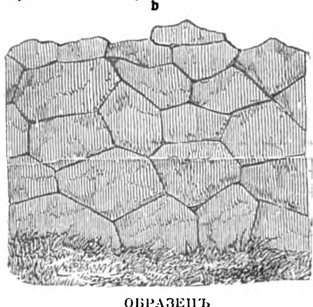
длинный хитонъ, для работы и на войнѣ — короткій. Женщины носили въ это время по древнегреческому обычаю одно только бѣлошерстяное платье, пеплосъ, который на плечѣ скрѣплялся булавками или застежками, а въ серединѣ перехватывался поясомъ; застежки замыкали открытую сторону. Спереди пеплосъ былъ короче, между тѣмъ какъ сзади волочился онъ длиннымъ шлейфомъ.

Раздѣленіе ремеслъ было совершенно неизвѣстно. Платья, оружіе, орудія и домашнюю утварь всякій выдѣлывалъ себѣ самъ, какъ умѣлъ. Однако, были и мастера, выдѣлывавшіе изъ металла и дерева отличное оружіе, утварь и украшенія. Таковыми называютъ Смилида и Дэдала, строителя лабиринта на Критѣ, хотя эти и другія имена обозначаютъ, можетъ быть, только работы, именно σμίλη (смилэ) означаетъ рѣзецъ и ваятеля, δαίδαλον (дэдалонъ)—рѣзную работу. Первыми, долженствующими считаться дѣйствительно историческими, мастерами могли быть Главкъ изъ Хіоса, который около 690 г. до Р. Х. изобрѣлъ пайку желѣза, Дипёнъ и Скиллидъ изъ Крита, первые ваятели изъ мрамора, съ ихъ учениками, лакедемонскими художниками Гегиломъ и Ѳеоклесомъ, далѣе Рёкъ и Ѳеодоръ съ Самоса, изобрѣтатели плавки бронзы (около 700 г. до Р. Х.).

Отъ описанныхъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ богато разукрашенныхъ щитовъ, отъ выложенныхъ серебромъ и золотомъ креселъ и отъ драгоцѣнной скульптурной работы, отъ предметовъ, блескъ которыхъ кромѣ того отчасти будетъ только поэтическимъ украшеніемъ, естественно ничего болѣе уже не существуетъ; но за то тамъ и сямъ еще сохранились остатки развалинъ замковъ, городскихъ воротъ и другихъ построекъ, которыя даютъ намъ понятіе о тогдашней архитектурѣ.

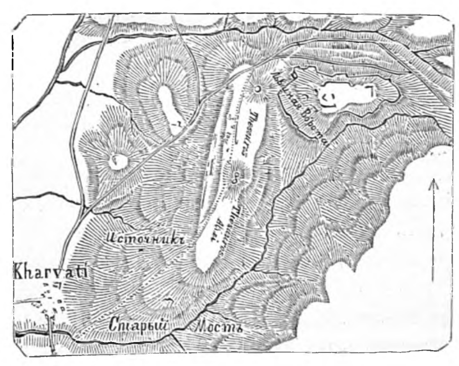
Древнѣйшія постройки. Древнѣйшія каменныя постройки состояли изъ нагроможденныхъ другъ на друга огромныхъ, каменныхъ глыбъ, большею частью не отесанныхъ, неправильныхъ многоугольниковъ, которые безъ известковой связи по возможности точно прилаживались другъ къ другу, такъ что они твердо лежали, благодаря собственной тяжести, и образовывали крѣпкую, хотя и неровную стѣну. Промежутки заполнялись щебнемъ. Эти стѣны называютъ киклопическими, потому что думали, будто исполинскій родъ киклоповъ воздвигнулъ эти, правда, грубыя, но громадныя сооруженія. Остатки отъ нихъ

находятъ особенно среди развалинъ, отмѣчающихъ древній Тиринѳъ и знаменитыя Микены на Аргивскомъ полуостровѣ, затѣмъ и въ другихъ частяхъ Эллады, и даже разсѣянными тамъ и сямъ въ горахъ и долинахъ Пинда и Олимпа, также въ Эпирѣ и Македоніи, какъ упомянуто было уже раньше.

ОБРАЗЕЦЪ
КИКЛОПИЧЕСКОЙ СТѢНЫ.

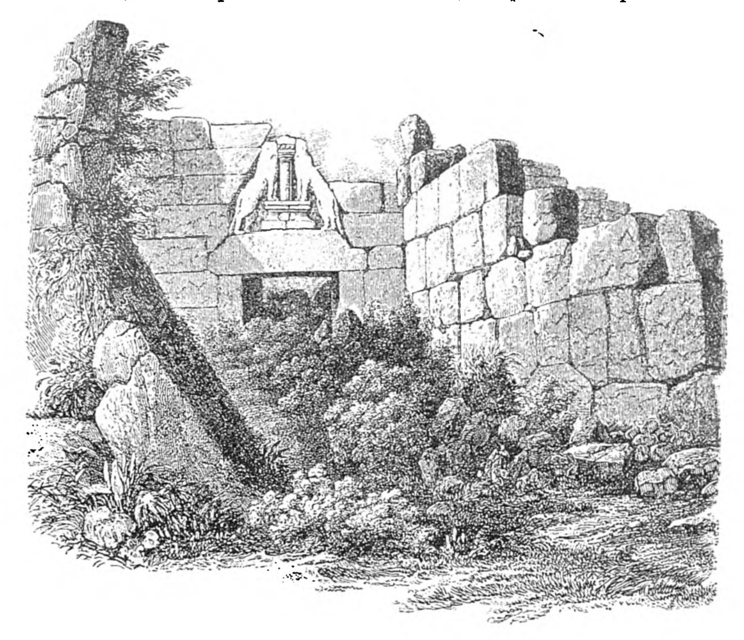
Изъ этого перваго, нескладнаго рода построекъ возникъ другой, изъ старательно обтесанныхъ, многоугольныхъ каменныхъ глыбъ, пазы которыхъ точно подходили другъ къ другу, вслѣдствіе чего и не нуждались въ известковой связи. Еще встрѣчаются гробницы этого рода съ кругообразнымъ каменнымъ основаніемъ, конусообразнымъ землянымъ курганомъ и завершающей покрышкой изъ камня. Гораздо замѣчательнѣе и значительнѣе—царскіе дома и такъ называемыя сокровищницы (въ дѣйствительности,—могильные склепы). Изъ развалинъ царскаго дома въ Микенахъ особенно сохранились Львиныя ворота, важный памятникъ древнѣйшаго греческаго (?) искусства. Они выстроены пирамидально; на косякахъ находится притолока, служащая основаніемъ треугольнику съ тонкой треугольной каменной плитой изъ желтоватаго известняка. На этомъ ключѣ въ сводѣ помѣщены рельефныя изображенія двухъ львовъ, вздымающихся къ колоннѣ, расчлененной легкими линіями. Внутреннія помѣщенія, особенно уставленные колоннами чертоги царскихъ дворцовъ, были богато убраны украшеніями изъ металла, слоновой кости и янтаря.

ПЛАНЪ МИКЕНЪ.

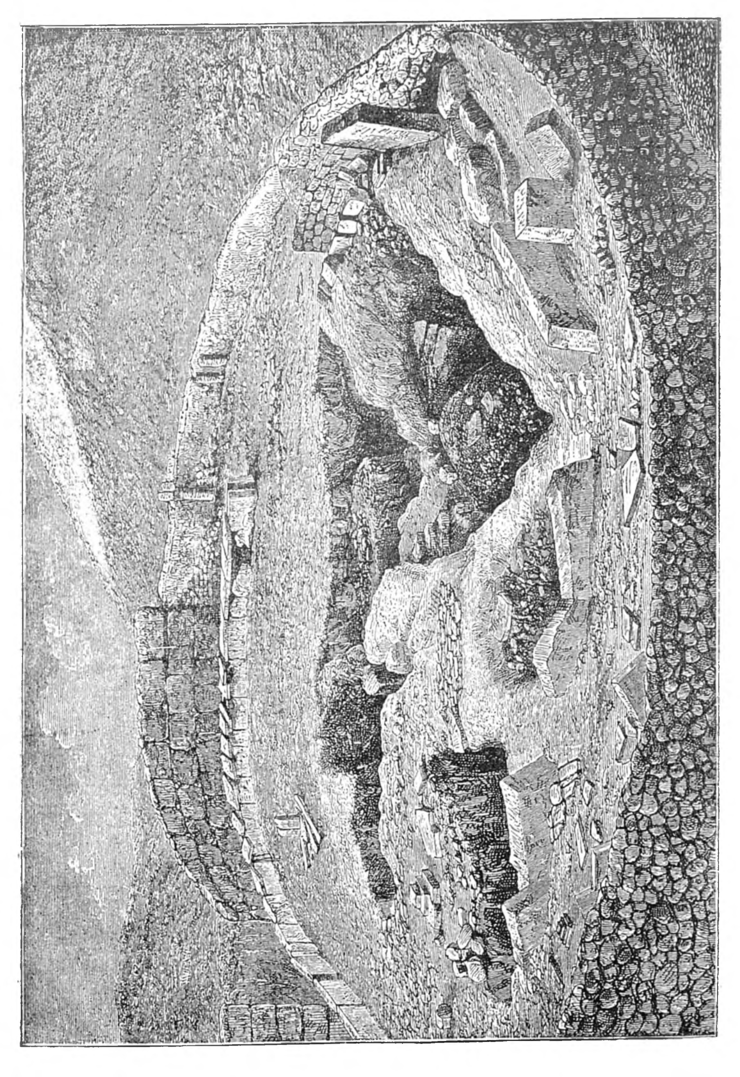
Дворецъ Одиссея, по указаніямъ Гомера,

можно представить себѣ приблизительно въ видѣ четыреугольника, очень растянутаго въ длину, не такъ правильнаго, какъ это кажется на различныхъ планахъ, но окруженнаго зубчатой стѣною. На узкой передней сторонѣ установлены скамейки справа и слѣва отъ входа. Сначала входишь на хозяйственный дворъ, гдѣ направо помѣщается собачья конура, далѣе у боковой стѣны—конюшни. У находящагося передъ глазами настоящаго фасада открываются

ЛЬВИНЫЯ ВОРОТА ВЪ МИКЕНАХЪ.

двѣ галлереи для убойнаго скота, далѣе влѣво кухня съ коническимъ потолкомъ. Между галлереями входъ съ двойными воротами. Приходишь на передній или средній дворъ, опять окруженный портикомъ, гдѣ находятъ свой ночлегъ чужестранцы. По обоимъ бокамъ—хозяйственныя помѣщенія, изъ которыхъ послѣднее слѣва составляетъ комнату Телемаха. Затѣмъ слѣдуютъ сѣни, справа ограниченныя баней, слѣва кладовою, затѣмъ главное помѣщеніе, мужская зала, съ колоннами по бокамъ, для пиршествъ,

АГОРА ВЪ МИКЕНАХЪ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

гдѣ пировали женихи и, наконецъ, сражены были рокомъ. Въ ней слѣва дверь на боковой дворъ, съ котораго ведетъ лѣстница въ верхній этажъ. Сбоку за мужскою залой находится рабочая комната царицы съ колоннами и очагомъ, по обѣимъ сторонамъ кладовыя, налѣво дверь на лѣстницу, ведущую въ верхніе женскіе покои, направо спальня, которая пристроена къ маслинѣ со сдѣланною Одиссеемъ кроватью. Сюда прилегаетъ задній дворъ, гдѣ занимается своимъ дѣломъ женская прислуга.

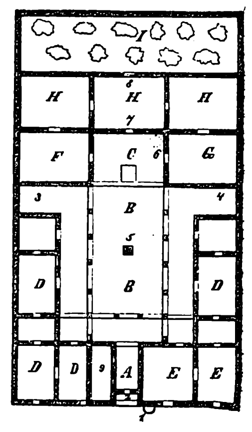
,,Дворецъ'' Одиссея такимъ образомъ въ цѣломъ представляется крайне простымъ, приблизительно въ видѣ двора помѣщика, снабженнаго хозяйственными постройками.

Греческій домъ вообще былъ въ главныхъ частяхъ своихъ подобенъ описанному царскому дому. Онъ можетъ быть изображенъ только по указаніямъ древнихъ писателей, такъ какъ не сохранилось никакихъ остатковъ. Впрочемъ, приблизительно одинаковое устройство помѣщеній находимъ и въ римскомъ домѣ, строившемся по образцу греческаго (?)*. Передъ домомъ обыкновенно стоялъ жертвенникъ Гермеса, рядомъ съ нимъ направо жертвенникъ Аполлона Агіея или колонна съ изображеніемъ наверху ея бога. Къ главному входу вели нѣсколько ступеней. Черезъ дверь входили въ сѣни A, проходъ между хлѣвами E на одной сторонѣ, и помѣщеніями для привратниковъ 9 и для другихъ рабовъ D на другой. Отсюда приходили во дворъ или большую залу B, которую съ двухъ, часто также со всѣхъ четырехъ сторонъ окружали колоннады. Справа и слѣва отъ этихъ колоннадъ или стой находились внѣшнія помѣщенія для пиршествъ и меньшія комнаты для визитовъ, вѣроятно и кладовыя D. На противоположной отъ входа сторонѣ было открытое продолженіе залы, пріемная C, называемая Простасъ, которую окружали двѣ спальни F и G. Здѣсь кончалась мужская половина, андронитисъ, и начиналась женская гинэконитисъ H. За послѣдней находился домовый садъ I. Такое устройство имѣли небольшіе дома. Въ дворцахъ же за мужской половиной слѣдовалъ коридоръ, затѣмъ зала съ колоннами, окруженная, какъ и первый, жилыми и рабочими комнатами женщинъ, гдѣ происходили обыкновенные обѣды. Но, вѣроятно, помѣщенія женщинъ во многихъ домахъ находились въ верхнемъ этажѣ. Въ

*) По нашему мнѣнію, это заявленіе неудачно. *Примѣч. ред. перевода.*

нишахъ двора, alae (3 и 4), стояли изображенія домашнихъ боговъ, на главномъ дворѣ (у 5) жертвенникъ Зевса Геркея, въ Простасѣ (у 6)—жертвенникъ Гестіи.

Искусство украшаетъ жизнь. Поэтому какъ только человѣкъ выходитъ изъ грубаго первобытнаго состоянія, изъ трудной борьбы за необходимѣйшія потребности и достигаетъ болѣе покойнаго наслажденія, онъ старается творить прекрасное и пріобрѣтать его себѣ. Его жилище, его обстановка, его утварь—первые предметы, которымъ онъ стремится придать художественный образъ; затѣмъ онъ рѣшается на образное изображеніе того, что почитаетъ божественнымъ.

ПЛАНЪ ГРЕЧЕСКАГО ДОМА.

Благодаря такимъ стараніямъ, мало-по-малу возникли первые зачатки зодчества, ваятельнаго искусства и живописи. Но обращеніе съ камнемъ, металломъ и красками требуетъ долгой подготовки, прежде чѣмъ оно можетъ возвыситься до изображенія соразмѣрности, красоты, вообще до искусства. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ изображеніемъ при помощи языка. Послѣдній есть не только средство взаимнаго сообщенія простыхъ фактовъ, но онъ въ то же время есть и выраженіе всего того, что волнуетъ душу человѣка, и часто бываетъ виновникомъ рѣшеній, ведетъ къ дѣяніямъ. Почти безсознательно человѣкъ знакомится съ его силою и пользуется имъ съ искусствомъ, сообразно съ цѣлью.

Поэзія. Уже въ миѳическое время пѣлись гимны въ честь боговъ, или высказывалась имъ благодарность за ихъ благодѣянія, обращались къ нимъ съ просьбами и воспѣвали ихъ могущество и величіе, или же въ серьезныхъ, часто мрачныхъ мотивахъ обращались къ подземнымъ богамъ и жаловались на быстро увядающую жизнь природы и человѣка. Постепенно образовались устойчивыя ритмическія формы для каждаго богослужебнаго торжества, и возникли пѣвческія школы, гдѣ упражнялись въ этихъ формахъ и развивали ихъ дальше.

Выдающимися пѣвцами въ этихъ кружкахъ преданіе называетъ намъ Эвмолпа и Мусея, пересадившихъ священные гимны въ Аттику, Олена, изобрѣтателя хорового пѣнія, Өамирида, который будто-бы дерзнулъ на состязаніе съ музами, и другихъ. Изъ Піеріи, өракійской области къ сѣверу отъ Олимпа, пришли будто-бы въ Грецію музы и въ ихъ свитѣ—первые пѣвцы. Можетъ быть, сказаніе это возникло оттого, что изъ среды суроваго, преданнаго таинственному поклоненію природы, өракійскаго народа переселились въ Элладу жрецы съ загадочными, темными произведеніями поэзіи и ввели тамъ культъ своихъ боговъ.

Древнѣйшимъ пѣвцомъ отмѣчаютъ уже прежде названнаго Орфея, отечествомъ котораго будто-бы была та же Піерія. Звѣри лѣсные, скалы и рощи приходили отъ его пѣсни въ волненіе, насколько же больше сердца людей, которымъ онъ въ своихъ пѣсняхъ давалъ руководство къ богослуженію и законному порядку! Такимъ образомъ, по этому прелестному сказанію, поэзія была тѣмъ, чѣмъ она должна была быть, виновницей похвальныхъ, благочестивыхъ обычаевъ. Когда жена его Эвридика умерла отъ укушенія змѣи, Орфей проникъ въ подземное царство. Звуки его смягчили безкровныхъ тѣней и неумолимыхъ Эвменидъ, и даже мрачнаго Аида, такъ что тотъ обѣщалъ, что Эвридика послѣдуетъ за супругомъ на бѣлый свѣтъ, если онъ на пути не оглянется на нее. Онъ же, уже приближаясь къ небесному свѣту, не могъ устоять противъ страстнаго желанія, оглянулся и вслѣдъ за тѣмъ навсегда былъ разлученъ съ возлюбленной женой. Въ нѣмомъ горѣ семь дней онъ сидѣлъ у быстротечнаго Гебра и затѣмъ, сѣтуя, блуждалъ по горамъ Гема, гдѣ растерзали его бѣшеныя мэнады. Вокругъ могилы на островѣ Лесбосѣ, подъ которой покоилась его голова, гнѣздились соловьи и пѣли тамъ прекраснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Поэмы о происхожденіи боговъ, приписываемыя Орфею, гораздо позднѣйшаго происхожденія; однако онѣ, можетъ быть, тамъ и сямъ заключаютъ въ себѣ еще очень древнія преданія, которыя нашептывали жрецы въ рощахъ въ Додонѣ и подъ пиніями Парнаса во время жертвоприношеній. Что такія преданія позже еще существовали, доказываетъ такъ называемое орфейское братство, союзъ лицъ, сообразжавшихъ свое богопоклоненіе и образъ жизни съ древними таинственными ученіями и въ особенности воздерживавшихся по образу индійскихъ брамановъ отъ всякой мясной пищи.

Подобная, но болѣе простая теогонія или ученіе о происхожденіи боговъ приписывается Гесіоду, поэту изъ Аскры, въ Беотіи, близъ Геликона, на которомъ, какъ онъ утверждалъ, онъ былъ посвященъ въ поэты. Въ благодарность за то онъ посвятилъ музамъ треножникъ съ красивыми ручками, полученный

ОРФЕЙ, ИГРАЮЩІЙ НА ЛИРѢ
(ПО ЖИВОПИСИ НА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ).

Пѣвецъ въ фригійско-ѳракійской одеждѣ сидитъ на скалѣ и играетъ на цитрѣ, сладкое благозвучіе которой обозначается внимательно прислушивающейся серной у его ногъ. Напротивъ него стоятъ двое ѳракійскихъ юношей, движенія рукъ которыхъ совершенно ясно содержатъ приглашеніе принять участіе въ ихъ увеселеніяхъ; одинъ снабженъ двумя охотничьими копьями и носитъ гамаши, у другого въ лѣвой рукѣ большая раковина, относительно которой неизвѣстно, считать ли ее духовымъ инструментомъ или рогомъ для питья. Но горюющій Орфей остается холоднымъ не только къ этимъ соблазнамъ, но и къ прелестямъ любви, какъ можно заключить изъ жестовъ двухъ женщинъ, показывающихся позади его сидѣнія. Одна, ближе стоящая, очевидно томится любовью къ пѣвцу; другая старается ее утѣшить.

имъ, какъ призъ въ мусическомъ агонѣ (состязаніи) въ Халкидѣ на праздничныхъ играхъ царя Амфидаманта. Священный гротъ въ критскихъ горахъ, гдѣ нѣкогда новорожденный Зевсъ былъ скрываемъ отъ отца своего Крона, какъ и камень въ Дельфахъ, проглоченный послѣднимъ вмѣсто сына, поэтъ самъ видѣлъ и таким образомъ во всякомъ случаѣ слышалъ пѣсни жрецовъ объ этихъ чудесахъ. Впрочемъ какъ форма, такъ и содержаніе его поэмы доказываетъ, что онъ не могъ жить раньше 800 года до Р. Х. То же самое явствуетъ изъ другой приписываемой ему дидакти-

ческой поэмы: „Труды и дни“, собранія правоучительныхъ изреченій и правилъ жизни, имѣющихъ цѣлью физическое и нравственное исправленіе людей и характеризующихъ духъ времени, въ которомъ блескъ геройства поблекъ уже передъ практическими интересами жизни. Содержаніе состоитъ изъ наставленій и правилъ по земледѣлію, мореплаванію, общественной и домашней жизни, однимъ словомъ изъ массы экономическихъ наставленій. Мы приводимъ нѣсколько стиховъ:

Друга радушно зови на обѣдъ, никогда же недруга.
Прежде всѣхъ угощай, кто съ тобою живетъ по сосѣдству.
Въ горѣ домашнемъ сосѣдъ появится съ помощью быстро,
Въ чемъ онъ есть, а родной еще поясъ повязывать будетъ.
Сколько лукавый сосѣдъ тебѣ вреденъ, столько жъ полезенъ
Честный; тотъ счастливъ, кому въ удѣлъ таковой достается.
Какъ онъ къ тебѣ справедливъ, такъ и ты ему воздавалъ-бы;
А если можешь, то ты воздавай ему щедрѣе,
Чтобы, на случай нужды, онъ былъ готовъ на услуги.
Другу не предпочитай ты даже кровнаго брата,
Ибо то сердцу его причинило бъ глубокую рану;
Рѣчью лукавой его не обманывай; если жъ онъ первый
Ссору возбудитъ рѣчами враждебными или дѣлами,
Мсти за себя ты вдвойнѣ. Пожелаетъ же вновь подружиться,
Будетъ охотно готовъ справедливо вернуть все обратно—
То его принимай, чтобъ съ другимъ не сошелся онъ другомъ,
И ни словомъ, ни видомъ ты не вспоминай объ обидѣ.
Не упрекай никогда человѣка въ терзающей сердце
Бѣдности; знай, и она вѣдь богами дарована тоже.

Богаче, жизненнѣе и изъ болѣе чистаго источника текла эпическая поэзія, изображеніе дѣлъ боговъ и людей, отличающееся своею простодушной довѣрчивостью и тонкостью чувственнаго воспріятія, какъ и ясной наглядностью изложенія, благозвучіемъ языка и живымъ теченіемъ ритма. Она развилась среди войнъ и передвиженій, колебавшихъ приблизительно въ 12 вѣкѣ до Р. Х. всю Грецію и побудившихъ эолійскія, іонійскія и дорійскія племена къ переселенію въ Малую Азію. Туда они уже принесли съ собою эпически обработанныя и распѣваемыя сказанія о дѣяніяхъ грековъ подъ Троей, и когда они боролись въ горячихъ, но побѣдоносныхъ схваткахъ со старымъ населеніемъ занятыхъ ими странъ—карійцами, мизянами, тевкрами, то пѣсни о войнѣ грековъ въ отмщеніе за злодѣяніе должны

были брать во вниманіе интересъ націи, и это тѣмъ болѣе, что вожди переселенческихъ племенъ вели свое происхожденіе отъ прославленныхъ героевъ національной поэзіи. Такъ возникли эти поэтическія творенія Иліада и Одиссея, которыя мы выше, насколько это было возможно въ узкихъ рамкахъ нашего изложенія, старались наглядно представить со стороны формы и содержанія. Въ нихъ отражаются поэтическое представленіе, ясность и разсудительность эллинскаго духа. Самъ поэтъ остается скрытымъ за своимъ произведеніемъ; его чувства и размышленія нигдѣ не выступаютъ. Онъ развертываетъ свои картины пережитыхъ или узнанныхъ событій, наброшенныя имъ сообразно съ его представленіемъ и просвѣтленныя прелестью фантазіи, только съ цѣлью порадовать и возвысить сердца внутреннею правдою и красотой, при чемъ какъ-бы забываетъ о самомъ себѣ, о своихъ собственныхъ ощущеніяхъ. Такъ сочиняли древніе рапсоды-пѣвцы свои пѣсни и пѣли ихъ въ царскихъ дворцахъ, вѣроятно и въ народныхъ собраніяхъ. Эти поэтическія произведенія не записывались, ибо тогда еще не знали въ Греціи письма; живое слово передавалось изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія другому, чрезъ посредство широко распространенныхъ пѣвческихъ школъ, задача которыхъ состояла въ разработываніи эпической пѣсни, въ декламаціи и передачѣ древнихъ пѣсенъ о герояхъ. Многое утрачивалось, многое расширялось и дополнялось позднѣйшими прибавками, какъ это вызывалось временемъ и обстоятельствами, особенно же поэтической воспріимчивостью народа. Такъ вѣроятно воспѣвалась большая часть событій миѳическаго времени; но эти произведенія не сохранились, а лишь прозаическія извѣстія о нихъ изъ гораздо позднѣйшаго времени. Только пѣсни, имѣвшія сюжетомъ великое національное предпріятіе эллиновъ, завоеваніе Трои, частью были спасены отъ гибели. Вѣроятно онѣ были самымъ лучшимъ, что произвела древняя эпическая поэзія, и что поэтому сохранялось и пѣлось столѣтіями изъ рода въ родъ, какъ унаслѣдованное отъ отцовъ сокровище. Безъ сомнѣнія, при этой изустной передачѣ произошли измѣненія въ формѣ и содержаніи. Относительно Иліады можно доказать, что въ ней соединены Ахиллеида и пѣсни въ честь другихъ героевъ. Одиссея отличается отъ нея въ изображеніи боговъ и божественныхъ существъ своими болѣе рѣдкими сравненіями, затѣмъ—искуснѣе сплетенной

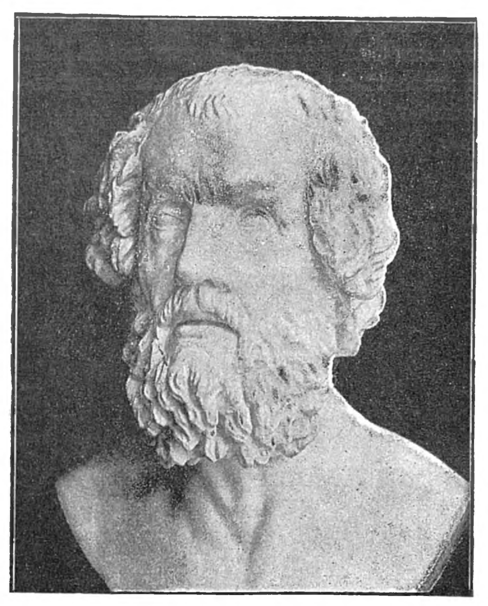
композиціей и болѣе яркой группировкой богатаго обилія эпизодовъ вокругъ одного центра; она принадлежитъ болѣе молодому и болѣе подвинувшемуся впередъ вѣку.

Авторомъ обѣихъ эпопей преданіе называетъ слѣпого старца-пѣвца **Гомера**. Если подобная личность когда-либо дѣйствительно жила, то это, можетъ быть, былъ тотъ изъ странствующихъ рапсодовъ, который усвоилъ себѣ большую часть этихъ произведеній и, согласно съ своимъ представленіемъ, переработавъ ихъ въ одно чудесное національное произведеніе, декламировалъ ихъ во всей ихъ совокупности, между тѣмъ какъ другіе поэты передавали только отдѣльныя пѣсни великаго сказанія о герояхъ. По обычному предположенію, Гомеръ жилъ приблизительно лѣтъ сто спустя послѣ троянской войны. Если послѣднюю полагать около 1200 г. до Р. Хр., то онъ долженъ былъ жить около 1100 до Р. Х. Но оба произведенія, какъ доказано, возникли приблизительно въ 9 столѣтіи, и притомъ въ Іоніи. Эллинскія колоніи въ Азіи были въ это время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, охота къ покойному наслажденію искусствомъ поэтому тогда господствовала гораздо болѣе въ малоазійскихъ колоніяхъ, нежели въ метрополіи, гдѣ наступилъ періодъ броженія и государственнаго развитія, меньше благопріятствовавшій спокойной, обдуманной эпической поэзіи. Господствующее нарѣчіе въ произведеніяхъ Гомера поэтому іонійское.

Сказаніе о Гомерѣ свѣтлымъ, пріятнымъ образомъ заканчиваетъ вѣкъ героевъ. Оно показываетъ, какъ тогда любили и чтили достойныхъ поэтовъ. Пѣвецъ пѣснью и игрою на струнахъ увеселяетъ благородное сословіе и съ другой стороны находитъ радушный пріемъ вездѣ, куда ни обращается. Онъ ослѣпъ; цвѣтистое настоящее ему недоступно, но онъ живетъ въ великомъ прошломъ, богатомъ и красками и дѣяніями, вѣсть о которомъ онъ восторженными устами передаетъ живому поколѣнію. Его слава распространяется изъ города въ городъ, изъ страны въ страну до отдаленныхъ краевъ земли.

Впрочемъ, поэзія у эллиновъ возникла и распустилась одинаковымъ образомъ съ поэзіей другихъ талантливыхъ народовъ. Арійскія племена на Индѣ также пѣли сперва гимны въ честь своихъ естественныхъ боговъ. Когда они послѣ тяжелыхъ войнъ достигли спокойнаго обладанія землей на Гангѣ, и божественныя суще-

ства въ народномъ сознаніи получили образъ и личность, возникли поэмы о герояхъ—Магабгарата и Рамаяна, въ которыхъ боги и герои выступаютъ хотя менѣе ясно и опредѣленно, чѣмъ гомеровскіе, но также величественно въ борьбѣ съ рокомъ и въ

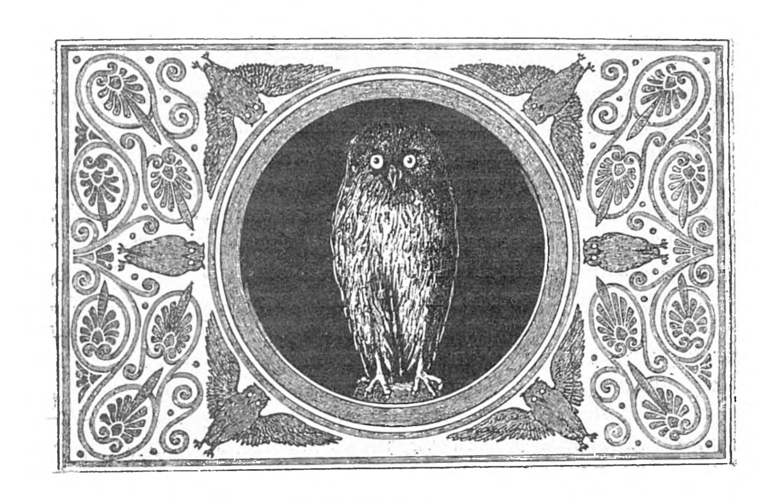

ГОМЕРЪ
(мраморный бюстъ въ неаполитанскомъ музеѣ).

страданіи. Описанія переходятъ часто въ чудовищное и безформенное, но часто они развертываютъ предъ читателемъ картины удивительной нѣжности и прелести, и старецъ герой Фижма не недостоинъ быть сопоставленнымъ съ Ахиллесомъ. Странствующіе торговые люди, искатели приключеній или другіе путешествующіе по дѣламъ Эллины содѣйствовали распространенію поэтическихъ произведеній, и это происходило вѣроятно въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ себѣ это обыкновенно представляютъ, такъ какъ среди греческихъ племенъ господствовала большая охота къ странствованію.

Частью отдѣльные искатели приключеній съ плащемъ вокругъ плечъ, съ копьемъ въ рукѣ, рѣшались, гонимые нуждою, искать себѣ новыхъ мѣстъ жительства, частью дѣлали это, какъ мы видѣли въ теченіе разсказа нашего, цѣлые рои племенъ по сушѣ и по морю. Всѣ они умѣли разсказывать о слѣпомъ пѣвцѣ, благозвучіемъ своей игры на струнахъ и своими чудными поэтическими созданіями волновавшемъ сердца людей. Такъ сталъ Гомеръ представителемъ всѣхъ рапсодовъ, какъ Гераклъ—первообразомъ эллинскихъ героевъ.

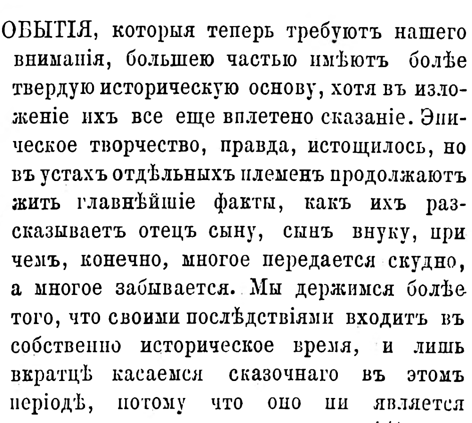

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВРЕМЯ ОБРАЗОВАНІЯ ГОСУДАРСТВЪ

ПЕРЕДВИЖЕНІЯ

ОБЫТІЯ, которыя теперь требуютъ нашего вниманія, большею частью имѣютъ болѣе твердую историческую основу, хотя въ изложеніе ихъ все еще вплетено сказаніе. Эпическое творчество, правда, истощилось, но въ устахъ отдѣльныхъ племенъ продолжаютъ жить главнѣйшіе факты, какъ ихъ разсказываетъ отецъ сыну, сынъ внуку, при чемъ, конечно, многое передается скудно, а многое забывается. Мы держимся болѣе того, что своими послѣдствіями входитъ въ собственно историческое время, и лишь вкратцѣ касаемся сказочнаго въ этомъ періодѣ, потому что оно ни является

14*

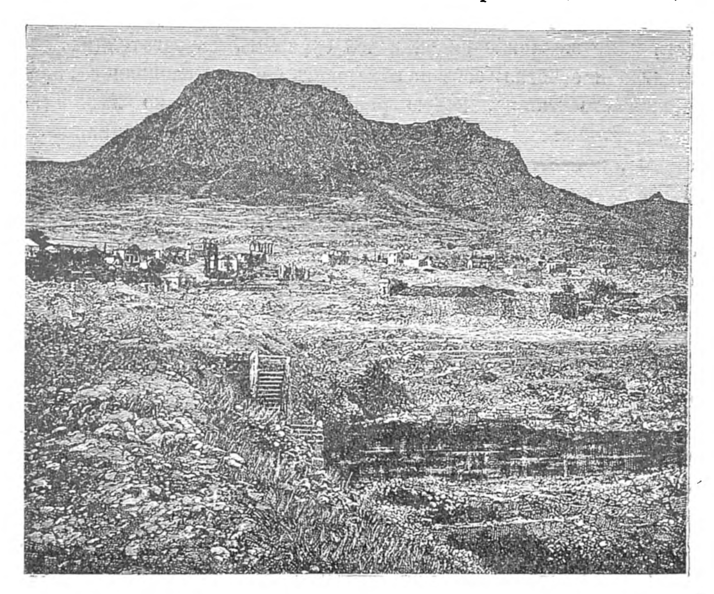
привлекательнымъ по поэтической прелести, ни даетъ намъ возможности ближе войти въ жизнь и стремленія народа.

Товарищи и потомки Геракла были изгнаны Эврисѳеемъ, бывшимъ его хозяиномъ; однако, по смерти его они вернулись, чтобы предъявить свои притязанія на весь Пелопоннесъ. Но Гиллъ, сынъ и наслѣдникъ героя и глава ихъ, былъ убитъ въ единоборствѣ Эхемомъ Тегейскимъ, и тогда они, въ силу клятвой подтвержденнаго договора, на сто лѣтъ должны были отказаться отъ мнимаго права своего и отъ всякаго нападенія. Они нашли защиту и мѣста для поселенія у жившихъ къ сѣверу дорянъ и мало-по-малу слились съ этимъ крѣпкимъ горнымъ народомъ.

Около 1100 или 1000 года,—такъ повѣствуетъ преданіе далѣе,—они, послѣ многократныхъ тщетныхъ попытокъ сына и внука Гилла, въ соединеніи съ новыми союзниками и подкрѣпленные этолянами и локрянами, снова двинулись для наступленія. Три брата: Теменъ, Кресфонтъ и Аристодемъ, правнуки Гилла, стояли во главѣ ихъ. По изреченію оракула, вторженіе должно было произойти съ моря, подъ предводительствомъ трехглазаго мужа. Поэтому въ Навпактѣ на Коринѳскомъ заливѣ были выстроены корабли, нашелся также знающій путеводитель, этолянинъ Оксилъ, который потерялъ одинъ глазъ, но, точно сросшись со своей лошадью, могъ пользоваться ея глазами, какъ если бы они были его собственными. Во время похода Аристодемъ былъ убитъ молніей; на его мѣсто стали два сына его близнецы Эврисѳенъ и Проклъ, такъ что предпріятіе не потерпѣло замедленія. Оно отлично удалось. Побѣдоносная битва сдѣлала Гераклидовъ съ ихъ дорійскими и этолійскими союзниками—хозяевами надъ главной частью Пелопоннеса. Страна тотчасъ была распредѣлена по жребію, причемъ Оксилу досталась плодоносная Элида на западномъ берегу, Темену—аргивскій полуостровъ, сыновьямъ же Аристодема—Спарта, а Кресфонту—Мессенія.

Такъ повѣствуетъ сказаніе. По удостовѣреннымъ извѣстіямъ, толчекъ, приведшій народы въ движеніе, исходилъ изъ Ѳеспротіи, что въ Эпирѣ, старомъ отечествѣ Эллиновъ. Ѳессалійцы, долго сидѣвшіе тамъ мирно, поднялись, можетъ быть, тѣснимые иллирійскими варварами, и перешли хребетъ Пинда. Они разсѣялись по плодоносной Ѳессаліи, получившей отъ нихъ свое названіе.

Старыя племена частью были обращены въ данниковъ, частью въ рабовъ; иные искали защиты въ Аттикѣ или на островахъ; воинственные же Арнейцы съ мечомъ въ рукѣ завоевали себѣ новыя мѣста для поселенія. Они двинулись на югъ, одолѣли Орхоменскихъ минійцевъ и ѳивскихъ Кадмейцевъ и овладѣли плодоносными полями Копайскаго озера. Подобно имъ, и

ВИДЪ ГОРОДА КОРИНѲА (РИС. СЪ ФОТОГРАФІИ).

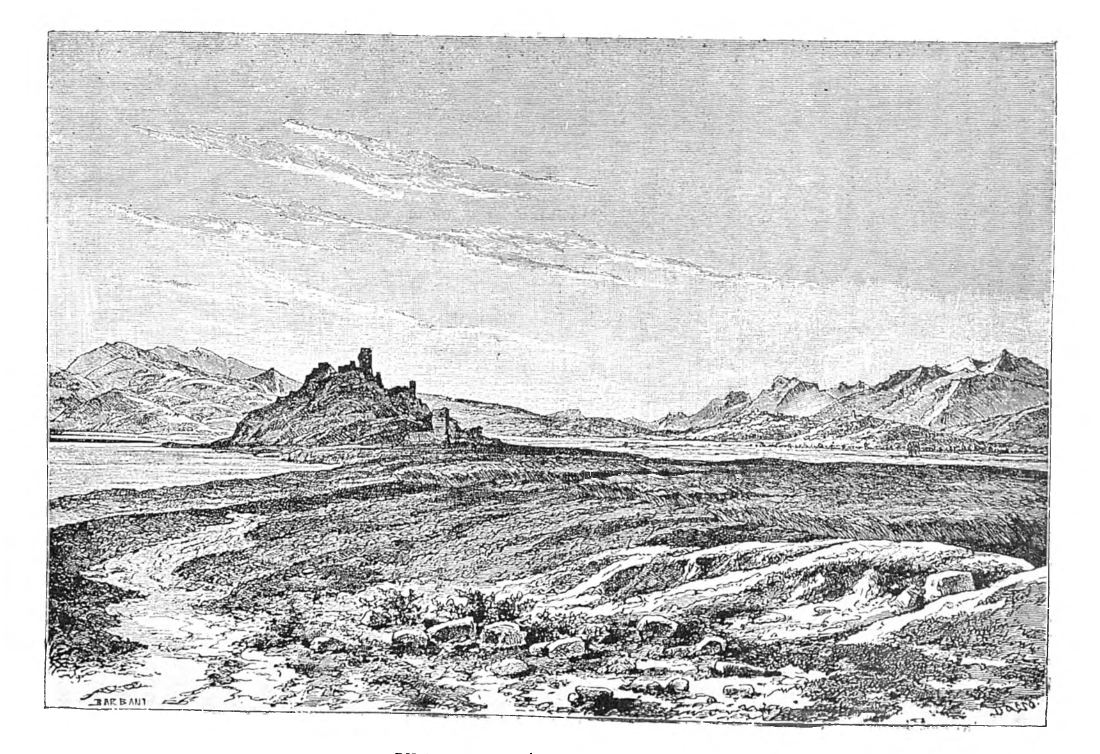
храбрые доряне съ южнаго склона Олимпа двинулись на югъ, и въ нагорной странѣ между Этой и высокимъ Пиндомъ основали небольшое государство Дориду. Но земелька эта была недостаточна массѣ, такъ какъ вскорѣ стеклось сюда много соплеменныхъ переселенцевъ. Большинство поэтому двинулось дальше въ Этолію, гдѣ присоединились другія воинственныя полчища, и достигло, наконецъ, Коринѳскаго залива. На мысѣ Ріонѣ собрали они суда, которыя привели ихъ въ Пелопоннесъ. Многочисленныя полчища покорили тогда эпейцевъ (въ Элидѣ), пилосцевъ и другія племена западнаго побережья, другія же, слѣдуя вверхъ

по Алфею, прошли аркадскую нагорную страну и вступили частью въ Мессенію, гдѣ они заняли Стеникларъ, частью въ Лаконію, гдѣ они поселились на Эвротѣ въ Спартѣ. Оба города трудно доступны съ моря, и это—историческій фактъ, что нижняя долина Эврота, какъ и морское побережье, только гораздо позже и то мало-по-малу подчинились возрастающему могуществу Спарты. Подобное этому было и въ Мессеніи; ахеяне, населявшіе эти области и не желавшіе подчиниться суровымъ завоевателямъ, выселились и основали себѣ на сѣверномъ берегу Пелопоннеса, вдоль Коринѳскаго залива, новую родину, названную по ихъ имени Ахайей. Они вытѣснили оттуда іонянъ, своихъ соплеменниковъ, которые, подвигаясь дальше, нашли убѣжище въ Аѳинахъ.

Въ Арголиду воинственные переселенцы прибыли, вѣроятно, моремъ. Оружіемъ ихъ были побѣждены гордыя Микены; въ Аргосѣ же былъ воздвигнутъ ихъ царскій замокъ, которому мало-по-малу стало подвластно все восточное побережье.

Движеніе среди дорянъ продолжалось, счастье манило къ новымъ походамъ, и отрядъ предпріимчивыхъ воиновъ двинулся на Коринѳъ. На расположенномъ вблизи холмѣ они разбили свой лагерь и тѣснили богатый городъ до тѣхъ поръ, пока онъ не раскрылъ имъ ворота. Но какъ только они здѣсь стали твердой ногой, то двинулись дальше по Исѳму на Мегару. Они добыли себѣ и этотъ городъ, и принадлежащую къ нему область, но, обратившись на востокъ для новыхъ завоеваній, натолкнулись на могущество Аѳинъ, которое положило предѣлъ ихъ побѣдамъ. За то они безъ препятствія перешли на островъ Эгину, гдѣ основали государство, процвѣтавшее впослѣдствіи культурою и морской торговлей.

Заселеніе острововъ. Не всѣ ахеяне, которыхъ мечъ дорянъ изгналъ изъ Лаконіи, нашли себѣ мѣста для поселенія въ Ахайи на Коринѳскомъ заливѣ; многочисленныя толпы перешли Исѳмъ, протѣснились черезъ Беотію, гдѣ присоединилось къ нимъ еще много бѣглецовъ, и у Авлиды достигли моря. Тамъ они добромъ или силою достали себѣ суда, которыя привели ихъ къ скалистому острову Лесбосу. Прежде всего они стали твердой ногой на маленькомъ островкѣ; когда же стало прибывать къ нимъ все больше народа, они покорили себѣ весь островъ и основали городъ Митилену. Новыя толпы изъ Арголиды и Лаконіи достигли мате-

ВИДЪ МЕГАРЫ (РИС. СЪ ФОТОГРАФІИ).

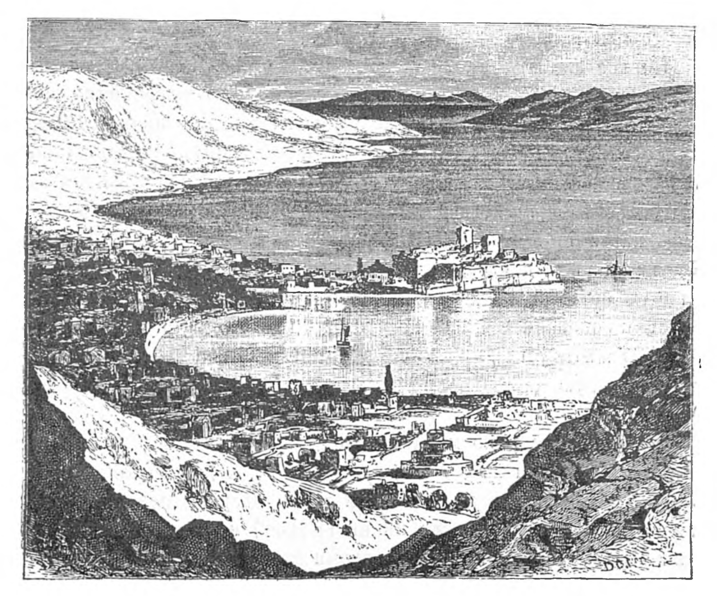
рика Малой Азіи къ югу отъ Лесбоса. Они на побережьѣ Мизіи основали значительный городъ Киме. Изъ этихъ пунктовъ племена, которыхъ называли эолянами, распространялись на островъ Тенедосъ и въ Троаду; они основали города Элею, Мирину и наиболѣе къ югу Смирну по ту сторону Сипила.

Еще значительнѣе было іонійское переселеніе, совершившееся вскорѣ затѣмъ. Въ Аѳинахъ іонянъ и другихъ бѣглецовъ набралось большое число, такъ что при всемъ гостепріимствѣ жителей трудно было содержать ихъ. Но вотъ изъ-за моря проникла вѣсть о цвѣтущихъ островахъ и прекрасныхъ берегахъ Малой Азіи, гдѣ маслина, виноградъ и питательный зерновой хлѣбъ безъ большого труда приносили людямъ обильный доходъ. Тотчасъ же было рѣшено основать себѣ въ тѣхъ краяхъ новое отечество. Корабли были готовы, и во множествѣ стеклись толпы переселенцевъ: іоняне и ахеяне, кадмейцы, минійцы и эоляне, все жадные до добычи и владѣній. Счастіе благопріятствовало поѣздкѣ: кикладскіе острова, богатый всякими произведеніями Хіосъ, какъ и хорошо расположенный Самосъ, были заняты. Послѣдовали новыя поѣздки, давшія переселенцамъ возможность населить большую часть азіатскаго побережья къ югу отъ эолійскихъ колоній. Фокея, Эфесъ, Милетъ, Колофонъ и другіе, всего двѣнадцать городовъ, достигли здѣсь необыкновеннаго процвѣтанія и образовали ставшій вскорѣ столь знаменитымъ іонійскій союзъ.

Да и дорійскіе завоеватели еще не успокоились. Моремъ начали они свой завоевательный походъ, моремъ двигались дальше тѣ, которые не нашли себѣ мѣста въ Пелопоннесѣ. Они поселились на островахъ Мелосѣ, Критѣ и Родосѣ и вскорѣ завладѣли югозападнымъ угломъ малоазійскаго побережья, гдѣ особенно Галикарнасъ, какъ главнѣйшій городъ, разбогатѣлъ и усилился. Также пріобрѣли они владѣніе на Критѣ, помогли вытѣснять финикіянъ и основали Гортину, Кноссъ и Ликтъ. Еще больше расцвѣли ихъ поселенія въ Сициліи, и Сиракузы достигли тамъ значенія, какъ немногіе города въ собственной Элладѣ.

Можетъ-быть, еще раньше толпы дорійскаго племени съ бѣжавшими минійцами спустились съ Тайгета къ берегу и двинулись дальше на спѣшно построенныхъ судахъ и черезъ море на островъ Каллисту (прекрасная страна), который они въ честь такъ-

называемаго вождя своего по его имени назвали Ѳерой. Они нашли хорошій пріемъ у опытныхъ въ искусствѣ сидонянъ, старыхъ жителей островка, познакомились у нихъ съ законными установленіями и доходными ремеслами и за то помогали имъ сильной рукой въ ихъ войнахъ. Когда количество соединеннаго населенія быстро возросло, такъ что оно не находило болѣе про-

ВИДЪ Г. ГАЛИКАРНАСА.

питанія на ограниченномъ пространствѣ, Баттъ (заика), одинъ изъ знатныхъ, спросилъ въ Дельфахъ, гдѣ бы могъ быть развязанъ его тяжелый языкъ. Богъ послалъ его въ жаркую Ливію. Послѣ нѣкоторыхъ чудесныхъ знаменій онъ послушался оракула. Сначала онъ со своей толпой переселенцевъ занялъ небольшой островъ у побережья. Когда же затѣмъ къ нему присоединились другія толпы, то онъ отважился проникнуть внутрь страны. Тамъ, на высоколежащей, богатой источниками почвѣ онъ основалъ городъ Кирену, ставшую въ короткое время значительнѣйшимъ городомъ для внутренней торговли и соперницей Карѳагена.

Въ этомъ оазисѣ на границѣ пустыни, окруженномъ варварами, вскорѣ бодро и весело расцвѣли греческіе нравы, искусство и наука; здѣсь стояли храмы, гимназіи, театры и возвѣщали темнокожимъ туземцамъ, что среди нихъ поселился болѣе благородный народъ. Ливійцы же въ Киренѣ находили рынокъ для своихъ продуктовъ; они приводили коней, рогатый скотъ, верблюдовъ, попугаевъ, негровъ-рабовъ, также приносили золотой песокъ и въ обмѣнъ за это получали красивыя орудія, оружіе, полевые плоды и др.

Но все еще не погасло влеченіе эллиновъ къ переселенію. Дѣятельно и смѣло они скоро почти совершенно вытѣснили финикіянъ съ Эгейскаго моря и поплыли затѣмъ дальше вдоль береговъ, основывая города и открывая новые торговые пути. Іоняне изъ города Халкиды на Эвбеѣ основали цвѣтущія колоніи на полуостровѣ ѳракійскаго побережья, который отъ нихъ получилъ названіе Халкидики; мегаряне на Босфорѣ выстроили Халкедонъ и насупротивъ его важный городъ Византію. Еще съ большей отвагой милетцы поплыли въ самое Черное море, гдѣ они основали Синопъ, и далѣе, на пути къ колхидскому берегу Трапезунтъ, мало-по-малу пріобрѣли для эллинской культуры большую часть побережья и расширили свою торговлю внутрь Азіи *).

Не менѣе усердно моряки изъ Коринѳа, Мегаръ и Халкиды въ то же время (въ 7 и 6 вѣкѣ до Р. Х.) плавали для открытій и завоеваній въ западныя моря. Первые основали Корркиру на островѣ того же имени (Корфу) и уже названныя Сиракузы въ Сициліи. Вскорѣ новыя толпы любителей колонизаціи эллиновъ поплыли на большихъ флотахъ къ послѣднему острову и въ Италію, построили тамъ себѣ укрѣпленные города, какъ Акрагантъ (Агригентъ) на южномъ берегу, Катану у подножія Этны, далѣе—въ Нижней Италіи Тарентъ, Сибарисъ, Кротонъ и другіе города, и сдѣлали завоеванія внутри страны, такъ что вся Нижняя Италія получила названіе Великой Греціи.

Моряки изъ іонійскаго города Фокеи отважились на плаваніе къ галльскому побережью, гдѣ основали Массалію (Марсель) близъ устья Роны; корсары и купцы съ Самоса проникли

*) Нѣмецкій авторъ, повидимому, не знаетъ о греческихъ колоніяхъ на сѣв. берегу Чернаго моря и не упоминаетъ даже о значительнѣйшей изъ нихъ Ольвіи, основанной милетцами за 650 лѣтъ до Р. Х. *Примѣч. ред. перевода.*

до Балеарскихъ острововъ и къ испанскому берегу; одинъ смѣлый морской герой съ Самоса бурею былъ унесенъ черезъ проливъ Геракловыхъ столбовъ въ Атлантическій океанъ. Онъ прибылъ въ изобилующій серебромъ Т а р т е с с ъ въ Испаніи и вернулся съ драгоцѣннымъ грузомъ. Вся Испанія вообще тогда и еще болѣе въ позднѣйшее римское время была извѣстна своимъ изобиліемъ серебра и изъ-за этого не только часто посѣщалась мореплавателями, но и впослѣдствіи терпѣла отъ грабительскихъ вторженій кельтскихъ ордъ.

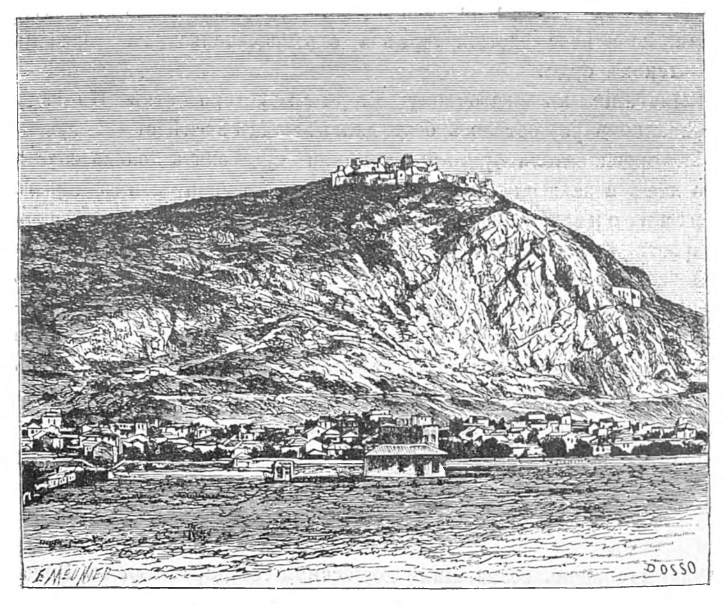
Плаваніе къ сказочному Т а р т е с с у при устьѣ Б э т и с а (Гвадалквивира) осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Фокейскіе мореплаватели будто-бы прибыли туда опять только спустя сто лѣтъ и завязали сношенія съ какимъ-то миѳическимъ царемъ А р г а н ѳ о н і е м ъ, который, по сказанію, достигъ баснословной старости. Эти извѣстія сомнительны и не видно, чтобъ греки основали поселенія по ту сторону пролива. За то возвышались эллинскія крѣпости, города, храмы и святилища по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря и распространяли эллинскій духъ среди варваровъ и цивилизованныхъ народовъ; греческія же суда возили товары и произведенія художественной промышленности къ ближнимъ и отдаленнымъ народамъ и возвращались на родину съ богатымъ барышомъ.

РАЗВИТІЕ АРГОСА И СПАРТЫ.

Между вновь возникшими дорійскими государствами въ Пелопоннесѣ, первое возвысилось аргивское. Не въ царственныхъ чертогахъ Микенскихъ, но въ городѣ А р г о с ѣ утвердились новые правители. Такъ поступилъ Гераклидъ Т е м е н ъ, между тѣмъ какъ герои его свиты правили въ санѣ князей въ другихъ городахъ аргивскаго полуострова, оставаясь, впрочемъ, въ свою очередь, въ зависимости отъ Аргоса. Въ такомъ же отношеніи стояло все восточное побережье вплоть до Малійскаго мыса, послѣ того какъ оно стало подвластно дорійскимъ завоевателямъ.

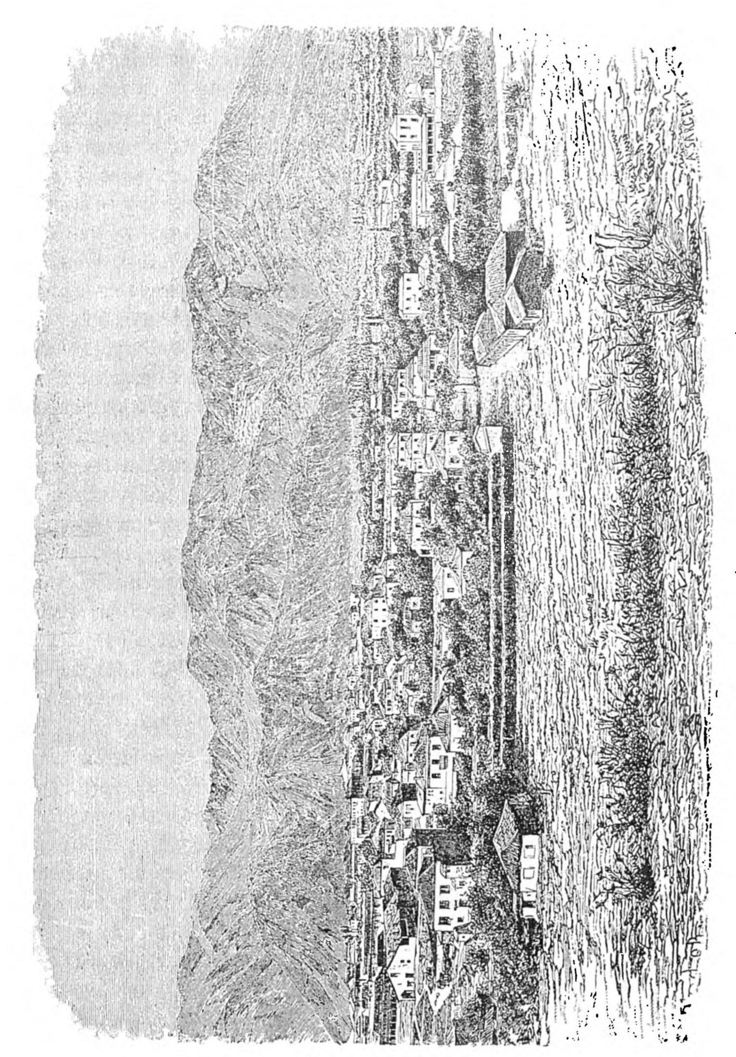
Извѣстнѣйшій изъ аргивскихъ царей—Ф и д о н ъ, десятый въ ряду Теменидовъ. Онъ потребовалъ себѣ не только сполна всѣхъ, забытыхъ уже отчасти, царскихъ привилегій, но и преобладанія въ цѣломъ Пелопоннесѣ, и хитростью и силою съумѣлъ одолѣть

всякое сопротивленіе какъ знати собственной земли, такъ и сосѣднихъ царей. Это былъ сильный, смѣло стремящійся впередъ характеръ, который, правда, по извѣстіямъ позднѣйшихъ писателей, при выборѣ средствъ для своихъ цѣлей не безпокоился о томъ, держатся ли они въ границахъ права. Впрочемъ, расширеніе владычества не было его единственной цѣлью: и на мирныя занятія,

ВИДЪ Г. АРГОСА (РИС. СЪ ФОТОГРАФІИ).

на торговлю и сношенія была направлена его дѣятельность. Въ особенности ему принадлежитъ введеніе системы мѣръ и вѣсовъ, получившей, благодаря его значенію, повсемѣстную силу въ Пелопоннесѣ. Принятую имъ систему называли эгинетской. Вѣроятно, она была заимствована мореходными жителями острова Эгины, можетъ-быть еще раньше, благодаря сношеніямъ съ финикіянами — изъ вавилонской, бывшей въ ходу въ Азіи: основанія у обѣихъ одни и тѣ-же. Судя по этому, уже въ ту сѣдую старину существовала живая связь между народами, обмѣнъ мыслей, учрежденій и изобрѣтеній. Изъ отдаленныхъ

ВИДЪ Г. СПАРТЫ (РИСУНОКЪ СЪ ФОТОГРАФІИ).

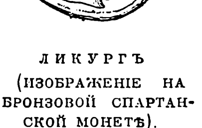
странъ усваивали себѣ полезное и приносили его туда, гдѣ проявлялась въ немъ потребность.

Фидонъ, вслѣдствіе притязаній своихъ на преобладаніе на „островѣ Пелопа", завладѣлъ и распоряженіемъ торжественными жертвоприношеніями и праздничными играми, совершавшимися въ Олимпійской равнинѣ каждый четвертый годъ. Они тогда еще не получили такой извѣстности во всей Элладѣ, какъ впослѣдствіи, но все же игры, бывшія первоначально средствомъ сближенія между элейцами, мессенцами и спартанцами, достигли уже большого значенія для Пелопоннеса; отсюда стремленіе Фидона захватить руководство ими. Но онъ не могъ держаться противъ соединенныхъ силъ элейцевъ и спартанцевъ и принужденъ былъ отступить въ Аргосъ. Въ походѣ противъ Коринѳа предпріимчивый царь, по преданію, погибъ въ рукопашной схваткѣ съ противниками (около 740 г. до Р. Х.). Могущество его государства пало такъ же быстро, какъ оно возникло. По его смерти ослабѣла связь, соединявшая города аргивскихъ дорянъ, и преемники его въ самомъ Аргосѣ были настолько ограничены демократическими формами правленія, что они лишь изрѣдка были въ состояніи придать большее значеніе своему внѣшнему могуществу.

Другому племени было опредѣлено стать на ихъ мѣсто, также дорійскому, владѣвшему вначалѣ только Спартой и окрестной областью. Братья-близнецы Эврисѳенъ и Проклъ, какъ сообщаетъ приведенное нами уже сказаніе, привели рой дорянъ къ Эвроту и низвергли тамъ владычество преемниковъ Менелая. Царское достоинство перешло по наслѣдству къ потомкамъ ихъ Агису (Агиду) и Эврипону, и при томъ такъ, что во главѣ маленькаго государства всегда стояли двое царей. Такое раздвоеніе власти повело къ внутреннимъ раздорамъ и къ ослабленію связей государства. Чрезъ это въ то же время пришли въ упадокъ простые дорійскіе нравы и внѣшнее политическое значеніе государства. Отдѣльные вожди, пожалуй, и сдѣлали новыя завоеванія въ Лаконіи, но эти пріобрѣтенія оставались единичными и держались независимыми отъ столицы, которая не смогла даже покорить ближнія Амиклы, сильную твердыню ахейцевъ.

Беззаконіе и одичаніе съ года въ годъ брали болѣе верхъ въ Спартѣ. Городъ тогда легко сдѣлался бы добычей внѣшнихъ завоевателей, если бы таковые нашлись. Но ни у одного со-

сѣдняго народа не было настолько крѣпкаго устройства, чтобы онъ, объединенный внутри, былъ бы въ силахъ къ дальновиднымъ предпріятіямъ. Политическое значеніе должно было достаться тому государству, въ которомъ прежде всѣхъ будутъ введены законный порядокъ и единеніе, и эти блага, какъ и поднятое ими національное чувство, Спарта пріобрѣла черезъ своего Ликурга.

ЛИКУРГЪ (ИЗОБРАЖЕНІЕ НА БРОНЗОВОЙ СПАРТАНСКОЙ МОНЕТѢ).

Бородатая голова Ликурга обращена вправо.

Ликургъ. Болѣе двухъ столѣтій продолжалось безсиліе маленькаго государства и вырожденіе и одичаніе его гражданъ вслѣдствіе постоянныхъ грабительскихъ войнъ съ древнимъ населеніемъ. Наконецъ, вѣроятно, въ послѣднія десятилѣтія 9 вѣка, въ Спартѣ появился мужъ, вызвавшій перемѣну въ положеніи дѣлъ. Это былъ знаменитый законодатель Ликургъ. Какъ ни разнорѣчивы извѣстія о немъ самомъ и его законахъ, они, однако, согласны въ томъ, что онъ, съ помощью духовныхъ дарованій, силы воли и безкорыстной преданности общему благу, предпринялъ и счастливо выполнилъ возвышеніе своего отечества. Мы здѣсь дадимъ изображеніе его жизни и имъ узаконеннаго устройства, какъ оно является наиболѣе правдоподобнымъ по сравненіи существующихъ, часто противорѣчивыхъ другъ другу, извѣстій.

Древнѣйшіе памятники мало разсказываютъ о личности и жизни Ликурга, поэтому мы должны слѣдовать болѣе позднимъ писателямъ, хотя бы они и сообщали много сказочнаго, лишеннаго основанія. Царь Эвномъ, изъ семьи Эврипонтидовъ, былъ убитъ въ пылу внутреннихъ смутъ. Старшій сынъ его Полидектъ по традиціи наслѣдовалъ ему въ управленіи страной. Но когда и онъ рано умеръ, то долженъ былъ принять власть младшій братъ Полидекта, Ликургъ. Вдова его предшественника для этой цѣли предложила ему свою руку. Но когда вскорѣ послѣ этого она родила сына, то Ликургъ вошелъ съ ребенкомъ въ народное собраніе, высоко поднялъ его на рукахъ своихъ, какъ законнаго царя Спарты, и далъ ему многозначительное имя Харилая (радость народа).

Однако, онъ не избѣгнулъ клеветы. Вдова и ея родственники

распустили слухъ, будто онъ, какъ невѣрный опекунъ, посягаетъ на жизнь ребенка, чтобы наслѣдовать ему. Чтобъ уйти отъ несправедливыхъ упрековъ, Ликургъ покинулъ свое отечество. Прежде всего онъ отправился на Критъ, затѣмъ въ Іонію въ Малой Азіи, откуда онъ, какъ говорятъ, впервые занесъ въ Грецію рапсодіи Гомера; наконецъ, онъ будто-бы посѣтилъ даже Египетъ и отдаленную Индію. Всюду онъ знакомился съ гражданскимъ устройствомъ и спрашивалъ совѣта у мудрецовъ и учителей этихъ странъ. Въ особенности онъ познакомился съ Ѳалетомъ критскимъ, который въ прелестныхъ поэтическихъ произведеніяхъ высказывалъ свои взгляды на жизнь и гражданскій порядокъ. Онъ побудилъ его отправиться въ Спарту, чтобы сдѣлать свой народъ воспріимчивымъ къ закону и государственному благоустройству. Это удалось какъ нельзя лучше. Гражданамъ наскучили ежедневныя ссоры и борьба, и они сильно желали снова имѣть въ своей средѣ того мужа, мудрость котораго обѣщала избавить ихъ отъ тѣснившихъ ихъ бѣдъ. Лишь только Ликургъ узналъ объ этомъ, онъ отправился въ Дельфы, гдѣ жрица назвала его любимымъ богами мудрецомъ, которому Зевсъ самъ сообщилъ свои рѣшенія. Слухъ объ этомъ изреченіи всѣми почитавшагося оракула раньше его пришелъ въ Спарту. Вскорѣ явился и самъ Ликургъ, облеченный значеніемъ божественнаго посланника. Тридцать благороднѣйшихъ спартанцевъ въ полномъ вооруженіи окружили его, когда онъ предсталъ передъ собраннымъ народомъ, чтобы провозгласить свои законы.

Молодой царь Харилай вначалѣ былъ озадаченъ рѣшительными шагами своего дяди, но вскорѣ какъ онъ, такъ и другой царь, Архелай, стали на сторону Ликурга, и народъ въ благоговѣйномъ спокойствіи внималъ теперь провозглашенію законовъ. Лишь позже, при введеніи новаго порядка вещей, будто-бы произошла сумятица. Молодой, страстный спартанецъ, по имени Алкандръ, ударилъ почтеннаго мужа въ глазъ, но былъ схваченъ народомъ и отданъ ему для наказанія. Мудрецъ же оставилъ его у себя въ домѣ, не высказывая ни одного даже упрека, далъ ему быть свидѣтелемъ его доброты и строгой честности, и этимъ пріобрѣлъ въ немъ преданнѣйшаго друга и вѣрнѣйшаго приверженца.

Впрочемъ, Ликургъ не позаимствовалъ изъ дальнихъ, чужихъ

краевъ тѣ законы, которые должны были поднять его народъ изъ состоянія упадка, но онъ извлекъ ихъ изъ уже существовавшаго бытового и государственнаго порядка, образовавшагося отчасти во время воинственнаго переселенія, но впослѣдствіи снова отложеннаго въ сторону. Но память о нихъ жила въ народѣ: они, повидимому, все еще имѣли силу и, благодаря вліянію законодателя, расширившаго ихъ и приспособившаго ихъ къ потребности дорійскаго племени, легко пріобрѣли снова полную силу закона. Многія изъ этихъ положеній, состоявшихъ въ краткихъ формулахъ и называвшихся ретрами (изреченіями), возникли лишь впослѣдствіи, когда время и обстоятельства сдѣлали ихъ необходимыми; но всѣ они приписывались этому прославленному мужу, и зачатки ихъ являлись уже въ основанномъ имъ государственномъ устройствѣ. Поэтому мы приводимъ ихъ здѣсь въ совокупности.

Цари и геронты. Законы прежде всего установляли форму государственнаго правленія и охраненіе общественнаго и частнаго права. Высшее достоинство принадлежало наслѣдственнымъ царямъ. Они предсѣдательствовали въ Совѣтѣ и предводительствовали на войнѣ, ихъ обязанностью было совершеніе государственныхъ жертвоприношеній и въ то же время поддержаніе сношеній съ дельфійскимъ оракуломъ. Обширное землевладѣніе, различные подарки, слѣдовавшіе имъ при многихъ случаяхъ, и другія преимущества давали въ ихъ руки средства поддерживать свое достоинство внѣшнимъ образомъ. Какъ сильно впослѣдствіи ни ограничено было ихъ значеніе, какъ ни уменьшены были ихъ привилегіи, все же у нихъ оставалось еще большое вліяніе на дѣла государства, если они обладали способностью и силой для его проявленія.

Цари предсѣдательствовали въ Совѣтѣ, который въ Спартѣ назывался „герусія“, т.-е. совѣтъ старцевъ (геронтовъ). Въ этомъ почтенномъ собраніи мужей, которые всѣ должны были быть старше шестидесятилѣтняго возраста, обсуждались всѣ внѣшнія и внутреннія дѣла государства. Объявленіе войны, заключеніе мира, союзы и договоры съ другими народами, также мѣропріятія по управленію, распредѣленіе земли, отношенія между гражданами города и зависимымъ сельскимъ населеніемъ, верховный судъ по преступленіямъ, наказывавшимся смертью или изгнаніемъ, подлежали обсужденію и рѣшенію герусіи. И цари должны были при этомъ

подавать свой голосъ, такъ что собраніе состояло собственно изъ 30 членовъ. 28 геронтовъ вмѣстѣ съ царями первоначально были, очевидно, представителями различныхъ родовъ, ибо дорійское племя распадалось на три колѣна: гиллеевъ, димановъ и памфиловъ, изъ которыхъ каждое обнимало десять родовыхъ союзовъ или объ. Уже Гомеръ разсказываетъ, какъ цари собирали благородныхъ на совѣтъ и спрашивали ихъ мнѣнія. Такой обычай существовалъ и у дорянъ. Ликургъ же изъ общины благородныхъ образовалъ Совѣтъ, который вначалѣ избирался родами, а позже гражданами посредствомъ громкаго провозглашенія. Рѣшенія его правитель долженъ былъ приводить въ исполненіе. Геронты въ то же время имѣли полицейскій надзоръ за обами, а можетъ быть имъ принадлежали и судебныя права.

Народное собраніе. Третій элементъ государственнаго управленія было народное собраніе, т.-е. собраніе совокупности дорійскихъ благородныхъ родовъ, которое совершалось ежемѣсячно во время полнолунія на Эвротѣ, между ручьемъ Кнакіономъ и мостомъ Бабикой. Всѣ рѣшенія герусіи, касавшіяся общаго блага, ему представлялись и были имъ здѣсь или принимаемы или отвергаемы. Разсказываютъ, что всякое обсужденіе здѣсь было запрещено; однако, подобное постановленіе врядъ ли находилось въ древнихъ ретрахъ, сводѣ законовъ Ликурга. Достовѣрные историки, напротивъ, сообщаютъ о томъ, какъ иностранные послы держали въ спартанскомъ народномъ собраніи длинныя рѣчи, которыя, однако, именно вслѣдствіе чрезмѣрной долготы не достигали своей цѣли.

Неразговорчивые, но энергичные спартанцы вообще презирали длинныя рѣчи: они просто держались самаго дѣла и въ немногихъ словахъ предлагали цѣлесообразное. Простые граждане, не засѣдавшіе въ совѣтѣ, навѣрное меньше всего владѣли способностью публичной рѣчи; поэтому было бы, конечно, лишнимъ запрещать то, чего само собой не могло быть.

Если мы сравнимъ этотъ распорядокъ законовъ Ликурга съ основаннымъ на обычаѣ государственнымъ устройствомъ въ героическія времена, то мы найдемъ удивительное сходство между ними. Верховный глава, совѣтъ князей и народное собраніе въ Иліонѣ, какъ и въ странѣ феаковъ завѣдываютъ дѣлами общественнаго блага. На островѣ Иѳакѣ мы находимъ то же самое

устройство, только тамъ отсутствуетъ верховный глава, что даетъ поводъ къ насиліямъ и безпорядкамъ. Ликургъ поэтому, какъ мы уже замѣтили, не создалъ чего-нибудь новаго, необычнаго, что было бы плохимъ свидѣтельствомъ его мудрости, но онъ возстановилъ освященный обычаемъ правовой порядокъ, пришедшій въ упадокъ, придалъ ему законную силу и точно опредѣлилъ неопредѣленныя прежде границы отдѣльныхъ государственныхъ властей. Это была его великая неоспоримая заслуга. Царская власть значительно была съужена этими распоряженіями, но она все еще была достаточно велика, чтобы при особенныхъ обстоятельствахъ сдѣлать возможнымъ даже ниспроверженіе конституціи и установленіе самовластія.

То всеобщее движеніе, которое около 200 лѣтъ спустя послѣ Ликурга почти во всѣхъ эллинскихъ государствахъ побудило угнетенныхъ гражданъ подняться противъ обладавшей слишкомъ большими привилегіями знати, и частію подъ руководствомъ честолюбивыхъ и способныхъ вождей изъ самой знати, добиваться съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ преодолѣнія аристократіи, не могло не отозваться и на государственныхъ отношеніяхъ въ Лаконіи. Масса закабаленнаго населенія была здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ государствахъ; безправные гелоты постоянно были склонны къ возстанію, да и многочисленные періэки, которые ремесломъ и торговлей нажили себѣ состояніе, легко могли быть склонены предпріимчивымъ вождемъ, хотя бы самимъ царемъ, взяться за оружіе. При этихъ условіяхъ небольшое дорійское племя, составлявшее аристократію, безъ труда было вытѣсняемо изъ завоеваннаго имъ высокаго положенія.

Для того, чтобы предотвратить угрожающее паденіе, пытался тогда (600 до Р. Х.) въ Спартѣ мужъ, мудрость котораго пользовалась почти не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ мудрость Ликурга. То былъ Х и л о н ъ, одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи, считавшихъ задачей своей жизни изслѣдовать божество, природу и человѣка, его внутреннее и внѣшнее состояніе. Онъ въ 580 г. до Р. Х. былъ избранъ въ герусію. Теперь-то онъ могъ привести въ исполненіе свои рѣшительныя мѣры, направленныя на сохраненіе замкнутости государства отъ чуждыхъ элементовъ, на поддержаніе строгаго воспитанія и военнаго закона гражданъ и въ то же время значительно измѣнявшія конституцію.

Эфоры. Хилонъ предложилъ прежде всего учрежденіе власти съ обширнѣйшими полномочіями. Въ Спартѣ, можетъ быть, уже со времени перваго поселенія, во всякомъ же случаѣ со времени мессенскихъ войнъ существовало пятеро рыночныхъ надзирателей или эфоровъ по числу пяти деревень, вмѣстѣ составлявшихъ столицу. Вначалѣ они назначались царями, впослѣдствіи обами или колѣнами, и притомъ всегда только на одинъ годъ. Чтобы придать ихъ новой должности, какъ высшей наблюдательной власти, силу и святость, Хилонъ призвалъ съ Крита жреца Зевса, считавшагося святымъ, Эпименида. Послѣдній освятилъ новую должность и постановилъ, чтобы эфоры отъ времени до времени спали въ храмѣ внѣ города, и также каждыя девять лѣтъ въ безлунную ночь молча наблюдали небо; тогда имъ будетъ открыта воля боговъ и падающими звѣздами будетъ указано, провинились ли главы государства. Въ послѣднемъ случаѣ они могли лишать царей ихъ власти, пока ихъ проступокъ, по полученіи изреченія дельфійскаго оракула, не будетъ искупленъ. Такимъ образомъ эфоры были поставлены выше царской власти, и чтобы имъ не недоставало власти придать надлежащую силу своимъ приказаніямъ, имъ были подчинены тѣлохранители царей, 300 всадниковъ. Такъ они мало-по-малу достигли почти неограниченной власти, которая, однако, вслѣдствіе кратковременности ихъ полномочій не могла стать опасною для конституціи. Благородные подчинились непривычному игу для нихъ, ибо каждый дорянинъ послѣ тридцатаго года жизни могъ избираться въ эту корпорацію. Эфоры дѣйствовали какъ представители народа, были, значитъ, облечены его значеніемъ и отвѣтственны только ему. Первоначально они должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна изъ трехъ существовавшихъ государственныхъ властей не нарушала конституціи превышеніемъ своихъ правъ; затѣмъ на нихъ былъ возложенъ надзоръ за нравственностью чиновниковъ, какъ и всѣхъ гражданъ, и, наконецъ, низшая судебная власть. Но такъ какъ они, въ качествѣ должностныхъ лицъ, надзиравшихъ за государственными властями, и какъ полицейская власть, имѣли полномочіе наказывать денежнымъ штрафомъ или тюремнымъ заключеніемъ царей, какъ простыхъ гражданъ, то они все болѣе и болѣе расширяли кругъ своихъ должностныхъ правъ. Они по своему благоусмотрѣнію подвергали аресту и наказанію

всякаго, кто казался имъ подозрительнымъ; они нерѣдко созывали Совѣтъ и народное собраніе для подачи голосовъ по важнымъ предметамъ, что случалось особенно въ вопросахъ войны и мира. Они собирали также вооруженную силу, назначенную для выступленія въ походъ противъ врага, и часто предписывали даже назначенному предводителемъ царю, какъ ему слѣдуетъ организовать походъ. Часто ихъ называютъ отцами царей, на дѣлѣ же они были ихъ надзирателями и, такимъ образомъ, ихъ хозяевами.

Зломъ, которымъ страдало государство во времена Ликурга, было неравномѣрное распредѣленіе имущества. Мудрый законодатель не хотѣлъ и не могъ уничтожить права собственности или ввести равенство, котораго нельзя было сохранить. Онъ нашелъ другой путь для исправленія бѣды; онъ сдѣлалъ, насколько возможно, безцѣннымъ владѣніе большимъ имуществомъ. Для этой цѣли онъ ввелъ общіе, простые обѣды, къ которымъ каждый свободный гражданинъ доставлялъ легко дѣлаемые взносы ячменной муки, винныхъ ягодъ, сыра и вина, также небольшую сумму денегъ. На этихъ обѣдахъ никогда не отсутствовала такъ называемая черная похлебка, состоявшая изъ мясного бульона, крови, уксуса и соли. Въ томъ, что далѣе подавалось мясо, особенно свинина и дичь, нельзя сомнѣваться. Въ этихъ обѣдахъ, называвшихся сисситіями, должны были участвовать всѣ мужчины съ двадцатилѣтняго возраста, безъ различія званія, а именно товариществами по палаткѣ, по 15 человѣкъ каждое, какія существовали уже во время воинственнаго переселенія. Отсюда ясно, что и это учрежденіе было только возобновленіемъ прежняго обычая. Только тотъ, кто не могъ болѣе поставлять ежемѣсячныхъ взносовъ, исключался, но вмѣстѣ съ тѣмъ терялъ и часть своихъ гражданскихъ правъ, прежде всего право участія въ управленіи государствомъ. Какъ участники собирались товариществами за отдѣльными столами по свободному выбору, такъ они и занимались гимнастическими и военными упражненіями и, наконецъ, во время войны равными отрядами выступали противъ врага.

Другимъ средствомъ сдѣлать богатство мертвеннымъ и слѣпымъ, какъ выражается одинъ древній писатель, было совмѣстное воспитаніе дѣтей. Они по рожденіи осматривались особенно назначенными для этого людьми, по приговору которыхъ уродливые оставлялись у Тайгета, т.-е. передавались періне

экамъ на воспитаніе, благообразные же возвращались родителямъ. Въ семилѣтнемъ возрастѣ мальчики поступали подъ надзоръ государства, распредѣлялись по классамъ и разрядамъ, содержались безъ различія и наблюдались и воспитывались надзирателями (иренами) и воспитателями (пэданомами). Все воспитаніе было разсчитано на то, чтобы выработать закаленныхъ, воинственныхъ и послушныхъ закону гражданъ. Поэтому мальчиковъ изо-дня-въ-день занимали безпрестанными тѣлесными упражненіями, маршировками и движеніями, какія были обычны у тяжеловооруженныхъ воиновъ. Ихъ обучали и плясками, исполнявшимся при праздничныхъ жертвоприношеніяхъ, чтобы они научались соединять силу съ граціей и ловкостью. Среди такихъ ежедневныхъ гимнастическихъ упражненій мало оставалось времени для умственнаго образованія; однако, послѣднее вовсе не исключалось совершенно.

Почитали поэзію и занимались ею; призвали прославленныхъ пѣвцовъ Ѳалета съ Крита, Терпандра съ Лесбоса, Тиртея изъ Аттики, дали рабу Алкману право гражданства, чтобы ихъ гимнами во славу боговъ, ихъ мужественными пѣснями въ похвалу храбрости и презрѣнія къ смерти воодушевлять сердца молодежи и мужей. Отроки и юноши заучивали эти пѣсни и пѣли ихъ, состязаясь между собою хорами на празднествахъ передъ собравшимися гражданами. Точно также строго слѣдили за тѣмъ, чтобы молодые спартанцы во время обѣда или въ часы отдыха слушали своихъ воспитателей или почтенныхъ старцевъ, когда тѣ говорили о государствѣ и объ обязанностяхъ гражданъ. Какъ они отъ начальниковъ своихъ слышали лишь краткія, мѣткія изреченія, а не длинныя рѣчи, такъ и сами они старались держаться такого же сильнаго и остроумнаго способа выраженія, который поэтому сталъ называться, въ видѣ поговорки, лаконическимъ. Такъ, спартанецъ отвѣтилъ иностранному оратору, желавшему произнести длинную рѣчь во славу Геракла: „А кто же его порицаетъ?“ Одна спартанка крикнула во слѣдъ сыну, отправлявшемуся на войну: „Вернись или со щитомъ или на щитѣ!“

Воспитаніе не кончалось съ дѣтствомъ, но юноши и мужи были обязаны къ одинаковымъ, даже послѣдніе къ еще болѣе труднымъ безпрерывнымъ упражненіямъ. Ибо какъ ребенокъ, такъ и взрослый гражданинъ, по мнѣнію законодателя, принад-

лежалъ не только родительскому или позже—собственному дому, но прежде всего отечеству, всему народу. Поэтому нѣжныя узы родственной любви были ослаблены, частію совершенно уничтожены, чтобы привлечь всѣ сердца исключительно къ государству, общему отцу. Совершенно схожими чувствами были наполнены женщины, такъ какъ воспитаніе и способъ образованія женской молодежи также были разсчитаны на то, чтобы направить всѣ ихъ помыслы и наклонности на единственное высшее благо, отечество. Только отъ сильныхъ могутъ родиться сильные—было правиломъ законодателя. Поэтому дѣвочки не учились вовсе ни пряжѣ, ни тканью, ни искусному убранству, что предоставлялось рабынямъ; но, подобно мальчикамъ, въ легкихъ, короткихъ платьяхъ выходили на мѣста упражненій для бѣга взапуски и для борьбы, для игры въ мячъ и для пляски. Мальчики, юноши и серьезные мужи были зрителями и высказывали свое одобреніе или порицаніе. То же происходило со стороны дѣвушекъ и женщинъ при упражненіяхъ мужской молодежи.

БѢГУНЬЯ ВЗАПУСКИ
(СТАТУЯ ВЪ ВАТИКАНѢ).

Въ Олимпіи на праздиствѣ Геры въ Пароенонѣ происходилъ бѣгъ взапуски дѣвушекъ. Изображенная здѣсь статуя показываетъ, какова была обычная при этомъ одежда: короткій хитонъ, кончающійся еще выше колѣнъ, съ широкимъ, довольно высоко сидящимъ поясомъ и при обнаженной правой груди. Таковымъ приблизительно могъ быть и костюмъ спартанскихъ дѣвушекъ при гимнастическихъ упражненіяхъ.

Вообще сношенія между двумя полами были мало ограничены; но отъ этого нравственность не была въ опасности, наоборотъ спартанки славились во всей Элладѣ, какъ внѣшними красивыми формами, такъ и чувствомъ стыдливости и цѣломудреннымъ образомъ жизни. Господствовавшая въ Спартѣ нравственная строгость, преобладающее, даже исключительное направленіе всѣхъ дѣй-

ГИМНАСТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ (ПО ЖИВОПИСИ НА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ).

Два эфеба состязаются на кулакахъ; учитель, справа, силится разъединить ихъ длиннымъ прутомъ своимъ. Позади подбѣгаетъ эфебъ со своими гирями въ рукѣ. Налѣво другой собираетъ длинный канатъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы прикрѣпить его къ дротику, въ метаніи котораго онъ сейчасъ будетъ упражняться.

ствій и помысловъ на охрану и возвышеніе отечества, воспріимчивость къ похвалѣ и порицанію были стражами похвальныхъ нравовъ. Что случались, особенно въ позднѣйшее время, исключенія, легко понятно.

Въ общемъ не было мѣста для нечистыхъ помысловъ и вожделѣній; правда, не много оставалось его и для нѣжныхъ, благородныхъ чувствъ родительской, супружеской и дѣтской любви. Ибо даже женщина въ мужѣ и сынѣ любила прежде всего защитниковъ отечества, назначенныхъ побѣдить или умереть за него.

Распредѣленіе имущественнаго сословія. Такими и подобными распоряженіями законодатель, какъ уже замѣчено, старался лишить богатство и стремленіе къ нему всей прелести, но отнюдь не устранить всѣ различія въ этомъ отношеніи совершеннымъ ниспроверженіемъ имущества. Послѣднее и сообщается только позднѣйшими писателями. По ихъ указанію, Ликургъ будто бы раздѣлилъ весь городской округъ на 9,000 равныхъ участковъ по числу способныхъ носить оружіе гражданъ, а волостныя земли на 30,000 участковъ по числу свободныхъ поселянъ. Болѣе ранніе

писатели ничего изъ этого не знаютъ, и исторія показываетъ намъ, что во всѣ времена въ Спартѣ и въ Лаконіи состояніе и землевладѣніе были совершенно неравны, да къ тому же, во времена Ликурга дорійскіе завоеватели въ Спартѣ владѣли лишь наименьшей частью Лаконской области. Но государство обладало значительными землями, и онѣ-то, вѣроятно, распредѣлены были

ГИМНАСТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ (ЖИВОПИСЬ НА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ).

Два эфеба борются съ плоской кистью, подъ наблюденіемъ судьи, налѣво повѣшенъ мѣшокъ. Позади судьи эфебъ въ одеждѣ, подобранной вокругъ бедеръ, держитъ въ рукѣ мотыку: можетъ быть, онъ собирается отмѣтить на землѣ мѣсто, гдѣ станетъ одинъ изъ его товарищей для метанія дротика. Нашъ рисунокъ не воспроизводитъ этого пятаго лица, которое походитъ на послѣднюю фигуру слѣва на другой сторонѣ чаши.

между гражданами. Число ихъ въ первыя столѣтія увеличилось и происходили новыя раздачи, для чего употребляли значительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя войною.

Въ позднѣйшее время число полноправныхъ гражданъ уменьшалось, такъ какъ многіе не могли платить взносовъ для сисситій, а все-таки состоятельнымъ свободнымъ поселянамъ доступъ къ полнымъ правамъ гражданства былъ необычайно затрудненъ. Это уменьшеніе полноправныхъ гражданъ впослѣдствіи было большимъ зломъ, не мало способствовавшимъ ослабленію государства. Совершенно иначе поступалъ Римъ, имѣвшій такое же военное устройство: онъ принималъ въ свои стѣны знатнѣйшихъ гражданъ побѣжденныхъ народовъ и этимъ сохранялъ себѣ на цѣлыя столѣтія постоянно увеличивающійся приростъ внутренней силы и способности.

Какъ не допустимо предположеніе равномѣрнаго распредѣленія земель, такъ же невозможно доказать существованіе мнимаго закона въ ретрахъ, которымъ будто-бы запрещено было употребленіе золотой или серебряной монеты или вообще владѣніе благородными металлами. Благородные металлы были въ то время крайне рѣдки. Въ цѣлой Греціи не могли собрать столько золота, чтобы позолотить голову Аполлона въ Амиклахъ. Чеканка же монетъ введена была въ Грецію лишь приблизительно около 700 г., значитъ, сто лѣтъ спустя послѣ Ликургова времени.

Какъ впослѣдствіи и въ Спартѣ научились цѣнить деньги и домогались ихъ, показываетъ исторія. Когда спартанскіе полководцы и намѣстники (гармосты) правили въ городахъ зависимыхъ союзниковъ, они при этомъ окружали себя внѣшнимъ блескомъ и утопали въ наслажденіяхъ, запрещенныхъ имъ на родинѣ. Примѣру начальниковъ вскорѣ послѣдовали подчиненные. Отъ наслажденій же, къ которымъ они привыкли на чужбинѣ, они не хотѣли совершенно отказываться и дома, поэтому искали и находили средства обходить строгія предписанія закона. Да и государство для своихъ широко распространившихся войнъ и предпріятій нуждалось въ деньгахъ, такъ какъ гражданъ и способнаго носить оружіе земскаго отряда было недостаточно и поэтому приходилось содержать флоты и вспомогательныя войска для поддержанія присвоеннаго господства. Законы отжили свое время, они были точно устарѣлые доспѣхи, которые могли только стѣснять тѣло въ свободномъ движеніи, вмѣсто того, чтобы защищать его. Въ раннее время и въ продолженіе столѣтій они, конечно, оказали громадныя услуги. Небольшое дорійское племя первыхъ завоевателей, со всѣхъ сторонъ окруженное враждебными сосѣдями, чрезъ эти законы слилось въ воинственное братство и достигло такого развитія могущества, что побѣдоносно сопротивлялось всѣмъ врагамъ и поставило всѣхъ ихъ мало-по-малу въ болѣе или менѣе зависимое отношеніе. Когда эта цѣль была достигнута, законы должны были бы постепеннымъ видоизмѣненіемъ быть приспособлены къ новымъ обстоятельствамъ; но на это не была уполномочена никакая власть, какъ и не былъ къ этому способенъ выработанный ими образъ мыслей спартанскаго гражданина. Такимъ образомъ, они только мѣшали всякому болѣе свободному, особенно всякому умственному подъему, такъ какъ они

вообще не давали побужденія и даже случая и досуга для умственнаго, научнаго образованія. Спартанскіе доряне одни только участвовали въ управленіи государствомъ; у нихъ не было другого занятія, кромѣ военнаго дѣла, а обрабатываніе своихъ земель они возлагали на крѣпостныхъ людей своихъ (гелотовъ, т.-е. военноплѣнныхъ).

Періэками были тѣ жители городовъ страны, которые сохраняли свою личную свободу и за оброкъ—свободное владѣніе своими землями, но лишены были политическихъ преимуществъ дорянъ. Они въ упражненіи оружіемъ подражали воинственнымъ гражданамъ столицы, но больше занимались земледѣліемъ, ремеслами и торговлей. Очень можетъ быть, что государственная власть часто жестоко обращалась съ ними; эфоры даже будто-бы имѣли право безъ всякой судебной формальности подвергать подозрительныхъ періэковъ казни; но надъ ними вовсе не тяготѣло невыносимое иго, которое бы дѣлало желательнымъ для нихъ измѣненіе своего положенія во что бы то ни стало.

Участь гелотовъ (илотовъ), напротивъ, была очень печальная. Древнее земледѣльческое населеніе во время дорійскаго завоеванія лишено было своихъ владѣній и своей свободы и было унижено до дѣйствительной зависимости и крѣпостничества, въ которомъ удерживались и потомки ихъ, гелоты. Они, правда, добывали себѣ пропитаніе съ земель, но послѣднія, какъ и они сами, принадлежали государству, которое могло извлекать изъ этого пользу по своему усмотрѣнію. Поэтому они должны были воздѣлывать поля, сады и виноградники спартіатовъ, исполнять работы въ ихъ жилищахъ, слугами и легковооруженными отправляться съ ними въ походъ, и за все это пожинали мало благодарности. Иногда, правда, гелоты, отличившіеся подвигами храбрости, принимались въ число гражданъ; они тогда слагали съ себя кожаную шапочку и овчинный тулупъ, знаки своего званія, и назывались тогда неодамодами. Случалось также, что незаконныя дѣти дорійскихъ помѣщиковъ и гелотянокъ, такъ называемые моѳаки, получивъ военное воспитаніе спартанской молодежи, получали право гражданства путемъ своего рода усыновленія. Но извѣстенъ и случай, когда самыхъ отважныхъ гелотскихъ юношей созвали яко-бы для опаснаго предпріятія, съ обѣщаніемъ имъ свободы, ввели ихъ, съ вѣнками на головѣ, въ храмъ и тамъ убрали, такъ что никогда больше о нихъ не было и слуха.

Для обереганія страны или для военныхъ упражненій иногда также выступала часть вооруженной спартіатской молодежи и, по возможности тайно, обходила горы и долины, почему и называли эти движенія криптіями (скрытными). При этомъ случаѣ очень можетъ быть изъ подозрѣнія или изъ своевольства иногда убивали презрѣннаго гелота; однако, кажется, были бы не правы тѣ, кто предположилъ бы, что происходила настоящая охота на несчастныхъ крѣпостныхъ, какъ это утверждаютъ. Противъ сихъ постоянно были на сторожѣ съ мечомъ и щитомъ, какъ и они сами при каждомъ удобномъ случаѣ пытались сбросить тяжкое иго; да и на размноженіе рабочаго класса, обусловливающее въ хорошо организованномъ государствѣ приростъ могущества, здѣсь смотрѣли съ недовѣрчивостью; но періодически повторявшейся человѣческой рѣзни, по крайней мѣрѣ, нельзя доказать.

ДОРІЙСКІЙ ВОИНЪ.

Бронзовая статуэтка, открытая въ Додонѣ, теперь находящаяся въ Берлинскомъ музеѣ, съ фотографіи. Правая, поднятая рука держала копье; лѣвой рукой воинъ закрываетъ себя щитомъ беотійскаго типа. Статуэтка представляетъ поразительное сходство съ воинами на эгинетскихъ фронтонахъ; она точно также относится къ первымъ годамъ пятаго вѣка.

Смерть Ликурга. О концѣ жизни великаго мужа, основавшаго замѣчательное военное государство, существуютъ лишь ненадежныя извѣстія. Онъ велѣлъ, такъ разсказываютъ, царямъ, геронтамъ и всей общинѣ произнести торжественную клятву, что законы его должны будутъ исполняться, пока онъ не вернется. Затѣмъ онъ отправился въ Дельфы и получилъ изреченіе, что Спарта чрезъ соблюденіе его устройства станетъ сильной и могущественной. Тогда онъ съ радостію узналъ, что достигнута цѣль его жизни и стремленій. Онъ послалъ это изреченіе въ Спарту и затѣмъ отправился въ далекія страны или самъ наложилъ на себя руки, чтобъ народъ его никогда не былъ освобожденъ отъ своей клятвы. Если можно придать вѣру сказанію, то эта развязка со-

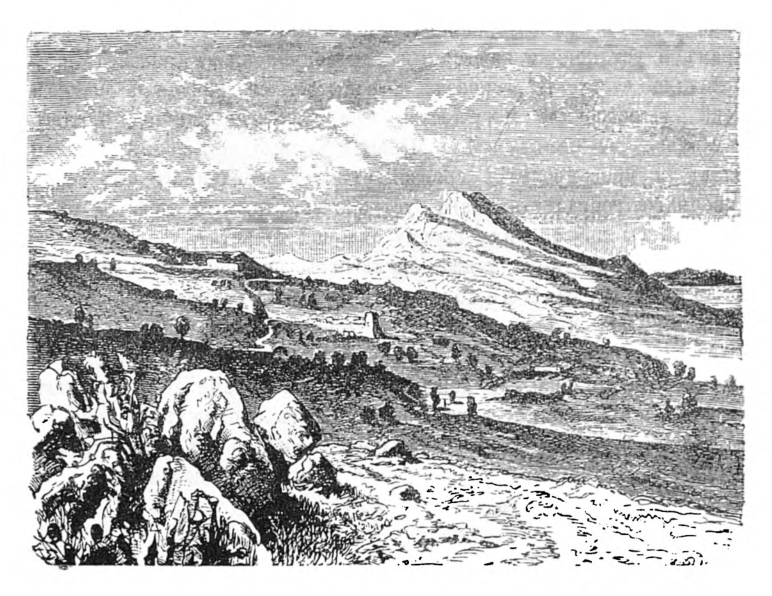
вершенно въ духѣ древности, и мудрецъ выступаетъ предъ нашей душой, какъ античный образъ героя. Другое сказаніе повѣствуетъ, что онъ отправился въ Кирру (Криссу), гавань города Дельфъ, и передъ смертью распорядился, чтобъ тѣло его было сожжено и пепелъ былъ брошенъ въ море, чтобы ни одна часть его не достигла Спарты и чтобы спартанцы, такимъ образомъ, навсегда были связаны своимъ обѣщаніемъ. Онъ, дѣйствительно, никогда болѣе не возвращался въ Спарту. Тамъ выстроили ему храмъ и установили ежегодныя жертвоприношенія, какъ это происходило въ честь героевъ. Законы же его получили силу, и пока существовало могущество Спарты, воспоминаніе о немъ оставалось въ памяти всѣхъ. Правда, если бы онъ зналъ, сколько битвъ и кровопролитія произойдетъ отъ основаннаго имъ воинственнаго государственнаго устройства, то онъ можетъ быть придалъ бы другой видъ своему законодательству.

Ликургъ будто-бы также заключилъ, по приказанію дельфійскаго оракула, съ Ифитомъ, властителемъ Элиды, договоръ, по которому оба народа—элейцы и дорійскіе спартанцы—должны были каждые четыре года устраивать общія жертвоприношенія и гимнастическія игры, и между обоими племенами долженъ былъ царствовать всеобщій миръ Божій. Этотъ промежутокъ времени въ четыре года называли Олимпіадой и по немъ считали время. Если это вѣрно, то кончина великаго мужа пала бы приблизительно на 776 годъ до Р. Х.

МЕССЕНСКІЯ ВОЙНЫ.

Благодаря введенію законовъ Ликурга, небольшое спартанское государство мало-по-малу окрѣпло, вскорѣ съ возрастающимъ успѣхомъ направило свое оружіе за свои предѣлы и расширило тѣсныя границы своихъ владѣній на сѣверъ и на югъ. Завладѣвъ всею долиною Эврота, спартанцы, ободренные прежними завоеваніями, жадно обратили взоры на западъ, на Мессенію, плодороднѣйшую изъ всѣхъ пелопоннесскихъ областей. Мессенцы, родственное имъ дорійское племя, заняли горы, равнины и побережье на западъ отъ Лаконіи и, какъ кажется, смѣшались въ одинъ народъ съ древними обитателями, которые не выселились.

При тучности полей, богатствѣ фруктовыхъ рощъ и виноградниковъ, они обратились къ земледѣлію и, такимъ образомъ, утратили добрую часть древне-дорійскаго воинственнаго характера. У нихъ также не было собственнаго средоточія ихъ силъ; ибо Стеникла, называемый ихъ главнымъ городомъ, никогда не имѣлъ большого значенія.

МЕССЕНСКІЙ ЛАНДШАФТЪ СЪ РАЗВАЛИНАМИ ХРАМА АРТЕМИДЫ ЛАФРІИ (РИСУНОКЪ АЛЬБ. РИХТЕРА).

Долгое время мессенцы жили въ дружбѣ и союзѣ съ восточными своими соплеменниками. Но теперь, когда Спарта мощно подняла свою главу и давала это чувствовать сосѣдямъ, пробудилась ихъ національная гордость. Вспыхнуло же ихъ взаимное соревнованіе на торжествѣ, которое оба племени издревле справляли сообща въ храмѣ Артемиды Лимнатиды. Храмъ этотъ лежалъ въ горахъ, недалеко отъ высочайшихъ вершинъ Тайгета. Туда направлялись юноши и дѣвушки изъ обоихъ племенъ, чтобы принести богинѣ свои дары. Мессенскіе повѣсы позволили себѣ насилія

надъ лакедемонскими дѣвушками, а когда царь Телеклъ прибылъ на защиту послѣднихъ, то былъ убитъ. По другой передачѣ, ссору вызвалъ Телеклъ съ молодыми мужчинами въ женской одеждѣ. Произошло это, по традиціонной хронологіи, въ 743 году. Послѣ долгихъ, тщетныхъ переговоровъ о требуемомъ удовлетвореніи загорѣлась первая мессенская война.

Разрушеніе Ивомы. Спартанцы или Спартіаты, какъ мы иногда будемъ называть ихъ по греческому правописанію, произвели около 740 года опустошительный набѣгъ. Они подъ предводительствомъ царя своего Алкамена завоевали и разрушили горную твердыню Амфею, ключъ ко всей странѣ, и другіе города, бывшіе по дорійскому обычаю открытыми мѣстечками на почти недоступныхъ высотахъ. Послѣ этого мессенскій царь Эвфаей собралъ ополченіе и оказалъ упорное сопротивленіе. Въ пятый годъ войны произошла въ равнинѣ Стениклара кровопролитная битва, вслѣдствіе которой разбитые мессенцы отступили на гору Ивому и тамъ укрѣпились. Они спросили дельфійскаго оракула о своемъ будущемъ и получили указаніе выбрать по жребію благородную дѣвицу изъ рода Эпита и принести ее въ жертву богамъ: чрезъ это-де Ивома будетъ спасена. Жребій былъ брошенъ и палъ на дочь Ликиска, который, однако, поспѣшнымъ бѣгствомъ спасъ свое дитя отъ ужасной судьбы. Когда мессенцы, въ уныніи, не знали, что дѣлать, Аристодемъ, тоже потомокъ Эпита, предложилъ свою дочь въ жертву и умертвилъ ее собственной рукою, когда ея женихъ пытался спасти ее. Ужасное дѣло свершилось, и почти, казалось, на спасеніе страны, ибо въ продолженіе пяти лѣтъ враги не отваживались на рѣшительную битву, пока ихъ храбрый царь Ѳеопомпъ не повелъ ихъ снова на приступъ. Они выиграли битву, и Эвфаей вскорѣ затѣмъ умеръ отъ своихъ ранъ. Мессенскій народъ назначилъ царемъ энергичнаго Аристодема, несмотря на тяготѣвшее надъ нимъ смертоубійство. Онъ твердой рукой схватилъ бразды правленія и нанесъ спартанцамъ, когда они въ пятомъ году его царствованія снова испытали военное счастье, чувствительное пораженіе. Такъ мало-по-малу среди перемѣнныхъ битвъ прошло двадцать лѣтъ, а еще не предвидѣлось конца. Снова мессенцы вопрошали оракула, и изреченіе его объявляло, что тому народу суждена побѣда, который первый разставитъ сто треножниковъ на жертвенникѣ

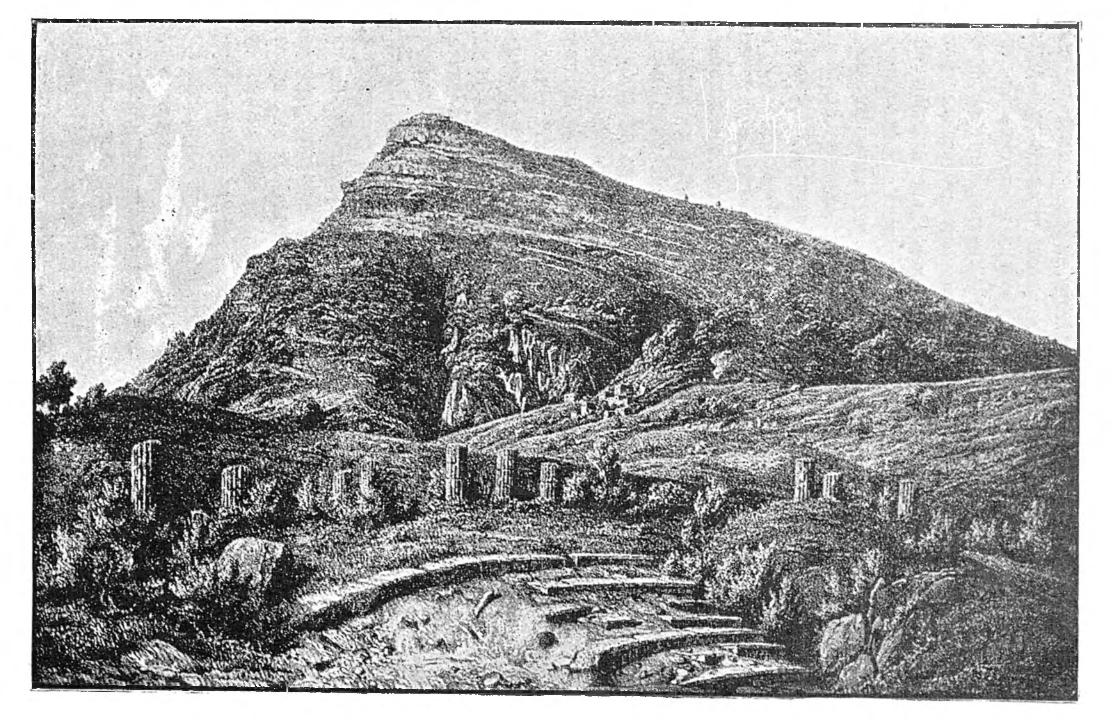
Зевса въ Иθомѣ. Хитрый спартанецъ Ойбалъ первый удовлетворилъ изреченію, пробравшись ползкомъ на крѣпость и разставивъ маленькіе треножники изъ глины. Исполненіе оракула и зловѣщія предзнаменованія напугали гражданъ, и самъ Аристодемъ чувствовалъ, что мужество его падаетъ. Въ сновидѣніи явилась ему зарѣзанная дочь, указывавшая на свои раны. Она манила его блѣдной рукою и подавала ему вѣнокъ покойника: то былъ призывъ къ смерти. Отчаяваясь въ судьбѣ отечества, въ мучительномъ сознаніи напрасно пролитой крови, Аристодемъ на могилѣ убитой бросился на свой мечъ.

Потеря вождя и возрастающій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ совершенно лишили мессенцевъ мужества; поэтому на двадцатомъ году войны они покинули твердыню и дорогую родину, чтобы въ Аркадіи и въ Элидѣ искать себѣ новое пристанище.

Другая толпа бѣглецовъ покинула эллинскую почву и на корабляхъ искала себѣ новаго отечества за моремъ. Граждане Регія на югозападномъ концѣ Италіи радушно приняли храбрыхъ мужей, такъ какъ такой приростъ усиливалъ ихъ могущество. Побѣдоносные же спартанцы разрушили Иθому и покорили всю область.

Во время тяжелыхъ годовъ войны въ спартанской общинѣ происходили большія внутреннія волненія. Многіе дорійскіе граждане обѣднѣли и были ограничены въ пользованіи правами полныхъ гражданъ. Съ другой стороны, чтобы заполнить многочисленныя мѣста выбывшихъ изъ войска, приняли въ дорійское общество періэковъ, не давая имъ, однако, полнаго равенства въ правахъ. Недовольные этимъ затѣяли на одномъ празднествѣ дерзкое покушеніе вооруженной рукою низвергнуть существующее государственное устройство, можетъ быть для того, чтобъ ввести всеобщее равенство въ правахъ. По другимъ извѣстіямъ, то были незаконные сыновья, рожденные во время войны. Планъ этотъ, правда, былъ открытъ и разстроенъ, однако не рѣшились привлечь виновныхъ къ суду. Фоланθъ, ихъ избранный вождь, сѣлъ тогда съ многочисленными ватагами на корабли и въ Тарантѣ или Тарентѣ, въ Нижней Италіи, нашелъ новое мѣсто поселенія.

Аристоменъ. Изъ повинностей, къ которымъ обязали побѣжденныхъ мессенцевъ, самою тяжкою была ежегодная дань, состоявшая изъ половины жатвы, самою же унизительною—участіе въ

ВИДЪ ГОРЫ ИѲОМЫ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

десятидневныхъ траурныхъ торжествахъ при смерти спартанскаго царя. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ изъ каждой деревни должны были являться въ столицу депутаты въ траурныхъ одѣяніяхъ, какъ это происходило изъ всѣхъ городовъ и деревень Лаконіи.

Въ глухомъ оцѣпенѣніи мессенскій народъ нѣкоторое время несъ наложенное на него иго. Но когда подросло свѣжее поколѣніе, которому незнакомы были ужасы первой войны, поднялся древній дорійскій духъ, и въ юношескихъ сердцахъ созрѣло рѣшеніе рискнуть жизнью за драгоцѣннѣйшее благо, за независимость отчизны. Особенно проявилось это въ мѣстечкѣ Анданіи въ сѣверовосточной гористой части страны. Эта область, повидимому, менѣе была затронута всеобщимъ порабощеніемъ.

Здѣсь передъ всѣми отличался духовной и тѣлесной мощью молодой воинъ Аристоменъ, юноша-герой изъ древняго мессенскаго царскаго рода Эпитидовъ. Въ борьбѣ съ разбойниками и дикими звѣрями онъ уже часто выказывалъ смѣлость и способность и собиралъ вокругъ себя шайку отважныхъ юношей. Съ ними-то онъ, когда, повидимому, наступилъ надлежащій моментъ, внезапно поднялъ знамя свободы и прошелъ по странѣ, призывая народъ къ оружію. Такъ началась вторая мессенская война. Спартанцы не замедлили подойти съ войскомъ; однако первая битва около Деръ осталась нерѣшенной. Юный герой, справедливо считавшій это успѣхомъ, чтобъ съ самаго начала чрезвычайно смѣлымъ подвигомъ привести въ страхъ враговъ, отважился глухими путями подкрасться къ самой Спартѣ и тамъ повѣсить въ храмѣ Аѳины щитъ съ надписью: Аристоменъ посвящаетъ богинѣ этотъ знакъ побѣды надъ спартіатами. Со смѣлостью пришло и счастье, и оно привлекло союзниковъ. Аркадяне и аргивяне прислали вспомогательныя войска, ибо и имъ грозила опасность отъ могущественной Спарты.

Съ другой стороны въ это время въ Лаконію прибылъ мужъ, вполнѣ способный воодушевить воинственный духъ гражданъ на великія дѣла. То былъ поэтъ Тиртэй изъ Афиднъ въ Аттикѣ, присоединившійся, вѣроятно, къ лакедемонскому посольству, возвращавшемуся изъ Дельфъ. По очень шаткому показанію, онъ будто былъ присланъ изъ Аѳинъ по особенной просьбѣ пословъ спартанскаго правительства. Другія преданія сообщаютъ, что онъ былъ хромъ и былъ дѣтскимъ учителемъ.

Какъ бы то ни было, своими пѣснями онъ поднялъ мужество и стойкость воиновъ и успокоилъ недовольство въ городѣ, когда граждане стали роптать на безконечную войну и большія опустошенія полей. Онъ сопровождалъ хорошо устроенное и вооруженное войско, которое проникло въ самое сердце мессенской земли, до самой равнины опустошеннаго города Стениклара. На этой равнинѣ возвышались отдѣльные холмы, изъ которыхъ одинъ назывался памятникомъ кабана. Тамъ стояло мессенское войско, сомкнувшись вокругъ своего героя, который съ 80 отборными юношами составлялъ центръ.

Спартанская рать того времени проявляла военное искусство и боевую ловкость, напоминающія о нашемъ времени. Воины выступали длинными рядами или размыкали ихъ ротами. У нихъ были болѣе крупные отряды, моры, въ 400—900 человѣкъ и различныя подраздѣленія, изъ которыхъ самое маленькое, называвшееся эномотіей, обнимало приблизительно отъ 24 до 35 человѣкъ. У каждаго отдѣльнаго воина было свое опредѣленное мѣсто, которое онъ даже въ величайшую сумятицу могъ снова отыскать. Въ такомъ порядкѣ они спокойно и осторожно, послушные приказу царя своего А н а к с а н д р а, ожидали непріятельскаго нападенія. Они имѣли молодцоватый видъ въ своихъ багровыхъ военныхъ одѣяніяхъ и въ почти однообразномъ вооруженіи. Пронзительные, рѣзкіе звуки вновь введенныхъ флейтъ и воинственныя пѣсни призывали къ битвѣ. Бились долго и упорно.

Воодушевленіе и отчаянное мужество мессенцевъ боролось съ превышающей тактикой и осторожной храбростью ихъ противниковъ. Но такъ какъ они, предводимые Аристоменомъ, все въ большемъ количествѣ набрасывались на главныя силы враговъ, то послѣдніе были оттиснуты назадъ, послѣ чего сначала гелоты, а вскорѣ и періэки обратились въ бѣгство. Опасаясь быть совершенно оцѣпленными, спартанцы среди продолжающихся битвъ начали свое отступленіе.

Вся страна заволновалась; со всѣхъ сторонъ притекали мессенскіе бойцы, чтобъ принять участіе въ побѣдѣ: а все-таки нельзя было сломить ряды спартанскихъ гражданъ, и Аристоменъ, смѣло ринувшійся въ самую тѣсную свалку копій и мечей, потерялъ даже свой щитъ. Тѣмъ не менѣе результатъ успѣшной борьбы былъ великъ, ибо мессенская страна стала снова свободной, и чувство побѣды воодушевляло народъ къ новымъ подвигамъ.

Когда Аристоменъ возвращался въ родной городъ Андапію, навстрѣчу ему выходили замужнія женщины и дѣвушки и пѣли:

„Аристоменъ съ обагренныхъ кровью полей Стениклара
Быстро къ Тайгетскимъ горамъ рать спартанцевъ погналъ".

Но ободренные одушевляющими военными пѣснями Тиртэя, спартанцы въ слѣдующемъ году собрали всѣ свои боевыя силы. Мессенскій герой не замедлилъ выступить противъ нихъ во главѣ своей дружины, подкрѣпленный еще аргивянами и аркадянами. Такъ дѣло дошло до третьей битвы у „великаго рва". Аркадійскій царь Аристократъ, трусъ или предатель, бѣжалъ со своими безпорядочными полчищами при первомъ же натискѣ, вслѣдствіе чего на Аристомена и его храбрую дружину пала вся сила боя. Тогда пали знатнѣйшіе мужи; остальные искали спасенія въ бѣгствѣ.

И геройскій вождь былъ увлеченъ прочими; однако, онъ собралъ толпу рѣшительныхъ бойцовъ, которая постепенно возрастала и вскорѣ была снова въ силахъ оказать сопротивленіе. Почти до омываемаго іонійскимъ моремъ западнаго берега пришлось ему отступить; но тамъ на труднодоступномъ склонѣ горы Иры онъ разбилъ лагерь, достаточно вмѣстительный, чтобъ принять притекающихъ бѣглецовъ.

Съ этой безопасной гордой твердыни Аристоменъ предпринималъ смѣлые походы не только по мессенской области, но и до самой Лаконіи, и часто возвращался съ богатой добычей. Онъ напалъ даже на расположенныя недалеко отъ Спарты Амиклы и спряталъ награбленную добычу въ безопасное мѣсто, прежде чѣмъ подступающій врагъ могъ его настигнуть.

О его смѣлости и счастьѣ разсказывали удивительнѣйшія вещи. Въ другомъ походѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 50 храбрыми товарищами. По господствовавшему въ Спартѣ жестокому обычаю, несчастныхъ потащили въ дикія ущелья Тайгета и тамъ въ полномъ вооруженіи бросили въ пропасть. Одинъ Аристоменъ чудеснымъ образомъ остался въ живыхъ. Три дня провелъ онъ въ тупомъ оцѣпенѣніи среди тѣлъ расшибленныхъ друзей. Пришедши въ сознаніе, онъ услышалъ странное хрустѣнье и грызенье, точно звѣрь съѣдалъ свою пищу, и при сумрачномъ свѣтѣ, падавшемъ сверху въ страшную пропасть, увидѣлъ лису, грызшую трупы. Онъ сейчасъ же послѣдовалъ за нею

и, наконецъ, нашелъ разсѣлины и впадины, через которыя и выбрался на свободу. Послѣ труднаго странствованія онъ достигнулъ Иры, гдѣ народъ его восторженно привѣтствовалъ. Уже на слѣдующій день онъ напалъ на коринѳскихъ воиновъ, призванныхъ Спартой для завоеванія твердыни. Снова сіялъ его щитъ, на которомъ былъ изображенъ орелъ съ распущенными крыльями, указывая путь къ побѣдѣ; почти вся непріятельская дружина была истреблена. Такимъ образомъ, герой страшнѣе прежняго противостоялъ спартанцамъ въ возобновленной борьбѣ.

Среди такихъ подвиговъ и событій пришелъ семнадцатый годъ войны и съ нимъ часъ гибели храброму народу. Если кажется достойнымъ сожалѣнія, когда мужественный человѣкъ послѣ долгой борьбы съ желѣзной судьбой наконецъ падаетъ, не достигнувъ великой цѣли, то мы потрясены, если цѣлый народъ сламывается и разбивается не вырожденіемъ, порокомъ или безсиліемъ, но сцѣпленіемъ внѣшнихъ несчастныхъ обстоятельствъ. Такова была судьба геройскаго остатка мессенскаго племени, сохранившаго себя до сихъ поръ непобѣжденнымъ и непреклоннымъ на горной вершинѣ Иры. Перебѣжчикъ-лакедемонянинъ жилъ въ тайной связи съ мессенкой. Въ темную бурную ночь онъ посѣтилъ ее, но узналъ, что мужъ ея вернулся, потому что онъ, какъ и вся выставленная стража, при такой непогодѣ не ожидалъ никакого нападенія. Чужеземецъ—онъ былъ будто бы гелотъ—тотчасъ же спѣшитъ обратно въ свой лагерь и объявляетъ, что узналъ. Тотчасъ же войско призывается къ оружію и подъ предводительствомъ лазутчика начинаетъ подниматься по крутымъ склонамъ. Ни буря, ни дождь, ни раскаты грома и сверкающія молніи не въ состояніи сбить съ пути закаленныхъ воиновъ. Они врываются въ непріятельскій лагерь, гдѣ выдаетъ ихъ прежде всего лай собакъ. Мессенцы какъ вскочили со сна, такъ и бросились къ нимъ навстрѣчу. Въ узкихъ проходахъ удается Аристомену остановить вторженіе враговъ. Однѣ молніи освѣщаютъ ночной бой, факелы затушилъ проливной дождь. Съ наступленіемъ дня сраженіе не прекращается; мессенцы тщательно вооружились, выстроились и шагъ за шагомъ отстаиваютъ послѣднюю твердыню своей свободы.

Три дня длится битва почти безъ перерыва; при этомъ изъ-за тѣсноты мѣста, на которомъ сражаются ожесточенные противники, въ бою находится постоянно только часть воиновъ съ

обѣихъ сторонъ, смѣняемая отъ времени до времени отдохнувшими отрядами. Но на третій день Аристоменъ увидѣлъ, что его оттѣснили къ крайней вершинѣ горной твердыни; поэтому онъ, въ случаѣ нужды готовый на крайность, выстроилъ свои боевыя силы такъ, что старики, женщины и дѣти были окружены ратными людьми, и затѣмъ наклоненіемъ головы и опущеніемъ копья далъ знать непріятельскимъ полководцамъ о просьбѣ свободнаго ухода. А такъ какъ тѣ считали опаснымъ доводить отчаявшихся враговъ до крайняго бѣшенства, то разомкнули свои ряды и дали имъ безпрепятственно уйти. Такъ Аристоменъ прибылъ съ остатками своего несчастнаго народа въ сосѣднюю страну, Аркадію.

Тамъ онъ нашелъ радушный пріемъ. Войско его, усиленное подоспѣвающими бѣглецами, потомъ на корабляхъ поплыло въ Сицилію, гдѣ пріобрѣло городъ Занклу, расширило его и назвало Мессаной (теперешняя Мессина). Самъ онъ отправился на Родосъ, правитель котораго Демагетъ сочетался бракомъ съ его дочерью.

Аристоменъ сталъ теперь обдумывать планъ искать въ Азіи помощи къ освобожденію своей отчизны, но смерть положила конецъ его намѣреніямъ и подвигамъ. Память о немъ сохраняли угнетенные мессенцы и въ сердцахъ своихъ и въ своихъ пѣсняхъ, которыя пѣлись еще столѣтія спустя, когда иноземный военный герой пробудилъ народъ изъ оцѣпенѣнія для возстановленія своего отечества.

Преобладаніе Спарты. Во время мессенской войны и особенно послѣ побѣдоноснаго исхода ея, спартанцы увеличили свои владѣнія и въ другія стороны, въ особенности на счетъ Аркадійскаго города Тегеи и соплеменныхъ аргивянъ. Въ продолжительной войнѣ противъ послѣднихъ былъ постановленъ бой 300 противъ 300, въ которомъ воины сражались съ такимъ ожесточеніемъ, что всѣ нашли смерть, кромѣ одного тяжело раненаго спартанца, удержавшаго за собой поле битвы, и двоихъ противниковъ, убѣжавшихъ въ Аргосъ. Предпріимчивый царь Клеоменъ рѣшилъ, наконецъ, исходъ войны (519), принудивъ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, аргивское войско къ отступленію въ лѣсъ и приказавъ поджечь послѣдній.

Такими военными успѣхами Спарта добилась безспорнаго преобладанія въ Пелопоннесѣ, и ей удалось весь полуостровъ, за

исключеніемъ Аргоса, соединить въ одинъ военный союзъ, руководство которымъ естественно досталось ей.

Эта гегемонія Спарты долгое время оставалась въ предѣлахъ мудрой и справедливой умѣренности. Она довольствовалась предводительствомъ на войнѣ и предсѣдательствомъ въ совѣтѣ союза, созывавшемся при важныхъ поводахъ въ городъ на Эвротѣ. Тамъ происходили совѣщанія и постановлялись рѣшенія о войнѣ и мирѣ, о числѣ долженствующихъ быть поставленными ратниками, о спорахъ между союзными государствами, иногда принимались мѣры противъ поднявшихъ голову единодержавныхъ правителей (т и р а н н о в ъ), чтобы сохраненъ былъ дорійскій характеръ. Въ прочемъ воздерживались отъ всякихъ вмѣшательствъ въ государственные порядки и обычаи, такъ что Спарта въ сущности была только главой свободнаго союза. Главное начальство надъ такими значительными силами, какія ставились пелопоннесскимъ союзомъ, не только обезпечивало ему преобладаніе въ цѣлой Элладѣ, но и доставило ему высокое значеніе далеко за предѣлами ея, такъ что даже иноземные цари добивались его расположенія и поддержки.

Въ остальномъ граждане Спарты оставались при своемъ суровомъ образѣ жизни; только пѣніе, музыка и пляска были у нихъ въ ходу и почитались ими, Тиртэй и даже лакедемонскій рабъ Алкманъ за свои воинственныя и праздничныя пѣсни получили рѣдкое отличіе: право гражданства, а лесбосскій пѣвецъ Терпандръ, призванный нѣкогда въ городъ для разбора возникшихъ смутъ, такъ тронулъ своими пѣснями раздраженныхъ другъ противъ друга гражданъ, что они забыли о своихъ распряхъ и стали обниматься со слезами.

АѲИНЫ И ИСѲМІЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

Отъ суровыхъ и воинственныхъ гражданъ Лаконіи, обратимся теперь къ А ѳ и н а м ъ, средоточію науки и искусства, культуры и нравственнаго развитія эллиновъ. Онѣ лежали на томъ же мѣстѣ, гдѣ и нынѣшнія Аѳины, на разстояніи $^3/_4$ нѣмецкой мили отъ моря, и лишь торговыя суда да рыбачьи лодки стояли въ тѣ времена на якорѣ въ ихъ гаваняхъ, которыхъ „длинныя стѣны“ еще не соединяли съ городомъ, но не военные флоты, какъ въ позднѣйшее время. Только послѣ персидскихъ войнъ городъ достигъ

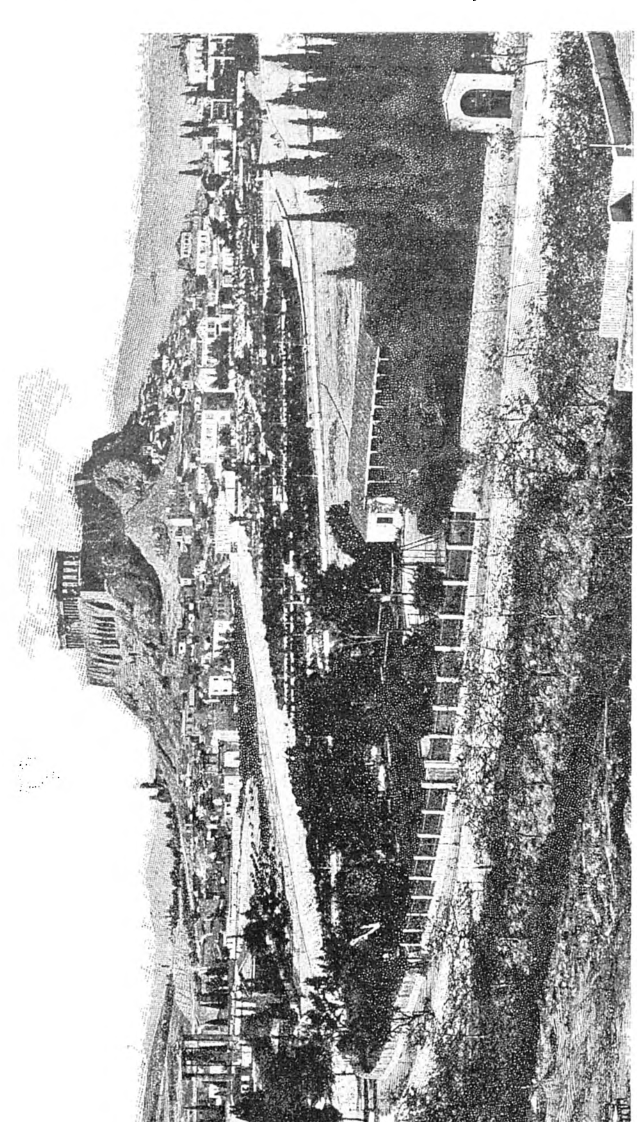
своего наибольшаго объема, когда онъ, озаряемый побѣдной славой, возвысился передъ всѣми эллинскими городами; теперь же онъ былъ еще въ началѣ своего процвѣтанія и объ его протяженіи въ это время нельзя сказать ничего точнаго.

Высоко надъ низкими хижинами и жилищами, какими аѳинскіе граждане довольствовались еще за 6 вѣковъ до нашей эры, поднимался на востокѣ Акрополь, городская крѣпость, а на западѣ холмъ Пниксъ: первый былъ снабженъ только киклопическими стѣнами, простымъ храмомъ и деревяннымъ изображеніемъ Аѳины, послѣдній былъ еще безъ каменныхъ сидѣній для народнаго собранія, которое лишь въ гораздо болѣе позднее время творило здѣсь судъ надъ многочисленными союзниками и подданными.

Уже въ миѳическій героическій періодъ, городъ Аѳины, по преданію, былъ связанъ общимъ устройствомъ со всею страной Аттикой. Всѣ жители страны были раздѣлены на четыре колѣна или филы: воиновъ, пастуховъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Каждое колѣно состояло изъ трехъ братствъ (фратрій), каждое братство изъ тридцати родовъ, каждый родъ изъ тридцати семей. Если это дѣленіе первоначально было родъ египетскаго кастоваго устройства, то таковое съ теченіемъ времени давно уже было утрачено, ибо въ Аѳинахъ не могло долго существовать принужденіе, привязывавшее сына къ занятію отца. Далѣе, все населеніе было расчленено на 3 сословія: эвпатридовъ, людей благороднаго происхожденія, въ исключительномъ владѣніи которыхъ находились правительственныя должности, геоморовъ, земледѣльцевъ, и деміурговъ, ремесленниковъ; послѣдніе два класса не имѣли участія въ дѣлахъ государства.

Государственное устройство въ сущности было тѣмъ же, какимъ во время героическаго періода во всѣхъ греческихъ государствахъ. Во главѣ стоялъ царь; коллегія знатныхъ пожилыхъ мужей, называвшаяся ареопагомъ, управляла государственными дѣлами и въ то же время была высшимъ судебнымъ начальствомъ. Ареопагъ собирался на холмѣ Ареса, отъ котораго и получилъ свое названіе. Важнѣйшія дѣла и постановленія докладывались народному собранію, хотя послѣднее, впрочемъ, не имѣло рѣшающаго вліянія на принятіе или отверженіе рѣшеній ареопага.

И въ Аттикѣ, какъ и во всѣхъ греческихъ государствахъ, совершился переходъ отъ царской власти къ правленію аристо-

ВИДЪ АКРОПОЛЯ СЪ ПЛОЩАДИ БЛИЗЪ СТАДІЯ (СЪ ФОТОГРАФІИ)

кратіи. По позднѣйшему преданію, которое, правда, ничто больше, какъ красивое сказаніе, уничтоженіе царскаго достоинства было якобы слѣдствіе смерти царя Кодра.

Смерть царя Кодра. Именно, когда дорійскіе завоеватели Пелопоннеса обратили свое побѣдоносное оружіе также противъ Аѳинъ, по преданію, навстрѣчу имъ выступилъ Кодръ. Изреченіе оракула сулило аѳинянамъ побѣду, если ихъ царь падетъ въ бою. Кодръ тотчасъ же былъ готовъ умереть за свою отчизну. Въ одеждѣ крестьянина онъ проникъ въ непріятельскій лагерь и послѣ сильнаго сопротивленія былъ убитъ (въ 1068 г.). Такъ какъ условіе этого оракула было выполнено въ пользу аѳинянъ, то доряне отказались поэтому отъ дальнѣйшей борьбы и начали отступленіе. Съ тѣхъ поръ, сообщаетъ сказаніе далѣе, никто не казался достойнымъ быть наслѣдникомъ героя, и сынъ его Медонтъ, какъ представитель его рода, управлялъ государствомъ въ качествѣ притана подъ надзоромъ и при содѣйствіи выборныхъ изъ эвпатридовъ. Эта княжеская должность сперва оставалась наслѣдственной въ семьѣ Кодра. Двѣнадцать наслѣдниковъ его были пожизненными главами государства. Съ 752 г. до Р. Х. срокъ высшей государственной должности былъ ограниченъ десятью годами. Такъ монархія превратилась въ аристократію, правленіе знатнѣйшихъ, или скорѣе въ олигархію, правленіе немногихъ.

По недавно найденному сообщенію Аристотеля, переходъ отъ царской власти къ существовавшему въ историческое время архонтату совершился постепенно и при естественномъ развитіи вещей. Онъ подтверждаетъ также, что царское правленіе было древнѣйшимъ устройствомъ. Царь прежде всего былъ предводителемъ на войнѣ. Но вотъ случалось, что иной царь былъ неспособенъ къ войнѣ, и тогда при немъ или рядомъ съ нимъ ставили военоначальника (позднѣйшаго архонта полемарха). Гораздо позднѣе передали и верховное управленіе должностному лицу (называвшемуся просто архонтомъ), и за царемъ остались въ концѣ-концовъ только имя (басилевсъ) и полномочія большей частью религіознаго характера, которыя имѣлъ впослѣдствіи архонтъ-басилевсъ; санъ этого царя-жреца уже и не былъ болѣе наслѣдственнымъ въ семьѣ Кодридовъ или ограниченъ послѣдними, но носитель его, какъ и двое другихъ должностныхъ лицъ, просто выбирался изъ числа господствующихъ родовъ, изъ эвпатридовъ. Полномочія этихъ

трехъ мужей потомъ—преданіе, какъ сказано, относитъ это къ 752 г. до Р. Х.—были ограничены десятью годами, затѣмъ десятилѣтній срокъ должности замѣненъ былъ трехлѣтнимъ и, наконецъ, рядомъ съ тремя прежними властями поставили еще шесть товарищей по должности, „законодателей“ (ѳесмоѳетовъ), которые вмѣстѣ съ первыми составляли коллегію архонтовъ—имя это принадлежало теперь всѣмъ.

Подобнымъ же образомъ развивались государственныя отношенія въ большинствѣ прочихъ областей. Въ занятыхъ дорянами областяхъ, завоеватели образовали господствующее сословіе благородныхъ, сословіе исключительно полноправныхъ гражданъ; въ Аттикѣ, на островѣ Эвбеѣ, оставшемся незатронутымъ передвиженіемъ, помѣщики, владѣльцы лучшихъ земель, имѣли въ своихъ рукахъ правительственную власть, судъ и управленіе святилищами. Благородные или полноправные граждане, выдаваясь землевладѣніемъ, вооруженіемъ и боевой ловкостью, сумѣли устранить царскую власть и украсить себя самихъ ея правами и почестями. Разсѣянные крестьяне, зависѣвшіе отъ помѣщиковъ и задолженные имъ, впали въ печальное состояніе крѣпостныхъ. Одинаковое иго знатные роды пытались наложить и на городское населеніе; но послѣднее сопротивлялось этому и, особенно въ приморскихъ городахъ, съ успѣхомъ, такъ какъ оно легко могло соединиться, и ремеслами, мореплаваніемъ и торговлей пріобрѣло себѣ состояніе и чувство своего гражданскаго достоинства. Такимъ образомъ, происходили внутреннія смуты, довольно часто кровопролитныя распри, которыми могъ воспользоваться смѣлый, богатый человѣкъ. Руководимый такимъ мужемъ, народъ добивался принадлежащаго ему права и потомъ не выражалъ неудовольствія, если его покровитель надѣвалъ себѣ на голову царскій вѣнецъ. Правленіе такихъ единодержавцевъ или тиранновъ почти всюду имѣло полезныя для народа послѣдствія, ибо они споспѣшествовали благу всѣхъ гражданъ, на которыхъ опиралась ихъ власть, и вызывали процвѣтаніе государства. Они строили флоты, которые, охраняя торговлю, господствовали на моряхъ. По мановенію ихъ возвышались храмы и дворцы, сооружаемые руками художниковъ. При ихъ дворахъ мудрецы націи находили блестящее убѣжище; тамъ звучали арфы пѣвцовъ во славу красоты и добра. Въ такомъ духѣ правили Клисѳенъ въ Сикіонѣ, Ѳеагенъ въ Ме-

гарѣ, Кипселъ и сынъ его, знаменитый мудрецъ Періандръ, въ богатомъ торговомъ городѣ Коринѳѣ.

Кипселъ. Въ послѣднемъ городѣ патріархальное царское достоинство было отмѣнено, и надменная, распущенная аристократія съ безпощадной строгостью правила угнетеннымъ народомъ. Вотъ тамъ у Амфіона, отпрыска древнихъ царей, была хромая дочь, на которой не хотѣлъ жениться ни одинъ мужчина его колѣна (филы). Но на это былъ готовъ одинъ богатый гражданинъ менѣе высокаго рода, и онъ въ обладаніи благородной супругой оказался очень счастливымъ, ибо она родила ему прелестнаго мальчика, которому оракулъ пророчилъ блестящее будущее. Аристократическая партія боялась, такъ повѣствуетъ сказаніе, съ его стороны опасности для своего господства и отправила десять человѣкъ убить ребенка. Мать показала его имъ, не чая зла. Когда же убійцы взглянули на улыбающееся лицо малютки, ни одинъ не смогъ грянуть его о земь, какъ было въ ихъ намѣреніи. Когда же они послѣ короткаго совѣщанія у воротъ вернулись обратно, чтобъ совершить свое дѣло, встревоженная мать уже спрятала его въ потайномъ ящикѣ. Отецъ назвалъ его поэтому Кипселомъ, т.-е. человѣкомъ въ ящикѣ, и отдалъ его на воспитаніе за границу. Сильнымъ, цвѣтущимъ юношей вернулся онъ въ свой родной городъ, высказалъ себя тамъ ласковымъ и добрымъ къ простому люду, выплачивалъ его долги и пени, и, ставъ въ его главѣ, прогналъ враждебную партію, послѣ чего толпа привѣтствовала его царемъ (655). Онъ правилъ 30 лѣтъ со справедливостью и какъ благодѣтель народа.

Періандръ. Еще болѣе блестящимъ было царствованіе сына его Періандра, богатообразованнаго государственнаго человѣка, полнаго энергіи и дальнозоркаго ума, доведшаго торговлю и морское могущество Коринѳа до высокаго процвѣтанія. Богатый островъ Коркира, въ западномъ іонійскомъ морѣ, колонія Коринѳа, какъ уже раньше упомянуто, отпалъ отъ метрополіи. Царь велѣлъ выстроить могучій флотъ, и притомъ не какъ прежде было въ обычаѣ, пятидесятивесельные корабли, т.-е. открытые съ рядомъ веселъ по обоимъ бокамъ, но, по коринѳскому изобрѣтенію, тріеры, длинныя суда съ тремя скамьями для гребцовъ, одна надъ другой. Съ ихъ помощью онъ не только подчинилъ отпавшую колонію, но и основалъ на востокѣ и на западѣ новыя

поселенія и распространилъ свое господство до отдаленныхъ береговъ. Какъ другъ и покровитель искусствъ, онъ кромѣ многихъ другихъ произведеній пластическаго искусства велѣлъ въ память спасенія своего отца изготовить знаменитый ящикъ Кипсела, огромный ковчегъ изъ кедроваго дерева, на которомъ въ пять рядовъ другъ надъ другомъ рельефно были частью вырѣзаны на деревѣ, частью выложены золотомъ и слоновой костью боги и герои и особенно герои троянской войны. Еще важнѣе, чѣмъ это и много другихъ художественныхъ произведеній, вызванныхъ любовью Періандра къ искусству,—учрежденіе великаго жертвоприношенія, совершавшагося съ тѣхъ поръ каждые два, вѣрнѣе два съ половиною года въ священной сосновой рощѣ на Исѳмѣ. Къ этому присоединялись величественное торжище и вновь учрежденныя исѳмійскія игры (586). —Къ концу своей жизни царь, будто-бы раздраженный несчастьемъ, котораго самъ былъ виною, сталъ все болѣе деспотическимъ и жестокимъ; его потомки были неспособны удержать за собой господство, и аристократическая партія снова вступила въ старыя права свои, но старалась теперь оставаться въ согласіи съ гражданами.

ПЕРІАНДРЪ КОРИНѲСКІЙ.

Герма, найденная въ 1780 г. въ виллѣ Кассія около Тиволи, вмѣстѣ съ гермой Періандра и обломками гермъ Ѳалеса, Питтака и Клеобула. Надпись: „Коринѳянинъ Періандръ, сынъ Кипсела. — Занятіе—все“.

И въ Аттикѣ все рѣзче развивалась противоположность между благородными и сословіемъ гражданъ. И здѣсь правили и судили древніе владѣльцы земель по стариннымъ, традиціоннымъ порядкамъ, которые, будучи извѣстными однимъ имъ, довольно

часто истолковывались ими въ ихъ собственную пользу. Въ особенности были тяжки подати и жестоки долговые законы. Отсюда и понятно, что предпріимчивый человѣкъ сдѣлалъ попытку овладѣть тиранніей. Въ 624 г. до Р. Х. Килонъ, зять Ѳеагена Мегарскаго, человѣкъ, выдающійся по рѣшимости, богатству и связямъ, отважился со своими многочисленными приверженцами и съ

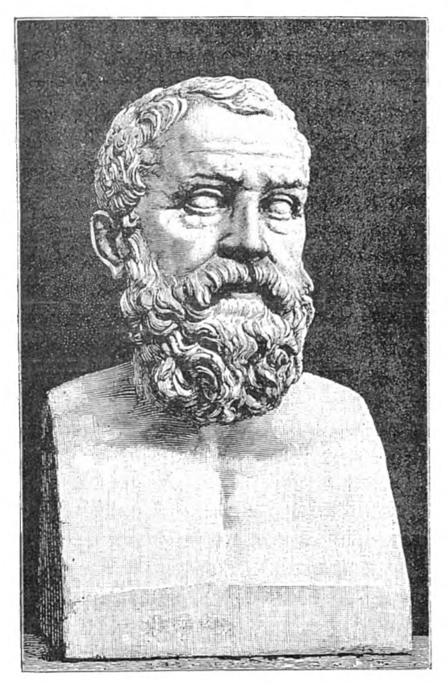

ПОСИДОНЪ И ИСѲМІЙСКІЯ ИГРЫ
(КАМЕЯ ОТЛИЧНОЙ РАБОТЫ, НЫНѢ ВЪ ВѢНѢ).

Во вкусѣ древнихъ намекающее изображеніе Исѳмійскихъ игръ и ихъ происхожденія, по сказанію. Въ срединѣ самъ Посидонъ, по обѣимъ сторонамъ скаковыя лошади. Наверху въ серединѣ на жертвенникѣ крылатый мальчикъ Эротъ, которому раскинувшійся морской богъ (Нерей?) подаетъ младенца Меликерта, посидоновскаго демона, въ честь котораго учреждены были игры. Напротивъ разлеглась полуодѣтая Ѳаласса, олицетвореніе моря.

мегарскими наемниками занять Акрополь. Но архонтъ Мегаклъ, глава могущественной фамиліи Алкмеонидовъ, призвалъ поселянъ къ оружію и тотчасъ же осадилъ его съ многочисленной ратью. Тѣснимые голодомъ и жаждой, Килонцы не могли удержаться; самъ Килонъ тайно бѣжалъ, приверженцы же его, бѣжавшіе къ жертвеннику Эвменидъ, были убиты въ самомъ святилищѣ. Это событіе вызвало продолжительныя смуты. Полагали, что съ тѣхъ поръ тяготѣетъ проклятіе надъ Алкмеонидами и черезъ нихъ и надъ народомъ. Сами боги, повидимому, подтвердили это предположеніе, ибо появились заразительныя болѣзни,

и возгорѣвшаяся вслѣдствіе изгнанія Килона несчастливая война съ Мегарой увеличила бѣдственное положеніе. Попытка аристократіи законодательствомъ Дракона остановить возраставшее недовольство не удалась, такъ какъ она никого не удовлетворила, и когда, наконецъ, Ѳеагенъ, единодержавный правитель маленькаго

СОЛОНЪ
(МРАМОРЪ ВЪ НЕАПОЛИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

сосѣдняго государства, завоевалъ даже важный островъ Саламинъ и съ этого островка сталъ опустошать аттическое побережье, бѣдствія мелкаго люда достигли высшей степени.

Но вотъ нашелся спаситель въ лицѣ Солона. Солонъ былъ благороднаго происхожденія, изъ рода Нелея и колѣна Кодрова. Отецъ его расточилъ большую часть своего состоянія; поэтому онъ нѣкоторое время занимался торговлей и посѣтилъ

замѣчательнѣйшія мѣстности Греціи и Азіи, чѣмъ во многихъ отношеніяхъ расширилъ свои знанія. Пріобрѣтенныя познанія и взгляды на жизнь и государство онъ изложилъ въ поэтической формѣ, не въ прозѣ, бывшей тогда еще мало въ употребленіи. По своемъ возвращеніи въ родной городъ, онъ вскорѣ воспользовался своимъ поэтическимъ дарованіемъ. Мужи высокоблагороднаго происхожденія, сидѣвшіе въ то время у кормила государства, мало заботились о бѣдственномъ положеніи народа. Приниженные нѣсколькими пораженіями, они издали законъ, по которому всякому, кто предложилъ бы попытку къ обратному завоеванію острова Саламина, грозила смертная казнь. Солонъ сумѣлъ обойти это распоряженіе. Онъ притворился потерявшимъ разсудокъ, творилъ всякія дурачества и появился однажды, съ дорожной шляпой на головѣ, точно онъ только что прибылъ издалека, передъ толпой, собравшейся вокругъ него. Тогда онъ, точно вдохновленный, сказалъ, что онъ приходитъ вѣстникомъ отъ Саламина, гдѣ съ насмѣшками говорятъ объ аѳинянахъ, такъ какъ они не отважились вырвать у враговъ прославленный островъ. Онъ кончилъ словами:

„Выступимъ на Саламинъ, чтобъ сражаться за многожеланный
Островъ и чтобы отмстить за нанесенный позоръ!“

Это побужденіе такъ сильно подѣйствовало на толпу, что граждане, не обращая вниманія на жестокій законъ, столпились вокругъ него и потребовали нападенія на островокъ. Правящіе господа не могли воспротивиться всеобщему давленію. Они разрѣшили требуемое и представили неудобному виновнику заговора отрядъ войска въ 500 тяжеловооруженныхъ. Съ этими небольшими силами Солонъ врасплохъ настигъ тріэру мегарцевъ и завоевалъ затѣмъ городъ и островъ.

Гибельнѣе, чѣмъ внѣшняя война, была внутренняя вражда между гражданами маленькаго государства. Педіеи—жители равнины, богатые аристократы—землевладѣльцы въ Аѳинахъ, Элевсинѣ и окрестностяхъ, были въ постоянныхъ раздорахъ съ діакріями—свободными мелкими крестьянами нагорной области, къ которымъ присоединилось громадное множество людей безъ собственности. Тяжело угнетенные крестьяне, воздѣлывавшіе земли крупныхъ помѣщиковъ, имѣли болѣе печальную участь, нежели рабы; они были задолжены богачамъ и заложили не только свои

имѣнія, но часто также и себя самихъ, женъ и дѣтей. Ихъ продавали въ рабство, если они не были въ состояніи заплатить долга. Все населеніе мало зажиточныхъ было въ опасности опуститься на степень рабовъ или по крайней мѣрѣ крѣпостныхъ знатныхъ родовъ. При такихъ обстоятельствахъ росло раздраженіе, и почти ежедневно дѣло доходило до насилій. Чтобъ избѣжать междоусобной войны, рѣшеніе дѣла возложили на Солона и поручили ему, какъ первому архонту 594 г. и какъ „примирителю аристократіи и народа", составленіе общеобязательныхъ законовъ. Третьей, средней партіей, которая менѣе страдала отъ гнета существующихъ отношеній, были параліи, жители западнаго побережья, и средній городской классъ, занимавшійся ремеслами, торговлей, мореплаваніемъ; на ихъ помощь Солонъ могъ разсчитывать.

Законодательство Солона. Ближайшимъ образомъ требовалось сохранить за богатыми землевладѣльцами ихъ права и въ то же время смягчить тяжелое положеніе бѣдныхъ. Первой мѣрой законодателя была знаменитая сисахѳія, т.-е. уменьшеніе бремени долговъ. Этимъ распоряженіемъ всѣ договоры, въ силу которыхъ должники заложили себя самихъ и свои семьи, объявлены были недѣйствительными, а тѣ, кто за долги были проданы за границу, выкуплены были за счетъ государства и возстановлены въ прежнихъ своихъ правахъ. Затѣмъ, чтобъ облегчить уплату долговъ, была измѣнена цѣнность монеты, такъ что 100 новыхъ драхмъ (1 драхма=25 коп.) цѣнностью равнялись 73 старымъ драхмамъ, вслѣдствіе чего, конечно, кредиторы при уплатѣ теряли 27 процентовъ. Въ то же время объявлялись погашенными всѣ накопившіеся непомѣрные проценты и проценты на проценты.

АѲИНА-ПАЛЛАДА СОВА
(АѲИНСКАЯ МОНЕТА 700—430 ДО Р. Х.).

Въ какой степени мудрый законодатель при этихъ мѣропріятіяхъ руководствовался безкорыстною, чистою любовью къ отечеству, онъ высказываетъ это въ поэтическомъ произведеніи, отъ котораго дошелъ до насъ отрывокъ. Нижеслѣдующій переводъ по содержанію и формѣ придерживается по возможности столь замѣчательнаго подлинника.

Свидѣтельницей мнѣ въ томъ будь, о, Крона мать,
Изъ всѣхъ божествъ Олимпа величайшее
И лучшее, мать—черная земля, столбы
Съ которой я нѣкогда закладные снялъ:
Порабощенной бывъ, свободна ты теперь;
Въ Аѳины, въ городъ ихъ божественный, родной
Вернулъ я многихъ проданныхъ, кто безъ вины,
Кто справедливо, въ дальнюю неволю; имъ
Забывшимъ тамъ аттическій языкъ,
И тѣмъ, кто здѣсь въ позорномъ рабствѣ трепеталъ
Предъ плетью деспотовъ, свободу я вручилъ.

Что касается государственнаго устройства, то Солонъ по возможности оставилъ привычныя формы, хотя и измѣнилъ ихъ сущность. Онъ сохранилъ дѣленіе гражданъ на четыре колѣна или филы, но распредѣлилъ ихъ по тогдашнему имущественному положенію. Къ первому классу причислены были такіе граждане, которые имѣли доходъ въ 500 медимновъ и болѣе полевыхъ плодовъ или стоимостью его; ко второму тѣ, кто имѣли ежегодный доходъ болѣе чѣмъ въ 300 медимновъ, къ третьему, кто имѣлъ таковой болѣе чѣмъ въ 150 медимновъ. Четвертый классъ обнималъ малоземельныхъ и вовсе безземельныхъ. Согласно съ этимъ раздѣленіемъ гражданъ были опредѣлены подати и военныя повинности. Граждане первой филы платили наибольшія подати и должны были во время войны снабжать экипажемъ корабли и содержать ихъ; гиппеи или всадники, составлявшіе вторую, и зевгиты или тяжеловооруженные, составлявшіе третью филу, служили на войнѣ соотвѣтственно своимъ названіямъ, и первые всегда должны были имѣть на готовѣ свою лошадь, вторые—свое полное вооруженіе. Четвертый классъ, классъ ѳетовъ, не платилъ прямыхъ налоговъ и употреблялся лишь въ случаѣ вражескаго вторженія какъ легковооруженная пѣхота. Чтобы быть въ состояніи составить себѣ понятіе объ этомъ раздѣленіи и о тогдашнемъ имущественномъ положеніи вообще, нужно замѣтить, что медимнъ (четверикъ) хлѣба стоимостью считался равнымъ одной драхмѣ (=около 25 к.), и что полагали, что такой мѣры хлѣба хватитъ для одного воина на 46—48 дней, между тѣмъ какъ онъ вообще на три обола (=12 коп.) въ день, а цѣлое семейство на 5 минъ (=500 драхмъ, около 125 руб.), въ годъ могли жить очень прилично. Видно, тогда были очень дешевыя времена, или, вѣрнѣе, деньги имѣли

гораздо (отъ шести до восьми разъ) высшую цѣнность, чѣмъ въ настоящее время.

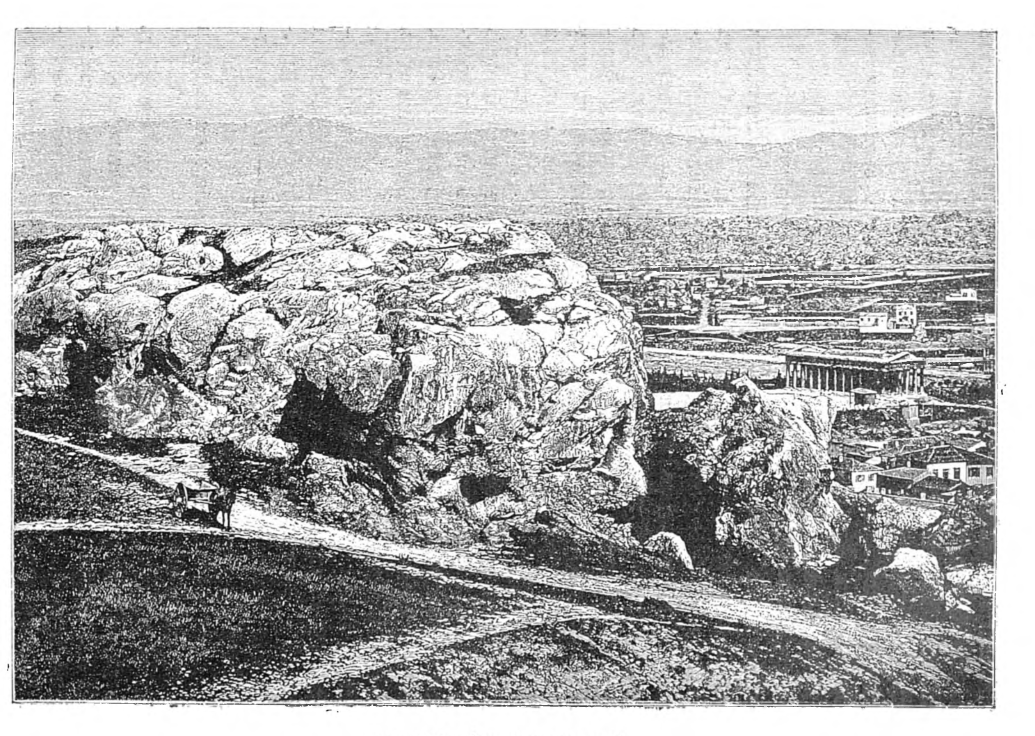
Вносся, смотря по своему состоянію, больше или меньше на нужды государства, граждане пользовались и соотвѣтственными выгодами. Высшія почетныя должности, именно достоинство архонтовъ, были открыты только гражданамъ перваго класса. Первый архонтъ, все еще соединявшій въ себѣ часть царскаго авторитета, считался главой государства. Всѣ распоряженія издавались отъ его имени, всѣ семейные споры и дѣла о наслѣдствѣ подлежали его суду. Такъ какъ по его имени называли годъ, то онъ назывался архонтъ эпонимъ. Второй архонтъ, называвшійся басилевсъ, т.-е. царь, завѣдывалъ дѣлами религіи и уголовнымъ судопроизводствомъ; третій, полемархъ, т.-е. военачальникъ, былъ поставленъ надъ военнымъ дѣломъ; прочіе шесть архонтовъ, называвшіеся ѳесмоѳетами, должны были руководить различными высшими судебными палатами. Менѣе крупныя должности были доступны второму и третьему податному классу. Четвертый не имѣлъ никакихъ притязаній этого рода, но за то— большое преимущество передъ многочисленными метеками, поселенцами и иностранцами, не записанными въ братства и роды, ибо они не могли производить выборовъ вмѣстѣ съ другими колѣнами. Архонты впредь должны были отдавать въ концѣ своего управленія отчетъ за всѣ свои дѣйствія по должности уже не передъ ареопагомъ, но передъ народнымъ собраніемъ.

Совѣтъ четырехсотъ и народное собраніе. Но чтобъ отвѣтственность не была только кажущеюся, вслѣдствіе большого вліянія должностныхъ лицъ, законодатель образовалъ совершенно новое присутственное мѣсто, булэ (вули, по другому произношенію), совѣтъ четырехсотъ, обсуждавшій предварительно предметы, которые долженъ былъ рѣшать народъ, наблюдавшій за народнымъ собраніемъ, экклесіей, руководившій его преніями и, наконецъ, приводилъ въ исполненіе рѣшенія собранія. Булэ замѣнила собой представителей родовъ, прежде окружавшихъ царя, и старшинъ благородныхъ общинъ, которые были товарищами архонтовъ; но ей подлежало также завѣдываніе доходами и расходами государства, а также судъ въ полицейскихъ дѣлахъ. Такъ какъ не всегда могло собраться большое число, то назначалась коммиссія изъ 100 членовъ, по колѣнамъ, по очереди, и притомъ всегда

на три мѣсяца, чтобы рѣшать текущія дѣла. Члены этой комиссіи, которыхъ называли **пританами**, питались въ продолженіе своей службы на государственный счетъ. Въ цѣломъ составѣ своемъ совѣтъ избирался четырьмя филами и при томъ такъ, что каждая изъ трехъ первыхъ выбирала изъ своей среды сто членовъ, четвертые же сто членовъ изъ населенія этихъ филъ.

Великій совѣтъ четырехсотъ служилъ государству опорой въ дѣлахъ правленія. Другое присутственное мѣсто должно было обезпечить народъ въ судебныхъ дѣлахъ, гдѣ дѣло шло о жизни и смерти, о свободѣ и имуществѣ; то былъ судъ **геліэи**, въ который могли подавать апелляцію граждане, которые считали себя несправедливо осужденными какимъ-нибудь судомъ. Для этой цѣли изъ каждой изъ четырехъ филъ по жребію назначалось по 1000 человѣкъ, которые давали торжественную судейскую присягу. Эти 4000 присяжныхъ составляли не только апелляціонный судъ, но должны были также испытывать чиновниковъ передъ вступленіемъ ихъ въ должность и отклонять недостойныхъ или враждебныхъ гражданамъ. Также поручено было имъ, при измѣненіи законовъ, разсматривать, допустимы ли предложенныя нововведенія.

Была еще одна государственная власть, самая почтенная и существовавшая уже издревле,—**ареопагъ**, засѣдавшій на холмѣ Арея выше жертвенника Эринній и творившій уголовный судъ по преднамѣренному убійству. Этому суду, считавшемуся священнымъ, Солонъ передалъ верховный надзоръ за религіозностью, нравственностью, воспитаніемъ, жизнью и занятіемъ всѣхъ гражданъ, какъ и за пользованіемъ правомъ кровной мести. Передъ нимъ истецъ, стоя на камнѣ, подавалъ свою жалобу, обвиняемый защищался такимъ же образомъ, и судъ рѣшалъ дѣло по законамъ, вырѣзаннымъ на высокомъ столбѣ. Ареопагъ имѣлъ право привлечь къ отвѣтственности каждаго аѳинянина и въ случаѣ виновности наложить на него тяжкія пени; самъ онъ не былъ отвѣтственнымъ ни передъ кѣмъ, кромѣ божества и своей совѣсти. Поэтому онъ долженъ былъ состоять изъ честныхъ, неподкупныхъ людей, изъ такихъ, семьи которыхъ издревле были въ высшемъ почетѣ, а это могли быть только благородные роды, предки которыхъ почитались, какъ герои. Они въ то же время были наиболѣе видными землевладѣльцами и принадлежали поэтому къ классу наиболѣе

АРЕОПАГЪ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

Можно отличить на скалѣ Ареопага ступени, которыя вели на площадку. Направо виденъ храмъ Ѳесея; въ глубинѣ—оливковая роща, и на горизонтѣ гора Эгалей, которая замыкаетъ, на западѣ, аттическую равнину.

обложенныхъ податями. Но члены совѣта не избирались ни филами, ни въ народномъ собраніи, но въ ареопагъ поступали ежегодно слагавшіе власть архонты, которые безупречно исправляли свою высокую должность и при своемъ избраніи, какъ и при отчетѣ послѣ должностного года, признаны были безукоризненными и друзьями гражданъ. Введеніемъ двухъ властей: ареопага и совѣта четырехсотъ, Солонъ думалъ придать государственному зданію прочность. Онъ сказалъ объ этомъ:

„Два якоря закинулъ я, чтобъ закрѣпить
Средь бурныхъ водъ свой государственный корабль".

Однако, можно было предвидѣть, что внутреннія политическія волненія все-таки не заставятъ себя ждать. Поэтому Солонъ издалъ дальнѣйшее распоряженіе, чтобъ при возникновеніи раздоровъ партій ни одинъ гражданинъ не оставался нерѣшительнымъ, но сталъ на ту или другую сторону. Этимъ надѣялся онъ доставить во всякое время побѣду правому дѣлу, ибо-де большинство станетъ на его сторону. Но онъ упустилъ изъ виду вліяніе, какое производятъ на толпу выгода и страхъ, подкупъ и сила, и отпюдь не достигъ предположенной цѣли. Поэтому, впослѣдствіи, при Клисѳенѣ былъ установленъ черепковый судъ (остракизмъ). Именно, когда казалось, что со стороны гражданина грозила опасность государству, то, по предложенію совѣта, народъ подавалъ голоса, держать ли такой судъ. Если вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ, то народъ собирался по филамъ, и каждый писалъ имя того гражданина, котораго онъ подозрѣвалъ въ стремленіи къ незаконной власти, на раковинѣ или черепкѣ и бросалъ ихъ послѣдній въ чашу. 6000 голосовъ осуждали подозрительнаго мужа на десятилѣтнее, позже—на пятилѣтнее изгнаніе, не лишая его чести и имущества. Такимъ судомъ надѣялись предотвратить раздоры и кровопролитіе, хотя иному и пришлось бы отъ него пострадать безъ вины.

Изъ остальныхъ законовъ Солона особенно нужно упомянуть о двухъ. По одному, запрещалось въ брачныхъ договорахъ ставить для невѣсты условіемъ приданое, чтобы на женщину не смотрѣли, какъ на товаръ; по другому, подъ угрозой высокаго наказанія, запрещено было всякое злословіе, особенно же касавшееся покойныхъ. Смерть, какъ думалъ мудрый законодатель, освящаетъ почившаго и исключаетъ враждебное къ нему настроеніе.

По сообщеннымъ здѣсь основнымъ чертамъ новаго государственнаго устройства, Солонъ, конечно, проложилъ путь демократіи, т.-е. владычеству всего народа, когда каждый гражданинъ имѣетъ равное право на управленіе государствомъ; но онъ никоимъ образомъ еще не установилъ ея. По его распоряженіямъ, государство все еще управлялось аристократически, т.-е. знатнѣйшими гражданами. Четвертый классъ, заключавшій въ себѣ безземельныхъ и потому какъ бы также менѣе способныхъ, устранялся отъ должности архонтовъ, отъ вступленія въ совѣтъ, какъ и отъ всякой должности, и имѣлъ только право голоса въ народномъ собраніи. Въ одномъ изъ своихъ поэтическихъ произведеній, отъ котораго сохранились отрывки, Солонъ слѣдующимъ образомъ высказывается относительно этого:

Столько народу я власти далъ, сколь достаточно было,
Должнаго не отнялъ, лишняго я не придалъ.
Тѣхъ же, кто власть ужь имѣли и отличались богатствомъ,
Также и ихъ не хотѣлъ тотчасъ обидѣть никакъ.
Сталъ я съ сильнымъ щитомъ, тѣхъ и другихъ покрывая
И не давъ никому несправедливыхъ побѣдъ.

Впрочемъ, законодательство простиралось на всѣ отношенія общественной и частной жизни. Государственныя власти были такъ распредѣлены, что взаимно держали себя въ равновѣсіи; положено было начало дальнѣйшему развитію конституціи. Поэтому она не была неизмѣнною и неподвижною, какъ въ Спартѣ.

Были приняты мѣры къ записи новорожденныхъ дѣтей въ спискѣ гражданъ; бракъ, также права женщины, насколько дозволяли таковыя ихъ низкое положеніе, не были оставлены безъ вниманія. Были распоряженія противъ праздности, между тѣмъ какъ другія охраняли всякое гражданское занятіе, какъ искусство, такъ и мастерство, и придавали ему почетность, что подстрекало гражданъ на всякомъ поприщѣ хорошо исполнять свои обязанности.

Особенная забота въ законахъ Солона была обращена на воспитаніе молодежи. Различіе между знатнымъ и незнатнымъ отпало; каждый мальчикъ, начиная съ седьмого года, долженъ былъ посѣщать мусическія школы, какъ и школы для борьбы (палестры). Въ первыхъ дѣти учились музыкѣ, т.-е. искусствамъ музъ, прежде всего благороднымъ произведеніямъ поэзіи, которыя запечатлѣвались въ памяти и затѣмъ пѣлись подъ звуки

струнъ. Въ послѣднихъ, при гимнастическихъ упражненіяхъ, обращали вниманіе не только на силу и ловкость тѣла, но также особенно на благородныя манеры, ибо гармоническое развертываніе и развитіе всѣхъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ было конечной цѣлью греческаго воспитанія. Далѣе были школы грамматиковъ, въ которыхъ молодежь училась читать и писать. Съ восемнадцатымъ годомъ жизни юноши посѣщали гимназіи, въ которыхъ продолжались мусическія, какъ и гимнастическія упражненія, и дѣлалось подготовленіе къ военной службѣ.

Окончивъ великое дѣло, Солонъ побудилъ совѣтъ и народъ къ торжественной клятвѣ, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ законы должны будутъ сохранять свое значеніе въ общественной и частной жизни. Несмотря на то, его такъ много осаждали вопросами объ истолкованіи и просьбами объ измѣненіи, что онъ предпочелъ удалиться на нѣкоторое время изъ Аѳинъ. Сначала онъ отправился въ Египетъ, въ страну чудесъ, гдѣ онъ будто бы получилъ отъ жрецовъ разъясненія о великомъ островѣ Атлантидѣ и о древней исторіи Греціи. Не менѣе хорошій пріемъ нашелъ онъ на Кипрѣ и въ Лидіи, у царя ея Креза, визитъ, который исторически, правда, мало засвидѣтельствованъ, такъ какъ мудрецъ умеръ уже въ 559 г., царь же этотъ вступилъ на престолъ только въ 560 г., но о которомъ мы все-таки разскажемъ, потому что повѣствованіе о немъ есть одно изъ прекраснѣйшихъ сказаній древности.

Солонъ у Креза. Царь Лидійскій Крезъ покорилъ себѣ много народовъ, также и греческіе города, въ Малой Азіи. Окруженный славой оружія и сокровищами, онъ повелѣвалъ въ блистательной своей столицѣ Сардахъ и считалъ себя любимцемъ счастья. Онъ пригласилъ Солона участвовать въ его празднествахъ и показалъ ему сокровища и рѣдкостныя произведенія искусства въ своемъ дворцѣ. Такъ какъ мудрецъ не выказывалъ никакого удивленія передъ всѣмъ этимъ великолѣпіемъ, то царь, жадно желая услышать себѣ похвалы, спросилъ его, кого онъ считаетъ счастливѣйшимъ между всѣми смертными, которыхъ онъ знаетъ. Солонъ объявилъ таковымъ какого-то Телла изъ Аѳинъ, который пользовался достаточнымъ благосостояніемъ и обладалъ хорошими дѣтьми и внучатами и, наконецъ, палъ съ большой честью за свой родной городъ въ побѣдоносной битвѣ. Царь

удивленно спросилъ Солона, за кѣмъ онъ послѣ этого человѣка признаетъ высшее земное счастье. Мудрецъ возразилъ: за двумя цвѣтущими юношами въ Аргосѣ, Клеобисомъ и Битономъ. Имъ боги послали высшее счастье, какое можетъ достаться на долю смертныхъ,—жизнь, украшенную добродѣтелью и смерть безъ страданій. Они были сыновьями жрицы великой богини Геры и взяли призы уже въ нѣсколькихъ состязаніяхъ. Вотъ, когда однажды слишкомъ долго не являлись священные быки, которые должны были повезти ихъ мать въ храмъ для жертвоприношенія, они впрягли въ колесницу себя самихъ и при рукоплесканіяхъ своихъ согражданъ потянули ее въ храмъ. Весь народъ хвалилъ счастливую мать, имѣющую такихъ сыновей; она же молилась великой богинѣ дать юношамъ ея лучшее благословенье. По совершеніи жертвоприношенія, Клеобисъ и Битонъ, украшенные вѣнками, точно побѣдители, заснули и геній съ угасающимъ факеломъ тихо взялъ ихъ и повелъ къ героямъ, чтобы впредь они веселились вмѣстѣ съ безсмертными.

ЭЗОПЪ

(БЮСТЪ ВЪ ВИЛЛѢ АЛЬБАНИ, ПО ВИСКОНТИ).

Само собой разумѣется, это лишь воображаемый видъ Эзопа, но не дѣйствительный его портретъ. Характерное въ этомъ бюстѣ то, что онъ изображаетъ отвратительнаго калѣку, который, однако, не болѣзненъ и не удрученъ, но свободно поднимаетъ лицо вверхъ. Особенное вниманіе нужно обратить на проницательный взоръ, признакъ остраго ума.

„И ты не считаешь развѣ моей славы и моихъ богатствъ никакимъ счастьемъ“?—разспрашивалъ царь, полный недовольства этимъ отвѣтомъ.—„О, Крезъ“,—отвѣтилъ Солонъ,—„человѣческая жизнь долга, и счастье, сегодня украшающее ее коронами, можетъ на слѣдующій день исчезнуть. Поэтому, ни одного человѣка нельзя почитать счастливымъ, пока онъ не достигъ конца своей

жизни, гдѣ мрачный рокъ не имѣетъ ужь болѣе силы надъ нимъ".

При блестящемъ дворѣ въ Сардахъ находился и знаменитый баснописецъ Эзопъ. Онъ былъ рабъ отъ рожденія и, по обычному предположенію, уродъ тѣломъ, былъ горбатъ. Однажды, путешествуя со своимъ хозяиномъ, онъ, несмотря на свой тѣлесный недостатокъ, навьючилъ на себя самую тяжелую часть багажа, именно корзину съ хлѣбомъ. Вначалѣ надъ нимъ изъ-за этого смѣялись; но черезъ нѣсколько дней запасъ хлѣба былъ съѣденъ, и онъ съ пустой корзиной весело шелъ среди прочихъ навьюченныхъ рабовъ, которые теперь удивлялись его умной предусмотрительности. Когда Эзопъ впослѣдствіи получилъ свободу, онъ у Креза нашелъ радушный пріемъ и почетное отличіе. Онъ присутствовалъ также при бесѣдѣ царя съ мудрецомъ изъ Аѳинъ.

Увидѣвъ же теперь, что Крезъ мрачно отвернулся отъ своего гостя, онъ посовѣтовалъ послѣднему придерживаться угодливыхъ рѣчей, если онъ хочетъ снискать себѣ царскую милость. Но мудрецъ не захотѣлъ послѣдовать такому совѣту и, отряхая пыль отъ ногъ, покинулъ дворецъ и городъ.

Хотя царь тогда и отнесся съ пренебреженіемъ къ мудрецу изъ-за его изреченія, показавшагося ему глупымъ, но когда впослѣдствіи столица Сарды была взята приступомъ Персами и самъ онъ съ четырнадцатью благородными лидійскими юношами былъ прикованъ къ костру, чтобы потерпѣть смерть отъ огня, онъ воскликнулъ въ горькомъ воспоминаніи: „О, Солонъ, Солонъ!" Киръ, побѣдоносный царь персидскій, спросилъ о значеніи этихъ словъ. Послѣ того какъ онъ узналъ, въ чемъ дѣло, онъ, помня о тлѣнности человѣческаго счастья, велѣлъ освободить несчастнаго Креза и оставилъ его у себя въ качествѣ друга и совѣтника.

Послѣ этихъ путешествій престарѣлый Солонъ вернулся въ свой родной городъ. Здѣсь видомъ недавно загорѣвшихся гражданскихъ раздоровъ нарушено было его спокойствіе и свѣтлое настроеніе, которыя онъ раньше сохранялъ при всякихъ обстоятельствахъ. Педіеи или богатые землевладѣльцы, предводимые Ликургомъ, параліи или жители побережья, руководимые Алкмеонидомъ Мегакломъ, и горные жители или діакріи вмѣстѣ съ громадной массой безземельныхъ, слѣдуя умному Пизистрату, враждовали и боролись другъ съ другомъ.

Напрасно мудрецъ, почти восьмидесятилѣтній старикъ, въ полномъ вооруженіи явился въ народное собраніе и произнесъ воодушевляющую рѣчь къ народу: страхъ пересилилъ его доводы, такъ какъ Пизистратъ, прославившійся прежними блестящими боевыми подвигами, съ согласія гражданъ набралъ себѣ отрядъ тѣлохранителей. Эта сила ставила повелителя въ возможность овладѣть акрополемъ и принудить своихъ противниковъ, Алкмеонидовъ, къ бѣгству. Солонъ не побѣжалъ. „Моя старость“, говорилъ онъ, „моя защита“. И дѣйствительно, побѣдитель выказалъ себя къ нему дружелюбнымъ; но уже въ слѣдующемъ году смерть избавила его отъ всякихъ колебаній судьбы. По другимъ сообщеніямъ, Солонъ лишь въ это время посѣтилъ Лидію и другія страны и умеръ въ Солахъ въ 559 г. до Р. Х.

Пизистратъ. Пизистратъ сперва недолго наслаждался владычествомъ; два другихъ предводителя партій соединились и принудили его очистить аттическую область. Но когда по вопросу о раздѣлѣ власти они разсорились, то Мегаклъ предпочелъ союзъ съ предпріимчивымъ изгнанникомъ и далъ ему дочь свою въ жены. Уловка, благодаря которой Пизистратъ вернулся въ городъ и снова вступилъ въ обладаніе присвоенной себѣ властью, характерна для тогдашняго состоянія образованности жителей Аттики. Въ блистательной военной колесницѣ, но не сопровождаемый вооруженными приверженцами и наемниками, онъ въѣхалъ въ городъ среди бѣла дня. Однако, ни одинъ гражданинъ не поднялъ меча или копья противъ опальнаго изгнанника, такъ какъ рядомъ съ нимъ стояла въ богатомъ вооруженіи статная и прекрасная лицомъ Паллада-Аѳина, покровительница города. Кто видѣлъ это зрѣлище, вполнѣ вѣрилъ ему и разсказывалъ дальше, такъ что вскорѣ распространилась во всей странѣ вѣсть, что сама богиня ввела Пизистрата обратно въ городъ. Лишь во время возобновленной впослѣдствіи ссоры съ Мегакломъ стало общеизвѣстнымъ, что женщина статнаго роста, по имени Фія, взяла на себя смѣлую роль и счастливо разыграла ее.

Еще разъ пришлось Пизистрату удалиться изъ города, но затѣмъ онъ вернулся со значительными военными силами, совершенно врасплохъ засталъ столицу, снова овладѣлъ ею и удержалъ за собой господство. Онъ сохранилъ формы Солоновой конституціи; равнымъ образомъ также облегчилъ отъ тягости граж-

данъ, заложилъ цѣлый рядъ новыхъ великолѣпныхъ зданій и привлекъ къ своему двору поэтовъ и художниковъ, что позволяли ему его громадныя богатства. Онъ былъ тиранномъ въ эллинскомъ значеніи этого слова, но кроткимъ и благодушнымъ, поддерживавшимъ законы Солона, поскольку ихъ можно было какъ-нибудь привести въ согласіе съ его владычествомъ.

Гиппій и Гиппархъ, сыновья его, наслѣдовали ему въ правленіи. Такъ-же достославно и блистательно, какъ отецъ ихъ, правили и они. Простолюдинъ спокойно и безпрепятственно наслаждался своимъ заработкомъ; торговыя сношенія и промышленность расширились, потому что находили поощреніе и споспѣшествованіе въ возраставшемъ процвѣтаніи страны. Солонъ ниспровергъ столбы, отмѣчавшіе заложенныя заимодавцамъ земли, Гиппархъ велѣлъ разставлять на улицахъ и дорогахъ красивыя гермы съ изреченіями простой житейской мудрости. Тамъ странникъ, проходя дорогой, могъ читать: „Никогда не обманывай друга“; „Ступай, да помышляй о хорошемъ“; „Всему знай мѣру“; такія фразы запечатлѣвались въ немъ и незамѣтно направляли его мысли на доброе и похвальное. Другого рода духовныя наслажденія находила знать при дворѣ своихъ правителей, здѣсь звучали арфы знаменитыхъ пѣвцовъ, и славные ученые излагали свою мудрость. Что при этомъ не было недостатка въ невоздержныхъ и распутныхъ наслажденіяхъ, понять легко, даже если бы не было историческихъ сообщеній объ этомъ. Изобиліе и обезпеченное владѣніе всегда сопровождаются ими. Но какъ разъ эти невоздержности дали поводъ къ низверженію господства Пизистратидовъ. Именно, два знатныхъ юноши, Гармодій и Аристогитонъ, чтобъ отомстить за личное оскорбленіе, затѣяли заговоръ среди аристократіи. Гиппій и Гиппархъ должны были пасть одновременно, но лишь послѣдній погибъ отъ кинжаловъ убійцъ (514); Гиппій не только избѣгнулъ смерти, но ему даже удалось, благодаря быстрой рѣшимости, одолѣть заговорщиковъ.

Съ того времени Гиппій сталъ деспотомъ въ полномъ смыслѣ слова и этимъ возбудилъ противъ себя ненависть большей части своего народа. Правда, ему удалось, съ помощью своихъ ѳессалійскихъ и ѳракійскихъ наемниковъ, еще четыре года останавливать всякую попытку къ ниспроверженію его владычества; однако, наконецъ, изгнанные Алкмеониды, благодаря великолѣпной

новой постройкѣ сгорѣвшаго храма въ Дельфахъ, пріобрѣли благоволеніе оракула и чрезъ его изреченія могущественное содѣйствіе Спарты.

Лакедемонскій царь Клеоменъ, съ которымъ мы уже познакомились, какъ съ побѣдителемъ аргивянъ, вторгся въ Аѳины, осадилъ акрополь и принудилъ тирана удалиться изъ аттической области (510). Тотъ бѣжалъ со своими сокровищами на мысъ Сигей, что въ древней троянской землѣ, гдѣ у Аѳинъ было значительное владѣніе подъ верховенствомъ персидскаго царя Дарія. Отсюда онъ дѣлалъ различныя попытки возвратить себѣ власть; онъ даже склонилъ на свою сторону честолюбиваго побѣдителя своего, Клеомена, который двинулся со значительными силами для угнетенія возвышающихся Аѳинъ. Но когда союзники, именно Коринѳъ и другой царь спартанскій, Демаратъ, узнали о причинѣ и цѣли похода, они не захотѣли быть невольными орудіями властолюбія и вернулись на родину. Гиппій тогда отправился ко двору персидскаго царя за помощью противъ непокорнаго города, и вскорѣ наступили обстоятельства, повидимому благопріятствовавшія его планамъ.

Какъ впослѣдствіи ни гнушались господствомъ Пизистратидовъ, оно все-таки принесло много пользы. При этихъ правителяхъ Аѳины очень увеличились: именно, въ черту города было включено мѣстечко гончарниковъ — Керамикъ. Тамъ вскорѣ стало тѣсниться населеніе промышленниковъ, и Пизистратъ велѣлъ проложить водопроводъ, высѣченный частью въ скалахъ и еще донынѣ обильно снабжающій эту часть города водою для питья. Далѣе, къ югу отъ акрополя, на Илиссѣ, онъ положилъ основаніе для исполинскаго храма олимпійскаго Зевса. Не менѣе важными были распоряженія по празднованію Панаѳиней: это празднество въ честь высокой покровительницы города должно было совершаться каждые четыре года съ особенной торжественностью. Тогда юноши и дѣвицы въ торжественной процессіи поднимались на акрополь и по древнему обычаю приносили въ даръ богинѣ вѣнокъ изъ колосьевъ и новое, сотканное дѣвицами, одѣяніе. Въ ночь передъ тѣмъ происходило состязаніе въ бѣгѣ съ факелами, къ которому послѣ присоединялись бѣгъ на колесницахъ и гимнастическія состязанія. Наградой былъ вѣнокъ изъ листьевъ священной маслины и урна

съ масломъ отъ масличныхъ деревьевъ богини. Еще болѣе высокое значеніе получило также покровительствуемое и расширенное Пизистратомъ празднованіе Діонисовыхъ торжествъ, при чемъ обычное въ нихъ перемѣнное пѣніе хоровъ постепенно перешло въ драматическое дѣйствіе, изъ котораго возникла совершеннѣйшая форма поэзіи, драма.

Клисѳенъ. Въ Аѳинахъ, послѣ окончательнаго изгнанія Пизистратидовъ, Солоново государственное устройство стало свободно отъ своихъ оковъ и достигло полнаго примѣненія со всѣми своими преимуществами и недостатками. Но теперь выяснилось, что оба совѣта вовсе не были настолько крѣпкими якорями, чтобъ удерживать государственный корабль постоянно въ безопасности и спокойствіи. Четыре филы, избиравшія членовъ совѣта, находились подъ вліяніемъ богатыхъ и знатныхъ, а эти вскорѣ возобновили борьбу за господство въ государствѣ.

Какой горожанинъ или крестьянинъ сталъ бы спорить съ ними или привлекать ихъ къ отвѣтственности? Они располагали тысячами гражданъ, которые извлекали отъ нихъ выгоду или должны были бояться ихъ мести. Но вотъ вступился Клисѳенъ, бывшій уже въ послѣднихъ битвахъ защитой и оплотомъ гражданъ. Клисѳенъ, другъ гражданъ, какъ и Солонъ, былъ человѣкъ, которому суждено было двинуть впередъ государственное устройство въ рѣшительно демократическомъ направленіи. Онъ стремился къ тому, чтобъ создать свободное государство, граждане котораго, горя одинаковой любовью къ отечеству, были бы готовы посвятить ему имущество и жизнь свою. Для этого требовалось, чтобы старое дѣленіе на четыре колѣна (филы), на братства (фратріи) и роды было вполнѣ уничтожено. Но какъ высоко ни выдавался Клисѳенъ своими подвигами на войнѣ и въ мирное время, онъ не могъ отважиться на уничтоженіе этихъ преградъ безъ всякихъ разсужденій. Поэтому онъ обратился къ дельфійскому оракулу, и прорицательница, храмъ которой вновь выстроила его семья, повелѣла отъ имени свѣтоносца Аполлона придать аѳинскому государственному устройству новую, благоугодную богу, форму, такъ какъ старая обречена на гибель.

Въ силу этого изреченія оракула, Клисѳенъ уничтожилъ прежніе союзы; взамѣнъ ихъ онъ учредилъ десять новыхъ филъ, изъ которыхъ каждая въ свою очередь распадалась на пять навкрарій,

по два дема въ каждой. Всего, значитъ, выходило 100 демовъ или территоріальныхъ общинъ. Такъ какъ новое дѣленіе происходило независимо отъ родовыхъ союзовъ и безъ отношенія къ имущественному положенію и было въ сущности чисто территоріальнымъ, то чрезъ это крестьянинъ во многихъ отношеніяхъ освобождался отъ прежней непосредственной зависимости отъ помѣщика, и существовавшая до тѣхъ поръ замкнутость сословій значительно устранялась тѣмъ, что теперь каждый округъ и каждая фила заключала въ себѣ одновременно богатыхъ, менѣе зажиточныхъ и бѣдныхъ. Населеніе Аттики чрезвычайно возросло благодаря принятію изгнанныхъ дорянами съ своихъ мѣстъ жительства іонянъ, ахеянъ, минійцевъ и др. Бѣглецы, правда, частью выселились въ Малую Азію; но многіе предпочли поселиться въ Аттикѣ, хотя они были тамъ безъ правъ гражданства. Клисѳенъ принялъ всѣхъ свободныхъ жителей въ новые демы и филы и предпринялъ новую, равномѣрную раскладку правъ и повинностей такимъ образомъ, что тягости войны, общественныхъ празднествъ и поземельнаго налога несли всѣ филы и демы поровну, въ то время какъ въ нѣдрахъ ихъ оставалось сохраненнымъ прежнее установленіе обязательныхъ взносовъ сообразно съ состояніемъ каждаго въ отдѣльности; на государственныя должности и на подачу голоса въ народномъ собраніи имѣли одинаковое право всѣ свободные граждане безъ различія. Совѣтъ четырехсотъ, засѣдавшій ежедневно, исключая праздниковъ, въ ратушѣ (булевтеріѣ), былъ увеличенъ на сто членовъ, и каждая фила избирала изъ своей среды, не взирая на личность и на имущество, ежегодно пятьдесятъ членовъ совѣта, подлежавшихъ тщательному испытанію.

Такъ какъ богатые, принадлежавшіе къ старинной аристократіи землевладѣльцы все еще имѣли большое вліяніе на выборы, то впослѣдствіи архонты и члены совѣта стали назначаться по жребію, какъ засѣдатели геліэи. Это распоряженіе, правда, могло привести къ неудобствамъ, если бы ремесленникъ или крестьянинъ сдѣлался президентомъ республики, завѣдующимъ святилищами или верховнымъ военачальникомъ; но жребій рѣшалъ дѣло лишь между соискателями высшихъ государственныхъ должностей, а туда простолюдинъ не тискался.

Къ этому присоединялось то, что власть архонтовъ была значительно уменьшена. Первый архонтъ отнынѣ не имѣлъ болѣе

въ своихъ рукахъ ключей акрополя и архива, ни государственной печати, ни даже предсѣдательства въ народномъ собраніи. Все это передано было главѣ пританов. Послѣдніе, какъ мы знаемъ, чередующаяся комиссія пятисотъ, исправляли по 35 или 36 дней свою должность и въ продолженіе этого времени должны были созвать одно народное собраніе на холмѣ Пниксѣ, къ западу отъ акрополя, гдѣ полукругомъ были высѣчены въ скалѣ сидѣнія для гражданъ. Тамъ сидѣли свободные мужи, а передъ ними стоялъ на камнѣ ораторъ, высказывавшій имъ свои предложенія относительно благосостоянія и по поводу несчастія государства, относительно войны и мира и приглашавшій ихъ принять рѣшеніе.

Ареопагъ остался почти незатронутымъ измѣненіемъ конституціи; за то оно простиралось на всѣ другія вѣтви управленія. У перваго архонта былъ отнятъ надзоръ за государственной казной и переданъ десяти казначеямъ, избиравшимся филами изъ числа гражданъ, наиболѣе обложенныхъ податями. Также по избранію, а не по жребію, филы назначали десять стратеговъ или полководцевъ, наблюдавшихъ подъ предсѣдательствомъ архонта-полемарха за снаряженіемъ и выступленіемъ вооруженныхъ силъ и руководившихъ этимъ дѣломъ и по-очереди командовавшихъ въ походѣ. Стратегомъ могъ становиться всякій женатый и осѣдлый гражданинъ, сдѣлавшійся достойнымъ всеобщаго довѣрія, какъ это требовалось и при всѣхъ другихъ государственныхъ должностяхъ.

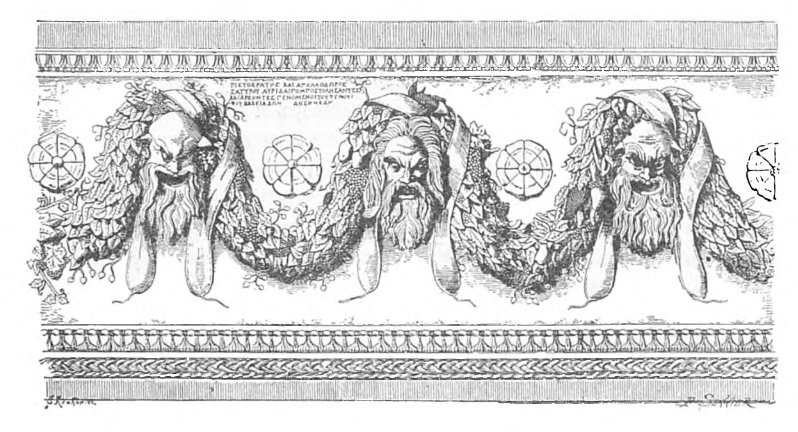
Черезъ привлеченіе всѣхъ гражданъ къ управленію, черезъ публичное веденіе дѣлъ, дѣйствительно, среди всѣхъ классовъ населенія распространялось разумѣніе и знаніе нуждъ государства и разжигалось соревнованіе, которое, пока верховной цѣлью стремленія было благополучіе отечества, поднимало Аѳины на высоту могущества и славы, какой рѣдко достигала страна подобнаго объема. Когда же время одушевленія миновало, когда, среди достигнутыхъ наслажденій, на мѣсто любви къ отечеству стали эгоизмъ и корыстолюбіе, въ народѣ завелось множество изворотливыхъ, подкупныхъ и жаждущихъ нововведеній праздношатающихся людей. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, подъ руководствомъ благороднаго Клисѳена свободное государственное устройство оправдало себя блестящимъ образомъ. Аѳинамъ, благодаря ковнямъ Исагора, вождя аристократической партіи, угрожала надменная Спарта, мо-

реходцы-эгинеты грабили берега, граждане Халкиды на Эвбеѣ вторглись въ Аттику съ одной стороны, ѳивяне съ другой. Всѣмъ этимъ врагамъ свободное государство, которому благопріятствовало несогласіе противниковъ, дало отпоръ и побѣдоносно вышло изъ борьбы. На Эвбеѣ пріобрѣтена была большая, плодоносная полоса земли, на которой поселили 4000 неимущихъ крестьянъ. Отъ ѳивскаго могущества Аѳины защитили небольшой городъ Платею и приняли его подъ свою защиту. Даже въ отдаленныя мѣста на ѳракійскій Херсонесъ, гдѣ существовала уже аттическая колонія, и въ Сигей, что въ троянской землѣ, были посланы отряды поселенцевъ.

Прочія греческія государства были, по большей части, устроены аристократически, по образцу Спарты; другія, особенно острова и іонійскіе города въ Малой Азіи—демократически. Но послѣдніе города около этого времени были подчинены лидійскимъ царямъ, а когда эти цари были покорены персами,—персидскимъ и повиновались, по персидскому обыкновенію, сатрапамъ или намѣстникамъ великаго царя, у котораго были въ подданствѣ азіатскія страны по всѣмъ направленіямъ.

Тамъ, въ царствѣ великаго царя, господствовалъ произволъ; здѣсь, въ Аттикѣ, духъ свободы проникалъ всѣ слои населенія. Какъ цѣлое государственное хозяйство, такъ и всѣ частныя отношенія были благоустроены и отчасти находились подъ тщательнымъ надзоромъ. Законодатель исходилъ изъ положенія, что гражданинъ прежде всего долженъ споспѣшествовать не столько своимъ личнымъ цѣлямъ, сколько всеобщему благополучію. Это могло происходить лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ своихъ внѣшнихъ стремленіяхъ, какъ и въ своихъ домашнихъ занятіяхъ, подчинялся существующему порядку. Поэтому поближе разсмотримъ греческое хозяйство и прослѣдимъ жизнь гражданина отъ его рожденія до того часа, когда на его послѣ смерти окоченѣлую голову надѣвали послѣдній вѣнокъ.

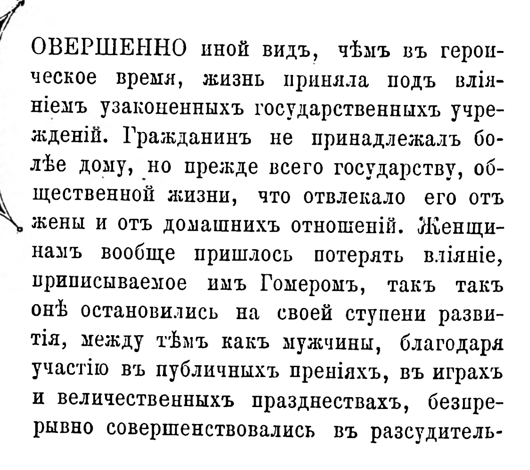

ОБЛОМОКЪ БАЗЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ДВУМЯ АРХОНТАМИ ОДНОГО РОДА (НАЙДЕНА ВЪ АѲИНАХЪ ВОЗЛѢ ТЕАТРА ДІОНИСА).

ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА.

НРАВЫ И ОБЫЧАИ

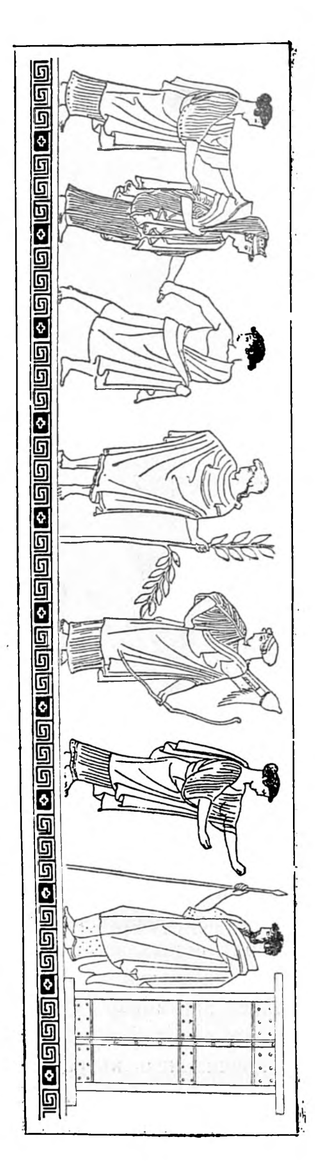
СОВЕРШЕННО иной видъ, чѣмъ въ героическое время, жизнь приняла подъ вліяніемъ узаконенныхъ государственныхъ учрежденій. Гражданинъ не принадлежалъ болѣе дому, но прежде всего государству, общественной жизни, что отвлекало его отъ жены и отъ домашнихъ отношеній. Женщинамъ вообще пришлось потерять вліяніе, приписываемое имъ Гомеромъ, такъ такъ онѣ остановились на своей ступени развитія, между тѣмъ какъ мужчины, благодаря участію въ публичныхъ преніяхъ, въ играхъ и величественныхъ празднествахъ, безпрерывно совершенствовались въ разсудитель-

ности и многосторонности образованія. Только въ Спартѣ, гдѣ женщины имѣли доступъ къ играмъ и праздничнымъ процессіямъ, гдѣ онѣ имѣли право высказывать похвалу или порицаніе относительно поведенія мужей и юношей, онѣ не отставали отъ послѣднихъ, будучи смѣлы, энергичны, цѣломудренны, обладая тѣлесной красотой, а не скромными домашними добродѣтелями какой-нибудь Пенелопы.

СТАТУЭТКА ИЗЪ ТАНАГРЫ (ВЪ ЛУВРСКОМЪ МУЗЕѢ).

Женскій полъ. Въ большинствѣ греческихъ государствъ дѣятельность женщинъ ограничивалась управленіемъ хозяйствомъ, уходомъ за маленькими дѣтьми, да надзоромъ за рабынями. Женщины и дѣвушки участвовали также въ нѣкоторыхъ празднествахъ, напр. Панаѳиней, и иногда собирались въ дружескія собранія, изъ которыхъ, однако, исключалось всякое мужское общество. Онѣ обитали въ задней, обособленной части дома, не будучи, впрочемъ, въ ней запертыми. Онѣ вращались также и въ помѣщеніи мужа и удалялись только тогда, когда входили чужіе. Точно также занимались онѣ своими дѣлами и внѣ дома, дѣлая закупки и заказы для хозяйства. Дочери воспитывались въ строгомъ уединеніи. Онѣ, какъ незамужнія, не смѣли никогда показываться внѣ дома безъ покрывала. Поэтому онѣ оставались скромными, стыдливыми, но также и робкими и безъ высшаго духовнаго образованія. Онѣ также не имѣли голоса при выборѣ супруга. Женихъ вступалъ въ переговоры съ отцомъ или вообще съ главою семьи, съ которой онъ искалъ союза; принимались въ расчетъ сословіе, обоюдное состояніе, опредѣлялось приданое, и этимъ оканчивался сговоръ, безъ того, чтобы женихъ ближе познакомился съ своей

ГРЕЧЕСКОЕ СВАДЕБНОЕ ШЕСТВІЕ (ПО ЖИВОПИСИ НА ГРЕЧ. ВАЗѢ).

Слѣва подходитъ невѣста, одѣтая въ хитонъ и гиматіонъ, убранная стефаной (вѣнкомъ) и покрываломъ, медленнымъ шагомъ, шагомъ, влекомая впередъ слѣдующей за нею шаферицей и водимая за лѣвую руку идущимъ впереди шаферомъ. Впереди ихъ шествуютъ оба свадебныхъ божества—Аполлонъ и Артемида, по главной шествія является женщина, вѣроятно сваха, простирающая обѣ руки къ жениху, который передъ дверью своего дома ожидаетъ шествіе.

невѣстой или испрашивалъ ея согласія.

Въ день передъ свадьбой совершалось торжественное жертвоприношеніе Зевсу и Герѣ, часто также и Артемидѣ, а въ самый день бракосочетанія, какъ женихъ, такъ и невѣста брали ванну, для чего вода приносилась изъ священнаго источника. Въ домѣ родителей невѣсты приготавливался праздничный обѣдъ. Въ немъ принимали участіе и женщины, чего не бывало ни при какомъ другомъ случаѣ. При этомъ не было недостатка въ весельи и шуткахъ; иначе и не могло быть при веселомъ нравѣ грековъ. Къ вечеру, наконецъ, женихъ съ избраннымъ шаферомъ увозилъ дѣвушку домой въ коляскѣ, запряженной мулами или волами. Родители жениха и невѣсты, особенно матери, и друзья со свадебными факелами присоединялись къ шествію, которое при звукахъ флейтъ и пѣніи гименея медленно двигалось къ разукрашенному вѣнками дому

жениха. Прохожіе провозглашали поздравленія, на которыя женихъ любезно отвѣчалъ, въ то время какъ невѣста сидѣла возлѣ него подъ густымъ покрываломъ и въ молчаніи. Около полуночи новобрачныхъ провожали къ ихъ спальнѣ и запѣвали свадебную пѣсню, чѣмъ и оканчивался праздникъ. На слѣдующій день молодая получала подарки отъ мужа и друзей дома, но лишь на третій день она могла въ качествѣ хозяйки дома показаться безъ покрывала и принять подъ свое руководство домашнія дѣла.

Въ Спартѣ это торжество имѣло болѣе суровый характеръ: тамъ женихъ, если не достигъ еще тридцатилѣтняго возраста, насильно похищалъ невѣсту, правда, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ ея родителями и съ ихъ согласія. Можно даже предположить, что, при обычныхъ въ Спартѣ болѣе свободныхъ сношеніяхъ между молодыми людьми обоего пола, и невѣста въ большинствѣ случаевъ давала свое согласіе. Спартанка, вышедши замужъ, выказывала себя важной матроной, заботившейся о хозяйствѣ и чести дома. Она не посѣщала болѣе мѣстъ игръ и упражненій дѣвушекъ; однако, вовсе не была ограничена внутренними покоями, но безпрепятственно вела знакомство съ мужчинами и женщинами. Аѳинянка высшихъ сословій, напротивъ, вступившая въ бракъ уже въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, обыкновенно оставалась робкой и застѣнчивой. Она не выучивалась вращаться легко и непринужденно, такъ какъ оставалась исключенной почти отъ всѣхъ общественныхъ связей. Однако, приходится читать и о жалобахъ на женодержавіе въ домѣ; значитъ, духовное превосходство доставляло женамъ большее вліяніе и болѣе свободное положеніе.

Рожденіе ребенка. Если въ домѣ родилось дитя, то отецъ былъ воленъ признать его или вынести изъ дома. Послѣднее, правда, не было позволено положительнымъ закономъ, какъ въ Римѣ, но и не было опредѣлено наказаніе за выбрасыванія. Впрочемъ, этимъ жестокимъ правомъ пользовались все-таки лишь изрѣдка, такъ какъ отеческое или материнское сердце нигдѣ не можетъ отречься отъ любви къ собственному ребенку. Если послѣдовало признаніе, то на пятый день послѣ рожденія праздновалось семейное торжество. Повивальная бабка обносила ребенка вокругъ огня Гестіи, горѣвшаго на очагѣ въ портикѣ дома, а затѣмъ происходило праздничное пиршество въ честь новорожденнаго. Бо-

лѣе важное торжество совершалось на десятый день. Тогда отецъ приносилъ жертву и давалъ ребенку имя. Затѣмъ всѣ друзья дома, свободные и даже рабы, подносили младенцу подарки, которые для него береглись на будущее время. Веселый пиръ заключалъ и это торжество, которымъ въ извѣстномъ отношеніи ребенокъ принимался въ личный составъ общины.

Присмотръ за маленькимъ гражданиномъ, попеченіе о немъ и его воспитаніе въ первые годы предоставлялись одной матери. Его убаюкивали, качая или нося его въ корытцѣ или иногда и на выпукломъ щитѣ отца. Позже непослушное или крикливое дитя пугали разсказами о Ламіяхъ и Эмпузахъ, призрачныхъ существахъ, питающихся яко-бы человѣческимъ мясомъ, похищающихъ маленькихъ дѣтей и высасывающихъ у нихъ кровь. Съ другой стороны, имъ передавали и пріятные разсказы, особенно Эзоповы басни, давали куклы, разныя фигурки, солдатиковъ, мужиковъ, рыбаковъ, сдѣланныя изъ глины и т. д., и старались занимать ихъ увеселительными играми, которыя отчасти вполнѣ совпадаютъ съ теперь еще существующими. Такъ подростали дѣти, пока мальчики не переходили въ школы и гимназіи, дѣвочки же, рядомъ со скуднымъ обученіемъ внѣ дома, наставлялись матерью въ рукодѣльяхъ; такъ вступали они въ болѣе зрѣлый возрастъ, когда тѣ должны были исполнять задачи жизни на агорѣ и на полѣ брани, эти—въ уединеніи дома, пока не являлся геній съ опущеннымъ факеломъ и не полагалъ предѣла ихъ стремленіямъ.

Смерть и погребальные обряды. Въ общемъ, въ Греціи не питали вовсе ребяческаго страха передъ смертью. Тамъ была привычка съ бодрымъ духомъ смотрѣть на жизнь, и точно также мужественно подчинялись Мойрѣ (судьбѣ), властвовавшей, по греческому вѣрованію, надъ богами и людьми. Мы находимъ не разъ въ изреченіяхъ греческихъ мудрецовъ выраженнымъ взглядъ, что смерть послѣ славныхъ подвиговъ—величайшее счастье, даруемое благочестивому смертному милостью боговъ.

Когда въ домѣ произошелъ смертный случай, то родные съ благочестивой заботливостью совершали приготовленія къ погребенію, такъ какъ думали, что отъ этого зависитъ благополучный пріемъ покойнаго въ царство тѣней. Было самымъ страстнымъ желаніемъ эллина, по смерти своей, быть торжественно по-

гребеннымъ, и точно также считалось величайшимъ нечестіемъ отказать въ послѣдней почести даже врагу. Какъ только почившему закрыли глаза, ему клали въ ротъ оболъ для уплаты мрачному Харону, перевозившему души черезъ Стиксъ (Стигъ), за перевозъ. Тѣло затѣмъ обмывали, натирали благовоннымъ масломъ и облекали въ чистое, бѣлое одѣяніе. Потомъ клали на

ВЫСТАВЛЕНІЕ И ОПЛАКИВАНІЕ ПОКОЙНИКА

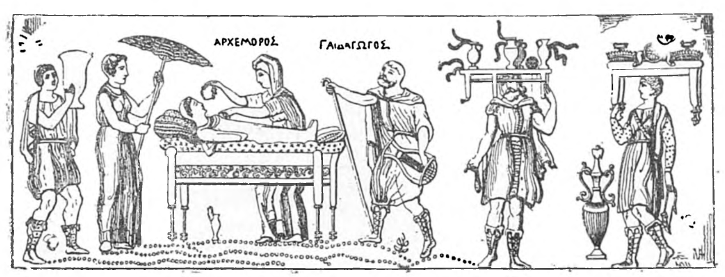
(СЦЕНА ОПЛАКИВАНІЯ ПОКОЙНИКА, ПО ЖИВОПИСИ НА ДОСКѢ ИЗЪ ОБОЖЖЕННОЙ ГЛИНЫ, НАЙДЕННОЙ ВЪ АТТИКѢ И НАХОДЯЩЕЙСЯ ТЕПЕРЬ ВЪ ЛУВРѢ).

Живописецъ изобразилъ выставленіе покойника (πρόθεσις), имѣющее мѣсто внутри дома, какъ это показываетъ колонна налѣво. Вокругъ трупа, простертаго на богато изукрашенномъ парадномъ ложѣ, столпились члены семьи, женщины съ одной, мужчины съ другой стороны. Возлѣ ложа находятся мать и бабушка, затѣмъ тетки, изъ коихъ одна, непосредственно позади матери, можетъ быть есть тетка по отцу; впереди—юныя сестры почившаго. Всѣ онѣ живо выражаютъ свою печаль жестами отчаянія: онѣ или прикладываютъ одну руку къ своимъ волосамъ, какъ бы для того, чтобы вырвать ихъ, а другую протягиваютъ къ покойнику, или же онѣ сжимаютъ себѣ голову обѣими руками. Дальше влѣво хоръ мужчинъ: отецъ и братья. Всѣ держатъ руки протянутыми прямо впередъ и съ высоко поднятой головой поютъ «плачевный гимнъ», который запѣлъ отецъ и который онъ дирижируетъ, повернувшись въ ихъ сторону. Одна изъ женщинъ глядитъ на нихъ, ожидая, безъ сомнѣнія, когда они кончатъ пѣть, чтобъ дать сигналъ хору женщинъ. Такимъ образомъ пройдетъ печальный день. Среди надписей, начертанныхъ на полу, есть такія, которыя передаютъ восклицанія горя.

голову вѣнокъ изъ цвѣтовъ и плюща и, кромѣ того, украшали шею, руки и грудь лентами и вѣнками. На второй день происходило публичное выставленіе тѣла, и притомъ на возвышенномъ ложѣ. Въ Аѳинахъ это происходило внутри дома, въ другихъ мѣстностяхъ также и внѣ его, передъ дверьми. Тутъ начинали плакать и выражали свое горе словами женщины; кромѣ того, даже нанимали особыхъ плакальщицъ, ударявшихъ себя при

этомъ въ голову и грудь и царапавшихъ себя до крови,—обычай, уничтоженный или во всякомъ случаѣ очень стѣсненный законодательствомъ Солона. На третій день трупъ выносился родственниками, и притомъ въ предшествіи флейтщицъ или лицъ, пѣвшихъ плачевныя пѣсни. Прочіе родственники слѣдовали въ стройномъ шествіи.

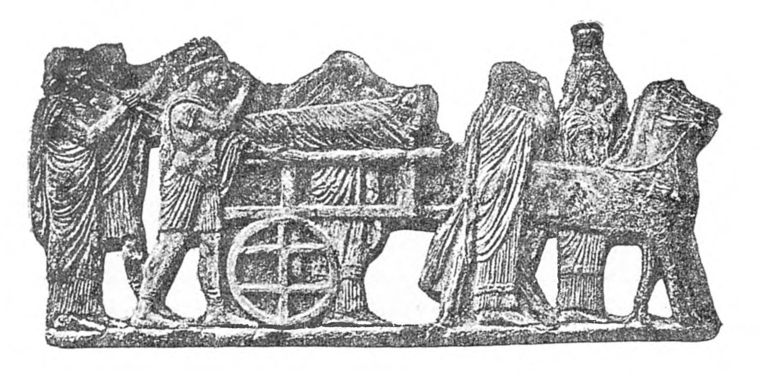
Что касается погребенія, то долго спорили о томъ, происходило ли зарываніе труповъ, или одно сожиганіе; но теперь внѣ сомнѣнія, что были въ употребленіи оба способа погребенія. Не только въ Великой Греціи (Нижней Италіи), но и собственно въ Элладѣ открыли много могилъ и нашли въ нихъ частью гробы съ костями, частью урны съ пепломъ. Когда благочестивый долгъ погребенія былъ исполненъ, вступали въ силу права оставшихся послѣ покойника. Они собирались еще разъ въ скорбномъ домѣ на пиръ, которымъ и заканчивалось погребальное торжество. Время посмертнаго траура въ Аѳинахъ опредѣлено было въ 30 дней. Въ продолженіе этого времени родные умершаго носили черное верхнее платье или гиматіонъ. Они воздерживались отъ участія въ публичныхъ увеселеніяхъ и избѣгали также въ домѣ всякаго шумнаго выраженія радости.

ВЫСТАВКА УМЕРШАГО ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ (ГРЕЧЕСКІЙ БАРЕЛЬЕФЪ).

Похоронами и трауромъ долгъ по отношенію къ умершему вовсе еще не былъ исполненъ совершенно. Трауръ въ Аѳинахъ продолжался тридцать, въ Спартѣ двѣнадцать дней, затѣмъ тушили огонь очага, оскверненный смертію, и снова зажигали его головней съ неоскверненнаго очага. На третій и девятый день послѣ погребенія, у могилы совершались жертвоприношенія, и мѣсто это украшалось цвѣтами; часто также ближайшіе родствен-

ники обрѣзали свои волосы на головѣ и посвящали ихъ умершему родственнику, подобно тому, какъ разсказывается это объ Орестѣ, почтившемъ такимъ даромъ своего убитаго отца, Агамемнона. Воображали себѣ, что отошедшимъ душамъ угодны такія подношенія, такъ какъ вѣрили въ извѣстную связь между царствомъ смерти и жизни. Патроклъ является другу своему, Ахиллесу, чтобъ напомнить ему объ обязанности погребенія. Также о Періандрѣ, единодержавцѣ Коринѳскомъ, разсказываютъ, что онъ каждую ночь видѣлъ погибшую по его винѣ жену свою Меллису стоящей, сѣтуя, возлѣ его ложа. Онъ, въ испугѣ, спра-

ПОХОРОННОЕ ШЕСТВІЕ (ТЕРРАКОТТОВАЯ ТАБЛИЧКА ВЪ СОБРАНІИ РАЙЭ, ВЪ ПАРИЖѢ).

шиваетъ ее, почему она не находитъ покоя, и она открываетъ ему, что она не можетъ переносить холода смерти, потому что онъ, хотя и далъ ей въ гробницу одѣянія и драгоцѣнности, но не сжегъ ея на кострѣ. Тираннъ тогда велѣлъ всѣмъ матронамъ города принести платьевъ и предалъ ихъ пламени. Онъ надѣялся этой жертвой примирить гнѣвающуюся тѣнь; но онъ желалъ также узнать то мѣсто, гдѣ жена его спрятала нѣкогда большое сокровище. Поэтому онъ отправилъ знакомыхъ съ волшебствомъ людей въ Ѳеспротію, что въ Эпирѣ: тамъ въ страшныхъ горахъ зіяла пропасть, которая вела въ мрачное царство Аида. Здѣсь заклинатели мертвыхъ зарѣзали чернаго ягненка, около полуночи провели свои магическіе круги и позвали духъ сильными магическими формулами. Онъ явился заклинате-

лямъ, страшный на видъ, такъ какъ онъ нехотя повиновался принужденію. Когда же его примирили лившейся потокомъ крови жертвы, то онъ далъ требуемыя свѣдѣнія. Намъ повѣствуютъ еще о другихъ появленіяхъ духовъ, о томъ, какъ тѣни убитыхъ людей нарушали ночной покой убійцы, какъ они жалобно летали около мѣста, гдѣ покоились ихъ кости безъ торжественныхъ похоронъ, пока имъ не была оказана послѣдняя почесть. Отсюда видно, что вѣра въ привидѣнія въ древности была такъ же сильна, какъ въ позднѣйшее время, и что ужъ тогда бывали люди, которые хвалились, будто они знакомы съ тайнами царства тѣней и обладаютъ таинственными силами, которыми можно заклинать покойныхъ. Они тогда часто требовали не только золота и жертвенныхъ животныхъ для своихъ заклинаній, но даже внутренностей и крови невинныхъ дѣтей.

Кости воиновъ, павшихъ въ бою за отечество, сожигались на полѣ брани. Пепелъ павшихъ затѣмъ привозили въ городъ, и притомъ отдѣльно въ большихъ сосудахъ изъ кипарисоваго дерева, по филамъ. Послѣ того какъ эти сосуды пробыли тамъ публично выставленными въ продолженіе трехъ дней, ихъ, въ сопровожденіи горевавшихъ родственниковъ, приносили на мѣсто погребенія, гдѣ назначенный правительствомъ ораторъ произносилъ надгробную рѣчь, прежде чѣмъ пепелъ предавался землѣ. Такъ чтили бренные останки храбрыхъ мужей и сохраняли также память ихъ надписями надъ мѣстомъ ихъ успокоенія.

Гробы были обыкновенно изъ глины, но также и изъ кипарисоваго дерева; урны для пепла были всегда изъ глины или у состоятельныхъ гражданъ изъ бронзы, что было дороже, но за то и прочнѣе. Могилы простого люда были тѣсно скученными на общемъ мѣстѣ погребенія общины; обозначали ихъ стелами, т.-е небольшими каменными столбами, на которыхъ вырѣзывались имена умершихъ, иногда также свѣдѣнія о его дѣяніяхъ и жизни, съ разными скульптурными изображеніями. Богатые граждане устраивали могилы родныхъ своихъ вдоль дороги и украшали ихъ болѣе крупными памятниками, содержавшими подробныя надписи и иногда интересныя двустишія или болѣе длинныя строфы изъ произведеній поэзіи. Нерѣдко такой памятникъ состоялъ изъ жертвенника, на которомъ въ искусныхъ рельефахъ вырѣзаны были дѣянія умершаго; иногда надъ жертвенникомъ надстраивалась

ГРЕЧЕСКІЙ НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ (ЛУВРСКІЙ МУЗЕЙ).

прелестная капелла, далеко виднѣвшаяся своими колоннами. Сама усыпальница высѣкалась въ скалѣ подъ памятникомъ и состояла, если это должно было быть семейной гробницей, изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Въ эллинскомъ городѣ Киренѣ, въ Африкѣ, мы находимъ гробницы устроенными еще величественнѣе, что можетъ быть нужно приписать вліянію, которое оказывалъ египетскій обычай тамъ больше, чѣмъ въ Элладѣ. Въ послѣднее время открыли нѣсколько такихъ памятниковъ въ мѣстности того древняго греческаго города.

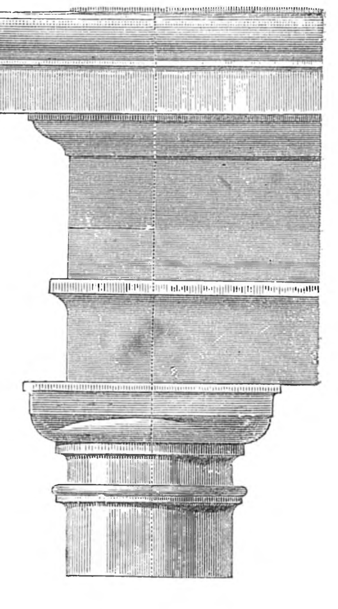
ИСКУССТВА.

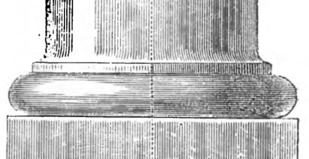
ОТЪ обрядовъ, которыми чтили умершихъ, вернемся къ наблюденію кипучей жизненной дѣятельности и прежде всего бросимъ взглядъ на суровую, замкнутую въ себѣ Спарту. Тамъ, какъ мы уже видѣли, важнѣйшимъ занятіемъ, пристойнымъ свободному мужу, было военное дѣло. Игры, упражненія, празднества, увеселенія, особенно охота, все это имѣло отношеніе къ войнѣ и было разсчитано на то, чтобы сдѣлать душу и тѣло гражданъ къ ней способными. Въ другихъ государствахъ земледѣліе, ремесло, искусство и торговля не только дозволялись, но, какъ особенно въ Аѳинахъ, предписывались законами и охранялись и находили поддержку, какъ почетное занятіе свободныхъ гражданъ.

При природной утонченности чувства изящнаго у грековъ, ремесло постепенно должно было возвыситься до художества, а оживленныя морскія сношенія, благосостояніе и изобиліе, достигнутыя черезъ нихъ, связь съ колоніями въ Азіи и Италіи расширяли умственный кругозоръ и содѣйствовали художественнымъ стремленіямъ. Особенно своеобразно развивалось зодчество.

Могучее дорійское племя, добившееся преобладанія въ большей части Греціи, дало ему энергическое направленіе. Когда дорійскіе народы съ серьезнымъ стремленіемъ обратились къ искусству, они были еще въ полномъ сознаніи той силы, благодаря которой они до сихъ поръ добились такихъ успѣховъ. Задача ихъ воинственныхъ передвиженій была рѣшена; побѣдонос-

нымъ оружіемъ они пріобрѣли себѣ мѣста жительства, владычество и славный почетъ. Но пока еще они не предались праздному наслажденію, а стремились все тверже обосновать свое господство и распространить его дальше. Они поняли, что побѣдой и почетомъ они обязаны не одной своей храбрости, но и законному порядку, а также покровительству и содѣйствію ихъ боговъ, и они старались сохранить себѣ эти основныя опоры своего могущества гражданскими установленіями. Прежде всего они старались сохранить за собой благоволеніе боговъ и построить имъ жилища, ихъ достойныя. Произошло это въ соотвѣтствующей ихъ характеру формѣ, которую поэтому называютъ дорійскимъ архитектурнымъ стилемъ. Они отпечатлѣли въ немъ свою особенность, именно солидную массивную силу, совершенную пропорціональность и величавое достоинство, пренебрегая всякимъ лишнимъ украшеніемъ. Разсудокъ и воображеніе являются при этомъ одинаково дѣйствующими, но такъ, что разсудокъ отвергаетъ всякое нарушеніе правильности.

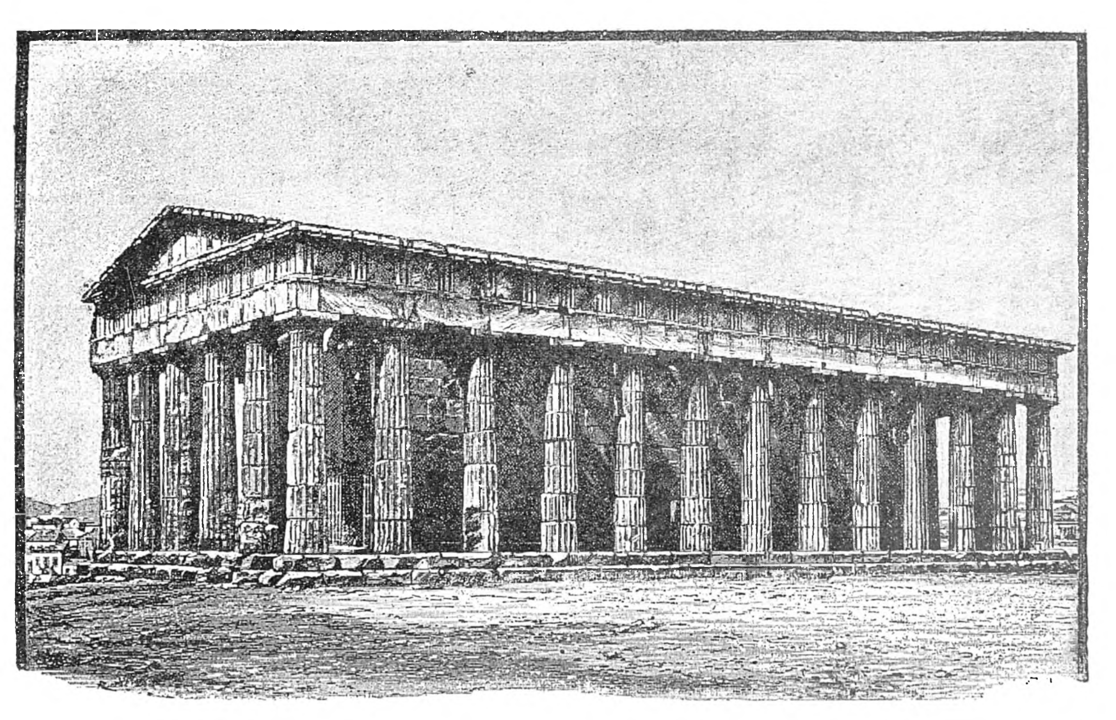

ДОРІЙСКАЯ КОЛОННА.

Дорійскій архитектурный стиль обыкновенно производятъ отъ деревянныхъ построекъ. Стволы деревьевъ, образуя правильный четырехугольникъ, поддерживали главныя балки, надъ которыми, въ свою очередь, выступали поперечныя балки, и еще выше — концы отъ досокъ. Внутренность храмовъ состояла въ целлѣ (н а о с ѣ, святилищѣ), гдѣ стояло изо-

браженіе божества, и открытомъ преддверіи (п р о н а о с ъ). Иногда позади целлы устраивалась еще другая целла (о п и с ѳ о д о м о с ъ), въ которой хранились частью драгоцѣнности, храмовыя сокровища, частью особенныя святыни. Въ самой целлѣ, на западномъ концѣ ея, находилась доступная однимъ жрецамъ святая святыхъ (адитонъ), замкнутая стѣной или, по крайней мѣрѣ, занавѣсами, какъ собственное жилище божества. Такое устройство сохранено было почти во всѣхъ греческихъ храмахъ. Потолокъ при деревянной постройкѣ былъ естественно плоскій и оставался такимъ, когда перешли къ каменнымъ постройкамъ; да кажется несомнѣннымъ, что древніе эллины не умѣли дѣлать своды, хотя они уже въ героическое время дѣлали несовершенныя попытки строить сводчатые потолки. Кровли многократно упомянутыхъ, такъ-называемыхъ сокровищницъ, состоятъ изъ нѣсколькихъ наложенныхъ одно на другое, болѣе или менѣе выступающихъ каменныхъ колецъ, поддерживаемыхъ и соединяемыхъ вмѣстѣ замыкающей ихъ плитой.

Изъ этихъ грубыхъ началъ развился дорійскій архитектурный стиль. На мѣсто древесныхъ стволовъ, подпиравшихъ балки и кровлю, стали дорійскія к о л о н н ы. Стоя довольно близко другъ возлѣ друга, онѣ поднимаются, безъ посредствующаго перехода съ помощью базы или подножія столба, непосредственно на фундаментѣ, на который ведутъ нѣсколько ступеней. Вышина ихъ составляетъ лишь четыре раза взятый поперечникъ нижней части; отношеніе это впослѣдствіи было измѣнено, когда отступили отъ первоначальной строгости и неподвижности. У середины онѣ чуть-чуть полнѣе, кверху же утончены на третью часть поперечника, вслѣдствіе чего онѣ кажутся выше. Ту же цѣль имѣютъ желобообразныя продольныя углубленія, которыя въ числѣ двадцати бѣгутъ снизу вверхъ. Такимъ образомъ, онѣ мощно возносятся кверху и раздуваются для простого вѣнчанія, образуемаго э х и н о м ъ или подушкой. На этомъ эхинѣ лежитъ четыреугольная плита (а б а к ъ), на которой покоится мощная кровля. Первая часть ея—а р х и т р а в ъ, прямоугольная балка, пролегающая надъ всѣмъ рядомъ колоннъ. Надъ нимъ находится, за посредствующей узкой связью или ф р и з о м ъ—широкая поперечная полоса. На немъ выступаютъ т р и г л и ф ы или троерѣзы, подражаніе прежнимъ досочнымъ концамъ, въ то время какъ промежутки или ме-

Дорійскій храмъ: храмъ Ѳесея (Тезея) въ Аѳинахъ (рисунокъ по фотографіи).

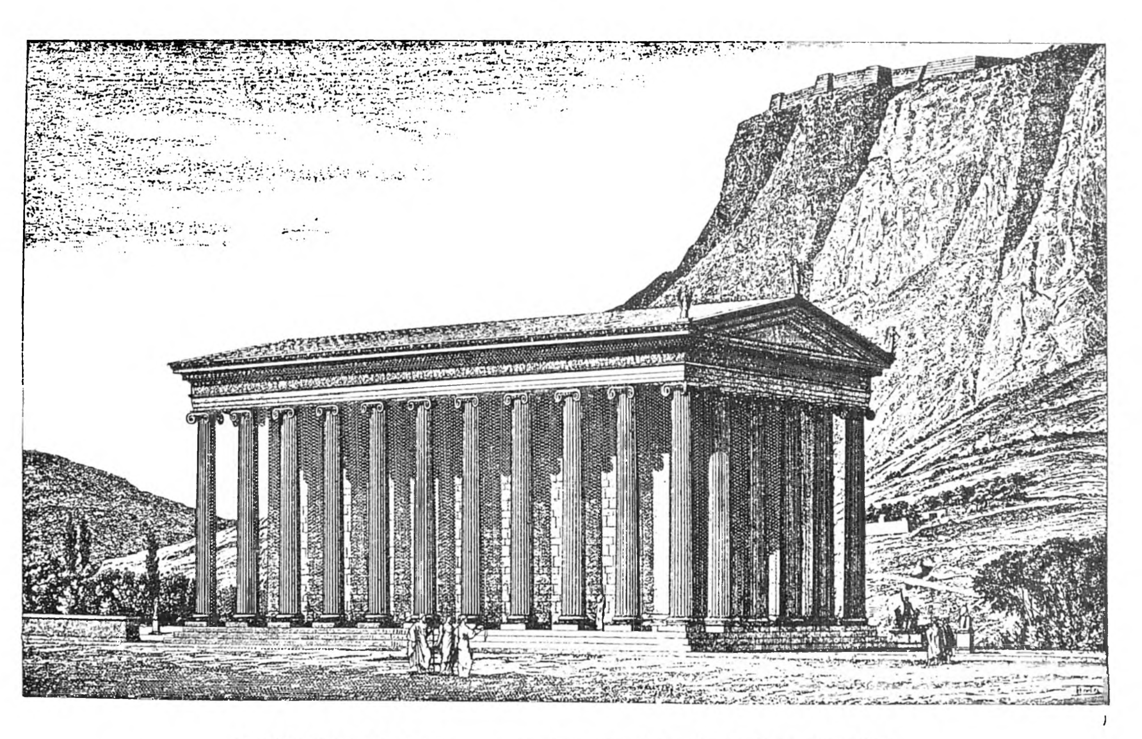
топы украшались богатыми скульптурными изображеніями.—Подобная выступающая рельефная работа украшаетъ и поле фронтона подъ гуськами крыши. Узкія связи подъ триглифами обозначены далѣе каплями, и чтобы еще болѣе подражать деревянной постройкѣ, подъ навѣсной плитой вѣнечнаго карниза помѣщались небольшія плитки, представляющія собой края досокъ, накладывавшихся на поперечныя балки.

Капитель іонійской колонны.

Іонійскій архитектурный стиль уже въ раннее время выступалъ рядомъ съ дорійскимъ. Онъ, правда, на родинѣ своей долгое время примѣнялся не такъ часто, но былъ развитъ уже очень рано, какъ то доказываетъ храмъ эфесскій. Изъ сравненія съ ассирійскими и персидскими постройками оказывается, что эта конструкція выросла подъ чужимъ вліяніемъ; но эллинскій духъ развилъ ее въ ясный, самостоятельный организмъ. Она проявляетъ во всѣхъ частяхъ своихъ печать пріятной, мягкой величавости.

Особенно характерно различіе между дорійскимъ и іонійскимъ стилемъ выступаетъ въ колоннѣ. Видно, что колонна вообще важнѣйшая часть въ греческомъ архитектурномъ искусствѣ, въ то время какъ она не подходила, какъ слѣдуетъ, къ позднѣйшимъ римскимъ сводчатымъ постройкамъ, несмотря на всѣ старанія, потраченныя въ этомъ направленіи, и лишь въ совершенно измѣненной формѣ пріобрѣла снова смыслъ и значеніе въ готической или древненѣмецкой архитектурѣ.

Іонійская колонна покоится на базѣ, основаніе которой состоитъ изъ плоской плиты, плинтуса. Надъ нимъ клался голькель

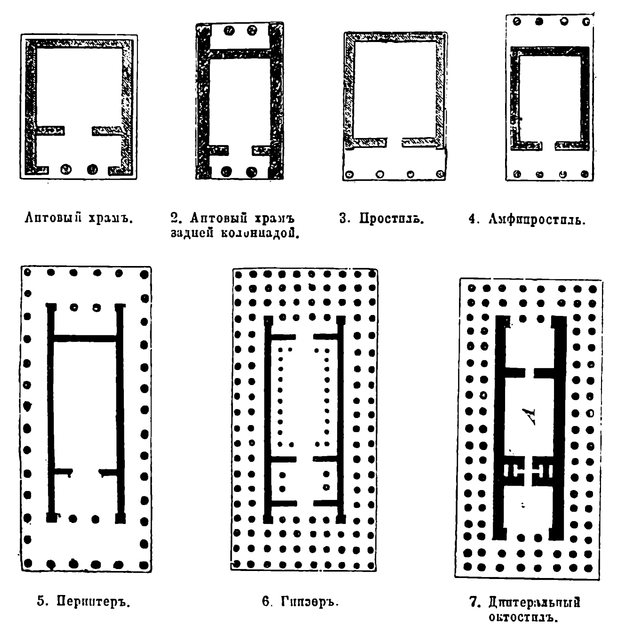

ІОНІЙСКІЙ ХРАМЪ: ХРАМЪ АѲИНЫ ВЪ ПРІЕНѢ (по «Antiquities of Ionia»).

Храмъ Аѳины въ Пріенѣ, совершенно правильный периптеръ съ колоннами 6: 11, былъ посвященъ Александромъ Великимъ и сооруженъ П и ѳ і е м ъ, архитекторомъ галикарнасскаго мавзолея.

(желобокъ) и надъ этимъ валъ или подушка. Еще больше расчлененія въ аттической базѣ; тамъ надъ плитой выступаютъ два валика, раздѣленные голькелемъ и ремешками. Это расчлененіе базы осмысленно намекаетъ, что здѣсь начинается архитектурная жизнь, что давленію колонны противопоставлена сила. Стержень, возносящійся отъ базы вверхъ выше, стройнѣе, гораздо менѣе утонченъ кверху, но мягче затѣмъ расширенъ, чѣмъ дорійскій. Его окружаютъ двадцать четыре или болѣе каннелюръ, сильнѣе выдолбленныхъ и оставляющихъ между собой болѣе широкую дорожку, и замыкаются вверху и внизу дугами. Капитель начинается какъ бы красивымъ жемчужнымъ жезломъ. Надъ нимъ помѣщается киматіонъ со змѣиными языками, какъ изукрашенная форма эхина. Онъ образуетъ основаніе подушки, концы которой завиваются книзу волютами или улитками, между тѣмъ какъ онъ въ то же время поддерживаетъ простую покрывающую плиточку. Какъ волюты намекаютъ на давленіе балокъ, такъ они своей спиральной формой какъ-бы вливаютъ все новую силу въ цѣлое. Архитравъ, пролегающій надъ капителью, часто трижды расчлененъ и увѣнчанъ тонкой лентой, чѣмъ раздѣляется тяжесть и избѣгается всякій тяжеловѣсный видъ. Фризъ вокругъ зданія украшенъ красивой скульптурной работой, не прерываемой триглифами. Изъ нѣсколькихъ частей, наконецъ, состоитъ карнизъ, особенно плита съ широкими вырѣзами (зубчиками) прерываетъ однообразіе, что, однако, составляетъ позднѣйшую прибавку. Вся вышина колоннъ составляетъ болѣе девяти нижнихъ поперечниковъ, а лежащая надъ ними настилка—четвертую часть вышины колонны. Легко понять, что подобнымъ образомъ и потолки и колоннады внутри іонійскихъ построекъ изукрашались богаче и вообще своимъ устройствомъ преслѣдовали больше красоту и мягкость, нежели выраженіе энергической мощи, составляющее характеръ дорійскаго архитектурнаго искусства. Какъ іонійская архитектура развилась дальше, и какъ изъ нея выработалась роскошь коринѳскаго стиля, это относится къ болѣе позднему времени. Мы замѣтимъ только еще, что небольшой храмъ, выстроенный около 440 г. до Р. Хр. у Илисса въ Аѳинахъ, былъ одною изъ прекраснѣйшихъ іонійскихъ построекъ. Еще въ прошедшемъ столѣтіи, онъ стоялъ довольно хорошо сохранившимся, но теперь отъ него остались лишь немногія развалины.

Уже упомянутый храмъ Артемиды въ Эфесѣ былъ изъ-за своей громадности и красоты причисляемъ къ семи чудесамъ міра. Онъ былъ гипэөръ (въ серединѣ целлы открытый сверху), съ іонійскими колоннами вышиной въ 60 футовъ, высѣченными частью изъ одного куска. Восемь изъ этихъ колоннъ шли по переднему фасаду, и двойной рядъ колоннъ по наружнымъ боковымъ сторонамъ. Ширина этой великолѣпной постройки, сооруженной изъ бѣлаго мрамора, составляла 69, а длина 133 метра. Какъ извѣстно, его поджегъ Геростратъ, который пріобрѣлъ себѣ этимъ поступкомъ, правда, безсмертное, какъ онъ надѣялся, имя, но въ то же время ничуть не славное.

Антовый храмъ. 2. Антовый храмъ задней колоннадой. 3. Простиль. 4. Амфипростиль.

5. Периптеръ. 6. Гипэөръ. 7. Диптеральный октостиль.

ОБЫЧНЫЯ АРХИТЕКТУРНЫЯ ФОРМЫ ГРЕЧЕСКИХЪ ХРАМОВЪ.

Изъ незначительныхъ начатковъ, какъ уже замѣчено, геній даровитаго греческаго народа развилъ великолѣпіе его храмовой архитектуры.

Первоначально довольствовались тѣмъ, что заключали почитаемое изображеніе божества въ помѣщеніе, окруженное стѣнами и потолками—целлу (наосъ). Но такъ какъ сюда могла входить толпа не во всякое время, а только въ большіе праздники, да и тогда лишь по совершеніи освященія, то на восточной сторонѣ прибавили уже вышеназванное преддверіе (пронаосъ), такой-же ширины, какъ главная часть, но менѣе глубокое. Спереди оно оставалось открытымъ, обѣ боковыя стѣны его съ передней стороны въ качествѣ пилястровъ снабжены были капителью и цоколемъ; онѣ были нѣчто среднее между стѣной и колонной. Пилястры называли антами и всю постройку антовымъ храмомъ (templum in antis). Между обоими пилястрами воздвигали колонны, и притомъ обыкновенно двѣ, частью для поддержки кровельнаго карниза, частью для украшенія, какъ это видно изъ прибавленныхъ здѣсь чертежей 1 и 2. На второмъ планѣ еще на задней сторонѣ обозначено помѣщеніе, соотвѣтствующее преддверію, описѳодомъ, которымъ, какъ уже выше упомянуто, пользовались для храненія храмовыхъ сокровищъ. Чертежи 3 и 4 показываютъ успѣхи въ устройствѣ храмовъ. Преддверіе образуется рядомъ колоннъ, и также задняя галлерея приняла (см. 4) эту форму. Первое устройство поэтому называется простилемъ (съ колоннами спереди), послѣднее амфипростилемъ (съ колоннами съ обѣихъ сторонъ). Если колоннаду продолжали вдоль обѣихъ боковыхъ сторонъ, что обусловливало болѣе богатую декорацію, то возникалъ Периптеръ (чертежъ 5), храмъ, со всѣхъ сторонъ окруженный колоннами. Самаго богатаго украшенія достигали чрезъ удвоеніе рядовъ колоннъ, причемъ иногда на передней и задней сторонѣ прибавлялась еще третья колоннада. Такое устройство называли диптеромъ (сравн. чертежъ 6); впрочемъ эту форму примѣняли рѣдко, смотря на нее, по крайней мѣрѣ въ періодъ процвѣтанія искусства, какъ на излишнюю нагрузку. Еще рѣже встрѣчался псевдодиптеръ (фальшивый диптеръ), нѣчто среднее между диптеромъ и периптеромъ, постройка съ однимъ рядомъ колоннъ, отстоявшихъ отъ храмового зданія на такое-же разстояніе, какъ крайній рядъ колоннъ въ диптерѣ.

Храмы снабжены были крышей, слегка наклоненной въ обѣ стороны и получали свѣтъ свой черезъ двери, черезъ отверстія

подъ потолкомъ, иногда черезъ окна. Въ болѣе крупныхъ постройкахъ подобнаго рода такое освѣщеніе было-бы недостаточнымъ; поэтому въ нихъ крыша надъ наосомъ, часто также надъ пронаосомъ, была проломана и имѣла широкое отверстіе. Такъ какъ это отверстіе не могли всегда закрывать отъ дождя, то полъ былъ устроенъ такъ, что вода стекала въ углубленіе. Эти гипэѳры, т.-е. сверху открытые храмы, имѣли внутри портикъ, служившій какъ для поддержки перерѣзанныхъ изъ-за отверстія стропилъ, такъ и для лучшаго украшенія стѣнъ. Онъ-же часто составлялъ основаніе для второго ряда колоннъ, ограничивавшаго галлерею или эмпору для посѣтителей храма. Съ этой галлереи можно было обнимать взоромъ праздничное убранство, хоры, занятія жрецовъ у алтаря и, пожалуй, даже чествуемое божеское изображеніе у задней западной стѣны.

Выше мы упомянули о различныхъ храмахъ, сооруженныхъ въ этотъ періодъ; но самыя величественныя и благородныя созданія эллинскаго искусства входятъ въ слѣдующій отдѣлъ.

Храмъ въ Дельфахъ. Изъ зданій, сооружавшихся въ строго дорійскомъ стилѣ, ни одно не стало такъ знаменитымъ, какъ храмъ Феба Аполлона въ Дельфахъ. Остановимся нѣсколько дольше на этомъ замѣчательномъ строеніи, такъ какъ изъ него раздавались пророческіе глаголы, имѣвшіе часто рѣшающее вліяніе на судьбы эллиновъ и сосѣднихъ къ нимъ народовъ.

Аполлонъ, приноситель свѣта,—такъ гласило сказаніе,—укротилъ дракона Пиѳона, горный потокъ, превращавшій долину въ болото, и далъ ему стокъ. Затѣмъ онъ посадилъ лавровую вѣтвь на мѣстѣ своей побѣды. Тамъ-же находилась глубокая расщелина, изъ которой поднимались удушливыя испаренія. Приближавшіеся къ ней люди впадали въ безумное воодушевленіе и начинали пророчествовать. Вслѣдствіе этого уже древніе мастера, Трофоній и Агамедъ, воздвигли надъ расщелиной киклопическую постройку, состоявшую изъ пяти огромныхъ глыбъ.

ТРЕНОЖНИКЪ АПОЛЛОНА.

Оборотная сторона бронзовой монеты, съ изображеніемъ раковины, чеканенной въ Дельфахъ.

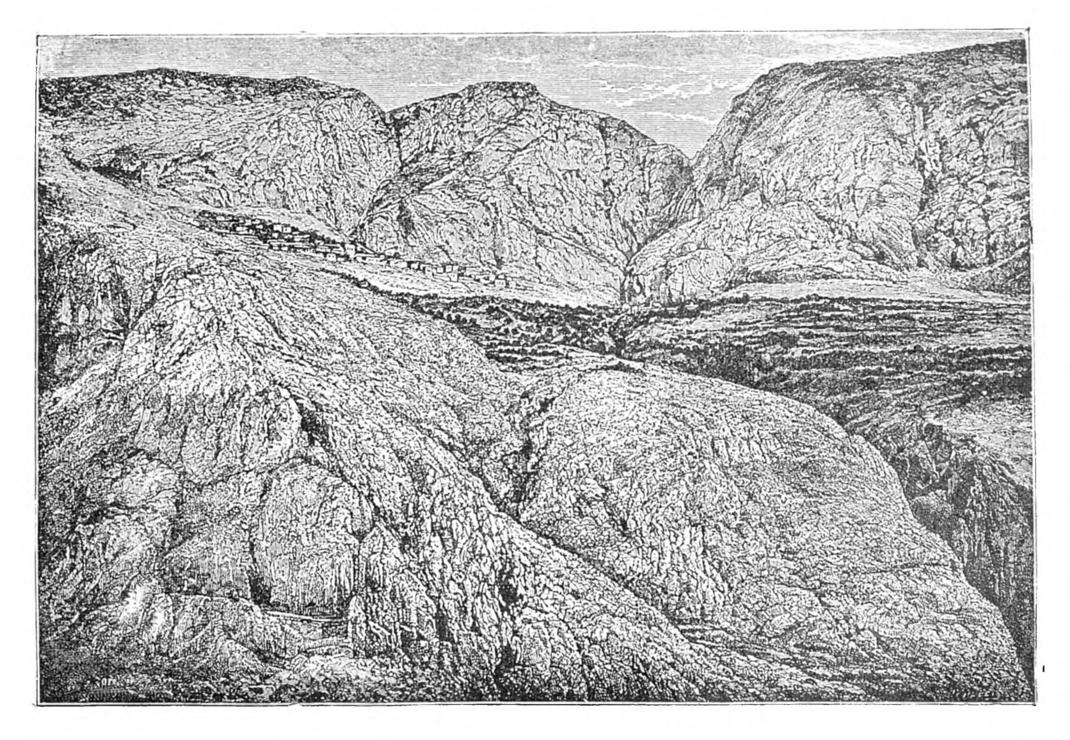
Треножникъ святилища Аполлона въ Дельфахъ; на верху лавровый вѣнокъ. Надпись: ΔΕΛΦΩΝ.

Впослѣдствіи, когда значеніе оракула увеличилось, тамъ возникъ храмъ, который, впрочемъ,

въ 548 г. до Р. Х. былъ уничтоженъ пожаромъ. Въ то время изъ Аѳинъ изгонялся родъ Алкмеонидовъ. И вотъ изгнанные, въ надеждѣ, благодаря милости Дельфійскаго бога вернуться на родину, потратили часть своихъ богатствъ на вторичное построеніе храма. Построеніе его поручили Спинѳару изъ Коринѳа, знаменитѣйшему зодчему своего времени, и онъ выказалъ при выполненіи своей задачи мастерство, возбудившее удивленіе всей Греціи.

Взглянемъ прежде всего на мѣстоположеніе святилища, бывшаго древнѣйшимъ разсадникомъ культуры въ цѣлой Греціи. Туда вели два пути, одинъ—отъ расположенныхъ на востокъ Аѳинъ черезъ Киѳеронъ и середину Беотіи, крутой и трудный, другой—съ юга, отъ Криссейскаго залива, постепенно поднимавшійся къ Парнассу, болѣе удобный и потому обычный. Послѣдуемъ за пилигримами, путешествующими къ святилищу. Они сходятъ на берегъ въ просторной бухтѣ, въ концѣ обширной долины, гдѣ на востокѣ торчатъ развалины разрушеннаго за ограбленіе храма портового города Кирры. Окрестныя поля въ запустѣніи, такъ какъ на нихъ тяготѣетъ проклятіе Дельфійскаго бога. По возвышенностямъ, тянущимся сюда съ горъ слѣва и справа, приходишь на плодоносную криссейскую равнину, называвшуюся счастливой или также золотой луговиной. Тѣнистыя оливковыя рощи, хорошо содержимые сады, роскошныя нивы, орошаемыя журчащими источниками, радуютъ глазъ путника, продолжающаго свой путь вверхъ по берегу ручья Плиста, къ предгоріямъ Парнасса, въ то время какъ справа замыкаютъ горизонтъ многовершинныя горы Кирѳиса. Грубые остатки киклопическихъ стѣнъ отмѣчаютъ то мѣсто, гдѣ стоялъ въ раннее время разрушенный городъ Крисса. Тропа становится теперь круче и труднѣе, но пилигримъ не устаетъ; онъ знаетъ, что приближается къ цѣли своего путешествія.

Наконецъ, достигаетъ онъ плоскогорья; еще нѣсколько шаговъ, и на той сторонѣ открывается глубокое, сумрачное ущелье Дельфъ. Оно красуется во всей обворожительной прелести, которою украсила его природа; со всѣми чудесами, какими наполнило его художество; со всѣми тайнами, какими окружила его набожная вѣра. Справа вьется въ глубинѣ по богатымъ травами склонамъ кирфисскихъ горъ Плистъ, который зимой пѣнится

ВИДЪ ДЕЛЬФІЙСКАГО УЩЕЛЬЯ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

дикимъ горнымъ потокомъ. Вдоль дороги—гроты и высѣченныя въ скалахъ гробницы, украшенныя художественной скульптурной работой. Сады, лавровыя рощи и группы сосенъ тянутся въ живописномъ разнообразіи вверхъ по долинѣ, средину которой занимаетъ городъ Дельфы. Храмы, колоннады, лесхи или картинныя галлереи, великолѣпный судейскій портикъ и гимназія свидѣтельствуютъ о богатствѣ города; но всѣ эти сооруженія исчезаютъ передъ храмомъ самого свѣтоноснаго бога, сіяющимъ на встрѣчу изумленнымъ пилигримамъ, храмомъ, расположеннымъ высоко надъ городомъ, лежащимъ въ глубинѣ котловины. Блескъ его мраморныхъ колоннъ и фронтона увеличиваютъ еще и свинцовосѣрыя известковыя скалы Федрадъ. Эти скалы непосредственно за святилищемъ почти отвѣсно поднимаются на высоту 285 метровъ, а надъ ними виднѣются зубчатыя вершины Парнасса, точно приглашающія путника посѣтить ущелья и пиніевыя рощи, гроты и плещущіяся воды въ нѣдрахъ горъ и подслушать секреты Діониса, чарующаго Пана, нимфъ и фавновъ, какъ это дѣлаютъ бродящія менады въ большіе праздники бога. Но пилигримы обращаютъ свое вниманіе на видъ города и храма, все отчетливѣе раскрывающійся передъ ихъ взорами. Кажется имъ, что исполнилось древнее пророчество, которое слышали они изъ устъ вдохновенныхъ пѣвцовъ.

Нѣкогда, такъ повѣствуетъ это сказаніе, пиѳійскій богъ въ образѣ дельфина впереди критскихъ кораблей плылъ по синимъ волнамъ морскимъ. У криссейскаго побережья онъ превратился въ блестящій метеоръ, пронесся надъ счастливой луговиной криссейской и сіяя воспарилъ надъ пустынной, еще необитаемой долиной Дельфійской. Затѣмъ онъ предсталъ снова въ своей божественной красотѣ съ киѳарой въ лѣвой рукѣ и побѣдоноснымъ лукомъ въ правой предъ моряками и повелъ ихъ къ тихой долинѣ. И когда онъ тамъ пропѣлъ имъ пророчество о будущемъ величіи этой мѣстности, о томъ, что оттуда распространятся лучшее познаніе божества и болѣе благородные нравы, они забыли о родинѣ и корабляхъ и поселились у кастальскаго источника. Они распространили тамъ среди полудикихъ пастуховъ тѣхъ горъ культуру и болѣе благородные нравы и положили основаніе знаменитому городу **Дельфамъ**. Туда устремляются пилигримы по трудно-проходимому пути. Проходя между вѣчно-

зелеными кустами и деревьями, мимо многихъ жертвенниковъ и святилищъ, они достигаютъ города и идутъ дальше по улицамъ, пока долина не поворачиваетъ на востокъ, гдѣ мимо крутыхъ скалъ и обрывовъ путь ведетъ въ Беотію. Тамъ представляется ихъ взору святилище Аѳины, принесшей людямъ, подобно Аполлону, свѣтъ познанія и полезныхъ и облагораживающихъ искусствъ. На сѣверо-западѣ развертывается прекрасное предмѣстье — Пилея. Неподалеку оттуда шумитъ и пѣнится въ глубокомъ, мрачномъ ущельѣ скалъ, въ тѣни оливковыхъ и шелковичныхъ деревъ, кастальскій горный потокъ, пока онъ не достигаетъ, наконецъ, своей цѣли и соединяется внизу въ долинѣ съ Плистомъ.

Пилигримы, желающіе вступить въ храмъ, обязаны окропить себя священной водой у самаго начала источника, изъ четырехугольнаго каменнаго бассейна, и этимъ очистить себя отъ всякой вины и проступка, ибо въ памяти всѣхъ запечатлѣно вѣчно-истинное изреченіе пиѳійской жрицы:

Съ чистой душою предстань во храмѣ свѣтлаго бога,
Члены свои оросивъ въ дѣвственно-чистомъ ключѣ.
Путникъ! помни, что добрымъ достаточно капли, но злому
Даже весь океанъ съ сердца не смоетъ вины.

Вотъ они передъ входными воротами священнаго участка. Сюда примыкаетъ театръ, въ которомъ при празднованіи пиѳійскихъ игръ внимали произведеніямъ поэзіи и вообще литературы; далѣе построенная книдійцами леска, мѣсто собраній туземцевъ и иностранцевъ, украшенная картинами Полигнота, стоя Аѳинянъ булевтеріонъ (ратуша) Дельфійцевъ. Периболъ или храмовой дворъ поднимается террасами до самаго храма. Тамъ набожная вѣра видѣла еще древній камень, проглоченный нѣкогда Крономъ вмѣсто новорожденнаго Зевса, и ежедневно поливаемый масломъ. Это метеорный камень, которому въ пелазгическое время можетъ быть поклонялись какъ фетишу. Кромѣ того здѣсь позднѣе находился золотой треножникъ, посвященный богу эллинами послѣ побѣды при Платеѣ. То была золотая чаша на подставкѣ изъ трехъ свивающихся между собой змѣй, вышиной въ $4^1/_4$ метра. Подставку можно еще теперь видѣть въ Константинополѣ. Далѣе взорамъ пилигримовъ представлялись всюду посвятительные дары, принесенные городами, царями, государственными людьми и полководцами. А вотъ стоятъ въ живописныхъ группахъ, подъ тѣнью

платановъ или оливковыхъ деревьевъ, обвитыя лавровыми и миртовыми вѣтками статуи боговъ и героевъ, царей, побѣдоносныхъ полководцевъ, ораторовъ, поэтовъ и другихъ славныхъ эллиновъ. Всѣ эти скульптурныя произведенія частью изваяны изъ мрамора, частью вылиты изъ бронзы, частью покрыты серебромъ и золотомъ. Между этими произведеніями благороднѣйшаго искусства, приношеніями набожной вѣры, вьется вверхъ тропа къ верхней террасѣ, на которую восходятъ по нѣсколькимъ ступенямъ.

Вотъ и самый храмъ. Мощно, въ колоссальныхъ размѣрахъ, возносится домъ пиѳійскаго бога. Одинъ фронтонъ обращенъ на востокъ, къ пилигримамъ, приходящимъ изъ Аттики и Беотіи; точно также одна продольная сторона смотритъ черезъ Дельфійскую долину на югъ, на встрѣчу богомольцамъ, шествующимъ отъ криссейскаго моря по выше описанному пути. Западный фронтонъ и сѣверная продольная сторона обращены къ крутымъ горамъ, и потому исполнены менѣе художественно. Непосредственно на верхней укрѣпленной ступени террасы поднимаются мощныя дорійскія колонны, нижній поперечникъ которыхъ составляетъ 2 метра (=1 саж.). Онѣ одѣты въ бѣлый мраморъ; вызолоченные щиты украшаютъ архитравъ; надъ ними сіяетъ мраморный фризъ, метопы котораго снабжены богатой скульптурной работой, изображающей битвы боговъ и героевъ. Покатую кровлю съ двумя фронтонами пѣвецъ Пиндаръ сравнилъ съ двойнымъ орломъ, защищающимъ крыльями свое туловище, въ то время какъ гордыя груди въ обѣ стороны охраняютъ разукрашенные фронтоны. Впрочемъ, скульптурныя произведенія на поляхъ фронтоновъ, сверкавшія золотомъ на далекое разстояніе, были исполнены лишь сто лѣтъ по построеніи храма аѳинянином Праксіей, а по смерти его Андросѳеномъ. На одной сторонѣ передняго фронтона помѣщена была восходящая луна, на другой сторонѣ заходящее солнце; въ серединѣ стояла Латона (Лето) со своей звѣздной мантіей, подобно матери Ночи, осѣняя Аполлона, Артемиду и Діониса. Аполлона сопровождаютъ музы, Діониса—менады. Такимъ образомъ, треугольное поле было глубокомысленно заполнено.

Самый храмъ, какъ большая часть болѣе крупныхъ святилищъ этого періода, состоялъ изъ трехъ частей: Пронаоса (преддверія), Наоса (святилища) и Адитона или „святая свя-

тыхъ". Пронаосъ, обведенный рѣшеткой, образовалъ правильный четыреугольникъ и былъ въ длину и ширину 30 метровъ; такое протяженіе имѣла, слѣдовательно, сторона фронтона и вообще ширина зданія, между тѣмъ какъ длина должна была быть гораздо значительнѣе. Въ этомъ преддверіи стояла бронзовая статуя Гомера, въ сторонѣ - же виднѣлись два огромныхъ кувшина для разбавленія вина, изъ золота и серебра, посвященные Крезомъ, и мѣдная мачта съ тремя золотыми звѣздами, поднесенная Эгиной послѣ Саламинской побѣды. Наосъ, или собственно храмъ, былъ сверху открытъ, чтобы могъ проникать внутрь солнечный свѣтъ. Середину занималъ главный жертвенникъ, на которомъ день и ночь поддерживали огонь. Здѣсь, по сказанію, снова столкнулись два орла, которыхъ Зевсъ послалъ съ крайнихъ концовъ міра въ противоположныя стороны, чтобы узнать средоточіе земли, поэтому камень этого жертвенника назывался пупомъ земли. Открытое пространство окружено было крытою іонійскою колоннадой, въ которой стояли статуи Зевса, Аполлона и Мойръ или богинь судьбы; также здѣсь поставлено было мѣдное сѣдалище для Пиндара, чтобы почтить его передъ всѣми прочими поэтами за его пѣснопѣнья во славу пиѳійскаго святилища.

ЭГЕЙ И ЖРИЦА ДЕЛЬФІЙСКАГО ОРАКУЛА (РИСУНОКЪ НА ВАЗѢ ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ МУЗЕѢ).

На внутреннихъ колоннахъ были далѣе начертаны золотыми буквами изреченія семи мудрецовъ:

Клеобула Линдскаго: Хорошо во всемъ соблюдать мѣру.
Періандра, сына Эфираса: Все напередъ обдумай.
Питтака Митиленскаго: Лови моментъ.
Біанта Пріэнскаго: Много рукъ напортятъ дѣло.

Ѳалета Милетскаго: Поручишься—помучишься.
Хилона Лакедемонянина: Познай самого себя.
Солона Аѳинянина: Ничего слишкомъ.

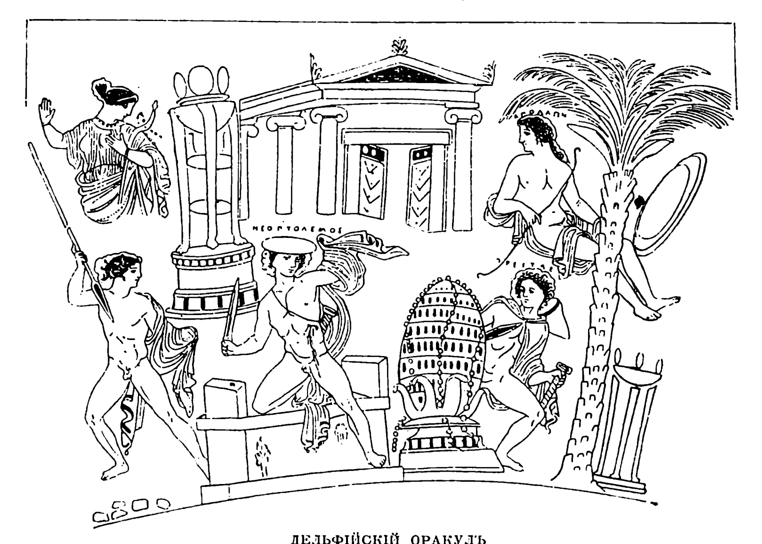
Адитонъ, или святая святыхъ, третья главная часть, вмѣщала, кромѣ богатыхъ храмовыхъ сокровищъ и статуи бога изъ чистаго золота, преимущественно таинственную пропасть съ предназначеннымъ для Пиѳіи треножникомъ. Вѣроятно, это отверстіе окружено было еще древней киклопической постройкой, о которой было сказано выше. Жрица входила въ эту каменную ограду и садилась на поставленный надъ пропастью треножникъ, всякій разъ какъ должна была вѣщать вѣщанія божества. Впрочемъ, изреченія Пиѳіи, состоявшія то изъ отрывочныхъ звуковъ, то изъ связныхъ словъ, были лишь основаніемъ для собственно оракуловъ, которые давались лишь послѣ тщательнаго совѣщанія жрецовъ, облеченные въ метрическую форму. Ибо оракулы эти не были обыкновенными предсказаніями, но обнимали—правда, часто въ темныхъ, загадочныхъ выраженіяхъ—общечеловѣческіе интересы. То были правила житейской мудрости, какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлыхъ народовъ, но основанныя на точномъ знакомствѣ съ данными обстоятельствами. Они поэтому сообщались лишь на большихъ весеннихъ празднествахъ, какъ-бы въ наставленіе каждому, кто умѣлъ правильно толковать ихъ. При важныхъ поводахъ, когда дѣло шло о благополучіи или бѣдѣ городовъ и народовъ, оракулъ высказывался и внѣ назначеннаго времени.

АПОЛЛОНЪ ДЕЛЬФИНІЙ
(ПО ЖИВОПИСИ НА ВАЗѢ).

Аполлонъ сидитъ на возвышенномъ треножникѣ, тихо носимомъ широкими крыльями надъ волнами. Дельфины, метаясь изъ воды, составляютъ его свиту: отсюда происходитъ прозвище бога Дельфиній. Онъ увѣнчанъ лавромъ; лѣвой рукой онъ ударяетъ по струнамъ своей киѳары; на плечо его накинутъ лукъ и колчанъ. Путешествія бога на своемъ треножникѣ безъ сомнѣнія суть намекъ на основаніе колоній по приказанію Дельфійскаго оракула.

Что при такихъ вопрошеніяхъ иногда на характеръ отвѣта имѣли особенное вліяніе знатность вопрошавшихъ лицъ и поднесенные дары, этого оспаривать нельзя. Однако, въ раннее время такіе случаи были рѣдки, и оракулъ пользовался высокимъ уваженіемъ, которое со времени пришествія дорянъ возрастало все болѣе и болѣе, ибо эти племена съ серьезной наклонностью къ

ДЕЛЬФІЙСКІЙ ОРАКУЛЪ

(ИЗОБРАЖЕНІЕ НА НАЙДЕННОЙ ВЪ РУВО ВЪ АПУЛІИ ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ).

Рисунокъ главнымъ образомъ важенъ для насъ изображеніемъ въ немъ ситуаціи. Въ срединѣ на заднемъ планѣ видимъ храмъ—перистиль съ іонійскими колоннами. Направо отъ зданія сидитъ Аполлонъ, въ образѣ прелестнаго юноши, съ лукомъ въ правой рукѣ. Передъ нимъ, изъ земли, на переднемъ планѣ подымается могучая пальма; рядомъ съ нею треножникъ, далѣе назадъ щитъ, оба очевидно—обѣтные дары. Большой пиѳійскій треножникъ стоитъ слѣва возлѣ храма, за нимъ выступаетъ, въ полуростъ, пиѳія. Жестъ ея выражаетъ испугъ по поводу происходящаго на переднемъ планѣ. Тамъ виденъ большой жертвенникъ съ возвышенными боковыми стѣнами, на который опирается колѣномъ Неоптолемъ, съ обнаженнымъ мечомъ въ правой рукѣ и обернувъ лѣвую руку хламидой для защиты, хотя у него ужь течетъ ручьемъ кровь изъ зіяющей раны на лѣвой груди. Возлѣ него выдающейся высоты Омфалъ, священный камень—пупъ, убранный повязками и нитками жемчугу. За нимъ прячется Орестъ, нанесшій убійственный ударъ, и притомъ такъ поспѣшно, что съ него слетаетъ шляпа. Съ другой стороны Неоптолема—его товарищъ, съ занесеннымъ копьемъ. Дѣйствіе заимствовано изъ сцены «Андромеды» Еврипида, обработано съ художественной вольностью.

законности и государственному порядку соединяли въ себѣ глубокую религіозность. Они въ изреченіяхъ оракула познавали откровеніе опредѣленій вседержащаго Кроніона черезъ уста его сына, свѣтоноснаго Аполлона. Такъ, мудрое жречество у Парнасса направляло судьбы Греціи не проклятіемъ и насиліемъ, но полез-

ными совѣтами, удерживало отъ опрометчивости и кровавыхъ раздоровъ, поддерживало законодательство, часто снова возстановляло нарушенный порядокъ и старалось споспѣшествовать всеобщему благу.

Во время персидскихъ войнъ и послѣ нихъ мало-по-малу поблекъ тотъ блескъ, который окружалъ оракулъ. Жречество, такъ кажется, было напугано и давало робкіе совѣты, между тѣмъ какъ аѳинскіе герои обращались за совѣтомъ къ своему мужеству и своему генію, чтобы спасти отчизну. Когда же впослѣдствіи еще болѣе стали выступать наружу подкупность и партійные интересы священной корпораціи въ междуусобныхъ войнахъ эллиновъ, оракулъ вскорѣ совершенно потерялъ прежнюю славу, и дальше не обращалось болѣе вниманія на откровенія пиѳійскаго бога.

Изъ древнихъ родовъ Дельфійскихъ избирались по жребію пять святыхъ (госіевъ) и неопредѣленное число жрецовъ, такъ-называемые прорицатели, къ которымъ лица, вопрошавшія оракулъ, ближайшимъ образомъ должны были обращаться. Пиѳія должна была быть чистой дѣвой; но когда впослѣдствіи одна Пиѳія была похищена отважнымъ юношей, постановили, чтобъ впредь избиралась только непорочная женщина пятидесяти лѣтъ. Такой порядокъ съ тѣхъ поръ оставался правиломъ, но въ воспоминаніе прежняго времени матрона носила дѣвическій нарядъ, именно лавровый вѣнокъ, золотое кольцо, сдерживавшее распущенныя косы, и длинное, тянувшееся позади нея одѣяніе.

О происхожденіи золотого треножника, установленнаго надъ расщелиной земли, сказаніе передаетъ еще многое. Милетскіе рыбаки, выкинувъ свою сѣть, вытащили изъ глубины морской этотъ драгоцѣнный предметъ утвари. Когда же они не могли войти въ соглашеніе, кому владѣть имъ, то они, наконецъ, вопросили оракула и получили отвѣтъ, что драгоцѣнность эта должна принадлежать мудрѣйшему. Послушные изреченію, понесли они ее прежде всего къ земляку своему Ѳалесу (Ѳіалету), а когда тотъ скромно отказался отъ дара,—другому изъ семи мудрецовъ, который высказалъ ту же скромность, и такъ далѣе, пока не пришли къ Солону. Послѣдній правильно истолковалъ загадочныя слова: онъ велѣлъ посвятить треножникъ единственно мудрому пиѳійскому богу.

Вмѣстѣ съ архитектурой равномѣрно подвигалась впередъ и скульптура или искусство ваянія. Она вначалѣ служила для украшенія построекъ и утвари, и мы сообщали о замѣчательныхъ работахъ этого рода уже въ концѣ миѳическаго періода. Въ историческое время развитія законныхъ государственныхъ формъ особенно прославились два произведенія скульптуры, именно: Ящикъ Кипселидовъ и Тронъ Аполлона въ Амиклахъ въ Лаконіи. О первомъ изъ этихъ произведеній искусства мы уже говорили, когда упоминали о коринѳскомъ тираннѣ Періандрѣ. Здѣсь мы прибавимъ еще, что изъ помѣщенной на ящикѣ скульптурной работы особенно восхищались калидонской охотой, такъ какъ въ этомъ изображеніи хорошо можно было распознавать отдѣльныхъ героевъ. Естественно, отъ этого произведенія скульптуры не дошло до насъ ничего, что позволяло-бы узнать степень его художественности; однако, мастера-исполнители, выдѣлывавшіе такія произведенія, должно быть, сдѣлали уже значительные успѣхи. Не менѣе славился тронъ Аполлона, сдѣланный ваятелемъ Баѳикломъ изъ Магнезіи. Онъ покоился на колоннахъ и каріатидахъ и былъ украшенъ рельефами на 42 поляхъ, представлявшими весь міръ боговъ и героевъ.

Повѣствуется намъ и о статуяхъ боговъ. Онѣ были отчасти значительной вышины, какова особенно статуя Аполлона въ Амиклахъ, вышина которой, какъ сообщаютъ, была равна $13^4/_5$ метровъ ($=63^2/_5$ саж.). Древнѣйшіе памятники этого рода были простые столбы, часто даже только грубые деревянные чурбаны. Затѣмъ ихъ стали обтесывать тщательнѣе, потомъ художественнѣе вырабатывали верхнюю часть, чтобъ голова и черты лица выступали опредѣленнѣе. Эти основныя черты оставались въ своей рѣзкой, некрасивой формѣ до тѣхъ поръ, пока болѣе высокое искусство не облагородило ихъ и пересоздало въ идеалъ. Изъ послѣдней половины шестого вѣка сохранилось еще нѣсколько статуй. У нихъ сжатое, принужденное положеніе, нѣкоторыя, правда, выразительны, но рѣзки и чрезмѣрны, такъ что ихъ почти можно бы счесть за столбы. На цвѣтущемъ островѣ Эгинѣ, въ Аргосѣ, особенно же въ Аѳинахъ, выдѣлывалось много и художественныхъ скульптурныхъ работъ. Даже въ суровой Спартѣ не враждебно относились къ искусству. Тамъ строили для боговъ-покровителей достойныя ихъ жилища, и намъ называютъ нѣ-

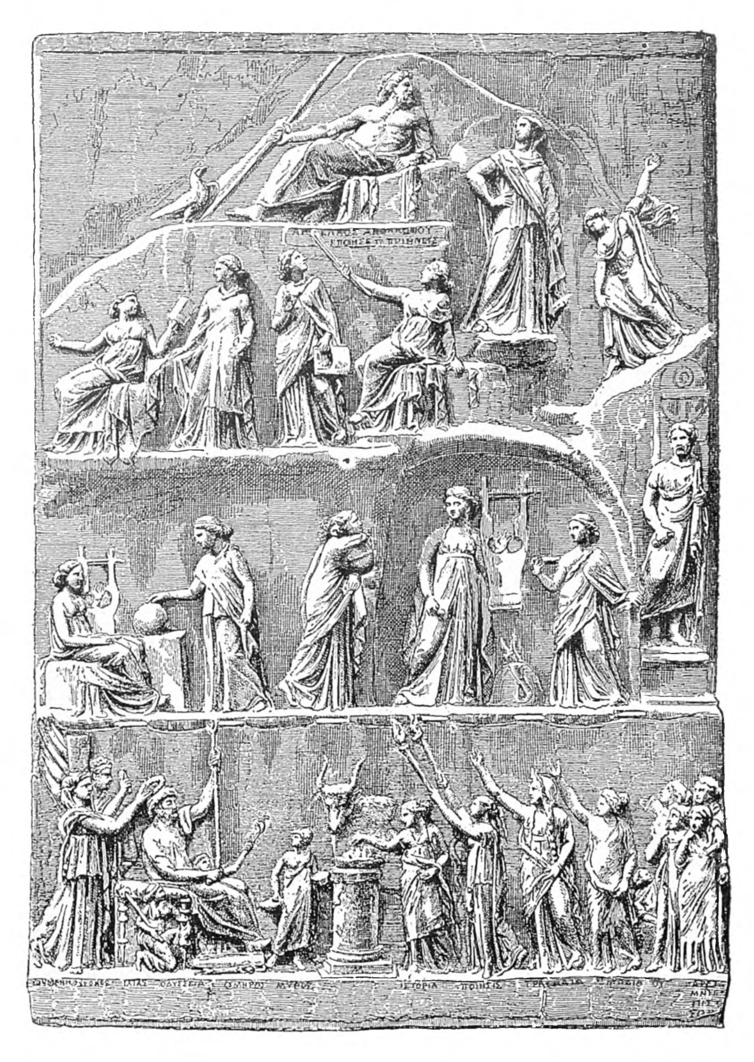
скольких мастеровъ, особенно **Гитіада**, скульптуры коихъ достигли большой славы. Такъ, въ этихъ и другихъ мѣстахъ мало-по-малу возникали школы художниковъ, съ живымъ усердіемъ стремившіяся къ образному выраженію для идеи совершенной красоты. Изложеніе этихъ стремленій и ихъ блестящихъ успѣховъ входитъ въ болѣе поздній періодъ.

ПОЭЗІЯ и ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ.

Свободнѣе, безъ препятствія со стороны туго поддающагося обработкѣ матеріала, вознесся греческій геній въ поэзіи. Эпическая поэзія, произведенія которой мы присоединили къ сказочной исторіи, умолкла мало-по-малу подъ возрастающимъ вліяніемъ дорійскаго племени. За то возникла **лирическая поэзія**, т.-е. пѣсни, пѣвшіяся подъ звуки лиры. Этотъ родъ поэзіи прямо противоположенъ былъ эпической, пѣніе произведеній которой тоже сопровождалось игрой на струнномъ инструментѣ. Въ эпосѣ поэтъ повѣствуетъ о явленіяхъ и событіяхъ, не проявляя при этомъ собственныхъ своихъ чувствованій; въ лирической поэзіи онъ выражаетъ то впечатлѣ-

---

АПОѲЕОЗЪ ГОМЕРА съ фотографіи съ мраморнаго барельефа, открытаго въ Италіи въ развалинахъ Бовиллъ, теперь хранящагося въ Британскомъ музеѣ. Работа эта носитъ подпись. Дѣйствительно, въ верхней части можно прочесть Ἀρχέλαος Ἀπολλωνίου ἐποίησε Πριηνεύς. Архелай Пріенскій несомнѣнно жилъ не раньше перваго вѣка до Р. Х.—Барельефъ этотъ содержитъ двѣ отдѣльныя части, изъ которыхъ лишь одна нижняя посвящена Гомеру; въ верхней части находятся боги и музы, вдохновлявшіе великаго поэта. Сцена въ нижней части происходитъ подъ портикомъ, увѣшеннымъ занавѣсами; въ верхней части музы и боги сгруппировались на Парнассѣ. I. **Гомеръ** сидитъ налѣво на возвышенномъ сѣдалищѣ: лѣвой рукой онъ держитъ свой скипетръ, правой—свертокъ, на которомъ написаны его поэмы; по сторонамъ его сѣдалища находятся колѣнопреклоненныя Иліада (ΙΛΙΑΣ) и Одиссея (ΟΔΥΣΣΕΙΑ): у одной въ рукѣ мечъ, у другой верхняя часть кормы корабля Улиса. Художникъ сдѣлалъ даже намекъ на поэму Ватрохоміомахію: на скамейкѣ другъ противъ друга находятся крыса и лягушка. Позади Гомера стоятъ Земля (ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ) и Время (ΧΡΟΝΟΣ). Земля, на головѣ которой высокій modius, кладетъ вѣнокъ на голову поэта; Время, которому художникъ придалъ крылья, поднимаетъ правой рукой свертки, содержащіе поэмы Гомера. Передъ поэтомъ возвышается жертвенникъ, на которомъ сверкаетъ пламя; сбоку—жертвенное животное. Сказка (ΜΥΘΟΣ), съ чертами мальчика, готовится совершить возліяніе. Къ жертвеннику подвигается хоръ поклонниковъ, равный числу Музъ: это—вначалѣ Исторія (ΙΣΤΟΡΙΑ), эпическая Поэзія (ΠΟΙΗΣΙΣ), Трагедія (ΤΡΑΓΩΔΙΑ), Комедія (ΚΩΜΩΔΙΑ), которыя вѣчно будутъ вдохновляться безсмертными поэмами; далѣе, за маленькимъ ребенкомъ, олицетворяющимъ Природу (ΦΥΣΙΣ), группируются Добродѣтель (ΑΡΕΤΗ), Память (ΜΝΗΜΗ), Вѣра (ΠΙΣΤΙΣ), Мудрость (ΣΟΦΙΑ), которыя въ нѣкоторомъ родѣ характеризуютъ качество поэта. II. Художникъ, представляя Парнассъ, мѣсто пребыванія Аполлона и Музъ, хотѣлъ показать намъ самый источникъ этой божественной поэзіи и тѣхъ изъ боговъ, которые вдохновили поэта и осыпали его своими дарами. Онъ представилъ всю гору, отъ Дельфійскаго храма, возвышающагося у ея подножія, до вершины, гдѣ возсѣдаетъ на тронѣ владыка боговъ. Сначала, направо, передъ дельфійскимъ треножникомъ, видна статуя поэта, со свитками въ рукѣ: это Гезіодъ или Орфей. Далѣе, Корикійская пещера, въ глубинѣ которой находится Аполлонъ съ лирой въ рукѣ: передъ нимъ возвышается Омфалъ, на который богъ сложилъ свой колчанъ и лукъ. Женщина, можетъ быть Пиоія, т.-е. дельфійская жрица, приближается къ нему, держа въ рукѣ чашу. Далѣе слѣдуетъ хоръ Музъ, наставникъ которыхъ Аполлонъ: первая—Полигимнія, повернувшаяся лицомъ къ богу, котораго онъ повидимому слушаетъ, затѣмъ Уранія, держащая руку на небесномъ глобусѣ; Терпсихора и непосредственно надъ нею Кліо, Калліопа, Эрато; наконецъ Эвтерпа съ двойной флейтой. Еще выше, съ лѣвой руки Зевса и обернувшись къ нему, находится Мельпомена, неподвижно стоящая возлѣ Ѳаліи, стремительно спускающейся къ сестрамъ. Отецъ боговъ и людей сидитъ на вершинѣ священной горы: онъ держитъ скипетръ правой рукой, и на ногахъ его крылья.

АПОѲЕОЗЪ ГОМЕРА

(см. 304 стр.).

ніе, которое производятъ на человѣческую душу явленія невидимаго и видимаго міра. Съ пѣніемъ лирическихъ произведеній соединялись музыка и пляска. Къ лирѣ прибавили звуки военной дудки или флейты, а вскорѣ и нѣжные звуки фригійской флейты. Пляска, совершенно непохожая на современный танецъ, состояла въ ритмическомъ движеніи всего тѣла. Въ Спартѣ и другихъ дорійскихъ городахъ въ ней принималъ участіе весь народъ, раздѣлялся на хоры и попеременно хороводами обходилъ жертвенники боговъ.

Съ твореніями Гомера не могли равняться, какъ упомянуто, произведенія его преемниковъ; Гезіодъ, жившій приблизительно около 800 г., воспѣвалъ трудности и страданія будничной жизни въ дидактической (поучительной) формѣ, примѣшивая полезныя житейскія правила и миѳы. Лирики, напротивъ, стоя подъ впечатлѣніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, старались пробуждать чувство нравственности, права и благочестія и воодушевлять на мужественную борьбу за отечество и притомъ сначала элегіей, соединеніемъ гекзаметра съ пентаметромъ, а затѣмъ въ болѣе свободныхъ и разнообразныхъ ритмахъ, смотря по внушенію генія или по требованію предмета.

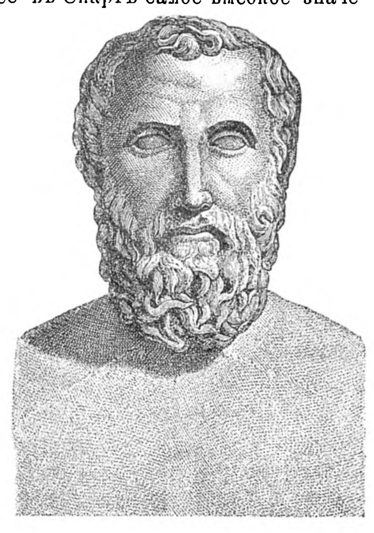
Впервые и прекраснѣе всего развилась лирика у эолійскихъ грековъ, особенно на островѣ Лесбосѣ. Тамъ процвѣтала она уже до 700 года въ лицѣ Терпандра, который, какъ мы уже сообщали, силой своихъ пѣсенъ успокоилъ мятежъ въ Спартѣ. Онъ прибавилъ къ четыремъ струнамъ древней лиры еще три и изобрѣлъ мелодію.

Остроуміемъ и юморомъ, богатствомъ и значительностью мыслей, какъ и своеобразнымъ выраженіемъ ихъ, отличался немного позже Архилохъ съ Пароса. Мать его была рабыней, и поэтому онъ жилъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; но во время своей скитальческой жизни поэтъ безпечно отгонялъ отъ себя заботы и, когда представлялся случай, утопалъ въ веселыхъ наслажденіяхъ часто до непристойности. Когда его однажды упрекнули въ томъ, что онъ въ одной битвѣ потерялъ свой щитъ, онъ спросилъ: развѣ щитъ дороже человѣческой жизни? Противникамъ своимъ онъ мстилъ язвительными стихами, отъ которыхъ они, какъ говорятъ, часто приходили въ отчаяніе. Такими качествами онъ, несмотря на свои превосходныя стихотворенія, не могъ себѣ заслужить уваженія въ Спартѣ. Ему пришлось покинуть городъ, въ

который немного позже былъ призванъ серьезный, воинственный Тиртей. Изъ пѣсней послѣдняго приведемъ здѣсь слѣдующій отрывокъ (въ переводѣ В. Л.):

Юноши, бейтесь же стоя рядами, не будьте примѣромъ
Бѣгства постыднаго иль трусости жалкой другимъ.
Не покидайте старѣйшинъ, у коихъ ужь слабы колѣна,
И не бѣгите, предавъ старцевъ на жертву врагамъ:
Страшный позоръ вамъ, когда среди воиновъ первый упавшій
Старецъ лежитъ, впереди юныхъ лѣтами бойцовъ.
Безъ одѣянья на тѣлѣ! А юношѣ все вѣдь пристойно,
Если онъ доблестный цвѣтъ юности нѣжной хранитъ,
Видомъ онъ—дивенъ мужамъ, пока живъ, и плѣнителенъ женамъ;
Если-жъ падетъ средь бойцовъ, чудной сіяетъ красой.

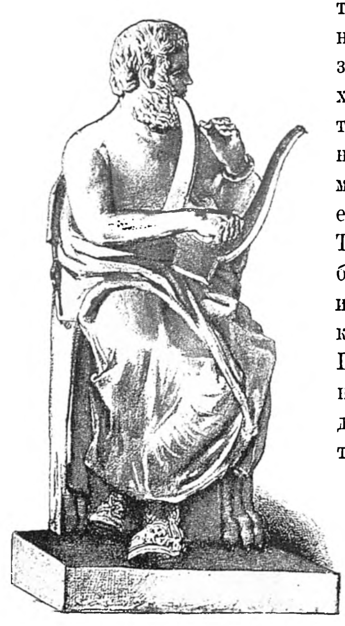
Алкманъ, по сказанію, лидіецъ, рабъ по рожденію, сочинялъ свои пѣсни на лаконско-дорійскомъ нарѣчіи. Онъ особенно развилъ хоровое пѣніе, пріобрѣвшее въ Спартѣ самое высокое значеніе. Стихотворенія его, раздѣленныя на строфы и антистрофы, пѣлись при воинской пляскѣ, въ праздничныхъ процессіяхъ, какъ и при играхъ и упражненіяхъ. Онъ составлялъ, впрочемъ, и нѣжныя пѣсни къ юношамъ и дѣвицамъ, воспѣвалъ вино и радость жизни, пѣсни, которыя, впрочемъ, запрещены были въ Спартѣ, какъ полныя нѣги.

АРХИЛОХЪ.
(ГЕРМА ВЪ КАПИТОЛ. МУЗЕѢ).

Ученикомъ его будто-бы былъ Аріонъ изъ Мееимны на Лесбосѣ. Онъ жилъ у Періандра, властителя Коринеа, и, по прелестному сказанію, былъ вынесенъ дельфиномъ на сушу, когда морскіе разбойники выбросили его въ море. Онъ достигъ берега будто-бы на Тэнарскомъ мысѣ въ Лаконіи. Тамъ еще въ позднѣйшее время находилось отлитое изъ бронзы изображеніе мужчины

верхомъ сидящаго на дельфинѣ. Вѣроятно, это изображеніе подало поводъ къ прекрасному сказанію: статуя эта всѣми считалась обѣтнымъ даромъ Аріона, которымъ онъ хотѣлъ выказать благодарность богамъ за свое чудесное спасеніе. Извѣстенъ сталъ Аріонъ особенно тѣмъ, что развилъ диѳирамбъ, праздничную пѣснь въ честь Вакха, и по звукамъ его приводилъ въ движеніе хоры, плясавшіе въ ритмическихъ тѣлодвиженіяхъ вокругъ жертвенника. Впрочемъ, до нашего времени не сохранилось ничего изъ его разнообразныхъ произведеній. Такъ-же извѣстенъ Ивикъ. Онъ былъ убитъ на пути къ исѳмійскимъ играмъ и, умирая, воззвалъ о мести къ мимо пролетавшимъ журавлямъ. Во время праздничнаго представленія въ Коринѳѣ, съ которымъ соединены были поминки поэта, надъ театромъ пролетѣли журавли. Какъ-бы побуждаемый эринніями, одинъ изъ убійцъ крикнулъ другому: „Смотри, вотъ Ивиковы журавли!“ Тотчасъ-же обоихъ схватили и принудили ихъ сознаться въ своей винѣ. Предметъ этотъ, какъ извѣстно, воспѣлъ Шиллеръ въ своей балладѣ (переданный по-русски Жуковскимъ).

АНАКРЕОНТЪ
(статуя въ музеѣ виллы Боргези).

Свѣтлая и прелестная поэзія Анакреонта изъ Теоса въ Іоніи воспѣвала все, что украшаетъ и радуетъ жизнь. Вначалѣ онъ жилъ при блестящемъ дворѣ Поликрата въ Самосѣ, а затѣмъ въ Аѳинахъ у Гиппарха, и любилъ, правда, веселыя наслажденія, не стремясь, впрочемъ, къ наживѣ и богатству. О возникновеніи розы пѣлъ онъ:

Какъ прекрасная Киприда,
Орошенная водою,
Родилась изъ пѣны моря,

Изъ земли тогда возникло
Небывалое растенье—
Кустикъ розовый явился.
Дивный сонмъ боговъ блаженныхъ,
Сотворить желая розу,
Кустикъ нектаромъ обрызгалъ,
И на вѣточкахъ колючихъ
Распустился цвѣтъ Ліэя.
(Переводъ А. Баженова)

АНАКРЕОНТЪ
(ЧАША ИЗЪ Vulci, ХРАНЯЩАЯСЯ ВЪ БРИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ).
Анакреонтъ, увѣнчанный листвой, играетъ на лирѣ передъ молодыми людьми, которые встрѣчаютъ его привѣтственными криками.

Изъ пѣвцовъ острова Лесбоса высшей славы достигъ Алкей, жившій среди бурнаго времени. Пѣснью и мечомъ пытался онъ низвергнуть тиранновъ своей родины, и когда это ему не удалось, онъ отправился въ изгнанье, гдѣ и нашелъ смерть послѣ долгихъ странствованій. Приводимъ отрывокъ, въ которомъ государство, потрясенное возстаніемъ, сравнивается съ кораблемъ на вздымаемомъ бурею морѣ (русскій переводъ, заимствованный изъ книги Алексѣева: „Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, конечно, сдѣланъ не размѣромъ подлинника, малодоступнымъ русскому стихосложенію):

Лишаетъ насъ смысла возстаніе вѣтровъ,
То съ этого бока бушуетъ волна,

То съ бока другого,—а мы, среди волнъ,
Несемся на суднѣ смоленомъ,
Жестоко страдая отъ бури большой...
Волна наполняетъ все дно корабля...
Просвѣчивать парусъ давно уже сталъ,—
Такъ сильно онъ весь изорвался!

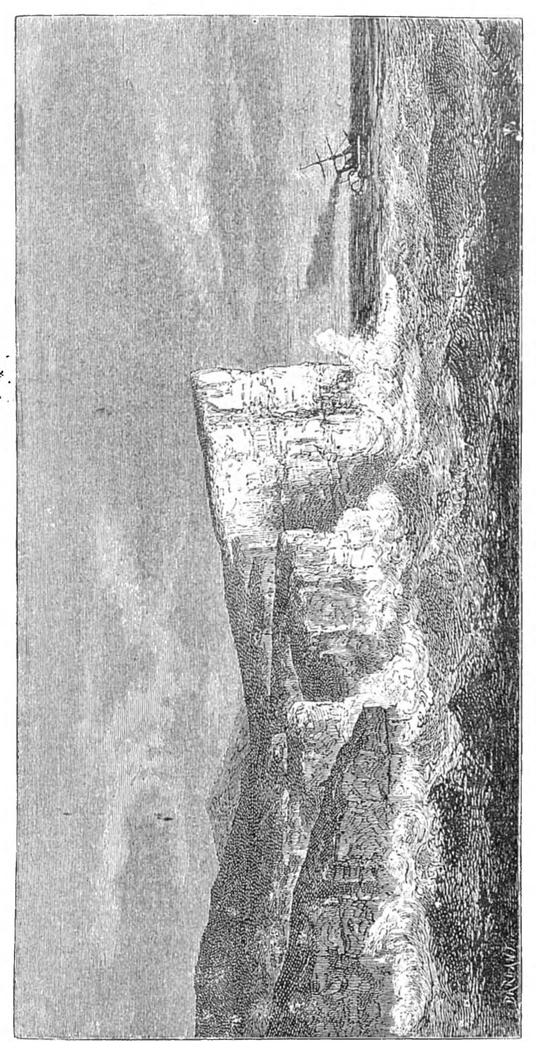
САПФО (САФО)
(ДВОЙНАЯ ГЕРМА ВЪ МАДРИДСКОМЪ МУЗЕѢ).

Поэтъ, какъ сказано, мужественнымъ бойцомъ принималъ славное участіе въ войнахъ его отечественнаго города и пѣлъ о битвѣ и оружіи, но также и о любви, винѣ и веселомъ наслажденіи жизнію.

Городъ Митилена на Лесбосѣ былъ также мѣсторожденіемъ поэтессы Сапфо (Сафо), современницы Алкея. Она вела также многотревожную жизнь, довольно продолжительное время жила въ Сициліи, и наконецъ, по преданію, отъ страстнаго пыла любви, не встрѣчавшей взаимности, бросилась съ левкадской скалы въ Іонійское море. Сапфо, впрочемъ, жила, какъ говорятъ, вполнѣ безукоризненно и благонравно и была вѣрна и предана своему мужу, владѣвшему большими богатствами. Дочь свою Клаиду она нѣжно любила, какъ доказываетъ нижеслѣдующее стихотвореніе. Лишь въ позднѣйшее время бросили пятно на ея поведеніе. Ея пѣсни, сочиненныя большею частью въ названной по ея имени строфѣ, читались и пѣлись повсюду.

Приводимъ здѣсь одну изъ нихъ, обращенную къ Афродитѣ, съ нѣкоторыми сокращеніями (Переводъ Ѳ. Е. Корша не слѣдуетъ размѣру греческаго текста):

Съ высоты многоцвѣтнаго трона,
Строя хитрыя козни въ тиши,
Не отвергни молящаго стона
Удрученной тоскою души!
О приди!—Вѣдь и въ годы былые,
На мольбу мою слухъ преклоня,

СКАЛА ЛЕВКАДСКАГО МЫСА (РИСУНОКЪ СЪ ФОТОГРАФІИ).

Громовержца чертоги златые
Ты покинуть могла для меня;
Голубей крѣпкокрылая стая
Колесницу твою понесла,
И, эѳира струи разсѣкая,
Полетѣла къ землѣ, какъ стрѣла.
И, сіяя безсмертной красою,
Вдругъ предстала ты мнѣ наяву
И спросила, что сталось со мною
И тебя для чего я зову?
Такъ приди же и нынѣ, благая,
Мою злую кручину разсѣй
И, желанья мои исполняя,
Будь союзницей вѣрной моей.

Материнское чувство свое прославленная поэтесса изливаетъ въ слѣдующей строфѣ:

Дитя у меня есть родное,
Прелестное, точно цвѣточекъ,
Сіяющій пышной красою.
Я милой Клаиды
Не дамъ за все злато Лидіи—
Дитя мнѣ дороже Лесбоса.

Изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ знаменитѣйшимъ былъ Пиндаръ, пѣсни котораго никогда не были превзойдены. О немъ сообщимъ въ слѣдующей главѣ, такъ какъ онъ жилъ позже. Здѣсь же упомянемъ еще о басенной поэзіи, ставшей очень любимой, благодаря извѣстному Э з о п у. Послѣдній родомъ былъ изъ Фригіи, попалъ въ рабство и, по своемъ освобожденіи, жилъ при дворѣ Креза въ Сардахъ, гдѣ онъ встрѣтился съ Солономъ. Какъ онъ въ пестромъ, веселомъ разнообразіи забавно представлялъ говорящій животный міръ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, такъ онъ будто бы забавлялъ всякаго не только своимъ остроуміемъ, но также и уродливой, горбатой своей фигурой. Крезъ пользовался имъ для нѣсколькихъ почетныхъ посольствъ, и такъ какъ онъ постоянно очень умно исполнялъ свои порученія, то на него возложили однажды и посланіе къ дельфійскому оракулу. Можетъ быть онъ не былъ такимъ вѣрующимъ, какъ его царственный хозяинъ, и сдѣлалъ скептическія замѣчанія, истолкованныя жречествомъ въ худую сторону; можетъ быть, его безъ основанія обвинили въ богохульствѣ: какъ бы то ни было, схватили пе-

счастнаго поэта и въ священной ревности сбросили его съ вершины скалы Гіампейской внизъ. Потомъ раскаялись въ этомъ, заплатили пеню и дали разбитому тѣлу почетное погребеніе.

Къ концу описаннаго промежутка времени усердно стала разрабатываться наука и прежде всего философія. Не довольствовались болѣе ѳеогоніей (ученіемъ о происхожденіи боговъ) Гезіода и Орфея; черезъ наблюденіе природы и заключенія разсудка старались уяснить себѣ первоначало всѣхъ вещей, ихъ возникно-

ЖИТЕЙСКІЯ ПРАВИЛА ФИЛОСОФОВЪ И МУДРЕЦОВЪ.

Надписи, вырѣзанныя на трехъ безголовыхъ бюстахъ, открытыхъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и бюсты Біанта и Періандра. № 1. Клеобулъ Линскій. Μέτρον ἄριστον: всему знать мѣру—высшее качество. № 2. Солонъ, сынъ Экзекестида, аѳинянинъ. Μηδὲν ἄγαν: ничего черезъ мѣру. № 3. Питтакъ, сынъ Гирраса, митиленецъ. Καιρὸν γνῶθι: замѣчай удобный моментъ. Извѣстно, что Гиппархъ, сынъ Пизистрата, приказывалъ такъ вырѣзывать правоучительныя изреченія на гермахъ на дорогахъ.

веніе, бытіе и исчезновеніе. Знаменитые въ древности **семь мудрецовъ,** изъ которыхъ мы уже познакомились съ превосходнымъ Солономъ, еще мало занимались такими глубокомысленными вопросами. Ихъ направленіе было практическое. Устроить жизнь и государство хорошо и счастливо,—вотъ что они считали своей задачей, цѣлью своихъ стремленій. Солонъ, Ѳалесъ (Ѳалетъ) изъ Милета, Біантъ изъ Пріэны въ Малой Азіи и Питтакъ изъ Митиленъ на Лесбосѣ упоминаются единогласно, остальные трое: Періандръ изъ Коринѳа, спартанецъ Хилонъ и Клеобулъ изъ Линда—большинствомъ писателей. Много сохранилось у насъ отъ нихъ изреченій. Ѳалесъ, напр., увѣщеваетъ: „Познай самого себя"; Біантъ говоритъ: „Несчастенъ тотъ, кто не умѣетъ выносить несчастья"; Питтакъ—„Прощеніе лучше мщенья". Когда Пріэна завоевана была врагами, и граждане бѣжали со своимъ

добромъ, Біантъ слѣдовалъ за толпой ничѣмъ не нагруженный, говоря: „Все свое добро я ношу съ собой". Изреченію его суждено было оправдаться, ибо судно, на которомъ онъ ѣхалъ, потерпѣло крушеніе, и люди спасли лишь свою жизнь. Тогда Біантъ пошелъ въ ближній городъ, устроилъ бесѣды съ любознательной молодежью и былъ осыпанъ подарками, которыми онъ подѣлился съ товарищами по несчастью.

БІАНТЪ
(герма, найденная въ 1780 г. въ виллѣ Кассія, около Тиволи).

Изъ семи мудрецовъ одинъ Θалесъ рѣшался на болѣе глубокія изслѣдованія о сущности природы. Онъ принималъ воду за первовещество, изъ котораго развивается міръ во всемъ своемъ разнообразіи. Каждая вещь, учитъ онъ далѣе, имѣетъ жизнь и проникнута божествомъ; ибо гдѣ есть движеніе и сила, тамъ есть душа и божество, такъ, напр., въ магнитѣ, въ электронѣ или янтарѣ, притягивающихъ другіе предметы. У халдейскихъ и египетскихъ жрецовъ онъ пріобрѣлъ геометрическія и астрономическія познанія и развилъ ихъ дальше. Онъ мѣрилъ вышину пирамидъ около Мемфиса по ихъ тѣни, довольно точно опредѣлилъ годъ, предсказалъ одно солнечное затменіе, показалъ, какъ оно вызывается болѣе маленькой, но гораздо болѣе близкой къ землѣ луной, при чемъ послѣдняя на своемъ пути становится въ середину между землей и дискомъ солнца. Звѣзды для него уже не были блуждающими духами, но землеподобными тѣлами, ведомыми на своемъ пути божествомъ, проникающимъ и наполняющимъ вселенную. Такъ мудрецъ разбилъ древнее поэти-

ческое вѣрованіе эллиновъ объ испускающемъ лучи богѣ Геліѣ, о блуждающей ночью Селенѣ (лунѣ) и выработалъ научную систему, исходившую изъ опыта и наблюденія природы. Өалесъ умеръ въ глубокой старости и былъ погребенъ недалеко отъ Милета въ уединенной долинѣ. На могилѣ его была надпись:

> Памятникъ малъ у Өалеса мыслителя, слава-жъ высоко
> Вознеслась надъ землей и до самыхъ небесъ.

Болѣе поздній, чѣмъ онъ, милетецъ Анаксимандръ принималъ первоначальное нѣчто,—первовещество или матерію,—которое, даже безъ опредѣляющаго качества, проявляется всюду въ безконечно измѣняющейся природѣ. Это, говорилъ онъ, единое и все, пребывающее и все-таки въ проявленіи своемъ безконечно измѣняющееся. Ксенофанъ, основавшій въ Элеѣ, въ Велико Греціи (южной Италіи), элейскую школу (философскую секту), заявлялъ, что природа есть неизмѣнное цѣлое, круглое, оживленное, одушевленное, даже однозначущее съ богомъ; перемѣняющіяся же вещи—лишь человѣческія представленія, не существующія въ дѣйствительности.

ПИӨАГОРЪ
(РИМСКАЯ МЕДАЛЬ).

Всѣ эти ученія совмѣстилъ въ себѣ Пиөагоръ съ Самоса (род. въ 570 г.). Познакомившись во время путешествій съ мистеріями въ Критѣ, съ тайнами египетскихъ жрецовъ и даже съ ученіемъ индійскихъ брамановъ, онъ создалъ свою собственную религіозную систему, разработанную, правда, лишь позднѣйшими пиөагорейцами. По ней, вселенная проникнута, оживлена и управляется божествомъ. Человѣкъ можетъ почуять вѣчное, если онъ сдѣлаетъ себя воспріимчивымъ къ этому воздержаніемъ отъ грубыхъ земныхъ наслажденій и музыкой. Но душа нуждается въ продолжительномъ очищеніи послѣ смерти, она переходитъ въ другія тѣла и лишь послѣ долгаго странствованія возвращается къ божеству, изъ котораго она проистекла. Съ этими идеями Пиөагоръ соединялъ планъ приблизить человѣчество къ его облагороженію, и онъ рѣшилъ осуществить это съ помощью братскаго союза неиспорченныхъ юношей. Поэтому онъ, изъ нерасположенія къ тираніи Поликрата,отправился въ Великую Грецію,

т. е. въ Нижнюю Италію. Тамъ, на восточномъ побережьѣ южной оконечности, процвѣтали эллинскіе города Сибарисъ и Кротонъ, съ которыми въ тѣ времена не могъ сравняться могуществомъ и богатствомъ никакой другой городъ. Пиѳагоръ выбралъ себѣ мѣстожительствомъ Кротонъ, гдѣ господствовало больше нравственности. Благодаря внѣшнему достоинству и краснорѣчію, онъ скоро собралъ около себя кружокъ учениковъ.

Ученіе его, противорѣчившее народной религіи, было тайною. Лишь послѣ долголѣтнихъ испытаній ученики вступали въ общество посвященныхъ. Къ этому должно было подготовить ихъ не только обученіе, но и весь образъ жизни. Поэтому они со своими женами и дѣтьми жили въ общемъ домѣ. Всѣ рано вставали и съ пѣніемъ и игрой на лирѣ шли навстрѣчу восходящему солнцу. Затѣмъ они слушали поучительныя лекціи по важнѣйшимъ предметамъ человѣческаго знанія, особенно по математикѣ, въ которой учитель ихъ самъ нашелъ одну изъ важнѣйшихъ теоремъ, названную по его имени—Пиѳагоровой. Послѣ устраивавшихся затѣмъ тѣлесныхъ упражненій и игръ, собирались на простой обѣдъ, состоявшій изъ хлѣба, меда и воды. Бесѣды и поученія о государственныхъ дѣлахъ наполняли остальную часть дня. Купанье, ужинъ (имѣвшій значеніе нашего обѣда), пѣніе и игра на лирѣ заканчивали вечеръ. При такомъ образѣ жизни сердца учениковъ становились воспріимчивыми къ добру и полными мира и счастья.

Впрочемъ, понятно, что къ школѣ этой могли присоединяться лишь сыновья знатныхъ семей, что вообще все ея направленіе было аристократическимъ. Простой гражданинъ, въ потѣ лица боровшійся за хлѣбъ насущный, не имѣлъ ни досуга для предписаннаго образа жизни, ни охоты слѣдовать за учителемъ въ его глубокомысленныхъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ, эти философскія размышленія, вѣроятно, были непонятны и для иныхъ посвященныхъ учениковъ, какъ видно будетъ изъ нѣкоторыхъ положеній, которыя, правда, какъ и сама жизнь учителя, содержатъ много мистическаго.

„Все—число и гармонія. Число—сущность всѣхъ вещей, въ немъ существуетъ противоположность между четнымъ и нечетнымъ, которая въ единицѣ еще скрыта, въ двойкѣ выступаетъ наружу и въ тройкѣ разрѣшается. Четное—это многое, неограни-

ченное, женское; нечетное—ограничивающее, въ которомъ противоположность уже превзойдена. Гармонія покоится на созвучіи противоположнаго; такова и гармонія всякаго явленія въ природѣ, нравственномъ міровомъ порядкѣ, человѣческой душѣ. Эта гармонія проявляется и въ обращеніи небесныхъ тѣлъ вокругъ огня, сверкающаго въ центрѣ вселенной. Каждый благородный человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобъ создать эту гармонію въ своей душѣ и въ своей жизни, но также водворить ее и въ государствѣ. Множественность боговъ—лишь человѣческое представленіе объ одномъ божественномъ существѣ, проявляющемся различнымъ образомъ. Это единое божество есть свѣтоносный Фебъ Аполлонъ, обнимающій и проницающій вселенную и дарующій ей свѣтъ, тепло, жизнь и душу. Ему нужно служить молитвой, безкровными жертвами, преимущественно чистымъ образомъ мыслей и честной, безпорочной жизнью. Лишь тотъ, кто жилъ правственно чисто и гармонически, со временемъ, по окончаніи земного своего существованія, будетъ принятъ въ царство божества. Душа несправедливаго, безбожника, который нарушаетъ гармонію, будетъ лишь черезъ продолжительное странствованіе по тѣламъ животныхъ и людей очищена для вступленія въ царство гармоніи".

По такимъ принципамъ дѣйствовалъ мудрецъ и пріобрѣлъ чрезъ это такое большое вліяніе въ Кротонѣ, что зависть и тайно питаемое озлобленіе стали злоумышлять, какъ бы погубить его. Когда около 510 года загорѣлась война между обоими враждебными сосѣдними городами и по совершенномъ подчиненіи Сибариса покоренныя земли не были подѣлены между гражданами, въ Кротонѣ возникли волненія и борьба между господствующей аристократической партіей и народомъ. Слѣдствіемъ этого былъ государственный переворотъ. На Пиѳагорейцевъ, высказавшихся противъ демократической формы правленія, напала въ домѣ ихъ собраній чернь (504); многіе погибли отъ меча или пламени зажженнаго зданія, другіе, какъ именно могучій атлетъ Милонъ, спасли, правда, свою жизнь, но должны были разсѣяться. Подобнымъ преслѣдованіямъ подверглись пиѳагорейскіе союзы въ другихъ городахъ; однако, братство это продолжало существовать втайнѣ, а впослѣдствіи открыто, и если оно и никогда не вернуло себѣ уже того вліянія, какое имѣлъ въ виду и какого доби-

вался самъ учитель, все-же важнѣйшія идеи его не утратились и снова выступили во взглядахъ знаменитыхъ учителей послѣдующаго времени. Пиѳагоръ умеръ вскорѣ послѣ разрыва его союза, какъ полагаютъ, въ Метапонтѣ, гдѣ показывается его могила.

ГЕЛІЙ
(МЕТОПА ХРАМА БОГИНИ АѲИНЫ ВЪ ИЛІОНѢ, НАЙДЕННАЯ ШЛИМАНОМЪ ВЪ 1872 Г.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

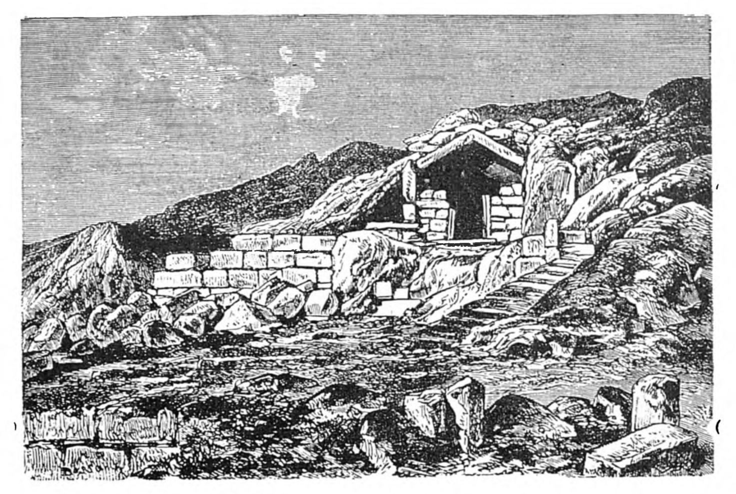
ВОЗВЫШЕНІЕ ЭЛЛАДЫ

СОЕДИНЕНІЕ ЭЛЛИНСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ

ИЗЛОЖЕННОЕ нами до сихъ поръ показало, что эллинскій народъ былъ разбитъ и раздробленъ на много племенъ и государствъ, не связанныхъ никакимъ національнымъ чувствомъ. Каждый гражданинъ гордился своей ближайшей родиной и готовъ былъ всѣми своими средствами и кровью поддерживать ея независимость и ея славу; но не было ни гегемоніи единаго правителя, ни союза, объединяющаго разныя государства, ни общихъ законовъ, которые могли бы связывать части въ одно цѣлое. Однако, были, съ другой стороны, и узы, обнимавшія всю націю и обнаружившія свое дѣйствіе какъ разъ въ пятомъ вѣкѣ, когда страшно сильный врагъ грозилъ покорить всю Элладу.

Такимъ средствомъ соединенія была общая всѣмъ грекамъ религія вмѣстѣ съ связанными съ нею оракулами, празднествами, играми и союзами. Эта религія первоначально была обоготвореніемъ силъ природы; но уже рано неопредѣленныя, неразграниченныя представленія получили форму и содержаніе и вы-

ступили изъ своего первоначальнаго значенія, чтобы войти какъ идеальные образы въ сознаніе народа, въ его жизнь и его искусство. Изъ горъ и долинъ, съ острововъ и дальнихъ береговъ раздавались сказанія о богахъ и сосредоточивались вокругъ идей, которыя витали передъ духомъ народа. А боги все еще продолжали вѣщать свою волю смертнымъ въ священныхъ мѣстахъ: они давали свои оракулы тѣмъ, кто приносилъ имъ жертвы, въ Додонѣ, въ Дельфахъ и въ осѣненномъ оливковыми рощами камен-

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА АПОЛЛОНА НА ОСТРОВѢ ДЕЛОСѢ.

номъ гротѣ Трофонія у Лебадеи въ Беотіи, гдѣ источники Мнемосина (воспоминаніе) и Лета (забвеніе) стекали съ утесистаго склона къ озеру Копаидѣ.—Объ этихъ обрядахъ культа, какъ и о мистеріяхъ, подробнѣе повѣствуетъ миѳологія; мы приводимъ ихъ здѣсь лишь потому, что они, подобно связаннымъ съ ними празднествамъ, глубоко коренились въ сознаніи цѣлаго народа.

Праздничныя игры. Древнѣйшими праздничными играми, образовавшими точку соединенія многихъ эллинскихъ племенъ, были тѣ, которыя совершались въ честь Аполлона и Артемиды на островѣ Делосѣ. Онѣ соединяли преимущественно іонійскія племена изъ европейской Эллады и изъ Малой Азіи. Доступъ къ нимъ имѣли мужчины, женщины и дѣти; кромѣ жертвоприношеній и празд-

ОБЪЯСНЕНІЕ ТАБЛИЦЫ: «ВООРУЖЕНІЕ ЭФЕБА».

ЧАША (KYLIX) СЪ КРАСНЫМИ ФИГУРАМИ

Эта чаша, покрытая исключительно сценами вооруженія греческихъ эфебовъ, показываетъ намъ прежде всего во внутреннемъ рисункѣ эфеба, вооружающагося при содѣйствіи старшаго мужчины своего учителя или отца. Самъ эфебъ уже одѣтъ въ красивый панцырь (моды первой половины 5-го столѣтія), лобъ его украшенъ широкой лентой; онъ собирается надѣть поножи и съ нетерпѣніемъ дожидается момента, когда ему можно будетъ схватить поданный шлемъ и лежащій у его ногъ щитъ, увѣнчанный плющемъ. Подобныя сцены мы находимъ въ наружныхъ рисункахъ той же чаши.

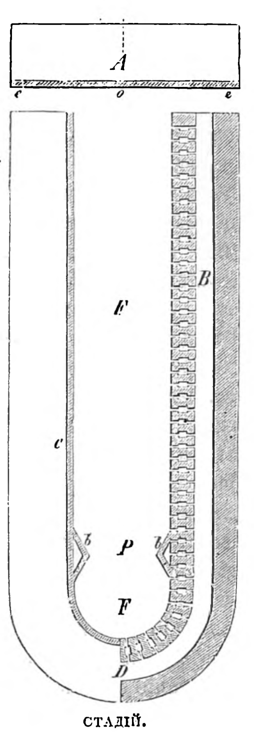
1) Верхній рисунокъ: налѣво висящій мѣшокъ съ прислоненнымъ рядомъ копьемъ. Три фигуры заняты вокругъ одного эфеба: влѣво передъ нимъ фигура въ плащѣ, подающая ему хламиду, вправо передъ нимъ бородатый мужчина, украшенный начельникомъ и одѣтый въ хитонъ, держащій въ правой рукѣ по направленію къ юношѣ перевязь, а въ лѣвой—менѣе понятное длинное и широкое орудіе (можетъ быть поножи); далѣе подпершаяся безбородая фигура въ плащѣ, снабженная начельникомъ. Самый эфебъ одѣтъ еще только въ короткій хитонъ и начельникъ и, наклонившись, направилъ свои взоры только на другую перевязь. Независимо отъ этой четверной группы являются наконецъ двѣ остальныя фигуры этого ряда,—бородатый мужчина въ короткомъ хитонѣ и начельникѣ, только-что надѣвающій панцырь, раскрытый еще надъ плечами; большой щитъ стоитъ съ лѣвой руки его на правомъ концѣ рисунка; съ правой руки его, голый мальчикъ, на котораго онъ ласково смотритъ, подаетъ ему повязку и въ то же время повидимому поддерживаетъ прислоненное около него копье.

2) Нижній рисунокъ тоже начинается висячей сумкой, подъ которой стоитъ стулъ съ наложеннымъ на него одѣяніемъ. Для шести сопоставленныхъ за этимъ фигуръ нельзя найти единства дѣйствія. Четыре юноши заняты вооруженіемъ, двоимъ помогаютъ мальчики. Между ними выдается на третьемъ мѣстѣ фигура бородатаго мужчины въ начельникѣ и короткомъ хитонѣ, надъ которымъ носитъ онъ панцырь; онъ собирается опоясаться перевязью. Отчетливо распознаваемы плечные отвороты кожаной куртки, закрытые крючкомъ; панцырь кончается внизу отдѣльными кожаными лоскутками (часто этого рода кожаныя куртки были покрыты металлическими чешуями). На подобномъ рисункѣ на вазѣ Дуриса видѣнъ мужчина, спереди закрывающій себѣ панцырь, подобно корсету. Маленькій мальчикъ, голый и украшенный начельникомъ, справа приноситъ шлемъ и большой щитъ, украшенный кентавромъ, несущимъ стволъ дерева. Далѣе, направо, вооруженный панцыремъ юноша, съ хламидой на рукѣ, обтираетъ копье свое тряпкой. Независима отсюда на лѣвомъ концѣ находящаяся группа: поддерживаемый также одѣтымъ въ броню юношею и опять прислуживающимъ мальчикомъ щитъ, на которомъ замѣтны внутреннія рукоятки, и на правомъ концѣ изображенія фигура подобнаго юноши, который, наклонившись впередъ, надѣваетъ поножи, въ то время какъ позади его на землѣ лежитъ его шлемъ, покоющійся на выпукломъ щитѣ, надъ нимъ же помѣщена перевязь и вверху другой шлемъ готовъ для рядомъ стоящаго воина.

ВООРУЖЕНІЕ ЭФЕБА. Греческая ваза (Kylix).

ничныхъ процессій устраивались также состязанія, и притомъ не только тѣлесныя, но пѣвцы, игроки на лирѣ и флейтѣ состязались изъ-за премій, назначенныхъ за мусическую ловкость. Для гимнастическихъ игръ устроенъ былъ **стадій**, и притомъ по старому способу, насколько это дозволяла мѣстность, съ небольшими искусственными приспособленіями. Выбиралось поле, расположенное между двумя паралелльными возвышеніями и его замыкали съ одной стороны насыпью въ видѣ полукруга. На другой сторонѣ, гдѣ начинали состязаніе въ бѣгѣ, древнѣйшее изъ обычныхъ въ Элладѣ состязаній, образовывали прямую линію насыпью или стѣной. Впослѣдствіи, когда стадіи устраивались съ большимъ искусствомъ, довольствовались естественнымъ возвышеніемъ на одной изъ продольныхъ сторонъ, а прочія стороны окружали стѣнами. На трехъ сторонахъ устраивали также сидѣнья для зрителей, между тѣмъ, какъ сторона **афезиса** или начала бѣга оставалась свободною, такъ какъ здѣсь находились въ то же время входы на ристалище. На приложенномъ планѣ означаетъ A—стѣну, замыкающую афезисъ, e e—входы, o P—протяженіе собственно ристалища, составлявшее олимпійскій стадій, т.-е. почти 200 метровъ (94 саж.). Ристаніе именно не простиралось въ самый замыкающій полукругъ F, такъ называемую **сфендону** (т.-е. пращу), гдѣ находились судьи и гдѣ происходили и другія гимнастическія игры. Для отдѣленія этой послѣдней части служилъ шнурокъ, натягивавшійся между двумя выступами стѣнъ bb; часть C сидѣній для зрителей прислонена къ склону холма и отдѣлена отъ ристалища низкой стѣной, между тѣмъ какъ другая сторона сидѣній покоится на прочномъ фундаментѣ, внутри котораго идетъ проходъ BD.

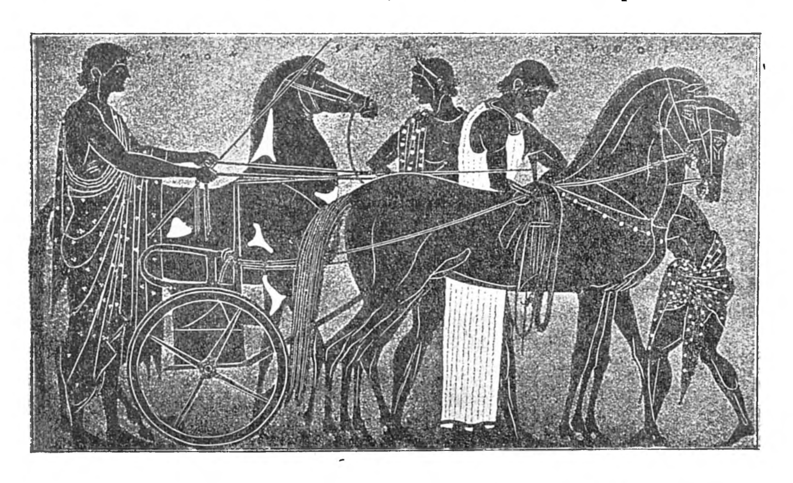

Стадій.

По подчиненіи іонійскихъ колоній персами, празднества на Делосѣ потеряли свой блескъ; но ихъ мѣсто заступили дорійскія и вскорѣ достигли несравненно большаго значенія, чѣмъ тѣ. Игры въ Олимпіи, на равнинѣ у Алфея, гдѣ стоялъ храмъ олимпійскаго Зевса, соединяли для ихъ празднованія первоначально только сосѣдніе народы. Еще до дорійскаго переселенія они собирались именно здѣсь у древняго мѣста жертвоприношеній, чтобъ поднести свои дары олимпійскому Зевсу. На фундаментѣ вышиной въ $6\frac{1}{2}$ метровъ возвышался огромный жертвенникъ бога, гдѣ жреческій родъ Ямидовъ сожигалъ куски жира и изъ пламени и дыма старался узнавать опредѣленія Кроніона. Послѣ жертвоприношеній совершались гимнастическія игры, вскорѣ достигшія большого почета. Этолійскіе завоеватели Элиды присвоили себѣ право празднованія этихъ игръ, и царь ихъ Ифитъ заключилъ со Спартанцами договоръ, которымъ устанавливалось совмѣстное празднованіе со стороны обоихъ племенъ. На короткое время привилегія эта отнята была у нихъ Фидономъ Аргосскимъ и передана Писѣ; но съ помощью Спарты они вскорѣ одержали снова верхъ и съ тѣхъ поръ оставались въ обладаніи своей привилегіей. Мало-по-малу къ празднеству допущены были всѣ эллинскія племена, даже отдаленнѣйшія колоніи. Область Элейцевъ на это время должна была быть неприкосновенной, и во всѣхъ странахъ эллиновъ въ продолженіе ихъ нельзя было поднимать оружія. Вначалѣ празднество ограничивалось однимъ днемъ, и происходило лишь одно состязаніе въ бѣгѣ въ уже названномъ стадіи. Такъ обстояло дѣло еще въ 776 г., когда впервые были занесены въ списки имена побѣдителей. Затѣмъ ввели двойной бѣгъ, вверхъ и внизъ по ристалищу, и въ 720 г. многократный. Двѣнадцать лѣтъ спустя прибавили сюда борьбу и пентаѳлъ — состязаніе въ прыганіи, бѣгѣ, метаніи диска и дротика и борьбѣ. Въ 688 г. введенъ былъ страшный кулачный бой, а въ 680 ристаніе на колесницахъ съ четверней, для чего возлѣ стадія устроенъ былъ гипподромъ; онъ имѣлъ подобное же устройство какъ и стадій, но долженъ былъ, конечно, далеко превосходить его протяженіемъ; немного позднѣе появился панкратій, соединявшій борьбу и кулачный бой.

По изгнаніи персовъ, стадій и гипподромъ (ристалище для ко-

лесницъ и верховыхъ ѣздоковъ) устраивались лучше и украшались жертвенниками, статуями и другими произведеніями искусства. Первый, сіяя мраморомъ, тянулся съ запада на востокъ вдоль подножія холма Кроніона и его восточныхъ отроговъ. Вблизи входа стояла статуя Зевса, вышиной въ четыре метра (1,9 саж.); далѣе виднѣлись святилища Геракла, Аполлона и Гермеса, кото-

ЗАПРЯЖКА КОЛЕСНИЦЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАГО ВРЕМЕНИ
(СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯ НА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ).

Здѣсь запрягаютъ двухколесную колесницу. Пока запряжены только двѣ дышловыя лошади, и одной изъ нихъ занятъ еще возница, одѣтый въ обычный въ такихъ случаяхъ длинный хитонъ, вмѣстѣ со слугой, въ то время, какъ другой помощникъ приводитъ третью лошадь для запряжки. Слѣдуетъ обратить вниманіе на способъ запряжки. Лошади широкимъ кожанымъ ремнемъ запряжены въ ярмо, лежащее на ихъ спинѣ и прикрѣпленное къ дышлу. Постромки (которыхъ въ гомеровское время вовсе не знали) прикрѣплены къ кольцамъ, придѣланнымъ къ краямъ колесницы.

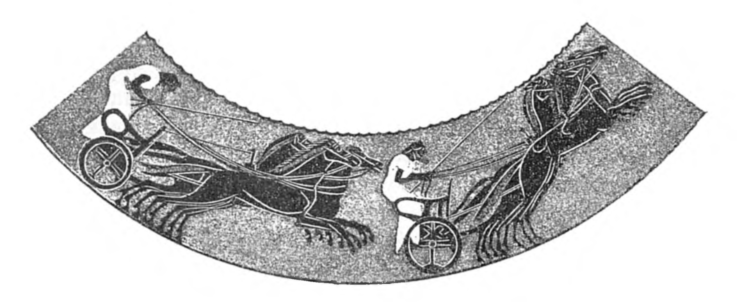
рыхъ считали основателями и покровителями состязаній. Три колонны отмѣчали путь, который нужно было пробѣгать; первая, неподалеку отъ начала, носила надпись: „Будь молодцомъ!“; вторая, занимавшая середину, была отмѣчена словомъ „Спѣши!“; на третьей, у цѣли, можно было прочесть: „Поверни назадъ!“ Не менѣе богато украшенъ былъ гипподромъ, примыкавшій съ южной стороны къ стадію и тянувшійся на востокъ по направленію рѣки. Когда здѣсь должно было начинаться ристаніе на колесницахъ, то, благодаря искусственному механизму, поднимался мѣдный орелъ и ударялъ крыльями. Тогда колесницы должны были

пробѣжать ристалище двѣнадцать разъ мимо цѣли, что составляетъ почти длину географической мили. Вслѣдствіе увеличивавшагося числа состязаній, продолжительность игръ установлена была въ пять дней, и онѣ въ это время достигли высшаго своего блеска.

Какъ только пришло время празднества, глашатаи, которыхъ одинъ поэтъ назвалъ „мироносцами“, шли по всѣмъ областямъ, чтобы объявить день начала праздничныхъ игръ. Затѣмъ, какъ бы по велѣнью божества, враждующіе народы слагали свое оружіе и приготовляли торжественныя посольства для отправленія на національное празднество. Послѣднія, въ богатѣйшемъ украшеніи, съ знаменами, святынями и посвятительными жертвами сопровождали участниковъ въ состязаніяхъ къ священной дорогѣ, тянувшейся отъ города Элиды къ олимпійской равнинѣ. Здѣсь необозримая толпа приводилась въ порядокъ по указанію Ямидовъ, глашатаевъ и должностныхъ лицъ и торжественно направлялась на востокъ, гдѣ на правомъ берегу Алфея открывалась священная равнина. Сѣверный горный хребетъ названъ былъ по ѳессалійской горѣ боговъ олимпійскимъ. Съ этихъ высотъ стекалъ къ Алфею ручей Кладей, черезъ который недалеко отъ его сліянія съ первымъ велъ крѣпкій мостъ. Когда праздничная процессія проходила черезъ него, то она оказывалась передъ воротами, украшенными колоннами, открывающими входъ въ священную рощу. Алтисъ, какъ называли это пространство, осѣнена была платанами и оливковыми деревьями, съ запада и юга окружена стѣнами, съ востока двумя палатами, съ сѣвера холмомъ Кроніона, предгоріемъ Олимпа. Справа у входа стояла древняя маслина, изъ вѣтокъ которой плелись побѣдные вѣнки. Далѣе шелъ путь къ храму Зевса, великолѣпно перестроенному послѣ персидскихъ войнъ и украшенному статуей бога произведеніемъ мастерской руки Фидія (Фидіи), о чемъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Затѣмъ слѣдовали, кромѣ мелкихъ святилищъ, жертвенникъ Зевса, стадій, храмъ Деметры и гипподромъ, граничившій съ этимъ святилищемъ. Къ сѣверу у холма Кроніона расположены были сокровищницы, основанныя нѣсколькими городами, далѣе на западъ—театръ, дума, пританей и гимназія элейцевъ съ помѣщеніями для атлетовъ и съ великолѣпными колоннадами. Кромѣ этихъ зданій, было большое множество колоннъ, статуй, жертвенниковъ и другихъ посвяти-

тельныхъ даровъ, наполнявшихъ пространство, гдѣ происходили празднества, но никакихъ жилищъ, ибо даже жилища для жрецовъ и для пришлыхъ лежали снаружи между стѣной и Алфеемъ.

На великое торжество приходили не только посланные отъ эллинскихъ государствъ и городовъ, участники состязаній и чрезвычайно многочисленная и жаждавшая зрѣлищъ толпа, но и поэты, ораторы, философы, подвизавшіеся здѣсь въ публичной декламаціи и этимъ дѣлавшіе произведенія своего творческаго

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКІЯ КОЛЕСНИЦЫ (РИСУНОКЪ НА ВАЗѢ).

духа извѣстными по всей Элладѣ. Преміи давались, впрочемъ, только побѣдителямъ въ гимнастическихъ играхъ, и они, какъ уже упомянуто, состояли въ вѣнкахъ изъ сливковыхъ вѣтокъ. Кто обвивалъ себѣ чело такимъ вѣнкомъ, того въ родномъ его городѣ считали достойнымъ высшей почести, принимали его, какъ царя, ставили ему статуи, возлагали на него предсѣдательство въ собраніяхъ, а въ Аѳинахъ олимпійскіе побѣдители даже обѣдали съ пританами. Старецъ Д і а г о р ъ съ Р о д о с а, самъ нѣкогда получившій премію во всѣхъ четырехъ великихъ священныхъ играхъ, видѣлъ и сыновей своихъ побѣдителями и былъ ими носимъ въ собраніи на плечахъ. Тогда кто-то крикнулъ ему: „Довольно прожилъ ты, или хочешь ты вознестись еще на Олимпъ?“ Олимпійскія празднества совершались каждые четыре года; такой четырехлѣтній промежутокъ называли о л и м п і а д о й и по ней вообще считали время. Началомъ олимпіадъ принимаютъ 776 г. до Р. Х.

Не меньшимъ значеніемъ пользовались п и ѳ і й с к і я и г р ы въ честь дельфійскаго бога. Уже въ раннее время, каждые восемь

лѣтъ совершалось празднество кругомъ храма Аполлона въ Дельфахъ и внутри его, съ жертвоприношеніями и пѣніемъ гимновъ. Подробно описывая этотъ храмъ, мы указали и путь, которымъ пилигримы отправлялись къ святилищу; мы при этомъ случаѣ замѣтили, что дорога вела мимо развалинъ Кирры. Мѣсто это было нѣкогда гаванью города Криссы, которая, благодаря плодоносной почвѣ и обложенію налогомъ многочисленныхъ пилигримовъ, пріобрѣла себѣ богатство и могущество. Но когда криссейцы въ своемъ своеволіи болѣе и болѣе обременяли и эксплоатировали пилигримовъ, то была, наконецъ, противъ нихъ рѣшена такъ называемая первая священная война (595); городъ ихъ былъ разрушенъ войскомъ, составленнымъ изъ ѳессалійцевъ, аѳинянъ и сикіонцевъ, и, главнымъ образомъ, по старанію Солона, посвящена Аполлону плодоносная криссейская равнина. Добычу же употребили на устройство праздничныхъ игръ по образцу олимпійскихъ, которыя и совершались на третьемъ году каждой олимпіады. Здѣсь съ гимнастическими соединяли поэтическія и музыкальныя состязанія, такъ какъ это казалось достойнымъ бога поэзіи и игры на лирѣ. Вначалѣ побѣдителей украшали золотыми вѣнками, а затѣмъ считали достаточнымъ лавровый вѣнокъ и связанный съ нимъ почетъ. Зато впослѣдствіи потратили много стараній и денегъ на то, чтобъ устроить стадій поближе къ святилищу. Долина, обнимавшая дельфійскій храмъ съ его оракуломъ, кастальскій источникъ, какъ и стадій для борьбы за высшія почести,—почти кругообразна. Она лежитъ уединенно и кажется отдѣленною отъ остального міра исполинскими горами Парнасса и высотами Кирфиса по ту сторону Плиста; но въ то время, которое мы представляемъ себѣ здѣсь, она была оживлена торжественными процессіями, состязаніями благородныхъ, жаждущихъ славы юношей, звуками арфъ и пѣніемъ праздничныхъ гимновъ, далеко отражавшихся въ горахъ. Немейскія и исѳмійскія игры были устроены подобнымъ-же образомъ, вслѣдствіе чего мы на нихъ не станемъ останавливаться.

Амфиктіоніи. Народности, впервые соединившіяся для празднованія такихъ торжествъ, обыкновенно стояли и въ болѣе близкой политической связи между собою. Такіе союзы назывались амфиктіоніями, т.-е. соединеніями вокругъ живущихъ. Онѣ служили преимущественно для улаживанія споровъ между союзниками

и для отраженія могущихъ случиться нападеній оказаніемъ взаимной помощи. Самымъ знаменитымъ союзомъ амфиктіоновъ былъ тотъ, который наблюдалъ за пиѳійскими празднествами. Его первоначально заключили двѣнадцать ѳессалійскихъ, дорійскихъ и іонійскихъ племенъ, отправлявшихъ пословъ на собранія, весной въ Дельфы, осенью въ Ѳермопилы, гдѣ на освященномъ мѣстѣ совѣщались о дѣлахъ союза. Этотъ союзъ достигъ большого значенія и по временамъ простиралъ свое вліяніе на всю Элладу. Амфиктіоны карали особенно преступленія противъ религіи и нарушенія международнаго права. По ихъ приговору, криссейцы поплатились за свое преступленіе противъ пиѳійскаго бога разрушеніемъ своего города, а эгинеты и могущественные спартанцы, за заслуживающія наказаніе насилія, обложены были тяжелыми денежными штрафами. Правда, такія мѣры въ позднѣйшее время не могли болѣе приводиться въ исполненіе противъ преобладающаго государства, и союзъ долженъ былъ довольствоваться очень ограниченнымъ размѣромъ власти. Поэтому неправильно считать это собраніе національнымъ собраніемъ или общимъ судилищемъ надъ всей Греціей. Какъ таковое, оно имѣло силу лишь для двѣнадцати союзныхъ государствъ, но его приговоры довольно часто встрѣчали и у тѣхъ противорѣчіе.

Амфиктіоны или депутаты союза собирались обыкновенно дважды въ годъ, именно весной около Дельфъ и осенью у храма Деметры при Ѳермопилахъ, какъ для совѣщанія о дѣлахъ по должности, такъ и для чествованія Аполлона и Деметры, ибо послѣдніе были богами-покровителями союза, и, можетъ быть, эти празднества возникли первоначально изъ совмѣстныхъ жертвоприношеній почитавшимся божествамъ.

Языкъ. Другой связью, обнимавшею раздробленныя эллинскія государства и народы, была общность языка, искусства и культуры. Какъ ни различны были господствовавшіе діалекты, ихъ понимали все-таки всѣ племена. Пѣвцы и позднѣе также ораторы и учители мудрости пѣли и говорили передъ гражданами разнообразнѣйшихъ городовъ, и языкъ ихъ былъ всѣмъ понятенъ. Вѣдь въ тѣ времена посѣщали школу, гдѣ сіялъ болѣе яркій свѣтъ надъ всѣми слоями населенія, нежели это можетъ быть въ пыли нашихъ школьныхъ помѣщеній и аудиторій: ходили въ школу об-

щественной жизни. Тамъ учились тому, въ чемъ нуждается государство, что доставляетъ честь и славу; тамъ слушали пѣсни поэтовъ и разсматривали произведенія всякаго рода искусства; тамъ сердца загорались жаждой создать что-либо превосходнѣйшее и добиться одобренія всего эллинскаго народа. Было естественно, что результаты такой дѣятельности сравнивали съ произведеніями иноземныхъ народовъ и тотчасъ-же узнавали преимущества своихъ. Справедливое, гордое сознаніе эллинскаго гражданства, эллинской жизни, эллинскаго языка, науки и искусства наполняло сердца всѣхъ. Съ высокимъ наслажденіемъ сознавали эллинское превосходство по отношенію къ частью погрязшимъ въ грубости, частью порабощеннымъ варварамъ. Это чувство наслажденія, проникавшее всѣ слои народа, даровало ему духовную мощь, мужество для побѣдоноснаго сопротивленія громаднымъ варварскимъ силамъ великаго персидскаго царства, двинувшимся въ началѣ пятаго вѣка до Р. Х. изъ Азіи на Элладу.

ВРЕМЯ ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ

ОСНОВАНІЕ ПЕРСИДСКАГО ЦАРСТВА И ПОХОДЪ ДАРІЯ ПРОТИВЪ СКИѲОВЪ.

АЗІЯ, колыбель рода человѣческаго, была и сѣдалищемъ древнѣйшей культуры. Дворцы, храмы и скульптурныя работы, обломки которыхъ выкапываются изъ праха **Вавилона** и **Ниневіи**, свидѣтельствуютъ объ очень древнемъ образованіи, корни котораго уходятъ гораздо дальше въ старину, нежели даже египетское. Тонкое виссовое полотно, художественныя работы изъ металла, стекла и янтаря, уже рано выдѣлывавшіяся въ Вавилонѣ и особенно въ Финикіи, служатъ доказательствами обширной промышленности и культуры въ Передней Азіи. Но въ развитіи азіатскихъ народовъ недоставало стремленія къ неутомимому прогрессу, подвижного и двигающаго элемента, побуждавшаго грековъ итти отъ одной цѣли къ другой вплоть до самой высшей. У нихъ не было общественной жизни, свободнаго развитія, они коченѣли подъ давленіемъ деспотической формы правленія. Зато они были сильны внутри и по отношенію къ иностраннымъ народамъ единствомъ управлявшей ими воли

и потому были пригодны для распространенія своего господства и для крупныхъ предпріятій. Пока государства и царства Передней Азіи находились въ борьбѣ между собой, они, конечно, не могли дерзать бросить жадные взоры на Европу. Отъ плодоносныхъ равнинъ, орошаемыхъ рѣками Евфратомъ и Тигромъ, до Средиземнаго моря и къ востоку до предѣловъ скиѳскихъ степей, гдѣ нынѣ обитаютъ татарскія и монгольскія племена, распространяли свою власть вавилонскіе, ассирійскіе и мидійскіе деспоты и съ перемѣннымъ успѣхомъ боролись за господство.

КИРЪ

(БАРЕЛЬЕФЪ МЕШЕДЪ-МУРГАБСКІЙ).

У царя на головѣ волосы убраны въ видѣ короны, украшенной uraeus'омъ и правой рукой онъ держитъ статуэтку, головной уборъ которой тоже завершается uraeus'омъ. Всѣ эти аттрибуты заимствованы изъ Египта, какъ большія распущенныя крылья заимствованы изъ Ассиріи.

Киръ. Около 590 г. до Р. Х. отношенія государствъ измѣнились. Въ это время воинственный герой во главѣ закаленныхъ горцевъ выступилъ на путь завоеваній и, благопріятствуемый военнымъ счастьемъ, мало-по-малу соединилъ названныя и другія государства и народы въ единое, обширное царство. Киръ, вождь персовъ, обитавшихъ въ суровыхъ горахъ, возвышающихся надъ обширными равнинами на восточномъ побережьѣ Персидскаго

залива, съ отважной энергіей вывелъ свой суровый, но храбрый и высокоталантливый народъ изъ тѣсныхъ предѣловъ родины для господства надъ богатыми, хорошо воздѣланными странами сосѣдей. Сначала подчинена была сѣверная Мидія, послѣ того какъ царь ея Астіагъ, по не подтвержденному сказанію, бывшій дѣдомъ Кира, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Царя Лидійскаго, Креза, выступившаго для отомщенія, постигла та-же участь въ столицѣ его — Сардахъ. Затѣмъ палъ Вавилонъ вмѣстѣ съ зависѣвшею отъ него Ассиріей, и одна за другой были покорены греческія колоніи на малоазійскомъ побережьѣ, при этомъ также и богатый Милетъ. Сыномъ и преемникомъ Кира былъ Камбизъ. О немъ сообщаютъ много жестокихъ, тиранническихъ дѣйствій; однако, онъ увеличилъ царство, побѣдоносно завоевавъ весь Египетъ. Противъ него самозванецъ, Лже-Смердисъ, поднялъ знамя возстанія и послѣ, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей, смерти Камбиза сѣлъ на престолъ. Но семь благородныхъ персовъ убили его въ его дворцѣ, и одинъ изъ нихъ, Дарій Гистаспъ (сынъ Гистаспа), въ 521 г. сдѣлался царемъ. Однако, все царство находилось въ броженіи; покоренные народы возстали для сверженія чужеземнаго ига, и честолюбивые вожди, жаждуя собственнаго господства, стали во главѣ возмутившихся народностей.

ПЕЧАТЬ ЦАРЯ ДАРІЯ (БРИТАНСКІЙ МУЗЕЙ).

Дарій. Но царь былъ человѣкъ рѣшительный и умомъ, силою и, какъ еще можно читать въ клинообразныхъ надписяхъ, милостію Агуры-Мазды (Ормузда) возстановилъ свою власть. Намѣстника Лидіи, замышлявшаго отпаденіе, онъ велѣлъ казнить; затѣмъ онъ, послѣ счастливыхъ битвъ и тяжкой осады, одолѣлъ городъ Вавилонъ, что, по греческому разсказу, удалось при помощи вѣрнаго Зопира, который самъ себя изуродовалъ и вошелъ въ городъ перебѣжчикомъ. Также удалось подчиненіе Мидіи, Арменіи, Парѳіи, Гирканіи и другихъ странъ. Даже въ родной

странѣ своей, Персіи, новому государю пришлось выдерживать борьбу; но онъ всюду оставался побѣдителемъ и возсоединилъ отпавшія провинціи. Этимъ онъ, однако, не удовольствовался, но простеръ свои завое-

НИКОПОЛЬСКАЯ СЕРЕБРЯНАЯ ВАЗА
(ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ).

Ваза представляетъ собою одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній греческаго искусства IV в. до Р. Хр. Кромѣ того, она служитъ важнымъ источникомъ для изученія скиѳскихъ древностей, такъ какъ верхняя часть украшена изображеніями Скиѳовъ, а эти изображенія живо знакомятъ насъ со многими сторонами ихъ степного быта.

СКИѲЫ, УХАЖИВАЮЩІЕ ЗА КОНЯМИ
(ГРУППА СЪ ФРИЗА НИКОПОЛЬСКОЙ ВАЗЫ).

ванія и на тѣ страны, которыя нынѣ называются Афганистаномъ, Белуджистаномъ и западнымъ Тибетомъ. Тамъ границами его

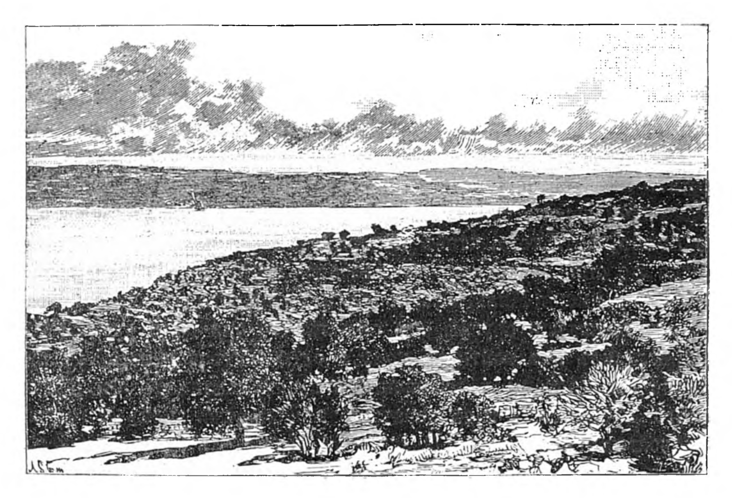
владычества были Гималаи и Индъ. Наконецъ, онъ велѣлъ карійцу, мореходцу Скилаку, изслѣдовать южные берега и внимательно читалъ его отчетъ о замѣчательномъ путешествіи съ цѣлью открытій по Инду и затѣмъ далѣе по Индійскому океану и обратно по Красному морю.

Послѣ этихъ и подобныхъ дѣяній Дарій занялся внутреннимъ устройствомъ громаднаго государства. Все царство раздѣлилъ онъ на двадцать сатрапій, упорядочилъ податную систему, судъ и полицію и заботился о дорогахъ, земледѣліи и торговлѣ. Но онъ недолго оставался при этихъ мирныхъ занятіяхъ. Сердце его жаждало новой военной славы, и онъ озирался вокругъ, куда бы обратить свое оружіе. Вотъ, по ту сторону Эгейскаго моря лежала прекрасная Греція, населеніе которой болѣе всѣхъ націй отличалось храбростью и любовью къ искусству и наукѣ, а къ сѣверу отъ эллиновъ обитали воинственные македоняне, затѣмъ суровые ѳракіяне и еще далѣе на сѣверъ за рѣкою Истромъ (Дунаемъ) дикіе скиѳы, племена безъ законовъ, безъ земледѣлія (?) и безъ значительныхъ городовъ. Они пили кобылье молоко, ѣли конину и даже будто бы не брезгали человѣческимъ мясомъ. Всегда на конѣ, какъ теперешніе монголы, ихъ соплеменники, безпокойно бродили они по пустынямъ у Борисѳена (Днѣпра), у Танаиса (Дона) и дальше. Они не знали другого занятія кромѣ грабежа и войны. Изъ ихъ военныхъ дѣлъ особенно стали извѣстны ихъ опустошительные набѣги на Переднюю Азію и ихъ побѣды надъ Киромъ.

Вотъ тѣ страны и народы, на которые царь обратилъ свои жадные взоры. И если бы онъ со всѣми громадными военными силами царства выступилъ сначала противъ Греціи, то ни аѳиняне, ни другое государство, кромѣ, быть можетъ, Спарты, не оказали бы ему упорнаго сопротивленія, и вся Эллада, безъ сомнѣнія, стала бы персидской сатрапіей. Но великій царь предпочелъ сначала покорить болѣе сѣверныя страны и предпринять походъ противъ дикихъ скиѳовъ по ту сторону Истра (Дуная), убѣжденный въ томъ, что послѣ значительныхъ успѣховъ въ этомъ направленіи Греція станетъ легкой добычею.

Переправа Персовъ черезъ Геллеспонтъ. Большое войско, какъ передаютъ, 700.000 человѣкъ конницы и пѣхоты, и флотъ въ 600 судовъ, поставленныхъ большей частью греческими городами

Малой Азіи, собрались въ 513 г. на Босфорѣ (ѳракійскомъ). Ловкій самосскій архитекторъ Мандроклъ построилъ мостъ черезъ проливъ. Послѣ перехода черезъ него войска, покорены были ѳракійскія племена на югъ и сѣверъ отъ горъ Гэма (Балканскихъ горъ), и побѣдоносные завоеватели достигли Дуная. Часть флота, плывя вверхъ по рѣкѣ, уже прибыла и выстроила здѣсь мостъ. Сторожить его Дарій, самъ отправляясь на сѣверъ противъ скиѳовъ, оставилъ греческихъ тиранновъ, которыхъ онъ, по образцу

ГЕЛЛЕСПОНТЪ (ПО ФОТОГРАФІИ).

персидскихъ сатраповъ, назначилъ правителями іонійскихъ городовъ. Онъ передалъ имъ ремень, въ которомъ было 60 узловъ, и приказалъ имъ ежедневно развязывать по одному узлу, но затѣмъ не дожидаться его дольше и отправиться въ обратный путь.

Согласно приказанію, греческіе вожди ждали у моста со своими дружинами, ежедневно развязывали по узлу и озирались на пустынныя степи, безконечно простиравшіяся къ сѣверу. Уже протекли 60 дней, а все еще не показывался гонецъ съ вѣстью отъ большой арміи. Но вотъ внезапно появилась орда конныхъ скиѳовъ и пригласила грековъ сломать мостъ, ибо царь-де, напрасно бродившій по невоздѣланной странѣ, въ которой нѣтъ городовъ,

близокъ къ гибели. Тотчасъ же сошлись вожди, чтобъ посовѣтываться о томъ, какія принять мѣры. Среди нихъ находился также аѳинянинъ Мильтіадъ, властитель ѳракійскаго Херсонеса, теперешняго полуострова Галлиполи, гдѣ турецкіе замки на Дарданеллахъ защищаютъ входъ въ Мраморное море. Объ этомъ, впослѣдствіи такъ прославившемся, героѣ необходимо сообщить нѣкоторыя подробности, прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ.

У аѳинянъ издревле было поселеніе у мыса Сигея въ троянской землѣ, и они черезъ это познакомились съ ѳракіянами Херсонеса. Послѣдніе въ эпоху Пизистрата были притѣсняемы своими сосѣдями. Поэтому они послали въ Дельфы выпросить себѣ греческую вспомогательную колонію, и послы получили отъ оракула указаніе избрать себѣ въ вожди того, кто первый предложитъ имъ гостепріимство. На возвратномъ пути они прошли по священной дорогѣ черезъ страну фокейцевъ и беотійцевъ вплоть до Аѳинъ, безъ того, чтобъ имъ сдѣлали бы такое предложеніе. Когда же они проходили по улицамъ этого города, то нѣкій мужъ, по имени Мильтіадъ, сидѣлъ въ преддверіи своего дома. По ихъ одеждѣ и оружію онъ видѣлъ, что они были чужеземцы, и пригласилъ ихъ войти къ нему и остановиться у него. Тѣ радостно послѣдовали приглашенію и познакомили его съ цѣлью своего путешествія и съ изреченіемъ божества. Безъ того уже недовольный правленіемъ Пизистрата, Мильтіадъ охотно былъ готовъ исполнить желаніе ѳракіянъ. Во главѣ кучки жаждущихъ странствованій людей онъ поплылъ къ Херсонесу, гдѣ цѣлесообразными распоряженіями обезпечилъ колонію отъ вражескихъ нападеній. Въ особенности съ царемъ Крезомъ Лидійскимъ, освободившимъ нѣкогда его изъ плѣна, онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По смерти его, главой Херсонеса сталъ племянникъ его Стесагоръ и затѣмъ братъ послѣдняго, котораго тоже звали Мильтіадомъ. Ему-то, какъ и вообще ѳракійскимъ городамъ и племенамъ, пришлось подчиниться владычеству персидскаго царя, когда тотъ перешелъ чрезъ Босфоръ, чтобъ предпринять свой походъ на скиѳовъ.

Привыкши къ аѳинскимъ обычаямъ и свободѣ, Мильтіадъ, правда, лишь неохотно подчинился неизбѣжному, и вотъ, когда скиѳы прибыли къ Истру и сообщили о бѣдственномъ положеніи

персовъ, онъ тотчасъ же выступилъ въ собраніи греческихъ вождей, чтобъ склонить ихъ къ смѣлому рѣшенію. Онъ совѣтовалъ немедленно сломать мостъ, предоставить царя своей участи и призвать эолійскіе, іонійскіе и дорійскіе города и острова къ сверженію персидскаго ига. Собраніе уже склонялось на его сторону, когда противъ него поднялся Гистіэй Милетскій съ замѣчаніемъ, что онъ и всѣ вожди обезпечены въ своемъ владѣніи лишь владычествомъ великаго царя; всѣ они послѣ его гибели очень скоро, вслѣдствіе свободолюбивыхъ наклонностей городовъ, будутъ изгнаны изъ своихъ владѣній и даже изъ своего отечества; поэтому ихъ задача—ради себя самихъ быть скорѣе опорами и вѣрными намѣстниками царя, нежели противиться его спасительному владычеству. Эта рѣчь рѣшила дѣло: мостъ сохранили, и Дарій, прибывшій вскорѣ со своимъ войскомъ, очень ослабѣвшимъ отъ лишеній, безъ помѣхи могъ совершить переправу. Гистіэй за вѣрность былъ щедро вознагражденъ, получивъ, по его просьбѣ, разрѣшеніе на основаніе колоніи въ области Миркина на Стримонѣ; Мильтіадъ же, опасаясь мести царя, вскорѣ послѣ этого, бѣжалъ въ Аѳины.

ПЕРСИДСКАЯ МОНЕТА.

Несмотря на то, что онъ привыкъ къ изобилію и не лишенъ былъ жажды власти, онъ, однако, предпочелъ положеніе независимаго гражданина княжеской роскоши, которою варварскій царь окружалъ своихъ сатраповъ. Сначала въ Аѳинахъ на него смотрѣли недовѣрчиво, и завистники и противники передъ судомъ подняли вопросъ, можно ли безъ опасности для свободы принять въ государство человѣка, долгое время привыкшаго къ княжеской власти. Но судъ рѣшилъ дѣло въ его пользу; его происхожденіе и способность въ военномъ дѣлѣ пріобрѣли ему большой почетъ и въ родномъ городѣ, и онъ не мало способствовалъ тому, чтобъ среди его согражданъ сохранялось живымъ эллинское національное чувство и презрѣніе ко всѣму варварскому.

ВОЗСТАНІЕ ІОНЯНЪ.

Дарій, которому война надоѣла, послѣ неудачи похода на скиѳовъ удалился въ Сузу и предоставилъ своимъ полководцамъ и сатрапамъ покореніе остальной Ѳракіи и Македоніи. Храбрый Мегабазъ, который вначалѣ съ остатками большой арміи отступилъ передъ напоромъ скиѳовъ въ Родопскія горы и до самаго Неста, вскорѣ снова подвинулся къ морю. Теперь не только подчинены были Пэоны и другія ѳракійскія племена, но также снова усмирены вооруженной силой отпавшіе греческіе города на Босфорѣ, на Пропонтидѣ, на Геллеспонтѣ; Абидосъ погибъ въ пламени, Дорискъ на Гебрѣ палъ, граждане Перинѳа на Пропонтидѣ, Византіи, воинственное населеніе острововъ Имброса и Лемноса должны были подчиниться игу рабства; персидское вліяніе простиралось до самой Македоніи. Лишь въ небольшихъ государствахъ собственной Эллады мало думали о владыкѣ Азіи, отдыхавшемъ отъ своихъ подвиговъ въ гордыхъ царскихъ дворцахъ въ Сузѣ, Персеполѣ и Экбатанѣ и прославлявшемъ свои побѣды картинами и клинообразными надписями, высѣченными на скалахъ божеской горы Визитуна, у источниковъ Хоаспа.

Атосса, супруга царя, была женщиной высокаго происхожденія, отличалась какъ умомъ, такъ и выдающейся красотой и привыкла видѣть исполненными всѣ свои желанія. Она была дочерью славнаго Кира и гордилась своимъ рожденіемъ и вліяніемъ, которымъ она обыкновенно пользовалась при дворѣ. Греческій врачъ Демокедъ изъ Кротона, попавшій послѣ гибели Поликрата Самосскаго въ персидское рабство, вылѣчилъ ее, какъ и раньше самого Дарія, отъ мучительнаго недуга. Хотя его и осыпали богатствами и почестями, онъ и въ золотомъ рабствѣ тосковалъ по милой отчизнѣ. Всѣ доказательства царской милости не могли уничтожить въ его душѣ этой тоски по родинѣ; она съѣдала его, какъ птицу въ золотой клѣткѣ тоска по привольной, свѣжей лѣсной зелени. А такъ какъ господинъ его не исполнялъ этого желанія, не соглашаясь лишиться своего лейбъ-медика, то послѣдній придумалъ хитрость, чтобы достигнуть свободы. Онъ много

поразсказалъ царицѣ о любезности и ловкости эллинскихъ женщинъ, такъ что ее взяла охота имѣть у себя въ услуженіи такихъ рабынь. Въ часъ дружеской бесѣды она сообщила царю о своемъ желаніи. Она высказала мнѣніе, что спартанскія и аѳинскія дѣвушки болѣе всего годились бы для службы у ней и были бы лучшими украшеніями царскаго гарема; да и подчиненіе эллиновъ и ихъ западныхъ колоній въ Италіи принесло бы царству громадныя выгоды и новую славу. Предпріятіе къ тому же легко выполнимо, если напередъ изслѣдовать страны и народы чрезъ опытныхъ людей, какъ Демокедъ.

Дарій, которому предложеніе улыбалось, избралъ пятнадцать знатныхъ персовъ, статныхъ и ловкихъ мужей, въ соглядатаи и кромѣ блестящей свиты далъ имъ еще лейбъ-медика Демокеда, который долженъ былъ служить имъ переводчикомъ. Но онъ строго приказалъ имъ внимательно наблюдать за нимъ, чтобъ онъ не убѣжалъ на дорогѣ. Послѣ того какъ послы объѣздили Пелопоннесъ и сѣверныя эллинскія государства, они поплыли дальше въ Великую Грецію—въ Италію. Когда же они въ Тарентѣ были остановлены, какъ шпіоны, и на время взяты подъ стражу, Демокедъ воспользовался случаемъ и убѣжалъ въ Кротонъ, гдѣ народъ защитилъ его противъ его преслѣдователей. Послѣ разныхъ злополучій въ странѣ Япиговъ персидскіе послы вернулись въ Сузу, гдѣ и дали отчетъ о томъ, что разузнали и испытали въ Элладѣ и въ Италіи. Такъ гласитъ греческій разсказъ, правда, не имѣющій большой достовѣрности.

Позже ко двору великаго царя прибыли и прогнанный изъ Аѳинъ тираннъ Гиппій и царь Демаратъ изъ Спарты, который былъ высланъ по интригамъ второго царя Клеомена. Они разсказывали еще болѣе подробно о слабости и разладѣ греческихъ племенъ. Предпріятіе противъ Эллады казалось легкимъ. Вооруженія производились втихомолку. Грозовая туча угрожающе висѣла надъ страной свободы и благороднѣйшаго образованія. Но неожиданное обстоятельство, событіе мелкаго начала и большого значенія, направило гибель въ другую сторону.

Персидское иго, тяготѣвшее надъ малоазійскими греками, съ теченіемъ времени стало тяжелѣе. Недовольство бродило въ городахъ и не осталось безызвѣстнымъ персидскому правительству. Даже Гистіэй, выказавшій свою вѣрность на Дунаѣ, заподозрѣнъ

былъ въ стремленіи къ независимому положенію. Поэтому Дарій призвалъ его ко двору своему въ Сузу и здѣсь задержалъ подъ тѣмъ почетнымъ предлогомъ, что нуждается въ его совѣтѣ, одарилъ его большими богатствами и почестями и приглашалъ его къ своему столу. Но въ глубокой досадѣ за этотъ блестящій плѣнъ, Гистіэй спустя нѣсколько лѣтъ рѣшилъ сдѣлать попытку, при помощи всеобщаго возстанія греческихъ колоній, снова достигнуть свободы. Такимъ образомъ нужда побудила его къ предпріятію, которое онъ нѣкогда у дунайскаго моста могъ бы исполнить съ гораздо большей вѣроятностью успѣха.

Аристагоръ. Осенью 501 года доведенные до угнетеннаго положенія аристократы процвѣтающаго кикладскаго острова Наксоса призвали на помощь противъ своихъ враговъ Аристагора, зятя Гистіэя. Честолюбецъ надѣялся подчиненіемъ Наксоса и сосѣднихъ островов пріобрѣсти милость великаго царя и склонилъ въ пользу своего плана намѣстника Артаферна. Тотъ предоставилъ въ его распоряженіе 200 тріеръ и многочисленныя персидскія сухопутныя войска; однако, походъ не удался вслѣдствіе ссоръ между вождями, и Аристагоръ, впавъ въ немилость, опасался тяжкой кары. Но вотъ отъ тестя его прибылъ странный вѣстникъ. Гистіэй велѣлъ у преданнаго раба остричь волосы и на головѣ его написалъ приглашеніе къ возстанію. Когда волоса снова подросли, рабъ отправился къ Аристагору, который затѣмъ послѣ вторичной стрижки волосъ съ великимъ удовольствіемъ прочелъ необычайное письмо. Въ пользу смѣлаго плана склонили Милетъ; за нимъ вскорѣ послѣдовали одинъ городъ за другимъ и сбросили не только персидское иго, но и владычество деспотовъ. Аристагоръ затѣмъ отправился въ Спарту къ честолюбивому царю Клеомену. Онъ показалъ ему металлическую пластинку, на которой изображены были провинціи персидскаго царства, разсказалъ о богатствѣ его и легкости его завоеванія. Клеоменъ жадно прислушивался къ обольстительнымъ словамъ и просилъ дать ему трехдневный срокъ на размышленіе; но когда онъ затѣмъ услышалъ, что войску, чтобъ отъ іонійскаго побережья прибыть въ Сузу, требуется три мѣсяца, онъ отклонилъ предложеніе Аристагора и приказалъ ему удалиться изъ города еще до захода солнца. Аристагоръ попытался еще разъ получить его согласіе, предлагая ему крупныя суммы и увеличивая ихъ все болѣе и болѣе; но

ДОЛИНА САРДЪ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

дочка царя, Горго, воскликнула: „Отецъ, уйди прочь; иначе чужеземецъ тебя подкупитъ“, и Клеоменъ приказалъ ему тотчасъ же покинуть городъ.

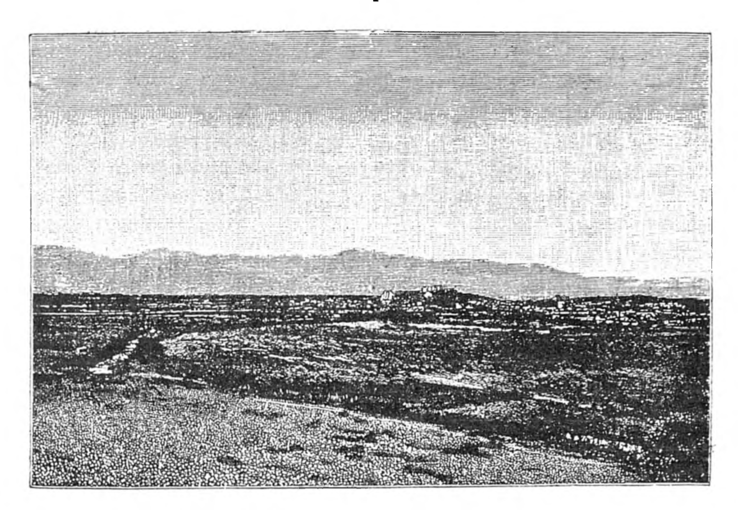
Счастливѣе Аристагоръ былъ въ Аѳинахъ. Подвижная толпа легко была подкуплена его обѣщаніями. Снаряжены были двадцать кораблей и сухопутное войско въ 4,000 человѣкъ. Народъ этимъ надѣялся отразить нападеніе, которымъ персидскіе сатрапы грозили добиться возстановленія Гиппія на престолѣ. „Мы посѣтимъ нашего тиранна въ Сузѣ“, кричали граждане, не задумываясь надъ трудностями такой войны.

Когда Аристагоръ съ аѳинскими силами и нѣсколькими вспомогательными отрядами изъ Эретріи прибылъ въ Милетъ, онъ нашелъ уже собраннымъ значительное войско. Послѣднее тотчасъ же выступило внутрь Малой Азіи и безъ задержки достигло Сардъ, покинутыхъ Артаферномъ, братомъ царя. Пока греки осаждали его въ кремлѣ, въ городѣ вспыхнулъ опустошительный пожаръ; въ то же время подступили на подмогу ему лидійскія и персидскія войска. Не рѣшаясь на бой, осаждавшіе начали отступленіе и вблизи Эфеса понесли чувствительное пораженіе. Чрезъ это ихъ дѣло было все равно что проиграно; аѳиняне тотчасъ же сѣли на свои корабли и поплыли въ Аѳины.

Дѣйствительно, между союзниками не было ни согласія, ни рѣшимости. Они, несмотря на морскую побѣду, отказались отъ богатаго острова Кипра, и персидскіе сатрапы стали побѣдоносно наступать со всѣхъ сторонъ. Аристагоръ, наконецъ, малодушно покинулъ свой родной городъ, отправился во ѳракійскую колонію Миркинъ и тамъ вскорѣ затѣмъ нашелъ безславный конецъ въ битвѣ съ туземцами. Гистіэй, взявшійся успокоить возстаніе въ Милетѣ, былъ туда отпущенъ расположеннымъ къ нему царемъ. Когда же онъ прибылъ въ Сарды, Артафернъ прямо ему сказалъ: „Ты сшилъ башмакъ, а Аристагоръ надѣлъ его!“ Напуганный этимъ, Гистіэй ночью бѣжалъ. Всюду, даже въ Милетѣ, онъ находилъ дурной пріемъ; однако, наконецъ, на Лесбосѣ онъ получилъ корабли и ратныхъ людей и поплылъ въ Византію, гдѣ производилъ морскіе разбои, грабя и друга и врага, пока, наконецъ, не попался въ руки персамъ и не закончилъ поприща своей жизни на крестѣ.

Морское сраженіе при Милетѣ. Такъ какъ греки очутились на сушѣ въ крайне стѣсненномъ положеніи, то они рѣшили попы-

тать счастья въ морскомъ бою. Они собрали флотъ болѣе чѣмъ въ 350 судовъ, неподалеку отъ Милета. Напротивъ этого города на сѣверномъ побережьѣ расположена была Пріэна у подошвы горъ Микале, тянущихся по сѣверному побережью и простирающихся далеко на западъ въ море, такъ что Самосъ со своими горами кажется ихъ продолженіемъ. Поближе къ юж-

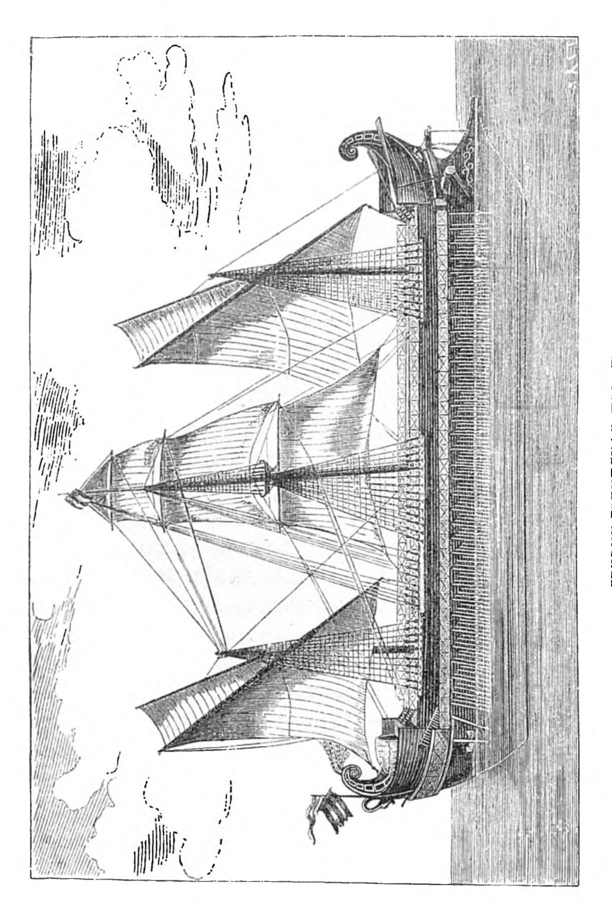
МИЛЕТЪ СЪ ГОРАМИ МИКАЛЕ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

ному берегу поднимался островъ Лада, теперь съ ними связанный. Тамъ стоялъ на якорѣ весь флотъ; а экипажъ, веселясь, точно не было врага вблизи, расположился лагеремъ на островѣ и безпечно покоился въ тѣни на берегу. Между вождями былъ лишь одинъ предусмотрительный мужъ, храбрый Діонисій изъ Фокеи, города, нѣкогда оказавшаго упорнѣйшее сопротивленіе персамъ при Кирѣ и за то пострадавшаго больше всего. Онъ командовалъ только тремя кораблями и не пользовался большимъ почетомъ. Тѣмъ не менѣе онъ поднялся въ совѣтѣ и заговорилъ о большой силѣ приближавшагося персидско-финикійскаго флота, и о томъ, какъ съ нимъ можно будетъ справиться только при помощи хорошей военной подготовки. Рѣчь его была такъ убѣдительна, что сейчасъ-же ей послѣдовали, послали экипажъ

на корабли и подъ его руководствомъ ежедневно занимали его съ утра до вечера плаваніемъ на парусахъ, греблей и боевыми упражненіями. Но этихъ усилій надолго не могла выдержать іонійская изнѣженность; жаловались на тираннію, которая-де далеко превосходитъ персидскую, и вскорѣ снова уютно устроились въ лагерѣ. Еще болѣе роковымъ, чѣмъ этотъ недостатокъ въ дисциплинѣ, была позорная измѣна отдѣльныхъ полководцевъ, именно самосцевъ и лесбосцевъ, которые завязали тайные переговоры съ прежними своими тираннами. Наконецъ, показались на горизонтѣ непріятельскіе паруса. Черезъ нѣсколько дней греческія суда выступили въ боевомъ порядкѣ, и началось сраженіе. Самосская эскадра праваго крыла первая покинула линію и обратилась въ бѣгство, за ней вѣроломно послѣдовали лесбосцы и большинство іонянъ, только сто кораблей хіосскихъ въ центрѣ оказали упорное сопротивленіе и начали отступленіе лишь тогда, когда были побѣждены и милетцы на лѣвомъ крылѣ. Когда все казалось проиграннымъ, Діонисій геройски проложилъ себѣ путь, а не поплылъ къ родному городу, обреченному на гибель, но направился въ Финикію, ограбилъ купеческіе корабли и потомъ, нагруженный добычею, поплылъ въ Сицилію, чтобъ тамъ отважнымъ морскимъ героемъ продолжать разбойническую войну противъ карѳагенянъ и тирренцевъ.

Во время этихъ событій аѳиняне не оставались праздными; по побужденію неутомимаго Мильтіада они снарядили корабли, и тотъ съ эскадрой поплылъ къ ѳракійскому Херсонесу, снова завоевалъ его и отправился дальше для завоеванія острововъ Лемноса и Имброса. И здѣсь счастье и отвага привели его къ цѣли; но когда лѣтомъ 495 г. персидскіе сатрапы заняли, при страшномъ кровопролитіи, Милетъ и прочіе города Малой Азіи, а финикійскій флотъ жестокими средствами привелъ къ покорности острова—Хіосъ, Лесбосъ, Тенедосъ, и уже побѣдоносно приближался къ Херсонесу, храброму мужу пришлось рѣшиться на поспѣшное бѣгство. Онъ едва спасся; корабль, на которомъ находился сынъ его Метіохъ, былъ захваченъ преслѣдователями. Взятый въ плѣнъ юноша привезенъ былъ въ Сузу, гдѣ, однако, кроткій царь милостиво обошелся съ нимъ, далъ ему значительныя владѣнія на Тигрѣ и женилъ его на персіянкѣ. Иначе поступали сатрапы. Они обогащались сокровищами завоеванныхъ городовъ, дѣлили между

собой знатнѣйшихъ греческихъ юношей и дѣвушекъ, какъ рабовъ, или продавали ихъ на невольничьихъ рынкахъ. Царицѣ

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКАЯ ПЕНТЕРА.

Атоссѣ стали прислуживать, правда, не спартанскія и аѳинскія, но во всякомъ случаѣ іонійскія дѣвушки.

ПОХОДЪ ПЕРСИДСКИХЪ ВОЕННЫХЪ СИЛЪ НА ЭЛЛАДУ.

По подавленіи возстанія, іонійскіе греки снова попали въ прежнюю зависимость, и лишь снисходительности персидскаго царя они обязаны были тѣмъ, что національность ихъ не была вполнѣ уничтожена. Послѣ того какъ опустошеніемъ и разграбленіемъ ихъ тяжко покарали за возстаніе, за ними, правда, оставили самоуправленіе и судъ по собственнымъ законамъ, точно также имъ была предоставлена свобода сношеній по всему царству, а также осталась утвержденной власть туземныхъ князей, которыхъ называли тираннами, но все-таки живительный духъ свободы болѣе уже не ощущался въ іонійскихъ горахъ: персидское правительство строго пользовалось верховной властью и заботилось о томъ, чтобъ по возможности уничтожать національное чувство и сдерживать стремленіе къ независимости. Оно позволило вновь выстроить разрушенные города, но крѣпкихъ обводныхъ стѣнъ возстановлять не разрѣшало. Зависимость становилась еще тягостнѣе отъ наложенной дани и отъ привлеченія къ военной службѣ, и все новыя толпы переселенцевъ покидали изъ-за этого іонійскіе города, чтобъ искать себѣ новой родины въ собственной Элладѣ или въ италійской Великой Греціи. Вмѣстѣ съ свободой погибъ и умственный полетъ талантливаго народа. Цвѣты, распустившіеся здѣсь въ богатомъ обиліи въ поэзіи, искусствѣ и наукѣ, поблекли и даже позже, по устраненіи чужеземнаго владычества, приносили лишь скудные плоды.

Страшны были объединенныя, руководимыя единой волей силы Персіи, стоя насупротивъ слабаго, раздробленнаго и разъединеннаго мелочными распрями эллинскаго народа, и если тѣмъ не менѣе изъ начинающейся теперь, неизбѣжной, рѣшительной борьбы съ Персіей небольшая Эллада послѣ блестящихъ подвиговъ вышла побѣдительницей, то эта побѣда была не только слѣдствіемъ послѣдовавшаго, наконецъ, въ моментъ величайшей общей опасности объединенія всѣхъ эллиновъ, но была побѣдою, одержанной геніемъ свободы, высшей культуры, не оскверненной, не ослабленной еще человѣческой природы надъ громаднымъ царствомъ Ахеменидовъ со всѣми его полчищами и неиз-

сякаемыми денежными средствами. И именно въ это время было приложено стараніе цѣлесообразными организаціонными мѣрами поднять силы обширнаго персидскаго царства. Сатрапы стояли подъ тщательнымъ контролемъ, провинціи были измѣрены и сообразно съ этимъ распредѣлены подати и военныя повинности; старались разнообразнѣйшія части слить совершенно въ одно единое цѣлое.

Во время этихъ реформъ великій царь серьезно думалъ о подчиненіи дерзкихъ эллиновъ метрополіи, ибо онъ не забылъ сожженія Сардъ аѳинянами и эретрійцами. Трижды за каждымъ обѣдомъ слуга долженъ былъ восклицать передъ нимъ: „Владыка, помни объ аѳинянахъ!“ Въ то же время объ этомъ постоянно просилъ его покровительствуемый имъ Гиппій, не терявшій надежды съ персидскими силами быть снова возстановленнымъ въ Аѳинахъ тиранномъ.

МОНЕТА ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА I МАКЕДОНСКАГО (БЕРЛИНСКІЙ МУЗЕЙ).

Чеканенныя монеты Александра I Македонскаго, царствовавшаго 485—454 до Р. Хр.—первыя греческія, намъ извѣстныя; изображенная здѣсь монета—октодрахмонъ, т. е монѣтица стоимостью въ 8 драхмъ.

Съ многочисленнымъ войскомъ М а р д о н і й, молодой, пылкій зять царя, выступилъ изъ внутреннихъ областей царства къ Геллеспонту и, при помощи флота, также находившагося подъ его командой, переправился черезъ проливъ. Дикія племена Ѳракіи были покорены уже раньше, но подъ защитой своихъ горъ возставало противъ навязаннаго ига то одно, то другое племя, такъ что борьба никогда не кончалась. Такимъ-же образомъ шли дѣла въ Македоніи, гдѣ, хотя царь А л е к с а н д р ъ I и призналъ персидское господство, дикія орды внутри страны приходилось усмирять въ постоянныхъ мелкихъ стычкахъ. Между тѣмъ, Мардоній побѣдоносно подвигался впередъ и далъ приказаніе флоту дожидаться его у Ѳермейскаго залива. Но когда флотъ огибалъ мысъ А ѳ о н ъ, то его настигла необыкновенно сильная буря въ морѣ, наполненномъ утесами. Почти половина флота (300 кораблей) потерпѣла крушеніе и 20,000 человѣкъ погибло въ волнахъ. Въ то же время Мардоній былъ раненъ въ ночномъ сраженіи съ ѳракійскими Бригами; поэтому онъ въ унынiи началъ отступленіе.

Послѣ этой неудачи изъ Сузы тотчасъ вышли приказанія о новыхъ вооруженіяхъ, и въ то-же время послы отъ великаго царя отправились въ Грецію требовать отъ отдѣльныхъ государствъ земли и воды въ знакъ подчиненія. Многіе города, и особенно большая часть острововъ, оказали повиновеніе. Эгина, тогда первая морская сила въ Элладѣ, сдѣлала то-же самое, но не столько изъ страха, сколько скорѣе изъ озлобленія противъ аѳинянъ, съ которыми она находилась въ кровавой распрѣ. Въ Спартѣ сначала совсѣмъ не поняли рѣчи пословъ, хотя они говорили по-гречески. Тамъ привыкли къ побѣдамъ и подчиненію другихъ народовъ. Предложеніе добровольнаго подчиненія чужеземной власти казалось безсмысленнымъ. Когда, наконецъ, поняли значеніе страннаго требованія, то спартанскій народъ, обыкновенно такъ осторожный, пришелъ въ необыкновенное волненіе. Смотрѣли съ изумленіемъ на варваровъ съ ихъ страннымъ головнымъ уборомъ, широкимъ кафтаномъ съ рукавами и болтающимися штанами. Они казались на видъ не воинственными и все-таки дерзали требовать отъ Спарты такого позора. Ропотъ негодованія становился все громче и громче и, наконецъ, со всѣхъ сторонъ набросились на дерзкихъ чужеземцевъ, потащили ихъ къ глубокому колодцу и столкнули ихъ внизъ, насмѣшливо крича имъ въ слѣдъ: „Вотъ вамъ земли и воды!“ Когда потомъ задумались надъ поспѣшнымъ поступкомъ, то тяжкій страхъ передъ гнѣвомъ боговъ за нарушеніе международнаго права овладѣлъ народомъ. Два благородныхъ юноши изъ знатнѣйшихъ семей, Сперѳія и Булидъ, рѣшились впослѣдствіи принести себя самихъ въ жертву за убитыхъ пословъ. Они отправились къ царю въ Сузу, чтобъ умереть по его приказу. Но Ксерксъ, сынъ и преемникъ Дарія, отпустилъ ихъ, не причинивъ вреда.

Не лучше, чѣмъ въ Спартѣ, обошлись съ персидскими посланцами, пришедшими въ Аѳины. Разъяренная чернь сбросила ихъ въ пропасть, такъ какъ ихъ уже изъ-за ихъ предложенія объявили преступниками и измѣнниками по отношенію къ величеству народа.

Дарій тогда понялъ, что только мечъ можетъ сдѣлать его властителемъ Эллады, и онъ приказалъ ускорить вооруженія. Главное начальство онъ поручилъ Датису, опытному въ военномъ дѣлѣ мидянину и племяннику своему Артаферну, сыну лидійскаго сатрапа того же имени, который отличился въ іонійской войнѣ. Боясь сѣверныхъ водъ съ ихъ бурями, они сѣли

МЫСЪ АѲОНЪ (СЪ АКВАРЕЛИ Д-РА К. ФРАНКЕ).

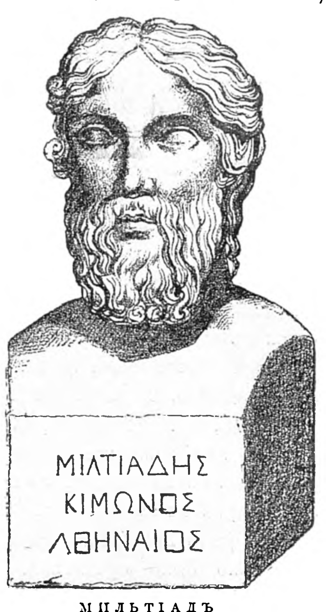
съ сухопутнымъ войскомъ на корабли на киликійскомъ берегу, коснулись Самоса, завоевали и опустошили Наксосъ, подобнымъ образомъ поступили и съ прочими Кикладскими островами, изъ которыхъ пощадили только священный Делосъ, и затѣмъ поплыли прежде всего къ Эвбеѣ.

Эретрія, важнѣйшій городъ этого острова, въ такой же мѣрѣ, какъ и Аѳины, возбудилъ гнѣвъ великаго царя, придя на помощь мятежнымъ іонянамъ съ кораблями и ратью. Граждане, хотя ихъ сначала поддерживало аѳинское войско, не рѣшались на открытый бой, защищали только свои стѣны; однако, послѣ шестидневнаго, но безпрерывнаго штурма врагъ, превосходившій ихъ силою и ведомый предателями, проникъ въ городъ. Жители, избѣжавшіе кровопролитной рѣзни, закованы были въ цѣпи.

Теперь надо было подобнымъ же образомъ наказать надменныя Аѳины, и для этого старый властолюбецъ Гиппія, участвовавшій въ походѣ, далъ превосходный совѣтъ. Онъ обратился къ полководцамъ съ такими словами: „Отецъ мой, котораго я сопровождалъ, нѣкогда высадился недалеко отъ маленькаго городка Мараѳона, одержалъ безкровную побѣду и по удобной дорогѣ черезъ южные склоны Пентелика подступилъ къ городу, гдѣ вѣрные приверженцы намъ сейчасъ же открыли ворота. Пойдемъ по тому же пути“. Старикъ не думалъ ошибиться въ расчетѣ, но онъ не зналъ новаго времени, не зналъ народа, воодушевленнаго своей свободой и государственнымъ устройствомъ; онъ не чаялъ того, какія чудеса могутъ творить любовь къ свободному отечеству и пылавшее въ сердцахъ всѣхъ чувство общественнаго блага. Это было скрыто и для персидскихъ вождей, и они убѣждены были въ вѣрномъ, быстромъ успѣхѣ, передавъ опытному мужу главное начальство при предполагавшейся высадкѣ къ востоку отъ Мараѳона, гдѣ далеко выступавшій мысъ представлялъ достаточную безопасность кораблямъ противъ пагубнаго сѣвернаго шторма.

Въ Аѳинахъ между тѣмъ не предавались праздности, но принимали мѣры противъ нападенія варваровъ. Отправили пословъ, чтобъ побудить остальныя эллинскія государства оказать помощь. Скороходъ Фидиппидъ, какъ повѣствуютъ, въ 48 часовъ прошелъ почти 211-верстный (225 kl.) путь въ Спарту. Тамъ хотя обѣщали оказать помощь, но, по религіознымъ соображеніямъ,

только съ наступленіемъ полнолунія. Вѣроятно, сухосердечная, эгоистическая герусія хотѣла дождаться еще большаго усиленія затруднительнаго положенія Аѳинъ, чтобъ потомъ вмѣстѣ съ побѣдой надъ варварами получить и верховенство надъ городомъ. Прочіе города частью были враждебно настроены противъ Аѳинъ, частью боялись персовъ. Такимъ образомъ, маленькому государству пришлось разсчитывать только на себя, и оно нашло въ себѣ самомъ помощь, въ которой ему отказали извнѣ.

МИЛЬТІАДЪ
(мраморный бюстъ).

Десять стратеговъ (полководцевъ) по закону были избраны на 490 годъ. Среди нихъ находились отличавшійся безукоризненностью и неподкупностью Аристидъ и славолюбивый Ѳемистоклъ, котораго природа надѣлила ловкостью и богатыми дарованіями.

Мильтіадъ. Но передъ всѣми стратегами выдавался Мильтіадъ. Съ того дня, какъ онъ у Дунайскаго моста призвалъ эллинскихъ вождей къ отпаденію отъ властителя Азіи, его враждебное настроеніе противъ національнаго врага еще усилилось, вслѣдствіе войнъ послѣднихъ годовъ. Княжескую власть, богатство, все, что является наиболѣе желаннымъ для обыкновенныхъ людей, онъ бросилъ, чтобъ не нести ненавистнаго чужеземнаго ига. Его дѣла на ѳракійскомъ Херсонесѣ были хорошо извѣстны всему народу, не менѣе того и его опытность въ военномъ дѣлѣ и неуклонная рѣшимость. Эти свойства пріобрѣли ему величайшее довѣріе его согражданъ въ тотъ роковой моментъ, когда казалась предстоящею гибель государства. Они взяли перевѣсъ надъ боязнью передъ его стремленіемъ къ независимой власти, которое у него привилось вслѣдствіе привычки къ княжеской власти

на Херсонесѣ, и котораго онъ при рѣшительности и откровенности своего характера не могъ скрывать.

При вѣсти о высадкѣ персовъ около Мараѳона, онъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ его товарищей отсовѣтывали отъ этого, своимъ авторитетомъ и пылкою рѣчью склонилъ небольшое войско къ немедленному выступленію. Выбрали болѣе удобопроходимый путь вокругъ сѣверныхъ склоновъ Пентелика. Но тамъ остановились и въ рощѣ Геракла разбили лагерь, укрѣпленный засѣкой. Мильтіадъ черезъ нѣкоторое время сталъ побуждать къ нападенію. Онъ зналъ свой народъ, бывшій скорымъ на рѣшеніе и энергичнымъ въ дѣлѣ, но менѣе обладавшій той продолжительной настойчивостью, которая, несмотря на возрастающую затруднительность положенія, не теряетъ изъ виду спасенія и побѣды. Пять стратеговъ подали голосъ согласно съ нимъ, пятеро были противъ его мнѣнія; рѣшеніе зависѣло отъ голоса архонта полемарха (военачальника). Къ нему-то Мильтіадъ обратился съ такими словами: „Отъ тебя теперь зависитъ гибель или побѣда и вѣчная слава нашего города. Ибо если мы не приступимъ къ нападенію, то я опасаюсь крупной перемѣны въ настроеніи гражданъ, которую вызовутъ приверженцы Гиппія, такъ что предпочтутъ мидійское иго независимости государства. Если же мы предпримемъ нападеніе, то исходъ битвы—въ рукахъ боговъ, и они дадутъ намъ побѣду“.

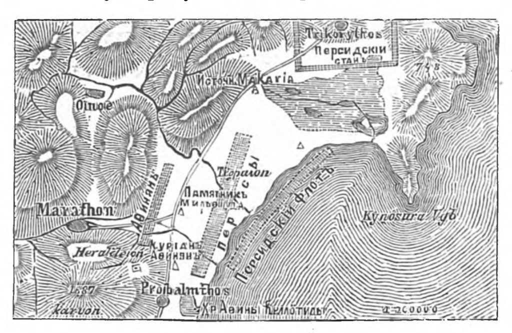
Эта рѣчь привлекла на его сторону полемарха Каллимаха и рѣшено было сразиться. При этомъ тѣ изъ полководцевъ, которые съ самаго начала подали голоса за битву, пожертвовали своими собственными правами и передали одному Мильтіаду главное начальство, въ которомъ они раньше ежедневно чередовались.

Въ аѳинскомъ войскѣ насчитывалось 10.000 гоплитовъ или тяжеловооруженныхъ, снабженныхъ мѣднымъ шлемомъ, щитомъ, панцыремъ, поножами и длиннымъ копьемъ, страшнымъ наступательнымъ оружіемъ эллинскихъ воиновъ. Всадниковъ и стрѣлковъ тутъ не было, но было слуги гоплитовъ, снабженные пращами. Съ выдающагося холма видно было многочисленное войско варваровъ; ихъ было, будто бы, болѣе 100.000 человѣкъ. Оно расположено было на равнинѣ Мараѳонской, которая простиралась въ длину на разстояніе двухчасового, въ ширину—почти часового пути и, на сѣверѣ и югѣ орошаемая двумя ручьями, кончалась

МАРАѲОНСКАЯ ДОЛИНА (РИСУНОКЪ СЪ ФОТОГРАФІИ).

болотами. Въ то время какъ аѳинское войско передъ нападеніемъ предалось короткому отдыху, на западѣ съ горъ показался блескъ оружія, и скоро узнали военный отрядъ, подступавшій съ Киѳерона и Парнеса: то была вся военная сила Платеи—1.000 гоплитовъ, не считая легковооруженныхъ. Аѳины часто оказывали этому дружественному городу помощь противъ могущественныхъ Ѳивъ; теперь, въ часъ бѣды, онъ хотѣлъ раздѣлить съ покровительницей своей побѣду или гибель. Появленіе отважной дружины подняло мужество аѳинянъ, и Мильтіадъ выстроилъ подкрѣпленное такимъ образомъ войско въ боевомъ порядкѣ.

ПЛАНЪ МАРАѲОНСКОЙ БИТВЫ.

Онъ далеко растянулъ линію, чтобъ она была равной линіи враговъ, и поэтому рискнулъ ослабить центръ, бывшій подъ командой Аристида и Ѳемистокла, такъ что здѣсь ряды имѣли лишь незначительную глубину, хотя онъ хорошо зналъ, что непріятели ставили своихъ надежнѣйшихъ воиновъ, персовъ и саковъ, въ середину, какъ на почетное мѣсто. За то онъ усилилъ оба фланга и поручилъ командованіе правымъ крыломъ храброму архонту Каллимаху; лѣвое же онъ назначилъ платейцамъ. Затѣмъ далъ онъ команду къ нападенію полнымъ бѣгомъ, каковое движеніе здѣсь впервые было исполнено гоплитами.

Кажется, что персы отказались отъ плана силой овладѣть занятымъ мараѳонскимъ ущельемъ, что персидская конница въ утро передъ битвой уже снова сѣла на корабли; ибо эта часть войска, которой греки боялись болѣе всего, иначе безъ сомнѣнія бросилась бы на подбѣгавшихъ воиновъ. Градъ стрѣлъ, которымъ персидскіе стрѣлки изъ лука обыкновенно начинали свое нападеніе, вслѣдствіе быстраго наступательнаго движенія грековъ большей частью не произвелъ дѣйствія, и греки неудержимо ринулись на непріятельскія линіи. Оба войска тотчасъ же сошлись въ рукопашномъ бою и съ

большимъ напряженіемъ боролись за побѣду и славу. Наконецъ, варвары прорвали центръ и погнали предъ собой отступавшихъ грековъ, но на крыльяхъ побѣдителями были эллины, которые затѣмъ отъ бѣжавшихъ въ дикомъ замѣшательствѣ варваровъ обратились къ срединѣ и съ обѣихъ сторонъ стали оттѣснять персовъ и саковъ какъ бы въ тѣсную улицу, гдѣ оставалась лишь смерть или позоръ бѣгства. Такимъ образомъ и эту часть персидскаго войска охватилъ ужасъ пораженія и вскорѣ на обширной равнинѣ видны стали только бѣгущіе варвары и гонящіеся за ними эллины.

Изъ первыхъ многіе старались спастись въ болота, гдѣ, однако, увязли; остальные поспѣшили къ кораблямъ, гдѣ еще разъ загорѣлся бой. Аѳиняне стремились захватить ихъ или сжечь, а персы бились за сохраненіе ихъ. Здѣсь еще много храбрыхъ мужей нашли смерть. Въ убійственномъ бою палъ самъ полемархъ Каллимахъ, стратегъ Стесилай, далѣе Кинегиръ, братъ поэта Эсхила, которому отрубили руку, когда онъ пытался удержать корабль.

Семь кораблей было взято, но варварамъ все-таки удалось сѣсть на суда. Они оставили на полѣ брани 6,400 убитыхъ, между тѣмъ какъ аѳинскихъ гоплитовъ пало только 192 человѣка, но вѣроятно много было ранено.

Ничуть не устрашенные пораженіемъ, Датисъ и Артафернъ попытались другимъ путемъ привести въ

МАРАѲОНСКІЙ ВОИНЪ.

Надгробная стела Аристіона, извѣстная подъ именемъ *Мараѳонскаго воина*.—Стела эта открыта была въ Аттикѣ, на вершинѣ большого кургана. Стела и база—изъ пентеликскаго мрамора. Двѣ надписи даютъ имя изображеннаго лица (Ἀριστίωνος, род. падежъ) и имя скульптора ("Εργον Ἀριστοκλέους, работа Аристоклея). Аристіонъ изображенъ стоймя и въ полномъ вооруженіи.

исполненіе рѣшенное нападеніе на городъ. Конница была еще невредима и не потеряла мужества, остальное войско было сравнительно мало ослаблено. Еслибъ удалось достигнуть беззащитныхъ Аѳинъ раньше прихода аѳинскаго войска и запереть ихъ, если-бы можно было войти въ сношенія съ тайными приверженцами Гиппія, то успѣхъ былъ вѣрный. Поэтому флотъ поспѣшно поплылъ мимо мыса Сунія, вдоль южнаго берега Аттики, къ гавани Фалеру. Но Мильтіадъ угадалъ намѣреніе непріятеля. Онъ представилъ побѣдоносному войску грозящую опасность и побудилъ его немедля, еще въ самый день битвы, усиленнымъ маршемъ поспѣшить на защиту столицы.

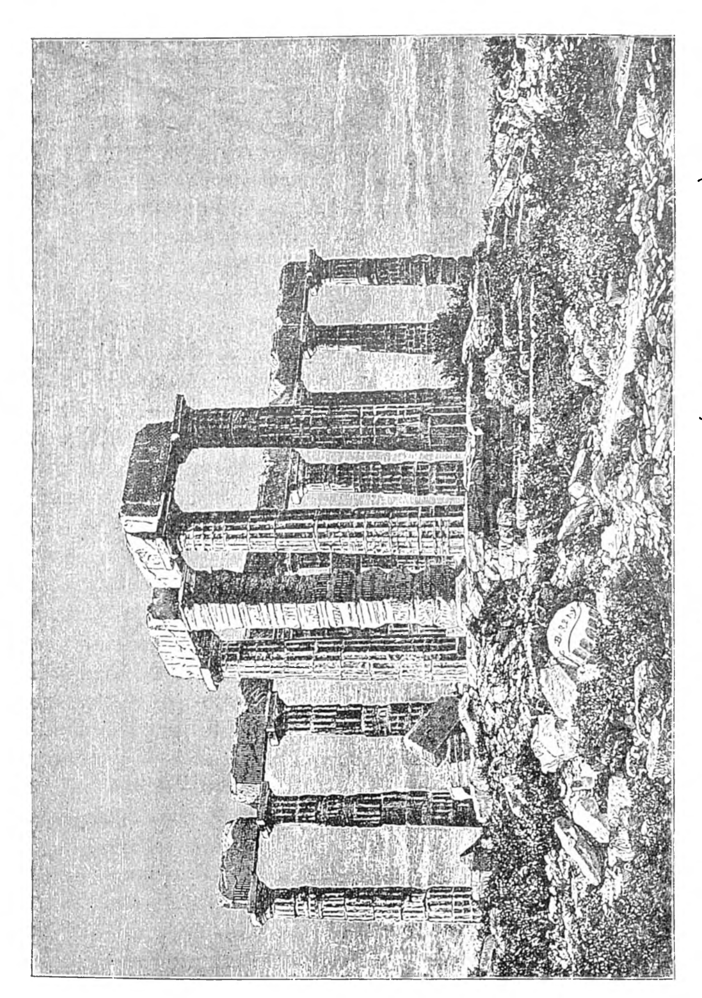
Дѣйствительно, благодаря неутомимой настойчивости войскъ, удалось поздно вечеромъ достигнуть цѣли: вблизи Аѳинъ у Гераклея, близъ Киносарга, они провели ночь. Когда въ тотъ же вечеръ персы показались у Фалера, они насупротивъ себя увидѣли мараѳонскихъ бойцовъ, рѣшившихся помѣшать высадкѣ враговъ; такъ какъ варвары, можетъ быть, одновременно съ этимъ получили вѣсть о приближеніи спартанскаго вспомогательнаго войска, то они, вмѣсто того, чтобъ отважиться сдѣлать нападеніе, вскорѣ затѣмъ направились обратно въ Азію.

МАРАѲОНСКАЯ ВАЗА.

Этотъ большой сосудъ изъ пентеликскаго мрамора, служившій надгробной стелой, открытъ былъ въ самыхъ Аѳинахъ, но на Мараѳонѣ найдена была первая ваза этого образца, который долгое время отмѣчался названіемъ «Мараѳонскихъ вазъ». Изъ всѣхъ извѣстныхъ экземпляровъ этотъ—наиболѣе совершенный. Художникъ изобразилъ сцены повседневной жизни: слѣва, двое молодыхъ людей, вооруженные шлемомъ и щитомъ, прощаются другъ съ другомъ; справа парадируетъ эфебъ на вздымающемся конѣ.

Они привезли съ собою эретрійскихъ плѣнниковъ и представили ихъ великому царю, чтобъ онъ отомстилъ имъ. Но Дарій, какъ ни раздосадованъ онъ былъ дурнымъ исходомъ похода, даровалъ имъ свободу и даже велѣлъ отвести имъ земли для поселенія. Онъ считалъ болѣе достойнымъ себя и царства

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА АѲИНЫ НА МЫСѢ СУНІѢ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

щадить побѣжденныхъ, но за то напречь всѣ свои силы, чтобы наказать побѣдителей вторичнымъ походомъ. Между тѣмъ дѣлались замѣтными уже первые признаки приближающагося упадка персидскаго могущества. Возстаніе въ Египтѣ и другія волненія прервали вооруженія, и смерть настигла царя раньше, чѣмъ онъ могъ выполнить свои намѣренія.

Славная побѣда аѳинянъ наполнила всю Элладу гордостью и радостнымъ волненіемъ. Страхъ передъ персидскимъ могуществомъ исчезъ; ибо блистательнѣе, чѣмъ когда-либо, оправдалось превосходство греческаго оружія надъ нестройными полчищами варваровъ. Еще прежде, чѣмъ могла распространиться вѣсть о побѣдѣ, прибыло въ Аѳины спартанское вспомогательное войско. То были 2,000 воиновъ, которые далекій путь (210 km. или почти 199 верстъ) прошли въ три дня. Послѣ короткаго отдыха они пожелали увидѣть поле битвы, и придя туда, они съ изумленіемъ взирали на кучу персидскихъ труповъ, на оружіе и богатства въ завоеванномъ лагерѣ и на храбрый отрядъ, стерегшій добычу подъ начальствомъ Аристида. Затѣмъ они снова отправились на родину, гдѣ хорошо поняли, что Аѳины стали такой державой, которая рано или поздно не побоится состязанія съ Спартой за первенство.

Послѣ того какъ въ Аѳинахъ убѣдились въ полномъ отступленіи непріятельскаго флота, приступлено было къ торжественному погребенію павшихъ воиновъ. Насыпали два могильныхъ кургана; одинъ обозначалъ прахъ платейцевъ, другой аѳинянъ. На мраморныхъ памятникахъ вырѣзаны были ихъ имена. Недалеко отъ большого кургана воздвигнутъ былъ памятникъ побѣды и особый памятникъ въ честь Мильтіада, и этотъ впослѣдствіи украшенъ былъ его статуей. Еслибъ онъ покоился подъ нимъ, убитый въ бою, то, согласно съ изреченіемъ Солона, онъ былъ-бы однимъ изъ счастливѣйшихъ людей.

Путникъ, теперь посѣщающій знаменитую равнину, видитъ, еще въ южной части совершенно лишенной деревьевъ низменности, искусственно насыпанный холмъ вышиной въ 11 метровъ и окружностью приблизительно въ 2,000 шаговъ, какъ предполагаютъ, могильный курганъ павшихъ аѳинянъ; другой холмъ нынѣ исчезъ безслѣдно. Памятникъ и статуи давно развалились; теперешніе жители Мараѳона ничего не знаютъ

болѣе о дѣлахъ своихъ предковъ, но исторія сохранила ихъ, чтобы люди знали, что могутъ совершить отважные мужи въ опасное время.

Большая честь конечно досталась на долю возвращавшемуся побѣдоносному войску. Воины, и среди нихъ особенно отличенные Мильтіадъ со стратегами, въ вѣнкахъ вступили въ городъ. Въ портикѣ, называвшемся пекиле, который прикасался къ агорѣ (рыночной площади), на картинѣ была изображена битва знаменитымъ живописцемъ Полигнотомъ. Образъ полководца во главѣ стратеговъ былъ особенно выдвинутъ на картинѣ; его статуя также была поставлена рядомъ со статуями Гармодія и Аристогитона.

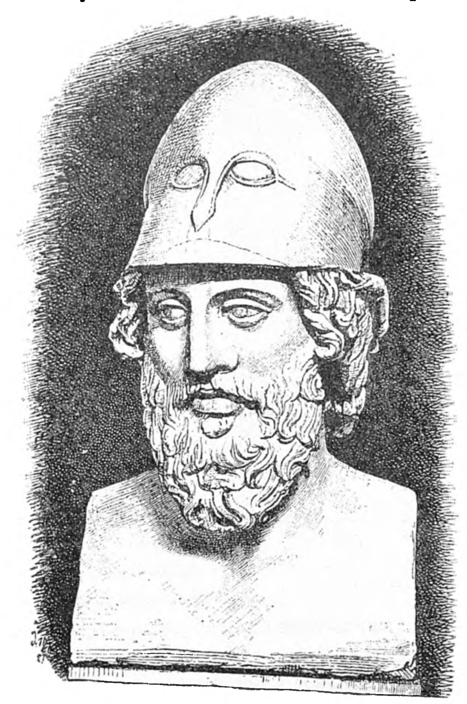
Мудрецы учатъ, что несчастье легче переносить человѣку, чѣмъ счастье, и опытъ очень часто подтверждалъ это ученіе. Доказательство его истинности представляетъ также и конецъ побѣдителя при Мараѳонѣ.

Возвышенный славой своихъ подвиговъ, восхищеніемъ согражданъ, Мильтіадъ, казалось, достигъ величайшаго человѣческаго счастья; никто не могъ съ нимъ равняться. Однако, не былъ доволенъ этимъ, но воспользовался тѣмъ уваженіемъ, которое доставилъ ему славный день мараѳонской побѣды, для того, чтобъ съ дерзкимъ своенравіемъ преслѣдовать свои высокомѣрные планы. Поэтому онъ потребовалъ снаряженія кораблей и экипажа и обѣщалъ славу и богатую добычу, не обозначая, однако, ближе цѣли своего предпріятія. Слѣпое довѣріе къ его счастью побудило аѳинскій народъ исполнить необыкновенное требованіе. Съ эскадрой въ 70 кораблей онъ прежде всего опустошилъ нѣсколько мелкихъ острововъ, подчинившихся персамъ, и затѣмъ направился къ острову Паросу, чтобъ наказать его богатое населеніе за то, что оно поддержало персовъ въ ихъ походѣ противъ Аѳинъ. Но планъ его рушился отъ храброй обороны жителей, и самъ онъ неудачнымъ прыжкомъ причинилъ себѣ тяжкое поврежденіе ноги. Больной, безъ побѣдной славы, вернулся Мильтіадъ въ Аѳины, и все восхищеніе и благодарность народа внезапно точно изгладились изъ памяти. Его привлекли къ отвѣтственности за неудачный походъ, и такъ какъ онъ, на носилкахъ принесенный въ народное собраніе, при своемъ жалкомъ состояніи не могъ защищаться, то друзья его

лишь съ трудомъ добились освобожденія его отъ слѣдовавшей по закону смертной казни, но присужденія къ денежному штрафу въ 50 талантовъ (приблиз. 70,000 руб.) въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ отклонить имъ не удалось. Прежде чѣмъ была собрана эта громадная сумма, Мильтіадъ умеръ отъ послѣдствій плохого лѣченія своей раны, но не въ темницѣ, какъ передавали позднѣйшіе историки. Наложенный на него денежный штрафъ потомъ заплаченъ былъ сыномъ его Кимономъ.

Ѳемистоклъ. Когда ликованіе смолкло, побѣдныя празднества окончились, граждане вернулись къ обычнымъ занятіямъ. Безпечно, точно не грозило болѣе никакой опасности, аѳиняне предались радости по случаю одержанной побѣды и забыли при этомъ принять мѣры для отраженія новыхъ нападеній. Только одинъ мужъ продолжалъ обращать свой взоръ на Азію и видѣлъ тучи, подымавшіяся тамъ и угрожавшія всей Греціи. Этого мужа звали Ѳемистокломъ. Отецъ его Неоклъ былъ незнатнымъ аѳинскимъ гражданиномъ, мать его—иностранкой; поэтому онъ ни по рожденію, ни по имуществу не могъ имѣть вліянія, но долженъ былъ пріобрѣсти себѣ его подвигомъ, и къ этому онъ былъ особенно способенъ какъ благодаря талантамъ, такъ и благодаря жаждѣ отличиться. Уже учителя его признали выдающіяся качества въ мальчикѣ и говорили ему: „Ты сдѣлаешься современемъ необыкновеннымъ человѣкомъ или на славу, или на позоръ твоей отчизнѣ“. Дѣйствительно онъ обыкновенно былъ во главѣ ровесниковъ мальчиковъ и юношей, если веселая, рѣзвая шалость исполнялась со смѣлостью и ловкостью, но при всей рѣзвости кипучей юношеской отваги Ѳемистоклъ преслѣдовалъ носившуюся передъ нимъ цѣль—поднять Аѳины на верхъ могущества и самому пріобрѣсти въ Аѳинахъ высшее значеніе. Поэтому онъ не хотѣлъ въ пѣніи и игрѣ, даже въ почетныхъ состязаніяхъ добиваться побѣднаго вѣнка; за то съ рѣдкой настойчивостью онъ пріобрѣталъ себѣ всѣ познанія, необходимыя оратору, государственному человѣку и полководцу. Аѳинское государственное устройство давало каждому таланту возможность получить значеніе. Въ народномъ собраніи не спрашивали о происхожденіи и рангѣ, но хорошо составленная, убѣдительная рѣчь, мудрый совѣтъ находили одобреніе, и кто выступалъ съ этимъ, тотъ достигалъ чести и уваженія, былъ-ли онъ отпрыскомъ

Алкмеона, или сыномъ ремесленника. Поэтому не удивительно, что такой человѣкъ, какъ Ѳемистоклъ, проложилъ себѣ дорогу и мало-по-малу сталъ во главѣ государства. Онъ всюду умѣлъ указывать вѣрные мѣры и пути и ясною, подкупающею рѣчью дѣйствовать въ пользу своихъ цѣлей, а гдѣ этихъ средствъ было не-

ѲЕМИСТОКЛЪ
(МРАМОРНЫЙ БЮСТЪ ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ ВЪ РИМѢ).

достаточно, онъ не избѣгалъ и другихъ, мало тревожась о томъ, не переступаютъ-ли они тамъ и сямъ границы права. Послѣ битвы при Мараѳонѣ, въ которой онъ участвовалъ, онъ, казалось, погрузился въ глубокое уныніе. Когда друзья его спрашивали о причинѣ, онъ отвѣчалъ: „Побѣдныя почести Мильтіада не даютъ мнѣ покоя“. Но вскорѣ онъ нашелъ случай еще превзойти

этого своего предшественника. Онъ, какъ уже сказано, понялъ, что персы снова надвинутся съ гораздо большими силами. А тогда выступить къ нимъ на встрѣчу на сушѣ ему казалось невозможнымъ, но за то онъ вѣрилъ, что можно ожидать блестящаго успѣха отъ военной опытности и ловкости эллиновъ на морѣ. Поэтому онъ обратилъ вниманіе эллинскаго народа на увеличеніе флота, и ближайшій поводъ къ этому дало ему раздраженіе противъ господствовавшихъ на морѣ эгинцевъ, съ которыми снова загорѣлась война послѣ пораженія варваровъ.

АРИСТИДЪ
(герма въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ).

Аристидъ. Тутъ выступилъ противъ его плановъ не менѣе знаменитый Аристидъ. Этотъ человѣкъ, котораго и друзья и враги называли справедливымъ, былъ благороднаго происхожденія. Во всѣхъ обстоятельствахъ онъ выказывалъ дѣльность, мужество и ловкость, и если онъ проницательностью и широтой взгляда уступалъ Ѳемистоклу, то превосходилъ его все-таки строгой честностью и безкорыстіемъ. Благо, то, что полезно было государству и гражданамъ, онъ неусыпно преслѣдовалъ прямымъ путемъ долга и права, все равно, возникали-ли отсюда для него выгоды или ущербъ. Эгоизмъ и своекорыстіе, казалось, не имѣли мѣста въ его душѣ. Не заботясь о внѣшнемъ видѣ и о благоволеніи или нерасположеніи толпы, онъ думалъ лишь о томъ, какъ-бы принести пользу государству и споспѣшествовать общему благу. Исходя изъ такихъ воззрѣній, онъ поэтому и считалъ наилучшимъ, чтобы граждане Аттики основывали свое благосостояніе на землевладѣніи, на старательномъ воздѣлываніи отечественной почвы, а не на шаткой выгодѣ, которую доставляли торговыя сношенія. Такія стре-

мленія, говорилъ онъ, соблазняютъ къ нечестности и роскоши и отдаляютъ отъ скромности и простыхъ нравовъ отцовъ.

Аристидъ одно время управлялъ доходами и расходами государства, а прочія дѣла безъ зависти предоставилъ Ѳемистоклу. Но лишь только онъ угадалъ его дальнѣйшія намѣренія, клонившіяся къ основанію морского могущества, онъ открыто выступилъ противъ него съ помощью всего своего вліянія. Ѳемистоклъ, конечно, понялъ, что вслѣдствіе этого всѣ его планы

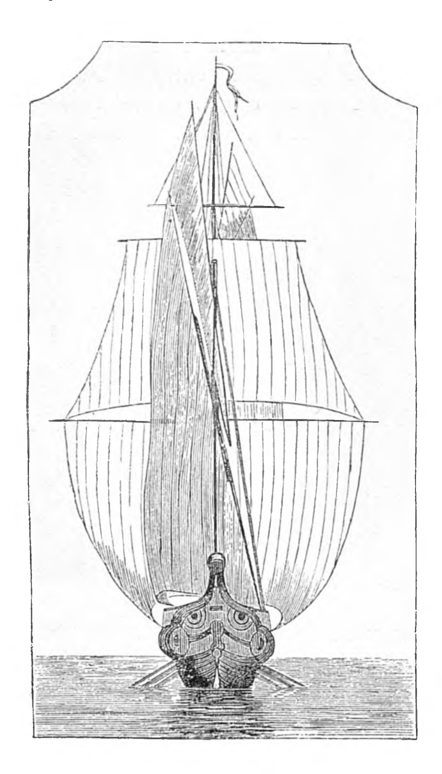
ГРЕЧЕСКІЙ ОСТРАКОНЪ.

останавливаются, и смѣло задумалъ рѣшить дѣло остракизмомъ. Преобладающее могущество обоихъ мужей было общеизвѣстно. Совѣтъ и народъ поэтому, когда было поставлено предложеніе черепковаго суда надъ опаснымъ для государства гражданиномъ, рѣшили, что онъ долженъ состояться. Ѳемистоклъ тогда черезъ своихъ многочисленныхъ приверженцевъ всячески воздѣйствовалъ на народъ, между тѣмъ какъ соперникъ его, въ сознаніи чистоты своихъ намѣреній, спокойно дожидался дня суда.

Собраніе было многочисленное, такъ какъ стеклось и много поселянъ, чтобъ голосовать о мужахъ, о дѣятельности которыхъ они большей частью вовсе не были въ состояніи судить.

Разсказываютъ, что не умѣвшій писать поселянинъ подошелъ къ Аристиду, присутствовавшему при странномъ судопроизводствѣ, какъ будто онъ не былъ въ немъ замѣшанъ. Онъ попросилъ его

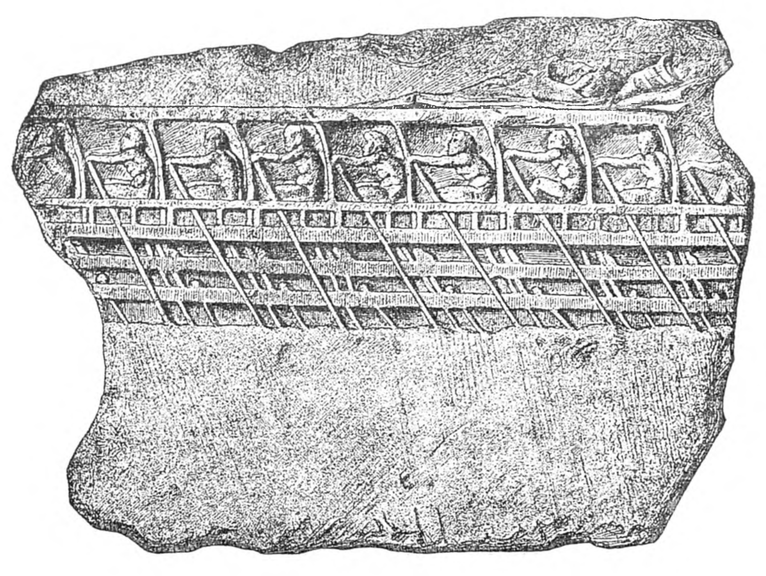
написать на дощечкѣ имя Аристида. Тотъ исполнилъ это и затѣмъ спросилъ его, почему онъ считалъ этого мужа опаснымъ для государства. „Я его вовсе не знаю“, былъ отвѣтъ, „но мнѣ досадно, что всѣ называютъ его правдивымъ“. Гдѣ имѣли значенiе такiе мотивы, исходъ легко можно было предвидѣть. Болѣе чѣмъ 6,000 голосовъ приговорили Аристида къ изгнанiю; онъ же безъ злобы покинулъ отечественный городъ, моля боговъ о томъ, чтобъ для Аѳинъ не настало время, когда-бъ они, можетъ быть, раскаялись въ его изгнанiи.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКАЯ ТРIЭРА.

По удаленiи неудобнаго противника, Ѳемистоклъ пустилъ въ ходъ всѣ пружины, чтобъ привести въ исполненiе свои, хорошо обдуманные, планы. Для этого онъ воспользовался до сихъ поръ не находившимъ употребленiя въ финансовомъ управленiи доходомъ, который получался съ рудниковъ. Именно къ юго-востоку отъ Аѳинъ возвышается многовершинный Гиметтъ. Южная вѣтвь его, называвшаяся Лаврiемъ, простираетъ свои поросшiя лѣсами высоты до самаго крайняго конца полуострова, гдѣ мысъ Сунiй круто и отвѣсно противится натиску бурныхъ водъ морскихъ. Ѳемистоклъ теперь сдѣлалъ предложенiе аѳинянамъ отказаться отъ раздачи этого дохода и употребить его на постройку кораблей. Причиной онъ выставилъ не ожидаемое

новое нападеніе варваровъ, отстоявшее еще слишкомъ далеко, но наказаніе острова Эгины, который до сихъ поръ съ помощью своихъ, превосходившихъ аѳинскія, морскихъ силъ нанесъ Аттикѣ уже большія потери. Рѣшеніе народа соотвѣтствовало предложенію Ѳемистокла, и подъ руководствомъ неутоми-

ТРІЭРА

(МРАМОРНЫЙ РЕЛЬЕФЪ НА АѲИНСКОМЪ АКРОПОЛѢ).

Этотъ мраморный рельефъ, находящійся на ступеняхъ храма Эрехѳея, дастъ лучшее и вѣроятно и древнѣйшее изображеніе тріэры.

маго мужа въ короткое время было построено 200 кораблей. Доходовъ съ рудниковъ, однако, далеко не было достаточно для покрытія издержекъ по флоту. Поэтому пришлось обратиться къ помощи государственной казны, которая была обременена еще тяжкими расходами вслѣдствіе устройства новыхъ верфей и военной гавани **Пирея**. Чтобы государственная казна была въ состояніи нести эти расходы, къ податямъ были теперь привлечены и граждане четвертаго класса, именно тѣ, у кого не было поземельной собственности. До тѣхъ поръ наиболѣе обло-

женные податями, большею частью представители старинной знати, кромѣ другихъ повинностей, одни только ставили военныя суда. Было 48 товариществъ, изъ коихъ каждое должно было ставить тріэру (военный корабль). Наиболѣе богатыя среди этихъ товариществъ или навкраріи подчинялись этой обязанности и имѣли потомъ честь, въ качествѣ тріэрарховъ, командовать кораблемъ и экипажемъ. Теперь это распоряженіе было измѣнено въ томъ смыслѣ, что привлекли къ повинностямъ и почестямъ новой морской службы также купцовъ, кораблевладѣльцевъ и капиталистовъ, сообразно съ оцѣнкой ихъ движимаго имущества, между тѣмъ какъ остальную, ничѣмъ не владѣющую, массу стали употреблять въ качествѣ боцмановъ, гребцовъ и копейщиковъ, составляющихъ экипажъ корабля. Такимъ образомъ завершено было государственное строеніе гражданской свободы, гражданскаго равенства. Θемистоклъ сумѣлъ склонить къ своимъ планамъ всѣ классы населенія, такъ что они разрѣшали все, что онъ ни предлагалъ, ради отечества радостно принимали на себя тягости и приносили жертвы, какія обыкновенно требовалъ отъ раба только произволъ властителя. Высоко надъ всѣми эллинскими государствами выдавались Аθины духомъ общественности, проникавшимъ всѣ слои населенія. Полные воодушевленія своей свободой, они выступали на борьбу съ азіатскимъ рабскимъ міромъ, который велъ на нихъ персидскій царь. Велики были требуемыя жервы, но свободный народъ не замедлилъ принести ихъ, чтобъ сохранить государство, которое одно своимъ гражданамъ предоставляло одинаковое право, одинаковый законъ.

Дѣятельно, какъ постройка кораблей, производились и упражненія моряковъ, и скоро стало видно, что вождь и народъ обладали совершенно другою энергіею и настойчивостью, чѣмъ изнѣженные іоняне. Не безъ удачи новый флотъ рискнулъ помѣриться силою съ морскимъ могуществомъ Эгины, и эта война была отличною подготовительною школой для предстоящей критической борьбы противъ персовъ.

Θемистоклъ былъ душой всѣхъ этихъ распоряженій и стремленій. Онъ съумѣлъ пробудить національное чувство и въ другихъ эллинскихъ государствахъ, такъ что объявленъ былъ всеобщій миръ и другъ другу вернули заложниковъ и плѣнныхъ; даже непріязненная Эгина присоединилась къ союзу за свободу

Греціи. Однако, смолкли не всѣ распри и эгоистическіе партійные интересы. Аргивяне, изъ ненависти къ Спартѣ, отказались присоединиться къ союзу, ѳессалійскій княжескій родъ Алевадовъ, для сверженія прочихъ аристократическихъ родовъ своей страны, завязалъ сношенія съ великимъ царемъ, и аристократическая партія Ѳивъ и Беотіи въ своей зависти къ демократическимъ Аѳинамъ обнаружила даже нескрываемую наклонность перейти на сторону персовъ, чтобъ съ ихъ помощью достигнуть гегемоніи въ Элладѣ.

ПОХОДЪ КСЕРКСА.

Въ Персіи, послѣ нѣсколькихъ споровъ за престолъ и по подавленіи египетскаго возстанія, на вновь укрѣпленный тронъ сѣлъ Ксерксъ, сынъ Дарія и честолюбивой Атоссы (485). Побуждаемый матерью и воинственнымъ Мардоніемъ, онъ рѣшился стать во главѣ всего похода на Элладу.

КСЕРКСЪ (ИЗОБРАЖЕНІЕ НА КАМНѢ, ВЪ ЛУВРѢ).

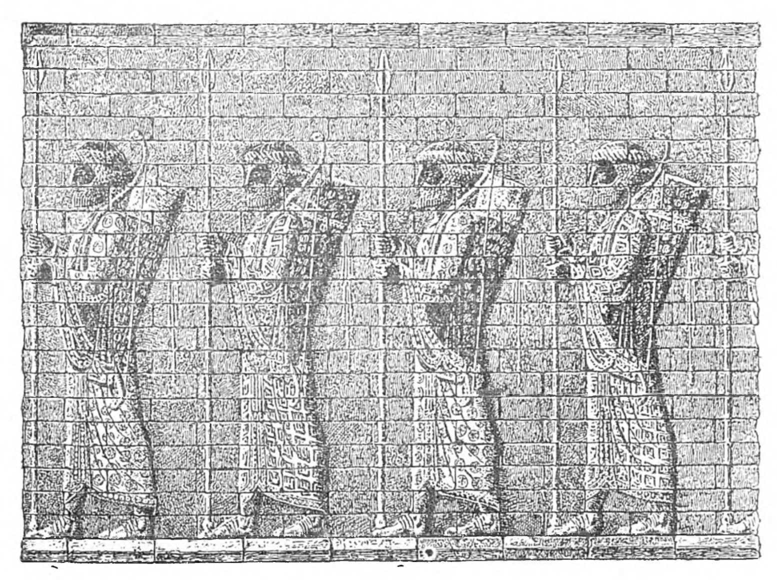
Цѣлыхъ четыре года длились вооруженія въ провинціяхъ необъятнаго царства. Въ началѣ пятаго года (481) на равнинахъ по ту сторону Евфрата собрались воины безчисленныхъ племенъ, принадлежавшихъ персидскому міровому царству. Всѣ они, различаясь одеждой, оружіемъ, языкомъ и нравами, поднялись съ своихъ исконныхъ мѣстожительствъ, чтобъ вступить на борьбу съ мало цѣнившимся свободнымъ народцемъ.

Не было народа между Средиземнымъ моремъ и Индійскимъ океаномъ, который не поставилъ бы своихъ отрядовъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ каждый по мѣстному обычаю. Ядро этихъ военныхъ силъ составляли персы. Они носили, подобно мидянамъ, тіары или загнутыя назадъ войлочныя шляпы, убранныя перьями и всякаго рода украшеніями, кафтаны и поверхъ ихъ блестящіе чешуйчатые панцыри, да еще небольшіе щиты изъ твердой кожи или плетеные изъ крѣпкаго дерева. Для нападенія у нихъ были короткія, но крѣпкія, обитыя металломъ копья, лукъ да стрѣлы, а для рукопашнаго боя—остроотточенный кинжалъ.

Ассиріяне носили легкіе мѣдные шлемы, холстяные, хорошо простроченные боевые кафтаны и обитыя желѣзомъ палицы. Саки, скиѳскій народъ, расхаживали въ высокихъ чалмахъ, кверху заострявшихся, и въ бою имѣли сѣкиры. Индійцы носили одежды изъ хлопчатой бумаги, каспійцы—изъ мѣха, саранги хвастали окрашенными плащами, а сапоги ихъ доходили до колѣнъ. Арабы же были опоясаны широкими верхними платьями и вооружены копьями и искусно сдѣланными луками, которые можно было по желанію натягивать на обѣ стороны. Африканскіе эѳіопы опоясаны были барсовыми и львиными шкурами, стрѣлы ихъ были тростниковыя съ остріями изъ кремня особенной твердости, а на красивыхъ дротикахъ ихъ были острія изъ роговъ антилопъ. Когда они выступали въ бой, выкрашивали очень странно свое тѣло, на половину мѣломъ, на половину краснымъ сурикомъ. Ливійцы шли въ кожаной одеждѣ, ѳракійцы носили лисью шкуру на головѣ, пестрый мѣхъ поверхъ кафтана и на ногахъ сапоги изъ оленьей кожи. Халибы украшали себѣ шлемъ мѣдными рогами и султанами, а азіатскіе эѳіопы покрывали себѣ голову снятыми съ лошадей лобными кожами, на которыхъ еще прямо торчали кверху уши и позади развѣвалась грива. Блескомъ болѣе всѣхъ отличались персы. Они были, какъ уже упомянуто, въ то же время и храбрѣйшими и надежнѣйшими воинами всего войска. Ихъ доспѣхи, прекрасной работы, сверкали отъ массы благороднаго металла, на нихъ употребленнаго. Многочисленные, также красиво разукрашенные, служители слѣдовали за ними въ колесницахъ. Въ конницѣ, составлявшей главную силу войска, выдвигались персидскій пастушескій народъ—сагартійцы. Они поставили восемь тысячъ всадниковъ, не имѣвшихъ другого оружія, кромѣ кинжала и сплетеннаго изъ ремней аркана, которымъ они въ сраженіи ловили противника и, увлекая его съ собой, убивали. Индійцы являлись частью пѣшкомъ, частью верхомъ, частью въ колесницахъ, запряженныхъ дикими ослами. Арабская конница ѣхала на быстрыхъ верблюдахъ и должна была стоять позади всѣхъ эскадроновъ кавалеріи, такъ какъ лошади, какъ извѣстно, пугаются при видѣ этихъ животныхъ.

Когда войско весной 480 г. двинулось впередъ, оно возрастало все страшнѣе, подобно лавинѣ, которая, скатываясь по широкимъ снѣжнымъ полямъ, въ своемъ паденіи все увлекаетъ за со-

бой. Фригійцы, ратные лидяне, ѳракійцы и другіе народы должны были присоединяться. Пѣшкомъ, верхомъ, на боевыхъ колесницахъ и на быстрыхъ верблюдахъ повалили набранныя полчища съ несмѣтнымъ обозомъ изъ рабовъ и рабынь, повозокъ и вьючныхъ животныхъ, прошли Каппадокію и Фригію и нашли тамъ

ПЕРСИДСКІЕ СТРѢЛКИ ИЗЪ ЛУКА
(ЭМАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ НА ДВОРЦѢ КСЕРКСА ВЪ ПЕРСЕПОЛѢ, по Perrot-Chipiez).

пристанище и отличное угощеніе у богатаго лидянина Пиѳія, сына Атиса, которому принадлежала вся окрестная земля. Когда тотъ взялся также оказать царю для похода поддержу деньгами, тотъ удивленно спросилъ, кто онъ такой. Онъ узналъ, что этотъ самый человѣкъ нѣкогда преподнесъ великому Дарію платановое и виноградное деревья изъ чистаго золота, и что его богатство уступаетъ лишь царскому. Ксерксъ тогда самъ спросилъ его о величинѣ его наличнаго состоянія. „Государь“, отвѣтилъ тотъ, „я все точно сосчиталъ и нашелъ, что у меня 2,000 талантовъ серебра (около 4,500,000 руб.) и 4 раза 10,000, безъ 7.000,

статеровъ золота; и все это пусть будетъ къ твоимъ услугамъ, такъ какъ у меня еще достаточно помѣстій и рабовъ". На это сказалъ царь: „Ты первый такъ радушно угостилъ меня и добровольно предложилъ мнѣ столько денегъ. Поэтому я называю тебя своимъ другомъ и дополняю тебѣ недостающее до 40,000 статеровъ, чтобы у тебя былъ ровный счетъ. Оставь у себя честно нажитое и сохраняй свой похвальный образъ мыслей".

Переходъ черезъ Геллеспонтъ. На дальнѣйшемъ пути черезъ Лидію царь однажды отдыхалъ со свитою подъ тѣнистымъ платановымъ деревомъ. Въ память этой остановки онъ велѣлъ обвѣсить дерево золотыми украшеніями и поставить при немъ сторожа. Оттуда онъ дневнымъ переходомъ добрался до Сардъ и, наконецъ, у Абидоса достигъ Геллеспонта. Здѣсь онъ засталъ уже флотъ, военныя и грузовыя суда, собравшіяся съ береговъ Египта, Финикіи, Каріи, Іоніи и съ острововъ Средиземнаго и Эгейскаго морей. Между всѣми кораблями пять, посланныхъ Галикарнассомъ подъ начальствомъ мужественной царицы Каріи Артемизіи, особенно отличались солидностью постройки и ловкостью экипажа. Не менѣе воинственнымъ казался флотъ Сидона. 674 судна употребили на постройку двухъ понтонныхъ мостовъ черезъ Геллеспонтъ, послѣ того какъ буря разрушила уже выстроенные мосты. Вѣроятно, это—миѳъ, возникшій въ греческой фантазіи, когда разсказываютъ, будто царь велѣлъ наказать море цѣпями и бичами, а несчастныхъ строителей повести на казнь. Точно также невѣроятно сообщеніе, будто онъ богачу Пиѳію, пожелавшему изъ пяти сыновей оставить у себя одного, не только отказалъ въ просьбѣ, но старшаго даже велѣлъ умертвить.

На берегу Геллеспонта Ксерксъ сѣлъ на выстроенный изъ бѣлаго мрамора тронъ и сталъ обозрѣвать неизмѣримую массу кишащихъ кораблей и войска, наполнявшую весь проливъ и побережье, теряясь въ туманной дали. Сначала онъ любовался видомъ и почиталъ себя счастливымъ, что боги удостоили его такого большого могущества; но затѣмъ онъ внезапно сталъ очень задумчивъ и со слезами воскликнулъ: „Вѣдь какъ коротка и достойна сожалѣнія эта человѣческая жизнь! Изъ этого многочисленнаго сборища въ сто лѣтъ никто не останется".—„И какъ ничтоженъ и самъ человѣкъ", возразилъ дядя его Артабанъ, „ибо изъ всѣхъ смертныхъ нѣтъ никого, кто бы въ короткое

время жизни не былъ приведенъ несчастіями къ тому, чтобъ разъ или нѣсколько разъ предпочиталъ смерть жизни". Царь, однако, скоро ободрился и увѣщалъ собранныхъ князей и военачальниковъ идти въ бой весело и смѣло, такъ какъ они-де двинулись въ походъ не только для того, чтобъ одержать верхъ надъ храбрецами въ Элладѣ, но и съ цѣлью завоеванія всей Европы до крайнихъ предѣловъ и для пріобрѣтенія безсмертной славы.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня все войско было готово къ переходу. На мосту былъ сожженъ драгоцѣнный ладанъ и путь осыпанъ миртами. Когда солнце, отблескъ благословляющаго божества по персидскому вѣрованію, появилось надъ горизонтомъ, царь совершилъ возліяніе изъ золотой чаши и помолился предъ всѣмъ народомъ, чтобы съ войскомъ не случилось несчастія. Послѣ этого онъ опустилъ чашу, золотой кувшинъ для разбавленія вина и персидскую саблю въ море. Затѣмъ, по данному знаку, послѣдовало выступленіе.

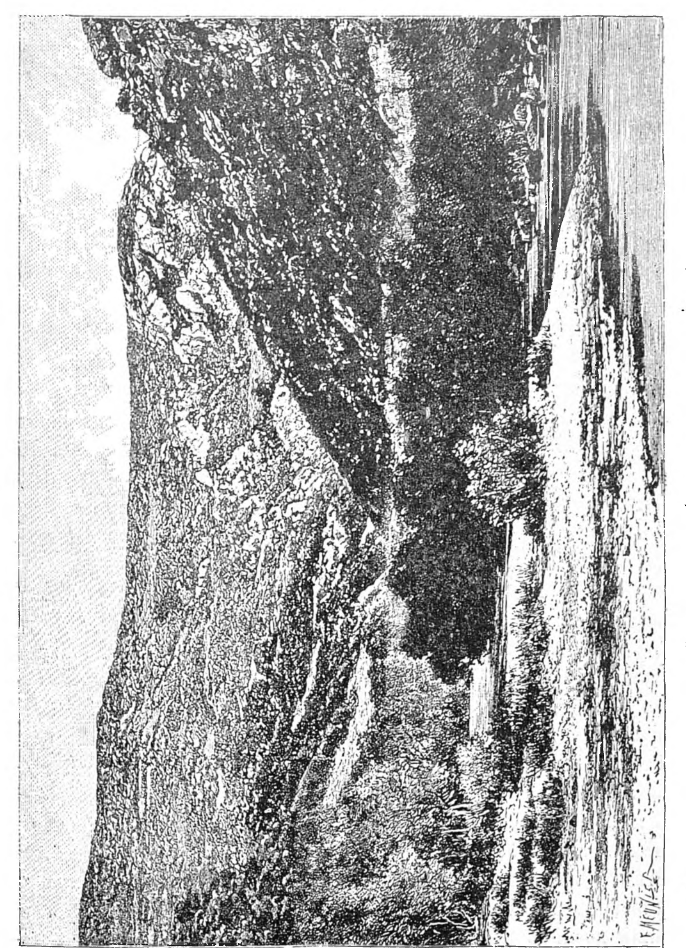
Впереди шли 10,000 отборныхъ персовъ, называвшихся безсмертными, потому что ихъ дружина всегда сохранялась въ комплектѣ. Головы у нихъ были увѣнчаны, какъ у людей, идущихъ на побѣду, и на нихъ были надѣты великолѣпныя одѣянія и золотыя украшенія. За ними шли воины разныхъ національностей въ разнообразномъ вооруженіи и одеждѣ. Во второй день шествіе открыли статные всадники и копьеносцы съ опущеннымъ внизъ оружіемъ. За ними слѣдовала священная колесница, на которой находилось сіявшее на далекое разстояніе золотое изображеніе солнца. За ней шелъ самъ царь, окруженный многочисленными копьеносцами и всадниками. Въ то же время флотъ поплылъ къ другому берегу. Семь дней непрерывно длилось шествіе. Когда, наконецъ, переходъ былъ оконченъ, корабли поплыли по Геллеспонту и далѣе вдоль ѳракійскаго берега до устья Гебра (нын. Марицы), гдѣ разстилалась обширная равнина, надъ которой господствовала крѣпость Д о р и с к ъ. Тамъ они дожидались прибытія сухопутнаго войска. Здѣсь уже давно были сдѣланы приготовленія къ походу, устроены склады и собраны всякаго рода припасы; здѣсь также до начала войны долженъ былъ быть произведенъ общій смотръ войску и флоту. Ксерксъ велѣлъ сосчитать всѣ войска и, какъ передаютъ, оказалось, что количество ратниковъ было 1,700,000, число же большихъ военныхъ судовъ—болѣе 1200. Самъ царь разъѣзжалъ

на своей блестящей колесницѣ по всѣмъ полчищамъ и принималъ необходимыя сообщенія, записывавшіяся его писцами; точно также, покоясь подъ золотымъ балдахиномъ на сидонскомъ быстроходномъ кораблѣ, онъ посѣтилъ отдѣльныя эскадры своего флота.

Когда смотръ кончился, Ксерксъ велѣлъ позвать Демарата, бывшаго царя спартанскаго, которому, по проискамъ Клеомена, пришлось бѣжать изъ своего отечественнаго города. Царь спросилъ его, думаетъ ли онъ, что эллины дерзнутъ оказать ему сопротивленіе. „Государь“, сказалъ Демаратъ, „хотя всѣ эллины— люди храбрые, но я буду говорить только о лакедемонянахъ, потому что ихъ нравъ знаю лучше всего. Они, взятые отдѣльно, не сильнѣе другихъ людей; въ строю же они являются храбрѣйшими изъ всѣхъ народовъ и не примутъ твоихъ предложеній, но, не спрашивая о численности непріятеля, выступятъ на бой, хотя бы были покинуты остальными эллинами. Ибо и у нихъ есть государь: это—законъ, и онъ велитъ имъ не бѣжать изъ сраженія ни передъ какими силами, но оставаться въ своемъ строю, побѣдить или умереть“. Ксерксъ тогда посмѣялся надъ этими словами, которыя показались ему глупыми, однако милостиво отпустилъ Демарата.

Отъ Гебра сухопутныя силы двинулись дальше тремя колоннами: первая пошла вдоль берега подъ начальствомъ Мардонія и Мазиста; вторая, подъ предводительствомъ самого Ксеркса, шла, углубившись внутрь страны, третья—въ еще большемъ разстояніи отъ моря. Всѣ народы Ѳракіи и Македоніи заплатили дань и приняли участіе въ походѣ, исключая тѣхъ, которые обитали въ горныхъ ущельяхъ. Такъ добрались до Ѳермы (нын. Салоникъ), гдѣ и флотъ остановился на якорѣ. Флотъ этотъ разъ не огибалъ опаснаго мыса Аѳона, но прошелъ по каналу, надъ которымъ работали уже нѣсколько лѣтъ. Уже изъ этого видно, что великій походъ предпринятъ былъ не необдуманно, но послѣ долгихъ и осмотрительно производившихся приготовленій.

По ту сторону Ѳермы, отъ устья Эхедора, по нижнему теченію Аксія (нын. Вардара), главной рѣки Македоніи, до истока Галіакмона (нын. Быстрицы), войско расположилось лагеремъ, на пространствѣ $37^1/_2$ km. (35 верстъ). Оно остановилось для отдыха, чтобы въ покоѣ и при хорошемъ продовольствіи поправиться отъ напряженій дальняго похода и подкрѣпиться для предстоящей

ТЕМПЕЙСКАЯ ДОЛИНА (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

борьбы, для чего въ большихъ складахъ были свалены обильные съѣстные припасы.

Царю во время остановки приходилось слышать много чудесныхъ разсказовъ о горѣ боговъ, Олимпѣ, сверканіе снѣжныхъ вершинъ которой видно было изъ лагеря, и о прекрасной Темпейской долинѣ, единственно удобномъ горномъ проходѣ, ведущемъ внутрь Ѳессаліи. На сидонскомъ кораблѣ онъ поплылъ къ устью Пенея и понялъ, что невозможно провести черезъ узкое ущелье безчисленную массу бойцовъ и обоза. Онъ высказалъ мнѣніе, что ѳессалійцы поступили мудро, подчинившись, ибо иначе онъ запрудилъ бы выходъ и превратилъ бы страну въ озеро. Но онъ не посѣтилъ прелестной долины съ ея свѣжими лугами, ея душистыми травами и кустами, изобилующими цвѣтами; онъ не видѣлъ крутыхъ склоновъ и нависшихъ горныхъ вершинъ, не слышалъ мелодическаго пѣнія птицъ, которое раздается здѣсь цѣлый день подъ сѣнью платановъ по берегамъ Пенея. Онъ отплылъ обратно къ войску, гдѣ ему болѣе нравились красныя военныя одѣянія, сіявшія золотомъ вооруженія его тѣлохранителей и льстивыя рѣчи его придворныхъ.

Нѣкоторое время персидскія войска стояли лагеремъ на этихъ мѣстахъ, пока пути чрезъ горы не были сдѣланы удобопроходимыми; затѣмъ они снова поднялись и двинулись черезъ страну Ѳессалійцевъ и Ахайю, черезъ Галъ и Антикиру прошли въ область малійцевъ, окруженную трахинскими скалистыми горами. На равнинѣ вокругъ города Трахина, между рѣками Меланомъ и Асопомъ, снова остановились, такъ какъ пришло извѣстіе, что къ югу, гдѣ непроходимыя горы приближаются къ морю, стали показываться эллинскіе воины.

Греческія государства между тѣмъ плохо приготовились къ борьбѣ со страшнымъ врагомъ, неудержимо наступавшимъ на гибель цѣлой страны; нѣкоторые, именно ѳиванцы и аргивяне, думали о подчиненіи, другіе о сопротивленіи. Депутаты государствъ, рѣшившихся на сопротивленіе, уже давно собрались на коринѳскомъ Исѳмѣ и совѣщались о томъ, что дѣлать. Они отправили пословъ на западные острова, другихъ на Критъ, еще другихъ въ Сицилію, чтобы вербовать себѣ союзниковъ, но тщетно. Правда, Гелонъ, господствовавшій тогда съ мудростью и при помощи вооруженной силы надъ Сиракузами и многими другими си-

цилійскими городами, обѣщалъ оказать сильную помощь на морѣ и на сушѣ, если ему передадутъ главное начальство; но бывшіе при посольствѣ лакедемоняне сказали: „По истинѣ, какъ опечалился бы Атридъ Агамемнонъ въ Аидѣ, если-бъ услышалъ, что сиракузянинъ отнялъ начальство у лакедемонянъ!“ Подобнымъ же

УЩЕЛЬЕ ѲЕРМОПИЛЫ.

образомъ говорили и аѳиняне, и Гелонъ поэтому отказалъ въ своей поддержкѣ, тѣмъ болѣе, что въ это-же время ему угрожало большое карѳагенское войско, надъ которымъ онъ потомъ одержалъ счастливую побѣду.

Будучи принуждены разсчитывать только на себя самихъ, эллинскія государства, соединившіяся для оказанія сопротивленія, рѣшили сдѣлать попытку задержать варваровъ въ Темпейской долинѣ, выставивъ туда отрядъ воиновъ. Дѣйствительно, 10,000

гоплитовъ, подъ предводительствомъ спартанскаго полемарха Эвенета и Ѳемистокла, были посланы въ Темпейскую долину. Они въ соединеніи съ ѳессалійскими племенами въ то же время должны были прикрывать немногочисленныя крутыя дороги черезъ Олимпъ. Но такъ какъ враждебный Аргосъ, вся Беотія, малійцы и даже большинство ѳессалійскихъ племенъ, какъ долопы, перрэбы, магнеты и другія прислали персидскому царю земли и воды въ знакъ подчиненія, и такъ какъ царь Александръ Македонскій, бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ греками, указывая на громадный перевѣсъ силъ персидскаго войска, предупреждалъ грековъ о грозящей имъ опасности быть окруженными, то снова отозвали назадъ отрядъ, которому грозила опасность съ тыла.

Занятіе Ѳермопилъ. Зато, по устраненіи всѣхъ внутреннихъ раздоровъ, не безъ осмотрительности и знанія дѣла былъ составленъ и выполненъ другой планъ. Именно отправленъ былъ отборный отрядъ въ 7,200 гоплитовъ на защиту Ѳермопильскихъ тѣснинъ, а флотъ, въ которомъ было не полныхъ 300 кораблей, получилъ приказъ плыть въ Эвбейскій проливъ и тамъ вблизи этого прохода оказать сопротивленіе морскимъ силамъ варваровъ. Если бы выступило все пелопоннесское ополченіе, чтобъ занять проходы Эты, то, можетъ быть, соединеннымъ эллинскимъ боевымъ силамъ удалось бы на сушѣ остановить дальнѣйшее наступленіе персидскихъ полчищъ. Но обстоятельство, что на этотъ отдаленный постъ послали только вышесказанный незначительный передовой отрядъ, свидѣтельствуетъ о слабомъ упованіи на эту защиту. Спартанцамъ и вообще пелопоннесцамъ прежде всего важно было въ случаѣ нужды удержать за собой по крайней мѣрѣ Исѳмъ; для этой цѣли они оставили у себя главныя свои силы, и аѳиняне, которымъ ближайшимъ путемъ грозила опасность, должны были утѣшиться завѣреніемъ, что силы эти вскорѣ послѣдуютъ за посланнымъ впередъ небольшимъ отрядомъ войска.

На борьбу до послѣдней капли крови за эллинскую свободу рѣшились, впрочемъ, какъ Аѳины, такъ и Спарта. Черезъ посланцевъ высмотрѣли уже въ Сардахъ персидское вооруженіе. Эти соглядатаи были схвачены, но отосланы персидскимъ царемъ обратно, чтобъ изобразить своимъ землякамъ его страшное могущество. Ихъ описанія распространили ужасъ. Еще большее впечатлѣніе производили зловѣщія изреченія Дельфійскаго оракула. „Злопо-

лучные“, говорила жрица, „чего вы здѣсь ищете? Покиньте свои дома и бѣгите на край земли; ибо все повергаетъ во прахъ огонь и ярость Ареса, погоняющаго сирійскую колесницу!“

Несмотря на такія изреченія рока, передовые бойцы Эллады не думали о подчиненіи, и ратные люди, отправленные къ тѣснинамъ, бодро пошли навстрѣчу своему назначенію.

Мѣстность была очень пригодна для цѣли, такъ какъ отъ Пинда тянется крутая и неудобопроходимая горная цѣпь Эты почти до самаго Малійскаго залива, ближайшіе берега котораго покрыты бездонными болотами. Между болотами и отвѣсно обрывающимися горами ведетъ узкая дорога изъ области малійцевъ въ землю локридянъ и далѣе вглубь страны. Проходъ въ двухъ мѣстахъ суживается до того, что съ трудомъ могутъ проѣхать рядомъ нѣсколько колесницъ, и затѣмъ вступаетъ въ болѣе свободное пространство, гдѣ у подошвы горъ бьютъ теплые ключи; затѣмъ ущелье тѣсно облегаютъ выступы скалъ, пока оно у шумнаго Асона не расширяется снова и не выходитъ, наконецъ, въ трахинскую равнину.

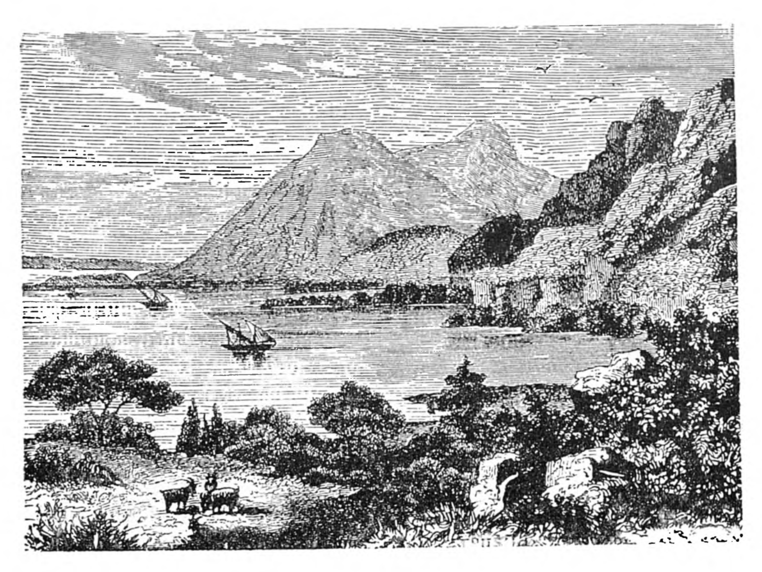
Еще существовали древнія, первоначально выстроенныя фокійцами для отраженія вторженій ѳессалійцевъ, стѣны, защищавшія восточную часть прохода, которая отъ теплыхъ сѣрнистыхъ ключей называлась Ѳермопилами (теплыя ворота). Туда двинулся эллинскій отрядъ приблизительно въ 7.000 тяжеловооруженныхъ воиновъ, ядро которыхъ составляли 300 спартанскихъ гражданъ подъ начальствомъ царя своего Л е о н и д а.

Воины изъ Аркадіи, Микенъ, Фліунта, Коринѳа, Локриды, Фокиды, особенно 700 изъ беотійскаго города Ѳеспій, далѣе 1.000 періэковъ изъ Лаконики, были всѣ надежными людьми; только 400 гоплитамъ изъ Ѳивъ менѣе можно было довѣрять, потому что этотъ городъ втайнѣ былъ преданъ персамъ. Въ то время какъ эта горсть людей выступила для борьбы не на животъ, а на смерть противъ всѣхъ силъ варваровъ, остальная Греція праздновала игры въ Олимпіи. Нельзя рѣшить, происходило ли это по безумной безпечности, или изъ религіозной добросовѣстности, или же спартанцы желали этимъ извинить замедленіе выступленія главнаго войска.

Артемисій. Лучше подготовлены были эллины на морѣ. Ихъ флотъ, силою въ 280 тріэръ, значительное большинство которыхъ

было поставлено аѳинянами, проплылъ черезъ Эвбейскій проливъ и дальше мимо Малійскаго залива, гдѣ расположенъ былъ Леонидъ со своимъ отрядомъ. Онъ сталъ въ позиціи у сѣверовосточнаго конца острова Эвбеи, подъ защитой Артемиды, роща и храмъ которой украшали мысъ Артемисій.

Два легкихъ судна поддерживали сношенія съ Леонидомъ, три военныхъ корабля стояли на якорѣ къ сѣверу у острова Скіаѳа, чтобъ высматривать движенія персовъ. Послѣдніе не долго заставляли себя ждать, и когда они подошли, то море вдоль берега магнетовъ, надъ которымъ возвышаются высоты Пелія, на большомъ пространствѣ покрыто было парусами: весь непріятельскій флотъ, включая и легкія военныя суда и грузовые корабли, состоялъ болѣе чѣмъ изъ 3.000 судовъ,—армада, каковой еще свѣтъ не видѣлъ. Десять персидскихъ быстроходныхъ кораблей тотчасъ же погнались за эллинской передовыми судами у Скіаѳа и взяли изъ нихъ два корабля; третій же, аѳинскій, быстро причалилъ къ берегу, такъ что экипажъ его спасся.

МЫСЪ АРТЕМИСІЙ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

Сигнальный огонь, запылавшій на островѣ, возвѣстилъ эллинамъ приближающуюся опасность, послѣ чего они испуганно отступили къ Халкидѣ, въ середину пролива. Варвары между тѣмъ бросили якорь у берега материка. Главный адмиралъ Ахеменъ, братъ царя, не рискнулъ въ темнотѣ ночи проплыть мимо подводныхъ камней Скіаѳа; онъ велѣлъ части кораблей пристать къ самому берегу, остальнымъ же занять позицію въ восемь длинныхъ рядовъ, далеко выходящихъ въ открытое море.

На слѣдующій день небо было совершенно ясно, не было и дуновенія вѣтерка; глубокій покой, казалось, разстилался надъ сушей и моремъ. Свѣдущіе моряки однако знали, что эта обманчивая тишина была предвѣстницей большой бури, и постарались поставить свои корабли въ безопасное мѣсто у берега. Вскорѣ и заволновалось море, и страшный ураганъ зашумѣлъ съ сѣверовостока. Тогда тяжкое несчастіе поразило корабли варваровъ, которые не были еще спрятаны. Около 400 разбилось о скалы Пелія или о мысъ Сепіаду, ибо непогода длилась три дня и три ночи, несмотря на жертвоприношенія и заклинанія персидскихъ маговъ.

Когда эллины, спрятавшіеся въ безопасныхъ бухтахъ, получили вѣсть о потеряхъ враговъ, они отважно поплыли опять къ Артемисію, будучи того мнѣнія, что погибла большая часть флота варваровъ. Но Персы направились въ Пагасейскій заливъ, гдѣ нѣкогда правили цари Іолка. Тамъ они услышали, что слабый эллинскій флотъ, повидимому, рѣшился держаться при Артемисіѣ, и потому послали 200 кораблей вокругъ острова Эвбеи, чтобы флотъ этотъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, попался цѣликомъ въ ихъ руки. Когда греки увидѣли подплывающія морскія силы враговъ, далеко превосходившія ихъ своею численностью, ихъ охватило смущеніе. Спартанецъ Эврибіадъ, которому принадлежало начальство надъ всѣмъ флотомъ, тотчасъ же распорядился о вторичномъ отступленіи; но осмотрительный Ѳемистоклъ, начальствовавшій аѳинянами, побудилъ его подаркомъ въ пять талантовъ, а коринѳскаго полководца Адиманта подаркомъ въ три таланта, попытать счастія въ бою. А эти и еще гораздо болѣе крупныя суммы (30 талантовъ=около 45.000 руб.) онъ получилъ отъ эвбейцевъ съ тѣмъ, чтобы защищать ихъ противъ варваровъ, и такимъ образомъ онъ обогащалъ себя самого, достигая въ то же время и своей цѣли. Битва началась къ вечеру.

Греки смѣлымъ натискомъ открыли сраженіе и бились съ большимъ геройствомъ; только ночь положила конецъ нерѣшенной битвѣ. Но за кровавымъ днемъ слѣдовала ужасная ночь. Темныя грозовыя тучи тянулись съ Пелія при раскатахъ грома и сверканіи молній, буря взбудораживала море и пригоняла къ берегу трупы и обломки кораблей; стихіи, казалось, были распущены со всѣми своими ужасами, чтобы сломить силу варваровъ, между тѣмъ какъ греки отыскали извѣстныя имъ безопасныя гавани.

Ужаснѣе всего непогода была для 200 персидскихъ кораблей, огибавшихъ Эвбею. Они частью сѣли на отмели и разбились о подводные камни, частью въ открытомъ морѣ были поглощены волнами. Посидонъ и Борей бились за любимую богами Элладу, какъ думали греки. Въ день послѣ ужасной ночи, эллины, боевой духъ которыхъ поднятъ былъ прибытіемъ новыхъ 53 аттическихъ военныхъ кораблей, отважились на различныя новыя нападенія съ счастливымъ успѣхомъ; но на третій день персы, успѣвъ исправить, насколько можно было, свои поврежденія, снова выступили въ бой и бились съ мужествомъ и твердостью, такъ что на обѣихъ сторонахъ погибло много кораблей и ратниковъ. Вечеромъ послѣ битвы греки съ испугомъ увидѣли, какъ они много пострадали и что половина аѳинскихъ кораблей едва можетъ держаться на морѣ. Такъ какъ, сверхъ того, на слѣдующій день корабль, занимавшійся развѣдочной службой, привезъ печальныя извѣстія отъ Ѳермопилъ, то немедленно начали отступленіе къ Сароническому заливу.

Битва при Ѳермопилахъ. Когда персы стали лагеремъ въ Трахинѣ, въ странѣ малійцевъ, они увидѣли передъ собой въ тѣснинѣ эллинское оружіе, какъ мы уже разсказали выше. Былъ отправленъ лазутчикъ на быстромъ конѣ, чтобъ развѣдать, что это за люди. Человѣкъ этотъ осторожно подъѣхалъ и увидѣлъ только спартанцевъ, составлявшихъ авангардъ; прочихъ же, которыхъ закрывала фокійская стѣна, онъ не видѣлъ. Изъ спартанцевъ нѣкоторые занимались воинскими упражненіями, другіе чистили свое оружіе, еще другіе расчесывали и украшали свои волосы. Посланецъ невредимо вернулся обратно и сообщилъ царю то, что онъ увидѣлъ. Царю же это показалось большою глупостью, и онъ высказалъ мнѣніе, что простаки скоро побѣгутъ прочь. Однако этого вовсе не случилось. Поэтому онъ послалъ къ Лео-

Карта Өермопилъ (Геродотъ VII.176.198.200.216.)
ӨЕССАЛІЯ
ЭНІАНЫ
Р Сперхей
ЛАМІЯ
МАЛІЙСКІЙ ЗАЛИВЪ
Теперешняя береговая линія
НАНОСЫ СПЕРХЕЯ
Болотистая мѣстность
Нынѣшн. теченіе Сперхея (Эллада)
Антикира
Гурго
Древняя
Мавронеро
Андрасъ
Пира
р. Меласъ
Береговая линія
Карвунарія
Западная тѣснина
Амфиктіоны
Андерскій молъ
Трахинъ
Ксерксовъ лагерь
Анѳела
р. Асопъ
Скалы близъ Трахина
Өермопилы
Восточная тѣснина
Алпены
Хитры
Фокидская стѣна
Дорога къ Локриду
Калиндромъ
Анопея
ФОКИДА

ниду вѣстника съ требованіемъ выдать оружіе. „Пусть царь придетъ и возьметъ его!“ отвѣтилъ герой съ лаконической краткостью. Трахинецъ, стоявшій тутъ же, увѣрялъ, что мидійцы своими стрѣлами затемнятъ солнце. „Хорошо сказано, трахинскій другъ“, воскликнулъ другой спартанецъ, „тогда мы будемъ сражаться въ тѣни“.

Персидскій царь, терпѣніе котораго теперь истощилось, приказалъ отряду мидянъ и киссійцевъ двинуться впередъ, захватить защитниковъ прохода по возможности живыми и привести предъ его очи. Тѣ тотчасъ же двинулись большими, хотя безпорядочными массами, но своими неоднократными нападеніями ничего не добились, а сами потерпѣли значительный уронъ. Тогда-то стало очевиднымъ, что у царя хотя и много людей, но мало мужей. Еще до вечера подошли сами персы, и съ ними сіявшая золотомъ дружина безсмертныхъ подъ командой Гидарна. Они шли въ лучшемъ порядкѣ и открыли бой, предпославъ ему цѣлое облако стрѣлъ. Лакедемоняне тотчасъ же обратились въ бѣгство, и варвары пустились за ними съ громкими криками. Но тутъ-то и обнаружилось превосходство военной опытности спартанцевъ. Бѣгство было притворнымъ; черезъ мгновеніе они стояли уже тѣсно сомкнутыми ротами, сдѣлали натискъ на гнавшагося за ними непріятеля и всюду смяли его, при большомъ кровопролитіи. Въ тѣснотѣ численный перевѣсъ не могъ оказать никакой помощи; тысячи падали отъ страшнаго удара длинныхъ пикъ, противъ которыхъ легкій персидскій щитъ и короткое копье были недостаточнымъ оружіемъ.

И на третій день возобновлялись нападенія почти безъ перерыва, но съ одинаково плохимъ успѣхомъ. Эллины чередовались по различнымъ племенамъ и сражались подъ спартанскимъ предводительствомъ со спартанскимъ мужествомъ. Фокійцы между тѣмъ стояли на высотахъ горъ, чтобы стеречь малоизвѣстный горный путь Анопею, которымъ можно было обойти Өермопилы.

Ксерксъ безпомощно стоялъ у входа въ Элладу. Войско его, какъ все преодолѣвающее наводненіе, шумно пронеслось сюда, а теперь слабыя человѣческія руки ставили навстрѣчу ему непреодолимое препятствіе. Но вотъ маліецъ, по имени Эфіалтъ, попросилъ аудіенціи у царя и, получивъ къ нему доступъ, сообщилъ о скрытой горной тропинкѣ; въ то же время онъ объявилъ о своей готовности повести персидскій отрядъ въ тылъ грековъ.

Въ поздніе вечерніе сумерки онъ тронулся вмѣстѣ съ тѣми 10.000 персами, которыхъ называли безсмертными, и поднимался съ праваго берега Асопа въ темнотѣ ночи черезъ сосновые и дубовые лѣса все выше и выше по узкой тропѣ, такъ называемой Анопеѣ, ведшей на вершину горы. Фокійцы легкомысленно забыли выставить караульныхъ; лишь тяжелые шаги, подъ которыми шелестѣли сухіе листья, возвѣстили имъ о грозящей опасности. Теперь они поспѣшно хотѣли вооружиться, но выскочившіе изъ лѣсу персы осыпали ихъ тотчасъ же своими стрѣлами. Тогда фокійцы не удержались; они бѣжали на вершину горы и предоставили превосходившему ихъ врагу безпрепятственно продолжать свой путь.

Леонидъ и его герои. Съ началомъ разсвѣта и отрядъ въ тѣснинѣ поднялся для борьбы. Жрецъ Мегистія закололъ жертвенныхъ животныхъ и сталъ искать предзнаменованій. Все подробно осмотрѣвъ, онъ произнесъ: „Боги рѣшили сегодня нашу смерть и вѣковѣчную славу“. Пока окружающіе удивленно глядѣли на него, поспѣшно прибѣжали лазутчики съ горъ и объявили о томъ, что ихъ обходятъ персы. Леонидъ тотчасъ же созвалъ военный совѣтъ. Объ успѣшномъ сопротивленіи и думать было больше нельзя; поэтому онъ приказалъ союзникамъ начать отступленіе, чтобъ сражаться за отчизну въ болѣе счастливое время; его же и его спартіатовъ, объявилъ онъ, законъ обязываетъ умереть на томъ мѣстѣ, гдѣ они сражались.

Такимъ образомъ его покинуло большинство союзниковъ; но ѳессалійскіе воины, числомъ 700, объявили, что предпочитаютъ идти со спартанцами на смерть. То же сказалъ и сдѣлалъ жрецъ Мегитія. Только ѳиванцевъ Леонидъ, въ наказаніе за ихъ мидійскій образъ мыслей, противъ ихъ воли, принудилъ остаться.

Среди этихъ мужей стоялъ герой спартанскій, въ блестящемъ вооруженіи, сіяя предчувствіемъ безсмертной славы. Тамъ, на скалистыхъ высотахъ Эты, предокъ его Гераклъ изъ пламени земного страданія воспарилъ къ божескимъ высотамъ; здѣсь у подошвы горъ, онъ самъ удостоенъ, сражаясь и умирая, блистать впереди свободныхъ эллиновъ въ борьбѣ противъ чужеземнаго ига. Онъ предвидѣлъ, что геройская смерть его и его дружины наполнитъ всѣ эллинскія сердца большимъ мужествомъ, и возвышающее сознаніе быть для послѣдующихъ поколѣній блистательнымъ примѣ-

ромъ геройской гражданской доблести охватило его душу, сіяло изъ глазъ его, влилось въ сердца его братьевъ по оружію.

Послѣ того какъ онъ привелъ свою дружину въ порядокъ, ему показалось недостойнымъ, чтобъ они, какъ рѣшившіеся на смерть люди, прикрывались дольше тѣсниною и стѣной, и онъ вышелъ въ широкую часть ущелья, гдѣ вскорѣ столкнулся съ врагами. Тутъ ужь никто болѣе не думалъ защищать своей жизни, но думали лишь о томъ, какъ бы храбрыми подвигами пріобрѣсти себѣ славу.

Безчисленные персы, погоняемые ударами бичей своихъ вождей, пали подъ ихъ копьями, между ними также и два сводныхъ брата Ксеркса; другіе задохлись въ давкѣ и были растоптаны, третьи были загнаны въ болота.

Какъ скала, долгое время стоялъ Леонидъ въ пылу сраженія. Копья и стрѣлы летали мимо него и со звономъ ударялись о шлемъ и щитъ; наконецъ, онъ палъ смертельно раненый. Надъ трупомъ его бой запылалъ еще ожесточеннѣе. Четыре раза варваровъ обратили въ бѣгство; потомъ эллины, узнавъ о наступленіи Гидарна, съ тѣломъ своего героя отступили черезъ тѣснины. Съ восточной части ихъ, вблизи ключей, возвышается холмъ, теперь еще поросшій лавровыми деревьями, олеандрами, розмаринами, жасминомъ и многими душистыми травами, украшенный также тамъ и сямъ тѣнистыми платанами, вокругъ которыхъ пышно обвивается виноградная лоза богатыми гирляндами.

Къ западу отъ этого холма поднимаются крутые, часто прорѣзанные ущельями, склоны Эты, гдѣ между голыми скалами и темными лѣсами сверкаютъ серебристые ключи и ручьи. Къ востоку разстилаются болота и блестящая зеркальная поверхность Малійскаго залива, ограниченнаго на далекомъ горизонтѣ ѳессалійскими возвышенностями. Здѣсь, окруженные прелестной природой, посылая взоры черезъ сушу и море, въ послѣдній моментъ стояли усталые герои. Копья ихъ были сломаны, шлемы и щиты изрублены. Они обнажили короткіе мечи и, со всѣхъ сторонъ окруженные и атакуемые, вѣрно сражались до самой смерти. Такъ погибли герои Ѳермопилъ. Но подвигъ ихъ не забытъ; онъ носится передъ очами благородныхъ людей всѣхъ націй, готовыхъ отдать тлѣнное земное благо жизни за болѣе высокія блага. Кости Леонида и его храброй дружины впослѣдствіи были погребены на томъ мѣстѣ, гдѣ пали герои, и, по велѣнію засѣдавшихъ

здѣсь амфиктіоновъ, тамъ поставленъ былъ каменный левъ и воздвигнутъ памятникъ съ надписью:

„Странникъ, вѣсть принеси всѣмъ гражданамъ Лакедемона:
Вѣрно исполнивъ законъ, здѣсь мы въ могилѣ лежимъ".

Два воина, Эвритъ и Аристодемъ, по болѣзни глазъ были отосланы изъ лагеря еще раньше послѣдняго боя. Первый, когда услыхалъ объ опасности, надѣлъ доспѣхи и велѣлъ своимъ гелотамъ вести себя на поле битвы, гдѣ скоро нашелъ смерть. Аристодемъ же вернулся въ Спарту и вслѣдствіе этого былъ объявленъ безчестнымъ, такъ что никто не хотѣлъ имѣть съ нимъ сношеній, пока онъ отчаянной храбростью и славной смертью въ кровавомъ бою при Платеѣ не загладилъ своей вины.

Ѳивскій полемархъ Леонтіадъ и его гоплиты, которые противъ воли и повинуясь только принужденію приняли участіе въ битвѣ, во время ея просили помилованія и получили его, какъ друзья персовъ. Царь, однако, велѣлъ на всѣхъ ихъ наложить клеймо рабства, и они вынесли позоръ обезчещенными вернуться въ свой отечественный городъ.

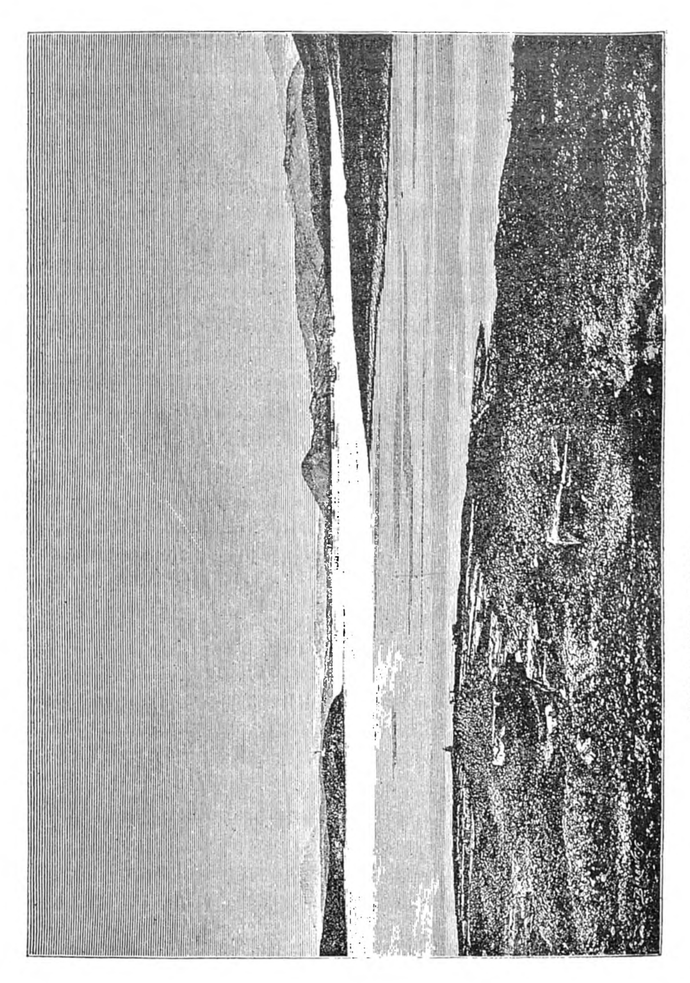
Черезъ открытый проходъ Ѳермопильскій волны войны неудержимо покатились по Элладѣ. Дорида, Локрида, Эвбея и Беотія безъ сопротивленія попали въ руки персовъ; только жители Ѳеспій и Платеи бѣжали къ Аѳинянамъ, не желая подчиниться и будучи, однако, сами по себѣ слишкомъ слабы для сопротивленія. Фокійцы бѣжали въ глушь Парнаса или къ морю и по немъ на Пелопоннесъ. Города ихъ погибли въ пламени. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей обезчещивали, убивали или уводили въ рабство. И въ дикую долину Плиста, ведущую къ Дельфамъ, вошли орды варваровъ, чтобъ похитить сокровища храма. Но надъ ними разразилась тяжкая непогода; громъ безпрестанно раскатывался по горамъ, между тѣмъ какъ изъ нагромоздившихся тучъ вырывались молніи. При ихъ сверканіи они увидѣли храмъ окруженнымъ вооруженными; въ то же время въ кучи взбиравшихся наверхъ ударяли ниспадающіе куски скалъ, градъ камней и стрѣлъ, такъ что они обратились въ бѣгство.

МОРСКОЕ СРАЖЕНІЕ ПРИ САЛАМИНѢ.

Главныя силы персовъ между тѣмъ надвигались на Аттику, у берега которой эллинскій флотъ стоялъ на якорѣ возлѣ острова Саламина. Когда здѣсь вожди аѳинскихъ эскадръ услышали,

что пелопоннесцы, вмѣсто того чтобъ встрѣтиться съ общимъ врагомъ ихъ въ Беотіи, думаютъ лишь объ укрѣпленіи и защитѣ Коринѳскаго перешейка, они поняли, что гибели ихъ родного города отвратить нельзя. Нѣкоторые изъ нихъ, между ними Ѳемистоклъ, поэтому лично отправились въ Аѳины, гдѣ они все нашли въ величайшемъ смущеніи и безпомощности, такъ что Ѳемистоклу только съ трудомъ и съ помощью всего своего вліянія и всего своего краснорѣчія удалось побудить народъ, въ виду неизбѣжнаго, къ мужественному рѣшенію. Посламъ аѳинскимъ въ Дельфахъ Пиѳіей было дано изреченіе, что они могутъ спастись только за деревянными стѣнами.

Ѳемистоклъ. Долго спорили о томъ, что понимать подъ спасительной деревянной стѣной; тогда Ѳемистоклъ вошелъ въ середину сомнѣвающихся гражданъ и въ краснорѣчивыхъ словахъ доказалъ, что богъ подразумѣваетъ подъ этимъ не что иное, какъ хорошо вооруженный флотъ, плавающій, какъ безопасная крѣпость, на дружественномъ морѣ и доставляющій убѣжище, если-бъ даже древній почтенный городъ обращенъ былъ въ груду мусора и пепла. Рѣчь его была такъ убѣдительна, что тотчасъ же Кимонъ, сынъ Мильтіада, такъ какъ-де государство не нуждалось во всадникахъ, но въ храбрыхъ бойцахъ на морѣ, во главѣ толпы знатнѣйшихъ юношей, повѣсилъ повода своей лошади въ храмѣ Аѳины, взялъ одинъ изъ прикрѣпленныхъ тамъ щитовъ и съ нимъ взошелъ на корабль. Большая часть гражданъ послѣдовала его примѣру. Они спасли, что можно было спасти, себя самихъ, женъ своихъ, дѣтей и рабовъ и все движимое имущество, которое можно было унести. Способные носить оружіе мужчины подкрѣпили экипажъ судовъ, безоружныхъ и имущество увезли на Саламинъ, или на Эгину и въ Трезенъ. Разсказываютъ, что во время переправы собака Ксанѳиппа, оставленная послѣднимъ, вплавь слѣдовала за кораблями до Саламина и затѣмъ, еще разъ взглянувъ на своего хозяина, издохла отъ чрезмѣрнаго напряженія. Нѣсколько стариковъ и нѣкоторое количество гражданъ изъ низшихъ сословій не захотѣли покинуть городъ. Они изреченіе оракула относили къ прежде укрѣпленному деревяннымъ частоколомъ акрополю и тамъ готовились къ защитѣ. Вскорѣ варвары ворвались въ городъ и съ Ареопага стали пускать зажигательныя стрѣлы въ крѣпость, вслѣдствіе чего осажденные попали въ

ВИДЪ ЗАЛИВА ОСТРОВА САЛАМИНА (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

крайне опасное положеніе. Но въ то время, какъ они, несмотря на то, пытались отразить натискъ враговъ на ворота, скатывая камни, послѣдніе взошли, наконецъ, на бывшую безъ надзора крутую сѣверную сторону крѣпости, избили защитниковъ и подожгли храмы. Поднявшіеся столбы пламени возвѣстили аѳинянамъ на флотѣ, что не стало болѣе ихъ родного города. Видъ этотъ былъ ужасенъ; но онъ не ослабилъ ихъ мужества, ибо они сохранили самое дорогое свое благо, свою свободу, и поняли, что теперь благосостояніе отечества покоится на ихъ доблести и на ихъ оружіи.

Напротивъ, вожди пелопоннесскихъ эскадръ сильно встревожились. Участь Аѳинъ, казалось имъ, означала и участь ихъ собственныхъ городовъ, если они не поспѣшатъ на ихъ охрану. Правда, флотъ былъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ при Артемисіѣ. Его составляли около 370 хорошо вооруженныхъ военныхъ судовъ, изъ которыхъ болѣе половины были аѳинскія. Различныя государства послали почти всѣ свои морскія силы; даже отъ Кротона, изъ Великой Греціи, прибылъ хорошо вооруженный корабль. Но все-таки опасались превосходства силъ персовъ. Большинство вождей поэтому высказалось за дальнѣйшее отступленіе къ Исѳму, чтобы тамъ на глазахъ пелопоннесскаго войска выдержать рѣшительный бой.

Глубоко опечаленный вернулся Ѳемистоклъ изъ военнаго совѣта. Но одинъ изъ его друзей ободрилъ его, предлагая сдѣлать послѣднюю попытку — побудить къ битвѣ главнокомандующаго Эврибіада. Ѳемистоклъ поэтому еще разъ пошелъ на корабль къ полководцу и въ трогательной рѣчи представилъ ему положеніе дѣлъ, именно, что если рѣшеніе будетъ исполнено, будутъ потеряны Саламинъ, Мегара и Эгина, что варвары могутъ высадиться на берегъ Пелопоннеса и сдѣлать защиту Исѳма безполезной, и много другихъ вещей.

Эврибіадъ снова созвалъ собраніе вождей флота, въ которомъ Ѳемистоклъ тотчасъ-же началъ говорить. Адимантъ, коринѳскій вождь, прервалъ его, воскликнувъ: „На состязаніяхъ тѣ, кто встаетъ преждевременно, терпятъ наказаніе“.—„Но тѣ, кто остается позади, никогда не увѣнчиваются“, возразилъ ему аѳинянинъ и затѣмъ обратился съ пылкой рѣчью къ Эврибіаду. Онъ указалъ ему, что въ его рукахъ спасеніе Эллады, что

битва въ узкомъ саламинскомъ проливѣ можетъ быть выиграна при помощи смѣлой отваги даже противъ превосходящихъ силъ, но не въ открытомъ морѣ у Исѳма, что только побѣдой въ этомъ мѣстѣ можно было-бы спасти Саламинъ и бѣжавшихъ туда женщинъ и дѣтей аѳинянъ и въ то же время также Мегару и Эгину, да даже цѣлый Пелопоннесъ, между тѣмъ какъ, покидая выгодную позицію, они все безъ единаго удара меча предали-бы варварамъ.

Ѳемистоклъ закончилъ свою рѣчь словами, имѣющими значеніе для всѣхъ временъ: „Если принимаешь разумное и мужественное рѣшеніе, то исходъ почти всегда благопріятенъ; если же поступаешь неразумно и малодушно, то и божество отказываетъ въ своемъ содѣйствіи“. Ему очень язвительно возразилъ Адимантъ, что у него нѣтъ больше отечества, поэтому онъ, человѣкъ безъ отечества, не смѣетъ принимать участія въ совѣщаніи другихъ. На это Ѳемистоклъ отвѣтилъ, что у него отечество больше, нежели у Коринѳа или какого-угодно эллинскаго государства, именно 200 кораблей, которые теперь—главная опора въ предстоящей всѣмъ бѣдѣ. Если хотятъ оказать этому отечеству презрѣніе и откажутся отъ совмѣстнаго сопротивленія варварамъ, то онъ своихъ соотечественниковъ съ Саламина возьметъ на корабли и поплыветъ въ Италію, гдѣ древнее изреченіе оракула обѣщаетъ имъ жилища на Сирисѣ, и оснуетъ тамъ другія, болѣе счастливыя Аѳины. Эта угроза рѣшила дѣло и стали приготовляться къ битвѣ. Когда же стали приходить одна вѣсть за другою, сообщая, что непріятельскій флотъ, усиленный и болѣе многочисленный, чѣмъ раньше, сталъ на якорѣ въ фалерской гавани и у берега возлѣ нея, въ то время какъ главное войско варваровъ подступаетъ къ Пелопоннесу, тогда мужество вождей пало, и пелопоннесцы бурно стали требовать отъ главнокомандующаго немедленно приказать отступленіе, такъ какъ-де въ случаѣ пораженія погибли-бы всѣ морскія силы эллиновъ.

Хитрость Ѳемистокла. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи Ѳемистоклъ прибѣгнулъ къ шагу, который столько же былъ доказательствомъ его смѣлости, сколько и хитрости, никогда не затруднявшейся въ выходѣ. Именно, онъ тайкомъ послалъ вѣрнаго слугу своего Сикинна, воспитателя своихъ дѣтей, къ начальнику непріятельскаго флота, и велѣлъ сказать ему, что эллины

думаютъ только о бѣгствѣ, что ихъ теперь можно было-бъ уничтожить однимъ ударомъ, а иначе пришлось-бы преодолѣвать ихъ во многихъ отдѣльныхъ битвахъ. Этотъ совѣтъ казался совѣтомъ тайнаго друга, желавшаго великому царю побѣды и славы. А такъ какъ уже заранѣе было назначено нападеніе на эллиновъ, то рѣшили извлечь выгоду изъ предложенія. Персидскій флотъ расположенъ былъ отъ Фалера при Аѳинахъ до мыса Сунія. Состоявшее изъ финикійцевъ правое крыло получило теперь приказъ плыть мимо Саламина и западнымъ проходомъ завернуть въ заливъ Элевсинскій. Туда-же поплылъ и центръ флота, который составляли тріэры Киликіи, Кипра и Египта. По ту сторону горнаго хребта Эгалея онъ снова соединился съ финикіянами, въ то время какъ іоняне и карійцы лѣваго крыла, слѣдуя движенію, заканчивали полукругъ вокругъ эллинскаго флота. Имъ служилъ опорнымъ пунктомъ занятый персидскими воинами островокъ Пситталія у восточнаго входа морского пролива; прочія эскадры нашли опору въ персидскихъ сухопутныхъ силахъ, простиравшихся отъ Аѳинъ за самый Элевсинъ. Всю ночь длились движенія; къ утру предположенное построеніе удалось, и адмиралъ Ахеменъ при видѣ тѣсно сомкнутаго кольца могъ считать несомнѣнной блестящую побѣду.

Все еще спорили начальники греческаго флота, собравшіеся у Эврибіада, когда вдругъ Ѳемистокла вызвали изъ засѣданія. Взойдя на палубу, онъ увидѣлъ предъ собой того, кому онъ нѣкогда нанесъ горькую обиду—изгнаннаго Аристида. Послѣдній въ бѣдствіи отечества забылъ всю понесенную несправедливость и съ крайней для себя опасностью прибылъ на эгинскомъ кораблѣ, чтобъ объявить своимъ землякамъ о томъ, что эллинскій флотъ запертъ персами, и о необходимости битвы. „Ѳемистоклъ“, сказалъ онъ, „теперь наступило время, и оно должно-бы быть всегда, спорить намъ другъ съ другомъ о томъ, кто изъ насъ оказываетъ отечеству наибольшее благодѣяніе. Поэтому я теперь приношу извѣстіе отъ варваровъ. Они выстроились вокругъ насъ, и пусть теперь пелопоннесцы продолжаютъ говорить объ отъѣздѣ; нѣтъ ужь больше выхода кромѣ того, который мы откроемъ себѣ оружіемъ“.

„Ты счастливый вѣстникъ“, возразилъ Ѳемистоклъ, „ибо случилось то, чего я желалъ. Иди-же теперь самъ къ начальникамъ

и доложи, какъ обстоитъ дѣло".—Настало утро, корабли снялись съ якоря; вожди, теперь ужь больше не колеблясь, увѣщевали храбро сражаться. Со всѣхъ сторонъ наступали варвары, между тѣмъ какъ эллины медленно гребли назадъ въ узкую часть залива. Послышались тамъ и сямъ громкіе крики: „Трусы, долго-ли еще будете отступать!" Въ то же время съ кораблемъ аѳинянина Аминіи, брата великаго поэта Эсхила, сцѣпился финикійскій; съ обѣихъ сторонъ поспѣшили на помощь, и сраженіе стало всеобщимъ. Противъ аѳинянъ, къ сѣверу, въ направленіи къ Элевсину, бились финикійцы, противъ пелопоннесцевъ на восточномъ крылѣ боевой линіи сражались іоняне. Битва сдѣлалась упорною, и въ началѣ, пока съ обѣихъ сторонъ сражались порознь, варвары одолѣли много эллинскихъ кораблей; но когда эллины возстановили свой порядокъ и съ ловкостью и смѣлостью стали двигаться въ тѣсномъ проливѣ, дѣло приняло другой оборотъ.

Побѣда грековъ. Ксерксъ уже заранѣе велѣлъ воздвигнуть себѣ тронъ на выступѣ горнаго хребта Эгалея, къ юго-западу отъ Аѳинъ. Онъ весело глядѣлъ на море и на разбросанные по немъ острова. Вотъ расположилась его несмѣтная армада съ гордымъ видомъ, тамъ выступали Пситталійскія скалы, далѣе видѣлъ онъ тѣсно скучившійся флотъ эллиновъ, позади его голыя высоты Саламина, откуда выглядывали толпы гоплитовъ и стариковъ, женщинъ и дѣтей, напряженно ждавшихъ исхода кроваваго зрѣлища. Взоръ его простирался до самыхъ горныхъ вершинъ Пелопоннеса, который, какъ думалъ онъ, скоро долженъ былъ стать подвластнымъ ему. Когда началась битва, Ксерксъ обратилъ свое вниманіе на то небольшое пространство, гдѣ она свирѣпствовала.

И вотъ онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ флотъ его тамъ и сямъ пришелъ въ безпорядокъ, какъ передніе корабли отступили, задніе же двинулись впередъ, какъ они другъ другу въ тѣснотѣ переломали рули и весла и этимъ нанесли себѣ большой вредъ, какъ эгинцы побѣдоносной силой прорвали массы его лѣваго крыла, какъ и финикіяне и египтяне отступили передъ аѳинянами и еще болѣе увеличили безпорядокъ, давку въ направленіи къ восточному выходу морского пролива. Правда, царь замѣчалъ отдѣльные храбрые подвиги начальниковъ своихъ кораблей, но онъ въ то же время видѣлъ, что они не могли возстановить порядокъ, отвра-

тить пораженіе. Съ большой храбростью сражались корабли карійской царицы Артемизіи, также и суда самосцевъ. Военный корабль съ Самоѳракіи потопилъ аѳинскій, но затѣмъ самъ сталъ тонуть отъ удара эгинскаго; однако, экипажъ его одолѣлъ эгинцевъ своими стрѣлами и взошелъ на ихъ корабль, между тѣмъ какъ обломки ихъ собственнаго оттолкнулъ прочь.

Ѳемистоклъ кинулся на высокій корабль Ахеменида Аріабигна, который встрѣтилъ его облаками стрѣлъ. Но въ то же время, названный уже выше, смѣлый Аминія пронзилъ его мѣднымъ клювомъ своей галеры, и когда храбрый персъ, братъ царя Ксеркса, со свитой своей вскочилъ на непріятельскій корабль, гоплиты встрѣтили его своими копьями и столкнули его въ море. Эгинецъ Крій, взявшій на глазахъ у Ѳемистокла сидонскій корабль, крикнулъ аѳинянамъ: „такъ доказываютъ эгинеты свой мидійскій образъ мыслей!“ Все болѣе и болѣе возрастало смятеніе и ужасъ среди варваровъ, такъ что ихъ полководцы скоро стали заботиться не о побѣдѣ, а только о спасеніи.

Эллины не выказали себя медлительными въ преслѣдованіи; много кораблей они потопили, другіе же захватили побѣдоносной рукой. Царица Артемизія спаслась отъ своихъ преслѣдователей только тѣмъ, что ея тріэра набѣжала на преграждавшій ей путь персидскій корабль и потопила его. Все, что могло спастись отъ персидскаго флота, бѣжало къ Фалеру, гдѣ выстроилась, для защиты, часть сухопутнаго войска; персидскій гарнизонъ на Пситталіѣ, послѣ тщетнаго сопротивленія, палъ отъ копій гоплитовъ, высадившихся подъ начальствомъ Аристида.

Слѣдующій день греки употребили на то, чтобъ исправить свои во многихъ отношеніяхъ поврежденные корабли и приготовить ихъ къ возобновленію битвы. Они ожидали второго морского сраженія, такъ какъ персы готовились построить мостъ для перехода на Саламинъ. Но когда эллинскій флотъ на слѣдующее утро сталъ отыскивать варваровъ, онъ нашелъ фалерскую гавань пустою. Онъ доплылъ до самаго Андроса, не встрѣтивъ врага. Здѣсь стали совѣщаться о томъ, что предпринять. Озлобленные аѳиняне настаивали на продолженіи преслѣдованія, чтобъ по возможности отрѣзать царю путь къ отступленію; но пелопоннесцы высказали мнѣніе, что совершенно безумно удерживать огромныя силы варваровъ въ сердцѣ Греціи, и Ѳемистоклъ также присоеди-

нился къ этому мнѣнію, послѣ того какъ было отражено нападеніе на преданный персамъ Андросъ.

Царь Ксерксъ послѣ великаго пораженія потерялъ все довѣріе къ самому себѣ и къ своимъ военнымъ силамъ. Флотъ, утратившій болѣе 200 кораблей и около 50,000 человѣкъ, правда, былъ еще достаточно многочисленъ, чтобъ одолѣть эллиновъ въ открытомъ морѣ; но царь, какъ и его царственный совѣтъ поняли, что отъ павшихъ духомъ воиновъ нельзя болѣе ожидать побѣды. Поэтому онъ приказалъ имъ отступить къ Геллеспонту, чтобъ обезпечить переходъ сухопутнаго войска въ Азію. Охотнѣе всего онъ самъ тутъ же бы сѣлъ на корабль, такъ какъ онъ потерялъ охоту къ войнѣ съ отчаянными противниками. Но съ другой стороны онъ не желалъ вернуться въ свое царство бѣглецомъ безъ войска и оружія.

Пораженіе Мардонія. Тогда Мардоній, который, какъ главный виновникъ неудавшагося похода, опасался за свою голову, предсталъ передъ очи царя и взялся съ 300,000 отборныхъ воиновъ подчинить ему всю эллинскую страну. Онъ указалъ, что большая масса только мѣшаетъ, но что не большое, но храброе войско легко одержитъ побѣду надъ слабыми, несогласными между собой народами Греціи. Онъ вѣроятно обратилъ его вниманіе и на позднее время года, затрудняющее-де прокормленіе большой массы. Дѣло въ томъ, что знаменательная битва дана была 20 сентября; поэтому нужно было имѣть въ виду приближеніе зимы. Царь съ радостью согласился на планъ своего полководца. Онъ велѣлъ выдѣлить храбрѣйшихъ и лучше всего вооруженныхъ людей, особенно персовъ, мидянъ, саковъ и другихъ, по выбору Мардонія, и передалъ послѣднему главное начальство надъ этимъ войскомъ, между тѣмъ какъ самъ съ прочими войсками началъ отступленіе.

До Ѳессаліи, гдѣ Мардоній остался перезимовать, войска шли въ сносномъ порядкѣ; но потомъ наступило тяжкое разстройство, такъ какъ не позаботились о продовольствіи для нихъ. Мечъ дикихъ народовъ, которые противились грабежу, голодъ и заразныя болѣзни произвели опустошеніе среди не слушавшихся уже никакой команды шаекъ. Такъ непокорная толпа, насколько изъ среды ея избѣжало смерти, около середины ноября 480 г. добралась до Геллеспонта. Бури разрушили мосты, но найдены были корабли для переправы.

Эллины послѣ неудавшагося нападенія на Андросъ вернулись къ Саламину и не думали дальше извлекать выгоды изъ славной побѣды. Даже сухопутное войско на Исѳмѣ тотчасъ-же поспѣшило разойтись, вмѣсто того, чтобъ выступить въ Беотію навстрѣчу Мардонію, который держалъ занятыми Ѳермопильскіе проходы, и принудить его къ битвѣ. Не тревожась о непріятелѣ, стратеги у Саламина роздали добычу и не забыли также принести богатые дары богамъ, въ особенности дельфійскому Аполлону. Когда они затѣмъ стали подавать голоса относительно награды за храбрость, то отдѣльные военачальники выказали себя, по правдѣ сказать, не слишкомъ скромными. Именно первый голосъ всякій подалъ за себя самого, а второй ужъ большинство подало въ пользу Ѳемистокла. Хотя поэтому и не пришли къ рѣшенію, все-же имя Ѳемистокла стали славить во всей Элладѣ, а когда онъ прибылъ въ Спарту, то его осыпали тамъ большими почестями, и 300 знатныхъ гражданъ даже сопровождали его до границы Тегеи, честь, какой не удостоился до этого еще ни одинъ чужестранецъ. Однако, эти отличія возбудили зависть даже въ его родномъ городѣ, и на слѣдующій годъ аѳиняне не выбрали его въ стратеги.

БИТВЫ ПРИ МИКАЛЕ И ПЛАТЕѢ.

АѲИНЯНЕ вернулись въ свой отечественный городъ и поспѣшно, какъ того требовало позднее время года, вновь выстроили свои жилища, превращенныя въ пепелъ. Весна призвала ихъ и прочихъ эллиновъ къ новой дѣятельности. Они стащили корабли въ море и въ количествѣ 110 парусовъ поплыли къ Делосу. Тамъ они остановились; ибо что лежало за этимъ островомъ вплоть до Самоса казалось имъ въ тѣ времена почти такимъ же далекимъ, какъ столбы Геракла, и они думали, что тамъ должно быть много мидійскаго народа, готоваго къ оборонѣ.

Наконецъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда явились надежные послы съ Самоса и объявили о готовности этого острова, какъ и всей Іоніи, къ сверженію ига варваровъ, они поплыли дальше. Но они не нашли уже болѣе непріятельскаго флота выстроеннымъ у Самоса; финикіяне отправились на свою родину, остальные же корабли экипажъ ихъ вытащилъ на берегъ

у далеко вдающихся въ море горъ Микале, напротивъ Самоса, и соединились тамъ для ихъ защиты съ многочисленнымъ персидскимъ сухопутнымъ войскомъ.

Леотихидъ при Микале. Командиромъ эллинскаго флота былъ спартанскій царь Леотихидъ. Послѣдній призвалъ Ксанѳиппа, аѳинскаго начальника, и прочихъ начальниковъ кораблей на совѣщаніе, и по его предложенію рѣшено было напасть на врага въ его укрѣпленіяхъ: Леотихидъ былъ человѣкъ мужественный, предпріимчивый, стремившійся къ побѣдной славѣ и, если-бъ онъ располагалъ большими силами, то прямо двинулся бы на Сарды.

Высадка совершена была безъ затрудненій. На крылѣ у моря стояли аѳиняне подъ начальствомъ Ксанѳиппа; центръ составляли войска изъ Коринѳа, Сикіона и Трезена, къ которымъ примыкали мегаряне и эгинцы, другое крыло занимали спартіаты. Общее число эллинскихъ войскъ доходило до 3,500 человѣкъ гоплитовъ, противъ по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ сильнѣйшихъ военныхъ силъ враговъ. Персы заняли позицію передъ своимъ укрѣпленнымъ лагеремъ и закрыли себя плетеными щитами, поставленными въ видѣ бруствера. Когда раздался сигналъ къ нападенію, внезапно по рядамъ грековъ пронесся слухъ, будто въ этотъ же день въ Элладѣ одержана славная побѣда, и тогда воины радостно запѣли боевую пѣснь и храбро стали наступать,—аѳиняне съ половиной войска по ровному побережью, лакедемоняне черезъ высоты и ущелья. Аѳиняне поэтому первыми добрались до врага, который долгое время защищался отъ нихъ, прикрытый благопріятной позиціей и плетеными щитами, но, наконецъ, отступилъ за укрѣпленія изъ камней, при палисадникѣ. Однако аѳиняне проникли туда вмѣстѣ съ нимъ, послѣ чего варвары, за исключеніемъ собственно персовъ, обратились въ бѣгство; послѣдніе сражались съ неустрашимымъ мужествомъ, и ихъ нельзя было одолѣть никакимъ образомъ, пока не подошли лакедемоняне. Тогда всякое сопротивленіе было сломлено; въ то же время возмутились обезоруженные самосцы, а милетцы и другіе іоняне напали у горъ на бѣжавшія персидскія войска, завершили пораженіе и отомстили за своихъ братьевъ, умерщвленныхъ нѣкогда варварами.

Послѣ этой рѣшительной побѣды, при которой персы, какъ передаютъ, потеряли 40,000 человѣкъ, Леотихидъ направился на

сѣверъ къ Геллеспонту. Онъ хотѣлъ сломать мостъ, построенный Ксерксомъ черезъ проливъ между Абидосомъ и Сестомъ. Но когда онъ увидѣлъ его уже разрушеннымъ вѣтрами и волнами, онъ, несмотря на возраженія аѳинскихъ тріэрарховъ, счелъ походъ оконченнымъ и повернулъ назадъ къ родинѣ. Ксанѳиппъ, напротивъ, на свой страхъ продолжалъ войну, чтобъ совершенно отрѣзать персамъ возвращеніе черезъ Геллеспонтъ. Ѳракійскій Херсонесъ, старое владѣніе Мильтіада, онъ хотѣлъ завоевать снова, поэтому онъ осадилъ сильную крѣпость Сестъ. Херсонесцы, жаждая свергнуть иго варваровъ, оказали мощное содѣйствіе. Тщетно персидскій начальникъ, жестокій, но храбрый человѣкъ, оказывалъ упорнѣйшее сопротивленіе: аѳиняне, сами пренебрегая невзгодами зимы, продолжали блокаду, пока голодъ не сломилъ сопротивленія гарнизона. Начальникъ его, правда, пытался еще пробиться, но былъ побѣжденъ въ кровавой схваткѣ и въ наказаніе за преступленіе, совершенное по отношенію къ одному эллинскому святилищу, былъ жестоко казненъ.

Съ наступленіемъ весны, однако, тронулся въ Ѳессаліи Мардоній, чтобъ сдержать слово, данное царю. Медленно прошелъ онъ черезъ открытыя Ѳермопилы, не наталкиваясь здѣсь ни на малѣйшее сопротивленіе; локряне, беотійцы и фокійцы, добровольно или по принужденію, присоединились къ нему и подкрѣпили его войска; Мардоній надѣялся склонить на свою сторону и аѳинянъ. Онъ чрезъ македонскаго царя Александра, связаннаго узами гостепріимства съ аѳинскимъ государствомъ, обѣщалъ имъ построеніе вновь храмовъ и жилищъ ихъ, увеличеніе ихъ области и полную свободу, еслибъ они заключили съ нимъ союзъ, въ противномъ случаѣ грозилъ имъ вторичнымъ опустошеніемъ. На это совѣтъ пятисотъ, съ согласія своего народа, далъ замѣчательный отвѣтъ: „пока солнце совершаетъ путь свой по небесамъ, мы не заключимъ союза съ Ксерксомъ, но смѣло пойдемъ противъ него, уповая на помощь боговъ и героевъ, святилища которыхъ онъ преступно опустошилъ“.

Посламъ спартанскимъ, прибывшимъ, чтобъ разстроить поддерживаемые Александромъ мирные переговоры, аѳиняне отвѣтили подобнымъ же образомъ, но потребовали, чтобъ немедленно собраны были всѣ спартанскія силы для оказанія помощи.

Спартанцы между тѣмъ по узкоразсчетливой, эгоистической

политикѣ медлили съ помощью и думали только о защитѣ Пелопоннеса. Поэтому варвары безпрепятственно разлились по аттической области и, когда ихъ неоднократныя мирныя предложенія были отвергнуты, опустошили города и храмы также безпощадно, какъ и при первомъ вторженіи, между тѣмъ какъ населеніе коекакъ скрылось на Саламинѣ и на корабляхъ.

Въ своемъ затруднительномъ положеніи бѣглецы отправили пословъ въ Спарту, увѣщевая немедленно выступить. Но герусія откладывала отвѣтъ со дня на день, пока наконецъ Х и л е й, благомыслящій мужъ изъ Тегеи, не представилъ необходимости удерживать Аѳины при союзѣ, если не желаютъ, чтобъ ворота Пелопоннеса были для перса открыты, когда и гдѣ онъ пожелаетъ. Его доводы были такъ убѣдительны, что тотчасъ-же назначены были 5000 гражданъ города, изъ которыхъ у каждаго была свита изъ семи легковооруженныхъ гелотовъ, для выступленія противъ варваровъ. При всегда готовомъ къ бою состояніи населенія, выступленіе подъ начальствомъ опытнаго въ войнѣ, но колеблющагося и нерѣшительнаго царя П а в с а н і я, сына Клеомброта, могло произойти еще въ ту же ночь послѣ принятія рѣшенія. А аѳинскіе послы на слѣдующее утро, когда они съ угрозами хотѣли уѣхать, узнали, что въ теченіе ночи уже выступили на сѣверъ 5000 тяжеловооруженныхъ спартанцевъ и 35,000 гелотовъ. Такихъ военныхъ силъ спартанцы не выставляли еще во внѣшнихъ войнахъ, и Мардоній, узнавшій объ этомъ отъ аргивянъ, тотчасъ же изъ истощенной Аттики отступилъ въ Беотію, гдѣ дружественныя Ѳивы съ ихъ богатыми припасами избралъ опорнымъ пунктомъ и нашелъ подходящую почву для своей отличной конницы.

Битва при Платеѣ. Между горной цѣпью, тянущейся на востокъ отъ Геликона, и вздымающимися на югѣ горами Киѳерона и Парнеса разстилаются плодоносныя поля, которыя, частью ровныя, частью холмистыя, ограничиваютъ рѣку Асопъ. Многочисленныя воды стекаютъ съ горъ и такъ надуваютъ рѣку послѣ сильныхъ проливныхъ дождей, что она выступаетъ изъ береговъ. На западномъ концѣ, гдѣ горы приближаются другъ къ другу, лежала П л а т е я, и вблизи ея поле, окруженное двумя рукавами ручья Эрои и называвшееся о с т р о в о м ъ. На противоположной восточной сторонѣ обширной долины Мардоній устроилъ укрѣпленный лагерь на возвышенности къ сѣверу отъ Асопа и при-

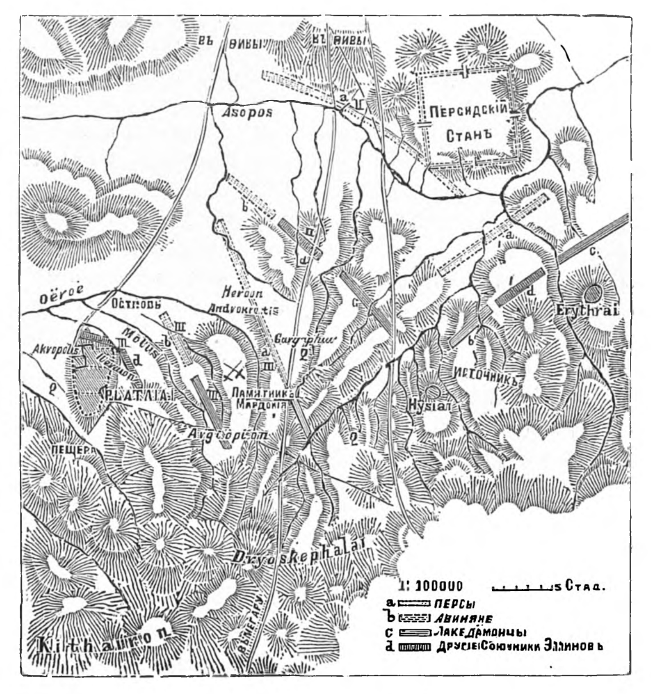
звалъ туда грековъ, расположенныхъ къ персамъ. Впрочемъ, палатки персовъ и ихъ союзниковъ простирались и на южномъ берегу рѣки вплоть до области Эриѳръ и Гисій. Вскорѣ Мардоній получилъ вѣсть о наступленіи соединенныхъ греческихъ боевыхъ силъ. Ядро эллинскаго войска составляли 5,000 гоплитовъ изъ Спарты, и столько-же изъ другихъ городовъ Лаконіи, съ 35,000 легковооруженныхъ гелотовъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Павсанія; затѣмъ, предводимые безстрашнымъ Аристидомъ, 8,000 гоплитовъ изъ Аѳинъ и 600 изъ Платеи, 5,000 воиновъ изъ Коринѳа, 1,500 тегейцевъ, отряды изъ Мегаръ, изъ Аркадіи и другихъ областей мало-по-малу примкнули къ главному войску, такъ что общее число эллинскихъ боевыхъ силъ составляло приблизительно 110,000 человѣкъ.

Павсаній съ войскомъ перешелъ высоты Киѳерона, но на склонѣ остановился, увидѣвъ персидскія массы, расположенныя лагеремъ на равнинѣ. Одинъ крайній передовой постъ изъ мегарцевъ постоянно безпокоили персидскіе эскадроны. Съ насмѣшливыми криками по адресу трусливыхъ эллиновъ, не рѣшавшихся спуститься въ равнину, подлетали всадники и осыпали ихъ своими мѣтко-пущенными метательными копьями и стрѣлами, сразившими много храбрецовъ. Мегарцы отказались ждать дольше на этомъ опасномъ посту. Такъ какъ вопросъ Павсанія, кто готовъ двинуться на этотъ опасный пунктъ и смѣнить мегарцевъ, у другихъ не находилъ отвѣта, то, наконецъ, на ихъ мѣсто стали триста аѳинянъ, подкрѣпленные отборными стрѣлками изъ лука. И противъ нихъ продолжались нападенія персидскихъ эскадроновъ, которые налетали и снова ускакивали, пустивъ свои стрѣлы и копья.

Этими смѣлыми и безпрестанными нападеніями руководилъ Макистій, храбрый и пользовавшійся почетомъ военачальникъ, который, украшенный золотымъ чешуйчатымъ панцыремъ и пурпуровымъ полукафтаномъ, скакалъ на бѣломъ низейскомъ конѣ съ золотой уздечкой. Но вотъ внезапно при новой атакѣ конь его, пораженный стрѣлой, упалъ, и самъ онъ послѣ храбраго сопротивленія былъ убитъ подоспѣвшими эллинами. Какъ только всадники замѣтили потерю любимаго предводителя, всѣ они подскакали сомкнутыми массами, оттѣснили кучку аѳинянъ и овладѣли трупомъ. Одновременно, однако, прибѣжали много-

численные воины изъ главнаго эллинскаго войска, и послѣ кровопролитной рѣзни мертвое тѣло осталось за греками.

Велико было ликованіе и веселіе побѣды въ греческомъ лагерѣ, когда трупъ красиваго, статнаго, страшнаго воина везли по отрядамъ, чтобъ всякій могъ его видѣть, и такъ-же велика была печаль и уныніе въ персидскомъ войскѣ. Теперь Павсаній, обод-

ПЛАНЪ БИТВЫ ПРИ ПЛАТЕѢ.

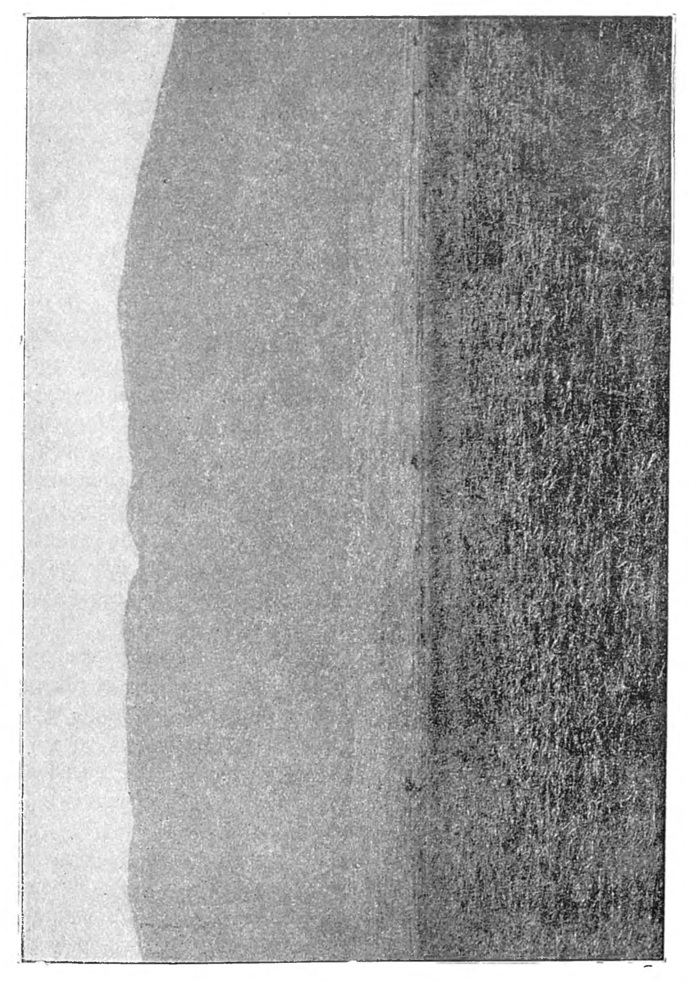
ренный успѣхомъ, въ то же время побуждаемый недостаткомъ воды на высотахъ Киѳерона, подался впередъ на западъ къ источнику Гаргафіи, удаленному приблизительно на часъ пути къ востоку отъ Платеи. Здѣсь сначала возникъ споръ между тегейцами и аѳинянами за преимущество въ лагерѣ и въ бою. Первые выхваливали свои геройскіе подвиги и утверждали, что только имъ послѣ лакедемонянъ слѣдуетъ почетное мѣсто. Аѳи

няне, хотя и перечислили свои подвиги, чтобы обосновать свою претензію на второе мѣсто, но они кончили словами: „Здѣсь не мѣсто спорить изъ-за пустого почета, а слѣдуетъ съ оружіемъ ради общаго отечества доказать неустрашимое мужество противъ врага. Поэтому мы готовы, лакедемоняне, принять всякій постъ, куда и противъ кого вы насъ ни поставите. Гдѣ мы будемъ стоять, мы будемъ сражаться, какъ мужи. Предводительствуйте, мы не отстанемъ“. Вѣроятно рѣчь эту одержалъ Аристидъ, такъ какъ она соотвѣтствуетъ его нетребовательной скромности и его неустрашимому мужеству. Лакедемоняне единодушно признали предводительство лѣвымъ крыломъ, какъ второе почетное мѣсто, за аѳинянами, тегейцевъ же они взяли, какъ любезныхъ товарищей, къ себѣ на правое крыло.

Противъ лакедемонянъ и тегейцевъ Мардоній выстроилъ въ боевомъ порядкѣ многочисленные отряды собственно персовъ, на храбрость которыхъ онъ полагался всего болѣе; центръ его боевой линіи составляли мидяне, бактрійцы, индійцы и саки, противъ аѳинянъ и платейцевъ онъ поставилъ ѳиванцевъ и прочихъ союзниковъ изъ Эллады, Македоніи и Ѳессаліи.

Между тѣмъ на сторонѣ грековъ жертвоприношенія не благопріятствовали риску битву. И у Мардонія, хотя бывшаго другой вѣры, ради союзниковъ былъ жертвенный жрецъ въ лагерѣ, и тотъ тоже нашелъ несчастливыя примѣты. Такъ какъ, по изреченію жрецовъ, примѣты оказались благопріятными только для обороны, то оба войска восемь дней оставались въ бездѣйствіи. Въ одномъ собраніи, созванномъ персидскимъ главнокомандующимъ, ѳивскіе начальники дали совѣтъ прежде всего безпокоить врага многочисленной конницей, перехватывать въ тылу его ежедневно прибывавшія подкрѣпленія и особенно подвозъ съѣстныхъ припасовъ, и, наконецъ, подкупить богатыми подношеніями персидскаго золота главъ различныхъ союзныхъ государствъ, вслѣдствіе чего, какъ они думали съ увѣренностью, вскорѣ возникли-бы среди эллиновъ расколъ и распаденіе.

Артабазъ, второй полководецъ персидскаго войска, одобрилъ этотъ совѣтъ, и Мардоній, хотя полный надежды на побѣду, уступилъ на первое время. Прежде всего поэтому отряды всадниковъ возобновили свои безпрестанныя нападенія. Въ ночь съ восьмого на девятый день они заняли важнѣйшій изъ ведшихъ

ПОЛЕ СРАЖЕНІЯ ПРИ ПЛАТЕѢ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

черезъ Киѳеронъ проходовъ, такъ называемыя дубовыя головы, и овладѣли уже на слѣдующее утро 500 нагруженныхъ вьючныхъ животныхъ, предназначенныхъ для эллинскаго войска, перебили конвой и увели добычу въ свой лагерь. Точно также они рыскали вдоль Асопа и пускали свои убійственныя стрѣлы, такъ что эллины днемъ не рѣшались больше черпать воду. Несмотря на это, они оставались на своей позиціи. Тогда, наконецъ, Мардоній рѣшилъ самъ предпринять нападеніе на слѣдующій день. Ночью къ аѳинскимъ передовымъ постамъ явился отдѣльный всадникъ и пожелалъ говорить съ начальниками. Когда тѣ явились, онъ сказалъ: „Слушайте вы, эллины, будьте готовы къ слѣдующему дню, ибо Мардоній думаетъ напасть на васъ. А я— Александръ, царь Македонскій, и если Зевсъ даруетъ вамъ побѣду, то не забудьте, что я, какъ другъ, предупреждалъ васъ". Когда Павсаній утромъ узналъ объ этомъ разговорѣ, то онъ приказалъ аѳинянамъ занять позицію напротивъ персовъ, потому что они-де уже не разъ сражались съ ними въ бою; но Мардоній теперь тоже измѣнилъ свой боевой порядокъ, и это измѣненіе происходило неоднократно, такъ что въ концѣ концовъ спартанцы все-таки увидѣли напротивъ себя отборныя войска персидскаго войска. Внезапно на всей линіи появились персидскіе конные отряды, которые пронеслись мимо эллиновъ, нанесли имъ большой ущербъ своими стрѣлами и копьями и засыпали источникъ Гаргафію.

Греческіе вожди тогда стали совѣщаться, какія имъ принять мѣры, такъ какъ къ недостатку въ съѣстныхъ припасахъ грозилъ прибавиться недостатокъ воды. Поэтому рѣшили въ слѣдующую ночь отправиться на западъ по направленію къ Платеѣ на островъ ручья Эрои и оттуда отослать половину войска къ Киѳерону, чтобъ снова занять проходъ дубовыхъ главъ и сопроводить задержанные транспорты въ лагерь.

Согласно этому рѣшенію, тотчасъ-же съ наступленіемъ темноты тронулись коринѳяне и остальныя войска центра. Но они были въ тревогѣ, какъ-бы персидскіе конные отряды неожиданно не напали на нихъ во тьмѣ, и поэтому такъ ускорили свой маршъ, что онъ, наконецъ, превратился въ дикое бѣгство. Они остановились не раньше, чѣмъ достигли высоты Платеи. Тамъ, у далеко виднѣвшагося храма Геры они въ изнеможеніи заняли

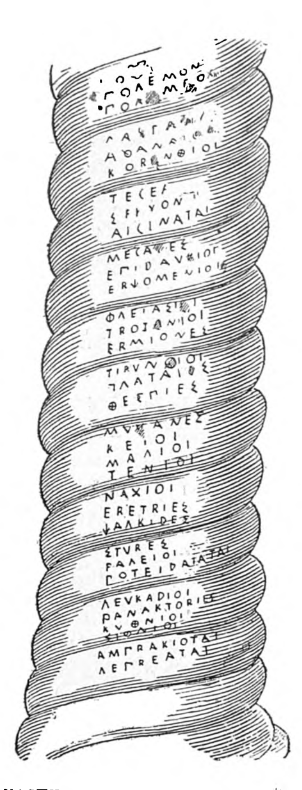
позицію, не отправляясь, какъ было приказано, къ такъ называемому острову.

Аѳиняне, бывшіе осмотрительнѣе и неустрашимѣе ихъ, до выступленія послали вѣстника къ лакедемонянамъ за болѣе подробными вѣстями. Тотъ нашелъ Павсанія въ горячемъ спорѣ съ Амомфаретомъ, начальникомъ храбраго отряда, который прямо заявилъ ему, что выше приказовъ главнокомандующаго стоятъ законы Спарты, а они требуютъ, чтобъ онъ не отступалъ передъ чужеземцами ни на волосъ. Въ то же время онъ бросилъ къ ногамъ полководца громадный булыжникъ, восклицая, что этимъ камешкомъ онъ подаетъ голосъ за то, чтобъ охотнѣе умереть въ битвѣ съ чужеземцами, чѣмъ отступить. Павсаній назвалъ его безумнымъ, затѣмъ обратился къ вѣстнику и поручилъ ему объявить аѳинянамъ о положеніи дѣлъ и пригласить ихъ по возможности руководствоваться дѣйствіями лакедемонянъ.

Пока ссорились такимъ образомъ, на горахъ показался первый свѣтъ утренней зари. Тогда Павсаній, не обращая вниманія на остающійся отрядъ, приказалъ тронуться. Лакедемонскія силы двинулись по передовымъ высотамъ Киѳерона къ ручью Эроѣ, между тѣмъ какъ аѳиняне, расположенные лагеремъ западнѣе, пошли туда-же болѣе глубокой долиной. Первыя достигли храма Деметры, находившагося посреди полей, и тамъ дожидались упрямаго Амомфарета, который все-таки, наконецъ, рѣшился слѣдовать со своей морой за войскомъ. Утренняя заря, однако, разбудила и персидскихъ всадниковъ, которые тотчасъ-же переправились черезъ Асопъ и, найдя лагерь пустымъ, погнались вслѣдъ за эллинами. Аѳиняне, бывшіе впереди и подвигавшіеся въ глубинѣ долины, не могли быть ими замѣчены, но за то они увидѣли лакедемонянъ, доспѣхи которыхъ блестѣли на утренней зарѣ. Едва мора Амомфарета достигла главнаго войска, какъ персы стали окружать послѣднее, по своему обыкновенію, съ криками и бросая убійственныя стрѣлы, и мѣшали дальнѣйшему отступленію черезъ открытое со всѣхъ сторонъ поле.

Мардоній скоро получилъ объ этомъ извѣстіе. Теперь ужъ онъ не обуздывалъ дольше своей жажды вступить въ битву. Онъ воображалъ, что все эллинское войско обратилось въ бѣгство и тотчасъ-же тронулся съ воинственными персидскими отрядами для поспѣшнаго

преслѣдованія. Какъ только прочіе народы замѣтили это, они въ пестрѣйшей тѣснотѣ, безъ порядка послѣдовали за ними, такъ что все поле вокругъ покрыто было варварами. Вся тяжесть боя пала на лакедемонянъ и ихъ храбрыхъ товарищей, тегейцевъ; ибо на аѳинянъ, собравшихся-было оказать быструю помощь, одновременно напали ѳивяне и ихъ союзники.

Надпись на жертвенникѣ, найденномъ на полѣ битвы, при Платеѣ (съ перечисленіемъ городовъ, участвовавшихъ въ битвѣ).

При видѣ спартанскаго строя персы открыли бой, соорудивъ передъ собой брустверъ изъ копій и прикрѣпленныхъ къ нимъ щитовъ и пустивъ въ непріятеля облака мѣтко направленныхъ стрѣлъ. Тогда пали Калликратъ, красивѣйшій боецъ этого войска, и много другихъ храбрыхъ воиновъ. Но спартанцы и тегейцы стояли неподвижно, такъ какъ жертвоприношенія не благопріятствовали нападенію. Наконецъ, когда Павсаній, подымая взоръ къ храму Геры, воззвалъ къ богинѣ небесъ, появились благопріятныя знаменія. Тотчасъ-же войско въ тѣсно-сомкнутыхъ рядахъ ударило на враговъ; брустверъ свалили и началась страшная рукопашная схватка. Всюду, гдѣ бой свирѣпствовалъ ожесточеннѣе всего, появлялся Мардоній на бѣломъ боевомъ конѣ, окруженный тысячью отборныхъ воиновъ, и словами, и примѣрами подвиговъ ободрялъ своихъ, побуждая ихъ разорвать ряды эллиновъ. У персовъ не было недостатка ни въ мужествѣ, ни въ тѣлесной силѣ, но имъ недоставало ловкости и боевого порядка. Они бросались то въ одиночку, то кучами на хорошо вооруженныхъ эллиновъ, схватывали непріятельскія копья, такъ какъ ихъ собственныя были коротки, руками, чтобъ сломать

ихъ, и смѣло простирали навстрѣчу смертоноснымъ ударамъ греческихъ копій свои слабые щиты и незащищенную грудь. Правда, много погибло храбрыхъ греческихъ бойцовъ отъ ихъ копій, сабель и кинжаловъ, но боевой ловкостью, военною опытностью и геройскимъ мужествомъ спартанцы слишкомъ превосходили персовъ. Они постоянно смыкали свои ряды, гдѣ эти ряды начинали просвѣчивать, и тѣмъ всюду ставили преграду безпорядочнымъ нападеніямъ. Въ свалкѣ, среди оглушительнаго боевого крика варваровъ, нападавшихъ со

ИЗОБРАЖЕНІЕ БИТВЫ ПРИ ПЛАТЕѢ, НА ЗАПАДНОМЪ ФРИЗѢ ХРАМА НИКИ ВЪ АѲИНАХЪ.

Этотъ небольшой храмъ, расположенный близъ воротъ аѳинскаго акрополя и посвященный Аѳинѣ какъ богинѣ побѣды (Аѳина Ника), украшенъ былъ очень художественнымъ фризомъ. Остатки его находятся частью въ Аѳинахъ, частью въ Лондонѣ.

всѣхъ сторонъ, имъ слышался зовъ отечества, приказывавшаго имъ побѣдить или умереть для его славы.

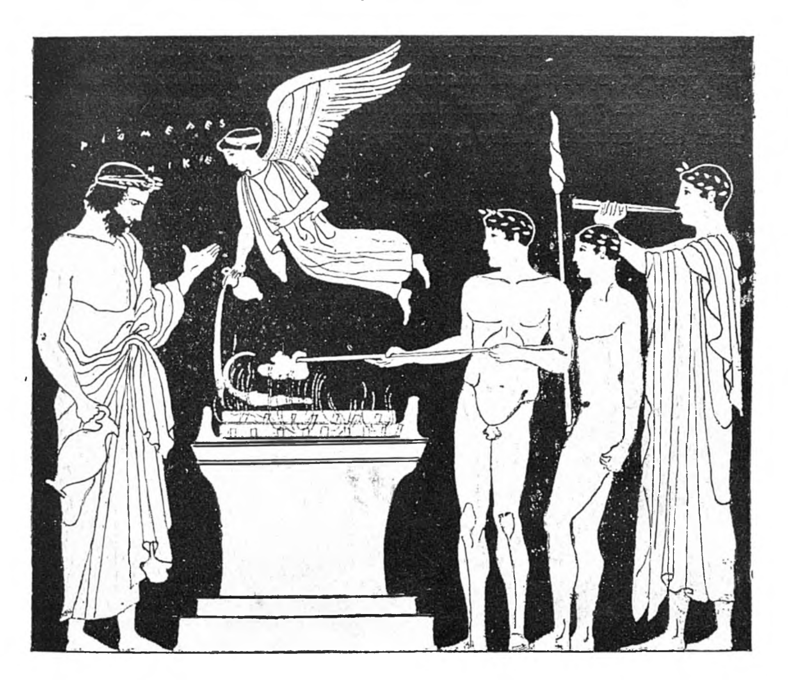
Пораженіе персовъ. Вотъ, наконецъ, палъ Мардоній, сраженный сильнымъ Аимнестомъ; вокругъ него палъ отборный отрядъ, защищавшій его до тѣхъ поръ, падали знатнѣйшіе и отважнѣйшіе персы цѣлыми кучами, между тѣмъ какъ конница, хотя и тѣснила гелотовъ, держалась вдали отъ убійственнаго боя со спартіатами. А послѣдніе теперь, ободренные успѣхомъ, наступали все стремительнѣе, и вскорѣ персами овладѣлъ страхъ и ужасъ. Имъ казалось, будто противъ нихъ борятся не люди, а силы боговъ, и все войско обратилось въ роковое бѣгство по холмамъ и равнинѣ и черезъ воды Асопа къ лагерю, куда твердыми шагами и въ ненарушенномъ порядкѣ слѣдовали за ними побѣдители. Лишь Артабазъ, второй персидскій полководецъ, который медленно

двигался съ отрядомъ въ 40,000 человѣкъ за быстро двинувшимися впередъ главными силами, могъ теперь совершить отступленіе въ хорошемъ порядкѣ, не участвуя въ битвѣ. Подкрѣпленный бѣглецами и, вѣроятно также павшими духомъ, эскадронами конницы, онъ, съ большой осторожностью, прошелъ въ Ѳессалію и дальше черезъ Македонію, Ѳракію вплоть до Византіи, откуда перешелъ въ Азію съ остатками войска. Остальныя массы бѣглецовъ устремились въ укрѣпленный лагерь и упорно защищались за его валами.

Между тѣмъ аѳиняне принудили своихъ беотійскихъ противниковъ къ отступленію, но преслѣдовать ихъ имъ помѣшала ѳивская конница, отлично прикрывавшая отступленіе къ Ѳивамъ. Поэтому они прошли къ персидскому лагерю, откуда все еще раздавался гулъ сраженія, и помогли взять приступомъ укрѣпленія и окончательно поразить остатки непріятельскаго войска. Остальные греки, стоявшіе на высотѣ Платеи, тоже услышали о побѣдоносномъ наступленіи спартанцевъ и поспѣшили затѣмъ безъ порядка къ мѣсту битвы, чтобъ принять участіе въ славѣ побѣды. Какъ только ѳивскіе всадники это замѣтили, тотчасъ же произвели рѣшительное нападеніе, перебили всѣхъ, кто оказывалъ сопротивленіе, и вогнали безпорядочныя толпы въ ущелья Киѳерона, послѣ чего сами послѣдовали за разбитой беотійской пѣхотой къ Ѳивамъ.

Побѣдители отдыхали среди крови и труповъ на полѣ брани. Они бесѣдовали объ освобожденіи Греціи, о мѣрахъ, какія слѣдовало принять, и говорили много также во славу павшихъ въ бою товарищей. Славили особенно Аристодема, нѣкогда бѣжавшаго изъ Ѳермопилъ и теперь изгладившаго свой позоръ своей кровью, Посидонія, Филокіона и Амомфарета, который, какъ раньше противился отступленію, такъ и въ сраженіи стоялъ, подобно скалѣ, противъ варваровъ. Превозносили славу присутствовавшаго еще Аимпеста, рука котораго сразила храбраго Мардонія посреди его воиновъ. Пока говорили объ этихъ предметахъ, къ Павсанію подошелъ воинъ изъ Эгины и потребовалъ, чтобы было пригвождено ко кресту тѣло Мардонія, какъ-де поступили персы съ трупомъ Леонида. Этимъ, присовокупилъ онъ, Павсаній возвыситъ славу свою у всѣхъ эллиновъ. Но Павсаній отвѣтилъ ему: „эгинскій другъ мой, ты находишься на ложномъ пути, совѣтуя мнѣ обезчестить трупъ. Это приличествуетъ варварамъ, но не эллинамъ, а мы порицаемъ это и въ

варварахъ. Я за такую цѣну не желалъ бы получить одобренія ни эгинцевъ, ни всѣхъ, кто думаетъ такимъ образомъ; для меня достаточно найти сочувствіе спартіатовъ, благодаря чистымъ дѣламъ

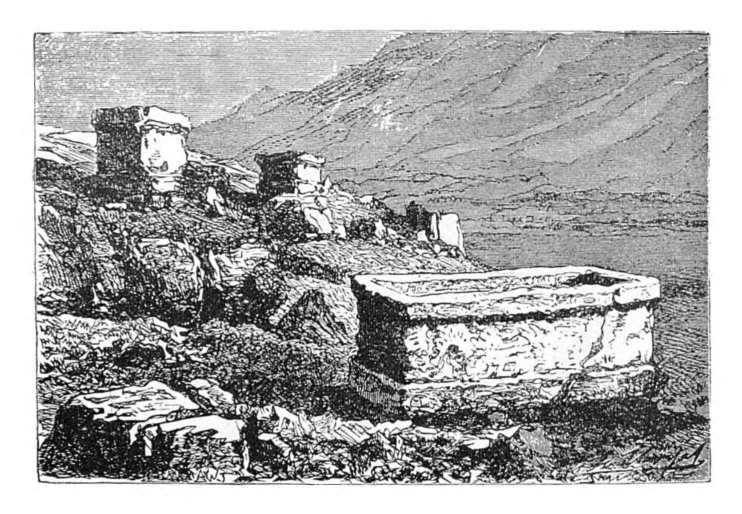
ГРЕЧЕСКОЕ ПОБѢДНОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ
(СЪ ЖИВОПИСИ НА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ).

Бородатый, съ вѣнкомъ на головѣ, жрецъ собирается сдѣлать возліяніе въ пламя жертвенника, на который подлетающая Ника (геній побѣды) также проливаетъ вино; на правой сторонѣ рисунка стоятъ двое нагихъ юношей, также увѣнчанныхъ лавромъ, изъ которыхъ одинъ держитъ надъ огнемъ мясо на вертелѣ, между тѣмъ какъ другой съ такимъ-же аппаратомъ спокойно стоитъ позади. Затѣмъ слѣдуетъ одѣтый въ длинный гиматій юноша, сопровождающій торжественное жертвоприношеніе игрой на двойной флейтѣ.

и словамъ. Дядя мой, Леонидъ, за котораго я долженъ отомстить, уже вполнѣ отомщенъ безчисленными трупами, лежащими на полѣ битвы. Поэтому не дерзай болѣе представать предо мною съ такимъ предложеніемъ“.

Павсаній велѣлъ приготовить великолѣпный обѣдъ въ персидскомъ родѣ и рядомъ обѣдъ спартанскій. Затѣмъ онъ

привелъ сюда предводителей и сказалъ имъ: „тутъ познаете вы глупость мидянъ, наслаждающихся такимъ столомъ и приходящимъ издали, чтобъ отнять у насъ скудную пищу“. Послѣ этого онъ велѣлъ гелотамъ снести всю добычу въ одно мѣсто. Было такимъ образомъ сложено въ кучи много палатокъ, ковровъ, кроватей и другой утвари, протканной золотомъ и серебромъ, бокаловъ, чашъ и котловъ изъ золота, также золотыхъ цѣпочекъ и браслетовъ, снятыхъ съ убитыхъ, и много другихъ драгоцѣнностей. Изъ всего этого

ГРОБНИЦЫ У ПЛАТЕИ.

прежде всего десятину посвятили, какъ благодарственную жертву, Аполлону въ Дельфахъ, а также олимпійскому Зевсу и исѳмійскому Посидону, затѣмъ десятую часть получилъ полководецъ; остальное было раздѣлено между побѣдителями. Еще въ позднѣйшіе годы на полѣ битвы, какъ передаютъ, находили забытые ящики съ серебромъ, золотомъ и другими драгоцѣнностями.

Послѣ того, какъ погребены были трупы павшихъ эллиновъ и во славу ихъ было воздвигнуто нѣсколько могильныхъ кургановъ, союзное войско пошло на Ѳивы, чтобъ наказать этотъ городъ за поддержку, оказанную Мардонію. По опустошеніи ихъ области, ѳивяне, испуганные приготовленіями къ осадѣ, согла-

сились выдать своихъ, расположенныхъ къ персамъ, предводителей, которые тотчасъ же были уведены на Исѳмъ дать отвѣтъ передъ союзнымъ собраніемъ и, какъ предатели отечества, были наказаны смертью.

Прежде чѣмъ начать походъ противъ Ѳивъ, торжественно ввели обратно въ ихъ городъ платейцевъ, которые соединены были съ аѳинянами, какъ вѣрные союзники. Имъ поручили охрану и украшеніе могильныхъ кургановъ и празднованіе повторявшагося каждый пятый годъ вновь учрежденнаго національнаго торжества элевѳеріи въ память павшихъ героевъ, для каковой цѣли они, кромѣ своей доли изъ добычи, получили еще 80 талантовъ (приблизительно 170,000 рублей). Затѣмъ снова клятвенно утвердили союзъ для продолженія войны противъ персовъ, и Платея, гдѣ ежегодно должны были собираться депутаты эллинскихъ государствъ, объявлена была свободнымъ и неприкосновеннымъ городомъ.

Такимъ образомъ Элладу обвила кругомъ прекрасная связь единенія, казавшаяся надежнымъ оплотомъ противъ бурь, настоящихъ и будущихъ; исторія послѣдующаго времени, однако, покажетъ, какъ страсть и эгоистическая политика слишкомъ скоро разрываютъ связь, созданную воодушевленіемъ минуты.

ПОСЛѢДСТВІЯ ЭЛЛИНСКИХЪ ПОБѢДЪ.

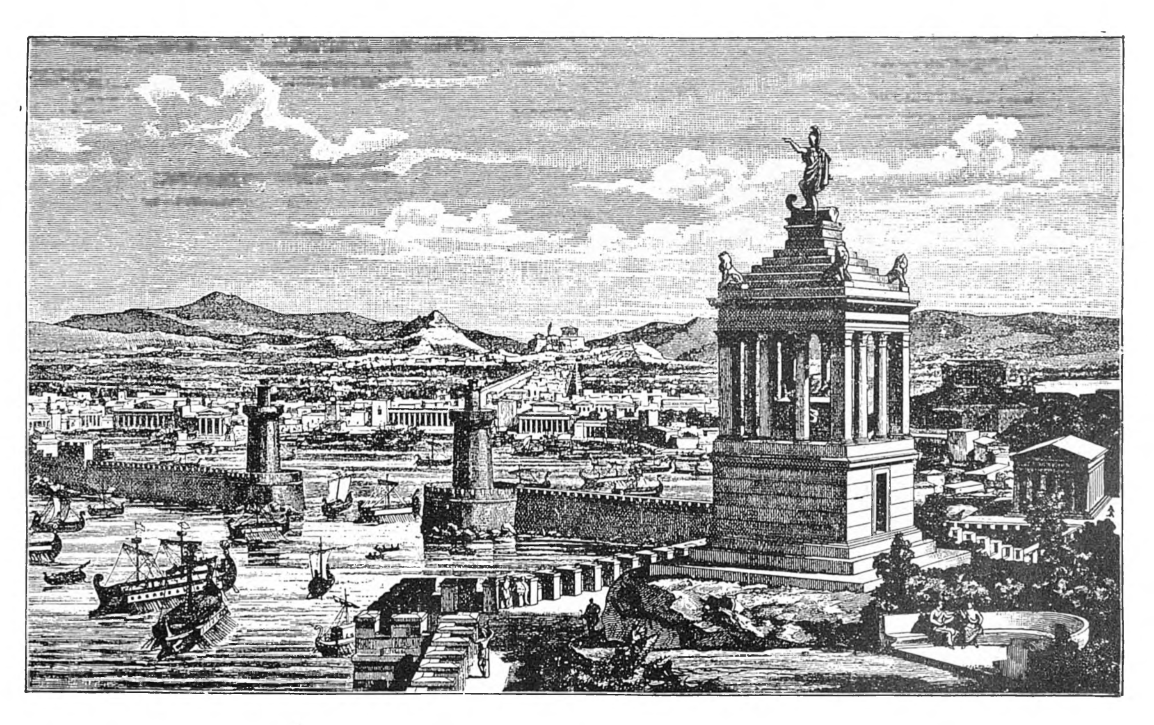
Богатые славой и добычей, вернулись побѣдоносные воины на свою родину.

Разрушенные варварами города снова стали отстраиваться прочнѣе и великолѣпнѣе, чѣмъ были они до опустошенія, ибо наполняло и возвышало сердца гражданъ вызванное побѣдами воодушевленіе, такъ что они не боялись жертвъ, чтобъ разукрасить свои города, а пріобрѣтенная добыча, какъ и выше развившаяся культура, доставляли средства къ этому. Особенно поднялись Аѳины, сдѣлавшись обширнѣе и пріобрѣвъ блескъ, какого не имѣлъ никакой другой городъ въ эллинскихъ странахъ и внѣ ихъ. Постройка новыхъ зданій здѣсь происходила съ особенной осмотрительностью, такъ какъ еще завѣдывалъ дѣлами въ этомъ дѣятельномъ государствѣ Ѳемистоклъ, ко-

торый предусмотрительнымъ умомъ взвѣшивалъ всѣ обстоятельства и проникалъ въ будущее. Послѣ необходимыхъ мѣръ для помѣщенія народа онъ распорядился, чтобъ обводныя стѣны строились прочно и высоко, чтобы подъ ихъ охраной можно было сопротивляться всякому непріятельскому нападенію. И старъ и младъ, мужчины и женщины взялись за дѣло и продолжали его днемъ и ночью съ неутомимой энергіей. Опасались зависти сосѣдей и еще болѣе спартанцевъ. Это опасеніе было не безъ основанія. Вскорѣ явилось лакедемонское посольство, запрещавшее постройку, подъ тѣмъ предлогомъ, что она будто-бы представляла бы варварамъ, при новомъ нашествіи, опорный пунктъ для покоренія всей Эллады.

Ѳемистоклъ тогда самъ отправился въ Спарту, затягивалъ переговоры и побудилъ герусію отправить второе посольство изъ знатныхъ мужей въ Аѳины. Узнавъ потомъ, что укрѣпленіе почти окончено и что лакедемонскихъ пословъ задерживаютъ въ качествѣ заложниковъ для его собственной безопасности, онъ выступилъ съ прямымъ заявленіемъ: Аѳины для своей безопасности нуждаются въ крѣпкихъ обводныхъ стѣнахъ. Пусть лакедемоняне и ихъ союзники, говорилъ онъ, не забываютъ, какъ однажды аѳинянамъ пришлось рѣшиться покинуть свой отечественный городъ и сѣсть на корабли и какъ они при совмѣстныхъ совѣщаніяхъ постоянно выказывали свою проницательность, не уступающую ничьей другой. Они сочли полезнымъ выстроить стѣны и никакое государство не имѣетъ права препятствовать имъ въ этомъ.— При такихъ обстоятельствахъ высокомудрому совѣту Спарты не оставалось ничего другого, какъ примириться съ фактомъ и отказаться отъ дальнѣйшаго прекословія. Вѣроятно, аѳинскій государственный дѣятель съумѣлъ склонить и вліятельныхъ лицъ въ Спартѣ къ своему взгляду, такъ что они его поддержали.

Въ то время какъ подъ защитой новаго, величественнаго укрѣпленія въ Аѳинахъ подымались скромныя жилища гражданъ и украшенныя колоннами великолѣпныя зданія для поклоненія богамъ и для служенія государству, Ѳемистоклъ умѣлъ склонить народъ и на другое важное дѣло. То было расширеніе и обнесеніе валомъ портоваго города Пирея. По его плану была воздвигнута, въ видѣ безпрерывнаго укрѣпленія, стѣна, прикрытая многочисленными башнями, сооруженная изъ прямоугольно-

Общій видъ древняго Пирея (реконструкція проф. И. Бюльмана).

обтесанныхъ плитъ безъ цемента и бывшая со стороны моря толщиной около 8 метровъ, со стороны суши до 8 метровъ. Такъ появился крѣпкій пунктъ защиты для портовъ Пирея, Зеи и Мунихіи, входы въ которые, кромѣ того, были защищены выходившими въ море каменными дамбами. Здѣсь безопасно могли стоять на якорѣ морскія силы государства и въ то же время цѣлый купеческій флотъ. Мѣсто это удобно расположено было для торговли и такъ хорошо защищено противъ бурь и вражескихъ предпріятій, что вскорѣ тамъ появилось многочисленное промышленное населеніе, которое, имѣя равныя права, слилось съ аѳинскими гражданами въ одно цѣлое.

Несмотря на эти многообразныя занятія у себя дома, аѳиняне принимали участіе въ продолженной войнѣ противъ персовъ. Эллинскій флотъ, въ количествѣ 100 парусовъ, состоялъ, по обыкновенію, изъ легкихъ судовъ и собственно военныхъ кораблей или тріэръ, т. е. судовъ съ тремя скамьями для гребцовъ, расположенными другъ надъ другомъ по обоимъ бокамъ. Такихъ трехвесельныхъ кораблей аѳиняне поставили 30 подъ командой Аристида и Кимона, пелопоннесцы 20, остальные прибыли отъ островозъ и вновь освободившихся іонійскихъ городовъ Малой Азіи. Главнымъ начальникомъ былъ Павсаній, побѣдитель при Платеѣ. Сначала флотъ направился противъ Кипра, гдѣ добились нѣкоторыхъ выгодъ и захвачена была добыча; затѣмъ повернули на сѣверъ, къ Геллеспонту. На Херсонесѣ, который благодаря настойчивости Ксанѳиппа былъ пріобрѣтенъ снова Аѳинами, нашли не только достаточно запасовъ, но и подкрѣпленіе экипажемъ и судами. Отсюда флотъ поплылъ по Пропонтидѣ въ Босфоръ и у Византіи, послѣдняго опорнаго пункта персидскихъ силъ въ Европѣ, сталъ на якорѣ.

Измѣна Павсанія. Городъ палъ, такъ какъ гарнизонъ не былъ подготовленъ къ нападенію, послѣ короткой осады. Опьяненный этимъ успѣхомъ, Павсаній сталъ вести себя такъ, какъ будто бы онъ былъ неограниченный владыка надъ союзниками. Подобно неопытному юношѣ, который былъ долгое время подъ строгой дисциплиной добрымъ и нравственнымъ, а затѣмъ, увидѣвъ себя сразу освобожденнымъ отъ ограниченія и окруженнымъ всѣми наслажденіями, опрокидываетъ преграды чести и спасительнаго обычая и слѣдуетъ внушеніямъ безмѣрныхъ вожделѣній, Павсаній, простой, ра-

зумный герой Платеи, является вдругъ надменнымъ, властолюбивымъ, утопающимъ въ азіатской пышности и сладострастіи. Золото и слава, которыя пріобрѣлъ онъ мечомъ на берегахъ Асопа, были для него платой тѣхъ незримыхъ силъ, которыя, если честь и чувство права не на сторожѣ, неудержимо ведутъ человѣческое сердце отъ преступленія къ преступленію, пока нѣтъ болѣе открытаго выхода. Павсаній отдалился отъ спартанской простоты и умѣренности; онъ желалъ властвовать неограниченно и жить роскошно, по образцу персидскихъ сатраповъ, безъ всякаго опасенія. Цѣлью его было владычество надъ всей Элладой, а для этого деньги и поддержка варваровъ казались подходящимъ средствомъ, хотя-бы онъ за эту цѣну опустился до степени вассала персидскаго царя. Поэтому онъ вошелъ въ сношенія съ сатрапомъ Артабазомъ, охотно согласившимся на безчестныя предложенія греческаго измѣнника.

Но надменный характеръ Павсанія возбудилъ недовольство іонянъ и аѳинянъ. Полководцы обратились къ Аристиду, который простотой и кротостью пріобрѣлъ себѣ всеобщее расположеніе. Онъ-то сдѣлалъ сообщеніе въ Спарту, и эфоры привлекли Павсанія къ отвѣтственности. Въ его отсутствіе союзники открыто отпали отъ спартанцевъ и передали аѳинянамъ начальство на морѣ. Когда потомъ Павсаній, которому удалось подкупомъ лишить силы взведенное на него обвиненіе, самовластно и безъ государственныхъ полномочій вернулся въ Византію и тамъ снова пытался выступить неограниченнымъ властелиномъ, онъ былъ прогнанъ силою и по новымъ основаніямъ къ подозрѣнію опять отозванъ въ Спарту. Однако и въ этотъ разъ противъ него никто не рѣшился выступить обвинителемъ, такъ какъ онъ имѣлъ большое вліяніе, хотя онъ отправлялъ должность царскую лишь какъ опекунъ сына Леонида. Поэтому онъ смѣлѣе прежняго сталъ преслѣдовать свои преступные планы и въ особенности старался склонить къ нимъ многочисленныхъ гелотовъ. Но его полная безцеремонность повлекла, наконецъ, за собой его погибель.

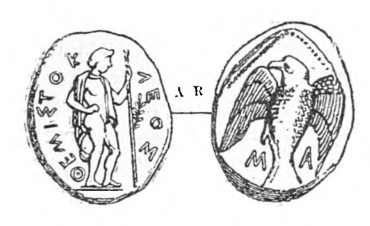
Кончина Павсанія. У него былъ вѣрный, вполнѣ преданный ему рабъ, по происхожденію ѳракіецъ. Ему-то онъ ввѣрилъ письмо къ Артабазу. Рабъ-же, принимая въ соображеніе, что ни одинъ изъ прежнихъ посланцевъ не вернулся обратно, распечаталъ письмо и нашелъ въ немъ указаніе, чтобъ и онъ, подобно другимъ по-

сланцамъ, по выполненіи своего порученія, былъ устраненъ со сцены персидскимъ кинжаломъ. Отнынѣ онъ счелъ себя освобожденнымъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ своему господину и извѣстилъ эфоровъ о его предательскихъ планахъ. По ихъ совѣту, онъ бѣжалъ въ храмъ Посидона на Тенарскомъ мысу. Господинъ его, узнавъ объ этомъ, полный тревоги поспѣшилъ туда и пытался большими обѣщаніями подкупить его въ пользу своихъ преступныхъ плановъ. Но по близости были спрятаны эфоры, которые такимъ путемъ подслушали всѣ переговоры. И вотъ, когда Павсаній вернулся въ Спарту, эфоры рѣшили его арестовать. Правда, ему удалось убѣжать къ находившемуся по близости храму Аѳины, гдѣ онъ надѣялся найти безопасность, но сняли крышу священнаго зданія и замуровали входы, пока, наконецъ, голодъ не исполнилъ смертнаго приговора судьи.

Почти одновременно съ этимъ и царь Леотихидъ, побѣдившій при Микале и стоявшій въ Ѳессаліи во главѣ своего войска, былъ уличенъ въ подкупности и приговоренъ къ изгнанію.—„Боги завидуютъ невозмутимому счастью людей; поэтому, смертный, не стремись къ нему, но бойся ихъ гнѣва!“ Такой взглядъ въ древности былъ очень распространенъ. Можетъ быть, съ большимъ правомъ сказали бы: „Люди завидуютъ счастью другихъ и сами не могутъ выносить его“. По крайней мѣрѣ оправдалось это изреченіе въ послѣднихъ судьбахъ прославленнаго Ѳемистокла.

Кончина Ѳемистокла. Онъ стоялъ высоко, стоялъ во главѣ аѳинской республики; но какъ разъ это выдающееся положеніе возбуждало зависть противной партіи, которой противны были всѣ нововведенія, а падкость его къ деньгамъ давала ей въ руки средство взвести на него обвиненіе въ томъ, будто онъ получалъ персидское золото. Правда, Ѳемистоклъ былъ оправданъ и гражданами съ большими почестями сопровожденъ домой, однако, когда вскорѣ затѣмъ признали умѣстнымъ черепковый судъ, его поразилъ приговоръ изгнанія. Онъ отправился въ Аргосъ, городъ, на которомъ тяготѣло подозрѣніе въ сочувствіи персамъ. Послѣ паденія Павсанія лакедемонскіе послы донесли въ Аѳины, будто Ѳемистоклъ находился въ сношеніяхъ съ этимъ измѣнникомъ и даже принималъ участіе въ его преступныхъ дѣйствіяхъ: поэтому отъ Аргоса потребовали его выдачи. Вслѣдствіе этого онъ бѣжалъ на Коркиру и дальше къ враждебно къ нему дотолѣ

настроенному царю Молоссовъ Адмету, въ Эпиръ. Тамъ взялъ онъ къ себѣ ребенка царя на колѣни и сѣлъ, какъ безпомощный бѣглецъ, у очага, прося гостепріимства. Онъ получилъ его и въ то же время и защиту противъ своихъ преслѣдователей, потребовавшихъ у царя его выдачи. Но ему здѣсь долго нельзя было оставаться. Македонскіе проводники провели его по суровымъ горамъ Пинда къ Ѳермейскому заливу, гдѣ онъ сѣлъ на торговое судно, которое, съ большими опасностями, повезло его мимо аттической эскадры, осаждавшей островъ Наксосъ, въ Эфесъ. Не менѣе опаснымъ и богатымъ приключеніями было дальнѣйшее путешествіе его въ Сузу. Когда же онъ тамъ сослался на оказанныя имъ нѣкогда великому царю предостереженія и представилъ планы для покоренія Греціи, онъ вошелъ въ большую милость у Артаксеркса, Ксерксова преемника. Ему отвели нѣсколько городовъ для его содержанія: Магнезія съ доходомъ въ 50 талантовъ должна была, по персидскому обозначенію, доставлять хлѣбъ, Міунтъ—овощи и Лампсакъ—вино, а города Перкоте и Скепсисъ даны были ему для ложа и одѣянія.

МОНЕТА ѲЕМИСТОКЛА ВЪ КАЧЕСТВѢ ВЛАСТИТЕЛЯ МАГНЕЗІИ.

Эта въ высшей степени рѣдкостная монета непосредственно напоминаетъ намъ о Ѳемистоклѣ. Чеканенная при владычествѣ знаменитаго аѳинянина въ Магнезіи, она на передней сторонѣ имѣетъ изображеніе стоящаго Аполлона съ хламидой на плечахъ, лѣвой рукой опирающагося на длинный лавровый посохъ. Вокругъ него греческая надпись Themistokleos (т. е. Ѳемистоклъ). На оборотной сторонѣ воронъ (какъ вѣщая птица) въ вогнутомъ квадратѣ.

Съ такимъ содержаніемъ жить можно было вдоволь, и Ѳемистоклу поэтому нечего было бояться участи Павсанія. Онъ умеръ около 460 г. отъ болѣзни. По другимъ, впрочемъ не обоснованнымъ сообщеніямъ, онъ былъ приглашенъ царемъ оказать содѣйствіе къ покоренію Греціи, но уклонился отъ этого содѣйствія посредствомъ добровольной смерти.

Аристидъ. По удаленіи Ѳемистокла, бывшій противникъ его Аристидъ достигнулъ преобладающаго вліянія въ Аѳинахъ, и эта перемѣна имѣла многозначительныя послѣдствія; ибо какъ прежде необходимы были способности смѣлаго и рѣшительнаго мужа, каковъ былъ Ѳемистоклъ, чтобъ возстановить государство, отъ котораго почти отказались, такъ новыя обстоятельства требовали человѣка

испытанной честности и признанной справедливости, чтобъ поднять Аѳины до могущества и блеска, едва-ли имѣющихъ себѣ равное во всемірной исторіи. Этимъ блестящимъ полетомъ граждане на Илиссѣ обязаны были не только страданіямъ, ими испытаннымъ, жертвамъ, принесеннымъ ими для дѣла эллиновъ, но и смѣлому стремленію впередъ, политическому пониманію обстоятельствъ, предпріимчивому духу, который обнаруживали ихъ вожди. Черезъ это могущественный на морѣ городъ сталъ гораздо достойнѣе и способнѣе взять на себя роль предводителя Эллады, чѣмъ эгоистическая Спарта, замкнутые въ себѣ граждане которой, правда, выказывали необыкновенныя военныя способности въ распряхъ съ сосѣдями и, пожалуй, при всеобщей опасности также поднимались для сопротивленія, но боязливо отступали передъ дальновидными предпріятіями. Все это, вѣроятно, выступило на видъ у острововъ и прибрежныхъ городовъ, когда они рѣшились выбрать Аѳины главой союза.

Припоминалось также грекамъ, жившимъ на островахъ и по ѳракійскимъ и азіатскимъ берегамъ, подавленіе іонійскаго возстанія, и они опасались новаго возвышенія персидскаго могущества. Противъ этого, казалось, могъ доставить обезпеченіе только союзъ, и таковой вскорѣ и состоялся съ общаго согласія. Мѣстомъ собранія депутатовъ союза назначенъ былъ небольшой, издревле священный для іонійскаго племени, островъ Делосъ; верховнымъ главой признаны были Аѳины, могущественныя своимъ флотомъ. Аристидъ представилъ то, что выпадало на долю отдѣльныхъ союзниковъ приносить кораблями, ихъ экипажами и деньгами, и хотя эти ежегодные взносы въ общемъ составляли сумму въ 460 талантовъ (болѣе 900,000 р.,) оцѣнка все-таки была признана правильной и принята.

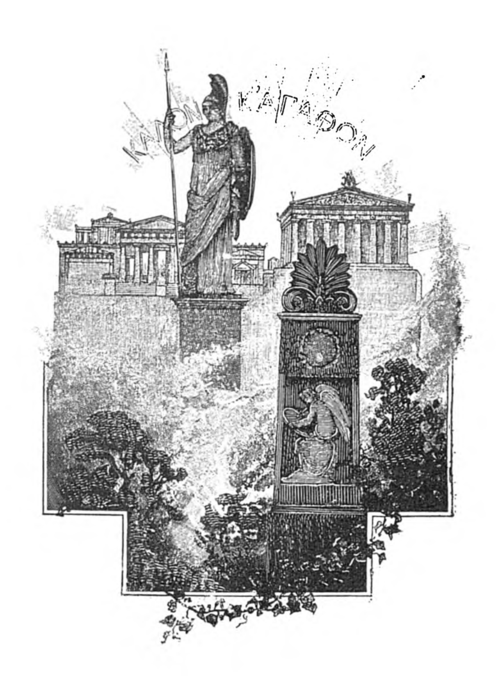
Еще три года безукоризненный мужъ исправлялъ должность казначея при союзнической кассѣ въ храмѣ на Делосѣ, а умеръ онъ, какъ передаютъ, такимъ бѣднякомъ, что благодарное государство должно было взять на себя похоронныя издержки и позаботиться о приданомъ для его обѣихъ дочерей.

Такъ стали Аѳины во главѣ союза эллинскихъ государствъ и мало-по-малу чрезъ разумное пользованіе обстоятельствами разрослись въ государство, господство котораго простиралось очень далеко. Дѣло въ томъ, что члены союза впослѣдствіи стали освобождать себя отъ военныхъ обязанностей болѣе крупными денежными взносами, и черезъ это давали въ руки преобладающему

государству средства къ ихъ собственному подчиненію. Именно, какъ только городъ или островъ пытался уклониться отъ подати и тѣмъ самымъ отъ союзныхъ обязанностей, аѳинскіе корабли и гоплиты были готовы наказать его за упрямство и превратить ненадежныхъ союзниковъ въ послушныхъ подданныхъ. Будучи безоружными, какими они сами себя сдѣлали, государства, нерѣдко безъ значительнаго сопротивленія, подпадали подъ власть главы союза.

Въ первые годы послѣ основанія делосскаго союза главной цѣлью его была война противъ варваровъ. Кимонъ, рыцарскій сынъ Мильтіада, послѣ многихъ юношескихъ увлеченій обратившійся къ серьезной общественной жизни, былъ главнокомандующимъ союзническихъ силъ. Онъ завоевалъ персидскія владѣнія во Ѳракіи одно за другимъ; нельзя было одолѣть лишь Дориска, города при истокѣ Гебра (Марицы), который былъ защищаемъ Маскамомъ, воиномъ съ древнеперсидскимъ характеромъ. Эйонъ на Стримонѣ Кимонъ взялъ лишь послѣ трудной осады и послѣ того какъ Богесъ, комендантъ этой крѣпости, самъ наложилъ на себя руки. Тамъ же, близъ истока Стримона, былъ основанъ важный, быстро расцвѣтшій городъ, Амфиполь. Десять лѣтъ спустя, островъ Наксосъ далъ первый примѣръ попытки отпасть отъ союза. Однако, онъ не удержался противъ превосходства аѳинскихъ силъ, долженъ былъ снести свои укрѣпленія и выдать свои корабли. Съ флотомъ въ 200 парусовъ Кимонъ затѣмъ принялъ вызовъ персидскаго флота, крейсировавшаго у южнаго берега Малой Азіи, и совершенно разбилъ его у Эвримедонта въ Памфиліи. То былъ предпослѣдній великій подвигъ эллиновъ въ персидскихъ войнахъ, и онъ поднялъ славу побѣдителя почти въ такой же мѣрѣ, какъ нѣкогда первая прославленная побѣда при Мараѳонѣ славу его отца.

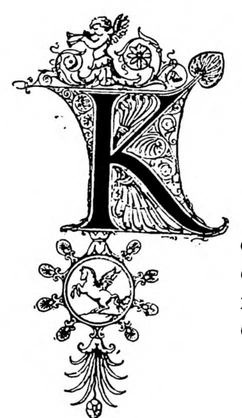

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВРЕМЯ ПРОЦВѢТАНІЯ ЭЛЛАДЫ.

РАЗВИТІЕ АѲИНСКАГО МОГУЩЕСТВА.

ТО рано поставилъ себѣ высокую цѣль и стремился къ ней съ силою и свѣжестью духа, благо тому человѣку! Сразитъ ли его, посреди его стремленій, судьба, или одержанная имъ побѣда доставитъ ему вѣнокъ, онъ стоитъ награды. Но съ еще болѣе высокимъ интересомъ мы сопровождаемъ цѣлый народъ, который побѣдоносно вышелъ изъ борьбы за свое святое право противъ огром-

наго превосходства силъ, и затѣмъ безъ остановки шествуетъ дальше отъ успѣха къ успѣху. Такимъ народомъ были эллины и среди нихъ преимущественно свободные граждане маленькой области Аттики.

Правда, и спартанцы доказали свой старый героизмъ въ скалистыхъ тѣснинахъ Ѳермопилъ и на кровавомъ полѣ Платеи; но по отраженіи опасности они вернулись къ старымъ привычкамъ, снова стали заниматься воинскими упражненіями, совершали свои празднества и мало интересовались тѣмъ, что происходило по ту сторону коринѳскаго перешейка. Только эфоры глядѣли далѣе и завистливо смотрѣли на возраставшее значеніе Аѳинъ; сила привычки, неохота участвовать въ дальновидныхъ предпріятіяхъ, наконецъ, свойственная спартанскому характеру медлительность, когда нужно было принимать важныя рѣшенія, удерживали застывшее въ своихъ формахъ государство отъ занятія положенія, соотвѣтствовавшаго его прежнему значенію и военнымъ подвигамъ народа. Развивавшіяся въ быстрой послѣдовательности событія выходили за ограниченный умственный кругозоръ народа. Вслѣдствіе неподвижнаго государственнаго устройства, препятствовавшаго всякому свободному развитію, не могъ стать во главѣ народа выдающійся характеръ; да, можетъ быть, и все воспитаніе и тѣсно ограниченный образъ жизни служили препятствіемъ къ развитію значительной духовной личности. Людей меча, людей, готовыхъ умереть за отчизну, много было на берегахъ Эврота; но люди, умѣвшіе жить для распространенія авторитета своего государства за его предѣлами, умѣвшіе проницательнымъ умомъ видѣть насквозь обстоятельства и съ помощью наличной народной силы пользоваться ими и господствовать надъ ними, здѣсь не находили повода возвыситься надъ массой.

Лакедемонское государство было подобно замкнутому, неподвижному озеру, волны котораго могли быть взбудоражены сильною бурей, но которое скоро возвращается къ лѣнивому покою, между тѣмъ какъ Аѳины того времени можно уподобить вѣчно волнующемуся морю, носящему свои флоты къ далекимъ берегамъ и народамъ. Какъ послѣ бушеванія урагана морскія волны отражаютъ сіяніе солнца и небесъ и представляютъ зрителю величественную, постоянно мѣняющуюся картину, такъ Аѳины послѣ бури войнъ съ варварами представляютъ зрѣлище цвѣтущихъ жизненныхъ силъ и духовной бодрости, на которомъ охотно останавливается

мысль изслѣдователя. И изъ остальныхъ народовъ Греціи не возвышался ни одинъ, кого бы можно было сравнить съ аттическимъ. Ѳивы находились въ презрѣніи и упадкѣ изъ-за участія ихъ въ предпріятіяхъ персовъ; беотійскіе города, главою коихъ они раньше были, отреклись отъ нихъ, въ особенности Платея и Ѳеспіи, да и другіе также, снова поднявшіеся изъ груды мусора, рѣшительно склонялись къ Аѳинамъ; сосѣдній Коринѳъ занимался выгодными торговыми дѣлами и довольствовался обильной прибылью, дававшей народу возможность жить безъ нужды, а негоціантамъ доставлявшей средства жить въ пышности и роскоши. Аргосъ, наконецъ, пребывалъ въ глухой уединенности, питая злобу по отношенію къ спартанцамъ, а можетъ быть и къ побѣдоносной Элладѣ вообще. Тамъ не было замѣтно никакого умственнаго движенія, никакаго полета, но граждане все-таки продолжали надѣяться, что они снова поднимутъ свою голову.

Матеріальную выгоду изъ удачныхъ войнъ съ Персами, какъ уже было указано, извлекли лишь нѣсколько государствъ, занимавшихся морской торговлей, особенно Коринѳъ и Эгина, которыя, избавившись отъ конкуренціи финикійскихъ купцовъ, стали разсылать свои корабли во всѣ стороны. Но на этой выгодѣ они и остановились и не хотѣли понять, что она вмѣстѣ съ господствомъ на морѣ въ недалекомъ будущемъ должна была достаться воинственному, неудержимо стремившемуся впередъ народу Аттики. Такимъ образомъ, когда мы слѣдимъ за ходомъ развитія эллиновъ, наши взоры постоянно возвращаются снова къ маленькому полуострову, простирающемуся отъ высотъ Киѳерона и Парнеса до омываемаго моремъ мыса Сунія. Здѣсь все населеніе выносило ужасы войны, предало все свое имущество въ добычу варварамъ, чтобъ сохранить свою самостоятельность; здѣсь издревле гражданинъ привыкъ подавать свой голосъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ государства; здѣсь, по одолѣніи опасности, болѣе и болѣе стали пріобрѣтать силу стремленіе къ расширенію и вполнѣ равномѣрному распредѣленію правъ народа и требованіе, чтобъ всякій не запятнанный гражданинъ, безъ отношенія къ личности и состоянію, получилъ одинаковую долю участія въ управленіи государствомъ.

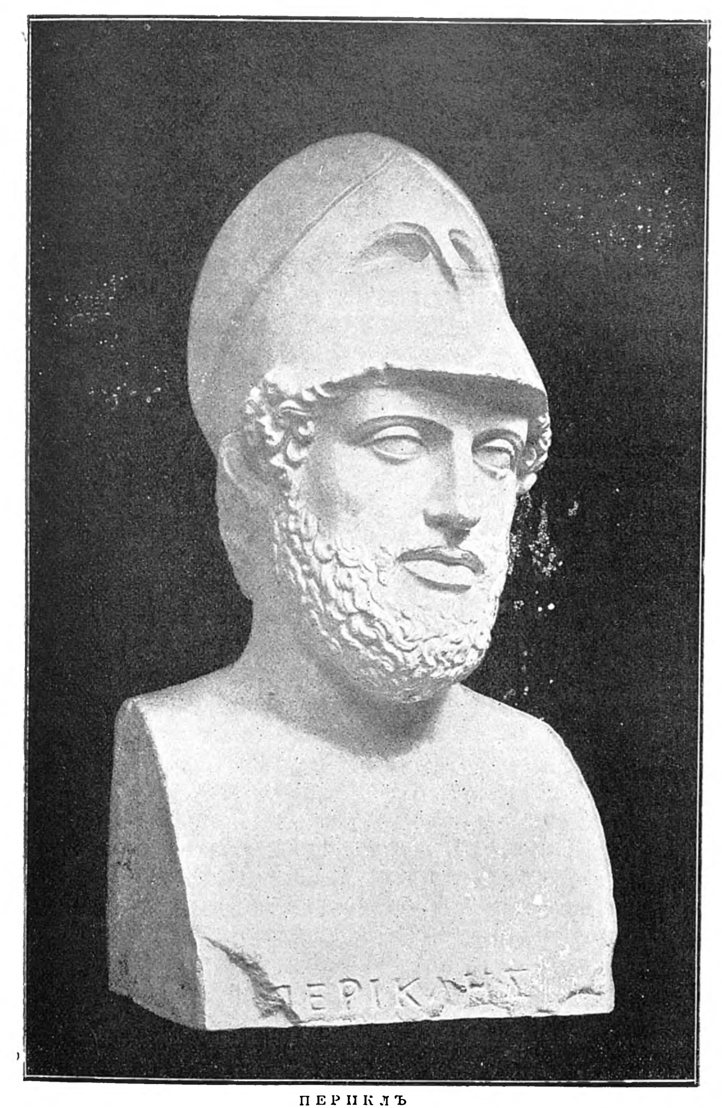
Чувство это обнаружилось столь неотразимо, что самъ Аристидъ, членъ аристократической партіи, сдѣлалъ первые шаги

къ введенію всеобщей избираемости гражданъ на государственныя должности. Правда, уже Клисѳенъ, по изгнаніи Пизистратидовъ, придалъ Солоновскому законодательству болѣе демократическую форму тѣмъ, что раздѣленіемъ Аттики по пространству на десять филъ и правомъ занятія должностей по жребію сломилъ политическое преобладаніе эвпатридовъ. Дальнѣйшимъ шагомъ были реформы Аристида, признавшія за каждымъ аѳиняниномъ безъ различія званія право избираемости на государственныя должности. Но даже его законы мало измѣнили положеніе вещей, потому что у богатаго и знатнаго гражданина все еще оставалось достаточно вліянія и средствъ, чтобъ принудить мелкаго человѣка на выборахъ подать голосъ за него. И вотъ теперь выступили впередъ два аѳинянина, которые доставили новую силу всеобщему стремленію къ равноправности.

Однимъ изъ нихъ былъ Эфіальтъ, человѣкъ, правда, не знатнаго происхожденія и не значительнаго состоянія, но безъ страха передъ угрозами вліятельной противной партіи, неусыпно дѣятельный и одаренный природнымъ краснорѣчіемъ. Другой былъ, по справедливости высоко прославленный, Периклъ, сынъ Ксанѳиппа, побѣдителя при Микале, и благородной Агаристы, племянницы вышеупомянутаго Клисѳена. Передъ рожденіемъ его матери его приснилось, будто она родила льва, что истолковали въ смыслѣ будущаго величія ея сына. Поэтому къ воспитанію его была приложена всевозможная заботливость. Были выбраны наилучшіе учителя, и между ними былъ знаменитый въ то время Пиѳоклидъ, который обучалъ его всѣмъ отраслямъ искусства и науки.

Такъ развивался мальчикъ, такъ выросъ онъ многообѣщающимъ юношей, такъ онъ рано созрѣлъ крѣпкимъ мужчиной. Умъ его, развитый философскими занятіями, постигъ истинную мудрость государственнаго человѣка, чувствующаго себя призваннымъ сдѣлать свой народъ великимъ и славнымъ. Онъ насквозь видѣлъ данныя обстоятельства и умѣлъ пользоваться ими для осуществленія своихъ важныхъ плановъ. Онъ распоряжался и управлялъ вѣрной рукой событіями, предвидѣлъ грядущее и не терялъ бодрости даже при неудачѣ, такъ какъ постоянно умѣлъ находить новые пути для достиженія цѣли.

Не мелочными, предосудительными средствами возвысилъ онъ авторитетъ своего отечества и тѣмъ самымъ свой собственный,

ПЕРИКЛЪ

(ГЕРМА ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

По описанію Плутарха, этотъ знаменитый государственный дѣятель Аѳинъ былъ сложенъ хорошо, только голова у него была очень длинная (комики смѣялись много надъ этою «луковичною головою»); вслѣдствіе будто бы этого художники изображали его всегда съ шлемомъ на головѣ. По другимъ источникамъ, шлемъ долженъ служить указаніемъ на то, что Периклъ много лѣтъ сряду занималъ должность военачальника, которая послужила основой его вліянія.

а мудростью и развитіемъ внутренней силы, которая презираетъ несправедливость, но сознательно и съ правильной оцѣнкой обстоятельствъ стремится къ поставленной цѣли. Онъ гнушался уловокъ демагогіи, которыми легко пріобрѣтается расположеніе массы, подкуповъ, якшанья и фамильярныхъ отношеній съ чернью, принятія участія въ ея увеселеніяхъ. Онъ держалъ себя со всякимъ дружелюбно и обходительно, но короткой дружбы онъ удостаивалъ только лицъ, не уступавшихъ ему образованіемъ. Въ бесѣдѣ съ знаменитыми художниками, какъ Фидія, съ философомъ Анаксагоромъ, который далъ ему первые уроки философіи и краснорѣчія, въ обществѣ іонянки Аспасіи, одинаково отличавшейся и тѣломъ и духомъ, онъ находилъ отдыхъ отъ государственныхъ занятій. Праздничныхъ пировъ онъ не посѣщалъ; лишь разъ присутствовалъ онъ на свадьбѣ племянника, но покинулъ общество еще до конца пира. Вообще внѣ дома рѣдко его видно было въ другомъ мѣстѣ, кромѣ дороги на агору или въ собраніе совѣта. Средства его для привлеченія къ себѣ народа и, такъ сказать, управленія имъ своею волею были: ясность взглядовъ, правильность мѣропріятій, величіе поставленной цѣли, и все это поддерживалось его увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Когда онъ говорилъ, то казалось, будто раскатываются громы олимпійскаго Зевса и будто его молніи зажигаютъ сердца. Поэтому народъ, чув-

ΑϹΠΑϹΙΑ

АСПАСІЯ

(ГЕРМА ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

Превосходно изваянное изображеніе подруги и жены Перикла, найденное въ Чивитавеккіи. Черты лица въ высшей степени правильны, выраженіе—пріятное, но не лишенное энергіи, волосы искусно завиты въ локоны, но головное покрывало показываетъ, что это почтенная матрона.

ствовавшій непреодолимую силу его слова, прозвалъ его Олимпійцемъ. Притомъ онъ не былъ щедръ на слова и чаще дѣйствовалъ черезъ одинаково настроенныхъ друзей, которые толпились вокругъ него, средоточія всѣхъ стремленій, имѣвшихъ цѣлью благо страны.

Въ своихъ предпріятіяхъ онъ поступалъ съ умѣренностью и принималъ въ расчетъ всевозможныя случайности и впередъ старался обезпечить себѣ успѣхъ. Поэтому онъ менѣе былъ способенъ вести войска республики къ рѣшительнымъ побѣдамъ, такъ какъ ему недоставало той быстрой рѣшимости, которая среди стука оружія и бушеванія битвы высматриваетъ надлежащій моментъ и смѣло рискуетъ всѣмъ, чтобъ выиграть все. Онъ щадилъ кровь гражданъ, но не собственную, когда нужно было въ пылу битвы исполнять свою гражданскую обязанность.

Что, наконецъ, онъ также ошибался въ своихъ расчетахъ, что онъ именно вызвалъ роковую пелопоннесскую войну, приготовившую въ концѣ-концовъ гибель государства,—то было человѣческое заблужденіе, и несправедливо въ этомъ упрекали его, даже приписывая ему нечистыя побужденія. Такъ какъ онъ не видѣлъ другого средства сохранить за отечествомъ достигнутое положеніе, то онъ не отступилъ и передъ крайнимъ средствомъ.

Какъ онъ управлялъ государственными имуществами съ высокими соображеніями, но даже въ частностяхъ съ строгой добросовѣстностью, такъ управлялъ онъ и своими собственными имѣніями. Вѣрный управляющій его Эвангелъ заботился о томъ, чтобъ всѣ произведенія ихъ правильно превращались въ деньги, между тѣмъ какъ домашнія потребности удовлетворялись покупками на городскомъ рынкѣ. Благодаря этому благоустроенному хозяйству, Периклъ обладалъ значительными собственными средствами и при всѣхъ тратахъ на художественныя цѣли могъ сохранять свое безкорыстіе и неподкупную честность въ употребленіи государственныхъ доходовъ. Прекрасны и полны достоинства, какъ его духовныя стремленія, были и черты его лица и вообще строеніе всѣхъ его членовъ. Пропорціональность его мужеской красоты нарушалась только немного безобразнымъ удлинненіемъ головы, за что авторы комедій его времени насмѣшливо называли его скиллоголовымъ или говорили, что у него на головѣ Парѳенонъ.

Таковъ былъ мужъ, выступившій въ это время на сцену

публичной дѣятельности, чтобъ осуществить проникавшія въ народъ идеи равномѣрнаго для всѣхъ права на управленіе государствомъ и затѣмъ, въ согласіи съ общей волей націи, взять на себя верховное руководство.

Кимонъ. Лицомъ къ лицу съ нимъ стоялъ во главѣ аристократической партіи достойный противникъ. То былъ храбрый Кимонъ, сынъ Мильтіада, о побѣдахъ котораго надъ персами мы уже повѣствовали. Стремленія его направлены были на сохраненіе старыхъ государственныхъ формъ и на употребленіе силъ непоколебленнаго государства на борьбу противъ варваровъ. Характеръ его во многихъ отношеніяхъ противоположенъ былъ характеру Перикла. Глубокія и серьезныя занятія наукою правда и ему не остались чуждыми, но они менѣе соотвѣтствовали наклонностямъ его духа, направленнаго болѣе на внѣшнее и практическое. Онъ презиралъ разсчетливую, дальновидную политическую мудрость и думалъ лишь о томъ, какъ бы воспользоваться настоящимъ, тѣмъ, что приносилъ день. Хотя онъ былъ главной опорой аристократической партіи, онъ все-таки ласково и запросто обращался со всѣми гражданами, весело принималъ участіе въ ихъ празднествахъ, всегда имѣлъ при себѣ рабовъ съ наполненными кошельками, раздававшихъ полными руками подаянія безъ различія, какъ достойнымъ бѣднякамъ, такъ и праздношатающимся. Если онъ во время обѣда встрѣчалъ еще на площади людей, то иногда бралъ съ собой на домъ толпу голодныхъ. Съ неменьшей щедростью велѣлъ онъ снять ограду съ обширныхъ садовъ своихъ, чтобъ не препятствовать ни одному сосѣду брать себѣ оттуда необходимое для себя количество овощей и плодовъ.

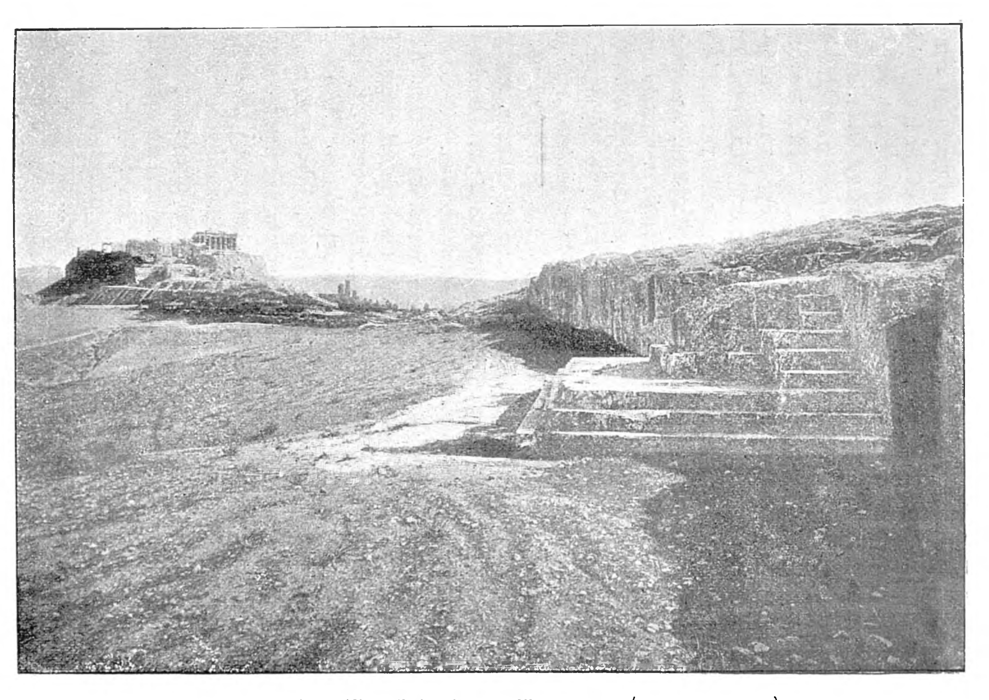
Подумаешь, что такимъ образомъ отъ всегда открытаго стола и руки должно было бы разориться даже величайшее состояніе; но Кимонъ, послѣ того какъ завоеванъ былъ обратно ѳракійскій Херсонесъ, вернулъ себѣ княжескія имѣнія своего отца, а затѣмъ побѣды его доставили ему такую богатую добычу, что онъ вполнѣ могъ покрыть истраченное изъ своего состоянія и не имѣлъ нужды запятнать свою руку нечестной наживой.

И такъ, честностью и любовію къ отечеству онъ равенъ былъ Периклу, военной ловкостью столько же превосходилъ его, сколько уступалъ ему духовнымъ развитіемъ и политической мудростью. Нѣкоторое время, благодаря вѣсу достопочтеннаго по своей древно-

сти ареопага и другихъ магистратовъ, благодаря почету партіи знатныхъ и богатыхъ и благодаря своимъ приверженцамъ въ народной массѣ, онъ могъ препятствовать мѣропріятіямъ Эфіальта и Перикла. Но когда затѣмъ возросло озлобленіе противъ Спарты, Кимонъ, какъ связанный съ этимъ государствомъ узами гостепріимства и какъ приверженецъ его строго аристократическихъ государственныхъ учрежденій, долженъ былъ пасть. Онъ былъ изгнанъ черепковымъ судомъ, и сторонники народа помогли въ Аттикѣ приступить къ исполненію своихъ плановъ.

До сихъ поръ внѣшнее внутреннее государственное управленіе соединено было съ судебной властью; только законодательная власть принадлежала совѣту Пятисотъ и народному собранію (экклесіи). Теперь правительственная и судебная власть строго были отдѣлены одна отъ другой, при чемъ судебное рѣшеніе, какъ по государственнымъ преступленіямъ, такъ и по частнымъ тяжбамъ, было представлено уже раньше упомянутому суду присяжныхъ, геліэѣ.

Мы знаемъ изъ предыдущаго, что геліэя существовала уже давно, что она въ извѣстномъ отношеніи была апелляціонной палатой. Ея должностныя обязанности были теперь значительно расширены. Число избиравшихся по жребію присяжныхъ съ этого времени составляло 5,000, по 500 на каждую судебную палату, къ чему присоединялись еще 1,000 резервныхъ присяжныхъ. Для судоговоренія по обыкновеннымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ геліэя раздѣлялась на десять, иногда еще на большее число отдѣленій, изъ которыхъ каждое имѣло свой особый кругъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе такъ упорядоченное судоустройство соотвѣтствовало своей цѣли. Постороннія занятія, лѣнь или равнодушіе удерживали граждан отъ участія въ засѣданіяхъ, и такимъ образомъ судебная власть оставалась большею частью въ рукахъ архонтовъ и другихъ правительственныхъ лицъ, какъ и ареопага, на приговоры которыхъ не допускалась дальнѣйшая апелляція. Что при такомъ положеніи вещей многократно партійные интересы, страсти, даже подкупы превращали право въ несправедливость, что даже достопочтенный ареопагъ при своей неотвѣтственности не всегда оставался безпристрастнымъ въ своихъ приговорахъ,—сомнѣваться въ томъ нечего; поэтому въ особенности Эфіальтъ неоднократно настаивалъ на томъ, чтобъ положили конецъ этому злу.

ПНИКСЪ ВЪ АѲИНАХЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

Преобразованіе геліэи. По предложенію Эфіальта и его сотрудника, предпринято было преобразованіе геліэи, былъ точно ограниченъ кругъ дѣйствій каждаго отдѣльнаго суда присяжныхъ и, наконецъ, присяжнымъ была назначена поденная плата въ одинъ оболъ, а впослѣдствіи, послѣ Перикла, въ три обола (ок. 15 копѣекъ). Одновременно съ этимъ введенъ былъ институтъ третейскихъ судей (діэтеты). Тяжущіяся стороны обязаны были, прежде чѣмъ предстать передъ геліастами, представить свое дѣло для рѣшенія или лицамъ, избраннымъ ими самими для этой цѣли, или комиссіи третейскихъ судей, назначенной государствомъ. Это была первая судебная инстанція, на приговоръ которой можно было подавать апелляцію въ ординарныя судебныя палаты геліэи.

Суду геліэи, напротивъ, подлежали всѣ публичныя, касавшіяся государства, дѣла, право нарушенія и преступленія всякаго рода.

Набравшись смѣлости, вслѣдствіе достигнутыхъ успѣховъ, вышеуказанные передовые бойцы демократіи теперь уже дерзнули открыто возстать противъ значенія ареопага. Эта верховная судебная палата имѣла право надзора надъ отправленіемъ должности правительственными лицами, законодательствомъ, даже надъ частной жизнью гражданъ. Черезъ это ареопагъ пользовался почти неограниченною властью. Не умаляя достоинства высокаго суда, теперь ввели новыя вѣдомства, существенно ограничивавшія его полномочія.

Впредь должны были семь стражей закона (номофилаки) наблюдать за дѣятельностью совѣта, народнаго собранія и правительственныхъ лицъ. Другая корпорація отъ 200 до 1,000 человѣкъ, законодательная комиссія номоѳетовъ, должна была просматривать законы предыдущаго года, отвергать ихъ или придавать имъ силу. Члены этой комиссіи назначались по жребію изъ геліэи, были, значитъ, присяжными, поступавшими съ большей добросовѣстностью, нежели легко подвижная экклесія. Третьимъ учрежденіемъ была графѐ паранóмонъ, т.-е. жалоба на незаконность. Жалобу эту можно было подавать на всякаго, кто предлагалъ законъ, противный конституціи. Частью эти постановленія введены были уже Клисѳеномъ, но вышли изъ употребленія.

Доставленіе поденной платы (діэта) гражданамъ, присутствовавшимъ въ геліэѣ или также въ экклесіи (народномъ собраніи), теперь дало и рабочему классу возможность участвовать въ общественномъ управленіи. Такимъ же справедливымъ дѣломъ было, чтобы

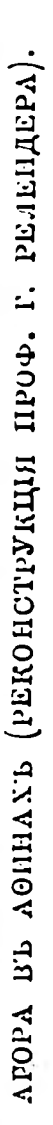
члены совѣта, стряпчіе, стражи закона получали приличный окладъ, а воины за службу свою—жалованье. Каждый гоплитъ, какъ и каждый гребецъ, ежедневно получалъ четыре, каждый всадникъ—двѣнадцать оболовъ, на что они должны были покрывать расходы по оружію и снарядамъ, отчасти и по съѣстнымъ припасамъ. Далѣе, чтобы граждане, принесшіе такія крупныя жертвы и одержавшіе такія побѣды, имѣли долю въ радости и наслажденіяхъ жизни, они привлекались къ связаннымъ съ празднествами жертвеннымъ обѣдамъ. Такимъ же щедрымъ выказало себя государство по отношенію къ гражданамъ, чтобы сдѣлать для нихъ возможнымъ посѣщеніе вновь устроенныхъ театровъ. Именно, такъ какъ взималась входная плата, то устроили такъ, что простолюдину въ праздничное время или по другому случаю выдавали нѣсколько оболовъ для этой цѣли. Подобныя мѣры соотвѣтствовали сущности демократіи. Онѣ служили къ сглаженію различія званій, ко всеобщему распространенію образованія, особенно же къ уразумѣнію управленія государствомъ и правосудіемъ; но это были уже первые шаги, переступившіе за надлежащую середину, это были первые признаки того, что высшая точка уже перейдена, что начатъ путь книзу, къ упадку. Какъ прекраснѣйшій и благороднѣйшій цвѣтокъ быстро распускается и, скоро увядая, отпадаетъ, такъ было и съ удивительнымъ расцвѣтомъ и увяданіемъ аѳинскаго могущества. Раздача поденныхъ денегъ за участіе въ народныхъ собраніяхъ вызывала праздность и болтовню о политикѣ. Масса необразованнаго народа тѣснилась къ гражданскимъ должностямъ, въ экклесію и въ геліэю, считала себя призванными государственными людьми и хвасталась подхваченными крохами государственной мудрости. Пока Периклъ превосходствомъ духовной мощи, громомъ своей рѣчи господствовалъ надъ толпою, государственный корабль еще смѣло направлялся по взбудораженнымъ бурею волнамъ къ высокой цѣли, представлявшейся кормчему. Но, когда онъ умеръ, мѣсто его заняли вожди черни, демагоги, площадные горланы, поведшіе судно на подводные камни и рифы, гдѣ оно при крушеніи погибло вмѣстѣ съ ними. Еще разъ поднялась противъ указанныхъ нововведеній аристократическая партія со всѣми своими силами; она объявила униженіе ареопага дѣйствіемъ нечестиваго богохульства и, видя, наконецъ, тщетность своихъ усилій, сдѣлала шагъ, который, однако,

вмѣсто того, чтобъ повести къ цѣли, совершенно погубилъ ея дѣло: она тайно умертвила Эфіальта,—дѣяніе, въ которомъ впрочемъ изгнанный Кимонъ не принималъ никакого участія.

Съ этого момента Периклъ одинъ стоялъ во главѣ государства, не имѣя противъ себя равнаго себѣ соискателя этого высокаго поста. Были, конечно, три лица, которыя могли бы поспорить съ нимъ за первенство, именно: Кимонъ, Аристидъ и Ѳемистоклъ; но первый не владѣлъ такъ словомъ, чтобъ двигать подвижной толпой по своей волѣ, и еще менѣе былъ способенъ, въ качествѣ дальновиднаго государственнаго дѣятеля, твердой рукой и съ вѣрнымъ тактомъ руководить и управлять ходомъ государственной машины. Второй соперникъ, правда, при Платеѣ увѣнчалъ себѣ голову военнымъ лавромъ, и устройствомъ делосскаго союза доказалъ такъ же политическую ловкость свою, какъ и старинную славу своей справедливости и безкорыстія; но судьба отозвала его со сцены дѣйствія въ то самое время (467 г.), когда вполнѣ распустилось могущество Аѳинянъ и Периклъ сдѣлалъ первые шаги къ представлявшейся ему цѣли.

Наконецъ, Ѳемистоклъ, который могъ бы выступить третьимъ соискателемъ на высшую должность въ государствѣ, жилъ, какъ мы знаемъ, изгнанникомъ-бѣглецомъ въ царствѣ персидскаго царя. Онъ неоспоримо, какъ полководецъ и какъ государственный человѣкъ, обладалъ большими талантами, но ничуть не скромностью и безкорыстіемъ Аристида. Не чистыми руками онъ накопилъ богатства, и, можетъ быть, онъ былъ не безъ соучастія въ измѣнническихъ планахъ Павсанія. Его политическій умъ и многосторонняя ловкость доставили ему милость царя Артаксеркса, который, какъ раньше упомянуто, назначилъ ему города Магнезію, Міунтъ, Лампсакъ, Перкоте и Скепсисъ въ Малой Азіи на его содержаніе и въ то же время передалъ ему область вокругъ Магнезіи въ качествѣ намѣстничества. Ѳемистоклъ за это обѣщалъ ему свои услуги, быть можетъ, не для покоренія Эллады, но вѣроятно для подчиненія малоазійскихъ эллиновъ и острововъ въ Эгейскомъ морѣ.

Остается нерѣшеннымъ, не думалъ ли онъ еще и о томъ, какъ бы воспользоваться всѣми средствами, чтобъ добиться возвращенія и снова получить силу въ Элладѣ и въ Аѳинахъ, средоточіи эллинской жизни; но быстрый подъемъ, развитіе могущества его род-

АГОРА ВЪ АѲИНАХЪ (РЕКОНСТРУКЦІЯ ПРОФ. Г. РЕЛЕНДЕРА).

ного города, быстрая смѣна декорацій скоро показали ему, что онъ—кончившаяся, павшая величина. Между тѣмъ, онъ жилъ съ царской пышностью; разсказывали чудеса о его дворцахъ, его пирахъ и его прислугѣ, такъ что невольно припоминается Валленштейнъ, который послѣ перваго увольненія отъ должности проявилъ подобную же роскошь. Кажется, персидскій царь уже успѣхами аѳинянъ въ Малой Азіи и на ѳракійскомъ побережьѣ побужденъ былъ серьезно напомнить своему гостю объ исполненіи его обѣщаній. Но своевременная смерть, какъ мы знаемъ, избавила Ѳемистокла отъ даннаго великому царю обѣщанія.

Периклъ внутри государства правилъ почти съ неограниченными полномочіями; всѣ его предложенія, благодаря все возраставшему вліянію его на народную толпу, обращались въ законы. Всѣ граждане по этимъ законамъ получили одинаковое право на участіе въ государственномъ управленіи; но такъ какъ масса всегда нуждается въ вождѣ, то только Периклъ могъ быть ея звѣздой и главою. Но онъ былъ болѣе, нежели народнымъ вождемъ: онъ не только по имени, но и въ дѣйствительности былъ окруженъ царскимъ могуществомъ. Проникнутыя и одушевленныя его геніемъ, развивались всѣ силы страны и народа. Нигдѣ тамъ не оставалось мертвой вѣтви на свѣжемъ деревѣ аѳинскаго народнаго быта, нигдѣ не было мѣста, гдѣ не былъ бы насажденъ плодоносный побѣгъ. Поэтому въ небольшомъ государствѣ развернулись жизнь и дѣятельность, благосостояніе и, наконецъ, далеко простиравшееся могущество, которыя возбуждаютъ наше удивленіе.

Послѣ побѣдъ надъ персами при Эвримедонтѣ (465 г.) аѳиняне впервые нашли удобный случай распространиться на сѣверѣ, на ѳракійскомъ берегу. Тамъ у истока Стримона, гдѣ прогнали они варваровъ изъ Эйона и другихъ владѣній, поселились аѳинскіе купцы и другіе колонисты и пытались получить долю изъ дохода, извлекавшагося ѳракійцами изъ богатыхъ золотыхъ рудниковъ Пангейскихъ горъ. Имъ воспротивились, однако, не только туземцы, но и сосѣдніе ѳасосцы.

Отпаденіе Ѳасоса. Островъ Ѳасосъ, правда, былъ до сихъ поръ вѣрнымъ членомъ делосскаго союза; но теперь, когда нужно было отстаивать источникъ своего богатства, жители его не побоялись вступить въ борьбу съ главою союза. Стѣны ихъ, нѣкогда сломанныя персами, снова были выстроены, а морскія

силы ихъ не были маловажны. Но вскорѣ явился привыкшій къ побѣдамъ Кимонъ со своимъ флотомъ, разбилъ островитянъ на морѣ и началъ трудную осаду главнаго города съ суши и съ моря. Въ то же время войско изъ 10.000 колонистовъ, частью аѳинянъ, частью союзниковъ, пробралось вверхъ по Стримону, овладѣло тамъ однимъ ѳракійскимъ городомъ и двинулось далѣе въ богатыя золотомъ горы. Противъ нихъ возстали наиболѣе могущественныя племена страны и послѣ кровопролитныхъ битвъ разбили незнакомыхъ съ мѣстностью поселенцевъ, такъ что лишь немногіе изъ нихъ спаслись отъ кровопролитія. И ѳасосцы защищали свою независимость съ отважнымъ мужествомъ; но когда послѣ двухъ бѣдственныхъ годовъ не прибыло обѣщанной Спартою помощи, они должны были сдаться и, по срытіи ихъ стѣнъ, покориться.

Между тѣмъ какъ Аѳины здѣсь и въ другихъ мѣстностяхъ расширяли свое могущество частью силой оружія, частью переговорами, также Спарта не оставалась совершенно праздною (463 г.). Въ ближайшемъ сосѣдствѣ ея, въ Аркадіи, ея побѣдоносное оружіе не знало покоя. Она сдерживала стремленія болѣе крупныхъ городовъ и охраняла независимость меньшихъ. Въ Беотіи, напротивъ, она укрѣпляла сломленный перевѣсъ Ѳивъ и готовила себѣ этимъ вѣрнаго союзника, а соперницѣ—Аѳинамъ опаснаго сосѣда, которымъ пренебрегать было нельзя.

Землетрясеніе въ Спартѣ и возстаніе гелотовъ. Всѣ эти предпріятія были, однако, парализованы крупнымъ національнымъ несчастіемъ; именно, вслѣдствіе сильнаго землетрясенія, почти весь городъ Спарта и другія мѣстности лаконской страны обратились въ груды развалинъ. Землеколебатель Посидонъ—такъ думали—гнѣвался за то, что отъ жертвенниковъ его въ Тепарѣ оторвали прибѣжавшихъ къ нимъ гелотовъ, и передъ гнѣвомъ земля дрожала въ своихъ основаніяхъ. Въ союзѣ съ гнѣвающимся богомъ тотчасъ же возстали мессенскіе и отчасти лаконскіе гелоты, чтобъ сломить желѣзное иго рабства и ниспровергнуть своихъ ненавистныхъ притѣснителей. Но они нашли спартанцевъ вооруженными, подъ начальствомъ молодого царя Архидама, на развалинахъ города и потому не рискнули напасть на страшныхъ противниковъ, но удалились въ горы, чтобъ тамъ продолжать борьбу не на животъ, а на смерть. Вплоть до равнины Стениклара, древняго главнаго го-

рода Мессеніи, слѣдовалъ за ними смѣлый Аимнестъ, тотъ самый воинъ, отъ руки котораго нѣкогда при Платеѣ палъ Мардоній. Здѣсь онъ съ небольшимъ отрядомъ изъ 300 рѣшительныхъ воиновъ оказалъ сопротивленіе наступавшимъ со всѣхъ сторонъ мессенцамъ. Онъ сражался и умеръ, подобно героямъ Ѳермопилъ, и съ нимъ его храбрецы. Геройская смерть ихъ подняла мужество спартанцевъ. Они настойчиво продолжали войну, пока гелоты, наконецъ, не отступили на высоту Иѳомы. Эту послѣднюю твердыню, гдѣ въ первой мессенской войнѣ Аристодемъ принесъ дочь свою въ жертву отечеству, осажденные защищали съ мужествомъ отчаянія. Тщетно осаждавшіе употребляли всѣ средства нападенія, тщетно призвали они вспомогательныя войска съ Эгины и изъ Платеи; твердыню нельзя было взять.

Спарта ищетъ помощи у Аѳинъ. На третій годъ войны, наконецъ, спартанцы сдѣлали крайне унизительный для себя шагъ: они посредствомъ посольства стали просить помощи въ Аѳинахъ. Дѣло въ томъ, что искусство аѳинянъ брать крѣпкія твердыни и города было всюду извѣстно. Поэтому спартанскій посолъ умолялъ собранный народъ, во имя безсмертныхъ боговъ, оказать его отечеству испрашиваемое содѣйствіе. Совѣщаніе долго колебалось въ ту и другую сторону; тогда выступилъ Кимонъ, вообще только человѣкъ дѣла, а не слова, и сказалъ: „На двухъ основаніяхъ покоится благополучіе всей Эллады: одно коренится въ Аттикѣ, другое—на Эвротѣ, подобно тому, какъ человѣкъ ходитъ на двухъ ногахъ. Если вы отрубите одну, то весь человѣкъ будетъ парализованъ. Поэтому обязанность ваша—со всѣми средствами быть готовыми къ сохраненію второй основы, чтобы не погибла при паденіи вся Эллада и вы съ нею“. Рѣчь эта подѣйствовала на толпу; помощь была обѣщана, и 4000 бойцовъ, подъ начальствомъ самого Кимона, отправились въ путь въ Лаконику.

Аѳинскія вспомогательныя силы, однако, нашли положеніе вещей другимъ, чѣмъ ожидали они. Тутъ не нужно было ломать искусственныхъ стѣнъ, но укрѣпленія Иѳомы составляли скалы, крутые склоны, ущелья и пропасти. Ихъ нельзя было удалить никакими искусственными машинами. А позади скалъ и на высотахъ стояли люди, знавшіе, что спасеніе ихъ покоится единственно на рѣшеніи ихъ оружія, и что имъ нечего было разсчитывать на милость у озлобленныхъ враговъ. Поэтому аѳиняне и

дѣлали лишь незначительные успѣхи; осада должна была ограничиться обложеніемъ твердыни, но мессенцы постоянно умѣли по труднымъ тропинкамъ и скрытымъ ущельямъ производить вылазки и опустошительные набѣги въ окрестности и такимъ образомъ доставать себѣ съѣстные припасы.

Изгнаніе Кимона. Тогда спартанцы промежъ собой стали говорить: „Для того ли мы приняли аѳинскія силы въ сердце своей страны, чтобъ онѣ дѣлали то, что мы сами могли бы дѣлать? Чтобъ честолюбивые союзники высматривали средства впредь по знакомымъ дорогамъ вернуться въ качествѣ враговъ и привесть насъ еще въ большее затрудненіе?“ И что вначалѣ толпа бормотала тамъ и сямъ про себя, тому герусія дала открытое выраженіе; она отпустила аѳинское войско безъ почести и благодарности, какъ увольняютъ наемника. Это оскорбительное увольненіе вызвало всеобщее озлобленіе въ Аѳинахъ. Объявили союзъ со Спартой расторгнутымъ; оказали защиту тѣснимой Коринѳомъ Мегарѣ; заняли Паги и этимъ обезпечили себѣ доступъ къ коринѳскому заливу. Затѣмъ негодованіе обратилось противъ виновника предпріятія, противъ К и м о н а. Уже разъ, послѣ покоренія Ѳасоса, онъ былъ привлеченъ къ суду за то, что не перенесъ тогда своего побѣдоноснаго оружія въ Македонію. Противъ этого обвиненія онъ не выступилъ даже съ отвѣтомъ, и великій противникъ его Периклъ самъ явился посредникомъ, чтобы выставить на видъ право полководца и его славные подвиги. Теперь дѣло обстояло иначе; объявленъ былъ умѣстнымъ черепковый судъ, исходъ котораго не могъ быть сомнительнымъ. Далеко свыше 6,000 голосовъ изрекли изгнаніе великаго мужа, и онъ удалился изъ родного города, не отказываясь изъ-за этого отъ любви къ нему. Намѣренія его были чисты и грандіозны: мыслью его жизни было объединить силы эллиновъ подъ знаменами Аѳинъ и Спарты для борьбы съ варварами и для этого предотвращать всякое внутреннее потрясеніе и всякій раздоръ. Онъ забылъ только, что два стремящихся занять высшее положеніе государства рѣдко могутъ быть побуждены къ общей дѣятельности иначе, какъ только крайней нуждой, и что они, когда бѣда миновала, рано или поздно поссорятся, и распря ихъ окончится или совершеннымъ пораженіемъ одного или покореніемъ обоихъ третьимъ.—По изгнаніи Кимона у Перикла руки были развязаны,

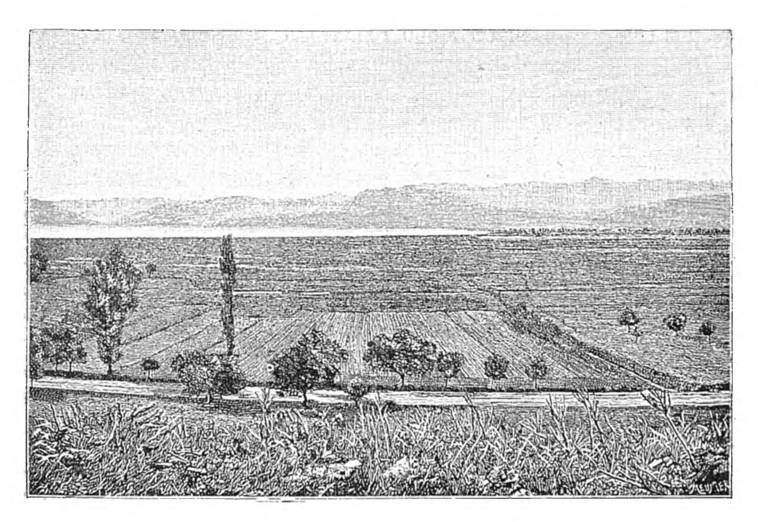
и онъ теперь съ вѣрнымъ тактомъ и быстрыми шагами повелъ народъ свой на ту высоту, которая носилась передъ его очами.

ВОЕННЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ АѲИНЪ.

Противъ Коринѳа и Эпидавра. Аргосъ, старинный соперникъ Спарты, оправился опять отъ прежняго своего пораженія. Подросла многочисленная воинственная молодежь и съ побѣдоноснымъ успѣхомъ боролась съ независимыми аргивскими городами, между тѣмъ какъ Лакедемонъ передъ Иѳомой бился съ мессенцами. Тиринѳъ, а наконецъ и Микены, нѣкогда столица Атридовъ, попали въ ея руки, и кто изъ побѣжденныхъ жителей не обратился во-время въ бѣгство, проданъ былъ въ рабство. Около этого-же времени Аѳины вступили съ Аргосомъ въ тѣсный союзъ, къ которому примкнули на сѣверѣ ѳессалійцы и, какъ уже упомянуто, также Мегара. Но союзъ этотъ возбудилъ ревность и страхъ коринѳянъ, эпидаврянъ и эгинянъ. Въ самомъ дѣлѣ теперь аѳиняне господствовали на Исѳмѣ со стороны суши, а флоты ихъ—на сароническомъ и криссейскомъ заливѣ, и это тѣмъ важнѣе, что для защиты новаго пріобрѣтенія сооружены были двѣ громадныя стѣны, соединявшія Мегару съ гаванью ихъ Нисеей. Правда, аѳинскій отрядъ подъ начальствомъ Миронида при высадкѣ на южномъ берегу аргивскаго полуострова былъ разбитъ соединенными коринѳянами и эпидаврянами; но аѳинскій флотъ одержалъ побѣду въ двухъ сраженіяхъ, уничтожилъ всѣ морскія силы Эгины и осадилъ главный городъ этого острова. Въ то же время съ напряженіемъ всѣхъ силъ велась война противъ Персіи. Двѣсти парусовъ крейсировали у береговъ Финикіи и поплыли, наконецъ, въ Египетъ, гдѣ подъ начальствомъ туземца Инара часть народа была въ возстаніи противъ великаго царя. Они поплыли вверхъ по Нилу и овладѣли частью важнаго города Мемфиса.

Многочисленныя военныя столкновенія Аѳинъ, отчасти въ отдаленныхъ мѣстахъ, казалось, предоставляли, наконецъ, коринѳянамъ удобный случай снова испытать счастіе въ войнѣ съ ними, и они двинулись противъ Мегары. Но Периклова идея о величіи отечества проникла уже всѣхъ аѳинскихъ гражданъ; юноши, едва

вышедшіе изъ отроческихъ лѣтъ, и престарѣлые мужи надѣли доспѣхи и, распѣвая пэанъ, пошли черезъ союзный городъ навстрѣчу врагу, разбили его въ двухъ сраженіяхъ и перебили большую часть одного отряда его въ тѣснинѣ скалъ. Мироиндъ, вождь храбраго войска, при ликующихъ крикахъ народной толпы вступилъ въ родной городъ, который теперь съ гордой увѣренностью уповалъ на свое счастіе и на своихъ боговъ.

ЗАЛИВЪ И ДОЛИНА ОКОЛО АРГОСА (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

Длинныя Аѳинскія стѣны. Периклъ глядѣлъ дальше; взоръ его обнималъ настоящее и будущее, и онъ думалъ о томъ, что когда-нибудь превосходящія силы могутъ сухимъ путемъ вторгнуться на аттическій полуостровъ. Поэтому онъ набросалъ планъ соединить городъ Аѳины съ его гаванями Фалеромъ, Мунихіей и важнымъ Пиреемъ двумя стѣнами, изъ которыхъ каждая должна была быть длиной почти въ одну географическую милю (=около 7 верстъ). Чрезъ это сооруженіе города Аѳины и Пирей, почти равные по объему и населенію, превращались въ крѣпость, которая не только могла-бы доставить защиту всему сельскому населенію, но и выдержать всякое нападеніе съ суши.

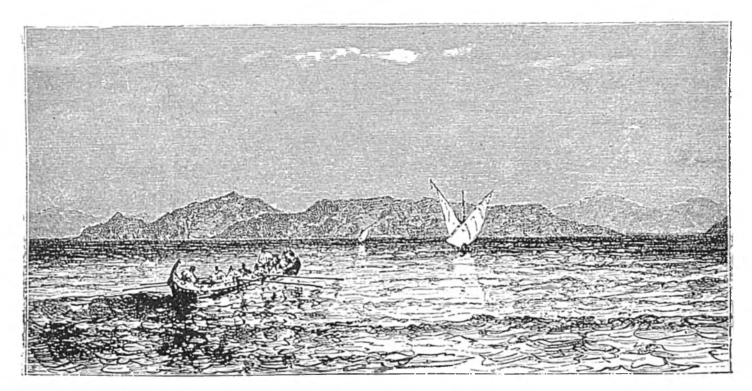
Это былъ исполинскій планъ, исполненіе котораго, казалось, превосходило силу народа, даже переходило за границы возможнаго. Однако надъ всѣми препятствіями, а также и надъ сопротивленіемъ партіи Кимона, надъ малодушіемъ, опасеніемъ землевладѣльцевъ и т. д., патріотическое настроеніе одержало побѣду. Гигантская постройка была начата.

Это сооруженіе наконецъ пробудило спартанцевъ отъ ихъ бездѣятельности. Хотя они все еще стояли подъ несокрушенной Иѳомой, они все-таки съ 1,500 гоплитовъ и 10,000 союзниковъ предприняли походъ черезъ Исѳмъ, подъ предлогомъ оказать содѣйствіе маленькой Доридѣ, своей родинѣ, противъ притѣснявшихъ ее фокеянъ. Уже приближенія ихъ силъ было достаточно, чтобъ пугнуть фокейцевъ. Затѣмъ спартіаты распространились въ Беотіи, возстановили въ менѣе крупныхъ городахъ олигархическое устройство и въ то же время преобладаніе Ѳивъ и, наконецъ, двинулись внизъ по рѣкѣ Асопу, гдѣ они надѣялись на подкрѣпленіе отъ аѳинскихъ изгнанниковъ и людей олигархической партіи, можетъ быть, отъ самого Кимона. Но въ Аѳинахъ не дремалъ Периклъ и насквозь видѣлъ вражескіе планы. Миронидъ, побѣдитель коринѳянъ, двинулся со своимъ войскомъ, подкрѣпленнымъ аргивянами и ѳессалійцами, на границу страны и вскорѣ затѣмъ (457) онъ стоялъ при Т а н а г р ѣ на равнинѣ у Асопа, къ востоку отъ поля платейской битвы, напротивъ вражескихъ силъ. Это было въ первый разъ, что аѳинское оружіе въ открытомъ полѣ должно было помѣриться со спартанскимъ.

Наканунѣ битвы явился Кимонъ въ полномъ вооруженіи передъ собравшимися вождями въ аѳинскомъ лагерѣ и предложилъ, что онъ станетъ простымъ воиномъ участвовать въ бою въ рядахъ своего колѣна (филы). Но надъ головой его тяготѣлъ еще приговоръ остракизма, и предложеніе его было отвергнуто. Тогда онъ сталъ заклинать своихъ друзей и товарищей по филѣ исполнить вмѣсто него обязанности по отношенію къ отечеству, и передалъ имъ свои доспѣхи, чтобъ они несли ихъ въ своихъ рядахъ, какъ знакъ его вѣрности.

Загорѣвшаяся на слѣдующій день битва была кровопролитна и долгое время нерѣшительна. Друзья и товарищи Кимона, числомъ сто, пали бокъ-о-бокъ; самъ Периклъ сражался въ переднихъ рядахъ съ крайней храбростью; но весь героизмъ, все са-

моотверженіе разбились о боевую ловкость, презрѣніе къ смерти, страшное спокойствіе и стойкость спартанцевъ. Ѳессалійцы бѣжали первые, затѣмъ и аргивяне и аѳиняне съ опрокинутыми рядами должны были оставить поле битвы. Значительныхъ послѣдствій сраженіе не имѣло; побѣдители воздвигли трофей и затѣмъ сочли за лучшее начать отступленіе, которому разбитый непріятель не могъ уже болѣе помѣшать въ Геранейскихъ горахъ. Тѣмъ не менѣе въ Аѳинахъ царило большое смущеніе изъ-за понесеннаго пораженія, и рядомъ съ жалобами о многочисленныхъ убитыхъ стали раздаваться серьезныя опасенія за будущее.

ВИДЪ НА ОСТРОВЪ ЭГИНУ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

Возвращеніе Кимона. Посреди всеобщаго возбужденія Периклъ съ несокрушимымъ хладнокровіемъ стоялъ въ народномъ собраніи и говорилъ о славѣ и блескѣ республики и о мужѣ, который такъ часто велъ ея гражданъ къ побѣдѣ и передъ битвой доказалъ свою любовь къ отечеству, о Кимонѣ, и о томъ, что надо снять съ него опалу, чтобъ онъ во главѣ войска вернулъ счастіе.

Всеобщее одобреніе сопровождало слова оратора. Постановили снять опалу съ благороднаго Кимона, и съ этимъ рѣшеніемъ въ сердца гражданъ вернулись упованіе и увѣренность, такъ какъ отнынѣ во главѣ республики въ сердечномъ согласіи должны были стоять два величайшихъ ея мужа, изъ которыхъ одинъ былъ призванъ вѣрной рукою управлять кормиломъ государства, другой— руководить ея оружіемъ.

Счастливо устроенное согласіе между партіями привело къ самымъ блестящимъ успѣхамъ. Уже черезъ два мѣсяца послѣ пораженія при Танагрѣ въ Беотію вступило аѳинское войско, одержало побѣду при Энофитахъ и ввело во всѣхъ беотійскихъ городахъ, даже въ Ѳивахъ, демократическое устройство, между тѣмъ какъ олигарховъ поразилъ жребій изгнанія. Затѣмъ подобнымъ же образомъ въ аѳинскій союзъ были приняты Фокида и Локрида, послѣдняя послѣ тщетнаго сопротивленія.

Побѣда надъ Эгиной. Великое двойное празднество справлялось въ 445 году: Эгина, дотолѣ властительница моря, сдалась, и окончены были длинныя стѣны, соединявшія Аѳины съ Пиреемъ. Завоеванія скалистаго острова Эгины было побѣдой, изъ-за которой справедливо ликовали всѣ граждане Аѳинъ. Долгіе годы островитяне давали чувствовать іонійскимъ сосѣдямъ превосходство свое на морѣ. Часто опустошали они аттическіе берега, удачно сражались съ аѳинскими флотами. Парусные корабли ихъ были самыми лучшими, судохозяева ихъ—самыми предпріимчивыми купцами, посѣщавшими побережья Азіи и Египта и возвращавшимися оттуда съ богатыми сокровищами.

Въ городѣ Эгинѣ обитали 5000 способныхъ къ оружію гражданъ, земельныя владѣнія которыхъ обрабатывались болѣе чѣмъ 450.000 рабовъ. Богатство жителей обнаруживалось не только въ веселомъ настроеніи жизни, но и въ служеніи искусству, о чемъ еще теперь свидѣтельствуютъ эгинскія статуи греческихъ и троянскихъ бойцовъ. Сохранившіеся еще обломки великолѣпныхъ храмовъ не менѣе доказываютъ художественный вкусъ этихъ островитянъ. У гавани, защищенной двумя громадными дамбами, возвышался храмъ Эака, къ востоку отъ города—храмъ Аѳины, и на возвышенности къ юго-востоку—панэлленіонъ, далеко виднѣясь надъ сушей и моремъ, домъ панэллинскаго Зевса, къ которому въ большой праздникъ поднималась толпа, чтобъ принести отцу боговъ за покровительство его благодарственныя жертвы. Теперь, послѣ того какъ островъ сдался, аѳиняне открыли портовые доки, увели корабли, срыли обводныя стѣны, принудили жителей къ подданству. Велика была радость побѣдителей изъ-за этой удачи; аѳинскій флотъ тотчасъ же поплылъ вокругъ Пелопоннеса, чтобъ по всему враждебному берегу разглашать вѣсть о побѣдѣ. Онъ проникъ въ криссейскій заливъ, завоевалъ Навпактъ и другія селенія, побудилъ нѣсколько

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА АѲИНЫ НА ОСТРОВѢ ЭГИНѢ (АВТОТИПІЯ СЪ ФОТОГРАФІИ)

ахейскихъ городовъ, даже западные острова Закинѳъ и Кефалонію, присоединиться къ аѳинскому союзу и сталъ, наконецъ, на якорѣ въ мегарской гавани Пагахъ.

Около этого времени запертые на Иѳомѣ мессенцы должны были, наконецъ, сдаться; однако получили право свободнаго выступленія. Толмидъ, вождь аѳинскаго флота въ криссейскомъ заливѣ, отвелъ имъ жилища во вновь завоеванномъ Навпактѣ и черезъ это пріобрѣлъ своему отечественному городу вѣрныхъ союзниковъ.

Аѳиняне въ Египтѣ. Менѣе счастливыми были походы въ Акарнанію и Ѳессалію, но самымъ тяжкимъ былъ ударъ, поразившій аѳинянъ въ Египтѣ. Послѣ нѣсколькихъ успѣховъ они тамъ были прогнаны болѣе многочисленнымъ персидскимъ войскомъ изъ Мемфиса и заперты на островѣ Просопитидѣ на Нилѣ. Храбро защищались они въ теченіе цѣлыхъ восемнадцати мѣсяцевъ. Но воинственный сатрапъ Мегабизъ, руководившій нападеніемъ, осушилъ каналомъ рукавъ Нила и днемъ и ночью производилъ нападенія на укрѣпленный лагерь. Тогда корабли, наконецъ, запылали, а экипажъ въ послѣдовавшемъ за этимъ кровопролитіи палъ отъ оружія варваровъ.

Кимоновъ миръ. Когда печальная вѣсть дошла до Аѳинъ, Кимонъ счелъ себя призваннымъ снова обратиться къ своимъ прежнимъ планамъ о соединеніи всей Эллады и о войнѣ противъ Персіи въ отмщеніе за прежнее. Послѣ цѣлые года тянувшихся переговоровъ ему удалось заключить пятилѣтнее перемиріе съ Лакедемономъ (451). Затѣмъ онъ съ 200 тріэръ поплылъ къ Кипру. Онъ осадилъ тамъ городъ Китій и одновременно отправилъ 60 кораблей къ Египетскому берегу. Во время осады Кимонъ умеръ отъ болѣзни или отъ полученной раны, а флотъ по одержаніи нѣсколькихъ побѣдъ съ богатой добычей вернулся въ Аѳины. Затѣмъ, какъ передаютъ, въ Сузу отправились послы и заключили тамъ такъ называемый Кимоновъ миръ. Аѳины—такъ сообщается—обѣщали не предпринимать болѣе враждебныхъ дѣйствій противъ персидскихъ береговъ, а царь, съ своей стороны, призналъ независимость іонійскихъ грековъ и согласился, чтобъ персидское войско приближалось къ іонійскому побережью не ближе растоянія трехъ дневныхъ переходовъ, а военныя суда не входили въ Босфоръ и Эгейское море. Но такой миръ на самомъ дѣлѣ ни-

когда не заключался, а мнимыя условія его были только фактическія послѣдствія, развившіяся изъ теченія событій.

У Аѳинъ былъ теперь миръ въ Элладѣ и съ властителемъ Азіи. То былъ славный миръ: государство достигло высшей точки своего распространенія и могущества. Члены делосскаго союза, исключая Самосъ, Хіосъ и Лесбосъ, мало по малу изъ свободныхъ союзниковъ сдѣлались данниками. Богатства, наросшія изъ ихъ взносовъ, по предложенію самосцевъ не сохранялись ужь болѣе на Делосѣ, но на аѳинскомъ акрополѣ. Большая часть собственно Эллады, далѣе Аргосъ и нѣсколько ахейскихъ городовъ въ Пелопоннесѣ имѣли одинаковое устройство и стояли въ тѣсномъ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ съ Аѳинами, колоніи которыхъ распространялись все далѣе по македонскому и ѳракійскому побережью. Аттическое государство поэтому, и какъ сухопутная держава, могло равняться съ республикой на Эвротѣ. Но какъ мессенцы постоянно питали смертельную ненависть къ своимъ притѣснителямъ, такъ противъ Аѳинъ были всѣ тѣ, кто потерпѣлъ ущербъ при этой перемѣнѣ, и они выжидали удобнаго случая, чтобъ отомстить и возстановить свои прежнія права.

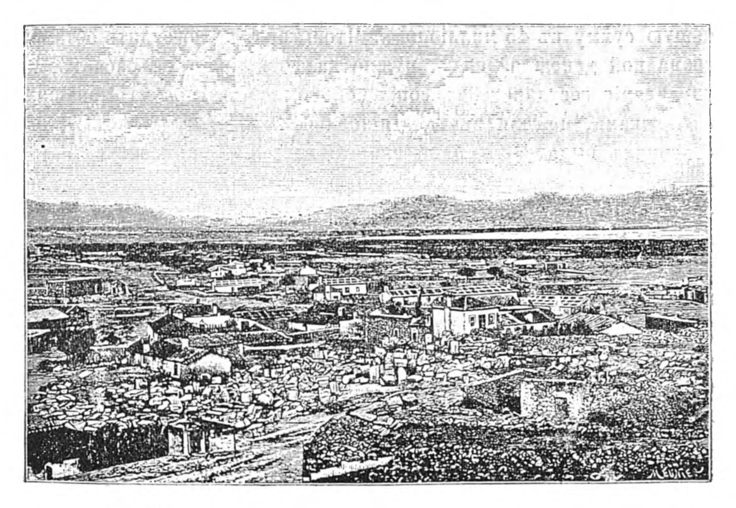
Битва при Коронеѣ. Прежде всего стали собираться въ горахъ бѣглецы и изгнанники изъ Эгины, Ѳивъ и многихъ беотійскихъ, фокидскихъ и локридскихъ городовъ. То были вовсе не незначительные люди, но частью такіе, которые стояли раньше во главѣ своихъ государствъ и были свѣдущи въ дѣлахъ войны и мира. Они завоевали нѣсколько мѣстечекъ въ Беотіи и приняли угрожающее положеніе противъ Аттики. Тотчасъ же въ Аѳинахъ вооружились жаждущіе славы юноши изъ знатнѣйшихъ семей и стремительно пожелали, чтобъ ихъ повели противъ врага, который, какъ говорили они, не сможетъ вынести блеска ихъ щитовъ. Они составили силу въ 1000 гоплитовъ и почти не хотѣли дожидаться легковооруженныхъ и вытребованныхъ союзниковъ. Тщетно увѣщевалъ ихъ Периклъ собрать болѣе крупныя силы; смѣлый Толмидъ, раньше командовавшій флотомъ во время объѣзда его вокругъ Пелопоннеса, повелъ бранелюбивыя рати черезъ Киѳеронъ и скоро при первомъ нападеніи овладѣлъ Херонеей, но на дальнѣйшемъ пути въ области Коронеи на него напали враги (447 г.), значительно превосходившіе его численностью. Здѣсь,

гдѣ съ запада глядятъ въ долину снѣжныя вершины Парнасса и къ востоку равнина клонится къ тихимъ водамъ Копаиды, дожидались его союзники. Повидимому, на сторонѣ аѳинянъ мало соблюдали порядокъ и дисциплину, такъ какъ гоплиты, при натискѣ, правда превосходившаго силами врага, были разсѣяны, перебиты и частью взяты въ плѣнъ. Самъ Толмидъ былъ въ числѣ убитыхъ.

Возстаніе Эвбеи. Чтобъ спасти плѣнныхъ отъ смерти, аѳиняне тотчасъ же очистили всю Беотію. Побѣдоносные изгнанники снова вступили въ свои города, возстановили старыя формы правленія, подошли затѣмъ къ Фокидѣ и Локридѣ и, наконецъ, побудили и весь островъ Эвбею къ возстанію. Чтобъ сохранить за Аѳинами и снова подчинить это послѣднее владѣніе, Периклъ тотчасъ же выступилъ съ кораблями и многочисленнымъ войскомъ. Но другое угрожающее извѣстіе отозвало его домой: коринѳяне со своими союзниками напали на Мегару, частью перебили аѳинскій гарнизонъ внутри длинной стѣны и осадили остальныхъ въ гавани Нисеѣ. Около того же времени лакедемонское войско двинулось черезъ геранейскія горы и грозило всей Аттикѣ опустошительнымъ вторженіемъ. Эти извѣстія распространили ужасъ среди сельскаго населенія и въ городѣ. Периклъ, однако, нашелъ средство спасенія. Онъ зналъ подкупность спартанцевъ и всегда имѣлъ на готовѣ значительную сумму для подобныхъ тайныхъ расходовъ, въ чемъ народъ потомъ не требовалъ отъ него отчета. Пелопоннесцы уже проникли до плодоносныхъ полей ѳріасійской равнины около Элевсина, когда пустили въ ходъ переговоры, которые и остановили походъ. Вслѣдствіе ихъ, молодой царь Плистоанактъ и совѣтникъ его Клеандридъ повели войско обратно. Правда, ихъ обоихъ обвинили въ Спартѣ въ принятіи подарковъ: Клеондридъ спасся отъ смертной казни бѣгствомъ, соблазненный Плистоанактъ былъ приговоренъ къ денежному штрафу въ 15 талантовъ и, не будучи въ состояніи уплатить его, добровольно отправился въ изгнаніе. Но Аѳины были спасены.

По устраненіи этой опасности, Периклъ съ большими силами, именно съ 5000 гоплитовъ и 50 тріэрами, отправился на Эвбею и снова подчинилъ весь островъ. Это завоеваніе, однако, было и единственнымъ плодомъ похода: обширное господство Аѳинъ на сушѣ все-таки осталось безвозвратно потеряннымъ. Тяжко давилъ гражданъ страхъ передъ опустошительнымъ вторженіемъ пелопон-

несцевъ, для которыхъ Мегара составляла теперь открытыя ворота; живымъ было и желаніе видѣть свободными знатныхъ юношей, взятыхъ въ плѣнъ при Коронеѣ: поэтому со Спартой и ея союзниками заключили перемиріе на 30 лѣтъ (445), по которому аѳиняне, за возвращеніе плѣнниковъ, очистили гавани Нисею, Паги и другія владѣнія и, что особенно важно, отказались также отъ союза съ Мегарой. Этотъ послѣдній городъ своимъ добровольнымъ присоединеніемъ болѣе всего содѣйствовалъ возвышенію

нынѣшній видъ города элевсинъ (рисунокъ по фотографіи).

Аѳинъ, а отпаденіемъ своимъ—ихъ униженію; поэтому къ нему стали питать такую смертельную ненависть, что прервали съ нимъ всѣ сношенія.

Средства Аѳинъ. Но потери эти вовсе не причинили гибели дѣйствительному могуществу Аѳинъ. Онѣ лишь принуждены были теперь ограничиться только преимущественно моремъ, которое было ихъ собственною стихіей. Тамъ господствовали своими флотами, и острова и прибрежные город остались подчиненными имъ, какъ и раньше, и платили ежегодную дань, составлявшую сначала 460, затѣмъ 600 талантовъ, или на наши нынѣшнія деньги приблизительно 1,275,000 р. Но эту сумму нужно

представлять себѣ еще въ шесть до восьми разъ большей, значитъ равной приблизительно 10 милліонамъ, такъ какъ цѣнность денегъ въ тѣ времена настолько была выше теперешней.

Сюда присоединялись доходы съ населенія города, въ которомъ считалось приблизительно 180,000 душъ и въ числѣ ихъ отъ 20—30,000 гражданъ, съ сельскаго населенія, числомъ 300,000 человѣкъ, съ колонистовъ, поселившихся на многочисленныхъ островахъ и берегахъ, съ подати на рабовъ, съ рудниковъ и т. д., что вмѣстѣ, по теперешней цѣнѣ денегъ, пожалуй, превосходило бы общую сумму въ 45 милліоновъ. Чтобы правильно судить объ этой громадной денежной силѣ, нужно далѣе принять въ расчетъ, что управленіе государствомъ сопряжено было съ гораздо меньшими издержками, нежели въ настоящее время. Периклъ, правда, постановилъ выдачу поденной платы для геліэи, номоѳетовъ и другихъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ общественныхъ должностяхъ, но большинство государственныхъ постовъ осталось все-таки почетными должностями.

Кромѣ того лежали значительныя повинности на богатыхъ гражданахъ, видѣвшихъ въ нихъ все-таки извѣстное отличіе передъ болѣе бѣдными своими согражданами. Они служили на войнѣ въ качествѣ всадниковъ и гоплитовъ и сами должны были ставить своихъ лошадей и свое вооруженіе. Состоятельный гражданинъ обязанъ былъ въ теченіе года содержать тріэру, поставлявшуюся государствомъ, послѣ чего онъ снова на три года освобождался отъ этого дорогого почета. Богачи должны были также покрывать расходы по состязательнымъ играмъ, религіознымъ процессіямъ и празднествамъ. А въ Аѳинахъ было значительное число гражданъ съ большимъ состояніемъ, которое образовывалось частью изъ дохода съ туземныхъ и иностранныхъ имѣній, частью изъ наживы отъ обширной торговли. Естественно, еще большее число наслаждалось комфортабельнымъ благосостояніемъ, и даже самые низшіе слои обезпечены были достаточнымъ занятіемъ отъ тягостной нужды. Поэтому государство могло, какъ мы видѣли, развертывать военную дѣятельность, какая безъ знанія этихъ обстоятельствъ могла бы показаться непонятною. Военныя силы его состояли изъ 13,000 тяжеловооруженныхъ, употреблявшихся для полевой службы, и изъ 16,000, употреблявшихся для службы въ укрѣпленныхъ городахъ. Это были люди, содержавшіе собственными сред-

ствами прислугу и вооруженіе. Далѣе было 1,200 всадниковъ и конныхъ стрѣлковъ изъ лука, 1,600 пѣшихъ стрѣлковъ изъ лука и флотъ, комплектный экипажъ котораго считался въ 60,000 человѣкъ. Съ такими силами Аѳины стояли во главѣ не только маленькой аттической республики, но государства, обнимавшаго болѣе 15 милліоновъ жителей.

ПЕРИКЛЪ.

Время процвѣтанія Аѳинъ. Но всего этого недостаточно было стремившейся впередъ душѣ Перикла. Славный отечественный городъ его долженъ былъ стать средоточіемъ эллинской жизни и дѣятельности, эллинской культуры, искусства и науки. Онъ надѣялся, что привлекаемыя его блескомъ и великолѣпіемъ другія государства перейдутъ на его сторону, что, если этого и не удалось достигнуть силой оружія, подъ его предводительствомъ составится общеэллинскій союзъ государствъ, который побѣдоносно могъ бы выступить противъ варваровъ Азіи. Такимъ образомъ, его идея въ исходѣ своемъ встрѣтилась съ идеей Кимона, и только путь, котораго держались оба мужа, средства, считавшіяся ими за цѣлесообразныя, были различны. Периклъ поощрялъ знатныхъ юношей стремиться къ образованію и мудрости, приказывалъ во время праздниковъ у жертвенниковъ и въ театрѣ исполнять передъ народомъ произведенія поэзіи и музыки, заботился о сооруженіи храмовъ и другихъ общественныхъ зданій, и по его побужденію выставлялись лучшія произведенія ваянія и живописи, о чемъ намъ еще придется повѣствовать. Черезъ это онъ сдѣлалъ свои Аѳины сборнымъ пунктомъ для философовъ и ораторовъ, для вдохновенныхъ поэтовъ и

художниковъ, передъ которыми носился идеалъ благороднѣйшей красоты. Онъ обращалъ,—какъ замѣчаетъ одинъ древній писатель,—государственное богатство на предметы, которые приносили собой вѣчную славу, продолжительное благосостояніе и высокое духовное образованіе гражданъ.

Самосская война. Периклъ употреблялъ на эти предпріятія не только собственные государственные доходы Аѳинъ, но и делосскую союзную казну, которая, какъ упомянуто, перевезена была въ Аѳины, и когда въ этомъ упрекнули его въ экклесіи, то онъ открыто объявилъ, что Аѳины выполнили цѣль и условіе взносовъ,—пораженіе варваровъ и отраженіе ихъ нападеній отъ союзниковъ,—жертвуя кровью своихъ гражданъ; теперь они не обязаны болѣе давать отчетъ въ употребленіи этихъ взносовъ. Это заключеніе было убѣдительнымъ, пожалуй, для аѳинянъ, но не для союзниковъ, и если даже демократическая масса въ подчиненныхъ городахъ очень довольна была пріобрѣтенной безопасностью отъ персидскихъ силъ и возможностью спокойнаго занятія своими дѣлами, то все-таки аристократическая партія громко жаловалась на позоръ дани, вымогательства нѣкоторыхъ аѳинскихъ повелителей и на аѳинскіе суды, къ которымъ союзники должны были обращаться въ своихъ спорахъ, для приговора. Вообще обширному аѳинскому союзу государствъ недоставало общаго интереса, который могъ бы побудить и отдаленные города къ жертвамъ. Его удерживала сила и одинаковая форма правленія; но, гдѣ та или другая приходила въ упадокъ, тамъ вскорѣ ослабѣвали и соединявшія его узы.

Сперва Аѳины испытали это со стороны Византіи, отпавшей отъ нихъ и рѣшившейся оружіемъ защищать свою независимость. Это отпаденіе было тѣмъ опаснѣе, что одновременно изъ остальныхъ свободныхъ союзниковъ: Хіоса, Лесбоса и Самоса, послѣдній готовился къ войнѣ противъ главы союза (440). Дѣло въ томъ, что островъ этотъ имѣлъ владѣнія на материкѣ Азіи и изъ-за нихъ поссорился съ сосѣднимъ Милетомъ, который попалъ въ очень затруднительное положеніе. Встревоженный городъ обратился тогда къ Аѳинамъ съ просьбой о защитѣ. Тотчасъ-же предложено было Самосу и Милету внести свои спорныя дѣла въ соотвѣтствующій аѳинскій судъ для разбирательства. Но гордые своими значительными морскими силами островитяне не повиновались, а предоставили рѣшеніе оружію. Противъ

этого врага, на котораго нельзя было смотрѣть съ презрѣніемъ, тотчасъ-же двинулись изъ Аѳинъ десять стратеговъ, между ними Периклъ. Вначалѣ думали, что части флота будетъ достаточно, чтобъ помѣриться съ островитянами, и Периклъ поэтому поплылъ съ другой эскадрой къ лидійскому берегу, гдѣ персидскій сатрапъ Писсуѳнъ собирался поддержать самосцевъ. Между тѣмъ послѣдніе напали на тѣснившую ихъ часть аѳинскаго флота и такъ отдѣлали ее, что она не рѣшалась болѣе держаться въ открытомъ морѣ. Лишь по возвращеніи Перикла можно было начать осаду, кончившуюся покореніемъ всего острова. Послѣ этой побѣды удалось принудить къ сдачѣ и Византію.

МОНЕТЫ МАЛОАЗІАТСКИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ КОЛОНІЙ.

Двойная побѣда снова доказала превосходство Аѳинъ на морѣ; но они изъ-за этого не предались лѣнивому покою. Флоты ихъ повезли многочисленныхъ колонистовъ на ѳракійскій берегъ, гдѣ, какъ раньше замѣчено, при Стримонѣ, на образованномъ рѣкою полуостровѣ основанъ былъ важный городъ Амфиполь. Ѳракійцы, разстроивавшіе до сихъ поръ всякую попытку къ поселенію и умертвившіе 10,000 колонистовъ, наконецъ, были вытѣснены; новый городъ скоро поднялся, благодаря торговлѣ и разработкѣ сосѣднихъ золотыхъ рудниковъ, до большого благосостоянія. Другая аѳинская колонія отправлена была въ Синопу, на Черномъ морѣ, третья въ Ѳуріи, въ Нижней Италіи, гдѣ еще до похода Ксеркса на развалинахъ Сибариса поселились аѳинскіе граждане. Отсюда видно, что Аѳины придерживались того-же пути, которымъ Великобританія, первая морская держава нашего времени, достигла своего обширнаго господства. Колоніи по близости и въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ обезпечивали ихъ торговлю, ихъ вліяніе, а дань подчиненныхъ народовъ давала имъ возможность содержать флоты и войска, служившіе опорой ихъ могущества.

ДЕМЕТРА И КОРА
(ГРУППА ВОСТОЧНАГО ФРОНТОНА ПАРѲЕНОНА, ТЕПЕРЬ ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА ВЪ ПЕРІОДЪ ПРОЦВѢТАНІЯ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ПРАЗДНЕСТВА.

Какъ общественная, такъ и частная жизнь Аѳинъ представляла пеструю картину. Блескъ государства, всеобщее благосостояніе, наконецъ—характеръ населенія содѣйствовали тому, чтобъ сдѣлать ее пріятною, общительною и веселою. Поэтому можно было сказать, что годъ въ такомъ городѣ стоитъ того-же, что въ другомъ—долговременная жизнь.

Почти ежедневно въ Аѳинахъ можно было слушать рѣчи и разсужденія великихъ государственныхъ людей, или художественныя хоровыя пѣснопѣнія при жертвенныхъ процессіяхъ, или въ портикахъ преподаваніе учителей мудрости, или въ театрѣ можно было смотрѣть исполненіе безсмертныхъ поэтическихъ твореній Эсхила, Софокла, Эврипида, или наслаждаться разсматриваніемъ мастерскихъ произведеній архитектуры, ваянія,

живописи, или находить развлеченіе въ народной давкѣ на міровомъ рынкѣ Пирея, или забавляться на веселомъ пиру. Все, что только питаетъ и освѣжаетъ тѣло, что радуетъ сердце, возвышаетъ и облагораживаетъ духъ, можно было найти въ Аѳинахъ. Не было недостатка и въ общеніи съ духовно развитыми женщинами; и въ самомъ дѣлѣ, если разговоръ съ аѳинянками, ограниченными домашнимъ хозяйствомъ, во многихъ отношеніяхъ былъ однообразенъ и даже скученъ, то рядомъ съ ними были такія, правда, большею частью иностранки, которыя одинаково отличались красотой и образованіемъ. Ихъ называли гетерами, т.-е. подругами. Многія изъ нихъ были продажныя, развратныя созданія; но иныя, какъ уже названная Аспасія, собирали вокругъ себя благороднѣйшихъ аѳинянъ, устраивали какъ бы эстетическія школы, гдѣ въ непринужденномъ дружескомъ обращеніи изучался самый тонкій вкусъ, а не cours d'amour, гдѣ молодежь гибнетъ тѣломъ и душой. И для развитія тѣлесной силы, граціи и ловкости въ Аѳинахъ представлялась богатая возможность. Если представить себѣ еще видъ большихъ процессій во время празднествъ и при жертвоприношеніяхъ, торговыхъ и военныхъ флотовъ, становившихся на якорѣ или на всѣхъ парусахъ стремившихся къ близкимъ и далекимъ берегамъ, то предъ нами раскроется приблизительная картина кипучей аттической жизни, гдѣ чувственно прекрасное является просвѣтленнымъ дыханіемъ духа.

Элевсиніи и Панаѳинеи. Очень высокое значеніе не только для аѳинянъ, но и отчасти для всей Греціи имѣли Элевсиніи и Панаѳинеи. Первыя, называвшіяся элевсинскими мистеріями, основывались на миѳѣ о божествахъ природы: Деметрѣ, Персефонѣ или Корѣ и Діонисѣ, здѣсь называвшемся Іакхомъ, сынѣ Коры и властителѣ преисподней. Онѣ символически выражали взгляды и надежды мудрецовъ на лучшую жизнь души послѣ смерти, въ противоположность тому призрачному существованію, о которомъ говоритъ Гомеръ.

Деметра, даровательница обилія плодовъ—такъ гласитъ миѳъ—покинула блаженный сонмъ олимпійцевъ, узнавъ, что дочь ея Кора похищена мрачнымъ Аидомъ и безвозвратно для нея потеряна. Она отправилась въ Элевсинъ и въ образѣ старухи сѣла на камень у „колодца цвѣтовъ", гдѣ дѣвушки черпали воду. Дочери царя Келея нашли ее здѣсь погруженной въ свою печаль. Узнавъ, что скорбящая женщина похищена моряками

убѣжала сюда отъ разбойниковъ, что она безъ крова, родины и друзей, онѣ взяли ее съ собой въ царское жилище. Скоро удалось веселой служанкѣ Рамбѣ рѣзвыми шутками разсѣять печаль богини, и та послѣ этого взяла на себя уходъ за маленькимъ царевичемъ Демофоонтомъ. Днемъ она подавала ему амвросію, ночью клала его въ небесный огонь, чтобъ очищать его для безсмертія.

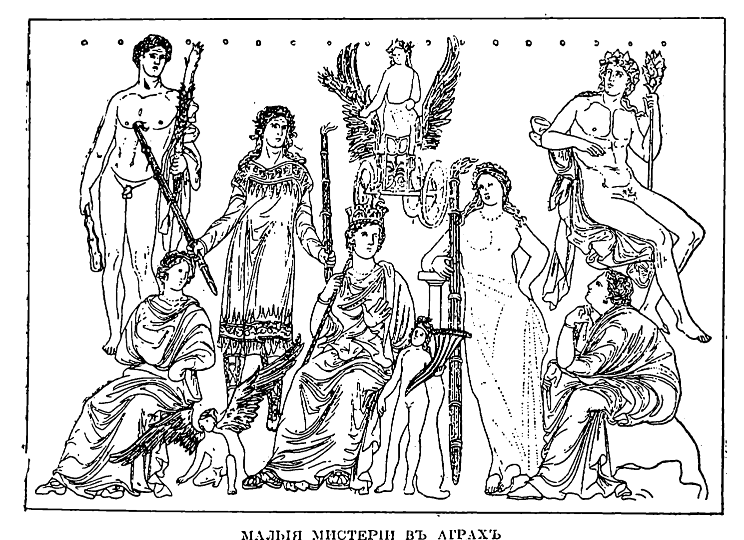
Такъ мальчикъ росъ чудесно, но мать, увидѣвшая его однажды въ очищающемъ пламени, въ испугѣ вырвала его оттуда. Тогда внезапно передъ ней предстала божественная няня, преображенная лучезарнымъ сіяніемъ, гнѣваясь на человѣческую неразумность. Она приказала элевсинцамъ построить храмъ и посулила имъ открыть священные обряды, черезъ соблюденіе которыхъ они сдѣлаются причастными къ высшимъ, осчастливливающимъ благодѣяніямъ. Когда храмъ былъ построенъ, скорбящая богиня скрылась въ немъ, и въ теченіе цѣлыхъ годовъ не росъ питательный хлѣбъ, такъ что и люди и животныя гибли отъ недостатка пищи, пока, наконецъ, всѣмъ управляющій Зевсъ не изрекъ приговора, чтобъ похищенная Кора вернулась къ матери на бѣлый свѣтъ, двѣ трети года радовалась вмѣстѣ съ нею, а треть проводила у своего супруга въ подземномъ царствѣ.

Произошло согласно съ велѣніемъ Кроніона, и когда Деметра заключила дочь въ свои объятія, проснулась молодая весна, и земля произвела почки и цвѣты, хлѣбъ и древесные плоды въ пышномъ изобиліи.

А богиня обучила главы города таинствамъ своего культа и ихъ смыслу, тому именно, какъ, подобно дочери ея Корѣ, сѣмя опускается въ землю, чтобъ весной выступить изъ нея свѣжимъ и полнымъ жизни, и какъ подобнымъ же образомъ человѣкъ съ земной смертью спускается въ преисподнюю, чтобъ, очистившись отъ грязи земной жизни, подняться до болѣе высокаго существованія. Такія ученія постигали и сохраняли, конечно, только люди благородные и мудрецы; поэтому они оставались покрытыми мистическимъ мракомъ, поэтому также вѣрили, что само божество накажетъ безбожнаго преступника, который сдѣлаетъ ихъ общеизвѣстными. Тайна эта и сохранялась такъ хорошо, что только позднѣйшіе писатели даютъ о ней нѣкоторыя разъясненія, удовлетворяющія по крайней мѣрѣ въ главномъ нашу любознательность.

Элевсиніи первоначально были празднествами жатвы и сбора

винограда, которыя совершались вначалѣ вѣроятно просто и лишь впослѣдствіи были окружены сіяніемъ божественной тайны. Ими завѣдывали главы знатнѣйшихъ семей въ Элевсинѣ, въ которыхъ жреческое достоинство оставалось наслѣдственнымъ. Верховнымъ жрецомъ былъ і е р о ф а н т ъ (показывающій святыни), изъ рода Эвмолпидовъ (прекрасно поющихъ), мужъ, безупречность котораго

МАЛЫЯ МИСТЕРІИ ВЪ АГРАХЪ

(ПО ЖИВОПИСИ НА НАЙДЕННОЙ ВЪ КЕРЧИ ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗѢ).

Рисунокъ долженъ изображать посвященіе Геракла. Посрединѣ сидитъ, судя по скипетру и калаѳу, несомнѣнно Деметра, возлѣ нея стоитъ Персефона съ длиннымъ, горящимъ факеломъ. Кого изображаетъ изъ себя справа отъ нея сидящая женщина,—неизвѣстно. У самой Деметры мальчикъ Плутосъ (богатство) съ пустымъ, золотымъ рогомъ изобилія. Влѣво отъ Деметры сидитъ Афродита, закутанная до самыхъ запястьевъ, узнаваемая по Эроту, возлѣ нея сидящему на корточкахъ на землѣ. Въ верхнемъ ряду сидитъ справа Діонисъ на своемъ плащѣ, увѣнчанный плющемъ и лѣвой рукой опираясь на ѳирсъ, какъ на скипетръ свой. Въ срединѣ, высоко надъ богинями, на колесницѣ своей является Триптолемъ, возвращенія котораго очевидно дожидаются, чтобы совершить посвященіе налѣво стоящаго Геракла. Герой въ опущенной правой рукѣ держитъ палицу, свой постоянный аттрибутъ, въ лѣвой, окутанной хламидой, онъ несетъ связку, вѣроятно, сосновыхъ вѣтокъ, какъ было въ обычаѣ на мистеріяхъ, и увѣнчанъ миртовыми листьями. Въ фигурѣ вправо отъ него мы по одеждѣ и осанкѣ узнаемъ д а д у х а, второго главнаго жреца элевсиній. Онъ здѣсь, очевидно замѣщая іерофанта, вводитъ посвящаемаго.

должна была быть признана. Д а д у х ъ или держащій факелъ, какъ и і е р о к е р и к ъ, священный глашатай, и э п и б о м і й, завѣдующій жертвенникомъ, вмѣстѣ съ нимъ составляли коллегію первосвященниковъ, къ которой причислялись еще жрицы тѣхъ же названій. Они совершали посвященія тѣхъ, кто желалъ быть введеннымъ въ

мистеріи, причемъ весной на малыхъ мистеріяхъ происходило первое посвященіе, осенью завершеніе или смотрѣніе, къ чему допускались лишь найденные достойными братья первой степени. Требовалось, чтобъ вновь поступающій былъ греческаго происхожденія и свободенъ отъ пороковъ и преступленій. Черезъ это союзъ вліялъ на подъемъ нравственности, такъ какъ поступившій долженъ былъ выказывать себя достойнымъ достигнутаго общенія съ божествомъ и его благодѣяній.

Весной, и именно уже въ февралѣ, когда миндальныя и гранатовыя деревья стояли въ богатомъ цвѣту, праздновали малыя мистеріи въ Аграхъ, предмѣстьи Аѳинъ, на рѣчкѣ Илиссѣ. Принимали новыхъ членовъ въ союзъ и мистически сочетали бракомъ Діониса съ воскресшей Корой жертвоприношеніями, очищеніями и посвященіями. Осенью, и именно въ сентябрѣ, происходили большія мистеріи, къ которымъ собирались въ Аѳинахъ участники и зрители изъ всей Греціи. Въ картинной галлереѣ на площади сходились тысячи народа и по степени своего посвященія подраздѣлялись іерофантами на классы. На слѣдующій день глашатай приказывалъ итти къ морю, чтобъ очистить себя и жертвенныхъ животныхъ въ священной соленой водѣ. Въ слѣдующіе дни происходили процессіи къ святилищамъ трехъ божествъ, затѣмъ, наконецъ, шествіе празднично разукрашенныхъ и увѣнчанныхъ миртомъ и сельдереемъ мистовъ (посвященныхъ), которые сопровождались факельщиками и передъ которыми несли образъ божества, отъ агоры къ Элевсину, находившемуся на разстояніи четырехчасового пути. Шествіе длилось цѣлый день; останавливались у священной смоковницы, подаренной нѣкогда Деметрой, у моста, черезъ Кефисъ, гдѣ отпускали остроты и шутки, въ воспоминаніе о служанкѣ Іамбѣ и въ подражаніе ей, и у нѣкоторыхъ другихъ святынь на священной дорогѣ. Поздно вечеромъ праздничное шествіе достигало Элевсина и располагалось на ѳріасійской равнинѣ. Въ теченіе ночи въ честь Іакха исполнялись веселые танцы съ факелами. Волшебную картину представляли хоры факельщиковъ, слѣдовавшіе другъ за другомъ и перекрещивавшіеся, терявшіеся вдали и снова возвращавшіеся, чтобъ намекнуть на разыскиваніе Деметрой ея дочери.

Тайное торжество происходило въ большомъ храмовомъ зданіи,

которое представляло собой закрытое помѣщеніе съ преддверіемъ, потолокъ котораго поддерживался колоннами. Въ развалинахъ этой постройки открыли большія подземныя помѣщенія, которыя, сопоставляемыя съ намеками древнихъ писателей, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что посвященнымъ хотѣли наглядно представить смерть, какъ переходъ къ высшему, болѣе чистому существованію. Это совершалось не словами, не догматическими рѣчами, но символически. Посвященные должны были не учиться,

ШЕСТВІЕ АѲИНСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ НА ПАНАѲИНЕЯХЪ
(ИЗОБРАЖЕНІЕ НА ВОСТОЧНОМЪ ФРИЗѢ ПАРѲЕНОНА ВЪ АѲИНАХЪ).

Дѣвушки (1, 4, 5, 6, 7) несутъ кружки и чаши для священнодѣйствія, между ними двѣ (2 и 3) Thymiatherion (кадильницу).

но чувствовать, чаять и вѣрить, какъ говоритъ Аристотель. Поэтому они вступали во мракъ подземныхъ помѣщеній, они слышали вой, стенанія, шумъ водъ, раскаты грома, они испытывали всѣ ужасы тартара. Затѣмъ раскрывались ворота жизни; пилигримовъ ослѣпляло сіяніе элизія, показывало имъ почитаемыхъ боговъ въ небесной красотѣ, вокругъ нихъ—жрецовъ и блаженныхъ людей. Тутъ постигали знающіе, что чаяніе душевнаго безсмертія—истина, между тѣмъ какъ толпа, конечно, не понимала этого чаянія, но она понимала все-таки, что посвященному, нравственному человѣку предстоятъ нѣкогда преимущества, радости и почести.

Въ празднествѣ Панаѳиней аѳинское населеніе, какъ свободные, такъ и рабы принимали такое же живое участіе. Празднество это совершалось для особаго почитанія богини и покровительницы города Аѳины, при содѣйствіи которой нѣкогда Ѳесей слилъ на-

селеніе Аттики въ одинъ равноправный народъ. Оно совершалось ежегодно, но торжественнѣе всего каждый четвертый годъ, шесть дней подрядъ. Состязанія пѣшкомъ и на конѣ, хороводы, бѣгъ съ факелами, вдохновенныя декламаціи гомеровскихъ рапсодій, мусическія игры, для которыхъ Периклъ велѣлъ построить одеонъ, смѣняли одно другое. Въ концѣ празднества происходило большое праздничное шествіе съ Керамика по главнымъ улицамъ города на Акрополь къ святилищу Аѳины. Вольноотпущенники и метэки заблаговременно украшали агору; жены и дочери ихъ несли чаши для жертвоприношеній или сидѣнія для женъ и дочерей гражданъ. Послѣднія несли корзинки съ жертвенною утварью и окружали искусственный корабль на колесахъ, парусомъ котораго было новое одѣяніе шафрановаго цвѣта для древнѣйшаго изображенія богини. Высшіе государственные сановники и другіе знатные аѳиняне слѣдовали увѣнчанные масличными вѣтками, затѣмъ прочіе граждане и напослѣдокъ аѳинская молодежь, въ доспѣхахъ, частью пѣшкомъ, частью верхомъ. Въ такихъ случаяхъ также вечеромъ совершались объѣзды всадниковъ съ факелами.

Такой подвижной, одушевленной духовною жизнью картины, какъ Аѳины, не представлялъ никакой другой городъ въ Элладѣ.

Коринѳъ, обогащенный туземною и иностранною торговлей, былъ склоненъ къ азіатской пышности и расточительности, Ѳивы—къ грубой, варварской неумѣренности. Жизнь въ Аргосѣ была суха, однообразна, не возвышена сознаніемъ великихъ подвиговъ и политическаго значенія.

Жизнь и празднества въ Спартѣ. Это сознаніе, напротивъ, очень сильно выступало наружу въ Спартѣ; оно дѣлало гражданамъ на Эвротѣ легкими ихъ безпрестанные труды и воинскія упражненія и наполняло ихъ почтеніемъ и любовью къ государственному устройству, возведшему ихъ въ повелители надъ сотней городовъ и поднявшему до выдающагося могущества въ Элладѣ. При этомъ жизнь въ Спартѣ все-таки ничуть не лишена была удобства и греческой прелести. Уже участіе сообща въ воинскихъ занятіяхъ, общіе обѣды, безпрепятственное сближеніе между молодежью обоего пола доставляли много разнообразія. Еще болѣе дѣлали празднества, прерывавшія однообразіе жизни. Они, точно цвѣты, вплетены были

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

КЪ ПАНАѲИНЕЙСКОЙ ВАЗѢ-ПРЕМІИ.

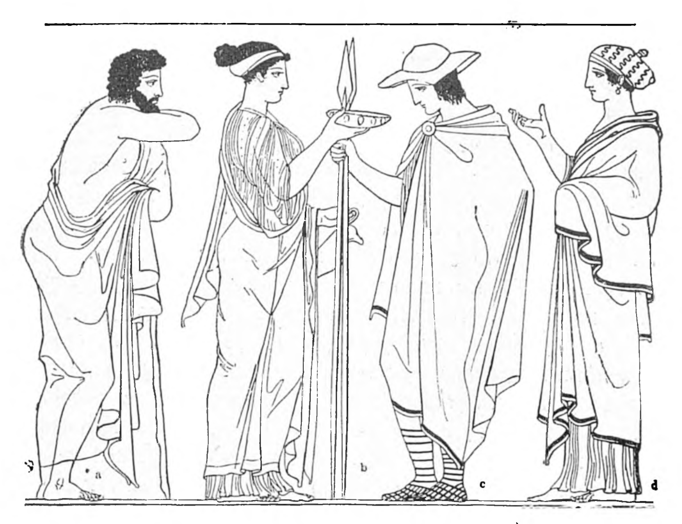
На Панаѳинеяхъ, великомъ празднествѣ, которое ежегодно справлялось въ Аѳинахъ въ честь богини города—Аѳины, происходили гимнастическія и мусическія состязанія. Побѣдители получали оливковые вѣнки и разрисованныя глиняныя вазы, наполненныя оливковымъ масломъ. Такія вазы-преміи были найдены въ значительномъ количествѣ въ Нижней Италіи и въ Греціи.

Предлагаемый рисунокъ находится на передней сторонѣ вазы-преміи, найденной въ Тевхирѣ и хранящейся въ Британскомъ Музеѣ. Въ срединѣ стоитъ богиня города Аѳинъ (Аѳина Поліада) съ поднятымъ копьемъ. На ней богато вышитое одѣяніе (юбка и надвисящій цлащъ) подобно тѣмъ, какія каждый годъ вышивались аттическими женами для Аѳины. Особенно интересно это изображеніе щитовымъ знакомъ богини: на немъ находится памятникъ, поставленный тираноубійцамъ Гармодію и Аристогитону, которыхъ Аѳиняне именно на Панаѳинеяхъ чествовали, какъ освободителей города. По обѣимъ сторонамъ Аѳины виденъ столбъ, на которомъ стоитъ пѣтухъ, какъ символъ состязаній. На землѣ лежитъ копье. Надпись сбоку (τῶν 'Αθήνηθεν ἄθλων) доказываетъ, что ваза эта назначалась для состязанія на Панаѳинеяхъ. Часто при этомъ стоитъ еще имя перваго архонта, во время управленія котораго была роздана ваза. Предлагаемая ваза вѣроятно относится только къ началу 3 столѣтія, ибо античный стиль въ подобныхъ рисункахъ на вазахъ сохраняли до очень поздняго времени.

На обратвой сторонѣ изображена группа двухъ атлетовъ, обучающихся у преподавателя гимнастики.

ПАНАѲИНЕЙСКАЯ АМФОРА
(Луврскій Музей).

АѲИНСКАЯ ОДЕЖДА (ЖИВОПИСЬ НА ВАЗѢ).

a) Мужчина въ гиматіѣ. b и d) Женщины въ хитонѣ и съ гиматіемъ поверхъ его. c) Одежда свободнаго аѳинскаго юноши: хламида и ѳессалійская шляпа (petasos).

въ равномѣрность спартанскихъ дней и годовъ. Мы выставляемъ здѣсь на видъ главныя празднества, посвященныя Аполлону,—карнеи и гіакинѳіи. Послѣднія, по преданію, введены были самимъ Аполлономъ, когда онъ непреднамѣреннымъ ударомъ доски убилъ прекраснаго Гіакинѳа. Можетъ быть они первоначально были символомъ опустошительныхъ дѣйствій солнечнаго зноя, такъ какъ они совершались въ іюлѣ. Поэтому первые дни были временемъ скорби, но затѣмъ слѣдовали состязанія, праздничныя шествія юношей и дѣвушекъ, обѣды, къ которымъ допускались, презираемые вообще, рабы, и другія увеселенія. Такъ праздновали умираніе и оживленіе вновь Гіакинѳа, могила котораго показывалась въ храмѣ Аполлона въ Амиклахъ. Карнеи, въ мѣсяцѣ Карнеѣ (Августъ), были, какъ предполагаютъ, установлены въ воспоминаніе о лагерной жизни. На нихъ граждане обѣдали подъ тѣнистыми бесѣдками, между тѣмъ какъ въ то же время въ девятидневномъ празднествѣ не было недостатка въ жертвоприношеніяхъ и мусическихъ состязаніяхъ. Третье празднество, гимнопэдіи, не имѣя особеннаго религіознаго значенія, было

посвящено только радости собственному существованію. Хороводы, игры съ веселой пляской, гимнастическія упражненія, наконецъ— всеобщее угощеніе не однихъ только гражданъ, но и, чего обыкновенно не бывало, присутствующихъ и приглашенныхъ чужеземцевъ, наполняли праздничные дни.

Эллинская одежда. Чтобъ дополнить картину эллинской жизни, намъ необходимо получить представленіе о томъ, какъ одѣвались граждане и ихъ жены, какъ они обитали и обѣдали и, наконецъ, какъ выступали въ походъ воины въ своихъ доспѣхахъ.

Со временъ Гомера въ одеждѣ эллиновъ произошли значительныя перемѣны. Развитіе торговли и расцвѣтъ колонизаціи доставили средства къ увеличенію роскоши, и особенно въ колоніяхъ развилась извѣстная пышность, не оставшаяся безъ вліянія и на метрополію. Тутъ одежда всегда оставалась сравнительно простой, и особенно въ періодъ послѣ персидскихъ войнъ вернулись къ простымъ формамъ національной одежды. Прежде всего теперь повсемѣстно носили на тѣлѣ хитонъ, одѣяніе, снабженное короткими рукавами и походившее на рубашку. Древнѣйшій дорійскій хитонъ доходилъ только до колѣнъ, былъ безъ рукавовъ, открытъ на одинъ бокъ, съ пояса книзу вѣроятно сшитъ. Въ Аѳинахъ длинный, со складками, полотняный хитонъ, который носили іоняне въ Азіи, былъ во всеобщемъ употребленіи вплоть до времени Перикла, потомъ сталъ обычнымъ также и болѣе короткій дорійскій, ради дешевизны часто изготовлявшійся изъ шерсти. Это платье въ таліи стягивалось поясомъ, благодаря чему оно спускалось внизъ въ разнообразныхъ, всегда красивыхъ складкахъ. Еще больше граціи старались выказывать въ надѣваніи гиматія. То былъ большой продолговатый четырехугольный кусокъ шерстяной матеріи, который съ лѣваго плеча перебрасывался за спину, затѣмъ черезъ правую руку или подъ нею пропускался къ лѣвому плечу и снова перекидывался черезъ него, такъ что онъ ниспадалъ болѣе или менѣе длиннымъ концомъ. Смотря по вкусу каждаго отдѣльнаго лица, онъ спускался до колѣнъ или еще ниже. У спартіатовъ вмѣсто него былъ болѣе удобный трибонъ, короткій, грубый плащъ. Воины, конечно, не могли употреблять гиматія, да и хитонъ ихъ былъ короче. Больше для красы юноши, служившіе верхомъ на конѣ, носили ниспадающій съ плечъ плащъ, называемый

ЖЕНЩИНЫ ВЪ ХИТОНѢ.

Оба изображенія показываютъ, какъ носили длинный хитонъ греческія женщины. Его надѣвали такъ, что лишнія части съ шеи ниспадали на грудь и спину; двойныя части укрѣплялись въ сложенныхъ мѣстахъ на плечахъ. Хитонъ былъ притомъ, какъ и у мужчинъ, на одномъ боку совершенно открытъ и затѣмъ прорѣзъ сдерживался булавками и пряжками: такъ, напр., въ лѣвой фигурѣ (по изображенію на вазѣ), гдѣ, правда, нѣтъ замыкающихъ пряжекъ и пояса, почему и нужно все это считать пожалуй домашнимъ костюмомъ, — или же хитонъ, и это было обыкновенно, сшивался въ нижней части до пояса, такъ что оставалась обнаженною лишь верхняя половина одного бока. Отличный примѣръ этого даетъ представленная здѣсь въ правой фигурѣ бронзовая статуя Неаполитанскаго музея, изображающая дѣвушку, какъ разъ оканчивающую свой нарядъ. Хитонъ уже сдерживается поясомъ и оба сложенныхъ конца укрѣплены на лѣвомъ плечѣ; на правомъ дѣвушка только-что собирается скрѣпить ихъ вмѣстѣ. Затѣмъ хитонъ, здѣсь далеко ниспадающій еще за ноги, оттягивается вверхъ за поясъ.

хламидой, который скрѣплялся застежкой надъ правымъ плечомъ и концами доходилъ до голеней. Болѣе богатая молодежь изукрашала его золотомъ и пурпуромъ.

Эта хламида, собственно дорожный и военный плащъ, общепринята была въ Македоніи и Ѳессаліи и болѣе и болѣе входила въ общее употребленіе также въ Аѳинахъ и другихъ городахъ. Цвѣтъ платьевъ обыкновенно былъ бѣлый, однако имѣли также цвѣтныя, даже клѣтчатыя ткани, и обшивка пурпуромъ на краяхъ и обшлагахъ мало-по-малу дѣлалась все чаще.

Женщины также часто носили дорійскій хитонъ, состоявшій изъ двухъ сшивавшихся до самой груди кусковъ, верхнія части

которыхъ скрѣплялись на плечахъ красивыми застежками. Въ то же время оставался въ употребленіи іонійскій хитонъ, длинное, широкое, шитое одѣяніе, доходившее, какъ и дорійскій хитонъ женщинъ, въ красивыхъ складкахъ до самыхъ ступней, такъ что все тѣло было закрыто. Въ немъ были рукава, которые либо сверху закрытые ниспадали широко и во множествѣ складокъ, либо-же прорѣзывались на плечахъ и скрѣплялись снова застежками такъ, что рука частью оставалась обнаженной. Хитонъ этотъ обыкновенно былъ гораздо длиннѣе самого тѣла; поэтому его подбирали въ таліи и тамъ опоясывали, такъ что длинные концы ниспадали вокругъ стана. Иногда онъ удлиненъ былъ и кверху и тогда вторая надвислая часть ниспадала на грудь и спину, такъ что край его огибалъ бедра параллельно краю первой части, но только повыше, что называлось диплоидіонъ. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что этотъ хитонъ на лѣвомъ боку былъ длиннѣе, чѣмъ на правомъ, вслѣдствіе чего получалось больше складокъ, и что часто подъ нимъ носили хитоніонъ, очень тонкую, почти прозрачную рубашку. Гиматій женщинъ мало чѣмъ отличался отъ мужского; зато плотно прилегающія верхнія одежды, которыя носились въ древнѣйшее время, принадлежали только къ женскому одѣянію.

Были еще мѣстности, гдѣ особенно земледѣльцы изготовляли себѣ одежду изъ козьей кожи; такія одѣянія были не красивы, но очень прочны. Такъ-же цѣлесообразной была одежда рабочихъ и ремесленниковъ, и притомъ какъ хитонъ, такъ и гиматій. Въ первомъ была лишь одна прорѣха для лѣвой руки, правая вмѣстѣ съ плечомъ и частью груди оставалась совершенно обнаженной. Эти части оставляло непокрытыми и верхнее платье, опоясанное вокругъ таліи, такъ что движенія были вполнѣ безпрепятственны. Называли эту одежду эксомидой и изображали также Гефеста съ этимъ видоизмѣненіемъ хитона. Цвѣтъ рабочей одежды большей частью былъ темно-коричневый, между тѣмъ какъ вообще степенные граждане и достойныя уваженія женщины въ обыденной жизни одѣвались въ просто бѣлый цвѣтъ. Въ особыхъ случаяхъ, однако, напр. на празднествахъ, пиршествахъ и при другихъ поводахъ, были въ обычаѣ и другіе подходящіе цвѣта, главнымъ образомъ синій, свѣтло-зеленый и пурпуровый.

Что касается покрытія головы, то мужчины при занятіяхъ своихъ въ городѣ ходили безъ таковаго; въ дорогѣ или на сельскихъ работахъ они имѣли шляпу изъ козьей шкуры, позднѣе войлочную. Она имѣла разнообразную форму. Въ Беотіи она похожа была на еловую шишку, въ Ѳессаліи она была низка и щитообразна, въ Аркадіи—съ широкими полями. Женщины не-

ГРЕЧЕСКІЯ ЖЕНСКІЯ ГОЛОВКИ.

Въ первой фигурѣ затылокъ окутанъ платкомъ, между тѣмъ какъ темянные волосы сдерживаются только узкими лентами. Во второй фигурѣ волосы почти совсѣмъ свободны, и въ нихъ вплетена только лента (Taenion), здѣсь, правда, являющаяся сдѣланной изъ жести (Stephane). У третьей фигуры надо лбомъ подымается широкая діадема, богато изукрашенная: головной уборъ, встрѣчающійся преимущественно у богинь и царицъ и не носившійся женами гражданъ.

рѣдко подымали гиматій на голову; онѣ употребляли также особыя покрывала и красивыя волосяныя сѣтки или же онѣ обвивали себѣ лобъ цвѣтною, часто вышитою золотомъ и серебромъ лентой, митрой, чѣмъ онѣ умѣли пользоваться съ такимъ же вкусомъ, какъ и другими предметами украшенія, какъ-то серьгами, перстнями, ожерельями и браслетами. Косы и локоны менѣе были въ обычаѣ, но волосы завязывались надъ макушкой пучкомъ или узломъ, который иногда спускался впередъ на самый лобъ, такъ какъ любили узкій лобъ. Цвѣтъ волосъ обыкновенно былъ черный; однако встрѣчались и бѣлокурые волосы, которые считали особымъ украшеніемъ и поэтому старались вызвать искусственными средствами. У мужчинъ густая, полная борода считалась признакомъ благородной мужественности; бритье ея стало входить въ обыкновеніе лишь во времена Александра Великаго.

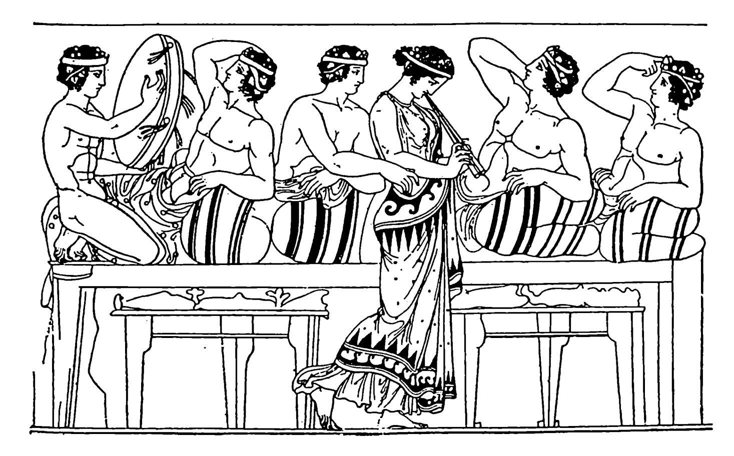
Обувь была довольно разнообразна, и кажется, что въ ней мода мѣнялась болѣе всего. Носили еще, прежде обычныя, санда-

лія, прикрѣплявшіяся ремнями, но рядомъ съ ними также башмаки и сапоги разнообразной формы и цвѣта. Соккъ, родъ коричневыхъ башмаковъ, соотвѣтствующій нашей туфлѣ, носился низшими классами народа, особенно земледѣльцами, и поэтому перешелъ къ артистамъ въ комедіи. Съ другой стороны, были и плотно сидящіе башмаки, особенно изъ мягкой кожи, въ которыхъ только пальцы ноги оставались обнаженными и не стѣсненными. Сапоги всѣ спереди стягивались шнуромъ, что происходило иногда просто, посредствомъ изрѣзыванія верхней кожи язычками и продѣванія туда ремешка, иногда же болѣе искуснымъ образомъ. Котурнъ, высокій сапогъ, носившійся на охотѣ, при верховой ѣздѣ и т. д., заходилъ за самыя икры, былъ окрашиваемъ въ пурпурно-красный или въ другой яркій цвѣтъ и снабжался всякаго рода украшеніями. Онъ носился преимущественно въ трагедіи и тогда имѣлъ такія подошвы, которыя дѣлались необыкновенно высокими черезъ вставленіе пробковыхъ подстилокъ, вслѣдствіе чего дѣйствующія лица казались выше и величавѣе.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ И ВОСПИТАНІЕ.

Домашняя жизнь. Мы уже упомянули, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Греціи пышность и роскошь стали вытѣснять древнюю добродѣтель умѣренности. При болѣе и болѣе распространявшемся благосостояніи и веселомъ, общительномъ характерѣ гражданъ, и въ Аѳинахъ любили наслажденія стола; однако здѣсь вовсе не было склонности къ крайностямъ пьянства и еще менѣе къ крайностямъ невоздержности въ ѣдѣ. Вкусомъ и умственнымъ развитіемъ проникнуты были какъ занятія, такъ и наслажденія аѳинянъ. Граждане, богатые и бѣдные, въ теченіе дня были слишкомъ заняты дѣлами, чтобы долго задерживаться ѣдой и питьемъ. Утромъ вкушали простой завтракъ изъ хлѣба и вина, меда и оливокъ, иногда въ полуденное время еще второй. Лишь вечеромъ былъ собственно обѣдъ, на который, особенно въ праздничныхъ случаяхъ, хотя-бы для празднованія побѣды, приглашались и гости. Главными блюдами были: вкусный лукъ, разныя мясныя кушанья, кровяная колбаса, дичина, птица, рыба, между прочимъ и соленая съ Чернаго моря, сардинки, угри, за-

тѣмъ, въ качествѣ десерта, пирожныя, сыръ съ медомъ и свѣжія, маринованныя, или сушеныя оливки. Но за столомъ не сидѣли, какъ нынѣ, но возлежали, опираясь лѣвой рукой на подушки, и пользовались пальцами вмѣсто бывшихъ въ употребленіи ножей и вилокъ, вслѣдствіе чего до и послѣ обѣда мыли себѣ руки. Затѣмъ совершались три возліянія богамъ, очищались столы и

ГРЕЧЕСКАЯ ПОПОЙКА (СИМПОСІЙ)
(ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ НА ВАЗѢ).

При симпосіѣ возлежали, какъ при ѣдѣ, на софѣ, лѣвымъ локтемъ оперпшись о подушку; передъ ложами стояли небольшіе столики, на которые ставились бокалы и чаши и разнаго рода сласти, пирожныя или пикантныя кушанья, которыя ѣли, распивая вино. Участвующіе въ попойкѣ обыкновенно, какъ показываетъ наше изображеніе, украшались вѣнками; раздавались также мази при началѣ симпосія. Музыка и пѣніе, рядомъ съ любимымъ коттабомъ, загадками и другими общественными играми, составляли существенную часть увеселеній; поэтому рѣдко отсутствовали флейтистки, находящіяся также на нашемъ изображеніи, и для той же цѣли служилъ большой бубенъ, на которомъ, какъ мы видимъ, здѣсь работаетъ одинъ изъ участниковъ въ праздпествѣ.

полъ и подавалось вино, смѣшанное съ водой и пряностями. Гости теперь украшали себя вѣнками изъ миртовъ, розъ и фіалокъ и наслаждались дарами Діониса. На празднествахъ являлись флейтистки и танцовщицы, да и бывало, что изъ гостей кто-нибудь споетъ пѣсню въ аккомпаниментъ лиры и подастъ затѣмъ этотъ струнный инструментъ сосѣду, который продолжалъ такимъ-же образомъ. Особенно часто распѣвался Г а р м о д і й, пѣснь въ память освобожденія Аѳинъ отъ Пизистратидовъ. Одинъ стихъ изъ него прилагаемъ въ переводѣ:

„Мечъ свой буду носить, обвивъ его миртомъ,
Какъ Гармодій и Аристогитонъ
Въ день, когда палъ передъ ними тиранъ
И для Аѳинъ настала свобода".

Иногда то было только короткое изреченіе, произносившееся речитативомъ подъ звуки лиры, какъ, напр., слѣдующій:

„Вмѣстѣ пей, другъ, со мной, вмѣстѣ люби, вмѣстѣ носи вѣнокъ!
И бѣснуйся со мной бѣшенымъ! Коли я снова въ умѣ, будь разуменъ и ты!"

Съ музыкой и пѣніемъ чередовались остроумныя бесѣды, шутки, игры, загадки. Слѣдующая глубокомысленная загадка, означающая письмо, относится къ этому періоду:

Ты знаешь-ли то существо, что тихо
Въ своей груди хранитъ дѣтей своихъ?
Хоть нѣмы тѣ, но чрезъ морскія воды
Въ далекій край проникнетъ голосъ ихъ.
Къ кому направленъ, тотъ его услышитъ
Вдали, а опричь этого никто!

Другая загадка, приписываемая мудрому Клеобулу, тоже можетъ быть помѣщена здѣсь:

„Есть у отца одного дѣтей двѣнадцать, изъ коихъ
Каждое по тридцати родило. все видомъ различныхъ:
Бѣлы—иныя и счастливы, другія—пагубны, черны;
Всѣ хоть безсмертны они, все-же смерти подвергнуты лютой".

Такъ какъ эллинскій гражданинъ смотрѣлъ на государство, какъ на родину и жилище, то домъ его былъ для него какъ-бы только пристанищемъ для временнаго пребыванія, или во всякомъ случаѣ жилищемъ для жены и дѣтей. Поэтому частные дома и были небольшого объема, немногіе—двухъэтажные, большинство только одноэтажные. Въ Спартѣ потолки позволялось отдѣлывать только топоромъ, двери только пилой; дома поэтому, можетъ быть, были родомъ блокгаузовъ. Въ Аттикѣ, правда, богатые граждане тратили больше заботы и денегъ на устройство удобныхъ и красивыхъ загородныхъ домовъ; самый же городъ представлялся иностранцу, что касалось частныхъ домовъ, плохо построеннымъ.

Жилища состоятельныхъ гражданъ были устроены еще также, какъ мы описали ихъ на стр. 202. Именно створчатыя двери вели съ

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ВАЗѢ ДУРИСА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ГРЕЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

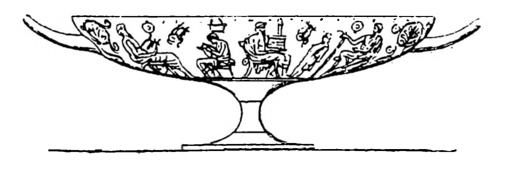
Предлагаемое изображеніе находится на наружной сторонѣ греческой вазы прекраснѣйшаго стиля въ Берлинскомъ музеѣ. Оно исполнено и вообще извѣстнымъ и знаменитымъ живописцемъ на вазахъ Дурисомъ и, не взирая даже на художественную законченность его, представляетъ особенный интересъ, довольно нагляднымъ образомъ дозволяя намъ взглянуть на аттическую школьную жизнь. Принадлежащій къ классу рабовъ домашній учитель (педагогъ), легко узнаваемый по длинной бородѣ и палкѣ и по не слишкомъ учтивой осанкѣ во время сидѣнія, привелъ своего воспитанника къ учителю и присутствуетъ при ученіи.

Ученикъ, повсюду сохраняющій красивую и пристойную осанку передъ собственнымъ учителемъ, на одной сторонѣ пользуется начальнымъ обученіемъ въ письмѣ со стороны еще молодого учителя, ибо учитель очевидно исправляетъ ему ошибки на восковой дощечкѣ; кромѣ того, тотъ же учитель наставляетъ его въ игрѣ на флейтѣ. На другой сторонѣ онъ у болѣе пожилого мужчины, съ болѣе почтенной наружностью, обучается высшимъ предметамъ. Прежде всего учитель держитъ передъ нимъ свитокъ, содержащій начало неизвѣстнаго изъ другихъ мѣстъ Гомеровскаго гимна, несомнѣнно для того, чтобы онъ прочелъ его красиво и съ выраженіемъ; затѣмъ онъ, сидя, обучается игрѣ на лютнѣ, которая справедливо считалась гораздо труднѣе и совершеннѣе игры на флейтѣ. Школьное помѣщеніе простымъ античнымъ образомъ обозначается рядомъ предметовъ, которые, какъ лютни, завязанный свитокъ и восковая дощечка, служили для самаго обученія, или, какъ, напр., чаши были назначены для подкрѣпленія во время уроковъ.

Во внутреннемъ рисункѣ, къ сожалѣнію, очень поврежденномъ, былъ представленъ юноша, занятый купаньемъ.

ГРЕЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Наружный рисунокъ на вазѣ, написанный живописцемъ на вазахъ — Дурисомъ

Общій видъ вазы Дуриса

улицы въ переднюю, отворявшуюся въ украшенную колоннами залу. Это главное помѣщеніе окружено было покоями и комнатами, которыми пользовался преимущественно хозяинъ, гдѣ онъ устраивалъ симпосіи или пиршества, и гдѣ также прислуживавшіе ему рабы имѣли свои мѣста для почлега. Другой корридоръ велъ въ просторную залу, съ трехъ сторонъ замкнутую колоннадами. Къ ней пристроены были комнаты хозяйки, спальни ея прислужницъ, кладовыя и т. д. Четвертая сторона этой залы въ серединѣ выходила въ корридоръ, къ которому прежде всего примыкали двѣ общія спальни хозяина и хозяйки, а затѣмъ комнаты для пряденія, тканья и другихъ работъ рабынь. Въ небольшихъ домахъ не было второй залы и связанныхъ съ нею помѣщеній. Стѣны были грубыя, обмазанныя глиной или известью, полъ покрывался гипсомъ. Уже позже появились стѣнная живопись и мозаичные полы. Утварь была частью драгоцѣнная, особенно столы, стулья, зеркала изъ бронзы, иногда изъ благородныхъ металловъ, кубки, лампы и канделябры изъ обожженной глины или изъ бронзы въ высшей степени изящной формы.

Воспитаніе. Какъ мужчины, такъ и мальчики съ шестилѣтняго возраста большую часть дня находились внѣ дома, первые по дѣламъ и на агорѣ, послѣдніе въ школѣ и въ гимнасіяхъ. Въ послѣднихъ упражнялась и молодежь, и люди болѣе зрѣлаго возраста, и кто не обладалъ ловкостью въ бѣгѣ, въ борьбѣ, въ вооруженномъ состязаніи, особенно въ плаваніи, считался такимъ-же необразованнымъ, какъ тотъ, кто не умѣлъ читать.

Въ Спартѣ государство одно брало на себя воспитаніе дѣтей; въ Аѳинахъ это дѣлали родители, но по предписаніямъ закона. Тамъ мальчики должны были посѣщать школу, гдѣ преподавалась грамматика и музыка. Къ грамматикѣ относилось чтеніе, письмо, иногда и счетъ; потомъ, когда ребенокъ достаточно созрѣлъ для этого, чтеніе поэтовъ, особенно Гомера. Мѣста изъ нихъ заучивались и читались наизусть съ должной выразительностью. Позднѣе давались уроки по математикѣ и естествознанію. Къ музыкѣ принадлежало пѣніе, которымъ занимались частью въ одиночку, частью и хорами, затѣмъ игра на инструментѣ, особенно на лирѣ или на флейтѣ. Впрочемъ, по отношенію къ младшимъ дѣтямъ довольствовались усвоеніемъ нѣкоторыхъ начальныхъ правилъ; лишь съ тринадцатилѣтняго возраста начи-

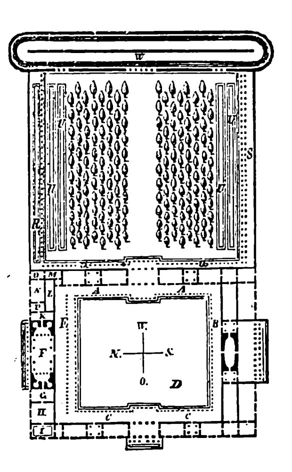
налось основательное преподаваніе пѣнія и игры на струнномъ инструментѣ.

Гимнасіи. Изъ школы мальчикъ шелъ въ гимнасій, гдѣ занимались тѣлесными упражненіями всякаго рода. Были три знаменитыхъ гимнасіи въ Аѳинахъ: Ликей (Лицей) неподалеку отъ праваго берега Илисса, къ сѣверу отъ него посвященный Гераклу Киносаргъ, на сѣверо-западѣ города Академія въ лѣсистой низменности Кефиса.

Въ гимнасіяхъ были тѣнистыя аллеи изъ платановъ, портики, дворы и другія помѣщенія, и въ нихъ прогуливались взадъ и впередъ учителя мудрости и краснорѣчія со своими учениками. Вначалѣ эти заведенія состояли только въ огороженныхъ, обсаженныхъ платанами садахъ; мало-по-малу они превратились въ великолѣпныя зданія, отъ которыхъ частью еще нынѣ существуютъ остатки.

Витрувій, жившій правда гораздо позже, во времена Кесаря и Августа, въ своемъ сочиненіи объ архитектурѣ даетъ описаніе помѣщеній, которыя долженъ былъ обнимать полный гимнасій. Первая часть его, по изображенію этого писателя, составляла правильный четыреугольникъ, окружностью въ 2 стадіи или 384 метра, обозначенный на нашемъ планѣ буквой D. Его окружали четыре колоннады, именно три простыхъ съ сидѣньями (A, B, C), и одна двойная (E). Середину послѣдняго портика занималъ эфебей (F), которымъ пользовались преимущественно эфебы (юноши для упражненій). Направо возлѣ него былъ корикей (G) или комната для игры въ мѣшокъ. Въ ней раскачивали корикъ, т.-е. висячій мѣшокъ, наполненный пескомъ. Можетъ быть, это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сферистерій или комната для игры въ мячъ и аподитерій, гдѣ оставлялось обременительное во время игръ платье. Непосредственно къ нему примыкалъ конистерій (H), въ которомъ осыпали тѣло пескомъ и пылью, и далѣе въ углу лутръ или холодная баня (I). Налѣво отъ эфебея вступали въ элеоѳесій, помѣщеніе, гдѣ борцы натирали себѣ тѣло масломъ (K), и далѣе во фригидарій, холодильникъ (L), пропнигней, т.-е. предбанникъ (M), который, можетъ быть, правильнѣе, чѣмъ корикей, считать вмѣстѣ съ тѣмъ и комнатой для раздѣванія. Затѣмъ слѣдовалъ судаторій или комната для потѣнія (N) съ лаконикомъ (O), гдѣ потѣли

не отъ водяныхъ паровъ, но въ сухомъ жарѣ, и, наконецъ, теплая баня, калидарій (P). Одна изъ простыхъ колоннадъ на планѣ нашемъ обозначена Q. Она, подобно двумъ другимъ, содержала сидѣнья и галлереи, пригодныя для общественныхъ бесѣдъ и для лекцій по философіи и краснорѣчію. Свободное мѣсто въ срединѣ, окруженное четырьмя портиками, служило для различныхъ тѣлесныхъ упражненій для всякаго возраста и, безъ сомнѣнія, предпочиталось крытымъ мѣстамъ для упражненій.

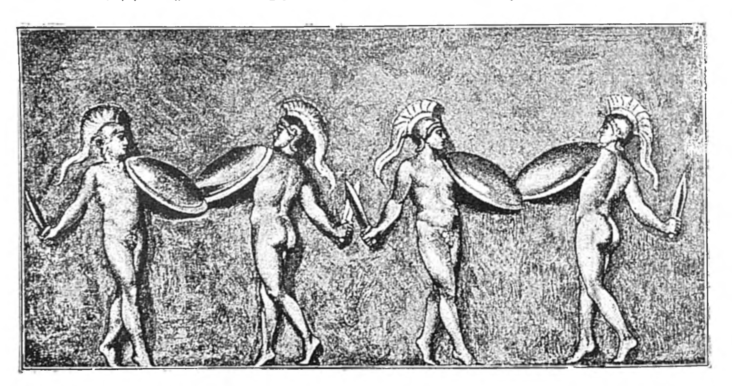
ПЛАНЪ ГРЕЧЕСАГО ГИМНАСІЯ.

Съ первымъ отдѣленіемъ гимнасія граничило второе, также четыреугольникъ съ тремя колоннадами, изъ коихъ двѣ опять были простыя (R), третья (S) двойная. Простыя колоннады, называвшіяся ксистами, имѣли по обѣимъ сторонамъ возвышенныя боковыя дороги, шириной въ 3 метра, а по срединѣ ристалище, углубленное на $^2/_3$ метра, вслѣдствіе чего зрители отдѣлены были отъ натертыхъ масломъ нагихъ борцовъ. На открытое пространство посреди трехъ портиковъ бросали тѣнь платановыя аллеи. Называлось оно ксистонъ и служило отчасти для прогулокъ, отчасти для упражненій. Къ этимъ отдѣленіямъ примыкалъ, наконецъ, большой стадій (W), представлявшій достаточно мѣста для зрителей и для состязающихся въ бѣгѣ.

Понятно, что не всѣ гимнасіи были построены по указанному Витрувіемъ плану. Многое зависѣло отъ мѣстности, иное принадлежало и тому времени, когда жилъ Витрувій; однако большая часть помѣщеній, нами указанныхъ, упоминается уже Платономъ, и мы поэтому не ошибемся, если представимъ себѣ эти заведенія для упражненій молодежи и людей болѣе зрѣлаго возраста, въ общемъ, по предлагаемому плану.

Для мальчиковъ, впрочемъ, были еще другія заведенія, называвшіяся палэстрами, гдѣ они развивали свои юношескія силы. Въ болѣе раннее время палэстры входили въ составъ гимнасій и, можетъ быть, преимущественно служили для упражненій въ

борьбѣ. Позднѣе онѣ были большей частью частными заведеніями, стоявшими отчасти въ связи съ собственно школами. Такъ какъ гимнастика такъ тѣсно связана была съ греческимъ образованіемъ, что она сама по себѣ даже служила для части народа цѣлью жизни, то гимнасіи были во всѣхъ городахъ. Гимнасіи въ Аѳинахъ, Олимпіи, Дельфахъ и другихъ мѣстахъ были украшены не только

ВОЕННАЯ ПЛЯСКА ГРЕЧЕСКИХЪ ЮНОШЕЙ (ВАТИКАНСКІЙ МУЗЕЙ).

великолѣпными постройками, но и красивыми статуями и скульптурными работами. Такъ Краней коринѳянъ отличался многими произведеніями искусства и положеніемъ своимъ въ тѣни кипарисовой рощи, а гимнасій въ Аргосѣ своею обширностью. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ устроены были помѣщенія для поучительныхъ бесѣдъ, для тѣлесныхъ упражненій и для различнаго рода купаній, хотя послѣднія достигли большей важности только въ періодъ изнѣженности и особенно подъ владычествомъ римлянъ.

Наклонность и пристрастіе къ гимнастикѣ составляли одну изъ главныхъ чертъ греческаго національнаго характера. Она встрѣчается въ древнѣйшія времена и длится до исчезновенія греческой національности. Правда, всѣ народы, ближе стоящіе къ естественному быту, обнаруживаютъ охоту и любовь къ тѣлеснымъ упражненіямъ; но, достигнувъ спокойствія и гражданскаго порядка, они большей частью направляютъ свою дѣятельность къ занятіямъ наживы и занимаются еще только тѣми упра-

женіями, которыхъ требуетъ военная служба. Напротивъ, у всѣхъ эллиновъ гимнастика была и осталась любимымъ занятіемъ. При занятіи же ею развивались и ихъ счастливые духовные задатки, и такимъ образомъ они рано пришли къ убѣжденію, что только съ помощью равномѣрнаго развитія тѣла и духа человѣкъ можетъ занять то высокое положеніе, которое ему указала природа. Эта неопровержимая истина стала во всей Элладѣ закономъ, который черезъ школы и гимнасіи проводился въ жизнь. А великія національныя празднества придавали этимъ стремленіямъ продолжительность и значеніе; вѣнки въ Олимпіи и Дельфахъ награждали и прославляли не одну только тѣлесную силу и ловкость, но и геніальныя произведенія въ области науки и искусства. Такъ распускался цвѣтъ эллинства въ несравнимой полнотѣ и многосторонности.

МЕТАТЕЛЬ ДИСКА (ДИСКОБОЛЪ).
ПОДРАЖАНІЕ ЗНАМЕНИТОЙ СТАТУѢ МИРОНА ВЪ ВАТИКАНѢ.

Хвалятъ у Мирона прежде всего живость и натуральность его произведеній. Что художникъ не отступалъ ни передъ какою смѣлостью и трудностью, лучше всего доказываетъ представленная здѣсь статуя. Нельзя встрѣтить ничего болѣе исполненнаго жизни, какъ этотъ благородный образъ юношеской силы и красоты, какъ этотъ закрѣпленный въ мраморѣ моментъ самаго быстраго, самаго размашистаго движенія, показывающій всю мускульную систему тѣла въ такомъ напряженіи, которое въ слѣдующее мгновеніе должно превратиться въ новый поворотъ.

Гимнастика въ томъ видѣ, какъ ею занимались греки, имѣла троякую цѣль; она должна была развивать тѣлесную силу и ловкость и пропорціональность членовъ, образовывать чувство прекраснаго и сохранять здоровье до самой старости. Поэтому и при самыхъ утомительныхъ упражненіяхъ ни одно движеніе не должно было быть некрасивымъ. Отдѣльныя части гимнастики были приведены къ опредѣленнымъ правиламъ: методически учили, какимъ упражненіемъ можно было развить силу и полноту

отдѣльныхъ членовъ и какъ ихъ сохранять въ возможномъ здоровьи и въ позднѣйшіе годы. Такъ доказывалось, что чрезъ напряженія бѣга укрѣпляются бедра и нижніе суставы, но наносится ущербъ ширинѣ груди, что поэтому съ состязаніемъ въ бѣгѣ нужно соединять борьбу, метаніе диска и толканіе корика (мѣшка съ пескомъ). Послѣднее упражненіе считали особенно цѣлебнымъ средствомъ противъ ожирѣнія, которое можетъ быть и теперь еще можно было бы рекомендовать.

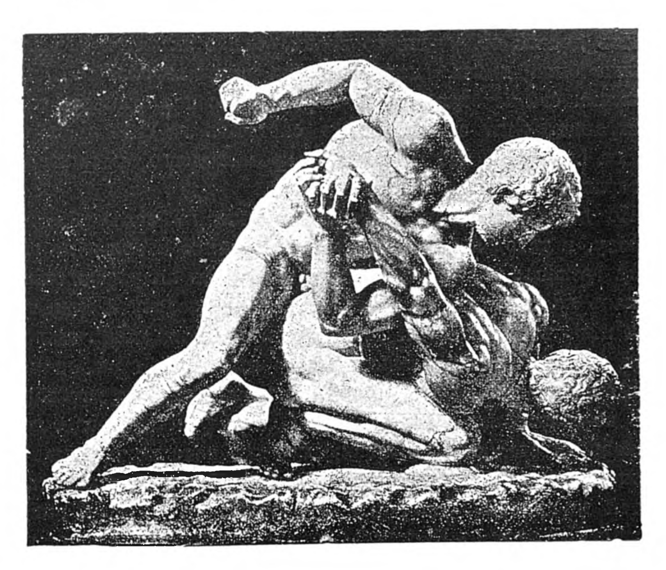

ДИСКОБОЛЪ
(СТАТУЯ, НАЙДЕННАЯ ВЪ ГЕРКУЛАНѢ).

Уже игры беззаботныхъ дѣтей вовлекались въ область гимнастики, чтобы не только развивались сила и ловкость, но и возвышалась дѣтская веселость; цѣль эта была понята и ей стали споспѣшествовать какъ въ Аѳинахъ, расположенныхъ къ шуткамъ и веселью, такъ и въ серьезной Спартѣ. Дѣтскія игры большей частью имѣли сходство съ тѣми, которыя въ обычаѣ еще и теперь и въ различнѣйшихъ мѣстностяхъ. Можно подумать, что онѣ точно по традиціи переходили отъ одного поколѣнія къ другому. Но у грековъ ими занимались съ постоянствомъ, методически и даже еще въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. У нихъ не казалось страннымъ, если серьезный мужчина принималъ участіе въ игрѣ въ мячъ или гналъ передъ собой крикъ (кольцо); у насъ пальцами указывали бы на непривычное зрѣлище. Одною изъ первыхъ игръ мальчиковъ была игра въ волчекъ, который сохраняется въ движеніи при помощи кнутика. Кажется также, что былъ извѣстенъ и волчекъ-гудокъ. Такими же любимыми играми были: игра

въ цари, метаніе черепковъ по поверхности воды, отгадываніе четнаго и нечетнаго, погоняніе вышеназваннаго крика или большого колеса, увѣшеннаго звенящими металлическими кольцами и приводившагося въ движеніе съ помощью кривой палочки, а для дѣвочекъ особенно качели.

Остракинда или игра въ черепки состояла въ томъ, что черепокъ на внутренней сторонѣ окрашивался въ черный цвѣтъ и бросался вверхъ, при восклицаніи: „день или ночь?“ Участники

ГРУППА БОРЦОВЪ (ФЛОРЕНЦІЯ).

въ игрѣ раздѣлялись на двѣ партіи, изъ которыхъ одна выбирала день, другая ночь. Если черепокъ падалъ свѣтлой стороной вверхъ, то партія ночи должна была обратиться въ бѣгство, преслѣдовалась, и всякій, кто захватывался, получалъ почетное прозвище осла и долженъ былъ на спинѣ дотащить своего побѣдителя до того мѣста, гдѣ лежалъ черепокъ.

Наибольшее разнообразіе и прелестнѣйшую перемѣнчивость представляли игры въ мячъ. Въ нихъ упражнялись частью отдѣльныя лица, частью парами, частью большія общества. Ихъ

считали особенно пригодными для развитія ловкости, граціозности движеній, правильнаго глазомѣра и въ то же время здоровья. Съ ними соединяли увеселяющія пѣсни и, по достиженіи достаточной ловкости, ритмическія движенія пляски. Въ Аѳинахъ нѣкоему Аристонику, отличавшемуся рѣдкимъ искусствомъ и граціей въ игрѣ въ мячъ, даровано было право гражданства и поставлена почетная статуя. Случилось это, правда, въ такое время, когда люди, имѣвшіе въ виду прежде всего славу и благосостояніе отечества, принадлежали къ рѣдкостямъ.

Изъ доселѣ приведеннаго видно, какое значительное вліяніе должна была имѣть гимнастика на развитіе эллина. Всѣ его движенія, его походка, его благородная осанка отличали его отъ иностранца. Онъ съ гордостью смотрѣлъ на свое происхожденіе, на свое тѣлесное и духовное превосходство въ сраженіи съ варварами.

Но всякое человѣческое установленіе имѣетъ свою темную сторону, и таковая выступила уже въ раннее время и въ гимнастикѣ грековъ: какъ только стали смотрѣть на упражненія ужь не какъ на средство къ цѣли, но какъ на задачу жизни, то начали цѣнить награды въ праздничныхъ состязаніяхъ выше, нежели славу честнаго исполненія обязанности гражданина. И вотъ образовались могучіе атлеты, которые день за днемъ шатались по палэстрамъ и гимнасіямъ. Они получали, правда, немало вѣнковъ на стадіяхъ, но ни оказывались полезными гражданами въ мирное время, ни обнаруживали особенныхъ боевыхъ способностей на войнѣ. Они были драчунами по ремеслу, вывихавшими себѣ члены въ Панкратіѣ, разбивавшими себѣ въ кулачномъ бою уши и зубы, поглощавшими громадные куски полусырого мяса для того, чтобъ возвысить свою тѣлесную силу, но не заслуживавшими большаго уваженія, чѣмъ акробаты и штукари нашего времени. Грубой гимнастикой занимались особенно въ Беотіи; въ Спартѣ она не была въ обычаѣ, быть можетъ, была даже запрещена. Тутъ основательно разсуждали, что воинскія упражненія также пригодны для тѣлеснаго развитія, но за то для отечества полезнѣе и для бойца славнѣе.

Кромѣ атлетовъ по ремеслу, въ гимнасіяхъ шаталось еще много празднаго люда, не для слушанія рѣчей учителей и философовъ, но чтобъ забавляться и убивать время болтовней. По-

этому уже въ древности высказано было мнѣніе, что гимнасіи— школы праздности и пусторѣчія.

О другихъ вредныхъ вліяніяхъ этихъ школъ мы говорить не станемъ.

ВОЕННОЕ ДѢЛО.

Вооруженіе. Одежда и вооруженіе на войнѣ въ главныхъ чертахъ были тѣ же, какъ и въ гомеровское время, именно: копье и мечъ, шлемъ, панцырь, поножи и щитъ; но оборонительное оружіе изготовлялось теперь болѣе гибкимъ, болѣе пригоднымъ для полнаго прикрытія, такъ какъ сдѣланы были успѣхи въ обработкѣ металловъ.

Почти повсюду употреблявшееся дорійское копье имѣло длину въ два съ половиной метра (1 метръ=ок. $1^1/_2$ арш.) отъ нижняго конца, снабженнаго короткимъ металлическимъ остріемъ, оно, утонченное, шло къ верхнему, гдѣ прикрѣплялось листообразное, двухстороннее остріе. Воинъ, держа его въ правой рукѣ, пользовался имъ для ударовъ, но уже не для метанія, и дѣйствовалъ имъ съ большимъ искусствомъ.

Мечъ былъ обоюдоострый, клинокъ изъ бронзы, закаленный холодною ковкою, длиной лишь въ 40 cm., но толстый, такъ что онъ вмѣстѣ съ эфесомъ, не имѣвшимъ дужки, вѣсилъ до 1 kg. ($2^1/_2$ фунта). До изогнутаго конца ручки онъ заключался въ кожаныхъ ножнахъ и носился на лѣвомъ боку, иногда также на правомъ.

Шлемъ, защита головы, дѣлался и украшался съ особенной заботливостью. Онъ состоялъ собственно изъ чепца, спускавшагося до самыхъ висковъ, изъ козырька на лбу, удлинявшагося большей частью въ видѣ полосы, защищавшей носъ, изъ двигавшихся на шарнирахъ боковыхъ козырьковъ, покрывавшихъ щеки, и изъ козырька на затылкѣ. У пелопоннесскаго шлема боковые козырьки соединены были съ затылочнымъ, что менѣе мѣшало зрѣнію. И аттическій шлемъ имѣлъ это преимущество; на немъ были только козырекъ на лбу и подвижные боковые козырьки и отвороты, за то онъ особенно отличался нашлемникомъ, тянувшимся въ видѣ крѣпко прилегающаго гребня черезъ середину шлема, спереди кзаду и носившимъ султанъ изъ конскихъ волосъ. Это послѣднее украшеніе рѣдко отсутствовало собственно на шлемѣ, а нашлемникъ, въ которомъ оно было укрѣплено, имѣлъ

разную форму, особенно часто видъ изогнутой напередъ трубки. Лишь позднѣе появились вертикально стоящіе султаны изъ перьевъ, которые однако и осмѣивались ораторами и поэтами, какъ излишнее украшеніе.

Подъ хитономъ гоплитъ носилъ бронзовый панцырь, состоявшій изъ нагрудника и наспинника, наверху скрѣплявшихся охранительными наплечниками посредствомъ цѣпей, внизу—бронзовымъ поясомъ. Панцырь доходилъ не совсѣмъ до бедеръ. Нижнія

ГРЕЧЕСКІЕ ГОПЛИТЫ.

части тѣла защищались двойнымъ рядомъ эластичныхъ металлическихъ полосъ и передникомъ, кожанымъ камзоломъ, доходившимъ до колѣнъ. Иногда эти части вооруженія замѣнялись военнымъ хитономъ, кожанымъ колетомъ, обитымъ бронзой. Выдѣланные изъ гибкой бронзы или олова наножники защищали ноги отъ лодыжекъ до колѣнъ и выше. Болѣе легкія латы покрывали руки и особенно были употребительны въ конницѣ, которая мало могла пользоваться щитомъ.

Главнѣйшимъ оборонительнымъ оружіемъ гоплита былъ и остался щитъ, и притомъ большой, овальный щитъ, покрывавшій воина отъ рта до колѣнъ и ниже. Снаружи онъ былъ выпуклымъ и состоялъ изъ нѣсколькихъ слоевъ кожи и металла. Въ срединѣ

щита, въ то время, о которомъ мы здѣсь говоримъ, помѣщали особые знаки изъ блестящей бронзы; лакедемоняне имѣли греческую ламбду въ старинной формѣ Ⅴ, ѳивяне сфинксъ, аѳиняне сову и т. д. Маленькій, круглый щитъ въ этомъ періодѣ былъ уже введенъ тамъ и сямъ, но лишь въ позднѣйшее время сдѣлался общеупотребительнымъ у легковооруженной пѣхоты, когда та получила больше значенія. Особенно пелтасты носили такіе щиты; что касается остального, то послѣдніе носили вмѣсто шлема толстыя кожаныя шапки и иногда только нагрудникъ вмѣсто панцыря. Ихъ вооружали по образцу ѳракійцевъ, снабжали дротиками и короткимъ, толстымъ копьемъ и пріучивали къ бою вблизи и издали. Весь вѣсъ вооруженія гоплита вѣроятно не превосходилъ 36 kg. (88 ф.). Если при этомъ взять во вниманіе, что во время похода щитъ и другія части вооруженія несли рабы за своими господами, то понятно, какъ воины при случаѣ могли совершить очень большіе переходы.

Для боя издали преимущественно пользовались л у к о м ъ и с т р ѣ л а м и. Въ героическое время лукъ дѣлался изъ двухъ возможно большихъ буйволовыхъ роговъ, скрѣплявшихся толстыми концами въ одинъ кусокъ. Теперь предпочитали упругое дерево, но сохраняли изогнутую въ серединѣ форму. Для стрѣлъ употреблялись куски тростника, снабжавшіеся металлическими наконечниками. Далѣе пользовались еще п р а щ е й и м е т а т е л ь н ы м ъ к о п ь е м ъ. Первою можно было бросать валуны, а еще лучше оловяные шарики, на разстояніе свыше 100 шаговъ; послѣднее пролетало только отъ 30 до 40 шаговъ, но дѣйствовало вѣрнѣе. Знамениты были ѳессалійскіе и родосскіе пращники и критскіе стрѣлки изъ лука, которые однако еще уступали персамъ.

Л е г к а я к о н н и ц а имѣлась въ Ѳессаліи, гдѣ ею пользовались съ большимъ успѣхомъ. О томъ, что беотійцы также выставляли на войнѣ всадниковъ, что наконецъ и аѳиняне ввели этотъ родъ войска, мы уже говорили. Всадники послѣднихъ государствъ были тяжело вооружены и, за исключеніемъ щита, довольно похожи на гоплитовъ. И лошади ихъ по возможности защищены были латами.

Веденіе войны. Впрочемъ, легко вооруженные воины и даже конница почти не оказывали рѣшительнаго вліянія на исходъ битвъ. У эллинскаго гоплита на конѣ недостаточно было навыка;

конь для него былъ только средствомъ для быстраго передвиженія, но не оружіемъ. Конница не налетала массою, чтобъ силой удара смять врага, но ряды ея разстраивались при нападеніи, и сражались всадники по-одиночкѣ.

Вся тяжесть и исходъ битвы покоились на колоннахъ гоплитовъ. Эти состояли изъ собственно гражданъ. То были зрѣлые мужчины и юноши, которые постояннымъ гимнастическимъ упражненіемъ достигли тѣлесной ловкости, силы и стойкости. Они какъ слѣдуетъ пріучивались ко всѣмъ воинскимъ движеніямъ; они по командѣ опускали и брали на плечо копье, какъ это теперь дѣлаютъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, производили полу- и цѣлые повороты направо и налѣво.

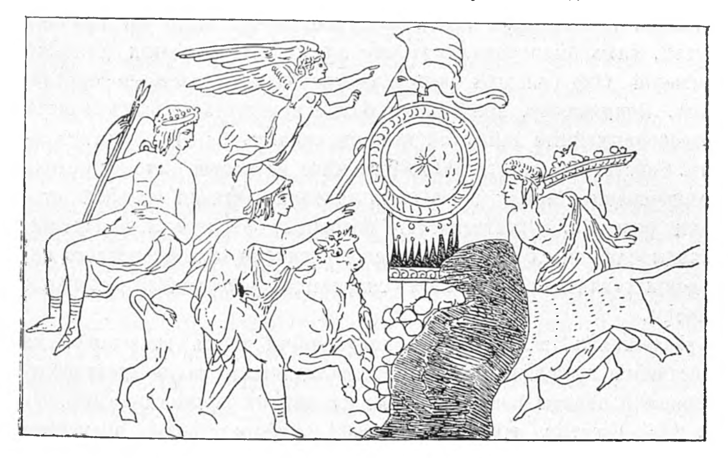

ѲЕССАЛІЙСКІЙ ВСАДНИКЪ (ИЗОБРАЖЕНІЕ НА МОНЕТѢ).

Самыми лучшими въ исполненіи тактическихъ эволюцій были конечно спартанцы, тѣлесное воспитаніе и развитіе которыхъ уже съ самой ранней юности были нѣкоторымъ образомъ приготовленіемъ къ войнѣ. Хитонъ, который носили они на войнѣ, у всѣхъ былъ одинаковаго цвѣта, именно пурпуроваго. Они двигались ровнымъ шагомъ въ тактъ музыки и военной пѣсни (пэана) и не разстраивали своихъ рядовъ. Поэтому они задерживались самыми легкими окопами и почти никогда не преслѣдовали разбитаго врага. Вообще же рѣдко случалось въ битвахъ эллиновъ, чтобъ они энергически воспользовались побѣдой, такъ какъ конницу и легковооруженныхъ не соединяли съ гоплитами для совмѣстныхъ дѣйствій, но употребляли ихъ на обоихъ флангахъ для обособленныхъ другъ отъ друга стычекъ. Довольствовались тѣмъ, что воздвигали знакъ побѣды (тропей, трофей), затѣмъ медленно подвигались впередъ или же, довольные славой побѣды, уходили домой.

Военныя силы спартанскихъ гражданъ состояли изъ шести моръ, бывшихъ каждая подъ начальствомъ полемарха, каждая въ 1000 человѣкъ, раздѣленныхъ на два лоха. Послѣ опустошительнаго землетрясенія и третьей мессенской войны принуждены были не заставлять болѣе періэковъ и неодамодовъ (гелотовъ, отпущенныхъ на волю за военную службу) сражаться

особыми отрядами, но причисляли ихъ къ спартанскимъ морамъ, для укомплектованія послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе вышеупомянутыхъ несчастій такъ сильно сократилось число гражданъ, что при затруднительности пріема въ гражданство по необходимости пришлось прибѣгнуть къ этому средству. Службу легковооруженныхъ спартіатъ считалъ неудобною для себя. Кто

ГРЕЧЕСКІЙ ТРОПЕЙ

(ПАМЯТНИКЪ ПОБѢДЫ. ЖИВОПИСЬ НА ВАЗѢ, НАЙДЕННОЙ ВЪ МЕГАРѢ).

Побѣдный памятникъ составленъ изъ военнаго полукафтана, шлема, щита и копья. Нашимъ рисункомъ изображено впрочемъ побѣдное жертвоприношеніе Аѳинѣ у тропея. Возведенная вокругъ послѣдняго насыпь служитъ жертвенникомъ, къ которому юноша въ хламидѣ и остроконечной шляпѣ подводитъ дико-прыгающаго быка, убраннаго лентами, между тѣмъ какъ справа другой приводитъ барана и несетъ въ то же время корзину съ плодами. Быки и бараны издревле были жертвенными животными Аѳины.

не могъ болѣе вносить своей доли на сисситіи (общіе обѣды), покрывать расходы по пріобрѣтенію вооруженія, тотъ терялъ свое право гражданства и вмѣстѣ съ этимъ право на военную почесть. Поэтому нечего было удивляться, что число ратныхъ гражданъ уменьшалось.

Скириты, особое племя въ Лаконикѣ, были, правда, легче вооружены, чѣмъ гоплиты, но также сражались стройными рядами на лѣвомъ флангѣ боевой линіи. Гелоты, которымъ со времени мессенскаго возстанія не довѣряли болѣе, чѣмъ когда либо, въ этотъ періодъ слѣдовали за своими господами лишь въ качествѣ щитоносцевъ безъ значительнаго вооруженія. Моры и лохи впрочемъ выступали въ походъ большей частью не въ полномъ числѣ,

но лишь различными ополченіями. Спартанское войско поэтому могло состоять изъ шести моръ и все-таки быть численностью только въ 1000 человѣкъ.

Когда греческое войско двинулось въ походъ и становилось напротивъ врага готовое къ бою, то гоплиты занимали центръ, къ нимъ примыкали по обоимъ бокамъ легковооруженные и къ этимъ конница. У союзныхъ армій почетное мѣсто было на правомъ крылѣ, какъ было упомянуто уже по случаю описанія данныхъ сраженій. Оно большей частью безспорно принадлежало спартанцамъ. Повидимому, при такихъ болѣе крупныхъ массахъ войскъ легковооруженные занимали позицію сейчасъ же за боевымъ строемъ. Собственно стратегическое военное искусство было еще очень несовершенно, между тѣмъ какъ тактика достигла высокой степени развитія. Стратегическіе повороты, фланговыя нападенія, обходы едва-ли случались; рѣшеніе зависѣло отъ фронтового нападенія гоплитовъ, и въ этомъ спартанцы превосходили всѣ прочіе народы.

У аѳинянъ, вслѣдствіе равноправности всѣхъ гражданъ, къ собственно гражданскому войску принадлежали также легковооруженные и отряды конницы, даже службы въ конницѣ добивались именно богатые юноши. Аѳинскія военныя силы выступали также различными ополченіями по числу десятка филъ (колѣнъ) всего населенія, подъ начальствомъ десяти стратеговъ. Въ случаѣ необходимости ихъ можно было употреблять и въ отдаленныхъ областяхъ, такъ какъ со временъ Перикла они получали жалованье, именно моряки и гоплиты ежедневно по 3 обола (12 до 13 копѣекъ), офицеры въ два, всадники въ три раза больше, что, смотря по тогдашней цѣнности денегъ, нужно брать увеличеннымъ въ шесть разъ. Государство вслѣдствіе введенія жалованья должно было покрывать громадный расходъ, но мелкій людъ въ этомъ находилъ часто источникъ своего заработка. Это впослѣдствіи дало поводъ къ введенію наемныхъ войскъ, ставшихъ на мѣсто гражданскаго ополченія.

ЭЛЛИНСКОЕ ИСКУССТВО.

ЗОДЧЕСТВО.

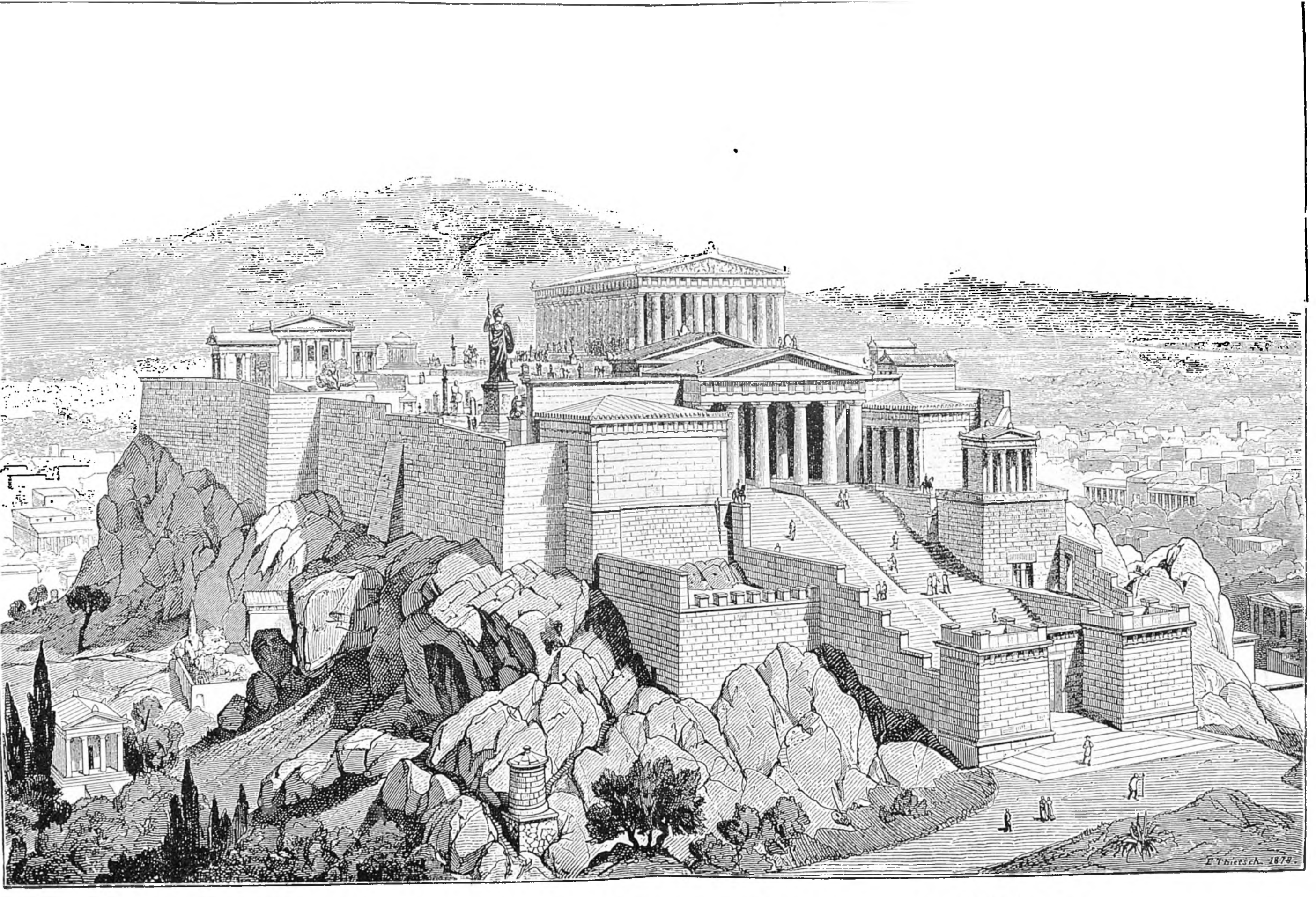
Конечно, не разъ Периклъ, великій аѳинскій государственный мужъ, когда какое-нибудь дѣло звало его на акрополь, подымался туда неровною, каменистою дорогой вверхъ по единственно доступной западной сторонѣ и поворачивалъ по боковой тропѣ направо къ передовому возвышенію, гдѣ лежали разбросанными развалины разрушеннаго персами храма Нике (богини побѣды), и взоры его устремлялись черезъ южную часть города, къ кишѣвшей кораблями гавани Пирею и далѣе черезъ блистающее море къ Саламину, Эгинѣ и темнымъ линіямъ пелопоннесскихъ горъ. Затѣмъ онъ обращался вправо, гдѣ замыкали горизонтъ эгалейскія высоты и у самаго города между деревьевъ оливковыхъ рощъ сверкалъ Кефисъ, и назадъ, гдѣ въ жалкомъ видѣ было выстроено вновь древнее святилище аѳинскаго героя Эрехѳея, и мысли его поднимались тогда къ божественному существу, сохранившему его возлюбленный народъ въ бурю войны и увѣнчавшему его нетлѣнной славой. Возможно, что онъ изъ ученій Анаксагора и другихъ философовъ пріобрѣлъ болѣе свободные религіозные взгляды, но онъ, виновникъ появленія стольких святилищъ, все-таки вѣрилъ въ божественное начало, управляющее людьми, и не считалъ себя призваннымъ измѣнить вѣру народа, такъ какъ онъ не могъ дать ему ничего лучшаго. Онъ былъ того мнѣнія, что, подъ какой бы формой ни почиталъ смертный божество, всегда онъ своимъ культомъ болѣе или менѣе возвышается къ лучшему познанію и къ облагораживанію своихъ стремленій. Поэтому онъ рѣшилъ построить на акрополѣ храмъ Паллады Аѳины, соотвѣтствующій богатству и славѣ народа и благодарности его къ покровительницѣ города.

Постройка акрополя. Мысли эти онъ обсуждалъ затѣмъ съ своими друзьями, мудрымъ Анаксагоромъ, уже тогда знаменитымъ ваятелемъ Фидіей (Фидіемъ) и Аспазіей, восторгавшейся всѣмъ прекраснымъ. Въ бесѣдѣ съ ними мысли его получали форму и выраженіе. Фидія созвалъ на совѣщаніе зодчихъ Иктина, Кал-

ликрата, Мнесикла; тутъ первоначальный планъ расширялся болѣе и болѣе, тутъ были обдуманы и рѣшены: подъемъ и пятерныя ворота, какъ входъ въ кремль, эрехѳейонъ и другіе храмы, статуя Аѳины въ ея храмѣ и другая исполинская изъ бронзы для высшей точки акрополя. Мастера раздѣлили между собой исполненіе плана. Мнесиклъ принялъ на себя задачу воздвигнуть Пропилеи (входныя ворота), Иктинъ и Калликратъ и другіе мастера посвятили свою дѣятельность Парѳенону (храму дѣвственной Аѳины); Фидія съ многочисленными помощниками, въ особенности Алкаменомъ и Агоракритомъ, получилъ порученіе изготовить всѣ статуи и скульптурныя работы.

Для такихъ величественныхъ, дальновидныхъ предпріятій, каковы эти, затѣянныя Перикломъ съ его друзьями, требовалось, естественно, согласіе народа. Поэтому онъ устроилъ собраніе гражданъ не на площади городской, агорѣ, а на холмѣ Пниксѣ, откуда на западъ виденъ былъ акрополь, на югъ Пирей. Здѣсь онъ говорилъ о богатствѣ и господствѣ города надъ морями и побережьями, о благодарности и почитаніи, которыя они-де обязаны выказать богамъ за такіе дары, и о томъ, какъ они исполнятъ эти обязанности посредствомъ предложенныхъ сооруженій на вѣчную славу Аѳинъ. Когда ему представили громадность издержекъ, которыя получились бы черезъ это для государства, Периклъ объявилъ, что, если республика откажется, онъ покроетъ расходы собственными средствами, но тогда и выставитъ на сооруженіяхъ свое имя, какъ имя основателя. Эти слова пробудили и подняли въ сердцахъ всѣхъ національное чувство, гордость славнымъ отечественнымъ городомъ, и предложенія великаго оратора были приняты. Затѣмъ поднялся Фидія, чтобъ изложить дальнѣйшіе планы. Говоря о проектированной статуѣ Аѳины для храма богини, онъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь можно было-бы съэкономить значительную сумму, если вмѣсто того, чтобъ сдѣлать ее изъ слоновой кости и золота, употребить на это мраморъ. Но тотчасъ же въ собраніи поднялся громкій ропотъ и сбереженіе было отвергнуто громаднымъ большинствомъ.

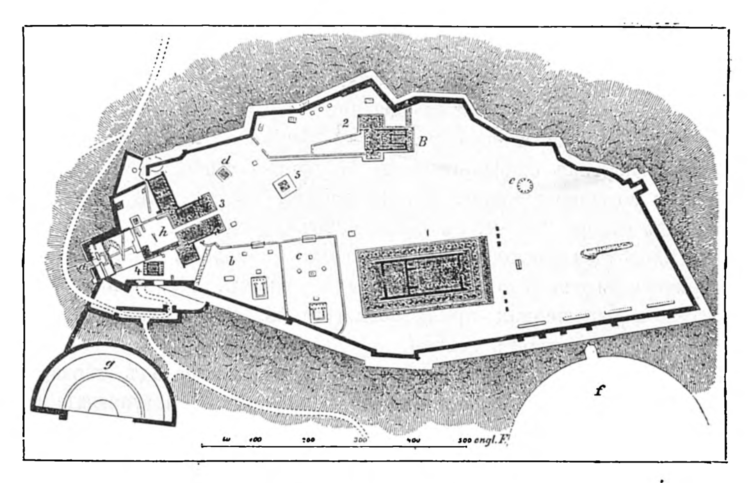
Такимъ образомъ Периклъ получилъ для себя и дружественныхъ ему художниковъ полный просторъ дѣйствій, а богатство, доходы государства и честность верховнаго вождя его были такъ велики, что въ слѣдующіе годы мира, несмотря на требовавшіяся для художе-

Эрехтейонъ. Статуя Аѳины. Парѳенонъ. Пропилеи. Храмъ Нике Антеросъ.

АКРОПОЛЬ ВЪ АѲИНАХЪ. Рисунокъ архитектора Ф. Тирша.

ственныхъ произведеній суммы, сберегли и отложили въ государственную казну еще 8000 талантовъ, т. е. свыше 18 милліоновъ рублей, или по нынѣшней нашей цѣнѣ денегъ свыше 100 милліоновъ. Но о дѣлавшихся тогда въ Аѳинахъ тратахъ на художественныя цѣли можно составить себѣ нѣкоторое представленіе, если сообразить, что на одну только постройку пропилей израсходовано около 9 милліоновъ рублей, на статую же богини 40 талантовъ золота.

ПЛАНЪ АКРОПОЛЯ.

1. Парѳенонъ. 2. Храмъ Эрехѳея. 3. Пропилеи. 4. Храмъ Аѳины Нике (на народномъ языкѣ Нике Антерось). 5. Статуя Аѳины Промахосъ. B. Храмъ Аѳины Поліады. a. Нижнія ворота замка между двумя башнями. b и c. обособленный храмовой дворъ. d. Постаментъ одной статуи. e. Іонійская круглая постройка. f. Театръ Діониса. g. Театръ Ирода Аттика. h. Остатки крыльца.

Прежде всего приступили къ Парѳенону; затѣмъ, когда эта постройка, какъ и статуя богини, была окончена,—къ пропилеямъ, колоссальной статуѣ Аѳины изъ бронзы, и другимъ сооруженіямъ, до окончанія которыхъ Фидія уже не дожилъ. Но мы представимъ ихъ себѣ въ законченномъ видѣ и поднимемся на Акрополь, либо въ то время, какъ толпа занята внѣ его, либо въ послѣдній день панаѳиней вмѣстѣ съ праздничнымъ шествіемъ, примыкающимъ къ развѣвающемуся парусу корабля на колесахъ и подносящимъ божескому изображенію въ храмѣ Эрехѳея новое одѣяніе.

Доступъ возможенъ съ западной стороны, такъ какъ тамъ гора

подымается террасами, между тѣмъ какъ во всѣ другія стороны она круто обрывается и взобраться на нее не легко. Постройка въ родѣ башни съ укрѣпленнымъ, тройнымъ входомъ охраняетъ входъ на случай насильственнаго дѣйствія. Оттуда ведетъ вверхъ на высоту широкая улица, въ срединѣ для экипажей, по бокамъ, съ мраморными ступенями, для пѣшеходовъ.

Мы стоимъ, наконецъ, передъ Пропилеями, нынѣшнее состояніе коихъ изображается нашимъ рисункомъ; это входъ въ Акрополь. Полная ширина горы составляетъ здѣсь 53 метра и заполнена зданіемъ, возведеннымъ въ благороднѣйшемъ стилѣ. Справа передъ нимъ, на выступѣ, гдѣ представляется вышеописанный видъ, возвышается красивый храмъ Нике Аптеросъ (безкрылой богини побѣды). Четыре іонійскія колонны поддерживаютъ портикъ съ фронтономъ. На фризѣ изображены эллины и персы во время битвы. Въ полусвѣтѣ внутренняго святилища стоитъ статуя Аѳины, съ шлемомъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой съ плодомъ гранатоваго дерева, какъ символомъ благословенія, приносимаго побѣдоносно добытымъ миромъ. Мраморная балюстрада, украшенная крылатыми геніями, ведущими быковъ на закланіе, окружаетъ статую.

Мы снова обращаемся къ Пропилеямъ. Фасадъ образуетъ серединное зданіе въ протяженіи 18 метровъ и выступающіе впередъ флигели. Впереди послѣднихъ справа и слѣва подымаются колоссальныя фигуры героевъ, укрощающихъ коней, стоящія на высокихъ постаментахъ.

Три широкихъ мраморныхъ ступени ведутъ во входную галлерею, образуемую шестью дорійскими колоннами. Три легкія іонійскія колонны справа и столько же слѣва дѣлятъ внутренность галлереи на три прохода, съ мраморнымъ потолкомъ. Далѣе пять ступеней ведутъ къ пяти мѣднымъ воротамъ и, когда тѣ открываются, чрезъ выше расположенную колоннаду на Акрополь.

Но можно также изъ переднихъ колоннадъ пройти въ открытыя боковыя зданія, гдѣ налѣво находилась Пинакотека, мраморная зала, которая заключала картины знаменитѣйшихъ аѳинскихъ живописцевъ. Тамъ художественно изображены Орестъ и Пиладъ, Одиссей и Навсикая, Аѳина, лелѣющая дѣтство предка Аѳинъ Эрехѳея, и многія другія фигуры боговъ и героевъ. Теперь мы черезъ заднюю галлерею вступаемъ въ сво-

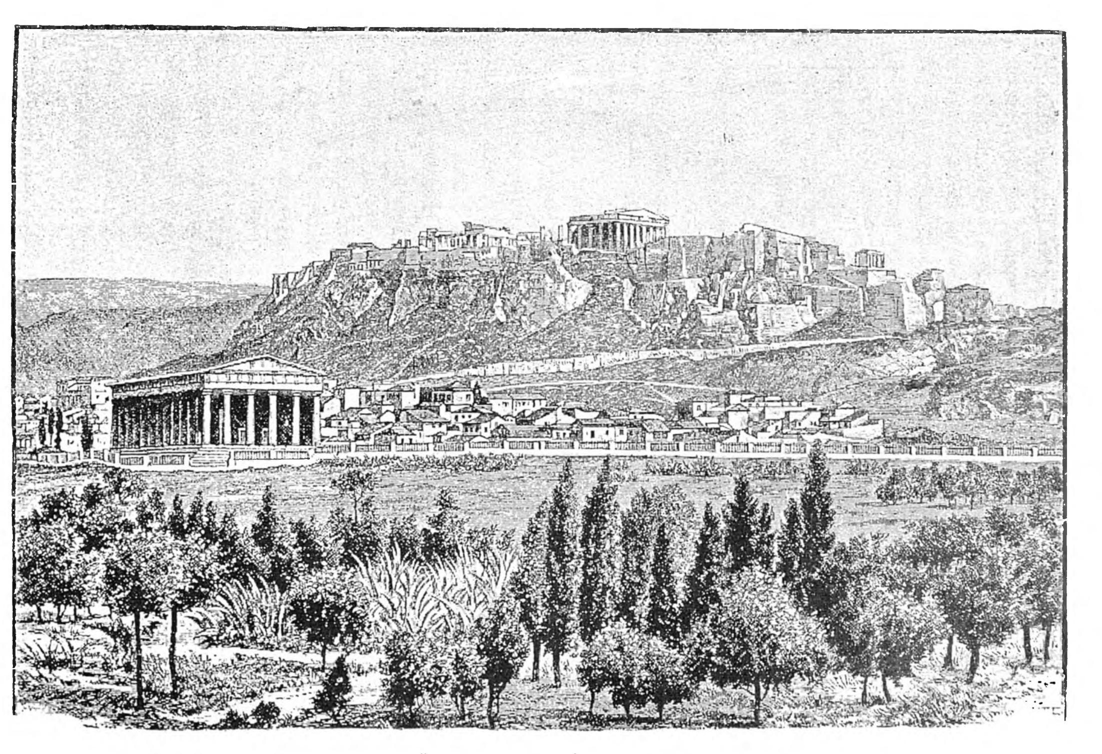

НЫНѢШНІЙ ВИДЪ ПРОПИЛЕЙ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

бодное пространство. Тамъ взору представляются въ безконечномъ изобиліи статуи изъ бронзы и мрамора, колесницы и упряжи, треножники и другая утварь выбивной металлической работы, жертвенники и храмы изъ блестяще отполированнаго мрамора. Тѣмъ не менѣе всюду замѣтны мѣра и порядокъ. Но изъ массы произведеній генія и труда выдѣляются особенно три произведенія, приковывающія вниманіе зрителя своимъ возвышеннымъ положеніемъ, равно какъ величиной и художественнымъ исполненіемъ.

По выходѣ изъ Пропилей, взоръ тотчасъ же падаетъ на эти три крупнѣйшія произведенія искусства, именно на статую Аѳины Промахосъ (передовой воительницы), на храмъ Эрехѳея, посвященный также Аѳинѣ Поліадѣ (градохранительницѣ) и на Парѳенонъ. Только-что названная статуя имѣетъ въ вышину отъ базы до вершины не менѣе 22 метровъ; султанъ на шлемѣ и наконечникъ копья богини, оба золотые, сверкаютъ въ солнечномъ блескѣ передъ плывущимъ сюда морякомъ уже на разстояніи шести часовъ пути и возвѣщаютъ ему, что онъ приближается къ властвующему на морѣ городу, пока мало-помалу не поднимаются передъ нимъ Акрополь и Пниксъ, Музей и другіе холмы съ украшенными искусствомъ верхушками.

Бросимъ теперь взглядъ на городъ и его окрестности. Непосредственно къ западу отъ Акрополя возвышается холмъ Ареса, Ареопагъ, и такъ близко, что персы съ него могли поджечь горящими стрѣлами зданія Акрополя, бывшія тогда деревянными. На холмѣ, мѣстѣ собранія досточтимѣйшаго суда, стояло святилище Эвменидъ съ могилой Эдипа, у сѣверо-восточной подошвы его храмъ Ареса, къ востоку оттуда, напротивъ Метроона мѣдныя статуи Гармодія и Аристогитона, бросающихся впередъ съ обнаженными мечами. Къ юго-западу горный хребетъ продолжается и образуетъ холмъ Пниксъ, гдѣ происходили народныя собранія и гдѣ еще теперь видны высѣченная въ скалѣ ораторская каѳедра и слѣды отъ вырѣзанныхъ полукругомъ сидѣній для народа. Къ югу отъ этихъ высотъ лежитъ агора въ низменности, примыкающей далѣе къ холму Музею. Здѣсь была городская площадь и до Клисѳена мѣсто собранія общины, вслѣдствіе чего многопосѣщавшееся мѣсто окружали много статуй и святилищъ. На западъ ведетъ украшенная гермами дорога къ Пниксу. У сѣвернаго края агоры лежала, далѣе, картинная гал-

ВИДЪ ДРЕВНѢЙШЕЙ ЧАСТИ АѲИНЪ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

лерея — стоа пекиле, съ картинами, написанными мастерской рукой Полигнота. На югѣ окружали площадь нѣсколько портиковъ, въ особенности тѣ, гдѣ производилъ судъ архонтъ басилевсъ, къ востоку оттуда портикъ Зевса Элевѳерія, метроонъ, храмъ Аполлона и священный округъ матери боговъ, зданіе Совѣта, наконецъ, круглое строеніе, гдѣ обѣдали пританы. Далѣе къ востоку, на югѣ кремля, виднѣлся большой театръ Діониса, Леней, гдѣ въ февралѣ, съ играми и пирами, въ честь бога праздновались Ленеи, праздникъ выжиманія винограда, и назначенный для музыкальныхъ представленій Одеонъ, съ многочисленными колоннами и зонтикообразной крышей, построенный по приказанію Перикла.

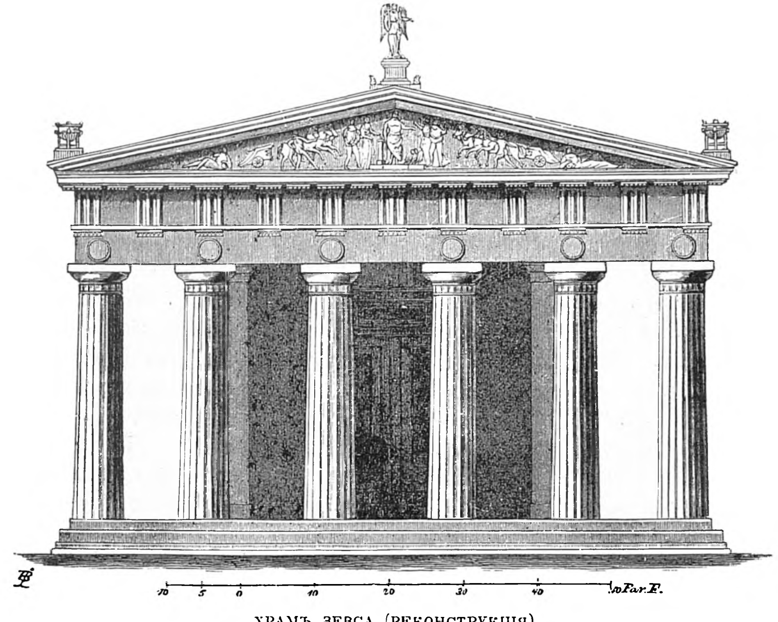
Къ востоку отъ Акрополя, на улицѣ триподовъ, или треножниковъ, мы видимъ памятникъ Лисикрата. Онъ былъ сооруженъ около сотни лѣтъ позже, и притомъ названнымъ сейчасъ Лисикратомъ, который устроилъ хоры со вкусомъ и большими издержками и за это получилъ награду въ мусическомъ состязаніи. Въ память объ этомъ событіи онъ воздвигъ монументъ, образуемый шестью коринѳскими колоннами въ высшей степени совершенной формы. Онъ покрытъ огромною мраморною плитой, которая раньше была украшена треножникомъ искусной работы, знакомъ хорагической побѣды. Такъ какъ онъ и нынѣ еще существуетъ подъ народнымъ названіемъ „Фонаря Діогена“ и разсматривается какъ одинъ изъ изящнѣйшихъ памятниковъ коринѳскаго архитектурнаго стиля, то и заслуживаетъ нашего вниманія.

Изъ другихъ общественныхъ зданій отмѣтимъ еще Пританей, гдѣ заслуженные мужи и иностранные послы обѣдали на государственный счетъ, и къ югу восьмиугольную башню съ водяными часами внутри, сооруженную Андроникомъ Киррестомъ, — коринѳскій памятникъ гораздо болѣе поздняго времени.

Этотъ памятникъ также еще существуетъ и по причинѣ находящагося на его крышѣ Тритона, который въ качествѣ флюгера указываетъ на помѣщенныя на фризѣ фигуры главныхъ вѣтровъ, называется въ устахъ народа „Башней вѣтровъ“. Далѣе Олимпіей (храмъ Зевса), наибольшая храмовая постройка, законченная спустя цѣлыя столѣтія.

Въ противоположномъ направленіи, къ сѣверо-западу отъ акрополя, лежитъ Ѳесей, храмъ Ѳесея.

Всѣ эти великолѣпныя постройки поднимались въ тѣснотѣ узкихъ, кривыхъ улицъ и переулковъ, среди массы маленькихъ, невзрачныхъ домовъ и хижинъ. Иноземецъ, внезапно перенесенный сюда, какъ говоритъ древній писатель, не узналъ бы господствующихъ на морѣ Аѳинъ. Но приближается ли онъ къ городу моремъ, или сушею, онъ всюду видитъ Акрополь съ

ХРАМЪ ЗЕВСА (РЕКОНСТРУКЦІЯ).

его произведеніями искусства, видитъ по одну его сторону высоты и постройки Пирея, Мунихіи, Фалера, по другую, къ сѣверу, академію, гимнасій, окруженный святилищами и оливковыми насажденіями, далѣе—Колоннъ Гиппійскій, съ оливковой рощею Эвменидъ, гдѣ несчастный Эдипъ нашелъ, наконецъ, успокоеніе. Къ востоку можно видѣть гимнасій Киносаргъ, гдѣ училъ впослѣдствіи философъ Антисѳенъ, южнѣе, посреди садовъ и парковъ, Ликей съ его портиками, прислоняющимися къ красивому храму Аполлона. Послѣ этого обзора вернемся опять къ нашему мѣсту на Акрополѣ.

Эрехѳей. Отъ статуи передовой воительницы Аѳины дорога ведетъ къ святилищу Эрехѳея. Здѣсь эллинское искусство съ рѣдкой ловкостью преодолѣло трудности, представляемыя мѣстностью и разнообразными цѣлями зданія. Ибо на этомъ мѣстѣ была могила Эрехѳея, которая, пока она оставалась нетронутою, была для города охраннымъ талисманомъ. Тамъ далѣе зеленѣла маслина, вызванная къ жизни нѣкогда Аѳиною въ состязаніи съ богомъ моря и покрывшаяся свѣжею зеленью по удаленіи персовъ. А вотъ тутъ журчалъ еще ключъ, вытекшій, по мановенію Посидона, изъ голой скалы.

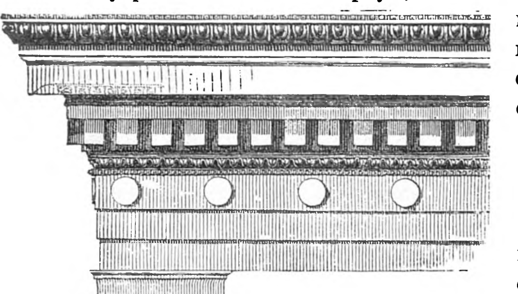
По нѣсколькимъ ступенямъ подниматешься въ преддверіе средняго храма, своды котораго поддерживаются шестью стройными іонійскими колоннами. Къ нему примыкаетъ съ сѣвера помѣщеніе, покоющееся со своими колоннами на гораздо болѣе низкомъ полу. Здѣсь струится источникъ Посидона, здѣсь его жертвенникъ, окруженный посвятительными дарами. Къ южной сторонѣ храма примыкаетъ портикъ Каріатидъ (носительницъ). Изящная кровля, у которой нѣтъ фриза, покоится здѣсь на шести женскихъ статуяхъ, аѳинянкахъ въ панаѳинейскомъ праздничномъ нарядѣ, которыя, кажется, держать ее такъ легко, будто это головной уборъ изъ цвѣтовъ. Помѣщеніе сверху открыто, такъ какъ въ немъ разстилаетъ свои вѣтки священная маслина и тамъ и сямъ вплетаетъ ихъ въ тонко вырѣзанные локоны Каріатидъ. Позади перваго портика находится собственно cella, святилище, и въ немъ древнее изображеніе Аѳины Поліады изъ оливковаго дерева, покрываемое на праздникѣ панаѳиней новымъ, шафрановаго цвѣта, одѣяніемъ, далѣе могила Эрехѳея, мѣдное пальмовое дерево и другіе предметы поклоненія. Черезъ второе отдѣленіе, также посвященное Аѳинѣ и нимфѣ Пандросъ, нянѣ ребенка Эрехѳея, входишь въ восточный портикъ, замыкающій всю постройку.

Парѳенонъ. Мы слѣдуемъ теперь по дорогѣ, ведущей къ югу, и приходимъ къ Парѳенону, совершеннѣйшему произведенію времени Перикла, произведенію, о которомъ говорили, что оно возникло чрезъ откровеніе самой богини. Оно поражаетъ зрителя не только своей величиной, но и поэзіей въ легшемъ въ основаніе ему планѣ, ясностью и простотой своихъ формъ, высокимъ искусствомъ исполненія. Простой портикъ изъ дорійскихъ колоннъ окружаетъ постройку, фронтоны которой возвышаются надъ

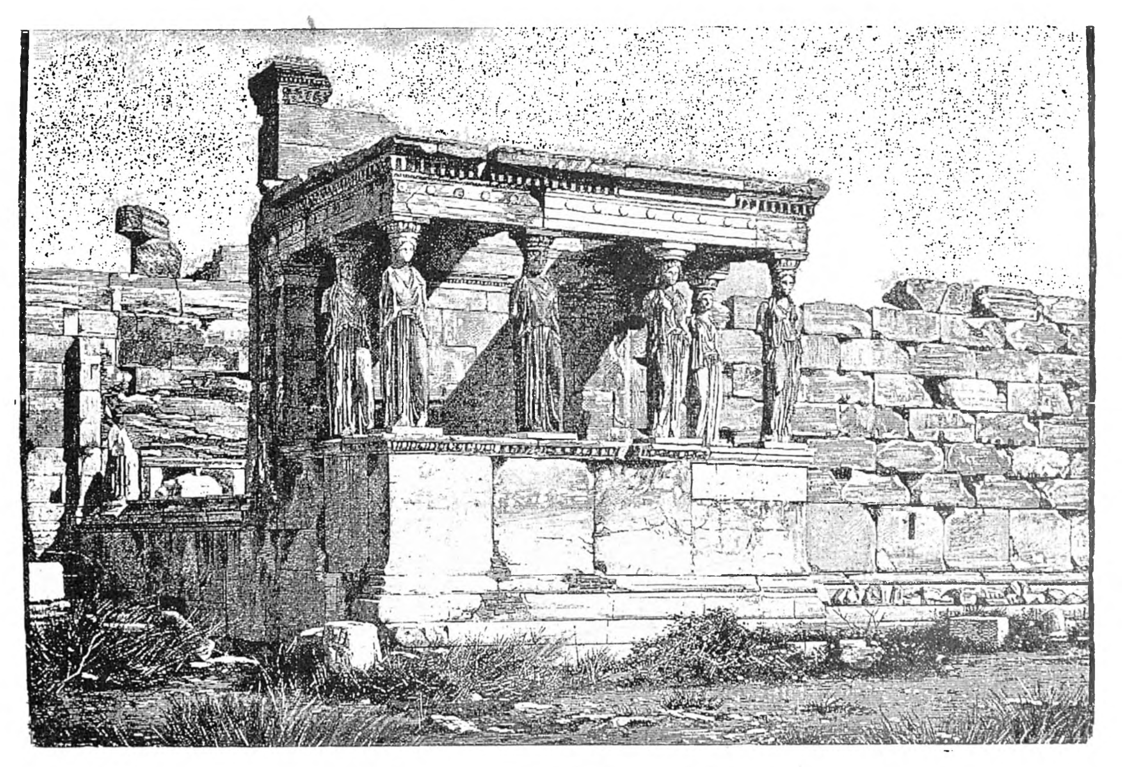
Эрехѳей (реставрація по Inwood'у).

почвой лишь на разстоянии $20^1/_3$ метровъ. 17 колоннъ этой колоннады украшаютъ какъ сѣверную, такъ и южную продольную сторону, по восьми колоннъ обѣ фронтонныя стороны на востокѣ и на западѣ, причемъ однако угловыя колонны мы считали вдвойнѣ. На фронтонныхъ сторонахъ, позади этого портика, помѣщена вторая колоннада въ шесть колоннъ на каждой, чтобы достойно украсить входы. Внутренность храма раздѣлена на два отдѣленія: меньшее, западное, освѣщаемое только лампами, есть мѣсто храненія государственной казны; большее, восточное, обиталище богини. Восемь колоннъ по обѣимъ сторонамъ поддерживаютъ здѣсь галлерею, надъ которой поднимаются опять восемь болѣе тонкихъ колоннъ, служащихъ опорой для крыши, широко открытой посрединѣ.

УГЛОВАЯ КАРІАТИДА ЭРЕХѲЕЯ.

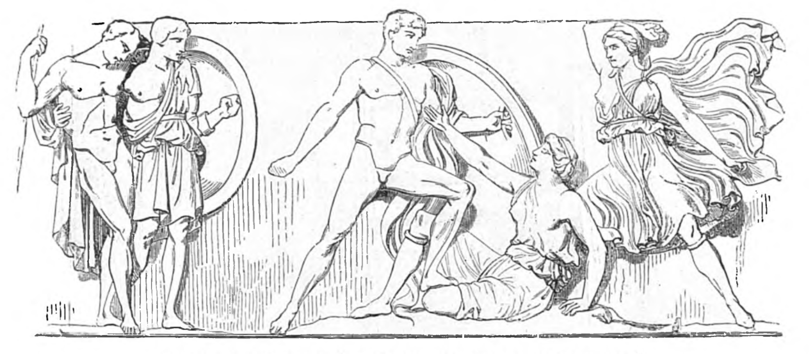
Такъ устроенъ весь домъ съ своимъ архитектурнымъ убранствомъ, гдѣ все изъ прекраснѣйшаго пентелійскаго мрамора, просто, благородно и величественно. Но съ архитектурой здѣсь геніемъ Фидія соединено ваятельное искусство, и оно немногими чертами обнаружило глубокомысленнѣйшее значеніе благороднаго произведенія. Мы подступаемъ ближе, чтобъ осмотрѣть и истолковать его изображенія. Вотъ передъ нами стоятъ могучія колонны у восточнаго главнаго входа, и взоръ нашъ

ПОРТИКЪ КАРІАТИДЪ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ ВИДѢ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

поднимается по стволу къ архитраву, нижней потолочной балкѣ. Онъ на фронтонныхъ сторонахъ украшенъ золотыми щитами, посвятительными дарами благодарныхъ людей.

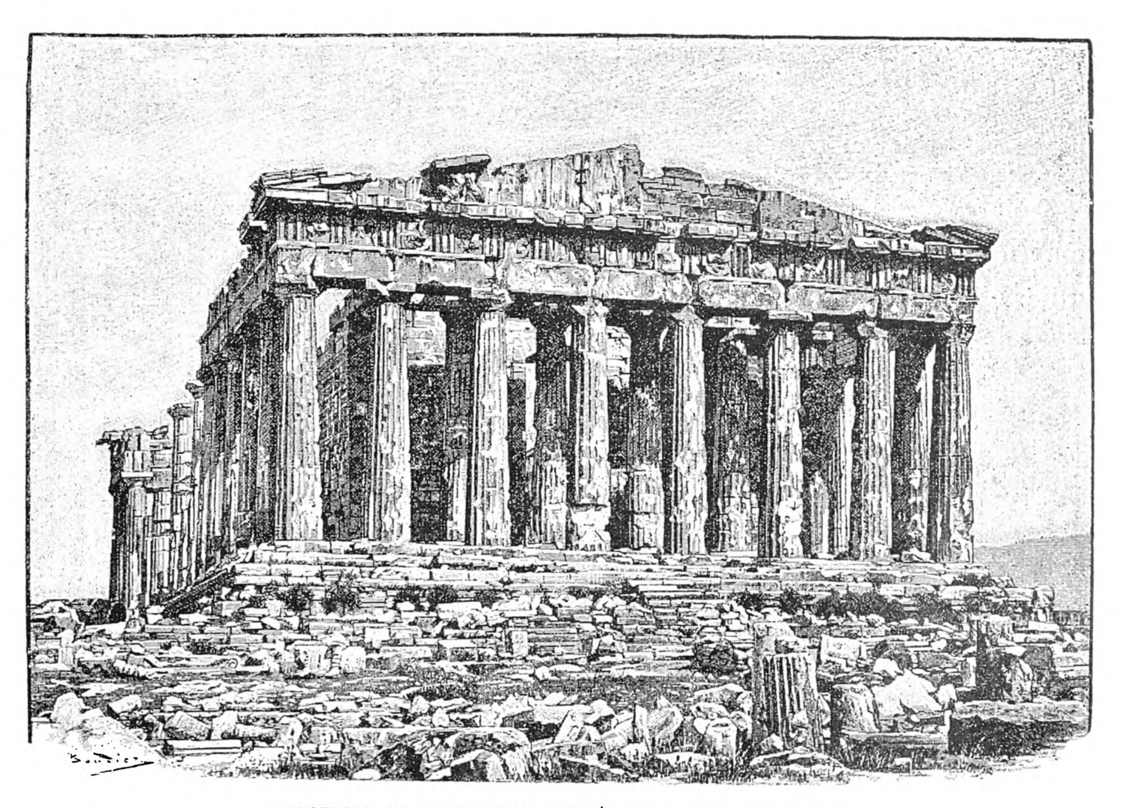
А вотъ фризъ съ троерѣзами и метопами: послѣдніе богато изукрашены скульптурными произведеніями; наконецъ, замыкаемое крышей поле фронтона. Тутъ созданныя рѣзцомъ фигуры ужь не рельефы, а выступаютъ наружу вполнѣ. Это—Зевсъ на своемъ тронѣ, передъ нимъ дѣвственная богиня, другіе боги размѣщены

БИТВА АМАЗОНОКЪ (РЕЛЬЕФЪ НА ФРИЗѢ ПАРѲЕНОНА).

справа и слѣва, но всѣ смотрятъ на средину, гдѣ впервые является среди нихъ богиня мудрости. На одной сторонѣ на крайнемъ концѣ поднимается богъ солнца съ своими конями изъ моря, на другой онъ снова туда возвращается. Это первый день жизни Аѳины. На западномъ фронтонномъ полѣ въ срединѣ богиня является въ побѣдоносномъ состязаніи съ Посидономъ; возлѣ нея вырастаетъ маслина; она учитъ своего Эрехѳея укрощать коня, созданнаго богомъ моря. Аттическіе боги и герои, представители народа, на обѣихъ сторонахъ являются свидѣтелями первой побѣды своей покровительницы.

Мы осматриваемъ далѣе рельефы фриза, выступающіе на 26 сантиметровъ. Вотъ, на восточной сторонѣ, является богиня въ бою съ Гигантами, на сѣверной—битва Амазонокъ. Побѣда надъ воинственными женщинами въ Аѳинахъ и около нихъ было укоренившимся народнымъ повѣрьемъ; поэтому изображеніе ея было любимымъ предметомъ скульптуры и помѣщено здѣсь, какъ помѣща-

ПАРѲЕНОНЪ ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ВИДѢ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

лось и въ другихъ храмахъ. На западной и южной сторонахъ можно видѣть Өесея, Эрехөея и многихъ эллинскихъ воиновъ, счастливо борющихся съ Амазонками, кентаврами и вообще варварами, какъ и всегда мудрость одерживаетъ побѣду надъ грубой силой.

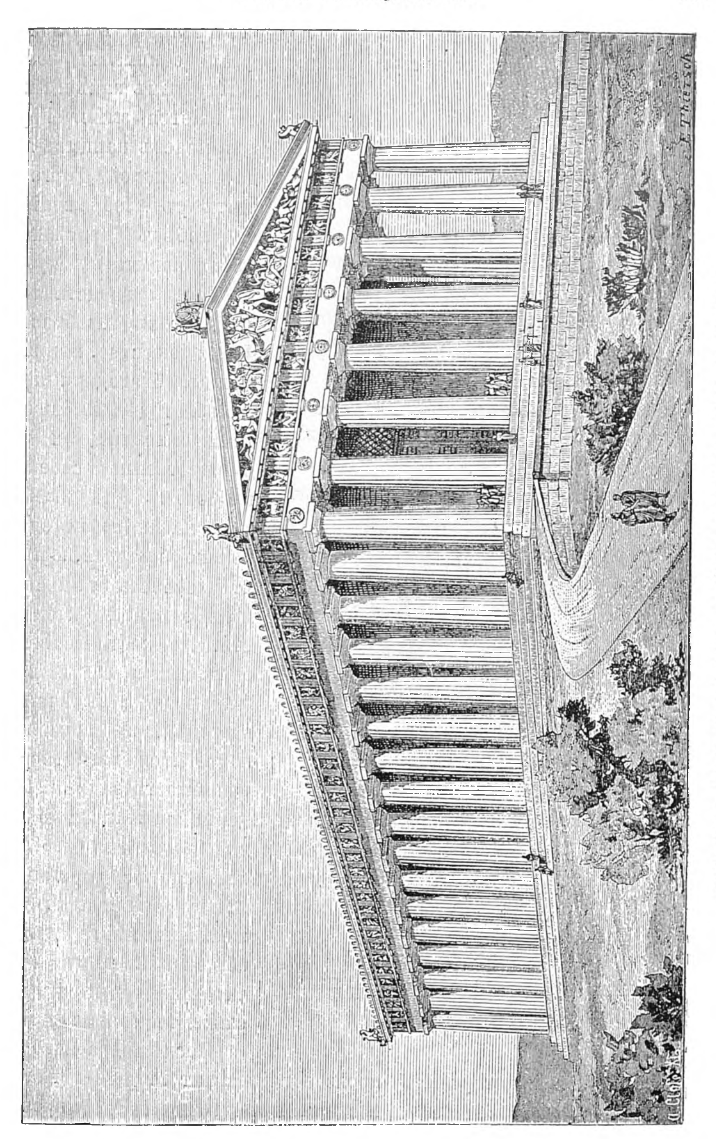
Мы обращаемся теперь къ самому храму; тамъ, подъ окружающимъ его портикомъ, простирается вокругъ внутренняго дома фризъ, какъ бы лобная повязка избранныхъ скульптурныхъ произведеній, которыя хотя выступаютъ менѣе рельефно, но зато

ГРУППА ЮНЫХЪ ВСАДНИКОВЪ НА ФРИЗѢ ПАРӨЕНОНА.

дѣлаются замѣтнѣе при помощи живописи. Это изображеніе панаөинейскаго праздничнаго шествія, развернутое во всемъ своемъ разнообразіи вокругъ дома. Вотъ веселые юноши, объѣзживающіе своихъ лошадей, надѣвающіе одежды, значитъ начало кавалькады передъ воротами; тамъ боевыя колесницы, гдѣ статные побѣдители въ играхъ вскакиваютъ и соскакиваютъ, затѣмъ болѣе пожилые мужчины и женщины, жертвенное шествіе, игроки на лирѣ и на флейтѣ, затѣмъ дѣвушки съ священной утварью, мальчики и дѣвочки съ посвятительными дарами, и посрединѣ—божества, особенно Аөина, ласково принимающая жертвы людей.

Осмотрѣвъ все это, мы въ самомъ храмѣ находимъ богиню, которой онъ посвященъ. Ярко освѣщенная сквозь отверстіе въ крышѣ, она стоитъ въ углубленіи, напротивъ восточнаго входа, блистающая, выдѣланная изъ слоновой кости и золота, имѣя въ вышину около $12^1/_2$ метровъ. Шлемъ изъ чистаго золота покрываетъ ея голову; изъ-подъ него серьезно и все-таки кротко выгляды-

ПАРѲЕНОНЪ ВО ВРЕМЕНА ПЕРИКЛА (РЕКОНСТРУКЦІЯ ПРОФ. Е. ТИРШЪ).

ваетъ лицо, сформованное въ благородномъ греческомъ профилѣ. Одна рука держитъ крылатую Нике, другая обнимаетъ копье, между тѣмъ какъ и ниже изгибается змѣя. Грудь покрываетъ панцырь-эгида съ головой Горгоны; щитъ съ изображеніями ея побѣдъ прислоненъ къ ея ногамъ.

ПАЛЛАДА-АѲИНА.

Такъ представлялъ себѣ, такъ изобразилъ Фидія божество, которому Аѳины, благодарныя за его благодѣянія, посвятили святилище и преимущественное свое поклоненіе. Онъ изобразилъ наглядно не одинъ только образъ ея, но и все, что касалось ея личности и ея божеской дѣятельности. Его пластическія изображенія и самый домъ были чудной, высѣченной на мраморѣ поэмой о покровительницѣ города; они повѣствовали о ея рожденіи, ея великой побѣдѣ для благодатнаго господства надъ страной, о помощи, даруемой ею мужественнымъ героямъ, и объ оказываемомъ ей почитаніи, и вели къ ней самой въ святилище.

Послѣ подробнаго описанія этихъ мастерскихъ произведеній архитектуры и пластическаго искусства, мы воздержимся говорить о прочихъ

храмахъ и святилищахъ, наполнявшихъ тѣсное пространство Акрополя. Но и въ другихъ частяхъ города находились замѣчательныя постройки этого рода и произведенія искусства, а именно Ѳесей, посвященный національному герою Ѳесею, построенный соотвѣтственно Парѳенону, но въ меньшемъ масштабѣ, затѣмъ храмъ Олимпійскаго Зевса, величиной далеко превосходившій Парѳенонъ, но законченный лишь гораздо позже. Далѣе здѣсь были портикъ Пёкиле, гдѣ въ картинахъ изображены были: бой Амазонокъ, паденіе Иліона и побѣда при Мараѳонѣ, Пропилеи къ вновь устроенной агорѣ и другія подобныя художественныя или посвященныя искусству постройки. Мы уже дали обзоръ ихъ.

Иктинъ и другіе аѳинскіе художники призывались и внѣ Аѳинъ строить богамъ достойныя жилища, а съ нихъ брали примѣръ мастера въ разныхъ городахъ, гдѣ развивался художественный вкусъ и искусство было въ уваженіи. Такъ, Иктинъ, Метагенъ, и Ксеноклъ построили большой, посвященный Деметрѣ, храмъ въ Элевсинѣ на развалинахъ разрушеннаго персами. Это былъ продолговатый четыреугольникъ, длиной въ 68 метровъ и шириной въ 53 метра, внутреннее, почти квадратное пространство котораго (наосъ) четырьмя рядами колоннъ раздѣлено было на пять кораблей, между тѣмъ какъ узкій пронаосъ на фронтовой сторонѣ имѣлъ 12 колоннъ. Въ немногихъ остаткахъ его найдены подземныя помѣщенія, которыми, какъ выше упомянуто, вѣроятно пользовались при празднованіи мистерій. Кромѣ того, Иктинъ былъ призванъ въ Фигалію, въ Аркадіи, построить тамъ въ Бассахъ храмъ Аполлону Эпикурію, богу-цѣлителю. Въ первое время пелопоннесской войны, когда Аѳины и многія другія земли эллиновъ посѣтила страшная чума, аркадійскіе горцы, оставшіеся пощаженными этимъ зломъ, почувствовали себя обязанными къ благодарности по отношенію къ этому спасающему богу и рѣшили построить храмъ посреди высоко лежащей, уединенной долины. Замкнутость мѣстности сохранила это святилище въ главныхъ частяхъ его до настоящаго времени. Когда путникъ, прошедшій аркадійскіе дубовые лѣса и богатыя ключами долины, подымаясь затѣмъ все выше мимо отдѣльныхъ платановъ и сосенъ, придетъ на вершину скалы, то онъ увидитъ на склонѣ высокаго Мэнала замѣчательную храмовую постройку. На нее употреблялся ка-

мень изъ чистаго желтовато-бѣлаго известняка мѣстной ломки, а скульптурныя работы фриза вырѣзывались изъ блестящаго мрамора. Тридцать восемь дорійскихъ колоннъ, по шести на каждой фронтовой сторонѣ, окружаютъ собственно святилище, продольныя стороны котораго на обоихъ концахъ въ формѣ простѣнковъ съ лежащими между ними двумя дорійскими колоннами образуютъ входъ въ оба внутреннихъ помѣщенія пронаосъ и наосъ. Кровля поддерживается на каждой сторонѣ пятью полуколоннами съ дорійскою капителью и іонійскою базой, соединенными съ боковыми стѣнами пилястрами. Отъ этого на обѣихъ сторонахъ, вмѣсто открытыхъ галлерей, получаются полузакрытыя помѣщенія. Между двумя послѣдними колоннами, напротивъ входа въ целлу, стояла статуя бога. Статуи давно уже не существуетъ болѣе, скульптурныя работы фриза и нѣсколько колоннъ распались, глубокое молчаніе господствуетъ надъ пустынной мѣстностью; но было время, когда направлялись сюда благодарные люди и приносили божеству, защитившему ихъ отъ опасностей, жертвы и поклоненіе.

И домъ Олимпійскаго Зевса на берегу Алфея, гдѣ такъ часто собиралась вся Эллада на великое національное празднество, въ это время не удовлетворялъ уже чувства красоты греческихъ народовъ. Онъ построенъ былъ въ древнемъ дорійскомъ стилѣ, между тѣмъ какъ новый храмъ, который слѣдовало бы называть аттическимъ, сохранивъ въ общемъ дорійскія колонны и пропорціи, счастливо избѣжалъ всего, что есть тяжеловѣснаго въ дорійскомъ стилѣ. Это новое святилище было сооружено подъ руководствомъ зодчаго Либона, и притомъ въ одно время съ постройкой Пареенона и приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ. Храмъ имѣлъ въ вышину около 21 метра, въ ширину $28^1/_2$ метровъ, а длиной былъ въ 70 метровъ. Средина была не крыта, только великолѣпная статуя Зевса защищена была выступавшей надъ нею кровлей. Боковые входы крыты были плитами изъ пентелійскаго мрамора въ формѣ кровельной черепицы. На каждой сторонѣ главнаго фронтона сіяла золотая ваза, а на верхушкѣ — богиня побѣды изъ того же металла и у ногъ ея щитъ съ головой медузы высокой работы. Бой Пелопа и Эномая на колесницахъ, на который смотрятъ боги, украшалъ переднюю фронтонную сторону, а архитравъ украшенъ

былъ 21 золотымъ щитомъ. На заднемъ фронтонѣ изображенъ былъ бой лапиѳовъ и кентавровъ, на фризѣ же передней стороны подвиги Геракла. И внутри храмъ былъ великолѣпно украшенъ сценами изъ міра боговъ въ скульптурныхъ произведеніяхъ. Несмотря на то, въ этихъ скульптурныхъ произведеніяхъ не находишь глубокомысленной связи, какая существовала въ Парѳенонѣ. Объ этомъ, какъ и о новѣйшихъ находкахъ, мы будемъ говорить послѣ.

Фидія изваялъ статую Зевса, въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни, изъ слоновой кости и золота, причемъ, однако, нужно замѣтить, что ядро этого и подобныхъ произведеній состояло изъ дерева и металлическихъ прутьевъ, и лишь тонкій, искусственный покровъ былъ изъ указанныхъ драгоцѣнныхъ веществъ. Голова бога была обвита оливковой вѣткой, правая рука держала богиню побѣды (Нике), лѣвая — скипетръ съ орломъ; золотыя одѣяніе и сандаліи украшены были розами и лиліями. Четыре танцующія богини побѣды возвышались надъ каждымъ столбомъ трона, на колончатыхъ и поперечныхъ балкахъ, базисѣ и ножной скамейкѣ котораго были изображены разнообразнѣйшія сцены изъ сказаній о богахъ, между тѣмъ какъ на самомъ верху Граціи и Горы, дочери Зевса, легко и граціозно возлетали.

Но какъ ни дивились скульптурнымъ украшеніямъ, глазъ все возвращался къ самому отцу боговъ и людей, видъ котораго, по сказанію, заставлялъ забывать всякое земное страданіе. Если великій мастеръ въ своей Аѳинѣ изобразилъ божественную мудрость, одерживающую побѣду въ бою и распространяющую благословенія мира, то въ своемъ олимпійскомъ Зевсѣ онъ олицетворилъ жившій въ его душѣ идеалъ божескаго всемогущества. Онъ представлялъ себѣ это послѣднее руководимымъ и просвѣтленнымъ мудростью, смягченнымъ и согрѣтымъ милосердіемъ. Этотъ идеалъ онъ, насколько возможно человѣку, выразилъ наглядно въ формѣ и матеріи. Но скромный художникъ говорилъ, что все это не имъ самимъ придумано, но что идею этого вдохнулъ ему Гомеръ мѣстомъ Иліады I, 528:

Черными Зевсъ помаваетъ бровями;
Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многохолмный.

Прекраснѣйшимъ произведеніемъ архитектуры въ Пелопоннесѣ

считался храмъ Аѳины Алейской въ Тегеѣ, въ Аркадіи, построенный, правда, позднѣе, лишь послѣ 400 года, аѳинняниномъ Скопой (Скопасомъ). Онъ окруженъ былъ іонійской колоннадой; внутри, на дорійскихъ колоннахъ, покоилась галлерея, надъ которою коринѳскія колонны поддерживали потолокъ. Послѣдній родъ колоннъ, какъ даетъ понять уже названіе, по преданію, былъ изобрѣтенъ въ Коринѳѣ. Разсказываютъ, что Каллимахъ, тамошній зодчій, замѣтилъ однажды корзину съ цвѣтами, изъ которой торчали листья и побѣги расположающагося растенія аканѳа (медвѣжьей лапы), которые лежавшій сверху камень граціозно наклонялъ во всѣ стороны; по этому образцу художникъ сформовалъ великолѣпную коринѳскую капитель изъ восьми внѣшнихъ и столькихъ же внутреннихъ листьевъ аканѳа и стеблей цвѣтовъ подъ покоющейся на нихъ округленной плиткой. Колонны этого стиля употреблялись въ началѣ лишь въ маломъ числѣ, впослѣдствіи же для цѣлыхъ колоннадъ. Однако въ стремленіи превзойти прежде произведенное, листьямъ, украшавшимъ капитель, и вообще орнаментикѣ стали придавать все болѣе разнообразный и пышный видъ, что въ концѣ-концовъ, особенно среди римлянъ, повело къ безвкусному переполненію. Тонко расчлененная капитель пилястра коринѳскаго стиля открыта среди развалинъ храма Деметры въ Элевсинѣ.

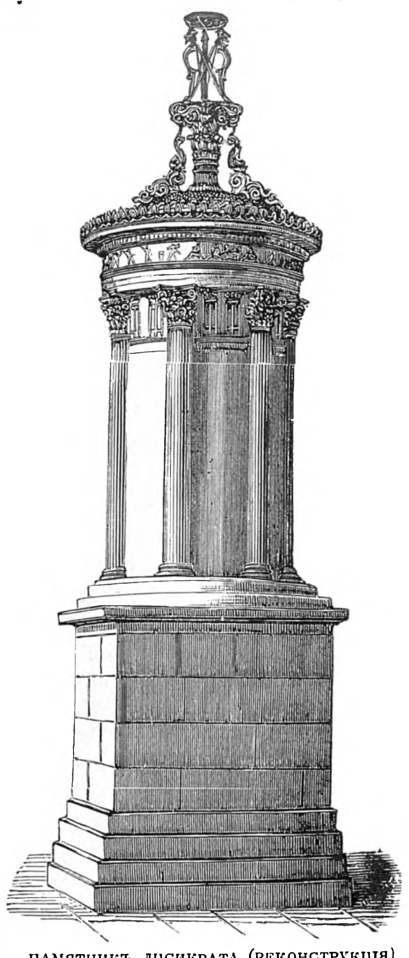
Прекрасный памятникъ коринѳскаго стиля представляетъ далѣе вышеупомянутый хорагическій памятникъ Лисикрата въ Аѳинахъ, который, какъ уже замѣчено, хорошо еще сохранился. Лисикратъ за труды свои при исполненіи игръ на празднествѣ Діониса въ награду получилъ треножникъ (334 до Р. X.). Въ память этой побѣды былъ сооруженъ прекрасный монументъ, круглая постройка на квадратномъ базисѣ съ шестью коринѳскими полуколоннами, выступавшими изъ кругообразной стѣны. На фризѣ расположенныхъ надъ ними красивыхъ кровельныхъ балокъ изображены сцены изъ жизни Діониса. Надъ ними возвышается въ видѣ купола изъ одного куска мраморная крыша и въ срединѣ носитъ каменный цвѣтокъ, образованный изъ листьевъ аканѳа, похожій на коринѳскую капитель и служившій нѣкогда основаніемъ треножнику.

Намъ повѣствуется и о великолѣпномъ строеніи въ Спартѣ, сооруженномъ на счетъ военной добычи Саламина и Платеи. Это былъ портикъ Персике, кровлю котораго поддерживали не колонны, а каріатиды или атланты (носители), статуи въ

длинныхъ персидскихъ одѣяніяхъ. Далѣе, возвышались богато изукрашенные храмы въ Коринѳѣ, Сикіонѣ и другихъ городахъ. Знаменитъ былъ особенно въ великолѣпномъ Коринѳѣ храмъ Аѳины Халинитиды (налагающей узду или укротительницы коней). Отъ него еще теперь существуютъ семь колоннъ сжатыхъ дорійскихъ пропорцій. Подобную форму, какъ кажется, имѣлъ храмъ Посидона на Исѳмѣ, гдѣ праздновались Исѳмійскія игры. Отъ скудныхъ развалинъ его внизъ тянется еще въ настоящее время глубокая долина, въ которой вѣроятно зеленѣла нѣкогда священная сосновая роща Посидона.

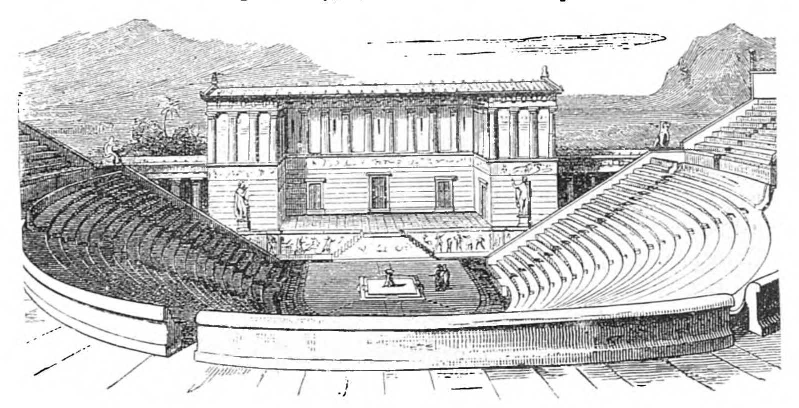
Также Акрокоринѳъ, какъ передаютъ, украшенъ былъ великолѣпнымъ храмомъ Афродиты, съ террасы котораго можно было обозрѣвать весь перешеекъ, оба моря, скалистыя высоты Эгины и горы аттическаго побережья. Такимъ образомъ, древніе мастера старались придавать своимъ произведеніямъ не только возможно совершенную форму, но и наиболѣе пригодное положеніе, благодаря которому эта форма вполнѣ была видна и получала все свое значеніе.

Этимъ способомъ высочайшія произведенія скульптуры и зодчества соединялись съ живописными формами эллинской страны и свѣтили навстрѣчу приближающимся морякамъ какъ великолѣпныя воплощенія духа, которымъ былъ проникнутъ весь эллинскій народъ.

ПАМЯТНИКЪ ЛИСИКРАТА (РЕКОНСТРУКЦІЯ).

Театры. Передъ храмами, и притомъ напротивъ главныхъ входовъ ихъ, воздвигались художественные, со вкусомъ устроенные жертвенники для сожженія жертвъ и равнымъ образомъ украшались могилы усопшихъ достойными монументами. Особенно же богатыя художественныя украшенія прилагались къ тѣмъ помѣщеніямъ, гдѣ соединялись архитектура, пластика и благороднѣйшая поэзія,

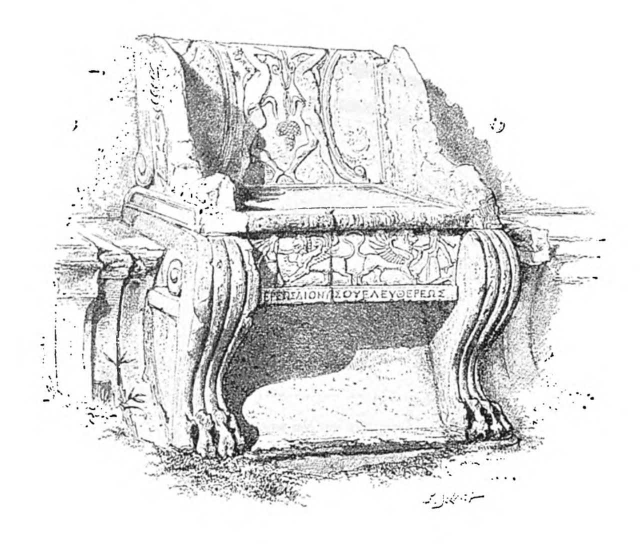

ТЕАТРЪ ВЪ ЭГЕСТѢ (РЕКОНСТРУКЦІЯ Г. СТРАКА).

не только для удовлетворенія любви толпы къ зрѣлищамъ, но и для того, чтобы шуткой и серьезной вещью удерживать ее отъ пороковъ, чтобъ возвышать душу надъ однообразной будничной жизнью и настраивать ее къ набожному, благоговѣйному чувству. Театры древнихъ эллиновъ были такими мѣстами освященія для художественнаго народа. Первоначально это были мѣстности, по естественному положенію и свойствамъ своимъ пригодныя для исполненія хороводовъ и хоровыхъ пѣсней, напр., граничащее съ холмомъ ровное поле. На возвышенности стояли слушатели, на равнинѣ пѣли или ритмически двигались хоры. Впослѣдствіи были устроены подмостки для зрителей и удобопереносимый podium для сценическихъ представленій. Послѣ того какъ однажды въ Аѳинахъ обрушились такіе деревянные подмостки съ сидѣніями, сооруженъ былъ первый постоянный театръ.

Рѣдко для этихъ постоянныхъ театровъ, которые вскорѣ стали возникать во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ, достаточно было есте-

ственныхъ свойствъ почвы; чтобы отлогость подымалась равномѣрно, приходилось заполнять углубленія и сооружать стѣны, и поле для хоровъ вдвигать въ самую возвышенность, чтобы его могли видѣть и отдаленно сидящіе зрители. Наконецъ, приходилось устраивать сцену для дѣйствующихъ лицъ, послѣ того какъ въ лирическіе хоры драматическая поэзія вплела и дѣйствіе въ трогательныхъ явленіяхъ.

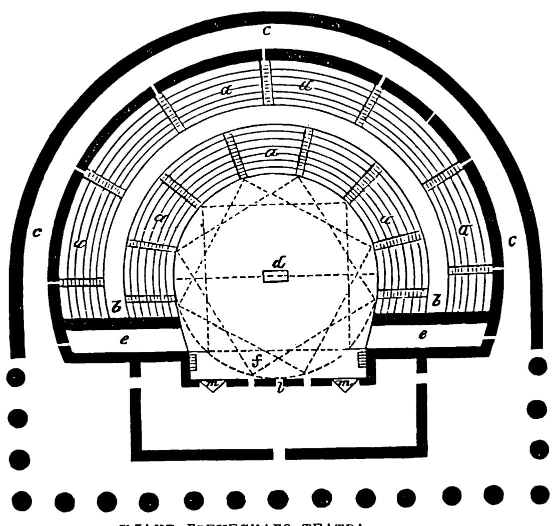
СѢДАЛИЩЕ ДІОНИСОВА ЖРЕЦА ВЪ АѲИНСКОМЪ ТЕАТРѢ
(СЪ ФОТОГРАФІИ И СЛѢПКА, НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ СОРБОННѢ).

Кресло жреца Діониса Элевѳерія стоитъ какъ-разъ противъ сцены. Оно занимаетъ почетное мѣсто и украшено богаче, нежели прочія: на спинкѣ — два сатира въ архаическомъ стилѣ, несущіе тяжелую кисть винограда; на закраинѣ, надъ надписью, два Аримаспа, борющіеся съ драконами; наконецъ, на каждомъ боку изображенъ Агонъ, геній пѣтушинаго боя, бывавшаго въ оградѣ театра. Надпись и кресло относятся къ императорской эпохѣ, очень вѣроятно ко времени Адріана, реставрировавшаго и украсившаго театръ Діониса. По одному преданію, мѣстечко Элевѳеры въ Аттикѣ было мѣстомъ рожденія Вакха.

Греческій театръ въ законченномъ видѣ своемъ, удовлетворявшій этимъ требованіямъ, не былъ закрытымъ домомъ, какъ у насъ, но свободнымъ, не покрытымъ пространствомъ, образовывавшимъ полукругъ или и болѣе крупный сегментъ круга.

Онъ состоялъ изъ трехъ главныхъ частей, именно: койлона или помѣщенія для зрителей, орхестры, самаго внутренняго

концентрически расположеннаго полукруга, соотвѣтствующаго нашему партеру, но назначенному для хоровъ, и собственно сцены, состоявшей въ узкомъ, продолговатомъ четыреугольникѣ внѣ кругового сегмента, къ которому она, однако, непосредственно примыкала. Въ серединѣ орхестры стояла ѳимела, посвященный Діонису жертвенникъ, богато изукрашенный и видный со всѣхъ сторонъ. Задняя стѣна сцены, декорированная колоннами и архитектурнымъ убранствомъ, обыкновенно изображала дворецъ. Бо-

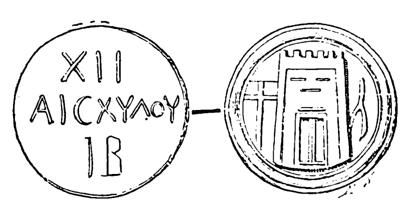

ПЛАНЪ ГРЕЧЕСКАГО ТЕАТРА.

ковыя стѣны были передвижныя, значитъ могутъ быть сравниваемы съ нашими декораціями, что у нѣкоторыхъ театровъ могло производиться и съ задней стѣной. Были и летательныя машины, съ помощью которыхъ боги и герои поднимались на воздухъ и исчезали, равно какъ и приспособленія для подражанія бурѣ и грому. Сидѣнья, поднимаясь вверхъ по возвышенію, образовывали концентрическія полукружныя линіи. Онѣ иногда были отдѣлены другъ отъ друга болѣе широкими проходами, между тѣмъ какъ поперекъ ихъ въ видѣ радіусовъ отъ орхестры шли другіе проходы, по которымъ зрители шли къ своимъ сидѣньямъ. Сидѣнья рѣдко бывали изъ дерева, обыкновенно изъ камня, часто покрыты были мраморомъ, или

высѣчены въ скалѣ. Мѣста для зрителей были окружены стѣной, оставлявшей обыкновенно открытымъ свободное пространство, гдѣ можетъ быть принимали что-нибудь прохладительное. Римскій писатель Витрувій допускаетъ здѣсь портикъ.

На приложенномъ планѣ обозначаютъ: a a a—ступени и сидѣнья для зрителей, значитъ—койлонъ, b b входы и проходы, ccc—крытые портики или стѣны, которыя закрывали окрестности, можетъ быть должны были также служить къ усиленію отзвука голоса, d—ѳимелу или жертвенникъ, e e проходы между боковыми флигелями и рядами сидѣній, которыми часто пользовались для особенныхъ процессій, f просценій или логей, впереди, гдѣ выступали дѣйствующія лица, между тѣмъ какъ свита не покидала задней части подмостковъ—сцены, I царскія ворота посреди задней стѣны, m m машины у двухъ боковыхъ входовъ сцены, которыми производилась перемѣна декораціи.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЧЕРЕПОКЪ (ВХОДНОЙ БИЛЕТЪ).

Костяной черепокъ, открытый въ Геркуланѣ. На передней сторонѣ его число XII, Г В, и надпись Αἰσχύλου, обозначающая безъ сомнѣнія часть театра, гдѣ находилась статуя Эсхила; на оборотной сторонѣ изображено зданіе, можетъ быть сцена театра.

Такъ какъ театры были безъ кровли и койлонъ, при надобности, могъ быть расширенъ снаружи прибавленіемъ новыхъ рядовъ сидѣній, то они вмѣщали массу народа. Въ театрѣ Діониса на южномъ склонѣ Акрополя въ Аѳинахъ было мѣста на 30,000 человѣкъ. Въ такихъ большихъ театрахъ происходили также народныя собранія и совѣщанія о важныхъ государственныхъ дѣлахъ; и Пниксъ въ томъ же городѣ имѣлъ подобное устройство.

Ступени для сидѣній и лѣстницъ устраивались по возможности удобно. Каждыя двѣ ступени лѣстницы должны были соотвѣтствовать одной ступени для сидѣнья; послѣднія покрывались также подушками. Особенно славилось удобное устройство слегка выдолбленныхъ сидѣній въ Спартѣ, а еще болѣе въ театрѣ Эпидаврскомъ, гдѣ сидѣнья устроены были, какъ кресла. Мѣста иногда были нумерованы, иногда обозначались именемъ владѣльца. Высшимъ государственнымъ сановникамъ, жрецамъ и иностраннымъ посламъ предоставлялись самые передніе ряды;

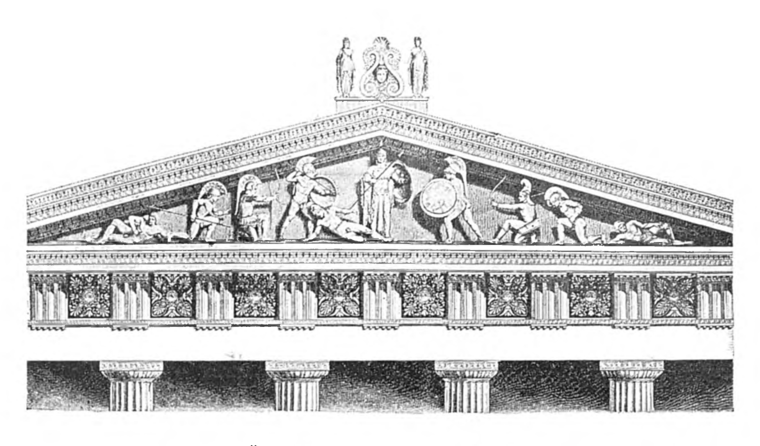
самыми верхними, значитъ послѣдними, должны были довольствоваться рабы, иногда также тамъ появлялись женщины низшихъ классовъ народа; достопочтенныя же гражданки, по крайней мѣрѣ въ лучшій періодъ, или вовсе не посѣщали театра, или только въ глубокомъ покрывалѣ.

Для покрытія значительныхъ расходовъ по устройству театра и постановкѣ представленій взималась входная плата, въ Аѳинахъ 2 обола, т.-е. 8—9 копѣекъ, что, сравнительно, очень значительно, такъ какъ на 3 обола можно было содержать себя въ теченіе цѣлаго дня. Лучшія мѣста стоили дороже, до одной драхмы (болѣе 25 теперешнихъ копѣекъ). На эти деньги покупались бронзовыя марки, которыя отдавались при входѣ въ театръ.

Меньшаго объема театръ, или, скорѣе, предназначенное для музыки и пѣнія зданіе къ сѣверо-востоку возлѣ театра Діониса, Одеонъ, былъ построенъ Перикломъ. Выше, при сдѣланномъ нами обзорѣ Аѳинъ, мы замѣтили, что онъ снабженъ былъ деревянной крышей въ видѣ навѣса. Думали, что эта кровля, усиливавшая эффектъ музыки, сдѣлана по образцу палатки Ксеркса.

Что инструментальная музыка еще во время Перикла примѣнялась главнымъ образомъ только въ аккомпаниментъ человѣческому голосу, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. Употреблялись струнные и духовые инструменты. Первые были лира и киѳара, существенно отличавшіяся другъ отъ друга устройствомъ и матеріаломъ, высотой и низкостью звуковъ. Въ струны ударяли плектромъ, прямой или изогнутой палочкой изъ дерева или металла, иногда же и пальцами. Духовыми инструментами были флейты и дудки, на которыхъ играли то сбоку, какъ на нашихъ флейтахъ, то сверху, посредствомъ мундштука, какъ на кларнетѣ.

Лидійская флейта, мягкаго, нѣжнаго тона, употреблялась особенно на артистическихъ представленіяхъ. Флейта или дудка, которыми пользовались при военныхъ движеніяхъ въ походѣ и въ бою, имѣла пронзительный, рѣзкій звукъ; также была употребительна громкая, имѣвшая форму трубы, салпинга, въ качествѣ сигнальнаго рожка на войнѣ и при богослуженіи. Собственно нотъ у эллиновъ не было: они вмѣсто нихъ пользовались буквами, что необычайно затрудняло изученіе, такъ какъ приходилось помнить наизусть массу звуковыхъ знаковъ.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОНЪ ХРАМА АѲИНЫ НА ЭГИНѢ.

Бой грековъ съ троянцами за охраняемый Аѳиною трупъ грека (Патрокла или Ахиллеса). Мюнхенъ, Корол. Глиптотека.

ВАЯНІЕ И ЖИВОПИСЬ.

Лучшимъ украшеніемъ построекъ были скульптурныя работы, произведенія фигурнаго или пластическаго искусства. Это искусство особенно соотвѣтствовало міросозерцанію греческаго народа. Онъ утратилъ память о первоначальномъ значеніи почитавшихся имъ боговъ; едва еще остался отзвукъ этой памяти въ мистеріяхъ. Нѣкогда обоготворявшіяся силы природы воплотились въ сознаніи народа въ идеальныя существа, въ сверхчеловѣческіе образы и слились съ героическими сказаніями о племенныхъ вождяхъ. За этотъ чувственный міръ боговъ искусство взялось сначала съ робостью, затѣмъ, когда достигло большей зрѣлости, смѣлѣе и увѣреннѣе, чтобы представить его въ образѣ.

Воображеніе, творческое чувство и отмѣривающій разсудокъ дѣйствовали при этомъ въ одинаковой степени, влагая въ пластическія произведенія красоту и пропорціональность, чтобы даже въ фантастическихъ образахъ не утратился первообразъ рода, божественное въ человѣкѣ, какъ это случалось у другихъ народовъ. Художественное развитіе народа шло рука объ руку съ

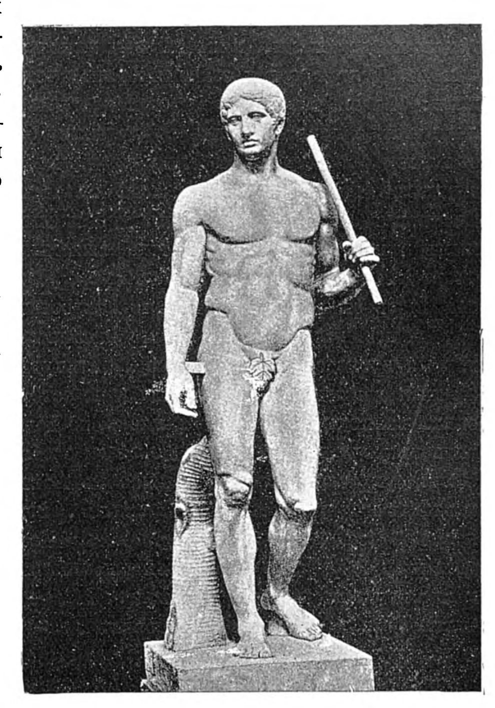
его политическимъ развитіемъ. Періоды здѣсь поэтому тѣсно связаны другъ съ другомъ. Мы уже говорили о древнихъ деревянныхъ статуяхъ боговъ, мало отличавшихся отъ грубыхъ чурбановъ. Рѣзкія, некрасивыя черты, которыми неуклюжесть древнѣйшаго времени снабжала лицо и фигуру, удерживались долгое время. Впервые передъ персидскими войнами были сдѣланы попытки представить фигуры атлетовъ въ болѣе свободномъ и подвижномъ видѣ. Изъ этого періода древняго стиля еще имѣются сдѣланныя около 470 г. эгинетскія фронтонныя группы (теперь въ мюнхенской глиптотекѣ), изображающія борьбу Геракла и товарища его Теламона съ Лаомедонтомъ Троянскимъ и бой изъ-за трупа Патрокла. Онѣ украшали поля фронтоновъ храма Аѳины на Эгинѣ и должны были прославить Эакидовъ (Теламона и Эанта), души которыхъ, какъ думали, помогли одержать побѣду при Саламинѣ. Стремленіе къ реальности, тщательное изученіе человѣческаго тѣла здѣсь очевидны; но особенно на фигурахъ западнаго фронтона рѣзко выступаютъ мускулы и суставы, колѣни — остры и сильно загнуты, на безжизненныхъ головахъ лбы откинуты назадъ, глаза вытянуты, ротъ сжатъ, уши помѣщены слишкомъ высоко, и наконецъ осанка и особенно походка на цыпочкахъ изображены вездѣ одинаковымъ способомъ.

Съ Фидіей, о твореніяхъ котораго мы говорили уже подробно, начинается періодъ возвышеннаго стиля. Всѣ мастера этого времени подражали великому художнику, но ни одинъ не сравнился съ нимъ идеальностью пониманія божественнаго существа и геніальною законченностью въ исполненіи: поэтому его Аѳина и его Зевсъ стали типами, отъ которыхъ болѣе не отступали. Возвышенное величіе и выраженіе божественнаго спокойствія и увѣренности характеризуютъ изображенія этого періода.

Поликлетъ, родомъ изъ Сикіона, жилъ и дѣйствовалъ въ Аргосѣ. Рядомъ съ художественной дѣятельностью своей онъ сдѣлалъ человѣческое тѣло предметомъ своихъ глубочайшихъ изслѣдованій и собственнаго научнаго сочиненія, „Канона“, ученія о пропорціональности. Его изваянія, обнаруживающія большею частью спокойную осанку и простой ритмъ, хвалятъ за ихъ благородство и соединенную съ достоинствомъ красоту. Одно изъ его совершеннѣйшихъ и наиболѣе зрѣлыхъ произведеній — колоссальная статуя Геры изъ слоновой кости и золота,

сдѣланная для храма богини въ Аргосѣ. Особенно онъ отличался въ изображеніи атлетовъ и юношескихъ фигуръ. Его Дорифоръ (копьеносецъ), его Діадуменъ (обвивающій себя побѣдной повязкой), какъ и предназначенная для Эфеса Амазонка, считались непревзойденными образцами.

Миронъ изъ Элевѳеръ въ Аттикѣ, на границѣ Беотіи, ученикъ Агелады Аргосскаго, стремился прежде всего къ выраженію живого движенія. Онъ создавалъ одушевленныя высокой вѣрностью природѣ произведенія всякаго рода и величины изъ бронзы и не презиралъ и шутливаго жанра, сдѣлавъ напр. гробницу стрекозы. Его Гераклъ для Герэона въ Самосѣ достигъ большой извѣстности; не менѣе того его статуи побѣдителей, каковы состязающійся въ бѣгѣ Лада, метатель диска; далѣе его отлитая изъ бронзы кормящая Корова, воспѣвавшаяся даже поэтами, и четыре мѣдныхъ быка. Несмотря на эту многостороннюю дѣятельность, Миронъ, какъ передаютъ, умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ бѣднякомъ, что трудно постижимо при щедрости государства по отношенію къ выдающимся художникамъ.

«Копьеносецъ» Поликлета (копія).
Мраморная статуя, найденная въ школѣ гимнастики въ Помпеяхъ, нынѣ въ Неаполѣ.

Успѣхи эллиновъ въ искусствѣ живописи извѣстны только

по описаніямъ, такъ какъ отъ самихъ произведеній ничего не сохранилось. Картины носили печать веселой и красивой чувственности, вообще бывшей свойственною греческому народу, но никогда не достигали глубокомысленнаго значенія позднѣйшаго христіанскаго искусства. Да и средства были болѣе ограничены. Писали на деревянныхъ доскахъ, полотнѣ, пергаментѣ, также по свѣжей извести (штукатуркѣ) стѣнъ (al fresco). Пользовались водяными красками, накладывающимися съ прибавкой клея или камеди. Долгое время ограничивались четырьмя главными красками: бѣлою, черною, желтою и красною и ихъ смѣшеніями, и лишь позже познакомились съ другими, болѣе дорогими и блестящими красками. Особенно прочнымъ и блестящимъ, но и труднымъ родомъ картинъ были энкавстическія (выжигаемыя). Доски изъ слоновой кости или деревянныя покрывались окрашеннымъ воскомъ, въ размѣрѣ изображаемыхъ предметовъ, затѣмъ очертанія выжигались раскаленнымъ грифелемъ и послѣ этого краски сливались съ поверхностью. Это искусство совершенно утрачено.

Древнѣйшія картины, просто писанные эскизы, были, какъ и первыя произведенія скульптуры, натянуты, однообразны, изображенныя движенія преувеличены и не естественны. Послѣ персидскихъ войнъ художники стремились, по возможности, вѣрно списывать природу и жизнь. Миконъ, и особенно Полигнотъ изъ Ѳасоса украсили портикъ Пекиле въ Аѳинахъ картинами, точно также сѣверный флигель Пропилей, позднѣйшую пинакотеку, храмъ Ѳесея и лесху въ Дельфахъ. Полигнотъ былъ другомъ Кимона и обрученъ съ сестрой его Элпиникой, почему онъ помѣстилъ ея портретъ въ Пекиле. За произведенія свои въ картинной галлереѣ онъ не требовалъ вознагражденія отъ государства; ему достаточно было чести, что его сочли достойнымъ исполненія такой работы. Аѳинянинъ Аполлодоръ впервые примѣнилъ перспективу, наблюдая эфекты освѣщенія и обусловленные свѣтомъ и тѣнью тоны цвѣтовъ. Знаменитъ былъ его пораженный молніей Эантъ (Аяксъ), сынъ Оилея.

Зевксидъ, изъ италійскаго города Гераклеи, предпринималъ болѣе крупныя композиціи, какова была семейство кентавра, гдѣ кентавръ является дикимъ и взъерошеннымъ, между тѣмъ какъ жена его, кормящая грудью своихъ дѣтенышей, и въ дикой природѣ проявляетъ побѣду материнской любви. Изображе-

ніе нѣжной женской прелести и нравственнаго цѣломудрія особенно превосходно удались ему въ его Еленѣ и его Пенелопѣ, супругѣ Одиссея.

Еще болѣе великимъ мастеромъ въ перспективѣ и тѣлесномъ округленіи фигуръ называютъ Паррасія изъ Эфеса. Онъ, будто-бы, въ вѣрнѣйшемъ подражаніи природѣ такъ рельефно вырабатывалъ свои фигуры, что онѣ казались дѣйствительными тѣлами. Когда въ состязаніи съ Зевксидомъ послѣдній такъ натурально нарисовалъ кисть винограда, что прилетѣли птицы и стали клевать его, Паррасій изобразилъ полотняное покрывало, которымъ обманутъ былъ самъ его соперникъ, потребовавшій, чтобъ онъ снялъ его съ картины. Но въ другомъ состязаніи онъ былъ побѣжденъ Тиманѳомъ. Задачей было написать картину, долженствовавшую изображать споръ Эанта и Одиссея изъ-за оружія Ахиллеса. Другое, также знаменитое произведеніе Тиманѳа, Жертвоприношеніе Ифигеніи, встрѣтило не меньшее одобреніе. Тамъ являлись Калхантъ и Одиссей полными глубокой печали, Эантъ, казалось, жаловался, Менелай плакалъ, Агамемнонъ же въ отеческомъ горѣ закутывалъ свою голову.

Чтобъ имѣть возможность правильно оцѣнить задачи, которыя ставили себѣ древніе великіе мастера, мы упомянемъ здѣсь еще объ одной картинѣ, въ основѣ которой лежала трогательная идея. Аристидъ изъ Ѳивъ написалъ ее послѣ гибели греческой свободы и его собственнаго родного города. Она изображала завоеванный городъ, гдѣ на первомъ планѣ мать старается удержать своего грудного ребенка не сосать изъ раненой груди крови вмѣсто молока.

Впрочемъ, древнимъ мастерамъ за произведенія ихъ доставался не одинъ только почетъ, но и большая матеріальная выгода. Полигнотъ въ Аѳинахъ получилъ право гражданства и во всѣхъ городахъ, принадлежавшихъ къ союзу амфиктіоній, право на безплатное угощеніе, покуда онъ гдѣ-либо желалъ оставаться. Да и не всѣ были такъ нетребовательны, какъ этотъ художникъ. Зевксидъ показывалъ свои картины за деньги и потомъ дарилъ ихъ, потому что объявлялъ ихъ безцѣнными. Паррасій, полный тщеславнаго самосознанія, носилъ пурпуровое платье и золотой вѣнокъ на головѣ и даже считалъ себя, послѣ того какъ слава его прогремѣла на далекое пространство, потомкомъ Аполлона.

ЛИТЕРАТУРА

ПОЭЗІЯ.

Ы до сихъ поръ наблюдали эллиновъ въ ихъ общественной и частной жизни и разсматривали произведенія, созданныя ими изъ мрамора, бронзы и красокъ; теперь намъ прежде всего надлежитъ ближе познакомиться съ поэтическими твореніями того времени.

Пиндаръ. Еще неослабно продолжали раздаваться звуки лирической поэзіи, которые подслушали мы въ предыдущій періодъ, и сюда надо отнести какъ разъ величайшаго лирическаго поэта, Пиндара. Онъ родился въ 521 г. въ Ѳивахъ. Въ ранней юности онъ учился у поэта и музыканта Ласа изъ Герміоны, имѣлъ также знакомство со знаменитой беотійской поэтессой Коринной, что способствовало развитію его поэтическихъ задатковъ. Въ Аѳинахъ и Дельфахъ онъ получилъ право гостепріимства и продолжительное время пребывалъ у покровителя искусства Гіерона, сиракузскаго властителя. На восьмидесятомъ году жизни онъ умеръ въ Аргосѣ въ театрѣ. Еще незадолго до смерти онъ, по разсказамъ, началъ благочестивый гимнъ Персефонѣ, богинѣ подземнаго міра, такъ какъ та, будто-бы, явилась ему въ сновидѣніи, чтобъ побудить его къ этому. Пѣснь эту, какъ разсказывали да-

лѣе, онъ по приказанію богини окончилъ въ подземномъ царствѣ и продиктовалъ ее ночью въ сновидѣніи родственницѣ, которая ее потомъ запомнила и написала.

Онъ составлялъ особенно пѣсни въ честь побѣдителей (эпиникіи) въ олимпійскихъ, пиѳійскихъ, исѳмійскихъ, немейскихъ и другихъ играхъ, затѣмъ хвалебныя пѣсни на правителей (энкоміи) и плачевныя пѣсни (ѳрены) въ прославленіе усопшихъ. Перваго рода гимны исполнялись затѣмъ хорами при возвращеніи побѣдителей на родину и также впослѣдствіи въ годовщину побѣды. Именно послѣ благодарственнаго жертвоприношенія выступалъ хоръ и двигался красивыми хороводами, то раздѣляясь, то снова соединяясь, вокругъ жертвенника, подъ звуки лиры и флейты. Пиндаръ славитъ, впрочемъ, въ своихъ возвышенныхъ одахъ не однихъ только счастливыхъ побѣдителей, но и ихъ отечество, ихъ предковъ и другихъ героевъ, которыхъ онъ приводитъ имъ въ образецъ; затѣмъ онъ съ своимъ прославленіемъ и благодарностью обращается къ богамъ, которыхъ призываетъ охранять родной городъ побѣдителя и всю страну эллиновъ. Его плачевныя пѣсни проникнуты твердой вѣрой въ безсмертіе.

Трогательнаго содержанія особенно восьмая пиѳійская и восьмая немейская ода на эгинскихъ юношей, побѣдившихъ въ состязаніи. Обѣ онѣ сочинены были передъ послѣдней отчаянной борьбой эгинцевъ противъ превосходства силъ Аѳинъ.

Въ немейской одѣ Пиндаръ славитъ Эака, родоначальника Эгины, какъ его властительскимъ словамъ охотно повиновались Спарта и Аѳины; затѣмъ онъ говоритъ о храбромъ Эантѣ, пораженномъ смертью черезъ козни Одиссея, и тѣмъ указываетъ на дотолѣ мало прославившихся аѳинянъ, которые теперь готовили погибель эгинцамъ, сражавшимся впереди всѣхъ при Саламинѣ.

Возвращеніе благородныхъ людей на бѣлый свѣтъ, гдѣ они въ продолженіе своей жизни испытывали тяжкія судьбы, возвѣщаетъ онъ въ слѣдующемъ замѣчательномъ отрывкѣ изъ плачевной пѣсни (переводъ сдѣланъ не стихами):

„Всѣмъ, кого Персефона карала за старое горе свое,
Тѣмъ она посылаетъ души на бѣлый свѣтъ,
Снова въ девятый годъ;
И появляются мощно и смѣло славные, мудрые цари,
Впредь называемые у людей святыми героями“.

Пиѳійская ода—хвалебная пѣснь на милость боговъ, которую пріобрѣла себѣ Эгина благородными подвигами, и которая да возвыситъ ея согражданъ въ несчастіи и сохранитъ ихъ скромными въ счастьи. Относительно юнаго побѣдителя, которому была посвящена ода, поэтъ поетъ въ концѣ:

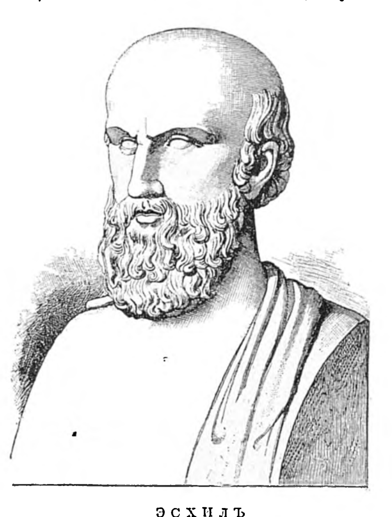
„Кто юношей себѣ на состязаньяхъ
„Все новые вѣнки отважно добывалъ,
„Тотъ, доблестей своихъ полету
„Довѣрившись, высоко воспаритъ,
„Къ большему блеску стремясь. Но какъ счастье людей
„Быстро растетъ, такъ оно и падаетъ наземь,
„Отвращаясь отъ нихъ, разъ потрясено оно будетъ.
„О, люди, что вы? Ничто? Иль нѣчто? Всѣ подобны вы
„Лишь призракамъ, тѣнямъ! Въ одинхъ только божественныхъ лучахъ
„Свѣтъ человѣчества сіянье сохраняетъ, жизнь—пріятность.
„Эгина, мать, веди свободною дорогой
„Сей городъ! Дай то, Зевсъ; дай, о, Эакъ владыка!
„Дай, славный Теламонидъ Пелей! дай и ты, Ахиллесъ!“

Изъ хоровыхъ пѣсенъ, исполнявшихся на празднествахъ Діониса въ его храмахъ или другихъ посвященныхъ ему мѣстахъ, мало-по-малу возникла трагедія. Вождь хора, первоначально говорившій только посвятительную молитву вначалѣ, мимикой и пѣніемъ, чередуясь съ хоромъ, представлялъ событіе изъ круга сказаній о богѣ. Впослѣдствіи брали и другія темы, и заставляли вождя хора выступать особо въ качествѣ дѣйствующаго лица.

Ѳесписъ, считаемый основателемъ трагедіи, по преданію, уже во время Солона разъѣзжалъ со своими загримировавшимися товарищами; телѣжку, на которой онъ ѣздилъ, онъ устроилъ въ видѣ подмостковъ и пользовался ею для своихъ представленій. Фринихъ, его ученикъ, представилъ завоеваніе Милета. Онъ за это былъ приговоренъ къ денежному штрафу, потому что-де онъ тронулъ народъ до слезъ и тѣмъ осквернилъ праздникъ.

Эсхилъ. Съ бо́льшимъ правомъ, нежели Ѳесписа, отцомъ трагедіи называютъ Эсхила. Онъ родился въ 525 г. въ Элевсинѣ, храбрымъ воиномъ проливалъ свою кровь при Мараѳонѣ и принималъ участіе въ побѣдахъ при Саламинѣ и Платеѣ. Полный пылкой любви къ славѣ Аѳинъ и всей эллинской страны, онъ стремился возвысить ее своими подвигами и произведеніями и воодуше-

вить своихъ сограждант къ такому же настроенію. Поэтому съ полнымъ правомъ его по величію характера и идей, лежащихъ въ основаніи его стремленій, ставятъ на ряду съ Перикломъ и Фидіей. Такъ-же возвышенно и его міросозерцаніе. Судьба для него—обнимающій все міровой порядокъ. Она разбиваетъ титаническія стремленія человѣка; но, хотя человѣкъ падаетъ, духъ его остается сильнымъ и несломленнымъ, если онъ благороденъ, и тогда, наконецъ, судьба приводитъ къ дружескому примиренію даже съ тѣмъ, что казалось горькимъ и невыносимымъ. Эту идею проводитъ Эсхилъ въ своихъ трагедіяхъ, и если въ большинствѣ изъ нихъ, повидимому, недостаетъ примиренія, то это происходитъ только отъ того, что онѣ дошли до насъ не цѣликомъ. Всѣ онѣ состояли изъ трехъ пьесъ, какъ-бы трехъ дѣйствій, и сатирической драмы; но лишь отъ одной трагедіи мы владѣемъ тремя пьесами цѣликомъ.

ЭСХИЛЪ
(БЮСТЪ ВЪ КАПИТОЛІЙСКОМЪ МУЗЕѢ).

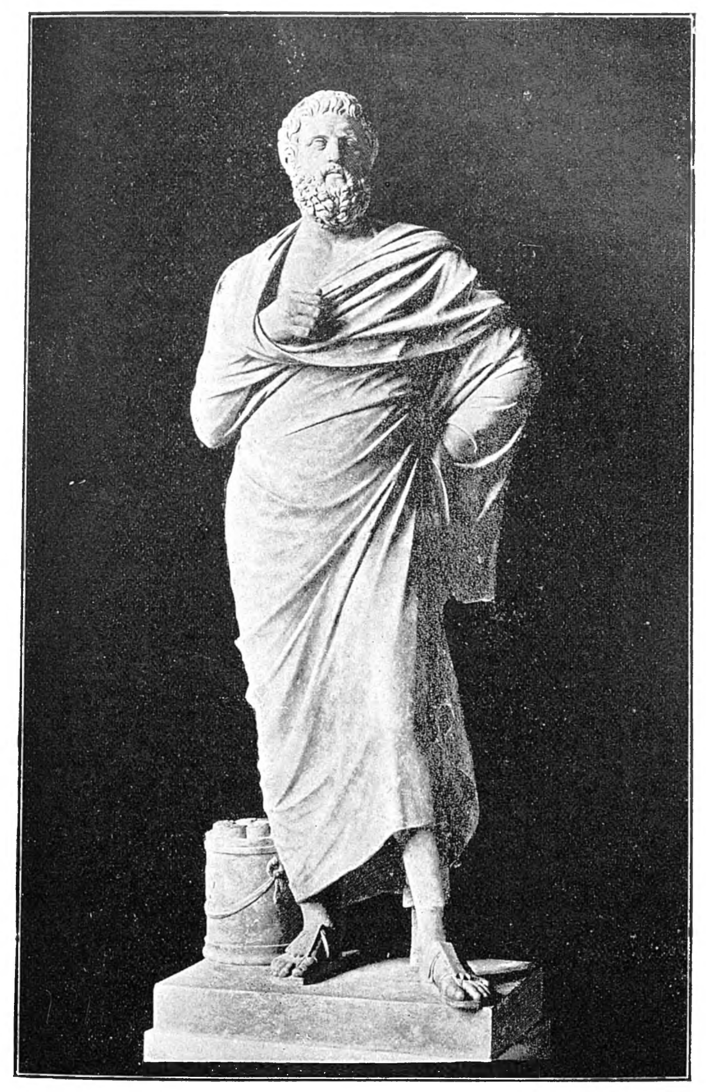
Голова совершенно производитъ впечатлѣніе значительной личности. Характерный, высокій и лысый черепъ, морщина надъ переносьемъ и опущеніе лобной кожи на внутренніе глазные углы указываютъ такъ же на напряженное мышленіе, какъ и на твердую волю.

Просты, велики и могучи планы поэта, потрясающи у него мотивы, мощный языкъ. Поэтому онъ тринадцать разъ одержалъ побѣду въ состязаніяхъ съ другими поэтами и лишь одинъ разъ долженъ былъ уступить награду Софоклу. Но такъ какъ его обвиняли въ оскверненіи мистерій, то онъ отправился ко двору, любившаго искусство, царя Гіерона въ Сициліи. Впослѣдствіи онъ вернулся въ свой родной городъ, нашелъ тамъ уничиженными почтенныя учрежденія, особенно Ареопагъ, и попытался снова возвысить ихъ своей „Орестеей“. Ему это не удалось, хотя трагедія его встрѣтила очень большое одобреніе; поэтому онъ снова отправился въ Сицилію. Здѣсь, сидя подъ обломками

скалъ и размышляя о новыхъ твореніяхъ, онъ нашелъ смерть въ 455 году въ Гелѣ, такъ какъ, по извѣстному сказанію, на лобъ его упала выпущенная орломъ изъ когтей черепаха.

Софоклъ, второй среди великихъ трагическихъ поэтовъ эллиновъ, родился около 496 г. въ аттическомъ мѣстечкѣ Колонѣ. Его состоятельный отецъ владѣлъ оружейной фабрикой и отдалъ красиваго, многообѣщавшаго мальчика въ обученіе всѣмъ искусствамъ и наукамъ, приличествовавшимъ свободному гражданину. Онъ послѣ Саламинской битвы вмѣстѣ съ другими юношами пѣлъ побѣдную пѣснь, причемъ весь народъ любовался его граціей и ловкостью въ пляскѣ. Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ драматическомъ состязаніи съ Эсхиломъ юному поэту была присуждена награда, а какой высокій почетъ онъ сумѣлъ пріобрѣсти себѣ позднѣйшими своими пьесами, это лучше всего доказываетъ то отличіе, которое досталось ему послѣ исполненія его „Антигоны"; именно, сограждане его въ 440 г. выбрали его одновременно съ Перикломъ въ полководцы противъ отложившагося Самоса. Жилъ онъ очень счастливо, и не подтверждено преданіе, будто на восьмидесятомъ году жизни сыновья обвинили его въ расточеніи своего состоянія по старческой дряхлости, и будто онъ, лишь благодаря прочтенію одной, сочиненной имъ, хоровой пѣсни, успѣшно защитилъ себя. Умеръ онъ, будучи 91 года, въ радости за послѣднюю побѣду въ трагическомъ состязаніи. Въ его драматическихъ произведеніяхъ преобладаютъ спокойствіе и идеальная красота, грація и надлежащая мѣра даже въ сильной бурѣ страсти. Всюду напоминаютъ онѣ о власти судьбы, когда, слѣдуя за подвигающимся дѣйствіемъ, замѣчаешь, какъ гибнутъ даже сами герои, лишь только они дерзнутъ опрокинуть поставленныя преграды. Судьба для поэта стоитъ собственно не надъ человѣкомъ; скорѣе она въ немъ самомъ, въ темной глубинѣ его души; тамъ человѣкъ самъ выращиваетъ трагическую мойру, но тамъ онъ находитъ себѣ также успокоеніе и подчиненіе, приличествующее благородному. Такимъ образомъ, поэтъ приближается къ христіанскому міросозерцанію.

Эврипидъ. Въ день Саламинской битвы, по преданію, родился Эврипидъ, оставившій замкнутый организмъ Софокловской художественной формы и замѣтно отступившій отъ достоинства и величія древняго искусства. У него, какъ и у Софокла, были отличные

СОФОКЛЪ.
СТАТУЯ ВЪ РИМѢ, ВЪ ЛАТЕРАНСКОМЪ ДВОРЦѢ.

учителя, особенно другъ Перикла, Анаксагоръ, и онъ рано началъ свое поприще, въ качествѣ поэта, но лишь въ 441 г. ему удалось получить награду. Съ первой своей женой онъ развелся изъ-за ея невѣрности, да и во второмъ бракѣ онъ испыталъ много дурного, вслѣдствіе чего женскія лица въ его пьесахъ всѣ почти характеризованы отрицательнымъ образомъ. Можетъ быть отъ этого также происходилъ вообще его мрачный нравъ, побуждавшій его большую часть времени проводить дома за своими книгами или въ одномъ, принадлежавшемъ ему, гротѣ на Саламинѣ. Сюда присоединялись еще насмѣшки, которыми обильно осыпали его комическіе поэты того времени. Въ худомъ расположеніи духа онъ поэтому, наконецъ, отправился въ Пеллу къ Македонскому царю Архелаю и тамъ умеръ еще раньше Софокла, какъ разсказываютъ, отъ укушеній бѣшеныхъ собакъ.

Въ его трагедіяхъ дѣйствіе и характеры являются искусственно образованными и соединенными; поэтому всегда долженъ предшествовать прологъ, чтобы объяснить ходъ дѣйствія. Хоръ слабо связанъ съ дѣйствіемъ и часто распространяется въ нравственныхъ изреченіяхъ, содержащихъ, правда, полезныя житейскія правила, но рѣдко идущихъ къ дѣлу. Судьба—слѣпая, безъ плана, случайность, помогающая завязать узелъ, между тѣмъ какъ довольно часто развязка вызывается только не мотивированнымъ появленіемъ какого-нибудь бога. Эврипидъ на мѣсто трагическаго ставитъ мелочныя страсти будничной жизни, на мѣсто движущагося въ вѣчной закономѣрности мірового порядка болѣе внѣшнюю, зависящую отъ простого случая силу, на мѣсто древней вѣры атеистическое просвѣщеніе, какъ онъ между прочимъ и говоритъ: „Мы служимъ богамъ, кто-бы ни были эти боги". Его въ позднѣйшее время, правда, высоко славили, но только потому, что уже утрачено было пониманіе древняго простого и возвышеннаго искусства Эсхила и Софокла.

Какъ мы близко разсматривали славные памятники архитектуры, такъ точно мы приступимъ и къ произведеніямъ драматическаго искусства грековъ. Мы дѣлаемъ это съ тѣмъ болѣе живымъ интересомъ, что многія изъ этихъ произведеній дошли до насъ не только въ видѣ остатковъ и отрывковъ: нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ передъ нами вполнѣ сохранившимися въ своемъ величіи и законченности.

Прежде всего мы обращаемся къ „Прометею“ Эсхила. Это можетъ быть самое смѣлое поэтическое произведеніе, когда-либо сотворенное геніемъ. Къ сожалѣнію, сохранилась лишь средняя пьеса, „Скованный Прометей“; первая „Прометей, приносящій огонь“, и послѣдняя „Освобожденный Прометей“ сохранились лишь въ скудныхъ отрывкахъ. Мы передадимъ ходъ дѣйствія, согласно съ пониманіемъ Дройзена.

Зевсъ со своими богами находится еще въ борьбѣ съ титанами, когда къ нему переходитъ Прометей со своей матерью, предчувствующей будущее, Өемидой и доставляетъ ему побѣду. Вотъ царствуютъ новые боги, старые свергнуты, и также смертные люди приговорены къ гибели. Прометей проситъ за нихъ и сулитъ такое время, когда „изъ сѣмени, рожденнаго прахомъ, смертная женщина родитъ героя, который сможетъ еще спасти владычество Зевса отъ проклятья отца“. Но люди жалки, безъ мыслей, безъ родины, безъ надежды. И снова сжалился надъ ними титанъ. Напрасно мать его Өемида встрѣчаетъ его предсказаніемъ, что онъ за милосердіе свое три тысячелѣтія будетъ страдать прикованнымъ; онъ достаетъ божественный огонь изъ горнила Гефеста и приноситъ его людямъ и съ нимъ всякое искусство и науку, безъ которыхъ существованіе нельзя называть жизнью.

Во второй, сохранившейся для насъ части, по приказанію Зевса, Гефестъ съ сожалѣніемъ, исполинская грубая Сила съ насмѣшкой приковываютъ Прометея къ скалѣ. Вотъ является хоръ Океанидъ, жалующихся вмѣстѣ съ мучимымъ титаномъ, затѣмъ отецъ ихъ Океанъ, который хочетъ просить за него Зевса, и наконецъ преслѣдуемая оводомъ Іо (срвн. миөологію). Прометей объявляетъ испуганной, какой ей слѣдуетъ пройти путь къ жаркой странѣ, странѣ ея покоя, и какъ изъ ея рода нѣкогда придетъ его спаситель.

„Отъ этого же корня
Родится въ міръ прославленный герой,
Что сниметъ цѣпь съ меня. Мнѣ предсказала
Объ этомъ мать, родимая земля,
Кормилица могучая титановъ“ *).

*) Пер. Мережковскаго.

ЭВРИПИДЪ
(СТАТУЯ ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

Іо убѣгаетъ со словами, отмѣчающими оригинальную силу эсхиловскаго языка:

,,Увы! Увы!
Защитите, о, боги! Я чувствую, вновь
Охватило мнѣ душу безумье...
Я горю, холодѣю... Пронзаетъ меня
Ненасытнаго овода жало...

Сердце въ страхѣ трепещетъ, нѣмѣетъ языкъ,
И вращаются очи... А ярость,
Словно буря былинку, уноситъ меня...
Тонетъ разумъ въ пучинѣ страданій!" *)

Прометей затѣмъ открываетъ хору, что и Зевсъ нѣкогда вмѣстѣ съ новыми богами будетъ свергнутъ съ своей высоты:

„Зевсъ—какъ гордо ни упорствуй—будетъ
Въ урочный часъ униженъ глубоко.
Онъ сѣть себѣ сплететъ, вступивши въ бракъ.
Тотъ бракъ и власть отниметъ у него,
И тронъ отниметъ. Во очію свершится
Проклятіе, которымъ Кронъ-отецъ
Клялъ сына, въ прахъ летя со своего
Предвѣчнаго престола... И никто
Изъ всѣхъ боговъ, опричь меня, не можетъ
Ему сказать, какъ отвратить погибель".

Океаниды тщетно представляютъ ему, что ему можетъ предстоять еще болѣе тяжкая мука; онъ отвѣчаетъ:

„Молись, нѣмѣй, склоняйся предъ властями!
А я... Да что мнѣ этотъ Зевсъ? Что въ немъ?—
Пусть царствуетъ, какъ знаетъ! Срокъ коротокъ—
И быть ему царемъ боговъ недолго"... **)

Вотъ является Гермесъ, посланный Зевсомъ, чтобы спросить у титана истолкованіе загадочнаго слова о грядущемъ паденіи боговъ и какъ его можно бы избѣжать, и грозитъ еще большими муками, если онъ откажетъ въ отвѣтѣ. Ему дерзко возражаетъ Прометей:

„Ни хитростью, ни пытками, ничѣмъ
Изъ устъ моихъ не вырветъ Зевсъ признанья,
Пока цѣпей не сниметъ".

На вторичную угрозу онъ продолжаетъ:

„Отъ злѣйшаго врага
Принять такую муку не позорно.
Пускай въ меня двойнымъ ударитъ жаломъ
Губительная молнія! Пусть воздухъ
Всколеблется отъ грохота громовъ,
Отъ судорогъ и взрывовъ урагана!
Пусть буря глубь земную расшатаетъ
И съ основанья сдвинетъ землю!

*) Пер. Мережковскаго.
**) Пер. М. Илецкаго.

Пусть въ вѣчный сумракъ Тартара свирѣпо
Низринетъ роковой круговоротъ
Мое грозой раздробленное тѣло,—
Все-жъ умертвить меня не можетъ Зевсъ!..." *)

Послѣ этого скала съ Прометеемъ проваливается при громѣ, молніи и землетрясеніи.

Въ третьей пьесѣ, „Освобожденномъ Прометеѣ", является снова скованный страдалецъ, у котораго каждый третій день орелъ изъѣдаетъ печень. Упрямство его сломлено; онъ жаждетъ мира. Вотъ изъ гротовъ своихъ приходятъ титаны, сѣдой, исполинскій хоръ, освобожденные изъ своихъ оковъ и примиренные съ новымъ міровымъ порядкомъ. Они описываютъ свой путь:

„Мимо пролива съ пурпурнымъ пескомъ,
Эриѳрейскаго моря,
Мимо водъ пруда, какъ бронза сверкающихъ,
Близъ океана,
Всѣхъ питающаго пруда Эѳіопіи..."

Они совѣтуютъ помириться. То же самое дѣлаетъ старуха-мать страдальца; настало - молъ время исполниться судьбѣ Зевса, если Прометей не спасетъ его своимъ совѣтомъ. Послѣдній не хочетъ отвергнуть примиренія; онъ усталъ до смерти. И Зевсъ, на Олимпѣ своемъ услыхавшій совѣтъ премудрой матери, расположенъ къ миру. Такимъ образомъ и приближается Гераклъ, обѣщанный потомокъ Іо, и съ восклицаніемъ: „Ты, богъ лука, вѣрно направь мою стрѣлу!" онъ сбиваетъ ею орла. Затѣмъ онъ снимаетъ оковы Прометея, и тотъ объявляетъ подлетающему съ дружеской вѣстью Гермесу, что Зевсъ, если выберетъ себѣ въ супруги морскую владычицу Ѳетиду, родитъ сына, который свергнетъ его самого съ престола, но что отъ соединенія Ѳетиды съ царемъ Пелеемъ произойдетъ славнѣйшій герой среди всѣхъ эллиновъ. Ранéный Хиронъ, одинъ изъ безсмертныхъ, посвящаетъ себя, на мѣсто Прометея, тѣнямъ Ада, а въ концѣ являются русалки, чтобъ увести счастливаго Пелея на свадебное торжество.

Постараемся вникнуть въ связь идей, носившуюся передъ поэтомъ, хотя бы даже въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Прометей

*) Пер. Мережковскаго.

—человѣкъ въ его общемъ видѣ, генiй рода человѣческаго вообще, одинъ изъ титановъ, одна изъ борющихся силъ безформеннаго первобытнаго времени. Онъ рано узнаетъ новый законный мiровой порядокъ, который возникнетъ изъ борьбы безсознательныхъ силъ, и обращается къ нему съ своимъ содѣйствiемъ. Но въ новомъ нравственномъ порядкѣ каждая индивидуальная особь должна бороться, тяжко терпѣть и, наконецъ, погибнуть смертью. Генiй человѣчества противится этому; исполненный любви, онъ даетъ роду, къ которому онъ принадлежитъ, Гефестову искру и съ нею родину, мысли и надежды, хотя онъ самъ пробужденiемъ особи къ свободѣ дѣйствiя и силѣ сопротивленiя впадаетъ въ вину и въ мученiе. Онъ знаетъ, что и новый мiровой порядокъ Кронида Зевса, наконецъ, долженъ уступить другому порядку, и въ далекомъ будущемъ видитъ свое спасенiе. Послѣднее достается ему черезъ произведенный на свѣтъ Зевсомъ и смертною женщиной родъ героевъ, который борьбой и страданiемъ и добровольнымъ рабствомъ на кострѣ конечности возносится къ высшей безконечности.

Эллинскiй поэтъ съ своей точки зрѣнiя не могъ найти другой развязки; но прекрасна та дѣтская вѣра, что передъ нимъ носилось чаянiе звѣзды, которая должна была взойти надъ Виѳлiемскими яслями, и что это чаянiе подъ блестящей оболочкой эллинской жизни покоилось какъ темное, невыразимое желанiе искупленiя, и обнаружилось тамъ въ поэзiи, какъ оно въ болѣе опредѣленной формѣ выступило въ предвѣщанiяхъ пророковъ Израиля. Это—прекрасная дѣтская вѣра, но одобритъ ли ее критическiй разсудокъ, мы не осмѣливаемся утверждать.

Совершенно другого рода, чѣмъ „Прометей“,—„Орестея“ того же поэта, которая дошла до насъ цѣликомъ. Эсхилъ проявляетъ въ ней свое восхищенiе славой эллиновъ, прославляя побѣду надъ Троей и тѣмъ самымъ надъ Азiей.

Затѣмъ своимъ произведенiемъ онъ старался поднять уваженiе къ Ареопагу, значенiе котораго онъ обосновываетъ изреченiями божества.

Само дѣйствiе, хотя и заимствовано у миѳа и переплетено миѳическими образами, все же вытекаетъ изъ свободы человѣческой воли, и ходъ его обоснованъ нравственнымъ мiровымъ порядкомъ. Преступленiе наказывается другимъ, одинаково ужас-

нымъ, послѣ чего, наконецъ, вслѣдъ за тяжкою карою слѣдуетъ искупленіе.

Въ греческомъ театрѣ. Вообразимъ себѣ теперь исполненіе пьесы. Въ рядахъ мѣстъ, въ видѣ полукруговъ, поднимающихся по скалѣ Акрополя, находится въ ожиданіи не съ пустымъ любопытствомъ, но съ благоговѣніемъ масса зрителей, приблизительно въ 30,000 человѣкъ. Вѣдь зрѣлище это—приношеніе, дѣлаемое святому Діонису вмѣсто кровавыхъ жертвъ. Во внутреннемъ полукругѣ,

КОМИЧЕСКАЯ И ТРАГИЧЕСКІЯ МАСКИ
(НАЙДЕННЫЯ ВЪ ПОМПЕЯХЪ).

орхестрѣ, находится ѳимела, жертвенникъ бога, потомъ превращаемая въ надгробный памятникъ. Передъ орхестрой—широкая улица, по которой подходятъ и удаляются праздничныя шествія съ конями и колесницами. Широкая лѣстница ведетъ на просценій, логей, гдѣ находятся дѣйствующія лица. Позади ея—сцена, ограниченная боковыми флигелями, съ разнаго рода внутренними комнатами и помѣщеніями, и задней стѣной. На сценѣ группируется свита; задняя стѣна изображаетъ дворецъ или храмъ съ царскими воротами и богатымъ украшеніемъ въ видѣ колоннъ и статуй. Сцена можетъ закрываться занавѣсомъ, когда необходима перемѣна декорацій. Актеры носятъ маски съ рѣзко отмѣченными чертами, такъ какъ иначе послѣднія, изъ-за далекаго разстоянія, были бы неузнаваемы для зрителей, можетъ быть также для усиленія голоса.

Вступаемъ въ ряды мѣстъ для публики.

Начинается первая пьеса Орестеи „Агамемнонъ“.

Мы видимъ домъ Атридовъ и за нимъ аргивскій городъ и ландшафтъ. На плоской крышѣ жилища рабовъ поднимается угрюмый сторожъ и говоритъ о трудности своей должности. Вдругъ

съ далекихъ горъ запылали огни: это знакъ паденія Трои и побѣдоноснаго возвращенія царя. Сторожъ спѣшитъ въ домъ объявить эту вѣсть, но замѣчаетъ, что онъ знаетъ еще много такого, чего не дерзаетъ сказать возвращающемуся царю. Одновременно приближается хоръ аргивскихъ стариковъ съ улицы, чтобъ получить вѣсть о далекомъ войскѣ. Пѣсни ихъ, сопровождаемыя обходомъ вокругъ ѳимелы, относятся къ этому предмету.

Междутѣмъ изъ дворца выступаютъ праздничныя процессіи слугъ къ жертвенникамъ сцены, и въ концѣ является въ богатомъ нарядѣ Клитемнестра, чтобы совершить жертвоприношеніе. Хоръ поетъ о томъ, какъ воинственный полководецъ Агамемнонъ нѣкогда для ускоренія похода, по приказанію прорицателя, зарѣзалъ цвѣтущую дочь свою Ифигенію на жертвенникѣ Артемиды; затѣмъ онъ требуетъ отъ царицы извѣстія. Она гордо и холодно сообщаетъ о сигнальномъ огнѣ, но прибавляетъ:

„Но если даже войсво возвратится къ намъ,
Не провинившись предъ богами, все-таки
Проснуться можетъ кровь убитой дѣвушки,
Хотя бы впредь и не было другого преступленья“.

Послѣ продолжительнаго разговора является вѣстникъ, который привѣтствуетъ прекрасную, дорогую родину и возвѣщаетъ о приближеніи царя. Клитемнестра выражаетъ свою радость по случаю побѣды и хвалится своимъ вѣрнымъ присмотромъ за домомъ; гордая женщина унижается до лжи, чтобъ выполнить то, что рѣшила. Послѣ того какъ она удалилась со свитою, по дорогѣ подходитъ побѣдное шествіе съ плѣнниками, трофеями и оружіемъ. Среди воиновъ на высокой побѣдной колесницѣ ѣдетъ Агамемнонъ; у ногъ его сидитъ взятая въ плѣнъ царственная прорицательница Кассандра. Царь привѣтствуетъ родныхъ боговъ, отвѣчаетъ хору и кончаетъ словами:

„Теперь, вступая въ мой чертогъ спѣшу
Благодарить боговъ, зане меня
Издалека въ домъ отчій возвратили.
О, да никто побѣды не лишай насъ,
Что къ нашему прикована оружью“ *).

Клитемнестра; снова выступившая впередъ со своей свитой, раз-

*) Переводъ Н—ва.

сказываетъ, что вытерпѣла она, тревожась о далекомъ мужѣ, велитъ служанкамъ разостлать пурпуровое сукно для супруга и понуждаетъ его, несмотря на то, что онъ противится этой почести, пройти по нему къ дворцу. Хоръ не умалчиваетъ о предчувствуемой имъ плачевной судьбѣ. Напротивъ, Кассандра пребываетъ въ тихомъ молчаніи, хотя царица сначала ласково, затѣмъ съ безжалостной суровостью торопитъ ее войти въ домъ. Наконецъ, она въ потрясающемъ тонѣ пророчицы восклицаетъ: „Аполлонъ! о Аполлонъ!“ и такъ четыре раза почти все тѣ же самыя слова, послѣ того какъ хоръ обратился къ ней съ увѣщаніемъ. Затѣмъ она разсказываетъ о прошлыхъ преступленіяхъ дома и о предстоящихъ вскорѣ: объ убіеніи царя, о мщеніи черезъ матереубійцу и о собственной смерти:

„Жизнь человѣческая!.. Счастливъ ты—
Тѣнь мимолетная найдетъ, и счастья
Ужъ нѣтъ!.. Не счастливъ, въ мигъ—прикосновенье
Лишь влажной губки, и исчезъ твой образъ!..—
И это, можетъ быть, всего ужаснѣй!...“*)

Съ этими словами она идетъ во дворецъ.

Во время пѣнія хора дважды слышится стонъ Агамемнона. Хоръ хочетъ ворваться съ мечомъ въ рукахъ, но Клитемнестра, съ сверкающей сѣкирой на плечахъ, выходитъ со свитой и безъ раскаянія, даже почти ликуя, объявляетъ о свершенномъ ужасномъ поступкѣ:

„Теперь стою передъ тобой спокойно,
Какъ удалось его мнѣ поразить.
Свершила дѣло я—не запираюсь—
Такъ, что не могъ онъ смерти избѣжать:
Обширнымъ я его исподнимъ платьемъ
Опутала, какъ будто неводомъ,
Несчастная предлинная одежда!
Ударила я дважды; закричавъ,
Онъ на землю упалъ и распростерся;— — —
Она же, пѣснь послѣднюю пропѣвъ,
Пѣснь лебединую, и мертвая,—
Его наложница,—легла съ нимъ рядомъ.
Какъ восхищаюсь я, смотря на нихъ!“**)

На упреки хора она отвѣчаетъ:

*) Переводъ А. Майкова.
**) Переводъ Н...ва.

„Да развѣ безъ всякой причины
Онъ умеръ?.. Причина была!
Не самъ ли онъ былъ той причиной?
Боюсь, чтобъ не похвастался
Въ обители мрачнаго Ада,
Что подѣломъ его убили здѣсь за то,
Что принесъ онъ на жертву богамъ
Мою милую дочь, о которой
Столько слезъ пролила я“*).

На защиту ея является Эгисѳъ, котораго она хвастливо называла своимъ товарищемъ, съ копьеносцами. Онъ сообщаетъ, почему онъ хвалится, что устроилъ это убійство. Угрожающе стоятъ другъ противъ друга сѣдой хоръ съ обнаженными мечами и Эгисѳъ со своими вооруженными. Клитемнестра въ качествѣ посредницы выступаетъ между обѣими группами, но тѣ разстаются съ неоднократными угрозами.

Послѣ антракта представляется вторая пьеса Орестеи „Хоэфоры“ (приносящія возліяніе на могилѣ). Ѳимела урной для пепла отмѣчена, какъ надгробный памятникъ. По дорогѣ шествуютъ Орестъ и Пиладъ въ одеждѣ героевъ, но по посоху и дорожной шляпѣ видно, что они странники. Они вмѣстѣ идутъ къ могилѣ, куда Орестъ, взошедши на ступени, кладетъ локонъ своихъ волосъ. Онъ говоритъ:

„Гермесъ, подземный богъ, будь мнѣ спасителемъ,
Помощникомъ, зовя отца на край могилы,
Чтобъ внялъ онъ мнѣ, услышалъ клятву дорогую.
Вѣдь за тебя, отецъ, вернулся отомстить я,
Сынъ твой Орестъ, что сиротой подросъ
Вдали отъ родины, въ Фокидѣ отдаленной,
Коварствомъ прогнанный злой матери своей“.

Со сцены спускается хоръ въ траурныхъ покрывалахъ и одѣяніяхъ служанокъ, съ нимъ Электра въ такой же одеждѣ уничиженія. Между тѣмъ какъ удаляются Орестъ и Пиладъ, хоръ приноситъ могильныя возліянія на жертвенникъ, какъ поручила ему Клитемнестра, испуганная страшными сновидѣніями. Электра узнаетъ локонъ брата, затѣмъ отпечатокъ его ноги на дорогѣ и, наконецъ, когда онъ приближается, его самого по

*) Переводъ Н...ва.

плащу, подарку ея же руки. Она приглашаетъ его къ мщенію.

Послѣ первой сцены являются снова оба друга въ видѣ странниковъ и домогаются входа во дворецъ. Привратникъ призываетъ Клитемнестру. Она отъ ужасовъ стала мягче, предлагаетъ иноземцамъ гостепріимство и съ едва скрываемой радостью узнаетъ вѣсть, что сынъ ея Орестъ, со стороны котораго она боится мщенія за отца, умеръ. Тотчасъ же призываютъ Эгисѳа. Онъ идетъ къ странникамъ въ покой для гостей, но вскорѣ крикъ о помощи возвѣщаетъ, что его убиваютъ. Выскакивающій изъ дома рабъ доноситъ объ этомъ царицѣ, которая смѣло требуетъ, чтобъ ей подали ея смертоносную сѣкиру. Къ сыну она обращается съ мольбой:

,,О, удержи ты руку, сынъ мой, вспомни,
Какъ часто ты, припавши, засыпая,
Вотъ къ этой груди, деснами сосалъ
Грудь матери, которая питала
Тебя, дитя мое!...''*)

Онъ колеблется.

,,Пиладъ! о, что мнѣ дѣлать? О, неужель
Не страшно будетъ мать мою убить!''*)

Но Пиладъ, обыкновенно молчащій, указываетъ ему на повелѣніе Аполлона и на его собственныя клятвы въ святилищѣ бога. Тогда совершается и второе дѣло мести внутри дворца. Орестъ снова выходитъ съ окровавленнымъ мечомъ, въ сопровожденіи большой свиты, и говоритъ:

,,Смотрите, вотъ лежатъ властители
Земли Аргосской и отца убійцы,
Грабители чертоговъ. Но почетъ
Имѣли и они, когда на тронѣ
Сидѣли оба и друзьями были.
Да даже и теперь они друзьями
Мнѣ кажутся... Конечно, клятва ихъ,
Которую они другъ другу дали,
Соблюдена: клялись они убить
Несчастнаго и вмѣстѣ умереть;
Соблюдена та клятва свято ими.''

---

*) Переводъ Н...ва, какъ и далѣе.

Мало-по-малу ему становится яснымъ ужасъ его поступка.

,,О, да!.. во мнѣ ожесточились чувства;
Я ими побѣжденъ; и ужасъ сердце
Объялъ мое, предвѣстникъ страшныхъ бѣдъ.
Пока еще ума я не лишился,
Друзьямъ я объявляю, что убить
Я мать мою былъ въ правѣ".

Страхъ возрастаетъ; ему кажется, что онъ видитъ мстящихъ Эвменидъ (фурій):

,,Рабыни—женщины! Вотъ, вотъ онѣ,
Будто Горгоны, въ сѣрыхъ одѣяніяхъ,
Съ змѣями въ волосахъ; я не останусь здѣсь!"

Тщетно хоръ пытается его успокоить; онъ бросается прочь.

Въ третьей пьесѣ Орестеи, „Эвменидахъ", сцены расположены очень искусно и представляютъ высшій интересъ для зрителей. Прежде всего виденъ великолѣпный дорійскій храмъ въ Дельфахъ, надъ нимъ Парнасъ. Изъ боковой галлереи прорицательница выходитъ, объявляетъ о славѣ мѣстности, о своей должности и отворяетъ воротъ храма, чтобъ войти туда. Тамъ представляется взору человѣкъ, обнимающій алтарь, моля о помощи, и расположившіяся вокругъ него черныя фигуры. Прорицательница испуганно отступаетъ назадъ, описываетъ странное явленіе и отходитъ въ сторону.

Затѣмъ Аполлонъ, въ высокомъ образѣ бога, выводитъ Ореста и передаетъ его вѣстнику боговъ, чтобъ тотъ безопасно провелъ его въ Аѳины, гдѣ ему даровано будетъ искупленіе.

Изъ стигійскихъ воротъ, открывающихся подъ рядами мѣстъ для публики, напротивъ сцены поднимается духъ Клитемнестры, закутанный въ сѣрыя могильныя одѣянія, и движется къ ѳимелѣ. Отсюда она обращается съ рѣчью къ спящимъ Эвменидамъ, напоминаетъ имъ объ ихъ должности, о бѣгствѣ матереубійцы и о позорѣ, что сонъ парализовалъ ихъ силу. Хоръ стонетъ, глухо воетъ, и затѣмъ кричитъ во снѣ:

,,Лови, лови его! не дай ему бѣжать!"

Въ то время какъ призракъ исчезаетъ, поднимается одна Эвменида за другой, затѣмъ всѣ выбѣгаютъ въ дикомъ замѣшатель-

ствѣ. Онѣ поносятъ Аполлона и поютъ, что ни одинъ преступникъ не ускользаетъ отъ нихъ. Является богъ и гонитъ ихъ прочь:

„Идите вонъ скорѣй, оставьте храмъ
Пророческій, а то, смотрите, въ васъ
Спущу я вдругъ съ тетивы золотой
Крылатую змѣю-стрѣлу".

Вторая сцена изображаетъ храмъ Аѳины въ Аѳинахъ. Передъ нимъ находится жертвенникъ съ изображеніемъ богини. Орестъ приближается по дорогѣ, поднимается на сцену и обнимаетъ статую богини. Сейчасъ-же за этимъ является хоръ Эвменидъ. Онъ поспѣшно шелъ за кровавымъ слѣдомъ матереубійцы по сушѣ и по морю и теперь окружаетъ его. Является Аѳина и собираетъ Ареопагъ на судъ. Между тѣмъ раздается пѣніе Эвменидъ, въ которомъ поэтъ славитъ святость древнихъ правъ и въ то-же время смѣло возстаетъ противъ довольно ясно указываемаго Перикла и его государственныхъ нововведеній:

„Кто справедливъ, не будетъ тотъ несчастливъ
И никогда отъ бѣдъ онъ не погибнетъ.
Надменный же на жизненномъ пути,
Который не по правдѣ поступаетъ,
Который не страшится правосудья,
Снять паруса бываетъ принужденъ
На кораблѣ своемъ во время бури,
Увидя сломанныя мачты,— — — —
    И погибаетъ дерзкій смертный,
    Свое разбивши счастье навсегда".

Послѣ того какъ дѣло было доложено обѣими сторонами, Ареопагъ подаетъ голоса. Ихъ оказывается поровну, но Аѳина прибавляетъ бѣлый камешекъ, и Орестъ освобожденъ отъ наказанія. Страшна ярость хора, который разражается ужасными проклятіями на городъ и страну, гдѣ-молъ древнее право попирается ногами. Въ концѣ-концовъ, богинѣ, обѣщаніемъ храма и праздничныхъ жертвенныхъ приношеній, удается примирить Эвменидъ и обратить ихъ проклятья въ благословенія.

Среди этихъ представленій наступилъ вечеръ, и теперь начинается добавочная пьеса поэта, въ видѣ дивертисмента, „Протей".

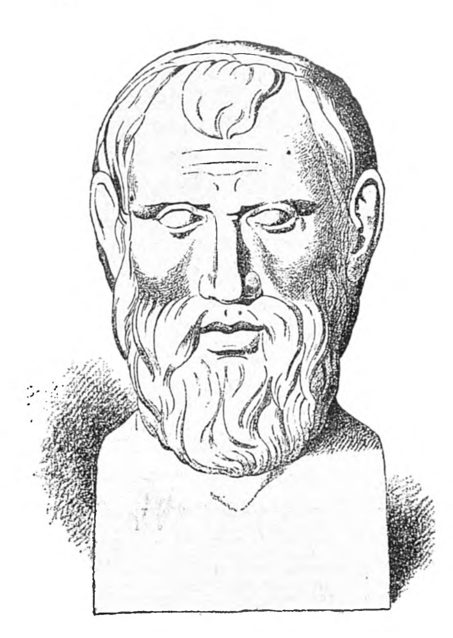
Она стоитъ въ связи съ Орестеей въ томъ отношеніи, что выводитъ Менелая, во время его странствованій. Его отнесло къ пустынному берегу, гдѣ обитаютъ шаловливые сатиры и гдѣ обыкновенно располагается на покой Протей съ тюленями и другими морскими животными. Менелай съ нѣсколькими товарищами пытается поймать его, и напрасно Протей подымается сначала деревомъ, затѣмъ въ видѣ пылающаго огненнаго столба; онъ долженъ наконецъ сдаться. Въ заключеніе являются въ поздній сумерки при всякаго рода насмѣшливыхъ сатирическихъ играхъ товарищи героя съ факелами, чтобъ искать его. Такимъ образомъ день кончается великолѣпнымъ факельнымъ шествіемъ.

Могучимъ фигурамъ, проходящимъ на котурнѣ въ Орестеѣ, потрясающей правдѣ, которую развертываетъ простое дѣйствіе, далеко уступаютъ характеры и дѣйствіе въ „Электрѣ“ Софокла, какъ ни искусно развивается послѣдняя. Въ ней нѣтъ Эвменидъ, нѣтъ раскаянія матереубійцы и его искупленія, необходимость котораго навязывается человѣческой душѣ при взглядѣ на страшное злодѣйство, и вмѣстѣ съ этимъ нѣтъ настоящаго заключенія, законченности художественнаго произведенія. Выше стоитъ Софоклъ, какъ поэтъ, въ трехъ трагедіяхъ: „Царь Эдипъ“, „Эдипъ въ Колонѣ“ и „Антигона“. Всю идеальность благороднаго женскаго характера поэтъ сосредоточилъ въ своей Антигонѣ, которая, чтобъ доставить брату посмертное успокоеніе, мужественно идетъ навстрѣчу собственной жестокой гибели. Въ „Электрѣ“ Эврипида, гдѣ нѣтъ недостатка въ эфектныхъ сценахъ, мало мотивированное появленіе Аполлона должно вызвать пріятную развязку, кончающуюся, какъ современная драма, двумя свадьбами.

Греческая комедія. Какъ трагедія, такъ и античная комедія возникла изъ празднествъ Діониса. На нихъ, въ честь свѣтлаго подателя вина, совершались веселыя шествія при пѣсняхъ хора. Вождь хора въ промежутки рецитировалъ шутливыя насмѣшки, пасквили и забавные разсказы, въ началѣ экспромптомъ, потомъ послѣ тщательнаго подготовленія, чтобы сдѣлать игру и переряженье занимательнѣе. Скоро нашелся и одаренный природнымъ остроуміемъ товарищъ по хору, отвѣчавшій вождю, и такимъ образомъ введенъ былъ діалогъ.

У дорійскихъ грековъ въ Сициліи, гдѣ съ особенной ловкостью

подмѣчали и бичевали смѣшныя глупости, комедія впервые получила художественное развитіе. Въ Греціи она принялась особенно въ Мегарѣ и оттуда прошла въ Аѳины, гдѣ получила полное свое развитіе по образцу трагедіи. Тамъ въ періодъ процвѣтанія съ неистощимымъ юморомъ писалъ комедіи Кратинъ, доживцій до глубокой старости, несмотря на любовь свою къ вину и разнаго рода распущенности, и давалъ пьесы свои разыгрывать труппѣ мимовъ. На девятидесятомъ году жизни онъ сочинилъ еще „Винную бутылку", въ которой онъ изобразилъ самого себя съ двумя своими женами, комедіей и винной бутылкой. Ею онъ одержалъ послѣднюю побѣду надъ своими соперниками. Вполнѣ сохранились только комедіи даровитаго Аристофана. Хотя онъ принадлежитъ къ послѣдующему времени, мы все-таки, ради связи, приведемъ его здѣсь.

АРИСТОФАНЪ

(ГЕРМА, НАЙДЕННАЯ БЛИЗЪ ТУСКУЛА, НЫНѢ ВЪ РИМѢ).

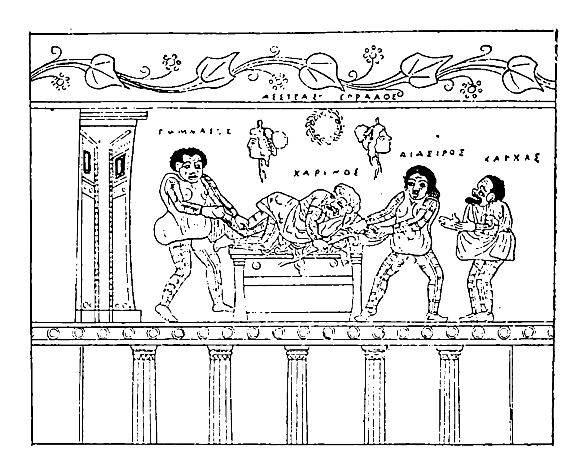
Черты нашей гермы показываютъ не только значительнаго мужа, но и серьезнаго наблюдателя: сморщенный лобъ, глубоколежащіе глаза, нѣкоторая досада въ подергиваніи угловъ рта.

Аристофанъ былъ сыномъ Филиппа, аѳинскаго гражданина и получилъ право гражданства, хотя онъ родился за границей.

Какъ человѣкъ мыслящій, онъ понималъ преимущества древней, простой религіозности, обычаевъ и государственнаго устройства и вредныя стороны введенной Перикломъ безмѣрной демократіи, руководство которой по смерти великаго государственнаго человѣка досталось крикуну Клеону, зажиточному торговцу кожами.

Поэтому онъ караетъ бичомъ осмѣянія и многостороннѣйшимъ юморомъ все, что въ религіозныхъ воззрѣніяхъ его согражданъ, въ политикѣ, народныхъ обычаяхъ, въ философіи и искусствѣ кажется ему ложнымъ и вреднымъ для общества.

Направленіемъ своимъ онъ совершенно сходится съ Эсхиломъ; но этотъ превозноситъ все, что велико и благородно, Аристофанъ

СЦЕНА ИЗЪ КОМЕДІИ.

Живопись на вазѣ, которая нынѣ находится въ Берлинскомъ музеѣ. На верху надпись съ именемъ живописца: Ἀστέας ἔγραφε. Просценій поддерживается пятью низкими колоннами дорійскаго стиля. Сцена изображаетъ внутренность дома: слѣва открывается дверь; на стѣнѣ съ каждой стороны вѣнка женскія маски. Въ центрѣ старикъ (ΧΑΡΙΝΟΣ), узнаваемый по цвѣту бороды своей, распростертъ на широкомъ ящикѣ (можетъ быть его сокровищницѣ), отъ котораго онъ, повидимому, не хочетъ отдѣлиться. Два лица, справа и слѣва, схватили его за руку и за ногу, какъ бы желая его оторвать оттуда. Третье лицо, безъ сомнѣнія, рабъ Харина, присутствуетъ на сценѣ и довольствуется тѣмъ, что выражаетъ свой ужасъ.

же попираетъ во прахъ все, что низко и предосудительно, и дѣлаетъ онъ это, не обращая вниманія на лицо, не отступая даже передъ опасностью для себя самого. Ни тотъ, ни другой не въ состояніи измѣнить ходъ событій, но произведенія ихъ свидѣтельствуютъ объ ихъ образѣ мыслей. По дозволенной античнымъ поэтамъ свободѣ, Аристофанъ безъ стѣсненія называетъ даже самое мерзкое, по современнымъ понятіямъ самое неприличное, настоящимъ именемъ; чтобъ удовлетворить хохотливости аѳинянъ, онъ преувеличиваетъ характеры и положенія до карикатуры, но сквозь всѣ неумѣренныя выходки и преувеличенія видишь правду и нравствен-

ную строгость, лежащія въ основаніи его изображеній. По недостатку мѣста мы здѣсь можемъ прибавить лишь нѣсколько короткихъ указаній содержанія пьесъ Аристофана.

„Всадники“ направлены противъ народнаго вождя Клеона, кумира ослѣпленнаго народа, кумира, котораго поэтому такъ боялись, что ни одинъ актеръ не хотѣлъ брать его роли, вслѣдствіе чего въ ней выступалъ самъ поэтъ. Въ этой пьесѣ колбасникъ добивается благоволенія народа, такъ какъ лукавый пафлагонецъ, который до тѣхъ поръ пользовался этимъ благоволеніемъ, долженъ быть низвергнутъ. Между тѣмъ и другимъ происходитъ сцена драки, затѣмъ споръ свой они отдаютъ на судъ народа, и каждый старается склонить его на свою сторону угощеніемъ.

„Облака“ бичуютъ софистику того времени, умѣвшую своими хитросплетеніями и умствованіями справедливое представлять несправедливымъ и наоборотъ. Содержаніе этого геніальнаго произведенія, полнаго кипучаго юмора, слѣдующее:—Обремененный долгами крестьянинъ хочетъ отдать расточительнаго сына въ обученіе Сократу, представителю софистовъ, о которомъ онъ слышалъ, что тотъ умѣетъ искусными рѣчами сдѣлать несправедливое дѣло справедливымъ; такими уловками онъ думалъ быть въ состояніи лишить своихъ кредиторовъ ихъ притязаній. Пока онъ самъ отправляется къ нему и находитъ философа качающимся въ подвѣшенной рогожѣ, а его исхудалые ученики, въ лохмотьяхъ и грязные, сидятъ вокругъ него на корточкахъ въ комическихъ положеніяхъ. Сократъ прежде всего призываетъ его къ почитанію облаковъ, единственнаго божества своего; затѣмъ онъ готовъ наставить его, какъ онъ можетъ изобличить своихъ кредиторовъ въ томъ, что онъ имъ больше ничего не долженъ. Такъ какъ крестьянинъ непонятливъ, то онъ его прогоняетъ, но потомъ принимаетъ къ себѣ сына его, съ которымъ дѣло идетъ лучше. Въ угнетающій день уплаты процентовъ отецъ возвращается посмотрѣть, чему научился его сынъ, отсылаетъ кредиторовъ, потому что они не понимаютъ ни грамматики, ни естествознанія, и порядкомъ-таки отколачивается своимъ сыномъ, который ясно доказываетъ, что онъ поступаетъ такъ по праву, потому что отецъ его наказывалъ его въ дѣтствѣ. Въ концѣ-концовъ, разгнѣванный крестьянинъ поджигаетъ домъ философа.

„Осы“ направлены противъ самого народа, противъ его сутяж-

ничества, его страсти ежедневно за нѣсколько оболовъ присутствовать на безконечныхъ судебныхъ разбирательствахъ и подавать при этомъ свой голосъ.

„Миръ“—истинно мирная рѣчь въ пелопоннесскую войну, которая разоряла Элладу. Крестьянинъ верхомъ на навозномъ жукѣ ѣдетъ въ Олимпъ за миромъ. Тамъ онъ узнаетъ, что царитъ „Война“, изгнавши всѣхъ боговъ, и что она заперла богиню мира въ пещеру. Пока „Война“ вырѣзываетъ себѣ палицу, чтобъ растолочь Аѳины, крестьянинъ съ помощью хора при большомъ шумѣ освобождаетъ богиню мира и ея спутницъ, Подательницу плодовъ и Празднество, и одну изъ нихъ получаетъ въ жены. По его возвращеніи, справляется свадьба, при чемъ является много ремесленниковъ, и между ними—кузнецъ, дѣлающій косы—обрадованнымъ, а оружейные мастера—жалующимися.

„Птицы“, въ которыхъ поэтъ соединяетъ богатѣйшую и очень смѣлую фантазію съ грубѣйшей шуткой и добродушнѣйшимъ юморомъ, указываютъ глупость многихъ аѳинянъ, которые въ то время, несмотря на несчастье государства, строили безумнѣйшіе воздушные замки славы и почета. Два выходца изъ Аѳинъ приходятъ въ царство птицъ и уговариваютъ послѣднихъ заложить великій городъ „Кукушечій градъ въ облакахъ“ и потребовать божескихъ почестей отъ людей, такъ какъ онѣ-де ранѣе боговъ рождены выползшей изъ первобытнаго яйца Любовью и Хаосомъ. Посланный въ Аѳины вѣстникъ возвращается съ извѣстіемъ, что городское населеніе уже высоко почитаетъ птицъ и отправитъ въ новый городъ колонію.

„Лягушки“ направлены въ особенности противъ упадка трагическаго искусства и нападаютъ на Эврипида. Діонисъ и Силенъ, въ крайне смѣшномъ нарядѣ, идутъ въ подземный міръ, чтобъ привести на бѣлый свѣтъ трагическаго поэта, потому-де, что большой недостатокъ въ такихъ поэтахъ.

Когда, послѣ паденія тридцати тиранновъ, демократія съ недостатками своими была возстановлена, уже престарѣлый поэтъ составилъ „Экклесіазусы“ (женское народное собраніе)—веселый фарсъ, полный кипучаго, нерѣдко грязноватаго юмора, бичующій вѣчную страсть аѳинянъ къ новшествамъ. Женщины берутъ въ свои руки государственное управленіе и набрасываютъ планъ вполнѣ коммунистическаго устройства. Вначалѣ все идетъ отлично,

даже самыя некрасивыя получаютъ мужей и живутъ въ полномъ довольствіи, но затѣмъ слѣдуетъ безпорядокъ за безпорядкомъ.

Изъ нашего изображенія видно, какъ великіе лирическіе и драматическіе поэты въ твореніяхъ своихъ прославляли любимую богами Элладу и подвиги ея сыновъ, чтобы побудить націю къ подражанію имъ. Но, какъ доказало послѣдующее время, это было тщетно. Внутренній раздоръ загорѣлся, и обезсиленная Эллада стала добычей хитраго завоевателя.

ИСТОРІЯ И ГЕОГРАФІЯ, ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И КРАСНОРѢЧІЕ.

ИЗЪ свѣтлыхъ помѣщеній театра, гдѣ муза Аристофана услаждала зрителей удовольствіемъ первобытной силы, мы могли бы отправиться къ портикамъ и открытымъ аудиторіямъ философовъ, которые уже въ этотъ періодъ сообщали любознательной молодежи результаты своихъ размышленій о божествѣ, о происхожденіи міра, о государствѣ и жизни. Но мы оставимъ это лучше до описанія немного болѣе поздняго времени, когда на сцену являются корифеи философіи, а здѣсь прежде всего присмотримся ближе къ исторіографіи и краснорѣчію, въ которыхъ эллины доказали свое мастерство не менѣе, чѣмъ въ другихъ искусствахъ и наукахъ, служащихъ къ украшенію и облагораживанію жизни.

До тѣхъ поръ къ передачѣ потомству великихъ событій и подвиговъ выдающихся людей служили эпическія поэмы, поэтическія преданія и народныя пѣсни. Рядомъ съ этимъ, особенно въ Спартѣ, въ Аргосѣ и Элидѣ велись историческія записи. Но послѣднія были скудны, почти ограничивались только именами, а первыя недостаточно были серьезны и правдивы для серьезнаго, великаго времени, начавшагося борьбой Греціи съ превосходящими ее численностью персидскими силами. Поэтому впервые на островахъ и въ Малой Азіи научно образованные люди пытались достойнымъ историческимъ образомъ представить событія старины и своего времени. Произведенія ихъ по большей части утрачены. Но они возбудили въ Геродотѣ, родившемся въ дорійскомъ городѣ Галикарнассѣ, въ Каріи, стремленіе объѣхать замѣ-

чательнѣйшія страны древняго міра и впослѣдствіи соединить свои наблюденія, свѣдѣнія и историческія изображенія въ объемистомъ историческомъ трудѣ въ одно цѣлое.

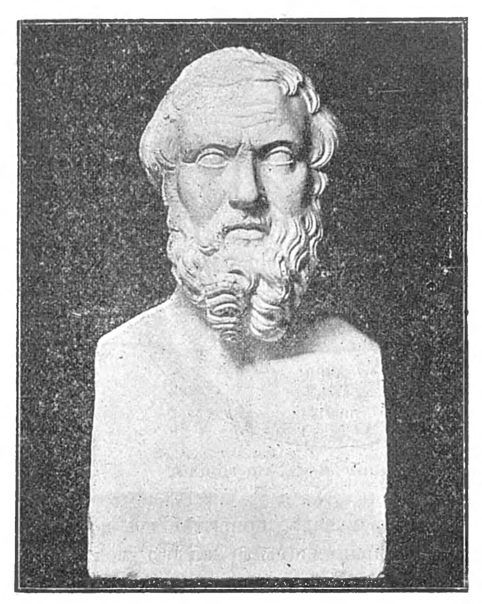
Геродотъ поѣхалъ сначала въ Египетъ, который онъ исходилъ весь, оттуда въ Ливію, лежащую на сѣверномъ побережьи Африки, затѣмъ онъ прожилъ нѣкоторое время въ Тирѣ, позже въ Вавилонѣ, посѣтилъ Скиѳовъ, проникъ до самыхъ греческихъ колоній на Черномъ морѣ и черезъ Ѳракію, Македонію и Грецію вернулся въ свой отечественный городъ.

Но тамъ онъ нашелъ свободу въ угнетеніи и во главѣ правленія деспота. Поэтому онъ отправился на Самосъ, гдѣ онъ на спокойномъ досугѣ сталъ писать свою исторію. Однако, онъ тотчасъ же прервалъ свою работу, какъ только получилъ призывъ участвовать въ одномъ союзѣ для низверженія тираніи въ Галикарнассѣ. Предпріятіе удалось, но Геродотъ мало пожалъ благодарности, такъ какъ народъ, угнетавшійся аристократами еще тяжелѣе прежняго, видѣлъ въ немъ одного изъ своихъ притѣснителей, а господствующая партія, противъ которой онъ мужественно выступилъ, преслѣдовала его открытой ненавистью.

Поэтому онъ отправился въ Грецію, гдѣ какъ-разъ совершалось олимпійское празднество. Тамъ, въ Олимпіи, онъ передъ многочисленнымъ собраніемъ прочелъ отрывки изъ своего произведенія, и его описанія борьбы и побѣды свободы надъ варварской надменностью получили восторженное одобреніе. Повѣствуется, будто юный Ѳукидидъ плакалъ отъ умиленія, присутствуя при чтеніи, и будто Геродотъ предсказалъ ему блестящую будущность, но для подтвержденія этого разсказа нѣтъ данныхъ. Ободренный одобреніемъ образованныхъ людей, Геродотъ тѣмъ съ большимъ рвеніемъ сталъ работать надъ окончаніемъ своего произведенія. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ попеременно жилъ въ разныхъ эллинскихъ государствахъ, затѣмъ на празднествѣ Панаѳиней въ Аѳинахъ онъ также прочелъ важнѣйшія части своей исторіи и въ награду получилъ отъ гражданъ высочайшія почести и подарокъ въ десять талантовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Геродотъ присоединился къ толпѣ колонистовъ, отправлявшейся въ Ѳуріи, въ Нижней Италіи, и оставался тамъ до своей смерти.

Произведеніе его есть, собственно, основанная на дѣйствительности, эпическая поэма въ простой прозѣ.

Описанія слѣдуютъ одно за другимъ въ почти ребяческой наивности и все-таки, незамѣтно для читателя, расположены въ такомъ порядкѣ, что предметъ, который важнѣе всего для автора, именно борьба и побѣда Греціи, черезъ это выставляется въ наиболѣе яркомъ свѣтѣ. На это указываетъ уже начало, миѳы о похищеніи Европы, о Медеѣ и Еленѣ.

ГЕРОДОТЪ

(ДВОЙНАЯ ГЕРМА ВЪ НЕАПОЛѢ).

Портретъ показываетъ зрѣлый мужескій возрастъ съ густыми волосами, съ длинной бородой, которая, раздѣленная по срединѣ, вьется большими прядями. Большіе глаза затѣняются сильно выступающими бровями, между которыми довольно широко спускается носъ. Трижды изборожденный морщинами лобъ благодаря своей ширинѣ и вышинѣ, получаетъ значительный перевѣсъ надъ болѣе узкою, остро заканчивающеюся нижнею частью лица. Вѣроятно основой для этого, какъ и для другихъ портретовъ отца исторіи, служилъ оригиналъ, сдѣланный еще при его жизни.

Затѣмъ Геродотъ описываетъ могущество и блескъ ассирійскихъ, вавилонскихъ, мидійскихъ и лидійскихъ царствъ, которыя все-таки всѣ подчинились персамъ. Послѣ того какъ онъ описалъ быстрый ростъ послѣдняго народа, онъ говоритъ о богатомъ чу-

десами Египтѣ, которому тоже пришлось уступить персидскому оружію. Послѣ этого онъ повѣствуетъ о судьбахъ великаго царства и слѣдуетъ за походами въ Индію, Скиѳію, Ѳракію и, наконецъ, въ Грецію, чтобы показать, какъ свободные эллины, побѣдивъ персовъ, въ то же время осилили всѣ варварскіе народы въ Азіи и Африкѣ.

КАРТА ЗЕМНОГО ДИСКА, ПО ГОМЕРУ.

Разсказъ — неподражаемо простодушенъ, и гдѣ Геродотъ самъ видѣлъ, узнавалъ, переживалъ что-нибудь, тамъ въ достовѣрности его вовсе нельзя сомнѣваться; но гдѣ онъ принимаетъ чужія сообщенія, онъ самъ указываетъ на большую или меньшую ихъ достовѣрность. Лишь когда ему приходится говорить о сновидѣніяхъ, оракулахъ, привидѣніяхъ и подобномъ, онъ неистощимъ и все принимаетъ за чистую монету. Въ своей дѣтской набожности онъ всякое происшествіе, всякій успѣхъ относитъ къ богамъ; поэтому онъ считаетъ первою необходимостью разузнавать ихъ волю, понимать ихъ указанія и изреченія, такъ какъ, по его понятіямъ, человѣкъ есть лишь ихъ орудіе.

Какъ Геродотъ основалъ исторіографію, такъ онъ также расширилъ и улучшилъ тѣсно связанныя съ ней географическія представленія своего времени.

По Гомеровскимъ поэмамъ, земля была не что другое, какъ омываемый водами океана дискъ, который изъ-за тяжести пышной растительности жаркихъ странъ немного наклоненъ къ югу.

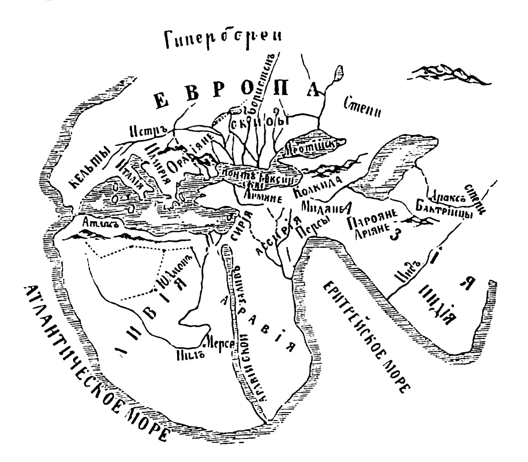
Края диска фантазія древнихъ и позднѣе еще расписывала въ видѣ ряда чудесныхъ странъ. Тамъ лежали Элисій и острова

блаженныхъ, тамъ обитали Гипербореи и народъ эѳіопскій. Тамъ находились „Атлантида“ Солона, „Меропида“ Ѳеопомпа и „Сатурновъ материкъ“ Плутарха, на которомъ Бріарей стережетъ дремлющаго Сатурна. Тамъ, на крайнихъ границахъ диска земли, представляли себѣ высшее плодородіе и самый мягкій климатъ, величайшую физическую силу и чистоту нравовъ населенія. Сообщеніями Геродота значительно расширено было представленіе о протяженіи Африки. Между тѣмъ какъ до этого Атласъ и Ѳивы считались конечными южными пунктами, Геродотъ провелъ границу дугою отъ столбовъ Геракла къ самому восточному мысу Африки, извѣстному теперь подъ именемъ мыса Гвардафуй. Какъ тщательны были его справки, между прочимъ доказали новѣйшія путешествія для изслѣдованія источниковъ Нила. Онъ зналъ объ озерахъ въ эѳіопской горной странѣ, гдѣ находятся главные источники рѣки. Онъ дошелъ до крайней южной границы Египта, быть можетъ еще далѣе, и тамъ собралъ очень интересныя свѣдѣнія. Геродотомъ, далѣе, въ кругъ представленій вовлечена была Индія съ Индомъ, прибавлены къ извѣстному земному кругу Аравійскій заливъ, Эриѳрейское море, да и точнѣе поняты береговыя очертанія Европы до расположеннаго на сѣверѣ острова Ѳуле, считавшагося концомъ міра.

Вообще значительно расширился кругозоръ эллиновъ, и баснословныя страны и народы стали отступать все болѣе и болѣе назадъ. Путешествіе для открытій, предпринятое въ царствованіе Дарія Скилакомъ по Инду, вдоль южныхъ береговъ и назадъ черезъ Красное море, имъ было извѣстно, какъ и Египетъ, далѣе—Кирена и Карѳагенъ въ Ливіи, какъ и все сѣверное побережье Африки.

Они знали о плаваніяхъ финикійцевъ къ богатому Тартессу въ Испаніи; да тамъ были даже фокейскіе моряки и получили значительныя богатства отъ могущественнаго царя Арганѳонія. Такъ же точно они имѣли свѣдѣніе о проливѣ Кальпе (Гибралтаръ), и, какъ финикійскіе моряки, проплыли мимо столбовъ Геракла, въ Атлантическій океанъ. О берегахъ по ту сторону пролива, повидимому, они имѣли лишь неопредѣленныя, частью баснословныя извѣстія; но съ восточнымъ берегомъ Испаніи, южнымъ берегомъ Галліи, гдѣ процвѣтала фокейская колонія Массилія, еще болѣе

съ Гесперіей, полуостровомъ Италіей, южная часть котораго покрыта была греческими колоніями, они познакомились уже давно. Что они имѣли свѣдѣніе о сѣверныхъ скиѳахъ, доителяхъ коней и другихъ народахъ монгольскаго племени, объ этомъ замѣчено уже раньше, какъ и о томъ, что они посѣщали берега Чернаго моря, что тамъ процвѣтали греческія колоніи и происходили живыя сношенія. Съ восточными странами въ Азіи, особенно также со всѣми провинціями персидскаго царства и пограничной Индіей они позна-

КАРТА ЗЕМНОГО КРУГА, ПО ГЕРОДОТУ.

комились черезъ историка Ктесію Книдскаго, лейбъ-медика царя Артаксеркса. Онъ написалъ исторію Персіи и Индіи, правда во многомъ отступающую, можетъ быть изъ пристрастія, отъ извѣстій Геродота. Такъ какъ сохранилось лишь мало отрывковъ ея, то мы воздерживаемся ближе разсматривать ее.

Названные и другіе изслѣдователи содѣйствовали расширенію географическихъ познаній грековъ и вообще ихъ кругозора. Однако и Геродотъ не имѣлъ еще никакого представленія о сѣверныхъ странахъ, а между тѣмъ финикійскіе купцы, можетъ быть, водою, вѣроятнѣе же сушею, слѣдуя теченію рѣкъ, уже посѣщали побережье Балтійскаго моря, гдѣ находили драгоцѣнный янтарь; они проникли уже до Скандинавіи, такъ какъ и тамъ, на далекомъ сѣверѣ, открыты памятники и утварь финикійскаго про-

исхожденія *). Но они изъ купеческой ревности сохраняли въ тайнѣ цѣль и направленіе своихъ отважныхъ плаваній, такъ что любознательные эллины ничего о томъ не знали и все еще сохраняли вѣру въ страны чудесъ всякаго рода. Такъ же ошибочны были еще долгое время представленія эллиновъ о фигурѣ земли. Геродотъ представлялъ ее себѣ овальнымъ дискомъ и дѣлилъ ее на двѣ половины, изъ которыхъ сѣверная обнимала Европу и часть Азіи, расположенную къ сѣверу отъ рѣки Фазиса и Каспійскаго моря, южная—остальную Азію вмѣстѣ съ Египтомъ и Ливіей, которую Геродотъ причислялъ къ ней же. Подобныя представленія имѣли іонійскіе философы Ѳалесъ (Ѳалетъ), Анаксимандръ, Анаксименъ и др.; только Пиѳагоръ (около 500 г. до Р. Х.) утверждалъ уже съ опредѣленностью, что фигура земли шарообразна, между тѣмъ какъ древніе историки, называемые логографами (записывающими сказанія), какъ Гекатей, Гелланикъ, еще твердо держались стараго представленія. Благодаря походамъ Александра внутрь Азіи, къ Инду и до Индійскаго моря, какъ и благодаря позднѣйшему возникновенію новыхъ обширныхъ царствъ съ эллинскимъ образованіемъ, были пріобрѣтены болѣе правильныя представленія о восточной и южной Азіи; но свѣдѣнія о сѣверѣ Европы оставались еще такъ недостаточны, что сообщенія Пиѳеи, изъ Массиліи (Марсели), который приблизительно одновременно съ походами для завоеваній Александра Великаго въ Азію совершилъ путешествіе до сѣверныхъ британскихъ острововъ и германскаго побережья Сѣвернаго (Нѣмецкаго) моря, считали выдумками. Пиѳея говорилъ, между прочимъ, что морская вода тамъ по временамъ точно студень, и что онъ съ высокой горы видѣлъ ночлегъ солнца. Теперь знаютъ, что онъ говорилъ объ образованіи льда въ морѣ и о явленіи полуночнаго солнца, которое въ сѣверныхъ широтахъ во время лѣтняго солнцестоянія, кажется, точно покоится на морѣ.

Ѳукидидъ. Теперь мы обращаемся ко второму великому историку эллиновъ, Ѳукидиду, который, какъ думали, побужденъ былъ къ историческимъ трудамъ славой Геродота. Онъ родился въ

---

*) О проникновеніи самихъ финикіянъ, а не ихъ товаровъ только, въ Скандинавію нельзя говорить, какъ объ историческомъ фактѣ: на это нѣтъ научныхъ доказательствъ.

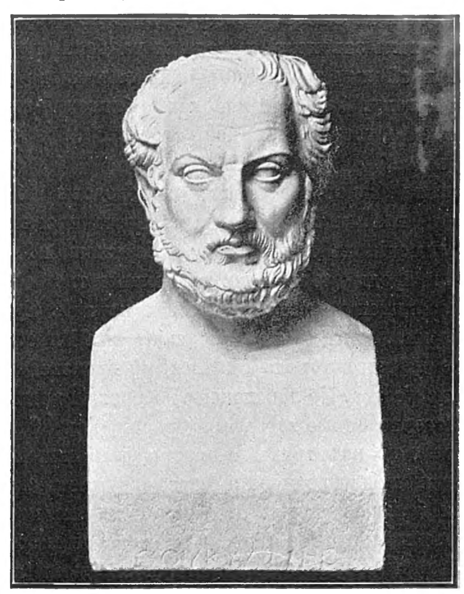
Примѣч. редактора перевода.

472 г. до Р. Х. и обучался у философа Анаксагора и другихъ знаменитыхъ учителей. Частью отъ родителей, частью отъ жены своей онъ имѣлъ значительныя помѣстья во Ѳракіи, гдѣ онъ и проживалъ часто. Когда важному городу Амфиполю сталъ угрожать непріятель, Ѳукидидъ облеченъ былъ достоинствомъ аѳинскаго стратега и набиралъ войска на выручку города, но опоздалъ на одинъ день, за что наказанъ былъ изгнаніемъ. Пріобрѣтеннымъ чрезъ это досугомъ онъ воспользовался для своего историческаго произведенія—описанія первыхъ 21 года пелопоннесской войны до битвы при Кизикѣ. Онъ не пугался ни труда, ни издержекъ, содержалъ даже во вражескомъ лагерѣ корреспондентовъ, чтобъ узнавать истину, и сообщалъ ее, безъ мелочного вниманія къ интересамъ партійнымъ или государственнымъ, къ другу или врагу. Онъ не даетъ прелестнаго разсказа, какъ Геродотъ, но вникаетъ въ сущность событій и характеровъ, раскрываетъ мотивы руководящихъ лицъ и показываетъ, какъ происходящее является результатомъ столько же человѣческой свободы, сколько и необходимаго слѣдствія; затѣмъ онъ также учитъ, какъ слѣдовало бы поступать, чтобъ достичь желаннаго успѣха. Полнымъ достоинства, сжатымъ, иногда темнымъ языкомъ онъ открываетъ уму богатую духовную жизнь въ ходѣ развитія событій, въ которомъ человѣкъ вращается свободно, и гдѣ боги за или противъ него, смотря потому, насколько правильно онъ умѣетъ примѣнять свои силы и пользоваться данными обстоятельствами.

Во время Перикла, когда духовная дѣятельность расширялась по всѣмъ направленіямъ, не оставлены были безъ вниманія и занятія по естествознанію. Особенно звѣздное небо было предметомъ усердныхъ изслѣдованій. Наблюдали восходъ и заходъ свѣтилъ, поворотъ солнца, теченіе планетъ, старались привести въ порядокъ календарь, особенно правильно опредѣлить годъ. Но хотя были на надлежащемъ пути, народъ все еще твердо держался стараго, ошибочнаго метода. Однако о Метонѣ, устроившемъ эти вычисленія и изслѣдованія, справедливо отзывались съ похвалой и въ Аѳинахъ и внѣ ихъ. Онъ былъ въ то же время архитекторомъ и построилъ нѣсколько водопроводовъ, названныхъ по его имени. Далѣе, онъ изобрѣлъ геліотропій—родъ солнечныхъ часовъ. То была плитка, по срединѣ которой установленъ былъ гвоздикъ. Точка, гдѣ гвоздь въ полуденное время бросалъ самую

короткую тѣнь, была точно отмѣчена, такъ что, благодаря этому, правильно можно было указывать время солнечнаго поворота.

Отлично далѣе разрабатывалось краснорѣчіе, особенно въ демократическихъ Аѳинахъ; Эфіальтъ и Периклъ обязаны были ему отчасти своимъ вліяніемъ. Но рѣчи ихъ основывались на внутренней правдѣ; они содѣйствовали полезнымъ предложе-

ѲУКИДИДЪ
(ГЕРМА ВЪ НЕАПОЛИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

ніямъ и цѣлью имѣли славу и блескъ родного города; тутъ не было нужды въ тонкихъ, искусныхъ оборотахъ, чтобы скрывать слабость мотивовъ, мелочность или эгоизмъ намѣренія. Учителями краснорѣчія были еще опытъ, высокое образованіе, истинная политика. Лишь тогда, когда, при возрастающемъ вырожденіи народа, люди мелкіе, съ низменными помыслами, стали объявлять себя вождями неопытныхъ въ дѣлахъ гражданъ, явилось стремленіе привести краснорѣчіе въ систему; лишь тогда рядомъ съ достойными учителями его появились и недостойные. Но эта перемѣна болѣе относится къ послѣдующему времени.

Все это умственное развитіе имѣло средоточіе свое въ Аѳинахъ, но отнюдь не ограничивалось ими, а простиралось и на всѣ города эллиновъ. И въ городахъ Великой Греціи, въ Италіи и Сициліи,—особенно были въ почетѣ и разработывались риторика, философія и поэзія.

Но Аѳины были и оставались выдающеюся свѣтло-солнечною вершиной умственной жизни, между тѣмъ какъ Спарта, подъ гнетомъ своихъ сухихъ законовъ, лежала въ наиболѣе глубокой тѣни. Между этими крайними точками группировались прочія государства, смотря потому, болѣе ли или менѣе благопріятствовало имъ ихъ происхожденіе, государственное устройство, положеніе и другія обстоятельства.

Уже внѣшняя физіономія странъ и городовъ обнаруживала, какъ различна была умственная дѣятельность населенія.

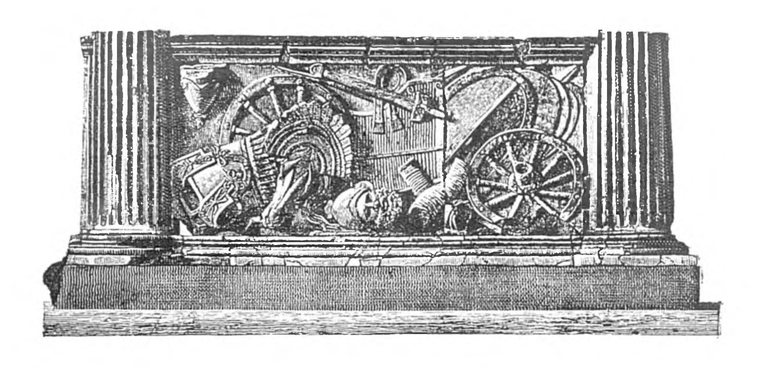
При приближеніи къ аттическому побережью, посреди бѣдной ландшафтами природы взоръ восхищало множество великолѣпныхъ произведеній архитектуры въ мраморномъ нарядѣ. Тутъ блестѣли колонны Элевсина, тамъ храмъ Сунійскій, а за Пиреемъ Акрополь властвующаго на морѣ города съ дивными произведеніями благороднѣйшаго искусства. На лаконскомъ побережьи виднѣлись, правда, также многочисленные города и деревни, какъ Ѳирея, Прасіи, торговый Гиѳей, но ихъ храмы и театры были лишены той очаровательности, какою благородное искусство окружаетъ свои образы,—они являются большей частью бѣдными и ничего не значащими. Еще болѣе это можно было сказать о порабощенной Мессеніи. Города или, скорѣе, мѣстечки Корона и окруженная прелестной природой Меѳона походили на рыбачьи деревни, гдѣ лишь жалкія барки поддерживали рѣдкія сношенія.

Вотъ почему охотно останавливаешься на историческомъ изображеніи событій, касающихся Аѳинъ; съ предпочтеніемъ слѣдишь за ихъ подъемомъ, за развитіемъ ихъ могущества и съ участіемъ видишь ихъ упадокъ. Онѣ подобны благородной человѣческой натурѣ, которая, сведенная на ложный путь, погибаетъ не безъ собственной вины и все-таки при всѣхъ ошибкахъ сохраняетъ еще черты природнаго благородства. Какъ не возможно лишить такую натуру своего интереса, такъ и аѳинскій народъ приковываетъ къ себѣ вниманіе до позднѣйшихъ временъ.

Мы прошли уже широкое поле и познакомились съ дѣлами и

трудами многихъ возвышенныхъ людей. Теперь мы достигли вершины, на которой остановимся для короткаго отдыха, чтобы еще разъ обозрѣть пройденный путь и приготовиться къ дальнѣйшему путешествію. Ибо по ту сторону разстилаются новыя пространства, и намъ будутъ встрѣчаться другіе люди: государственные мужи, полководцы, глубокомысленные изслѣдователи и философы. Скоро, любезный читатель, мы поведемъ тебя далѣе по лабиринтамъ человѣческихъ стремленій, страстей и высокихъ подвиговъ, какъ на полѣ брани, такъ и въ области мирнаго умственнаго труда, гдѣ пытливый умъ старается проникнуть въ тайны міра.

БОЕВЫЕ ТРОФЕИ
(РЕЛЬЕФЪ НА ПОРТИКѢ ВЪ ПЕРГАМѢ).

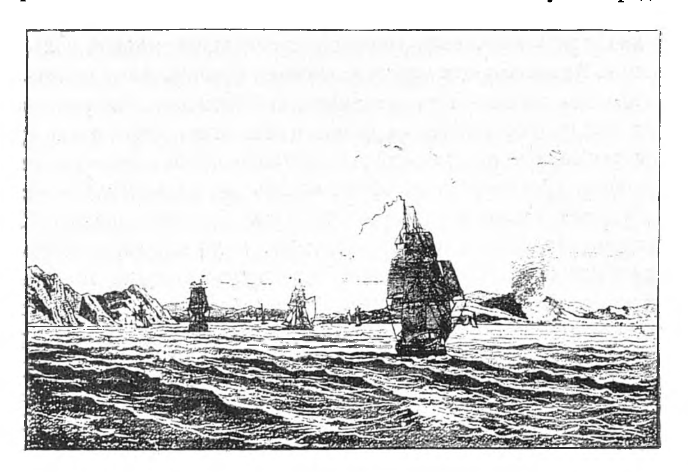
ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВРЕМЯ УПАДКА.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА.

На Аѳины мы прежде всего направляемъ наше вниманіе, снова берясь за нить разсказа. Онѣ возвышаются надъ всѣми греческими государствами развитіемъ своего могущества, своимъ богатствомъ, славой своихъ государственныхъ мужей, героевъ и художниковъ. Неприступныя стѣны окружаютъ городъ и гавань, аѳинскіе торговые флоты привозятъ избытокъ отдаленныхъ странъ, а аѳинскіе военные флоты господствуютъ на моряхъ. Къ этому присоединяется блескъ произведеній искусства, который привлекаетъ изъ далекихъ странъ толпы чужеземцевъ, такъ какъ съ Пропилеями, Парѳенономъ и столькими другими твореніями генія нельзя сравнить никакія другія греческія произведенія. Но еще жилъ и руководилъ государствомъ великій Периклъ, и народъ почиталъ его, а

чужеземцы удивлялись ему. Еще находились возлѣ него возвышенно мыслящая Аспасія и мудрый Анаксагоръ, еще трудились въ его духѣ на возвеличеніе родного города Фидія и другіе великіе мастера. Миръ, царившій въ Греціи безъ значительнаго нарушенія, благопріятствовалъ управленію и творчеству всѣхъ этихъ высокодаровитыхъ людей на возвышеніе славы и благополучія города на

ВХОДЪ ВЪ КОРИНѲСКІЙ ЗАЛИВЪ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

Илиссѣ. Но послѣ десяти лѣтъ ненарушимо мирной дѣятельности наступили событія, которыя вновь разожгли внутренній раздоръ.

Коринѳъ противъ Корниры. Ревниво наблюдали лакедемонскіе правители внѣшнія предпріятія аѳинянъ, ихъ флоты и далеко распространенныя колоніи; но они спокойно оставались праздными, хотя и завистливыми зрителями, такъ какъ Спарта вначалѣ не затрогивалась непосредственно. Они отклонили даже просьбы самосцевъ о помощи, потому что Коринѳъ, боявшійся превосходства аѳинскихъ морскихъ силъ, особенно склонялъ ихъ къ миру. Но вотъ случилось, что люди изъ Эпидамна, города на иллирійскомъ побережьи (позднѣе, при господствѣ римлянъ, Диррахій, нынѣ Дураццо), явились въ храмъ Геры въ Коринѳѣ и съ мольбою обняли жертвенникъ. Они разсказали, какъ нѣкогда городъ ихъ основанъ былъ коркирянами подъ коринѳскимъ предводитель-

ствомъ, но что теперь ихъ собственные аристократическіе сограждане, наказанные изгнаніемъ, и иллирійскія орды угрожаютъ ему разореніемъ и совершенной гибелью; что они, получивъ отказъ со стороны правящихъ родовъ въ Коркирѣ (Керкира, теперь Корфу), по совѣту дельфійскаго оракула прибѣгаютъ къ общей матери своей Коринѳу. Коринѳяне обсудили это предложеніе и тѣмъ единодушнѣе были готовы послѣдовать ему, что чрезъ это они надѣялись причинить униженіе своей высокомѣрной колоніи, Коркирѣ. Именно, среди многочисленныхъ колоній, вышедшихъ изъ Коринѳа для поселенія на западныхъ побережьяхъ, Коркира была самою цвѣтущею. Уповая на свои морскія силы, островитяне прервали всякія узы зависимости отъ метрополіи; они съ открытымъ упорствомъ противились ея притязаніямъ на главенство и наносили ущербъ также и ея торговлѣ. Ихъ упорство должно быть сломлено, ихъ сопротивленіе побѣждено. И такъ, коринѳскіе поселенцы и гарнизонныя войска пошли сухимъ путемъ черезъ Аполлонію на помощь тѣснимому Эпидамну. Тогда осаждавшимъ, какъ изгнанникамъ, такъ и иллирійцамъ, пришлось уступить превосходству силъ. Но первые теперь призвали на помощь Коркиру, и не тщетно: островитяне явились съ сорока кораблями передъ городомъ, начали осаду и потребовали впущенія изгнанниковъ и удаленія коринѳянъ. Послѣ тщетныхъ переговоровъ, послѣдніе открыто объявили войну городу Коркирѣ и отправили сильный флотъ на выручку Эпидамна (435). Уже при выходѣ изъ Амбракійскаго залива, флотъ наткнулся на коркирскія силы и понесъ пораженіе, принудившее его къ возвращенію обратно. Осажденный городъ долженъ былъ сдаться побѣдителямъ безусловно.

Коринѳъ приступилъ теперь къ громаднымъ вооруженіямъ. Амбракія, Элида, Левкадія и другіе союзники приглашены были прислать кораблей и ратниковъ, такъ какъ дѣло шло о томъ, чтобы совершенно смирить Коркиру. Въ такой грозной опасности городъ этотъ сталъ искать помощи и обратился къ Аѳинамъ—первой морской державѣ всей Эллады. Здѣсь передъ собраннымъ народомъ дѣло это было разсмотрѣно, и было рѣшено заключить союзъ съ Коркирой для отраженія вражескихъ нападеній на непосредственную территорію обоихъ союзныхъ государствъ, но не для нападенія на непріятельскую. Въ то же время вышла въ море эскадра изъ десяти аѳинскихъ тріэръ, для наблюденія надъ непріятелемъ.

Сильный флотъ, вышедшій изъ Коринѳа, не долго заставилъ себя ждать. То были 150 тріэръ, которыя, послѣ благополучнаго плаванія, выстроились въ Химерійской бухтѣ, въ странѣ ѳеспротовъ, къ юго-востоку отъ Коркиры. Послѣ нѣкоторыхъ приготовленій, они раннимъ утромъ двинулись на островъ и встрѣтились съ непріятельскими силами, которыя, въ количествѣ 110 кораблей и въ сопровожденіи десяти аѳинскихъ тріэръ, подходили въ боевомъ порядкѣ.

По старому обычаю, оба флота набѣжали другъ на друга, корабли съ трескомъ столкнулись носами; стрѣлки и гоплиты, занимавшіе палубы, спѣвъ пэанъ, сражались какъ на сушѣ, весла поломались, суда не употреблялись, какъ оружіе, но служили только мѣстомъ битвы для сражающагося экипажа. Аѳинскія тріэры не принимали дѣятельнаго участія въ битвѣ, но старались только тактическими поворотами и мнимыми нападеніями раздѣлять вниманіе непріятеля. Когда же онѣ увидѣли, что флотъ коркирцевъ послѣ нѣсколькихъ успѣховъ былъ прорванъ на лѣвомъ крылѣ, разбитъ и преслѣдуемъ среди большого кровопролитія, онѣ постарались спасти, что можно было еще спасти. Правда, счастья этого дня они вернуть не могли; коринѳяне нѣкоторое время продолжали преслѣдованіе, вернулись затѣмъ къ мѣсту сраженія, гдѣ носились обломки и разбитыя суда съ трупами и ранеными людьми, стали спасать своихъ друзей и избивать своихъ враговъ или брать ихъ въ плѣнъ. Послѣ полудня они выступили снова, чтобъ попытаться высадиться на островѣ. Коркирцы, какъ ни ослаблены были они пораженіемъ, въ отчаяніи рѣшили лучше рискнуть на второе сраженіе, чѣмъ позволить непріятелю стать твердой ногой на ихъ родной почвѣ.

Уже раздался пэанъ съ обѣихъ сторонъ, островитяне уже увидѣли себя обойденными, какъ вдругъ противники ихъ начали медленно плыть назадъ и, наконецъ, снова направились къ прежнему мѣсту стоянки у острововъ Сиботъ. У нихъ было полное основаніе къ отступленію, такъ какъ они увидѣли эскадру въ 20 новыхъ аѳинскихъ кораблей, приплывшую на защиту острова и соединившуюся съ коркирянами. Пелопоннесцы поэтому отказались отъ дальнѣйшей борьбы; они, не тревожимые непріятелями, поплыли вдоль берега къ родинѣ и въ Коринѳѣ разожгли старую ненависть къ Аѳинамъ, которую дотолѣ сдерживали большія выгоды ненарушимо мирныхъ сношеній.

Аѳины противъ Потидеи. Удобный случай повредить врагу скоро оказался на сѣверовосточныхъ берегахъ, гдѣ у аѳинянъ были значительныя владѣнія. Тамъ между Ѳермейскимъ и Стримонскимъ заливомъ вдается далеко въ Эгейское море полуостровъ Халкидика, тремя концами, изъ которыхъ Акте—самый восточный, Паллена—самый западный. На Палленскомъ Исѳмѣ лежалъ значительный городъ Потидея, первоначально коринѳская колонія, но теперь бывшій въ зависимости отъ Аѳинъ. Этотъ городъ и нѣсколько небольшихъ городовъ вмѣстѣ съ бэотійцами царь Пердикка II Македонскій склонилъ къ отпаденію отъ ихъ владычицы. Аѳинская эскадра, за которой скоро послѣдовала и вторая, тотчасъ же вышла въ море, чтобъ наказать какъ царя, такъ и мятежниковъ. Были завоеваны Ѳермы, осаждена Пидна, навербована конница, и походъ въ Потидею вдоль берега былъ совершенъ въ три дня. Между тѣмъ туда прибыла изъ Коринѳа значительная помощь подъ умѣлымъ предводительствомъ Аристея. Послѣдовало жаркое сраженіе, въ которомъ Аристей, хотя и побѣдоносный на своемъ крылѣ, въ концѣ-концовъ принужденъ былъ къ отступленію въ городъ съ большимъ для себя урономъ. Аѳиняне, подкрѣпленные третьей экспедиціей подъ командой Форміона, теперь заперли Потидею осадными валами и въ силу этого надѣялись добиться скорой сдачи. Однако, Аристей, съ помощью искусныхъ машинъ, дѣлалъ тщетными всѣ нападенія и неожиданными вылазками на морѣ умѣлъ доставлять съѣстные припасы, такъ что осада оставалась напрасной.

Между тѣмъ явились въ Спарту послы изъ Коринѳа, чтобы прежде всего пригласить эту главу дорійскаго союза, а затѣмъ и весь союзъ къ содѣйствію тѣснимому городу. Они изложили обиду, которую они-де потерпѣли, и заявляли, что противъ этого можно искать помощи только въ оружіи. Но въ то же время присутствовали и аѳинскіе послы, которые указывали на славу и блескъ своей республики и на свою вѣрность въ поддержаніи далеко еще не истекшаго тридцатилѣтняго перемирія. Съ послѣдними согласился царь Архидамъ; онъ совѣтовалъ быть осторожными. Но противъ него поднялся одинъ изъ эфоровъ Сѳенелайда и сказалъ въ сжатой лаконской манерѣ: „Я не понимаю длинныхъ рѣчей аѳинянъ, достаточно обильно превозносившихъ себя, но не отклонившихъ отъ себя упрека въ несправедливости, совершенной по отношенію

къ нашимъ союзникамъ. Если они раньше въ персидскихъ войнахъ выказали себя благодѣтелями, а теперь стали злодѣями, то они заслуживаютъ двойного наказанія. Мы же остались тѣми же самыми. Пусть другіе владѣютъ въ изобиліи богатствами, кораблями и конями, мы имѣемъ вѣрныхъ союзниковъ, которыхъ мы не можемъ отдать на произволъ аѳинянъ. Мы также не можемъ съ честью для себя ожидать своего удовлетворенія—отъ посредничества и отъ словъ, коль скоро нанесенная намъ обида не состоитъ въ словахъ. Рѣшайте войну или миръ, какъ приличествуетъ спартанцамъ; будемъ держать вдали отъ нашихъ союзниковъ притѣсненіе и выступимъ безбоязненно противъ злодѣевъ съ оружіемъ въ рукахъ. Безсмертные боги будутъ нашими вождями и помощниками".

По введенному въ Спартѣ обычаю, народъ рѣшалъ дѣло не посредствомъ голосовательныхъ табличекъ, но громкимъ крикомъ. И вотъ, чтобъ принудить колеблющихся къ опредѣленному заявленію, бурный эфоръ на этотъ разъ велѣлъ подавать голоса совершенно необыкновеннымъ образомъ, предложивъ воинственно настроеннымъ гражданамъ стать на одну, а прочимъ на другую сторону. Тутъ оказалось, что перевѣшивающее большинство подало голосъ въ пользу войны, и это рѣшеніе тотчасъ же было сообщено присутствующимъ представителямъ союзниковъ (432).

Подобнымъ же образомъ постановило рѣшеніе собраніе депутатовъ всѣхъ союзниковъ, которое было созвано на Исѳмѣ. Надежда унизить гордыя Аѳины во второй разъ и окончательно—превысила боязнь передъ измѣнчивыми случайностями войны.

Происки противъ Перикла. Три раза отправлялись послы изъ Спарты въ Аѳины, чтобы поставить повелительныя требованія. Прежде всего лакедемоняне, въ согласіи съ частью олигархической партіи въ Аѳинахъ, имѣли цѣлью паденіе Перикла и требовали изгнанія Алкмеонидовъ, надъ которыми-де еще тяготѣло старое килоновское убійство. Требованіе, очевидно, направлено было противъ Перикла, потомка этого рода, но было отклонено съ гордымъ отвѣтомъ, чтобы лакедемоняне прежде очистились отъ преступленій, совершенныхъ въ ихъ собственной странѣ. Послѣ этой неудачи даже въ самихъ Аѳинахъ политическіе противники Перикла стали работать тѣмъ рѣшительнѣе надъ его устраненіемъ. Прежде всего они направили свои злокозненные умыслы противъ его

близкихъ друзей. Анаксагоръ, свободномыслящій учитель Перикла, привлеченъ былъ жреческой партіей къ суду и обвиненъ въ безбожіи и сочувствіи персамъ. Его бросили въ темницу, но онъ спасся отъ смерти бѣгствомъ или защитительной рѣчью Перикла. Онъ направился въ Лампсакъ, гдѣ, высоко уважаемый жителями, онъ кончилъ свою жизнь въ глубокой старости.

Тогда предъявили жалобу на другого друга великаго государственнаго мужа, на Фидію. Менонъ, одинъ изъ его помощниковъ, наущенный противной партіей, обвинилъ его въ расхищеніи части золота, предназначеннаго для статуи Аѳины. Прославленный художникъ недавно только вернулся изъ Олимпіи, гдѣ закончилъ свое мастерское произведеніе. Чтобы заставить клевету смолкнуть, онъ велѣлъ осторожно снять со статуи золотыя украшенія и положить на вѣсы, и въ нихъ недовѣса не оказалось. За то зависть отыскала другую вину. Фидія помѣстилъ свой портретъ и Перикловъ въ „Битвѣ Амазонокъ“ на щитѣ богини и притомъ себя въ видѣ лысаго старика, бросающаго камень, а друга своего въ видѣ юношески-прекраснаго бойца. Это обвинители объявили оскорбленіемъ боговъ. Фидія не могъ отрицать своей вины. Онъ заключенъ былъ въ темницу и тамъ умеръ до окончанія слѣдствія.

Ободренные этими успѣхами, враги Перикла теперь уже дерзнули нанести ему новый ударъ, который долженъ былъ тяжко оскорбить его. Его подругу жизни, прекрасную и умную Аспасію, обвинили въ презрѣніи къ богамъ и неблагопристойности. Периклъ самъ выступилъ въ защиту своей возлюбленной подруги и съ такимъ жаромъ возражалъ противъ обвиненія, что Аспасія была оправдана. Однако, противники не унимались. Чтобы привести его передъ судъ присяжныхъ, они добились того, что Периклъ долженъ былъ дать отчетъ пританамъ объ истраченныхъ имъ деньгахъ, но ставшая неизбѣжною война положила предѣлъ всѣмъ проискамъ и интригамъ.

Война. Посламъ лакедемонянъ, какъ объ этомъ была рѣчь, было отказано въ ихъ первомъ требованіи; не посчастливилось имъ и тогда, когда они явились во второй и въ третій разъ и потребовали, чтобы снята была осада Потидеи, освобождена Эгина и чтобы гражданамъ Мегары, которымъ за ихъ враждебныя чувства подъ страхомъ

смерти были запрещены всякія торговыя связи съ Аѳинами, снова разрѣшены были сношенія съ Аѳинами и ихъ колоніями.

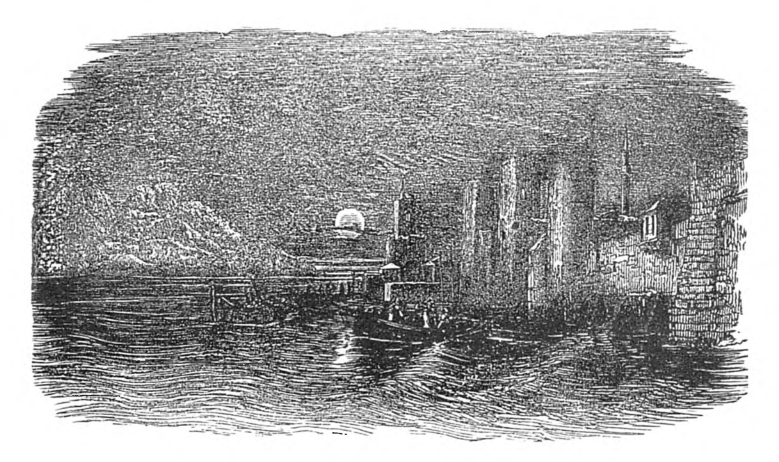
„Не объ этомъ идетъ рѣчь, — воскликнулъ Периклъ въ народномъ собраніи,—но о томъ, граждане ли мы свободнаго и могущественнаго государства; ибо если мы теперь уступимъ повелительному желанію Спарты, то скоро предъявлены будутъ новыя требованія. Если же мы теперь останемся тверды, то пелопоннесцы, быть-можетъ, опустошатъ нашу страну, но у насъ этотъ неодолимый городъ, эта крѣпкая твердыня, которую охраняетъ сама Аѳина; за-границей у насъ земли въ изобиліи, и всѣ непріятельскіе берега отданы на произволъ нашихъ флотовъ. Не сѣтуйте о потерѣ земли и домовъ; сохраняйте свои жалобы скорѣе для мужей, которыхъ сразитъ война. Дома и земли не пріобрѣтаютъ людей; послѣднимъ же легко пріобрѣсти добро и землевладѣніе. Еслибъ я думалъ, что могъ бы васъ уговорить на это,—я желалъ бы посовѣтовать вамъ самимъ опустошить свои поля, чтобы показать непріятелямъ, что вы передъ ними не отступаете. Отцы наши нѣкогда покинули дома и хозяйства свои и этотъ славный городъ. У насъ теперь больше силы: будемъ же имѣть ихъ мужество и смѣло выступимъ навстрѣчу непріятелю, чтобы мы могли передать нашимъ потомкамъ свободное и неослабленное государство“.

На дальнѣйшее требованіе пелопоннесцевъ, клонившееся къ тому, чтобы Аѳины признали самостоятельность всѣхъ греческихъ государствъ, послѣдовалъ отвѣтъ, что Аѳины будутъ защищаться противъ всякаго нападенія на свое, основанное на правѣ, могущество, и такъ какъ при вызывающемъ поведеніи лакедемонянъ война была неизбѣжною, то Перикла выбрали неограниченнымъ стратегомъ. И такъ, съ обѣихъ сторонъ рѣшились на войну, послѣ того какъ миръ длился 14 лѣтъ. Пелопоннесцы уповали на свою большую силу и боевое искусство на сушѣ, аѳиняне на свой укрѣпленный городъ, своихъ союзниковъ, какъ свободныхъ, такъ и зависимыхъ, на свои флоты и богатство въ 6,000 талантовъ (приблизительно 14 милліон. руб.), сбереженное Перикломъ, несмотря на всѣ издержки.

Первый походъ (431). Безъ предварительнаго объявленія войны, 300 ѳивянъ произвели первый ударъ, напавъ ночью на городъ Платею и проникнувъ до самой площади. Здѣсь они дожида-

лись подкрѣпленія; но буря, дождь и поднявшійся Асопъ задерживали главныя ѳивскія силы. Поэтому на ворвавшуюся кучку гоплитовъ съ наступленіемъ дня напали граждане и послѣ отчаяннаго сопротивленія перебили ее. Присланный изъ Аѳинъ гарнизонъ пока обезпечивалъ городъ отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ нападеній.

Пелопоннесцы между тѣмъ устраивали большія вооруженія на морѣ; въ то же время тронулось войско подъ начальствомъ спар-

НЫНѢШНІЙ МОДОНЪ, ДРЕВНЯЯ МЕѲОНА.

танскаго царя Архидама и медленно подошло къ пограничной крѣпости Энои у подошвы Киѳерона и, послѣ безуспѣшной осады ея, отошло въ равнину Аттики, сельское населеніе которой вмѣстѣ съ своимъ движимымъ имуществомъ укрылось въ столицѣ. Область Элевсина, ѳріасійская равнина, была опустошена; затѣмъ пошли въ Ахарны, самый значительный демъ аттической земли, къ сѣверу отъ столицы и въ небольшомъ отъ нея разстояніи, такъ что граждане могли видѣть производимыя опустошенія. Архидамъ надѣялся, что аѳиняне рискнутъ на вылазку и нападеніе, и въ самомъ дѣлѣ толпа была въ дикомъ возбужденіи. Съ громкими угрозами она требовала битвы; однако Периклъ непреклонно оставался при своей системѣ защиты. За то онъ выслалъ въ море флотъ, который совершилъ опустошительныя высадки на разныхъ пунктахъ пелопоннесскаго

побережья. На югозападной оконечности Мессеніи флотъ этотъ напалъ на плохо укрѣпленный городъ Меѳону (Модонъ), но отсюда съ урономъ прогнанъ былъ смѣлымъ спартанскимъ юношей, впослѣдствіи знаменитымъ Брасидой, который мужественно пробился черезъ высадившіяся войска и бросился въ городъ. Болѣе счастливымъ аѳинскій флотъ оказался на западномъ берегу Элиды и далѣе на сѣверъ—въ Акарнаніи, гдѣ было завоевано нѣсколько коринѳскихъ городовъ и островъ Кефалленія.

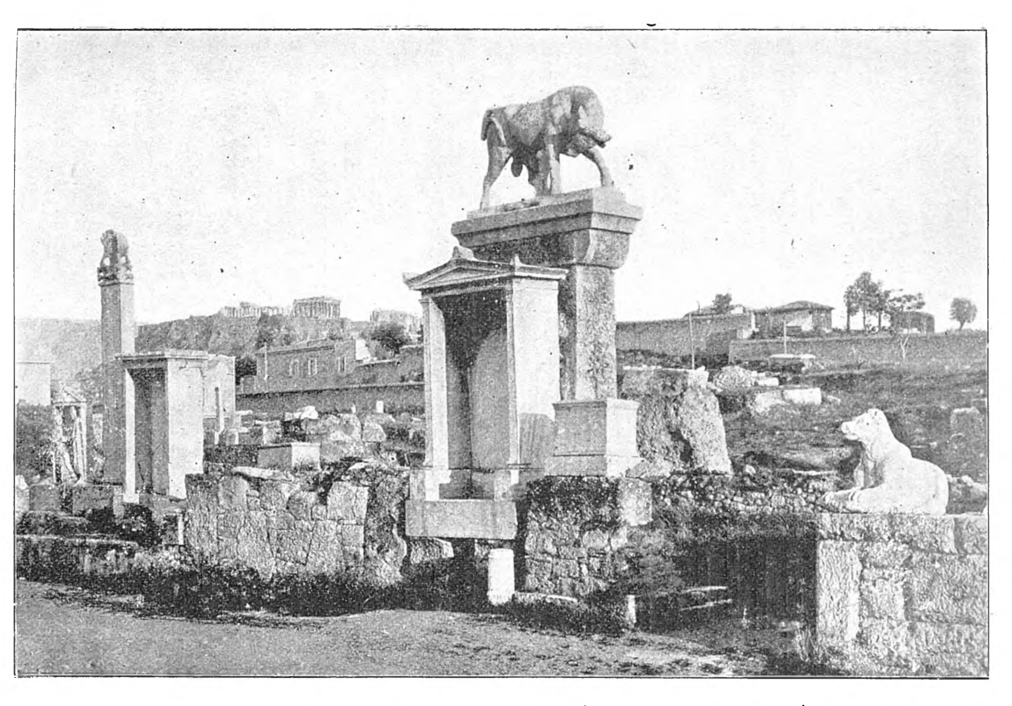
Такъ какъ аѳинскихъ полководцевъ изъ-за ихъ осторожности нельзя было склонить къ сраженію въ открытомъ полѣ и, съ другой стороны, нападеніе на сильно укрѣпленный городъ казалось совершенно не имѣющимъ шансовъ на успѣхъ, то спартанцы и ихъ союзники уже въ августѣ начали отступленіе изъ Аттики, и походъ тѣмъ самымъ на этотъ годъ окончился. Напротивъ, аѳиняне теперь тяжко отомстили жителямъ острова Эгины, оставшимся послѣ удаленія пелопоннесскаго войска вполнѣ беззащитными, за присоединеніе ихъ къ спартанскому союзу. Имъ пришлось покинуть островъ и бѣглецами искать себѣ на лаконской территоріи новыхъ мѣстъ жительства, которыя имъ и были отведены въ городѣ Ѳиреѣ. Въ не менѣе стѣсненное положеніе попали мегарцы, которые, когда на сушѣ и на морѣ напали на нихъ всѣ аѳинскія силы подъ личной командой Перикла, увидѣли свою область предоставленною полному разоренію безъ всякой защиты.

По возвращеніи флота, приступили къ погребенію воиновъ, павшихъ въ бою. Периклу поручили сказать надгробное слово. Мы отмѣтимъ нѣсколько мѣстъ изъ него: „Общественное погребеніе, — говорилъ ораторъ, — и свидѣтельства почтенія и скорби при видѣ павшихъ за отечество гражданъ громче возвѣщаютъ нашу благодарность, чѣмъ это въ состояніи сдѣлать слово. Поэтому мы могли-бы достойнѣе справить торжественный обрядъ молчаніемъ. Но обычай требуетъ рѣчи; прежде всего же я хочу говорить о нашемъ достохвальномъ государствѣ, за которое проливали свою кровь эти воины. Республика наша велика и славнѣе всѣхъ; трудами и жертвами нашихъ отцовъ она такъ расцвѣла, а мы наслаждаемся этимъ процвѣтаніемъ. Мы живемъ подъ государственнымъ устройствомъ, благодаря которому каждый гражданинъ равноправенъ передъ закономъ, въ то же время имѣя сред-

ства, благодаря собственному внутреннему достоинству, достигнуть общественнаго почета, насколько онъ въ себѣ самомъ обладаетъ талантами сдѣлаться благодѣтелемъ государства. Далѣе, у насъ всѣ средства сдѣлать себѣ жизнь пріятною; ибо здѣсь міровой рынокъ, куда стекаются произведенія отдаленнѣйшихъ странъ. Если лакедемоняне приготавливаются къ войнѣ желѣзнымъ упражненіемъ съ ранняго дѣтства, то мы доказали, что при нашихъ болѣе свѣтлыхъ обычаяхъ и привычкахъ мы приготовлены къ ней не менѣе ихъ. Такимъ образомъ мы соединяемъ интересъ къ тому, что прекрасно и пріятно, съ образомъ жизни, дѣлающимъ человѣка способнымъ къ воинскимъ напряженіямъ; мы стремимся къ образованію и обширнымъ знаніямъ, не теряя чрезъ это своей крѣпости. Мы мужественны и готовы на крайнее, потому что мы не боимся ужасовъ войны, и въ то же время умѣемъ въ полной мѣрѣ пользоваться дарами мира. Таково государство, за которое эти воины съ честью погибли на полѣ брани, дабы оно не было оскорблено въ своихъ правахъ, и за которое оставшіеся въ живыхъ также охотно будутъ терпѣть, сражаться и, если на то воля боговъ, умрутъ“.

Первый походъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ былъ довольно безуспѣшенъ; весной слѣдующаго года (430) пелопоннесцы и союзники съ двумя третями всѣхъ своихъ военныхъ силъ снова вступили въ Аттику.

Чума въ Аѳинахъ. Это вторженіе было самымъ чувствительнымъ изъ всѣхъ, такъ какъ войско на этотъ разъ разлилось по всей странѣ, которая вся была опустошена. Но къ внѣшнему врагу присоединился еще внутренній, котораго никакая стѣна не была въ состояніи удержать. Именно, въ самомъ городѣ показалась чума, не щадившая ни сословія, ни возраста, ни пола. Внутри Африки, въ Эѳіопіи, впервые появился этотъ ангелъ смерти, затѣмъ совершилъ свое дѣло разрушенія въ Египтѣ, на сѣверномъ побережьи Африки и, перейдя черезъ море, въ Сициліи и Италіи, и теперь со своими ужасами расположился надъ Аѳинами, гдѣ тѣснившаяся въ городѣ, въ пространствѣ между длинными стѣнами и въ Пиреѣ масса народа представляла удобную добычу. Ни врачи, ни заклинанія, ни жреческія освященія не могли остановить бѣдствія. Вначалѣ за больными ходили родственники и друзья; когда же ухаживавшіе за больными также были схвачены болѣзнью, когда увидѣли, что каждое прикосновеніе, каждое дуновеніе

УЛИЦА ГРОБНИЦЪ ВЪ АѲИНАХЪ (ФОТОГРАФІЯ СЪ НАТУРЫ).

сообщало болѣзнь, то прекратились всякая забота и участіе. Вокругъ колодцевъ, на открытыхъ мѣстахъ, въ портикахъ и храмахъ располагались больные, снѣдаемые жгучей жаждою; умирающіе и мертвые лежали рядомъ и часто навалены были другъ на друга. Это всеобщее несчастіе, неопредѣленность жизни, явленіе смерти всюду, куда ни обращался взоръ, измѣнили всѣ отношенія. Обладаніе состояніемъ казалось ничтожнымъ; право, законы, само государство утратили въ глазахъ отчаивавшейся толпы свою цѣнность. Ничто уже не было болѣе почтенно, ничто—священно, ничто, наконецъ, не казалось достойнымъ стремленія къ нему, кромѣ удовольствія, наслажденія мгновеніемъ, настоящимъ, за которымъ подымалась смерть. Такимъ образомъ ослаблялись всякія законныя узы, и люди въ разнузданныхъ распутствахъ искали забвенія невыносимаго состоянія. Болѣзнь длилась, хотя и не съ одинаковой силой, весь второй и третій годъ войны, пріостановилась затѣмъ на полтора года и потомъ возобновилась еще разъ, пока, наконецъ, на пятый годъ послѣ перваго своего появленія она не исчезла совершенно.

Въ это время глубочайшаго бѣдствія Периклъ оставался непотрясеннымъ и несогбеннымъ. Пока пелопоннесцы еще стояли лагеремъ въ Аттикѣ, онъ самъ повелъ сильный флотъ къ враждебнымъ берегамъ Пелопоннеса, разорилъ на далекое протяженіе область Эпидавра, Трезены и другихъ городовъ, завоевалъ и разрушилъ лаконскій городъ Прасіи. Корабли затѣмъ безъ него поплыли на сѣверъ къ Халкидикѣ, чтобъ усилить осаду Потидеи, но очень скоро и въ печальномъ состояніи вернулись въ Аѳины, такъ какъ на судахъ появилась чума; 1500 гоплитовъ погибли отъ язвы во время плаванія. Периклъ, при возвращеніи своемъ въ Аѳины, засталъ гражданъ въ большомъ возбужденіи. Во время его отсутствія, тщетно дѣлали въ Спартѣ предложенія мира, и теперь его объявили виновникомъ всѣхъ бѣдъ, отягощавшихъ какъ государство, такъ и отдѣльнаго гражданина. Народные ораторы, какъ Клеонъ, ораторъ радикальныхъ демократовъ, не бывшіе въ состояніи постигнуть его идеи, возстали противъ него, воспользовались лихорадочнымъ возбужденіемъ умовъ для того, чтобъ настроить народъ противъ его политическаго и военнаго руководства, и въ самомъ дѣлѣ добились того, что онъ не только былъ обойденъ при слѣдующихъ выборахъ полководца, но даже

за мнимое расхищеніе общественныхъ денегъ обложенъ былъ денежнымъ штрафомъ. Периклъ теперь произнесъ въ экклесіи свою послѣднюю рѣчь, полную силы и правды, въ которой онъ не извинялся, но все выставлялъ на видъ свои великія государственныя цѣли и рѣзко порицалъ народъ, который въ малодушіи при непредвидѣнныхъ несчастіяхъ не хочетъ терпѣливо ждать, пока конечная побѣда увѣнчаетъ его стойкость.

Рѣчь произвела такое глубокое впечатлѣніе, что она заставила смолкнуть ненависть его многочисленныхъ враговъ, сѣтованія скорбящихъ, крики отчаявавшихся во всякомъ счастіи. Все собраніе согласилось съ нимъ не посылать больше пословъ въ Спарту, но дожидаться лучшаго времени и, если возможно, вызвать его самимъ храбрыми подвигами. Значительнымъ большинствомъ голосовъ Периклъ снова былъ выбранъ стратегомъ на слѣдующій годъ.

Все это происходило въ то время, когда онъ и въ частной жизни своей жестоко пораженъ былъ тяжкимъ несчастіемъ. Чума уже унесла лучшихъ друзей его, его сестру, его, правда порочнаго, перваго сына Ксанѳиппа; теперь вотъ умеръ и любимый сынъ его Паралъ. Когда онъ обвилъ послѣднему голову покойницкимъ вѣнкомъ, и его самого также, до сихъ поръ съ желѣзнымъ мужествомъ выносившаго всѣ удары судьбы, одолѣла слабость человѣческой природы. Его сила сопротивленія была сломлена; чума или, по другимъ сообщеніямъ, истощительная лихорадка сразила его въ нѣсколько дней.

Смерть Перикла (429). Въ свои послѣднія минуты, когда участливые друзья окружали его ложе и говорили о его дѣяніяхъ, онъ еще сказалъ надламывающимся голосомъ: „Если мнѣ можно хвалиться чѣмъ-нибудь, такъ это тѣмъ, что ни одному аѳинянину изъ-за меня никогда не была причинена печаль“. Что Периклъ этимъ сказалъ правду, доказываетъ ходъ вещей, ибо не онъ вызвалъ пелопоннесскую войну съ ея ужасами, но послѣдняя необходимо должна была разразиться рано или поздно, если только аѳинское государство не хотѣло добровольно отказаться отъ своего высокаго положенія. Несчастный исходъ войны послѣдовалъ потому, что республика черезъ смерть своего вождя утратила твердую опору, потому, что самолюбивые демагоги

схватили вмѣсто него кормило и направили государственный корабль на опасный путь своекорыстія и мелочныхъ, другъ другу противорѣчащихъ, интересовъ. Периклу было шестьдесятъ пять лѣтъ, когда онъ смертью отозванъ былъ со сцены своихъ дѣяній.

Враждебныя дѣйствія между тѣмъ продолжались; но до конца 430 года не совершено было ничего значительнаго. Въ началѣ слѣдующаго года пришлось, наконецъ, тяжко стѣсненной голодомъ Потидеѣ сдаться; но граждане и ихъ коринѳскія вспомогательныя войска получили право свободнаго выхода съ женами и дѣтьми и нашли пристанище въ другихъ халкидскихъ городахъ, между тѣмъ какъ городъ вновь заселила аѳинская колонія.

Осада Платеи. Послѣ взятія Потидеи пелопоннесцы весной (428) вновь выступили со всѣми своими силами, но оставили Аттику, все еще страдавшую подъ бичемъ чумы, въ покоѣ, а двинулись на Платею, вѣрную союзницу Аѳинъ. Послѣ того какъ послѣдовало приглашеніе къ сдачѣ, явились платейскіе вѣстники и сказали: „Царь Архидамъ и вы, мужи изъ Лакедемона, вы совершаете тяжкую несправедливость, не достойную ни васъ, ни отцовъ вашихъ, съ враждебной силой нападая на этотъ городъ. Ибо когда Павсаній храбрымъ подвигомъ освободилъ Элладу отъ ига персовъ, онъ на площади Платеи принесъ торжественную жертву Зевсу и въ присутствіи союзныхъ побѣдоносныхъ войскъ поклялся, что городъ долженъ быть и остаться свободнымъ и независимымъ, и обѣщалъ ему защиту и покровительство противъ всякаго врага, который дерзнулъ бы угрожать ему игомъ притѣсненія. Во имя безсмертныхъ боговъ, слышавшихъ ту клятву, мы приглашаемъ васъ сохранить намъ свободу, которую обѣщали намъ ваши отцы“.

Архидамъ возразилъ, что войско выступило для освобожденія Греціи отъ аѳинскаго ига, и что требуется только, чтобы Платея для этой цѣли соединилась съ лаконцами или, по крайней мѣрѣ, оставалась не участвующею въ борьбѣ. Такъ какъ платейцы увѣряли, что это невозможно, потому что жены и дѣти ихъ въ Аѳинахъ, то царь предложилъ имъ свободный выходъ и обѣщалъ вернуть имъ въ цѣлости городъ и область по возстановленіи мира. Онъ позволилъ также гражданамъ отправить пословъ въ Аѳины. Но когда тѣ вернулись и принесли отвѣтъ, что союзница приглашаетъ вѣрно и твердо держаться до сихъ поръ испытанной

дружбы, переговоры были прерваны; гарнизонъ, состоявшій изъ 400 гражданъ и 80 аѳинянъ, сталъ готовиться къ защитѣ, непріятельское войско къ нападенію. Передъ началомъ его Архидамъ въ торжественной молитвѣ призвалъ боговъ въ свидѣтели, что платейцы сами нарушили клятву, произнесенную нѣкогда послѣ славной побѣды надъ персами на этомъ полѣ, что они, отвергая всякое справедливое предложеніе, виновны въ борьбѣ и потому заслуживаютъ божеской и человѣческой кары. Затѣмъ онъ велѣлъ вокругъ города воздвигнуть палисады изъ срубленныхъ деревьевъ и противъ самой слабой стороны соорудить насыпь, которая, мало-по-малу поднимаясь, должна была достигнуть высоты стѣны. Осажденные тотчасъ же въ этомъ мѣстѣ возвысили стѣну, подвели подкопы подъ насыпь, такъ что она провалилась, и позади своей стѣны выстроили вторую, полукругомъ, обнимавшую мѣсто, которому грозила опасность. Примѣнены были и осадныя машины; но платейцы схватывали тараны веревками и цѣпями и отбрасывали ихъ въ сторону, или же разбивали ихъ сброшенными камнями и бревнами, такъ что осада въ три мѣсяца мало подвинулась впередъ. Попытка сжечь городъ, бросивъ туда огонь, удалась лишь отчасти. Поэтому стали строить двѣ обводныхъ стѣны изъ кирпича съ брустверами и башнями, одну противъ города, вторую противъ могущаго появиться подкрѣпленія, а въ промежуточномъ пространствѣ велѣли достаточному количеству беотійскихъ и пелопоннесскихъ ратниковъ разбить себѣ лагерь, и надѣялись теперь вынудить сдачу голодомъ, такъ какъ искусствомъ и открытой силой ничего не добились. Осенью работа была окончена, и главное войско начало отступленіе.

Правда, еще менѣе счастливо, чѣмъ здѣсь пелопоннесское, было аѳинское войско въ одномъ предпріятіи противъ ѳракійскихъ городовъ, чтобъ обезпечить за собой завоеванную Потидею. Дано было сраженіе, и тутъ впервые обнаружилась важность легко вооруженныхъ и конницы при правильномъ употребленіи ихъ. Дѣло въ томъ, что хотя аѳинскіе гоплиты побѣдили непріятельскихъ, но ихъ такъ стали тѣснить превосходившіе ихъ числомъ пелтасты и конница халкиденъ, что они, вначалѣ отступая медленно, въ концѣ-концовъ въ полномъ разстройствѣ и съ большимъ урономъ бѣжали къ своему лагерю. Все войско послѣ этого пораженія снова сѣло на корабли и въ плохомъ видѣ вернулось въ Аѳины.

Формiонъ. Рѣшительное счастье, напротивъ, сопровождало аѳинское оружiе на западныхъ берегахъ. Бывшiе въ союзѣ съ Аѳинами акарнанцы разбили непрiятельское войско изъ пелопоннесцевъ, эпиротовъ и амбракiянъ. На помощь притѣсненнымъ союзникамъ вышелъ въ море могучiй флотъ Коринѳа и Сикiона. Онъ мало обращалъ вниманiя на аѳинскую эскадру въ 20 трiэръ, стоявшую на якорѣ на сѣверномъ берегу коринѳскаго залива подъ защитой вѣрныхъ мессенцевъ, въ Навпактѣ. Но вождь этой эскадры былъ Формiонъ, отважный аѳинскiй морской герой, выказавшiй свою воинскую ловкость уже при Потидеѣ. Онъ наполнилъ своихъ моряковъ и воиновъ той увѣренностью, которая одушевляла его самого, указавъ на ихъ ловкость и тактическое превосходство на морѣ и увѣряя, что имъ нѣтъ нужды отступать даже передъ совокупными морскими силами пелопоннесцевъ. Съ этой увѣренностью онъ напалъ на непрiятельскiй флотъ, прежде чѣмъ этотъ послѣднiй могъ покинуть заливъ.

А тактическое превосходство аѳинскихъ моряковъ заключалось особенно въ ловкомъ управленiи веслами, что позволяло имъ, посредствомъ быстрыхъ передвиженiй вправо и влѣво, ввести непрiятеля въ заблужденiе и, наконецъ, нанести ударъ корабельнымъ носомъ въ бока и болѣе слабыя части непрiятельскихъ судовъ.

Чтобы понять это, какъ слѣдуетъ, нужно представить себѣ строенiе греческой трiэры. Передняя часть ихъ, какъ мы видѣли на нашемъ рисункѣ Саламинской битвы, значительно загнута была вверхъ, однако не эта высоко подымавшаяся вверхъ изогнутая часть называлась корабельнымъ носомъ, но клинообразный металлическiй наконечникъ, который торчалъ либо также изогнутымъ немного вверхъ, либо горизонтально, либо же, особенно въ позднѣйшее время, загнутымъ внизъ. Переднiя части кораблей, правда, были защищены противъ разгромляющаго удара носовъ толстыми досками и металлической обивкой, но этого не было съ боковыми и задними частями, такъ какъ иначе суда сдѣлались бы слишкомъ тяжеловѣсными. Поэтому удары аѳинскихъ трiэръ постоянно производили разрушительное дѣйствiе, такъ какъ они съ большой ловкостью направлялись на незащищенныя мѣста непрiятельскихъ кораблей. Формiонъ примѣнилъ этотъ маневръ съ успѣхомъ.

Пелопоннесцы въ сомкнутомъ порядкѣ выстроились кругообразно, какъ нѣкогда эллинскiй флотъ при Артемисiѣ противъ

превосходившихъ его числомъ персидскихъ силъ. Въ этомъ положеніи они во всѣ стороны стояли фронтомъ къ непріятелю.

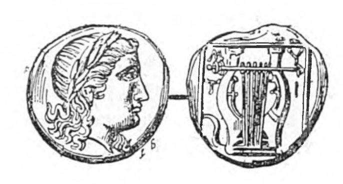
Форміонъ объѣзжалъ ихъ кругомъ, проплывая у самыхъ носовъ ихъ и грозя ворваться то тутъ, то тамъ, что вызывало среди нихъ нетвердость и безпорядокъ. Но онъ разсчитывалъ также на береговой вѣтеръ, поднимавшійся обыкновенно вскорѣ послѣ наступленія дня. Какъ только явился этотъ союзникъ и сталъ бросать непріятельскія тріэры одну на другую или разгонять ихъ, опытный въ морскомъ дѣлѣ мужъ далъ сигналъ къ нападенію. Тутъ тотчасъ же много пелопоннесскихъ кораблей было пущено ко дну, и послѣ короткаго сопротивленія весь флотъ былъ обращенъ въ бѣгство, преслѣдуемъ, взято было двѣнадцать тріэръ, которыя въ качествѣ трофеевъ были уведены къ мысу Ріону, гдѣ Форміонъ велѣлъ воздвигнуть памятникъ побѣды.

Спарта, чувствуя стыдъ за это пораженіе своихъ союзниковъ, пригласила ихъ къ новымъ, обширнымъ вооруженіямъ и отправила мужественныхъ предводителей, между ними уже названнаго храбраго и опытнаго въ войнѣ Б р а с и д у. Приплылъ флотъ изъ 77 тріэръ противъ Форміона, крейсировавшаго внѣ Ріонскаго пролива въ открытомъ морѣ, такъ какъ здѣсь онъ былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ и къ тому же ожидалъ подкрѣпленія въ 20 судовъ. Чтобъ заманить его въ проливъ, пелопоннесскія морскія силы двинулись на не защищенный Навпактъ. Этотъ маневръ имѣлъ предположенный успѣхъ. Форміонъ не хотѣлъ бросить вѣрныхъ мессенцевъ; онъ поспѣшно поплылъ вдоль сѣвернаго берега на помощь угрожаемому городу, но вдругъ у самаго берега увидѣлъ себя почти окруженнымъ непріятельскимъ флотомъ. Девять кораблей его пригнаны были къ берегу и частью потоплены, частью взяты; одиннадцать ускользнули, хотя и преслѣдуемые двадцатью пелопоннесскими, въ гавань Н а в п а к т а, причемъ послѣдній изъ нихъ подвергался опасности быть взятымъ еще у входа въ гавань. Но тамъ случайно стоялъ на якорѣ большой торговый корабль. Аѳинскій капитанъ, опытный морякъ, съ крайнимъ напряженіемъ гребцовъ завернулъ за судно и затѣмъ, налетая съ бока, съ такой силой ударилъ въ преслѣдовавшую его левкадскую тріэру, что она тотчасъ же стала тонуть. Отъ этого ближайшіе пелопоннесскіе корабли пришли въ замѣшательство; смѣлый аѳинянинъ напалъ на нихъ; Форміонъ, зоркимъ взгля-

домъ обозрѣвшій положеніе дѣлъ, поспѣшилъ на помощь, и въ короткое время различныя пелопоннесскія эскадры, по мѣрѣ того какъ онѣ прибывали на поле битвы, были разбиваемы одиннадцатью аѳинскими тріэрами и съ потерей шести кораблей обращены въ бѣгство, причемъ аѳиняне вернули себѣ свои, захваченныя уже непріятелями, суда.

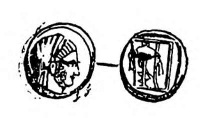
Эта побѣда показала большое превосходство аѳинянъ на морѣ и въ такой степени лишила мужества ихъ противниковъ, что они вовсе не рѣшились исполнить набросанный неутомимымъ Брасидой планъ нападенія на гавань Пирей.

Клеонъ. На четвертый годъ войны пелопоннесцы возобновили свое опустошительное вторженіе въ Аттику (428—27), и въ то же время противъ Аѳинъ возмутился важный городъ Митилене на Лесбосѣ. Казна на Акрополѣ уже совершенно истощилась; поэтому тогда впервые въ самихъ Аѳинахъ и съ союзниковъ собранъ былъ военный налогъ въ размѣрѣ двухсотъ талантовъ, и немедленно вооруженъ былъ флотъ въ сто тріэръ, часть котораго отплыла противъ Лесбоса. Послѣ тяжелой осады Митилене должна была сдаться. Случилось это какъ разъ въ то время, когда на помощь прибылъ пелопоннесскій флотъ, который, однако, теперь уже счелъ наилучшимъ искать своего спасенія въ поспѣшномъ отступленіи. Народъ завоеваннаго города мало принималъ участія въ возстаніи; то были аристократы, которымъ аѳинское господство казалось невыносимымъ и которые поэтому устроили отпаденіе. Несмотря на то, по существовавшему въ Элладѣ жестокому военному праву всѣ граждане обречены были на смерть. Аѳинскій стратегъ Пахесъ немедленно отправилъ 1000 аристократовъ въ цѣпяхъ въ Аѳины и велѣлъ спросить, какъ поступить съ остальнымъ населеніемъ.

МИТИЛЕНСКАЯ МОНЕТА.

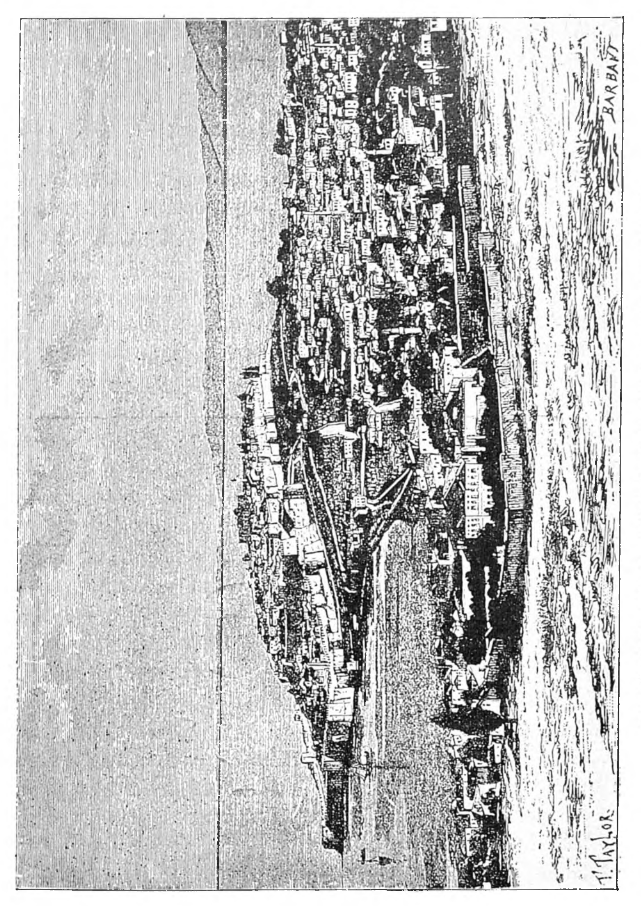
Увѣнчанная лавромъ голова Аполлона, обращенная вправо. Обратная сторона съ надписью: MATI (Μυτιληναίων). Лира съ шестью струнами, украшенная ленточкой; слѣва—плектръ, палочка изъ слоновой кости, которой ударяли струны лиры. (Серебро).

ЛЕСБОССКАЯ ГЕКТЭ.

Покрытая голова Деметры, обращенная вправо. Обратн. стор.: Треножникъ, окруженный ленточками. Вырѣзанный треугольникъ. (Электръ).

Къ этому времени въ господствующемъ городѣ, благодаря торговлѣ и ремесламъ, граждане низкаго состоянія достигли богатства и уваженія и возымѣли честолюбивое желаніе принимать участіе

ОБЩІЙ ВИДЪ ГОРОДА МИТИЛЕНЫ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

въ правленіи не только въ качествѣ пассивно подающихъ голосъ, но дѣятельными вожаками. Членамъ старинныхъ знатныхъ семей ни въ какомъ отношеніи законами не было оказываемо пред-

почтеніе; но, благодаря своимъ приверженцамъ, своему состоянію и болѣе высокому образованію, они все еще обладали значительнымъ вліяніемъ. Потерпѣвъ тяжкій ущербъ въ доходахъ съ своихъ земель и почти одни только пораженные гнетомъ тяжести новаго налога, они естественно болѣе и болѣе желали мира и становились во все болѣе рѣзкую противоположность къ мѣщанскому населенію Аѳинъ, демократическій образъ мыслей котораго все рѣзче и рѣзче заявлялъ себя. Какой-нибудь портной или перчаточникъ мнили себя въ состояніи также хорошо вести дѣла правленія, какъ прежніе руководители государства. Они сначала открывали свою мудрость товарищамъ по ремеслу и собственнымъ рабочимъ, въ подобающей мѣрѣ встрѣчая удивленіе, и затѣмъ смѣло выступали передъ народнымъ собраніемъ. Одаренные здравымъ природнымъ умомъ и, при всеобще распространенномъ образованіи, будучи не безъ опытности въ общественныхъ дѣлахъ, они иногда угадывали надлежащее и, видя мнѣніе свое принятымъ, уже считали себя немногимъ ниже Солона.

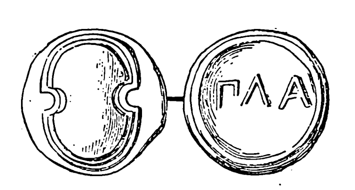
Вождемъ аѳинскаго средняго сословія по смерти Перикла выступилъ Клеонъ, зажиточный кожевникъ и торговецъ кожами. Отъ природы онъ снабженъ былъ здравымъ разсудкомъ и мощнымъ голосомъ, обладалъ порядочной говорливостью и наглостью и умѣлъ нерѣдко мѣткими словами на простонародномъ языкѣ добиться одобренія или же возбудить смѣхъ на счетъ своихъ противниковъ. Какъ прочихъ выскочекъ: торговца лампами Гипербола, торговца скотомъ Лисикла, паруснаго мастера Эвкрата, такъ и кожевника Клеона древняя комедія окатила насмѣшками. Знаменитый комикъ Аристофанъ представляетъ намъ его въ карикатурѣ лишь шумнымъ хвастуномъ, продажнымъ демагогомъ; однако, если онъ и не былъ свободенъ отъ этихъ недостатковъ, то все-таки онъ честно относился къ демократическому устройству своего родного города и всячески старался поддержать его. При совѣщаніи относительно судьбы несчастныхъ митиленцевъ этотъ Клеонъ раскрылъ свой большой ротъ и высказалъ мнѣніе, что государство такъ же не должно терпѣть возмущенія своихъ подданныхъ, какъ онъ противоборства своихъ подмастерьевъ; онъ-де въ такомъ случаѣ пускаетъ въ ходъ кнутъ, а государство должно блюсти за правосудіемъ мечомъ, чтобы на все

послѣдующее время былъ изгнанъ строптивый духъ; мятежныхъ гражданъ поэтому слѣдуетъ наказать смертью, женщинъ и дѣтей продать въ рабство.

Эти жестокіе доводы встрѣтили одобреніе, и былъ отправленъ корабль передать стратегу рѣшеніе народа. Но когда собраніе разошлось и граждане между собой стали обсуждать это мѣропріятіе, вспоминать о прежнихъ связяхъ съ несчастнымъ городомъ, объ узахъ гостепріимства, которыми они соединены были съ нимъ, замѣтно стало чувство состраданія, и всеобщее настроеніе требовало второго обсужденія. Магистраты вняли ему и на слѣдующее утро созвали новое собраніе.

Тщетно здѣсь Клеонъ требовалъ сохраненія рѣшенія, потому что оно соотвѣтствуетъ-де существующимъ военнымъ законамъ и справедливо; тщетно осуждалъ онъ состраданіе, какъ слабость, колебаніе, какъ дѣло не политичное: Діодотъ, ораторъ противной партіи, высказался за болѣе мягкое обхожденіе съ отпавшими и доказалъ, что такими безчеловѣчными мѣрами вовсе не предотвращаются возстанія, но мятежники понуждаются къ отчаянному сопротивленію. Поэтому первое опредѣленіе было объявлено не имѣющимъ силы, и рѣшено помилованіе города; только для плѣнныхъ аристократовъ остался въ силѣ смертный приговоръ. Второму кораблю поручено было передать это извѣщеніе, и экипажъ гребъ съ такимъ напряженіемъ, что прибылъ еще во-время, чтобы предотвратить кровавое исполненіе перваго рѣшенія.

Разрушеніе Платеи. Пелопоннесцы, между тѣмъ, все время осаждали Платею. Стѣсненные граждане видѣли, что ихъ съѣстные припасы выходятъ, а нигдѣ никто не показывался на помощь или на выручку. Тогда часть ихъ приняла рѣшеніе проложить себѣ дорогу черезъ двойную стѣну осадныхъ сооруженій и сквозь середину осаждающихъ и благополучно выполнила его умно и съ большой смѣлостью. Вооруженные луками и метательными копьями и снабженные лѣстницами, они въ бурную зимнюю ночь, въ дождь и снѣжную мятель влѣзли на первую стѣну, напали на стражу

ПЛАТЕЙСКАЯ МОНЕТА.

Беотійскій щитъ. Обр. стор.: ΠΛΑ (Πλαταιέων) на полѣ. (Бронза).

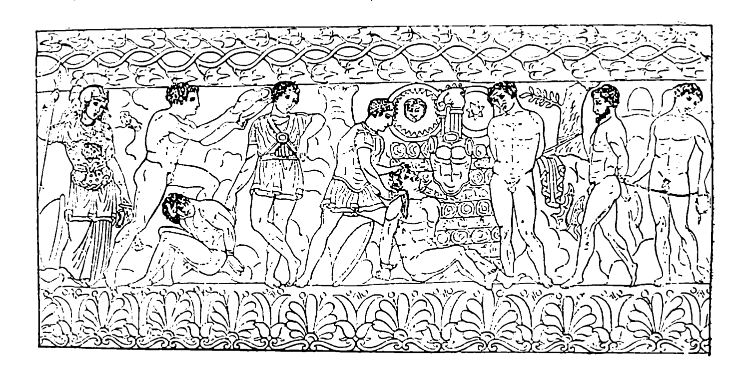
двухъ ближнихъ башенъ, умертвили ее, оставили тамъ нѣсколько своихъ воиновъ, чтобы удержать обходившихъ стѣны караульныхъ отъ преслѣдованія, и благополучно выбрались, наконецъ, сквозь лагерь и черезъ внѣшнюю стѣну въ открытое поле, между тѣмъ какъ вспугнутые осаждающіе мнимымъ нападеніемъ изъ города заняты были въ другомъ мѣстѣ. Какъ разъ когда оставшіеся для защиты завоеванныхъ башенъ платейцы сходили съ внѣшней стѣны, пришли караульные съ факелами, но стоявшими уже внѣ стѣнъ воинами были осыпаны такимъ градомъ стрѣлъ, что не могли и думать о преслѣдованіи. Благодаря этому, небольшому, но рѣшительному отряду удалось, подъ охраной темноты, благополучно перейти и внѣшній ровъ, покрытый тонкимъ льдомъ. Онъ не сразу направился прямой дорогой въ Аѳины, но сначала прошелъ по дорогѣ въ Ѳивы, свернулъ затѣмъ въ горы и лѣса и обходными путями, наконецъ, достигъ воротъ дружескихъ Аѳинъ, гдѣ былъ принятъ съ раскрытыми объятіями.

Такимъ образомъ храбрымъ боевымъ подвигомъ спаслись отважные люди, чтобы сохранить въ своемъ родѣ память о славной Платеѣ. Оставшіеся граждане, по выходѣ всѣхъ припасовъ, должны были сдаться и нашли у жестокихъ побѣдителей не милость, а смерть. До 200 платейцевъ и 25 аѳинянъ были казнены поодиночкѣ, и городъ затѣмъ былъ сравненъ съ землей.

Звѣрства на Коркирѣ. Еще болѣе кровавыя звѣрства совершились около этого времени (427) на Коркирѣ, гдѣ аристократы, подкупленные Коринѳомъ, сдѣлали попытку переворота, но послѣ ожесточенныхъ схватокъ побѣждены были яростью толпы. Страшную картину развертываемъ мы здѣсь передъ нашими читателями, и мы дѣлаемъ это съ неохотой; впрочемъ, съ подобными явленіями мы встрѣчаемся также въ новой и въ новѣйшей исторіи.

Въ Коркирѣ аристократы, какъ сказано, пытались захватить господство, между тѣмъ какъ, благодаря вліянію могущественныхъ на морѣ аѳинянъ, въ дѣйствительности имѣла верхъ народная партія. Они добились постановленія, которымъ островъ объявлялся нейтральнымъ. Раздраженные большими денежными штрафами, къ которымъ приговорены были нѣсколько ихъ вождей, они вскорѣ послѣ этого приступили къ открытому насилію и въ собраніи совѣта зарѣзали кинжалами болѣе шестидесяти самыхъ уважаемыхъ

демократовъ. Они преслѣдовали свою побѣду вооруженными нападеніями на кучи народа, чѣмъ было разнуздано ужаснѣйшее неистовство партій. Когда они со своими наемниками въ концѣ концовъ побѣждены были толпой, они на площади подожгли свои же дома и повергли весь городъ въ крайнюю опасность. Никостратъ, аѳинскій стратегъ, крейсировавшій передъ островомъ

СЦЕНА РѢЗНИ

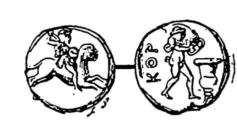
(ОБЛОМОКЪ ЦИСТЫ ИЗЪ ПРЕНЕСТЕ).

Въ срединѣ возвышается костеръ Патрокла, покрытый оружіемъ героя; грекъ, слѣва, приноситъ туда его наножники. Кровавое жертвоприношеніе уже началось: Ахиллесъ собственноручно зарѣзаетъ плѣннаго троянца. Другіе, со связанными за спиной руками, удерживаемые греками или привязанные къ деревьямъ, ожидають той же участи. Аѳина, стоя налѣво, присутствуетъ при этой сценѣ. См. Иліаду XXIII, 175 и сл.

съ эскадрой въ двѣнадцать кораблей, угрозами вынудилъ примиреніе и тѣсный союзъ съ Аѳинами. Но этому противорѣчили 400 аристократовъ, которые искали себѣ защиты отъ кровожадныхъ шаекъ своихъ противниковъ въ храмѣ Геры. Когда же явился многочисленный пелопоннесскій флотъ подъ командой адмирала Алкиды и обратилъ въ бѣгство коркирскій, напавшій на него безъ порядка, партія знати снова ободрилась и съ своей стороны начала дѣло мщенія. Но въ это время стали показываться аѳинскіе вымпеля тамъ и сямъ все больше и больше: то былъ могучій флотъ подъ начальствомъ Эвримедонта, передъ которымъ пелопоннесцы тотчасъ же отступили. Тогда началась, и притомъ на глазахъ аѳинскаго предводителя, самая дикая борьба, а затѣмъ, когда аристократы были побѣждены, рѣзня и преслѣдованіе. Ни старыя

права, ни дружба, ни родство, ни храмъ или алтарь не охраняли бѣглецовъ: только партійный интересъ имѣлъ значеніе. Въ дикой страсти жители свирѣпствовали другъ противъ друга подобно выпущеннымъ на волю звѣрямъ. Даже женщины вмѣшивались въ бой, сбрасывали черепицы съ крышъ и, лишенныя всякой робости женской природы, принимали дѣятельное участіе въ сценахъ безчеловѣчныхъ звѣрствъ. Несчастныхъ, находившихся въ храмѣ Геры, частью выманивали изъ него обманчивыми обѣщаніями и затѣмъ задушали, частью же убивали стрѣлами въ самомъ святилищѣ или понуждали къ отчаянному самоубійству. Семь дней и ночей свирѣпствовало убійство безъ перерыва. Однако 500 аристократамъ удалось убѣжать: они укрѣпились на близъ лежащей крутой горѣ и оттуда угнетали городъ разореніемъ полей. Съ помощью экипажа одного аѳинскаго флота они, наконецъ, принуждены были сдаться (425), но подъ условіемъ, что ихъ выдадутъ Аѳинамъ. Но обманчиво вызванная попытка бѣгства отдала ихъ въ руки ихъ противниковъ, и тогда стало свирѣпствовать убійство между несчастными жертвами партійной ненависти, которыхъ заперли въ большомъ зданіи. Всю ночь слышны были стоны раненыхъ и предсмертные крики умирающихъ. На утро трупы увозились кучами.

Одичаніе нравовъ. Съ содроганіемъ смотрѣла вся Эллада на происшествія въ Коркирѣ; но подобное положеніе вещей все болѣе и болѣе стало наступать и въ большей части государствъ и городовъ. Среди ужасовъ войны одичали нравы. Борьба за гегемонію стала борьбой за принципы. Образовались гетеріи или тайныя общества политическихъ единомышленниковъ. Законъ и право, національность и отечество и, наконецъ, религія утратили свою цѣну: партійная ненависть усиливалась до политическаго фанатизма. Побѣда партіи была цѣлью стремленій, хотя бы отъ этого и погибло государство, хотя бы исчезли всѣ узы порядка. „Долой демагоги и правленіе черни!“—было лозунгомъ на одной сторонѣ; „смерть олигархамъ и ихъ приверженцамъ!“—было паролемъ на другой. „Пощада — трусость, вѣрность — слабость!“—такъ проповѣдывали уже не тайкомъ, но безъ страха и въ совѣтѣ, и въ народномъ собраніи, и если и не всюду послѣд-

КОРКИРСКАЯ МОНЕТА.

Вакхъ съ ѳирсомъ на пантерѣ, скачущей вправо. Обр. стор. КОР Κορκυραίων). Сатиръ, несущій на плечѣ козій мѣхъ и выливающій содержимое въ большой кратеръ (Бронза).

ствіемъ были такія звѣрства, какъ на Коркирѣ, то государства всетаки болѣе или менѣе приводились въ замѣшательство и испытывали бѣдствія; „и это будетъ постоянно и всюду при партійной борьбѣ“, говоритъ Өукидидъ, историкъ того времени, „покуда человѣческая природа останется той же, только, смотря по перемѣннымъ случайностямъ событій, то рѣзче, то мягче. Въ мирное время и въ счастливыхъ обстоятельствахъ государства и граждане питаютъ болѣе мягкія мысли, потому что они не попали въ нужду; война же, мѣшающая спокойному наслажденію жизнью,—суровая учительница и настраиваетъ страсти по обстоятельствамъ минуты. Такъ въ городахъ свирѣпствовала партійная борьба, и гдѣ она разражалась позже, тамъ она вслѣдствіе прежнихъ событій принимала болѣе пагубный характеръ, какъ отъ злобы при нападеніи, такъ и отъ дикой ярости мщенія“.

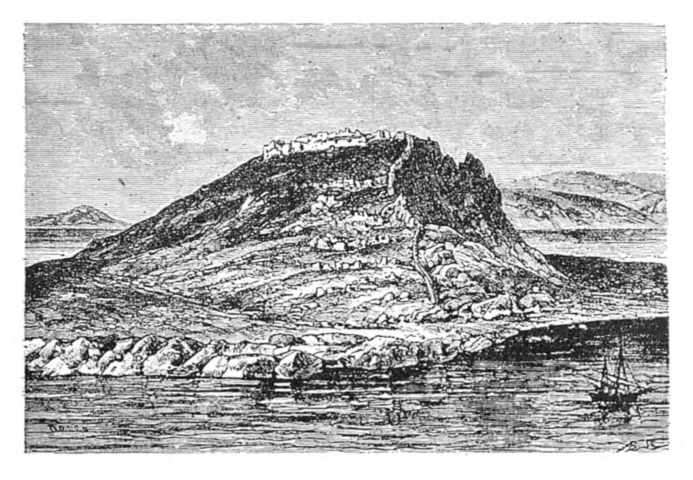
Истинность изреченія древняго историка нашла себѣ подтвержденіе въ различныхъ случаяхъ и въ новое время и вѣроятно сохранится во всѣ времена.

Менѣе злодѣйски и преступно, чѣмъ на Коркирѣ, велась борьба въ Аөинахъ, несмотря на превосходство силъ крайней демократіи. Тамъ, въ народномъ собраніи, вырывались, пожалуй, жестокія и рѣзкія слова, не было недостатка и въ бурныхъ сценахъ, когда партіи сталкивались между собой въ острыхъ словопреніяхъ; но въ остальномъ законный порядокъ оставался ненарушеннымъ.

Никія и Демосөенъ. Человѣкомъ законности, какъ и внѣшняго и внутренняго спокойствія, былъ особенно честный Никія, котораго умѣренная партія богатыхъ землевладѣльцевъ и друзей мира противоставила страстному и честолюбивому Клеону и его единомышленнымъ приверженцамъ. Онъ былъ очень свѣдущъ въ обыкновенномъ способѣ веденія войны и имѣлъ рѣшительное счастіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, хотя и не выказалъ особеннаго таланта, какъ полководецъ. Его законность, неподкупность и набожность, какъ и значительное состояніе, доставляли ему большое вліяніе, но при нетвердости всего его поведенія, при недостаткѣ въ самоувѣренности и при преувеличенной боязни энергично и опредѣленно вмѣшиваться въ политическую жизнь, онъ мало годился къ тому, чтобы съ успѣхомъ противиться энергической оппозиціи какого-нибудь Клеона.

Предпріимчивостью и боевымъ счастьемъ слишкомъ разсчетли-

вый мужъ далеко превзойденъ былъ дѣятельнымъ Демосѳеномъ. Послѣдній, правда, въ походѣ внутрь Этоліи потерпѣлъ тяжкое пораженіе отъ ловкихъ и легко вооруженныхъ горцевъ, но исправилъ свою ошибку, разбивъ во главѣ мессенцевъ изъ Навпакта и воинственныхъ акарнанянъ далеко превосходящія силы пелопоннесцевъ и амбракіянъ въ двухъ сраженіяхъ, при Ольпахъ и у горы Идомены, къ востоку отъ амбракійскаго залива, такъ сильно, что почти вся молодежь Амбракіи легла на полѣ брани.

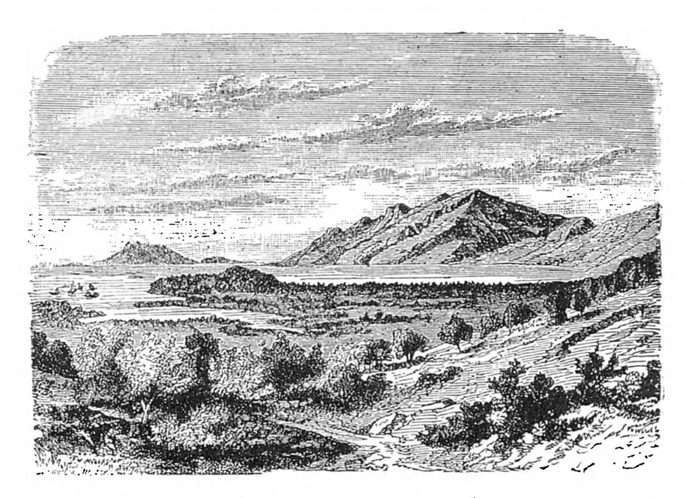
ВИДЪ ПИЛОСА (РИС. ПО ФОТОГРАФІИ).

Съ большими почестями и въ предшествіи несенныхъ, захваченныхъ въ добычу, доспѣховъ онъ въѣхалъ послѣ этой побѣды въ Аѳины.

Сфактерія. Демосѳенъ теперь былъ тотъ герой, на котораго всѣ граждане смотрѣли съ удивленіемъ и довѣріемъ. Весной 425 г. новый флотъ аѳинянъ, силой въ 40 кораблей, подъ начальствомъ Эвримедонта и Софокла вышелъ въ море, чтобы подать помощь Коркирѣ, тѣснимой вооруженными аристократами и 60 пелопоннесскими тріэрами. Къ этой морской экспедиціи присоединился Демосѳенъ, какъ частное лицо, но отъ народа онъ снабженъ былъ особыми полномочіями. Поплыли вдоль берега вокругъ Пелопоннеса и добрались до Пилоса, гдѣ въ древнее время

имѣлъ свою царскую резиденцію сѣдой Несторъ и гдѣ въ Наринской гавани 20 октября 1827 г. дано было большое морское сраженіе для освобожденія нынѣшней Эллады.

Къ югу отъ Пилоса, вдоль голаго скалистаго берега, простирается узкій островъ Сфактерія (теперь Сфагія). Когда флотъ шелъ черезъ морской проливъ между островомъ и материкомъ, нѣсколько мессенцевъ изъ Навпакта указали на одно узкое мѣсто, окруженное высокими, крутыми скалами, какъ годное для

ВИДЪ СФАКТЕРІИ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

пристани, и сказали, обращаясь къ Демосѳену, что здѣсь мысъ Корифасій, древній пилосскій замокъ, тамъ-де могущественныя на морѣ Аѳины могли бы соорудить удобную станцію для своихъ судовъ и крѣпкій замокъ для мессенскихъ бѣглецовъ на ихъ родинѣ. Осмотрительный полководецъ тотчасъ же убѣдился, какъ правильно это замѣчаніе, и велѣлъ остановиться. Но когда онъ сообщилъ о предложеніи начальникамъ флота, не особенно къ нему расположеннымъ, онъ встрѣтилъ рѣшительное противорѣчіе, и даже офицеры и прочіе воины, къ которымъ онъ обратился по аѳинскому обычаю, высказались противъ него. Плаваніе снова продолжалось; но сильная буря скоро

отогнала эскадру обратно въ бухту. Непогода длилась нѣсколько дней; тогда моряки и гоплиты, сначала со скуки, потомъ съ возрастающимъ усердіемъ, по наставленію Демосѳена, начали притаскивать камни и скучивать ихъ въ видѣ киклопической стѣны безъ цемента. Впрочемъ, природа сама изъ скалъ и отвѣсныхъ утесовъ выстроила въ этомъ мѣстѣ крѣпкую твердыню, лишь мало нуждавшуюся въ помощи руки человѣка; тамъ же, также изъ голыхъ скалъ, вытекалъ прозрачный и обильный ключъ. Въ шесть дней сооружены были не только стѣны, но и кровъ для гарнизона и отвезены на берегъ необходимые запасы.

Осталось здѣсь пять тріэръ подъ командой Демосѳена, и экипажъ ихъ, нѣсколько сотенъ тяжело и легко вооруженныхъ, нѣкоторое число моряковъ и 40 мессенскихъ гоплитовъ составили гарнизонъ этой твердыни, предназначенной оказать сопротивленіе лакедемонскимъ силамъ.

Защита спартанцевъ. Когда вѣсть о случившемся достигла Спарты, тамъ вначалѣ не нарушали своего традиціоннаго пріятнаго покоя и не прерывали отправленія празднествъ. Но вскорѣ послѣ этого изъ Аттики вернулся царь Агисъ (Агидъ) съ войскомъ, и тогда стало казаться слишкомъ позорнымъ терпѣть врага въ собственной странѣ. Царь поэтому съ многочисленнымъ войскомъ двинулся на новую твердыню, и пелопоннесскій флотъ, бывшій силой въ 43 корабля, также получилъ приказъ поспѣшно вернуться съ Коркиры. Итакъ, на сушѣ и на морѣ собирался превосходящій силами непріятель вокругъ смѣлаго Демосѳена, который, послѣ того какъ тріэры его вытащены были на землю, съ большой осмотрительностью разставилъ вооруженныхъ людей для защиты больверка въ сторону суши и въ сторону моря.

Самое сильное нападеніе послѣдовало со стороны флота у узкой пристани. Эскадра за эскадрой тѣснилась къ этому мѣсту; названный уже нѣсколько разъ Брасида крикнулъ морякамъ, боявшимся подводныхъ камней: „Пусть жалкія доски разобьются о скалы, если мы только твердой ногой станемъ на сушѣ и достигнемъ врага копьемъ и мечомъ“. Съ этими словами онъ на своей тріэрѣ присталъ къ берегу и попытался впереди всѣхъ достигнуть суши. Но аѳинскіе защитники направили на него всѣ свои стрѣлы со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ, наконецъ, обливаясь кровью отъ многихъ ранъ, безъ чувствъ свалился съ па-

лубы въ трюмъ, между тѣмъ какъ щитъ его упалъ за бортъ и сдѣлался добычей побѣдоносныхъ аѳинянъ.

Всѣ попытки высадиться разбились о храбрую оборону. Поэтому лакедемоняне теперь рискнули на нападеніе съ суши; они нарубили деревьевъ для осадныхъ орудій и въ то же время тѣсносомкнутыми тріэрами заперли какъ сѣверный, такъ и южный входъ къ проливу или скорѣе къ заливу противъ могущаго возвратиться аѳинскаго флота. Отборная рать въ 420 гоплитовъ, изъ нихъ 120 собственно спартіатовъ, высадилась на островѣ Сфактеріи, чтобы и съ этой стороны сдѣлать невозможнымъ для опасныхъ морскихъ силъ Аѳинъ всякое приближеніе.

Во время этихъ приготовленій отъ Закинѳа прибылъ аѳинскій флотъ въ 50 кораблей. На слѣдующій день онъ предложилъ непріятелю битву въ открытомъ морѣ; когда же вызовъ оставленъ былъ безъ вниманія, онъ самъ двинулся впередъ, силой пробился въ гавань, несмотря на то, что входъ въ нее былъ запертъ, и наткнулся на непріятельскій флотъ, не готовый еще къ бою. Дошло до сраженія, въ которомъ аѳиняне опять одержали верхъ; да они взяли бы большую часть пелопоннесской эскадры, еслибы гоплиты не вошли съ берега въ море, чтобы защитить тріэры и привести ихъ въ безопасное мѣсто, что, наконецъ, и удалось ихъ мужеству и самоотверженной храбрости. Тѣмъ не менѣе побѣда аѳинянъ была полная, и съ гордой осанкой плыли они вокругъ Сфактеріи, спартанскій гарнизонъ которой они уже считали своей добычей.

При такомъ положеніи вещей на лакедемонянъ нашло вообще малодушіе и безпомощность. Были призваны сами эфоры; но и они смущенно глядѣли въ сторону запертаго непріятелемъ острова и покачивали сѣдыми головами, изъ которыхъ, однако, не желала выскочить счастливая мысль. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы съ смѣлымъ духомъ испробовать крайнія средства на сушѣ и на морѣ, они заключили перемиріе и на все время его отдали въ руки непріятелей свои тріэры, какъ залогъ своего миролюбія, за что было обѣщано прокормленіе запертыхъ на островѣ воиновъ. Послѣ этого они отправили въ Аѳины пословъ съ умѣренными предложеніями мира.

Успѣхи Клеона. Въ Аѳинахъ ликованіе по поводу этой удачи было велико. Клеонъ, все еще стоявшій во главѣ государства,

ужасно хорахорился во время переговоровъ. Онъ говорилъ, что нужно, на сколь возможно, пользоваться достигнутымъ преимуществомъ, ставилъ самыя неумѣренныя требованія, прежде всего выдачу запертыхъ спартіатовъ, и опьянѣлый побѣдою народъ разрѣшилъ всѣ его предложенія. Послы, не могшіе согласиться на это, вернулись, ничего не добившись. Аѳинскіе стратеги въ Пилосѣ не отдали обратно лакедемонскихъ тріэръ, но не могли помѣшать тому, чтобъ гарнизонъ Сфактеріи въ темныя ночи ловкими пловцами и лодочниками не снабжался съѣстными припасами, и тѣмъ разстроивался планъ голодомъ принудить его къ сдачѣ. Въ то же время самъ флотъ аѳинскій страдалъ отъ недостатка воды въ пустынной мѣстности, и приближалась зима съ ея бурями. Поэтому Демосѳенъ велѣлъ въ Аѳинахъ просить подкрѣпленія, такъ какъ-де войска его не хватаетъ для завоеванія даннаго мѣста вооруженною силой.

Это требованіе удивило гражданъ. Ожидали легкаго и быстраго успѣха, а теперь видѣли себя далекими отъ цѣли. Всеобщее негодованіе прежде всего обратилось на Клеона, который своими требованіями помѣшалъ заключенію мира. Но онъ заговорилъ обычнымъ своимъ грубымъ образомъ. „Да",—воскликнулъ онъ,— „вотъ они прекрасные мужи, расхаживающіе съ конскимъ хвостомъ и султанами: много обѣщаютъ, да мало исполняютъ. Еслибы во главѣ стояли люди моего покроя, то живо бы поколотили непріятелей". Никія сейчасъ же подхватилъ это слово. Сперва было постановлено отправить комиссію на мѣсто, чтобы убѣдиться въ необходимости помощи. Для этого выбрали Клеона, который однако объявилъ это безполезной тратой времени; тогда Никія предложилъ передать упрямому хвастуну главное начальство и взялся, такъ какъ самъ онъ былъ избранъ стратегомъ, уступить ему свою должность. Тщетно противился не ожидавшій этого кожевникъ, говоря, что военное ремесло не его дѣло; всеобщимъ провозглашеніемъ онъ назначенъ былъ стратегомъ. Тогда пробудилась его смѣлость. Онъ объявилъ, что въ 20 дней доставитъ въ Аѳины запертыхъ воиновъ живыми или мертвыми, и тотчасъ же приступилъ къ осматриванію войскъ, которыя онъ долженъ былъ вести къ Сфактеріи. Онъ съ осмотрительностью выбралъ легко-вооруженныхъ и стрѣлковъ изъ лука и добился назначенія Демосѳена его товарищемъ по командованію. Спустя

немного дней, приготовленія были окончены, и онъ отплылъ къ мѣсту своего назначенія.

Незадолго до его прибытія туда, пожаръ обратилъ въ пепелъ лѣсъ на Сфактеріи и тѣмъ облегчилъ нападеніе. Послѣднее вскорѣ затѣмъ и было приведено въ исполненіе. Приблизительно 800 аѳинскихъ гоплитовъ и въ три раза большее количество легковооруженныхъ съ луками, метательными копьями и пращами благополучно высадились. Выставленные сторожевые посты пали послѣ короткаго сопротивленія; спартанцы же, еще около 390 человѣкъ, выступили противъ главныхъ силъ непріятеля. Но имъ не удалось сражаться сомкнутымъ строемъ, такъ какъ стрѣлки изъ лука и метатели копій нападали на нихъ со всѣхъ сторонъ съ своимъ метательнымъ оружіемъ, избѣгали всякаго серьезнаго столкновенія, разсѣевались, возвращались и истощали всѣ средства, чтобы утомить непріятеля.

Тѣснимая кучка, однако, выказала себя достойною спартанскаго имени. Она упорно пренебрегала метательнымъ оружіемъ, солнечнымъ зноемъ и всѣми лишеніями, пока вожди не увидѣли, что въ открытомъ полѣ всѣмъ гоплитамъ пришлось бы погибнуть, какъ безоружнымъ людямъ. Тогда они распорядились отступленіемъ на окруженную скалами и пропастями плоскую возвышенность, куда неутомимые стрѣлки не могли подойти. Въ этомъ положеніи они скоро увидѣли, что подступаютъ отдохнувшіе, въ три раза превосходящіе ихъ аѳинскіе гоплиты для сраженія вблизи. Но здѣсь они были на своемъ мѣстѣ и оправдали превосходство спартанскаго оружія. Въ бурномъ сраженіи они отбили многократныя нападенія и побѣдоносно держались большую часть дня. Но, наконецъ, въ тылу ихъ поднялся крикъ: тамъ мессенскіе воины прошли по почти недоступнымъ утесамъ и выше лежащимъ скаламъ и теперь и съ той стороны угрожали храбрецамъ, обливавшимся уже кровью отъ множества ранъ и совершенно истощеннымъ. Они опустили оружіе въ знакъ того, что они желаютъ переговоровъ. По просьбѣ ихъ, съ материка призваны были спартанскіе вѣстники, осмотрѣли положеніе своихъ земляковъ и принесли имъ наконецъ позволеніе позаботиться о себѣ по свободному выбору, но съ честью для себя. Уступая необходимости, они сдались побѣдителямъ, выдавъ свое оружіе, что еще никогда не было сдѣлано спартіатами. Такимъ образомъ, Клеонъ могъ

сдержать слово и въ качествѣ побѣдителя вести съ собой въ Аѳины захваченный въ плѣнъ гарнизонъ Сфактеріи, всего 292 гоплита, изъ нихъ 120 спартіатовъ. Этому подвигу дивились не только въ Аѳинахъ, но и во всей Элладѣ; а спартанскія войска утратили такъ долго удержанную славу непобѣдимости. Клеонъ стоялъ тогда на верху своей славы и своего политическаго могущества.

Вся война приняла теперь другой оборотъ; Аѳины стали стороной нападающей, пелопоннесскіе союзники старались только отражать удары своихъ противниковъ. Никія, Демосѳенъ, Гиппократъ и другіе стратеги дѣлали опустошительныя вторженія и важныя завоеванія въ коринѳской области, въ Лаконикѣ, гдѣ они заняли островъ Киѳеру на южномъ берегу, въ Локридѣ, въ Акарнаніи и въ другихъ мѣстностяхъ. Даже Нисея, гавань Мегары, попала въ ихъ руки, и чуть не самый городъ этотъ, только благодаря энергичному Брасидѣ оставшійся сохраненнымъ отъ занятія непріятелемъ. Перикловы идеи о гегемоніи Аѳинъ надъ всѣми эллинскими государствами, казалось, должны были осуществиться.

Это счастливое продолженіе войны, однако, скоро задержано было событіями въ Беотіи и Ѳракіи. Аѳиняне рѣшили наказать беотійцевъ за часто ими производившіяся вторженія въ Аттику, заложить на ихъ территоріи крѣпость, при помощи которой они могли бы сдерживать враждебныхъ сосѣдей, и въ то же время въ беотійскихъ городахъ отдать господство въ руки демократовъ. Съ большой ратной силой, именно съ 7,000 гоплитовъ и болѣе 20,000 легк.-вооруженныхъ, они двинулись (424) подъ начальствомъ Гиппократа въ Делій, мѣстечко съ храмомъ Аполлона на значительномъ холмѣ у самаго моря. Здѣсь вокругъ святилища и принадлежащихъ къ нему дворовъ наскоро былъ проведенъ сильный земляной валъ со рвомъ и палисадами и помѣщенъ тамъ гарнизонъ, послѣ чего войско начало отступленіе. Между тѣмъ поднялась совокупная сила изъ всѣхъ беотійскихъ городовъ, чтобы принудить непріятелей еще до возвращенія ихъ къ битвѣ. Аѳиняне, не думая убѣжать тайкомъ, построились, какъ обыкновенно, восьмью членами; ѳивяне же, образовавшіе правое крыло, расположились подъ начальствомъ опытнаго въ войнѣ Пагонды узкимъ строемъ, но густотой въ 25 человѣкъ. Би-

ОСТРОВЪ КИѲЕРА (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

лись съ такимъ ожесточеніемъ, что воины сталкивались другъ съ другомъ щитами. Въ концѣ концовъ перевѣсъ взялъ мощный натискъ беотійцевъ и яростное нападеніе конницы; аѳиняне понесли тяжкое пораженіе и вскорѣ также должны были сдать самый Делій, потому что побѣдители только подъ этимъ условіемъ разрѣшали погребеніе павшихъ воиновъ.

Брасида во Ѳракіи. Еще большія потери нанесены были аѳинскому господству во Ѳракіи Брасидой, снова оправившимся отъ ранъ, полученныхъ подъ Пилосомъ. Этотъ человѣкъ, можетъ быть, единственный вождь въ Спартѣ, имѣвшій мужество и способность къ дальнимъ и дальновиднымъ предпріятіямъ, въ своихъ отважныхъ планахъ всюду испытывалъ сопротивленіе эгоистическаго правительства. Приглашаемый македонскимъ царемъ Пердиккой и эллинскими городами Халкидики, онъ, наконецъ, не безъ труда получилъ позволеніе на предпріятіе въ отдаленную страну. Небольшое войско его въ 1700 гоплитовъ состояло не изъ гражданъ, но изъ 700 отборныхъ гелотовъ, снабженныхъ тяжелымъ вооруженіемъ, и изъ 1,000 навербованныхъ пелопоннесцевъ. На пути онъ, какъ уже вкратцѣ упомянуто, отбилъ аѳинянъ отъ Мегары; затѣмъ онъ прошелъ черезъ Ѳермопилы, у выхода которыхъ онъ нашелъ ласковый пріемъ во вновь основанной лакедемонской колоніи Гераклеѣ. Послѣ этого онъ повелъ свои дружины по долинамъ и равнинамъ расположенныхъ къ аѳинянамъ ѳессалійцевъ, гдѣ онъ осторожно и ловко сумѣлъ избѣжать всякаго враждебнаго столкновенія, затѣмъ далѣе черезъ опасные горные проходы Олимпа. По ту сторону ихъ его ожидалъ царь Пердикка, который старался завербовать его для военныхъ предпріятій противъ своихъ враждебныхъ сосѣдей. Брасида, нуждаясь въ македонскомъ союзникѣ, противъ воли согласился на это приглашеніе. Когда же непріятели сдѣлали предложенія о мирномъ соглашеніи, онъ тотчасъ же принялъ ихъ, чтобы немедленно привести въ исполненіе свои планы противъ аѳинскихъ владѣній во Ѳракіи. Прежде всего онъ обратился противъ халкидскаго города Аканѳа на Стримоновомъ заливѣ, на перешейкѣ полуострова Акте. Народъ, какъ почти всюду, не былъ недоволенъ аѳинскимъ владычествомъ, аристократы, напротивъ, стремились къ независимости. Тогда Брасида самъ въ качествѣ вѣстника подступающихъ военныхъ силъ предсталъ предъ собравшимися гражданами и въ про-

стой, подкупающей рѣчи представилъ имъ, что онъ-де пришелъ принести имъ не другое иго, но свободу, достойную эллиновъ, ихъ драгоцѣннѣйшее благо. Эта рѣчь, какъ и вся личность извѣстнаго съ похвальной стороны мужа склонили гражданъ къ принятію предложенія; ворота были отворены и спартанское войско вступило безъ удара меча. Примѣру Аканѳа послѣдовалъ сосѣдній, расположенный дальше вверхъ Стагиръ.

Теперь нужно было пріобрѣсти Амфиполь, важнѣйшій городъ аѳинскихъ владѣній во Ѳракіи. Въ темную зимнюю ночь Брасида отправился въ путь. Около полуночи онъ достигъ укрѣпленнаго Аргила, гдѣ согласная съ нимъ партія отворила ему ворота, но не остановился здѣсь, а поспѣшно прошелъ къ мосту черезъ Стримонъ, гдѣ соединялись различныя дороги. Тамъ перешелъ онъ рѣку и чрезъ это сталъ хозяиномъ богато воздѣланной области Амфиполя.

Граждане, увидѣвшіе утромъ непріятеля въ непосредственной своей близости, были смущены; однако, они быстро привели свои стѣны въ оборонительное положеніе и столпились вокругъ аѳинскаго военачальника Эвкла, который поспѣшно далъ знать стратегу Ѳукидиду о случившемся. Ѳукидидъ, сынъ Олора, съ которымъ мы уже познакомились, какъ съ историкомъ, выбралъ мѣсто своей стоянки около острова Ѳасоса, на разстояніи полудневного морского пути отъ Амфиполя. Съ семью тріэрами, бывшими какъ разъ подъ рукой, и нѣкоторымъ, наскоро захваченнымъ, войскомъ онъ тотчасъ-же отплылъ. Еще въ тотъ же вечеръ высадился онъ у истока Стримона, но только могъ еще защитить крѣпкій Эіонъ противъ нападеній неутомимаго Брасиды; Амфиполь уже сдался, а его примѣру послѣдовали и другіе города.

Когда вѣсть о потеряхъ во Ѳракіи пришла въ Аѳины, тамъ распространилось всеобщее смущеніе. Клеонъ поставилъ паденіе Амфиполя въ вину Ѳукидиду, привлекъ его къ суду и добился постановленія объ его изгнаніи, но не отправленія достаточныхъ силъ, чтобы задержать дальнѣйшіе успѣхи спартанскаго оружія. Дѣло въ томъ, что въ долгихъ бѣдствіяхъ войны, какъ и среди опустошеній страшной болѣзни, ослабѣло воодушевленіе отечествомъ, и шумныя разглагольствованія демагоговъ, державшихъ тогда въ своихъ рукахъ кормило государства, не могли его пробудить снова.

Пусть хотя-бы Клеонъ и другіе люди его покроя были неподкупны и ожидали конечной побѣды Аѳинъ отъ стойкаго продолженія войны: передъ ихъ очами, какъ цѣль геройской борьбы, носилось не великое государство, прославившееся наукой, искусствомъ и всестороннимъ образованіемъ, которое должно было сіять впереди эллинскаго міра въ борьбѣ противъ варваровъ, но только собственное господство, порабощеніе другихъ племенъ и побѣдная почесть. Поэтому много прошло времени, пока согласились относительно мѣръ, которыя лучше всего можно бы было противопоставить предпріятіямъ непріятелей на важномъ полуостровѣ Халкидикѣ.

Пока еще это обсуждалось и старались успокоить страхъ молодыхъ воиновъ передъ зимнимъ походомъ въ суровую Ѳракію, Брасида отчасти хитростью, отчасти силою овладѣвалъ однимъ городомъ за другимъ, такъ что у аѳинянъ остались еще только Потидея и Эйонъ. И однолѣтнее перемиріе, заключенное лѣтомъ 423 г., которое устроили его завистники въ Спартѣ и Никіева партія мира въ Аѳинахъ, не удержало его отъ того, чтобы побудить города Скіону и Менду къ отпаденію отъ союза съ аѳинянами. Онъ сталъ прославленнымъ героемъ греческихъ городовъ на Халкидикѣ и оправдывалъ ихъ довѣріе своей неподкупной честностью, своей ласковостью и своими храбрыми подвигами. У него изъ характера спартанца не было ничего, кромѣ воинской ловкости и бурной отваги сражаться въ переднихъ рядахъ. Эти качества выказалъ Брасида на походѣ, предпринятомъ имъ въ началѣ весны 423 г. во внутрь Македоніи, чтобы оказать помощь ненадежному царю Пердиккѣ. Онъ одержалъ побѣду надъ врагами, и когда многочисленныя орды иллирійцевъ поспѣшили на помощь побѣжденнымъ и царь со своими македонянами трусливо обратился въ бѣгство, онъ одинъ со своими опытными войсками оказалъ сопротивленіе безпорядочной массѣ, бралъ приступомъ скалы и поросшія лѣсомъ возвышенности и совершилъ свое отступленіе безъ значительнаго урона.

Битва при Амфиполѣ. Въ его отсутствіе прибыли аѳинскіе корабли и войска и вновь завоевали нѣсколько городовъ. Позднѣе (422) прибыли еще 30 тріэръ съ 1200 отлично вооруженныхъ гоплитовъ, 300 всадниковъ и многочисленными легко вооруженными. Ихъ стратегомъ былъ Клеонъ, думавшій обвить себѣ голову новымъ вѣнкомъ славы. Мы уже упомянули, что

этотъ человѣкъ, хотя онъ и не имѣлъ высшаго образованія и прозорливости, все-таки былъ снабженъ хорошимъ практическимъ умомъ. Его-то онъ высказалъ сейчасъ же въ началѣ похода. Онъ съ двухъ сторонъ, съ суши и съ моря, напалъ на городъ Торону и завоевалъ его, прежде нежели могъ придти на помощь Брасида. Затѣмъ онъ поплылъ къ Эйону, лежавшему при устьи Стримона, чтобы тамъ стянуть къ себѣ подкрѣпленія изъ Македоніи, прежде чѣмъ попробовать нападеніе на Амфиполь. Бездѣятельность наводила скуку на аѳинскихъ гоплитовъ; ихъ громкій ропотъ побудилъ Клеона предпринять развѣдочный походъ (рекогносцировку). Онъ повелъ свое войско по хребту богатой золотомъ горы Пангея до той точки, гдѣ передъ нимъ открывался полный видъ Амфиполя и его окрестностей. Здѣсь онъ видѣлъ, какъ Стримонъ, вытекая изъ Керкинскаго озера, съ трехъ сторонъ омывалъ увѣнчанный городомъ холмъ и вился затѣмъ на югъ къ Эйону. Онъ примѣтилъ, что четвертая, обращенная къ Пангею сторона города защищена была высокой стѣной; что, наконецъ, за рѣкой, къ западу, на плоскогорьи Кердиліонъ расположилось лагеремъ пелопоннесское войско. Въ самомъ городѣ все казалось погруженнымъ въ глубочайшій покой; не видно было ни шлема, ни щита, ни кожаной шапки стрѣлковъ. Клеонъ сказалъ, что нужно пожалѣть, что не взяли съ собой машинъ, чтобы взять городъ внезапнымъ нападеніемъ. Тогда донесли ему, что слышны шумъ и звонъ оружія внутри стѣны, и онъ тотчасъ же распорядился объ отступленіи. Но тутъ сцена перемѣнилась. Изъ двухъ воротъ города ринулись вооруженные. Брасида, во главѣ одного отряда въ 150 гоплитовъ, при первомъ натискѣ смялъ центръ и лѣвое крыло аѳинянъ. Затѣмъ онъ свернулъ въ бокъ на помощь другой дружинѣ, находившейся въ затруднительномъ положеніи, но при этомъ поворотѣ былъ опасно раненъ въ правый бокъ, не охраненный щитомъ. Храбрые его товарищи по оружію, подкрѣпленные слѣдовавшими сзади пелтастами и всадниками, прорвали, наконецъ, ряды праваго крыла аѳинянъ и погнались за ними въ непроходимыя ущелья Пангея, гдѣ большинство нашло свою смерть. Клеонъ, какъ повѣствуетъ Ѳукидидъ, съ самаго начала потерялъ всякое присутствіе духа и одинъ изъ первыхъ старался спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ. При этомъ ему мѣшали его доспѣхи, и непріятельскій пелтастъ, нагнавшій его, вонзилъ ему копье въ спину.

Побѣдители по сооруженіи трофея вернулись въ городъ. Они потеряли всего семь человѣкъ, но среди нихъ былъ герой дня, душа всѣхъ предпріятій, любимый солдатами и гражданами — Брасида. Храбрецъ, предназначенный, казалось, для величайшихъ дѣлъ, умеръ, послѣ того какъ услышалъ вѣсть о побѣдѣ своей рати. Граждане Амфиполя и всѣ сосѣдніе города скорбѣли о немъ и почитали его послѣ его смерти, какъ героя.

Никіевъ миръ. Битвой при Амфиполѣ устранены были тѣ люди, которые до тѣхъ поръ противились перемирію; партія мира, Никія въ Аѳинахъ и царь Плистоанактъ въ Спартѣ, получила теперь уже преобладающее вліяніе. Такимъ образомъ, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ во время зимняго отдыха, весной 421 г. состоялся договоръ на 50 лѣтъ, впослѣдствіи названный Никіевымъ миромъ. Послѣднимъ установлено было, чтобы обѣими сторонами были возвращены плѣнные и завоеванія въ Лаконіи и въ Аттикѣ, чтобы Амфиполь снова уступленъ былъ Аѳинамъ, прочіе города полуострова Халкидики очищены были пелопоннесцами и впредь не разсматривались союзниками ни той, ни другой стороны. Къ миру не присоединились беотійцы, мегаряне и коринѳяне; однако, они не осмѣливались одни попытать военнаго счастья и, такимъ образомъ, война прекратилась во всей Элладѣ.

Понесенныя потери и обоюдное истощеніе склонило противниковъ къ миру, но неудовольствіе и ожесточеніе въ сердцахъ оставались. Поэтому появились затрудненія, когда дѣло шло о приведеніи въ исполненіе условій, предписанныхъ договоромъ. Велись переговоры, послы ходили туда и сюда, но препятствій они вполнѣ устранить не могли. Однако, Спарта поняла, что въ обширной войнѣ рѣшаетъ дѣло не одна только грубая сила оружія, но болѣе высокое военное искусство и умственное превосходство, какъ уже и у Гомера Паллада Аѳина повергаетъ во прахъ дикаго Ареса. Спартанцамъ въ продолженіе десяти лѣтъ войны не представлялось ни одного случая пустить въ ходъ страшную силу колоннъ своихъ гоплитовъ и никоимъ образомъ они не смогли предотвратить опустошенія своихъ береговъ, какъ и укрѣпленія непріятеля въ разныхъ пунктахъ своей территоріи. Они поэтому, какъ опредѣлено было и жребіемъ, первые стали исполнять условія. Они освободили аѳинскихъ плѣнныхъ, отозвали изъ Халкидики войска Брасиды, но не могли добиться установленной

сдачи Амфиполя Аѳинамъ. Все-таки теперь, по хлопотамъ Никіи, отпущены были плѣнные съ Сфактеріи, что избавило Спарту отъ большой заботы. Другимъ предметомъ переговоровъ былъ мессенскій гарнизонъ на Пилосѣ, постоянно предоставлявшій убѣжище бѣглымъ спартанскимъ гелотамъ. Отправились послы, чтобы быть посредниками по вопросу объ очищеніи этого послѣдняго поста. Въ то же время изъ Беотіи прибыли такія дурныя вѣсти, что эти послы, несмотря на ходатайство Никіи, лишь съ неудовольствіемъ были приняты въ Аѳинахъ. Въ своемъ затрудненіи послы нашли ласковый пріемъ и, повидимому, добрый совѣтъ у мужа, гостепріимство котораго раньше въ Спартѣ было отвергнуто. Этотъ мужъ былъ Алкивіадъ, который казался предназначеннымъ играть рѣшающую роль въ судьбахъ своего родного города.

АРГОССКІЙ СОЮЗЪ И ПОХОДЪ ВЪ СИЦИЛІЮ.

АЛКИВІАДЪ (род. 451) тогда былъ тридцати одного года и такъ же выдавался высокимъ происхожденіемъ и большимъ состояніемъ, какъ и тѣлесными и умственными преимуществами. Отецъ его, Клинія, палъ въ несчастномъ бою при Коронеѣ, когда мальчикъ едва достигъ пятилѣтняго возраста. Поэтому онъ попалъ подъ опеку родственника своего по матери, Перикла, который далъ ему стараго, не особенно пригоднаго для этого раба, Зопира, въ воспитатели. Но Алкивіадъ былъ сорванецъ, правда благороднаго, многообѣщающаго характера, но трудно укротимый и вообще полный противоборства всякой полезной дисциплинѣ и порядку. Строгому и притомъ разумному отцу можетъ быть удалось-бы серьезностью и любовью воспитать изъ мальчика человѣка, который сталъ бы гордостью и радостью отца; подъ руководствомъ же слабаго своего воспитателя и затѣмъ въ палестрѣ сорванецъ избаловался, изнѣжился и укрѣпился въ своемъ своевольствѣ и сопротивленіи всякому существующему порядку.

Не одни только люди низкаго званія, но и люди, пользовавшіеся уваженіемъ и обладавшіе достоинствомъ, удивлялись красивому, тѣлесно и умственно быстро расцвѣтавшему мальчику, и смѣялись надъ его рѣзвостями, если даже сами они были ихъ цѣлію. Такимъ образомъ, природная его смѣлость

обратилась въ надменность, славолюбіе его въ тщеславный эгоизмъ; такимъ образомъ, его достойные удивленія таланты гибли для отечества въ безнравственныхъ увеселеніяхъ и жалкомъ времяпровожденіи; такимъ образомъ, для него не было священнымъ и неприкосновеннымъ ни гражданское, ни естественное право, ни законъ, ни обычай, ни званіе, ни возрастъ, ни полъ.

Несмотря на то, онъ былъ человѣкъ, вокругъ котораго вскорѣ двигалось все въ государствѣ, на котораго въ различнѣйшихъ дѣлахъ всѣ его сограждане смотрѣли, правда, съ недовѣріемъ, но полные ожиданія, такъ какъ умственная его эластичность, его ловкость въ отысканіи средствъ и путей, его сила, смѣлость и безцеремонность въ выполненіи разъ принятаго плана дѣлали его почти необходимымъ. Поэтому современный ему поэтъ говорилъ: „Аѳиняне ненавидятъ его и все-таки желаютъ имѣть его", и далѣе: „Вамъ не слѣдовало бы терпѣть въ своемъ городѣ этого молодого льва; или же, если вы хотите оставить его у себя, вы подчинитесь его волѣ".

Уже въ отроческіе годы свои Алкивіадъ показывалъ надменность и дерзость, ставшія впослѣдствіи гибельными для него самого и для государства. Однажды онъ съ другими мальчиками игралъ въ кости среди улицы и крикнулъ извозчику, проходившему со своимъ возомъ, чтобы тотъ подождалъ, пока онъ броситъ кости. Когда же тотъ естественно не обратилъ на это вниманіе, онъ во всю длину свою растянулся на дорогѣ со словами: „Теперь поѣзжай!" Извозчикъ остановился пораженный, такъ какъ онъ не осмѣлился наградить знатнаго юношу по заслугамъ крѣпкими побоями. Юношей Алкивіадъ ударилъ школьнаго учителя за то, что не нашелъ въ его домѣ Гомера. Судебный приговоръ противъ ѳасосскаго поэта Гегемона, прибитый въ публичномъ мѣстѣ, онъ осмѣлился стереть собственной рукой, дерзко приглашая въ то же время архонта и обвинителя привлечь его къ суду.

Еще большее безстыдство выказалъ онъ, побившись объ закладъ съ товарищами своихъ глупостей, что онъ публично дастъ оплеуху уважаемому гражданину. Гиппоникъ, высокостоявшій и состоятельный человѣкъ, имѣлъ несчастье первымъ попасть ему на встрѣчу. Алкивіадъ поступилъ согласно своему слову. Но такъ какъ противъ него поднялось всеобщее негодованіе, то онъ послѣдовалъ за тяжко оскорбленнымъ мужемъ въ его домъ, снялъ

свой плащъ и предложилъ терпѣливо вынести всякое наказаніе, которое тотъ назначитъ ему. При этомъ онъ сумѣлъ показать такое искреннее раскаяніе, что тотъ простилъ ему и даже впослѣдствіи полюбилъ юнаго льстеца. Онъ послѣ далъ ему въ жены дочь свою Гиппарету, что, однако, вышло не къ ея счастью. Она чувствовала себя, особенно по смерти своего отца, въ пренебреженіи у Алкивіада, между тѣмъ какъ тотъ публично предавался своимъ распутнымъ удовольствіямъ. Поэтому она потребовала развода. Алкивіадъ явился, правда, по вызову, передъ судомъ, но вмѣсто того, чтобы пускаться въ переговоры, онъ обхватилъ свою жену и на рукахъ своихъ смѣясь унесъ ее домой. Послѣ этого она уже болѣе не отваживалась на подобный шагъ, но она затосковала и недолго спустя умерла.

АЛКИВІАДЪ
(МРАМОРНЫЙ БЮСТЪ ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

Всѣ эти подробности бросаютъ яркій свѣтъ не только на характеръ этого человѣка, дерзнувшаго теперь протиснуться къ кормилу государства, но и на самое государство и самый народъ, гдѣ человѣкъ, имѣющій преимущество талантовъ, богатства и высокаго рода, могъ дерзнуть открыто оказывать сопротивленіе законамъ и обычаямъ.

Когда Алкивіадъ въ первый разъ пытался выступить публично, онъ нашелъ народное собраніе очень взволнованнымъ. Онъ освѣдомился о причинѣ этого и узналъ, что подписываются на добровольные взносы для государственныхъ цѣлей. Послѣ этого онъ самъ подписался на крупную сумму, что принято было съ боль-

шимъ одобреніемъ. Въ радости по этому поводу онъ выпустилъ ручного перепела и предложилъ тогда значительное вознагражденіе тому, кто снова его поймаетъ. Ему принесъ его Антіохъ, морякъ, который съ этого времени сталъ его довѣреннымъ и во всѣхъ его морскихъ экспедиціяхъ его кормчимъ.

Союзъ съ Аргосомъ. Рѣшительнѣе и совершенно согласно своему характеру выступилъ Алкивіадъ передъ народомъ по случаю раньше упомянутаго спартанскаго посольства. Въ Спартѣ отвергнуто было его гостепріимство, и за это городъ долженъ былъ потерпѣть наказаніе. Онъ побудилъ пословъ, которыхъ онъ склонилъ на свою сторону предупредительной ласковостью, отречься передъ экклесіей отъ полномочій, которыми они, какъ они высказались за день передъ этимъ, дѣйствительно были облечены. Но лишь только они произнесли это, Алкивіадъ, давшій имъ этотъ совѣтъ, открыто выступилъ противъ нихъ и обвинилъ ихъ въ двуязычіи. Раздраженный этимъ, народъ далъ посламъ презрительный совѣтъ. Послѣ этого происшествія Алкивіадъ устроилъ с о ю з ъ с ъ А р г о с о м ъ, который снова принялся за старыя свои стремленія къ гегемоніи въ Пелопоннесѣ. Онъ склонилъ далѣе къ этому союзу противъ Спарты важное государство Мантинею въ Аркадіи и Элиду на западномъ побережьи, что свидѣтельствовало о его возрастающемъ вліяніи.

Уже на двадцатомъ году своемъ Алкивіадъ храбро сражался при Потидеѣ и въ ней самой, гдѣ онъ, тяжело раненый, спасенъ былъ учителемъ своимъ Сократомъ; затѣмъ онъ отличился при Деліѣ среди аѳинскихъ всадниковъ и мужественно защитилъ Сократа противъ преслѣдовавшихъ враговъ. По случаю борьбы, которая не безъ собственнаго содѣйствія Алкивіада грозила разразиться въ самомъ Пелепоннесѣ уже во второй годъ по заключеніи мира, онъ охотно выступилъ бы во главѣ войска, но онъ не могъ этого добиться и долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что съ большой пышностью служилъ представителемъ своего отечественнаго города на играхъ въ Олимпіи. То было въ первый разъ отъ начала пелопоннесской войны, что тамъ опять были допущены аѳиняне. Алкивіадъ явился съ семью колесницами и получилъ первый, второй и четвертый призы.

Такими удачами, однако, не довольствовался смѣло стремившійся вверхъ человѣкъ. Онъ желалъ власти, но получить ее онъ

могъ только во времена междоусобій гражданъ или при перемѣнныхъ случайностяхъ войны. Поэтому ему ненавистенъ былъ миролюбивый Никія; но онъ не сразу могъ вытѣснить его и единомыслящую съ нимъ партію изъ ея вліятельнаго положенія, такъ какъ все еще сочилась кровь изъ ранъ, нанесенныхъ войной. И въ Спартѣ цари Агисъ и Плистоанактъ склонны были къ поддержанію мира. Послѣдній, ранѣе за подкупность подвергшійся наказанію изгнаніемъ, девятнадцать лѣтъ прожилъ въ одинокомъ жилищѣ на вершинѣ Ликея въ Аркадіи и питалъ надежду на возвращеніе на родину, пока оно не досталось ему по изреченію дельфійскаго бога. Онъ желалъ въ покоѣ закончить дни свои. Такъ какъ ни родной городъ, ни его прежняя противница не могли побудить Алкивіада взяться за оружіе, то онъ былъ тѣмъ дѣятельнѣе въ Аргосѣ. Онъ сумѣлъ вновь воскресить прежнюю гордость города, и вскорѣ поднялась бурная молодежь, мечтавшая о побѣдѣ и почестяхъ, и потребовала войны противъ Спарты. По желанію аргивянъ явились многочисленные гоплиты союзныхъ государствъ, Элиды, Мантинеи и Аѳинъ, всѣ въ надеждѣ на этотъ разъ совершенно поразить городъ на Эвротѣ.

Этимъ союзомъ, собственно говоря, Никіевъ миръ былъ уже нарушенъ; но съ другой стороны и лакедемоняне заключили союзъ съ беотійцами, очевидно направленный противъ Аѳинъ и ихъ союзниковъ. Теперь и Коринѳъ снова присоединился къ спартанцамъ, но лишь годомъ позже послѣдовало начало войны. Алкивіадъ избранъ былъ аѳинянами въ полководцы. Онъ съ многочисленными войсками вступилъ въ Пелопоннесъ, побудилъ ахейскій приморскій городъ Патры соединиться съ Аѳинами, подстрекнулъ аргивянъ къ вторженію въ область Эпидавра и такимъ образомъ принудилъ лакедемонянъ снова взяться за оружіе, чтобы сохранить за собой преобладаніе.

Война между Аргосомъ и Спартой. Угрожавшая война между Спартой и Аргосомъ разразилась. Съ военной ловкостью лакедемонскій царь Агисъ привелъ непріятельское войско въ стѣсненное положеніе. Но довольно страннымъ образомъ онъ заключилъ перемиріе съ уже отчаявавшимся въ спасеніи аргивскимъ предводителемъ и вернулся затѣмъ домой. Такъ какъ на него за это должна была быть наложена тяжкая пеня, онъ попросилъ отсрочки, обѣщая совершить отважнѣйшій поступокъ. Онъ тотчасъ

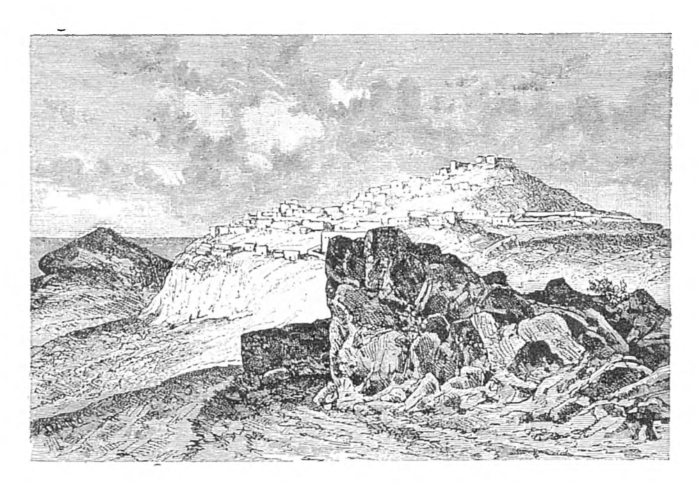
же снова выступилъ въ походъ, сопровождаемый только своими спартіатами и тегейцами. Неожиданно онъ неподалеку отъ Мантинеи (418) натолкнулся на непріятелей, именно на аргивянъ, аркадцевъ и аѳинянъ, которые тотчасъ же ринулись на него въ боевомъ порядкѣ. Другое войско при такихъ обстоятельствахъ пришло бы въ смятеніе и безпорядокъ; но лакедемонскіе гоплиты вскорѣ были на-готовѣ и двинулись въ бой подъ рѣзкимъ звономъ своихъ свистковъ и при пѣніи старинныхъ тиртеевскихъ пѣсенъ. Лѣвое ихъ крыло, вслѣдствіе ложнаго движенія отдѣлившееся отъ центра войска, было принуждено къ отступленію. То были храбрые гелоты Брасиды и легче вооруженные скириты. Иначе дѣло обстояло въ рединѣ и на правомъ крылѣ.

Пэапъ былъ оконченъ. Серьезно, молча и въ тѣсно сомкнутомъ порядкѣ встрѣтили спартанцы и тегейцы свирѣпо наступающихъ аргивянъ и аѳинянъ. Уже видъ опущенныхъ копій, красныхъ военныхъ полукафтановъ, непоколебимаго спокойствія въ рядахъ лакедемонянъ привелъ непріятелей въ замѣшательство. Тутъ спартанскіе гоплиты непреодолимо двинулись впередъ, смяли все, что оказывало сопротивленіе, и уничтожили бы совершенно обойденныхъ съ боку аѳинянъ, еслибъ лѣвое ихъ крыло само не находилось въ крайней опасности пораженія. Они свернули влѣво и натолкнулись сначала на 100 отборныхъ аргивскихъ воиновъ, которые спаслись поспѣшнымъ отступленіемъ, затѣмъ на побѣдоносныхъ дотолѣ мантинейцевъ, изъ которыхъ большая часть осталась на полѣ брани.

Такимъ образомъ битва вполнѣ была рѣшена. Преслѣдованія не происходило; по погребеніи убитыхъ, оба войска отправились домой. Но слава спартанскаго оружія и авторитетъ ея были снова возстановлены. Противный имъ союзъ распался, Аргосъ измѣнилъ свое государственное устройство, Мантинея стала въ ряды лакедемонскихъ союзниковъ, и Аѳины снова стояли супротивъ враждебныхъ силъ довольно изолированными.

Однако положеніе этого государства вовсе не было настолько ненадежнымъ, какъ послѣ пораженій при Деліѣ и Амфиполѣ. Государственная казна снова была наполнена, зависимые государства и острова были въ подчиненіи, Аргосъ вновь былъ привлеченъ послѣ короткаго промежутка, а противники уже не составляли болѣе тѣсно сплоченной массы, но преслѣдовали разные интересы.

При такихъ обстоятельствахъ оружіе не пребывало въ покоѣ, хотя наружно поддерживался миръ между главными государствами. Во время слѣдующаго похода на Аргосъ (416), откуда были изгнаны аристократы, лакедемоняне завоевали городъ Гисіи и перебили все его мужское населеніе. Такъ же поступили аргивяне и аѳиняне, когда они напали на изгнанныхъ аристократовъ въ Эноѣ.

ВИДЪ ОСТРОВА МЕЛОСА.

Уже не за владычество и за честь побѣды, а изъ партійной ярости съ безпощадной жестокостью вели войну не на животъ, а на смерть. Это испыталъ небольшой дорійскій островокъ Мелосъ, до сихъ поръ не участвовавшій въ борьбѣ и прелестно процвѣтавшій въ зеленомъ вѣнцѣ своихъ оливковыхъ и виноградныхъ плантацій. Аѳиняне завоевали его и истребили мирныхъ островитянъ мечомъ.

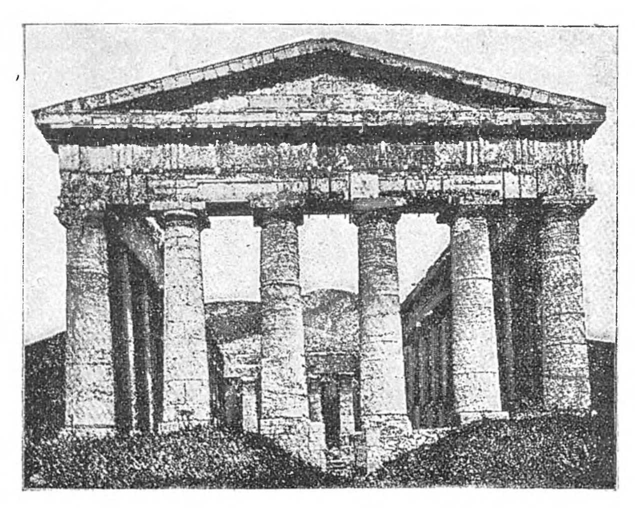
Просьба Эгесты о помощи. Около этого времени въ Аѳины явилось посольство отъ Эгесты на Сициліи, которое взывало къ помощи господствующихъ на морѣ аѳинянъ противъ сосѣдняго города Селинунта и отдавало за нее въ ихъ распоряженіе военныя силы и денежныя средства небольшой общины. Уже раньше аѳиняне сдѣлали попытку утвердиться на островѣ Сициліи. Именно, когда жестоко тѣснимые дорійскими Сиракузами іонійскіе леонтинцы въ 427 г. отправили въ Аѳины посольство съ

просьбой о помощи, говорившій за пословъ, риторъ Горгія, благодаря блестящему своему краснорѣчію, сумѣлъ настроить аѳинянъ благопріятно для ихъ просьбы. Отправлено было 20 кораблей подъ начальствомъ Лахеса и Харэада, чтобы подготовить почву для дальнѣйшихъ предпріятій. Но эти боевыя силы были слишкомъ незначительны для того, чтобы сдѣлать что-нибудь особенное, и когда аѳиняне потомъ собрались посредствомъ подкрѣпленія флота 40 новыми кораблями придать больше силы своему вмѣшательству въ дѣла городовъ острова, сиракузцу Гермократу, въ 424 г., на мирномъ съѣздѣ въ Гелѣ удалось устроить соглашеніе, и такимъ образомъ отнять у аѳинянъ всякій предлогъ для продолженія войны. Однако вскорѣ снова пробудились старыя распри; покинутые всѣми союзниками леонтинцы побѣждены были превосходившими ихъ силами Сиракузами, которыя теперь все съ большею отвагою стали преслѣдовать свои планы. Начавшаяся на западѣ острова борьба между Селинунтомъ, колоніей сиракузцевъ, и Эгестой представила имъ благопріятный случай укрѣпить тамъ свое могущество.

Таково было положеніе дѣлъ, когда прибыли въ Аѳины молившіе о помощи эгестейцы. Прежде всего отправлены были люди изслѣдовать положеніе вещей. Эгестейцы ловко сумѣли скрыть свою бѣдность и безпомощность и показали значительныя храмовыя сокровища, тотчасъ же выплатили 60 талантовъ за долженствующій быть снаряженнымъ флотъ и были такъ гостепріимны и ласковы, что совершенно склонили на свою сторону аѳинскихъ посланцевъ. Когда тѣ вернулись и стали говорить о богатствахъ новыхъ союзниковъ, народъ настроенъ былъ благопріятно для экспедиціи въ Сицилію.

Противъ этого возсталъ Никія и указалъ на то, что не подчинены даже халкидяне, что Спарта только и дожидается благопріятнаго случая для возобновленія войны и что таковой представится самъ собой, если пуститься въ сомнительную борьбу съ могущественными Сиракузами, соединенными союзомъ съ Селинунтомъ. Онъ заклиналъ своихъ согражданъ не подвергать государства гибели ради эгоистичныхъ молодыхъ людей, которые до сихъ поръ предавались своему тщеславію въ пышныхъ процессіяхъ и теперь по той же причинѣ желаютъ увлечь народъ къ пагубному шагу.

Алкивіадъ, хорошо понимая, что послѣднія слова направлены были противъ него, въ пылкой рѣчи сталъ оправдывать себя и предпріятіе. Онъ увѣрялъ, что богатою обстановкой поставленныхъ имъ хоровъ, своими тратами на общественныя дѣла онъ хотѣлъ только показать блескъ Аѳинъ передъ всѣмъ свѣтомъ; пріобрѣтенными въ Олимпіи наградами онъ предполагалъ-де укра-

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА ВЪ ЭГЕСТѢ
(ВЪ ТО-ЖЕ ВРЕМЯ ОБРАЗЕЦЪ РАЗВИТАГО ДОРІЙСКАГО СТИЛЯ.—СЪ ФОТОГРАФІИ).

сить не себя, а родной свой городъ. Городъ, говорилъ онъ, предназначенъ богами для владычества надъ сушей и моремъ, и достаточно могуществемъ для того, чтобъ не только подчинить себѣ Сиракузы и всѣ города Сициліи, но и во второй разъ побѣдоносно воспротивиться пелопоннесцамъ. Завоеваніемъ Сициліи, продолжалъ онъ, наносится пораженіе въ то же время каждому враждебному городу; кто поэтому подастъ голосъ за предпріятіе, тотъ докажетъ, что онъ возлагаетъ должное упованіе на могущество, счастье и славу Аѳинъ; кто же подастъ голосъ противъ него, тотъ сомнѣвается въ государствѣ и въ самомъ себѣ.

Рѣчь эта встрѣчена была всеобщимъ одобреніемъ, и когда теперь Никія, чтобы подавить воодушевленіе легко подвижной

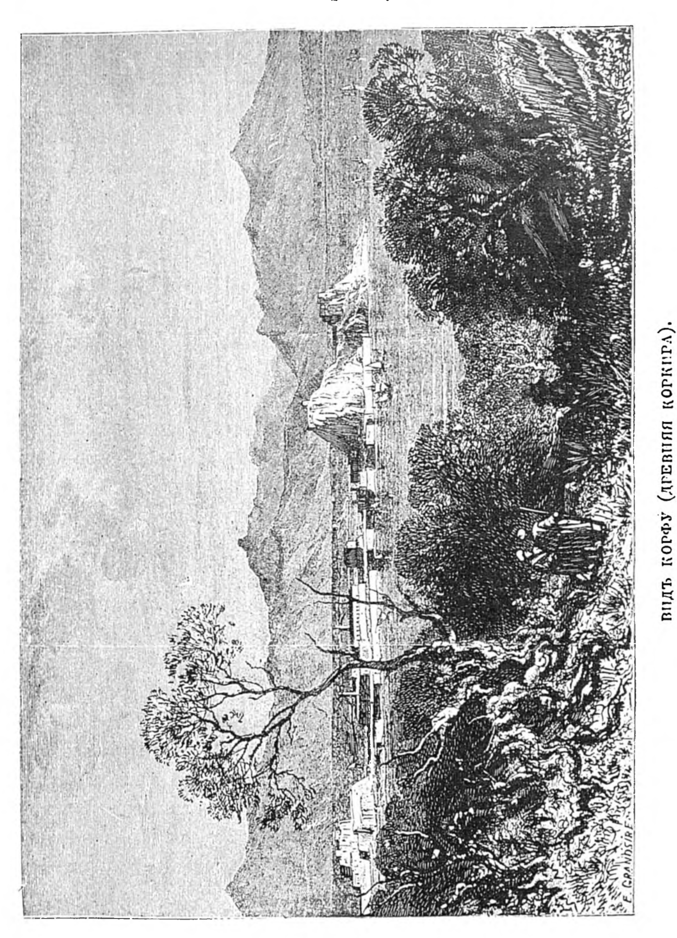
толпы, представилъ громадность средствъ, потребныхъ для этого предпріятія, то каждый гражданинъ, богатый и бѣдный, молодой и старый, спѣшили предложить денежный вкладъ и личныя услуги. Походъ рѣшенъ былъ (415 г.) почти единодушно и выбрали въ стратеги Никію, Алкивіада и храбраго Ламаха.

Вооруженія быстро были окончены и флотъ скоро былъ готовъ къ отплытію; но тутъ случилось, что одинъ безбожный проступокъ привелъ весь городъ въ смущеніе. Именно, всюду на улицахъ, въ опредѣленномъ другъ отъ друга разстояніи, стояли прекрасно вырѣзанныя гермы (внизу четыреугольные столбы, сверху покрытая шлемомъ голова вѣстника боговъ). Онѣ-то въ одну ночь почти всѣ были изуродованы, и гражданамъ показалось, будто этимъ самымъ отнято отъ ихъ жилищъ покровительствующее божество. Нарядили слѣдствіе, и въ концѣ концовъ Алкивіадъ съ нѣсколькими своими товарищами обвинены были въ этомъ поступкѣ и даже въ оскверненіи элевсинскихъ мистерій. Но, повидимому, онъ оправдался въ достаточной степени, и обвинители, въ виду близко предстоявшаго отплытія флота, прекратили дальнѣйшее судебное преслѣдованіе.

Первый походъ въ Сицилію. Наконецъ насталъ роковой день, въ который видный флотъ вышелъ въ море. 100 тріэръ, изъ нихъ 60 устроенныхъ для боя, 40 для транспорта, качались на волнахъ Пирея. Ослѣпительно бѣлые паруса были подняты, пестрые вымпеля раздувались съ мачтъ, самые корабли украшены были слоновой костью и металлической работой. 2200 аѳинскихъ гоплитовъ, 500 аргивянъ, 250 мантинейцевъ и много легковооруженныхъ двигались среди непомѣрной давки изъ города въ гавань и поднялись на корабли. На палубахъ стояли вооруженные вожди и пили и возливали въ жертву богамъ вино изъ золотыхъ и серебряныхъ чашъ.

Когда съ обѣихъ сторонъ раздались изъ тысячи устъ слова прощенія и кончилось пѣніе гребцовъ, кликъ глашатаевъ повелѣлъ молчаніе. Тогда воины, матросы и всѣ зрители произнесли молитву къ вседержителю Зевсу, чтобы онъ милостиво охранялъ городъ, войско и флотъ. Затѣмъ при всеобщихъ возгласахъ подняты были якоря; взоры толпы слѣдовали за каждымъ движеніемъ кораблей, точно они желали узнать, суждено ли имъ благополучное возвращеніе. На самой блестящей тріэрѣ стоялъ одѣтый въ доспѣхи, прекрасный какъ Ахиллесъ, юный вождь Алкивіадъ и

глядѣлъ то на городъ съ его Акрополемъ, то на стоящую въ ожиданіи толпу, флотъ и войско, и убаюкивался смѣлыми мечтами о томъ, какъ все это скоро будетъ подвластно его волѣ.

ВИДЪ КОРФУ (ДРЕВНЯЯ КОРКИРА).

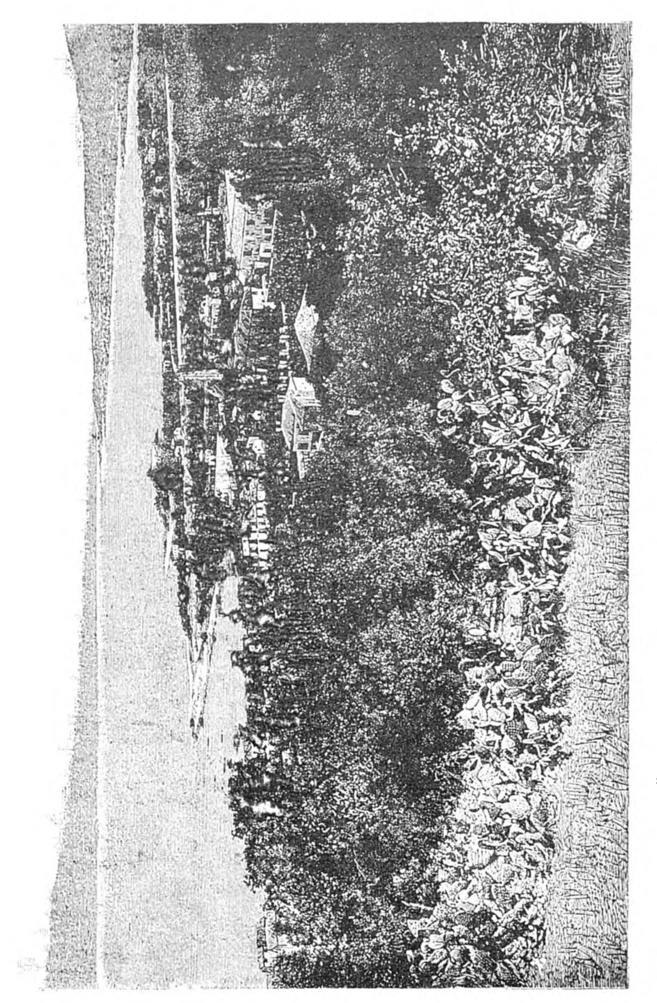
какъ онъ будетъ властвовать надъ Сициліей съ ея городами и чудесами, какъ онъ въ недалекое время побѣдоносно одолѣетъ силы Карѳагена и оснуетъ царство вплоть до столбовъ Гер-

кулеса. Безпредѣльны, какъ море, были его грезы; тучи, собиравшіяся надъ нимъ и довѣрявшимъ ему войскомъ, скрыты были еще вдали.

У Коркиры соединились съ созванными союзниками. При смотрѣ оказалось на лицо 136 тріэръ, 30 нагруженныхъ зерномъ грузовыхъ судовъ, 100 меньшихъ кораблей, отданныхъ въ распоряженіе государства частными людьми, и многочисленныя торговыя суда, присоединившіяся добровольно, далѣе 5100 гоплитовъ безъ стрѣлковъ изъ лука, пращниковъ и другого войска,—всего на всего съ моряками около 36.000 человѣкъ.

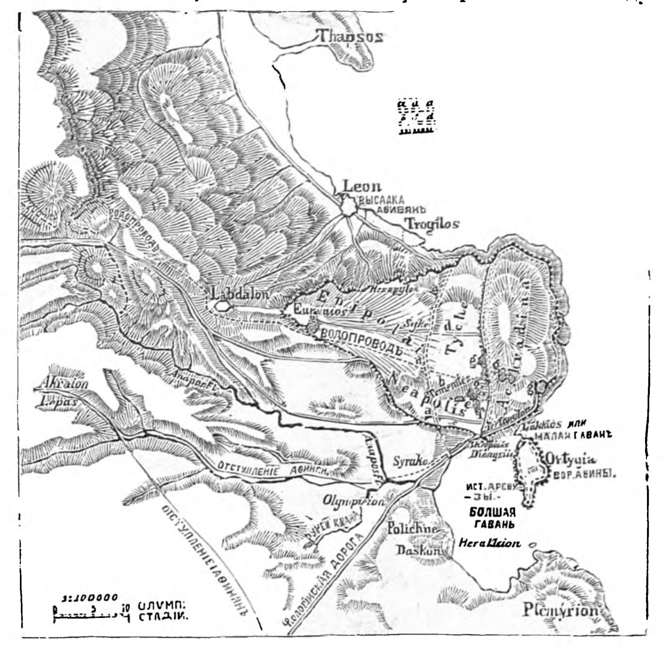
Армада тремя эскадрами разсѣкала Іонійское море (415). Скоро показались берега Италіи, видны стали храмы и города, свидѣтельствовавшіе объ эллинскомъ происхожденіи и эллинской жизни. Но не одинъ только могущественный Тарентъ и Локры, а и дружественный нѣкогда Регій заперли ворота. Храбрый Ламахъ предложилъ тогда прямымъ путемъ плыть въ Сиракузы и, пользуясь первымъ испугомъ, тотчасъ же начать осаду города. Напротивъ, Алкивіадъ былъ того мнѣнія, что сначала нужно пытаться переговорами склонить къ себѣ другіе города и затѣмъ съ ихъ помощью одолѣть могущественную главу острова. Онъ вполнѣ полагался на свою ловкость и вкрадчивую рѣчь и въ военномъ совѣтѣ взялъ верхъ. Благополучно проѣхали черезъ проливъ, гдѣ Скилла и Харибда не оказали имъ никакого сопротивленія. Тѣмъ съ большей энергіей оберегала Мессана свои стѣны противъ насилія и увѣщанія.

Такъ какъ Эгеста (Сегесте) могла оказать лишь незначительную помощь, то не потратили времени на проѣздъ вдоль сѣвернаго побережья, чтобы посѣтить ее, но обратились къ восточному берегу, гдѣ первымъ безъ сопротивленія сдался Наксъ. Вскорѣ увидѣли покрытую снѣгомъ вершину Этны, изъ кратера которой подымались столбы дыма, и наконецъ высадились у Катаны. Взяли врасплохъ хорошо расположенный городъ и теперь владѣли безопасной гаванью и крѣпкимъ лагеремъ. Съ этого мѣста стоянки предпринята была поѣздка въ Сиракузы, чтобы высмотрѣть ихъ положеніе и точки нападенія и увеличить смущеніе и испугъ передъ аѳинскимъ именемъ размѣрами флота и великолѣпіемъ вооруженій. И вотъ увидѣли славный городъ на всемъ его протяженіи. Онъ собственно состоялъ изъ двухъ горо-

ОБЩІЙ ВИДЪ ГОРОДА И ЗАЛИВА МЕССАНЫ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

довъ и столькихъ же предмѣстьевъ. Древнѣйшая часть лежала на островѣ Ортигіи, отдѣленномъ отъ материка узкимъ каналомъ; новая часть, Ахрадина, обнимала расположенное между островомъ и сѣвернымъ моремъ плоскогорье, которое съ сѣвера и юга крутыми утесистыми склонами спускалось къ морю Предмѣстья Тихе и Неаполь, прежде Теменитъ, простирались къ западу отъ

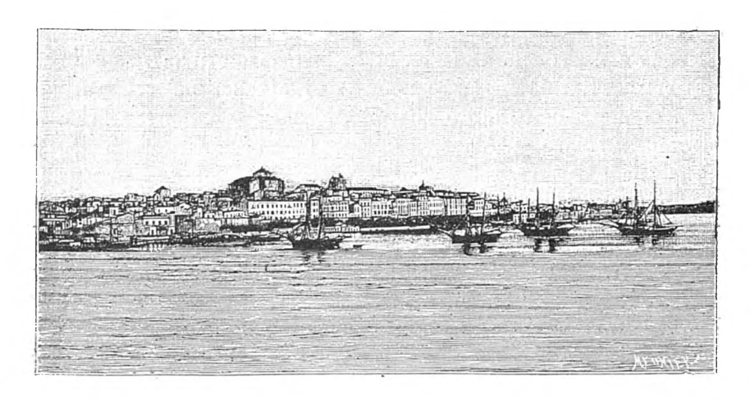

ПЛАНЪ ГОРОДА СИРАКУЗЪ.

Ахрадины въ низменности, однако мало-по-малу поднимающейся снова къ утесистой горной цѣпи, Эпиполамъ. Къ югу тянулась болотистая почва вплоть до большой гавани и рѣки Анапа; укрѣпленная малая гавань лежала къ сѣверу отъ Ортигіи. Можетъ быть, аѳиняне теперь при первомъ изумленіи могли бы провести стѣну между Эпиполами и городомъ отъ внѣшняго моря вплоть до большой гавани и безъ труда начать осаду съ суши и съ моря; но кажется, что они слишкомъ мало знали мѣстность, или что

воспротивился всегда медлительный Никія; послѣ тщетной попытки занять Камарину, вернулись къ Катанѣ, куда тѣмъ временемъ прибыла довольно нежеланная вѣсть.

Именно, тамъ на якорѣ стоялъ аѳинскій государственный корабль „Саламинія", и начальникъ его сообщилъ, что у него есть порученіе отвести Алкивіада и нѣсколько другихъ лицъ обратно въ Аѳины, такъ какъ-де они вторично жестоко обвинены за изуродованіе гермъ и безбожное оскверненіе мистерій. Полково-

ГАВАНЬ ГОРОДА СИРАКУЗЪ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

децъ, какъ и другіе обвиненные, повиновался и сопровождалъ государственный корабль на своей собственной тріэрѣ. Во время плаванія онъ узналъ, что при продолженіи судебнаго преслѣдованія святотатства уличено уже нѣсколько гражданъ и наказано за свой проступокъ смертью. Испугало-ли это Алкивіада, или онъ сознавалъ себя вообще не свободнымъ отъ вины, остается неизвѣстнымъ; при остановкѣ на италійскомъ берегу онъ спасся изъ плѣна бѣгствомъ и тѣмъ избѣжалъ всякаго дальнѣйшаго слѣдствія. Безроднымъ бѣглецомъ стоялъ онъ теперь на чужой землѣ, безъ друзей, безъ своихъ помѣстій, безъ своихъ богатствъ, въ несомнѣнномъ ожиданіи, что онъ будетъ объявленъ опальнымъ, что въ его отсутствіе и за его бѣгство надъ нимъ произнесутъ смертный приговоръ. Онъ, питавшій во главѣ военнаго предпріятія самыя широкія надежды, казался потеряннымъ, покинутымъ

бѣглецомъ. Но его геній, его неистощимость въ вспомогательныхъ средствахъ и его безцеремонность въ выборѣ и примѣненіи ихъ остались тѣми же самыми, и онъ пришелъ къ мысли повергнуть свое же отечество въ глубочайшее униженіе, чтобы оно признало въ немъ единственнаго спасителя, призвало его назадъ, унизилось передъ нимъ. Онъ не сомнѣвался, что онъ сможетъ снова поднять его до высшаго блеска, и что ему тогда тѣмъ легче будетъ играть свою роль властителя. Такимъ образомъ, сталъ онъ государственнымъ измѣнникомъ, такъ какъ ему недоставало якоря честности и чистой нравственности.

Измѣна Алкивіада. Однако, не однѣ только эти надменныя мысли запечатлѣли на лбу его клеймо государственной измѣны; также и безцеремонность его враговъ, безпощадныя преслѣдованія со стороны господствовавшей въ Аѳинахъ партіи гнали его къ этому роковому шагу. Въ Аргосѣ, до котораго онъ отважился дойти, его настигла вѣсть, что его, какъ онъ и опасался, приговорили къ смерти и, какъ на преступника противъ религіи, на него наложили самое тяжкое отлученіе. Теперь, думалъ онъ, порваны послѣднія узы, связывавшія его съ отечествомъ, и онъ въ правѣ отомстить. Поэтому онъ, испросивъ себѣ надежныхъ провожатыхъ, изъ Элиды отправился въ городъ на Эвротѣ, и притомъ въ то самое время, когда послы изъ Сиракузъ взывали тамъ о мощной поддержкѣ Спарты. Здѣсь Алкивіадъ раскрылъ, преувеличилъ дальновидные планы аѳинянъ; здѣсь онъ показалъ ясно и опредѣленно, что нужно отправить спартанскаго полководца въ Сицилію, возобновить войну противъ Аѳинъ, овладѣть укрѣпленнымъ мѣстомъ, напримѣръ Декелеей, въ аттической области и снабдить его постояннымъ гарнизономъ, если пелопоннесскій союзъ, если глава его желаетъ быть безопаснымъ отъ униженія и потерь, и, можетъ быть, отъ порабощенія. Чтобы оправдаться отъ упрека въ предательствѣ, Алкивіадъ увѣрялъ, что онъ желаетъ низвергнуть только безбожную демократію, доставить свободу своему отечественному городу, угнетаемому демагогами; для этого онъ призываетъ помощь Спарты, которой подобаетъ верховная власть въ странѣ эллиновъ. Своими представленіями и совѣтами онъ такъ сильно поколебалъ мнительность спартанскихъ главарей, что они, не долго медля, согласились на это.

Прежде всего выбранъ былъ свѣдущій въ военномъ дѣлѣ

человѣкъ, котораго считали годнымъ руководить дѣлами въ Сициліи. Гилиппъ, на котораго палъ выборъ, долгое время пробылъ вмѣстѣ съ жившимъ въ изгнаніи отцомъ своимъ въ Нижней Италіи и былъ поэтому знакомъ съ театромъ войны. Но кромѣ этого онъ обладалъ такою неутомимою дѣятельностью, такою смѣлостью и быстротой во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, какую у спартанцевъ видѣли раньше только въ военныхъ предпріятіяхъ Брасиды. Онъ превосходилъ этого прославленнаго героя хитростью

ТЕТРАДРАХМА СИРАКУЗЪ.

и лукавствомъ, далеко уступая ему, правда, въ неподкупной честности. Хотя назначеніемъ полководца поспѣшили, но при снаряженіи войскъ поступили съ обычною спартанскою медленностью. Гилиппу наскучило это мѣшканье, и онъ, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ мая 414 г. рѣшился предпринять плаваніе въ Италію, сначала только съ четырьмя тріэрами.

Осада Сиракузъ. Въ это время въ Сициліи совершились важныя дѣла. Послѣ того какъ аѳиняне, подъ начальствомъ разсудительнаго Никіи, провели осень 415 г., не считая незначительнаго побѣдоноснаго сраженія, большею частью въ праздности въ своемъ лагерѣ въ Катанѣ, они, наконецъ, подкрѣпившись конницей, выступили съ наступленіемъ слѣдующей весны 414 г., чтобъ серьезно напасть на Сиракузы. Войско высадилось къ сѣверу отъ города, гдѣ противникъ, правда, имѣлъ время сдѣлать всѣ возможныя приготовленія противъ осады.

Городъ этотъ, въ которомъ долгіе годы господствовали тиранны, теперь наслаждался демократическимъ устройствомъ. Гордые прежними побѣдами и рѣшительнымъ перевѣсомъ своимъ надъ всѣми сицилійскими государствами, граждане мнили себя — если не

на морѣ, то во всякомъ случаѣ на сушѣ—равными по силамъ съ Аѳинами. Во главѣ ихъ стоялъ Гермократъ, опытный и благоразумный мужъ, руководившій защитой съ усердіемъ и преданностью отечеству. Уже давно онъ обратилъ вниманіе на опасность, грозившую отъ Аѳинъ, когда эскадра послѣднихъ въ другихъ мѣстахъ пыталась дѣлать высадки и завоеванія. По его приглашенію, какъ выше упомянуто, въ Гелѣ сошлись послы различныхъ государствъ и, мирно уладивъ свои споры, заключили союзъ для поддержанія

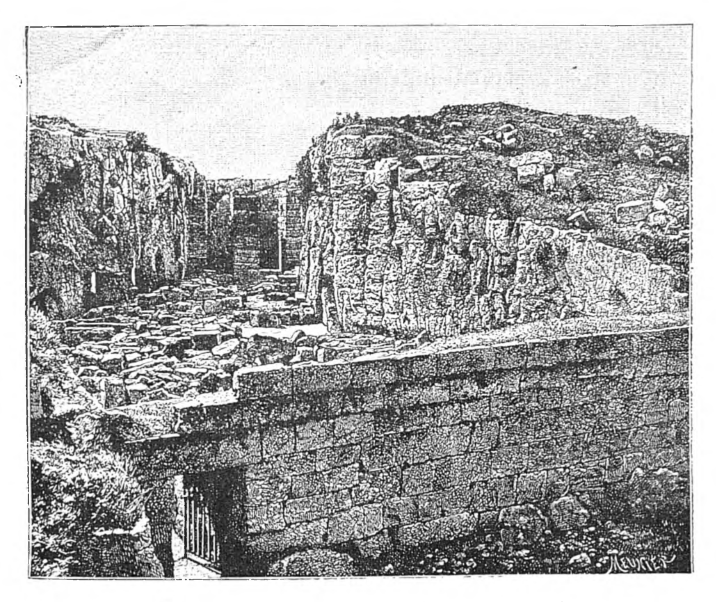

ДЕКАДРАХМА СИРАКУЗЪ.

свободы своей противъ чужой власти. Договоръ этотъ, правда, существовалъ недолго, такъ какъ граждане Сиракузъ, вопреки совѣту благоразумнаго мужа, старались привести прочіе союзные города въ зависимое отношеніе. Но когда у побережья появились аѳинскія силы, все-таки большинство сицилійскихъ городовъ стало готовиться къ отраженію общими силами. Въ Сиракузахъ Гермократъ былъ выбранъ главнокомандующимъ. Неутомимо стараясь пробудить всеобщее воодушевленіе, понукать вялыхъ, привлекать на свою сторону колеблющихся, онъ въ то же время съ благоразуміемъ и силой руководилъ приготовленіями къ оборонѣ и въ особенности обезопасилъ югозападную часть города, Неаполь (Теменитъ) крѣпкой стѣной, заложилъ двѣ крѣпостцы для охраны морского побережья и затруднилъ доступы къ мѣстамъ высадки загражденіемъ ихъ палисадами. Западное, господствовавшее надъ городомъ возвышеніе Эпиполы на всемъ его протяженіи втянуть въ линію укрѣпленія не хватило времени; но, когда узнали о приближеніи непріятелей, былъ отправленъ отборный отрядъ для прикрытія столь важной позиціи. Поспѣшно стали воины подниматься на цѣпь холмовъ и были уже близко отъ самой высокой вер-

шины Эвріала, какъ увидѣли передъ собой на высотѣ сверканіе шлемовъ и копій. То были аѳиняне, которые, скорымъ шагомъ подступивъ отъ Леона, успѣли уже занять гору и теперь, подвигаясь впередъ въ хорошемъ порядкѣ, несмотря на храброе сопротивленіе, обратили въ бѣгство сиракузскихъ воиновъ. Ободренные этой первой удачей, аѳиняне двинулись подъ самыя стѣ-

КРѢПОСТЬ ЭВРІАЛЪ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

ны Сиракузъ и предложили битву; но видъ ихъ тѣсно сомкнутыхъ рядовъ былъ такъ воинственъ, что непріятельскіе вожди не отважились съ ними встрѣтиться со своими менѣе опытными гоплитами.

Тогда Никія поспѣшно велѣлъ воздвигнуть въ южномъ направленіи отъ Трогила, въ городской части Эпиполахъ, на холмѣ Сике кругообразный больверкъ, чтобы съ этого пункта въ обѣ стороны производить обложеніе города. Одновременно онъ на сѣверномъ краю плоскогорья укрѣпилъ круто ниспадающій холмъ Лабдалонъ. Сиракузскіе граждане съ ужасомъ видѣли, какъ быстро

росли изъ земли угрожающія стѣны осадныхъ сооруженій, и по направленію отъ города заложили контрлинію. Но въ то время, когда они въ жаркій полдень предавались отдыху, на нихъ напалъ бдительный непріятель и частью перебилъ ихъ. Аѳиняне теперь были въ состояніи закончить обложеніе одновременно и къ сѣверу и къ югу отъ Эпиполъ. Сооруженіе на южной сторонѣ граждане пытались остановить поперечной стѣной, проведенной до рѣки Анапа; однако, эта работа не удалась вслѣдствіе смѣлаго нападенія аѳинянъ, и когда осажденные выступили затѣмъ со всѣми военными силами, они потерпѣли большое пораженіе. Въ этомъ сраженіи на сторонѣ аѳинянъ убитъ былъ мужественный Ламахъ, дотолѣ съ настойчивостью производившій осаду; Никія, напротивъ, лежавшій больнымъ въ круглой крѣпостцѣ Сике, спасъ послѣднюю и себя противъ наступающихъ сиракузянъ только тѣмъ, что велѣлъ поджечь скученные передъ внутренней стѣной запасы дровъ.

Одновременно съ побѣдоноснымъ нападеніемъ аѳинянъ на сиракузскій контрвалъ, и аѳинскій флотъ, въ блестящемъ видѣ проплывъ мимо города, проникъ въ большую гавань и тамъ сталъ при устьи Анапа. Никія, оставшись послѣ паденія Ламаха единственнымъ военачальникомъ, велѣлъ тогда проложить двойной валъ отъ Эпиполъ черезъ низменную болотистую мѣстность на югъ къ большой гавани. Осажденнымъ чрезъ это угрожалъ недостатокъ въ продовольствіи, такъ какъ теперь только еще на сѣверѣ между больверкомъ Сике и моремъ узкая полоса земли оставалась открытой для доставленія припасовъ. Еслибъ осаждающіе закончили въ эту сторону линію своихъ укрѣпленій, то голода отвратить было-бъ нельзя и сдача стала бы неизбѣжна. Но тутъ вмѣшалась въ дѣло природная вялость Никіи. Этотъ человѣкъ обладалъ достаточной проницательностью, чтобы обозрѣть какое-нибудь предпріятіе со всѣми его затрудненіями, обладалъ также и тактическими свѣдѣніями и, если требовала этого необходимость минуты, также, пожалуй, и энергическою рѣшимостью отважиться на крайнее. Но когда положеніе было благопріятно, онъ усыплялъ себя въ пріятномъ самообманѣ и отстранялъ всякія мысли о возможной перемѣнѣ. Онъ считалъ вѣрной близкую сдачу Сиракузъ, да и въ самомъ городѣ не было недостатка въ малодушныхъ гражданахъ, считавшихъ ее неизбѣжною и вступившихъ въ переговоры съ побѣдоноснымъ полководцемъ. Во-

обще, вслѣдствіе продолжающихся неудачъ во всѣхъ предпріятіяхъ, вслѣдствіе потерь, несмотря на всю храбрость, возникъ раздоръ среди сиракузскихъ гражданъ. Патріотическаго Гермократа съ его единомышленниками лишили главнаго начальства и передали командованіе тремъ неиспытаннымъ мужамъ. Не менѣе важнымъ для Никіи было довѣріе, которое стала оказывать ему большая

РѢКА АНАПЪ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

часть греческихъ городовъ острова, услышавъ о его боевыхъ подвигахъ. Доселѣ они съ большимъ напряженіемъ смотрѣли на борьбу между двумя государствами, не становясь на сторону одной изъ партій; теперь они доставляли продовольствіе и военные запасы въ лагерь и тѣснились къ побѣдоноснымъ аѳинскимъ знаменамъ, чтобы въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ принять участіе въ завоеваніи богатаго города.

Никія утопалъ въ счастливыхъ грезахъ о завоеваніи, которое должно было далеко превзойти всѣ прежніе побѣды и успѣхи

Аѳинъ. Извѣстіе, что къ угрожаемому городу приближается пелопоннесская помощь, казалось ему мало заслуживающимъ вниманія. Онъ былъ того мнѣнія, что на Гилиппа съ его четырьмя тріэрами слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на морского разбойника, недостойнаго того, чтобъ ему заграждать путь посылкой эскадры. Но онъ не зналъ новаго противника; онъ не чаялъ, какими силами владѣетъ геній, какія средства онъ въ состояніи отыскать и примѣнить поразительнымъ образомъ, и что среди силъ, обусловливающихъ человѣческія судьбы, самъ духъ человѣка стоитъ въ первомъ ряду.

Гилиппъ, сначала отброшенный бурями, поплылъ черезъ Мессанскій проливъ, благополучно присталъ со своей небольшой ратью къ сѣверному берегу въ Гимерѣ, съ привлеченными къ себѣ вспомогательными войсками прошелъ поперекъ острова и безъ задержки черезъ бывшій безъ караула горный проходъ Эвріальскій и дальше, обходя больверкъ Сике, къ городу, гдѣ онъ радостно былъ встрѣченъ, какъ ожидавшійся освободитель.

Прибытіе спартанскаго военачальника дало войнѣ другой оборотъ. Уже ранѣе болѣе короткимъ путемъ прибыла коринѳская эскадра, и вскорѣ должно было послѣдовать за нею вспомогательное войско изъ лакедемонянъ и беотійцевъ. Недожидаясь этого, Гилиппъ приступилъ къ нападенію на осаждающихъ. Первая его попытка помѣриться силами съ аѳинянами не удалась; но уже на слѣдующій день онъ снова вывелъ въ открытое поле своихъ ободренныхъ воиновъ и одержалъ полную побѣду. Онъ даже взялъ приступомъ Лабдалонъ, западный пунктъ горнаго хребта, и благодаря этому получилъ возможность провести валъ на сѣверномъ склонѣ отъ Эпиполъ до Эвріала и тамъ соорудить больверкъ.

Въ то же время Никія велѣлъ укрѣпить Племмирій, мысъ, съ юга замыкавшій устье большой гавани и господствовавшій надъ нимъ, между тѣмъ какъ на сѣверѣ эту роль игралъ островъ Ортигія. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ надежное мѣсто стоянки для флота, казавшееся, пожалуй, нужнымъ послѣ послѣднихъ удачъ непріятелей. Такъ какъ и дровъ и воды можно было достать только при постоянныхъ стычкахъ, что возбуждало много недовольства въ аѳинскомъ войскѣ, то Никія безъ обиняковъ сообщилъ о своемъ затруднительномъ положеніи въ Аѳины и по-

лучилъ завѣреніе, что весной къ нему присоединится второй, сильный флотъ. Между тѣмъ зима наносила вредъ какъ войску, такъ и кораблямъ: первое, будучи расположено лагеремъ въ низменностяхъ, страдало отъ злокачественныхъ лихорадокъ; послѣдніе, будучи угрожаемы непріятелемъ и поэтому постоянно держась въ морѣ, портились отъ мокроты. Прибытіе стратега Эвримедонта съ 10 тріэрами не измѣнило положенія

Когда только погода была благопріятна, неутомимый Гилиппъ возобновлялъ свои нападенія. По его увѣщанію сиракузяне построили корабли, упражнялись въ управленіи ими и отважились теперь напасть на аѳинянъ на ихъ же собственной стихіи. Съ флотомъ въ 80 кораблей, которые поплыли на парусахъ частью изъ внутренней бухты большой гавани у Ортигіи на Племмирій, частью изъ малой гавани шли вокругъ острова, они смѣло направились противъ непріятеля. Правда, они, послѣ стремленія, оставшагося долгое время сомнительнымъ, были разбиты, но тѣмъ временемъ на сушѣ самъ Гилиппъ обошелъ аѳинскія линіи и завоевалъ плохо охраняемый Племмирій со всѣми его запасами, такъ что аѳинскій флотъ снова долженъ былъ у устья Анапа стать на позиціи, которую укрѣпили вколоченными въ землю кольями, между тѣмъ какъ непріятельскій флотъ владѣлъ теперь входомъ въ большую гавань.

Сиракузяне укрѣпили теперь переднія части своихъ кораблей, замѣтивъ, чтъ аѳинскія тріэры были построены легко и пригодны для быстрыхъ передвиженій, но въ то-же время слишкомъ слабы, чтобы устоять противъ удара, нанесеннаго крѣпкимъ корабельнымъ носомъ. Благодаря этому, они одержали побѣду въ другомъ сраженіи и отогнали совершенно павшихъ духомъ осаждающихъ за ихъ палисады.

Второй походъ въ Сицилію. Велика была радость въ городѣ по случаю этой побѣды; теперь на непріятельскія силы, морскія и сухопутныя, смотрѣли, какъ лишь на обломки, обреченные на гибель. Счастье привлекло со всѣхъ сторонъ друзей и союзниковъ; изъ Коринѳа явились тріэры съ беотійскими гоплитами, изъ сосѣднихъ городовъ прибыли вспомогательныя войска. Гилиппъ, поддерживаемый Гермократомъ, безпрестанно старался тѣснить аѳинянъ, ограничить ихъ тѣснымъ пространствомъ на Анапѣ. Онъ ввелъ спартанскія упражненія и наполнилъ воиновъ

самоувѣренностью, требуя въ то же время, какъ военачальникъ, самаго безусловнаго повиновенія. Онъ приготовлялся къ рѣшительнымъ ударамъ, чтобы уничтожить аѳинскія силы, прежде чѣмъ прибудетъ къ нимъ помощь изъ отечественнаго города.

Но еще, повидимому, не должны были осуществиться эти надежды; ибо въ то время, какъ въ Сиракузахъ справляли празднество побѣды, внезапно увидѣли могучую эскадру, на всѣхъ парусахъ приближавшуюся съ сѣвера: она проплыла мимо самой Ортигіи и вошла въ большую гавань.

То былъ аѳинскій флотъ подъ командой уже извѣстнаго съ достохвальной стороны Демосѳена, побѣдителя при Сфактеріи. Онъ состоялъ изъ 73 тріэръ, на которыхъ было 5000 гоплитовъ, частью аѳинянъ, частью союзниковъ, и приблизительно 3000 человѣкъ пращниковъ и стрѣлковъ изъ лука. Эти вооруженія сдѣланы были въ Аѳинахъ среди опустошеній новаго вторженія въ Аттику пелопоннесцевъ, и въ то время, когда, расположенное въ 22 верстахъ къ сѣверу отъ Аѳинъ, мѣстечко Декелея на южномъ краю Парнеса занято было и укрѣплено непріятелемъ. Какъ ни мало еще жилъ въ городѣ и руководилъ государственными дѣлами духъ Перикла, народъ все-таки охватило всеобщее воодушевленіе и ободрило на настойчивую борьбу противъ ударовъ судьбы.

Какъ только Демосѳенъ познакомился съ мѣстностью и положеніемъ осады, рѣшеніе его было принято. Онъ понялъ, что только предпринятое со всѣми силами, какими можно располагать, рѣшительное нападеніе на линію сиракузскихъ окоповъ между городомъ и больверкомъ на Эвріалѣ могло бы въ случаѣ удачи снова обратить военное счастье въ пользу аѳинянъ, и что, если эта попытка не удастся, ничего не останется, какъ не мѣшкая снять осаду и вернуться въ Аѳины. Никія согласился сторожить лагерь, въ то время какъ его болѣе храбрый товарищъ руководилъ предпріятіемъ. Предпринятое съ осадными машинами нападеніе на поперечную стѣну было, однако, отбито и машины истреблены огнемъ. Теперь нужно было сдѣлать послѣднюю попытку нападеніемъ врасплохъ овладѣть непріятельской позиціей.

Въ свѣтлую лунную ночь жаждавшія сразиться аѳинскія дружины потянулись на западъ, вдоль южнаго склона Эпиполъ. Направо торчали кверху утесы горъ, слѣва тамъ и сямъ сверкали въ низменности воды Анапа. Незамѣтно обошли Эвріалъ и

тогда, взобравшись на валъ, напали на сонный гарнизонъ. Кто не былъ сейчасъ же убитъ, спасался бѣгствомъ. Сиракузяне и пришедшіе на помощь пелопоннесцы были разсѣяны побѣдоносно преслѣдовавшими ихъ аѳинянами, пока преслѣдователи не наткнулись на беотійскихъ гоплитовъ, которые въ непоколебимой позиціи своими копьями отбросили назадъ бѣглецовъ и побѣдителей и затѣмъ, сами наступая, привели непріятелей въ крайнее замѣшательство. Скоро въ ночной свалкѣ нельзя было уже и думать о возстановленіи порядка. Въ самой дикой рукопашной схваткѣ воины боролись за жизнь и побѣду. Тогда сражавшіеся на аѳинской сторонѣ гоплиты изъ Аргоса и Коркиры, подошедшіе сзади, подняли свой дорійскій боевой пэанъ. Въ царившей темнотѣ и всеобщемъ замѣшательствѣ аѳиняне подумали, что на нихъ съ тыла напалъ непріятель, и обратились въ злополучное бѣгство. Они падали, пронзенные непріятельскими копьями, они срывались внизъ съ отвѣсныхъ склоновъ; все войско было—спутавшаяся масса бѣглецовъ, частью безъ щита и оружія спѣшившихъ къ лагерю, частью падавшихъ въ руки сиракузскихъ всадниковъ. Потеря однихъ только ахейцевъ достигала количества 2500 человѣкъ.

Теперь наступилъ тотъ случай, о возможности котораго думалъ Демосѳенъ раньше. Всякіе шансы запереть городъ исчезли; онъ настаивалъ поэтому на немедленномъ отступленіи. Но тому воспротивился Никія въ непонятномъ ослѣпленіи. Онъ боялся отвѣтственности въ Аѳинахъ и все еще надѣялся на сдачу города партіей недовольныхъ въ Сиракузахъ. Лишь когда Гилиппъ привелъ къ гражданамъ новыя вспомогательныя войска, и войску аѳинянъ все болѣе приходилось терпѣть отъ возраставшихъ болѣзней, онъ согласился на отступленіе и сдѣлалъ всѣ нужныя для этого приготовленія. Всѣ войсковыя орудія, сухопутное войско, тяжело- и легковооруженные, были на корабляхъ, гребцы на-готовѣ, паруса подняты; никакая помѣха, никакая враждебная сила не препятствовала отплытію. На свѣтломъ небѣ стояла полная луна, освѣщая землю и море. Но вотъ, въ девять часовъ (27 августа 415 г.) она начала затемняться, и блестящій дискъ все болѣе и болѣе сталъ терять свое сіяніе, какъ будто ее одолѣвалъ ночной демонъ. Это, конечно, было не что иное, какъ часто видимое явленіе луннаго затменія, которое уже и тогда правильно

понималось и объяснялось многими научно-образованными людьми. Но Никія испугался; онъ задержалъ отплытіе, ибо онъ долженъ былъ сначала посовѣтоваться съ гадателями и толкователями знаменій, которыми набожный человѣкъ постоянно былъ окруженъ. Совѣтники полководца произнесли замѣчательное изреченіе, что воля боговъ такова, чтобы еще трижды девять дней оставались въ лагерѣ, въ лагерѣ на Анапѣ, гдѣ болотный воздухъ уже распространилъ среди войска ядовитыя лихорадки, надломилъ его духъ и его силу.

Это изреченіе вдохнулъ имъ не добрый богъ; это была творящая зло Ате, или—какъ говоритъ здравый умъ—то было пагубное заблужденіе суевѣрія, давшаго такой совѣтъ.

Сиракузяне воспользовались этимъ срокомъ для вооруженія своихъ морскихъ силъ. Затѣмъ они дерзко поплыли въ большую гавань и дали аѳинянамъ сраженіе, въ которомъ палъ полководецъ ихъ Эвримедонтъ и погибли восемнадцать кораблей ихъ вмѣстѣ съ экипажемъ. Лишь храбрость и порядокъ аѳинскихъ гоплитовъ, отбившихъ непріятельское сухопутное войско, бывшее подъ командой Гилиппа, спасли большую часть поврежденныхъ и отнесенныхъ къ берегу кораблей.

Такимъ образомъ, аѳинянамъ, послѣ того какъ они упустили надлежащій моментъ для безопаснаго отступленія, пришлось снова отважиться на опасную рѣшительную борьбу уже не ради побѣды, но ради самосохраненія. Сиракузяне заградили устье большой гавани сцѣпленными между собой кораблями и лодками; они заперли противникамъ открытое море, гдѣ тѣ опытомъ и тактикой превосходили всѣхъ эллиновъ и варваровъ. Въ тѣсномъ пространствѣ гавани, корабль противъ корабля, воинъ противъ воина должны были сразиться въ послѣдней битвѣ: тутъ было неизвѣстно, возьметъ ли верхъ отчаяніе, или мужество, даруемое успѣхомъ.

Никія сдѣлалъ все, что было возможно испытанному, храброму полководцу. Онъ въ правильной мѣрѣ распредѣлилъ гоплитовъ и стрѣлковъ, придумалъ абордажные крюки для переднихъ частей кораблей противъ непріятельскихъ тарановъ, представилъ вождямъ и экипажу въ мужественной рѣчи, какъ отъ ихъ поведенія зависятъ собственное ихъ спасеніе и сохраненіе отечества, и отпустилъ ихъ затѣмъ на битву.

Вначалѣ аѳиняне пытались прорвать преграду у входа въ га-

вань, но скоро, когда на нихъ напали со всѣхъ сторонъ, они должны были думать о боѣ, свирѣпствовавшемъ съ истребляющей силой въ тѣсномъ пространствѣ гавани. Счастье колебалось долгое время; наконецъ, во всѣхъ движеніяхъ своихъ встрѣчая препятствіе изъ-за тѣсноты пространства, стѣсненные непріятельскими тріэрами и вооруженными лодками и окружающимъ непріятельскимъ войскомъ, аѳиняне послѣ упорнѣйшаго сопротивленія совершенно были побѣждены, корабли ихъ частью потоплены, частью взяты, частью отогнаны на берегъ.

Осаждавшіе стали такими малодушными и безпомощными, что они не думали болѣе погребать своихъ умершихъ и брать съ собой больныхъ и раненыхъ, а заботились только о своемъ собственномъ спасеніи. И намѣреніе Демосѳена, съ флотомъ, все еще бывшимъ силой въ 60 судовъ, еще разъ попытаться вырваться изъ гавани, наткнулось на сопротивленіе у потерявшихъ духъ войскъ. Тогда единственнымъ средствомъ къ спасенію оставалось отступленіе сухимъ путемъ, бросивъ флотъ.

Погибель аѳинскаго войска. Веденное по ложному пути коварными, подкупленными непріятелемъ развѣдчиками, аѳинское войско лишь на третій день послѣ битвы начало отступленіе во внутрь Сициліи. Всего въ немъ было 40,000 вооруженныхъ и невооруженныхъ, которые, какъ убѣгающій народъ, перешли Анапъ, медленно подвигались впередъ среди безпрестанныхъ нападеній непріятельскихъ всадниковъ и стрѣлковъ. Дорогу, ведшую черезъ Акрское ущелье, они нашли прегражденной засѣками и вооруженными людьми; послѣ тщетной попытки здѣсь пробиться, они пошли по дорогѣ къ южному берегу. Демосѳенъ, ведшій аріергардъ, который изъ-за больныхъ и раненыхъ могъ идти лишь медленно, вскорѣ увидѣлъ себя отдѣленнымъ отъ прочаго войска. Онъ попалъ въ занертый со всѣхъ сторонъ стѣной масличный садъ одного помѣстья, гдѣ преграждены были всѣ выходы. Избѣгая сразиться вблизи съ отчаянными непріятелями, сиракузяне довольствовались тѣмъ, что со всѣхъ сторонъ метали свои смертоносныя копья и стрѣлы въ густую толпу. До вечера Демосѳенъ со своими войсками выдерживалъ неравную борьбу; но затѣмъ, истощенные голодомъ и ранами, аѳиняне сдались превосходившимъ ихъ силамъ. Бравый полководецъ не желалъ пережить своего плѣненія и обнажилъ уже на себя мечъ, когда его схватили и взяли

въ плѣнъ непріятели. Послѣ того какъ Гилиппъ отправилъ въ заключеніе большую часть раненыхъ воиновъ, онъ погнался во слѣдъ главнымъ силамъ непріятелей. Нагналъ онъ ихъ на слѣдующій день, и такъ какъ приглашеніе его сдаться было отвергнуто, то онъ продолжалъ преслѣдованіе, не давая себѣ покоя.

Аѳиняне, день спустя, при безпрестанныхъ стычкахъ, достигли небольшой рѣки Асинара, крутые берега которой дѣлали невозможнымъ стройный переходъ. Въ страхѣ передъ тѣснившими ихъ непріятелями и мучимые жгучей жаждою, воины бросились въ воду. Вода была не глубока, но текла она такъ быстро, что увлекла съ собой многихъ изъ истощенныхъ людей. Еще больше воиновъ пало отъ копій и стрѣлъ преслѣдовавшихъ сиракузянъ, съ берега цѣлившихся въ несчастныхъ. Вода побагровѣла отъ крови, и вскорѣ въ ней лежали скученными груды труповъ. Самъ Гилиппъ, будучи человѣчнѣе кровожадной дружины, остановилъ, наконецъ, рѣзню и велѣлъ взять въ плѣнъ остатки аѳинскаго войска, среди нихъ и Никію. Но тщетно пытался онъ въ Сиракузахъ спасти предводителей, чтобы вести ихъ, какъ трофеи, въ Спарту. Оба они были приговорены къ смерти: въ древности не знали милосердія къ побѣжденнымъ непріятелямъ.

Прочіе плѣнные, ихъ, по разсказамъ, было 7000, заключены были въ каменоломни у Сиракузъ, гдѣ они, пытаемые голодомъ и жаждой, не защищенные отъ солнечнаго зноя днемъ и отъ холода осеннихъ ночей, должны были провести 70 дней.

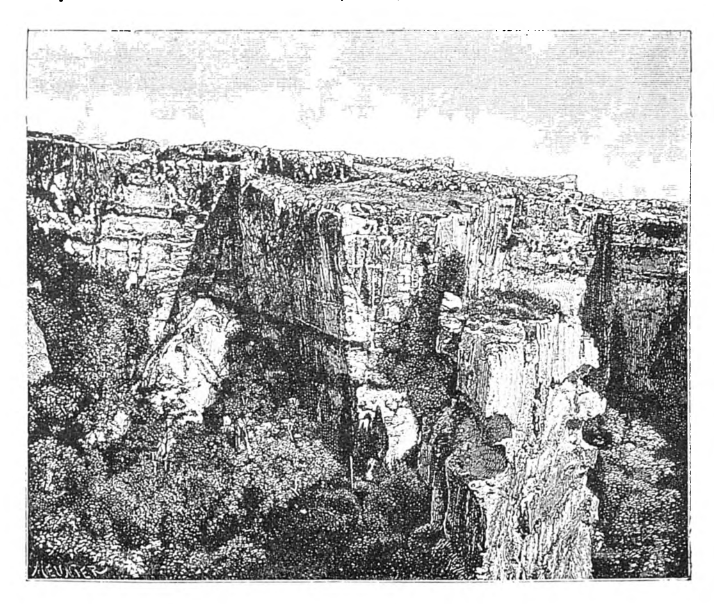
Оставшіеся въ живыхъ потомъ были проданы въ рабство, и изъ нихъ иные спаслись бѣгствомъ, другіе получили свободу, такъ какъ образованіемъ и благородными нравами пріобрѣли себѣ любовь и уваженіе своихъ хозяевъ. Такимъ образомъ нѣсколько бѣглецовъ вернулись на родину.

Положеніе Аѳинъ. Во время этихъ происшествій тяжкая забота угнетала Аѳины, ибо послѣднимъ извѣстіемъ, отправленнымъ туда несчастными полководцами, была вѣсть о пораженіи на Эпиполахъ.

По уничтоженіи войска, въ Аѳинахъ сначала распространились неопредѣленные ужасающіе слухи, какъ, прежде чѣмъ разразится пагубная гроза, со всѣхъ сторонъ собираются свинцовыя тучи и затемняютъ дневной свѣтъ.

Наконецъ, тяжкій ударъ, постигшій государство, сталъ извѣ-

степъ въ городѣ. Нельзя было болѣе сомнѣваться въ огромныхъ размѣрахъ несчастья. Глубоки и болѣзненны были печаль и стоны въ семьяхъ, потерявшихъ отцовъ, мужей и сыновей, но еще болѣе наполнялъ всѣ сердца вопль о падающемъ государствѣ, объ идущемъ къ гибели отечествѣ, и еслибъ теперь пелопоннесцы двинулись съ своими войсками, они, быть можетъ, нашли бы го-

КАМЕНОЛОМНИ ОКОЛО СИРАКУЗЪ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

родъ безоружнымъ. Впрочемъ быстрое преслѣдованіе не лежало въ характерѣ спартанцевъ.

Въ Аѳинахъ требовались сильныя вооруженія, чтобы отразить грозящую гибель; но подъ ударами судьбы окрѣпло въ гражданахъ рѣшеніе жертвовать имуществомъ и кровью за свое спасеніе и, если будетъ все напрасно, то погибнуть не безславно, но достойно предковъ. Навезли строительнаго лѣса, собрали денегъ, приступили къ постройкѣ новыхъ кораблей, и когда съ весной слѣдующаго года (412) двинулся непріятель, то на морѣ снова былъ аѳинскій флотъ. Теперь, правда, отпали многіе союзники

и зависимыя государства, какъ Хіосъ, Лесбосъ, Милетъ, Родосъ, потомъ даже Византія и противоположный Халкедонъ, да и аѳиняне не обладали болѣе превосходствомъ на морѣ, выказаннымъ нѣкогда Формiономъ; но все-же они сражались съ большимъ напряженіемъ и ни безславно, ни безъ счастія. Борьба прежде всего загорѣлась за цвѣтущій островъ Хіосъ, затѣмъ въ водахъ между Самосомъ, гдѣ стояли аѳиняне, и Милетомъ, гдѣ стояли флоты пелопоннесцевъ. На самомъ островѣ Самосѣ образовались пагубныя гетеріи геоморовъ (аристократовъ) и демократовъ, но послѣдніе побѣдили, убили 200 своихъ противниковъ, прогнали прочихъ со двора и остались при союзѣ съ Аѳинами. Въ одномъ жаркомъ сраженіи аѳиняне одержали верхъ и хотѣли уже приступить къ осадѣ Милета, когда прибыли пелопоннесская, а вскорѣ и сиракузская эскадра и принудили ихъ къ отступленію на Самосъ.

Всѣми этими предпріятіями непріятеля руководилъ теперь Алкивіадъ. Онъ безпрестанно побуждалъ медлившихъ спартанцевъ къ дѣятельности и склонилъ также на ихъ сторону персидскаго сатрапа Тиссаферна, такъ что онъ въ договорѣ обязался платить жалованье, правда, лишь подъ мало почетнымъ для эллиновъ условіемъ подчиненія іонійскихъ городовъ персидской власти. Мы должны поэтому снова оглянуться на лишеннаго родины бѣглеца.

АЛКИВІАДЪ И ЛИСАНДРЪ.

Ловкость и, какъ тѣлесная, такъ и умственная, гибкость Алкивіада давали ему возможность въ Спартѣ являться совершеннымъ спартіатомъ. На воинскихъ упражненіяхъ онъ оказывался однимъ изъ первыхъ, и черную похлебку, казалось, онъ ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, что какъ-бы онъ родился на Эвротѣ. Но за то склонности своей къ интригамъ и безнравственнымъ наслажденіямъ онъ одолѣть не могъ. Онъ пріобрѣлъ расположеніе прекрасной Тимэи, жены царя Агиса, но чрезъ это онъ навлекъ на себя непримиримую вражду оскорбленнаго мужа. Хотя онъ-то главнымъ образомъ и склонилъ на сторону Лакедемона Хіосъ, Милетъ и другіе города, хотя онъ пріобрѣлъ персидскаго сатрапа Тиссаферна въ Сардахъ и его крайне

необходимую поддержку деньгами для постройки и содержанія флотовъ, все-таки онъ скоро попалъ въ немилость и былъ заподозрѣнъ въ коварствѣ и измѣнѣ, когда персъ въ собственныхъ интересахъ удержался отъ болѣе дѣйствительной помощи. Агисъ упорно раздувалъ въ Спартѣ это подозрѣніе, и эфоры поручили, наконецъ, лакедемонскому военачальнику Астіоху въ Милетѣ какъ можно скорѣе устранить неудобнаго для нихъ изгнанника.

АЛКИВІАДЪ.

Мраморная герма, открытая въ Римѣ, на Целіѣ, и хранящаяся въ Ватиканѣ, по Висконти, Iconografia greca, tav. 16. Отъ надписи остались только первыя пять буквъ: ΑΛΚΙΒ (ιάδης).

Алкивіадъ у персовъ. Смѣлый искатель приключеній, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же отправился къ Т и с с а ф е р н у, при дворѣ котораго онъ выступалъ, какъ природный персъ. Длинныя одѣянія отлично шли красивому мужчинѣ. Онъ льстилъ, охотился, пилъ прелестнѣйшее вино и становился своей любезностью и своими неистощимыми совѣтами необходимымъ для сатрапа. Но для честолюбія его было недостаточно быть и оставаться прихлебателемъ, хотя бы и первымъ и знатнѣйшимъ, среди придворныхъ при дворѣ повелителя-варвара. Ему казалось, что теперь для него настало время снова принять на себя въ Аѳинахъ, въ отечественномъ городѣ, находящемся, благодаря его измѣнническимъ интригамъ, въ жестоко угнетенномъ положеніи, ту роль, о которой онъ нѣкогда мечталъ на своей блестяще украшенной тріэрѣ, во главѣ войска въ Пиреѣ. Онъ послалъ тайную вѣсть въ аѳинскій лагерь на Самосѣ, что если его призовутъ обратно, онъ принесетъ аѳинянамъ персидскія деньги и персидскую помощь. Въ сво-

ихъ переговорахъ съ вліятельнѣйшими лицами войска, однако, онъ, прежде чѣмъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги въ пользу Аѳинъ, поставилъ условіемъ измѣненіе государственнаго устройства въ олигархическомъ смыслѣ; пока-де во главѣ государства стоитъ изгнавшая его демократія, онъ никогда не вернется.

Перемѣна въ Аѳинахъ. Въ Аѳинахъ олигархическая форма правленія! Господство народа тамъ уничтожено! Почти немыслимое слово было брошено какъ приманка, и нашлись люди, которые сочли его выполнимымъ, которые, наконецъ, хитростью и насиліемъ привели его въ исполненіе. Несмотря на отсовѣтываніе Фриниха, Лисандръ, прежде демократическій демагогъ, казавшійся особенно пригоднымъ для этой роли, по порученію заговорщиковъ съ единомыслящими людьми отправился въ Аѳины, гдѣ онъ въ ловкой рѣчи представилъ необходимость измѣнить государственное устройство. Онъ доказывалъ, что необходимо единое правительство, что государственная казна совершенно истощена и долѣе не въ состояніи покрывать расходы на жалованье правительственнымъ должностнымъ лицамъ и судьямъ, что нужно вернуться къ обычаямъ отцовъ и употребить находящіяся на-лицо деньги на войну. Подъ его руководствомъ образовался союзъ, занявшійся ниспроверженіемъ государственнаго устройства. Во главѣ его стояли ловкіе и безцеремонные люди, особенно ораторъ Антифонтъ и честолюбивый Ѳераменъ. Партія эта, хотя менѣе варварская, чѣмъ коркейцы, все же не отступала передъ убійствомъ: нѣсколько народныхъ вождей, люди рѣшительнаго сопротивленія, какъ Андроклъ, устроившій раньше изгнаніе Алкивіада, устранены были кинжаломъ, такъ что на гражданъ напалъ всеобщій страхъ. Но, отправившись для переговоровъ о союзѣ къ персидскому намѣстнику, Лисандръ ничего не могъ добиться изъ-за преувеличенныхъ требованій Алкивіада. Негодуя на двусмысленное поведеніе послѣдняго, заговорщики рѣшили отказаться отъ его участія и на свой страхъ добиться введенія олигархіи. Лисандръ вернулся въ Аѳины, гдѣ между тѣмъ все было приготовлено наилучшимъ образомъ, и привелъ въ исполненіе свои планы, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. Старыя власти получили отставку. Затѣмъ устранены были жалованья и поденная плата; далѣе были назначены пять предсѣдателей, которые выбрали 100 совѣтниковъ, изъ которыхъ каждый присоединилъ къ себѣ трехъ товарищей. Эти

400 должны были управлять всѣми дѣлами государства и въ важныхъ случаяхъ собирать гражданъ; а полноправныхъ гражданъ всего должно было быть только 5000 человѣкъ, которые были пригодны для этого по своему происхожденію и состоянію. Таково было то устройство, которымъ быстро окрѣпшая олигархія осчастливила государство и себя саму.

Вѣсть объ этомъ скоро достигла войска и флота на Самосѣ и, по обыкновенію, была преувеличена. Тамъ говорили, что принудили къ этому народъ мечомъ и кинжаломъ, женщинъ и дѣтей истязали кнутами, и что властители строятъ тюрьмы и остроги. Шумъ, раздоръ среди воиновъ и моряковъ увеличивались угрожающимъ образомъ. Но патріоты, каковы были тріэрархи Ѳрасибулъ и Ѳрасиллъ, успокоили толпу, обязывая ее вѣрно и твердо держаться за демократическое устройство. Они объявили, что при данныхъ обстоятельствахъ государство на Самосѣ и на флотѣ, а не на Илиссѣ.

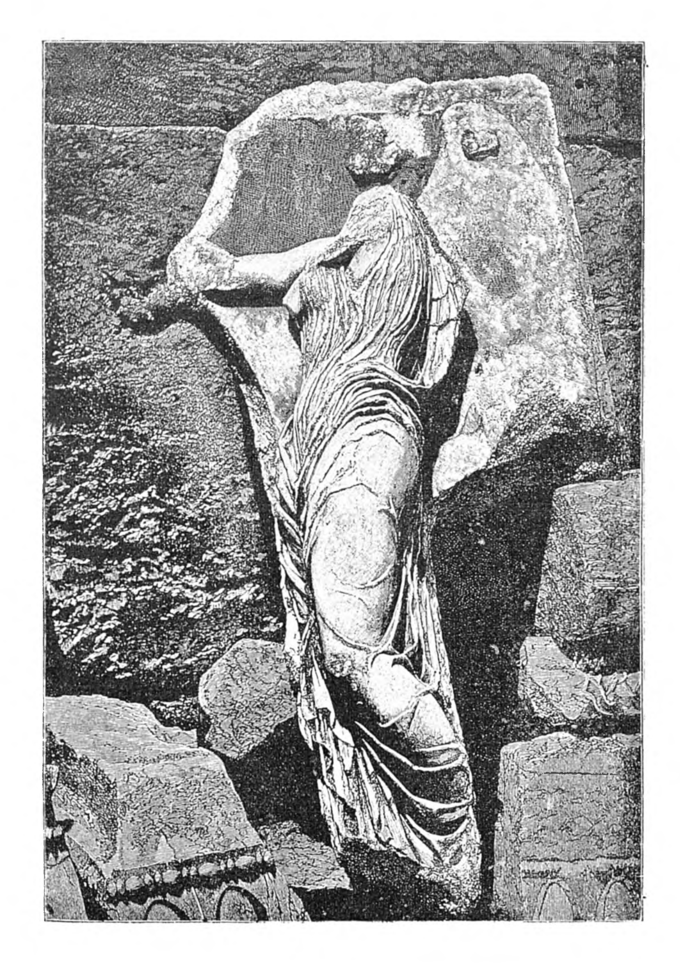
Вскорѣ послѣ этого аѳинскими военачальниками рѣшено было призвать обратно Алкивіада, и когда тотъ услышалъ объ этомъ настроеніи вооруженныхъ силъ, то ничуть не задумался перемѣнить фронтъ и выказать демократическій образъ мыслей. Сейчасъ по прибытіи своемъ въ Самосъ, онъ войскомъ былъ назначенъ неограниченнымъ полководцемъ. Но и Ѳераменъ въ Аѳинахъ и другіе правители сдѣлали тотъ же шагъ, замѣтивъ угрожающее поведеніе народной массы. Въ самомъ дѣлѣ, стали собираться вооруженныя толпы, разнесли замокъ новаго совѣта въ Пиреѣ и грозили всеобщей рѣзней аристократовъ.

Однако, появленіе пелопоннесскаго флота, сначала угрожавшаго гавани, затѣмъ приставшаго къ острову Эвбеѣ, житницѣ опустошенной Аттики, наполнило умы всѣхъ тяжкими заботами. Бывшіе на-лицо корабли поспѣшно снабжены были экипажемъ и отправлены къ Эретріи; но они, вслѣдствіе измѣны, потерпѣли полное пораженіе. Двадцать двѣ тріэры попали въ руки непріятеля, и вскорѣ Эретрію, вскорѣ весь островъ постигла та же участь. Ударъ за ударомъ поражалъ несчастныя Аѳины, которыя были расшатаны внутри, пали духомъ и многими уже считались погибшими. Лишь всеобще-распространенное образованіе, разумѣніе государственныхъ дѣлъ, которое было свойственно и простому человѣку, дѣлаютъ понятнымъ, что граждане все еще

сохраняли твердость. Они снарядили оставшіяся еще суда для охраны гавани, собрались на старомъ мѣстѣ совѣщаній, Пниксѣ, смѣнили совѣтъ четырехсотъ, снова ввели прежнія власти въ ихъ должности, и вообще, послѣ того какъ нѣкоторые зачинщики переворота наказаны были смертью, снова возстановили умѣренное демократическое устройство и направили взоръ свой черезъ море на Самосъ, гдѣ были еще въ сборѣ флотъ и войско. Тамъ находился и герой, въ долгомъ изгнаніи до сихъ поръ производившій разрушительные удары противъ родного города, теперь примиренный, стоявшій передъ очами всѣхъ, какъ ангелъ-спаситель, Алкивіадъ, бѣглецъ, лишенный родины. Онъ сулилъ персидскія деньги, персидскую помощь; онъ былъ готовъ свой столь богатый средствами геній снова отдать на службу государству. Тутъ народъ не медлилъ дольше освободить его отъ опалы и изгнанія, возстановить его во всѣхъ его имѣніяхъ и правахъ и возложить на него должность стратега. И казалось въ самомъ дѣлѣ, будто его назначеніемъ были примирены боги, возвращено счастье, такъ какъ вскорѣ послѣ этого прибыло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Ѳрасибуломъ и Ѳрасилломъ въ водахъ Геллеспонта.

Дѣло въ томъ, что война направилась къ Геллеспонту, гдѣ сначала бились съ перемѣннымъ счастьемъ, пока названные полководцы при Киноссема не одержали значительной побѣды надъ лакедемонскимъ адмираломъ Миндаромъ. Въ другой битвѣ, при Абидосѣ, рѣшеніе долго колебалось. Но вотъ появилась эскадра въ 18 кораблей; пурпуровый флагъ развѣвался съ мачты передней тріэры: то былъ Алкивіадъ и съ нимъ побѣда. Пелопоннесскій флотъ отогнанъ былъ къ берегу, но здѣсь счастливо защищенъ былъ персидской конницей подъ начальствомъ сатрапа Фарнабаза.

Алкивіадъ за Аѳины. Окруженный блескомъ побѣды, Алкивіадъ отправился теперь (410) къ старому покровителю своему, сатрапу Тиссаферну, чтобы склонить его на сторону Аѳинъ; но персъ велѣлъ его въ цѣпяхъ привести въ Сарды. Однако, заключеніе длилось лишь короткое время, такъ какъ весной Алкивіадъ убѣжалъ, благодаря дружеской помощи и подкупу, и поспѣшилъ къ Геллеспонту, гдѣ находился аѳинскій флотъ подъ командой Ѳрасибула и Ѳерамена. Онъ тотчасъ же направился къ Кизику

ПОБѢДА
(БАРЕЛЬЕФЪ БАЛЮСТРАДЫ ХРАМА АѲИНЫ НИКИ (БЕЗКРЫЛАЯ ПОБѢДА); СЪ ФОТОГРАФІИ.

на Пропонтидѣ (Мраморномъ морѣ), гдѣ пелопоннесцы разставили свои силы на морѣ и на сушѣ. „Троякое дѣло за вами“, крикнулъ онъ начальникамъ: „приготовьтесь къ битвѣ на морѣ, на сушѣ и противъ стѣнъ города“. Притворнымъ бѣгствомъ онъ выманилъ лакедемонянъ подъ начальствомъ Миндара изъ гавани, неожиданно напалъ на нихъ со всѣми силами своими и согналъ ихъ на берегъ. Послѣ того какъ онъ тамъ высадился, завязался упорный бой. Непріятельскіе моряки и гоплиты и Фарнабазъ со своими всадниками были смяты, весь пелопоннесскій флотъ попалъ въ руки аѳинянъ, а на слѣдующій день напали и на городъ Кизикъ и завоевали его.

Еще много успѣховъ сдѣлали аѳиняне подъ начальствомъ своего отважнаго вождя. Въ городѣ Селибріи (Селимбріи) Алкивіадъ съ тридцатью воинами, бывшими подъ рукой, врывается въ ворота, открытыя подкупленными измѣнниками. Благодаря смѣлости, онъ задерживаетъ нападающихъ гражданъ, пока не подходитъ другое войско и не завершаютъ побѣды. Важную Византію онъ беретъ приступомъ послѣ шестимѣсячной осады, мнимымъ нападеніемъ на гавань отвлекши вооруженныя силы отъ защиты стѣнъ со стороны суши. А на площади, гдѣ эти силы выступаютъ ему навстрѣчу, онъ послѣ долгой, кровавой борьбы одерживаетъ полную побѣду. Еще раньше Ѳасосъ, Перинѳъ, Халкедонъ и другіе города попали въ руки аѳинянъ; даже во внутреннюю область Фарнабаза Алкивіадъ сдѣлалъ уже побѣдоносныя вторженія, увелъ оттуда много людей, скота и хлѣба и захватилъ громадныя суммы денегъ, такъ что онъ былъ въ состояніи не только обильно кормить и оплачивать свои войска, но и отправить въ Аѳины цѣлые флоты кораблей съ зерномъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ совершенно выбилъ съ боевого поля пелопоннесцевъ; ихъ командиры писали по своему, лаконически, въ Спарту: „Наше счастье ушло, Миндаръ умеръ, воины голодаютъ; что дѣлать?“

Возвращеніе въ Аѳины. Теперь, наконецъ, думалось Алкивіаду, пришло время вновь посѣтить долго не видѣнный имъ родной городъ. Онъ поплылъ (408) изъ Азіи вдоль лакедемонскаго побережья. Вотъ появилась Эгина, вотъ показался здѣсь Саламинъ, тамъ Суній со своимъ мраморнымъ храмомъ, а по рединѣ сверкалъ Акрополь и золотое копье и шлемъ Аѳины, какъ будто она предлагала

бѣглецу желанное убѣжище въ священныхъ предѣлахъ отечественнаго города. Открылся передъ нимъ Пирей; попутный вѣтеръ надувалъ пурпуровые паруса его тріэры, гребцы пѣли, флейтисты играли обычное привѣтствіе; нагруженный сокровищами и добычей флотъ, за которымъ слѣдовали 200 завоеванныхъ непріятельскихъ кораблей, вошелъ въ гавань. И опять, какъ при выступленіи въ Сицилію, на палубѣ стоялъ тотъ мужъ, который, казалось, держалъ въ своихъ рукахъ гибель и возвышеніе своего родного города. Окруженный приверженцами и начальниками кораблей, Алкивіадъ прошелъ чрезъ ряды собравшихся въ праздничномъ нарядѣ гражданъ и торжественно вступилъ въ Аѳины. Передъ совѣтомъ Пятисотъ онъ старался оправдаться, насколько могъ. Лучшимъ оправданіемъ было, конечно, донесеніе о послѣднихъ его побѣдахъ, вслѣдствіе чего его освободили отъ прежнихъ обвиненій и утвердили назначеніе его первымъ стратегомъ.

Обозрѣвая событія пелопоннесской войны послѣ Никіева мира, чувствуешь охоту считать ихъ эпической поэмой, въ трогательныхъ мотивахъ спѣтой другимъ Гомеромъ современникамъ и потомству. Героя обижаютъ товарищи по лагерю, онъ гнѣвается, онъ удаляется отъ борьбы, и вотъ разрушительные удары поражаютъ тѣхъ, кто вредилъ ему. Никакое мужество, никакая храбрость, никакая жертва достояніемъ и кровью не помогаютъ противъ судьбы, опредѣленной вседержащимъ Кроніономъ. Надежды падаютъ, пламя гибели кажется охватило городъ. Но вотъ наступаетъ примиреніе; герой снова съ копьемъ и щитомъ во главѣ своихъ выступаетъ въ бой, счастіе возвращается, и море и земля дѣлаются свидѣтелями его подвиговъ, его побѣдъ. Но этотъ герой не есть герой чистый и незапятнанный, какъ Ахиллесъ, онъ въ гнѣвѣ своемъ не смотритъ безучастно на борьбу, онъ измѣннически управляетъ ударами, поражающими его отечество. Онъ самъ вызвалъ гибель; онъ лишь короткое время задерживаетъ ее въ ея разрушительномъ ходѣ; но нечистой рукой онъ не въ состояніи отклонить ее надолго; она все-же, наконецъ, разражается надъ его отечественнымъ городомъ, хоръ котораго восклицаетъ передъ зрителемъ:

,,Наслажденіе сердца—не высшее благо,
Но величайшее изъ золъ—вина.“

Алкивіадъ на первое время сталъ средоточіемъ политической

и общественной жизни. Онъ провожалъ также во главѣ всѣхъ сухопутныхъ силъ процессію въ Элевсинъ для празднованія элевсинскихъ мистерій, которой уже много лѣтъ не рѣшались предпринимать изъ страха передъ царемъ Агисомъ въ Декелеѣ; а затѣмъ, онъ снова сѣлъ на корабль для новыхъ военныхъ предпріятій.

Послѣ неудавшейся попытки снова завоевать отпавшій островъ Андросъ, онъ съ своимъ флотомъ въ 80 судовъ отправился къ Самосу и сталъ напротивъ лакедемонянъ, которые съ 70 кораблями находились на азіатскомъ берегу, въ безопасной гавани, въ Эфесѣ. Но тщетно пытался онъ, тѣснимый недостаткомъ денегъ, принудить непріятелей къ битвѣ. Они тогда стояли подъ главной командой лица, которое въ нѣсколькихъ чертахъ можно сравнивать съ Алкивіадомъ.

Лисандръ. То былъ Лисандръ, спартіатъ изъ обѣднѣвшаго рода Гераклидовъ, по другимъ извѣстіямъ, только моѳакъ, за котораго друзья должны были вносить его долю на общественные обѣды. Онъ обладалъ необыкновенной ловкостью во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, особенно въ сношеніи съ лицами всякаго сословія. Съ этимъ онъ соединялъ военныя способности, осторожность во всѣхъ предпріятіяхъ и рѣдкое лукавство въ пользованіи данными обстоятельствами. Въ геніальности, неистощимости въ отысканіи вспомогательныхъ средствъ, онъ, правда, уступалъ многостороннему аѳинянину; но его честолюбивая, жаждавшая подвиговъ душа никогда не ослѣплялась блескомъ золота и не отвлекалась съ предначертаннаго пути опьяненіемъ удовольствія. Впрочемъ, правда и то, что онъ добросовѣстность въ выборѣ средствъ считалъ слабостью, что доказываетъ приписанное ему изреченіе: „Дѣтей обманываютъ костями, мужей клятвами, а гдѣ львиной кожи недостаточно, тамъ нужно надѣть лисью шкуру“.

Въ то время престарѣлый персидскій царь, побужденный просьбами своей супруги Парисатиды, послалъ любимаго изъ ея двухъ сыновей, Кира, юношу большой ловкости тѣлесной и духовной, въ качествѣ своего замѣстителя въ Малую Азію. Молодому, не разслабленному жизнью въ серали, царевичу, желавшему дѣятельнѣе вмѣшаться въ войну, понравился Лисандръ, явившійся съ другими послами при дворѣ его въ Сардахъ. На праздничномъ обѣдѣ онъ выпилъ за здоровье своего спартанскаго гостя и спросилъ его, какой онъ желаетъ отъ него милости. „По оболу при-

бавки къ жалованью каждаго воина на флотѣ“, отвѣтилъ Лисандръ. Такое безкорыстіе, рѣдкость у обыкновенно такъ подкупныхъ эллиновъ, удивило царевича. Онъ не только изъявилъ согласіе на его просьбу, но и обратилъ къ полководцу свое полное довѣріе.

Алкивіадъ видѣлъ, конечно, успѣхи непріятеля, флотъ котораго тѣмъ временемъ возросъ до 90 кораблей, но онъ не могъ препятствовать имъ изъ-за продолжавшейся нужды въ деньгахъ. Негодуя на это вынужденное бездѣйствіе, онъ искалъ другого развлеченія. Тамъ были веселые люди, охотно помогавшіе праздновать вакханалію, прелестныя іонянки, питавшія расположеніе къ красивому мужчинѣ. А онъ не пугался труда дѣлать при случаѣ ради такого времяпрепровожденія экскурсіи. Наконецъ, чтобы, во что бы то ни стало, добыть себѣ денегъ, онъ предпринялъ настоящій разбойническій набѣгъ на материкъ Малой Азіи и разграбилъ даже область союзнаго съ Аѳинами города Киме.

Въ его отсутствіе главное начальство принадлежало его кормчему А н т і о х у, тому самому, который нѣкогда, какъ было разсказано, поймалъ ему улетѣвшаго перепела и съ тѣхъ поръ былъ у него въ большой милости. Онъ, въ то время какъ Алкивіадъ съ нѣсколькими кораблями отплылъ въ Фокею, вздумалъ предпринять что-нибудь на свою руку и, вопреки рѣшительному запрещенію главнокомандующаго, дерзко поплылъ отъ Нотія противъ лакедемонскаго флота у Эфеса. Тогда неожиданно выскочилъ Лисандръ и побѣдилъ приведенныхъ въ замѣшательство аѳинянъ, изъ которыхъ многіе, какъ и самъ Антіохъ, тутъ нашли смерть.

Напрасно Алкивіадъ поспѣшно вернулся и предложилъ непріятелю вторую битву; тотъ недвижно оставался въ безопасной гавани. За то въ войскѣ поднялся громкій ропотъ на полководца, обѣщавшаго одну побѣду за другой и ничего не сдѣлавшаго. Въ Аѳинахъ его снова смѣстили съ должности, и этимъ навсегда окончилось его блестящее поприще. Изгнанный изъ своего отечества, онъ отправился въ свои имѣнія на ѳракійскомъ Херсонесѣ, все еще въ надеждѣ, что вторичная перемѣна вещей снова откроетъ ему театръ подвиговъ.

Калликратида. И Лисандръ, по истеченіи своего должностного года, отступилъ на задній планъ. На его мѣсто сталъ К а л л и к р а т и д а, человѣкъ благороднѣйшаго спартанскаго характера.

Храбрымъ, правдивымъ, врагомъ всякаго притворства и человѣкомъ благороднѣйшаго образа мыслей началъ онъ свое блестящее поприще, которое такъ преждевременно должно было окончиться. Негодованіе войска и милетцевъ, возбужденное противъ него Лисандромъ, онъ сумѣлъ успокоить искренними словами. Послѣднихъ онъ побудилъ къ денежнымъ взносамъ, первое онъ воинскими упражненіями приготовилъ къ бою. Затѣмъ онъ поплылъ въ открытое море, взялъ Киме и Фокею и приступомъ овладѣлъ Меѳимной на Лесбосѣ. Когда ему посовѣтывали продать меѳимнянъ и плѣнныхъ аѳинянъ въ качествѣ рабовъ, онъ произнесъ достойныя слова: „Ни одинъ изъ моихъ эллинскихъ братьевъ подъ моимъ главнымъ начальствомъ не попадетъ въ рабство“ и отпустилъ плѣнныхъ безъ выкупа. Затѣмъ онъ съ 140 кораблями погнался за аѳинскимъ флотомъ въ 70 тріэръ, бывшимъ подъ начальствомъ Конона, сдавилъ его своимъ численнымъ превосходствомъ силъ, нанесъ ему уронъ въ 30 кораблей, а остальные заперъ въ гавани Митилены. Для освобожденія ихъ аѳиняне напрягли всѣ свои силы. Старъ и младъ, свободные и рабы сѣли на корабли; въ теченіе тридцати дней снабжены были экипажемъ 100 кораблей, къ которымъ присоединились еще союзники. Армада въ 150 кораблей вышла въ море. Калликратида, оставивъ одну эскадру для обложенія Конона, встрѣтился съ этой армадой у аргинусскихъ острововъ, между Лесбосомъ и материкомъ. Жестокъ и кровавъ былъ бой. Но когда Калликратида при абордажѣ тріэры упалъ въ море, счастье сказалось въ пользу аѳинскихъ превосходящихъ силъ.

Однако, побѣдоносные полководцы мало радовались этой побѣдѣ. Когда, по прекращеніи преслѣдованія, надо было собирать убитыхъ и потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, то вслѣдствіе внезапно разразившейся бури, мѣшавшей всякому выходу въ море, не были въ состояніи собирать труповъ и спасать согражданъ, носившихся на обломкахъ кораблей. Въ Аѳинахъ по этому поводу возникло большое волненіе, которое усердно раздувала партія олигарховъ, не заботясь о чести государства. Жаловались, что столькимъ храбрымъ бойцамъ, одержавшимъ побѣду, пришлось погибнуть отъ заслуживающаго наказанія легкомыслія, что даже трупы ихъ не были удостоены почтеннаго погребенія; угрожали самимъ судьямъ обвиненіемъ и преслѣдованіемъ, если они оставятъ преступленіе не-

наказаннымъ; требовали тайной подачи голосовъ относительно жизни или смерти будто-бы виновныхъ. Угрозамъ, дикому крику насильственной толпы пританы уступили, за исключеніемъ только одного, и это былъ Сократъ, не знавшій страха мудрецъ, предсѣдательствовавшій въ народномъ собраніи и не соглашавшійся на такое несправедливое судопроизводство. Но голосъ его не былъ услышанъ: шестеро изъ полководцевъ должны были выпить чашу съ ядомъ, одинъ палъ, двое бѣжали. Среди шести приговоренныхъ къ смерти былъ также сынъ великаго государственнаго мужа Перикла и Аспасіи.

Мы видимъ здѣсь при исходѣ роковой войны взаимную борьбу флотовъ и войскъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ они не были выставлены вначалѣ. Аѳинскій народъ боролся съ отчаяннымъ мужествомъ противъ несчастнаго рока, и не безъ славы, не безъ удачи; но недоставало твердой руки энергичнаго, опытнаго вождя, которая предохранила бы его отъ промаховъ; недоставало, наконецъ, денегъ, которыя притекали къ пелопоннесцамъ изъ персидскихъ казнохранилищъ. Одно время и для нихъ изсякъ этотъ источникъ; однако, скоро у нихъ снова выступилъ тотъ человѣкъ, который могъ тутъ помочь дѣлу, Лисандръ, искусный полководецъ, желанный гость въ Сардахъ.

Съ вновь снаряженнымъ флотомъ Лисандръ, избѣжавъ у Хіоса и Эфеса аѳинянъ, направился черезъ Эгейское море къ Аттикѣ, гдѣ показался передъ Пиреемъ. Не пытаясь, однако, сдѣлать нападеніе, онъ продолжалъ свой путь къ Геллеспонту. Тамъ онъ овладѣлъ на азіатскомъ берегу укрѣпленнымъ городомъ Лампсакомъ, гавань и рейдъ котораго представляли отличное якорное мѣсто для его тріэръ, между тѣмъ какъ на берегу въ то же время собиралось сухопутное войско.

Морская побѣда спартанцевъ при Эгоспотами. Черезъ короткое время Лисандръ увидѣлъ, что подплываютъ аѳинскія эскадры, которыя за нимъ послѣдовали; то были 180 кораблей. Они не выбрали себѣ мѣстомъ стоянки безопасный Сестъ съ его гаванью, но поплыли дальше до незначительной рѣки Эгоспотами (козья рѣка), чтобы тамъ, противъ Лампсака, вынудить рѣшительную битву. Раннимъ утромъ они выступили, но нашли пелопоннесскій флотъ уже давно построившимся вдоль берега подъ защитой своихъ гоплитовъ, и тщетно пробовали они всѣ средства,

чтобы выманить оттуда непріятеля. Когда они поплыли назадъ, за ними послѣдовало нѣсколько спартанскихъ быстроходныхъ кораблей, которые наблюдали, какъ экипажъ разсѣялся для добыванія съѣстныхъ припасовъ. Въ слѣдующіе дни вызовъ былъ повторенъ, но съ тѣмъ же плохимъ успѣхомъ. Пребывавшій по близости Алкивіадъ пришелъ въ лагерь, чтобы по причинѣ крайне неблагопріятной для нападенія позиціи посовѣтовать быть осторожнѣе и отступить къ Сесту, обѣщалъ также подвести вспомогательныя войска дружественныхъ ему ѳракійскихъ царей Медока и Севѳа, если ему уступятъ долю главнаго начальства; но ему отказали въ презрительныхъ выраженіяхъ. Когда на пятый день, лакедемонскіе быстроходные корабли, послѣдовавшіе за аѳинянами, вернулись назадъ, Лисандръ стоялъ на своей тріэрѣ и на палубахъ своихъ возвращающихся судовъ увидѣлъ установленными блестящіе щиты, отбрасывавшіе солнечный свѣтъ съ далекаго разстоянія. Это былъ условленный сигналъ: былъ данъ знакъ къ выступленію къ битвѣ, и вихремъ пелопоннесскій флотъ пересѣкъ морской проливъ, шириной бывшій всего только въ полчаса проѣзда.

А на той сторонѣ, у аѳинянъ, не думали о битвѣ; тріэры съ небольшимъ экипажемъ качались на волнахъ; экипажъ сошелъ на берегъ, собралъ запасы и пировалъ, въ то время какъ погибель пододвигалась, какъ гонимая сильнымъ вѣтромъ туча. Лишь одинъ человѣкъ, осторожный Кононъ, удержалъ своихъ людей въ сборѣ. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ паруса и флаги непріятелей и попытался еще наскоро собрать моряковъ; но онъ могъ снабдить экипажемъ только восемь тріэръ. Съ ними онъ спасся бѣгствомъ; остальной флотъ безъ единаго удара меча попалъ въ руки пелопоннесцевъ, и съ нимъ, послѣднимъ вспомогательнымъ средствомъ Аѳинъ, пала слава и свобода нѣкогда столь могущественнаго города.

И разсѣянные по берегу аѳинскіе моряки, возвращавшіеся въ теченіе дня по-одиночкѣ или кучами, попали въ руки враговъ. Всѣ плѣнные аѳинскаго происхожденія, числомъ 3000, и среди нихъ почти всѣ полководцы, въ силу варварскаго военнаго обычая, по постановленію пелопоннесскихъ предводителей, были безъ милосердія перебиты.

Паденіе Аѳинъ. Это было послѣднимъ крупнымъ событіемъ

войны и въ то же время смертельнымъ ударомъ для Аѳинъ. Ибо города и острова аѳинскаго государства, даже аѳинскіе гарнизоны сдались почти безъ сопротивленія медленно подступавшему побѣдителю, и спустя два мѣсяца, въ ноябрѣ, Лисандръ явился подъ Аѳинами, чтобъ запереть ихъ съ моря и съ суши. Послѣ четырехмѣсячной осады городъ, потерявшій отъ голода множество жертвъ, въ мартѣ слѣдующаго года долженъ былъ сдаться. Ѳ е р а м е н ъ, уже разъ во главѣ олигарховъ ниспровергавшій конституцію, устроилъ безусловную сдачу, протянувъ переговоры цѣлыя четыре недѣли и тѣмъ настолько усиливъ голодъ, что лишь немногіе осмѣлились высказаться противъ нея. Тотчасъ снесены были длинныя стѣны, Пирей превращенъ былъ въ открытый городъ, оружіе и запасы были уничтожены, оставшіеся еще корабли, исключая двѣнадцати, были уведены.

Что должно было дѣлать съ совершенно побѣжденными и беззащитными Аѳинами? Это былъ серьезный вопросъ, который еще до сдачи былъ поставленъ въ союзномъ совѣтѣ побѣдоносныхъ государствъ: Спарты, Ѳивъ, Коринѳа, Мегары и другихъ.—Разрушеніе города, порабощеніе, продажа гражданъ въ неволю, превращеніе всей области въ мѣсто выгона,—за это высказалось большинствомъ голосовъ. Но лакедемонскій депутатъ объявилъ, что Спарта не допуститъ, чтобы городъ, оказавшій такія великія услуги Элладѣ, преданъ былъ гибели. Это слово возымѣло силу, Аѳины остались сохраненными.

Послѣ вступленія въ городъ приступили къ измѣненію конституціи. Выбрали пять мужей, которыхъ, по спартанскому образцу, назвали э ф о р а м и, родъ правящаго комитета народнаго благосостоянія. Само собой понятно, что они принадлежали къ господствовавшей теперь гетеріи олигарховъ. Выдающихся демократовъ они устранили съ помощью судебныхъ обвиненій и созвали затѣмъ народное собраніе, въ которомъ они сдѣлали предложеніе создать коллегію изъ т р и д ц а т и членовъ и ей покамѣстъ поручить правленіе и составленіе проекта новой конституціи. Но противъ этого предложенія поднялся громкій ропотъ.

Тогда передъ толпой выступилъ Лисандръ, повелѣвая соблюдать тишину и указывая на вооруженныхъ, его окружавшихъ. Онъ произнесъ рѣшеніе, что должно согласиться на предложеніе, или будетъ положенъ конецъ независимости, а можетъ быть и суще-

ствованію государства. Противъ велѣнія властелина никакой протестъ невозможенъ; патріотическіе граждане покинули собраніе, аристократы и легко подвижная толпа обратили предложеніе въ народное постановленіе. Такимъ образомъ, принялись за выборъ Тридцати, и при этомъ треть была избрана народомъ, двѣ трети эфорами. Во главѣ этого комитета, по образцу спартанской герусіи, стояли, съ обширными полномочіями, Критія и Ѳераменъ, первый—потомокъ старинпаго рода и ученикъ Сократа, но изъ властолюбія и страсти къ мщенію склонный ко всякому злодѣянію. Рядомъ съ Тридцатью стоялъ совѣтъ, какъ судебное присутствіе, но онъ былъ большей частью только послушнымъ орудіемъ, приводившимъ въ исполненіе ихъ кровавые приказы, и довольно часто также ими обходившійся. Тираны, къ тому же, имѣли надежную охрану въ лицѣ сильной лакедемонской стражи, всегда готовой обнаженнымъ оружіемъ подавить всякое противоборство, всякій ропотъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ, и подобный деспотизмъ установленъ былъ во всѣхъ городахъ и на всѣхъ островахъ, гдѣ подъ аѳинскимъ вліяніемъ существовали раньше демократическія конституціи. Они повиновались повелѣнію побѣдителя при Эгоспотами. Только жители Самоса отважились на протестъ. Поэтому противъ островитянъ обратился спартанскій полководецъ со всѣми своими силами. Онъ окружилъ островъ, напалъ на него со всѣхъ сторонъ и, послѣ упорнаго сопротивленія, вынудилъ соглашеніе, по которому все демократическое населеніе съ женами и дѣтьми, но безъ всякаго имущества, должно было выселиться на чужбину. Городъ и островъ побѣдитель затѣмъ передалъ аристократамъ, частью скрывавшимся на родинѣ, частью призваннымъ теперь обратно изъ ссылки. Они такъ благодарны были основателю новаго государства, что воздвигли ему почетныя колонны и назвали его именемъ годичный праздникъ своей богини-покровительницы Геры. Подобное же произошло въ Навпактѣ, въ области озольскихъ локрянъ, гдѣ аѳиняне нѣкогда поселили мессенскихъ бѣглецовъ. Несчастные были изгнаны и разсѣялись, чтобы искать себѣ новой родины.

Итакъ, Лисандръ закончилъ великое дѣло, и глаза всѣхъ направлены были на него, полные удивленія. Путешествіе его домой было сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ. Въ пелопоннес-

скихъ городахъ толпа радостно текла ему навстрѣчу, осыпала его золотыми вѣнками, воздвигала ему почетныя колонны и даже, какъ герою, жертвенники, на которыхъ приносились жертвы; чествовали его пѣснями, въ которыхъ подвиги его сравнивались съ божескими.

Съ одинаковыми почестями онъ былъ встрѣченъ въ Спартѣ, гдѣ онъ, кромѣ захваченныхъ кораблей, оружія и запасовъ, положилъ въ государственную казну 407 талантовъ. Самое гордое его честолюбіе было удовлетворено. Что онъ такимъ успѣхомъ, такими безмѣрными похвалами былъ увлеченъ къ слишкомъ высокому о себѣ мнѣнію, что онъ, подкупавшій раньше сердца ласковостью и ловкой услужливостью, теперь сталъ гордымъ и повелительнымъ, это не удивитъ того, кто знаетъ человѣческое сердце и его слабости.

АЛКИВІАДЪ
(Мраморный бюстъ, хранящійся въ Луврскомъ музеѣ).

Смерть Алкивіада. Вмѣстѣ съ паденіемъ аѳинской республики рѣшена была и гибель Алкивіада. Изъ страха передъ местью побѣдоносныхъ лакедемонянъ онъ бѣжалъ къ сатрапу Фарнабазу. Онъ еще надѣялся сыграть роль при дворѣ въ Сузахъ, и отправился въ путь туда, чтобы раскрыть планы царевича Кира, думавшаго съ помощью греческихъ наемниковъ свергнуть своего царственнаго брата Артаксеркса и сѣсть на престолъ; но трагедія его жизни окончилась. Приказъ изъ Спарты, вызванный Критіей и Агисомъ и поддержанный Киромъ, требовалъ его смерти. Вооруженные люди окружили его домъ въ фригійской деревнѣ и подожгли его. Когда онъ затѣмъ, выскочивъ съ мечомъ, обратилъ въ бѣгство трусливыхъ убійцъ, то, будучи безъ доспѣховъ, сраженъ былъ ихъ стрѣлами. Лишь Тимандра, его красивая подруга въ послѣдніе годы его жизни, оплакивала его, закутала его тѣло въ собственныя мягкія одѣянія и оказала ему послѣднюю

почесть. Исторія произнесла свой судъ надъ Алкивіадомъ. Онъ былъ блестящимъ метеоромъ, гибельно и разрушающе пронесшимся надъ эллинскимъ міромъ, гибельнѣе же всего надъ Аѳинами.

Тридцать тиранновъ. Аѳинское государство распалось; городомъ и страной правили Тридцать тиранновъ съ господствомъ террора. Вначалѣ они съ мечомъ, съ чашей яда и съ изгнаніемъ обратились на всеобще ненавистныхъ сикофантовъ, тѣхъ соглядатаевъ и доносчиковъ, которые при демократической конституціи всякаго рода обвиненіями и клеветой вредили состоятельнымъ лицамъ и жили занятіемъ доносами. Затѣмъ они направили преслѣдованіе противъ отъявленныхъ демократовъ, противъ людей закона, казавшихся имъ подозрительными, даже противъ аристократовъ, совѣтовавшихъ умѣренность, наконецъ противъ самыхъ честныхъ людей, только чтобы ихъ состояніемъ наполнить свою казну. Такимъ образомъ, должны были умереть уважаемый Ликургъ, богатый Антифонтъ, Леонтъ Саламинскій, далѣе сынъ и братъ Никіи и другіе. Когда наконецъ Ѳераменъ, опасаясь мести населенія, хотѣлъ прекратить этотъ образъ дѣйствій, то самъ въ собраніи совѣта былъ обвиненъ Критіей въ непостоянствѣ и отпаденіи и затѣмъ, еще прежде чѣмъ постановленъ былъ приговоръ, былъ преслѣдуемъ подкупными судебными служителями и отъ жертвенника Гестіи былъ повлеченъ въ темницу. Онъ не колеблясь осушилъ чашу съ ядомъ, а остатокъ вылилъ на полъ со словами: „Вотъ это для прекраснаго Критіи, чтобы онъ вскорѣ послѣдовалъ за мной“. По устраненіи Ѳерамена, тираннія стала свирѣпствовать еще безмѣрнѣе прежняго, такъ что въ теченіе восьми мѣсяцевъ пало до 1500 человѣкъ жертвой ея мстительности и жадности.

Ѳрасибулъ. Несчастіе этого государства возбудило наконецъ участіе въ ранѣе враждебно къ нему настроенныхъ городахъ, особенно въ Ѳивахъ и въ Коринѳѣ, гдѣ съ ужасомъ видѣли, что въ лицѣ Спарты воспитали себѣ болѣе суровую повелительницу, чѣмъ когда-либо были Аѳины. Вскорѣ въ Ѳивахъ собрались аѳинскіе изгнанники, подъ начальствомъ Ѳрасибула вторглись въ Аттику, изъ двухъ сраженій вышли побѣдителями и овладѣли Пиреемъ. Въ новомъ сраженіи былъ убитъ Критія, и когда подступилъ Лисандръ на защиту установленнаго имъ правительства,

мѣропріятія его были разстроены самимъ лакедемонскимъ царемъ Павсаніемъ. Послѣдній заключилъ съ Ѳрасибуломъ договоръ, въ силу котораго онъ очистилъ Аттику, была объявлена всеобщая амнистія и было устранено господство Тридцати.

Въ Аѳинахъ вновь ожила старая демократическая конституція: архонты, совѣтъ Пятисотъ, экклесія, геліэя въ разныхъ ея судебныхъ корпораціяхъ. Привычная дѣятельность вновь подняла сношенія, торговлю и ремесла, но духъ, патріотизмъ и геройство великихъ предковъ не возвратились.

ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА ПОСЛѢДНЯГО ПЕРІОДА.

ОТЪ сумятицы войны, отъ разрушенныхъ городовъ и флотовъ, отъ тысячъ, убитыхъ въ бою или беззащитно, мы въ усталости отворачиваемъ взоръ и разсматриваемъ повседневную жизнь эллиновъ, ихъ научныя и художественныя стремленія въ эти десятилѣтія. Тутъ, среди всѣхъ военныхъ событій, обычнымъ образомъ совершались общественныя празднества, ибо они были частью культа, равно какъ и драматическія игры, посвященныя Діонису. За то гражданскія занятія естественно страдали отъ многократныхъ перерывовъ и помѣхъ. Торговля была остановлена или должна была съ трудомъ отыскивать другіе пути, коль скоро обычные были заграждены ходомъ войны. Оружейные мастера, кораблестроители и связанные съ этими дѣлами ремесленники обильно находили занятія и прибыль, другіе же ремесленные люди и особенно художники несли тяжкій ущербъ.

Въ общемъ благосостояніе уменьшилось, пріятная жизнь въ Аѳинахъ должна была прекратиться. Крупныя потери деньгами и имуществомъ, какъ и смерть благороднѣйшихъ граждан, привели въ печаль большинство семействъ. При жизнерадостномъ характерѣ эллиновъ, особенно аѳинянъ, зачастую, конечно, проявлялось стараніе пересилить жалобы на веселомъ пиру; но частныя празднества выродились въ попойки, гдѣ неумѣренныя желанія искали себѣ удовлетворенія на счетъ доброй, похвальной нравственности. А это было тѣмъ пагубнѣе, что еще религіозность

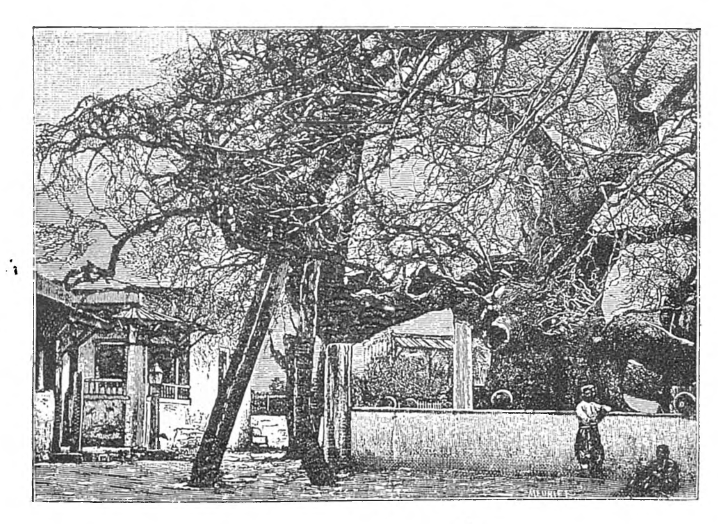
отцовъ существовала только по формѣ. Знатные люди, какъ и всѣ, считавшіе себя выше предразсудковъ, смѣялись надъ древними сказаніями о богахъ; масса гражданъ, правда, все еще твердо держалась ихъ и наказывала всякое публичное проявленіе презрѣнія къ религіи, но вѣра ея была мертвая, не имѣвшая никакого вліянія на жизнь. Приносили жертвы, твердо держались толкованія знаменій и гаданія; въ остальномъ не было нужды до боговъ, которые вели блаженную жизнь на высотахъ далекаго Олимпа, за нектаромъ и амвросіей.

ДЕМОКРИТЪ
(МРАМОРНЫЙ БЮСТЪ ВЪ НЕАПОЛИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ).

Философія. Упадку народной вѣры содѣйствовали, наконецъ, также научныя изслѣдованія. Вся острота ума направлялась на разсматриваніе природы; наблюдали ея скрытое творчество, знакомились съ ея средствами и силами и приходили къ результатамъ, дѣйствительно несогласимымъ съ ученіями существовавшей религіи. Анаксагоръ, учитель Перикла, былъ такимъ натурфилософомъ, какъ и веселый Демокритъ Абдерскій. Далѣе поклонялись этому воззрѣнію врачи, старавшіеся теперь уже лѣчить не чародѣйственными средствами и таинственными заговариваніями, но лѣкарствами, которыя научились приготовлять, благодаря наблюденію цѣлебныхъ силъ предметовъ природы. Знаменитѣйшимъ научнымъ врачомъ былъ Гиппократъ, родившійся до 470 г. на островѣ Косѣ. Онъ дѣлалъ дальнія путешествія, для увеличенія своихъ свѣдѣній

и опытности. Онъ прибылъ даже во время чумы въ Аѳины, наблюдалъ ее и боролся тамъ съ ужасной болѣзнью. Онъ былъ того убѣжденія, что преимущественно слѣдуетъ предоставлять дѣйствовать природѣ, и онъ старался поэтому изслѣдовать каждую болѣзнь въ ея теченіи и рядомъ съ этимъ особое тѣлосложеніе больного и его образъ жизни. Вначалѣ онъ помогалъ только діэ-

ПЛАТАНЪ ГИППОКРАТА НА КОСѢ
(РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

Жители Коса нынѣ даютъ названіе платана Гиппократа многовѣковому дереву, осѣняющему площадь города.

тетическими средствами, пока не наступалъ кризисъ. Тогда только онъ прописывалъ сильныя лѣкарства. Здоровая пища, свѣжій воздухъ и достаточное движеніе на открытомъ воздухѣ имѣли для него больше значенія, чѣмъ мази и микстуры. Умеръ онъ престарѣлымъ старикомъ, къ глубокой печали всѣхъ, его знавшихъ.

Однимъ изъ источниковъ возраставшей праздности было сутяжничество въ демократическихъ государствахъ и не менѣе того всеобще распространенная страсть разыгрывать судей. Тысячи народа день за днемъ шатались по судебнымъ палатамъ, слушали рѣчи, постановляли приговоры и зарабатывали нѣсколько оболовъ

тамъ, гдѣ была введена поденная плата за такую общественную дѣятельность.

Свѣдѣнія въ дѣлахъ судопроизводства и государственнаго управленія, развивавшіяся благодаря этому участію въ публичныхъ разбирательствахъ, не могли вознаградить за ущербъ въ гражданскихъ занятіяхъ, за то, что въ народной массѣ брали верхъ подкупность и безчестность. Только искусство краснорѣчія получило черезъ то дальнѣйшее развитіе; ибо кто желалъ играть роль въ государствѣ, долженъ былъ хорошо владѣть словомъ, и притомъ не въ однихъ только демократическихъ государствахъ, но и въ аристократическихъ. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ всѣ совѣщанія велись публично и устно, только при послѣдняго рода конституціи подвижная толпа гражданъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ подавала рѣшающій голосъ. До той поры краснорѣчіе было проявленіемъ природнаго таланта, проникновенія оратора важностью предмета; оно трактовало предметъ естественно и просто, по его свойству, его причинамъ и слѣдствіямъ, какъ то дѣлалъ Периклъ, возвышавшій народъ до своихъ грандіозныхъ взглядовъ; теперь искусство краснорѣчія приведено было въ систему, въ рамки которой, такъ сказать, можно было вставить любой докладъ. Поэтому теперь привлекли къ нему всевозможныя вспомогательныя средства, въ особенности философію, т. е. науку о всемъ томъ, что было дознано о дѣлахъ божественныхъ и человѣческихъ. Послѣ такого краснорѣчія вскорѣ всюду стали находиться учителя краснорѣчія и философіи, которые за плату давали уроки, и было естественно, что въ средоточіи общественной жизни, въ Аѳинахъ, раскрылось обширное и доходное поприще для ихъ дѣятельности.

ГИППОКРАТЪ (мраморный бюстъ въ виллѣ Альбани, въ Римѣ).

Эти учителя толковали и обсуждали различные основные взгляды философіи и учили о примѣненіи ихъ къ частной и общественной жизни. Были главнымъ образомъ двѣ философскихъ школы, іоній-

ская и элейская, которыя весь физическій и нравственный міръ пытались объяснить при помощи предположеній и ихъ слѣдствій. Ихъ изслѣдованія вращались вокругъ постоянно вновь навязывавшихся вопросовъ: изъ какихъ началъ возникъ видимый міръ? Что было и есть причина измѣненія? Что такое измѣненіе? Возникновеніе ли это чего-нибудь совершенно новаго, или уничтоженіе чего-либо существующаго? Одни предполагали нѣсколько началъ, которыя своей дружбой и враждой производили движеніе и измѣненіе,—предположеніе, позволяющее тутъ видѣть догадку о тѣхъ простыхъ вѣчныхъ законахъ, по которымъ движутся звѣздные міры вселенной. Элейцы или Элеата утверждали, что нѣчто только мыслимо, доступно только уму и все-таки есть единственно существующее вѣчное, неизмѣняющееся единое и все. Такими философами, распространявшими свои воззрѣнія также путемъ поученія и преподаванія, были между прочимъ Парменидъ изъ Элеи въ Нижней Италіи, который своими законами будто бы много содѣйствовавшій благосостоянію своего отечественнаго города, Эмпедоклъ изъ Акраганта (Агригента), и наконецъ Анаксагоръ, учитель и другъ Перикла, принимавшій отдѣленную отъ всякой матеріи силу, разумное существо, цѣлесообразно раздѣляющее и соединяющее безформенную и инертную массу атомовъ.

Софисты. Были и другіе, болѣе практичные учителя, которые умѣли извлекать изъ этихъ изслѣдованій полезное для государства и для жизни гражданъ, сопоставлять съ результатами своихъ размышленій и своего опыта и преподавать любознательнымъ, старательнымъ молодымъ людямъ, чтобы подготовить ихъ главнымъ образомъ для общественной дѣятельности. Людей этихъ называли софистами. Они были учителями философіи и краснорѣчія, политики и истинъ обыденной жизни, и многіе изъ нихъ отличались столько же большими свѣдѣніями, какъ и безукоризненнымъ образомъ жизни, хотя они, подобно новѣйшимъ учителямъ, за свое преподаваніе брали обильную плату. Нѣкоторые пользовались далеко распространенной извѣстностью, какъ Продикъ, въ баснѣ о Гераклѣ на распутьи такъ просто и внушительно приглашавшій молодежь къ нравственности, далѣе Горгія изъ Леонтинъ, Протагоръ изъ Абдеръ и Гиппія изъ Элиды.

Когда такіе люди приходили въ какой-нибудь городъ, вокругъ

нихъ собирались благороднѣйшіе юноши, и видные граждане наперерывъ старались принимать ихъ у себя. За то среди софистовъ бывали и люди, которые вкрадчивыми рѣчами умѣли доставлять доступъ пагубнѣйшимъ ученіямъ и заблужденіямъ. Софисты этого рода отрицали, что вообще существуетъ объективная, для всѣхъ имѣющая значеніе, истина. Каждый, думали они, смотритъ на вещи по своему, и онѣ имѣютъ значеніе, смотря по тому, смотрятъ ли на нихъ съ той или съ другой стороны; поэтому-де нѣтъ истиннаго знанія, а относительно одного и того же предмета можно говорить за и противъ, не нарушая истины, такъ какъ она покоится на взглядѣ отдѣльнаго лица; стремленія людей направлены-де на удовлетвореніе чувственной природы; конечная ихъ цѣль, блаженство, на немъ покоится; то, что ему препятствуетъ, также и законы, принципы, нравы, божественное и человѣческое, слѣдуетъ-де устранять или умно и ловко обходить. Софистика эта искала поэтому только самоудовлетворенія отдѣльнаго лица и приносила ему въ жертву религію, законы, да и все, что дотолѣ считали священнымъ и неприкосновеннымъ. Такъ, софистъ Калликлъ училъ, что право сильнаго—законъ природы, и что ему слѣдуетъ всѣми средствами доставить признаніе. Другой увѣрялъ и старался представить своимъ слушателямъ, заслуживающимъ довѣрія, что справедливость не что иное, какъ то, что въ государствѣ приноситъ выгоду высшей власти, и что въ государствѣ всякъ существуетъ только на пользу другого, болѣе могущественнаго. Изъ за такихъ учителей и ораторовъ, за деньги защищавшихъ самое скверное дѣло или нападавшихъ на самое законное, впослѣдствіи софисты вообще пріобрѣли дурную славу, хотя ихъ научною, систематическою обработкой искусства краснорѣчія пользовались государственные люди и ораторы.

Вліяніе, которое оказывали софисты на практическое краснорѣчіе въ общественной жизни, впервые намъ встрѣчается у оратора Антифонта изъ Рамнунта въ Аттикѣ. Образованный ученіемъ Протагоры и Горгіи, онъ сталъ извѣстенъ составленіемъ судебныхъ рѣчей, пріобрѣлъ какъ адвокатъ и учитель риторики всеобщее уваженіе и обнаружилъ особенную дѣятельность въ видахъ низверженія демократической конституціи и установленія правленія Четырехсотъ, но впослѣдствіи обвиненъ былъ въ государственной измѣнѣ и поплатился жизнью.

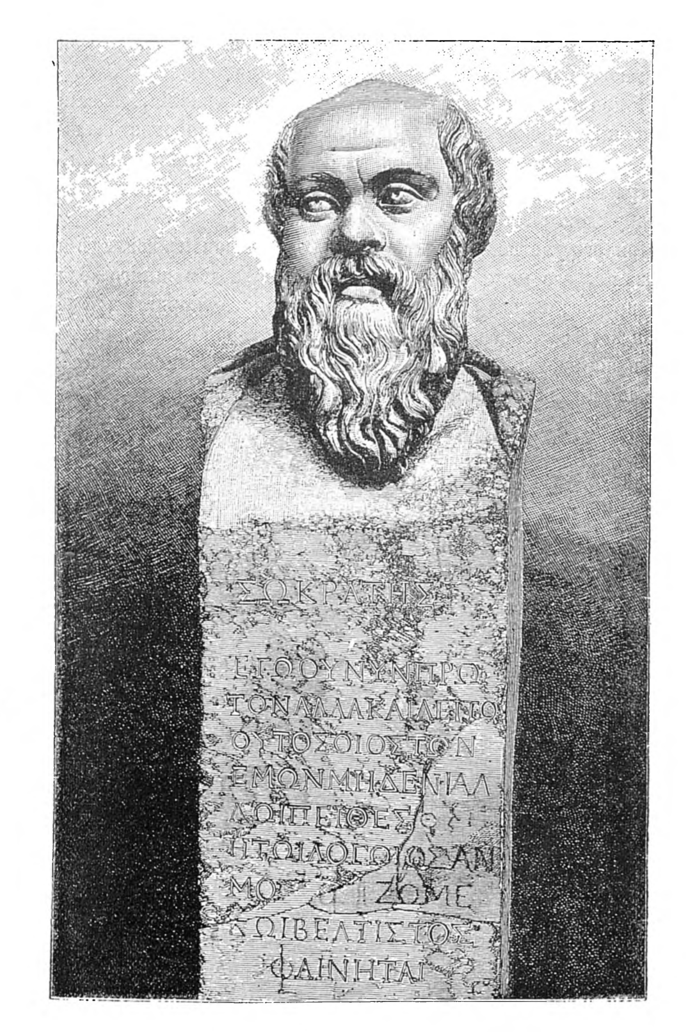
Болѣе долгая дѣятельность дарована была Протагорѣ и Горгіи, которые, среди напыщеннаго пустословія, распространяли не мало опасныхъ ученій. Такъ, первый выставилъ положеніе: „Человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей", понимая подъ этимъ, что человѣкъ въ себѣ самомъ долженъ имѣть масштабъ права и истины, что, однако, можетъ имѣть силу только относительно нравственно развитыхъ людей. Но это ограниченіе большей частью упускалось изъ виду, и каждый приверженецъ такого ученія считалъ себя въ правѣ по своему благоусмотрѣнію истолковывать законъ и право, вертѣть государствомъ, законами, даже религіей, и, если онъ имѣлъ власть, устранять противящихся опалой и топоромъ палача, что случалось и въ древности и въ новое время. Софистомъ въ дурномъ смыслѣ слова былъ Гиппія. Онъ хвасталъ съ площаднымъ паѳосомъ, что самъ изготовилъ свои одѣянія, свой дорогой поясъ, свои башмаки, свой перстень съ печатью и въ то же время составилъ массу стихотвореній, трагедій, рѣчей и сочиненій всякаго рода.

Сократъ (470—399). Противъ этого мастера безсодержательныхъ словопреній и пустого шарлатанства возсталъ, вооруженный силой простой правды, человѣкъ, которому всѣ вѣка подносятъ неувядающій вѣнокъ высокой мудрости и безпорочной жизни: Сократъ.

И этотъ знаменитый мудрецъ былъ софистомъ, но въ хорошемъ значеніи слова. Онъ всѣ свои мысли, всю дѣятельность обращалъ на то, чтобы узнать, что дѣлаетъ людей счастливыми, распространялъ результаты своихъ изслѣдованій путемъ совершенно своеобразнаго преподаванія и распространялъ ихъ между всѣми сословіями. Родился онъ около 470 г. до Р. Хр. въ Аѳинахъ. Отецъ его Софрониксъ, ваятель, и мать его Фэнарета, повивальная бабка, владѣли небольшимъ состояніемъ. Поэтому онъ вначалѣ посвящалъ себя также скульптурѣ, и не безъ успѣха, ибо мраморная группа Харитъ его руки долго послѣ смерти его сохранялась на Акрополѣ. Отъ природы онъ обладалъ большимъ умомъ и вообще сильнымъ духомъ, расположеннымъ къ страстной пылкости. Здорово и крѣпко было и тѣло его, хотя и бросалось въ глаза его безобразіе. Его глаза на выкатъ, его вздернутый носъ и толстыя губы, его часто прерываемая походка, его подсматриваніе для отысканія лицъ, на которыхъ онъ могъ бы

бросить абордажные крюки своей рѣчи, придавали ему видъ сатира. Однако, Алкивіадъ сравнивалъ его со статуей совершенной красоты, на которую наложили оболочку сатира, чтобы предохранить ее отъ наружнаго поврежденія. Напротивъ, Аристофанъ пользовался странной внѣшностью Сократа для удачной карикатуры въ своихъ „Облакахъ“, чѣмъ заставилъ аѳинянъ мило смѣяться. Мудрецъ, присутствовавшій на представленіи, не заботясь о хохотунахъ, продолжалъ стоять въ продолженіе пьесы, чтобы зрителямъ было удобно производить сравненіе. Частная его жизнь была жизнію простого аѳинскаго гражданина. Мальчикомъ онъ посѣщалъ школу и гимнасій, да и послѣ продолжалъ умственныя и гимнастическія упражненія, будучи того взгляда, что обязанность каждаго сохранять свѣжими и крѣпкими духъ и тѣло. Ходилъ онъ въ простой, даже бѣдной одеждѣ и всегда безъ сандалій, чтобы закалить себя. Такою же простою была и ежедневная пища его, однако, онъ вовсе и не отказывался отъ вина во время праздниковъ, хотя это удовольствіе никогда не имѣло вліянія на его настроеніе и поведеніе. Человѣкъ—таково было его мнѣніе—вслѣдствіе тѣлесныхъ свойствъ своихъ постоянно зависитъ отъ своихъ потребностей и чрезъ это отъ другихъ людей. Путемъ ограниченія своихъ потребностей онъ дѣлаетъ себя по возможности независимымъ и приближается къ божественному состоянію отсутствія потребностей.

Гражданскимъ своимъ обязанностямъ Сократъ удовлетворялъ въ полной мѣрѣ. Онъ приносилъ богамъ предписанныя жертвы, принималъ участіе въ праздничныхъ процессіяхъ и вносилъ на потребности государства столько, сколько наложено было на него соразмѣрно съ его незначительнымъ состояніемъ. Онъ также сражался храбрымъ гоплитомъ въ нѣсколькихъ походахъ во время пелопоннесской войны. Въ сраженіи при Потидеѣ онъ щитомъ своимъ прикрылъ раненаго Алкивіада и въ его пользу отказался отъ награды, признанной за храбрѣйшимъ. При пораженіи у Делія онъ былъ въ числѣ немногихъ храбрецовъ, которые въ твердомъ порядкѣ совершили отступленіе, и къ нему поспѣшно прискакалъ Алкивіадъ, чтобы охранять любимаго учителя. При этомъ же случаѣ Сократъ, говорятъ, вынесъ на плечахъ своихъ изъ пылу битвы ученика своего Ксенофонта. Такъ исполнялъ онъ свои обязанности, какъ гражданинъ; но преимуществъ, государствен-

СОКРАТЪ.

Мраморная герма, хранящаяся въ неаполитанскомъ музеѣ (съ фотографіи). Сократовы слова, вырѣзанныя на колоннѣ гермы, заимствованы изъ Платонова «Критона». «Не съ сегодняшняго дня,—сказалъ Сократъ Критону, совѣтовавшему ему бѣжать,—я считаю за правило слушать только голосъ разсудка».

ныхъ должностей онъ никогда не добивался. Однако, по жребію, онъ разъ попалъ въ совѣтъ Пятисотъ и засѣдалъ въ пританіи, когда полководцы, одержавшіе побѣду при аргинусскихъ островахъ, привлечены были къ суду за пренебреженіе, оказанное по отношенію къ павшимъ воинамъ. Онъ одинъ протестовалъ, какъ выше разсказано, противъ несправедливаго приговора и, какъ неустрашимый мужъ, противился угрозамъ пристрастныхъ судей и возбужденной толпѣ.

При его умственныхъ стремленіяхъ и высокомъ взглядѣ на свое призваніе, его мало могли занимать заботы домашняго хозяйства. Онъ предоставлялъ ихъ своей женѣ, много порицаемой Ксантиппѣ (Ксанѳиппѣ), съ именемъ которой обыкновенно связываютъ понятіе о злой, сварливой женщинѣ. Она была аѳинянка, хотя не имѣла высокаго образованія, но была хорошая хозяйка, которой съ ея точки зрѣнія весь образъ дѣйствій и стремленія ея мужа должны были оказаться очень глупыми. Притомъ она обладала доброй долей женской раздражительности и при частыхъ домашнихъ сценахъ давала полный просторъ своей природной вспыльчивости. И когда озабоченная жена видѣла, что занятіе мужа не приносило дохода, что онъ преднамѣренно отказывался отъ добровольныхъ подарковъ своихъ благодарныхъ учениковъ, да еще приводилъ къ скудному столу своему гостей, то происходили непріятныя объясненія. На его философскія утѣшенія она тогда отвѣчала страстною руганью и часто пресѣкала его заключенія градомъ бранныхъ словъ, что другого вывело бы изъ терпѣнія. А мудрецъ стоялъ при этомъ такъ же спокойно и равнодушно, какъ на полѣ брани среди тысячъ копій, и когда Ксантиппа однажды послѣ такой сцены вылила ему во слѣдъ лохань съ водой, онъ, улыбаясь и утирая себѣ лысый лобъ, сказалъ: „Я такъ и думалъ, что непогода разразится дождемъ“. Отъ этихъ неприглядныхъ домашнихъ сценъ мы отворачиваемся, чтобы послѣдовать за мудрецомъ на его пути, который его, маленькаго человѣка, привелъ къ обширной дѣятельности и извѣстности.

Стремленіе выяснить себѣ свои внутреннія состоянія и доступныя познанію внѣшнія явленія было ему, повидимому, прирождено. Для удовлетворенія этому внутреннему влеченію онъ отыскивалъ лицъ, въ обществѣ которыхъ онъ надѣялся найти разъясненія. Онъ вступалъ въ сношенія съ элейскими и іонійскими

философами, поддерживалъ общеніе съ жрицей Діотимой изъ Мегары и сумѣлъ добыть себѣ доступъ въ домъ Перикла, въ круги, занятые умственными интересами, гдѣ этотъ мужъ вмѣстѣ съ Аспасіей, Анаксагоромъ, Фидіей и другими родственными по уму людьми бесѣдовали о вопросахъ природы, искусства и человѣческой жизни.

Далѣе, онъ посѣщалъ общество прекрасной Θеодоты, остроумной гетеры, точно ему уже равно стало ясно, какъ непосредственность женскаго способа воззрѣнія дополняетъ мужской. Онъ также не только слушалъ рѣчи въ народныхъ собраніяхъ и глубокомысленныя произведенія поэзіи на празднествахъ Діониса, но и внимательно изучалъ ихъ.

Все это онъ воспринималъ въ себя, перерабатывалъ и приводилъ въ связь съ собранными идеями, пока, наконецъ, не приходилъ къ полной ясности относительно предметовъ, казавшихся ему достойными постояннаго размышленія и стремленія. Добытые результаты онъ обсуждалъ затѣмъ съ своими друзьями и вскорѣ, благодаря обаянію своихъ бесѣдъ, собралъ вокругъ себя толпу учениковъ, которые привязывались къ нему съ воодушевленіемъ.

Отъ этихъ успѣховъ въ немъ мало-по-малу возникло убѣжденіе, что онъ призванъ божествомъ вести своихъ согражданъ, посредствомъ наставленія, къ тому, что могло бы сдѣлать ихъ поистинѣ счастливыми. Онъ именно, какъ ему казалось, замѣчалъ, что съ самаго ранняго его дѣтства божество предостерегало его особыми знаменіями, если онъ собирался стать на ложный путь. Позднѣйшіе писатели невѣрно объясняли это такъ, будто онъ вѣрилъ въ добраго демона, который парилъ около него и руководилъ имъ. Доселѣ ему давались только знаменія, удерживавшія его отъ ложныхъ путей; теперь же онъ внятно услышалъ призывъ Бога, отмѣчавшій назначеніе его жизни. Можетъ быть, этому содѣйствовало изреченіе Пиθійскаго оракула, объявившаго его мудрѣйшимъ изъ всѣхъ людей; но и независимо отъ этого изреченія, онъ слышалъ также голосъ Божій въ своей душѣ, какъ слышитъ его всякій человѣкъ, чувствующій въ себѣ побужденіе къ полезному стремленію, къ благородному поступку, къ доброй, величественной цѣли. Въ особенности у законодателей, основателей государствъ и религій часто встрѣчаешь мнѣніе, даже непоколебимую увѣренность, что они поступаютъ по порученію и по

волѣ божества, и чѣмъ болѣе чисто было ихъ намѣреніе, тѣмъ громче и опредѣленнѣе было ихъ призваніе, тѣмъ больше и побѣдоноснѣе моральпая сила, съ которой они разрѣшали свою задачу.

Сократъ, какъ учитель. Мудрецъ изобрѣлъ и употреблялъ для своей цѣли особый, въ то время совершенно необычный, методъ. Онъ разузнавалъ людей посредствомъ вопросовъ, къ отвѣтамъ прицѣплялъ другіе вопросы и такъ дальше, пока не приходилъ къ пункту, соотвѣтствовавшему его цѣли. Такъ онъ сначала поступилъ и съ самимъ собою, впереди всего ставя при своихъ изслѣдованіяхъ изреченіе мудраго Хилона: „Познай самого себя". Тогда онъ и нашелъ, что изъ того, что всего нужнѣе человѣку, онъ зналъ мало. Этимъ путемъ онъ хотѣлъ вести и согражданъ своихъ къ лучшему познанію. Поэтому онъ съ утра до вечера расхаживалъ по городу, останавливался на площади, у столовъ мѣнялъ, въ портикахъ храмовъ и гимнасій, всюду, гдѣ собиралась большая толпа народа. Съ видомъ простодушія онъ подходилъ то къ тому, то къ другому, охотнѣе всего къ ораторамъ, учителямъ, философамъ, народнымъ вождямъ, ко всѣмъ, считавшимъ себя мудрыми, и ставилъ сначала совершенно обыкновенные вопросы, напр.: „Не можешь ли ты мнѣ сказать, милый другъ, гдѣ покупаютъ оливки?" Затѣмъ онъ продолжалъ свои вопросы и незамѣтно переходилъ къ предметамъ, которые были имъ намѣчены. Онъ уличалъ спрошенныхъ въ томъ, что они объ этомъ знали мало или ничего, а если ихъ самомнѣніе не допускало такого признанья, то онъ все-таки убѣждалъ окружающихъ въ невѣжествѣ тѣхъ людей. Онъ заканчивалъ затѣмъ, примѣрно, словами: „Какъ, другъ мой, ты знаешь, гдѣ покупаютъ оливки, какъ обрабатываютъ кожу, какъ изготовляютъ художественныя лампы, и не стыдишься не знать ничего о томъ, что служитъ на благо государству, и какъ самъ ты можешь сдѣлаться счастливымъ!"

Многіе послѣ такой бесѣды уходили пристыженные и не возвращались болѣе, другіе же обнаруживали смертельную ненависть къ незванному экзаменатору. Софисты враждовали противъ него за то, что онъ раскрывалъ ложность ихъ ученій и выводовъ и частенько поднималъ ихъ на смѣхъ; такъ же ожесточены были противъ него аристократы и не менѣе того демократы, неблаговидныя намѣренія которыхъ онъ немилосердно обнажалъ, и даже жрецы

были противъ него, такъ какъ они всякое философское изслѣдованіе своихъ догматовъ объявляли кощунствомъ. Но были и благородные, любознательные мужи и юноши, которые чувствовали влеченіе къ странному мудрецу, которые убѣждались въ своемъ невѣжествѣ и, побуждаемые теперь влеченіемъ къ знанію, стремились къ познанію высшихъ благъ. Были мужи и юноши, въ которыхъ Сократъ разжигалъ искру стремленія къ знанію, которая, разгорѣвшись въ пламя познанія, свѣтила позднѣйшимъ поколѣніямъ и даже для насъ еще не погасла; такъ какъ ихъ изслѣдованія и результаты сохранены въ ихъ сочиненіяхъ.

Мы обходимъ здѣсь Алкивіада, Ѳерамена, Критію, у которыхъ посѣянныя сѣмена были заглушены терніемъ себялюбія и тщеславія. За то слѣдуетъ назвать въ первомъ ряду Платона и Ксенофонта, такъ какъ они сохранили намъ личность, образъ воззрѣнія и преподаванія своего великаго учителя, причемъ первый — болѣе теоретическую, послѣдній практическую сторону. Съ ними былъ связанъ сердечной любовью къ общему учителю серьезный Антисѳенъ, болѣе веселый Аристиппъ, любознательный Эвклидъ, который, закутавшись въ женское платье, ночью пробрался изъ Мегары, когда каждому гражданину этого города подъ страхомъ смертной казни запрещенъ былъ входъ въ Аѳины. Также Фэдонъ, Хэрефонтъ и любимецъ учителя, благородный Критонъ, заслуживаютъ здѣсь быть названными. Всѣхъ ихъ узы благодарности и неизмѣнной дружбы привязывали къ вѣрному вождю, къ мудрости и добродѣтели и къ внутреннему миру въ мірѣ, полномъ себялюбія и внутренняго разлада. Они окружали его своей любовью въ продолженіе его жизни, они стояли также вокругъ его ложа, когда смерть насильно вырывала его изъ ихъ среды.

Но каковы были тѣ наставленія и истины, которыя съ неотразимою силой влекли къ Сократу такихъ людей?

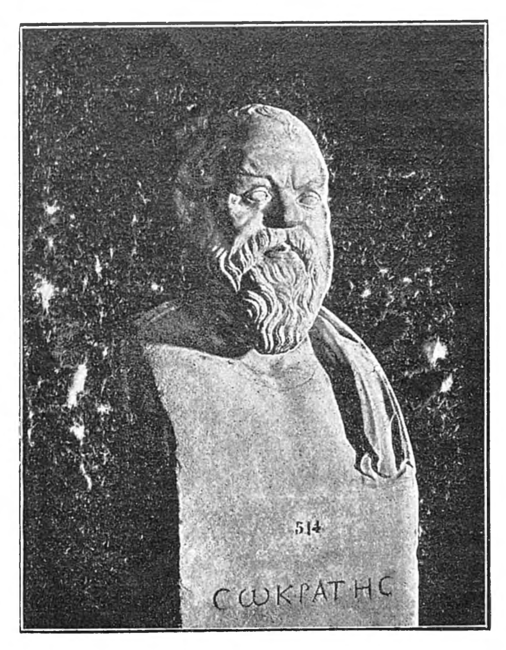
Ученіе Сократа. Естествознаніе, знаніе простыхъ веществъ, астрономія въ тѣ времена были еще въ младенчествѣ, и если умные люди и угадывали иныя истины какъ бы въ пророческомъ предчувствіи, то они столь же часто впадали и въ заблужденія. Такія изслѣдованія казались поэтому мудрецу, стремившемуся къ ясности и опредѣленности, точно дѣтскими мечтами. Онъ при-

шелъ къ заключенію, что божество отказало человѣку въ подобномъ познаніи и что глупо добиваться его.

Другой предметъ занималъ мысли Сократа и побуждалъ его къ усерднымъ изслѣдованіямъ, именно—самъ человѣкъ въ своихъ частныхъ отношеніяхъ и въ своихъ отношеніяхъ къ государству. Человѣкъ долженъ направлять свои силы, желанія и стремленія на то, что если живетъ добродѣтельно по волѣ божества, то и онъ самъ, и государство счастливы: это сдѣлалось его собственнымъ убѣжденіемъ, на это направлены были его поученія. Но добродѣтель — не что иное, какъ познаніе и мудрость, говорилъ онъ обыкновенно. Жить по правдѣ — это единственный путь къ счастью. Къ счастью стремится, правда, всякій, но иной, по невѣдѣнію, идетъ по ложной дорогѣ и поступаетъ нехорошо въ заблужденіи, будто этимъ онъ устроитъ свое счастье, между тѣмъ какъ онъ чрезъ это становится порочнымъ и несчастнымъ. Лучшее и единственное средство противъ этого—расширенное преподаваніе причинъ и слѣдствій поступковъ и очищенное такимъ преподаваніемъ сужденіе. Но сначала нужно убѣдить человѣка въ его невѣдѣніи, такъ какъ недостатокъ сознанія того, чего ему недостаетъ, есть истинная причина его непонятливости, его пороковъ и его несчастнаго состоянія.

Мудрому учителю ставятъ въ вину, что онъ слишкомъ стѣснилъ объемъ назначенія и обязанностей человѣка, что онъ ограничилъ ихъ развитіемъ разума и исключилъ волю и чувство. Однако, его понятіе о познаніи и мудрости обнимаетъ всю духовную дѣятельность человѣка; чрезъ правильное познаніе должна укрѣпиться и воля для сдерживанія и направленія врожденныхъ влеченій, наклонностей и вожделѣній, должно очиститься и чувство, чтобы стать воспріимчивымъ къ проистекающему изъ добродѣтели блаженству. Поэтому онъ увѣщеваетъ своихъ учениковъ ограничивать внѣшнія потребности и, не обращая вниманія на почести и выгоды, стремиться къ чистому удовольствію, проистекающему изъ исполненія долга, изъ самоиспытанія и изъ сознанія внутренняго совершенствованія. Если онъ заблуждался, то заблужденіе его было такое же, каково оно у столь многихъ другихъ благородныхъ учителей и законодателей: онъ предполагалъ людей слишкомъ идеальными; онъ думалъ, что мудрость, даровавшая ему спокойствіе, твердость и вѣрность своему долгу, надежно поведетъ и другія

натуры, которыя однако въ вихрѣ тревожныхъ событій были уносимы бурей врожденныхъ и усвоенныхъ вожделѣній, пыломъ разнузданныхъ страстей, никогда не приходя къ ясному пониманію самихъ себя и своего назначенія.

МРАМОРНЫЙ БЮСТЪ СОКРАТА
(ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ ВЪ РИМѢ.)

Моральнымъ предписаніямъ мудреца соотвѣтствовали его политическіе взгляды и наставленія. Онъ считалъ имѣющими право на правленіе тѣхъ, кто достаточно обладаетъ знаніемъ и силой, чтобы сдѣлать управляемыхъ возможно счастливыми. Объ отыскиваніи такихъ рѣдкихъ людей Сократъ опредѣленно не высказывался, но, кажется, онъ отдавалъ выбору голосомъ народа предпочтеніе, сравнивая правителей государства съ кормчими судна, которыхъ выбираютъ съ заботливостью, потому что отъ нихъ зависитъ благополучіе всего экипажа. Если же они злоупо-

требляютъ своей властью, прибавляетъ онъ, то теряютъ блаженство—распространить въ большой мѣрѣ всеобщее благоденствіе, и первые поражаются ими же вызванной гибелью. Судя по этимъ взглядамъ, Сократъ высказывался противъ выбора начальства по жребію, что пріобрѣло ему много враговъ.

Что касается его представленій о божествѣ, то онъ считалъ рискованнымъ входить въ ближайшія опредѣленія понятія о немъ. Но изъ нравственнаго міроваго порядка онъ заключалъ, что высшее существо, въ то же время и совершеннѣйшій разумъ, проявляется намъ только въ своихъ дѣйствіяхъ, что оно виновникъ и исполнитель нравственныхъ законовъ. Онъ вѣрилъ, далѣе, что своей невидимой дѣятельностью и человѣческая душа подобна божеству.

Эти и другія ученія Сократъ распространялъ день за днемъ съ неутомимымъ усердіемъ. Это было его единственнымъ занятіемъ, его обязанностью, его, указанною ему Богомъ, миссіей, и онъ радовался, когда убѣждалъ человѣка въ недостаткѣ у него высшаго познанія, когда пробуждалъ въ немъ жажду знанія.

Благодаря убѣдительной силѣ своего ученія и способа ученія, какъ и благодаря обширному кругу своихъ послѣдователей, Сократъ достигъ большого значенія, но онъ возбудилъ также много зависти и вражды, хотя, впрочемъ, долгіе годы не смѣли до него дотронуться, такъ какъ онъ вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ законнаго порядка. Наконецъ, на семидесятомъ году его жизни, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ паденія Тридцати тиранновъ и возстановленія демократическаго устройства, три лица выступили противъ него съ обвиненіемъ. Авторъ трагедій Мелетъ, ораторъ Ликонъ и государственный человѣкъ Анитъ прибили къ портику архонта базилевса жалобу слѣдующаго содержанія: „Сократъ виновенъ въ томъ, что не почитаетъ боговъ нашего города, а почитаетъ боговъ собственнаго изобрѣтенія; затѣмъ въ томъ, что онъ развращаетъ молодежь государства. Законная кара за это—смерть“. Они основывали свое обвиненіе на томъ, что обвиняемый утверждаетъ объ особой божественной миссіи и отчуждаетъ юношей отъ долга ихъ по отношенію къ родителямъ и къ конституціи государства, какъ это въ особенности доказали, на гибель Аѳинъ, Алкивіадъ и тираннъ Критія. Анитъ особенно пылалъ гнѣвомъ на мудреца: онъ, благодаря прибыльной тор-

говлѣ кожами, блестяще возстановилъ свое состояніе, разстроенное при Тридцати тираннахъ, и желалъ передать занятіе своему сыну, между тѣмъ какъ молодой человѣкъ, усердный слушатель великаго учителя, презиралъ ремесло отца. Другимъ, водянистому поэту и софистическому оратору, подсудимый вѣроятно не разъ давалъ чувствовать бичъ своей ироніи. Но и присяжные Геліэи не были благопріятны обвиняемому. Онъ часто осмѣивалъ выборъ должностныхъ лицъ по жребію и вообще неограниченную демократію. Видѣли въ его вліяніи опасность для едва возстановленной конституціи, для святынь религіи и государства. Можетъ быть, надѣялись строгимъ отношеніемъ къ такому выдающемуся человѣку, какъ Сократъ, удержать аристократическую партію отъ ея попытокъ переворота. Рѣшила дѣло, въ концѣ концовъ, сама защита почтеннаго мужа, который безстрашно сказалъ чистую правду.

Сократъ передъ Геліэей. При ужасномъ обвиненіи мудрецъ бодро и спокойно стоялъ передъ судомъ Геліэи, какъ раньше на площади и подъ колоннадами гимнасій среди любознательныхъ учениковъ. Всѣ земныя явленія, также жизнь и смерть, казались ему подчиненными тѣмъ благамъ, къ которымъ онъ стремился: истинѣ, добродѣтели и проистекающему оттуда человѣческому блаженству. Его образу мыслей и поведенію соотвѣтствовала его простая, безстрашная защитительная рѣчь, изъ которой мы здѣсь приводимъ нѣсколько мѣстъ. Сказавъ объ оракулѣ, объявившемъ его мудрѣйшимъ, между тѣмъ какъ самъ онъ сознаетъ собственное свое незнаніе, онъ продолжалъ объяснять необходимость своего стремленія къ собственному познанію и своей дѣятельности въ видахъ наставленія своихъ согражданъ.

„Какова бы ни была опасность,—сказалъ онъ,—которой я себя подвергаю, я поступилъ бы дурно, если бы я, который въ Потидеѣ и Деліѣ, какъ гоплитъ, удержался на своемъ мѣстѣ, теперь изъ страха передъ смертью покинулъ указанный мнѣ Богомъ постъ, именно обязанность жить для испытанія моего и вашего знанія и для наставленія въ мудрости и честности. И если бы вы мнѣ предложили оправдать меня подъ тѣмъ условіемъ, чтобы я отказался отъ исполненія этой обязанности, то я при всемъ почтеніи къ этому судилищу долженъ высказать: я божеству долженъ быть послушнѣе, чѣмъ вамъ, и до самаго дня

своей смерти я буду продолжать свое испытаніе, убѣждать васъ въ этомъ недостаткѣ у васъ мудрости и праводушія и упрекать васъ въ этомъ недостаткѣ, пока вы отъ него не избавитесь. Можетъ быть вы спросите меня: „Какъ, Сократъ, ты не можешь жить среди насъ тихо и спокойно, какъ другіе люди?" Это-то труднѣе всего объяснить вамъ. Ибо если я скажу, что мое молчаніе было бы неповиновеніемъ передъ Богомъ, то вы мнѣ не повѣрите, и еще того менѣе, если я стану увѣрять васъ, что величайшее благословеніе для человѣка заключается въ томъ, чтобъ онъ каждодневно такимъ образомъ бесѣдовалъ о добродѣтели и другихъ благахъ, и что жизнь безъ такого испытанія— не истинная жизнь. Такъ, аѳиняне, по правдѣ, обстоитъ дѣло, и это убѣжденіе я старался пробудить во всѣхъ, чтобы повести васъ на путь истиннаго блаженства. Поэтому я здѣсь собственно защищаю не мое дѣло, но ваше, чтобы вы, осуждая меня, не провинились, пожалуй, передъ божескими законами.

Ни одинъ человѣкъ не знаетъ, что такое смерть, но большинство боится ея, точно они знаютъ, что она величайшее зло. А это какъ разъ самое вредное незнаніе. Что касается меня, то я не присваиваю себѣ такого познанія; но я знаю то, что неповиновеніе болѣе мудрымъ и лучшимъ людямъ, а особенно неповиновеніе Богу есть зло и позоръ. Поэтому я не хочу навлечь на себя вѣрнаго зла, чтобы избѣжать воображаемаго, которое, можетъ быть, есть дѣйствительное благо.

Вы, повидимому, недовольны характеромъ моей защиты; вы вѣроятно ожидали, чтобъ я плакалъ, молилъ, клянчилъ за свою жизнь, чтобъ я приводилъ сюда жену и дѣтей своихъ въ слезахъ. Всего этого я не сдѣлалъ, но не изъ надменности, но чтобы сохранить незапятнанною свою репутацію, ибо я имѣю добрую славу среди васъ, заслуженно ли то, или незаслуженно. Не выгодно для города, когда его уважаемые мужи, какъ бываетъ слишкомъ даже часто, унижаютъ себя такими средствами и трусливыми просьбами, и вы, судьи, должны бы тогда тѣмъ скорѣе осуждать ихъ за такое обезчещеніе Аѳинъ. Кромѣ того, я также достоинъ былъ бы наказанія, если бы пытался умилостивить васъ униженными просьбами. Ибо долгъ мой—разъяснить вамъ факты и убѣдить васъ въ моей невинности, если я могу. Вы же поклялись слѣдовать своему убѣжденію согласно съ законами, а

не нарушать право по партійной точкѣ зрѣнія. Пусть я буду далекъ отъ того, чтобъ побуждать васъ къ клятвопреступленію; будьте и вы далеки отъ того, чтобъ придерживаться такого образа дѣйствій. Я предоставляю вамъ и Богу рѣшить такъ, какъ это лучше всего для васъ и для меня".

Такъ говорилъ тотъ мужъ, который заботился не о своей жизни, но о своей чести у современниковъ и потомства. Результатомъ же былъ, какъ предвидѣлъ Сократъ, приговоръ: „виновенъ". Онъ самъ удивился, что изъ болѣе чѣмъ 500 голосовъ лишь большинствомъ пяти голосовъ рѣшенъ былъ обвинительный приговоръ.

Теперь онъ, по аѳинскому судопроизводству, долженъ былъ опредѣлить наказаніе, которое онъ самъ, какъ виновный, присуждаетъ себѣ. Судьямъ затѣмъ нужно было выбрать между его предложеніемъ и предложеніемъ обвинителей, или же назначить среднее наказаніе. Тогда онъ сказалъ съ тѣмъ же не сломленнымъ мужествомъ, которое его сопровождало дотолѣ: „Какое наказаніе присудить мнѣ себѣ противъ предложенія Мелета? Если я долженъ сказать откровенно, что, по моему, я заслужилъ получить отъ васъ, то не меньшее, какъ пожизненное содержаніе въ Пританеѣ; ибо я избралъ добровольную бѣдность, чтобы вполнѣ посвятить себя вашей лучшей выгодѣ. Я не могу также предположить, чтобы я заслуживалъ какого-нибудь наказанія, и вообще не могу предложить изгнанія или темницы, что я знаю какъ значительное зло, между тѣмъ какъ смерть, можетъ быть, есть благо. Я въ самомъ дѣлѣ могъ бы предложить денежный штрафъ, ибо онъ не кажется мнѣ зломъ; но мнѣ, пожалуй, изъ своихъ скудныхъ средствъ можно бы собрать самое большое—мину, и вотъ это я предлагаю въ наказаніе! Платонъ и другіе мои друзья, стоящіе кругомъ, побуждаютъ меня увеличить эту сумму до 30 минъ и хотятъ заплатить ее за меня. Такъ вотъ я ее вамъ предлагаю, чтобы вы рѣшили".

Судьи, не привыкшіе къ такой правдивости и неустрашимости, теперь значительнымъ большинствомъ изрекли смертный приговоръ. Прежде чѣмъ Сократъ былъ отведенъ въ темницу, онъ еще разъ заговорилъ. Онъ увѣрялъ, что не раскаивается, что долженъ умереть, такъ какъ презиралъ недостойное и говорилъ лишь правое и истинное; въ то время какъ обвинители его

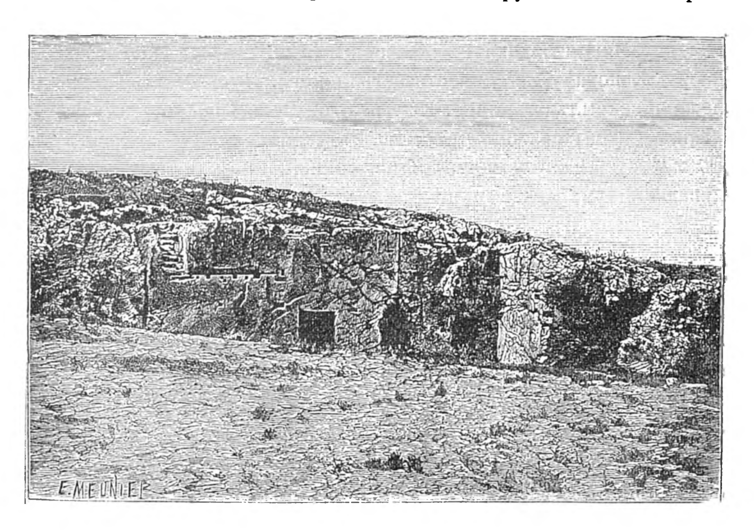
ушли теперь, чтобы продолжать жить въ несправедливости и въ позорѣ, онъ, наоборотъ, удаляется, чтобы умереть съ честью. „Но что же такое смерть?—продолжалъ онъ,—развѣ она не есть или ночь самаго мирнаго покоя, подобно какой мы никогда не проводили спящими, или соединеніе съ мудрецами и героями древности, чтобы сообща съ ними продолжать путь нравственнаго облагораживанія? А вы, аѳиняне, не думайте, что смертью моей вы освобождены отъ неудобныхъ учителей и вопрошателей; болѣе молодые люди, болѣе неутомимые и неотразимые, чѣмъ я, уже чувствуютъ въ себѣ могучее влеченіе пробудить васъ отъ сна невѣдѣнія и вести къ мудрости и справедливости. Смерть моя разрѣшитъ ихъ отъ прежней осторожности и наполнитъ мужествомъ и твердостью, такъ что они отнынѣ не будутъ оставлять васъ въ покоѣ со своими увѣщаніями, какъ они видѣли это до сихъ поръ съ моей стороны".

Послѣ этихъ словъ онъ отведенъ былъ въ темницу. Онъ долженъ былъ бы на слѣдующій день выпить чашу съ цикутой, но произошла задержка на 30 дней, ибо только-что отплылъ на Делосъ для совершенія Аполлонова празднества священный корабль, до возвращенія котораго не могла происходить никакая казнь. Въ продолженіе этого времени друзья и родные имѣли свободный доступъ къ заключенному. Тутъ говорили они съ нимъ о нравственныхъ, объ общечеловѣческихъ предметахъ, и мысли о добромъ и превосходномъ, о всемъ томъ, что имѣетъ неизмѣнную цѣнность, текли изъ души умирающаго учителя въ души внимавшихъ ему учениковъ; тутъ говорилъ онъ и о безсмертіи души и обнаруживалъ во все это время то же спокойствіе духа, ту же бодрость, какую выказалъ передъ судомъ.

Послѣднія минуты Сократа (399). Его вѣрный Критонъ робко предложилъ ему бѣжать въ Ѳессалію къ милымъ друзьямъ, для какой цѣли онъ подкупилъ стражей денежной суммой. Но Сократъ отвергъ это предложеніе, какъ недостойное его и противное закону. Тогда одинъ изъ посѣтителей, Аполлодоръ, въ избыткѣ горя воскликнулъ: „О! это ужасно, что тебѣ приходится умереть невиннымъ!" На это онъ улыбаясь возразилъ: „Желалъ бы ты, чтобъ я претерпѣлъ смерть виновнымъ?" Другой изъ его друзей спросилъ его, какъ онъ желаетъ быть погребеннымъ. Онъ отвѣтилъ: „Какъ вы желаете: вѣдь я не могу убѣдить васъ, что вы тогда

уже вовсе не будете имѣть того Сократа, который здѣсь говоритъ съ вами, а только его окоченѣлый, холодный трупъ".

Въ послѣдній день его посѣтила еще его жена, принесшая съ собой младшаго своего ребенка. Ея громкія жалобы мѣшали его размышленіямъ, поэтому онъ простился съ ней и отпустилъ ее. И затѣмъ онъ еще говорилъ съ своими друзьями о безсмертіи

ГРОБНИЦЫ, ИЗВѢСТНЫЯ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ ТЮРЬМЫ СОКРАТА, ВЪ АѲИНАХЪ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

Гробницы, которымъ, безъ основанія, дали названіе тюрьмы Сократа, высѣчены въ скалѣ: онѣ расположены на сѣверозападѣ отъ холма Музея, къ юговостоку отъ Акрополя.

души, пока день не склонился къ вечеру, пока не явился судебный служитель и не объявилъ ему, что настало время умереть. „Ты, вѣроятно, не станешь проклинать меня,—продолжалъ послѣдній,—какъ дѣлаютъ другіе, если я исполню свою обязанность. Я узналъ здѣсь въ тебѣ лучшаго изъ людей; такъ прощай же и перенеси, что необходимо". Плача удалился онъ, и Сократъ сказалъ, тронутый: „Какъ добръ этотъ человѣкъ! И такимъ онъ выказалъ себя во все время моего заключенія".

Чаша съ цикутой была принесена. Сократъ хотѣлъ возлить нѣсколько капель богамъ, но ему сказали, что яда только и хва-

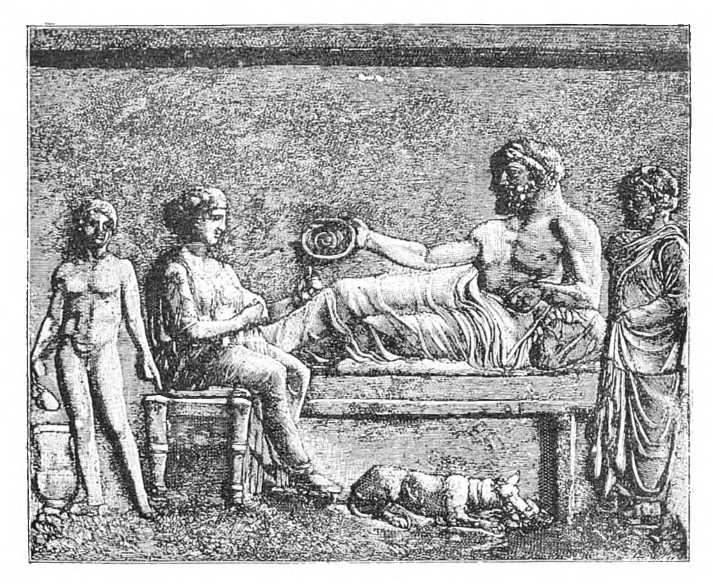
титъ для него. „Хорошо“, возразилъ онъ, „такъ помолимся только о счастливомъ путешествіи“. Быстро осушилъ онъ затѣмъ чашу, не останавливаясь.

„Когда мы увидѣли его пьющимъ“, разсказываетъ Фэдонъ, „мы не могли болѣе удержаться. Наши слезы потекли въ изобиліи, но мы плакали не о немъ, а о насъ самихъ, что мы потеряли такого друга. Онъ упрекалъ насъ за такую жалобу, какъ неприличествующую мужчинамъ, ходя въ то же время по предписанію взадъ и впередъ, пока у него не отяжелѣли ноги. Затѣмъ онъ легъ на ложе и закрылъ свое лицо. Еще разъ снялъ онъ покровъ и сказалъ: „Критонъ, мы должны Асклепію пѣтуха; не забудь принести его въ жертву“. Такую жертву обыкновенно приносили богу выздоравливающіе: умирающему учителю смерть казалась выздоровленіемъ.

Друзья окружили охладѣвшіе, безчувственные останки. Тотъ Сократъ, котораго они любили, ушелъ отъ нихъ; однако, онъ не исчезъ, какъ обыкновенные люди, подобно воинамъ, исчезающіе изъ житейскаго моря, но слава его, его жизнь и стремленія остались неизгладимыми чертами, врѣзанными въ ихъ души, и сохранились для потомства въ ихъ писаніяхъ. Повѣсть ихъ о смерти мудреца наполняетъ насъ въ то же время отвращеніемъ къ той нетерпимости, которая потребовала себѣ въ жертву такую жизнь. И жертва эта потребована была не произволомъ какого-нибудь деспота, не черствой кастой жрецовъ, но въ свободныхъ, просвѣщенныхъ Аѳинахъ, гдѣ искусство и наука стояли на высшей ступени расцвѣта. Но не одинъ только Сократъ подвергся тамъ преслѣдованію своихъ согражданъ. Периклу пришлось защищать Аспазію отъ подобныхъ же обвиненій, а Анаксагоръ и позже Аристотель покинули городъ, чтобъ избѣжать суда въ ереси. Всюду, гдѣ даровитые люди отступаютъ отъ мышленія и вѣры толпы и, какъ Сократъ, послушные божественному голосу въ своей груди, отыскиваютъ и распространяютъ высшую истину, ихъ поражаетъ то же преслѣдованіе.

Ученики Сократа. То, что предсказалъ мудрецъ, именно, что аѳиняне его смертью не избавятся отъ неудобныхъ напоминателей, случилось. Его ученики продолжали, хотя въ иномъ видѣ, дѣло учителя. Они учили, что знаніе—только средство поступать нравственно, что казалось имъ задачей жизни. Они въ этомъ отступали отъ своего учителя, который знаніе ставилъ впереди, на томъ основаніи, что,

если оно истинное, изъ него необходимо проистекаетъ нравственное поведеніе. Они обратили вниманіе на слабость человѣческой природы, которую они сознавали въ себѣ самихъ, между тѣмъ какъ Сократъ, благодаря свойственной ему силѣ, непоколебимо поступалъ по сознаннымъ требованіямъ нравственности. Но, пытаясь сопротивляться слабости человѣческой воли, ученики мудреца

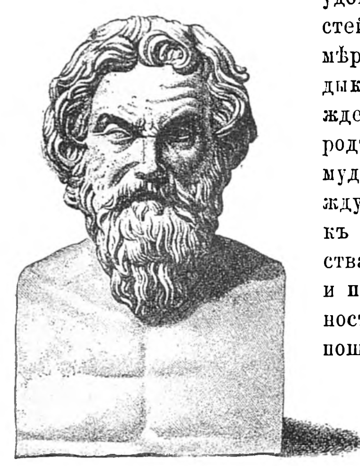
АѲИНСКІЙ БАРЕЛЬЕФЪ, ИЗВѢСТНЫЙ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ «СМЕРТЬ СОКРАТА».

Барельефъ, хранящійся въ Центральномъ аѳинскомъ музеѣ, съ фотографіи. Онъ входитъ въ очень многочисленную категорію Похоронныхъ Пиршествъ: это сцена принесенія жертвы умершему. Покойникъ распростертъ на постели, протягивая чашу женщинѣ, сидящей у его ногъ, мальчикъ, стоящій налѣво, собирается черпнуть чего-то въ кратерѣ. Справа находится какое-то лицо въ позѣ поклоненія. Женщина, мальчикъ и поклонникъ находятся тутъ, чтобы прислуживать покойнику и предлагать ему яства, въ которыхъ онъ нуждается даже въ могилѣ.

впали въ заблужденія, которыя удалили ихъ отъ пути учителя и были болѣе или менѣе непригодны для споспѣшествованія благоденствію человѣческаго общества.

Киники. Одинъ изъ этихъ учениковъ, Антисѳенъ, человѣкъ незнатный, живя въ Пиреѣ среди моряковъ и поденщиковъ, съ негодованіемъ глядѣлъ на испорченность и пышный образъ жизни богатыхъ. Онъ обратился къ низшимъ слоямъ гражданъ, чтобъ

показать имъ, какъ человѣкъ при всѣхъ обстоятельствахъ можетъ обезпечить себѣ честную независимость, если онъ откажется отъ удовлетворенія лишнихъ потребностей. Онъ училъ и словомъ и примѣромъ, что душа того, кто владыка своихъ чувственныхъ побужденій, нуждается только въ природѣ и въ самопознаніи, чтобы быть мудрою и истинно свободною, между тѣмъ какъ всѣ, кто стремится къ внѣшнимъ благамъ, преимуществамъ и наслажденіямъ—глупцы и презрѣнные рабы своихъ потребностей. Въ этомъ направленіи онъ пошелъ дальше своего учителя, такъ какъ онъ презиралъ и дозволенныя удовольствія и даже внѣшнія приличія, такъ что Сократъ однажды сказалъ ему: „Антисѳенъ, сквозь дыры твоего плаща выглядываетъ твое тщеславіе“. Угрюмый и задумчивый, съ нищенской сумой за спиной, ходитъ онъ по аѳинскимъ улицамъ. Охотнѣе всего онъ пребывалъ въ гимнасіи Киносаргъ, гдѣ онъ безплатно проповѣдывалъ незначительному числу слушателей. Тамъ онъ училъ, что для блаженства достаточно одной добродѣтели, что должно стараться сдѣлать себя нечувствительнымъ къ мнимымъ благамъ, каковы: богатство, довольство и почести. По его любимому мѣстопребыванію, его и его приверженцевъ называли киническими философами или вообще **киниками**, изъ которыхъ впослѣдствіи сталъ всего извѣстнѣе чудакъ **Діогенъ** изъ Синопа. Также и на далеко распространившуюся впослѣдствіи секту или школу **стоиковъ** слѣдуетъ смотрѣть нѣкоторымъ образомъ какъ облагороженный побѣгъ, выросшій изъ посаженнаго Антисѳеномъ корня.

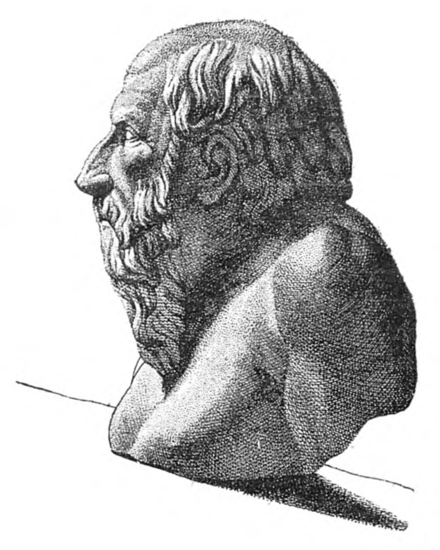

АНТИСѲЕНЪ (ПО ВИСКОНТИ).

Греческій мраморный бюстъ очень хорошей работы. Нечесанные волосы и длинная борода, какъ и нахмуренное выраженіе лица вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру философа.

Киренейцы. Совершенно противоположнымъ образомъ понялъ ученіе учителя жизнерадостный **Аристиппъ** изъ Кирены. Сократъ

часто говорилъ о томъ, что тѣло здорово, когда душа въ мирѣ сама съ собой. Аристиппъ же былъ того мнѣнія, что высшая цѣль человѣческой жизни и стремленій — душевное и тѣлесное благосостояніе, и что этому, кромѣ другихъ средствъ, содѣйствуютъ преимущественно обильная мѣра познанія и безупречность образа жизни. Согласно съ этимъ ученіемъ онъ устроилъ все свое поведеніе и не пренебрегалъ никакими наслажденіями, никогда, однако, не принося излишествомъ вреда своему здоровью и не нарушая внѣшнихъ приличій. Его философія, его тонкость и ловкость въ обращеніи доставили ему доступъ и вліяніе въ общественныхъ кругахъ знати и особенно при царскихъ дворахъ. Тамъ онъ въ остроумныхъ рѣчахъ и своимъ примѣромъ училъ, какъ должно съ помощью науки и искусства усиливать и облагораживать чувственныя удовольствія и наслажденія, и какъ наслаждаться радостью жизни, не будучи для этого рабомъ необузданной страсти. Такіе взгляды онъ хотя и производилъ изъ ученія Сократа, но къ нимъ онъ вѣроятно принесъ расположеніе съ собой изъ родного города Кирены. Эта греческая колонія въ сѣверной Африкѣ очень разбогатѣла чрезъ торговлю, и жители ея вслѣдствіе того привыкли къ роскоши и хорошему житью.

ДІОГЕНЪ
(голова статуэтки въ Villa Albani).

Наши изображенія Діогена вѣроятно ведутъ начало отъ статуи, поставленной философу послѣ его смерти роднымъ его городомъ Синопомъ. Смиреніе, угрюмость и задержка неизрасходованной силы ясно въ нихъ выражены.

Многочисленныхъ учениковъ и приверженцевъ Аристиппа называли Киренейцами, и онъ имѣлъ таковыхъ не только въ Аѳинахъ, но и среди богатыхъ торговцевъ на вновь расцвѣтшемъ

островѣ Эгинѣ. Тамъ онъ познакомился также съ гетерой Лаидой изъ Коринѳа, которая въ то время была извѣстна во всей Греціи умомъ и красотой, а также и роскошью. Она распространяла его философію въ Коринѳѣ и упражнялась въ ней практически. То же самое дѣлала его премилая дочь Арета въ его родномъ городѣ, читая публичныя рѣчи и учредивъ родъ братства, а онъ съ одного мѣста, отъ одного царскаго двора бѣгалъ къ другому, при случаѣ бросалъ просто деньги, когда онѣ отягощали его и его спутниковъ, срывалъ цвѣты радости, представлявшіеся ему, и умѣлъ сохранять достоинство и въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Послѣдователи его, напротивъ, навели на школу дурную славу. Они отрицали всякое божественное свойство въ человѣкѣ и въ природѣ и воздвигали жертвенникъ наибольшему чувственному наслажденію, гдѣ въ отвратительной безнравственности приносилась въ жертву невинность сердца.

Какъ впослѣдствіи Эпикуръ по возможности очистилъ отъ грязи и приспособилъ къ жизни философію Аристиппа, мы услышимъ позднѣе.

Третьей школой была мегарская, основанная Эвклидомъ изъ Мегары, который, какъ упомянуто было выше, съ опасностью для жизни ночью въ женскомъ платьѣ приходилъ къ Сократу. Онъ училъ, что есть только одно благо, единственно познаваемое мышленіемъ, называютъ ли его богомъ, разумомъ или знаніемъ; все наблюдаемое чувствами есть лишь видимость, а не дѣйствительность.

Ксенофонтъ (440—359). Какъ философъ, историкъ и полководецъ одинаково отличался Ксенофонтъ, другой ученикъ Сократа. Онъ не основалъ школы, какъ прежде названныя лица, но своими сочиненіями и своими подвигами достигъ еще болѣе громкой славы. Онъ приблизительно на тридцать лѣтъ былъ моложе своего учителя, сражался рядомъ съ нимъ въ битвѣ при Деліѣ и много лѣтъ пользовался его уроками. Съ 10,000 греческихъ наемниковъ, которые помогали Киру Младшему при возстаніи его противъ персидскаго царя, онъ проникъ во внутрь самаго царства и руководилъ затѣмъ отступленіемъ покинутой дружины чрезъ враждебные народы и страны.

Позднѣе, не извѣстно съ точностью, по какой причинѣ, можетъ быть за его участіе въ походѣ противъ великаго царя, прибли-

зительно въ одно время съ смертью его учителя Сократа, онъ подвергся наказанію изгнанія изъ родного города Аѳинъ. Послѣ этого онъ принялъ участіе въ походахъ Агесилая въ Азіи, присутствовалъ въ битвѣ при Коронеѣ и по предложенію расположеннаго къ нему спартанскаго царя получилъ въ подарокъ помѣстье близъ Скилунта неподалеку отъ Олимпіи, гдѣ онъ употребилъ свой многолѣтній досугъ на то, чтобъ письменно изложить и передать потомству свои мысли и приключенія.

Онъ, какъ всякій великій писатель, есть зеркало своего времени. Вмѣсто воодушевленія всѣмъ великимъ и превосходнымъ, вѣрой въ высшій міровой порядокъ, выступили теперь на сцену всеобщее образованіе, знанія и стремленіе къ полезному и пріятному. Поэтому Ксенофонтъ всюду отыскиваетъ практическое и обращаетъ вниманіе не на человѣка вообще, на его внутреннюю природу, но на совершенно опредѣленныя цѣли, нравственныя правила и практическія формы правленія. Языкъ въ различныхъ сочиненіяхъ, сохранившихся до насъ отъ Ксенофонта, изященъ и граціозенъ, очеркъ характеровъ въ высшей степени живой, такъ что читатель съ удовольствіемъ слѣдитъ за діалогами, какъ и за нитью разсказа. Въ первомъ его произведеніи, „Записки или воспоминанія о Сократѣ“, великій учитель развиваетъ свои философскія положенія. Философъ преподаетъ здѣсь превосходную житейскую мудрость, въ согласіи съ человѣческимъ достоинствомъ. „Пиръ философовъ“ изображенъ мастерски. Ксенофонтъ показываетъ въ немъ, какъ возвышающе и оживляюще дѣйствовалъ Сократъ на окружающихъ, во время праздничнаго пиршества; какъ училъ онъ житейской мудрости и старался внушить товарищамъ энтузіазмъ къ любви и дружбѣ. „Киропедія“, т. е. исторія перваго персидскаго царя Кира, повѣствуетъ о правленіи этого завоевателя въ романической формѣ, не держась строго истины. Царь здѣсь—первообразъ образованнаго по сократовскимъ понятіямъ правителя, отца и благодѣтеля своихъ народовъ.

Зато полонъ силы и правды „Анабасисъ“, походъ Десяти тысячъ, въ которомъ Ксенофонтъ участвовалъ, какъ одинъ изъ стратеговъ. Тутъ онъ не думаетъ о риторическихъ прикрасахъ, но его захватило самое дѣло, и онъ описываетъ переходы, совѣщанія, гордую самоувѣренность эллиновъ, въ противоположность персидской неуклюжести и коварству, такъ просто и правдиво, что ему удается вполнѣ овладѣть нашимъ интересомъ. Въ связи съ

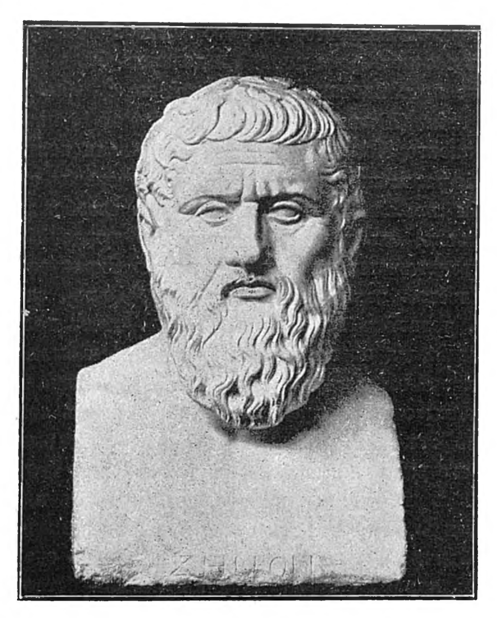
этимъ произведеніемъ стоитъ его „Эллинская исторія“, продолженіе исторіи Ѳукидидовой, но не столь безпристрастная, какъ эта послѣдняя, а болѣе написанная въ прославленіе Спарты, особенно царя Агесилая. Ксенофонтъ превосходитъ Ѳукидида прелестью языка, художественною законченностью, правильнымъ распредѣленіемъ матеріала, но не проникаетъ, подобно ему, въ глубь человѣческой природы, не показываетъ, какъ духъ человѣка и сила его воли въ долгомъ бою мужественно борются съ властью того, что называютъ судьбой, и являются значительнымъ факторомъ въ развитіи дѣлъ человѣческихъ. Онъ набоженъ, какъ Геродотъ, наблюдаетъ жертвоприношенія, знаменія и оракулы, но дѣтскую вѣру послѣдняго онъ давно уже покинулъ. Иногда бываешь склоненъ думать, что онъ держится только за обычаи, такъ какъ быть можетъ это въ состояніи помочь или, по крайней мѣрѣ, быть полезнымъ ограниченному пониманію толпы.

Рядомъ съ писательской дѣятельностью Ксенофонтъ, живя въ красиво расположенномъ своемъ помѣстьи, занимался земледѣліемъ и охотой. Но вслѣдствіе большихъ побѣдъ Эпаминонда элейцы получили обратно отнятую у нихъ область, и онъ поспѣшно долженъ былъ покинуть свое имѣньице. Онъ переселился въ Коринѳъ, гдѣ ему, какъ кажется, такъ понравилось, что онъ и по прекращеніи своего изгнанія не вернулся въ Аѳины.

Еще называютъ въ качествѣ историковъ: Ктесію Книдскаго и Филиста Сиракузскаго, современниковъ Ксенофонта. Первый былъ лейбъ-медикомъ царя Артаксеркса и вполнѣ сдѣлался персидскимъ гражданиномъ. Онъ писалъ исторію Персіи и Индіи, отъ которой, однако, сохранились лишь отрывки. Такъ какъ ему открыты были персидскіе архивы, то онъ могъ черпать изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, и было бы интересно имѣть это произведеніе цѣликомъ. Впрочемъ ему, повидимому, не достаетъ полной достовѣрности, такъ какъ авторъ, судя по отрывкамъ, очень былъ пристрастенъ къ своему новому отечеству и также, особенно объ Индіи, разсказываетъ много басней и чудесъ. Равнымъ образомъ и отъ Сицилійской исторіи Филиста изъ Сиракузъ дошли до нашего времени только скудные отрывки, дающіе возможность узнать его близость къ Ѳукидиду; но ему недоставало чистоты характера и безпристрастія историческаго взора.

Платонъ (429—348). Намъ остается еще сказать о Пла-

тонѣ, который понялъ ученіе Сократа идеально, какъ бы преобразилъ его въ созерцаніи божественнаго и примѣнилъ его затѣмъ опять ко времени и людямъ. Собственно онъ, по дѣду своему, звался Аристокломъ и происходилъ отъ одного изъ знатнѣйшихъ родовъ Аѳинъ, но ради широкой, крѣпкой груди своей получилъ имя Платона. Родился онъ въ 429 г. до Р. Х.,

ПЛАТОНЪ
(мраморный бюстъ, хранящійся въ Ватиканѣ).

былъ, значитъ, моложе Ксенофонта, и такъ же былъ красивъ тѣломъ, какъ богато одаренъ духовными свойствами. Цѣлыхъ девять лѣтъ, до самой смерти Сократа, онъ пользовался его преподаваніемъ. Кромѣ того, онъ съ неослабною ревностью старался усовершенствовать свое устное и письменное изложеніе и для достиженія этой цѣли не боялся ни труда, ни расходовъ. Въ особенности онъ изучалъ Аристофана и Софрона, сочинителя превосходныхъ мимовъ, т.-е. короткихъ драматическихъ пьесъ, изображавшихъ

съ натуры отдѣльные характеры и поступки. Онъ вступилъ также въ сношенія съ тайнымъ союзомъ пиѳагорейцевъ въ Италіи и ѣздилъ въ Египетъ и Кирену, чтобы познакомиться съ мистическими ученіями тамошнихъ жрецовъ и мудрецовъ о сущности божества, сотвореніи міра, человѣческой душѣ и ея назначеніи.

Ближайшимъ побужденіемъ къ путешествіямъ Платона было вѣроятно отвращеніе его къ демократическому устройству въ Аѳинахъ, жертвой котораго палъ его возлюбленный учитель. Онъ не скрывалъ своего образа мыслей и долженъ былъ поэтому ждать подобнаго же преслѣдованія и подобной же судьбы. Увидѣвъ, въ Великой Греціи (Южной Италіи), въ какомъ большомъ почетѣ были тамъ пиѳагорейцы и какое они оказывали полезное вліяніе на управленіе различныхъ государствъ, онъ прервалъ свои изслѣдованія, чтобы примѣнить свои познанія къ освобожденію людей, своихъ братьевъ, отъ узъ чувственныхъ заблужденій и страстей. Къ этому представился удобный случай въ Сиракузахъ, когда съ нимъ въ качествѣ поклонника сблизился Діонъ, зять старшаго Діонисія, человѣкъ возвышенной души. Этотъ государь чрезъ Діона познакомился съ аѳинскимъ мудрецомъ и былъ радъ имѣть при своемъ дворѣ такого мужа, слава котораго должна была пролить блескъ и на высокаго покровителя. Вначалѣ онъ соглашался на планы философа, но вскорѣ сталъ находить невыносимыми его откровенность и его увѣщанія; онъ избавился отъ него безъ церемоній, выдавъ его, какъ военноплѣннаго, союзнымъ съ нимъ спартанцамъ. На Эгинѣ онъ, вмѣстѣ съ другими плѣнными, былъ проданъ съ публичнаго аукціона въ неволю. Очень скоро купившій его отличилъ алмазъ среди голышей и хотѣлъ оставить мудреца на своей службѣ. Онъ отпустилъ его лишь послѣ многихъ усилій друзей за большую сумму денегъ. Платонъ рѣшилъ теперь посвятить свою дѣятельность избранному кружку любознательныхъ учениковъ въ родномъ городѣ Аѳинахъ. У него не было популярности его учителя. Но онъ былъ человѣкъ высокой натуры, все пошлое вызывало въ немъ отвращеніе; онъ построилъ себѣ въ своемъ умѣ идеальный міръ, и туда хотѣлъ онъ ввести своихъ слушателей, чтобы они могли какъ можно выше къ этому міру поднять и преобразить пасмурный, омраченный міръ дѣйствительности. Онъ купилъ себѣ для этого имѣніе къ западу отъ Аѳинъ на Кефисѣ и выстроилъ себѣ тамъ домъ по своему вкусу, къ чему

дало ему возможность его значительное состояніе. Мѣстность была прелестная, покрытая полянами и тѣнистыми рощами, и гимнасій-академія съ ея портиками представляла учителю и его слушателямъ пригодныя для преподаванія помѣщенія. Вскорѣ вокругъ него собрался кружокъ молодыхъ мужчинъ, которые, прохаживаясь рядомъ съ нимъ по портикамъ и рощамъ, слушали его рѣчи и обсуждали съ нимъ проблемы и результаты его размышленій. Въ общеніи съ окружающими его умными людьми, среди наставленій и изслѣдованій о высшихъ цѣляхъ жизни вообще и въ особенности государственнаго общежитія, мыслитель провелъ здѣсь двадцать счастливыхъ лѣтъ. Онъ занятъ былъ именно проблемами о конституціи и государствѣ, когда къ нему явилось посольство изъ Сиракузъ, которому младшій Діонисій поручилъ призвать его. Опять это былъ Діонъ, восторженный поклонникъ Платона, который побудилъ молодого государя къ этому шагу. Мудрецъ, жаждавшій провести свои политическіе идеалы въ практическую жизнь, принялъ призывъ за указаніе провидѣнія и повиновался ему. Онъ дѣйствительно пріобрѣлъ большое вліяніе при дворѣ тиранна. Пышныя пиршества и безнравственныя увеселенія прекратились, и ихъ замѣнили философскія разсужденія о цѣли человѣческой жизни, объ истинномъ блаженствѣ, къ которому слѣдовало стремиться, объ обязанностяхъ правителя и управляемыхъ. Платонъ возымѣлъ чрезмѣрныя надежды привести въ исполненіе свои планы на благо государства и человѣчества. Но, къ сожалѣнію, это было и осталось лишь мечтами, выдумками, которыя не нашли себѣ мѣста въ прозаической дѣйствительности. Молодой государь, имѣвшій, какъ думали, намѣреніе сложить власть и установить свободную конституцію по ученію Платона, скоро раздумалъ это, такъ какъ неограниченная правительственная власть ему показалась очень сладка, и трудно человѣку отказаться отъ пурпура, къ которому онъ привыкъ. Этимъ воспользовались царедворцы, чтобъ удалить неудобнаго увѣщевателя. Они стали нашептывать о тайныхъ проискахъ и о повелительномъ нравѣ Діона, который ясно обнаруживаетъ желаніе устранить настоящаго властителя. Они высказывали, наконецъ, мнѣніе, что аѳинскій гость находится въ соглашеніи съ нимъ и имѣетъ въ виду введеніе демократической конституціи. Эти козни имѣли желанныя послѣдствія. Противъ Діона былъ выпущенъ де-

кретъ объ изгнаніи (365), а немного позже и Платонъ получилъ отставку.

Несмотря на эти горькія испытанія, исполненный надежды мудрецъ далъ себя побудить въ третій разъ поѣхать въ Сиракузы, когда Діонисій отправилъ къ нему государственную тріэру. Но онъ еще разъ увидѣлъ себя обманутымъ и впредь оставался въ своемъ пріятномъ аѳинскомъ помѣстьи (361). Въ портикахъ Академіи онъ училъ любознательныхъ учениковъ, среди которыхъ особенно Хабрія, Исократъ и благородный Фокіонъ впослѣдствіи достигли большой славы. Въ своемъ жилищѣ онъ писалъ въ діалогической формѣ свои сочиненія, которыя стали богатымъ источникомъ наслажденія и назиданія для ораторовъ, государственныхъ мужей, поэтовъ, вообще для людей съ высокимъ образованіемъ. Во время писанія захватила счастливаго мужа, который еще на 82-мъ году былъ здоровъ и крѣпокъ тѣломъ и духомъ, смерть и положила конецъ его гармонической жизни и творчеству.

Всѣ діалоги Платона, средоточіемъ которыхъ служитъ его незабвенный учитель Сократъ, суть поэтическія творенія, въ которыхъ не только обсуждаются идеи, но и драматически проводятся характеры. Мы удовольствуемся взять лишь нѣсколько мѣстъ изъ его сочиненій о государствѣ, законахъ и др., чтобы можно было получить понятіе объ его изложеніи.

Платонъ думалъ, что родъ человѣческій былъ нѣкогда въ высшей степени въ счастливомъ состояніи; всѣ государственныя учрежденія могутъ только имѣть цѣлью вернуться къ этому счастью. „Божество само руководило тѣмъ первобытнымъ міромъ и само завѣдывало всѣмъ, что происходило—какъ теперь въ человѣкѣ, существѣ болѣе божественной природы, нежели животныя, слѣдуетъ видѣть пастыря этихъ низшихъ созданій. Пока божество руководило всѣмъ, не было ни государственныхъ учрежденій, ни браковъ; всѣ питались плодами земли и не думали болѣе о томъ, что было прежде“.

„Когда минуло время, которое Богъ назначилъ божественному роду, міръ пошелъ собственной дорогой. Вначалѣ божественный законъ оставался еще въ памяти у существъ; но скоро наступилъ безпорядокъ, и живо стала чувствоваться потребность въ законѣ, въ руководящей власти, въ верховной главѣ; животныя и люди тосковали по пастырямъ и защитникамъ“.

„Но искусство управлять государствомъ можетъ находиться не у толпы, но лишь у немногихъ. Оно состоитъ въ умѣренности и твердости. Только рѣдкій царственный духъ соединяетъ ихъ въ себѣ и пользуется для своей цѣли божественнымъ средствомъ религіи и человѣческимъ средствомъ наказаній и наградъ. Эта царственная натура, какъ и стражи государства, должны быть выбираемы заботливо. Поэтому слѣдовало бы говорить, обращаясь къ гражданамъ, такъ: „Вы хотя и всѣ слѣплены изъ одной и той же глины, и потому братья, но Богъ тѣмъ, кто способенъ управлять, примѣшалъ золота, помощникамъ ихъ серебра, а желѣза и бронзы земледѣльцамъ и прочимъ ремесленникамъ“.

„Чтобы всѣ стали дѣльными, потребно воспитаніе посредствомъ музыки (науки и искусства) и гимнастики. Послѣдняя одна ведетъ къ грубости, первая къ изнѣженности. Познаніе образованной наукою чистой души относится къ познанію чувственнаго человѣка, преданнаго своимъ вожделѣніямъ, какъ свѣтъ къ отраженію, какъ образъ къ тѣни. Свободная душа подобна человѣку, который ходитъ на яркомъ свѣтѣ и ясно отличаетъ всѣ явленія; душа же, подчиненная низкимъ страстямъ, подобна плѣннымъ, которые съ того времени, какъ только помнятъ себя, заключены въ оковы и въ мрачную темницу. Въ такомъ состояніи находятся также и тиранны. Тираннъ даже надъ самимъ собой не можетъ пользоваться своей властью, ибо онъ самъ рабъ своихъ льстецовъ и еще болѣе своихъ ненасытныхъ вожделѣній“.

Послѣ того какъ Сократъ, устами котораго говоритъ Платонъ, доказалъ неразрушимость души изъ простоты ея истинной природы, онъ продолжаетъ такъ: „Что душа безсмертна, это вытекаетъ частью изъ сказаннаго, частью изъ другихъ доказательствъ. Что же касается ея истинной сущности, то не должно смотрѣть на нее, когда она обезображена узами тѣла и другихъ золъ, но слѣдуетъ ее разсматривать, когда она является очищенною, и тогда ты ее найдешь гораздо болѣе красивою и яснѣе будешь различать справедливости и несправедливости. Чтобы быть въ состояніи къ этому, мы должны глядѣть на ея жажду знанія и помнить, чего она, какъ родственная божественному и вѣчному, ждетъ и къ какому обществу стремится, и каковою бы она стала, если бы она, воспрянувъ, поднялась бы изъ моря, въ которомъ она

теперь находится, отбросила отъ себя землю и камни, которые теперь сидятъ на ней, такъ какъ земля—ея пища“.

„Въ нашихъ предыдущихъ словахъ мы, сколько возможно, обнажили ее какъ отъ всѣхъ другихъ постороннихъ прикрасъ, такъ въ особенности отъ наградъ и признаній справедливости, и мы нашли, что справедливость болѣе всего подходитъ къ ея природѣ, а справедливое—то, что она должна дѣлать, все равно, владѣетъ ли она перстнемъ Гигеса, который дѣлаетъ невидимыми для людей, или шлемомъ Аида, который всѣхъ скрываетъ отъ глазъ Бога, какъ разсказываютъ поэты“.

„Теперь мы можемъ присудить справедливости и всѣ тѣ награды, которыя она доставляетъ душѣ передъ богами и людьми, какъ пока живъ человѣкъ, такъ и послѣ его смерти. Ибо ни праведный человѣкъ, ни неправедный не остаются скрытыми передъ богами; поэтому первый ими будетъ любимъ, послѣдній—ненавидимъ. А кого боги любятъ, тотъ все будетъ получать наилучшимъ. Поэтому относительно праведнаго мужа, когда съ нимъ случается бѣдность или болѣзнь или другое зло, нужно предположить, что изъ этого для него въ жизни или по смерти выйдетъ что-нибудь хорошее. Ибо никогда не будетъ покинутъ богами тотъ, кто усердно старается сдѣлаться праведнымъ и, ревностно упражняясь въ добродѣтели, стать подобнымъ Богу, насколько возможно это людямъ. Итакъ, праведные получаютъ побѣдныя награды отъ боговъ, но большею частью отъ людей. Въ концѣ всякаго дѣла, всякаго общественнаго отношенія и самой жизни они уносятъ съ собою добрую славу и награды отъ людей, между тѣмъ какъ большинство неправедныхъ, если даже они оставались скрытыми въ молодости, обнаруживаются въ концѣ ихъ поприща, являются предметомъ насмѣшки и должны терпѣть горькій позоръ, удары бича, пытку и раскаленное желѣзо. Но такія награды еще нельзя сравнивать съ тѣми, которыя ждутъ ихъ послѣ смерти. Но что ты теперь услышишь, Главконъ, это—не сказка Алкиноя, а исходитъ отъ смѣлаго мужа, сына Арменія, который нѣкогда палъ въ бою и долженъ былъ быть погребенъ, но снова ожилъ на кострѣ“. Платонъ начинаетъ говорить о восточныхъ представленіяхъ, относительно тысячелѣтняго странствованія души и возвращенія ея въ жизнь.

Кто не чувствуетъ, что многое изъ сказаннаго напоминаетъ

христіанскія идеи! Быть можетъ, еще въ большей степени это замѣтно въ другомъ мѣстѣ діалоговъ, гдѣ Платонъ устами Сократа говоритъ о томъ, какъ слѣдуетъ праведнику относиться къ другу и врагу. Приведемъ важнѣйшее изъ этого разсужденія. Сократъ:

„Значитъ это не есть ограниченіе справедливости—говорить правду и воздавать то, что получаешь?“

— „Конечно“, проговорилъ тутъ Полемархъ, „если только можно вѣрить Симониду.“ — „Такъ вотъ“, сказалъ Кефалъ, „вступайте же въ бесѣду; вѣдь мнѣ теперь нужно смотрѣть за жертвоприношеніемъ!“ — „Развѣ Полемархъ и не безъ того твой наслѣдникъ?“

— „Да, да“, сказалъ онъ смѣясь и пошелъ къ жертвѣ. „Такъ говори же, наслѣдникъ разговора, что говоритъ Симонидъ о справедливости?“—„Что справедливо каждому воздавать должное.“ — „Конечно, трудно не вѣрить Симониду, ибо онъ мудръ и божественевъ; но какъ онъ это понимаетъ, ты разумѣешь, можетъ быть, лучше моего. Ибо, очевидно, онъ не того мнѣнія, чтобы мы должны были отдать оставленное у насъ оружіе тому, кто его намъ довѣрилъ, если онъ требуетъ выдачи его въ безуміи!“—„Въ этомъ нельзя сомнѣваться. Поэтъ вѣроятно думаетъ, что слѣдуетъ другу и врагу воздавать должное, именно тому доброе, а этому злое, въ той мѣрѣ, какъ это каждый заслуживаетъ.“

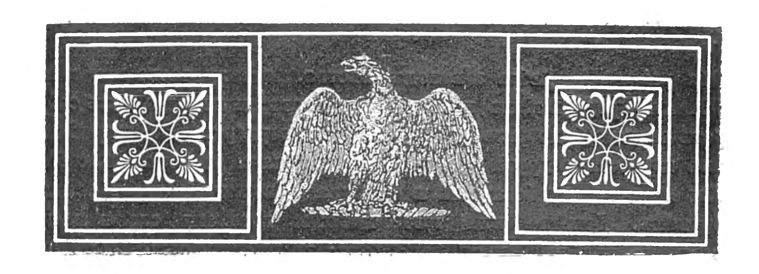
Сократъ развиваетъ затѣмъ, какъ всѣ искусства и занятія направлены на то, чтобы предметы, состоянія и людей сдѣлать лучшими въ какомъ-нибудь отношеніи, и какъ искусство въ своей области вовсе не можетъ вредить, т. е. сдѣлать худшимъ. „Музыкальное искусство“, продолжаетъ онъ, „не можетъ сдѣлать виртуоза невѣждой въ музыкѣ, искусство верховой ѣзды не можетъ сдѣлать берейтора неловкимъ ѣздокомъ. Но развѣ справедливость можетъ обратить праведныхъ въ неправедныхъ или вообще добродѣтель добрыхъ въ злыхъ?“ — „Невозможно; ибо не дѣло теплоты—охлаждать, или сухости—дѣлать влажнымъ, но это дѣло противоположнаго.“—„Но праведный—добръ; поэтому не его дѣло вредить ни другу, ни врагу, а приличествуетъ это одному только неправедному. Слѣдовательно, если кто говоритъ, что справедливо каждому воздавать должное, и разумѣетъ подъ этимъ то, что слѣдуетъ быть полезнымъ

друзьямъ, вредить врагамъ, то тотъ не былъ мудрый человѣкъ, который такъ истолковалъ это, такъ какъ оказывается несправедливымъ вредить кому бы то ни было. Итакъ, мы всѣми силами будемъ противоборствовать тому, если кто-нибудь станетъ утверждать, что Симонидъ, Біантъ или иной изъ достохвальныхъ мужей до насъ заповѣдывалъ таковое.“

Что касается вообще основаній платоновской философіи, то она учитъ, что идеи, первообразы всего существующаго, имѣютъ дѣйствительное существованіе, отдѣленное отъ явленій, и притомъ внѣ видимаго міра, въ блаженномъ покоѣ. Высшій принцинъ всего существованія, говоритъ мудрецъ, есть идея добра, и она равнозначуща съ Богомъ. Всѣ чувственно видимые предметы— тѣни или несовершенныя копіи идей, которыя въ нихъ воплощаются и вступаютъ въ запутанную множественность. Вселенная, имѣющая, подобно человѣку, духъ, душу и тѣло,—совершеннѣйшее изъ всего, что создалъ строитель міра, соединивъ идеи съ матеріей. Какъ міровая душа посредствуетъ между идеей и видимымъ явленіемъ, такъ и человѣческая душа. Она участвуетъ въ понятіи жизни, и поэтому такъ же не начинала жить, какъ не можетъ перестать; она безсмертна. Такимъ образомъ, человѣкъ обладаетъ независящею отъ тѣла душевною жизнью, свободой воли выбрать себѣ свои пути жизни.—Этому и многому другому училъ Платонъ, не сгорбленный старостью, въ Академіи, до самой своей смерти. Его многочисленныхъ учениковъ и позднѣйшихъ послѣдователей называли академиками, отъ того гимнасія, гдѣ самъ онъ училъ, и гдѣ они и послѣ обыкновенно собирались.

Какъ ни охотно мы остановились бы долѣе на твореніяхъ, тихо и мирно созданныхъ геніемъ, но время и мѣсто побуждаютъ насъ снова взглянуть на внѣшній видъ греческаго міра, гдѣ среди потрясающихъ бурь все болѣе и болѣе распадается старое величіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОПЕРЕМѢННОЕ ПРЕОБЛАДАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

ПРЕОБЛАДАНІЕ СПАРТЫ.

Спарта, возвеличенная своей побѣдой въ пелопоннесской войнѣ, стояла первою повелительною державою среди эллинскихъ племенъ и государствъ. Но чрезъ это она вышла изъ своихъ законныхъ и естественныхъ границъ и направлена была на чуждый ей путь, гдѣ она ни мудрой умѣренностью не съумѣла сохранить себѣ старыхъ друзей, ни могуществомъ и ловкостью не была въ состояніи вполнѣ одолѣть многочисленныхъ враговъ.

Старыхъ спартанскихъ гражданъ, число которыхъ лишь скудно было дополнено новыми зачисленіями, такъ поубавилось, что ихъ насчитывалось не многимъ больше 2,000 способныхъ носить оружіе мужчинъ. Войска поэтому въ большей своей части состояли изъ періэковъ, неодамодовъ, а также и изъ гелотовъ, которыхъ освобождали въ случаѣ нужды. Но для внѣшнихъ войнъ и ихъ уже не было достаточно, и приходилось прибѣгать къ чужимъ наемнымъ войскамъ. На это требовались деньги. Правда, завоеванія доставляли большія суммы, но завѣдываніе ими и ихъ употребленіе было плохо поставлено въ Спартѣ, какъ и все, что выходило за

узкія рамки Ликургова законодательства. Поэтому часто при важнѣйшихъ предпріятіяхъ недоставало денегъ, и никогда какъ слѣдуетъ нельзя было развернуть всѣ силы государства, между тѣмъ какъ гармосты и другіе военачальники утопали въ роскоши, собирали и расточали богатства и открывали полный доступъ всѣмъ порокамъ. Деньги были тотъ мамонъ, которому служили не только на чужбинѣ, но и на Эвротѣ; за деньги можно было купить должности, истязать союзниковъ, грабить города, деньгами можно было искупить всякое преступленіе. „Страсть къ деньгамъ погубитъ Спарту, не что иное“, изрекла нѣкогда дельфійская прорицательница, и это, казалось, теперь приходило въ исполненіе. Ибо и земли мало-по-малу перешли почти исключительно въ руки немногихъ родовъ. Эти роды теперь одни обладали правами полныхъ гражданъ; они составляли герусію, присваивали себѣ самыя доходныя должности полководцевъ, навархов (адмираловъ), гармостовъ и т. д., и даже эфоры, выбиравшіеся изъ всего народа, въ большинствѣ случаевъ были гомэи, т. е. полноправные граждане. Естественнымъ послѣдствіемъ этого неравенства было недовольство гипомейоновъ, или мелкихъ гражданъ, и попытки низверженія конституціи. Кинадонъ, молодой гражданинъ, отличившійся многими храбрыми подвигами, рѣшился съ помощью періэковъ и гелотовъ свергнуть иго и ввести равноправность всѣхъ жителей Лаконики. Но старыя формы слишкомъ были тверды, чтобы быть уничтоженными внезапнымъ покушеніемъ; планъ былъ выданъ, смѣлый зачинщикъ былъ устраненъ съ дороги позорною смертью. Спарта должна была послѣ долгой болѣзни погибнуть отъ внутренняго гніенія.

Преобладаніе лакедемонянъ надъ всѣми эллинскими государствами было твердо обосновано удачами послѣднихъ годовъ. Всѣ острова и приморскіе города, принадлежавшіе къ аѳинскому государству, стали подвластны Спартѣ. Отъ Византіи до Милета и вдоль ѳракійскаго и македонскаго берега, по распоряженію Лисандра, въ городахъ правленіе было такъ устроено, что во главѣ стояли съ неограниченной властью десять мужей подъ руководствомъ спартанскаго гармоста.

Но если при владычествѣ Аѳинъ лишь аристократы стремились къ независимости, то теперь всѣ граждане роптали на иго, на нихъ наложенное. Ибо гармосты были большей частью

суровые, властолюбивые люди, старавшіеся прежде всего обогатиться. Они безъ боязни и пощады пользовались всякимъ средствомъ, казавшимся пригоднымъ для этой цѣли. Къ этому присоединялось еще то, что прежніе союзники, насчетъ и кровью которыхъ одержана была побѣда, увидѣли себя горько обманутыми, такъ какъ они вмѣсто того, чтобъ раздѣлять плодъ побѣды, сами попали въ большую или меньшую зависимость. Спартанцы не терпѣли другихъ союзовъ, кромѣ своего; они даже стремились хитростью или силой разстроить дотолѣ существовавшіе племенные союзы.

МОНЕТА КИРА МЛАДШАГО. (БЕРЛИНЪ, КОРОЛ. НУМИЗМАТИЧ. КАБИНЕТЪ).

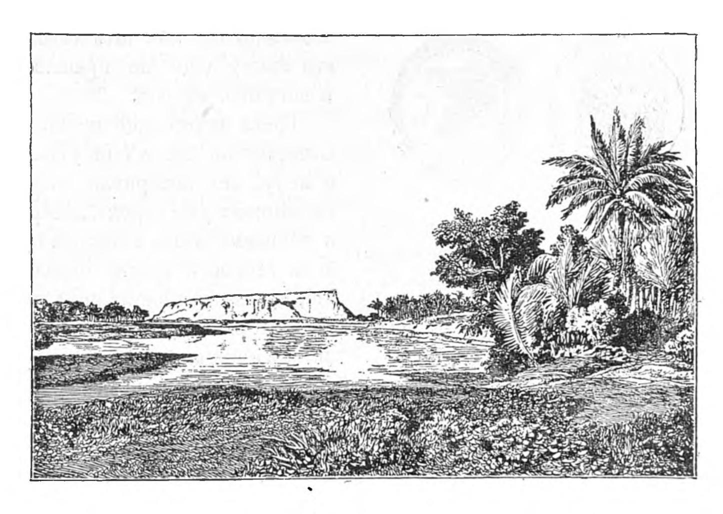
Это испытало прежде всего государство Элида, приставшее къ аргосскому особому союзу и дерзнувшее даже исключить гордыхъ мужей на Эвротѣ изъ олимпійскихъ игръ. Царь Агисъ II вторгся (401 г.) въ страну отпавшихъ элейцевъ, но, ничего не достигнувъ, послѣ напрасныхъ сраженій долженъ былъ отступить. Затѣмъ онъ во второй разъ прибылъ съ большимъ войскомъ, объявилъ города періэковъ свободными и, производя опустошенія, проникъ до самой столицы, гдѣ богатый гражданинъ Ксенія оказалъ ему помощь противъ демократической партіи. Скоро сила сопротивленія элейцевъ была сломлена, и они подъ жестокими условіями должны были согласиться на заключеніе мира. Элида должна была уступить часть своей области, выдать свои корабли и срыть стѣны главнаго города. Этимъ изречено было совершенное распаденіе государства; такова была свобода, которую приносила Спарта.

Отступленіе десяти тысячъ. Одинъ изъ спартанскихъ гармостовъ, хитрый и жестокій Клеархъ, дѣйствовалъ въ Византіи съ такой жестокостью и ненасытнымъ сребролюбіемъ, что, наконецъ, былъ смѣщенъ. Онъ былъ другомъ Лисандра и черезъ него былъ въ связи съ Киромъ Младшимъ. Этотъ честолюбивый князь въ то время занятъ былъ планомъ свергнуть брата своего Артаксеркса II съ престола. Онъ зналъ превосходство греческаго оружія; поэтому онъ въ немъ главнымъ образомъ искалъ средства для приведенія въ исполненіе своего смѣлаго предпріятія.

По его побужденію и на его золото Клеархъ набралъ на ѳракійскомъ Херсонесѣ дружины эллинскихъ искателей приключеній. Съ помощью спартанской строгости онъ создалъ изъ нихъ войско, готовое и пригодное за щедрое жалованье оказать сопротивленіе всякому непріятелю. Это войско онъ повелъ въ Азію, гдѣ къ нему присоединились еще другіе отряды изъ Ѳессаліи, Беотіи и Пелопоннеса, такъ что общее число ихъ возросло до 13,000 наемниковъ. Киръ, правильно оцѣнившій эти ратныя дружины, заявилъ, что онъ нуждается въ ихъ помощи противъ враждебныхъ сосѣдей, и подъ этимъ предлогомъ заманивалъ ихъ все дальше отъ берега. Лишь въ Тарсѣ на Киднѣ, когда они прошли чрезъ киликійскіе горные проходы, по горамъ и долинамъ, степямъ и рѣкамъ, они, наконецъ, поняли намѣреніе Кира и свое назначеніе. Вначалѣ они отказывались идти далѣе; но скоро новыя обѣщанія побѣдили всякія сомнѣнія. По соединеніи съ многочисленною персидскою ратью Кира, они двинулись дальше въ Киликію, гдѣ виноградные и фруктовые шпалерники и обширныя нивы покрывали высоты и долины. Тамъ пировали они насчетъ избытка страны, хлебали сладкое пальмовое вино и получали богатое жалованье, такъ какъ одна киликійская царица прибыла навстрѣчу Киру съ большими суммами и раздала воинамъ золота и драгоцѣнностей. Въ дни отдыха они совершали свои празднества и игры или производили воинскія упражненія. Когда они однажды съ громкимъ боевымъ крикомъ сомкнутыми рядами ринулись противъ лагеря, испуганные варвары обратились въ бѣгство; даже сама киликійская царица соскочила со своей дорожной колесницы и убѣжала со своей свитой, въ то время какъ вслѣдъ имъ раздался громкій смѣхъ грековъ.

Веселый былъ походъ чрезъ долины Киликіи и далѣе по плодоносымъ полямъ Сиріи. Но когда войско достигло Евфрата, поднялся ропотъ и открытое возмущеніе. Однако, Клеархъ съумѣлъ успокоить недовольныхъ и склонить воиновъ къ продолженію похода чрезъ рѣку. Далѣе походъ направился чрезъ аравійскую пустыню, гдѣ не было видно ни одного дерева, гдѣ ни одинъ холмъ не замыкалъ горизонта. Но вскорѣ, когда подвинулись въ вавилонскую низменность, видъ сталъ опять веселѣе, и эллины давались диву предъ богатствомъ роскошной низменности, плодородностью почвы, орошенной каналами, пальмовыми рощами

и предъ обиліемъ плодовъ, которыхъ они частью даже еще не знали вовсе. Имъ казалось, точно они перенесены въ новый міръ. Однако, у нихъ не было времени предаваться изумленію, такъ какъ за нѣсколько дневныхъ переходовъ къ сѣверу отъ Вавилона неожиданно наткнулись на войско великаго царя, которое своими огромными силами покрывало всю равнину К у н а к с ы.

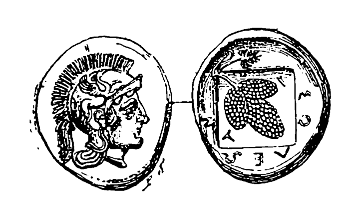

РѢКА ЕВФРАТЪ.

Въ пестрой одеждѣ, верхомъ и пѣшкомъ подступали имъ на встрѣчу племена и народы персидскаго царства, какъ нѣкогда во времена Ксеркса. Киръ тотчасъ же выстроилъ свои рати для нападенія. Ему хотѣлось бы имѣть грековъ у себя въ центрѣ, но тѣ отказались покидать свою позицію на правомъ крылѣ, гдѣ рѣка охраняла ихъ отъ обхода непріятельскими всадниками. Когда начался бой, они стали пѣть пэанъ, медленно наступая. Затѣмъ ринулись они сомкнутыми рядами съ далеко раздающимся боевымъ крикомъ „Алала!“, съ опущенными копьями на непріятеля, который, полный испуга, разсыпался. Тиссафернъ, тотъ самый персидскій сатрапъ, съ которымъ мы познакомились въ исходѣ пелопоннесской войны, тщетно пытался остановить натискъ грековъ;

что сопротивлялось, было опрокинуто; вся равнина покрыта была трупами, брошеннымъ оружіемъ и знаменами.

Съ не меньшею стремительностью ударилъ и Киръ въ центрѣ, самъ въ единоборствѣ ранилъ брата своего и разбилъ непріятельскіе эскадроны; но, сражаясь въ переднихъ рядахъ, онъ былъ раненъ и палъ, наконецъ, замертво наземь, пронзенный копьемъ. Лишенное предводителя войско обратилось въ бѣгство, хотя лѣвому его крылу еще не пришлось и вступить въ бой.

МОНЕТА САТРАПА, ВЪ СОЛАХЪ.

Покрытая шлемомъ голова Паллады обращенъ вправо; шлемъ имѣетъ высокій султанъ и украшенъ грифомъ. Обр. стор. Въ углубленномъ четыреугольникѣ виноградный гроздъ и буквы Т I, инициалы имени Тирибаза или Тиссаферна (?). Внѣ углубленнаго четыреугольника, ΣΟΛΕΩΝ (Серебро).

Греки ничего еще не знали о несчастіи. Когда они узнали о немъ, они повернули къ завоеванному уже царемъ лагерю и во время этого перехода отбили второе и третье нападеніе, произведенное на нихъ непріятелемъ. Въ разграбленномъ лагерѣ они мало подкрѣпились. Однако, на полученное приглашеніе выдать оружіе, они отвѣтили, что нуждаются въ немъ такъ же, какъ въ своей свободѣ; но что, впрочемъ, они готовы, за жалованье, вѣрно служить царю, какъ они служили его брату.

Во вторую ночь они отправились въ путь, чтобъ догнать остатокъ бѣжавшаго войска Кира. Когда они на слѣдующій день увидѣли себя преслѣдуемыми, они сейчасъ-же выстроились къ наступленію, но удалось заключить договоръ, въ которомъ имъ обѣщаны были проводники и безопасное отступленіе. Тиссафернъ самъ вначалѣ проводилъ ихъ со значительнымъ отрядомъ. Нѣсколько дней спустя, онъ, будто бы для того, чтобъ уладить возникшіе между персами и греками споры, пригласилъ въ свою палатку пять эллинскихъ предводителей и двадцать офицеровъ и тамъ не чаявшихъ зла, довѣрчивыхъ людей велѣлъ частью заковать въ цѣпи, частью перебить.

И вотъ покинутая кучка, лишенная своихъ вождей, окруженная сильными войсками, очутилась въ самой срединѣ непріятельской страны, на разстояніи 1,800 km. (1,680 верстъ) отъ іонійскаго берега. Наступила ночь, но она не принесла крѣпительнаго сна,

ибо предъ очами всѣхъ носилась вѣрная гибель. Около полуночи Ксенофонтъ, ученикъ Сократа, созвалъ офицеровъ на совѣщаніе. Онъ въ пылкой рѣчи представилъ имъ, что храбрый мужъ никогда не бываетъ безпомощнымъ, что предъ ними, вѣроломно преданными, все-таки открыты всѣ сокровища и богатства варварской страны, такъ какъ предъ ихъ оружіемъ никакой врагъ устоять не можетъ. Онъ увѣщевалъ ихъ выбрать изъ своей среды испытанныхъ вождей и соблюдать строгую военную дисциплину, въ силу которой они всегда превосходятъ враговъ, какъ бы тѣ ни были многочисленны. Его рѣчь подняла упавшій духъ войска, и оно хотѣло назначить его главнымъ предводителемъ; но такъ какъ онъ скромно отказался отъ этого, то выбранъ былъ лакедемонянинъ Хирисофъ, который передалъ ему затѣмъ второе мѣсто. Однако, Ксенофонтъ былъ и остался душой руководительства смѣлымъ, богатымъ приключеніями походомъ чрезъ обширную незнакомую страну, гдѣ всюду угрожали маленькой дружинѣ безчисленные враги.

Ксенофонтъ былъ неистощимъ въ вспомогательныхъ средствахъ, а воины были искусны во всякомъ родѣ военной службы. Когда непріятельскіе конные отряды стали безпокоить войско своими смертельными стрѣлами и сѣять раны и смерть, то были нѣсколько отрядовъ поспѣшно посажены на захваченныхъ въ добычу лошадей и къ нимъ прибавлены родосскіе пращники, которые привѣтствовали враговъ съ такимъ успѣхомъ, что тѣ ужь болѣе не рѣшались приближаться. Походъ направлялся мимо древней Ниневіи, чрезъ крутыя горы вдоль берега Тигра, среди постоянныхъ сраженій. Въ странѣ кардуховъ (курдовъ), гдѣ дикіе туземцы, карауля на горахъ и въ ущельяхъ, скатывали стволы деревьевъ и большіе камни и нерѣдко раздавливали и коня и воина, убійственный бой длился семь дней; но наконецъ греки проложили себѣ путь въ низменности. Тамъ нашли они обильные съѣстные припасы и подкрѣпились къ дальнѣйшему геройскому походу. Затѣмъ они переправились чрезъ пограничную рѣку Кентритъ, хотя противоположный берегъ защищали персидскіе всадники и стрѣлки изъ лука. Сатрапъ Арменіи, Тирибазъ, испуганный большимъ урономъ людей, заключилъ тутъ съ эллинскимъ войскомъ мирный договоръ, и ратные люди теперь въ ближайшихъ мѣстностяхъ всюду находили хлѣбъ, убойный скотъ и освѣжительное

вино готовыми для ихъ накормленія. Но такъ какъ въ высоколежащей странѣ наступила необыкновенно суровая зима, то воинамъ пришлось пробиваться чрезъ льды и снѣга, причемъ у многихъ отмерзли руки и ноги. Они находили тамъ деревни, въ которыхъ жилища для людей и скота устроены были подъ землей. Впрочемъ, они провели въ этихъ подземныхъ жилищахъ веселую недѣльку, ибо столъ ихъ былъ обиленъ, и ласковые мальчики подавали кубки. Тяжелыя битвы нужно было еще выдержать войску, когда оно приблизилось къ горамъ кавказскихъ народовъ. Тамъ особенно халибы бились съ такой храбростью, что нельзя было занять ихъ деревень. Когда наконецъ перешли границу скиѳиновъ, увидѣли предъ собой высокую гору, и какъ только голова войска достигла вершины ея, то поднялся громкій крикъ, къ которому присоединились всѣ отряды, прибывшіе на высоту.

Восторженный крикъ „ѳалатта! ѳалатта!“ (море!) раздавался все вновь, ибо въ самомъ дѣлѣ они увидѣли блестящія волны моря и берега, куда гостепріимно манили греческіе города, гдѣ была открыта дорога на милую родину. Послѣ жестокихъ сраженій съ враждебными колхидцами, воинственные пилигримы достигли эллинской колоніи Трапезунта на Черномъ морѣ. Тамъ они остановились на тридцатидневный отдыхъ, справляли празднества, производили грабительскія вторженія во враждебную Колхиду, но не могли согласиться относительно дальнѣйшаго похода. Послѣ многихъ потерь, понесенныхъ чрезъ раздвоеніе, войско наконецъ къ концу лѣта 400 г. до Р. Х. достигло Хрисополя на Босфорѣ, насупротивъ Византіи.

Годъ и три мѣсяца длился этотъ походъ, извѣстный подъ названіемъ „Отступленія десяти тысячъ“. Осталось немного больше 7,000 воиновъ, но это были закаленные, опытные въ употребленіи всякаго оружія люди. Они сначала поступили на службу ѳракійскаго князя Севѳа, сулившаго имъ богатое жалованье, если онъ съ ихъ помощью вернетъ себѣ утраченную власть. И вотъ цѣлыхъ два мѣсяца они побѣдоносно сражались съ дикими ѳракійскими племенами и принудили ихъ подчиниться своему старому властителю. Но послѣ того какъ варваръ снова утвердился на своемъ престолѣ, онъ уже не думалъ болѣе исполнять своихъ обязательствъ, и храбрые мужи, съ оружіемъ въ рукахъ проложившіе себѣ путь черезъ полъ-Азіи, попали въ такую нужду, что даже Ксено-

фонтъ долженъ былъ продать свою лошадь. Но тогда пришла вѣсть отъ лакедемонскаго военачальника Ѳиброна, воевавшаго съ сатрапомъ Тиссаферномъ, что онъ нуждается въ услугахъ славнаго отряда. Заключается договоръ, послѣ чего коварный Севѳъ принуждается къ уплатѣ жалованья и затѣмъ послѣ перваго счастливаго похода щедро награждаются войско и его вожди.

Агесилай. Дотолѣ Спарта прежде всего заботилась о томъ, чтобъ утвердить свое преобладаніе въ Греціи; она изгнала поселенныхъ аѳинянами мессенцевъ изъ Кефалленіи и Навпакта, элейцевъ, какъ уже упомянуто, въ Пелопоннесѣ жестокимъ пораженіемъ принудила къ подчиненію и въ Аркадіи поддерживала слабѣйшія государства противъ болѣе могущественныхъ. Теперь она обратила все свое могущество на защиту іонійскихъ грековъ противъ Тиссаферна, который послѣ гибели Кира думалъ о возстановленіи персидскаго авторитета (394 г.). Ѳиброн ъ, затѣмъ Деркиллидъ и наконецъ Агесилай счастливо предводительствовали спартанскими войсками въ Азіи, хотя первый своимъ хищничествомъ притѣснялъ союзниковъ едва ли меньше, чѣмъ персы.

Агесилай, напротивъ, былъ предводителемъ, добивавшимся достославными подвигами возвеличенія своего отечества и собственнаго почета, но презиравшимъ нечестную наживу денегъ и бражничанье. По смерти своего своднаго брата Агиса, онъ, по побужденію Лисандра, вытѣснилъ своего племянника изъ царскаго званія, подтвердивъ подозрѣніе, что тотъ — незаконный сынъ Алкивіада. Обязанностямъ перешедшей теперь къ нему должности онъ, побуждаемый ненасытнымъ честолюбіемъ, старался удовлетворять во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ соблюдалъ древнюю спартанскую умѣренность и предпочиталъ поэтому и за границей черную похлебку всѣмъ лакомствамъ повареннаго искусства. Имѣя фигуру маленькую и невзрачную и немного прихрамывая, онъ все-таки умѣлъ сохранять свое достоинство, не становясь изъ-за этого надменнымъ и отталкивающимъ. Онъ, напротивъ былъ милостивъ, ласковъ и почти всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Одинъ другъ засталъ его однажды весело скачущимъ

ПЕРСИДСКАЯ МОНЕТА.

вмѣстѣ съ сынкомъ своимъ на конькѣ. Когда тотъ изумился этому, Агесилай сказалъ, останавливая своего страннаго коня: „Не говори, милый человѣкъ, пока самъ не будешь имѣть дѣтей“. Впрочемъ, такихъ часовъ пріятнаго времяпрепровожденія суждено было ему немного; тамъ, на бранныхъ поляхъ, гдѣ жребіи смерти катились туда и сюда, среди постоянныхъ сраженій онъ провелъ наибольшую часть своей жизни.

Походы его въ Азіи были удачны. Онъ прошелъ по переднимъ провинціямъ, одержалъ побѣду надъ Тиссаферномъ, особенно въ конномъ сраженіи на рѣкѣ Пактолѣ, принудилъ сатрапа Фарнабаза скитаться подобно бѣглецу, и приготовился проникнуть внутрь великаго персидскаго царства. Но тогда эфорами ему данъ былъ приказъ поспѣшно вернуться въ Грецію, потому-де, что значенію Спарты тамъ грозитъ величайшая опасность. Онъ тотчасъ же повиновался, замѣтивъ, что великій царь изгоняетъ его изъ страны съ помощью 10,000 стрѣлковъ изъ лука. Этимъ онъ намекалъ на персидскіе золотые, благодаря которымъ состоялся союзъ между Ѳивами, Аѳинами, Коринѳомъ и Аргосомъ противъ Спарты.

Коринѳская война. Пока Агесилай по дорогѣ, по которой нѣкогда прошелъ Ксерксъ, съ оружіемъ въ рукахъ пробивалъ себѣ путь чрезъ Ѳракію, Македонію и Ѳессалію, въ Греціи съ большимъ ожесточеніемъ пылала война, называемая коринѳскою. Но не только персидскія деньги, которыя родосецъ Тимократъ передалъ соединившимся противъ Спарты городамъ, вновь раздули пламя войны, но еще болѣе того—надменность, властолюбіе спартанцевъ. Въ трахинской Гераклеѣ вблизи Ѳермопилъ спартанскій гармостъ безъ милосердія казнилъ 500 гражданъ народной партіи. Подобнымъ же образомъ онъ свирѣпствовалъ противъ другихъ жителей у Эты, такъ что все населеніе бѣжало въ Ѳессалію. И болѣе крупныя государства опасались для себя подобныхъ ужасовъ, когда ихъ союзные города отъ нихъ отторгались, когда они, стоя одиноко, подпадали подъ мечъ господствующаго государства. Поэтому они для своего самосохраненія выбрали неизвѣстный жребій войны, а персидское золото оказало подмогу ихъ вооруженіямъ.

Такимъ образомъ, въ Элладѣ снова началась кровавая игра внутренняго раздора. Со стороны спартанцевъ въ самомъ началѣ палъ Лисандръ, побѣдитель при Эгоспотамахъ, въ несчастливомъ

сраженіи при Галіартѣ въ Беотіи, такъ какъ онъ началъ наступленіе, не дожидаясь главнаго войска, бывшаго подъ начальствомъ царя Павсанія (395 г.). Союзники затѣмъ отъ Коринѳа двинулись съ большими силами на Сикіонъ и тамъ, гдѣ ручей Немея изъ горъ выходитъ въ равнину, встрѣтились съ болѣе слабыми лакедемонянами. Они разбили ахейцевъ, аркадянъ, элейцевъ, образовавшихъ лѣвое крыло и центръ; зато спартанцы, подъ предводительствомъ Аристодема, опекуна малолѣтняго царя Агесиполя, наступая въ обычномъ порядкѣ и спокойствіи, смяли аѳинянъ, бывшихъ подъ начальствомъ Ѳрасибула, затѣмъ въ убійственномъ бою также аргивянъ, коринѳянъ и ѳивянъ, когда тѣ возвращались отъ преслѣдованія. Упорное сраженіе длилось до самой темноты. Союзники бѣжали по всѣмъ направленіямъ, но снова собрались, такъ какъ серьезно не преслѣдовались, въ прежнемъ своемъ лагерѣ на ручьѣ Немеѣ и потянулись затѣмъ къ Коринѳскому перешейку.

Битва при Коронеѣ. Между тѣмъ Агесилай послѣ перехода въ тридцать дней со времени выступленія своего отъ Геллеспонта прибылъ къ границѣ Беотіи и безъ труда побѣдилъ поставленный тамъ непріятельскій авангардъ. Но когда онъ пододвинулся къ Коронеѣ, онъ увидѣлъ въ полномъ вооруженіи соединенныя силы аргивянъ, аѳинянъ, эвбейцевъ и ѳивянъ, сходившія съ горъ Геликона и выстраивавшіяся въ боевомъ порядкѣ. Союзники его изъ Фокиды и Орхомена тотчасъ же отступили передъ бурнымъ натискомъ ѳивянъ; напротивъ, центръ его, состоявшій изъ остатковъ Десяти тысячъ и изъ геллеспонтцевъ, бросился, какъ это обыкновенно дѣлали эти храбрецы противъ персовъ, съ опущенными копьями на аѳинянъ, эвбейцевъ и коринѳянъ, которые сейчасъ же принуждены были отступить. Такъ-же побѣдоносны были спартанскія моры праваго крыла противъ аргивянъ. Такимъ образомъ, лѣвое крыло и центръ союзниковъ были въ полномъ бѣгствѣ къ Геликону и безостановочно преслѣдовались всадниками и стрѣлками. Ѳивяне, теперь съ своей стороны замѣтившіе положеніе дѣлъ, казались отрѣзанными; но, уповая на свою численность и храбрость, они выстроились густыми колоннами, прорвались среди страшной рѣзни чрезъ непріятельское войско и достигли Геликона, гдѣ горы и темнота защитили ихъ отъ конныхъ нападеній непріятеля. На слѣдующій день послы ихъ явились предъ Агеси-

лаемъ, который, хотя самъ раненый, съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ отдыхалъ на полѣ битвы и занятъ былъ погребеніемъ павшихъ воиновъ. Они попросили позволенія похоронить своихъ убитыхъ и этимъ признали себя побѣжденными (394 г.). Это было впрочемъ единственнымъ послѣдствіемъ битвы при Коронеѣ, такъ какъ побѣдители не рѣшались глубже проникать въ Беотію, но вернулись въ Фокиду и на корабляхъ переправились чрезъ Крисейскій заливъ.

Кононъ. Еще до этой битвы лакедемонянъ поразило тяжкое несчастіе. Именно, со времени пораженія при Эгоспотамахъ, храбрый Кононъ скитался со своими восемью спасенными аѳинскими кораблями то тутъ, то тамъ и по возможности вредилъ врагамъ своего родного города. Теперь съ нимъ не только соединился финикійскій флотъ, но онъ получилъ также за персидское золото значительное подкрѣпленіе греческими кораблями. Въ соединеніи съ вѣрно преданнымъ своему царю Фарнабазомъ онъ во главѣ этихъ морскихъ силъ направился противъ лакедемонскаго флота, совершенно разбилъ его при Книдѣ (394), близъ азіатскаго берега, захватилъ пятьдесятъ кораблей противниковъ и убилъ адмирала Писандра, зятя Агесилая. Вслѣдствіе этой побѣды большая часть приморскихъ городовъ и острововъ отпала отъ Спарты; а Кононъ — что было еще важнѣе — поплылъ въ Аѳины и тамъ заставилъ снова построить длинныя стѣны, для соединенія Пирея съ городомъ. Онъ привезъ съ собой персидскія вспомогательныя деньги и захваченныя въ добычу суммы, изъ чего онъ, не думая о собственномъ обогащеніи, большую часть употребилъ на постройку, а остатокъ роздалъ обѣднѣвшимъ гражданамъ. Это — одинъ изъ немногихъ характеровъ, которые и въ то время, когда блѣднѣла звѣзда Эллады, стоятъ въ исторіи достойными уваженія, безъ клейма себялюбія и продажности. Благодарный его отечественный городъ за его заслуги оказалъ ему многочисленные и блестящіе знаки почета.

Ификратъ. Пораженіемъ при Книдѣ сломлено было господство лакедемонянъ на морѣ; на сушѣ, напротивъ, они все еще бились счастливо, ибо тамъ предводительствовалъ ихъ войсками неутомимый Агесилай. Они перешли чрезъ валъ, которымъ коринѳяне и аѳиняне пытались заградить перешеекъ, и завоевали гавань Лехей. Они заняли бы даже Коринѳъ, гдѣ господствовалъ кровавый внутренній

раздоръ, если бы на защиту не подоспѣлъ аѳинскій предводитель наемниковъ Ификратъ. Этотъ свѣдущій въ военномъ дѣлѣ военачальникъ образовалъ страшный отрядъ, главнымъ образомъ изъ пелтастовъ. Дѣло въ томъ, что онъ облегчилъ тяжеловѣсное вооруженіе гоплитовъ, введши намѣсто панцырей строченые колеты изъ холста, легкій ножной покровъ вмѣсто тяжелыхъ поножей и маленькій круглый щитъ (пелте) съ ремнями для продѣванія верхней части руки. Такъ какъ чрезъ это послѣднее измѣненіе кисть лѣвой руки становилась свободной, то онъ въ то-же время велѣлъ удлинить на половину копье, которое теперь уже можно было

ПЕЛТАСТЫ.

РЕЛЬЕФЪ СЪ ЗАПАДНОЙ СТѢНЫ ГЕРООНА ВЪ ГЬЕЛЬБАШИ.

держать обѣими руками. Его воинственныхъ, легкоподвижныхъ наемниковъ всюду боялись; только лакедемоняне осмѣивали холщевыхъ солдатъ, какъ они насмѣшливо выражались, и также побили ихъ, поддержанные со стороны моря флотомъ, вмѣстѣ съ прочими союзниками при Лехеѣ; но они скоро научились уважать эти дружины, когда мора ихъ лучшихъ воиновъ ими была уничтожена.

Продолжающіяся сраженія. Война между тѣмъ продолжала вестись съ перемѣннымъ счастьемъ на морѣ и на сушѣ. На обѣихъ сторонахъ теперь большей частью бились наемники, вышколенные для кровавого ремесла. Грабежъ, смѣлыя нападенія, избіеніе застигнутыхъ отрядовъ воиновъ, горожанъ и крестьянъ составляли печальную картину этой борьбы. Благородный Кононъ, все еще съ греко-персидскимъ флотомъ продолжавшій борьбу, окле-

ветанъ былъ у сатрапа Тирибаза хитрымъ спартанцемъ Анталкидомъ (Анталкидой), заключенъ въ темницу и умеръ, послѣ того какъ былъ выпущенъ изъ заключенія Струѳой, преемникомъ Тирибаза, у кипрскаго царя Эвагоры, который любилъ его какъ друга. Ставшій на его мѣсто Ѳрасибулъ съ такой же ловкостью предводительствовалъ аѳинскимъ флотомъ, который обѣднѣвшіе граждане снарядили съ похвальнымъ усердіемъ. Онъ возстановилъ господство своего родного города на Геллеспонтѣ, склонилъ Византію, Халкедонъ и Лесбосъ присоединиться къ аѳинскому союзу, но палъ при Аспендѣ отъ руки убійцы, въ то время какъ налагалъ контрибуцію на карійское и памфилійское побережье. Зато лакедемоняне открыли съ острова Эгины военныя дѣйствія противъ портовъ Аттики и удручающимъ образомъ тревожили торговлю, отнимая купеческія суда.

Анталкидовъ миръ. Такимъ образомъ не было видно конца губительной борьбы. Тогда нуждавшаяся въ мирѣ Спарта обратилась къ варварамъ. Именно Анталкидъ, равнявшійся по ловкости и хитрости съ Лисандромъ, отправился къ Сузскому двору и устроилъ тамъ названный его именемъ миръ. Условія, лежавшія въ его основаніи, доказываютъ, что изъ Эллады исчезло всякое чувство національной чести и общей отчизны. Они гласили такъ: „Царь Артаксерксъ признаетъ справедливымъ, чтобы эллинскіе города Малой Азіи оставались подчиненными его владычеству, всѣ же прочія греческія государства получаютъ свою прежнюю независимость. Воля его и приказъ воевать со строптивыми на морѣ и на сушѣ“.

Этотъ безславный миръ (387 г.) предалъ часть свободныхъ эллиновъ варварамъ, сатрапы которыхъ во вновь подчиненныхъ городахъ воздвигли свои замки, присвоили себѣ ихъ морскія силы, выжимали деньги, выбирали греческихъ дѣвушекъ для своего гарема и производили всякій гнетъ, какой только являлся послѣдствіемъ упадка нравовъ и правительства въ персидскомъ царствѣ.

Послѣ персидскаго царя, болѣе всего выиграла Спарта, такъ какъ ей было поручено исполненіе условій, и она истолковала ихъ конечно въ свою пользу. Она отказалась отъ господства на морѣ и отъ приморскихъ городовъ и острововъ, чего она и безъ того не могла удержать, но получила зато тѣмъ большее вліяніе на сушѣ.

Аѳиняне, у которыхъ, по прибавленной въ договорѣ оговоркѣ, остались острова Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ, согласились на этотъ миръ; ослабленные аргивяне не дерзали прекословить; стѣны Мантинеи и самый городъ послѣ напраснаго сопротивленія были срыты спартанскимъ царемъ Агесиполемъ и жители распредѣлены по окружающимъ деревнямъ, далѣе—беотійскіе города, въ пику Ѳивамъ, объявлены были самостоятельными. Демократическій Фліунтъ Агесилай одолѣлъ послѣ долголѣтней осады. Желѣзная рука Спарты тяжко лежала на всей Элладѣ.

Возстановленіе Платеи. Только одно, съ виду справедливое и похвальное, мѣропріятіе, привлекающее къ себѣ наше участіе, исходило отъ насильственныхъ властителей. Въ долинѣ Асопа, гдѣ нѣкогда происходила великая битва съ варварами за свободу Греціи, лежали еще развалины города Платеи. Слабые остатки населенія и его потомки нашли пріютъ въ Аѳинахъ, но они съ тоской поглядывали по направленію къ своей разрушенной родинѣ и надѣялись на благопріятную перемѣну, чтобъ вернуться въ нее. Это ожиданіе теперь исполнилось. Вѣстью изъ Спарты, уготовившей платейцамъ погибель въ пелопоннесской войнѣ, они теперь приглашались вновь воздвигнуть свой городъ. Такимъ образомъ, радостно мужья, жены и дѣти, а также и много аѳинянокъ, связанныхъ съ ними брачными узами, отправились чрезъ высоты Киѳерона и собрались у искони знаменитаго храма Геры, гдѣ они прежде приносили божеству жертвы и молитвы.

Для ихъ охраны, во время постройки разставлены были лакедемонскіе воины, которые, подъ начальствомъ спартанскаго гармоста, продолжали занимать замокъ и тогда, когда обводныя стѣны были уже окончены, чтобы отразить могущее случиться нападеніе изъ Ѳивъ. Ибо ѳивяне во вновь сооруженномъ городѣ, также какъ и въ занятыхъ лакедемонянами городахъ—Ѳеспіяхъ и Орхоменѣ, видѣли лишь больверки Спарты для уничтоженія преобладанія Ѳивъ въ Беотіи. И взглядъ этотъ былъ слишкомъ основателенъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый шагъ, который дѣлали лакедемонскіе властители, клонился лишь къ тому, чтобы подчинить ихъ игу государства Греціи. Впрочемъ, въ противовѣсъ этимъ стремленіямъ, дѣятельнымъ аѳинянамъ удалось снова призвать къ жизни хотя тѣнь прежняго делосскаго союза. Сношенія съ Пиреемъ, страхъ передъ Персіею и покоившіяся на основѣ полнаго

равенства условія побудили многіе острова присоединиться къ этому второму аѳинскому морскому союзу.

Олинѳскій союзъ городовъ. Но былъ еще третій союзъ греческихъ городовъ, имѣвшій цѣлью совмѣстное споспѣшествованіе благосостоянію и взаимную независимость: это былъ такъ называемый Олинѳскій союзъ городовъ на полуостровѣ Халкидикѣ и на сосѣднемъ ѳракійскомъ и македонскомъ побережьи. Къ югу отъ Амфиполя, между западнымъ и среднимъ изъ трехъ, далеко вдающихся въ море, концовъ полуострова лежалъ городъ Олинѳъ. Его защищенное положеніе на возвышеніи и въ то же время вблизи моря, заботливая обработка плодородной страны вокругъ него и также живыя сношенія по морю и сушѣ сдѣлали его великимъ и могущественнымъ. Храмы и статуи, частью воздвигнутыя на сосѣднихъ холмахъ, обличали эллинское чувство красоты. Граждане были также свѣдущи въ музыкѣ и гимнастикѣ и умѣли не только хорошо управлять своимъ городомъ съ союзными и подвластными мѣстечками, но также хорошо охранять свое положеніе противъ македонянъ и ѳракійцевъ съ помощью свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ воиновъ, особенно же отлично обученной конницы. Такимъ образомъ, маленькое государство процвѣтало вначалѣ въ скрытности, въ то время какъ метрополія сама себя раздирала. Казалось, что эллинская свобода уготовила себѣ здѣсь мѣсто, чтобы произвести свѣжую вѣтвь благородной культуры и нравовъ. Но когда эта вѣтвь сдѣлалась извѣстною и стала обращать на себя взгляды большихъ государствъ, то эти послѣднія не замедлили приложить смертоносный топоръ къ молодому стволу.

Занятіе Кадмеи. Какъ Македоніи, такъ и полуострову Халкидикѣ приходилось страдать отъ вторженій ѳракійцевъ и еще болѣе страшныхъ иллирійцевъ. Царь Аминта II долженъ былъ даже въ виду послѣднихъ покинуть свое царство и искать себѣ пріюта за границей. Въ это бѣдственное время олинѳяне заключили тѣсный союзъ съ сосѣдними городами и съ македонскими городами морского побережья для отраженія общей опасности. Когда послѣдняя счастливо была устранена, союзъ продолжалъ существовать, и Олинѳъ остался его главой. Присоединялось къ нему все больше и больше сосѣднихъ городовъ; только Аканѳъ и Аполлонія воспротивились приглашенію присоединиться и обратились къ Спартѣ, прося ея покровительства. Эфоры

охотно вняли просителямъ. Эвдамида, котораго знали какъ опытнаго на войнѣ мужа, получилъ приказъ тотчасъ проводить пословъ съ наскоро собраннымъ отрядомъ; братъ его Фебида долженъ былъ позже послѣдовать за нимъ со значительнымъ войскомъ. Первый прибылъ на Халкидику, прикрылъ тѣ два города, овладѣлъ Потидеей, но не могъ рѣшиться на битву въ открытомъ полѣ съ Олинѳомъ. Лишь гораздо позже отправился въ путь Фебида. Онъ проходилъ черезъ Беотію и тамъ получилъ вѣсть, что въ Ѳивахъ политическія партіи и даже тѣ, кому довѣрена была верховная власть, оба полемарха, пришли въ раздоръ, что въ особенности полемархъ Леѳнтіадъ и его олигархическая партія надѣются на спартанскую помощь, чтобъ подавить своихъ противниковъ. Фебида, однако, продолжалъ свой путь и прошелъ уже мимо самыхъ стѣнъ Ѳивъ, когда Леонтіадъ нагналъ его на конѣ и предложилъ ему вступить въ открытый городъ для занятія замка Кадмеи. Спартанецъ не долго обдумывалъ дѣло и тотчасъ послѣдовалъ за полемархомъ.

Былъ жаркій лѣтній день; всѣ пути и дороги были пусты; только у воротъ города нашли нѣсколькихъ сторожей, которые, однако, не посмѣли отказать главному военачальнику во впускѣ. Молча воины прошли далѣе къ Кадмеѣ, гдѣ жены гражданъ какъ разъ совершали празднество, на которомъ не смѣли присутствовать мужчины.

Такимъ образомъ, овладѣли крѣпостью безъ удара меча. Леонтіадъ тотчасъ же поспѣшилъ въ собраніе совѣта, объявилъ тамъ, что вступили спартанцы для защиты благонамѣренныхъ гражданъ, и посредствомъ вооруженныхъ приверженцевъ арестовалъ другого полемарха Исменію, главу демократической партіи. Пристрастный судъ приговорилъ его къ смерти. Болѣе 300 патріотовъ, принадлежавшихъ къ противной партіи, среди нихъ Пелопидъ, юноша, отличавшійся благородствомъ происхожденія и образа мыслей, спаслись бѣгствомъ и нашли въ Аѳинахъ пріютъ и безопасность.

Во всей Греціи поднялся голосъ негодованія на поступокъ Фебиды; даже въ Спартѣ только немногіе рѣшались извинить его, но среди этихъ немногихъ былъ Агесилай. Онъ сказалъ въ народномъ собраніи: „Здѣсь можетъ быть вопросъ только о томъ, служитъ ли это мѣропріятіе на пользу, или во вредъ государства. Въ первомъ случаѣ Фебида исполнилъ свой долгъ, въ послѣднемъ

онъ заслуживаетъ наказанія". Эфоры выбрали затѣмъ срединный путь; они смѣстили обвиняемаго и наложили на него тяжелую денежную пеню, но въ то же время рѣшили удержать за собой Кадмею. Такимъ образомъ, Ѳивы остались въ порабощеніи. Народъ, крѣпкій тѣломъ, но медленный въ мышленіи и преданный прелестямъ стола, научился подчиняться спартанскому деспотизму, и только въ сердцахъ благородныхъ продолжала жить мысль о возстановленіи и освобожденіи родного города.

Теперь Спарта безъ помѣхи и съ большимъ натискомъ могла заняться подавленіемъ олинѳскаго союза городовъ. Одинъ отрядъ за другимъ былъ отправленъ на полуостровъ, гдѣ олинѳяне съ мужествомъ и ловкостью бились за свою независимость. Въ одномъ несчастномъ сраженіи палъ Телевтія, братъ Агесилая; лакедемонскій царь Агесиполь, взявшій Торону приступомъ, умеръ отъ злокачественной лихорадки; но, наконецъ, Олинѳъ совершенно былъ запертъ спартанцами и принужденъ къ сдачѣ (379). Былъ посаженъ въ городѣ спартанскій гармостъ и сдѣлано распоряженіе объ уничтоженіи союза. Впрочемъ, города, принадлежавшіе къ нему, сохранили свое правительство и подобіе свободы; Полибіадъ, преемникъ храбраго Агесиполя, окончившій войну, обѣщалъ имъ эту, правда только кажущуюся, независимость, чрезъ что по крайней мѣрѣ остались сохраненными торговля, сношенія и благосостояніе.

Въ общемъ, въ продолженіе олинѳской войны, въ самой Элладѣ царила тишина, но то была тишина, къ которой принуждены бываютъ узники. Пугало лакедемонскаго имени держало жизненныя силы, такъ сказать, взаперти, такъ что онѣ, казалось, не были болѣе способны ни на какое проявленіе жизни. Но еще не всѣ отчаявались въ отчизнѣ; многіе сохранили еще въ груди своей мужество и силу къ дѣятельности, и хотя этимъ и не могло быть возстановлено старое могущество, все-таки вскорѣ опять выступаютъ на первый планъ мужи и подвиги, вызывающіе усиленный интересъ. На сцену исторіи являются Пелопидъ и Эпаминондъ.

ПРЕОБЛАДАНІЕ ѲИВЪ.

Въ Ѳивахъ правили вождь олигарховъ Леонтіадъ и его товарищи Гипатъ, Архія и Филиппъ, не заботясь много о старыхъ законахъ. Изъ названныхъ, двое послѣднихъ были полемархами. Но ихъ кабинетный секретарь Филлида былъ въ сношеніяхъ съ многочисленными бѣглецами въ Аѳинахъ и съумѣлъ вызвать удобный случай для освобожденія своего родного города. Двѣнадцать изгнанниковъ, среди нихъ въ особенности пылкій Пелопидъ и его другъ Мелонъ, рѣшили рискнуть всѣмъ, чтобы, при возможности, выиграть все. Въ самомъ городѣ патріоты также были поставлены въ извѣстность и одинъ изъ нихъ, Харонъ, предложилъ свой домъ какъ мѣсто сборища для заговорщиковъ.

Смерть тиранновъ. Переодѣтые частью въ видѣ охотниковъ, частью въ видѣ крестьянъ, изгнанники, среди снѣжной метели и при шумѣ бури, въ неприглядный декабрьскій день пробирались чрезъ ущелья Киѳерона (379 г.). Съ вечерними сумерками они по одиночкѣ, подобно другимъ возвращающимся владѣльцамъ полевыхъ угодій, вступили въ пустынныя улицы города и скоро собрались у Харона. Тутъ они узнали, что оба полемарха, Филиппъ и Архія, съ товарищами собрались у Филлиды на праздничный вечерній пиръ и въ заключеніе его ждутъ любезныхъ гетэръ, роль которыхъ они, освободители Ѳивъ, должны взять на себя.

Въ то время какъ обсуждали это, къ общему испугу явился правительственный служитель и пригласилъ Харона къ полемархамъ. Честный человѣкъ, исполненный тревоги, что бѣглецы сочтутъ его измѣнникомъ, передалъ имъ въ качествѣ залога единственнаго своего сына и отправился затѣмъ въ домъ Филлиды, какъ приказалъ ему вѣстникъ. „Эй, другъ“, крикнулъ навстрѣчу ему одинъ изъ пьяныхъ полемарховъ, „нѣсколько сумасбродныхъ парней изъ изгнанниковъ будто-бы замышляютъ что-то противъ насъ, знаешь ты объ этомъ? Ты въ сношеніяхъ съ Аѳинами и обязанъ дать намъ отвѣтъ, если мила тебѣ твоя голова“.—Харонъ увѣрилъ, что если бѣглецы и говорятъ о подобномъ, они все-таки остерегутся необдуманнаго возмущенія, такъ какъ-де имъ достаточно извѣстна бдительность начальства. Затѣмъ онъ былъ отпущенъ и дома доложилъ о томъ, что было.

Пирующіе полемархи не давали тревожить себя на своемъ празднествѣ. Они въ вѣнкахъ сидѣли за лакомымъ ужиномъ и усердно давали наполнять себѣ кубки изъ украшеннаго виноградными листьями и сосновыми вѣтвями сосуда съ виномъ, разбавленнымъ водой. Письмо изъ Аѳинъ, содержащее точное донесеніе о заговорѣ, Архія нераскрытымъ кладетъ подъ свою подушку со словами: „Дѣла на завтра!“ Напротивъ, онъ и его товарищъ по должности требуютъ обѣщанныхъ гетэръ, и вскорѣ послѣ того какъ были удалены служители, онѣ, граціозно закутанныя въ покрывало и въ длинный хитонъ, входятъ и садятся. Покрывала тотчасъ же должны были быть приподняты; но это условленный знакъ: засверкали кинжалы, полемархи падаютъ безъ сопротивленія, а равно и тѣ изъ ихъ товарищей, кто собирается защищаться.

Прежде чѣмъ дѣло становится извѣстнымъ, Пелопидъ съ двумя спутниками спѣшитъ въ жилище опаснаго Леонтіада. Тотъ спокойно сидѣлъ въ большомъ залѣ своего дома и смотрѣлъ, какъ жена его усердно заставляла плясать веретено. Вдругъ сильно застучали въ двери. Онъ, чуя недоброе, самъ отворилъ, и когда увидѣлъ врывающихся мужчинъ, то первому вонзилъ въ горло быстро обнаженный мечъ, но, наконецъ, послѣ отчаянной борьбы съ Пелопидомъ палъ на мужественно защищаемомъ порогѣ своего дома. И Гипата, четвертаго изъ тиранновъ, настигла рука мстителей. Онъ былъ схваченъ и убитъ, когда пытался убѣжать чрезъ крышу своего дома.

Заговорщики спѣшатъ теперь къ темницамъ, гдѣ многіе изъ ихъ друзей томились дотолѣ въ долгомъ заключеніи, отворяютъ ихъ и даютъ узникамъ оружіе; являются также другіе вооруженные друзья. Скоро всѣ граждане собираются на улицахъ и площадяхъ вначалѣ безъ точныхъ свѣдѣній, исполненные тревоги, наконецъ, радостно возбужденные, когда случившееся становится извѣстнымъ.

На утро всѣ граждане въ полномъ вооруженіи, верхомъ и пѣшкомъ, спѣшатъ въ народное собраніе. Тамъ освободители отечества, ведомые Эпаминондомъ и жрецами, которые, съ священными повязками въ высоко приподнятыхъ рукахъ, призываютъ гражданъ къ спасенію города, привѣтствуются толпой ликующими кликами. Все собраніе избираетъ Пелопида, Мелона и Харона беотархами, и тѣмъ заявляетъ, что Ѳивы снова претендуютъ на свое преобладаніе надъ Беотіей.

Занятіе Кадмеи. Но Кадмея занята была еще лакедемонянами. Воины дерзко глядѣли съ своей крутой высоты на народное движеніе въ лежащемъ подъ ними городѣ, гдѣ граждане готовились къ приступу, гдѣ отважная дружина молодыхъ людей, отлично владѣвшая оружіемъ, стремилась впереди всѣхъ снова овладѣть священнымъ акрополемъ. Нападеніе началось со всѣхъ сторонъ и продолжалось днемъ и ночью. Но гарнизонъ стоялъ въ свирѣпствовавшемъ бою непоколебимо.

Лишь когда разбиты были подступившія отъ Платеи вспомогательныя войска, когда вышли съѣстные припасы и голодъ отнялъ силы, спартанцы за разрѣшеніе свободнаго выхода съ оружіемъ и военной честью сдали крѣпкую твердыню ликующему народу и вернулись на Пелопоннесъ.

Спарта противъ Ѳивъ. Велико было раздраженіе въ Спартѣ, какъ изъ-за возстанія Ѳивъ, такъ особенно изъ-за очищенія крѣпости спартанскимъ гарнизономъ. Двоихъ изъ гармостовъ поразилъ смертный приговоръ, третьяго — тяжкая пеня. Молодой царь Клеомбротъ выступилъ затѣмъ въ походъ съ значительными силами. Но, перебивъ слабый отрядъ ѳивскихъ воиновъ въ Киѳеронѣ и расположившись лагеремъ подъ самыми воротами Ѳивъ, онъ ничего не добился и отправился домой. Оставленный въ Ѳеспіяхъ гармостъ Сфодрія угрожалъ аѳинской гавани Пирею, что произвело только то, что аѳиняне стали дѣйствовать сообща съ своими сосѣдями. Когда въ слѣдующемъ году старикъ Агесилай самъ сталъ во главѣ многочисленнаго войска, онъ прорвалъ, правда, окопы, которыми ѳивяне пытались защитить свои границы, и опустошилъ всю область, но не отважился сдѣлать нападеніе на благопріятную позицію союзниковъ, которыми начальствовали Горгида и храбрый аѳинянинъ Хабрія, вождь наемниковъ изъ школы Конона. Легковооруженные пелтасты, стоя на колѣняхъ въ переднемъ ряду, съ упертыми въ колѣно щитами и протянутыми впередъ копьями ожидали непріятеля, и Агесилай прошелъ мимо ихъ рядовъ, не находя въ лѣсу торчащихъ копій нигдѣ промежутка, чтобы туда ворваться.

Слѣдующій походъ не имѣлъ лучшаго успѣха. Царь съумѣлъ, правда, стратегическими передвиженіями обмануть союзниковъ и, опустошая, проникъ до самой Танагры; но въ постоянныхъ сраженіяхъ онъ потерпѣлъ такой большой уронъ, что увидѣлъ себя

вынужденнымъ отступить къ Θеспіямъ. Во время этого отступленія онъ по несчастному обстоятельству схватилъ тяжкое пораненіе, что сдѣлало его негоднымъ для ближайшихъ походовъ. Поэтому главное начальство снова перешло къ Клеомброту, который, однако, не съумѣлъ даже проникнуть черезъ занятыя ущелья Киθерона (376 г.). Правда, онъ мало-по-малу изучилъ военное ремесло и выбилъ θивянъ изъ области Фокиды, но дальнѣйшаго успѣха онъ не имѣлъ.

Аθины. Въ теченіе этого времени сражались и на морѣ. Подъ начальствомъ мужественнаго Хабріи аθиняне при Наксосѣ снова одержали побѣду надъ пелопоннесскимъ флотомъ (375 г.). Тимоθей, сынъ Конона, также сражался успѣшно и склонилъ много островов и городовъ къ союзу съ его роднымъ городомъ.

Когда онъ затѣмъ, чтобы добыть денегъ, долго замѣшкался въ Θессаліи и Эпирѣ, его смѣнилъ храбрый Ификратъ, который дотолѣ сражался въ Египтѣ въ качествѣ партизана и вернулся около этого времени на родину, покрытый славой и отягченный богатствами.

Мы видимъ отсюда, что Аθины все еще обладали опытными на войнѣ людьми и отправляли ихъ въ походы, хотя граждане большей частью предоставляли военную службу наемникамъ и занимались мирными ремеслами, или же искали пріятнаго развлеченія въ качествѣ пересудчиковъ въ тяжбахъ, въ праздничныхъ процессіяхъ и пиршествахъ и особенно въ театрѣ. Умственное образованіе, главнымъ сѣдалищемъ котораго и теперь еще былъ городъ Аθины, въ это выродившееся время приносило, правда, скудные, но все еще не презрѣнные плоды.

Θивы. Иначе дѣло обстояло въ Θивахъ. Тамъ гимнастика и уходъ за тѣломъ далеко превышали служеніе музамъ. Θивскій гражданинъ любилъ обильную и грубую пищу. Удовлетворивъ свой желудокъ, онъ въ кулачномъ бою могъ справиться со всѣми атлетами міра, и также къ военной службѣ этотъ коренастый народъ искони выказывалъ себя очень пригоднымъ. Но вотъ въ благородныхъ людяхъ и вождяхъ населенія Θивъ пробудилось также стремленіе къ познанію и мудрости, и согрѣтыя имъ сердца ихъ бились за отчизну и пылали страстнымъ желаніемъ посредствомъ безсмертныхъ подвиговъ удостоиться одобренія современниковъ

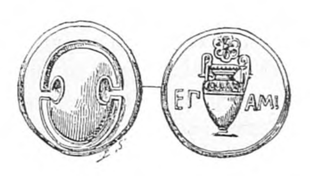
и потомства. Поэтому легко было предвидѣть, что Ѳивы скоро будутъ играть значительную роль среди эллинскихъ государствъ.

Прежде всего одержано было нѣсколько успѣховъ надъ лакедемонянами и большинство беотійскихъ государствъ снова соединено въ старый союзъ. Далѣе Пелопидъ побѣдилъ въ достопамятномъ сраженіи при Тегирѣ съ такъ-называемымъ священнымъ отрядомъ двѣ моры непріятелей, несмотря на ихъ далеко превосходящія силы. Этотъ отрядъ въ 300 молодыхъ воиновъ благороднаго происхожденія былъ собственно постояннымъ войскомъ города, и задачей его было пролагать въ бою дорогу во главѣ колоннъ. Пелопидъ соединилъ ихъ другъ съ другомъ и съ самимъ собой на жизнь и смерть узами дружбы и любви къ отчизнѣ. Съ такими воинами онъ могъ уже отважиться нападать и на превосходящія силы опасныхъ лакедемонянъ, которые здѣсь при Тегирѣ впервые были побѣждены меньшимъ по числу непріятелемъ. Посредствомъ быстрыхъ нападеній, наконецъ, снова были изгнаны изъ своего города платейцы и сломаны обводныя стѣны Ѳеспій (373). Эти послѣднія предпріятія и безпощадность, съ которой поступали Ѳивы, раздражили впрочемъ аѳинянъ, такъ что они, какъ и большинство прочихъ государствъ, отправили пословъ въ Спарту, чтобы заключить предложенный всеобщій миръ (371). Тутъ были торжественно постановлены: самостоятельность всѣхъ государствъ, удаленіе спартанскихъ гармостовъ и гарнизоновъ и предводительство Спарты на сушѣ, Аѳинъ на морѣ. Когда очередь клятвенно подтвердить договоръ дошла до ѳивскаго посла Эпаминонда, то онъ хотѣлъ произнести присягу за беотійскій союзъ; но Агесилай потребовалъ ея отъ каждаго беотійскаго города. Тогда тотъ рѣшительно отвѣтилъ: „А почему вы не даете также присягать Мессеніи и лакедемонскимъ городамъ?“ Затѣмъ въ подробной рѣчи онъ доказывалъ законное право Ѳивъ на преобладаніе въ Беотіи, между тѣмъ какъ Спарта-де обладаетъ своимъ господствомъ только благодаря острію своего меча. Агесилай, полный гнѣва, велѣлъ вычеркнуть Ѳивы изъ числа включенныхъ въ договоръ государствъ. Онъ предоставилъ рѣшеніе силѣ оружія, и предъ этимъ не струсилъ Эпаминондъ. Правда, въ Ѳивахъ явились неблагопріятныя знаменія: оружіе Геракла исчезло изъ храма, одна знаменная лента оторвалась при выступленіи воиновъ и вѣтромъ снесена была на могилу; но Эпа-

минондъ громко произнесъ воодушевляющія слова Гектора: „Одно лишь знаменіе имѣетъ силу: спасти отечество!“ Этотъ возгласъ наполнилъ ѳивское войско, которое начинало предчувствовать величіе и способность своего такъ-же мужественнаго, какъ и благоразумнаго вождя, мужествомъ и довѣріемъ.

Эпаминондъ, рожденный въ 418 г. до Р. Х., тогда перешелъ уже за сороковой годъ жизни; онъ происходилъ изъ благороднаго, но обѣднѣвшаго семейства, которое возводило свое происхожденіе къ Кадму. Домъ Полимнида, его отца, былъ мѣстомъ сборища для философски образованныхъ мужей, и мудрый Лисидъ изъ Тарента, пиѳагореецъ, бѣжавшій изъ Италіи вслѣдствіе насильственнаго разрушенія и преслѣдованія этой школы, нашелъ въ немъ радушный пріемъ. Онъ заплатилъ за это гостепріимство, посвятивъ себя воспитанію обоихъ сыновей своего хозяина, которые, съ своей стороны, любили его какъ своего отца. Эпаминондъ, старшій изъ обоихъ мальчиковъ, тѣлесно и умственно былъ даровитѣе своего брата и жадно воспринялъ въ себя ученія мудрости. Онъ, по ѳивскому обычаю, посѣщалъ также палэстру, чтобы развиться тѣлесно; но болѣе стремился къ ловкости и проворству посредствомъ упражненія въ бѣгѣ и борьбѣ, нежели къ грубой силѣ, которой требовалъ любимый въ Ѳивахъ кулачный бой и которую думали увеличить неумѣренными мясными порціями. Вообще онъ пренебрегалъ удовольствіями стола; онъ пренебрегалъ также и тѣмъ, чтобъ добиваться почетныхъ должностей или стремиться къ деньгамъ. Тысячу червонцевъ, которую предложилъ ему ѳессалійскій тираннъ Александръ за заключеніе съ нимъ союза, онъ презрительно отвергнулъ, хотя сейчасъ же послѣ этого ему пришлось взять въ долгъ пятьдесятъ драхмъ на пріобрѣтеніе орудія. Болѣе благородныя радости доставляли ему мусическія упражненія и занятія. Онъ игралъ на ѳивской флейтѣ и на аѳинской лирѣ; нерѣдко также въ праздничныхъ шествіяхъ онъ велъ хороводъ. Онъ читалъ и заучивалъ предпочтительно прославленныхъ поэтовъ, особенно Пиндара, родившагося, какъ и онъ, въ Ѳивахъ. Но что особенно отличало его въ его родномъ городѣ, такъ это были его философскія занятія. Онъ имѣлъ близкія сношенія съ двумя учениками Сократа; поэтому не ошибемся, если предположимъ, что заинтересовывающій способъ преподаванія этого мудреца оказалъ свое вліяніе и на него. Но постоянно онъ всей душой былъ

привязанъ къ своему отеческому другу Лисиду. Съ нимъ обсуждалъ онъ человѣческія дѣла; чрезъ его наставленія онъ научился правильно познавать природу и ея явленія, вслѣдствіе чего онъ остался сохраненнымъ отъ пагубнаго суевѣрія какого-нибудь Никія. Въ кругу избранныхъ друзей хорошо извѣстны были его превосходныя качества; особенно расположенъ былъ къ нему Пелопидъ, котораго онъ однажды, въ битвѣ при Мантинеѣ, прикрылъ своимъ щитомъ; однако, и этотъ послѣдній усомнился въ немъ, когда онъ отказался отъ участія въ убіеніи тиранновъ. Эпаминондъ пугался секретности дѣла и крови согражданъ, ибо чистыми и правдивыми, какъ его душа, должны были считаться и его рѣчь и дѣло рукъ его.

ѲИВСКАЯ МОНЕТА СЪ ИМЕНЕМЪ ЭПАМИНОНДА.

Беотійскій щитъ. Обр. стор.: Амфора; сверху распустившаяся роза (Серебро). Эпаминондъ былъ беотархомъ въ 371 г.

Но теперь, когда въ борьбѣ противъ могущественной Спарты оружіе должно было рѣшить судьбу Ѳивъ, для него настало время выступить изъ своей нетребовательной скрытности въ свѣтъ публичной дѣятельности. Онъ былъ однимъ изъ беотарховъ, которые въ Ѳивахъ избирались для начальствованія войскомъ; но его энергія и умственное превосходство сдѣлали его главнокомандующимъ. Онъ сначала выстроилъ свои дружины на сѣверо-западѣ, для охраны отягченныхъ плодами полей, такъ какъ ожидали нападенія лакедемонянъ по направленію отъ Фокиды на проложенной дорогѣ. Но Клеомбротъ, ихъ предводитель, обманулъ это ожиданіе. По непроложеннымъ горнымъ тропинкамъ онъ вторгся черезъ Геликонъ, гдѣ перебилъ ѳивскій отрядъ, и достигъ расположеннаго къ югу отъ Ѳеспій при глубокой бухтѣ города Кревсиды. Онъ взялъ его приступомъ и завладѣлъ въ то же время беотійскимъ флотомъ въ двѣнадцать тріэръ.

Битва при Левктрахъ (371 г.). Затѣмъ онъ пошелъ дальше по холмистой странѣ между Геликономъ и Киѳерономъ и разбилъ лагерь на сѣверномъ склонѣ послѣдняго. Вскорѣ на противолежащемъ холмѣ появилось беотійское войско. Между обоими лагерями простиралась долина вблизи города Левктръ. Стали готовиться къ битвѣ. Лакедемонянъ насчитывалось 4,000 человѣкъ, изъ

нихъ 700 спартіатовъ, кромѣ того еще у нихъ было 6,000 союзниковъ, а беотійцевъ всего на всего было только 6,000 гоплитовъ и 1,000 всадниковъ. Первые, уповая на свое численное превосходство и на прежнія побѣды, радовались бою; послѣдніе сначала были унылы частью отъ страха передъ дотолѣ непобѣдимою спартанской фалангой, частью напуганные зловѣщими божескими знаменіями. Не таковъ былъ полководецъ. „Боги“, воскликнулъ онъ, „покинули городъ; они, неся побѣду, летаютъ вокругъ войска, и Гераклъ впереди насъ идетъ въ бой“. Онъ вполнѣ уповалъ на силу народа и на новый тактическій порядокъ, который онъ придумалъ и теперь хотѣлъ примѣнить. До сихъ поръ побѣду рѣшало всегда правое крыло сражающихся войскъ; Эпаминондъ поэтому надежнѣйшихъ воиновъ въ превосходномъ количествѣ стянулъ на лѣвое крыло, а центру и правому крылу велѣлъ держаться позади, пока онъ наступалъ съ первымъ.

Хотя беотархи вначалѣ были разнаго мнѣнія, Эпаминонду все-таки удалось склонить большинство голосовъ къ немедленному начатію битвы. Обоюдная конница разставлена была передъ фронтомъ; отлично обученная беотійская конница при первомъ столкновеніи смяла непріятельскую и тѣснила даже гоплитовъ въ центрѣ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ колонна беотійскаго лѣваго крыла, густотой въ 50 щитовъ, произвела свой страшный натискъ. Спартанцы и испытанные періэки встрѣтили его двѣнадцатью членами. Клеомбротъ обошелъ мало растянутый фронтъ непріятелей и попытался ворваться съ боку; тогда навстрѣчу ему бросился Пелопидъ съ своими тремястами. Бой былъ упорный; сражались одинъ-на-одинъ съ крайнимъ ожесточеніемъ. Клеомбротъ палъ, покрытый многочисленными ранами, и храбрѣйшіе воины погибли вслѣдъ за нимъ; но подоспѣли другіе, чтобъ сохранить царскій трупъ отъ вражескаго прикосновенія. Имъ это удалось, но они, наконецъ, уступили превосходству силъ и, жестоко преслѣдуемые, отступили къ своему лагерю. Союзники, изъ которыхъ многимъ совсѣмъ не пришлось биться, послѣдовали ихъ примѣру. Хотя, кромѣ тысячи лакедемонянъ, изъ 700 спартіатовъ болѣе половины пало на полѣ брани, все-таки отважнѣйшіе воины потребовали возобновленія битвы; однако, союзники показывали мало доброй воли къ этому; поэтому рѣшились просить перемирія и выдачи убитыхъ и, спустя нѣсколько дней, очистили беотійскую

территорію, когда на подмогу стало уже подступать всеобщее ополченіе лакедемонскихъ силъ.

Печально шли побитые воины по направленію къ родинѣ; они знали, что тамъ ждетъ ихъ безчестіе. Когда вѣсть о тяжкомъ пораженіи прибыла въ Спарту, тамъ какъ разъ совершали празднество гимнопэдій. Хотя эфоры поняли значеніе страшнаго удара, но не прервали празднества; они только велѣли сообщить имена павшихъ ихъ родственникамъ и приказали женщинамъ удер-

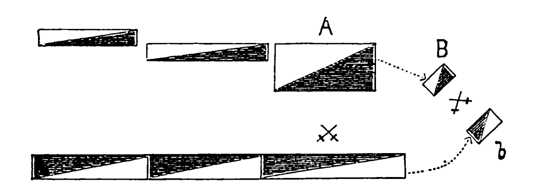

СХЕМА БИТВЫ ПРИ ЛЕВКТРАХЪ (371 ДО Р. Х.)

(ПО АД. БАУЕРЪ ВЪ „Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft“ МЮЛЛЕРА).

A. Наступательное крыло Эпаминонда. B. Священная дружина ѳивянъ. a) Правое крыло спартанцевъ подъ командой Клеомброта. b) Обходный отрядъ его.

живаться отъ всякихъ плачевныхъ криковъ. На слѣдующій день родные павшихъ воиновъ съ радостными и гордыми лицами показывались въ общественныхъ мѣстахъ города, родственники же оставшихся въ живыхъ печально и уныло оставались дома.

Но вся Спарта имѣла основаніе къ глубокой скорби; ибо чрезъ эту битву не только, при маломъ числѣ гражданъ, значительно было ослаблено ея могущество само по себѣ, но и были сокрушены страхъ передъ ея оружіемъ, чары ея непобѣдимости.

Слѣдствіемъ побѣды ѳивянъ ближайшимъ образомъ было взятіе Орхомена на озерѣ Копаидѣ, который доселѣ вѣрно держался Лакедемона. Эпаминондъ, непреодолимый въ бою, но кроткій къ побѣжденнымъ, удовольствовался подчиненіемъ города; Ѳеспіи, напротивъ, жители которыхъ незадолго до левктрійской битвы покинули ѳивянъ, были срыты; граждане ихъ должны были искать себѣ убѣжища въ Аѳинахъ. Въ Пелопоннесѣ мантинейцы вновь выстроили свой городъ; въ Тегеѣ дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній партій, такъ какъ оптиматы

воспротивились отпаденію отъ Спарты; но они были побѣждены и должны были бѣжать. Вся Аркадія соединилась теперь въ одно союзное государство со вновь построеннымъ славнымъ городомъ Мегалополемъ. Народъ повсюду нападалъ на роды, стоявшіе во главѣ общинъ; многихъ онъ убилъ, а другихъ принудилъ къ бѣгству. Еще безжалостнѣе поступило населеніе Аргоса, гдѣ партіи стояли другъ противъ друга въ долголѣтней распрѣ. Угнетенная народная масса возстала въ бѣшеномъ мятежѣ. Тутъ не имѣлъ силы никакой законъ, никакое состраданіе; на площади, на улицахъ, въ домахъ преслѣдовались, душились, убивались дубинами аристократы; по разсказамъ, въ эти дни ужасовъ убито было свыше 1.200 благородныхъ и зажиточныхъ гражданъ. Отвращеніе къ этимъ звѣрствамъ, которыя были заклеймлены именемъ скитализма (господства дубины), было такъ велико въ Аѳинахъ, что онѣ прекратили всякія сношенія съ Аргосомъ. Чтобы положить предѣлъ такому беззаконію, аѳиняне, наконецъ, призвали пословъ изъ пелопоннесскихъ государствъ и устроили договоръ, обезпечивавшій всякому государству свободу и самоуправленіе.

Но городъ на Илиссѣ не былъ болѣе Аѳинами Перикловскаго времени; онъ не обладалъ достаточными силами, чтобы принять руководство пелопоннесскими дѣлами. Но эти силы чувствовали въ себѣ побѣдоносныя Ѳивы, и въ нихъ прежде всего тотъ мужъ, который ихъ возвысилъ, Эпаминондъ, герой Левктръ. Въ его душѣ возникъ тотъ планъ, который нѣкогда питали Кимонъ, Периклъ, каждый на свой ладъ, именно великая мысль соединить всю Элладу подъ преобладаніемъ своего родного города. Для этой цѣли прежде всего надо было совершенно повалить Спарту.

Ѳивы въ это время были озабочены царемъ Язономъ Ферскимъ, который подчинилъ себѣ почти всю Ѳессалію и даже царя македонскаго. Но когда Язонъ палъ вскорѣ послѣ этого подъ кинжалами убійцъ, отлично вооруженное беотійское войско тронулось въ Пелопоннесъ. Всюду его радостно привѣтствовали; аргивяне, элейцы и аркадяне стекались массами для его подкрѣпленія, ибо оно ручалось имъ, что теперь желѣзное иго Спарты сломлено навсегда. То было въ послѣднихъ числахъ ноября (370 г.), когда Эпаминондъ болѣе чѣмъ съ 70,000 чело-

вѣкъ появился на границѣ Лаконики. Вершины Тайгета покрыты были снѣгомъ, рѣки надулись отъ зимней воды, дороги черезъ ущелья и черезъ скалы гористой страны были мало проходимы. Онъ медлилъ поэтому проникать дальше. Хорошо взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ съ тремя войсковыми колоннами перешелъ границу. Его расчеты не обманули его. Тутъ нужно было бороться не съ населеніемъ обширной страны, но съ убавившимися гражданами одного города. Гелоты не имѣли охоты выступать за своихъ строгихъ господъ противъ слишкомъ сильнаго непріятеля; періэки также не выказывали доброй воли, и даже въ самой Спартѣ граждане, по бѣдности исключенные изъ сисситій и полнаго права гражданства, обнаруживали склонность воспользоваться для своей выгоды стѣсненнымъ положеніемъ государства. Толпа такихъ обѣднѣвшихъ гражданъ укрѣпилась въ храмѣ Артемиды; но Агесилай, осмотрительно руководившій обороной родного города, засталъ измѣнниковъ врасплохъ и велѣлъ перебить ихъ вожаковъ. Затѣмъ онъ собралъ способныхъ носить оружіе мужчинъ и сдѣлалъ приготовленія къ отраженію непріятеля.

Эпаминондъ между тѣмъ перешелъ границу страны, гдѣ уже цѣлые вѣка не показывалось непріятеля. Онъ безъ кровопролитія овладѣлъ маленькимъ мѣстечкомъ Каріями; за то отрядъ, состоявшій изъ аркадянъ, въ горномъ ущельѣ Скиритидѣ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Исхолай, старый спартанскій воинъ, непоколебимо стоялъ здѣсь съ отрядомъ неодамодовъ и тегейцевъ. Во главѣ своихъ немногихъ вѣрныхъ ратниковъ онъ сражался на смерть и доказалъ, что Спарта все еще обладала людьми, готовыми умереть за родной городъ. И аргивяне могли наступать только среди убійственныхъ стычекъ; несмотря на то, различныя войсковыя колонны соединились, наконецъ, передъ Селласіей, которая была взята приступомъ и сожжена. Теперь походъ направился вдоль Эврота и далѣе по лѣвому берегу рѣки, пока не увидѣли передъ собой на равнинѣ никогда не осаждавшійся, никогда не побѣжденный городъ, тотъ городъ, оплотъ котораго состоялъ не въ каменныхъ обводныхъ стѣнахъ, но въ мѣдномъ оружіи его воинственныхъ гражданъ. Черезъ рѣку велъ мостъ; но по ту сторону сверкали шлемы и щиты спартанскихъ гоплитовъ, и на нападеніе не рискнули. Эпаминондъ дви-

нулся далѣе, внизъ по лѣвому берегу. Вблизи Амиклъ гелоты указали бродъ, по которому и совершился переходъ на правый берегъ

Теперь пошли вверхъ, но медленно и осторожно, аркадяне—все опустошая огнемъ, ѳивяне въ твердомъ воинскомъ порядкѣ, гордые своими боевыми силами и прежними своими успѣхами. Высланная впередъ противъ Спарты конница понесла пораженіе отъ лакедемонской, обыкновенно имѣвшей плохихъ лошадей, и вслѣдствіе засады гоплитовъ; но когда приблизилось главное ѳивское войско, то выдвинутые впередъ спартанскіе воины потянулись назадъ въ городъ. Тамъ царило большое безпокойство. Спартіаты требовали, чтобы ихъ вели на бой; къ нимъ присоединились союзники изъ Коринѳа, Флiунта, Эпидавра и другихъ городовъ, высадившіеся въ Прасіяхъ и въ тылу беотійцевъ благополучно вступившіе въ городъ; женщины съ воплями ходили по улицамъ, проклиная трусость выродившагося поколѣнія, которое не осмѣливалось ужь болѣе въ собственной странѣ оказать сопротивленіе врагу. Всему этому противился болѣе чѣмъ семидесятилѣтній Агесилай; ибо онъ долженъ былъ не только руководить обороной города, но и надзирать за ополченіемъ 6.000 тяжеловооруженныхъ гелотовъ и, наконецъ, за болѣе бѣдными гражданами, и только его благоразуміе помѣшало рукопашной схваткѣ на улицахъ. И вотъ стоялъ старикъ на обломкахъ спартанскаго могущества, самъ онъ—развалина временъ славы, и глядѣлъ внизъ на равнину, сіявшую отъ непріятельскаго оружія. Онъ узналъ ѳивскаго героя, когда тотъ выстраивалъ свои рати, и воскликнулъ: „О, чудотворный мужъ!“

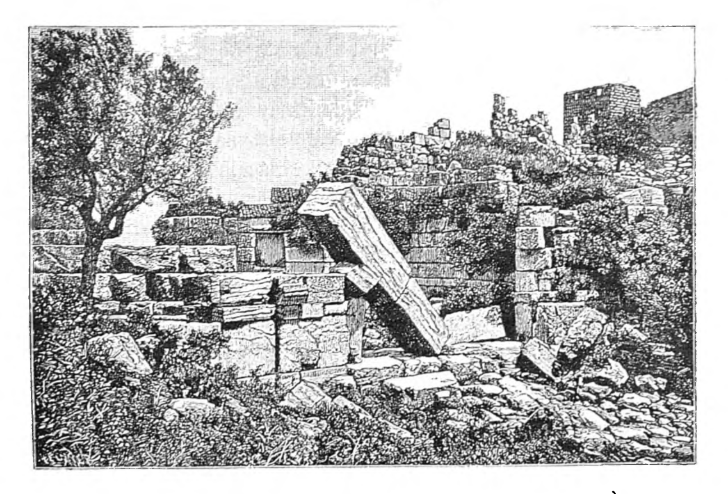
Несмотря на большое превосходство своихъ силъ, Эпаминондъ не сочелъ полезнымъ напасть на спартанцевъ въ ихъ послѣднемъ убѣжищѣ, но когда всѣ попытки выманить непріятеля изъ города разбились объ осторожность Агесилая и въ опустошенной области съ наступленіемъ зимы появился также недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, онъ двинулся на югъ черезъ нутрь страны и достигъ, наконецъ, Гиѳея у моря, гавани лакедемонскихъ военныхъ судовъ. Онъ въ теченіе трехъ дней штурмовалъ городъ. Затѣмъ онъ направился на западъ къ Мессеніи. По его призыву собрались мессенскіе гелоты; подоспѣли и свободные мессенцы изъ Италіи, Сициліи и изъ далекой Кирены, которыхъ ѳивскій полководецъ призвалъ черезъ давно отправлен-

ныхъ посланцевъ. На склонѣ издревле знаменитой Иѳомы слѣдовало построить новый главный городъ; тамъ граждане должны были впредь окидывать взорами плодоносныя поля Памиса и не плакать уже болѣе о возлюбленной отчизнѣ какъ рабы, или на чужбинѣ, какъ бѣглецы. Они бодро приступили къ дѣлу, они работали днемъ и ночью, и поднялись видныя обводныя стѣны; вскорѣ поднялись также жилища для гражданъ, для женъ ихъ и дѣтей. Такъ вновь возникла древняя Мессена; населеніе, такъ долго претерпѣвавшее тяжкую обиду, стало, какъ прежде, воздѣлывать поля, почитать боговъ, воспѣвать подвиги героевъ Аристодема и Аристомена, и всѣмъ этимъ оно обязано было великому полководцу, который унизилъ Спарту, который выместилъ ихъ долгія притѣсненія на смертельномъ ихъ врагѣ. Поэтому, когда Эпаминондъ снова отправился въ Аркадію черезъ пограничныя горы, его провожали многіе мессенцы. даже старики и женщины, посылали вслѣдъ ему благословенія и заключили съ нимъ и съ его роднымъ городомъ крѣпкій союзъ съ обѣщаніемъ вѣрной, поспѣшной помощи, когда ея ни попросятъ.

Въ Аркадіи, куда теперь направилась главная ѳивская военная сила, явились граждане и поселяне, какъ и много депутатовъ отъ городовъ и областей въ торжественномъ собраніи передъ мужемъ, который былъ въ то же время полководцемъ и основателемъ государствъ, чтобы укрѣпить союзное государство Аркадію новыми договорами. Въ то же время продолжалось и почти было закончено построеніе общаго главнаго города Мегалополя, которое начато было уже раньше. Онъ долженъ былъ быть средоточіемъ маленькихъ аркадскихъ государствъ. Жители сорока деревень предназначены были образовать гражданъ, между тѣмъ какъ по десяти мужей изъ различныхъ государствъ, городовъ и деревень, въ совокупности—десять тысячъ человѣкъ, въ качествѣ земскаго собранія должны были здѣсь засѣдать отъ времени до времени, чтобы устраивать дѣла всей Аркадіи. Эпаминондъ надѣялся, что такимъ путемъ поставилъ въ Аркадіи и Мессеніи двухъ сторожей, которые держали-бы Спарту на привязи, а можетъ быть и совершенно ее погубили бы.

По совершеніи всего этого, онъ отправился въ обратный путь. Аѳиняне между тѣмъ, изъ страха передъ возрастающимъ могуществомъ Ѳивъ, заключили союзъ со Спартой и заняли горы

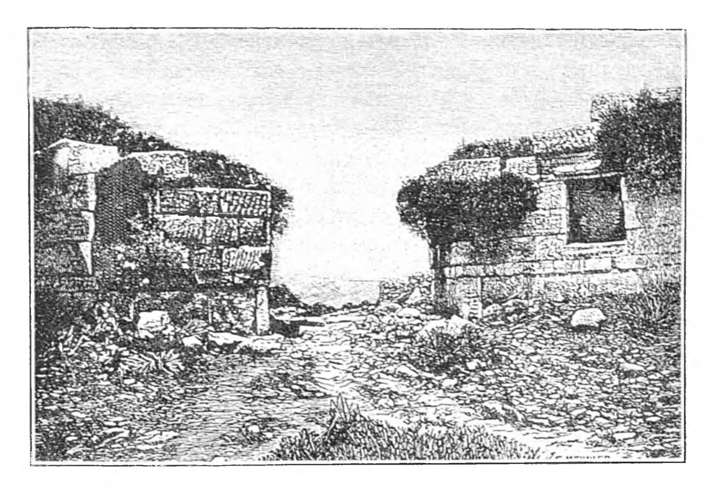
Исѳма у Коринѳа; однако ихъ предводитель Ификратъ рискнулъ только на нѣсколько нападенiй съ пельтастами и всадниками, которыя остались безуспѣшными. Беотiйское войско, преодолѣвая всякое сопротивленiе, двинулось черезъ коринѳскую и мегарскую область въ Беотiю и вступило въ Ѳивы при ликованiи гражданъ. Тамъ полководецъ передъ сенатомъ далъ отчетъ о всемъ зимнемъ походѣ. Этотъ отчетъ былъ въ то же время и его оправданiемъ, такъ какъ онъ и Пелопидъ удержали главное начальство на четыре мѣсяца сверхъ законнаго срока; впрочемъ совершенно не подтверждается разсказъ, будто оба полководца за вызванное обстоятельствами нарушенiе срока своей должности были обвинены предъ уголовнымъ судомъ и едва избѣгли осужденiя.

СТѢНЫ ГОРОДА МЕГАЛОПОЛЯ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФIИ).

Весной 369 г. Эпаминондъ вернулся, а уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя сочтенъ былъ нужнымъ второй походъ подъ его начальствомъ, для усиленiя вновь созданныхъ государствъ. Онъ нашелъ сильно укрѣпленные проходы на Исѳмѣ занятыми непрiятельскимъ войскомъ, превосходившимъ его въ три раза. Однако ловко исполненнымъ мнимымъ нападенiемъ ему удалось обмануть враговъ: внезапно взять приступомъ западный проходъ у Лехэя

и прорваться черезъ линіи непріятелей. Послѣ этого хотя и были завоеваны Сикіонъ и другіе города, но дальнѣйшій походъ не имѣлъ надлежащаго успѣха, и когда ѳивяне при нападеніи на Коринѳъ потерпѣли уронъ отъ наемныхъ дружинъ аѳинянина Хабріи, Эпаминондъ увидѣлъ себя принужденнымъ отказаться отъ дальнѣйшихъ предпріятій и вести все войско домой обратно. Незначительныхъ, повидимому, послѣдствій этого похода было мало его согражданамъ. Его противники воспользовались этимъ

ВОРОТА ГОРОДА МЕГАЛОПОЛЯ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

недовольствомъ гражданъ и изъ-за чрезмѣрной пощады лакедемонянъ при побѣдѣ при Лехэѣ обвинили его въ государственной измѣнѣ. Великій мужъ сочелъ ниже своего достоинства защищаться противъ такого обвиненія и раздраженная его гордымъ поведеніемъ толпа, не смѣя его осудить, лишила его, однако, званія беотарха.

Пелопидъ въ Ѳессаліи и Македоніи. Въ это же время Пелопидъ совершилъ побѣдоносный походъ въ Ѳессалію и Македонію (369 г.). Опъ привелъ съ собой въ Ѳивы, въ качествѣ заложника, юнаго царевича Филиппа, отпрыскъ македонскаго царскаго рода, не чая, что этотъ мальчикъ современемъ уготовитъ погибель его родному городу и свободѣ Греціи. Въ слѣдующемъ году ѳессалійскіе города

снова обратились къ Θивамъ съ просьбой защитить ихъ отъ посягательствъ производившаго насилія Ферскаго тиранна Александра. Чтобы удалить возникшіе въ это же время въ Македоніи споры за престолъ, туда были отправлены въ качествѣ пословъ Пелопидъ и Исменія. На обратномъ пути своемъ черезъ Θессалію они, однако, были захвачены Александромъ и брошены въ темницу. Беотійское войско, подступившее для освобожденія плѣнниковъ, вслѣдствіе неловкости своихъ вождей, многочисленной θессалійской конницей и аθинскими войсками приведено было на край погибели.—Эпаминондъ находился въ войскѣ въ качествѣ простого гоплита. Изъ мелочной зависти его удалили отъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ и поручили ему должность надзирателя за улицами и каналами. Онъ же, не стремившійся къ внѣшнимъ почестямъ, и въ этой низкой должности исполнилъ свой долгъ, такъ что улицы и орошеніе никогда не были въ такомъ хорошемъ состояніи. Теперь, въ крайней бѣдѣ, когда пораженіе войска казалось несомнѣннымъ, стѣсненные воины, одинаково полководцы, какъ и простые рядовые, призвали героя стать во главѣ ихъ и единодушно обѣщали ему повиновеніе. Тогда снова выказался въ самомъ блестящемъ свѣтѣ его талантъ, какъ полководца. Высоты были обойдены, взяты приступомъ, непріятельская конница обманута ловкими движеніями, внезапно атакована и разбита, воинственный тираннъ былъ преслѣдуемъ изъ долины въ долину, а вскорѣ и въ равнинѣ, и приведенъ въ крайнее положеніе. Чтобы не быть совершенно вытѣсненнымъ изъ присвоеннаго себѣ царства, онъ попросилъ перемирія и выдалъ плѣнныхъ.

Въ Элладѣ между тѣмъ стремленія Θивъ стали болѣе и болѣе наталкиваться на сопротивленіе. Аθины и Коринθъ были на сторонѣ противниковъ; аркадяне, которые ближайшимъ образомъ нуждались, казалось, въ θивской помощи, теперь, подъ начальствомъ Ликомеда, дѣятельнаго и ловкаго вождя, пытались достигнуть независимости и собственнаго вліянія. Поэтому рѣшено было отправить посольство въ Сузы, чтобы склонить персидскаго царя на сторону Θивъ и чтобъ онъ далъ денегъ и войско для подкрѣпленія. Во главѣ этого посольства стояли рыцарскій Пелопидъ и краснорѣчивый Исменія, которые достойнымъ образомъ исполнили свое порученіе. Не недостойной лестью пріобрѣли они милость царя Артаксеркса Мнемона, но откровеннымъ

и въ то же время скромнымъ поведеніемъ, прямодушнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, какъ Ѳивы издревле были въ союзѣ съ персидскимъ царствомъ, какъ онѣ борются съ общими врагами, Аѳинами и Спартой, и имѣютъ цѣлью независимость всѣхъ государствъ. Тотчасъ же царь издалъ свои рѣшенія эллинскимъ государствамъ въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ могъ придать имъ вѣсъ силами, подобными Ксерксовымъ. По нимъ, между прочимъ, всѣ острова и приморскіе города должны были быть совершенно отдѣлены отъ Аѳинъ, Мессеніи и Спарты, и свободны. Ѳивскіе послы вернулись съ этими приказами, но не могли доставить имъ силы въ государствахъ, къ которымъ они бросились, а персидское правительство съ своей стороны было такъ слабо, что даже ни одинъ изъ сатраповъ Малой Азіи не тронулся, чтобы заставить уважить волю своего великаго повелителя.

Третье вторженіе Эпаминонда въ Пелопоннесъ. Послѣ того какъ всякая надежда на успѣхъ мирныхъ переговоровъ разстроилась, мечъ долженъ былъ рѣшить дѣло. Эпаминондъ предпринялъ поэтому третье вторженіе свое въ Пелопоннесъ. Безъ препятствія перебрался онъ на этотъ разъ черезъ Коринѳскій перешеекъ, такъ какъ аргивскій полководецъ П и с і я незадолго передъ тѣмъ нападеніемъ врасплохъ взялъ безпечно охранявшіеся аѳинянами и спартанцами Онейскіе проходы. Ахейскіе города на сѣверномъ побережьи покорились и обѣщали побѣдителю, поступавшему со всей увѣренностью и пощадой, быть вѣрными союзниками. Затѣмъ начато было отступленіе къ Ѳивамъ. Въ то время какъ Эпаминондъ, нѣсколько лѣтъ спустя, съ флотомъ въ сто тріеръ пытался нанести ущербъ аѳинскому морскому могуществу и склонилъ въ пользу Ѳивъ Родосъ, Хіосъ и Византію, одинъ ѳивскій отрядъ, предводимый бѣшеными народными ораторами, взялъ приступомъ древній знаменитый городъ Орхоменъ, разрушилъ его, мужчинъ перебилъ, а женщинъ и дѣтей продалъ въ рабство. Это злодѣйство отдалило много государствъ отъ ѳивскаго союза. Но это была лишь древняя слава разрушеннаго города, которая возбудила участіе къ его судьбѣ; ибо въ другихъ областяхъ, особенно въ Пелопоннесѣ, безнаказано совершались подобныя же злодѣйства. Шайки наемниковъ, частью на службѣ у городовъ, частью на свой страхъ бродили по странѣ, убивая и грабя, и оставляя позади себя только трупы, пепелища и опустошенныя мѣстности.

Было видно, что Өивы со своимъ кулачнымъ боемъ и грубой невоздержностью не были тѣмъ государствомъ, которое могло бы собрать подъ своимъ знаменемъ эллинскія племена и вести ихъ противъ варваровъ. Ихъ могущество покоилось только на двухъ мужахъ, которые мимолетно приняли предводительство ими, и дни этихъ героевъ были сочтены; они должны были во цвѣтѣ мужескаго возраста разстаться съ неоконченнымъ дѣломъ. Первымъ, который былъ отозванъ со сцены своихъ дѣлъ, былъ освободитель Өивъ.

Киноскефалы. Пелопидъ, полный ненависти противъ тиранна въ Өессаліи, на котораго тяжко жаловались всѣ племена, выступилъ со слабой кучкой на помощь несчастной странѣ (364 г.). Вскорѣ подъ его знаменами собрались изгнанные и преслѣдовавшіеся өессалійцы. Во главѣ значительныхъ военныхъ силъ онъ безъ колебанія напалъ на тиранна Александра, который, гордясь численнымъ превосходствомъ своимъ, занималъ по ту сторону орошаемой Эпинеемъ долины цѣпь холмовъ Киноскефалы (собачьи головы). Непріятельское войско уже обратилось къ отступленію, когда Пелопидъ узналъ вождя его и ринулся на него, чтобы лично помѣриться съ нимъ въ бою. Но въ безумно смѣломъ натискѣ онъ былъ убитъ тѣлохранителями тиранна. Ожесточенные өивскіе воины преслѣдовали затѣмъ непріятелей, перебили все, что становилось имъ на порогѣ, разсѣяли бѣжавшія полчища и, совершивъ погребеніе своего героя, вытѣснили побѣжденнаго тиранна изъ всѣхъ его завоеваній. Онъ остался ограниченнымъ маленькими Ферами, но теперь уже сталъ совершать отважные разбойническіе походы моремъ, грабилъ побережья и острова, въ одинъ неожиданный часъ даже Пирей, и продолжалъ эту дикую жизнь пирата еще долгіе годы, пока онъ по наущенію своей жены не нашелъ смерть отъ рукъ убійцъ.

Велика была печаль о павшемъ героѣ Пелопидѣ въ Өессаліи и Өивахъ. И Эпаминондъ глубоко былъ потрясенъ при этомъ извѣстіи. Теперь у него уже не было болѣе товарища по оружію, который сражался бы рядомъ съ нимъ съ львинымъ мужествомъ Пелопида и помогалъ бы исполнять его, смѣло набросанные, планы. Но у храбраго мужа въ груди было сердце, которое не робѣло.

Цѣлью Эпаминонда оставалось преобладаніе Өивъ надъ

Элладой и борьба съ варварами. Лишь въ соединеніи съ возстановленными имъ государствами, Мессеніей и Аркадіей, онъ считалъ себя въ состояніи помѣриться съ Спартой и союзными съ ней городами: Аѳинами, Коринѳомъ и др. Сохранить Ѳивы на высотѣ своей славы—для этого, конечно, были потребны большія усилія. Ѳивяне, подъ руководствомъ своего прославленнаго вождя, построили флотъ и отправили его къ Геллеспонту. Однако, они мало могли повредить морскому могуществу Аѳинъ. Аѳинскіе начальники флотовъ Хабрія, Ификратъ и Тимоѳей, напротивъ, пріобрѣли новыя владѣнія на ѳракійскомъ и македонскомъ побережьи; ихъ неоднократныя попытки разбились только о городъ Амфиполь, гдѣ со времени Брасиды съ непреодолимымъ отвращеніемъ противились аѳинскому владычеству.

Обстоятельства въ Пелопоннесѣ. Особенно затруднительными и запутанными были обстоятельства въ Пелопоннесѣ. Элейцы и ахейцы заключили договоръ со Спартой, аркадяне и аргивяне, съ другой стороны, заняли поля Олимпіи (364 г.). На это время падало празднованіе великаго національнаго торжества, которое и состоялось подъ охраной многочисленнаго аркадскаго войска. Тѣмъ не менѣе, элейцы вторглись въ священную область. Преграды были опрокинуты, храмы и портики наполнены кровью и трупами. Лишь послѣ упорнаго боя удалось отбить нападающія полчища. Теперь война стала разгораться со все большимъ ожесточеніемъ. Ужь не уважали болѣе никакого святилища; аркадяне завладѣли даже храмовыми сокровищами олимпійскаго Зевса. Но это оскверненіе святилища возбудило раздоръ между ними самими; Мантинея стала во главѣ противной партіи и заключила союзъ со Спартой и Аѳинами.

Такимъ образомъ ѳивское вліяніе всюду было потрясено. Но Ѳивы еще разъ поднялись въ своемъ могуществѣ, и ихъ испытанный герой стал во главѣ войска. Подъ его начальствомъ прежде всего собрались привыкшіе къ побѣдамъ воины Беотіи, затѣмъ локридяне, эвбейцы, малійцы и конные эскадроны Ѳессаліи. По вступленіи въ Пелопоннесъ, съ ѳивянами соединились ратные люди Аргоса и, при дальнѣйшемъ наступленіи, много также аркадянъ и мессенцевъ. Все войско доходило приблизительно до 30,000 человѣкъ пѣхоты и 3,000 всадниковъ. Въ Тегеѣ разбитъ былъ лагерь (362 г.), между тѣмъ какъ непрія-

тельская рать Аркадіи, Элиды и Ахеи расположилась лагеремъ въ Мантинеѣ и тамъ ожидала лакедемонскія и аѳинскія боевыя силы.

Беотійское войско въ Тегеѣ стояло въ срединѣ между союзниками и городомъ Спартой. Когда Эпаминондъ узналъ, что престарѣлый Агесилай выступилъ, чтобы, обошедши его по направленію къ западу, добраться до Мантинеи, онъ составилъ планъ, который своей смѣлостью изумилъ и друзей, и враговъ и въ случаѣ удачи долженъ былъ дать рѣшающій оборотъ дѣлу. Именно, позднимъ вечеромъ онъ поднялся съ своимъ войскомъ и форсированнымъ маршемъ пошелъ на лишенную защитниковъ Спарту. Онъ перешелъ черезъ Эвротъ безпрепятственно. Но смѣлый планъ его выданъ былъ ѳеспійскимъ перебѣжчикомъ Эвѳиномъ Агесилаю. Тотчасъ же тотъ его вернулъ со своимъ войскомъ назадъ и во-время подошелъ къ находившемуся въ опасности городу. И вотъ, когда непріятели ворвались въ улицы, они нашли жителей рѣшившимися на крайнее сопротивленіе. Мальчики и старики заняли крыши домовъ, способные носить оружіе мужчины, подъ осмотрительнымъ руководствомъ восьмидесятилѣтняго Агесилая, стояли на холмахъ и обороняли забаррикадированныя улицы. Медленно, среди кровопролитной рѣзни, Эпаминондъ съ выше расположенныхъ пунктовъ проникъ въ городъ до самой площади. Тогда внезапно въ ряды непріятелей ворвался съ мужествомъ отчаянія Архидамъ во главѣ ста гоплитовъ и оттѣснилъ ихъ на нѣкоторое разстояніе. Жизнь не имѣла болѣе цѣны для спартанскихъ юношей, когда ихъ святыня, ихъ родной городъ былъ близокъ къ погибели. Исада, сынъ Фебиды, ринулся, съ копьемъ въ правой рукѣ, съ мечомъ въ лѣвой, въ ряды противниковъ. Голый, натерши свое прекрасное тѣло масломъ, какъ для борьбы, онъ пробирался сквозь ряды непріятелей, распространяя смерть и ужасъ, и проложилъ дорогу слѣдовавшимъ за нимъ воинамъ, не получивъ даже раны. Такимъ образомъ, спартанцамъ удалось отбить наступающихъ непріятелей и сохранить свой городъ.

Эпаминондъ, видя планъ свой разстроеннымъ, отступилъ къ Тегеѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ дать отдыхъ истощеннымъ гоплитамъ; конницу же онъ отправилъ впередъ къ Мантинеѣ, оставленной союзниками безъ всякой охраны. Но случай устроилъ дѣло такъ, что аѳинская конница вступила въ городъ часомъ

раньше. Она неожиданно и съ такой лихостью произвела нападеніе на наступавшихъ вразсыпную ѳессалійцевъ и ѳивянъ, что отбила ихъ съ урономъ. Такимъ образомъ, и это, хорошо разсчитанное предпріятіе не удалось по случайности. Счастье, казалось, не благопріятствовало ѳивскому герою: не случаю, но себѣ самому, своей силѣ, своему генію онъ долженъ былъ быть обязанъ славою; своей кровью онъ долженъ былъ одержать

РАВНИНА МАНТИНЕИ.

побѣду. Онъ рѣшилъ въ открытомъ бою сойтись съ непріятелемъ.

Битва при Мантинеѣ (3 іюля 362 г.). Между Тегеей и Мантинеей разстилается довольно обширное плоскогорье, съ запада и востока замыкаемое горными цѣпями. Немного ближе къ Мантинеѣ равнину прорѣзаетъ горный хребетъ, образующій границу между обоими государствами. Непріятельскія силы проникли до этого пункта и на благопріятной для себя позиціи предложили ѳивянамъ битву. Эпаминондъ, повидимому, желалъ избѣжать ея; онъ двинулся къ западу черезъ склоны Мэнала, а затѣмъ, обойдя благопріятную позицію враговъ, повернулъ вправо и

выстроилъ свои ряды для нападенія. Войско его было въ радостномъ настроеніи и почти на треть превосходило союзниковъ. Правда, оно частью состояло изъ грубыхъ аркадскихъ крестьянъ съ деревянными щитами и палицами намѣсто другого оружія, что уничтожало неравенство численное. На лѣвомъ крылѣ Эпаминондъ выстроилъ ѳивскую фалангу глубиной въ пятьдесятъ щитовъ, и прикрылъ ея щитовой фронтъ колонной всадниковъ, къ которымъ были присоединены стрѣлки изъ лука и пращники. Союзники ѳивянъ въ гораздо меньшей густотѣ были выстроены въ центрѣ и на правомъ крылѣ и, какъ это было при Левктрахъ, получили приказъ не наступать, такъ какъ рѣшительный натискъ долженъ былъ произойти на лѣвомъ крылѣ. Съ правой стороны были выдвинуты впередъ эскадроны всадниковъ, и легковооруженные отряды воиновъ подступали со стороны цѣпи холмовъ, обходя непріятеля.

Союзные противники, числомъ до 22,000 человѣкъ, на правомъ своемъ крылѣ выстроили мантинейцевъ и лакедемонянъ, также подкрѣпленныхъ конницей, въ центрѣ—ахейцевъ и элейцевъ, на лѣвой сторонѣ аѳинскія пѣшія и конныя вспомогательныя войска. Сперва схватились всадники, при чемъ аѳинскіе, тревожимые стрѣлами стрѣлковъ, не могли устоять. Преслѣдовавшіе ихъ беотійцы и ѳессалійцы неожиданно напали на аѳинскихъ гоплитовъ и едва не привели ихъ въ полное разстройство, когда прискакали не утомленные еще элейскіе всадники и остановили бой.

На другой сторонѣ, при первомъ столкновеніи, пелопоннесскіе эскадроны были смяты и затѣмъ были атакованы мантинейцы, такъ что они, сами находясь въ стѣсненномъ положеніи, не могли обойти и ударить съ бока на узкую и глубокую колонну ѳивянъ. Поэтому ударъ фаланги, предводимой самимъ Эпаминондомъ, всей силой палъ на лакедемонянъ. Но ядро этого отряда состояло собственно изъ спартіатовъ, которые, съ мужествомъ своихъ предковъ, не пошатнулись подъ бурнымъ напоромъ, но удержались на своей позиціи. Въ рукопашной схваткѣ поломались копья переднихъ рядовъ; схватились за короткіе мечи. Рѣшеніе долго колебалось среди страшной рѣзни. Вотъ Эпаминондъ самъ кидается въ убійственную схватку. Словомъ и дѣломъ ободряетъ онъ своихъ воиновъ и они слѣдуютъ за любимымъ полководцемъ.

Съ непреодолимой силой они прорываютъ строй непріятелей, которые теперь отступаютъ среди безпрестаннаго боя. Но одинъ изъ отступающихъ гоплитовъ вонзаетъ напирающему ѳивскому герою копье черезъ панцырь въ грудь, такъ что древко обламывается и убійственный наконечникъ остается тамъ. Тогда падаетъ полководецъ, надежда войска, и изъ устъ въ уста разносится скорбная вѣсть: „Эпаминондъ палъ!“ Уже удалились съ поля брани, какъ разбитое правое крыло, такъ и центръ, и лѣвое крыло

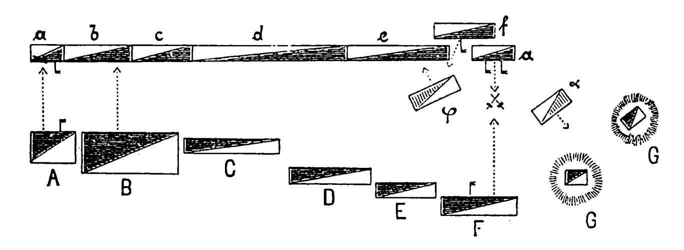

СХЕМА БИТВЫ ПРИ МАНТИНЕѢ 362 Г. ДО Р. Х.

(ПО АД. БАУЕРУ ВЪ „Handbuch des klassichen Altertums“, МЮЛЛЕРА).

A. Ѳивская и ѳессалійская конница и гамиппы. *B*. Наступательное крыло ѳивскихъ гоплитовъ. *C*. Аркадяне. *D*. Эвбейцы, локридцы и др. *E*. Аргивяне. *F*. Конница и легковооруженные. *G*. Эвбейцы и наемники, гоплиты и всадники на холмахъ. *a*. Конница. *b*. Мантинейцы и элейцы. *c*. Лакедемоняне. *d*. Элейцы, ахейцы и др. *e*. Аѳинская пѣхота. *f*. Конница элейцевъ. Конница *F* побѣждаетъ *a*, оттѣсняетъ *a* въ *a*, съ каковой позиціи *a* успѣшно атакуетъ поставленные на холмахъ отряды *G*, φ позиція побѣдоносной конницы *F*, въ которой она атакуетъ *E*, на помощь которому приходитъ *F*. - - - - - Линіи наступленія.

непріятелей; уже со всѣхъ сторонъ напираютъ на нихъ побѣдоносные беотійцы, чтобы завершить побѣду; но вдругъ всякое движеніе замираетъ, всякое преслѣдованіе прекращается, ибо во всѣ сердца проникаетъ одно неизмѣримое горе, и лишь одна мысль наполняетъ ихъ, парализуя мужество и силу, мысль: „Возлюбленный вождь умеръ!“

Геройская смерть Эпаминонда. Смертельно раненаго героя принесли въ открытую палатку, на возвышенность, называвшуюся Скопе (сторожевая вышка), откуда можно было обозрѣвать поле битвы. Вокругъ него толпились друзья и офицеры войска. Очнувшись отъ безпамятства, онъ спрашиваетъ о щитѣ. Оруженосецъ показываетъ его ему; умирающій склоняется надъ нимъ и цѣлуетъ его, какъ вѣрнаго товарища въ своихъ опасностяхъ. Далѣе онъ освѣдомляется объ исходѣ битвы и затѣмъ о предводителяхъ

Іоландѣ и Даифантѣ, способнѣйшихъ преемникахъ его въ должности главнокомандующаго. Ему сообщаютъ, что побѣда одержана, но оба мужа пали. Тогда онъ восклицаетъ слабымъ голосомъ: „Такъ ведите войско обратно въ Ѳивы и позаботьтесь о томъ, чтобы скорѣе заключенъ былъ миръ". Затѣмъ желѣзо вытаскиваютъ изъ раны, и, по мѣрѣ того какъ ручьями выступаетъ кровь, исчезаетъ и жизнь героя.

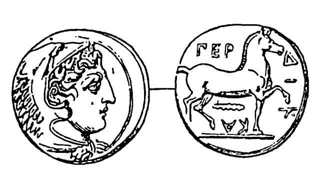
Какія мысли таились въ душѣ полководца, имѣлъ ли онъ въ виду, послѣ несомнѣнной побѣды, полный разгромъ Спарты, думалъ ли онъ о возвышеніи своего родного города на степень главы надъ Элладой, замышлялъ ли онъ въ недалекомъ будущемъ походъ въ Персію, все это смерть покрыла мракомъ молчанія. Что битва не привела ни къ какому результату, это было въ природѣ вещей. Ни въ Ѳивахъ, ни на сторонѣ противниковъ не было человѣка, который имѣлъ бы достаточно способностей и силы, чтобы энергично преслѣдовать грандіозные планы. Двигались туда и сюда, завязывали переговоры и заключили, наконецъ, миръ, оставившій дѣла приблизительно въ прежнемъ положеніи. Спарта, правда, протестовала, потому что не желала отказаться отъ своего господства надъ Мессеніей, но никакое другое государство не обращало на это вниманія.

Смерть Агесилая. Престарѣлый Агесилай, полный негодованія на паденіе вліянія своего родного города, съ толпой наемниковъ отправился въ Египетъ (361 г.), тамъ поддержалъ туземнаго царя Таха, боровшагося противъ владычества чужеземцевъ-персовъ, и, наконецъ, съ большими суммами (230 талантами), возвращался домой, чтобъ употребить деньги, не имѣвшія для него никакой прелести, на возстановленіе Спарты. Но онъ уже не увидѣлъ ни города на Эвротѣ, ни вообще эллинской земли, а умеръ въ пустынной гавани Ливійскаго побережья.

РАВНОВѢСІЕ ГОСУДАРСТВЪ.

Миръ, который теперь господствовалъ между болѣе крупными государствами, далъ прежде всего аѳинянамъ возможность снова подчинить своей власти нѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ владѣній. Цѣлью ихъ стремленій былъ полуостровъ Халкидика, особенно Потидея, Олинѳъ, Амфиполь и, наконецъ, ѳракійскій Херсонесъ. Сами граждане спокойно оставались дома, но нужно было достать кораблей и наемниковъ, а это потребовало новыхъ налоговъ, которые особенно тяжело легли на состоятельныхъ гражданъ. О дѣйствительномъ воодушевленіи идеями отечества, величія и славы государства, конечно, въ войнахъ этихъ не было болѣе и рѣчи, равно какъ и о крупныхъ, рѣшительныхъ битвахъ; мимолетные успѣхи одерживали тактическая ловкость вождей и опытность наемниковъ въ боевомъ ремеслѣ. Этимъ, на радость македонскаго царя Пердикки, ослаблялось возрастающее могущество Олинѳа, такъ какъ нѣсколько союзныхъ съ нимъ городовъ были взяты аѳинянами; напротивъ, всѣ покушенія послѣднихъ противъ Амфиполя оставались тщетными.

Особенно тяжкую борьбу пришлось выдерживать аѳинянамъ на Херсонесѣ. На него заявлялъ претензіи ѳракійскій царь Котисъ. Онъ соединялъ съ греческой проницательностью и хитростью варварскую грубость и персидскую роскошь: его тѣнистыя рощи, сады и увеселительные дворцы устроены были волшебнымъ образомъ. Онъ велъ свои войны не только съ помощью своихъ ѳракійскихъ ордъ, но и шаекъ эллинскихъ наемниковъ. Особенно былъ къ его услугамъ дикій искатель приключеній Харидемъ, всегда готовый продать свою шкуру и шкуру своихъ наемниковъ тому, кто предложитъ больше денегъ. Затѣмъ его поддерживалъ, по крайней мѣрѣ въ оборонительной войнѣ, самъ знаменитый Ификратъ, противъ своего же родного города, такъ какъ онъ, будучи сыномъ аѳинскаго торговца кожами, сталъ

Монета Пердикки III.

зятемъ Котиса и, благодаря своей воинской способности, пріобрѣлъ себѣ во Ѳракіи независимое княжество. Лучшіе аѳинскіе вожди, Хабрія, Тимоѳей и надменный, черезчуръ отважный Харесъ, тщетно истощали всѣ средства военнаго искусства, чтобы завоевать Херсонесъ; лишь послѣ смерти Котиса эта цѣль была достигнута (359 г.). Затѣмъ удалось одолѣть и другіе острова и города, такъ что Аѳины вернули себѣ хотя тѣнь своего прежняго могущества.

Но дальнѣйшему расширенію республики положила предѣлъ союзническая война (358 — 355). Именно, три государства, Византія, Косъ и Родосъ, соединились противъ Аѳинъ. Храбрый Хабрія палъ въ несчастномъ бою при Хіосѣ; Ификратъ и Тимоѳей, провинившіеся въ постыдныхъ вымогательствахъ, были смѣнены и обложены денежнымъ штрафомъ. Харесъ, наконецъ, сталъ предпринимать разбойническіе набѣги на азіатскомъ побережьи, чѣмъ такъ раздражилъ персидскаго сатрапа Артабаза, что тотъ грозилъ поддержать союзниковъ деньгами и войскомъ. Въ концѣ-концовъ однако состоялся миръ, подтвердившій независимость союзниковъ.

Священная война (355—346). Около того же времени въ самой Элладѣ загорѣлась такъ-называемая Священная война. Дѣло въ томъ, что фокейцы присвоили себѣ земли, принадлежавшія Дельфійскому храму, и обработывали ихъ въ свою пользу. Теперь за дѣло это принялись Амфиктіоны. На стран. 326—327 мы говорили объ этомъ союзѣ различныхъ государствъ и именно замѣтили, что онъ имѣлъ надзоръ надъ Дельфійскимъ святилищемъ и, по крайней мѣрѣ по имени, надъ самими союзными государствами. До сихъ поръ священные мужи спокойно взирали на злодѣйство фокейцевъ; но теперь ѳивское вліяніе перевѣсило такъ долго практиковавшуюся снисходительность. Они обложили Фокиду непомѣрной денежной пеней, и такъ какъ она не была уплачена, то они произнесли проклятіе надъ фокейской землей и велѣли вырѣзать этотъ приговоръ на воздвигнутой въ Дельфахъ колоннѣ.

Вслѣдъ за этимъ Филомелъ, человѣкъ рѣшительный, собралъ въ Пелопоннесѣ наемное войско на защиту угрожаемой области. Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти онъ съ отрядомъ своимъ занялъ Дельфы и храмъ, черезъ что въ то же время

овладѣлъ и скопленными тамъ богатствами. Нѣкоторое время онъ счастливо велъ войну противъ Ѳивъ и сѣверныхъ народовъ, напавшихъ на Фокиду (356 г.). Когда онъ, наконецъ, пойманный и запертый, нашелъ себѣ смерть отъ паденія со скалы, принялъ главное начальство товарищъ его по должности Ономархъ. Теперь ужь не щадили болѣе храмовыхъ богатствъ; многочисленныя толпы авантюристовъ стекались за двойную плату въ Фокиду и оттуда, точно изъ разбойничьяго вертепа, предпринимали походы въ сосѣднія страны. Ономархъ вмѣшался даже въ ѳессалійскія дѣла и разбилъ поспѣшившаго на помощь городамъ македонскаго царя Филиппа въ двухъ битвахъ, но въ концѣ-концовъ совершенно былъ побѣжденъ тяжеловооруженными ѳессалійскими всадниками и ихъ македонскими союзниками и самъ убитъ (352). Когда побѣдители, преслѣдуя фокейцевъ, пытались проникнуть и въ Элладу, они нашли ѳермопильскіе проходы занятыми аѳинскими отрядами. Этимъ Эллада была тогда избавлена отъ вторженія иноземной державы. Однако, впослѣдствіи предпріимчивый царь Филиппъ призванъ былъ на помощь самими ѳивянами. Дѣло въ томъ, что фокейцы, получивъ для этого возможность благодаря неистощимымъ храмовымъ богатствамъ (10,000 талантовъ=15 мил. руб.), пріобрѣтали все новыя наемныя войска и завоевали даже Орхоменъ и Коронею въ Беотіи. Тогда царь со своими македонцами и греческими союзниками побѣдоносно вторгся въ Фокиду. Опустошивъ всю страну, перебивъ тысячи населенія, продавъ другія тысячи, какъ стадо скота, онъ возстановилъ миръ (346 г.).

Ходъ нашего разсказа, такимъ образомъ, привелъ насъ къ замѣчательному человѣку, который въ то время царствовалъ надъ Македоніей, прежде мало принимавшейся во вниманіе. Но прежде чѣмъ мы ближе приступимъ къ его личности и къ обстоятельствамъ, сдѣлавшимъ возможнымъ столь рѣшительное вмѣшательство его въ греческія дѣла, мы бросимъ еще взглядъ на тогдашнее состояніе эллинскаго міра и окружавшихъ его государствъ и народовъ.

Состояніе Эллады. Если принять во вниманіе безконечныя войны, разбойническіе походы шаекъ наемниковъ на морѣ и на сушѣ, поля битвъ, опустошенные города и деревни, то, пожалуй, подумаешь, что вся Эллада чрезъ это обезлюдѣла и превращена была въ пустыню. Но такимъ вполнѣ безотраднымъ поло-

женіе ея вовсе не было. За исключеніемъ походовъ Эпаминонда, другъ противъ друга выступали на войну только небольшія шайки наемниковъ, опустошенія которыхъ не простирались на обширныя области. Земледѣлецъ продолжалъ усердно воздѣлывать питавшую его почву, горожанинъ занимался своимъ дѣломъ, своей торговлей на морѣ и на сухихъ путяхъ и продавалъ произведенія своего труда наемникамъ и ихъ начальникамъ, которые распутно расточали опять легко пріобрѣтенное добро. Мы слышимъ о великихъ богатствахъ отдѣльныхъ гражданъ, о людяхъ, мѣрившихъ свои сокровища четвериками, о городахъ, подобно Коринѳу, Эретріи, и другимъ, сохранившихъ свое благосостояніе, о молодыхъ колоніяхъ, какъ Амфиполь, Олинѳъ, которыя поднялись до значительнаго могущества. Какъ въ средніе вѣка во время звѣрствъ кулачнаго права города и области умѣли сохранять свободу и богатыя имѣнія, даже развивались до высокаго расцвѣта, такъ дѣло обстояло тогда и въ Греціи. Но одно благо, лучшее украшеніе всякаго народа, было утрачено безвозвратно: національное чувство, гордость общимъ происхожденіемъ, любовь къ общему отечеству, нѣкогда во время персидскихъ войнъ наполнявшая сердца всѣхъ и приводившая ихъ къ радости побѣды. Только въ Аѳинахъ по временамъ шевелился еще тотъ духъ, который побудилъ предковъ къ неравной борьбѣ противъ персовъ. Тамъ раздавались голоса, говорившіе о славной Элладѣ и тѣмъ пробуждавшіе гражданъ къ великимъ рѣшеніямъ; но то были только судорожныя конвульсіи безъ продолжительнаго дѣйствія. Толпа скоро снова впадала въ обычную летаргію, искала развлеченія и времяпрепровожденія и забывала о грозящей гибели.

Насупротивъ, въ Азіи, все еще стояло персидское міровое царство, и владыки и сатрапы его бросали жадные взоры на распадавшуюся въ себѣ самой Элладу. Но великіе цари воспитывались въ сералѣ среди женщинъ и евнуховъ; они окружены были кознями и интригами, они сами учились плести интриги, а не принимать мужественныя рѣшенія и храбро исполнять ихъ. Намѣстники похожи были на своихъ царственныхъ владыкъ, замышляли заговоры, пробовали напрасныя возстанія, устранялись, при случаѣ, ядомъ, кинжаломъ и веревкой, когда они становились въ тягость самовластнымъ мощнымъ вмѣшательствомъ въ государственную машину. Народы, никогда не затронутые дыханіемъ

живительной свободы, влачили безсмысленное существованіе безъ полета, безъ исторической жизни, предоставленные рѣкѣ забвенія. Великое царство хворало во всѣхъ своихъ частяхъ; первый толчокъ извнѣ долженъ былъ разгромить его. Это безсильное состояніе Персіи было большою выгодой не только для Греціи, но въ то же время и для человѣчества. Ибо еслибъ тогда еще удалось превратить эллинскую страну въ персидскую сатрапію, то произведенія генія въ области науки и искусства остались-бы, конечно, долговѣчными памятниками творчества даровитаго народа, но вліяніе ихъ на развитіе и дальнѣйшее образованіе человѣческаго рода было бы ограниченнымъ, можетъ быть, совершенно погибло бы въ окоченѣлости персидской духовной природы.

Такимъ образомъ, со стороны азіатскихъ варваровъ, по причинѣ собственной ихъ слабости, нечего было бояться опасности. За то мало образованные ѳ р а к і й ц ы одно время стали развертывать такое могущество, которое угрожало не только сосѣднимъ странамъ, но и эллинамъ. Царь ихъ С и т а л к ъ, на союзъ съ аѳинянами, двинулся съ войскомъ въ 150,000 человѣкъ, противъ македонскаго царя П е р д и к к и; но аѳиняне не оказали помощи, и потому С е в ѳ ъ, преемникъ его, распространившій свое господство до Стримона, выказалъ себя враждебнымъ къ Аѳинамъ. Но такъ какъ, по смерти его, царство раздѣлено было между нѣсколькими царьками, то народъ этотъ потерялъ свое вліяніе и свое значеніе. Другая держава была призвана къ владычеству надъ состарившимся эллинскимъ міромъ; она была призвана нести духъ эллинской культуры въ степи Верхней Азіи и на югъ, до самаго Инда. Эта держава была М а к е д о н і я, племена которой, до сихъ поръ мало обращавшія на себя вниманія, вели жизнь темную, скудно освѣщенную исторіей.

МАКЕДОНІЯ И ЕЯ ЦАРИ.

Древняя Македонія простиралась отъ нижняго Стримона, вливающагося къ сѣверо-востоку отъ часто упоминаемаго полуострова Халкидики въ заливъ того же наименованія, на югъ до Камбунской горной цѣпи и до Олимпа. Горы Пинда отдѣляли ее отъ Эпира, между тѣмъ какъ на сѣверѣ граница съ дикими иллирійскими и ѳракійскими племенами была неопредѣленна. Лѣсистые и богатые пастбищами горные хребты Линка, Бермія и др. тянутся внутри страны—холодной и суровой на высокихъ мѣстахъ; но между горными цѣпями, орошая и оплодотворяя страну, текутъ Галіакмонъ, Лидіасъ, Аксій, Стримонъ и много ручьевъ по плодоносным, прелестнымъ долинамъ и по юго-восточнымъ равнинамъ, гдѣ рано было введено земледѣліе и построены деревни и города.

Населеніе было смѣсью разныхъ племенъ, остановившихся здѣсь во время своихъ странствованій и съ теченіемъ времени слившихся въ одинъ народъ. Тамъ находили еще нѣкоторые остатки далеко распространенныхъ пелазговъ, которые имѣли здѣсь свои поселенія и построили городъ Эги или Эдессу въ прелестной долинѣ розъ, къ сѣверу отъ бермійскихъ высотъ. Къ нимъ присоединились странствующія орды очень распространеннаго фригійскаго народа изъ Азіи, а воинственные дорійцы, предводимые Гераклидовымъ родомъ Теменидовъ, по преданію, установили тамъ свое владычество и были родоначальниками македонскихъ царей. На той скалистой вершинѣ, гдѣ нѣкогда высились царственныя Эги (водный городъ), нынѣ лежитъ малоизвѣстное мѣстечко Водена, полукругомъ окруженное могучими горами, по обоимъ берегамъ обильнаго водой журчащаго ручья, который ниже по теченію низвергается дикими водоворотами черезъ стѣну утесовъ и затѣмъ многими рукавами протекаетъ по богатой долинѣ. Тамъ сверкаютъ его пѣнящіяся воды изъ-за платановыхъ, лавровыхъ, гранатовыхъ и шелковичныхъ деревъ, между тѣмъ какъ неподвижныя скалы на заднемъ планѣ покрыты виноградными лозами и плющомъ, вообще пышной расти-

тельностью. Въ этой свѣжей горной странѣ обитали древніе македонскіе цари, пока они не перенесли своей резиденціи въ Пеллу, между Лидіасомъ и Аксіасомъ, поближе къ морю. На сѣверѣ, по верхнему Аксію и Стримону, и далѣе, вокругъ скалъ Родопы, и по сю и по ту сторону Гэма пасли свои стада мигдоны, пэоны, одрисы, затѣмъ воинственные дарданцы, славные копьеносцы агріанцы и другія ѳракійскія племена. Всѣ эти народности, какъ и дикіе, хищные иллирійцы, впослѣдствіи должны были подчиниться македонскому владычеству. Впрочемъ, царство и на этомъ обширномъ протяженіи не обнимало болѣе 73,000 квадр. километровъ.

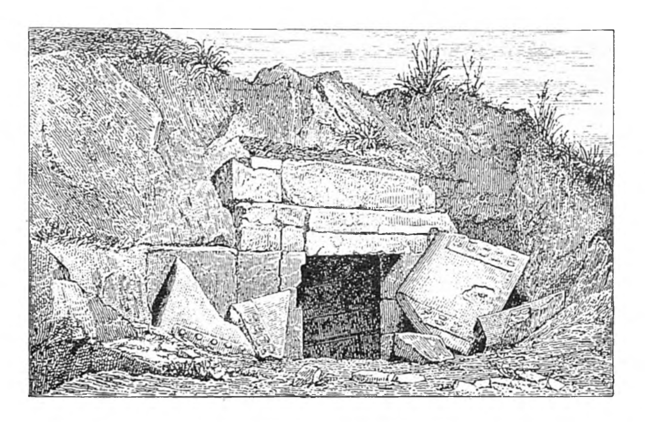

МАКЕДОНСКІЙ КОННЫЙ КОПЬЕНОСЕЦЪ.
АНТИЧНЫЙ РЕЛЬЕФЪ.

Государственное устройство было патріархальное, похожее на греческое въ героическій періодъ. Царь владѣлъ значительными землями, доходами съ которыхъ онъ содержалъ свой дворъ; онъ былъ верховнымъ судьей и вождемъ войны. Во время торжествъ окружали его персону вельможи государства, выдававшіеся происхожденіемъ и землевладѣніемъ. Они обѣдали за его столомъ и на войнѣ составляли его свиту или дружину (гетэрію). Каждый македонянинъ свободно сидѣлъ на своей наслѣдственной землѣ и вступалъ въ ополченіе, если въ страну вторгался непріятель. Хотя и безъ тактической выправки, всеобщее ополченіе все-таки превосходило сосѣднія ѳракійскія орды массовымъ дѣйствіемъ и припуждало ихъ къ подчиненію, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, ему довольно часто приходилось отступать передъ разбойническимъ вторженіемъ иллирійцевъ.

Среди безпрестанныхъ войнъ властелины Эгъ расширили свои владѣнія до Олимпа и къ востоку до Стримона. Но когда персы, при царѣ Дарiѣ, проникли въ Европу, царь Аминта I (540—498) не смогъ удержать своей независимости. Сынъ его Александръ „Филеллинъ“ (489—454) принужденъ былъ слѣдовать за

войскомъ Ксеркса. Но при разныхъ обстоятельствахъ онъ выказалъ себя другомъ эллиновъ и послѣ битвы при Платеѣ уничтожилъ нѣсколько бѣжавшихъ отрядовъ персовъ. Затѣмъ онъ подчинилъ себѣ нѣсколько дикихъ горныхъ народцевъ на сѣверѣ и востокѣ, завоевалъ города Пидну и Ѳермы и въ то же время вступилъ въ болѣе близкую связь съ греками. Эллинскіе бѣглецы и изгнанники находили у него покровительство; ко двору своему онъ привлекъ эллинскихъ художниковъ и поэтовъ, въ особенности Пиндара. Въ Олимпіи онъ самъ выступалъ въ качествѣ

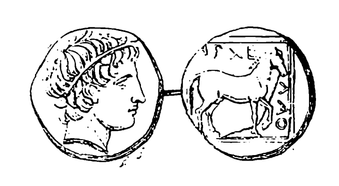

МАКЕДОНСКАЯ МОГИЛА ВЪ ПИДНѢ.

борца, а также установилъ посвятительные дары въ священной рощѣ Алтидѣ и въ Дельфахъ.

По смерти Александра, между его сыновьями возникли споры. Аѳинская держава господствовала на нижнемъ Стримонѣ и на всей Халкидикѣ; она привела и Македонію въ извѣстную зависимость. Когда, наконецъ, Пердикка II утвердился на престолѣ (454 - 413), онъ покорилъ вновь отпавшихъ горцевъ и поднялъ свое могущество, соединяясь то съ аѳинянами, то со спартанцами во время командованія Брасиды. Сынъ его Архелай, не отступавшій, правда, передъ насиліями и преступленіями, съ благоразуміемъ и осмотрительностью преслѣдовалъ большіе планы (413 — 399). Онъ пролагалъ дороги и воздвигалъ укрѣпленныя мѣста, споспѣшествовалъ земледѣлію и торговлѣ и основывалъ города,

доставляя въ то же время доступъ въ свою страну греческой культурѣ. Онъ украшалъ свою резиденцію Пеллу произведеніями эллинскаго искусства, пріютилъ у себя поэта Эврипида и былъ въ сношеніяхъ съ Платономъ. Но македонскій народъ не созрѣлъ для такого духовнаго подъема; эллинская культура нашла доступъ только при царскомъ дворѣ, но не у толпы; послѣдняя оставалась при старыхъ грубыхъ обычаяхъ, но сохраняла также при этомъ свою первоначальную крѣпкую природу, такъ что надлежащій мастеръ, явившись, могъ употребить наличныя силы на обширномъ поприщѣ для грандіозныхъ цѣлей.

МОНЕТА АРХЕЛАЯ, ЦАРЯ МАКЕДОНСКАГО.

Украшенная вѣнцомъ голова Аполлона, обращенная вправо. Обр. стор.: въ углубленномъ четыреугольникѣ лошадь на волѣ и надпись ΑΡΧΕΛΑΟ (Серебро).

Тяжкія, полныя превратностей, войны потрясали государство при А м и н т ѣ II и его ближайшихъ преемникахъ (393—369). Олинѳяне втянули столицу Пеллу въ свой союзъ; линкестидскіе горцы, подкрѣпленные иллирійцами, спустились со своихъ высотъ на верхнемъ Аксіѣ, прогнали царя и господствовали нѣкоторое время надъ страной. Потомъ ее съумѣлъ привести въ зависимость Я з о н ъ Ферскій, глава союза ѳессалійскихъ племенъ. Ту же цѣль преслѣдовалъ преемникъ его Александръ, пытавшійся хитростью и силой достигнуть своихъ цѣлей и поднявшій оружіе даже противъ ѳивской державы. Тщетно боролся храбрый П е р д и к к а III (365—360) съ юношескимъ мужествомъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ страны. Онъ побѣжденъ былъ съ вѣрнымъ войскомъ своимъ линкестами и иллирійцами въ большомъ сраженіи и оставилъ несчастное, потрясенное царство младшему брату Ф и л и п п у, который нѣкогда въ качествѣ заложника попалъ въ Ѳивы и, при видѣ подвиговъ такихъ лицъ, какъ Пелопидъ и Эпаминондъ, рано возмужалъ.

ЦАРЬ ФИЛИППЪ МАКЕДОНСКІЙ (360—336).

Юный царь многому научился въ школѣ ѳивскихъ героевъ: мужеству, боевой ловкости, тактическому и стратегическому военному искусству, отважности въ предпріятіяхъ и быстрому исполненію хорошо взвѣшенныхъ плановъ. Былъ онъ также ласковъ, предупредителенъ и къ знатнымъ особамъ и къ низшему люду, полонъ остроумія и юмора въ общественныхъ кружкахъ, въ особенности тогда, когда это казалось полезнымъ для его цѣлей. Съ другой стороны, онъ не научился отъ своихъ великихъ образцовъ всегда сохранять чистоту, благородство образа мыслей, честность и прямоту характера. Ему было все равно, достигалъ-ли онъ своего намѣренія прямымъ или кривымъ путемъ. Уже мальчикомъ и юношей онъ научился презирать кажущуюся узкосердечность порядочныхъ людей; онъ рано свелъ счеты съ тѣмъ, что́ называютъ совѣстью, равно какъ онъ только ради людей строилъ жертвенники и храмы, совершалъ праздничныя жертвоприношенія, въ душѣ же насмѣхался надъ суевѣріемъ слабоумныхъ головъ. Подъ свѣтлой наружностью, подъ ласковой улыбкой, подъ веселостью хорошаго собесѣдника онъ скрывалъ планы, которые обдумывалъ въ глубинѣ души. Онъ стоялъ на высотѣ политики, во всякія времена выступающей подобнымъ образомъ. Таковъ былъ мужъ, появившійся теперь на сценѣ эллинскаго міра. Два претендента на престолъ стояли противъ него; одинъ поддерживался ѳракійскими племенами, другой аѳинянами. Обильными денежными подарками онъ подкупилъ первыхъ, обѣщаніями и милостями — послѣднихъ. Со всѣми военными силами государства встрѣтилъ онъ страшныхъ иллирійцевъ, разбилъ ихъ на голову

МОНЕТА ФИЛИППА II МАКЕДОНСКАГО СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ЗЕВСА.

въ битвѣ въ открытомъ полѣ и завоевалъ всю страну до возвышенностей у озера Лихнитиды.

Царство теперь было обезпечено, престолъ укрѣпленъ; но человѣкъ, сидѣвшій на немъ, жаждалъ большаго. Онъ привелъ въ порядокъ государственное войско, обучалъ фалангу, состоявшую изъ сыновей аристократическихъ родовъ, конницу, которую постоянно держалъ подъ оружіемъ, пріучалъ ее по эллинскому способу къ тактическимъ движеніямъ, и налогами, пошлинами и усердной разработкой золотыхъ рудниковъ въ Пангейскихъ горахъ добывалъ себѣ обильныя денежныя средства. Изъ послѣднихъ онъ ежегодно получалъ огромную сумму въ 1,000 талантовъ (болѣе 2 милліоновъ нынѣшнихъ рублей). Опираясь на такія сильныя средства, онъ безпрепятственно преслѣдовалъ свои планы. Онъ завоевалъ Амфиполь, затѣмъ, посредствомъ измѣны, Пидну, потомъ Потидею съ помощью олинѳянъ, въ то время какъ Аѳины вели войну съ морскими государствами; онъ содержалъ также въ болѣе важныхъ эллинскихъ городахъ приверженцевъ, дѣйствовавшихъ тамъ на македонскія деньги въ интересахъ царя, часто въ тяжкій ущербъ собственному отечеству. При празднованіи мистерій на островѣ Самоѳракѣ (357), Филиппъ познакомился съ прекрасной, но страстной царицей эпирцевъ Олимпіадой и вскорѣ затѣмъ сочетался съ ней бракомъ въ столицѣ Пеллѣ. Въ слѣдующемъ году она подарила ему сына, знаменитаго впослѣдствіи Александра, въ тотъ самый день, когда полководецъ его Парменіонъ разбилъ иллирійцевъ и четверка его коней въ Олимпіи получила награду.

Филиппъ въ Ѳессаліи. Никто не догадывался о гордыхъ надеждахъ, наполнявшихъ сердце царя. Только аѳиняне тревожно глядѣли на успѣхи, которые дѣлалъ неутомимый человѣкъ въ расширеніи своихъ границъ, на то, какъ онъ предпринималъ отважныя экспедиціи противъ воинственныхъ сосѣднихъ народцевъ въ горы и долины, черезъ рѣки и озера, какъ онъ старался образовать морскія силы и постоянно расширялъ свои связи въ эллинскихъ приморскихъ городахъ; какъ онъ, наконецъ, призванный на помощь стѣсненными ѳивянами и ѳессалійцами, принялъ участіе въ Священной войнѣ въ самой Элладѣ противъ фокейцевъ. Онъ стоялъ на развалинахъ завоеванной и разрушенной Меѳоны при Ѳермейскомъ заливѣ, когда до него дошло пріятное приглашеніе.

Во время осады этого города, одинъ стрѣлокъ изъ лука предложилъ ему свои услуги за очень высокую плату и самонадѣянно брался попасть въ птицу на-лету. Но царь, негодуя на наглое требованіе, прогналъ его прочь съ отвѣтомъ: „если онъ когда-нибудь будетъ вести войну съ воробьями, то онъ найметъ его“. За это стрѣлокъ, нашедшій лучшій пріемъ въ городѣ, пустилъ въ него при случаѣ стрѣлу съ надписью: „Для праваго глаза Филиппа“. Онъ не промахнулся; но, когда городъ былъ взятъ, стрѣлокъ за ловкость свою долженъ былъ заплатить жизнью. Всѣ граждане были перебиты или уведены на невольничій рынокъ.

Потеря глаза, однако, не помѣшала царю послѣдовать приглашенію въ Ѳессалію. Онъ одержалъ побѣду въ открытомъ бою, взялъ Феры, затѣмъ Пагасы на морѣ, привелъ въ зависимость всю Ѳессалію и выступилъ къ Ѳермопиламъ. Тогда великій ораторъ Демосѳенъ пробудилъ гражданъ Аѳинъ отъ ихъ спячки, такъ что они отправили значительный отрядъ войска къ воротамъ Эллады. Общая опасность понята была даже въ Пелопоннесѣ; лакедемоняне и ахейцы скорыми переходами прибыли на помощь и показали чужестранцу блескъ своихъ щитовъ. А онъ не рискнулъ на нападеніе, но, укрѣпивъ свое положеніе въ Ѳессаліи, началъ отступленіе (352), какъ мы сообщили уже раньше.

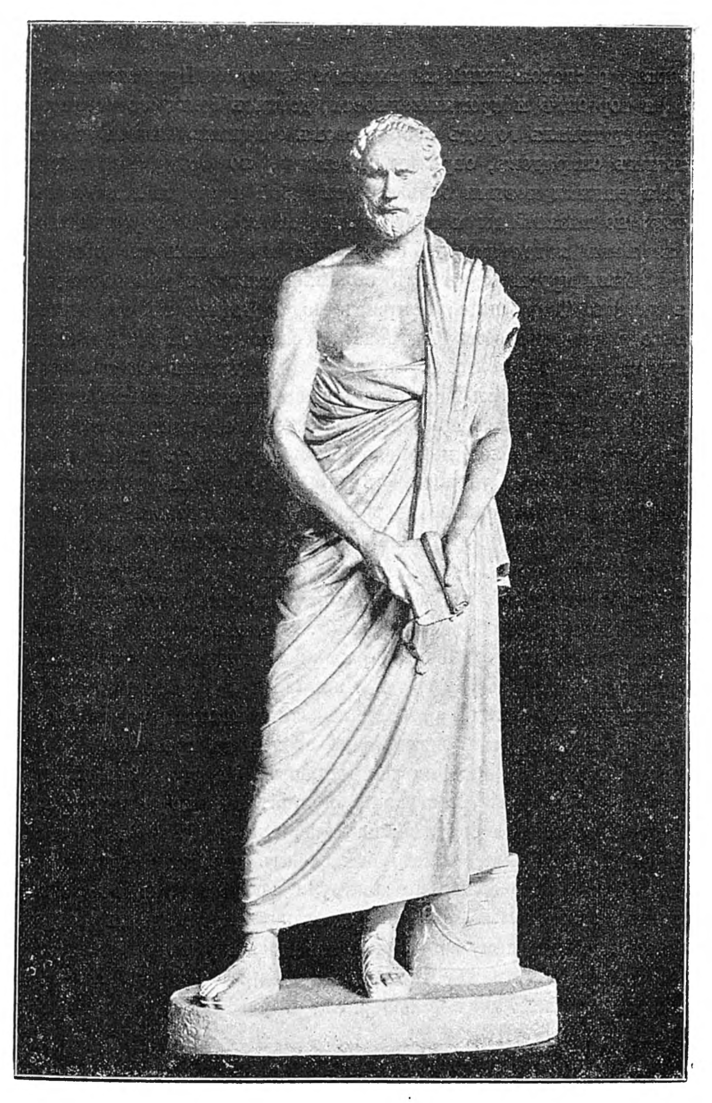
Олинѳская война. За этотъ промахъ царь вознаградилъ себя завоеваніями на Ѳракійскомъ побережьи и захватомъ аѳинскихъ торговыхъ судовъ, за которыми усердно гнались его корсары. Эти предпріятія нанесли тяжкій ущербъ городу на Илиссѣ и прежде всего разстраивали его торговлю съ Геллеспонтомъ и Чернымъ моремъ, бывшую для населенія важнѣйшимъ источникомъ дохода. Поэтому граждане стали прислушиваться къ словамъ Демосѳена, когда онъ въ своей первой рѣчи противъ Филиппа упрекалъ ихъ въ ихъ легкомысліи и приглашалъ къ личной военной службѣ. Они послали угрожаемымъ олинѳянамъ корабли и отряды наемниковъ, что вначалѣ удержало царя отъ серьезныхъ предпріятій противъ халкидскаго города. Но послѣ того, какъ онъ, несмотря на свое пораженіе, сталъ твердой ногой на островѣ Эвбеѣ, житницѣ Аѳинъ, онъ самъ съ сильнымъ войскомъ двинулся подъ Олинѳъ, Въ трехъ рѣчахъ Демосѳенъ приглашалъ къ спасенію

важнаго города, который, послѣ освобожденія отъ спартанскаго ига, снова мощно расцвѣлъ. Явились, дѣйствительно, аѳинскіе тріеры и наемники, но послѣдніе вели себя такъ разнузданно, что принесли жителямъ больше вреда, чѣмъ пользы (348). Когда наконецъ, при усиленной опасности, на корабли сѣло ополченіе гражданъ и поплыло къ жестоко осаждавшемуся городу, было уже поздно. Царь, при всѣхъ приступахъ отбитый храбрыми гражданами, сразился, какъ совѣтовала ему Пиѳія, серебряными копьями, именно: звонкой монетой подкупилъ двухъ начальниковъ конницы измѣннически открыть ворота его отрядамъ. Грабежъ и убійство пошли по улицамъ и домамъ; однако, часть гражданъ спаслась на аѳинскіе корабли.

Заключеніе мира. Аѳины скорбѣли о павшемъ городѣ; онѣ не видѣли конца войнѣ, истощавшей ихъ силы. И вотъ, когда македонская партія посовѣтовала заключить миръ, Эсхинъ, вождь ея, и противникъ его Демосѳенъ, съ еще девятью другими аѳинянами были посланы въ Пеллу (346). Тамъ послы были осыпаны ласками, призваны къ царскому столу и окружены всякими почестями; тутъ завоеватель былъ неистощимъ въ бьющемъ ключомъ остроуміи, въ увѣреніяхъ искреннѣйшей любви къ ихъ славному родному городу; тутъ наконецъ онъ старался привлечь къ себѣ пословъ и ихъ свиту драгоцѣнными почетными подарками. Но Демосѳенъ не далъ обмануть себя льстивымъ языкомъ царя, и не дотронулся до его денегъ. Онъ зналъ человѣка, съ которымъ имѣлъ дѣло, и сказалъ это по возвращеніи своимъ согражданамъ, между тѣмъ какъ Эсхинъ и свита разсыпались въ похвалахъ любезному, щедрому, искреннему другу аѳинянъ. Когда затѣмъ два высшихъ государственныхъ чиновника царя, Парменіонъ и Антипатръ, явились въ Аѳины съ безпредѣльными увѣреніями въ дружбѣ и изъ полныхъ кошелей стали раздавать деньги тайнымъ и открытымъ приверженцамъ своего повелителя, то скоро на сторону ихъ привлечено было большинство измѣнчиваго аѳинскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, желанный миръ вскорѣ былъ заключенъ на основѣ тогдашняго положенія относительно владѣнія. Но прежде чѣмъ Филиппъ подписалъ договоръ, онъ съумѣлъ овладѣть укрѣпленнымъ Дорискомъ и нѣсколькими городами на Пропонтидѣ, которые ему молчаливо были предоставлены. По требованію Филиппа, второе, отправленное въ Пеллу, аѳинское посоль-

ство, при которомъ былъ миротворецъ Филократъ, должно было сопровождать его въ Өессалію и спокойно наблюдать, какъ онъ вторгся въ Өермопилы и занялъ важный проходъ. Ибо онъ приходилъ въ качествѣ охранителя дельфійскаго святилища, снова призванный өивянами на помощь противъ фокейцевъ; онъ приходилъ, какъ увѣрялъ онъ, какъ преданный другъ Аөинъ, только для того, чтобъ спасти храмовое мѣсто отъ оскверненія, чтобъ вновь возстановить Өеспіи и Платею, но не для того, чтобъ уготовить гибель Фокидѣ. Тщетно раздавался мощный призывъ Демосөена къ оружію: народъ спалъ заколдованнымъ сномъ, охваченный хитростями царя, какъ магическими сѣтями, пока самъ онъ не счелъ за благо разорвать эту завѣсу. И это произошло очень скоро; ибо передъ его могучей военной силой бѣжали кучи фокейскихъ наемниковъ, рушились города, замки и фермы, палъ цѣлый народъ, беззащитно перерѣзанный или уведенный въ рабскихъ оковахъ. Въ священномъ участкѣ Дельфъ расположился лагеремъ царь со своимъ побѣдоноснынъ войскомъ. Аөины плакались, сердились и трепетали передъ ужаснымъ человѣкомъ, который стоялъ противъ покинутаго города, могучій обманомъ и вооруженной силой. Но когда онъ вмѣсто того, чтобъ поступать враждебно, обѣщалъ дружбу и единеніе, то самъ Демосөенъ посовѣтовалъ не кидаться изъ-за дельфійской тѣни въ безнадежную войну, но дожидаться болѣе благопріятнаго времени.

Филиппъ подъ Перинөомъ и Византіей. Филиппъ довольствовался добытыми успѣхами; онъ разыгрывалъ въ Пелопоннесѣ третейскаго судью, поддерживалъ слабыхъ, черезъ состоявшихъ на его жалованьи приверженцевъ во всѣхъ городахъ расхваливалъ свою справедливость и великодушіе и продолжалъ въ сосѣднихъ странахъ, во Өракіи, Иллиріи и Эпирѣ, увеличивать свое могущество безпрестанными войнами. За всѣми шагами его слѣдилъ Демосөенъ, все еще вѣрившій въ возстановленіе величія Аөинъ и всей Греціи. Въ третьей своей филиппикѣ онъ приглашалъ свой родной городъ заключить со всѣми греческими государствами союзъ для общаго отраженія завоевателя. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого удалось привести Хіосъ и Родосъ и даже Византію къ заключенію союза и привлечь островъ Эвбею чрезъ посредство благороднаго Фокіона. Теперь завоеватель началъ открытую войну и двинулся съ военными силами подъ Перинөъ (341).

ДЕМОСѲЕНЪ.

Мраморная статуя, хранящаяся въ Ватиканскомъ музеѣ. Великій ораторъ не представленъ произносящимъ рѣчь съ высоты каѳедры. Онъ, наоборотъ, читаетъ и размышляетъ: у его ногъ находится маленькая коробка, наполненная свитками, т.-е. книгами.

который, расположенный на высокомъ мысу на Пропонтидѣ, благодаря торговлѣ и промышленности, достигъ большого богатства. Онъ штурмовалъ городъ посредствомъ осадныхъ башенъ и метательныхъ снарядовъ, опрокинулъ стѣны, но всѣ улицы нашелъ загражденными новыми больверками. Бой продолжался днемъ и ночью; но византійцы и присланные на помощь персы оказали гражданамъ поддержку и осаждавшіе, при большомъ кровопролитіи, были прогнаны черезъ обломки стѣнъ и рвы обратно въ ихъ лагерь. Тогда царь, оставивъ подъ Перинѳомъ отрядъ войска подъ начальствомъ Антипатра, самъ съ главными силами двинулся на Византію, которую онъ думалъ быстро взять врасплохъ, такъ какъ большая часть жителей стояла еще въ Перинѳѣ. Между тѣмъ аѳиняне, побужденные Демосѳеномъ, отправили сорокъ кораблей и войско наемниковъ подъ начальствомъ Хареса, и имъ удалось, съ помощью родосцевъ, косцевъ и хіосцевъ, отогнать сильно пострадавшій непріятельскій флотъ къ Черному морю. Царь, однако, съ настойчивостью продолжалъ осаду. Благодаря таранамъ, метательнымъ орудіямъ и подкопамъ, и здѣсь часть стѣнъ обрушилась. Затѣмъ македоняне въ темную дождливую ночь ворвались въ улицы. Загорѣлась ночная схватка, при которой едва можно было различить друзей и враговъ. Храбрый военачальникъ Леонтъ и аѳинянинъ Фокіонъ, который въ началѣ 339-го года привелъ къ осажденнымъ вторую эскадру со свѣжими войсками, безстрашно стояли въ кровавой схваткѣ, словомъ и дѣломъ ободряя защитниковъ. Между тѣмъ въ сумятицѣ тамъ и сямъ наступали непріятели; но вдругъ стало дѣлаться свѣтлѣе и свѣтлѣе; на сѣверномъ небѣ зажглось сѣверное сіяніе, озарившее мѣсто боя своимъ необыкновеннымъ свѣтомъ. Тотчасъ же граждане сомкнули свои ряды, и, ободренные божескимъ знаменемъ, отогнали наступавшихъ воиновъ. Поэтому сильно пострадавшему войску не оставалось ничего, кромѣ поспѣшнаго отступленія, между тѣмъ какъ побѣдители безпрепятственно нападали на македонское побережье и разоряли его грабительскими набѣгами.

Во всѣхъ эллинскихъ государствахъ послѣ этихъ удачъ подняли свой голосъ люди свободы и единенія, и приверженцы македонянъ были вытѣснены. Даже въ Ѳессаліи раздались голоса, совѣтывавшіе отпасть отъ Македоніи, и Ѳивы, доселѣ оставав-

шіяся чуждыми національному дѣлу, выказали наклонность присоединиться къ великому союзу эллиновъ. Вліяніе царя было сломлено, и если бы эллинскія государства быстро соединились для общаго похода, то Филиппъ попалъ бы въ большое затрудненіе. Но довольствовались тѣмъ, что отбили нападеніе; не соображали того, что только гибель враждебной державы могла бы принести спасеніе Элладѣ; совершали празднества, украшали побѣдителей вѣнками и спокойно давали противнику побѣдами надъ варварами укрѣплять свои силы для послѣдняго удара.

Прежде чѣмъ провожать завоевателя далѣе на его пути, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть подвиги мужа, который на другой почвѣ былъ призванъ возвыситься среди треволненій эгоизма и внутренняго раздора.

ТИМОЛЕОНТЪ ВЪ СИРАКУЗАХЪ.

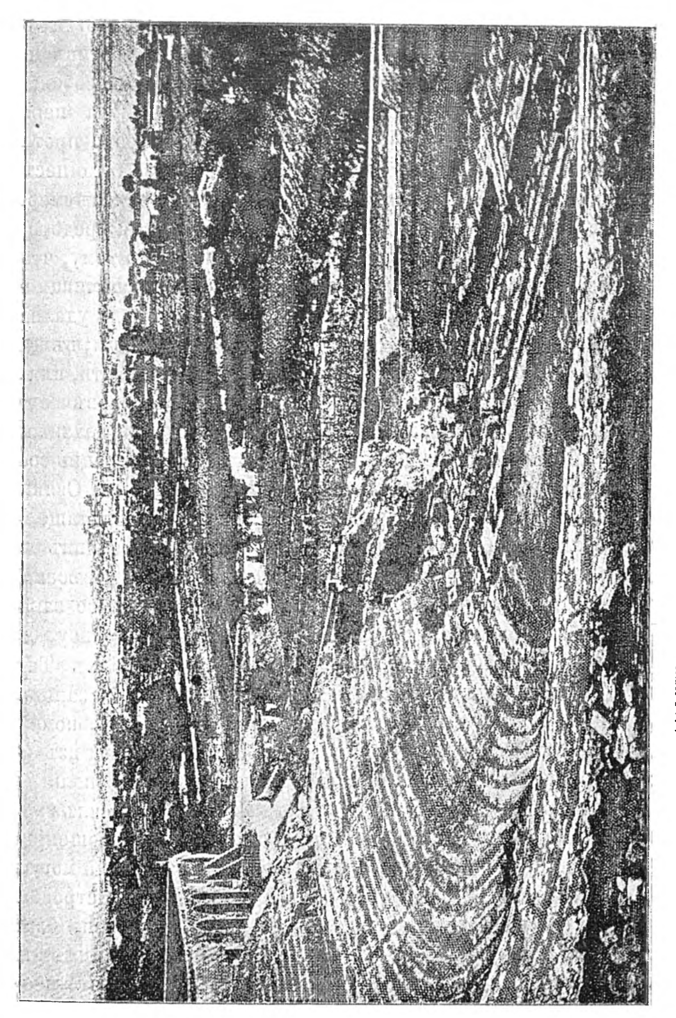
Въ Коринѳѣ, богатомъ и пышномъ торговомъ городѣ, со времени Періандра не выступилъ ни одинъ значительный характеръ, ни одинъ славный государственный мужъ или полководецъ, который искуснымъ управленіемъ государственными дѣлами или военными подвигами поднялъ бы значеніе своего родного города. Городъ этотъ въ пелопоннесской войнѣ выказалъ себя вѣрнымъ союзникомъ Спарты, потомъ въ позднѣйшихъ волненіяхъ становился то за, то противъ передовой пелопоннесской державы; но, несмотря на всѣ бури, пораженія и потери, благосостояніе его не было потрясено, такъ какъ доходная торговля, морская и на сухомъ пути, и оживленная промышленность обильно вознаграждали за эти потери. Въ результатѣ этой обширной промышленности и проистекавшаго оттуда избытка взяли верхъ роскошь и стремленіе къ неумѣреннымъ наслажденіямъ всякаго рода, черезъ что здѣсь раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, ослабли гражданская дисциплина и добрые нравы. Тѣмъ не менѣе, среди дорійской аристократіи, эвпатридовъ или вліятельныхъ родовъ, не совсѣмъ вымеръ республиканскій образъ мыслей; онъ жилъ еще въ сердцахъ отдѣльныхъ лицъ. Извѣстія

о Тимолеонтѣ и нѣкоторыхъ его друзьяхъ, какъ они ни ненадежны и ни скудны, заставляютъ насъ предполагать это.

Тимолеонтъ былъ сынъ виднаго гражданина Тимодема или Тимэнета и благородной Демаристы. Годъ его рожденія неизвѣстенъ; онъ падаетъ въ промежутокъ времени 411 и 400 г.г. Повидимому, онъ съ дѣтства былъ спокоенъ, безстрастенъ и расположенъ къ размышленіямъ, между тѣмъ какъ старшій братъ его Тимофанъ былъ живъ, страстенъ и энергиченъ. Изъ-за своей энергіи и воинской способности послѣдній неоднократно былъ призываемъ на должность военачальника. Тимолеонтъ не питалъ къ нему зависти за это, и доказалъ ему свою любовь на дѣлѣ. Ибо въ одномъ сраженіи съ аргивянами и клеонянами, когда Тимофанъ раненый упалъ съ лошади и послѣ бѣгства его отряда конницы былъ угрожаемъ непріятельскими копьями, онъ прикрылъ его своимъ щитомъ и съ большой храбростью отбилъ наступающихъ непріятелей (336 г.). Но выше братской любви была для античнаго героя свобода его отчизны. Когда нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого сраженія Тимофанъ назначенъ былъ своими согражданами предводителемъ многочисленныхъ, вновь набранныхъ, наемниковъ и въ этой должности захватилъ правительственную власть въ Коринѳѣ, Тимолеонтъ серьезно увѣщевалъ его оставить такую затѣю. Но тотъ упорствовалъ на своихъ тиранническихъ стремленіяхъ, занялъ цитадель и акрокоринѳъ и наложилъ смерть и изгнаніе на всѣхъ, казавшихся ему опасными.

Братоубійство. Затѣмъ Тимолеонтъ съ двумя единомысленными друзьями еще разъ явился къ брату. Всѣ трое умоляли тиранна возстановить республиканское устройство. Они были отосланы, осмѣяны, такъ какъ тиранну казалось смѣшнымъ добровольно отказаться отъ высшей почести. Когда всѣ полюбовныя средства были истощены, Тимолеонтъ, плача, закуталъ голову, а друзья его быстро, обнаженными мечами, пронзили человѣка, осмѣлившагося съ помощью своихъ продажныхъ ратниковъ наложить руку на свободу ихъ родного города.

Дѣло свершилось; оно всей тяжестью своей легло на Тимолеонта, зачинщика, но не на орудія исполненія. Правда, это было убійствомъ тиранна, которое, по воззрѣнію древности, считалось законнымъ и достойнымъ высшей похвалы. Тѣмъ не менѣе въ

АМФИТЕАТРЪ ВЪ СИРАКУЗАХЪ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

коринѳской герусіи, какъ и въ народѣ, поднялись голоса противъ этого. Природа заявила свои права наперекоръ всякой логикѣ объясняющаго человѣческаго разсудка; братоубійцу не при-

влекли къ суду, но его избѣгали, его гнушались. Когда онъ услышалъ, что и мать его Демариста изрекаетъ противъ него проклятія, онъ посѣтилъ ее, чтобъ примирить ее съ собой; но скорбящая матрона не вынесла его вида, она заперла передъ нимъ свой домъ. Тогда изъ-за пролитой братской крови противъ него поднялись эриніи, какъ нѣкогда кровавая тѣнь Клитэмнестры пробудила мстительницъ противъ матереубійцы. Онъ искалъ смерти; онъ хотѣлъ вызвать ее голодомъ. Друзья его съумѣли предотвратить это; ихъ убѣжденіямъ удалось склонить его къ тому, чтобъ онъ выносилъ жизнь. Но вѣчно возвращавшееся воспоминаніе о томъ, что случилось, погрузило духъ его въ уныніе. Онъ удалился отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и искалъ одиночества; въ немъ проживалъ онъ свои дни, предаваясь тупой задумчивости, или же скитался въ пустыняхъ, куда рѣдко ступала нога человѣческая.

Посольство изъ Сиракузъ. Много лѣтъ протекло, а меланхолія отъ него не отходила; то были годы роковыхъ для Греціи событій. Эпаминондъ палъ при Мантинеѣ; такъ-называемая Священная война опустошила плодороднѣйшія области; святилище въ Дельфахъ лишено было своихъ сокровищъ; царь Филиппъ хитростью и силой угнеталъ эллинскія государства, его военныя шайки топтали поля Фокейской страны, а окончательное заключеніе мира нанесло обиду и ущербъ также городу Коринѳу, бывшему въ союзѣ съ Фокидой. Во всѣхъ этихъ событіяхъ Тимолеонтъ не принималъ участія, такъ какъ душу его занимала только мысль о неискупимомъ злодѣяніи. Но вотъ, весной, по окончаніи Фокейской войны, передъ герусіей явились послы изъ Сиракузъ, колоніи Коринѳа, и потребовали отъ метрополіи помощи противъ тиранніи у нихъ на родинѣ и противъ силъ варваровъ, угрожающихъ-де всей Сициліи полнымъ порабощеніемъ. Они сообщили, что славный городъ, нѣкогда одолѣвшій могущество Аѳинъ и пріобрѣвшій преобладаніе надъ всѣмъ островомъ, по причинѣ жестокой тиранніи второго Діонисія, лишенъ благороднѣйшихъ своихъ гражданъ, разграбленъ навербованными имъ ратниками и наполненъ неслыханными звѣрствами, такъ что несчастное населеніе призвало на помощь тиранна Леонтинскаго, Гикету, хотя тотъ со своими наемниками всюду производитъ грабежи и хищенія. Печальнымъ состояніемъ Сиракузъ и Сициліи воспользовались, какъ доносили далѣе послы, карѳагеняне. Съ большими

силами морскими и сухопутными они-де покорили себѣ туземныя племена, а флотъ ихъ уже проникъ въ гавань Сиракузъ и тѣснитъ островной городъ Ортигію, гдѣ тираннъ оказываетъ сопротивленіе на укрѣпленномъ акрополѣ, между тѣмъ какъ Гикета занимаетъ прочія части. „Если городъ нашъ погибнетъ", восклицали послы, „то падутъ храмы и алтари, падетъ свобода Великой Греціи, а нужна лишь незначительная помощь, лишь уважаемый, испытанный полководецъ, который соберетъ вокругъ себя разсѣянныхъ и изгнанныхъ главарей и знать города и поведетъ противъ силъ тиранновъ и варваровъ".

Геронты признали вѣрность сообщенія; они поняли, что гибелью колоніи доходная торговля Коринѳа тяжко будетъ поражена; но они взвѣшивали, съ другой стороны, и то, что имъ самимъ, свободѣ эллиновъ угрожаютъ македоняне, что ихъ собственный городъ въ священной войнѣ понесъ убытки, и не отваживались дать благопріятный отвѣтъ. Они рѣшили предоставить рѣшеніе гражданамъ и доложили предложеніе народному собранію. Во время преній о немъ въ послѣднемъ, одинъ гражданинъ назвалъ имя Тимолеонта и предложилъ его въ вожди. Это предложеніе встрѣтило сочувствіе, одобрено было герусіей и утверждено гражданами, и когда избраннику сообщили о немъ, то точно нѣкій богъ снялъ съ души его уныніе и указалъ ему путь храбрыми подвигами за освобожденіе эллинскихъ собратьевъ искупить тѣнь своего брата. Слѣдуя призыву общественнаго довѣрія, онъ явился передъ народнымъ собраніемъ и былъ облеченъ неограниченной властью надъ отпущенными на поддержку кораблями и наемниками. При этомъ видный гражданинъ, Телекиндъ, крикнулъ ему: „Если ты теперь достославно будешь сражаться, то мы будемъ думать, что ты убилъ тиранна, если безславно, то будемъ думать, что ты убилъ брата".

Тимолеонтъ въ Сиракузахъ. Снаряженіемъ обѣщанной помощи занялись тотчасъ-же, но вяло, и она была довольно скудна. Четыре тріеры отъ Коринѳа, три отъ союзниковъ и три быстроходныхъ гребныхъ судна составляли всю морскую силу полководца и служили для транспорта 700 наемниковъ, набранныхъ изъ бродившихъ шаекъ продажныхъ ратниковъ. Послѣдніе правда были очень годны для военнаго ремесла, но были извѣстны также по большей части какъ безсовѣстные люди, такъ какъ они принимали уча-

стіе въ разграбленіи фокейскаго храма и казались готовыми ко всѣмъ звѣрствамъ войны. Эти одичалыя шайки полководецъ долженъ былъ при помощи строгой дисциплины слить въ одинъ корпусъ войскъ, привязать къ себѣ вѣрностью, побѣдами внушить имъ самоувѣренность; только тогда онъ могъ надѣяться разрѣшить свою великую задачу, освобожденіе цѣлаго народа. Дѣло, казалось, превосходило человѣческія силы. Но человѣкъ, на котораго оно было возложено, нашелъ въ своемъ умѣ достаточныя средства; онъ рискнулъ и выигралъ.

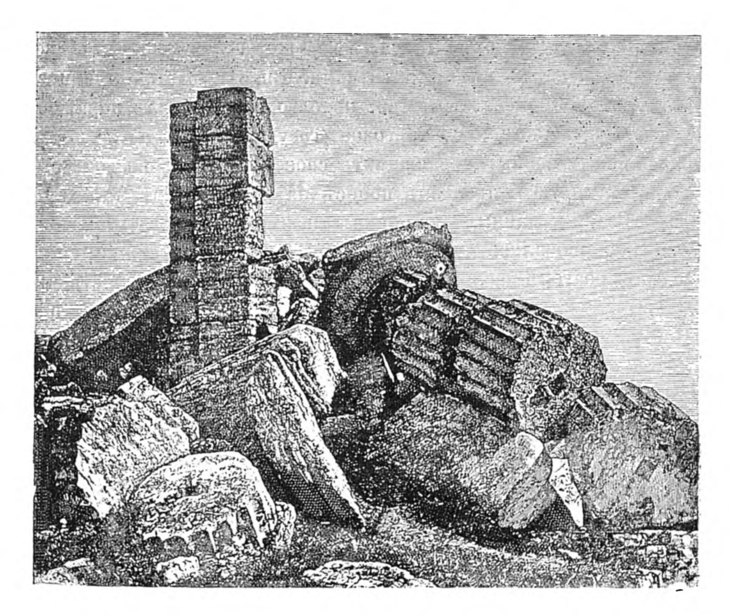
Экспедиція, подкрѣпленная вспомогательными войсками изъ Коркиры, отплыла наконецъ поздней осенью 345 г., или весной 344 г. Попутный вѣтеръ надувалъ паруса, море блистало, раскинувшись передъ отважными мореплавателями. Тимолеонтъ стоялъ на палубѣ своей тріеры. Онъ глядѣлъ впередъ, по направленію къ странѣ новыхъ подвиговъ, гдѣ улыбалось ему примиреніе съ богами и людьми. Позади его исчезали берега Эллады и съ ними, подобно долгому, тяжелому сновидѣнію, время вины, самообвиненія, внутренняго омраченія и неутолимой душевной муки.

Поднялась ночь со своими звѣздами. Вдругъ точно разверзлось небо: корабли обдало сіяніемъ, озарившимъ небесный сводъ и море, и огненный метеоръ медленно опустился по небу по направленію къ Италіи. Это считалось благопріятнымъ знаменемъ боговъ; думали, что Деметра и Персефона, богини-покровительницы Сициліи, пошли впереди героевъ, чтобъ уготовить имъ побѣду и нетлѣнную славу.

Состояніе дѣлъ въ Сициліи. Греческія колоніи на островѣ Сициліи въ самомъ дѣлѣ очень нуждались въ помощи божества и его избраннаго любимца. Ибо благопріятствуемая природой страна и многолюдные города, благодаря торговлѣ и промышленности, нѣкогда высоко процвѣтавшіе, пришли въ печальный упадокъ, вслѣдствіе внутреннихъ волненій, войнъ и владычества тиранновъ. Уже въ самое раннее время здѣсь правленіе народа и господство тиранновъ въ быстрой смѣнѣ вытѣсняли другъ друга. Никогда не могли достигнуть прочнаго свободнаго устройства.

Во время персидскихъ войнъ надъ Сиракузами и всѣмъ восточнымъ побережьемъ острова господствовалъ хорошій правитель Гелонъ. Онъ достигъ власти насиліемъ, но онъ съумѣлъ благодѣяніями всякаго рода примирить народъ съ своимъ правленіемъ.

При немъ процвѣтали искусства; поэты и философы находили у него пріютъ. Онъ перевелъ въ Сиракузы много жителей завоеванныхъ областей, чрезъ что городъ этотъ сталъ больше и могущественнѣе всѣхъ другихъ городовъ острова. Когда затѣмъ изъ Африки прибыли кареагенскіе флоты и войска для завоеванія всей Сициліи, то онъ одолѣлъ ихъ при Гимерѣ побѣдоносной силой въ то самое

РАЗВАЛИНЫ СЕЛИНУНТА (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

время, какъ эллины при Саламинѣ наказали надменность персовъ. При своемъ возвращеніи онъ былъ привѣтствуемъ благодарнымъ народомъ, какъ спаситель и благодѣтель государства. Онъ выказалъ себя достойнымъ этого довѣрія до самой своей смерти (476). Наслѣдовавшій ему братъ его Гіеронъ, хотя и окружилъ свой тронъ пышностью и блескомъ, но заботился также и о благополучіи гражданъ. Напротивъ, преемникъ его Ѳрасибулъ (466) предался разнузданной роскоши, стараясь въ то же время насильственными мѣрами подавлять всякое свободное

движеніе. Поэтому, послѣ его едва годичнаго правленія, снова введена была свободная конституція.

Среди этихъ обстоятельствъ Сиракузы, какъ передовая держава Сициліи, пріобрѣтали все болѣе значенія. Когда, во время Пелопоннесской войны, послѣдовало нападеніе со стороны Аѳинъ, городъ не только мужественно выдержалъ стѣсненія осады, но, послѣ пораженія превосходныхъ силъ непріятелей, онъ, окруженный побѣдой и почетомъ, болѣе гордо, чѣмъ когда-либо, поднялъ свою голову надъ сосѣдними государствами. Впрочемъ это было поворотной точкой его счастья. Ибо, недолго спустя послѣ пораженія аѳинянъ, могущественное торговое государство, Карѳагенъ, сдѣлало новую попытку расширить свое господство на островѣ. Потеря, которую Карѳагенъ понесъ на рѣкѣ Имерѣ вслѣдствіе побѣды Гелона, давнымъ-давно была возмѣщена; богатыя колоніи и города повиновались ему на сѣверномъ побережьи Африки; самый городъ Карѳагенъ наслаждался продолжительнымъ спокойствіемъ, корабли его привозили изъ многихъ областей, смываемыхъ Средиземнымъ моремъ, произведенія всякаго рода, которыя, будучи обработаны и снова вывезены, доставляли неизмѣримыя богатства; окружающая область отлично была воздѣлана и красовалась какъ прекрасный садъ вокругъ пышныхъ дачъ и помѣстій богатыхъ купцовъ, искавшихъ тамъ отдохновенія послѣ занятій.

МОНЕТА АГРИГЕНТА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ОРЛОВЪ И КВАДРИГИ.

При этой грандіозной промышленности и обширныхъ торговыхъ предпріятіяхъ въ дальнихъ странахъ, граждане все-таки могли отвыкнуть отъ военнаго дѣла. Они должны были отражать разбойническіе набѣги туземныхъ варварскихъ племенъ, и много распрей пришлось имъ вести также съ эллинами лежавшей на востокѣ Кирены. Не меньше должны были они быть вооружены на морѣ, чтобы охранять свои купеческіе флоты и поселенія противъ

тріеръ италійскихъ грековъ и противъ тирренскихъ пиратовъ. Однако, они предпочитали принимать на свою службу для дальнихъ предпріятій наемныя шайки всякаго люда, чтобы самимъ спокойно предаваться своимъ доходнымъ занятіямъ. Такія войска наемниковъ, къ которымъ часто присоединялось лишь небольшое ядро ратныхъ гражданъ, подъ предводительствомъ кареагенскихъ военачальниковъ давали битвы отъ имени республики. Если они несли пораженія, то потерями были только деньги и кровь наемниковъ; если были побѣдоносны, то выгода доставалась государству.

МОНЕТА АГРИГЕНТА 480 Г. ДО Р. ХР., СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ КРАББА.

Около времени, о которомъ мы говоримъ, кареагенское войско болѣе чѣмъ въ 100,000 человѣкъ высадилось у мыса Лилибея на западномъ побережьи Сициліи. Ганнибалъ, внукъ павшаго при Гимерѣ Гамилькара, во главѣ его тотчасъ же двинулся впередъ на южный берегъ Селинунта (409). Городъ этотъ, о прежнемъ величіи котораго теперь еще свидѣтельствуютъ исполинскія храмовыя развалины, не долго могъ устоять передъ превосходившими его силами. Плодоносные холмы и равнины окрестностей орошены были кровью бѣглецовъ, павшихъ подъ мечами преслѣдовавшихъ ихъ всадниковъ. Затѣмъ часть кареагенскихъ силъ пошла на Гимеру, которая также пала послѣ короткаго сопротивленія. Все войско соединилось затѣмъ подъ многолюднымъ и могущественнымъ Акрагантомъ или Агригентомъ. На четырехъ холмахъ и въ промежуточныхъ долинахъ разстилался городъ, заключавшій болѣе 200,000 свободныхъ жителей. Двѣ рѣки омывали его на востокѣ и на западѣ; съ сѣвера его защищалъ крутой обрывъ, съ юга длинная стѣна въ тянущейся къ морю равнинѣ. Въ окрестностяхъ высоты и долины покрыты были кокосовыми растеніями, фиговыми и миндальными деревьями, оливковыми рощами и душистыми полянами, между тѣмъ какъ надъ стѣнами города высились дорійскіе храмы съ ихъ прекраснѣйшими гармоническими линіями, сіяя навстрѣчу подступавшимъ кареагенянамъ. Началась осада, тараны потрясали стѣны, которыхъ изъ-за ихъ обширности вполнѣ нельзя было оцѣпить, отряды всадниковъ рыскали по странѣ и задерживали всякій подвозъ провіанта (406 г.).

Послѣ того, какъ населеніе истощило всѣ средства обороны, послѣ того, какъ внутри голодъ сталъ уже свирѣпствовать такъ же пагубно, какъ внѣ города неутомимый непріятель, часть населенія потянулась на востокъ къ Гелѣ, прочіе пали подъ мечами безпощадныхъ карѳагенскихъ воиновъ.

Діонисій Старшій. Паденіе Агригента привело въ ужасъ всѣ греческіе города острова, преимущественно Сиракузы. Вооружившись со всей поспѣшностью, набрали наемниковъ и вождемъ ихъ назначили Діонисія, виднаго и опытнаго на войнѣ гражданина. Но онъ воспользовался своимъ положеніемъ для того, чтобы захватить тираннію надъ своими согражданами. Онъ занялъ своими ратниками важнѣйшіе пункты города, окружилъ себя тѣлохранителями, выстроилъ цитадель и заключилъ, наконецъ, договоръ съ карѳагенянами, въ которомъ призналъ ихъ завоеванія. Діонисій былъ умѣренъ и дѣятеленъ, но изъ страха передъ тайными кинжалами, которые эллинъ всегда держалъ на-готовѣ противъ притѣснителей свободы, отъ одного насилія на начатомъ пути переходилъ къ другому и сталъ тиранномъ въ самомъ дурномъ значеніи слова. Онъ чувствовалъ муку своего состоянія и велѣлъ, однажды, льстеца Дамокла, называвшаго его счастливымъ изъ-за его верховной власти, облечь всѣми знаками царскаго достоинства, но надъ головой его повѣсить мечъ на лошадиномъ волосѣ, при видѣ чего тотъ охотно отказался отъ трона и отъ всѣхъ почестей. Но Діонисій упорно оставался въ своемъ мучительномъ состояніи, потому что властолюбіе въ его душѣ превышало страхъ. Укрѣпивъ свою власть надъ Сиракузами и другими городами, онъ началъ войну противъ Карѳагена. Бились съ перемѣннымъ счастьемъ. Трижды, вслѣдствіе обоюднаго истощенія, былъ заключаемъ миръ. Когда тираннъ въ четвертый разъ взялся за оружіе, дѣятельность его была прервана смертью.

Діонисій Младшій, его сынъ, наслѣдовалъ ему въ правленіи (367 г.). Это былъ человѣкъ не безъ добрыхъ задатковъ, но привычкой власти и ничтожными льстецами увлеченный къ роскошной жизни и жестокому преслѣдованію лучшихъ людей. Честный Діонъ, дядя его, старался вернуть его къ добродѣтели и два раза, какъ мы уже говорили, побудилъ мудраго Платона прибыть ко двору царя; но всѣ старанія были тщетны. Самъ Діонъ былъ изгнанъ, и тираннія безпощадно свирѣпствовала въ Сиракузахъ. Тогда къ изгнанному

явились благородные сиракузцы и умоляли его сдѣлать попытку къ освобожденію своего родного города. Діонъ послѣ этого съ навербованнымъ войскомъ изъ Эллады переправился въ Сицилію, подкрѣпленъ былъ многими бѣглецами и, въ то время какъ Діонисій занятъ былъ внѣшними предпріятіями, ворвался въ городъ. Послѣ нѣкотораго колебанія счастія и расположенія со стороны выродившагося народа, онъ овладѣлъ также и замкомъ и ввелъ теперь упорядоченное и справедливое государственное устройство. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ былъ убитъ ложнымъ другомъ, аѳиняниномъ Каллиппомъ (354 г.), который, попользовавшись годъ тиранніей, долженъ былъ опять уступить мѣсто другому тирану, и такая смѣна продолжалась при разнузданномъ террорѣ и опустѣніи города до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не овладѣлъ имъ снова Діонисій.

Это событіе завершило несчастіе государства (346). Прежде всего месть вернувшагося тиранна поразила знатные роды, съ помощью которыхъ нѣкогда удалось его изгнаніе. Много знатнѣйшихъ гражданъ погибло подъ топоромъ палача или умерло мучительной смертью; другіе спаслись поспѣшнымъ бѣгствомъ. Затѣмъ началось вымоганіе денегъ подъ всякимъ предлогомъ; кто не могъ платить, отправлялся съ женой и дѣтьми въ неволю. Ибо тираннъ, для содержанія своихъ наемниковъ и для удовлетворенія своихъ желаній, нуждался въ большихъ суммахъ. Онъ велѣлъ также сильно укрѣпить главную часть города, такъ-называемый островъ Ортигію, между двумя гаванями, и тамъ для собственной своей безопасности и для порабощенія гражданъ построить могучій замокъ; сюда приказывалъ онъ волочь несчастныхъ, которые падали жертвами его подозрѣнія или его все возраставшей кровожадности. Конечно, древніе писатели въ своихъ страшныхъ описаніяхъ тиранновъ позволяли себѣ много преувеличеній, такъ какъ они были исполнены прирожденной ненависти ко всякой насильственно присвоенной власти; они переносили преслѣдованія, касавшіяся часто только непокорныхъ вельможъ, на всю совокупность гражданъ, между тѣмъ какъ мирный гражданинъ, подъ покровительствомъ сильнаго, единаго правительства, спокойно предавался своимъ занятіямъ; однако въ описаніи звѣрствъ, совершенныхъ Діонисіемъ, всѣ были согласны, и печальное состояніе Сиракузъ, вырожденіе и одичаніе народа подтверждали ихъ изображенія.

Одновременно съ Діонисіемъ, и въ другихъ греческихъ горо-

дахъ острова объявили себя тираннами вожди наемниковъ, которые болѣе или менѣе подражали примѣру властителя Сиракузъ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ изъ этихъ властителей былъ Гикета Леонтинскій, содержавшій значительныя военныя силы. Къ нему обратилась бѣжавшая массами партія сиракузской знати, избрала его военачальникомъ и подъ его предводительствомъ двинулась къ городу. Но такъ какъ, по недостатку въ военныхъ снарядахъ и машинахъ, дѣло шло безуспѣшно, то осада въ концѣ-концовъ была снята. Діонисій преслѣдовалъ удалявшагося врага и безпокоилъ его поспѣшное отступленіе; но Гикета внезапно повернулъ обратно, разбилъ преслѣдовавшее его войско наемниковъ и одновременно съ бѣжавшими ворвался въ городъ, гдѣ тираннъ удержался только на островѣ Ортигіи.

Между тѣмъ кареагеняне старались извлечь выгоду изъ всеобщаго замѣшательства. Они вооружились на морѣ и на сушѣ и привели въ движеніе громадныя боевыя силы, чтобы выполнить, наконецъ, свои планы. Магонъ, ихъ главнокомандующій, правда, не выказывалъ большихъ военныхъ талантовъ, но онъ соединялъ хитрость съ насиліемъ. Онъ навелъ страхъ на туземныя племена внутри острова, такъ что они стали дѣйствовать сообща съ нимъ, а переговорами съ правителями городовъ добился того, что нѣкоторые присоединились къ нему, и только несчастнымъ сиракузцамъ онъ открыто объявилъ войну. При такихъ обстоятельствахъ явилось опасеніе, что владычество варваровъ истребитъ все эллинство. Кто имѣлъ еще расположеніе къ богамъ, языку и обычаямъ родины, тотъ раздѣлялъ этотъ страхъ; преимущественно же были напуганы многочисленные изгнанники Сиракузъ, которые такъ часто рисковали добромъ и жизнью за дорогой родной городъ и теперь видѣли, что ему угрожаютъ и терзаютъ одновременно кровожадный тираннъ, сомнительный союзникъ и войско варваровъ. Послѣ долгаго совѣщанія они рѣшили отправить посольство къ метрополіи Коринѳу, чтобы та пришла на помощь къ нѣкогда столь славной дочери. Гикета, для котораго это рѣшеніе не могло остаться скрытымъ, одобрилъ его, мало того, онъ поручилъ послу и отъ его имени предложить коринѳянамъ союзъ. Однако, непостоянный тираннъ скоро перемѣнилъ свое мнѣніе. Связь съ могущественной Кареагенской державой казалась ему полезнѣе для его намѣреній, чѣмъ связь со слабымъ

и отдаленнымъ Коринѳомъ. Онъ могъ надѣяться съ помощью гражданъ снова вытѣснить варваровъ, но не республиканскія вспомогательныя войска метрополіи, разъ тѣмъ удалось стать твердой ногой въ Сиракузахъ и склонить жителей къ дѣлу свободы. Въ этомъ случаѣ не только разстраивались его виды на славнѣйшій городъ острова, но и угрожала опасность его господству въ Леонтинахъ. Онъ поэтому тѣснѣе присоединялся къ карѳагенянамъ, старался склонить на свою сторону или силой подчинить себѣ мелкія окрестныя поселенія и преградить ожидаемымъ коринѳскимъ силамъ доступъ на сушѣ, между тѣмъ какъ карѳагенскія эскадры стерегли море и господствовали на немъ. Во главѣ значительной толпы наемниковъ Гикета напалъ, наконецъ, на городокъ Адранъ къ западу отъ Этны и овладѣлъ имъ, чѣмъ и обезпечилъ свою позицію.

Высадка въ Сициліи. О прибытіи депутатовъ изъ Сиракузъ въ Коринѳъ и о счастливомъ успѣхѣ ихъ миссіи мы уже упоминали и теперь возвращаемся къ Тимолеонту, чтобъ сопровождать его при его отважныхъ предпріятіяхъ. Коринѳскій флотъ сперва присталъ къ Метапонтію на Тарентскомъ заливѣ, чтобы собрать извѣстія о положеніи дѣлъ. Здѣсь явилось карѳагенское посольство и стало отговаривать отъ войны. Не обращая на это вниманія, поспѣшно поплыли къ Регію (Реджо), гдѣ граждане приготовили радушный пріемъ. Тамъ къ коринѳскому вождю явилось новое посольство и заявило ему, что Гикета соединился съ карѳагенцами, чтобы сообща прогнать тирана Діонисія изъ Сиракузъ, и что третьей державѣ не позволятъ никакого дальнѣйшаго вмѣшательства. Чтобы придать силу своимъ заявленіямъ, послы указали на двадцать карѳагенскихъ тріеръ, покачивавшихся на морѣ у входа въ гавань и заграждавшихъ Мессанскій проливъ. Въ соглашеніи съ регійцами посольство задерживалось хитрыми переговорами, пока коринѳяне не сѣли на суда.

МОНЕТА РЕГІЯ 400—387 ДО Р. Х. СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ЛЬВА И АПОЛЛОНА.

Теперь поплыли къ Тавроменію, гдѣ основатель и прави-

тель этого незадолго передъ тѣмъ построеннаго города обѣщалъ ласковый пріемъ и поддержку. Андромахъ, такъ назывался этотъ царь, сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ пользовался отеческой властью въ колоніи и надѣялся на защиту полководца противъ варваровъ. Поэтому онъ поддержалъ его деньгами и войскомъ и далъ карѳагенскому посланцу оскорбительный отвѣтъ. Тимолеонтъ поэтому былъ не первый разъ въ безопасности, ибо городъ, оказавшій ему гостепріимство, благодаря положенію своему на хребтѣ горы, былъ очень крѣпокъ, хотя еще не имѣлъ такого значенія и размѣровъ, какъ въ позднѣйшее время. Еще не былъ построенъ частью высѣченный въ скалѣ театръ, котораго еще нынѣ существующія развалины на высокомъ, далеко вдающемся въ море, мысу позволяютъ видѣть, какъ было велико протяженіе этой постройки. Коринѳскій полководецъ здѣсь по причинѣ слабости своихъ военныхъ силъ принужденъ былъ къ недобровольному отдыху. Однако онъ мало-по-малу собралъ многочисленныхъ наемниковъ и предметы военной надобности, чтобы быть въ состояніи оказать сопротивленіе непріятелю въ открытомъ полѣ. Охотно онъ, надо думать, послѣ дневной работы, пребывалъ на томъ вышеупомянутомъ мысу и черезъ городъ глядѣлъ на выдающіяся вершины скалъ и дымящуюся Этну и желалъ приближенія той минуты, когда онъ смогъ бы прогнать варваровъ съ прекраснаго острова. Это время должно было, наконецъ, наступить.

Низверженіе тиранна. Дѣло въ томъ, что въ удаленномъ приблизительно на 60 km. (около 56 верстъ) городѣ Адранѣ поднялась партія за коринѳскую экспедицію; Тимолеонтъ поэтому выступилъ изъ Тавроменія съ 1200 бойцами, чтобы доставить ей верхъ. Во время похода онъ узналъ, что и Гикета приближается къ Адрану со значительными силами, и поспѣшилъ предупредить его. Когда сталъ видѣнъ непріятельскій лагерь, то начальники хотѣли дать усталому войску нѣкоторый отдыхъ; но самъ онъ, престарѣлый полководецъ, стоялъ за немедленное наступленіе и съ щитомъ и копьемъ пошелъ впереди своихъ воиновъ, какъ бы на вѣрную побѣду. Онъ не обманулся; леонтинскіе воины, занятые обѣдомъ, послѣ короткаго сопротивленія обратились въ бѣгство, усердно были преслѣдуемы, разсѣяны, и коринѳскій отрядъ, погнавшійся, въ жаждѣ побѣды и добычи, за бѣгущимъ непріятелемъ, подошелъ къ самымъ Сиракузамъ. Онъ

нашелъ городъ плохо охраняемымъ и утвердился въ предмѣстьяхъ Тихе и Неаполѣ, гдѣ онъ укрѣпилъ свою позицію окопами. Взаимное недовѣріе между кареагенянинамъ Магономъ и Гикетой препятствовало серьезнымъ нападеніямъ на отважную рать. Между тѣмъ отъ осады, въ которой еще до этого находился тираннъ Діонисій въ своемъ замкѣ на Ортигіи, онъ чувствовалъ себя въ сильно стѣсненномъ положеніи. Нигдѣ не видѣлъ онъ возможности спасти свое господство, и отъ Гикеты, какъ и отъ кареагенянъ, онъ могъ ожидать лишь самаго жестокаго обращенія; поэтому онъ со всѣми своими богатствами и накопленными въ замкѣ военными снарядами сдался коринеянамъ, которые тотчасъ же, оставивъ предмѣстья, заняли Ортигію и крѣпкій Акрополь. Удалось низверженнаго тиранна на тріерѣ провести сквозь непріятельскій флотъ и отправить вмѣстѣ съ побѣдной вѣстью въ Коринеъ. Тамъ на него смотрѣли съ любопытствомъ. Въ немъ видѣли примѣръ божьей кары и не удерживались отъ насмѣшекъ надъ человѣкомъ, который раньше наказывалъ всякое смѣлое слово смертью. Онъ же выставлялъ на показъ дерзкую беззастѣнчивость, шатался то среди знати, то среди мелкаго люда, на рынкѣ и въ дурныхъ домахъ и старался умертвить всѣ мучительныя чувства распутствомъ и кутежами. Расточивъ оставшееся у него состояніе, онъ, какъ говорили, попалъ въ заслуженную нужду и нѣкоторое время зарабатывалъ себѣ скудный хлѣбъ въ качествѣ учителя.

Сообщаютъ много его остроумныхъ выраженій. Между прочимъ онъ сказалъ, что когда отецъ его достигъ власти, ненавистна была демократія, когда же онъ—единодержавіе, и что тотъ оставилъ ему въ наслѣдство свою власть, но не свое счастье. Когда нѣкій острякъ, вошедшій къ нему, насмѣшливо встряхнулъ свое платье въ знакъ, что не носитъ съ собой запрещеннаго оружія, онъ замѣтилъ, чтобъ тотъ лучше встряхивалъ себя при уходѣ, чтобы видно было, что онъ не уноситъ ничего съ собой. Македонскій царь Филиппъ, собравшій въ Коринеѣ вокругъ себя пословъ всей Греціи, спросилъ его, какъ отецъ его находилъ время для составленія стихотвореній и трагедій. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ, что отецъ его употреблялъ на это время, которое Филиппъ, самъ онъ и всѣ, кто имъ подобенъ, проводятъ за виномъ.

Успѣхи Тимолеонта. Своими успѣхами Тимолеонтъ пробудилъ

къ себѣ довѣріе. 2000 наемниковъ Діонисія въ замкѣ перешли на его сторону, да и различные сицилійскіе города заключили теперь съ нимъ союзъ; особенно важнымъ былъ переходъ на его сторону богатаго Мамерка, властителя Катаны. Здѣсь, въ хорошо укрѣпленномъ и значительномъ городѣ, гдѣ на темной волканической почвѣ распускается пышная растительность, разбилъ свой лагерь коринѳскій полководецъ. Здѣсь ожидалъ онъ обѣщаннаго изъ родины подкрѣпленія въ десять кораблей съ 2000 наемниковъ, плывшихъ уже по морю, но изъ страха передъ поджидавшими ихъ карѳагенянами ставшихъ на якорѣ около Ѳурій. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, когда волновалось море, взбудораженное бурею, чтобы на рыбачьихъ лодкахъ послать съѣстные припасы своему стѣсненному гарнизону въ Сиракузахъ. Но когда, чтобы воспрепятствовать этому, непріятели двинулись къ Катанѣ съ военною силой, то помощникъ его Неонъ, командовавшій въ Ортигіи, напалъ на оплошныхъ и ослабленныхъ осаждающихъ и завоевалъ смежную, укрѣпленную природой и сильнымъ валомъ, городскую часть Ахрадину. Напрасно поспѣшно вернувшееся войско пыталось вернуть съ приступа утраченное: Неонъ удержался на обширномъ участкѣ.

Вскорѣ затѣмъ Тимолеонтъ силой или убѣжденіемъ пріобрѣлъ важный городъ Мессану на проливѣ. Начальникъ карѳагенскаго флота Магонъ, дотолѣ крейсировавшій въ восточныхъ водахъ, должно быть получилъ извѣстіе объ этомъ пріобрѣтеніи, ибо около этого времени онъ покинулъ свою стоянку и поплылъ въ Сиракузы. Онъ надѣялся лишить коринѳскій гарнизонъ бодрости, приказавъ своему экипажу украсить себя вѣнками и выставить на корабляхъ красные воинскіе полукафтаны и коринѳскіе военные снаряды, точно онъ переловилъ ожидавшуюся помощь. Но, благодаря этому, коринѳской вспомогательной эскадрѣ удалось при спокойномъ морѣ благополучно войти въ Мессанскую гавань.

Занятіе Сиракузъ. Теперь Тимолеонтъ считалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы со всѣмъ войскомъ двинуться подъ Сиракузы, и разбилъ подъ городомъ укрѣпленный лагерь. Такъ какъ война затягивалась, то часто въ праздные часы случалось, что наемники обоихъ войскъ занимались рыбной ловлей на многочисленныхъ прудахъ и ручьяхъ вокругъ города. Тутъ они, пожалуй, и бесѣдовали другъ съ другомъ, и наемники Тимолеонта

кололи эллинамъ, бывшимъ въ кареагенскомъ войскѣ, глаза ихъ позоромъ, что они служатъ варварамъ для истребленія эллинской свободы и нравовъ. Рѣчи эти передавались дальше и доходили наконецъ со многими прибавленіями и многими угрозами до ушей кареагенскаго главнокомандующаго. Тогда тотъ вообразилъ себя окруженнымъ измѣной и изъ-за этого, опасаясь открытаго отпаденія, внезапно покинулъ гавань и лагерь и отступилъ на кареагенскую территорію, гдѣ онъ только самоубійствомъ избѣгъ осужденія за трусость.

Теперь приходилось имѣть дѣло съ однимъ Гикетой. Послѣдній, правда, былъ человѣкомъ не робкимъ и успѣлъ хорошо укрѣпить три городскія части: Тихе, Неаполь и Эпиполы, которыя онъ еще держалъ занятыми; однако, казалось, его уже покинуло счастье, а въ войскѣ его упалъ гордый духъ, между тѣмъ какъ коринеские воины съ радостной увѣренностью стремились къ нападенію. А Тимолеонтъ не былъ такимъ человѣкомъ, который черезъ промедленіе далъ бы уйти благопріятному случаю. Онъ тотчасъ по удаленіи кареагенянъ распорядился всеобщимъ штурмомъ, который вполнѣ удался (343). Онъ былъ теперь господиномъ города; кличъ: „Сиракузы свободны!“ распространился по всему острову, и всюду съ изумленіемъ и удивленіемъ возвѣщалась слава освободителя. Но насколько состояніе города было иное, чѣмъ въ дни, когда пали подъ стѣнами его аеинскія силы! Многіе дома пустовали; на улицахъ и особенно на рынкѣ и другихъ свободныхъ площадяхъ разрастались кусты и пышная трава; тамъ пасся скотъ, а въ другихъ городахъ можно было видѣть даже бродившую тамъ дичь, годную для охоты. Многое нужно было возстановить, что было разрушено, многое привести въ порядокъ, что пришло въ безпорядокъ вслѣдствіе звѣрствъ тиранніи и пагубныхъ войнъ. Прежде всего недоставало гражданъ; ибо народъ, въ скудномъ количествѣ ютившійся еще въ пустынномъ городѣ, не заслуживалъ названія гражданъ;

МОНЕТА СИРАКУЗЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ АРЕѲУЗЫ И ПАЛЛАДЫ.

онъ впалъ въ нищету и раболѣпіе, былъ безъ мужества и безъ энергіи. Только эвпатриды, нѣкогда выпросившіе себѣ освободителя у метрополіи и съ нимъ вступившіе опять на родину, помнили еще о прежней славѣ и о прежней свободѣ. Правда, число ихъ было мало; но цѣлыя тысячи жили разсѣянными во всѣхъ странахъ эллиновъ до самой Азіи. Всѣ они и всѣ другіе, кто былъ склоненъ къ переселенію, были приглашены вступить въ городъ, вновь пріобрѣтенный эллинству. Приглашеніе это далеко распространялось частью посредствомъ посланій Тимолеонта, частью коринѳскими торговыми судами, частью также путемъ возвѣщенія на эллинскихъ національныхъ празднествахъ. Вслѣдствіе этого прибывали сначала отдѣльные поселенцы, а мало-по-малу и цѣлыя толпы. Они безвозмездно получали никому не принадлежавшія земли и платили только за обладаніе переданными имъ жилищами умѣренныя суммы денегъ въ государственную казну, общая цифра которой постепенно поднялась до 1000 талантовъ.

Монета Сиракузъ 480 до Р. Хр. съ изображеніемъ Ники и колесницы.

Государственное устройство. Въ продолженіе этого времени Тимолеонтъ, при содѣйствіи свѣдущихъ въ законахъ мужей изъ Коринѳа, упорядочилъ государственное управленіе и исправилъ старые законы согласно требованіямъ новаго времени. Согласно обычаю, въ дорійскихъ государствахъ совѣтъ старѣйшихъ, называвшійся *герусіей*, и *агора*, т. е. собраніе гражданъ, сообща должны были управлять государственными дѣлами. Впрочемъ, при этомъ, кажется, постановили, чтобы первому присутствію подлежало только предварительное подготовленіе дѣлъ, а чтобы собственно обсужденіе велось передъ гражданами, отъ голосованія которыхъ, наконецъ, зависѣло рѣшеніе. Такое законоположеніе доказывало бы, что передъ устроителемъ государства мысленно носилась умѣренная демократія. Но такъ какъ онъ, съ другой стороны, зналъ подвижность народа, то онъ старался придать госу-

дарственному управленію надежную опору и извѣстное постоянство, установивъ ежегодно смѣняющагося главу государства, президента республики. Къ этому онъ предназначалъ жреца олимпійскаго Зевса, который ежегодно избирался изъ трехъ знатнѣйшихъ родовъ и въ то же время обладалъ большимъ почетомъ, какъ цензоръ или судья нравовъ. Отсюда видно, съ какой осмотрительностью и умѣренностью поступалъ Тимолеонтъ, какъ онъ, хотя по рожденію и убѣжденію принадлежалъ къ строгой аристократіи, считался съ временемъ и обстоятельствами. Дѣло въ томъ, что при аристократическомъ устройствѣ были бы устранены отъ участія въ правленіи многіе поселенцы, частью люди со значеніемъ и большимъ умомъ, которые теперь могли проявить свое вліяніе на благо государства.

Впрочемъ, внутреннее возстановленіе государства не въ такой мѣрѣ поглощало дѣятельность великаго человѣка, чтобы онъ изъ-за него упустилъ бы изъ виду другую цѣль своихъ стремленій, устраненіе тиранніи на всемъ островѣ. Онъ предпринималъ походъ на Леонтины, гдѣ неограниченно повелѣвалъ еще Гикета, и противъ другихъ тиранновъ. Подъ Леонтинами онъ ничего не добился, и Гикета, гордый достигнутыми успѣхами, двинулся съ войскомъ для приступа на Сиракузы. Но онъ былъ отбитъ со столь тяжкимъ урономъ, что долженъ былъ согласиться на невыгодный миръ. Теперь стала падать одна твердыня тиранновъ за другою. И въ самихъ Сиракузахъ замокъ Ортигія со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ былъ срытъ при громкомъ ликованіи народа. Справедливо удивляешься, что такой человѣкъ, какъ Тимолеонтъ, проведшій юность свою безъ дѣлъ, болѣе зрѣлый возрастъ — въ тупой задумчивости, сразу въ позднемъ возрастѣ какъ государственный мужъ и какъ полководецъ развилъ такую энергію и такое искусство, которыя ставятъ его на-ряду съ величайшими мужами древности. Въ человѣческой душѣ часто дремлютъ непредвидѣнныя силы, которыя внѣшними вліяніями вдругъ пробуждаются отъ сна, разрываютъ стѣсняющія ихъ оковы, вмѣшиваются въ запутанныя отношенія и принудительной силой устраиваютъ изъ нихъ одно гармоническое цѣлое, которое носится передъ ними цѣлью ихъ стремленій. Этой цѣлью для Тимолеонта было освобожденіе эллинскаго населенія на Сициліи отъ тиранновъ и варваровъ. Но послѣдніе теперь собрались повергнуть въ прахъ смѣлаго авантюриста.

Побѣда при Кримисѣ. Богатые негоціанты въ Кареагенѣ, составлявшіе верховный совѣтъ, до сихъ поръ заботясь только о денежныхъ дѣлахъ своихъ, мало обращали вниманія на сицилійскія дѣла. Теперь, когда успѣхи Тимолеонта возбуждали опасенія за безопасность кареагенскихъ владѣній, когда одинъ изъ отрядовъ его войска безпрепятственно бродилъ по ихъ территоріи, захватывалъ добычу и дѣлалъ завоеванія, они рѣшили однимъ ударомъ положить предѣлъ этому безчинію. Тотчасъ начали они обширныя морскія вооруженія и навербовали многочисленныя войска. Всѣ собранныя силы отплыли въ началѣ лѣта 342 г. и безпрепятственно высадились на островъ. Войско опредѣляется въ 70,000 человѣкъ пѣхоты, 10,000 всадниковъ, 200 военныхъ судовъ и болѣе 1,000 грузовыхъ кораблей. Ядро его составляли 2,500 кареагенскихъ гражданъ, хорошо вооруженныхъ шлемомъ, щитомъ и панцыремъ; затѣмъ шли ливійскіе воины въ видныхъ доспѣхахъ и въ хорошемъ порядкѣ; прочее же войско было навербовано изъ всякихъ народностей и мало обучено къ общимъ движеніямъ и сомкнутому строю. Всѣми силами командовали Гамилькаръ и Газдрубалъ, два дотолѣ мало извѣстныхъ военачальника. Они тотчасъ же по высадкѣ двинулись въ походъ и безъ труда прогнали сиракузскій отрядъ, до этого времени имѣвшій верхъ на кареагенской территоріи.

При такихъ обстоятельствахъ Тимолеонтъ ни минуты не сомнѣвался, что ему слѣдуетъ дѣлать. Онъ не хотѣлъ дожидаться непріятеля за стѣсняющими стѣнами, но хотѣлъ въ открытомъ полѣ дать битву за побѣду и честь. Онъ уповалъ на свое счастье и на правое дѣло, за которое обнажалъ мечъ. Войско его состояло всего только изъ 12,000 человѣкъ, изъ нихъ 1,000 всадниковъ; но то были, въ значительной части, люди посѣдѣвшіе на военной службѣ, въ фокидской войнѣ и въ другихъ мѣстахъ во многихъ битвахъ смотрѣвшіе уже въ глаза смерти. Полагаясь на воинскую доблесть этого отряда, онъ поспѣшно двинулся къ Агригенту. Но—чего онъ менѣе всего ожидалъ—онъ былъ задержанъ мятежомъ среди войска.

Ѳ р а с і й, человѣкъ необузданный, принимавшій участіе уже въ разграбленіи Дельфійскаго храма, подстрекалъ наемниковъ къ возмущенію, представляя имъ предпріятіе противъ кареагенянъ отчаяннымъ. Несмотря на всѣ просьбы Тимолеонта, около 1,000

наемниковъ послѣдовали за измѣнникомъ, который повелъ ихъ обратно въ Сиракузы, чтобы тамъ потребовать еще не уплоченнаго имъ жалованья. Полководецъ далъ мятежникамъ уйти и съ остальнымъ войскомъ, надежность котораго теперь уже была испытана, двинулся внутрь страны, гдѣ стягивались непріятельскія силы. Надъ всѣмъ островомъ высятся нѣсколько горныхъ цѣпей и изъ нѣдръ своихъ высылаютъ по всѣмъ направленіямъ ручьи и рѣки, которыя во время засухи мелки и незначительны, а при сильныхъ ливняхъ могуче надуваются и быстрымъ теченіемъ спѣшатъ къ морю. Такая рѣка – Гипсъ, который около Селинунта вливается въ море. Притокъ его, Кримисъ, истекающій изъ высокихъ горъ, соединяется съ нимъ за 22 km. (20$^{3}/_{5}$ версты) до его устья. На среднемъ теченіи его, гдѣ его замыкаютъ частью равнины, частью значительные холмы, стояли лагерями карѳагенскія полчища, когда эллинское войско прибыло на противолежащую возвышенность.

Была темная ночь; густыя облака закрывали звѣзды; изъ противоположнаго лагеря раздавался глухой шумъ. Наступило утро; но тяжелый туманъ лежалъ надъ низменностями, прорѣзаемыми рѣкой, и окружалъ непріятельское войско, такъ что ничего о немъ узнать нельзя было. Наконецъ, прорвались лучи солнца, между тѣмъ какъ на вершинахъ горъ висѣли еще мрачныя облака, что указывало на предстоящій дождь. Вотъ засверкали сквозь туманъ воды Кримиса, вскорѣ также непріятельскіе шлемы и щиты. Видно было, что все карѳагенское войско двигалось, чтобы переправиться черезъ рѣку. Впереди были страшныя на видъ боевыя колесницы съ вооруженными; потомъ 10,000 тяжеловооруженныхъ ливійцевъ, затѣмъ и прочіе отряды необозримыми массами.

Когда первыя колонны переправились черезъ рѣку, Тимолеонтъ велѣлъ своей конницѣ идти въ аттаку. Но скоро онъ увидѣлъ, что страшныя боевыя колесницы, мчавшіяся во всѣ стороны, останавливали ея движенія. Тогда онъ выстроилъ своихъ гоплитовъ для наступленія, которое должно было рѣшить судьбу этого дня, побѣду или пораженіе эллинской свободы. Союзниковъ и часть наемниковъ онъ распредѣлилъ по флангамъ, вѣрные же сиракузцы и способнѣйшія къ бою наемныя войска подъ личнымъ его предводительствомъ составляли центръ. Когда Тимолеонтъ

затѣмъ поднялъ свой блестящій щитъ и громовымъ голосомъ далъ знакъ къ нападенію, то онъ всѣмъ своимъ воинамъ показался однимъ изъ безсмертныхъ, ведущимъ на вѣрную побѣду. „Впередъ! безъ колебанія!“ гремѣлъ кличъ по рядамъ, и подъ звонъ военныхъ инструментовъ все войско въ твердомъ порядкѣ двинулось въ рѣчную долину на врага. Бурнаго натиска не остановили боевыя колесницы; ихъ обошли или же опрокинули, смявъ коней и воиновъ. Стрѣлы и копья уже сыпались на шлемы и щиты. Тяжелопанцырные ливійцы, правда, потерпѣли отъ этого мало вреда; они и встрѣтили, не робѣя, напоръ эллинскихъ копій. Бой направлялся туда и сюда, въ то время какъ черезъ рѣку въ дикой давкѣ валили на поле все новыя кучи кареагенскаго войска.

Между тѣмъ висѣвшія вокругъ горныхъ вершинъ облака собрались густыми массами и затянули всѣ высоты кругомъ. Мракъ спустился на равнину, гдѣ народы въ кровавомъ бою боролись за побѣду. Поднялась буря съ грозой и погнала свинцово-сѣрыя тучи съ тыла грековъ противъ непріятеля. Молнія ослѣпляла варваровъ, градъ ударялъ имъ въ лицо, громъ гремѣлъ безъ перерыва, такъ что не было слышно ни приказа, ни пароля. Страшный ливень надувалъ ключи и ручьи, которые, выступая изъ своихъ береговъ, наводнили поля на большомъ пространствѣ. Бурному натиску стихій и безпрестанно наступающихъ противниковъ ливійцы дольше не могли сопротивляться. Передній рядъ ихъ, 400 ратныхъ гражданъ изъ Кареагена, палъ, воинъ за воиномъ, подъ копьями эллиновъ; слѣдующіе ряды были прорваны, смяты; ужасъ и смущеніе овладѣли всѣми кареагенскими отрядами. Кто не палъ отъ копій и мечей гоплитовъ или не увязъ, смятый, въ болотѣ, старался спастись бѣгствомъ. Правда, съ другой стороны на поле брани наступали новыя непріятельскія полчища, чтобъ привлечь къ своимъ знаменамъ счастье дня, но они перепутывались съ бѣглецами и мѣшали бѣгству, какъ послѣдніе—наступленію. Въ эту страшную сумятицу ринулись эллинскіе всадники и легковооруженные. Тысячи гибли подъ ихъ мечами и подъ копытами коней, тысячи поглотилъ надувшійся горный потокъ; прочіе сдались въ плѣнъ или же пытались спасти юную жизнь поспѣшнымъ бѣгствомъ.

Всѣ силы варваровъ были уничтожены; весь лагерь съ богатыми своими сокровищами и всей войсковой утварью попалъ въ

руки побѣдителей. Нашли столько золота и серебра, что не обращали вниманія на бронзу, и цѣлыхъ три дня провели за грабежомъ и продажей добычи; затѣмъ воздвигли обычный побѣдный памятникъ—трофей.

Еще красивѣе на видъ, чѣмъ этотъ памятникъ, была палатка полководца, вокругъ которой художественно были сложены золотые и серебряные сосуды, треножники и другая утварь, въ особенности же тысяча полныхъ доспѣховъ и десять тысячъ щитовъ, между тѣмъ какъ самъ онъ пребывалъ въ ней въ своей нетребовательной скромности и съ обычной дѣятельностью дѣлалъ дальнѣйшія распоряженія. Потомъ онъ велѣлъ раздать добычу, выдѣлить самые драгоцѣнные предметы для отправки ихъ, съ побѣдной вѣстью, въ свой родной городъ, и отдалъ приказъ, чтобы отрядъ наемниковъ преслѣдовалъ далѣе побѣду и безпрерывно бродилъ по равнинамъ карѳагенской территоріи, между тѣмъ какъ павшіе духомъ враги едва дерзали держаться въ укрѣпленныхъ городахъ. Затѣмъ онъ съ остальнымъ, богато нагруженнымъ, войскомъ началъ отступленіе къ Сиракузамъ. Велико было ликованіе, праздничная была встрѣча, когда Тимолеонтъ подъ побѣднымъ вѣнкомъ вступалъ въ городъ во главѣ своихъ также увѣнчанныхъ дружинъ. Готовы были украсить его главу царской короной, но онъ презрѣлъ вѣнецъ, чтобы устроить счастье свободнаго народа.

Послѣднія дѣянія Тимолеонта. Однако еще не наступило время дать отдыхъ оружію. Стягивались новыя опасности, требовавшія энергіи престарѣлаго полководца для ихъ преодолѣнія. Не только отъ варваровъ, но и отъ туземныхъ тиранновъ хотѣлъ освободить сицилійскихъ эллиновъ сѣдой герой. Это знали тиранны и потому они заключили между собою союзъ и послали за новой помощью въ Карѳагенъ. Тамъ правительствующихъ господъ пораженіе при Кримисѣ встряхнуло отъ ихъ безпечности, ибо казалось даже возможнымъ, что побѣдитель переправится въ Ливію, чтобы побороть гордую республику въ собственной странѣ. Поэтому они тотчасъ начали вооруженія и назначили полководцемъ Гискона, свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ человѣка. Послѣдній на 70 корабляхъ переправился въ Сицилію и тотчасъ привелъ вспомогательныя войска къ союзнымъ тираннамъ.

Во главѣ союза стояли преимущественно Гикета, долголѣтній противникъ сиракузянъ, Мамеркъ изъ Катаны, прежній

союзникъ, и Гиппонъ, овладѣвшій властью въ Мессанѣ. Сначала было жестоко отбито нападеніе на Мессану наемниковъ Тимолеонта, затѣмъ сиракузскія войска потерпѣли на кареагенской территоріи пораженіе, отъ котораго спаслись только немногіе, и въ то же время Гикета съ многочисленнымъ войскомъ подступилъ подъ самыя стѣны Сиракузъ, въ окрестностяхъ которыхъ онъ свирѣпствовалъ огнемъ и мечомъ. Но теперь коринѳскій герой поднялся съ обычной силой и быстрой рѣшимостью. Онъ напалъ на леонтинцевъ, разбилъ ихъ совершенно, преслѣдовалъ ихъ и, по взятіи ихъ города, овладѣлъ самимъ тиранномъ, который въ Сиракузахъ наказанъ былъ смертью. Та же участь постигла Мамерка и Гиппона, послѣ того какъ кареагеняне въ виду пораженій своихъ союзниковъ заключили крайне невыгодный миръ. Они дали всѣмъ эллинскимъ городамъ, еще находившимся подъ ихъ властью, свободу и удержали за собой только свои владѣнія на западной оконечности острова до рѣки Галика.

Во время осады Мессаны Тимолеонтъ захворалъ глазной болѣзнью, мало-по-малу перешедшей въ слѣпоту. Однако онъ изъ-за этого не прекращалъ своей дѣятельности. Населеніе Леонтинъ, до тѣхъ поръ державшееся тиранна, онъ переселилъ въ Сиракузы; напротивъ, онъ вновь основалъ запустѣвшіе большей частью въ тяжелое время войны города Агригентъ, Гелу и нѣкоторые другіе и призвалъ туда остатки стараго населенія и новыхъ поселенцевъ. Еще болѣе посвящалъ онъ послѣднюю дѣятельность свою возлюбленнымъ Сиракузамъ. Благодаря его многообъемлющимъ распоряженіямъ, тамъ такъ расцвѣли земледѣліе, ремесла и торговля, какъ это едва ли бывало въ самыя блестящія времена государства, и такимъ образомъ Тимолеонтъ съ добрымъ сознаніемъ и твердымъ упованіемъ на будущее могъ, наконецъ, сложить бразды управленія, чтобы, какъ мужъ, свершившій тяжелый и полезный трудъ, отдохнуть на позднемъ закатѣ своей жизни (337).

Время отдыха опредѣлено было ему самой природой, ибо зрѣніе его совершенно прекратилось, его окружилъ мракъ слѣпоты внѣшняго, тѣлеснаго чувства; для духовнаго глаза его сіялъ свѣтлый солнечный день свободы и счастья, который онъ принесъ своей дѣятельностью благодарному народу. Этотъ народъ радовалъ его своей любовью и поклоненіемъ, и вся Эллада

превозносила его имя, какъ имя величайшаго государственнаго мужа и полководца своего времени. Такая награда не казалась ему слишкомъ дорого пріобрѣтенной потерею зрѣнія, и съ нимъ согласны были въ этомъ благородные люди націи, славившіе его, какъ мужа, осчастливленнаго милостью боговъ. Ибо съ энергіей юноши сѣдой герой стремился къ поставленной себѣ цѣли, и въ быстрой смѣнѣ одерживалъ успѣхи за успѣхами. Въ восемь лѣтъ онъ совершилъ дѣло, на которое другіе употребляютъ трудъ и работу цѣлой жизни, не будучи, однако, при кончинѣ, въ состояніи сказать, что они достигли желанной цѣли. Поэтому Плутархъ, остроумный писатель его жизни, противопоставляя его дѣянія тяжелымъ битвамъ Агесилая и Эпаминонда, сравниваетъ его дѣятельность съ творчествомъ художника, соединяющаго съ силой грацію и легкость исполненія, и называетъ его успѣхи дѣломъ не счастья, но осчастливленной заслуги.

Кончина Тимолеонта. Около того же времени, когда Тимолеонтъ въ Сиракузахъ слагалъ съ себя управленіе государствомъ, на родинѣ его погибали независимость и могущество Эллады. Свободные дотолѣ эллины склонялись подъ власть побѣдоноснаго Филиппа Македонскаго. Поэтому коринѳскій герой не тосковалъ по отчизнѣ, но, слѣдуя просьбамъ гражданъ, въ новой родинѣ провелъ закатъ своей жизни. Для постояннаго жительства ему отвели домъ въ Сиракузахъ и маленькую дачу вблизи города. Туда вызвалъ онъ изъ Коринѳа свою жену и дѣтей и наслаждался ихъ обществомъ. Но его ежедневно посѣщали также знатные и мелкіе граждане, чтобы видѣть его и слышать его рѣчь и мудрость. Часто они приводили съ собой гостей, прибывшихъ издали, и показывали имъ мужа, котораго они восхваляли, какъ величайшаго своего благодѣтеля. Далѣе, если обсуждалось важное дѣло, его призывали въ театръ на народное собраніе. Онъ въѣзжалъ на царской улицѣ между логеемъ и орхестрой, и постоянно его встрѣчалъ громкій кликъ ликованія. Докладывали предметъ, о которомъ шло дѣло, и въ простой, но стройной рѣчи Тимолеонтъ съ колесницы развивалъ свои взгляды, которые принимались единодушно, безъ голосованія, какъ изреченія оракула. Затѣмъ онъ, сопровождаемый многими друзьями и привѣтствіями толпы, уѣзжалъ другимъ выходомъ, предоставляя собраніе дальнѣйшимъ совѣщаніямъ.

Какъ время его дѣяній, такъ и время счастливаго отдыха для Тимолеонта было непродолжительно. Онъ умеръ безъ страданій (336 г.), насладившись немного болѣе года удаленіемъ отъ дѣлъ.

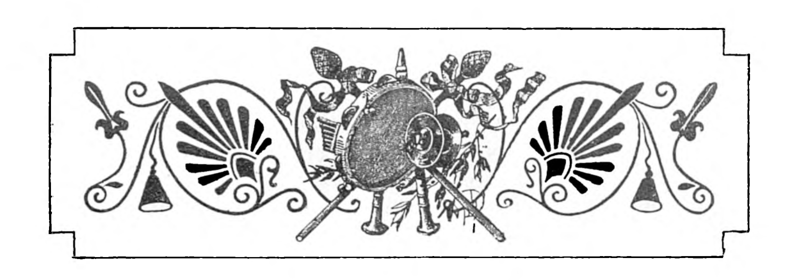
Похороны совершены были гражданами съ царской пышностью на счетъ государства. Нѣсколько дней тѣло оставалось выставленнымъ, чтобы можно было сдѣлать приготовленія и дать время собраться жившимъ вдали друзьямъ и поклонникамъ великаго мужа. Затѣмъ приступили къ погребенію. Избранные юноши несли разукрашенныя погребальныя носилки черезъ то мѣсто, гдѣ стояла раньше разрушенная цитадель тиранна. Тысячи мужчинъ и женщинъ слѣдовали въ вѣнкахъ, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, частью оплакивая, частью прославляя покойнаго. По прибытіи къ воздвигнутому костру, на него положили трупъ, и скоро пламя пожрало смертные останки героя. Собранный пепелъ погребли въ сооруженной на площади гробницѣ и вокругъ этого мѣста построили гимнасій съ великолѣпными колоннадами, чтобы молодежь, упражнявшаяся здѣсь въ состязаніяхъ, помнила дѣянія прославленнаго мужа и, соревнуя ему, выростала на славу отечества. Что надежда эта не сбылась, что среди внутренней борьбы и новой тиранніи блескъ государства вскорѣ поблекъ опять, то была не вина Тимолеонта. Нужна была сильная рука героя, чтобы поднять государство изъ позора; когда она болѣе не управляла, внутреннее разложеніе опять выступило наружу и, быстро развиваясь, разрушило искусственно сооруженное строеніе.

Но подъемъ сицилійскихъ грековъ, длившійся хотя бы только короткое время, любовь народа, радовавшая благодѣтеля его въ старости, почтительная память, которую сохраняли къ нему, свидѣтельствуютъ, что жизнь его не была напрасною. И кто можетъ обозрѣть, сколько пользы приносилъ разсказъ о его дѣяніяхъ во всѣ вѣка, какъ онъ побуждалъ благородныя натуры предпринимать доброе и похвальное, хотя бы времена и казались неблагопріятными, а люди недостойными труда и самопожертвованія! Человѣкъ слабый пусть растягивается на ложѣ лѣнивой вялости, а полный силы и энергіи долженъ вмѣшиваться въ жизнь и стараться придать ей форму и содержаніе. Такъ поступалъ мужъ, дѣятельность котораго представляетъ блистательный примѣръ для потомства: такъ

поступалъ Тимолеонтъ, и борьба его была борьба хорошая и успѣшная.

Къ сожалѣнію, онъ не могъ устранить главнаго зла, которымъ болѣло государство, наемничества. Обстоятельства были таковы, что гражданинъ не хотѣлъ болѣе усваивать себѣ необходимой боевой способности путемъ постоянныхъ военныхъ упражненій. Высоко развитыя ремесла, сношенія и торговля захватывали всю дѣятельность, и по совершеніи работы пріятнѣе было попивать душистое вино, чѣмъ драться съ неуклюжими ратниками. Послѣднихъ охотнѣе брали на жалованье и представляли имъ оборону государствъ. Среди же ордъ наемниковъ царило извѣстное республиканское равенство. Кто отличался воинской способностью,—былъ ли онъ сынъ эвпатрида или чеботаря, —могъ сдѣлаться вождемъ такой шайки и съ ея помощью, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, главой государства. Такъ въ Сиракузахъ скоро поднялись новые тиранны. Среди нихъ А г а ѳ о к л ъ своей жестокостью пріобрѣлъ печальную извѣстность.

То, что во время высшаго расцвѣта Греціи имѣли въ виду всѣ граждане, благополучіе государства, его величіе, его славу, для чего они жили и готовы были отдать добро и кровь свою, все это во время упадка прекратилось. Всеобщимъ лозунгомъ были теперь: деньги! и опять деньги! и затѣмъ: наслажденіе, расточеніе и нажива вновь! Для этого занимались мастерствами и ремеслами, для этого искали государственныхъ должностей и преимущественно военной службы. Тиранны въ Великой Греціи, какъ и аѳинскіе стратеги, лакедемонскіе и ѳивскіе гармосты отправляли свои должности въ городахъ союзниковъ за тѣмъ, чтобы обогатиться и утопать во всѣхъ наслажденіяхъ. При этомъ въ обращеніи царила странная смѣсь тонкаго образованія и грубости: случалось, что государственные чиновники и знатные мужи угощали другъ друга въ театрѣ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ оплеухами и побоями, между тѣмъ какъ въ сохраненныхъ намъ Платономъ діалогахъ насъ встрѣчаютъ изящная тонкость и грація общественныхъ сношеній.

ЖИЗНЬ, КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО.

Въ древнихъ республикахъ мужчина принадлежалъ государству, женщина—дому: поэтому настоящей семейной жизни не было. Одинаково не имѣло это мѣста и въ Спартѣ, хотя тамъ и женщины, насколько возможно, воспитаніемъ и занятіемъ были болѣе обращены къ общественной жизни.

По крайней мѣрѣ въ Спартѣ роскошь и невоздержность должны были еще скрываться отъ свѣта дня; въ Ѳивахъ и Аѳинахъ онѣ показывались публично. Во всей Беотіи существовали свои братства для радостей стола и сладострастія, въ которыхъ можно было покупать себѣ мѣсто. Тамъ дни празднествъ и пированій назначались на цѣлый годъ впередъ. Въ Аѳинахъ кутежи такъ-же распространялись, какъ раковая язва; однако, тамъ болѣе соблюдали внѣшнія приличія. Кромѣ того, здѣсь къ грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ примѣшивали духовные элементы, чѣмъ ставились преграды излишеству и возбуждающему омерзеніе пресыщенію.

Далеко распространены были ученики Платона, академики, и, гдѣ они имѣли вліяніе, тамъ, пожалуй, хотя и давали общія пиршества, но такія, на которыхъ умныя бесѣды о высшихъ и благороднѣйшихъ интересахъ человѣка были главнымъ дѣломъ.

Жизненное пропитаніе въ Греціи было дешево. Тѣсто изъ ячной муки, высушенное въ круглой формѣ и смоченное водой или виномъ, у всѣхъ эллиновъ считалось будничной пищей простолю-

дина, какъ теперь макароны въ Италіи. Затѣмъ почти всюду была рыба во множествѣ, въ Аѳинахъ сельди и сардинки, по нѣскольку оболовъ за сотню, почти столь же дешевый соленый тунецъ изъ Чернаго моря. „Я куплю себѣ“, говоритъ одинъ комикъ, „крупную рыбу стоимостью въ драхму, за два обола; ея мы въ три дня не съѣдимъ“. Бѣдняки, всегда голодный, праздношатающійся людъ, наполняли желудокъ свой поджаренными бобами и другими стручковыми плодами или сушеными фигами и съѣдобными желудями. Лукъ и чеснокъ были обычной приправой и съѣдались въ большомъ количествѣ. Напротивъ, у богатыхъ гастрономовъ тонъ былъ гораздо выше. Салатъ, всякія травы съ перцемъ, тминомъ. горчицей и другими пряностями составляли начало обѣда; затѣмъ шли раковидныя животныя и соленая рыба, любимая ячменная каша, дрозды, куры и дичь, при чемъ въ прикуску ѣли пшеничный хлѣбъ. Подавались и другія жаркія, изъ которыхъ особенно предпочиталась жареная козлятина. Далѣе, не должны были отсутствовать различныя рыбныя блюда, главнымъ образомъ беотійскій угорь. Въ качествѣ десерта давались пирожныя и печенья различнѣйшихъ сортовъ съ медомъ. Затѣмъ брались за кубки и, надѣвъ вѣнки, попивали душистое вино, при чемъ не было недостатка въ тостахъ, пѣсняхъ и остроумной бесѣдѣ. Такіе обѣды, естественно, можно было встрѣтить только въ домахъ знати, блиставшихъ мраморными колоннами, паркетными полами и стѣнной живописью.

Очень ненадежнымъ было, при описанныхъ отношеніяхъ наживы и мотовства, имущественное состояніе отдѣльныхъ гражданъ, такъ что крупное состояніе рѣдко унаслѣдовалось внукомъ. Этому, однако, содѣйствовала не одна только возраставшая роскошь жизни, но и тягости, лежавшія на богачахъ. Къ обязанностямъ ихъ принадлежали, напримѣръ, въ Аѳинахъ хорегія и тріэрархія, т.-е. обстановка и обученіе хоровъ на зрѣлищахъ и празднествахъ и содержаніе одного поставленнаго государствомъ военнаго корабля. Всякій состоятельный человѣкъ стремился къ отличію быть избраннымъ въ хораги и затѣмъ возможно пышно устроить процессіи. Также и тріэрархъ хотѣлъ наилучше разукрасить свое судно, ибо и это представляло ему удобный случай удовлетворить свое тщеславіе. За то военная служба, особенно заграничная наемническая служба во Ѳракіи, Персіи и въ Египтѣ уже въ это время считалась часто средствомъ поправить упавшее состоя-

ніе. Когда между прочимъ Тимоѳей, положившій въ свой карманъ крупную сумму изъ казенной для тріэрархозъ платы, былъ за это обвиненъ, то онъ поспѣшно выплатилъ ее, но тѣмъ значительно истощилъ свою казну. Тогда на защиту его предъ народомъ явились эпирскій князь Алкета и могущественный Язонъ Ферскій. Однако, чтобы быть въ состояніи угостить этихъ высокихъ лицъ въ нѣкоторой степени соотвѣтственно ихъ званію, ему пришлось заложить свое имущество у ростовщиковъ, такъ что даже на домѣ, въ которомъ онъ помѣстилъ своихъ царственныхъ гостей, прибитъ былъ знакъ заклада. Но это его не тревожило, онъ составилъ даже планъ великолѣпной новой постройки, такъ какъ онъ съ толпой наемниковъ нанятъ былъ для похода въ Египетъ, гдѣ онъ думалъ поправить разстроенное состояніе свое.

Онъ не ошибся; онъ вернулся болѣе богатымъ, чѣмъ былъ прежде, вслѣдствіе чего Ификратъ, сынъ сапожника, основавшій себѣ во Ѳракіи царское владѣніе, попросилъ руки его дочери для сына своего Менесѳея. А все-таки Тимоѳей отрекся отъ долга своего банкиру, ссудившему его въ нуждѣ требуемой суммой, и ораторъ Демосѳенъ, ведшій дѣло истца, публично увѣрялъ, что не можетъ требовать присяги отъ подсудимаго, такъ какъ тотъ уже часто давалъ ложныя клятвы.

Денежныя отношенія. Большую перемѣну въ денежныхъ отношеніяхъ произвело расточеніе дельфійскихъ храмовыхъ сокровищъ въ Священную войну. Деньги чрезъ это значительно потеряли въ цѣнѣ, и даже предметы искусства стали цѣниться уже не такъ высоко, какъ прежде. Золотые вѣнки, кольца и шейныя украшенія дарились разграбившими храмъ гетэрамъ, игральщицамъ на лирѣ и распутнымъ мальчикамъ, которые публично украшались ими. Естественно, отъ этого погибли послѣдніе остатки религіознаго страха. Когда Ификратъ послѣ удачной экспедиціи спрашивалъ экипажъ, что ему дѣлать съ захваченными въ добычу храмовыми сокровищами, воины отвѣтили: „Пусть боги сами заботятся о себѣ, онъ же долженъ подумать, какъ ему заплатить своему войску".

Ремесло, вообще работа за плату была въ презрѣніи во всей Греціи. Даже въ Аѳинахъ, гдѣ законодательство пыталось поднять его и придать ему почетъ, оно считалось недостойнымъ свободнаго гражданина, задачей котораго было развивать силу и красоту тѣла и души. Конечно, бѣднякъ былъ вынужденъ браться

за шило или молотъ; только въ Спартѣ и болѣе бѣдное населеніе почти исключительно посвящало себя земледѣлію.

Когда однажды Агесилай въ смѣшанномъ войскѣ своемъ перекликалъ однихъ за другими гончаровъ, красильщиковъ, портныхъ и др., то поднялись всѣ союзники, только спартанцы оставались по большей части на мѣстахъ своихъ. Въ Аѳинахъ ремеслами занимались съ большимъ усердіемъ; тамошніе оружейные мастера, еще болѣе гончары, далеко были извѣстны. Зажиточные

ГРЕЧЕСКАЯ КУЗНИЦА (ПО ИЗОБРАЖЕНІЮ НА ВАЗѢ).

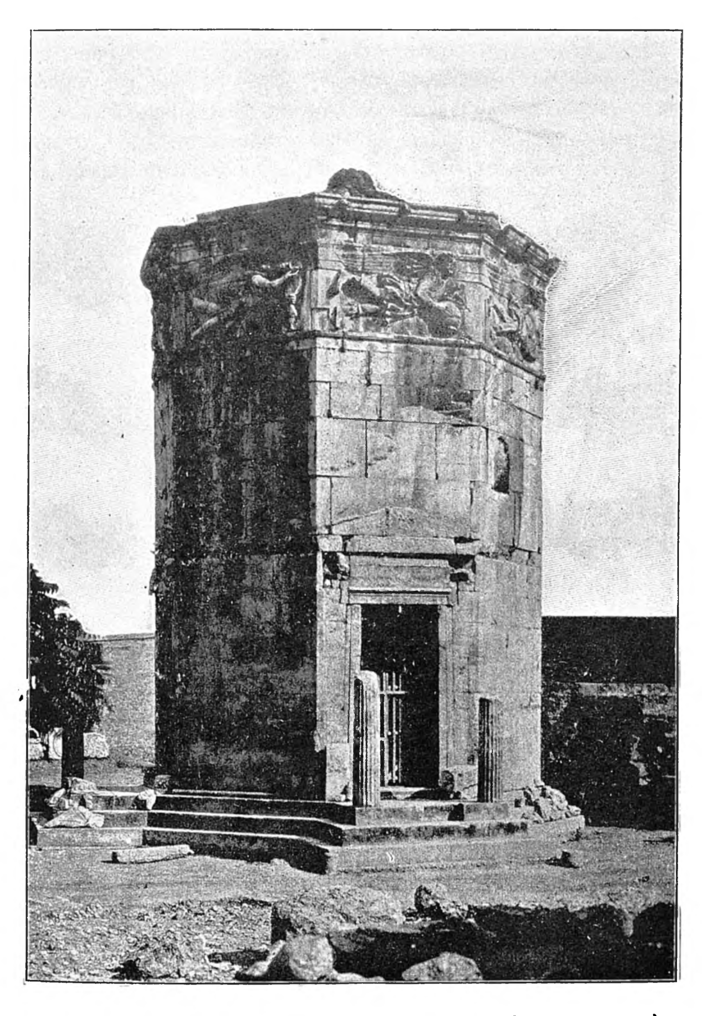
Голый рабочій только-что клещами взялъ раскаленный кусокъ желѣза съ низкаго коническаго плавильнаго очага, отъ котораго налѣво видна маленькая часть, и протянутой правой рукой держитъ его на наковальнѣ, осторожно стоя на колѣняхъ въ небольшомъ отдаленіи, между тѣмъ какъ другой обѣими руками заноситъ за голову могучій молотъ, чтобы ударять имъ металлъ. Нѣсколько мужчинъ, въ гиматіѣ и съ палками—одинъ можетъ быть смотритель или мастеръ, другой посѣтитель мастерской—сидятъ рядомъ. На стѣнѣ различные инструменты и утварь.

граждане давали своимъ рабамъ по-фабричному заниматься какимъ-нибудь ремесломъ и тѣмъ наживали большія богатства.

Болѣе почтенною, чѣмъ всякая другая работа за плату, все еще считалась военная служба. Но какъ шайки наемниковъ свою кровь, можно было бы сказать тѣло и душу, продавали тому, кто давалъ больше, чтобы наслаждаться за полнымъ столомъ и въ объятіяхъ гетэръ, такъ и вообще всѣ помыслы и стремленія гражданъ обращены были къ наслажденію данной минутой. Отечество не имѣло болѣе значенія, жизнь—достойной цѣли, душа утратила

вѣру. Работали на день, украшались для празднествъ, блестяще устраивали одежду и жилище, забавлялись пустымъ времяпрепровожденіемъ и предоставляли будущее мойрамъ, распоряжающимся во мракѣ неизвѣстности. Новые элементы должны были оживить и облагородить существованіе, другіе достойные идеалы должны были сдѣлаться цѣлью стремленій, чтобы вдохнуть въ греческій міръ свѣжую жизненную силу и повести его въ другую сторону для полнаго развитія.

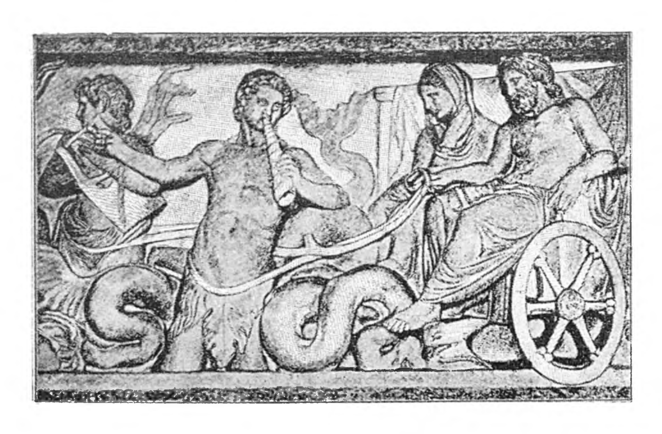
Искусство. Что творили и изображали эллины, то въ формѣ и сущности носило печать ихъ духа. Даже презираемое ремесло старалось придавать своимъ произведеніямъ возможно совершенную форму. Щиты оружейныхъ мастеровъ въ Аѳинахъ, амфоры и другіе сосуды гончаровъ, лампы изъ жженой глины и изъ бронзы, кровати, на которыя употреблялось не только драгоцѣнное дерево, но и металлъ и слоновая кость, еще болѣе музыкальные инструменты всюду очень расходились изъ-за ихъ пригодности и милой и красивой формы, и нынѣ еще остатками своими краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи тогдашней художественной техники. Богатые фабриканты надзирали надъ многочисленными рабами своими и ихъ произведеніями и заботились о томъ, чтобы не было недостатка въ дѣльныхъ рабочихъ. Однако, какъ упомянуто, и мелкіе граждане занимались ремесломъ. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, ободряя робкаго оратора, говорилъ: „Но ты не станешь-же бояться портныхъ и сапожниковъ, плотниковъ, кузнецовъ и лавочниковъ на рынкѣ! А изъ такихъ людей народное собраніе и состоитъ“. Особенно каменщики и строевые мастеровые должны были быть искусными людьми. Теперь стали часто примѣнять великолѣпный коринѳскій архитектурный стиль, исполненіе котораго требовало искусныхъ рукъ. Но сооружались еще и постройки въ дорійскомъ и іонійскомъ стилѣ, или же всѣ три стиля со вкусомъ соединяли другъ съ другомъ. Мы раньше приводили единственно сохранившіяся произведенія чисто коринѳскаго стиля: хорагическій памятникъ Лисикрата, теперь называемый „Фонаремъ Діогена“, и Башню вѣтровъ, собственно водяные часы Андроника Кирреста. Замѣтимъ только еще, что капители колоннъ на послѣднемъ сооруженіи, построенномъ лишь при преемникахъ Александра Великаго, очень просты. Изъ вѣнка въ восемь листковъ аканѳа

ТАКЪ-НАЗЫВАЕМАЯ БАШНЯ ВѢТРОВЪ ВЪ АѲИНАХЪ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

Это небольшое мраморное строеніе, бывшее снабженнымъ приспособленіями, чтобы указывать данное направленіе вѣтра и часъ, построено было въ I вѣкѣ до Р. Х. сирійцемъ Андроникомъ изъ Карра и было посвящено Аѳинѣ Архегетидѣ.

вздымается другой, изъ шестнадцати стройныхъ, въ видѣ ланцетовъ, листковъ, поддерживающихъ четырехугольный абакъ. Богаче расчленены колонны хорагическаго памятника. Желобы ствола изящно заканчиваются листочками. Поверхъ нихъ возвышается вѣнокъ изъ шестнадцати листковъ аканѳа, изъ него же другой изъ восьми листковъ—главное украшеніе капители. Еще выше

СВАДЕБНЫЙ ПОѢЗДЪ ПОСИДОНА И АМФИТРИТЫ.

Главная группа изъ мраморнаго фриза, найденнаго у Палаццо S-ta Croce въ Римѣ, нынѣ находящагося въ Глиптотекѣ въ Мюнхенѣ и навѣрное представляющаго произведеніе Скопы.

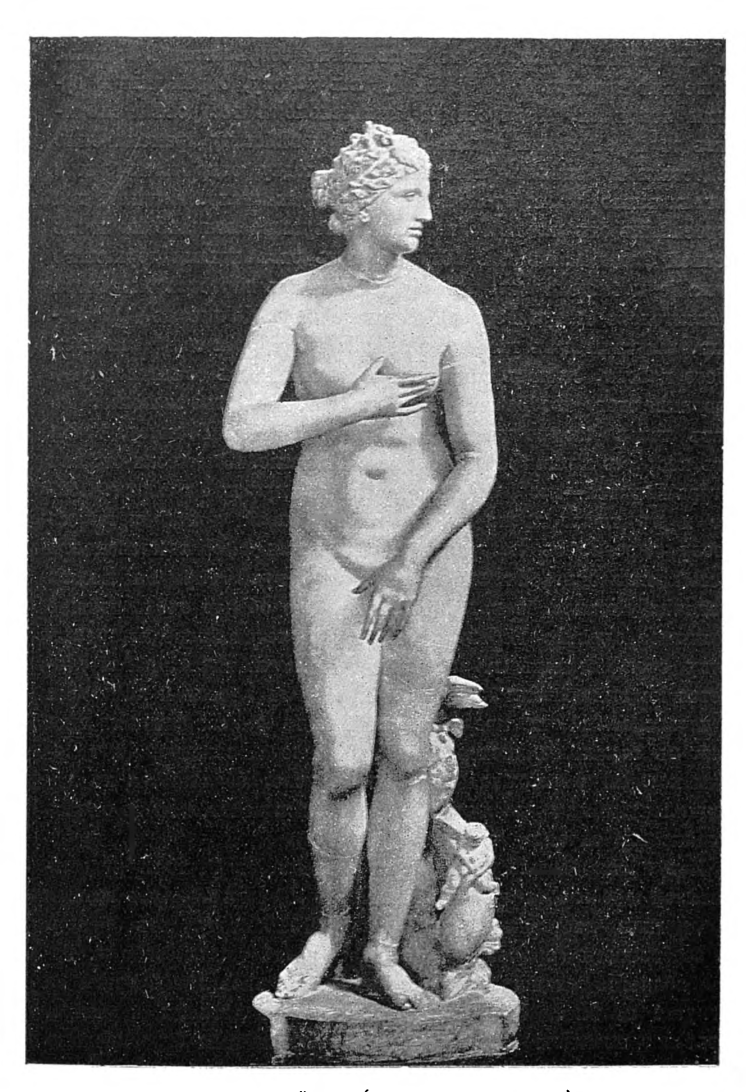
вздымаются изъ симметрически расположенныхъ корзинокъ два разсѣченныхъ стебелька, концы которыхъ, изгибаясь въ спиральные завитки, кажутся поддерживающими абакъ.

Мы видимъ, что среди военныхъ бурь, среди упадка нравовъ и религіи сохранялось у грековъ чувство красоты. Оно было какъ-бы несокрушимою составною частью греческаго національнаго характера. Государственный мужъ и философъ, мотъ и расточитель, привыкшій къ пылу битвы вождь наемниковъ, какъ и мирный гражданинъ, всѣ наслаждались видомъ красивыхъ формъ и презирали то, что было гадко. Это чувство предохранило искусство отъ упадка, отъ варварства, наступающаго при одинаковыхъ обстоятельствахъ у другихъ народовъ. Его изображенія, правда, не могли удержать выраженія божественнаго величія, спокойствія

и идеальности, такъ какъ благоговѣнія къ священному уже не существовало, но искусство пошло теперь по измѣненному направленію: отнынѣ оно старалось разрѣшать свою задачу высшей прелестью чувственнаго образа и выраженіемъ мужественной силы или страстнаго возбужденія.

Скопа Паросскій, котораго называли также строителемъ знаменитаго храма Аѳины Алеи въ Тегеѣ, въ Аркадіи, первый выдвинулся въ этомъ направленіи. Работая для цѣлаго ряда городовъ въ Греціи и Малой Азіи, онъ, кромѣ другихъ мраморныхъ изображеній боговъ, изваялъ статую Афродиты въ совершенно не закрытомъ великолѣпіи ея тѣлесной красоты, бѣшеную вакханку, мчащуюся въ дикой страсти, съ откинутой головой и распущенными волосами, далѣе—богатую фигурами группу, обнимающую Посидона, Ѳетиду и Ахиллеса, Нереидъ, сидящихъ на дельфинахъ, морскихъ животныхъ и гиппокампахъ, далѣе тритоновъ и свиту Фока со множествомъ другого морского звѣрья,—произведеніе которое одно уже могло бы обосновать славу художника; наконецъ, играющаго на цитрѣ Аполлона въ длинномъ одѣяніи. Это произведеніе искусства впослѣдствіи пріобрѣлъ императоръ Августъ для палатинскаго храма Аполлона въ Римѣ.

Скопу еще превзошелъ славою аѳинскій художникъ П р а к с и т е л ь. Много отлилъ онъ статуй и группъ въ бронзѣ или изваялъ таковыя въ мраморѣ. Его Афродита Книдская считалась совершеннѣйшимъ мастерскимъ произведеніемъ, такъ что издалека ѣздили смотрѣть ее въ Книдъ. Богиня была изображена безъ одѣянія, въ высшемъ обиліи женскихъ прелестей. Медичейская Венера Клеомена Аѳинскаго является ея подражаніемъ. Также и группу Ніобидъ, находящуюся во Флоренціи въ копіяхъ римскаго времени, считаютъ произведеніемъ его или Скопы. Она заполняла поле фронтона одного храма. Въ срединѣ стояла, выдаваясь надъ прочими, мать, по обѣимъ сторонамъ симметрически расположенными группами—семь ея сыновей и семь дочерей, гибнущихъ отъ стрѣлъ Аполлона и Артемиды. Далѣе Пракситель изваялъ Аполлона Савроктона (убивающаго ящерицу) въ видѣ отрока, слегка упирающагося лѣвой рукой на стволъ дерева, по которому взбѣгаетъ ящерица. Богъ обращеннымъ въ сторону взоромъ слѣдитъ за движеніями красивенькаго животнаго. Также и Эротъ нашего мастера, изготовленный для Ѳеспій, былъ пре-

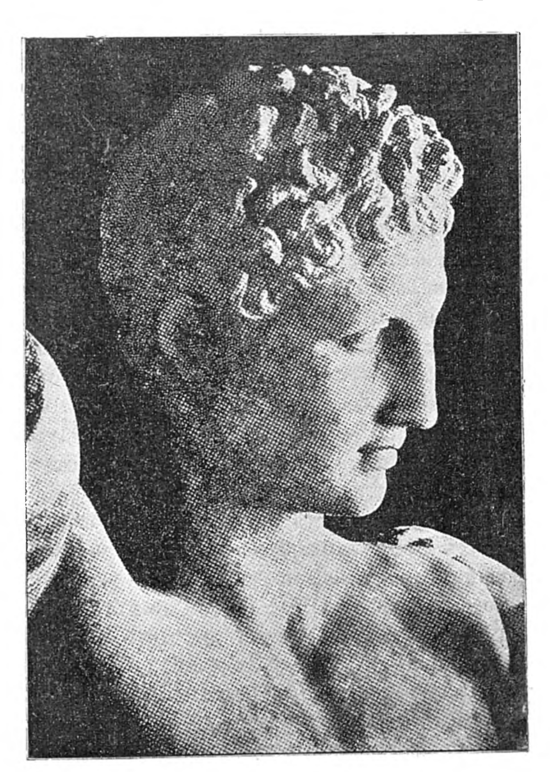
ВЕНЕРА МЕДИЧЕЙСКАЯ (ВЪ ГАЛЛЕРЕѢ УФФИЦИ).

прославленнымъ въ древности произведеніемъ искусства. Статуя эта изображала бога любви мальчикомъ созрѣвающей, нѣжной юношеской красоты, тихо опускающимъ голову, обрамленную густыми локонами, и въ сладко-мечтательномъ настроеніи слѣдящимъ за игрой своихъ мыслей. Лишь новѣйшему времени было предоставлено сдѣлать неоцѣнимую находку открытіемъ вновь оригинальнаго произведенія великаго Праксителя. Именно, при устроенныхъ отъ имени Германской имперіи раскопкахъ на почвѣ древней Олимпіи, въ маѣ 1877 г., подъ развалинами дорійскаго храма Геры найдена была вновь изваянная изъ паросскаго мрамора Праксителева статуя Гермеса съ младенцемъ Діонисомъ. Она лежала, закутанная въ твердый плащъ изъ мусора и сверженная съ своего цоколя, сейчасъ же направо отъ входа въ святилище. Въ основаніи этого изображенія лежитъ, можетъ быть, сказаніе, что Зевсъ только-что рожденнаго Діониса передалъ Гермесу, чтобы тотъ несъ его къ нимфамъ Нисы на воспитаніе. Юношески-свѣжая фигура Гермеса—изображеніе совершенной мужской красоты. Полное и въ то же время стройное тѣло юноши прислоняется къ стволу дерева, съ котораго снятая хламида бога ниспадаетъ массой складокъ. На подпертой лѣвой рукѣ Гермесъ несетъ младенца Діониса, вокругъ ногъ котораго обвито очень изящно сложенное одѣяніе. Ребенокъ живо наклоняется впередъ, правую ручку свою кладетъ на плечо своего носильщика, ногой упирается на выдающійся короткій сукъ ствола дерева и хватается за неузнаваемый уже предметъ, такъ какъ правая верхняя рука бога, къ сожалѣнію, потеряна. Умная голова, взъерошенные локоны которой обработаны не очень искусно, обращается къ лѣвому плечу, и лицо, являющее кроткую ласковость, носитъ печать истинно классической красоты.

Изъ процвѣтавшей около этого времени въ Сикіонѣ художественной школы вышелъ великій мастеръ Лисиппъ. Онъ вмѣстѣ съ другими мастерами отлилъ болѣе 1500 статуй изъ бронзы, въ особенности Геракла, отдыхающаго послѣ тяжкой работы. Герой является сидящимъ на корзинѣ, упершись лѣвой рукой на согнутое колѣно. Могучая грудь, мощныя десницы и бедра, серьезное выраженіе лица отмѣчаютъ исполнителя безконечныхъ трудностей. Лисиппъ многократно изображалъ и Александра Великаго. Въ свойственное царю обращеніе головы на лѣвой бокъ

онъ съумѣлъ вложить выраженіе нѣкоторой отваги, какъ это подобаетъ характеру героя.

Послѣднія изъ названныхъ скульптурныхъ произведеній и многія другія сохранились и довольно извѣстны благодаря гипсовымъ

ГОЛОВА ГЕРМЕСА, ПРАКСИТЕЛЯ.

отливкамъ и тщательнымъ копіямъ. Напротивъ, отъ картинъ древнихъ эллиновъ намъ ничего не осталось и даже сообщенія о нихъ, какъ и о художникахъ, изготовившихъ ихъ, довольно скудны. Однако, всѣ извѣстія согласны въ томъ, что Апеллесъ, жившій около 330 г. въ Эфесѣ, далеко превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ остроумною концепціей. Образова-

ніе свое онъ получилъ въ Сикіонской школѣ и скоро достигъ широкой славы. Его картина Афродиты Анадіомены, богини, выходящей изъ моря и выжимающей воду изъ волосъ, была безподобно прелестна. Напротивъ, во многихъ портретахъ Александра Великаго онъ съумѣлъ выразить и геройскую силу, и величіе.

Несмотря на почетъ, которымъ осыпали Апеллеса, онъ охотно признавалъ и заслуги другихъ мастеровъ и поддерживалъ ихъ въ ихъ стремленіяхъ. Онъ, напр., купилъ готовыя картины Протогена, на котораго мало обращали вниманія, за громадную цѣну въ 50 талантовъ, благодаря чему лишь и были признаны заслуги художника въ его родномъ городѣ Родосѣ. О томъ, какимъ образомъ Апеллесъ завелъ знакомство съ Протогеномъ, Плиній оставилъ намъ интересную замѣтку.

Протогенъ жилъ въ Родосѣ, и Апеллесъ предпринялъ поѣздку къ нему съ особымъ намѣреніемъ собственными глазами увидѣть работы этого мастера, о которомъ ему столько уже было сообщено въ разсказахъ. Едва только онъ сошелъ съ корабля на землю, онъ тотчасъ же со своими провожатыми отыскалъ жилище Протогена, но не засталъ его въ его художественной мастерской, а только престарѣлую женщину, смотрительницу. Послѣдняя спросила его объ имени и желаніи его, чтобы сообщить это Протогену по его возвращеніи. Вмѣсто отвѣта Апеллесъ схватилъ кисть и нарисовалъ на установленной тамъ и приготовленной для новой картины доскѣ очеркъ (вѣроятно очеркъ своего же лица), сказавъ при этомъ: „Это—я!“ Протогенъ вернулся домой и, говорятъ, при видѣ тонкихъ линій тотчасъ же воскликнулъ, что не кто иной, какъ Апеллесъ, могъ сдѣлать столь совершенное произведеніе. Затѣмъ, Протогенъ будто-бы провелъ на очеркѣ Апеллеса еще болѣе тонкую линію и ушелъ съ приказаніемъ, когда вернется Апеллесъ, показать ему его рисунокъ и сказать ему: это тотъ, кого онъ ищетъ! Апеллесъ, какъ сообщается далѣе, скоро вернулся и третьей краской такъ раздѣлилъ вторую линію, что не осталось болѣе мѣста для дальнѣйшихъ линій. Протогенъ призналъ себя послѣ этого побѣжденнымъ и посѣтилъ пришельца.

О собственныхъ работахъ своихъ Апеллесъ обыкновенно судилъ очень скромно, и когда онъ выставлялъ ихъ публично, то охотно слушалъ, скрытый за ширмой, сужденія прохожихъ, чтобы

сдѣлать еще поправки. Такъ, однажды остановился сапожникъ и сталъ порицать ошибку въ обуви одной, изображенной на картинѣ, фигуры. Когда человѣкъ этотъ на слѣдующій день увидѣлъ неудовлетворительное мѣсто измѣненнымъ, то онъ сталъ, съ видомъ знатока, находить другіе недостатки. Но тогда художникъ вышелъ изъ своего скрытаго мѣста и велѣлъ художественному критику идти своей дорогой, замѣтивъ: „Пусть сапожникъ остается у своихъ колодокъ“.—Апеллесъ работалъ неустанно до самой кончины своей жизни и смерть застала его занятымъ картиной Афродиты.

Хотя, впрочемъ, греческое искусство все еще создавало произведенія неоцѣнимаго достоинства, оно, однако, не было болѣе исключительно обращено къ поклоненію богамъ, прославленію отчизны и ея великихъ мужей. Оно гораздо болѣе обусловливалось и находилось въ зависимости отъ богатства, возраставшей роскоши, оно все болѣе и болѣе вступало на службу частной жизни. Эллинъ нуждался въ немъ; онъ нуждался въ духовныхъ приправахъ, чтобы возвысить преходящія радости земного существованія. Онъ приправлялъ искусствомъ и наукой сладкую чашу наслажденія, которая заставляла его забывать внутреннюю пустоту, безсодержательность жизни и стремленій. Произведенія скульптуры и живописи служили поэтому декоративнымъ украшеніемъ его парадныхъ покоевъ, его залъ для празднествъ. Въ театрѣ онъ искалъ своего удовлетворенія въ изящномъ и остроумномъ діалогѣ, въ искусной завязкѣ драматическихъ произведеній. Пѣніе и усовершенствованная инструментальная музыка не должны были отсутствовать на роскошномъ обѣдѣ. Архитектура старалась удобно и со вкусомъ устраивать жилища богатыхъ.

Надгробные памятники, гимнасіи, купальни и т. д. болѣе не устраивались, правда, въ старинномъ, простомъ и грандіозномъ стилѣ, но все-же цѣлесообразно и съ художественнымъ искусствомъ. Воздвигались также въ память событій дня монументы, и въ особенности строились таковые съ большимъ искусствомъ и тратами на счетъ побѣдителей въ хорагическихъ играхъ.

Искусство краснорѣчія. Просто, съ естественнымъ выраженіемъ обдуманной мудрости, говорили древніе ораторы въ совѣтѣ и предъ народомъ. Внѣшнюю страстность, мимику и жесты ораторъ въ родѣ Перикла считалъ театральными и недостойными ве-

личія собранія. Когда впослѣдствіи кожевники и ламповщики протянули неуклюжія руки къ кормилу государства, на ораторской трибунѣ, конечно, дѣло пошло оживленнѣе; тогда появлялись нерѣдко сжатые кулаки и скорченныя лица.

Стараніями софистовъ рѣчь изукрашена была значительнымъ внѣшнимъ мишурнымъ блескомъ и пышностью, но съ другой стороны также была обогащена идеями, заимствованными изъ поэзіи, науки и жизни. Люди съ умомъ и облагороженнымъ вкусомъ привели въ порядокъ богатый матеріалъ, и такимъ образомъ возникла художественная рѣчь, захватывавшая сердце слушателей и увлекавшая ихъ своимъ потокомъ. Въ этомъ отношеніи на первый планъ выступаютъ пять ораторовъ, дѣйствовавшіе всѣ въ Аѳинахъ, именно: Лисія, Исократъ, Исей, Эсхинъ и Демосѳенъ.

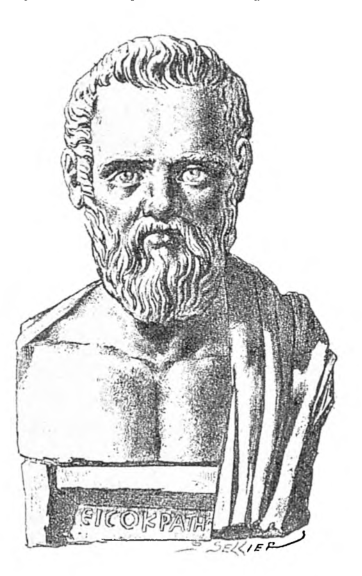

ЛИСІЯ.
МРАМОРНЫЙ БЮСТЪ ВЪ НЕАПОЛИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.

Лисія, получившій образованіе въ Великой Греціи, съумѣлъ вполнѣ освоиться съ аѳинскими обычаями и языкомъ. Стремленія его были исключительно практическія. Проста и все-таки полна жизни и движенія особенно рѣчь его противъ тридцати тиранновъ, жертвой которыхъ сталъ братъ его Полемархъ. Въ рѣчи, произнесенной на праздникѣ въ Олимпіи, онъ призывалъ эллиновъ на борьбу противъ національнаго врага и увѣщевалъ ихъ въ то же время отомстить надменному тиранну Сициліи, Діонисію Старшему.

Исократъ, бывшій болѣе теоретикомъ, дѣлалъ то же самое. Рѣчи его, какъ образцы изящества и ровности языка, вызывали удивленіе всѣхъ эллиновъ, хотя онѣ въ остальномъ часто не производили впечатлѣнія на слушателей. Исей въ рѣчахъ

своихъ постоянно преслѣдовалъ опредѣленную цѣль и потому болѣе походилъ на Лисію. Также и великіе ораторы Эсхинъ и Демосѳенъ имѣли въ виду практическую жизнь, государство, внутреннее управленіе его, какъ и внѣшнія его мѣропріятія, хотя взгляды ихъ далеко расходились. Они оба жили въ темное время, когда греческая свобода, сгубленная упадкомъ греческой государственной жизни, лежала при послѣднемъ издыханіи и тщетно боролась противъ Македонскаго преобладанія.

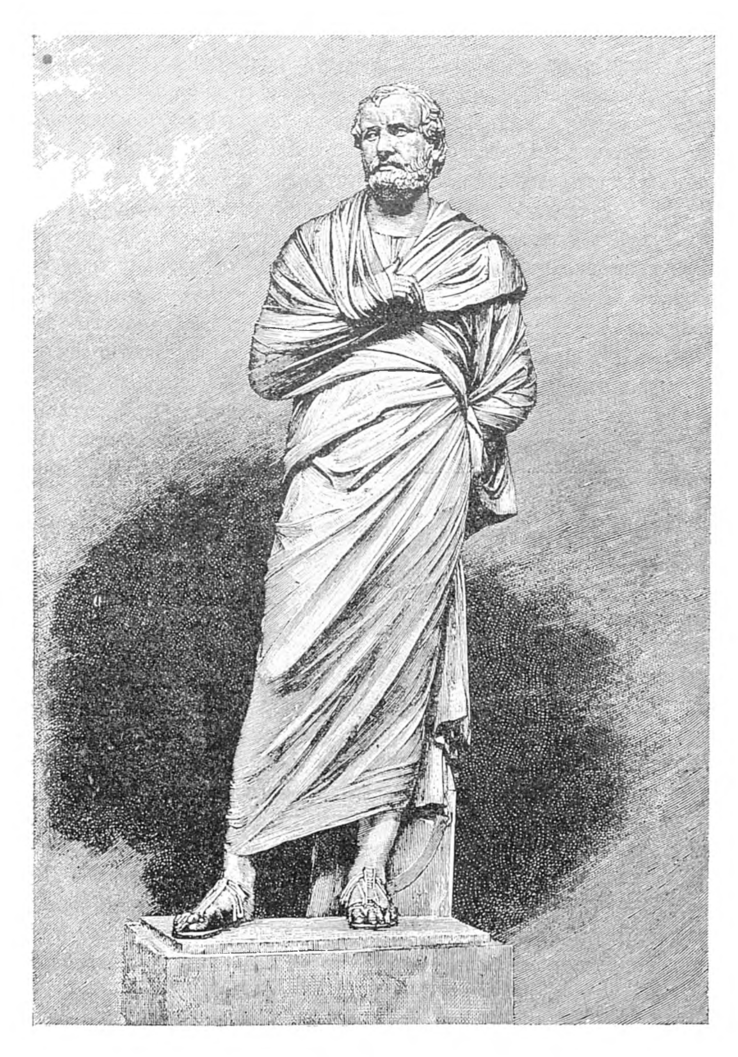

Исократъ.
Мраморный бюстъ въ виллѣ Альбани.

Эсхинъ имѣлъ мягкій взглядъ на существующее положеніе. Его мнѣніе было: жить и давать жить другимъ, мириться съ обстоятельствами и не доводить вещей до крайности. Этому своему взгляду онъ съ большимъ искусствомъ и ораторскимъ талантомъ старался придать вѣсъ по разнымъ важнымъ политическимъ поводамъ. За это онъ былъ обвиняемъ Демосѳеномъ, не совсѣмъ безъ основанія, въ слабости и, что, однако, вовсе не доказано, въ подкупности. Во всякомъ случаѣ Эсхину было далеко до пылкости, воодушевленія своего противника. Поэтому мы обратимся преимущественно къ разсмотрѣнію Демосѳена, ибо ему удивляются не только, какъ превосходнѣйшему оратору всѣхъ вѣковъ, но онъ принадлежитъ также къ числу тѣхъ людей, которые посвящаютъ всю свою умственную дѣятельность, всю свою жизнь одной великой цѣли, которые не даютъ сбить себя съ пути своихъ стремленій никакому несчастью, никакой неудачѣ. Что онъ заблуждался, что онъ въ выродившееся время, среди выродившагося поколѣнія, тщетно старался поднять опять государство, это было его несчастіемъ, но не его виной.

Демосѳенъ родился въ 384 г. до Р. Хр. въ Аѳинахъ и происходилъ изъ состоятельной семьи гражданъ. Онъ рано потерялъ отца и чрезъ недобросовѣстныхъ опекуновъ часть своего состоянія. Зато онъ получилъ превосходное образованіе и особенно слушалъ въ Академіи лекціи Платона, чѣмъ можетъ быть и было пробуждено въ немъ высокое воодушевленіе своимъ, нѣкогда столь прославленнымъ, роднымъ городомъ, которое никогда его не покидало. Затѣмъ онъ сталъ усерднымъ ученикомъ Исократа и, наконецъ, Исея, лучшаго знатока частнаго права, который четыре года прожилъ въ его домѣ. Онъ умѣлъ также доставать себѣ для своихъ занятій пригодныя книги и не гнушался наставленіями хорошихъ актеровъ, прекрасно сознавая, что осанка, движеніе и мимика по тогдашнему вкусу—необходимыя потребности хорошаго оратора. Выдающіеся актеры въ то время высоко почитались, употреблялись на посольства и оплачивались не меньшими суммами, чѣмъ нынѣ прославленные артисты и примадонны: такъ, талантливый мимъ Полъ хвалился, что онъ въ два вечера зарабатывалъ талантъ (2085 р. 10 к.).

Наконецъ, Демосѳенъ рѣшилъ, что, благодаря своему образованію и неустаннымъ занятіямъ, онъ въ состояніи выступить публично. Онъ и выигралъ тяжбу противъ недобросовѣстныхъ опекуновъ, но совершенно провалился при первой своей попыткѣ выступить передъ народомъ. Тогда актеръ Сатиръ прочелъ ему нѣсколько стиховъ съ правильнымъ удареніемъ и затѣмъ принялся за него порядкомъ. Говорятъ также, что онъ при помощи камешковъ, которые держалъ во рту во время рѣчи, отучилъ себя отъ заиканія, а при помощи висящаго съ потолка остраго меча—отъ подергиванія плечами. Образованный и подготовленный такимъ образомъ, ораторъ не могъ не найти въ народномъ собраніи мало-по-малу признаніе и возбудить къ себѣ удивленіе. Но этого ему было недостаточно; онъ хотѣлъ зажечь въ народѣ сочувствіе къ своимъ политическимъ стремленіямъ, встряхнуть его отъ вялости и побудить къ мѣропріятіямъ противъ македонскаго царя Филиппа. Поэтому онъ рѣшительно выступилъ противъ партіи равнодушныхъ и лѣнивыхъ гражданъ, во главѣ которыхъ стоялъ Эсхинъ; силой своей рѣчи онъ привлекъ къ позорному столбу гласности подкупныхъ предателей отечества, но не смогъ возбудить продолжительнаго одушевленія, всеобщаго возстанія на-

ЭСХИНЪ.

Мраморная статуя, открытая въ Геркуланѣ и хранящаяся въ Неаполитанскомъ музеѣ. Долгое время она была извѣстна подъ названіемъ статуи Аристида и получила свое настоящее названіе тогда, когда нашли бюстъ Эсхина, снабженный надписью. Поза такая же, какъ и у статуи Софокла, хранящейся въ Латеранскомъ музеѣ, но въ художественномъ отношеніи статуя поэта безусловно выше.

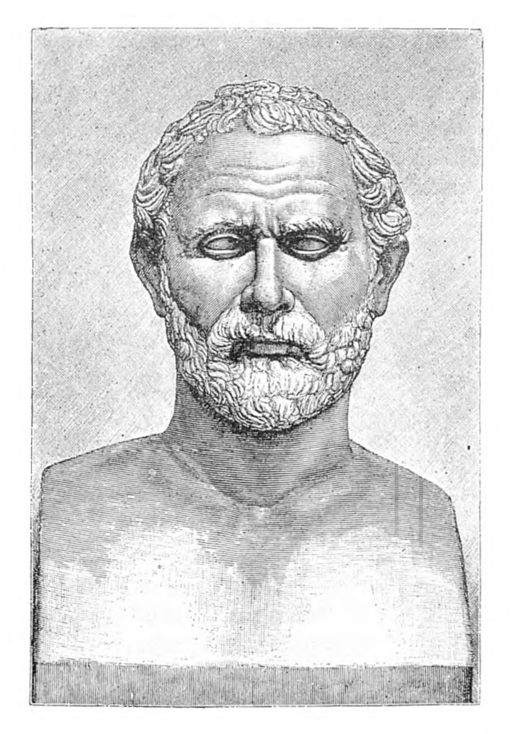
рода, такъ какъ послѣдній только и любилъ удовольствія, праздничную пышность и зрѣлища, но не желалъ и слышать о жертвахъ въ пользу общаго блага. Вся экклезія даже забыла однажды, при громкомъ смѣхѣ, о цѣли собранія, когда другой ораторъ сталъ увѣрять, что вся разница между нимъ и Демосѳеномъ въ томъ только и состоитъ, что онъ пьетъ вино, а тотъ, напротивъ, воду.

Была въ Аѳинахъ еще одна партія честныхъ людей, которые хотя и понимали приближающуюся гибель, но смотрѣли трезвымъ взоромъ и на состояніе народа и по нему правильно судили, что онъ неспособенъ былъ впредь составлять свободное государство, и что поэтому было бы полезно, еслибъ дѣльный правитель взялъ его въ руки. Мнѣніе ихъ раздѣлялъ въ особенности честный Фокіонъ, о которомъ уже часто была рѣчь. Онъ почиталъ восторженнаго оратора, но не могъ раздѣлять его взгляда. Онъ отсовѣтывалъ отъ напрасныхъ стремленій и половинныхъ мѣропріятій, сознавая ихъ недостаточность.

Демосѳенъ не далъ себя отклонить отъ своихъ стремленій и этой партіи, отчаивавшейся въ отечествѣ. Своими рѣчами за Олинѳъ онъ доставилъ помощь этому городу, хотя она и не была достаточна для его спасенія; своими филиппиками (рѣчами противъ Филиппа) онъ, по крайней мѣрѣ, ставилъ на пути неутомимаго противника все новыя затрудненія. Онъ говоритъ въ нихъ между прочимъ: „Человѣкъ этотъ идетъ все дальше, такъ что ни эллинская страна, ни земля варваровъ не насыщаетъ его алчности, и мы все-таки продолжаемъ быть апатичными и распадаемся сами въ себѣ, такъ что не приходимъ ни къ какому спасительному рѣшенію".—„Какъ смотрятъ на градобитіе и всякій хочетъ, чтобъ оно не коснулось его полей, такъ, мнѣ кажется, мы смотримъ на Филиппа, а никто не берется отвратить несчастье".—„Безчестно—говорить при грядущемъ несчастьи: кто бы могъ думать, чтобы это случилось! Пока судно еще на водѣ, матросы и кормчій должны быть готовы къ дѣлу; разъ его ужь схватилъ водоворотъ, всякій трудъ напрасенъ".

Живѣе, чѣмъ въ этой рѣчи, даже драматичнымъ, Демосѳенъ является въ рѣчи „за вѣнокъ". Дѣло въ томъ, что онъ послѣ побѣды македонянъ руководилъ укрѣпленіемъ Аѳинъ, казавшихся угрожаемыми, и за это получилъ почетный вѣнокъ, противъ чего заявилъ протестъ Эсхинъ. Послѣдній въ рѣчи своей сказалъ,

что Демосѳенъ назвалъ его другомъ Александра. Сюда относится слѣдующее мѣсто: „Я ставилъ тебѣ въ укоръ дружбу Александра? Какъ это тебя могли бы удостоить ея! Я не хочу назвать тебя

ДЕМОСѲЕНЪ.

МРАМОРНЫЙ БЮСТЪ ВЪ МЮНХЕНСКОМЪ МУЗЕѢ.

ни другомъ Филиппа, ни другомъ Александра, все равно какъ не хочу называть нанятыхъ за плату батраковъ друзьями тѣхъ, кто ихъ нанялъ. Но спроси-ка вотъ этихъ аѳинянъ, какъ я назвалъ тебя; или я самъ сдѣлаю это вмѣсто тебя. Скажите, мужи аѳинскіе, кажется вамъ Эсхинъ другомъ, или наемникомъ Александра? Слышишь ли ты, что они говорятъ“?.. Затѣмъ онъ проходитъ всю прежнюю исторію, приводитъ въ свидѣтели Перинѳъ,

Византію и даже документы и кончаетъ словами: „Когда при несчастіи эллиновъ, одинъ, не-эллинъ, достигъ счастья, то противники мои пожелали, чтобы оно длилось вѣчно. Но нѣтъ—о, всѣ вы, боги!—да не внемлетъ никто изъ васъ этому желанію! Прежде всего даруйте людямъ, желающимъ этого, побольше смысла! Если же они страдаютъ неизлѣчимой болѣзнью, тогда да истребите ихъ совершенно на сушѣ и на морѣ!“

Такъ говорилъ и согласно съ этимъ поступалъ послѣдній великій ораторъ эллиновъ.

ГИБЕЛЬ ГРЕЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

ЦАРЬ ФИЛИППЪ МАКЕДОНСКІЙ

ДЕМОСѲЕНЪ боролся съ судьбой, которая, покоясь въ человѣкѣ и исходя отъ него, неизмѣнно должна исполниться. Но онъ, какъ храбрый мужъ, боролся неустрашимо, неустанно, боролся до послѣдняго издыханія. Вся его жизнь была подвигомъ великимъ, трагическимъ, достославнымъ. Но ему недоставало военнаго генія въ родѣ генія Мильтіада или Ѳемистокла. Въ качествѣ полководца, онъ смогъ бы соединить шайки наемныхъ ратниковъ въ сомкнутый корпусъ, надѣть на нихъ броню чувства военной чести, успѣхами пробудить вялое гражданское ополченіе къ участію, но оказалъ бы ли онъ надолго, съ такимъ оружіемъ, сопротивленіе хитрому, свѣдущему въ военномъ дѣлѣ, царю Филиппу, смогъ бы ли онъ опрокинуть македонское могущество, этого рѣшить нельзя.

Фокіонъ. Тѣмъ, чего недоставало великому оратору, искусствомъ, мужествомъ, опытностью полководца, въ высокой степени обладалъ простой гражданинъ Фокіонъ, одержавшій много побѣдъ и на-

послѣдокъ принудившій македонскаго завоевателя въ ночномъ бою на улицахъ Византіи къ отступленію съ большимъ урономъ. Онъ былъ низкаго происхожденія, безъ состоянія, но, благодаря простому образу жизни, богатъ даже въ бѣдности. Онъ не добивался почетныхъ мѣстъ; но когда ему поручалась должность, то онъ исправлялъ ее добросовѣстно и съ большимъ талантомъ. Подъ начальствомъ храбраго Хабрія онъ въ битвѣ при Наксосѣ первый пробилъ на лѣвомъ крылѣ непріятельскія эскадры. Его сограждане сорокъ пять разъ поручали ему должность стратега, и, какъ таковой, онъ часто побѣдоносно выступалъ противъ врага эллинской свободы. Тѣмъ не менѣе онъ не вѣрилъ въ счастливый исходъ борьбы. Трезвымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на положеніе Греціи и Аѳинъ. Онъ видѣлъ разрозненность государствъ, безконечныя внутреннія распри, эгоизмъ, апатію и дрянность гражданъ; поэтому онъ считалъ за лучшее, чтобы какой-либо царственный вождь взялъ въ руки бразды верховной власти и связалъ вмѣстѣ взаимно противодѣйствующіе, раздѣленные члены строгимъ бичемъ принужденія. Тщательно отдѣланныя, пышныя рѣчи онъ не ставилъ ни во что. Просты, безъ украшенія и румянъ, какъ жизнь его, были и его слова, съ которыми онъ выступалъ передъ общиной и безстрашно бичевалъ ея безразсудства и ея легкомысліе. Съ своими подвигами онъ, какъ честный гражданинъ, какъ дѣятельный боецъ, выступалъ противъ предпріимчиваго царя, своей рѣчью онъ игралъ ему въ руку; но презрѣнную плату, которую ему, какъ и другимъ приверженцамъ, предложилъ врагъ свободы, онъ презрительно отвергъ.

Какъ ни велико наше сочувствіе неутомимо борющемуся Демосѳену, послѣдствія доказали, что взгляды и образъ дѣйствія Фокіона были правильны и соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣла. Греція нуждалась въ строгомъ повелителѣ, и великое благодѣяніе было то, что таковой вышелъ изъ македонскаго царскаго дома. Дѣло въ томъ, что послѣдній хвалился своимъ происхожденіемъ отъ Геракла, украшался эллинской культурой, споспѣшествовалъ эллинской наукѣ и искусству и перенесъ ихъ, наконецъ, вмѣстѣ съ побѣдоноснымъ оружіемъ въ Азію, чтобы они тамъ, проникая въ народную жизнь, облекаясь въ новыя формы, могли въ старѣющемся духѣ человѣка развиться до свѣжаго расцвѣта. Царь Филиппъ садилъ дерево; болѣе благо-

родный, болѣе могучій герой былъ предназначенъ его вырастить.

Послѣ потерь, понесенныхъ подъ Перинѳомъ и Византіей, Филиппъ укомплектовалъ свое войско, повелъ его на сѣверъ черезъ Балканы и предпринялъ быстрый и смѣлый походъ на придунайскихъ скиѳовъ. Онъ не далъ непріятелямъ времени отступить, на свой ладъ, съ женами, дѣтьми и имуществомъ, но напалъ на нихъ совершенно неожиданно, побѣдилъ въ открытомъ полѣ и затѣмъ отступилъ съ большой добычей людьми и скотомъ. Тогда дорогу ему заградили въ лѣсу и ущельи воинственные трибаллы. Убійственнымъ боемъ онъ проложилъ себѣ путь; но въ запутанныхъ проходахъ Гэма онъ среди постоянныхъ сраженій потерялъ всю добычу и много храбрыхъ воиновъ. Со значительно ослабленными силами и самъ тяжело раненый онъ вернулся въ свое царство.

Еще не поправился онъ вполнѣ, когда явилось торжественное посольство отъ амфиктіоновъ, которые въ третій разъ требовали во имя дельфійскаго бога его помощи и вмѣшательства въ дѣла Греціи. Это случилось такъ. Амфиктіоны засѣдали въ Дельфахъ. Представители локрянъ изъ Амфиссы предложили, по проискамъ ѳивянъ, наложить на аѳинянъ тяжкую пеню за то, что они въ храмѣ дельфійскаго бога снова выставили золотые щиты изъ добычи, отнятой нѣкогда у персовъ и ѳивянъ въ битвѣ при Платеѣ. Аѳинскій посолъ Эсхинъ обвинялъ, напротивъ, амфисцевъ въ томъ, что они заняли и воздѣлали Киррскую равнину, часть древняго храмового имѣнія. Тотчасъ же поднялись въ благочестивомъ рвеніи собравшіеся, поспѣшили съ дельфійскими гражданами на поля и начали сламывать хижины и истаптывать полевые плоды. Удивленные крестьяне съ ужасомъ смотрѣли на безчинства; но такъ какъ дѣло шло о ихъ высшемъ интересѣ, о хлѣбѣ насущномъ, то они отнеслись къ этому съ неудовольствіемъ, схватили свои орудія и прогнали пришлецовъ съ полей, съ подбитыми головами. Тогда состоялось общее собраніе и торжественно рѣшена была война противъ локридскаго города Амфиссы, колонисты котораго провинились такимъ образомъ.

Вначалѣ дѣло шло счастливо; укротили строптивый городъ и наложили на него тяжелую денежную пеню. Но вскорѣ ло-

кряне заступились за члена своего союза и отказались отъ платежа; вслѣдствіе этого отправлено было вышеупомянутое посольство, чтобъ поручить Филиппу охрану дельфійскаго бога и отмщеніе злодѣямъ, совершившимъ преступленіе по отношенію къ святилищу.

Царь не замедлилъ принять предложенную ему должность охранителя и мстителя. Онъ вступилъ въ союзную съ Македоніей Ѳессалію, вызвалъ земское ополченіе, гражданъ городовъ и аристократовъ-всадниковъ съ ихъ свитой и соединилъ ихъ со своими ратными дружинами. Затѣмъ онъ занялъ Ѳермопилы и оттуда пригласилъ эллинскія государства, принадлежавшія къ союзу амфиктіоновъ, оказать помощь.

Правда, лишь немногіе обратили вниманіе на приглашеніе; однако Филиппъ, видѣвшій себя въ обладаніи ущельемъ, считалъ себя, во главѣ своего хорошо вооруженнаго и отлично обученнаго войска, достаточно сильнымъ для того, чтобы открыто выступить со своими честолюбивыми планами.

Военное дѣло. Прежде чѣмъ провожать его на смѣломъ походѣ, самомъ успѣшномъ въ его жизни, бросимъ взглядъ на военное дѣло у македонянъ, которые за него бились. Филиппъ частью уже засталъ это войско, частью устроилъ его по образцу эллиновъ или собственному опыту. Ядро военныхъ силъ составляло ополченіе свободныхъ землевладѣльцевъ въ шести фалангахъ или таксисовъ, каждая приблизительно по 4000 человѣкъ, въ совокупности, значитъ, около 24,000 человѣкъ. Ихъ можно было сравнивать съ греческими гоплитами; они носили широкополыя касторовыя шляпы, обитые бронзой кожаные колеты, напожники, круглый щитъ съ ремнемъ для просовыванія руки и имѣли при себѣ, дѣйствуя обѣими руками, македонскую сариссу, ударное копье длиной приблизительно въ 5 метровъ ($2^1/_3$ саж.), а для боя вблизи—короткій греческій мечъ. Филиппъ выстраивалъ этихъ тяжеловооруженныхъ часто глубиной въ шестнадцать членовъ, причемъ копья первыхъ пяти рядовъ торчали за фронтъ. Натискъ этихъ страшныхъ четыреугольниковъ былъ большей частью непреодолимъ. Легче были вооружены, но пригоднѣе для нападенія, гипасписты, постоянно находившіяся на службѣ царскія войска, вооруженныя холщевымъ панцыремъ, македонской національной шляпой, крѣпкимъ щитомъ и короткимъ копьемъ. Они набирались изъ крестьянъ и составляли

отрядъ въ 6000 человѣкъ. Часть ихъ состояла изъ добровольцевъ или, можетъ быть, изъ молодежи низшаго дворянства. Послѣдняя составляла постоянную гвардію для охраны царя, которая впослѣдствіи, подъ именемъ аргираспидовъ (среброщитныхъ), достигла большой славы. Не менѣе важною была конница съ отличными лошадьми, одинаково страшная какъ въ массовой атакѣ, такъ и въ одиночномъ бою, снабженная шлемомъ, нагрудникомъ, щитомъ и ударнымъ копьемъ. Она состояла, какъ и въ Ѳессаліи, изъ всадническої аристократіи царства, съ гордостью посвящавшей себя военной службѣ царю и странѣ.

Какъ фаланга стягивалась изъ шести округовъ царства, такъ и конница состояла изъ пятнадцати илъ или эскадроновъ съ 200 человѣкъ въ каждомъ, принадлежавшихъ столькимъ-же областямъ. Шестнадцатая ила, состоявшая изъ дворянскихъ юношей и называвшаяся агемой всадниковъ, окружала особу царя. Къ этому сюда присоединялись еще легкіе ѳракійскіе всадники и конная дружина сариссофоровъ (сариссоносцевъ) въ 800 человѣкъ, которые вмѣсто короткаго всадническаго копья носили сариссы, по образцу фаланги.

Равнымъ образомъ Филиппъ позаботился о легковооруженной пѣхотѣ, и агріанскіе копьеносцы, какъ и македонскіе стрѣлки изъ лука, не мало содѣйствовали его военнымъ успѣхамъ.

Филиппъ въ Элладѣ. Вторгаясь въ Ѳермопилы, царь часть своихъ военныхъ силъ оставилъ для охраны царства; но, благодаря ѳессалійскому ополченію, войско снова возросло до 30,000 человѣкъ пѣхоты и болѣе 2000 всадниковъ различнаго, только-что описаннаго вооруженія. Обученіе дома и въ походѣ наловчило всѣ части его войска дѣйствовать какъ единый корпусъ и не предоставлять рѣшенія однимъ только гоплитамъ, какъ это въ предыдущее время было у эллиновъ. Съ этими силами Филиппъ, будто-бы въ качествѣ покровителя дельфійскаго святилища, вступилъ на почву Эллады. Но скоро онъ за собственными планами забылъ о должности покровителя, о пиѳійскомъ богѣ и незначительномъ городѣ Амфиссѣ, ибо теперь дѣло шло о борьбѣ за господство надъ всей Греціей, къ которому онъ давно уже стремился. Вначалѣ онъ шелъ вдоль цѣпи горъ Эты, такъ что казалось, что онъ все-таки хочетъ направиться въ су-

ровыя горы Парнасса, къ Дельфамъ. Тамъ онъ прогналъ нѣсколько шаекъ аѳинскихъ наемниковъ, а аѳинское посольство, приказывавшее ему остановиться, онъ отправилъ домой съ немилостивымъ посланіемъ. Но вдругъ онъ повернулъ на югъ, къ фокидскому городу Элатеѣ, господствовавшей надъ дорогой въ Ѳивы и Аѳины, и занялъ его безъ сопротивленія.

Вѣсть о занятіи Элатеи царемъ Филиппомъ поздно вечеромъ прибыла въ Аѳины, и правящіе пританы пришли изъ-за этого въ большое смущеніе. Они приказали очистить рынокъ, сжечь деревянныя части лавокъ, призвать стратеговъ и глашатая. Темные, неопредѣленные слухи ходили по городу и держали гражданъ въ волненіи въ продолженіе всей ночи. На слѣдующее утро народъ не дожидался клича собираться, а сидѣлъ уже на скамьяхъ, прежде чѣмъ совѣтъ окончилъ предварительное совѣщаніе. Но вотъ явился этотъ послѣдній и доложилъ о томъ, что случилось. На вопросъ, кто требуетъ слова, не поднялся никто, кромѣ Демосѳена. Послѣдній въ ясной, пылкой рѣчи сказалъ, что слѣдуетъ сообща взяться за оружіе, пригласить Ѳивы къ союзу, но не отъ наемниковъ и отъ помощи болѣе слабыхъ государствъ ожидать спасенія отчизны, а отъ собственной энергіи и храбрости.

Народъ согласился со всѣми его предложеніями; но Аѳины стояли однѣ, ѳивяне отказались присоединиться, какъ полагали, изъ старинной зависти. Поэтому Демосѳенъ съ нѣсколькими другими государственными послами лично отправился въ Ѳивы, которыя нужно было привлечь къ союзу, если вступать въ тяжелую борьбу съ шансами на успѣхъ. Аѳинскіе мужи застали ѳиванскихъ гражданъ собравшимися, а передъ ними посольство отъ царя, ораторъ котораго Пиѳонъ въ льстивой, горячей рѣчи распространялся о честныхъ намѣреніяхъ ихъ повелителя, о вынесенныхъ со стороны Аѳинъ обидахъ, о возможномъ теперь отмщеніи. Но когда затѣмъ Демосѳенъ передъ колебавшимся еще собраніемъ одушевленно заговорилъ о бѣдѣ и предстоящемъ позорѣ общаго отечества, объ угрожаемой чести и свободѣ, когда онъ увѣщевалъ забыть всякую прежнюю распрю и подать сосѣднему государству руку для отвращенія рабства, тогда замолчали приверженцы царя, и граждане настойчиво потребовали оборонительнаго и наступательнаго союза съ Аѳинами противъ всякаго врага, кто дерзнулъ бы вступить на священную почву Эллады.

Союзъ былъ заключенъ; двѣ главныхъ державы Эллады вооружили свое гражданское ополченіе, навербовали наемниковъ и заняли пограничныя крѣпости. Еще разъ воодушевленіе общей отчизной наполнило сердца всѣхъ. Царь Филиппъ съумѣлъ оцѣнить этотъ подъемъ: увѣренность его поколебалась, и онъ завязалъ переговоры; но его двуязычіе уничтожило всякое довѣріе, и мечъ долженъ былъ рѣшить дѣло.

Весной (338 г.) аѳинскія силы двинулись къ Ѳивамъ и расположились лагеремъ внѣ окружныхъ стѣнъ. Но граждане, отказываясь отъ всякаго подозрѣнія, открыли ворота и радостно ввели союзниковъ въ городъ, гдѣ ихъ приняли дружелюбно и подкрѣпили виномъ и съѣстными припасами. Вскорѣ явились другія еще вспомогательныя войска, которыя соединились съ войскомъ союзниковъ для рѣшительной борьбы. Союзныя силы состояли изъ всего аѳинскаго и ѳивскаго ополченія, далѣе изъ отрядовъ, посланныхъ Эвбеей, Мегарой, Коринѳомъ и даже дальней Коркирой. Онѣ превосходили врага численностью и воинственностью, но не военной опытностью и способностью защищаться. Да и вождей, ѳивянина Ѳеагена и аѳинянъ Стратокла, Лисикла и Хареса, вовсе нельзя было сравнивать съ Филиппомъ и его свѣдущими въ военномъ дѣлѣ генералами Антипатромъ, Парменіономъ и восемнадцатилѣтнимъ только Александромъ, мужественнымъ сыномъ царя.

Битва при Херонеѣ. Какъ только вооруженіе эллиновъ было окончено, они двинулись впередъ въ сѣверозападномъ направленіи. То виднѣлись справа воды Копаиды, то слѣва, въ большемъ отдаленіи, Парнассъ. Здѣсь наткнулись на легковооруженныя непріятельскія войска, которыя въ двухъ сраженіяхъ были отбиты съ большимъ урономъ. Но если надѣялись застать царя врасплохъ при Элатеѣ, то вскорѣ увидѣли себя обманутыми. Филиппъ перешелъ уже беотійскій Кефисъ и стоялъ лагеремъ на Херонейской равнинѣ. Ходъ достопамятной битвы, которою тутъ была рѣшена судьба Греціи, переданъ намъ очень неполно; мы можемъ поэтому представить только главнѣйшее.

На холмѣ, на вершинѣ котораго стояло досточтимое святилище Геракла, стоялъ царь Филиппъ съ начальниками своего войска и обозрѣвалъ лагерь своего войска и станъ эллиновъ по ту сторону равнины. Къ нему привели человѣка въ нищенскихъ

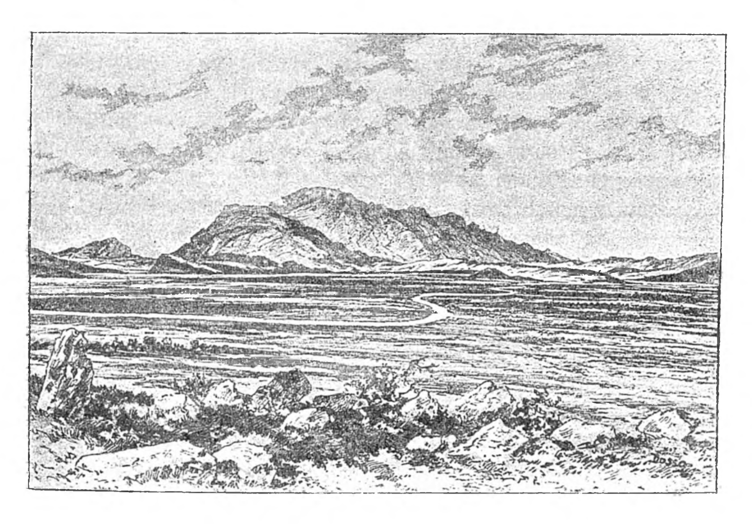
лохмотьяхъ, казавшагося соглядатаемъ. Въ отвѣтъ на вопросъ плѣнный сознался, что онъ Діогенъ, и что отправился сюда только для того, чтобы увидѣть человѣка, который настолько безуменъ, что ставитъ царство на счастье одного часа. Царь въ другое время, можетъ быть, присоединилъ бы философа къ своимъ шутамъ и скоморохамъ, но теперь обстоятельства были слишкомъ серьезны; онъ, поэтому, отпустилъ его, не занявшись имъ долѣе.

Зато онъ съ сыномъ своимъ и военачальниками сталъ обсуждать планъ битвы такъ, чтобы утромъ всѣ войска могли наступать въ стратегически опредѣленномъ порядкѣ. Какъ Эпаминондъ, онъ хотѣлъ произвести главный ударъ лѣвымъ крыломъ, центръ же и правое крыло удерживать на мѣстѣ. Тамъ смѣлый Александръ велъ ѳессалійскихъ всадниковъ, гипаспистовъ и гоплитовъ; здѣсь царь Филиппъ самъ устраивалъ сраженіе, заботясь прежде всего о томъ, чтобы занимать врага многочисленнымъ легковооруженнымъ войскомъ.

По этому плану Александръ первый наткнулся на крѣпкій и глубокій строй ѳивянъ, которые не только выдержали натискъ, но даже сами подвинулись впередъ. Но по причинѣ незначительной широты фронта бокъ ихъ былъ обнаженъ, и никакой Эпаминондъ не предусмотрѣлъ здѣсь прикрытія. И вотъ, пока Александръ со своими отрядами различнаго рода оружія старался задержать ударъ гоплитовъ, прикрытые панцырями ѳессалійскіе всадники свернули наискось и затѣмъ неожиданно ворвались въ незащищенный правый флангъ ѳивянъ. Тѣ обернулись противъ эскадроновъ; но тогда Александръ возобновилъ свое нападеніе. Онъ не обратилъ вниманія на то, что конь его былъ заколотъ, самъ онъ слегка раненъ; окруженный храбрѣйшими воинами, онъ неудержимо кидался впередъ, прорвалъ ряды непріятелей и обратилъ ихъ въ бѣгство. Только воины, принадлежавшіе къ Священной дружинѣ ѳивянъ, и вождь ихъ Ѳеагенъ не были среди бѣглецовъ; они трупами своими покрыли землю, гдѣ они бились.

Въ продолженіе этого времени аѳиняне на лѣвомъ крылѣ не были праздными зрителями; напротивъ, они мужественно отбивали атаки македонской конницы и затѣмъ съ обычной живостью стали наступать, сбивая съ ногъ агріанцевъ, стрѣлковъ изъ лука, гипаспистовъ и гоплитовъ. Царь видѣлъ бѣгство своихъ и въ то

же время безпорядокъ преслѣдующихъ побѣдителей. „Они умѣютъ побѣждать“, сказалъ онъ спокойно, „но не удерживать за собой побѣду“. Тотчасъ онъ далъ отряду фаланги, составлявшей резервъ, приказъ къ наступленію. Это нападеніе было рѣшающимъ и сдѣлало напраснымъ всякое сопротивленіе пришедшихъ въ замѣшательство аѳинскихъ отрядовъ. Они были побѣждены, разсѣяны, многіе убиты, другіе же взяты въ плѣнъ.

ХЕРОНЕЙСКАЯ РАВНИНА (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

Побѣда царя была настолько полна, что онъ, наконецъ, самъ остановилъ преслѣдовавшую конницу. Дѣло въ томъ, что онъ вовсе не хотѣлъ совсѣмъ раздавить Элладу, но съ ея силой и помощью основать новое царство на развалинахъ варварской державы.

Еще и теперь ручей, берущій начало у подножія херонейскаго акрополя, течетъ черезъ равнину къ Кефису; тогда онъ обагренъ былъ кровью убитыхъ эллиновъ. И теперь еще тамъ и сямъ цвѣтутъ пурпуровые анемоны, выросшіе тогда, по одному сказанію, изъ орошенной кровью земли; но когда теперь весной глазъ путешественника озираетъ равнину, то онъ видитъ только обширныя нивы, свѣжая зелень которыхъ покрываетъ страданія и

раны прошлаго. Такъ время исцѣляетъ и успокоиваетъ все, даже то, что при первомъ взглядѣ считаешь невыносимымъ, и также гибель самостоятельности Греціи теперь является намъ въ болѣе мягкомъ свѣтѣ.

Послѣдствія побѣды. Эллинскій народъ разрѣшилъ свою задачу, совершилъ свои подвиги; его періодъ кончился. Онъ былъ неспособенъ держаться дольше на своей высотѣ. Мелочные, своекорыстные люди стояли во главѣ государствъ, граждане впали въ страсть къ наслажденіямъ, за деньги они продавали себя и свое отечество; кромѣ того, безконечными внутренними распрями благосостояніе совершенно разстраивалось. Тогда стало спасительнымъ дѣломъ, чтобы благоустроенное правленіе царя взяло въ свои сильныя руки заботу о благополучіи и безопасности страны, которая въ подъемѣ мирныхъ сношеній, въ матеріальныхъ выгодахъ нашла бы вознагражденіе за потерю своей независимости.

Впрочемъ, конституціи государствъ по существу не измѣнились; ибо Филиппъ послѣ побѣды велъ себя съ большою умѣренностью. Вечеръ кровопролитнаго дня онъ, по македонскому обычаю, праздновалъ веселымъ пиршествомъ, причемъ въ хмѣлю хвасталъ своими подвигами. Когда же одинъ аѳинскій плѣнный, ораторъ Демадъ, крикнулъ ему: „Царь, ты играешь роль Ѳерсита, а вѣдь судьба опредѣлила тебѣ роль Агамемнона!“, то онъ сталъ серьезнымъ и удержался отъ всякаго самохвальства. Настроеніе его стало еще болѣе кроткимъ и миролюбивымъ, когда онъ услышалъ объ обширныхъ вооруженіяхъ аѳинянъ, о томъ, какъ они укрѣпляли городъ и гавань, ввозили запасы, призывали союзниковъ, вооружали рабовъ, и все это по предложенію и совѣту Демосѳена. Тогда онъ предпочелъ полюбовное соглашеніе затруднительной и ненадежной осадѣ. Онъ отпустилъ безъ выкупа аѳинскихъ плѣнныхъ и далъ собрать трупы на полѣ битвы и отвезти ихъ въ Аѳины. Затѣмъ онъ предложилъ аѳинскому государству такую же неограниченную самостоятельность, какъ и прежде, требуя съ другой стороны только уничтоженія аѳинскаго союза и заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ Македоніей для войны противъ варваровъ. Этотъ договоръ послѣ пораженія казался настолько справедливымъ, что аѳиняне не медлили его заключеніемъ. Ѳивы поразилъ болѣе жестокій жребій. Они должны были выкупить плѣнныхъ, принять гарнизонъ, подчи-

ниться установленному побѣдителемъ правительству и, по возстановленіи разрушенныхъ городовъ Орхомена, Платеи и Ѳеспій, отказаться отъ преобладанія въ Беотіи.

Когда царь затѣмъ во главѣ своего побѣдоноснаго войска вступилъ въ Пелопоннесъ, Коринѳъ открылъ ему ворота безъ сопротивленія. Аргосъ встрѣтилъ его съ большими почестями, Элида, Аркадія привѣтствовали его какъ спасителя и освободителя. Только Спарта, помня о своей древней славѣ, упорно сопротивлялась и не склонилась передъ нимъ, хотя македонскіе отряды производили свои опустошительные набѣги до Гиѳея, не отваживаясь, однако, сдѣлать нападеніе на столицу, гдѣ стояли на стражѣ вооруженные копьями люди. За то окраинъ своихъ Спарта удержать за собой не смогла: Кинурія, Скиритида и другія области, завоеванныя македонянами, были отданы сосѣдямъ.

Слѣдующей весной состоялось общее собраніе представителей эллинскихъ государствъ въ Коринѳѣ. Тутъ царю передали званіе верховнаго полководца надъ союзническимъ войскомъ для задуманной войны противъ Персіи и согласились на денежные взносы и на поставку войска.

Смерть Филиппа. Между тѣмъ царь былъ ближе къ предѣлу своихъ дѣяній, чѣмъ думалъ. Дельфійская пиѳія, вопрошенная относительно предстоящей войны, отвѣтила:

„Быкъ ужь украшенъ вѣнкомъ и скоро будетъ заколотъ".

Изреченіе это, которое толковали, какъ относящееся къ Персіи, исполнилось на самомъ Филиппѣ. Жена его Олимпіада, благодаря своимъ прелестямъ и возвышенному уму, сначала была дорога своему мужу; но по своей безцеремонной страстности она не только лишилась его расположенія, но даже нерѣдко возбуждала въ немъ страхъ. Ибо она, какъ свѣдущая въ волшебствѣ Медея, была предана таинственному культу Орфея и Вакха. Она справляла оргіи, безумствовала съ мэнадами, не отступала даже передъ кровью и убійствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Филиппъ поэтому развелся съ нею и женился на кроткой и прекрасной Клеопатрѣ, племянницѣ своего полководца Аттала.

Послѣднимъ тяжко былъ оскорбленъ Павсанія, македонскій вельможа при дворѣ Филиппа, а царь отказалъ оскорбленному въ справедливости, которой тотъ неоднократно требовалъ. Тогда раздраженный Павсанія рѣшилъ убить того, кто отказывалъ

ему въ правѣ всякаго свободнаго македонянина, твердо надѣясь, что послѣ этого дѣянія его защитятъ Олимпіада и сынъ ея Александръ. Для исполненія дѣла онъ выбралъ день, когда Филиппъ съ большой пышностью праздновалъ бракосочетаніе своей дочери Клеопатры. Эллинскія государства прислали золотыя короны и подарки къ празднику. Среди мраморныхъ статуй двѣнадцати Олимпійскихъ боговъ тринадцатою была поставлена статуя царя. Самъ онъ на второй день празднествъ въ бѣломъ длинномъ одѣяніи отправился въ театръ, гдѣ давалась пьеса, сочиненная въ его славу. На пути туда Павсанія вонзилъ ему въ грудь кинжалъ, такъ что онъ безмолвно упалъ на-земь.

Убійца пытался бѣжать, но былъ настигнутъ и умерщвленъ раздраженнымъ народомъ. Такимъ образомъ, Олимпіада не могла его спасти; зато она велѣла украсить трупъ его вѣнкомъ и посвятила убійственный кинжалъ Аполлону, выгравировавъ на немъ свое дѣвичье имя Мирталида. Ненависть ея къ отрекшемуся отъ нея мужу пережила и смерть его.

Царь Филиппъ былъ не основателемъ македонскаго царства, но основателемъ его могущества. До него страна и народъ терпѣли обиды отъ варваровъ, были въ презрѣніи у эллиновъ, были безъ культуры, безъ промышленности, безъ торговли. Все это онъ съумѣлъ создать; онъ воспиталъ свой несовершеннолѣтній народъ и далъ ему средства занять господствующее положеніе въ мірѣ, бывшее его призваніемъ. Для достиженія этой цѣли онъ не пугался ни умственныхъ, ни тѣлесныхъ напряженій, выносилъ боли, раны и даже самыя мучительныя униженія, когда ему не удавалась какая-нибудь попытка. Успѣхи свои онъ праздновалъ вакхическими попойками, потѣшаясь при этомъ грубыми шутками скомороховъ. Но это было единственнымъ отдыхомъ, который онъ себѣ разрѣшалъ, и ни на мгновеніе не удаляло отъ него его плановъ и намѣреній. Онъ былъ выдающійся человѣкъ; но великимъ, въ высокомъ значеніи этого слова, мы бы его не назвали, такъ какъ истинно великій характеръ ставитъ себѣ только задачей пробуждать къ жизни то, что право передъ Богомъ и людьми. Для царя же Филиппа считалось правымъ то, что приносило ему пользу, содѣйствовало его планамъ; спрашивать, хорошо ли то и благородно, или коварно и подло, онъ считалъ смѣшной слабостью.

Поэтому мы не смѣемъ сравнивать его съ людьми, какъ Эпаминондъ, какъ Тимолеонтъ; рядомъ съ ними онъ является какъ-бы варваровъ, принявшимъ приличную одежду, формы и оружіе цивилизаціи, но не испытавшій въ то-же время ея облагораживающей силы. Если мы хотимъ отыскивать историческій характеръ, съ которымъ онъ совпадаетъ во многихъ пунктахъ, то Петръ Великій, преобразователь русскаго государства, въ жизни и дѣлахъ своихъ представляетъ много сходнаго. Могучій царь

МОНЕТА ТАРСА
СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ГОЛОВЫ ФИЛИППА II, ОТЦА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

является менѣе лукавымъ, ибо онъ имѣлъ неограниченную власть, и воля его считалась высшимъ закономъ. Филиппу, напротивъ, приходилось принимать въ соображеніе права знати своего государства; онъ безъ союзниковъ стоялъ лицомъ къ лицу съ внушительными силами эллинскихъ государствъ и долженъ былъ пользоваться самыми мелочными средствами и обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей.

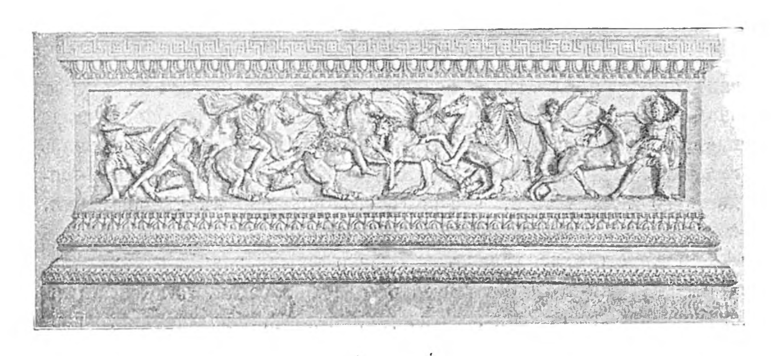
Несмотря на всѣ стѣсняющія обстоятельства, царь съ большой энергіей, умомъ и безостановочной дѣятельностью умѣлъ приводить въ исполненіе свои намѣренія. Осуществилъ ли бы онъ съ одинаковымъ счастьемъ свои широкіе планы покоренія Персіи, основанія міровой державы, — это сомнительно. Онъ подготовилъ новый порядокъ вещей; для исполненія призванъ былъ герой болѣе благороднаго облика, царь, который со смѣлымъ духомъ и бурной храбростью долженъ былъ распространить

свою власть надъ Азіей, чтобы греческій духъ еще разъ, хотя бы и при измѣненныхъ формахъ, пролилъ свой свѣтъ надъ міромъ.

Этотъ истинно царственный герой, блестящія и славныя дѣянія котораго составляютъ заключеніе картины эллинской жизни и стремленій, былъ Александръ, сынъ Филиппа. Сперва лишь страсть къ славѣ и побѣднымъ почестямъ побудила его вступить на военное поприще; но въ полетѣ успѣховъ его взгляды расширились. Въ покоренныхъ народахъ онъ не видѣлъ жалкихъ, назначенныхъ къ рабству гелотовъ; напротивъ, онъ чувствовалъ себя призваннымъ поднять ихъ на болѣе высокую ступень цивилизаціи и связать Европу и Азію узами греческой культуры, искусства и науки, питомцемъ которыхъ онъ былъ самъ.

Если смотрѣть на его стремленія съ этой точки зрѣнія, то его станешь считать не завоевателемъ, дѣйствовавшимъ безъ плана, и міровымъ разрушителемъ, но основателемъ новаго порядка вещей. Что онъ, преслѣдуя свой путь, впадалъ въ заблужденія, это лежитъ въ слабости человѣческой природы, которая не можетъ выносить безпрестаннаго счастья; быть можетъ, именно преждевременная смерть пресѣкла его грандіозные планы, такъ что отъ его дѣятельности остались лишь жалкіе обломки; быть можетъ и результатами его дѣяній остаются лишь обломки потому, что не мечомъ, но только духомъ, подвигами самоотверженной любви расширяется царство духа, пробуждается къ жизни лучшая культура.

Во всякомъ случаѣ Александръ принесъ элементы эллинскаго образованія въ отдаленнѣйшія области востока и юга, доставилъ имъ доступъ въ мѣста древнѣйшей культуры на Нилѣ, Евфратѣ и Индѣ, откуда нѣкогда проникли въ Элладу лучи болѣе высокаго познанія и искусства. Если даже теперь наука и искусство лишились своей идеальности и стали служить практической жизни, если даже ихъ произведенія употреблялись только для того, чтобы они приносили матеріальныя выгоды, дѣлали земное существованіе болѣе удобнымъ, пріятнымъ, то все-таки они оставались носителями умственной жизни человѣчества, и гордые завоеватели, мечомъ господствовавшіе надъ міромъ эллиновъ и варваровъ, сами стояли подъ вліяніемъ и подъ властью эллинскаго духа.

ЛЬВИНАЯ ОХОТА. БАРЕЛЬЕФЪ НА ПРОДОЛЬНОЙ (ЗАПАДНОЙ) СТѢНКѢ Т.-II. АЛЕКСАНДРОВСКАГО САРКОФАГА ИЗЪ ЦАРСКИХЪ МОГИЛЪ СИДОНА.

Пентелійскій мраморъ, разноцвѣтно окрашенный, длина 315 стм., ширина 165 стм., вышина 125 стм., вмѣстѣ съ крышкой 2,1 стм., IV столѣтія до Р. Хр.

Въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНІЯ АЛЕКСАНДРА.

АЛЕКСАНДРЪ родился въ ту самую ночь, когда безбожный Геростратъ, чтобъ передать свое имя потомству, поджегъ великолѣпный храмъ Артемиды въ Эфесѣ.

Уже при рожденіи мальчика отецъ возложилъ большія надежды на отпрыскъ его и Олимпіады. Онъ надѣялся, что ребенокъ унаслѣдовалъ отъ родителей тѣ качества, которыя могутъ сдѣлать его способнымъ привести въ исполненіе широкіе планы отца. Что онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, показываетъ исторія. Ибо Александръ соединялъ въ своей натурѣ воинственный духъ, неустанную дѣятельность и государственный умъ отца съ мечтательнымъ воображеніемъ матери, но все въ облагороженномъ видѣ, очищенномъ, по крайней мѣрѣ въ лучшее его время, отъ гари политической интриги и лживости и дикой, кровожадной страстности. Но этимъ облагороженіемъ онъ былъ обя-

занъ своему тщательному воспитанію, которое Филиппъ поручилъ знаменитому Аристотелю, ученику Платона. Въ дошедшемъ до насъ, но безъ сомнѣнія подложномъ письмѣ, которымъ будто-бы царь призвалъ мудреца къ его должности, онъ выражалъ свою радость по поводу того, что сынъ его родился въ такое время, когда-де онъ можетъ дать ему такого учителя.

До Аристотеля, удовлетворившаго жажду знаній отрока Александра преподаваніемъ всѣхъ частей философіи, образованіемъ его руководилъ строгій Леонидъ, человѣкъ царственнаго происхожденія и образа мыслей. Онъ держалъ своего воспитанника главнымъ образомъ на гимнастическихъ упражненіяхъ, но училъ его также и стремиться къ высокому и высшему, чтобы превосходить своихъ сверстниковъ не только тѣлесной ловкостью, но еще болѣе образомъ мыслей, который былъ бы достоинъ царя. Подъ руководствомъ этихъ двухъ мужей мальчикъ рано сдѣлался воспріимчивъ ко всему великому, прекрасному и благородному. Однако, не могло обойтись безъ того, чтобы льстецы, какъ Лисимахъ, и софисты, какъ Каллисѳенъ, не пріобрѣли вліянія и къ доброму посѣву не подмѣшали много дурныхъ сѣмянъ, взошедшихъ впослѣдствіи.

Уже въ дѣтствѣ, а еще болѣе расцвѣтающимъ юношей Александръ выказывалъ себя жаждущимъ царственной славы, но не тщеславнымъ въ отношеніи мелкихъ внѣшнихъ преимуществъ, настойчивымъ въ преодолѣніи всякаго сопротивленія разумомъ и силой, но не упрямымъ и недоступнымъ для разумной рѣчи. Когда Аристотель, между прочимъ, разсказывалъ ему о множествѣ небесныхъ тѣлъ, кромѣ земли, наполняющихъ вселенную, онъ воскликнулъ: „А я не завоевалъ даже земли!“ — „Отецъ мой не оставитъ мнѣ ничего больше сдѣлать“, жаловался онъ однажды при извѣстіи о новыхъ крупныхъ завоеваніяхъ царя. За то онъ, несмотря на прославленную быстроту своихъ ногъ, не хотѣлъ въ Олимпіи состязаться, потому что, какъ онъ выражался, онъ можетъ состязаться въ бѣгѣ только съ царями. Одну очень красивую лошадь, Букефала, не дававшую сѣсть на себя, онъ укротилъ, къ удивленію своего отца и всего двора, направивъ ее противъ солнца, такъ, чтобы она не видѣла болѣе своей тѣни. Онъ именно замѣтилъ, что она пугалась ея.

Изъ всѣхъ книгъ для молодого царевича любимѣйшею была

Иліада. Она составляла, какъ вообще въ греческомъ воспитаніи, такъ и въ его воспитаніи главную основу. Ахиллесъ, по сказанію, родоначальникъ рода его матери, былъ его любимымъ героемъ, котораго онъ ставилъ себѣ въ образецъ. Онъ всегда имѣлъ при себѣ списокъ Гомера. Но онъ познакомился и съ другими поэтическими произведеніями греческаго генія и цѣнилъ ихъ, и, кажется, онъ преимущественно почиталъ безсмертныя пѣсни Пиндара. Но, въ то время какъ онъ сближался съ наукой и искусствомъ, особенно съ поэзіей, привлекалъ къ себѣ ученыхъ и поэтовъ и богато награждалъ ихъ, онъ презиралъ мелочныя стремленія. Такъ, однажды много людей столпилось вокругъ человѣка, кидавшаго на далекомъ разстояніи горошины черезъ отверстіе иглы, и дѣлало ему подарки. Александръ, тоже подошедшій, презрительно повернулся спиной къ нему, приказавъ своему слугѣ подать артисту за его времяпрепровожденіе мѣшочекъ гороху.

Уже рано онъ выказалъ воинственный духъ свой. Оставленный, во время осады Византіи, въ качествѣ намѣстника государства, онъ побѣдоносно повелъ отрядъ войска противъ ѳракійскихъ народовъ, предпринимавшихъ, въ отсутствіе царя, разбойническіе набѣги. Въ битвѣ при Херонеѣ онъ съ своей свитой прорвалъ ѳивскую фалангу и смялъ, при кровопролитной рѣзнѣ, Священный отрядъ. Но когда Филиппъ отвернулся отъ жены своей Олимпіады и сталъ отдавать предпочтеніе греческимъ гетэрамъ, когда онъ прогналъ первую, чтобы возвести къ себѣ на престолъ прекрасную Клеопатру, тогда согласіе между отцомъ и сыномъ нарушилось. Уже на свадебномъ празднествѣ, когда Атталъ, дядя молодой царицы, объявилъ будущихъ дѣтей ея единственно равными царю по происхожденію, Александръ бросилъ въ лобъ ему кубокъ. Филиппъ во хмѣлю обнажилъ мечъ противъ сына, но, спотыкаясь, упалъ на-земь. „Смотрите,—насмѣшливо воскликнулъ царевичъ, уходя,—отецъ мой хочетъ идти въ походъ въ Азію и не можетъ держаться на ногахъ, идя отъ одного стола къ другому“.

Чувствуя себя въ опасности, юноша поспѣшилъ послѣ этого происшествія въ Эпиръ къ своей матери, которая у брата своего, царя Александра, помышляла о кровавомъ мщеніи. Неестественная борьба между отцемъ и сыномъ, борьба съ непредвидимыми послѣдствіями казалась неизбѣжной. Отъ царя не укрылись козни; онъ

видѣлъ, что готовилось, что грозило воспрепятствовать всѣмъ его гордымъ планамъ, и онъ съ обычнымъ благоразуміемъ старался привлечь къ себѣ противниковъ. Демаратъ, благородный коринѳянинъ, связанный съ царемъ отношеніями гостепріимства и съ сожалѣніемъ замѣчавшій раздоръ въ царскомъ домѣ, долженъ былъ передать царевичу привѣтствіе отца и увѣреніе въ его возобновившейся любви, и когда все-таки возникло недовѣріе, то Филиппъ предложилъ эпирскому царю Александру руку дочери своей отъ Олимпіады. Въ древнемъ городѣ Эгахъ блестяще отпраздновано было бракосочетаніе. Тутъ убійственное оружіе Павсаніи поразило царя и открыло двадцатилѣтнему Александру дорогу къ престолу.

Восшествіе Александра на престолъ (336). Отпаденіе, измѣна и возстаніе окружали юнаго правителя, горѣвшаго страстнымъ желаніемъ завоевать себѣ новыя царства въ далекихъ, чудесныхъ странахъ Азіи. „Онъ слишкомъ юнъ и неопытенъ", говорили при дворѣ, въ войскѣ, въ городѣ и въ деревнѣ. „Ребенокъ Клеопатры — настоящій наслѣдникъ, а мы его опекуны", говорили другія главы княжескихъ родовъ. „Мнѣ принадлежитъ престолъ", ворчалъ Аминта, отпрыскъ старшей линіи царскаго дома. Вскорѣ и отъ Аттала, посланнаго впередъ въ Азію съ отрядомъ войска, прибыла вѣсть, что онъ подниметъ оружіе за племянницу свою Клеопатру и находится въ переговорахъ съ Персіей.

Юный царь, хотя и окруженный опасностями, ни минуты не медлилъ взойти на престолъ. Онъ устроилъ похороны своего отца съ обычной пышностью. Уповая на своихъ могущественныхъ приверженцевъ: Антипатра, Парменіона, Лаомедонта, Птолемея Лагида и др., онъ созвалъ войско и знать государства въ Пеллу. Тамъ онъ, съ діадемой на длинныхъ волосахъ, смѣло, открыто, съ сверкающимъ взоромъ предсталъ предъ блестящимъ собраніемъ и полнымъ голосомъ сталъ говорить о своемъ правѣ на престолъ, о походѣ въ Азію, о сокровищахъ, которыя тамъ будутъ взяты въ добычу, и о сложеніи многихъ податей, угнетавшихъ дотолѣ народъ.

Громкіе, ликующіе клики были отвѣтомъ на его рѣчь, а мятежники и зачинщики молчали, откладывая свои планы.

Александръ теперь смѣло пошелъ впередъ по начатому пути. У могилы Филиппа пролили свою кровь много высокостояв-

шихъ мужей, обвиненныхъ въ соглашеніи съ убійцей Павсаніей; но заранѣе знавшая о злодѣяніи, можетъ-быть, и соучастница въ немъ, помышлявшая о мщеніи Олимпіада, будучи неприкосновенной для сына, осталась въ своемъ положеніи, не настигнутая карой. Не такой безопасностью наслаждались тѣ, чья жизнь, повидимому, угрожала власти правителя, и Александръ не побоялся пролить даже невинную кровь. Это первая темная тѣнь, запятнавшая его дотолѣ чистую жизнь. По его приказу, беззаботно игравшій ребенокъ Клеопатры былъ убитъ на ея же колѣняхъ; противъ его воли вскорѣ затѣмъ погибла и несчастная мать, принужденная страшной Олимпіадой къ самоубійству. Умереть должны были далѣе: Аминта, за заявленную имъ претензію на престолъ, и Атталъ, павшій отъ руки убійцы, такъ какъ онъ въ Азіи, во главѣ вооруженныхъ силъ, пытался произвести возстаніе.

АЛЕКСАНДРЪ (?) МОЛОДЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

Изваяніе изъ паросскаго мрамора, найденное въ Смирнѣ. На головѣ королевская діадема.

Первые походы Александра. Благодаря такимъ мѣрамъ прекословіе внутри страны должно было смолкнуть, но внѣшніе враги взялись теперь за оружіе. На сѣверѣ и западѣ поднялись трибаллы, геты, иллирійцы и другія племена, съ дикимъ боевымъ воемъ собравшіяся для новыхъ разбойническихъ набѣговъ, послѣ того какъ оковы подчиненія, казалось, были разбиты смертью Филиппа. На югѣ подняли свои головы ѳессалійцы и греческія государства, свергая иго: громкозвучныя слова Демосѳена призывали къ свободѣ не только гражданъ Аѳинъ, но и всѣхъ эллиновъ.

Чтобы прежде всего подавить возмущеніе греческихъ государствъ, юный герой пошелъ на югъ вдоль берега, въ Ѳ е с с а л і ю. Обходя занятые врагами Темпейскіе походы, онъ, при большихъ затрудненіяхъ, перешелъ скалистыя высоты Оссы и вдругъ со всѣми своими силами появился на равнинахъ Пенея.

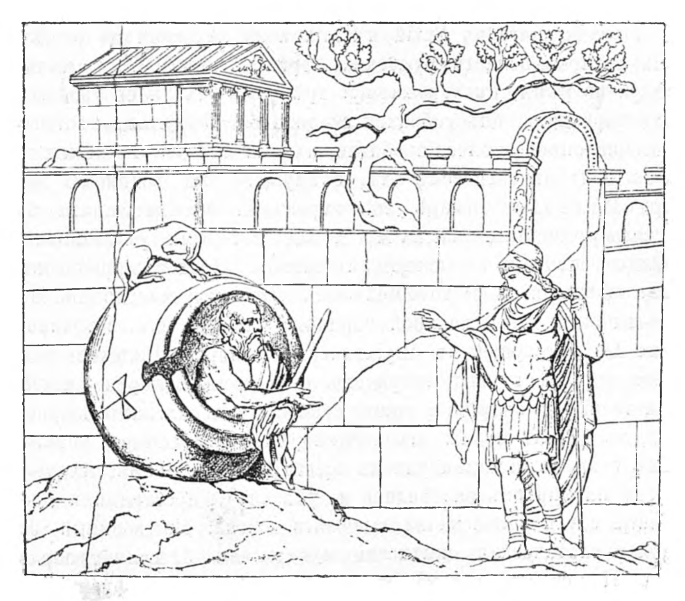
Застигнутые врасплохъ ѳессалійцы подчинились безъ боя. Ихъ всадники, снабженные панцырями, присоединились къ македонскимъ, слѣдуя за ними при дальнѣйшемъ походѣ войска, который безъ задержки привелъ его черезъ неохраняемыя Ѳермопилы на эллинскую территорію. Здѣсь все было еще не вооружено; поэтому государства подчинились необходимости, отправили пословъ и на большомъ собраніи въ Коринѳѣ возобновили союзъ съ юнымъ царемъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ раньше съ его отцомъ.

Какъ-бы для отдыха отъ серьезныхъ дѣлъ, Александръ, какъ разсказываютъ, посѣтилъ однажды киническаго философа Діогена, который грѣлся на солнцѣ передъ своей бочкой и ничуть не потревожился прибытіемъ царя. Во время разговора Діогенъ развивалъ тотъ взглядъ, что важнѣйшая задача человѣка — сохранить себя, по возможности, свободнымъ отъ потребностей. Когда царь затѣмъ обѣщалъ ему исполнить какое-нибудь любимое желаніе, то онъ высказалъ только просьбу, чтобы тотъ не заслонялъ ему солнца, такъ какъ погода свѣжа. При этихъ словахъ юный царь не могъ удержаться отъ восклицинія: „Не будь я Александромъ, я желалъ бы быть Діогеномъ!“

Можетъ быть, этимъ замѣчаніемъ онъ высказалъ свое убѣжденіе, что людское счастье состоитъ либо въ неограниченномъ обладаніи, либо въ возможнѣйшей независимости отъ потребностей; но онъ не доглядѣлъ того, что Діогенъ и другіе киники въ своихъ нищенскихъ рубищахъ собственно походили на безполезныхъ мечтателей, такъ какъ они оставались лишенными наибольшей выгоды жизни, стремленія къ великимъ успѣхамъ, сознанія того, что они напрягли всѣ силы свои на благо свое и государства. Міръ былъ бы скученъ и бездѣятеленъ, если бы всѣ люди захотѣли размышлять и грѣться на солнцѣ передъ бочкой, подобно Діогену. — Александръ, во всякомъ случаѣ, не былъ рожденъ для такихъ мечтаній; онъ былъ человѣкомъ дѣла.

Зиму Александръ провелъ въ Пеллѣ; весной слѣдующаго года онъ двинулся на сѣверъ противъ сосѣднихъ варварскихъ племенъ, сначала вдоль рѣки Неста, затѣмъ черезъ нее къ горному проходу, узко и круто открывающемуся между Гемомъ и Родопой. Ѳракійцы, вооруженные только метательными копьями и кинжалами, заняли высоты. Они скатывали внизъ по узкой дорогѣ

тяжелыя колесницы; но фаланга, бросившись на-земь, образовала щитами своими навѣсъ, по которому колесницы прокатывались, не причиняя вреда. Затѣмъ варвары, послѣ того какъ высоты были взяты, были разбиты съ большимъ урономъ. Безъ остановки походъ направился съ горъ въ равнину, находящуюся по ту сторону и прорѣзанную лѣсами и болотами, къ Дунаю. Здѣсь, подъ защитой недоступныхъ лѣсовъ, поджидали ихъ трибаллы. Когда они,

АЛЕКСАНДРЪ И ДІОГЕНЪ.

Мраморный горельефъ, хранящійся въ Villa Albani. Сцена происходитъ около однихъ изъ коринѳскихъ воротъ.

выманенные стрѣлками изъ лука и пращниками, покинули свои потаенныя мѣста, всадники, налетая на нихъ съ двухъ сторонъ, произвели среди нихъ большое кровопролитіе. Но ядро народа, занимавшее, съ женами и дѣтьми, островъ на Дунаѣ, храбро отбило всѣ нападенія македонянъ. Зато послѣднимъ удалась ночная переправа черезъ Дунай и, по ту сторону, завоеваніе одного города гетовъ.

На этихъ крайнихъ границахъ царства честь такимъ образомъ была соблюдена, а большаго царь не предполагалъ сдѣлать, ибо на западныхъ нагоріяхъ грозили большія опасности. Въ тѣхъ мѣстахъ возстали иллирійскія племена и отъ Лихнитскаго озера двинулись черезъ горы Скарда и Пинда, чтобы проложить себѣ путь въ Македонію. Тамъ, на иллирійской сторонѣ, стоялъ еще построенный Филиппомъ и хорошо укрѣпленный городъ Пелій, который господствовалъ надъ дорогами чрезъ долины Эригона, впадающаго въ Аксій, и Галіакмона. Александръ поспѣшно двинулся чрезъ область дружескихъ агріанцевъ къ Эригону и дальше, слѣдуя по рѣкѣ, къ угрожаемой крѣпости. Найдя ее уже въ рукахъ варваровъ, онъ собрался осадить ее. Тогда вдругъ явилось многочисленное ополченіе обитавшихъ на западѣ Тавлантійцевъ подъ начальствомъ ихъ, свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ, царя Главкіи. Вскорѣ всѣ окрестныя высоты заняты были легковооруженными войсками, между которыми разстановились отряды гоплитовъ съ копьями и щитами. Подвозъ припасовъ и даже сношенія съ Македоніей были отрѣзаны; македоняне ограничены были узкой долиной Эордайка, одного изъ источниковъ рѣки Апса, текущей къ Адріатическому морю. Пришлось расчистить себѣ мѣсто цѣлымъ рядомъ тактическихъ передвиженій и убійственныхъ сраженій; воины сражались на склонахъ, въ ущельяхъ, въ долинѣ и даже въ мелкой рѣкѣ. Александръ пораженъ былъ ударомъ палицы и раненъ брошеннымъ камнемъ; нѣсколько шаекъ наемниковъ разсѣялись и, убѣгая, распространили злополучные слухи о положеніи запертаго войска. Но военный геній царя и тактическая опытность македонянъ блестяще оправдались. Неповоротливыя вообще фаланги, обращаясь фронтомъ то вправо, то влѣво, непреодолимо наступали тамъ, гдѣ почва была благопріятна; всадники, прикрывавшіе фланги, врывались въ ряды наступающихъ варваровъ, между тѣмъ какъ пращники, агріанскіе копьеносцы и гипасписты отыскивали непріятеля въ его потаенныхъ мѣстахъ. Одинъ горный хребетъ за другимъ былъ взятъ, губительная блокада была прорвана.

Иллирійскія полчища, оттѣсненныя, но не побѣжденныя, стояли лагеремъ въ сторонѣ отъ города, по обычаю варваровъ, безъ окоповъ, безъ сторожевыхъ постовъ. Лишь только Александръ узналъ объ этой безпечности, онъ предпринялъ ночное нападеніе, вполнѣ

удавшееся. Кто изъ иллирійцевъ не палъ отъ копій побѣдителей, тотъ спасся, безъ оружія, поспѣшнымъ бѣгствомъ. Побѣжденные царьки, боясь грабежа, попросили мира и получили его на легкихъ условіяхъ, такъ какъ царь не имѣлъ времени заняться совершеннымъ покореніемъ варваровъ. Дѣло въ томъ, что изъ Греціи пришли извѣстія о новыхъ волненіяхъ, грозившихъ разстроить всѣ его грандіозные планы.

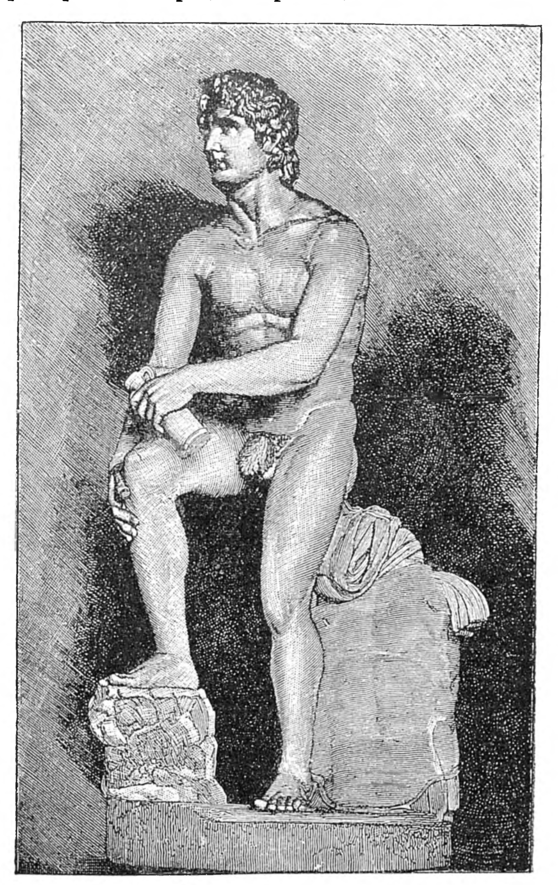
Возстаніе грековъ. Неизвѣстность судьбы царственнаго юноши во время сраженій въ горныхъ странахъ, распространенная бѣглецами вѣсть, будто онъ палъ, пробудили во всѣхъ греческихъ городахъ надежду на возможность свергнуть македонское иго. Это иго тяжело лежало на нѣкогда свободныхъ гражданахъ; ибо македонскіе гарнизоны въ городахъ, замки которыхъ они занимали, позволяли себѣ самыя дерзкія посягательства на права гражданъ. Еще болѣе дѣлали это ихъ приверженцы въ городахъ, преимущественно въ Ѳ и в а х ъ, гдѣ Кадмея, укрѣпленная новыми крѣпостными сооруженіями, стала острогомъ для населенія, которое подъ начальствомъ Эпаминонда сломило грозное могущество Спарты. И другія государства чувствовали тяжкій гнетъ, производившійся наперекоръ условіямъ коринѳскаго союза македонскими властителями. Сношенія и торговля сковывались, аѳинскія суда на Пропонтидѣ захватывались и удерживались, какъ добыча. Надменность македонянъ безъ стѣсненія переступала границы закона и заключенныхъ договоровъ.

При такихъ обстоятельствахъ охотно внимали рѣчамъ Демосѳена и Ликурга, когда онѣ увѣщевали къ вооруженіямъ, когда онѣ изображали Аѳины передовымъ воителемъ за право и свободу. При этомъ онѣ успѣшно поддерживались персидскимъ золотомъ, текшимъ изъ казнохранилищъ Великаго царя, чтобы породить враговъ македонянамъ. Этоляне, элейцы, аркадяне и мессенцы выказали себя готовыми къ отпаденію отъ угнетателей. Ѳивы первые перешли отъ словъ къ дѣлу. Граждане возстали; все, что находилось изъ македонскаго гарнизона въ городѣ, было перебито; изгнанныхъ патріотовъ пригласили вернуться и стать во главѣ общины. Передъ собраніемъ союза въ Коринѳѣ явились ѳивскіе послы, неся въ рукахъ оливковыя вѣтки, обвитыя шерстью, и приглашая къ поддержкѣ святого дѣла отчизны. Ихъ жалобы и просьбы не остались неуслышанными. Въ боль-

шей части государствъ готовились оказать помощь; уже двинулись изъ Элиды и Аркадіи къ Исѳму ратныя дружины наемниковъ.

Александръ въ Элладѣ. Когда Александръ получилъ эту вѣсть, онъ тотчасъ же тронулся со всѣми своими силами и, не отправляясь сначала въ Пеллу за подкрѣпленіями и военными потребностями, двинулся впередъ прямымъ путемъ по мало протоптаннымъ горнымъ тропинкамъ вдоль цѣпи Пинда, и уже на седьмой день послѣ перехода черезъ Камбунскія горы оказался въ Ѳессаліи, а еще черезъ шесть дней — по ту сторону Ѳермопилъ. Его не опередили ни извѣстіе, ни посланецъ; неожиданно для всѣхъ разнеслась вѣсть: „Царь, считавшійся побѣжденнымъ, убитымъ, стоитъ съ войскомъ на эллинской территоріи!“ Это извѣстіе парализующимъ образомъ подѣйствовало на всѣ движенія грековъ. И въ самомъ дѣлѣ, Александръ расположился уже подъ Ѳивами; онъ предложилъ свое прощеніе, требуя только выдачи зачинщиковъ. Но граждане, въ которыхъ проснулось сознаніе прежняго ихъ величія, на этотъ разъ не склонились подъ ненавистное иго. Рѣшившись бороться и умереть за свое святое право, они насмѣшливо требовали, чтобы Александръ, если желаетъ мира, передалъ имъ военачальниковъ Антипатра и Филоту. Царь все еще медлилъ приступомъ на древній славный городъ. Приготовляя осадныя машины, онъ сдѣлалъ новыя миролюбивыя предложенія. Когда и тѣ были отвергнуты, онъ выстроилъ войско тремя отрядами для рокового приступа, послѣдовавшаго прежде, чѣмъ данъ былъ собственно приказъ къ этому. Пылкій Пердикка, во главѣ перваго отряда, отбилъ высыпавшихъ ѳивянъ и ворвался во внѣшнія укрѣпленія, но палъ, тяжко раненный, при приступѣ на второй валъ. На поддержку его подошелъ второй отрядъ подъ командой Аминты, вслѣдъ за которымъ Александръ отправилъ стрѣлковъ изъ лука и агріанцевъ. Валъ, несмотря на самую геройскую оборону, былъ взятъ, ворота выломаны, и бѣжавшій непріятель преслѣдовался до самаго храма Геракла. Здѣсь, какъ бы на глазахъ покровителя города, граждане остановились и воспротивились преслѣдовавшимъ. Они ринулись впередъ и въ кровопролитной рѣзнѣ сразили все, что оказывало сопротивленіе. Раздался побѣдный пэанъ; городъ казался спасеннымъ, отмщеннымъ въ крови наступавшихъ воиновъ. Но никакой Пелопидъ, никакой Эпаминондъ не стоялъ во главѣ храбрецовъ, чтобы сохра-

нить твердый порядокъ. Въ то время, какъ они перепутавшимися, разстроенными рядами преслѣдовали бѣжавшія полчища,

АЛЕКСАНДРЪ.

Статуя изъ паросскаго мрамора, хранящаяся въ мюнхенской глиптотекѣ. Статуя эта подверглась многочисленнымъ и весьма неудачнымъ реставраціямъ. Реставрированы: обѣ руки, которыя были сломаны; вся правая нога и возвышеніе, на которомъ она находится, а также половина плинтуса; передняя половина лѣвой ноги. Голова дѣйствительно—Александра.

они наткнулись на сомкнутую фалангу македонянъ, встрѣтившую ихъ направленными на нихъ копьями. Страшное столкновеніе

мгновенно рѣшило дѣло. Напрасно отдѣльныя кучи собирались для сопротивленія, напрасно отдѣльные воины боролись до смерти; городъ былъ взятъ, убійство и всѣ ужасы войны свирѣпствовали на улицахъ, въ домахъ и храмахъ. Лишь единичные бѣглецы спаслись въ Аѳины, а кучка воиновъ на коняхъ и пѣшкомъ проложила себѣ свободный путь къ расположеннымъ по близости горамъ.

На слѣдующій день производился судъ надъ городомъ; а судьями были граждане разрушенныхъ ѳивянами городовъ Ѳеспій, Платеи и Орхомена. Приговоръ, который при такихъ обстоятельствахъ не могъ быть сомнительнымъ, гласилъ, чтобы Ѳивы были стерты съ лица земли, а плѣненное населеніе продано было на невольничьемъ рынкѣ. Александръ велѣлъ исполнить приговоръ; выручка отъ продажи 30,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей составила 440 талантовъ (болѣе 1.025,000 руб.). Побѣдитель долженъ былъ силой страха смирять души тѣхъ, кого онъ не могъ склонить къ себѣ мягкими средствами. Это было, это есть то проклятіе, которое слѣдуетъ за завоевателемъ на его кровавомъ пути.

Царь, однако, достигъ своей цѣли: со всѣхъ сторонъ прибыли теперь вѣстники мира; даже А ѳ и н ы, оказавшія покровительство бѣглымъ ѳивянамъ, отправили посольство, которое ласково было принято и отпущено съ отвѣтомъ, что ранѣе заключенный союзъ будетъ продолжаться, если граждане выдадутъ для наказанія десять ораторовъ и военачальниковъ. Но аѳинскій народъ понялъ смыслъ разсказанной Демосѳеномъ басни о стадѣ, которое, чтобы получить миръ, должно было выдать волкамъ своихъ сторожевыхъ псовъ; они не согласились на это условіе, но все движимое имущество свое снесли въ ограду непоколебимыхъ стѣнъ, за которыми, прикрывшись со стороны моря превосходнымъ флотомъ, можно было цѣлыми годами оказывать сопротивленіе даже сильнѣйшему сухопутному войску. Взвѣсивъ это обстоятельство, царь, по предложенію доблестнаго Фокіона и расположеннаго къ македонянамъ оратора Демада, заключилъ договоръ, не настаивая на выдачѣ ораторовъ и военачальниковъ. Когда онъ затѣмъ вновь созвалъ въ Коринѳѣ собраніе всѣхъ эллиновъ, онъ со стороны пословъ былъ осыпанъ хвалами и лестью, которыя онъ также съумѣлъ оцѣнить, какъ презиралъ упорство единственно противившихся еще спартанцевъ.

КРЫЛАТЫЙ ГРИФЪ. ПЕРСИДСКАЯ СКУЛЬПТУРА (БАРЕЛЬЕФЪ) ВЪ АССИРІЙСКОМЪ СТИЛѢ, НАЙДЕННАЯ ВЪ РАЗВАЛИНАХЪ ГОРОДА СУЗЫ.

Въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ.

ЗАВОЕВАНІЕ ПЕРСИДСКАГО ЦАРСТВА.

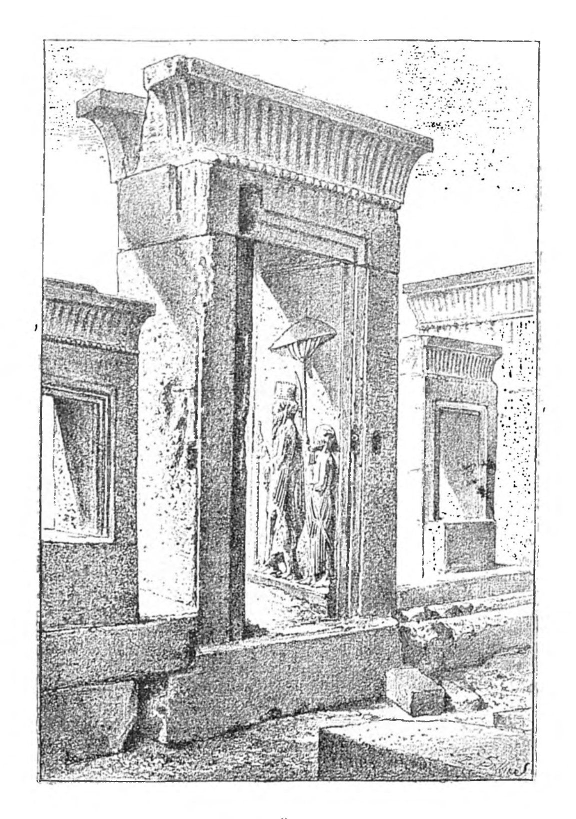
ДѢЛА родины были теперь приведены въ порядокъ, и вотъ юный герой могъ думать о приведеніи въ исполненіе дальнѣйшихъ своихъ плановъ. Тотчасъ-же по возвращеніи своемъ въ Македонію, Александръ сдѣлалъ приготовленія къ большому походу въ Азію. Военныя силы государства онъ раздѣлилъ на двѣ половины: одну онъ предоставилъ испытанному Антипатру, которому и поручилъ управленіе и охрану Македоніи; другую онъ предназначилъ для похода. Послѣднюю при помощи отрядовъ греческихъ государствъ и навербованныхъ наемниковъ онъ довелъ до 35.000 человѣкъ. На смотрѣ оказалось 9.000 фалангитовъ, ополченіе изъ трехъ западныхъ провин-

цій царства, 3.000 гипаспистовъ, между ними царская гвардія аргираспидовъ или сереброщитныхъ; затѣмъ 1.000 агріанцевъ и стрѣлковъ изъ лука: всѣ эти войска были подъ командой Парменіона. Конницей изъ 1.500 тяжеловооруженныхъ гетеровъ и 600 сариссофоровъ (копьеносцевъ) командовалъ Филота, сынъ Парменіона. Сюда присоединились еще 7.000 легковооруженныхъ пеоновъ и ѳракійцевъ подъ начальствомъ Кассандра, 7.000 гоплитовъ и 600 всадниковъ, поставленныхъ греческими союзниками, 1.500 ѳессалійскихъ всадниковъ въ латахъ и 5,600 тяжело-вооруженныхъ греческихъ наемниковъ.

Съ этими сравнительно незначительными силами Александръ надѣялся одолѣть персидское царство. Онъ былъ исполненъ такой увѣренности, что освободилъ своихъ македонянъ отъ большей части прежнихъ податей и роздалъ много царскихъ имѣній начальникамъ гетеровъ. Когда Пердикка спрашивалъ его поэтому, что же остается у него самого, онъ отвѣтилъ: „надежда!" Впрочемъ, воодушевленіе македонскаго войска, какъ и безпорядокъ въ персидскомъ царствѣ оправдывали увѣренность царя. Дѣйствительно, войско, полное увѣренности въ побѣдѣ, было готово послѣдовать за юнымъ героемъ внутрь Азіи по еще никогда не пройденнымъ дорогамъ; а въ Персіи возмущенія и споры за престолъ ослабили связь провинцій между собой, и никакое общее національное чувство не воодушевляло народовъ на упорное сопротивленіе.

Персидское царство. Персидское царство было вообще въ самомъ плохомъ состояніи. Первый Дарій сдѣлалъ много для того, чтобы соединить во единое цѣлое народности, различныя по языку, нравамъ и происхожденію; но неудавшійся походъ на скиѳовъ, потомъ возмущеніе іонянъ помѣшали проведенію предположенной организаціи. Сынъ его Ксерксъ вновь принялся за планы завоеванія Греціи, но послѣ пораженія при Саламинѣ вернулся въ свое царство и погрязъ въ сладострастныхъ наслажденіяхъ сераля, между тѣмъ какъ его войска и флоты разбивались греками. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ отступленія своего изъ Греціи, онъ погибъ отъ руки Артабана (465 г.), начальника его тѣлохранителей, напавшаго на него ночью на его ложѣ. Ему наслѣдовалъ Артаксерксъ I Макрохиръ (Долгорукій), который старался исправить недостатки въ управленіи, равно какъ

ц въ военномъ дѣлѣ, но которому недоставало необходимой силы и энергіи, чтобы привести въ исполненіе рѣшительное преобразованіе. Онъ всюду встрѣчалъ сопротивленіе; гирканцы и воин-

ПОРТРЕТЪ ДАРІЯ НА ОДНОЙ ИЗЪ СТѢНЪ ЕГО ДВОРЦА.

Дарій одѣтъ въ длинное, складчатое платье съ широкими, развѣвающимися рукавами; борода и волосы завиты, а на головѣ цилиндрическая тіара.

ственные бактрійцы возмутились, потомъ, по ихъ усмиреніи, египтяне, подъ начальствомъ своихъ главъ Амиртея и Инара. Два персидскихъ войска побѣждены были ихъ оружіемъ, пока, наконецъ, Мегабизъ, зять царя, не побѣдилъ повстанцевъ и

заодно союзныхъ съ ними аѳинянъ. По смерти царя Артаксеркса I, въ его семействѣ одинъ братъ убивалъ другого. Черезъ трупы и кровь взошелъ на престолъ Охъ (сіятельный) подъ именемъ Дарія II Ноѳа (425), но только для того, чтобы, подобно предшественникамъ, въ наслажденіяхъ и распутствахъ гарема, среди женскихъ интригъ и козней евнуховъ, расточать силы и честь. Жена его Парисатида правила вмѣсто него и посылала на жесточайшую казнь князей, знать и даже членовъ царскаго дома, противившихся ея волѣ. Къ этимъ домашнимъ распрямъ присоединились новыя возмущенія въ провинціяхъ. Намѣстники Лидіи, Мидіи, Бактріи возстали противъ царскаго правительства, не уважавшаго ни божескаго, ни человѣческаго права. Они были усмирены болѣе коварствомъ и измѣной, нежели силой оружія. Благодаря такимъ средствамъ, удалось, наконецъ, и возстаніе въ Египтѣ ограничить нижней долиной Нила. Царь при смерти своей оставилъ потрясенное царство старшему сыну своему Артаксерксу II Мнемону (404), а намѣстничество въ Передней Азіи младшему сыну Киру, который, однако, какъ выше разсказано, поднялъ знамя возстанія и съ помощью эллинскаго наемнаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Клеарха, пытался свергнуть брата съ престола. Киръ потерялъ побѣду и жизнь при Кунаксѣ. Между тѣмъ возстанія при царѣ Артаксерксѣ продолжались. Любитель искусства Мавзолъ удержался въ Каріи и перенесъ свою резиденцію въ Галикарнассъ; страны на Понтѣ стали почти совсѣмъ независимы, также и Египетъ при туземныхъ правителяхъ Нектанебѣ I (Нектанабисъ), Тахѣ и Нектанебѣ II до 341 г. до Р. Х. Болѣе, нежели эти волненія, не касавшіяся престола, печалили старившагося царя интриги и злодѣйства въ собственномъ домѣ. Старшаго своего сына, посягавшаго вмѣстѣ съ придворными измѣнниками на его жизнь, онъ велѣлъ казнить; двухъ другихъ сыновей ядомъ и кинжаломъ устранилъ младшій, Охъ, и теперь не было никого, кто-бы по смерти отца могъ спорить съ братоубійцей за престолъ.

Этотъ царь Артаксерксъ III Охъ (358), сластолюбецъ и кровожадный варваръ, старался съ помощью своего наперсника, безсовѣстнаго евнуха Багои, подавить мятежъ въ провинціяхъ жестокостью и всякаго рода коварствомъ, что и удалось. Въ

МАВЗОЛЪ.

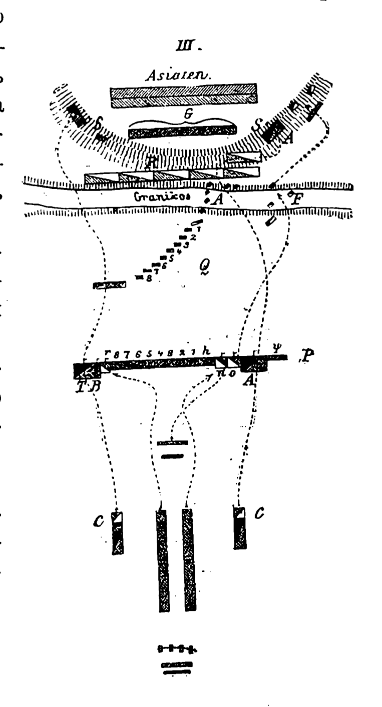
КОЛОССАЛЬНАЯ СТАТУЯ, ОТКРЫТАЯ НЬЮТОНОМЪ ВЪ РАЗВАЛИНАХЪ МАВЗОЛЕЯ: НЫНѢ ОНА ХРАНИТСЯ ВЪ БРИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.

крови и пламени погибъ Сидонъ, глава возмутившейся Финикіи, и подобными же средствами усмиренъ былъ Египетъ. Потомъ Багоя ядомъ устранилъ самого царя и всѣхъ его сыновей, такъ что верховная власть перешла къ боковой линіи царскаго рода Ахеменидовъ.

Дарій III Кодоманъ (336), кроткій и справедливый правитель, сталъ главою государства. Онъ доказалъ уже личную свою храбрость, побѣдивъ въ единоборствѣ исполинскаго воина; но и онъ скоро погрязъ въ сладострастіи сераля и ни какъ государственный мужъ, ни какъ полководецъ не выказалъ силы и искусства. Такъ государство шло къ своей гибели, которой оно давно бы уже и подверглось, еслибъ противъ него поднялась сильная иностранная держава.

Страннымъ должно показаться то, что въ этомъ большомъ царствѣ, обнимавшемъ еще много не разслабленныхъ племенъ, не поднялся ни одинъ дѣльный, талантливый человѣкъ, чтобы, ставъ во главѣ, устранить очевидные недостатки и поднять падающее государство смѣлой энергіей въ мирное время и на войнѣ. Но деспотизмъ, какъ томительный кошмаръ, тяготѣлъ надъ всѣми провинціями и останавливалъ всякое свободное движеніе. Ни одно серьезное увѣщательное слово благомыслящихъ людей не достигало ушей правителя, ни единый крикъ о помощи угнетенныхъ, никакіе вопли изъ пламени разрушенныхъ городовъ не смѣли потревожить покоя безпечнаго, бездѣятельнаго правителя въ Сузахъ. Сто воротъ закрывали доступъ къ его пышнымъ покоямъ; комнатные слуги, евнухи, придворные, тѣлохранители угрожали всякому дерзновенному, который посмѣлъ бы предстать передъ монархомъ со словомъ истины. — По барину и слуги. Сатрапы окружали себя подобнымъ же церемоніаломъ, правили съ одинаковымъ произволомъ, какъ и ихъ владыка. Протекція двора доставляла имъ ихъ намѣстничества, протекція двора вызывала ихъ отставку или устраняла ихъ петлей или сѣкирой палача.—Такъ жилъ Великій царь и расхаживалъ въ пурпурѣ и сіяющей тіарѣ въ своихъ залахъ и садахъ въ Сузахъ и Экбатанѣ, пока смѣлый завоеватель не постучался суровымъ кулакомъ въ ворота царства. Тогда онъ съ невоинственными массами отправился противъ юнаго царя, закаленные воины котораго одолѣли ѳракійцевъ, иллирійцевъ и эллиновъ.

Выступленіе Александра. Когда царь Филиппъ готовился къ походу противъ Персіи, онъ отправилъ осмотрительнаго полководца своего Парменіона, а также Аттала, съ значительнымъ отрядомъ войска впередъ въ Малую Азію, для освобожденія греческихъ городовъ Малой Азіи. Въ богатое подвигами лѣто, когда Александръ далъ первые опыты своего полководческаго таланта, тамъ съ перемѣннымъ счастьемъ воевалъ Парменіонъ. Противъ него командовалъ Мемнонъ, смѣлый искатель приключеній изъ Родоса, который прежде принималъ участіе въ одномъ возстаніи противъ Артаксеркса III, по подавленіи его искалъ покровительства при дворѣ въ Пеллѣ, а затѣмъ въ Персіи снова достигъ чиновъ и почестей. Онъ былъ человѣкъ съ большими способностями, единственный достойный противникъ Александра. Во главѣ персидскихъ всадниковъ и эллинскихъ наемниковъ онъ заставилъ Парменіона снять осаду Питаны на эолійскомъ побережьи; затѣмъ онъ одержалъ побѣду въ области Троады и оттѣснилъ македонскаго полководца Калу, преемника Аттала, къ Геллеспонту, гдѣ онъ ограничилъ его самымъ тѣснымъ пространствомъ. Если бы тогда во-время прибыли персидскіе сатрапы и флотъ, то Мемнонъ овладѣлъ бы всѣмъ побережьемъ; но въ царствѣ Великаго царя всѣ движенія происходили медленно.

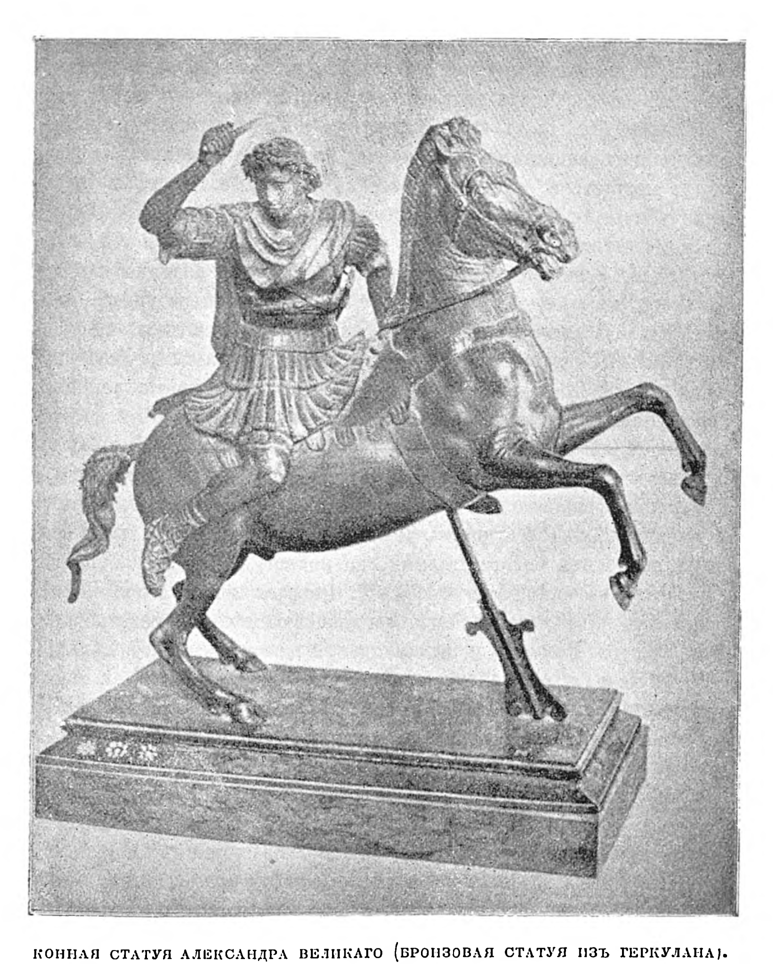
ПОЗИЦІЯ МАКЕДОНЯНЪ И ПЕРСОВЪ ВЪ БИТВѢ ПРИ ГРАНИКѢ.

Персы: *R* — конница. *G* — греки на персидской службѣ. Македоняне: *C* — наступленіе Александра. *P* — позиція; *G* — нападеніе на персидскую конницу; *S* — нападеніе на греческихъ наемниковъ.

Но вотъ весной 334 г. Александръ двадцатьюдневными переходами двинулся черезъ Амфиполь, перешедши рѣки Стримонъ и

Гебръ, въ Сестъ на Геллеспонтѣ, гдѣ онъ, самъ управляя своей тріэрой, устроилъ переправу посредствомъ 160 кораблей и множества плоскодонныхъ лодокъ. Враждебно настроенный противъ него городъ Лампсакъ онъ пощадилъ по просьбѣ философа Анаксимена и затѣмъ отправился къ гавани ахейцевъ, западной бухтѣ Геллеспонта, гдѣ принесъ жертвы богамъ и вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ Гефестіономъ украсилъ вѣнками могилы Ахиллеса и Патрокла. Послѣ этого торжества онъ соединился снова съ войскомъ, стоявшимъ еще лагеремъ у Лампсака. Потомъ онъ вблизи отъ берега прошелъ по плодоноснымъ полямъ Фригіи, гдѣ, какъ онъ слышалъ, сатрапы Передней Азіи собрали противъ него значительное войско въ 40,000 человѣкъ, состоявшее наполовину изъ персидскихъ всадниковъ и греческихъ наемниковъ. Они стояли лагеремъ на Граникѣ, рѣкѣ, текущей съ южныхъ горъ въ сѣверномъ направленіи къ Пропонтидѣ (Мраморному морю). Вначалѣ персы колебались, дать ли имъ сраженіе подступающему Александру; опытный въ военномъ дѣлѣ полководецъ Мемнонъ заявилъ въ военномъ совѣтѣ, что вѣрнѣе можно истребить непріятеля, опустошая вокругъ него страну и безпрестанно безпокоя его со всѣхъ сторонъ многочисленной конницей. Онъ, слѣдовательно, совѣтовалъ держаться той тактики, противъ которой напрасно пробовали свои силы и римскіе легіоны, и конные латники запада. Одолѣла-ли бы она и Александра, войско котораго благодаря тщательному расчлененію на всѣ роды оружія, особенно же благодаря коннымъ и пѣшимъ легковооруженнымъ, было подготовлено ко всякой борьбѣ, это нужно оставить нерѣшеннымъ, такъ какъ сатрапы отвергли предложеніе Мемнона и стали ожидать непріятеля въ благопріятной позиціи на правомъ, круто обрывающемся, берегу Граника. Впереди, на далекое разстояніе вдоль рѣки, скакали эскадроны, позади которыхъ на холмистой почвѣ расположилась пѣхота.

Битва на Граникѣ. Увидѣвъ непріятеля, Александръ велѣлъ своимъ колоннамъ стать въ боевую линію. Онъ примѣнилъ здѣсь косой боевой порядокъ Эпаминонда; только нападающимъ крыломъ его было правое, и иное оружіе рѣшило тутъ дѣло, чѣмъ какъ это было въ битвахъ ѳиванскаго героя. Дѣло въ томъ, что онъ самъ, во главѣ конныхъ эскадроновъ, нанесъ тотъ ударъ, который долженъ былъ повлечь за собой побѣду: онъ оказалъ

КОННАЯ СТАТУЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО (БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ ИЗЪ ГЕРКУЛАНА).

По всей вѣроятности, уменьшенное воспроизведеніе изъ той большой группы (9 пѣшихъ воиновъ и 25 всадниковъ), которая, по приказу Александра, была изготовлена Лисиппомъ въ память битвы при Граникѣ и была потомъ поставлена въ Діонѣ, въ Македоніи.

при этомъ величайшее довѣріе къ конницѣ, которую раньше мало принимали въ разсчетъ и мало употребляли въ дѣло. Хотя Парменіонъ, по причинѣ трудной мѣстности, настойчиво не совѣтывалъ вступать въ бой, царь далъ рѣшительный приказъ къ наступленію.

Сперва Аминта съ сариссофорами, легковооруженными всадниками и гипаспистами обращается противъ крайняго, лѣваго крыла непріятеля, какъ будто желая его обойти, и тѣмъ побуждаетъ персовъ посылать все больше и больше людей къ угрожаемому пункту. Превосходя численностью, силы послѣднихъ отбросили, наконецъ, македонскій отрядъ, порядочно поколотивъ его, въ рѣку и за нее. Но вотъ самъ царь во главѣ одѣтыхъ въ латы гетэровъ, справа имѣя за собой агріанцевъ и стрѣлковъ, слѣва—гипаспистовъ, рысью приближается къ срединѣ персидскаго лѣваго крыла. На крутомъ и ограниченномъ рѣчномъ берегу завязывается упорный рукопашный бой. Персы, подъ командой Мемнона и его сыновей, храбро обороняютъ свою позицію, хотя они, имѣя противъ себя тяжеловооруженныхъ всадниковъ и выстрѣлы агріанцевъ, оказываются въ невыгодномъ положеніи. Александръ, въ блестящихъ доспѣхахъ, съ шлемомъ, украшеннымъ съ обоихъ боковъ бѣлыми, на подобіе крыльевъ, перьями, сражается въ самой густой свалкѣ. Вокругъ него кипитъ вся сила боя, такъ какъ персидскіе князья добиваются чести сразить царя. Тутъ бьются Мемнонъ и его сыновья, Арсамъ, сатрапъ киликійскій, Арситъ, фригійскій, Спиѳридатъ, лидійскій, и много родственниковъ царскаго дома; всѣ они направляютъ свое оружіе на шлемъ съ бѣлыми перьями, который защищаютъ македонскіе всадники. Копье въ рукѣ Александра расщепляется; сломалось и оружіе щитоносца. Коринѳянинъ Демаратъ подаетъ ему свое. Тогда на него налетаетъ князь Миѳридатъ съ кучей всадниковъ; но Александръ пронзаетъ его страшнымъ ударомъ, а равно и брата его Резака, который разсѣкъ ему шлемъ. Однако, вотъ Спиѳридатъ уже заноситъ кривую саблю надъ незащищенной головой царя; тогда храбрый Клитъ отрубаетъ поднятую руку перса и, вторымъ ударомъ, укладываетъ его замертво наземь. Рукопашная схватка становится все ожесточеннѣе и кровавѣе; но всадники прокладываютъ себѣ, наконецъ, путь, разбиваютъ варваровъ и принуждаютъ ихъ бѣжать во всѣ стороны.

Въ продолженіе этого времени и македонское лѣвое крыло, подъ

командой Парменіона, перешло рѣку. Гоплиты спереди нападаютъ на греческихъ наемниковъ, сражавшихся на сторонѣ персовъ; въ то же время слѣва ѳессалійскіе всадники и справа самъ царь со своей конницей и сариссофорами, послѣ отчаяннаго боя, врываются въ сомкнутые ряды, которые теперь совершенно разбиваются и уничтожаются.

Вслѣдствіе этой первой побѣды вся Малая Азія доставалась побѣдителю, такъ какъ непріятельское войско совершенно распалось, а сатрапы вначалѣ не имѣли средствъ собрать другое. Александръ, уронъ котораго былъ незначителенъ, выказалъ себя, впрочемъ, достойнымъ своего счастья. Онъ не только почтилъ своихъ всадниковъ, павшихъ при первомъ натискѣ, памятникомъ изъ 25 мѣдныхъ статуй, созданныхъ мастерской рукой Лисиппа, но посѣтилъ также и раненыхъ и позаботился объ уходѣ за ними. Даже трупамъ варваровъ онъ велѣлъ сдѣлать приличное погребеніе. Изъ богатой добычи онъ послалъ своей матери Олимпіадѣ драгоцѣнную утварь и ковры, а 300 персидскихъ доспѣховъ онъ отправилъ, въ качествѣ обѣтнаго дара, въ Аѳины. Такъ-же щедро наградилъ онъ своихъ товарищей по оружію, съ помощью которыхъ одержалъ побѣду.

Походъ въ Малой Азіи. Послѣ короткаго отдыха Александръ началъ завоевательный походъ по провинціямъ Малой Азіи для покоренія различныхъ персидскихъ сатрапій и эллинскихъ приморскихъ городовъ. Онъ мало встрѣчалъ сопротивленія. Полководецъ его Парменіонъ овладѣлъ фригійскою столицей Даскиліемъ; самъ онъ вступилъ въ Лидію, а вскорѣ и въ ея столицу Сарды, гдѣ сдался ему безъ боя крѣпкій замокъ съ богатыми сокровищами. Какъ освободителя, приняла его большая часть греческихъ городовъ, среди нихъ въ особенности Эфесъ, гдѣ невыносимый гнетъ олигархической партіи вызвалъ всеобщее возстаніе. Демократическое устройство теперь всюду было возстановлено. Только важный портовый городъ Милетъ оказалъ упорное сопротивленіе. Послѣ того какъ Александръ, наконецъ, со стороны суши овладѣлъ внѣшнею частью города, онъ началъ осаду внутренней части. Въ то же время Никаноръ со 160 македонскими тріэрами присталъ къ господствовавшему надъ городомъ острову Ладе и принудилъ непріятельскій флотъ, силой въ 400 парусовъ, у мыса Микале, на не безопасномъ рейдѣ, оставаться

бездѣятельнымъ зрителемъ осады и взятія могущественнаго города. Однако, всѣ приступы были отбиты, и только съ помощью осадныхъ орудій удалось, наконецъ, вынудить сдачу города. Оставшихся въ живыхъ Александръ помиловалъ.

Между тѣмъ Мемнонъ съ остатками побѣжденнаго па Граникѣ персидскаго войска бросился въ Галикарнассъ, важнѣйшій городъ на карійскомъ побережьи. Поставленный Великимъ царемъ во главѣ всѣхъ морскихъ силъ и приморскихъ областей, онъ рѣшился противостать здѣсь македонянамъ. Онъ еще болѣе укрѣпилъ городъ устройствомъ новыхъ оборонительныхъ сооруженій, помѣстилъ сильные гарнизоны въ Миндѣ на оконечности мыса и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ и со своими войсками, состоявшими изъ персовъ и греческихъ наемниковъ, спокойно ждалъ приближенія непріятелей. Ночное нападеніе послѣднихъ на Миндъ было кровопролитно отбито. Александръ между тѣмъ совершенно распустилъ свой флотъ, такъ какъ онъ вовсе не могъ равняться съ персидскимъ; занятіе Галикарнасса могло поэтому быть произведено только со стороны суши. Были примѣнены всѣ средства осаднаго искусства, чтобы одолѣть упорную оборону. Передвижныя башни, тараны и стѣнобитныя машины, подъ прикрытіемъ охранительныхъ навѣсовъ, называвшихся черепахами, работали съ разрушающей силой; катапульты и баллисты безпрестанно находились въ дѣйствіи. Напрасно защитники дѣлали вылазки и сожгли часть машинъ: настойчивость осаждавшихъ возмѣщала всякую потерю.

Тогда Мемнонъ, понимая безнадежность дальнѣйшаго сопротивленія, велѣлъ зажечь городъ, жителей принялъ на свои корабли и увезъ ихъ къ неподалеку расположенному острову Косу. Сушу онъ предоставилъ побѣдителю, но ему и превосходному флоту его принадлежало море. И тутъ онъ выказалъ себя достойнымъ быть противникомъ Александра. Мемнонъ составилъ смѣлый планъ, состоявшій въ томъ, чтобы завоевать греческіе острова, посредствомъ персидскаго золота привести къ отпаденію всю Элладу и съ соединенными войсками напасть на самую Македонію. Онъ завоевалъ уже Хіосъ и частью овладѣлъ Лесбосомъ. Также много кикладскихъ острововъ стали на сторону персовъ; на Эвбеѣ ждали человѣка, который ловкими переговорами умѣлъ склонять къ себѣ сердца, а счастливыми успѣхами пріобрѣ-

тать довѣріе. Спартанцы вошли съ нимъ въ сношенія, аѳиняне прислушивались къ его призыву, вся Греція пришла въ волненіе. Даже къ варварскимъ народамъ по сосѣдству съ Македоніей Мемнонъ будто-бы послалъ довѣренныхъ лицъ съ обѣщаніями и наполненными золотомъ кошелями. Никто не говоритъ намъ, что за планы покоились въ умѣ этого недюжиннаго человѣка, ибо смерть разрушила смѣлое строеніе его проектовъ и надеждъ. Онъ заболѣлъ при осадѣ Митилены, могущественнѣйшаго города на Лесбосѣ, и умеръ. Его племянникъ и преемникъ по главному начальству, Фарнабазъ, раздробилъ свои силы, а Харидемъ изъ Аѳинъ, напоминавшій Сузскому двору объ осторожности по отношенію къ опытному на войнѣ непріятелю и указывавшій на помощь греческихъ наемниковъ, за добрый совѣтъ свой былъ задушенъ. Въ Персіи не было никого, кто бы могъ его замѣнить.

По занятіи Галикарнасса, Александръ очутился въ обладаніи всей Каріей, и господство надъ ней передалъ ограниченной въ своей власти персами карійской царицѣ Адѣ, которая въ самомъ началѣ поспѣшила ему навстрѣчу, чтобы увѣрить его въ своей дружбѣ. Она въ то же время прислала ему лучшихъ своихъ поваровъ, чтобъ онъ не испортилъ себѣ желудка дурно приготовленными кушаньями; но онъ отпустилъ славныхъ артистовъ, увѣряя, что получилъ отъ воспитателя своего Леонида еще болѣе великихъ мастеровъ поваренна искусства, именно воздержность и дѣятельность.

Съ частью своего войска онъ двинулся далѣе въ Ликію, составлявшую независимое государство подъ персидскимъ покровительствомъ. Не наталкиваясь на сопротивленіе, онъ завладѣлъ страной, но удовольствовался присягой въ вѣрности ему народа и оставилъ прежнее устройство. Изъ Фаселиды онъ по опасной, залитой моремъ дорогѣ (памфильская лѣстница) проникъ въ Памфилію, покорилъ Аспендъ и изъ Перге пошелъ на сѣверъ, въ суровыя писидійскія горы, откуда онъ послѣ многихъ стычекъ съ дикими, воинственными горцами достигъ до Келэнъ, столицы Фригіи, которая добровольно сдалась ему.

Въ городѣ Гордіѣ онъ остановился на зиму. Здѣсь онъ мечомъ разрубилъ искусно завязанный узелъ, отъ развязки котораго, какъ вѣрили, зависѣло господство надъ Азіей.

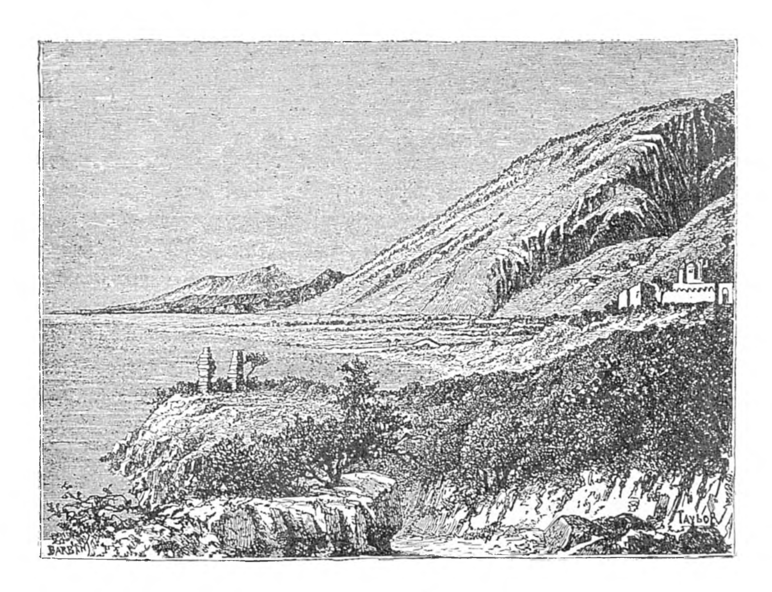
Стянувъ къ себѣ весной 333 года свѣжія войска изъ Македоніи и Греціи и снова соединившись съ конными

отрядами Парменіона, перезимовавшими въ области Сардъ, онъ направилъ свой походъ черезъ Анкиру къ киликійскимъ проходамъ на сѣверномъ краю Тавра. Въ знойный лѣтній день, онъ, покрытый потомъ и пылью, достигъ города Тарса, черезъ средину котораго подъ тѣнистыми кустами протекаетъ Киднъ, прохладный горный потокъ. Прелесть мѣстности и прозрачность и свѣжесть воды приглашали къ купанью. Александръ, пренебрегая всякой осторожностью, раздѣлся и бросился въ свѣтлыя воды, но тотчасъ же лишился сознанія. Царя, правда, спасли изъ волнъ, но состояніе его было въ высшей степени опаснымъ: онъ находился между жизнью и смертью.

Тогда лейбъ-медикъ его Филиппъ приготовилъ цѣлительный напитокъ. Въ то-же время Александръ отъ Парменіона получилъ письмо, предостерегавшее его отъ этого Филиппа, потому-де, что онъ подкупленъ персидскимъ царемъ. Когда явился врачъ съ напиткомъ, царь твердо взглянулъ на него и убѣдился въ его вѣрности. Вслѣдъ затѣмъ онъ передалъ ему письмо, осушая въ то-же время безъ колебанія чашу. Онъ не обманулся въ немъ. Лѣкарство вызвало сильный потъ, за которымъ слѣдовали крѣпительный сонъ и скорое выздоровленіе.

Битва при Иссѣ (ноябрь 333 г.). Но было и пора царственному полководцу осилить болѣзнь; ибо вскорѣ затѣмъ прибыло извѣстіе, что самъ Дарій поднялся изъ древней своей резиденціи и со всѣми силами царства уже стоитъ на сирійскихъ равнинахъ, чтобъ остановить дальнѣйшее наступленіе отважнаго завоевателя. Александръ немедленно двинулся впередъ противъ превосходящаго силами непріятеля. Двѣ дороги вели изъ киликійской нагорной страны въ равнину: одна на востокъ, черезъ цѣпь горъ Амана, другая на югъ, сначала черезъ дефилеи у моря, затѣмъ черезъ сирійскіе проходы. Онъ избралъ послѣднюю, хотя и болѣе далекую дорогу и, пройдя затруднительныя тѣснины, достигъ расположеннаго у моря городка Міріандра. Здѣсь войско настигла сильная буря, заставившая его остановиться. Но прежде чѣмъ можно было продолжать походъ въ Сирію, прибыли разсѣянные бѣглецы, которые сообщали, что главныя персидскія силы двинулись впередъ черезъ аманскія тѣснины, перебили отставшихъ раненыхъ и больныхъ македонскихъ воиновъ и необозримыми массами развертываются при Иссѣ на прибрежной равнинѣ.

Дарій стоялъ, слѣдовательно, въ тылу македонскаго войска, преграждая ему путь на родину. Этотъ неблагопріятный поворотъ привелъ въ робость много мужественныхъ дотолѣ сердецъ, такъ какъ въ случаѣ пораженія невозможно было ни спасеніе моремъ, ни отступленіе сушею. Но самъ царь полонъ былъ радостнаго упованія, и увѣренность его скоро сообщилась и войску.

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ИССѢ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

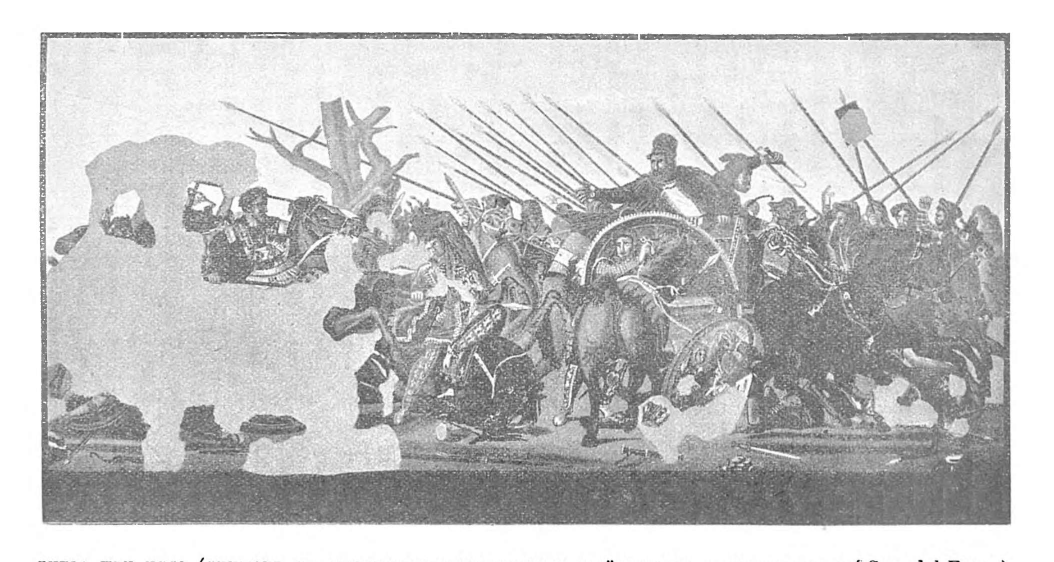
Еще въ тотъ-же вечеръ онъ приказываетъ отступленіе обратно черезъ дефилеи, высота которыхъ достигнута была около полуночи. Послѣ отдыха въ нѣсколько часовъ онъ до разсвѣта продолжаетъ путь черезъ тѣснины. Справа темными массами поднимаются высокіе утесы горъ, слѣва виднѣется море, заблиставшее восходящею зарею. Шествіе вооруженныхъ, стѣснившееся въ одну колонну, вьется черезъ скалы и утесы прохода.

Тотчасъ по выходѣ изъ тѣснинъ, отряды войска развернулись и двинулись впередъ для наступленія въ равнину, по которой протекаетъ Пинаръ, значительный ручей. Многочисленные персидскіе

конные отряды и стрѣлки изъ лука, тѣснившіе раньше македонскій авангардъ, теперь отступили за рѣчку. За то 20.000 варваровъ съ горъ угрожали правому флангу войска. Противъ нихъ царь двинулъ сначала агріанцевъ, затѣмъ, когда онъ самъ сталъ нуждаться въ нихъ для общаго натиска, тяжелую и легкую кавалерію, которая отбила всякое движеніе непріятелей въ равнину и въ тылъ главныхъ силъ. Теперь Александръ построилъ боевой порядокъ. Справа стали сариссофоры подъ командой Протомаха, пеоны и македонскіе всадники, съ одной стороны прикрытые агріанцами, съ другой—стрѣлками изъ лука. Затѣмъ, по лѣвой сторонѣ, слѣдовали гипасписты (3.000 человѣкъ) и фаланги гоплитовъ Кэна и храбраго Пердикки. Къ нимъ примыкали, подъ командой опытнаго Кратера, фаланги Мелеагра, Птолемея и Аминты, далѣе критскіе стрѣлки изъ лука, ѳракійская пѣхота, ѳессалійская конница и легко вооруженные конные наемники. Парменіонъ, по обыкновенію руководившій лѣвымъ крыломъ, получилъ приказъ развернуть линіи до самаго моря, чтобы предотвратить обходъ фланга непріятелемъ.

Во время этихъ движеній и персы, по ту сторону рѣки, какъ было видно, кончали выстраиваться. Греческіе наемники, 30,000 человѣкъ, стали на правомъ флангѣ, на лѣвомъ выстроилось 60.000 тяжеловооруженныхъ варваровъ (кардаковъ). Большая часть конницы рысью направилась къ правому крылу на равнину у моря, гдѣ она имѣла болѣе свободный просторъ. Позади этихъ войскъ стоялъ самъ царь Дарій, на виду у всѣхъ, на высокой колесницѣ, украшенной золотыми изображеніями Бела и Нина. Его пурпуровое одѣяніе обшито было серебряными полосами, плащъ его сіялъ золотымъ шитьемъ, на золотомъ поясѣ висѣла сабля, сверкавшая драгоцѣнными каменьями. 15.000 такъ называемыхъ родственниковъ верхомъ на коняхъ охраняли его священную особу. Къ этому отряду примыкали 10.000 безсмертныхъ и многочисленныя войска ополченія глубокими колоннами, такъ какъ во фронтѣ не было болѣе мѣста.

Посреди своихъ вѣрныхъ гетэровъ медленно наступалъ Александръ, пока непріятельскія стрѣлы не стали оказывать дѣйствія. Тогда онъ въ стремительномъ натискѣ, при которомъ за нимъ справа и слѣва слѣдуютъ гипасписты, сариссофоры, агріанцы и стрѣлки, бросается за рѣку и врывается въ самую середину

БИТВА ПРИ ИССѢ (СНИМОКЪ СЪ МОЗАИЧНАГО ИЗОБРАЖЕНІЯ, НАЙДЕННАГО ВЪ ПОМПЕЯХЪ ВЪ Casa del Fauno).

Мозаика эта, по всей вѣроятности, копія съ знаменитой картины Елены, дочери Тимона Египетскаго, принадлежитъ къ числу величайшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ греческаго искусства. Она изображаетъ рѣшительный моментъ битвы при Иссѣ, когда Александръ Македонскій вмѣстѣ со своими гетерами нападаетъ на колесницу царя. Одинъ изъ спутниковъ послѣдняго напрасно старается его защитить: Александръ поражаетъ его самого копьемъ, а лошадь его, истекая кровью, падаетъ на землю. Дарій, не обращая вниманія на другого спутника, который на случай бѣгства держитъ для него наготовѣ свою собственную лошадь, съ болью взираетъ на жертву преданности.

лѣваго крыла кардаковъ. Двѣ ближайшія фаланги остаются соединеными, такъ что нападающая колонна является какъ-бы неправильнымъ треугольникомъ, вершина котораго неудержимо вламывается въ толпу непріятелей. За то гоплиты центра не въ состояніи наступать съ такою-же быстротой. Возникаетъ промежутокъ; эллинскіе наемники врываются туда и оттѣсняютъ лѣвое крыло македонянъ къ морю. Ѳессалійская конница собирается проложить выходъ фалангамъ; но ее саму стремительно аттакуютъ конные отряды варваровъ. Къ ужасу Парменіона, она даетъ тылъ передъ подавляющей массой непріятелей. Но въ этотъ моментъ проявляется отличная обученность и военная опытность ѳессалійцевъ. Возобновляя наступленіе, они свойственнымъ имъ клинообразнымъ строемъ разсѣкаютъ массы неожидавшихъ этого непріятелей, которые, однако, снова собираются и подавляющей массой вторично отбрасываютъ назадъ наступающіе эскадроны. Конное сраженіе колеблется то въ ту, то въ другую сторону, оставаясь нерѣшеннымъ; однако, при большей продолжительности его, меньшинство, повидимому, должно пасть.

Между тѣмъ царь прокладываетъ себѣ широкую кровавую дорогу сквозь кардаковъ, чтобы достигнуть самого Дарія. Родственники и безсмертные, благороднѣйшіе вожди и князья персовъ напрасно заступаютъ ему дорогу; они падаютъ отъ копій и мечей македонянъ, умѣющихъ пользоваться своимъ оружіемъ. Уже копье агріанца пронзаетъ кресло Дарія; благородные кони становятся на дыбы; тогда тотъ вскакиваетъ на другую колесницу и оттуда на бѣлаго коня, чтобы трусомъ покинуть бой, войско и честь. Вся масса варваровъ, построенная фронтомъ назадъ, слѣдуетъ его примѣру. Побѣдители обращаются теперь противъ греческихъ наемниковъ, которые, поддерживаемые персидскими конными полчищами, въ убійственномъ бою тѣснятъ фаланги Парменіона. Македоняне рѣшительно въ невыгодномъ положеніи, ряды ихъ разстроены, нѣсколько вождей убито. Эллины на персидскомъ жалованьи храбро и искусно бьются за славу своего оружія. Тогда появляется самъ Александръ во главѣ своихъ эскадроновъ и съ нимъ побѣда. Наемникамъ приходится очистить поле битвы со значительнымъ урономъ; однако, ядро ихъ, около 8.000 храбрыхъ, посѣдѣвшихъ воиновъ, сквозь побѣдителей и

побѣжденныхъ прокладываютъ себѣ путь къ морю и пробиваются далѣе черезъ южные проходы въ самую Финикію.

Лишь подъ вечеръ Александръ могъ начать дѣятельное преслѣдованіе побитыхъ персовъ. Онъ совершенно разсѣялъ бѣжавшее войско и завладѣлъ лагеремъ вмѣстѣ съ большими богатствами. Въ его руки попалъ и гаремъ Дарія и въ немъ Сисигамбида, его мать, жена его Статира съ двумя дочерьми и однимъ сыномъ царя. Но онъ не вывелъ плѣнныхъ въ тріумфѣ, по варварскому римскому обычаю, а обошелся съ ними снисходительно и съ почтеніемъ; онъ будто-бы на слѣдующій-же день посѣтилъ царицъ въ ихъ палаткѣ, чтобы дать имъ увѣренія въ достойномъ, царскомъ обращеніи съ ними. Когда царица-мать по незнанію его особы склонила колѣна передъ его спутникомъ Гефестіономъ, онъ сказалъ: „Это—другой Александръ!“ и великодушно поднялъ ее.

Покореніе Финикіи. Александръ стоялъ на верху счастья. Малая Азія и пограничныя страны находились въ его власти; его геній, поддерживаемый его благоустроеннымъ войскомъ, сразилъ не только неповоротливыя массы варваровъ, но и ратныя дружины эллинскихъ наемниковъ. Однако, онъ не возгордился своей побѣдой, онъ не предался покою; напротивъ, онъ осмотрительно и съ неустанной дѣятельностью преслѣдовалъ дальнѣйшія свои цѣли. Персидское царство лежало передъ нимъ открытымъ. Онъ могъ, безпрепятственно наступая вглубь Азіи, помѣшать скопленію новыхъ массъ войска. Но ему казалось болѣе важнымъ напередъ подчинить своей власти прибрежныя страны и тѣмъ сдѣлать безвреднымъ персидскій флотъ, который, если во главѣ его стоялъ вождь въ родѣ Мемнона, угрожалъ ему постоянной опасностью. По этому, хорошо взвѣшенному, плану царь тотчасъ-же тронулся съ поля битвы при Иссѣ и, слѣдуя вдоль берега, проникъ въ Финикію. Пока Парменіонъ въ сторонѣ занималъ Дамаскъ съ неизмѣримыми богатствами Дарія, самому царю подчинились города Арадъ и Мараѳъ, а также Библъ и Сидонъ.

Богатый и могущественный городъ Тиръ, правда, также выразилъ готовность подчиниться ему, но отказался открыть ворота вооруженнымъ силамъ. Граждане довѣряли своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, положенію города на островѣ и своему флоту, господствовавшему на морѣ. Старый Тиръ (Палэтиросъ) ле-

жалъ на материкѣ, но уже въ раннее время возникли поселенія на двухъ небольшихъ островахъ, расположенныхъ передъ берегомъ. Поселенцы изъ Сидона увеличили эти поселенія, и въ 12 ст. до Р. Хр. царь Хирамъ соединилъ оба острова, засыпавъ узкій проливъ. Онъ увеличилъ городъ также еще могучими дамбами и гидравлическими сооруженіями и заложилъ на сѣверѣ сидонскую, на востокѣ египетскую гавань, для охраны которыхъ онъ возвелъ громадныя стѣны. Стѣны эти впослѣдствіи были продолжены вокругъ всего города и, отвѣсно подымаясь изъ моря, на востокѣ въ слабѣйшемъ мѣстѣ были вышиной въ 45 m. (147 футовъ). Салманассаръ, царь ассирійскій, и Навуходоноссоръ нѣкогда тщетно осаждали эту твердыню цѣлыми годами.

Александръ, не отступавшій ни передъ какимъ препятствіемъ, предпринялъ осаду издревле знаменитаго города. Тогда граждане прежде всего отправили женщинъ и дѣтей и всѣхъ безоружныхъ въ свою колонію Карѳагенъ, а сами стали строить искусныя военныя машины для отраженія нападенія. Чтобы проложить себѣ черезъ море путь къ городу, царь велѣлъ насыпать дамбу; но когда послѣдняя достигла стѣнъ города, то передвижныя башни, охранительные навѣсы и прочія осадныя оружія македонянъ подожжены были брандерами тирянъ и сгорѣли. Посредствомъ смѣлой вылазки осажденнымъ удалось также разодрать свайное сооруженіе дамбы.

Тогда Александръ собралъ вокругъ города превосходный флотъ отъ Сидона, Кипра и другихъ мѣстъ и велѣлъ устроить еще болѣе широкую и крѣпкую дамбу. Но и тиряне не бездѣйствовали. Они заградили свои гавани цѣпями, прикрыли входы кораблями и прочими орудіями обороны, погрузили въ море громадныя каменныя глыбы, чтобы затруднить для непріятельскихъ тріэръ приближеніе, рабочихъ на дамбѣ днемъ и ночью осыпали градомъ выстрѣловъ и дѣлали многочисленныя вылазки; но все напрасно. Тогда они попробовали бороться съ превосходившимъ ихъ непріятельскимъ флотомъ, чтобъ сохранить свободными свои гавани; но и это имъ не удалось. Неутомимые македоняне заканчиваютъ дамбу, она достигаетъ городскихъ стѣнъ; съ нѣсколькихъ передвижныхъ башенъ спускаются подъемные мосты; воины проходятъ по нимъ, чтобъ взобраться на зубцы стѣнъ; а внизу тараны съ большой силой работаютъ про-

тивъ самыхъ стѣнъ. Однако, осажденные приняли мѣры противодѣйствія. Особые снаряды сыплють на штурмующихъ непріятелей раскаленный песокъ; гарпуны своими крюками срываютъ щиты и сбрасываютъ воиновъ въ пропасть; серпы на длинныхъ шестахъ подрѣзаютъ канаты тарановъ, такъ что послѣдніе падаютъ, не оказывая дѣйствія. Такимъ образомъ приступъ отбивается.

Между тѣмъ Александръ замѣтилъ, что только съ болѣе слабой южной стороны можно съ успѣхомъ произвести нападеніе; поэтому, чтобы обмануть вниманіе тирянъ, онъ велѣлъ предпринять нападеніе на обѣ гавани и вооруженнымъ судамъ со всѣхъ сторонъ сновать около города. Самъ же онъ обратился къ южной сторонѣ, съ помощью сильныхъ кораблей съ таранами пробилъ брешь и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, пошелъ на приступъ (августъ 332 г.). Храбрый Кёнъ выдерживалъ бой съ защитниками у пролома, Александръ же направился вправо, со своимъ отрядомъ незамѣтно взошелъ на стѣну—самъ онъ былъ вторымъ—и ему удалось напасть на храбрыхъ тирянъ съ тылу, между тѣмъ какъ Кёнъ и штурмующіе на дамбѣ проникали все далѣе впередъ. Теперь ужь не помогало болѣе никакое геройство, никакая храбрость; въ отчаяной борьбѣ граждане должны были уступать передъ натискомъ со всѣхъ сторонъ. На площади Агенора послѣдніе защитники съ мужествомъ отчаянія оборонялись до самой смерти.

Пало, говорятъ, 8000 тирянъ, между тѣмъ какъ уронъ побѣдителей опредѣляется только въ 400 человѣкъ, что конечно въ виду семимѣсячной продолжительности осады является нѣсколько невѣроятнымъ. Плѣнные защитники города проданы были на невольничьихъ рынкахъ, по общепринятому въ войнахъ древности обычаю. Александръ такимъ образомъ тоже поступилъ по жестокой традиціи. Онъ былъ, правда, кротокъ и милостивъ по отношенію къ тѣмъ врагамъ, которые не могли ему вредить, какъ, напримѣръ, къ женѣ и матери Дарія; но доказательствъ признанія храбрости и по отношенію къ непріятелю мы у македонскаго завоевателя находимъ такъ же мало, какъ и у другихъ полководцевъ того времени.

Паденіе Газы. Одинаково безпощадно обошлись съ населеніемъ сильной пограничной крѣпости Газы въ палестинской Сиріи. Она преграждала путь въ Египетъ и храбро защищалась

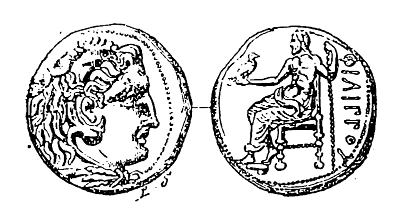
евнухомъ Батисомъ, вѣрнымъ слугой своего царя, съ помощью аравійскихъ наемныхъ дружинъ. Положеніе города на крутомъ земляномъ валу посреди низменной песчаной мѣстности и его высокія стѣны дѣлали его почти неприступнымъ, какъ заявляли всѣ мастера, завѣдывавшіе осадными сооруженіями. Однако Александръ, котораго не пугало никакое затрудненіе, велѣлъ сдѣлать сильную насыпь, такъ что послѣ невыразимыхъ усилій можно было, наконецъ, подвести къ стѣнѣ машины.

Многія изъ нихъ были разрушены при стремительной вылазкѣ гарнизона; стрѣла изъ катапульты пронзила щитъ, панцырь и плечо царя, поспѣшавшаго на помощь. Но осада все-таки продолжалась настойчиво. Посредствомъ минъ и новыхъ привезенныхъ изъ-подъ Тира осадныхъ орудій стѣны во многихъ мѣстахъ были сломаны, и, послѣ того какъ три приступа геройски были отбиты, македонская фаланга, пущенная въ дѣло всею своею массою, открыла себѣ кровавую дорогу въ городъ. Храбрый начальникъ Газы, тяжко раненый, былъ принесенъ къ побѣдителю, который, по мало заслуживающему вѣроятія извѣстію, будто-бы проволокъ его вокругъ города, привязавъ его за проколотыя пятки къ колесницѣ. Мы должны подвергнуть это сомнѣнію, такъ какъ безполезной жестокости въ характерѣ Александра не было.

Сосѣднія съ Финикіей племена, въ особенности самаритяне и израильтяне, подчинились безъ сопротивленія. Послѣдніе, хотя и отказавшіе въ своей помощи при осадѣ Тира, получили прощеніе и съ ними обошлись снисходительно. Царь мирно вступилъ въ Іерусалимъ; онъ посѣтилъ и храмъ и Святая Святыхъ въ немъ, чтобы познакомиться съ богослуженіемъ этого обособленнаго племени. Затѣмъ онъ безъ дальнѣйшихъ препятствій продолжалъ походъ въ Египетъ.

Во время этихъ осадъ и переходовъ великій царь персидскій неоднократно присылалъ посольства о заключеніи мира, предлагалъ Переднюю Азію до Евфрата и крупныя денежныя суммы, но получилъ гордый отвѣтъ, что условія ставятся побѣдителями, принимаются побѣжденными, и что лишь личное его появленіе и подчиненіе можетъ ему пріобрѣсти милость Александра. Но персидскій монархъ такъ низко еще не опустился; ему недоставало только какого-нибудь Мемнона, который могъ соединить греческія государства противъ Македоніи. Таковымъ себя считалъ спартанскій

царь Агисъ. Онъ получалъ персидское золото и вербовалъ на него не только многочисленныхъ наемниковъ, но и старался вовлечь въ свой союзъ другія государства Пелопоннеса. Зато Фарнабазъ, начальникъ персидскаго флота, выказалъ себя совсѣмъ неспособнымъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что грабилъ острова; онъ не дѣлалъ ничего для поддержки киликіянъ и финикіянъ, пока флотъ его, наконецъ, не уменьшился до немногихъ судовъ. Преслѣдуемый македонскими военачальниками, онъ бросился къ Хіосу, гдѣ былъ захваченъ вмѣстѣ съ оставшимися еще у него пятнадцатью тріэрами. Наконецъ перешла къ македонянамъ и Митилена на Лесбосѣ, которую занялъ аѳинянинъ Харесъ съ 2000 наемниковъ. Персы теперь уже совершенно были

ТЕТРАДРАХМА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

прогнаны съ моря, и Египетъ оставался единственной прибрежной страной, которая была на видъ еще подчинена великому царю.

Александръ въ Египтѣ. Итакъ, къ странѣ чудесъ на Нилѣ направлялъ свой походъ побѣдоносный герой. Персидскій сатрапъ подчинился, народъ былъ радъ освободиться отъ персидскаго ига. Александръ безъ всякаго сопротивленія прошелъ по странѣ и занялъ столицу Мемфисъ; но онъ счастливымъ взоромъ замѣтилъ также на узкомъ мысу къ западу отъ канобскаго устья Нила мѣсто, казавшееся особенно благопріятнымъ для торговли. Тамъ онъ построилъ Александрію, позднѣйшее средоточіе міровой торговли, образованія и литературы. Отсюда онъ предпринялъ экспедицію внутрь Ливіи къ оазису и знаменитому храму Юпитера Амона. Дождь на пути освѣжилъ почти умиравшихъ уже отъ жажды воиновъ, такъ что они могли продолжать путь черезъ море песку, пока не достигли оазиса. Онъ лежалъ, наконецъ, пе-

редъ ними, подобно изумруду, со своей сочной зеленью, своими тѣнистыми пальмами, простиравшими свой навѣсъ изъ листьевъ надъ прозрачными ключами и ручьями, и по срединѣ почтенный храмъ съ статуей бога Амона, которая благодаря своей бараньей головѣ существенно отличалась отъ Олимпійскаго Зевса Фидіи. Старшій изъ жрецовъ встрѣтилъ царя въ преддверіи храма, велѣлъ свитѣ остановиться и повелъ его въ келью бога. Александръ съ радостнымъ лицомъ вышелъ снова къ своимъ спутникамъ, но умолчалъ о содержаніи изреченнаго ему оракула. И съ довѣріемъ встрѣченъ былъ слухъ, будто верховный жрецъ при входѣ въ храмъ привѣтствовалъ его именемъ сына Зевса и посулилъ ему владычество надъ земнымъ шаромъ. Александръ не имѣлъ повода прекословить этому, ибо отблескъ божественнаго происхожденія могъ быть только выгоднымъ для него при дальнѣйшихъ походахъ на востокѣ. Обратный походъ изъ оазиса былъ короче и велъ непосредственно въ Мемфисъ.

Послѣ того какъ здѣсь управленіе страной было приведено въ порядокъ, узнали, что Дарій собралъ новое, огромное ополченіе на равнинахъ Месопотаміи; тотчасъ же Александръ со своими, привыкшими къ побѣдамъ, дружинами отправился въ путь, чтобъ напасть на врага (331 г.).—Черезъ перешеекъ, соединяющій Азію и Африку, походъ направился въ Финикію, гдѣ въ возстановленномъ Тирѣ совершено было торжественное жертвоприношеніе и состоялись блестящія праздничныя игры. Царь принялъ здѣсь самыя цѣлесообразныя мѣры, какъ относительно управленія Финикіей, Сиріей и эллинскими государствами, такъ и въ отношеніи порядка и боевой способности его войскъ. Значительные отряды ѳракійцевъ, грековъ и македонянъ прибыли на подкрѣпленіе и должны были быть обучены и размѣщены по полкамъ. Самаритяне, попытавшіеся на дерзкое возстаніе, были наказаны. Затѣмъ собраны были нужные для дальнѣйшаго похода запасы, чтобы воинскій духъ бойцовъ не былъ ослабляемъ недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ. Послѣ такихъ приготовленій тронулось все войско изъ Дамаска. Послѣ одиннадцати тягостныхъ переходовъ достигли Евфрата у города Ѳапсака, гдѣ высланный впередъ отрядъ началъ строить два моста, но не кончилъ ихъ, встрѣтивъ препятствіе въ превосходившей его силой непріятельской конницѣ на противоположномъ берегу. Когда прибылъ царь, непріятель отсту-

пилъ, и войско, по окончаніи мостовъ, перешло черезъ широкую рѣку. Оно направилось на сѣверъ къ Верхней Месопотаміи. На 112 km. (105 верстъ) выше древняго города Ниневіи войско не безъ опасности переправилось черезъ быстрый Тигръ и подступило затѣмъ на юговостокъ къ послѣднему горному хребту на краю обширной равнины.

Дарій, теперь опять появляющійся на сценѣ событій, дотолѣ пребывалъ въ непонятной бездѣятельности, не оказавъ ни малѣйшей помощи стѣсненнымъ тирянамъ во время долгой осады, и не сдѣлавъ также попытки, во время предпріятій своего противника въ Египтѣ, вновь отвоевать потерянныя страны. Онъ довольствовался тѣмъ, что призывалъ къ оружію народности своихъ восточныхъ провинцій и собиралъ вокругъ себя ихъ неповоротливыя массы. Великій царь былъ человѣкъ, отличавшійся сердечною добротой и благочестіемъ, но безъ всякаго военнаго таланта, и, несмотря на прежніе боевые подвиги, безъ личнаго мужества. Въ мирное время онъ можетъ быть сдѣлалъ бы много добра; но въ буряхъ войны онъ не смогъ охранить ни своихъ народовъ, ни себя самого. Онъ сраженъ былъ геніемъ своего противника и судьбой.

Битва при Гавгамелѣ. На маленькомъ притокѣ Тигра, у мѣстечка Гавгамелы, въ 112 km. (105 верстахъ) отъ Арбелы, стоялъ лагеремъ Дарій со своими многочисленными войсками, готовый дать рѣшительное сраженіе на равнинѣ, гдѣ могли развернуться его массы (1 октября 331 г.). Самъ онъ стоялъ въ центрѣ всего войска съ царскими родственниками и отборными дружинами индійцевъ, карійцевъ и мардскихъ стрѣлковъ изъ лука, когда увидѣлъ грозное войско македонянъ, спускавшееся съ послѣдней цѣпи холмовъ. На этотъ разъ онъ могъ противопоставить непріятельскимъ гоплитамъ только 6000 греческихъ наемниковъ, но онъ возлагалъ надежды на 200 снабженныхъ серпами колесницъ, которыя онъ поставилъ впереди. Вначалѣ онъ надѣялся быть въ состояніи своимъ лѣвымъ крыломъ оцѣпить непріятеля, правое крыло котораго простиралось только за его центръ; но скоро увидѣлъ онъ, что тотъ концомъ своимъ двигался все дальше въ угрожаемую сторону и, наконецъ, повидимому, сталъ обходить колесницы съ серпами. Поэтому онъ велѣлъ скиѳскимъ и бактрійскимъ всадникамъ обойти съ фланга линію македонянъ,

чтобы напасть на нихъ съ праваго бока и съ тылу. Но скакавшіе эскадроны наткнулись на пэоновъ и другого рода конницу, которая, хотя нѣсколько разъ и отбитая, все-таки оказала упорное сопротивленіе, такъ что страшная крючкообразная наступательная колонна все болѣе могла подвигаться вправо.

Напрасно другіе отряды варваровъ подкрѣпляли бактрійцевъ: македоняне, будучи многочисленнѣе, нежели при Иссѣ, изъ второго строя двинулись на помощь пэонамъ. Дарій пустилъ поэтому въ атаку колесницы съ серпами. Навстрѣчу имъ бросаются агріанцы и копьеносцы Балакра, пугаютъ лошадей или выстрѣлами своими убиваютъ возницъ. Затѣмъ гоплиты размыкаютъ свои ряды, даютъ колесницамъ безвредно промчаться сквозь нихъ и снова смыкаются. Тогда вся персидская конница лѣваго крыла получаетъ приказъ двинуться влѣво и задѣть нападающую колонну непріятелей сбоку. При неповоротливости персовъ во всѣхъ движеніяхъ чрезъ это возникаетъ промежутокъ, и въ него врывается Александръ со своими вооруженными гетэрами, къ которымъ присоединяются аргираспиды, гипасписты и фалангиты. Послѣ кровопролитной рѣзни персидское лѣвое крыло обращено въ бѣгство. Но ускоренному движенію не могла слѣдовать часть фалангитовъ; на нее нападаютъ теперь индійскіе и пареянскіе конные отряды, прорываютъ центръ и набрасываются на багажъ, оставленный въ лагерѣ подъ охраной немногихъ ѳракійцевъ. Въ то время, какъ обращается на нихъ арьергардъ, остальная персидская конница массой атакуетъ другой бокъ лѣваго крыла македонянъ, тѣснимаго и спереди.

Опасность пораженія македонянъ велика, ибо правое крыло непріятеля, опираясь на пятнадцать исполинскихъ слоновъ, стоитъ неколебимо, между тѣмъ какъ его конные отряды налетаютъ все стремительнѣе. Парменіонъ, имѣющій въ своихъ рукахъ, по обыкновенію, на этомъ флангѣ главное начальство, въ минуту крайняго затрудненія посылаетъ вѣсть царю и получаетъ отвѣтъ, что онъ-де съумѣетъ почетно умереть съ мечомъ въ рукѣ. Но такъ какъ извѣстія становятся все болѣе угрожающими, такъ какъ отряды непріятельскихъ всадниковъ все въ большемъ количествѣ проникаютъ въ возникшій промежутокъ и грозятъ прервать всякую связь, Александръ съ конницей и гипаспистами отклоняется отъ преслѣдованія одержанныхъ имъ успѣховъ, чтобъ подать помощь под-

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛѢ

Мраморный рельефъ, найденный въ Италіи и извѣстный подъ именемъ рельефа Киджи. Двѣ женщины съ башенками на головахъ поддерживаютъ одной рукой щитъ, на которомъ изображена кавалерійская битва; другой рукой онѣ совершаютъ возліяніе на жертвенникѣ, украшенномъ фигурами; женщины эти — Европа и Азія; кавалерійская битва — рѣшительный моментъ, приведшій къ побѣдѣ при Арбелахъ (это видно изъ надписи, выгравированной подъ щитомъ); самый щитъ Европа и Азія приноситъ въ даръ храму въ честь Александра.

вергнувшемуся опасности полководцу. Онъ натыкается на персидскую и пароянскую конницу, которая съ крайней силой пытается прорваться. Шестьдесятъ македонскихъ всадниковъ падаютъ въ рукопашномъ бою; Гефестіонъ, Кёнъ, Менида и многіе другіе тяжело ранены; однако, царственный герой одерживаетъ верхъ, хотя ядро варваровъ и прокладываетъ себѣ свободную дорогу къ бѣгству. Вслѣдствіе пораженія лѣваго крыла и центра, наконецъ персы и на правомъ флангѣ падаютъ духомъ. Ѳессалійская конница заставляетъ противниковъ податься назадъ, врывается въ пѣхоту и завершаетъ побѣду. Александръ тогда безъ отдыха предается преслѣдованію; ему предшествуютъ ужасы пораженія, трупы и развалины отмѣчаютъ его слѣдъ, пока вечернія сумерки и утомленіе не принуждаютъ преслѣдующихъ остановиться на отдыхъ.

Но скоро послѣ полуночи Александръ трогается снова, чтобъ не дать врагу времени собраться. Еще въ этотъ день онъ достигаетъ Арбелы, въ 115 km (108 верстахъ) отъ поля битвы, гдѣ онъ находитъ оружіе, багажъ и крупныя суммы денегъ, между тѣмъ какъ Парменіонъ въ непріятельскомъ лагерѣ захватываетъ въ добычу слоновъ, верблюдовъ и много драгоцѣнностей.

Македоняне въ Вавилонѣ. Послѣ этой рѣшительной битвы, несчастный исходъ которой нанесъ могуществу Дарія смертельный ударъ, Александръ съ ядромъ своего войска отправился, перешедши черезъ Тигръ, къ міровому городу Вавилону, издревле знаменитому средоточію персидскаго царства.

Туда бросился Мазей, храбрый предводитель праваго крыла персовъ въ битвѣ при Гавгамелѣ. Обширный городъ съ громадными стѣнами цѣлыми годами противился побѣдоносному Киру и впослѣдствіи Дарію Гистаспу: какъ же было одолѣть его сравнительно маленькому македонскому войску? Александръ вѣроятно это взвѣшивалъ; но герой, который при Гавгамелѣ побѣдилъ силы всего востока, уповалъ на свой геній и на свое счастье, и не напрасно. Когда онъ со своими ратными дружинами подступалъ по широкой военной дорогѣ черезъ неизмѣримую равнину, путь его былъ украшенъ жертвенниками и цвѣточными гирляндами, воздухъ былъ наполненъ ладономъ и благовоніями. Дѣвушки и дѣти въ праздничныхъ нарядахъ привѣтствовали славнаго царя и приносили вѣнки, пурпуровыя одѣянія и другіе драгоцѣнные дары.

Халдейскіе жрецы, начальники города, чиновники, даже Мазей, какъ и государственный казначей Багофанъ приняли его, какъ коронованнаго главу государства и при ликованіи толпы проводили его въ городъ, гдѣ царствовали нѣкогда Семирамида и Навуходоноссоръ и оставили послѣ себя грандіозныя постройки.— Какъ дивились эллинскіе воины, когда предъ ихъ очами развернулась роскошь и пышность восточной жизни!

Блестящіе сады, храмъ Ваала (башня Бела), много другихъ святилищъ и дворцы вельможъ выступали изъ безконечной массы домовъ. Къ этому присоединялось движеніе на площадяхъ, улицахъ, на рѣкѣ и каналахъ, давка людей изъ всѣхъ областей востока и въ разнообразнѣйшихъ одѣяніяхъ: вавилонянъ, мидійцевъ, персовъ, индійцевъ, затѣмъ шумныя пиршества, сладкія вина, возбуждающіе танцы, ласкающіе звуки музыки. Солдаты думали, что перенеслись въ волшебный міръ.

Они осушали золотые бокалы, они отъ одного наслажденія бросались къ другому; они проматывали богатое вознагражденіе за свои труды и сраженія, которое даровалъ имъ щедрый полководецъ, приказавъ выдать каждому македонскому всаднику по 600 драхмъ, союзническимъ всадникамъ по 500, фалангитамъ по 200, а каждому наемнику двойное мѣсячное жалованье. Но у Александра и были средства для этихъ и многихъ другихъ подарковъ для его храбрыхъ бойцовъ; ибо кромѣ добычи изъ Арбелы и сокровищъ Вавилона онъ нашелъ въ царскихъ подвалахъ въ Сузахъ 50,000 талантовъ (110 милліоновъ нынѣшнихъ рублей) золотомъ и серебромъ, не считая драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, роскошныхъ платьевъ и прочихъ драгоцѣнностей пышной резиденціи.

Изъ всѣхъ этихъ богатствъ и драгоцѣнностей царь будто-бы оставилъ себѣ только одинъ драгоцѣнный ларчикъ, чтобы положить въ него полученный отъ Аристотеля экземпляръ Гомера.

Въ Персіи и Мидіи. Въ Вавилонѣ измѣнился образъ воззрѣнія и отчасти и весь характеръ Александра. Мужественнымъ героемъ, почти какъ авантюристъ, выступилъ онъ въ походъ, чтобы пріобрѣсти себѣ персидское царство и эллинизировать его. Теперь, когда онъ видѣлъ предъ собою развернутымъ востокъ съ его неизмѣримыми областями и народами, онъ понялъ, что его предпріятіе, какъ онъ представлялъ его себѣ, для смертнаго, даже

для сына Юпитера Амона, слишкомъ велико, что оно вообще невыполнимо. Онъ находилъ здѣсь религіозныя системы, образовавшіяся и укоренившіяся въ теченіе тысячелѣтій, весьма древнюю культуру, формы, языки, обычаи, непосредственно противопоставленные эллинской духовной природѣ. Какъ побѣдоносный герой, онъ могъ преодолѣть, покорить племена Ирана; но преобразовать ихъ мышленіе и существованіе, этого онъ сдѣлать не былъ въ состояніи ни мечомъ, ни эллинской мудростью; это могло сдѣлать только медленно творящее время, которое въ теченіе вѣковъ естественно развивало и укрѣпляло всю особенность народа въ обычаяхъ, законахъ и культурѣ. Когда побѣдное опьяненіе прошло, пятьдесятъ или сто тысячъ македонянъ и грековъ должны были раствориться въ массѣ восточныхъ народовъ, молодая эллинская мудрость—въ древнихъ положеніяхъ востока. Но по крайней мѣрѣ сѣмена благороднаго свойства, изъ которыхъ мало-по-малу выросли бы новыя, невиданныя формы, такой могучій человѣкъ, какъ Александръ, могъ всыпать въ безжизненную массу.

Что царь понялъ эту истину и принялъ ее въ расчетъ, измѣняя свой образъ дѣйствій,—это его неоспоримая заслуга, если даже въ этомъ могла имѣть участіе также и склонность его къ неограниченному владычеству. Отнынѣ онъ разсматривалъ себя какъ владыку востока и запада; онъ пытался посредничать между рѣзкими противоположностями и по возможности сливать ихъ; онъ старался изгладить въ побѣжденныхъ память объ ихъ пораженіи и съ другой стороны удовлетворить побѣдителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ обуздать ихъ надменность. Македоняне не понимали новыхъ началъ своего царя; они съ недовольствомъ видѣли, какъ онъ шествовалъ съ персидской царской пышностью, привлекалъ ко дворцу своему персидскую знать, поручалъ ей наряду съ македонскими начальниками вооруженныхъ силъ крупнѣйшія сатрапіи, какъ ему нравилось такого рода поклоненіе, которое противно было всѣмъ отечественнымъ нравамъ. Между ними и властителемъ возникъ раздоръ, часто мѣшавшій его предпріятіямъ и подавляемый только его властной личностью.

Цѣлый мѣсяцъ длились празднества и пиршества въ Вавилонѣ. Затѣмъ трубы затрубили къ новымъ сраженіямъ, успѣхамъ и почестямъ. Ибо герой, стоявшій во главѣ войска, не былъ обезсиленъ наслажденіями; напротивъ, его исполинскіе планы еще

расширились; онъ спѣшилъ привести ихъ въ исполненіе, прежде чѣмъ могла исчезнуть быстротечная жизнь. По широкой военной дорогѣ войско двигалось черезъ плодоносныя, густо населенныя области къ рѣкѣ Хоаспу, гдѣ не наткнулись ни на непріятельскія дружины, ни на другія препятствія. Не встрѣчая сопротивленія, достигли Сузъ. Сатрапъ, добровольно сдавшій замокъ, городъ и страну, былъ утвержденъ въ намѣстничествѣ, между тѣмъ какъ Архелай былъ назначенъ начальникомъ македонскаго гарнизона, силою въ 3000 человѣкъ. Плѣнное семейство Дарія получило увеселительные замки, сады и земли, которыми раньше владѣли персидскіе монархи, и въ то же время и царскій придворный штатъ. Послѣ того какъ въ войскѣ были размѣщены свѣжіе отряды, около 16,000 человѣкъ, изъ Македоніи и Греціи, начатъ былъ дальнѣйшій походъ въ область Персиду, древнюю знаменитую родину персовъ.

Зимняя пора уже наступила, но въ этихъ южныхъ мѣстностяхъ сады, луга, пашни и лѣса были еще въ свѣжей зелени, и во всякаго рода плодахъ не было недостатка. Черезъ рѣки Копратъ и Эвлей, которыя послѣ своего сліянія въ качествѣ Пасигигра (Малаго Тигра), впадаютъ въ Персидское море, перешли безъ остановки. Но когда вступили въ горы, то увидѣли высокія вершины покрытыми снѣгомъ, и возраставшій холодъ становился весьма чувствительнымъ. Уксіи, вольный горный и пастушескій народъ, занималъ торчавшіе тутъ утесы, съужавшіе большую дорогу. Александръ, ведомый знакомыми съ мѣстностью людьми, обошелъ съ легковооруженнымъ войскомъ непріятельскую позицію по труднымъ тропинкамъ, вторгся въ деревни, сжегъ ихъ и такимъ образомъ насильно добился не только свободнаго пути, но и полнаго подчиненія упорнаго племени. Дальнѣйшій походъ въ теченіе пяти дней шелъ черезъ плоскогорье къ могучей цѣпи горъ, замыкавшей и прикрывавшей здѣсь старую Персію. Дорога, ведшая внутрь страны, преграждена была стѣной, по обѣимъ сторонамъ которой подымались высокія, точно башни, стѣнообразныя скалы. Здѣсь стоялъ лагеремъ, защищая свою родину, благородный Аріобарзанъ съ ядромъ народа и многими бѣглецами, спасшимися изъ послѣдней битвы. Предложенную ему сатрапію онъ гордо отвергъ, и когда начался и днемъ и ночью продолжался приступъ, онъ со своими вѣрными воинами оставался

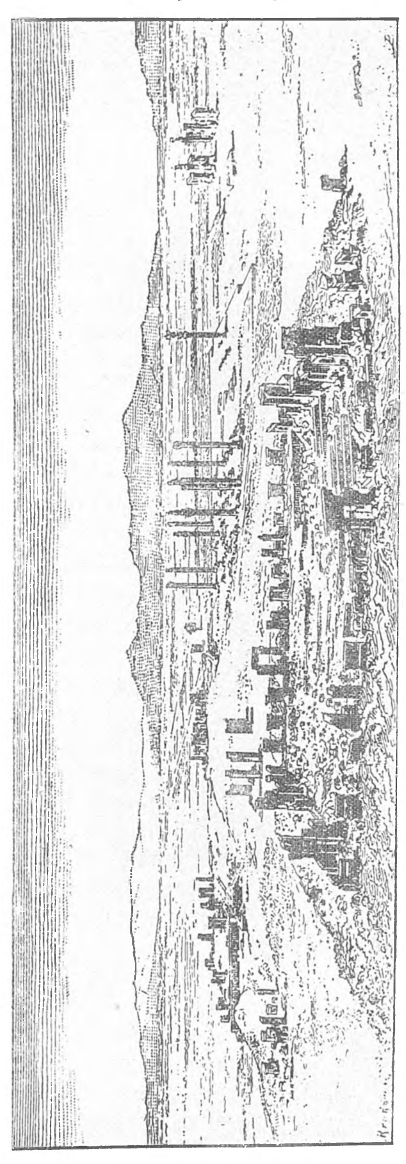
такъ же непоколебимымъ, какъ нѣкогда Леонидъ въ Ѳермопилахъ. Но Александръ не былъ человѣкомъ, который отступилъ бы передъ препятствіями. Ведомый знающимъ мѣстность ликійцемъ, онъ съ отрядомъ войска взобрался на горы тропинками, до этого считавшимися недоступными. Черезъ скаты утесовъ, по снѣгу и льду, мимо обрывистыхъ пропастей онъ зашелъ въ тылъ непріятелю. При нападеніи, Кратеръ, поднявшись изъ долины, взялъ съ приступа проходы и завершилъ пораженіе застигнутыхъ врасплохъ защитниковъ. Однако Аріобарзанъ съ дружиной храбрыхъ воиновъ пробился и спасся къ своему царю, который самъ не сдѣлалъ никакой попытки оказать помощь своему народу.

Когда войско послѣ крайне труднаго марша прошло черезъ суровыя горы, передъ нимъ развернулись прелестныя долины. Какъ расположенная здѣсь ровная долина Шираса теперь еще представляетъ садъ, усаженный розами и плодовыми деревьями, такъ тогда цвѣтущей была долина Мердаштъ, орошенная ручьями и искусственными каналами, соединенными съ Араксомъ (нынѣ Бендеміромъ). Къ востоку, у горной стѣны Нахмедъ, террасами подымался надъ открытымъ городомъ великолѣпный царскій кремль Персеполь, на который вела широкая двойная лѣстница. Въ концѣ лѣстницы портикъ у воротъ открывалъ дорогу сквозь три стѣны, превышавшія одна другую. Два могучихъ четырехугольныхъ столба въ началѣ и два въ концѣ, съ рельефами колоссальныхъ диковинныхъ животныхъ, и четыре статуи между ними замыкали портикъ съ обоихъ боковъ. Далѣе къ югу по второй, входившей въ стѣну, двойной лѣстницѣ, бывшей шириной въ 70 m. (230 футовъ) и вышиной только въ 4 m. (13 футовъ) подымались въ царскій дворецъ.

Персеполь. Не безъ удивленія разсматривалъ Александръ со своими македонянами грандіозную постройку изъ блестяще отполированнаго мрамора, свидѣтельствовавшую о томъ, что искусство не было неизвѣстно и въ странѣ варваровъ. Онъ вступилъ въ богатый портикъ, просторныя залы второй террасы, пышные покои третьей, которые содержались въ прохладѣ, закрытые драгоцѣнными коврами и занавѣсами. Всюду стѣны покрыты были картинами. Онѣ представляли персидскаго царя то въ бою, то побѣдителемъ, то въ его частной жизни; также и свита его была изображена многочисленными группами, а между ними видны были

крылатыя фигуры животныхъ съ человѣческими головами, львы, единороги, грифы и цѣлыя группы животныхъ. Необъятныя помѣщенія, какъ уже упомянуто, частью были раздѣлены на покои драгоцѣнными коврами, какъ еще теперь можно замѣтить по колоннадѣ, такъ какъ каменная постройка довольно еще сохранилась.

Въ этомъ древнеперсидскомъ царскомъ кремлѣ Александръ давалъ праздничныя пиршества. Тутъ сидѣлъ онъ со своими героями за веселымъ пиромъ и полными глотками попивалъ вкусное вино; музыка гремѣла по чертогамъ, арфисты пѣли пѣсни въ честь непобѣдимаго царя, а танцовщики и танцовщицы исполняли хороводныя пляски для усиленія веселья пира. Вино и ликующая радость ободряли сердца гостей; они вспоминали свершенные подвиги и

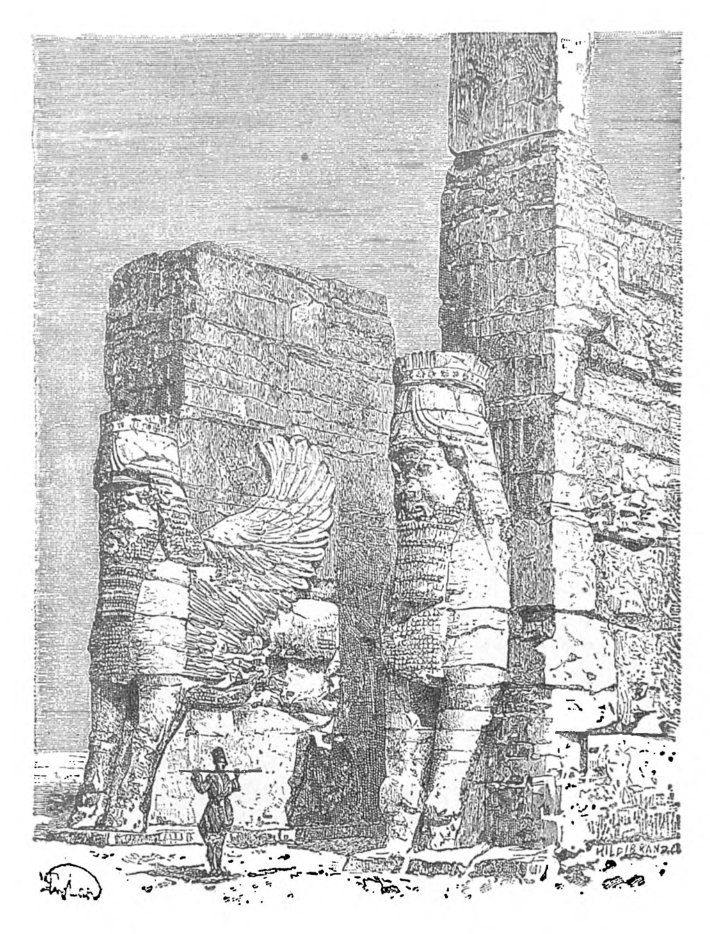

ПАНОРАМА ПЕРСЕПОЛЯ.—ПО ДІЭЛАФУА.

помышляли о будущихъ сраженіяхъ. Тогда аѳинская гетэра Ѳаида, отличавшаяся умомъ и красотой, напомнила о варварскихъ войскахъ Ксеркса, какъ, дескать, они нѣкогда поработили Македонію и опустошили огнемъ и мечомъ славныя Аѳины, и что теперь можно было бы отмстить, еслибъ царь поджегъ гордые дворцы владыки варваровъ. Охмелѣвшій Александръ внималъ соблазнительнымъ словамъ. Они пробудили въ немъ мысли, которыя онъ нѣкогда питалъ, но отвергалъ при спокойномъ обсужденіи. Онъ поднялся съ сѣдалища, чтобъ привести это дѣло въ исполненіе. Напрасно Парменіонъ напоминалъ, что только глупецъ разрушаетъ достояніе, которое онъ самъ пріобрѣлъ: зажженный факелъ полетѣлъ въ занавѣсы, на деревянную обшивку; высоко запылало пламя, возвѣщая о мести эллиновъ за давно забытую обиду.

Такъ разсказываютъ о происшествіи нѣкоторые писатели. Хотя все сообщеніе о внѣшнемъ побужденіи къ этому акту мести и искупленія, звучащее совершеннымъ анекдотомъ, не заслуживаетъ никакого довѣрія, фактъ самъ по себѣ не былъ бы по крайней мѣрѣ невозможенъ. Можетъ быть, сожженіе великолѣпнаго царскаго замка Ахеменидовъ менѣе было дѣломъ дикой страстности, чѣмъ холоднаго расчета, при чемъ Александръ хотѣлъ со страшной серьезностью показать персамъ, что вмѣстѣ съ гибелью гордаго кремля рушилось могущество ихъ царскаго дома. Но другіе писатели молчатъ объ этомъ, и,—что является очень важнымъ и дѣлаетъ вообще невѣроятнымъ такую мальчишескую месть,—сохранившіяся еще развалины не показываютъ, подобно остаткамъ Ниневіи, слѣдовъ разрушенія огнемъ. Дѣло въ томъ, что каменная постройка въ главныхъ частяхъ своихъ еще сохранилась. Точно также еще нынѣ за сѣрымъ мраморомъ горы Нахмедъ, къ которой прислоняется дворецъ, видно нѣсколько высѣченныхъ царскихъ гробницъ и далѣе еще четыре другихъ со стройными полуколоннами.

У болѣе отдаленнаго города П а с а р г а д ъ находилась могила Кира, перваго персидскаго царя, со многими драгоцѣнностями. Она представляла собой пирамиду изъ бѣлаго мрамора, возвышавшуюся террасами и окруженную портикомъ и паркомъ. Посѣтивъ ее, Александръ почтилъ останки великаго завоевателя и утвердилъ назначенныхъ для караула маговъ въ ихъ сторожевой

БЫКИ У ВХОДА ВО ДВОРЕЦЪ ДАРІЯ ВЪ ПЕРСЕПОЛѢ.—РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ ДІЭЛАФУА.

должности. Однако, памятникъ этотъ впослѣдствіи былъ разоренъ вѣроятно какою-либо дикою ордой. Богатства, найденныя скопленными въ подвалахъ Персеполя и Пасаргадъ, превзошли всякое ожиданіе. Чтобы увезти ихъ, потребовались будто-бы 10,000 паръ

муловъ и 3,000 верблюдовъ. Богато одаривъ своихъ воиновъ, царь послалъ значительныя суммы Антипатру, нуждавшемуся въ нихъ для подавленія возстанія въ Пелопоннесѣ.

Антипатръ противъ царя Агиса III. Дѣло въ томъ, что отъ почти забытой Спарты поднялось движеніе противъ владычества Македоніи. Предпріимчивый царь Агисъ III, помня геройскую смерть своего предка Леонида и полный негодованія на позоръ своего родного города и эллинскаго народа, рѣшилъ свергнуть иго чужеземнаго владычества. Какъ разсказано выше, онъ былъ въ сношеніяхъ съ Мемнономъ и другими начальниками персидскаго флота. На персидское золото онъ безпрестанно вербовалъ новыя ратныя дружины наемниковъ, которыя соединялъ со своими спартанцами. Счастливый походъ на островъ Критъ доказалъ воинскую способность войска. И вотъ, когда Александръ, послѣ битвы при Гавгамелѣ, глубже проникъ внутрь Азіи и пребывалъ въ столь отдаленныхъ областяхъ, нападеніе на македонскія силы повидимому обѣщало успѣхъ. Строптивые ѳракійцы возстали на сѣверѣ; недовольство бродило въ нѣдрахъ греческихъ государствъ: тогда раздался призывъ царя Агиса къ свободѣ, и элейцы, аркадяне и ахейцы собрались вокругъ его знаменъ. Онъ пошелъ отъ Эврота чрезъ долины Тайгета. Противоставшіе ему македонскіе отряды были разбиты и разсѣяны. Побѣда подняла духъ спартанскаго царя и привела къ нему множество воиновъ, такъ что онъ скоро оказался во главѣ войска въ 20,000 человѣкъ пѣхотинцевъ и 2,000 всадниковъ. Быстрое наступленіе должно было привлечь на его сторону коринѳянъ, аргосцевъ и даже аѳинянъ. Но онъ безразсудно остановился подъ Мегалополемъ, чтобы завоевать этотъ городъ, храбро защищаемый гражданами и македонскимъ гарнизономъ. Такимъ образомъ осмотрительный Антипатръ получилъ время, по успокоеніи ѳракійцевъ, съ превосходными силами поспѣшить на помощь стѣсненному городу (330 г.). Царь Агисъ, въ надеждѣ на свое храброе войско, не побоялся рѣшенія дѣла оружіемъ. Онъ сразился достойно своихъ предковъ, и когда судьба рѣшила не въ его пользу, онъ погибъ геройскою смертью, покрытый ранами. Вмѣстѣ съ нимъ 5,300 его братьевъ по оружію и 3,500 непріятелей покрывали кровавое поле Мегалополя. Это пораженіе тотчасъ же положило конецъ возмущенію греческихъ государствъ.

Между тѣмъ въ Персіи царское войско отдыхало четыре мѣсяца; самъ же неутомимый полководецъ съ отрядами всадниковъ, гипаспистовъ и стрѣлковъ ходилъ по провинціи и принуждалъ отдѣльныя племена къ покорности. Онъ преслѣдовалъ разбойническихъ мардовъ въ ихъ покрытыхъ зимнимъ снѣгомъ горахъ, пока они не сдались ему безусловно. Послѣ этого управленіе провинціей Персидой онъ передалъ благородному персу, къ которому назначенъ былъ въ товарищи македонскій военачальникъ съ надежными воинами, и снарядился къ выступленію противъ бѣжавшаго персидскаго царя.

Бѣгство и смерть царя Дарія (330 г.). Дарій между тѣмъ праздно и безпомощно пребывалъ въ великолѣпномъ царскомъ замкѣ въ Экбатанѣ (теперь Гамаданъ въ Иракѣ) у подошвы лѣсистаго Оронта. Здѣсь онъ прежде, въ счастливое время, проводилъ обыкновенно жаркіе лѣтніе мѣсяцы, гулялъ въ тѣни прелестныхъ садовъ и плантацій, или же со своими вельможами и слугами совершалъ пышныя празднества. Какъ теперь все измѣнилось! Правда, восточныя провинціи, Мидія, Парѳія, Согдіана, Арія, Дрангіана и Бактрія признавали его еще своимъ правителемъ, но все-таки онъ былъ безпомощнымъ бѣглецомъ, такъ какъ самъ считалъ себя проигравшимъ дѣло. Подобно дряхлому, сѣдому старику, онъ надѣялся на какую-нибудь счастливую случайность; онъ надѣялся, что страшный завоеватель удовольствуется сокровищами Вавилоніи и Персіи, не осмѣлится перейти чрезъ суровыя горы, и лелѣялъ тому подобныя пустыя мечты, какими бездѣятельный, слабый человѣкъ старается обмануть себя самого насчетъ опасностей. Правда и то, что вокругъ него все еще были собраны значительныя силы, и возлѣ него стояли люди испытанной храбрости.

Тутъ были: старый, вѣрный Артабазъ со своими сыновьями, Набарзанъ, начальникъ стражи тѣлохранителей, съ многими благородными персами, Сатибарзанъ изъ Аріи, Барсаэнтъ изъ Арахозіи и Дрангіаны, воинственный Бессъ изъ Бактры съ 3,000 всадниковъ, также и Аріобарзанъ, храбрый охранитель персидскихъ тѣснинъ,—всѣ готовые къ защитѣ восточныхъ областей. Не менѣе надежными были 1,500 греческихъ наемниковъ, остатокъ тѣхъ храбрыхъ эллинскихъ дружинъ, что пролили кровь за персидскій тронъ. Они были испытаны и закалены въ несчастіи; они хотѣли идти на смерть за своего господина, если его дѣло было проиграно.

Царь могъ призвать къ бою крѣпкіе народы на востокѣ, навербовать воинственныхъ скиѳовъ на экбатанскія сокровища (7,000 талантовъ), запереть мидійскія, каспійскія тѣснины, но ничто изъ всего этого не было сдѣлано. Онъ оставался въ пышныхъ покояхъ дворца; онъ говорилъ о томъ, что дастъ битву подъ стѣнами Экбатаны, однако, все-таки свой гаремъ и сокровища онъ отправилъ впередъ въ городъ Раги. Когда, наконецъ, пришло извѣстіе, что Александръ перешелъ черезъ мидійскія пограничныя горы и приближается форсированнымъ маршемъ, тогда Дарій вновь обратился въ бѣгство, между тѣмъ какъ отъ него все больше отпадало вѣрныхъ людей, презиравшихъ его трусость. Александръ поэтому безъ сопротивленія занялъ Экбатану. Понявъ тотчасъ-же крѣпкое и выгодное положеніе города, онъ свезъ туда сокровища Персеполя чрезъ посредство Парменіона, получившаго порученіе передать ихъ Гарпалу, который со значительной дружиной назначенъ былъ ихъ стражемъ. Другая часть войска также должна была остаться для обезпеченія провинціи. Съ остальными силами Александръ продолжалъ преслѣдованіе бѣглецовъ. Одиннацатью усиленными дневными переходами онъ добрался до Рагъ (къ юго-востоку отъ нынѣшняго Тегерана). Здѣсь неутомимый герой долженъ былъ дать своимъ истощеннымъ войскамъ нѣсколько дней отдыха. Затѣмъ онъ безпрепятственно прошелъ черезъ каспійскіе проходы и очутился у лишенной деревьевъ степи, по которой вела дорога въ Гекатомпилъ въ Парѳіи и въ Бактры.

Вечеромъ прибыло нѣсколько знатныхъ персовъ съ извѣстіемъ, что великій царь уводится, какъ плѣнный, измѣнившими сатрапами. Александръ тотчасъ же тронулся съ почетной конной гвардіей, агріанцами и легковооруженными войсками. Онъ хотѣлъ явиться побѣдителемъ и освободителемъ своего противника и наказать измѣнниковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ мягко обошелся бы съ несчастнымъ владыкой, неспособность котораго онъ понималъ. Онъ проѣздилъ всю ночь и слѣдующее утро, пока полуденная жара не заставила остановиться. Спустя немного часовъ, онъ сидѣлъ уже опять въ сѣдлѣ и съ очень уменьшившимся отрядомъ около захода солнца достигъ Ѳары. Четырьмя днями раньше здѣсь вспыхнулъ мятежъ. Хотя всадники и кони почти падали отъ истощенія, Александръ все-таки продолжалъ дикую погоню въ теченіе третьей ночи. Около полудня

онъ прибылъ въ одну деревню, гдѣ днемъ раньше останавливались заговорщики.

Александръ слышалъ здѣсь о болѣе близкой дорогѣ, которая-де, однако, вела черезъ безводную степь. Не колеблясь, онъ поѣхалъ по ней со свитой въ 500 всадниковъ. Когда на пути чрезъ пустыню ему подали воды, онъ вылилъ живительную влагу, видя вокругъ себя жаждущихъ воиновъ. Онъ не хотѣлъ имѣть преимуществъ передъ ними.

Дарій, судьба котораго требуетъ нашего участія, на пути въ Θару принялъ отчаянное рѣшеніе со своими ослабленными отрядами еще разъ испытать счастье въ бою. Когда онъ открылъ свое намѣреніе князьямъ, воцарилось глухое молчаніе. Они знали, что онъ поведетъ ихъ только на бойню, самъ же, при бряцаніи оружія, поищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Имъ стыдно было за такого верховнаго главу; они свыклись уже съ мыслью передать бразды власти мужественному, воинственному человѣку, и Б е с с ъ, намѣстникъ Бактріи, считалъ себя въ силахъ удержать восточно-иранскія области противъ героя запада. Набарзанъ, начальникъ такъ-называемыхъ Безсмертныхъ, смѣло выступилъ и выразилъ словами чувства вождей. Разсерженный монархъ обнажилъ кинжалъ противъ дерзкаго оратора; но тотъ убѣжалъ со своей свитой и, подобно Бессу и бактрійскимъ всадникамъ, покинулъ лагерь, гдѣ возникла сумятица и замѣшательство. Тогда смущенный царь, по совѣту Артабаза, уступилъ, высказалъ прощеніе, снова принялъ присягу сатраповъ, и въ колесницѣ своей, окруженный бактрійскими всадниками, продолжалъ отступленіе. Тогда фокіецъ П а т р о н ъ, вождь греческихъ наемниковъ, протиснулся къ нему сквозь вооруженныхъ. Онъ настойчиво просилъ его довѣриться вѣрности эллиновъ; они-де защитятъ его своимъ добрымъ оружіемъ противъ фальшивыхъ сатраповъ. Царь колебался; онъ, какъ всегда, не могъ принять смѣлаго рѣшенія. Вечеромъ расположились лагеремъ въ Θарѣ. Послѣ полуночи, Бессъ, Набарзанъ и Барсаэнтъ проникли въ царскій покой, связали своего господина и повлекли его на колесницу, которую окружали бактрійскіе эскадроны. Поѣздъ двинулся дальше, но многіе персы убѣжали къ гнавшемуся за ними завоевателю. Артабазъ же и греческіе наемники обратились на сѣверъ, къ Каспійскому морю, въ суровую горную страну тапуровъ, презирая отпаденіе.

Сатрапы между тѣмъ двигались все на востокъ къ бактрійской границѣ. Рано утромъ, на шестой день, они услыхали позади себя топотъ лошадей; сверкало оружіе, шлемы, щиты, копья: то было македонское оружіе; то былъ Александръ, правда, лишь съ горстью людей, но впереди него шелъ ужасъ его имени; сатрапы, всадники и пѣхота разсыпались по всѣмъ направленіямъ, ища спасенія въ бѣгствѣ. Бессъ и Барсаэнтъ умчались вмѣстѣ съ своимъ плѣнникомъ; но колесница на неровной дорогѣ мѣшала быстрому бѣгству, и они приказали поэтому царю сѣсть на державшуюся на-готовѣ лошадь. Когда же онъ отказался, то они стащили его оттуда и пронзили своими копьями. Преслѣдователи на своихъ истощенныхъ животныхъ лишь медленно могли поспѣшать за бѣгущими. Одинъ изъ нихъ, впереди эскадрона, засталъ умирающаго монарха, который слабѣющимъ голосомъ попросилъ у него глотка воды. Тотъ изъ шлема своего далъ ему подкрѣпиться въ послѣдній разъ и еще слышалъ, какъ несчастный называлъ своего побѣдителя своимъ наслѣдникомъ и преемникомъ. Когда прибылъ Александръ, то онъ закрылъ трупъ своимъ собственнымъ пурпуровымъ плащомъ, чтобы царь и при смерти не лишенъ былъ царскаго одѣянія.

МІРОВОЕ ЦАРСТВО АЛЕКСАНДРА.

Походы внутрь Азіи. Главы персидскаго царства не было болѣе; трупъ его, по эллинскому обычаю, былъ сожженъ, пепелъ отправленъ къ его матери Сисигамбисъ, которая оплакала сына и погребла его останки. Связи государства послѣ смерти великаго царя являлись уничтоженными, князья—освобожденными отъ присяги въ вѣрности. Поэтому, когда Александръ съ главными силами своими направился въ Гирканію на Каспійскомъ морѣ, чтобы покорить воинственныя племена этой горной страны, многіе знатные персы, также престарѣлый Артабазъ и, наконецъ, греческіе наемники предложили ему свое подчиненіе. Онъ милостиво принялъ его, въ то же время принуждая къ покорности горцевъ среди кровавыхъ битвъ въ ущельяхъ и дѣвственныхъ лѣсахъ.

Посредствомъ гарнизоновъ и новыхъ дорогъ онъ обезпечилъ себѣ обладаніе этою важною горною страной, черезъ которую устроены были сношенія съ Малой Азіей. Здѣсь, какъ и всюду, Александръ старался надолго утвердить свое господство; ибо предъ духомъ его носилось благоустроенное міровое царство, а не скоротечная завоевательная экспедиція, слѣды которой должны были скоро исчезнуть въ волнахъ времени.

ГОЛОВА АЛЕКСАНДРА.
ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОНЪ ВЪ ЛУВРѢ.

Грандіозность плана, пониманіе всѣхъ отношеній, взоръ, обнимающій какъ цѣлое, такъ и каждую подробность, такъ-же дѣлаютъ этого необыкновеннаго человѣка достойнымъ удивленія, какъ и смѣлость, энергія и настойчивость, съ которыми онъ преслѣдовалъ свою цѣль.

Въ то время, какъ царь занятъ былъ въ Гирканіи, онъ получилъ извѣстіе, что Бессъ принялъ въ Бактріи царскій пурпуръ и собираетъ значительныя силы, чтобъ удержать за собой восточно-иранскія области. Поэтому онъ пошелъ по дорогѣ сѣвернаго склона горъ противъ цареубійцы. Сатрапъ Пароіи предложилъ свое подчиненіе, точно также Сатибарзанъ Арійскій и Барсаэнтъ, намѣстникъ въ Дрангіанѣ и товарищъ Бесса по цареубійству. Александръ покамѣстъ удовольствовался изъявленіемъ ему покорности и оставилъ немного войска для занятія границы;

но едва онъ отправился дальше, какъ сатрапы объявили себя стоящими на сторонѣ новаго владыки Бактръ, предательски перебили македонскіе сторожевые посты и собрали многочисленное войско. Была опасность, что восточно-иранскія области возстанутъ всѣ противъ завоевателя и отрѣжутъ его отъ вспомогательныхъ источниковъ. Поэтому Александръ повернулъ къ юговостоку на мятежниковъ. Артакоана, главный городъ арійцевъ, подчинился безъ сопротивленія, сатрапъ черезъ горы бѣжалъ къ Бессу, жители удалились въ горы, но были оцѣплены и должны были терпѣть тяжкое наказаніе за свое отпаденіе. Здѣсь, въ мѣстности теперешняго Герата, царь основалъ арійскую Александрію и продолжалъ затѣмъ свой походъ къ югу въ обширныя области Дрангіаны и Арахозіи (страны къ востоку отъ теперешняго Ирана, частью принадлежащія афганцамъ и простирающіяся далеко до самаго Паропамиза, теперь Гиндукуша). Барсаэнтъ бѣжалъ къ индійцамъ; отдѣльныя туземныя племена приведены были къ покорности уже однимъ ужасомъ македонскаго имени. Самъ царь посѣтилъ аріасповъ, культурный, земледѣльческій народъ, жившій по законамъ Зороастра тихо и въ мирѣ со всѣми и благодѣтельствовавшій всякому. Онъ утвердилъ ихъ права, послѣ того какъ во время продолжительнаго пребыванія тамъ онъ познакомился съ ихъ жизнью и образомъ мыслей. Затѣмъ онъ далѣе къ востоку основалъ арахозійскую Александрію (теперь еще процвѣтающій городъ Кандагаръ).

У подошвы индійскаго Кавказа (Гиндукуша) царь остановился на зиму (330 г.). Тутъ появились разные поводы къ недовольству; многіе воины роптали на безконечные походы, и одинъ изъ нихъ съ нѣсколькими товарищами принялъ дерзкое рѣшеніе убить своего господина. Заговоръ былъ открытъ и преступники наказаны, но въ то же время обвиненъ былъ въ соучастіи Филота, славный начальникъ почетной конной гвардіи. Послѣдній не отрицалъ, что ему донесли о преступномъ планѣ, но увѣрялъ, что доносчикъ показался ему презрѣннымъ, обвиненіе—смѣшнымъ. Филота былъ человѣкъ гордый; у него много было враговъ, и самъ Александръ не прощалъ ему того, что онъ при случаѣ дерзнулъ умалять подвиги царя. Прежде всего генералы были созваны на тайный военный совѣтъ, затѣмъ войско было собрано для суда, и такъ какъ самъ царь выступилъ обвинителемъ, то и совѣтъ, и вой-

ско постановили обвинительный приговоръ. Филота, который такъ часто въ битвахъ неустрашимо стоялъ противъ непріятельскаго оружія, сохранилъ и на пыткѣ, и въ минуту смерти твердость и несокрушимое мужество. То, что царь его, храбраго товарища по оружію, предалъ такой участи, доказываетъ, какъ мало-по-малу въ натуру Александра проникли восточные обычаи. Еще мрачнѣе и неизгладимымъ пятномъ на его геройскомъ поприщѣ выступаетъ деспотизмъ въ его обращеніи съ родственниками принесеннаго въ жертву человѣка, преимущественно съ престарѣлымъ Парменіономъ. Онъ, славный, высокочтимый отецъ Филоты, легко могъ стать опаснымъ, въ качествѣ мстителя за сына. Подъ его начальствомъ находились богатыя сокровища Экбатаны и значительная часть войска. Военный судъ, пытку и топоръ противъ него нельзя было пустить въ ходъ. Поэтому къ нему отправили близкое къ нему прежде лицо съ царскими письмами. Въ то время какъ старикъ читалъ ихъ, онъ былъ заколотъ рукой убійцы. Этотъ поступокъ пытались оправдать, но тщетно. Военный судъ, правда, тоже былъ подъ царскимъ вліяніемъ, но Парменіонъ былъ зарѣзанъ вполнѣ исподтишка и коварно. Это признаки совершеннаго деспотизма.

Послѣ этой кровавой интермедіи вновь началась дикая, усердная погоня за убійцами Дарія. Александръ глубокой зимой изъ Арахозіи двинулся по затруднительнымъ скалистымъ горнымъ долинамъ и черезъ снѣжныя вершины Паропамиза вплоть до склона индійскаго Кавказа. Затѣмъ начатъ былъ переходъ черезъ главныя горы. При самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и все болѣе стѣснительномъ недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ войско проложило себѣ путь черезъ покрытыя снѣгомъ вершины горъ и по опустошеннымъ мѣстностямъ, пока, наконецъ, на 17 день послѣ невыразимыхъ трудностей достигло перваго бактрійскаго города Драпсаки. Бессъ, получивъ извѣстіе объ этомъ смѣломъ наступленіи непріятеля, бѣжалъ изъ Бактръ черезъ рѣку Оксъ (Аму). Но когда Александръ послѣдовалъ за нимъ и черезъ эту рѣку въ Согдіану (Бухару), тамошніе сатрапы Спитаменъ и Датафернъ выдали цареубійцу. Александръ приказалъ мучительно казнить плѣнника по персидскому закону и затѣмъ продолжалъ свой путь въ Мараканду (Самаркандъ) и до самаго Яксарта (Сыръ-Дарья или Гигонъ), гдѣ онъ основалъ новую Александрію (329—327).

Полтора года употребилъ онъ на то, чтобы покорить эти обширныя области внутренней Азіи и колоніями, дорогами, законами и учрежденіями надолго соединить со своимъ царствомъ. Онъ терпѣлъ значительный уронъ на походѣ чрезъ степи и пустыни, когда войско настигали снѣжныя бури съ ихъ ужасами, и при неоднократныхъ нападеніяхъ на воинственныхъ наѣздниковъ—скиѳовъ по ту сторону Яксарта. Онъ самъ попалъ въ крайнюю опасность, былъ раненъ, захворалъ въ степи, былъ угрожаемъ съ тыла возстаніемъ Спитамена. Однако онъ скоро выздоровѣлъ, устрашилъ скиѳовъ, взялъ съ приступа замки на скалахъ въ Согдіанѣ и здѣсь въ самомъ крѣпкомъ замкѣ страны среди прочихъ плѣнныхъ нашелъ красавицу княжну Роксану, жемчужину востока, которую онъ возвелъ въ свои супруги.

Александръ-правитель. Успокоивъ и упорядочивъ восточныя провинціи, Александръ опредѣленнѣе выступилъ со своимъ планомъ слить греко-европейскій міръ съ персидско-азіатскимъ. Какъ первый обогащенъ былъ золотомъ варваровъ, такъ послѣдній надлежало поднять эллинской культурой и наукой. Его македоняне не должны были больше смотрѣть на себя, какъ на поработителей-завоевателей, а персы не должны были жить подъ бичемъ рабства, но онъ хотѣлъ оба племени обнять своей властью и благодатью осчастливливающихъ законовъ. Поэтому онъ, хотя и богато одарялъ своихъ воиновъ и осыпалъ своихъ полководцевъ почестями и богатствами, призывалъ также, однако, и талантливыхъ туземцевъ къ своему двору и на должности чиновниковъ. Передъ варварами онъ окружилъ свою личность всѣмъ величіемъ персидской царской власти. Въ обширной палаткѣ, покоившейся на вызолоченныхъ колоннахъ, онъ принималъ посѣщенія и посольства. Онъ сидѣлъ на высокомъ золотомъ тронѣ, окруженный своими тѣлохранителями, въ то время какъ вокругъ разставлены были 500 персидскихъ чиновниковъ въ желтыхъ и пурпурныхъ одѣяніяхъ, 1,000 стрѣлковъ изъ лука въ военной одеждѣ огненно и ярко-краснаго цвѣта и 500 македонянъ со щитами, блиставшими серебромъ. Внѣ палатки виднѣлись слоны, 1,000 вооруженныхъ македонянъ и 10,000 персовъ, построенные для охраны.

Зато въ обращеніи съ македонскими товарищами его битвъ и его славы Александръ сохранялъ приблизительно старые

обычаи. На роскошныхъ пиршествахъ, ставшихъ теперь болѣе частыми, онъ сидѣлъ посреди своихъ товарищей. Чаша и бесѣда безпрепятственно шли въ круговую за столомъ, какъ среди равныхъ. При такомъ случаѣ однажды восхваляли подвиги Александра, превознеся ихъ даже выше подвиговъ героевъ. На это Клитъ, спасшій жизнь царю на Граникѣ, высказалъ мнѣніе, что-де царь Филиппъ и его герои совершили болѣе достохвальныя дѣянія и что-де покойные счастливы, не видя, какъ македонскій царь окружаетъ себя персидскими льстецами. Онъ и Александръ разгорячены были виномъ; и вотъ когда послѣдній гнѣвно обратился къ нему, то Клитъ насмѣшливо крикнулъ: „Впредь не приглашай болѣе къ своему столу свободныхъ мужей, а только трусливыхъ рабовъ, привыкшихъ сгибаться передъ персидскимъ поясомъ". Александръ схватился за мечъ; но оружіе заранѣе было удалено, и Клита увели изъ зала. Однако онъ тотчасъ же вошелъ опять въ другую дверь, чтобъ продолжать свою брань. Но царь, котораго осилили гнѣвъ и вино, пронзилъ его копьемъ, выхваченнымъ у тѣлохранителя. Лишь только свершилось убійство, гнѣвъ и хмѣль исчезли; Александра охватило безмѣрное раскаяніе, такъ что только съ трудомъ его можно было удержать отъ того, чтобъ онъ не обратилъ на себя самого смертельное оружіе. Лишь спустя нѣсколько дней онъ снова взялся за дѣла; однако, еще долгое время въ душѣ его оставалось нѣкоторое помраченіе.

Какъ ни необдуманъ былъ поступокъ, какъ ни искренно было раскаяніе, все-же отсюда можно видѣть, что царь не выносилъ болѣе противорѣчія. Вскорѣ и философъ Каллисѳенъ за таковое поплатился заключеніемъ, отъ котораго его избавила лишь смерть, и льстецы и раболѣпные придворные болѣе и болѣе получали вліяніе. Даже любимцы царя, Гефестіонъ и Кратеръ, должны были соглашаться на безусловное поклоненіе его взглядамъ.

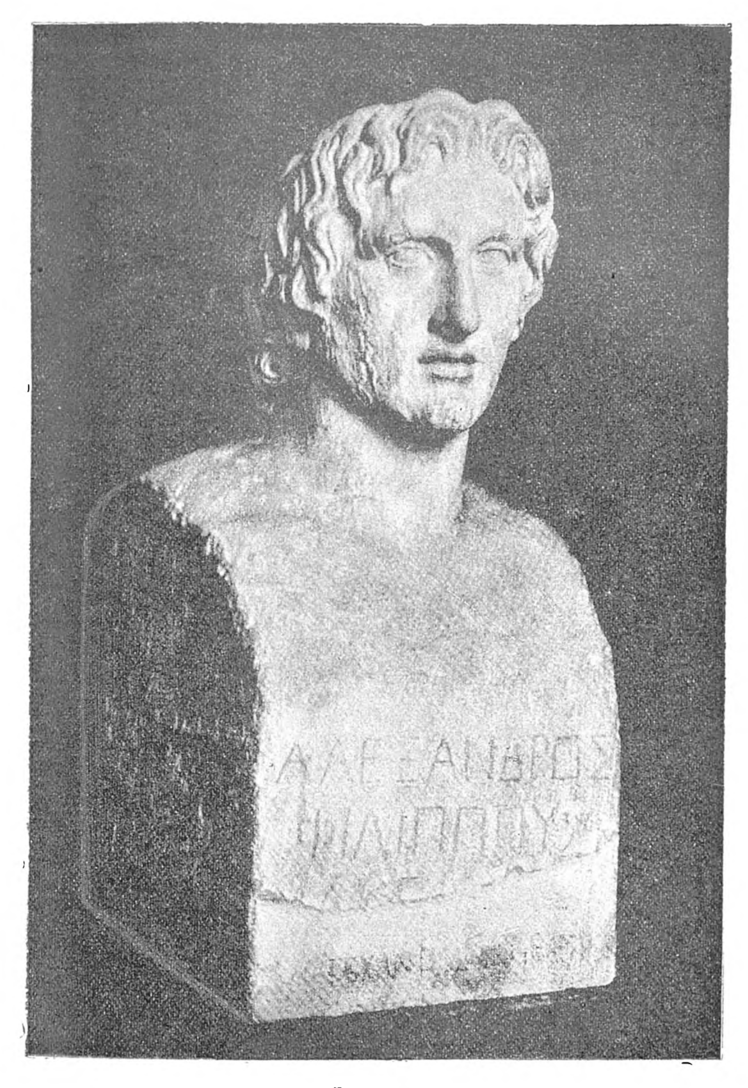
Александръ, какъ много ни превышалъ онъ окружающихъ и современниковъ, все-таки былъ только человѣкомъ. При всѣхъ его великихъ качествахъ, хотя взоръ его проникалъ отношенія двухъ частей свѣта и теперь простирался въ Индію, въ третій міръ, все-таки постоянное счастье отуманило его здравый умъ, такъ что онъ считалъ себя самого высшимъ существомъ или по крайней мѣрѣ орудіемъ, избраннымъ божествомъ для установленія

новаго порядка вещей. Такимъ образомъ онъ считалъ себя въ правѣ всякое упорство объявлять преступленіемъ и наказывать, какъ таковое. Онъ давалъ своимъ македонянамъ золото и почетныя должности; они же за это должны были отказаться отъ своихъ старинныхъ привилегій, отъ своего въ отношеніи къ варварамъ преимущественнаго положенія и отъ всей своей индивидуальности. Они теряли при такой мѣнѣ, чувствовали себя уравненными съ покоренными, и втихомолку въ войскѣ начало бродить недовольство, пока, наконецъ, внѣшнія побужденія не привели его къ вспышкѣ.

Походъ въ Индію. Спачала всякій ропотъ, всякое недовольство подавлены были вооруженіями и приготовленіями къ ближайшему походу. Надобно было отыскать и завоевать Индію, о которой ходило столько сказаній и баснословныхъ извѣстій, надобно было сдѣлать доступнымъ себѣ міръ иного склада людей, невиданныхъ дотолѣ растеній, животныхъ, исполинскихъ горъ, въ которыхъ драконы и грифы стерегли сокровища.

Къ войску стекались подкрѣпленія изъ македонскихъ воиновъ и опытныхъ эллинскихъ наемниковъ всякаго рода оружія, призваны были конные стрѣлки изъ лука, всадники изъ Бактріи, Согдіаны и другихъ провинцій, воинственные скиѳы и горцы Паропамиза, такъ что войско возросло силой до 120,000 ратныхъ людей, въ то время какъ обозъ, состоявшій изъ рабовъ, женщинъ и дѣтей, былъ не менѣе многочисленнымъ. Дѣло въ томъ, что полководцы достигли царскихъ богатствъ; поэтому они вели съ собой массу женской и мужской прислуги. Рядовой смотрѣлъ на лагерь, какъ на родину, такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ его жену, его дѣтей, все его имущество. Такимъ образомъ войско походило на шествіе переселенческаго народа, распространяющееся на обширное пространство ее. Впереди же шелъ самъ царь съ конницей и легковооруженными колоннами, съ помощью которыхъ онъ теперь сражался. Лишь тогда, когда нужно было завоевывать сильно укрѣпленные города, дожидались гоплитовъ и повозокъ съ осадными орудіями.

Въ такомъ порядкѣ Александръ изъ области нынѣшняго Кандагара двинулся на сѣверовостокъ къ Кабулу и затѣмъ далѣе вдоль рѣки Кофена (Кабула) къ Инду. Въ горной странѣ къ сѣверу отъ Кофена онъ нашелъ воинственное населеніе, бывшее

АЛЕКСАНДРЪ.

Мраморная герма, открытая въ Тиволи въ 1779 г. Азара и переданная затѣмъ Наполеону. Теперь она хранится въ Луврѣ. Это, быть можетъ, единственный правдоподобный портретъ Александра, но, къ несчастію, онъ сохранился очень плохо. Судя по буквамъ надписи, бюстъ этотъ лишь копія съ потеряннаго нынѣ оригинала. На головѣ была царская діадема, безъ сомнѣнія, бронзовая. Она слегка наклонена влѣво, а мы знаемъ, что, вслѣдствіе слабости шейныхъ мускуловъ, голова Александра наклонялась какъ разъ на эту сторону.

не одинаковаго происхожденія съ индусами, но все-таки смѣшанное съ ними и проникнутое ихъ характеромъ и ихъ особенностями. Здѣсь было индійское кастовое устройство, брамапы (жрецы), также буддисты-покаянники, т. е. люди, мечтавшіе посредствомъ лишеній и самоограниченія возвыситься непосредственно до всеобъемлющаго божества. Впрочемъ, страна распадалась на разныя царства и народоправства, враждовавшія другъ съ другомъ. Поэтому они, несмотря на ожесточеннѣйшее сопротивленіе, не могли устоять передъ напоромъ завоевательнаго войска. Особенно упорно оборонялись жители города Массаги. Послѣ того какъ уже часть окружной стѣны разрушена была машинами и подвижными башнями, они отбили еще три приступа и побѣждены были только при четвертомъ. Многочисленные жители равнины удалились въ горную крѣпость Аорнъ, свыше 1,400 m. (4,593 футовъ) надъ уровнемъ Инда, и смѣялись тамъ надъ шедшими на приступъ македонянами. Но Птолемей съ агріанцами и гипаспистами взобрался на боковую вершину, гдѣ цѣлый день отбивалъ всѣ нападенія индійцевъ. Когда затѣмъ съ нимъ соединился Александръ, то чрезъ ущелье, отдѣлявшее вершину отъ непріятельской позиціи, была сдѣлана насыпь, и тогда уже всякое сопротивленіе стало напраснымъ. При ночномъ нападеніи весь гарнизонъ, готовый уже къ бѣгству, былъ безпощадно перерѣзанъ.

Посредствомъ такихъ и другихъ счастливыхъ предпріятій покорены были народы и города праваго берега Инда. По ту сторону рѣки прибыли въ область Таксила (326), дружественнаго царька, который далъ войску провожатыхъ до Гидаспа, притока Инда, въ то время вздувшагося отъ тропическихъ проливныхъ дождей. На другой сторонѣ его стоялъ воинственный царь Поръ со значительнымъ войскомъ, 300 слонов и боевыхъ колесницъ, чтобъ помѣшать переправѣ. Насупротивъ него Александръ разбиваетъ лагерь и производитъ всѣ приготовленія, какъ бы предполагалъ здѣсь сдѣлать наступленіе. Между тѣмъ онъ съ частью войска идетъ на 30 km. (28 верстъ) къ сѣверу, въ бурную ночь при раскатахъ грома велитъ снарядить привезенныя съ собой лодки и плоты и утромъ устраиваетъ переправу.

Слишкомъ поздно поспѣшилъ сюда авангардъ индійскаго войска, ведомый сыномъ Пора: онъ съ большимъ урономъ отбрасывается къ главнымъ силамъ. Послѣднія тотчасъ же подступаютъ и вы-

страиваются къ бою, впереди слоны на разстояніяхъ въ 50 шаговъ одинъ отъ другого, позади нихъ пѣхота, конница и боевыя колесницы на обоихъ флангахъ. Весь строй похожъ на укрѣпленный городъ, башни котораго образуютъ слоны. Александръ со своими эскадронами, избѣгая страшныхъ звѣрей, успѣшно атакуетъ конницу лѣваго индійскаго крыла. Слоны съ другой стороны вламываются въ пѣхоту, производя среди нея опустошеніе. Бой ужасенъ; цѣлые ряды затаптываются исполинскими животными; однако фаланги снова собираются, смыкаютъ свои ряды и съ опущенными копьями наступаютъ на слоновъ, между тѣмъ какъ агріанцы и гипасписты нападаютъ сбоку. Многихъ изъ могучихъ животныхъ ранятъ, нѣсколькихъ даже убиваютъ. Послѣ этого атака конницы рѣшаетъ битву, хотя индійцы, даже послѣ того какъ разстроился ихъ порядокъ, съ крайнимъ напряженіемъ еще долгое время продолжаютъ бой.

Царь Поръ, человѣкъ необыкновеннаго роста и силы, послѣ пораженія всего своего войска почти одинъ сражается противъ превосходныхъ силъ непріятеля, но, наконецъ, его, истощеннаго потерей крови, настигаютъ среди давки бѣгущихъ, и плѣннымъ приводятъ къ Александру. Когда тотъ спросилъ его, какъ онъ желаетъ, чтобъ съ нимъ обошлись, онъ смѣло отвѣтилъ: „по-царски". Слово это сказано было не напрасно, ибо побѣдитель, у котораго были вѣроятно еще и другія свидѣтельства его честнаго и надежнаго образа мыслей, вскорѣ великодушно вернулъ ему свободу и царство, еще значительно расширивъ послѣднее. Въ продолженіе долгой остановки на Гидаспѣ основано было два города: Букефала въ память о боевомъ конѣ Александра, здѣсь издохшемъ, и Никея (городъ побѣды).

Затѣмъ походъ направился далѣе по странѣ Пятирѣчья (Пенджабъ) черезъ Акесинъ, который было трудно перейти изъ-за его ширины и быстраго теченія, къ Гидраоту (Гіароту) и, по покореніи всѣхъ царьковъ, частью добромъ, частью силой, до самаго Гифасиса. Здѣсь получены были извѣстія собственно о царствахъ индусовъ на Гангѣ и далѣе къ югу, о ихъ силахъ, о ихъ многочисленныхъ и населенныхъ городахъ, о громадныхъ сооруженіяхъ, ими возведенныхъ, равно какъ и о научномъ и художественномъ образованіи, которое было распространено среди нихъ.

Александръ страстно желалъ глубже проникнуть въ этотъ новый міръ, лежавшій предъ нимъ въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ; но онъ со стороны своего македонскаго войска испыталъ сопротивленіе, котораго не смогъ преодолѣть. Безмѣрность его честолюбія, громадное протяженіе лежавшихъ передъ ними странъ, сильное желаніе найти, наконецъ, предѣлъ, мѣсто отдохновенія въ безконечномъ движеніи, время наслажденія пріобрѣтенными благами, все это привело сначала къ глухому ропоту въ войскѣ, затѣмъ къ необращенію вниманія на приказъ къ выступленію. Царь гнѣвался и грозилъ предпринять походъ съ одними покорными варварами; онъ заперся на цѣлыхъ три дня, чтобъ показать воинамъ, насколько они нуждаются въ его предводительствѣ. Но все было тщетно. На четвертый день онъ велѣлъ совершить жертвоприношенія, и такъ какъ они были неблагопріятны, то онъ, наконецъ, какъ-бы принужденный богами, не войскомъ, объявилъ о своемъ рѣшеніи повернуть обратно. Всеобщее ликованіе и знаки благодарности показали ему, насколько желаніе и воля войска совпадала съ волей боговъ. Тогда воздвигнуты были двѣнадцать жертвенниковъ, на подобіе башенъ, на которыхъ сожжены были благовонія и жертвенныя животныя. Въ то время какъ подымались клубы дыма, совершались игры и веселыя празднества на всемъ протяженіи лагеря. Затѣмъ вернулись на западъ, къ Гидаспу (326 г.).

Но вмѣсто того, чтобъ держаться прежней дороги, царь рѣшилъ, слѣдуя по рѣкамъ, проникнуть до Индійскаго моря и такимъ образомъ выполнить по крайней мѣрѣ часть своего плана. Снаряжены были суда, и притомъ 80 болѣе крупныхъ военныхъ кораблей и большая масса транспортныхъ судовъ и лодокъ, покрывшихъ рѣку на далекое пространство. Неархъ, свѣдущій въ морскомъ дѣлѣ человѣкъ, назначенъ былъ предводителемъ всего флота въ 1,000 судовъ; люди изъ Египта, Финикіи, Іоніи и другихъ морскихъ государствъ составляли экипажъ. Кратеръ и Гефестіонъ съ остаткомъ войскъ шли по обоимъ берегамъ рѣки. Такъ походъ двигался внизъ по рѣкѣ. Окрестные народы дивились пышности шествія, блеску оружія, порядку и въ то же время разнообразію странствующихъ народовъ, которые всѣ, казалось, были приведены въ движеніе и одушевлены единымъ духомъ. На пятый день прибыли къ сліянію Акесина съ Гидаспомъ, гдѣ бурность бога-

таго водоворотами теченія причинила уронъ кораблямъ и войскомъ. На дальнѣйшемъ походѣ пробовалъ оказать сопротивленіе воинственный народъ, м а л л ы. Они были разбиты въ открытомъ бою. Многіе изъ городовъ ихъ были заняты, между прочимъ Агаласса. Тѣмъ не менѣе эти воинственные индійцы отказались, по требованію, подчиниться. Многіе бѣжали въ горы и пустыни; но ядро ратныхъ людей бросилось въ крѣпкій замокъ столицы, чтобы тамъ защищаться противъ завоевателя. Думали покорить ихъ безъ большого труда, и Александръ, вооруженный щитомъ и мечомъ, самъ первымъ по лѣстницѣ взошелъ на стѣну. Такъ какъ лѣстница подломилась подъ тяжестью тѣснившихъ сзади гипаспистовъ, то за царемъ могли послѣдовать только три воина: храбрый тѣлохранитель Л е о н н а т ъ, сильный П е в к е с т а и старый полевой капитанъ Абрея. Чтобы не подвергаться непріятельскимъ стрѣламъ, Александръ, со спутниками, соскочилъ съ низкаго бруствера въ помѣщеніе замка, гдѣ на него тотчасъ же напали со всѣхъ сторонъ.

Абрея палъ сейчасъ-же; самъ царь получилъ нѣсколько ударовъ палицей по шлему и пораженъ былъ стрѣлой, вонзившейся ему сквозь панцырь въ грудь, отчего онъ, безъ сознанія, и повалился. Певкеста и Леоннатъ, другіе его спутники, прикрыли его своими щитами и отражали толпу непріятелей, не обращая вниманія на собственныя раны. Въ надлежащее время, когда они уже отчаивались въ спасеніи, македоняне въ большомъ количествѣ проникли черезъ стѣну и оказали помощь. Тяжелораненаго, лежавшаго въ безчувственномъ состояніи царя пронесли на щитѣ сквозь ряды скорбящихъ воиновъ. Сомнѣвались въ его выздоровленіи, считали его даже мертвымъ, не довѣряя заявленіямъ его служителей и друзей. Всеобщее уныніе овладѣло затѣмъ войскомъ; всѣмъ возможность возвращенія казалась отнятой; они боялись, что далекая чужбина имъ будетъ обширной могилой.

Но еще кончина царственнаго героя не была такъ близка: онъ выздоровѣлъ. Покоясь на кораблѣ, онъ плылъ вдоль рѣки. Онъ привѣтствовалъ рукой стекавшіяся дружины; онъ приставалъ къ берегу, появлялся посреди нихъ. Тогда близко стоявшіе тѣснились, чтобы дотронуться до его рукъ или по крайней мѣрѣ до его одеждъ; а болѣе отдаленные подымали громкій крикъ радости, доказывавшій ихъ привязанность къ царственному вождю.

Теперь войско, остановившееся на нѣсколько дней, снова могло двинуться. Когда безъ дальнѣйшихъ сопротивленій достигли нижняго теченія Инда, то по ту сторону его увидѣли покрытыя лѣсами горы, приближавшіяся къ правому берегу. Довѣряясь природѣ страны, царьки тамошнихъ государствъ дерзнули воспрепятствовать наступленію македонянъ, однако скоро они должны были уступить силѣ оружія и подчиниться чужестранцу, прося о милости. При вѣсти о волненіяхъ въ восточноиранскихъ странахъ Александръ приказалъ Кратеру, съ одной третью пѣхоты, слонами, лишнимъ багажемъ и прочимъ обозомъ повернуть на западъ въ Арахозію, проложить дорогу туда и далѣе къ рѣкѣ Этимандру и озеру Аріи (Зарехъ), покорить горцевъ и такимъ образомъ устроить сообщеніе съ центральной частью государства. Уже на походѣ къ Инду открыта и обезпечена была сѣверная дорога; третью коммуникаціонную линію царь хотѣлъ самъ устроить между горами и моремъ черезъ Гедрозію (Белуджистанъ), между тѣмъ какъ Неархъ съ флотомъ долженъ былъ отыскать устье Евфрата и Тигра. Такимъ образомъ Александръ надѣялся свои индійскія владѣнія привести въ связь съ великимъ царствомъ и держать открытымъ для себя путь во-внутрь Индійскаго моря, къ Гангу. Поэтому онъ на дальнѣйшемъ походѣ вдоль Инда всюду закладывалъ замки и города, наказывалъ отпавшихъ царей и народы, назначалъ намѣстниковъ, которые должны были поддерживать его распоряженія.

ГОЛОВА АЛЕКСАНДРА. ПАЛЛАДА.

МОНЕТА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

Девять мѣсяцевъ длился этотъ достопамятный походъ героевъ по Инду и вдоль него. Со стороны океана повѣяло свѣжими вѣтрами и рѣка вздувалась и опускалась снова правильными промежутками, какъ это вызывалось приливомъ и отливомъ. Это явленіе, тогда еще незнакомое македонянамъ, указывало на близость моря, и вскорѣ передъ войскомъ развернулся Индійскій океанъ во всемъ необозримомъ своемъ протяженіи. Самъ Але-

ксандръ съ друзьями и военачальниками выѣхалъ въ море, гдѣ онъ изъ золотыхъ чашъ совершилъ жертвенныя возліянія божествамъ моря. И на берегу задымились алтари отъ запаха жертвъ, чтобы боги соблаговолили даровать радостное возвращеніе.

Возвращеніе въ Вавилонъ (325). По окончаніи празднествъ, Неархъ отплылъ для отысканія устья Евфрата; а Александръ, по покореніи нѣкоторыхъ, остававшихся еще независимыми, племенъ, направился съ войскомъ въ пустынную страну Гедрозію. Онъ не имѣлъ представленія о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя предстояли въ пустынѣ, пока онъ не проникъ въ нее слишкомъ далеко, чтобъ быть въ состояніи вернуться. То путь шелъ подъ палящимъ солнечнымъ зноемъ, по жаркимъ безводнымъ песчанымъ степямъ безъ деревьевъ и кустарника, гдѣ жажда сражала людей тысячами, то незначительный ручей отъ проливныхъ дождей въ горахъ вздувался до размѣровъ опустошительной рѣки, то къ прочимъ бѣдствіямъ присоединялся голодъ, вызывая болѣзни, отъ которыхъ гибли другія тысячи. Бѣда, отчаяніе и разнузданность достигли своего апогея.

Александръ выносилъ всѣ трудности вмѣстѣ съ воинами, ѣлъ ихъ жалкій хлѣбъ и съ ними страдалъ отъ сильной жажды, отвергнувъ воду, которую достали для него одного. Наконецъ, послѣ шестидесятидневнаго марша и по утратѣ большой части своего войска онъ достигъ города Пуры въ плодоносномъ оазисѣ и тѣмъ самымъ конца трудностей. Въ Караманіи онъ сошелся опять съ войскомъ Кратера, вскорѣ и съ Неархомъ, который послѣ богатаго опасностями и трудностями плаванія по неизвѣстному морю присталъ у устья Анамиса, недалеко отъ входа въ Персидскій заливъ, и теперь дальнѣйшій походъ подобенъ былъ блестящему побѣдному шествію. Празднества слѣдовали за празднествами; за веселыми пирами кубокъ, по македонскому обычаю, усердно шелъ въ круговую; самыя лучшія вина и кушанья, что могла дать Азія, были тутъ въ изобиліи, чтобъ услаждать всѣхъ.

Позднѣйшіе писатели много болтали вздора о томъ, какъ Александръ, въ подражаніе Діонисію, велѣлъ запречь въ свою побѣдную колесницу восемь бѣлыхъ коней, какъ онъ велѣлъ разставить на дорогѣ открытые мѣха вина, вѣнки изъ плюща и виноградныхъ листьевъ; какъ все войско шаталось въ пьяномъ состояніи, окруженное поющими и пляшущими менадами: современные ему исторіо-

графы ничего объ этомъ не знаютъ. Они, напротивъ, сообщаютъ о благодарственныхъ жертвоприношеніяхъ, о мусическихъ и гимнастическихъ играхъ, о справедливости, которую выказывалъ царь, строго наказывая намѣстниковъ, уличенныхъ въ притѣсненіи своихъ провинцій.

Между тѣмъ Александръ черезъ Пасаргады, гдѣ онъ нашелъ могилу Кира разграбленною и безъ всѣхъ сокровищъ, черезъ Персеполь и другіе города города пошелъ въ Сузу. Здѣсь отпраздновано было свадебное торжество (324), которымъ Александръ, казалось, намекалъ на свое намѣреніе, какъ-бы сочетать бракомъ Европу съ Азіей. Именно самъ онъ сочетался со Статирой, старшей дочерью Дарія, и въ то же время другъ его Гефестіонъ съ младшей, Дрипетисой. Кромѣ того, около восьмидесяти его македонскихъ военачальниковъ заключили подобную же связь со знатными персіянками, и около 10,000 простыхъ воиновъ, привлеченныхъ приданымъ, которое было назначено невѣстамъ, послѣдовали ихъ примѣру.

Для этого празднества воздвигнута была особая великолѣпная палатка, внутреннее пространство которой обнимало четыре стадіи (разстояніе въ $^1/_4$ часа). Крыша покоилась на колоннахъ, сіявшихъ серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями; стѣны покрыты были протканными золотомъ коврами, пурпуровыми занавѣсами. За сотней столовъ на драгоцѣнныхъ подушкахъ возлежали самъ царь и прочіе новобрачные со своими свадебными гостями, а насупротивъ — все войско въ необозримомъ рядѣ группъ. При звукахъ трубъ началось праздничное пиршество. Много тутъ веселились и забавлялись, и театральныя представленія, пѣніе, игра на флейтѣ и на лирѣ чередовались тутъ съ пляской и фокусами.

Пять дней длились увеселенія, затѣмъ выступили въ Месопотамію, самъ царь на кораблѣ, чтобы изслѣдовать устья великихъ рѣкъ. На Тигрѣ, въ Описѣ, онъ велѣлъ разбить лагерь и сдѣлалъ смотръ вооруженнымъ силамъ царства. При этомъ случаѣ онъ украсилъ золотыми вѣнками Певкесту и Леонната, нѣкогда защитившихъ его щитомъ и мечомъ, затѣмъ Гефестіона, Пердикку, Птолемея, браваго начальника флота Неарха, окончившаго плаваніе отъ устья Инда до самаго Евфрата, и другихъ храбрыхъ полководцевъ. Еще ранѣе онъ приказалъ, чтобы всѣ воины объя-

вили о своихъ долгахъ, и уплатилъ ихъ изъ государственной казны. Они составляли сумму въ 20,000 талантовъ (около 42 милл. нын. руб.). Въ Сузѣ предъ очи царя привели 30,000 персидскихъ юношей, которыхъ онъ уже, нѣсколько лѣтъ назадъ, велѣлъ обучать македонскому военному искусству. Они выказали себя крѣпкими и ловкими во всѣхъ упражненіяхъ. Другія части войска онъ образовалъ изъ македонянъ и такихъ варваровъ, которые до этого отличились на военной службѣ; мало того, онъ даже принималъ испытанныхъ чужеземцевъ въ среду своихъ гетеровъ. Но изъ-за этого возникло общее недовольство. И вотъ, когда онъ хотѣлъ отпустить на родину 10,000 ветерановъ, богато наградивъ ихъ, то все войско потребовало увольненія. Кричали ему, что впредь онъ можетъ завоевывать міръ съ персидскими плясунами.

Александръ при этомъ общемъ мятежѣ не выказалъ ни малѣйшаго колебанія. Со своими тѣлохранителями онъ ворвался въ толпу и велѣлъ схватить тринадцать самыхъ громкихъ крикуновъ. Затѣмъ онъ въ длинной рѣчи къ воинамъ представилъ имъ все ихъ безразсудство и неблагодарность. „Ваши отцы", — воскликнулъ онъ,—„были жалкій народъ, одѣтый въ шкуры животныхъ, презрѣнный. Мой отецъ доставилъ имъ почетъ. Я самъ повелъ васъ въ Азію, осыпалъ побѣдами и богатствами, подчинилъ вамъ царства, такъ что вы можете поднимать свои головы надъ всѣми народами земли. Я вмѣстѣ съ вами дѣлилъ опасности и раны. Теперь же вы, въ благодарность за это, хотите меня покинуть и предать меня защитѣ покоренныхъ народовъ! Хорошо, сообщите объ этомъ похвальномъ поступкѣ на родинѣ: онъ вамъ доставитъ славу у боговъ и людей. Ступайте!" Когда онъ затѣмъ удалилъ отъ себя македонянъ на нѣсколько дней и, напротивъ, персамъ разрѣшилъ доступъ къ себѣ и македонское привѣтствіе, то войско пришло въ глубокую печаль. Въ раскаяніи воины окружили его палатку, обѣщая повиновеніе и выдачу зачинщиковъ, и когда Александръ, наконецъ, вышелъ къ нимъ, то они просили только, чтобъ онъ не принималъ въ число царскихъ родственниковъ и друзей варваровъ, но лишь людей изъ отечества. Тогда онъ воскликнулъ тронутый: „Всѣ вы мои родственники и милые товарищи!" и обнялъ близко стоящихъ.

Великое празднество заключило примиреніе; это былъ празд-

никъ братскаго союза народовъ, ибо 9,000 македонянъ и персовъ обѣдали вмѣстѣ со своимъ царемъ и наполняли свои кубки изъ однихъ и тѣхъ же сосудовъ съ виномъ. Послѣ этого примиренія послѣдовала, наконецъ, отставка 10,000 ветерановъ, нуждавшихся въ покоѣ. Каждый изъ нихъ получилъ недополученное жалованье, какъ и жалованье за все дальнѣйшее время до прибытія его въ отчизну, и затѣмъ талантъ золота, почетный вѣнокъ и обѣщаніе предсѣдательства на общественныхъ празднествахъ. Также и дѣтямъ павшихъ въ походахъ воиновъ обѣщано было дальнѣйшее полученіе жалованья ихъ отцовъ. Такою щедростью царь привлекъ новыя дружины наемниковъ, жаждавшихъ подъ его побѣдоносными знаменами пріобрѣсти себѣ деньги и почетные вѣнки.

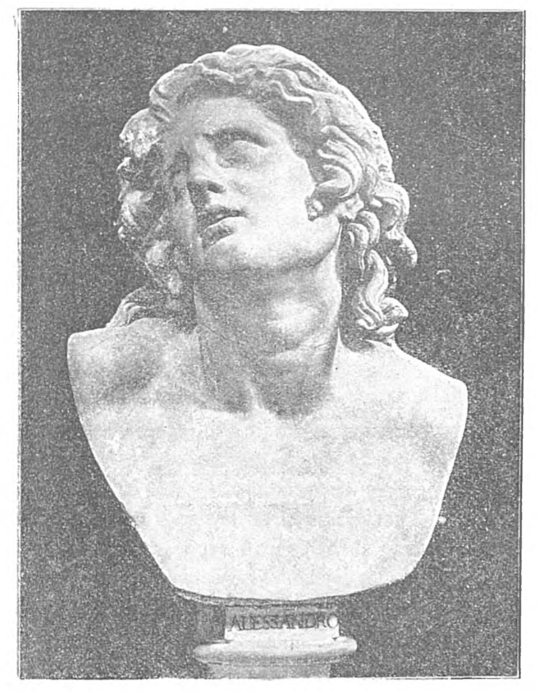
Александръ думалъ, что нуждается въ такихъ новыхъ силахъ, ибо грандіозныя предпріятія занимали его никогда не отдыхавшій умъ. Онъ хотѣлъ объѣхать Аравію, покорить западныя страны Африки и Европы и предпринять новый походъ на дальній востокъ, чтобъ узрѣть чудеса на Гангѣ. Прежде всего, однако, онъ стремился устроить равномѣрное управленіе и облегчить сношенія во всѣхъ частяхъ государства. Поэтому онъ велѣлъ закладывать гавань, строить корабли, рыть каналы. Чтобы обезпечить пути сообщенія, онъ пошелъ въ Мидію, гдѣ разбойническіе коссейцы подстерегали торговые караваны. Осенью онъ отпраздновалъ въ Экбатанѣ большой праздникъ Діониса. Но праздничное ликованіе прервано было смертью Гефестіона. Три дня царь молча и безъ всякаго участія къ внѣшнему міру сидѣлъ возлѣ тѣла вѣрнаго товарища; затѣмъ онъ, хотя и съ омраченной душой, снова посвятилъ себя дѣламъ. Онъ побѣдилъ и наказалъ орды коссейцевъ въ ихъ горахъ и принудилъ ихъ къ земледѣлію и законному порядку.

Въ началѣ слѣдующаго (323) года Александръ отправился въ Вавилонъ, новую міровую столицу, гдѣ послы чужихъ странъ поклонились великому повелителю. Прибыли и вѣстники изъ Греціи; тамъ недавно по его приказу ему присудили почести героя, и даже спартанцы заявили: „Если Александръ хочетъ быть богомъ, пусть онъ имъ будетъ“. Но для царя важнѣе были его предпріятія, чѣмъ такія посольства. Онъ осматривалъ работы въ гавани, ходилъ на корабли, изо дня въ день шагалъ по низменностямъ, гдѣ сооружались каналы и гдѣ въ теченіе части

года дуетъ вредный вѣтеръ, вызывающій лихорадку. Можетъ быть, здѣсь онъ схватилъ начало своей послѣдней, смертельной болѣзни. Еще руководилъ онъ торжественнымъ погребеніемъ своего возлюбленнаго Гефестіона, трупъ котораго сожженъ былъ на кострѣ вышиной въ 70 m. (230 фут.), покрытомъ пурпуромъ и золотомъ. Грандіозный праздничный пиръ заключилъ торжество. И въ слѣдующіе дни царь участвовалъ въ нѣсколькихъ пиршествахъ, хотя уже чувствовалъ себя нездоровымъ.

Смерть Александра Великаго. Но подготовленію дальнѣйшихъ предпріятій не могло помѣшать ни это, ни также зловѣщія предзнаменованія. Флотъ былъ уже снаряженъ, Неархъ уже на борту и сухопутное войско готово къ выступленію. Но отплытія не послѣдовало, всѣ сборы и приготовленія остановились, такъ какъ самъ царь, душа всего, серьезно заболѣлъ злокачественной лихорадкой. Уже на восьмой день онъ лишился языка. Молча, преисполненные боязни и заботъ, воины днемъ и ночью стояли внѣ дворца. Наконецъ, ихъ вождямъ пришлось разрѣшить доступъ къ умиравшему герою. Послѣдній пожалъ еще инымъ изъ нихъ руку, затѣмъ подалъ свой перстень съ печатью храброму Пердиккѣ и скончался подъ вечеръ 11-го іюня 323 г. на тридцать третьемъ году жизни.

Много жизненной свѣжести и жажды подвиговъ, много творческаго генія исчезло вмѣстѣ съ этой одной жизнью. Смерть сразила царственнаго героя, равнаго которому не можетъ назвать всемірная исторія. Пятна, повидимому, затемняющія его славу, исчезаютъ передъ величіемъ его характера, передъ блескомъ его подвиговъ, передъ поэтическимъ духомъ, окружающимъ его образъ. Онъ стремился къ геройству поэтической древности, но постигалъ также реальныя отношенія настоящаго и будущаго и старался упорядочить ихъ съ организаторскимъ искусствомъ. Теперь все это перемѣнилось. Чудодѣйственный мастеръ, мощной десницей вмѣшавшійся въ человѣческія судьбы, разрушившій устарѣвшія формы, чтобы создать новыя, жизнеспособныя, внезапно, безъ предчувствія, безъ приготовленія, ушелъ со сцены своихъ подвиговъ, и не нашлось другого мастера, который былъ бы способенъ довершить дѣло. Ни въ царской семьѣ, ни среди славныхъ полководцевъ не было мужа, который могъ бы стать на мѣсто того, кого смерть умчала съ его поприща во цвѣтѣ

УМИРАЮЩІЙ АЛЕКСАНДРЪ.
МРАМОРНЫЙ БЮСТЪ ВЪ УФФИЦИ (ФЛОРЕНЦІЯ).

силъ. Поэтому не было окончено то, что онъ подготовилъ съ вѣрнымъ тактомъ; распалось то, что онъ сдерживалъ крѣпкою рукой. Народы персидскаго царства Александръ хотѣлъ поднять изъ упадка, укрѣпить, облагородить, основать въ Вавилонѣ свою столицу для странъ на востокѣ и на западѣ. Инымъ было рѣшеніе Того, Кто съ мудростью Своей управляетъ путями людей, и Кто глядѣлъ дальше, нежели товарищи царя, смущенно и плача стоявшіе у одра умершаго героя.

ДІАДОХИ

ВОЙНЫ ДО ПРЕКРАЩЕНІЯ ЦАРСКАГО ДОМА.

Споръ за престолонаслѣдіе. Вокругъ тѣла царя стояли пажи и вѣрные сподвижники, одни будучи погружены въ тихое горе, другіе громко плача. Вскорѣ обширный дворецъ, вскорѣ портикъ у входа, вскорѣ весь городъ огласились воплями, когда вѣсть о потрясающемъ событіи распространилась далѣе и далѣе. Туземцы и чужестранцы, граждане и воины горевали по возлюбленномъ повелителѣ, по вѣнчанномъ побѣдою и славою героѣ, и всѣ со страхомъ вглядывались въ неопредѣленное будущее. Ночь покоилась надъ Вавилономъ, ночь полная скорби и неопредѣленной боязни. Каждое ликованіе могло принести съ собой измѣну, мятежъ, убійство и кровавую борьбу. Различные отряды войска стояли подъ оружіемъ, граждане не рѣшались зажечь огня; отдѣльные голоса и крики ужасающе раздавались во мракѣ.

Въ утреннихъ сумеркахъ сошлись высшіе военачальники, семь тѣлохранителей царя. Это не были слабые, необдуманные люди, безвольно предававшіеся теченію событій, но люди, полные энергіи и рѣшимости, привыкшіе сильной рукой управлять ходомъ дѣлъ, мужи, которыхъ самъ Александръ выбралъ изъ среды знатнѣйшихъ и собралъ вокругъ себя. Среди нихъ выдавались честолюбивый, смѣлый Пердикка, осмотрительный, храбрый Птолемей, сынъ Лага, и Леоннатъ, защитившій въ Индіи раненаго царя. Они, быть-можетъ, заранѣе ужъ строили планы будущаго, которые они еще скрывали въ глубинѣ груди. Но

пока они, казалось, были волнуемы только заботой о государствѣ и царской фамиліи и приняли рѣшеніе созвать знатнѣйшихъ изъ царскихъ родственниковъ и друзей и начальниковъ различныхъ отрядовъ войска, чтобъ посовѣтоваться о царствѣ и правленіи.

Въ тронномъ залѣ, гдѣ на золотомъ тронѣ лежали пурпурное одѣяніе, вѣнецъ и вооруженіе царя, собрались, при сильной давкѣ, призванные царскіе вожди, всѣ въ блестящихъ доспѣхахъ и одѣтые въ знаки различныхъ своихъ достоинствъ. Подошли сюда и другіе воины, выражавшіе при совѣщаніи свое одобреніе и неодобреніе бряцаніемъ щитомъ и сариссой.

БРОНЗОВАЯ МОНЕТА ФИЛИППА АРРИДЕЯ.

Прежде всего нужно было назначить престолонаслѣдника. Нѣкоторые предложили Геракла, сына Александра и Барсины, вдовы Мемнона; другіе Филиппа Арридея, сына царя Филиппа и ѳессалійской гетеры; третьи совѣтовали дожидаться разрѣшенія отъ бремени царицы Роксаны, законной супруги Александра. Въ то же время Пердиккѣ поручили регентство до совершеннолѣтія не рожденнаго еще царя.

Заговорилъ противъ этого только не имѣвшій прежде значенія вождь фаланги Мелеагръ, заявляя, что-де по обычаю всему войску слѣдуетъ произвести избраніе царя. Онъ встрѣтилъ громкое одобреніе со стороны окружающихъ воиновъ, а еще болѣе у собравшейся передъ дворцомъ толпы. Послѣдняя провозгласила Филиппа Арридея царемъ и, вооруженная, ринулась въ тронный залъ. „Въ покой царя!“ было лозунгомъ начальниковъ, когда ворвались свирѣпые воины; тамъ, вокругъ тѣла царя, собрались они со своей дворянской свитой. Но фаланги послѣдовали за ними, двери разбивались, копья летали туда и сюда, стенали раненые, хрипѣли умирающіе, боевой шумъ наполнилъ мѣсто смерти. То были кровавыя поминки. Тогда благонамѣренные люди стали взывать къ миру; началь-

ники опустили оружіе и повидимому согласились съ выборомъ толпы. Слабоумный Арридей, какъ безвольная кукла, облеченъ былъ пурпуромъ и вѣнцомъ; Мелеагръ несъ его оружіе, и ему устроили также придворный штатъ, не обращая вниманія на отсутствіе вождей. Однако всюду господствовало недовѣріе и опасеніе, такъ какъ вся дворянская конница грозными эскадронами рыскала вокругъ города, мѣшая подвозу, и не было рѣшительнаго главы, который могъ бы руководить фалангами. Наконецъ разумному Эвмену удалось устроить справедливое соглашеніе.

Господство Арридея было признано, а ожидавшемуся сыну Роксаны выговорено было право участія въ царской власти. Пердикка и Мелеагръ должны были быть первыми совѣтниками царя, Антипатръ въ Европѣ—верховнымъ полководцемъ или стратегомъ, а всѣми уважаемый Кратеръ—тамъ же правителемъ царства.

Регентство Пердикки. Такъ Пердикка приблизился къ царю и черезъ это, въ силу своей преобладающей энергіи, достигъ господства. На назначенномъ праздникѣ искупленія пролитой крови онъ, для возстановленія военной дисциплины, велѣлъ схватить 300 македонянъ, которыхъ онъ отмѣтилъ какъ бунтовщиковъ, и раздавить ихъ слонами. Долженъ былъ погибнуть и Мелеагръ, а слабый Арридей на эти и другія мѣропріятія наложилъ печать царской воли.

Затѣмъ Пердикка понималъ, что гордые вожди, едва преклонявшіеся передъ сильною волей Александра, съ завистью смотрѣли на его преимущественное положеніе. Поэтому онъ сдѣлалъ распоряженія, которыя, какъ надѣялся онъ, должны были укротить ихъ упорство и держать ихъ въ зависимости отъ него. Именно тѣмъ, кто казался опаснымъ, онъ передалъ отдаленныя сатрапіи, раздѣлилъ ихъ власть и назначилъ людей испытанной приверженности намѣстниками въ провинціяхъ, граничившихъ съ тѣми сатрапіями. По этому плану старикъ Антипатръ правда сохранилъ за собой главное начальство въ Македоніи и Греціи, но возлѣ него сталъ Кратеръ, и всю ѳракійскую землю получилъ Лизимахъ. Властолюбивому Антигону, который хвалился княжескимъ происхожденіемъ, удѣлены были Великая Фригія, Памфилія и Ликія; къ сѣверу отсюда лежавшія страны до Чернаго моря—Эвмену, одинаково дѣльному въ переговорахъ, какъ и на

полѣ брани и вѣрному приверженцу регента, такъ какъ онъ, грекъ по рожденію, не имѣлъ шансовъ на собственное господство надъ Македоніей. Наконецъ, Египетъ получилъ Лагидъ Птолемей, который при жизни Александра былъ полонъ преданности къ своему царственному владыкѣ, теперь же въ правильномъ пониманіи положенія стремился къ разрыву государственнаго единства и учрежденію особыхъ царствъ. Въ Каріи устроился Асандръ, братъ Парменіона, въ Малой Фригіи храбрый Леоннатъ, въ Экбатанѣ честолюбивый Пиѳонъ; Селевкъ, выдававшійся тѣлесной и умственной силой, сдѣлался начальникомъ дворянской конницы (хиліархомъ). Для себя самого Пердикка удержалъ верховное управленіе въ качествѣ регента. Онъ отъ имени мнимаго царя Арридея отдавалъ всѣмъ должностнымъ лицамъ свои приказы и придавалъ имъ силу посредствомъ царской печати, а еще болѣе посредствомъ стоявшаго за нимъ государственнаго войска.

Таково было то государственное устройство, которое установили, повидимому, для поддержанія могущества имперіи, въ дѣйствительности же для служенія эгоизму. Ибо гордые сатрапы и стратеги, съ преданностью и вѣрностью сражавшіеся въ битвахъ своего царя, теперь освобожденные отъ сдерживающихъ узъ, стояли другъ противъ друга, охваченные бурею безмѣрныхъ страстей. Какъ стихіи, которыя въ спокойномъ состояніи, повидимому, служатъ человѣческому духу, разбушевавшись свирѣпствуютъ другъ противъ друга и противъ людей и ихъ дѣлъ, такъ упрямые властители боролись другъ съ другомъ и со слабой царской властью, послѣ того какъ скончался мастеръ, укрощавшій ихъ мощной десницей. Но, быть-можетъ, такъ распорядилась Вѣчная Премудрость, дабы при бездѣятельныхъ царяхъ не наступило остановки въ намѣченномъ развитіи; быть-можетъ, эллинская культура должна была проникнуть всѣ національности, но не одолѣть ихъ, а быть только содѣйствующимъ элементомъ при образованіи новыхъ народныхъ характеровъ, одной изъ движущихъ силъ для произведенія свѣжихъ цвѣтовъ въ саду человѣчества.

Возстаніе грековъ. На мгновеніе народы Азіи примирились съ новымъ порядкомъ вещей, давшимъ имъ македонскихъ господъ, намѣсто персидскихъ. Они, привыкшіе къ господству сатраповъ, безъ вождей неспособны были къ самостоятельнымъ

дѣйствіямъ. Возстаніе эллинскихъ колонистовъ въ области Окса, предпринятое съ тѣмъ, чтобы силой добиться возвращенія на родину, съ кровавой строгостью подавлено было Пиѳономъ. Иначе встрѣчена была вѣсть о смерти царя въ Греціи. Не скрывали своей радости; громко высказывали мысль, что пришло время свергнуть македонское владычество. Особенно ликовала народная толпа въ Аѳинахъ. Люди, которые немного могли потерять, жаждавшіе новшествъ, крикуны толпы, громко говорили о прежней славѣ города. Тщетно состоятельные люди подымали голосъ противъ нихъ, тщетно сѣдой стратегъ Фокіонъ увѣщевалъ къ спокойствію: рѣшена была война. Леосѳенъ, предводитель наемниковъ, отличившійся уже во внѣшнихъ войнахъ, получилъ порученіе навербовать массу наемнаго войска и деньги для этого. Онъ отправился на Тенарскій мысъ въ Лаконикѣ, на общее мѣсто вербовки, гдѣ всегда во множествѣ находились наемники, и навербовалъ тамъ войско въ 8,000 хорошо обученныхъ и испытанныхъ воиновъ. Съ этимъ войскомъ онъ, послѣ объявленія войны Македоніи, пошелъ въ Этолію, народности которой, соединенныя въ союзъ, дотолѣ съ успѣхомъ отстаивали свою независимость. Тамъ къ нему присоединились 700 ратныхъ этолянъ (323 г.). Вскорѣ и ополченія фокійцевъ, локрянъ, даже молоссовъ изъ Эпира и многихъ другихъ племенъ пристали къ войску, которое сейчасъ же вступило въ Ѳермопилы. Когда беотійцы, вѣрные македонскому союзу, съ 7,000 человѣкъ преградили путь аѳинскому гражданскому ополченію, то Леосѳенъ ударилъ имъ въ тылъ и одержалъ первую побѣду въ этой войнѣ, которую назвали Ламійской. Теперь этотъ свѣдущій въ военномъ дѣлѣ мужъ стоялъ во главѣ 30,000 бойцовъ слишкомъ и дожидался только еще присоединенія ѳессалійцевъ, чтобы выступить изъ тѣснинъ и далѣе преслѣдовать свою побѣду.

Антипатръ, старый, опытный македонскій стратегъ, былъ между тѣмъ въ очень стѣсненномъ положеніи. Сосѣдніе ѳракійскія и иллирійскія племена прервали отношеніе зависимости и, съ оружіемъ въ рукахъ, стояли какъ противъ Лисимаха на сѣверѣ, такъ и противъ его самого; Эпиръ былъ враждебенъ; Олимпіада, мать Александра, съ дикой страстностью своей души стремилась къ власти и въ то же время къ отмщенію ненавистному ей стратегу. Она бѣжала съ дочерью Клеопатрой,

вдовой прежняго царя Эпира, въ эту страну, но поддерживала связи въ Македоніи, чтобы при удобномъ случаѣ выполнить свои планы. Антипатръ старался съ привычной осмотрительностью одолѣть всѣ эти затрудненія. Онъ собралъ столько войска, насколько его не требовалось для самой страны, и обратился въ ту сторону, гдѣ грозила наибольшая опасность, въ Ѳессалію. Этимъ онъ предотвратилъ дальнѣйшее отпаденіе. По соединеніи съ ѳессалійской дворянской конницей, онъ двинулся на Ѳермопилы, но, будучи вдвое слабѣе эллинскихъ силъ, не отважился на нападеніе, занялъ крѣпкую позицію при Гераклеѣ, въ области этейцевъ, гдѣ и сталъ дожидаться подкрѣпленій отъ своего флота и помощи изъ Азіи. Но для этого дѣятельный Леосѳенъ не далъ ему времени. Онъ вышелъ изъ тѣснинъ и принудилъ его къ битвѣ, окончившейся не въ пользу македонянъ.

Этотъ успѣхъ греческаго оружія вызвалъ всеобщее возбужденіе въ Элладѣ. Еще разъ, подобно явленію божества, поднялась мысль о свободѣ и независимости въ сердцахъ эллиновъ. Но никто не привѣтствовалъ новаго дня, повидимому восходившаго надъ Элладой, громче и радостнѣе, чѣмъ старый, патріотическій борецъ за свободу, Демосѳенъ. Онъ въ то время жилъ изгнанникомъ на островѣ Эгинѣ, такъ какъ противники его обвиняли въ связи съ нечестнымъ казначеемъ Гарпаломъ, который съ довѣренной ему царской казной изъ Экбатаны бѣжалъ въ Аѳины. Знаменитый ораторъ присоединился къ посольству, ѣздившему по Пелопоннесу и призывавшему тамошнія государства къ оружію. Краснорѣчивымъ языкомъ онъ во всѣхъ городахъ пробуждалъ то воодушевленіе, которое воспламеняло его самого. Обѣщали и оказывали помощь. Воинственныя дружины выступали въ походъ и присоединялись къ освободительному войску. Самъ же Демосѳенъ немного позже, при ликованіи гражданъ, вернулся въ свой родной городъ Аѳины.

Подступавшія подкрѣпленія дали Леосѳену возможность преслѣдовать свою побѣду. Такъ какъ въ то же время и Ѳессалія возстала противъ македонскаго владычества и ея конные эскадроны пристали къ греческому войску, то Антипатръ со своими разбитыми и ослабленными силами, казалось, не могъ избѣжать полной гибели. Онъ долженъ былъ отступить въ городъ Ламію, гдѣ вскорѣ со всѣхъ сторонъ былъ запертъ и осажденъ. Однако

онъ все-таки успѣлъ доставить въ городъ военныя орудія и съѣстные припасы, равно какъ и дополнить укрѣпленія.

Еслибы теперь быстрая смѣна одного успѣха другимъ увѣнчала напряженія греческихъ боевыхъ силъ, то быть можетъ всѣ позднѣйшія усилія разъединенныхъ между собой македонскихъ властителей, направленныя противъ независимости Греціи, потерпѣли бы крушеніе. Конечно, Леосѳенъ поступилъ бы хорошо, если бъ оставилъ въ тылу у себя незначительныя непріятельскія силы въ Ламіи и безъ промедленія подступилъ къ границамъ Македоніи; но онъ думалъ, что сможетъ взять приступомъ послѣдній больверкъ Антипатра, какъ нѣкогда на Азопѣ былъ завоеванъ персидскій лагерь, и безпрерывно штурмовалъ городъ; но здѣсь онъ имѣлъ дѣло не съ персидскими полчищами, а со свѣдущими въ военномъ дѣлѣ людьми. Приступы кровопролитно были отбиты, и послѣ тяжелыхъ потерь Леосѳенъ долженъ былъ рѣшиться на правильную осаду. Тогда проведены были насыпи и рвы, перерѣзаны коммуникаціонныя линіи города съ гаванью, а осадныя сооруженія все ближе придвигались къ городскимъ стѣнамъ. Хотя уже настала осень и этоліяне, которымъ надоѣла медленная осадная война, около этого времени покинули войско, но предпріятіе продолжалось съ неослабнымъ мужествомъ. Уже росла нужда въ запертомъ городѣ, уже велись переговоры о сдачѣ; тогда въ незначительномъ сраженіи палъ Леосѳенъ (323 г.), смертельно раненый метательнымъ камнемъ, и Антипатръ воспользовался возникшимъ замѣшательствомъ для того, чтобы прорвать непріятельскія сооруженія въ слабомъ мѣстѣ.

Въ Аѳинахъ однако изъ-за этого не упали духомъ. Ораторъ Гиперидъ, стоявшій во главѣ партіи, враждебной македонянамъ, произнесъ достойное надгробное слово въ честь павшаго подъ Ламіей полководца и другихъ гражданъ. Главное начальство поручили Антифилу, лицу, извѣстному своими военными подвигами, обойдя при этомъ твердо державшагося своихъ прежнихъ взглядовъ Фокіона. Между тѣмъ призывъ Антипатра о помощи проникъ въ Азію. Тамъ смѣлый, честолюбивый Леоннатъ, одинъ изъ тѣлохранителей и теперь намѣстникъ Фригіи, съ испытаннымъ войскомъ стоялъ на Геллеспонтѣ, чтобы, по приказу регента, покорить Каппадокію для Эвмена. Ему весьма былъ наруку походъ противъ мятежныхъ грековъ. Онъ надѣялся чрезъ

это получить вліяніе въ Македоніи; онъ надѣялся и на еще большее: онъ устремлялъ свои взоры на царскій престолъ, такъ какъ неоднократно упомянутая сестра Александра, Клеопатра, въ то же время предложила ему свою руку. Со всей возможной поспѣшностью онъ переправился въ Европу и болѣе чѣмъ съ 20,000 человѣкъ пѣхоты и 2,500 всадниковъ чрезъ Θессалію двинулся на Ламію. На окруженной лѣсистыми высотами и болотами равнинѣ онъ столкнулся съ войскомъ эллиновъ. Во главѣ своихъ всадниковъ онъ нѣсколько разъ со стремительной отвагой врывался въ непріятельскіе эскадроны; но вся его храбрость была напрасна: превосходство силъ и хорошія качества θессалійской конницы одержали верхъ; македоняне были разбиты, вогнаны въ болота или перебиты. Леоннатъ палъ, покрытый ранами; лишь съ трудомъ можно было отнять трупъ его у враговъ. Послѣ пораженія конницы македонская пѣхота отступила на лѣсистыя высоты. На слѣдующій день Антипатръ, ловко умѣвшій пользоваться временемъ и обстоятельствами, устроилъ

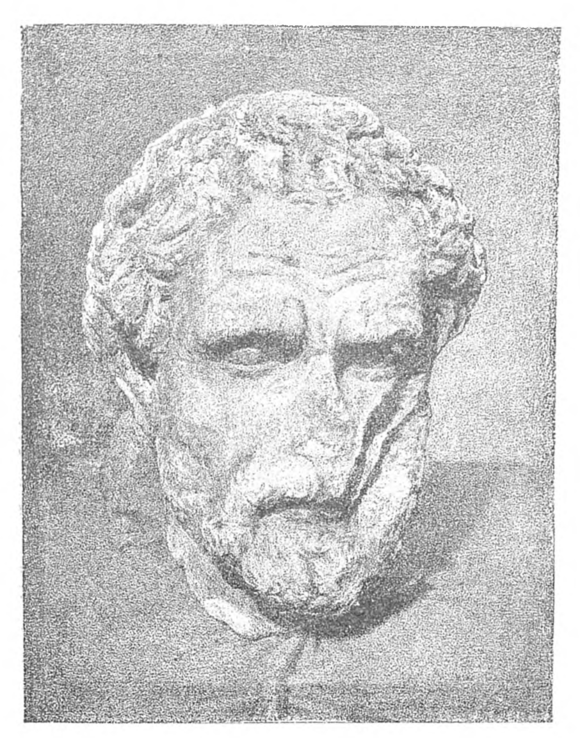
ФОКІОНЪ

МРАМОРНАЯ СТАТУЯ ВЪ ВАТИКАНСКОМЪ МУЗЕѢ.

соединеніе съ разбитымъ войскомъ и теперь, несмотря на пораженіе, не только сталъ равенъ по силамъ врагу, но въ то же время и освобожденъ былъ отъ опаснаго соперника. Избѣгая равнины, онъ пошелъ на сѣверъ къ границамъ Македоніи и, вплоть до самаго лѣта, уклонялся отъ рѣшительнаго столкновенія съ непріятелемъ.

Въ продолженіе этого времени македонскіе отряды, послѣ неоднократныхъ пораженій аѳинскаго флота, высаживались въ Аттикѣ, но были сѣдымъ Фокіономъ во главѣ вооруженныхъ гражданъ принуждаемы съ большимъ урономъ къ отступленію. Зато храбрый Кратеръ съ 10,000 старыхъ, окончившихъ службу воиновъ и многими стрѣлками и всадниками присоединился къ Антипатру, чрезъ что войско послѣдняго возросло болѣе чѣмъ до 40,000 человѣкъ. Теперь Антифилу съ его гораздо болѣе слабыми силами слѣдовало бы отыскивать высоты и уклоняться отъ битвы; но при недостаткѣ единодушія и строгой военной дисциплины среди союзныхъ грековъ продолжительная оборонительная война была невозможна; поэтому Антифилъ рѣшилъ предоставить рѣшеніе богу браней. На Краннонской равнинѣ, къ югу отъ Пенея, сошлись войска другъ съ другомъ. Ѳессалійская конница и здѣсь оправдала свою старинную славу; непріятельская конница, несмотря на ея превосходство, была разбита. Однако македонскія фаланги послѣ кровопролитной рукопашной схватки оттѣснили эллинскихъ гоплитовъ на высоты и удержали за собой поле битвы. Завязались переговоры, которые, впрочемъ, вскорѣ разстроились; затѣмъ македонскіе отряды стали брать одинъ городъ Ѳессаліи за другимъ; ѳессалійская конница разсѣялась; вскорѣ и главныя силы послѣдовали ея примѣру. Только аѳинскія войска держались еще въ полѣ, но при наступленіи Антипатра отступили безъ боя чрезъ Ѳермопилы и Беотію на родную почву. Превосходныя силы враговъ уже стояли лагеремъ вблизи Кадмеи. Туда теперь прибыли аѳинскіе послы, среди нихъ старикъ Фокіонъ и достопочтенный философъ Ксенократъ. Послѣдній потребовалъ, чтобы непріятельское войско не наступало болѣе, и когда Кратеръ отказалъ въ этомъ, то Антипатръ сказалъ, что старому другу можно бы сдѣлать желанную уступку. Въ теченіе дальнѣйшихъ переговоровъ Антипатръ потребовалъ выдачи непріязненно настроенныхъ ораторовъ, отмѣны демократическаго

устройства Аѳинъ, возмѣщенія военныхъ издержекъ и принятія македонскаго гарнизона въ портовый городъ Мунихію. Фокіонъ желалъ отвратить послѣднее условіе. Но стратегъ спросилъ его, можетъ ли онъ въ такомъ случаѣ поручиться за спокойствіе

ГОЛОВА ДЕМОСѲЕНА (ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА).

непостояннаго аѳинскаго народа, и когда тотъ на это молчалъ, договоръ пришлось принять.

Совершенная гибель греческой самостоятельности. Смерть Демосѳена. Во время празднованія Элевсиній чужеземный гарнизонъ вступилъ въ Мунихію, и тогда, среди громкихъ сѣтованій, поняли, что теперь Аѳины дѣйствительно подчинены чужой власти. А Антипатръ, въ рукахъ котораго эта власть находилась, не былъ та-

кой человѣкъ, который сталъ бы щадить противниковъ и принимать во вниманіе прежнія заслуги тамъ, гдѣ его выгода совѣтовала ему другое. Онъ приказывалъ, и приходилось повиноваться. Онъ заявилъ, что лишь тѣ изъ гражданъ должны имѣть право голоса, состояніе которыхъ превышаетъ 2,000 драхмъ (около 750 нынѣшнихъ руб.). Чрезъ это государственное управленіе попало въ руки состоятельныхъ людей. Какъ это мѣропріятіе при данныхъ обстоятельствахъ было полезно для спокойствія и покорности жаждавшаго новшествъ народа, такъ было оно тяжело для большей части населенія; ибо болѣе половины его этимъ лишалось своего права гражданства, и нѣсколько тысячъ поэтому предпочли переселиться во Ѳракію, гдѣ имъ предложены были мѣста жительства. Безпощадно преслѣдовались македонянами въ особенности враждебно къ нимъ настроенные аѳинскіе ораторы и демагоги. Актеръ Архія, котораго народъ называлъ ищейкой изгнанниковъ, большое число ихъ захватилъ во храмахъ на Эгинѣ и предалъ несчастныхъ Антипатру для казни, соединенной съ жесточайшими пытками. Демосѳенъ, бѣжавшій оттуда на маленькій островъ Калаврію, къ востоку отъ Трезена, былъ, наконецъ, открытъ тамъ въ храмѣ Посидона. Полицейскіе служители оцѣпили его домъ; самъ Архія вошелъ во-внутрь, гдѣ Демосѳенъ у подножія статуи бога провелъ ночь въ тревожныхъ сновидѣніяхъ. Онъ хотѣлъ его уговорить предоставить себя милости македонскаго властителя; но Демосѳенъ возразилъ, что Архія никогда на сценѣ своимъ искусствомъ не вводилъ его въ обманъ; онъ не въ силахъ это сдѣлать и теперь, принося ему добрую вѣсть. „Счастіе повернулось къ противнику“, прибавилъ онъ, „я ему не подражаю. Я не хочу позорить родного города, бросая прекраснѣйшій саванъ — свободу. Безопаснѣйшее убѣжище — смерть“. Когда же тотъ сталъ угрожать употребить силу, онъ продолжалъ: „Теперь, Архія, ты въ своей роли; мнѣ же предоставь еще немного времени, чтобы я могъ написать друзьямъ“. Тотчасъ же онъ взялъ дощечку и палочку изъ тростника для письма, и изъ верхней части послѣдней высосалъ заранѣе заготовленный и скрытый ядъ. Потомъ онъ поднялъ свою голову, когда тотъ сталъ уговаривать его съ притворнымъ дружелюбіемъ, и сказалъ: „Теперь ты можешь съиграть Креонта и оставить мое тѣло безъ погребенія“. Затѣмъ онъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и по-

валился замертво у жертвенника. Такъ умеръ величайшій ораторъ древности (322). Онъ былъ великъ не одной только мощью рѣчи, которою онъ владѣлъ лучше всякаго другого, но также и идеей, которой онъ посвятилъ свою жизнь: онъ боролся и страдалъ за возвышеніе своего отечества до прежняго величія. Пускай мысль эта была несвоевременна и невыполнима, пускай былъ правъ Фокіонъ съ своими трезвыми взглядами, все-же Демосѳенъ заслуживаетъ нашего участія и удивленія всѣми своими стремленіями и своей трагической кончиной, такъ какъ онъ среди всей измѣнчивости счастія имѣлъ въ виду высокій идеалъ и старался достигнуть его, жертвуя даже самимъ собой.

Итакъ, время свободы для Эллады кончилось, и послѣдняя попытка греческихъ государствъ удержать свою независимость, предпринятая въ восторженномъ полетѣ сердецъ, потерпѣла крушеніе. Греція отнынѣ была македонскою провинціей. Властители, спорившіе за господство надъ царствомъ Александра, правда, отъ времени до времени, бросали еще греческимъ государствамъ приманку свободы, чтобы склонить ихъ на свою сторону и воспользоваться ими для своихъ эгоистичныхъ цѣлей; но о дѣйствительной независимости, о самостоятельныхъ дѣйствіяхъ всего эллинскаго народа отнынѣ уже нѣтъ больше рѣчи. Только этоляне въ горахъ своихъ противились подавляющимъ силамъ Антипатра и Кратера, хотя ихъ города и деревни были сожжены. Но они не имѣли вліянія на Грецію въ ея совокупности, такъ какъ сами они довольно далеко стояли отъ эллинскаго образованія.

Но греческій міръ не былъ болѣе ограниченъ Элладой и ея колоніями. Гордые македонскіе властители поклонялись греческому языку, обычаямъ, искусству и наукѣ, и открывали для этихъ унаслѣдованныхъ ими благъ убѣжища на Нилѣ и въ царствахъ Передней Азіи, и даже въ степяхъ Верхней Азіи и въ далекой Индіи насаждены были греческія идеи, приносившія благородные, хотя и скудные плоды. Между тѣмъ надъ свѣжимъ посѣвомъ покамѣстъ бушевала дикая, безостановочная борьба діадоховъ или преемниковъ Александра. Лишь когда она была окончена, могъ взойти этотъ посѣвъ и могли появиться новыя формы.

Пердикка первый протянулъ смѣлую руку къ вѣнцу и тѣмъ вызвалъ внутреннюю войну. Однако онъ еще продолжалъ

свою игру въ качествѣ регента подъ предлогомъ охраны интересовъ царскаго дома. Съ Антипатромъ онъ былъ въ добромъ согласіи, такъ что тотъ выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей. Напротивъ, Антигона, упрямаго сатрапа Великой Фригіи, онъ привлекъ къ отвѣтственности за то, что тотъ отказался водворить Эвмена въ его сатрапіи Каппадокіи. Антигонъ избѣжалъ осужденія благодаря бѣгству въ Европу, гдѣ онъ, безпомощный бѣглецъ, у Антипатра и Кратера нашелъ радушный пріемъ и защиту. Пердикка тогда съ частью государственнаго войска предпринялъ походъ въ Каппадокію, разбилъ царя этой страны и покорилъ провинцію.

ТЕТРАДРАХМА ПТОЛЕМЕЯ.

Лагидъ Птолемей отважился на открытое сопротивленіе. Онъ заставилъ даже траурное шествіе, долженствовавшее привести тѣло великаго царя въ Европу въ царскую усыпальницу, направиться въ Египетъ, потому-де, что Александръ желалъ быть погребеннымъ въ храмѣ Юпитера Амона.

Громадная траурная колесница, везшая царскій трупъ, и покоившійся на ней катафалкъ были великолѣпными произведеніями искусства. Гробъ, сдѣланный изъ золота, наполовину былъ наполненъ пряностями и надъ нимъ было простерто проткапное золотомъ пурпуровое покрывало. Сбоку лежало оружіе Александра. Надъ колесницей возвышался золотой сводчатый катафалкъ, украшенный чешуей изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Подъ этимъ навѣсомъ стоялъ золотой тронъ, на которомъ висѣла на золотыхъ кольцахъ великолѣпная корона. Сверху на колесницѣ помѣщена была кисть въ видѣ сѣтки, съ колокольчиками, которые звономъ своимъ сообщали о приближеніи шествія. На каждомъ углу балдахина находилось по статуѣ богини побѣды. Перистиль съ іонійскими капителями, на которыхъ покоился сводъ, также былъ изъ золота, а внутри помѣстили золотую сѣть и, одну противъ другой, нѣсколько картинъ со многими фигурами. Первая картина изображала самого царя со скипетромъ въ рукѣ, вокругъ него стражу изъ македонянъ и персовъ; вторая картина являла военное ше-

ствіе слоновъ, несшихъ на своихъ спинахъ вождей и вооруженныхъ македонянъ; третья представляла конное сраженіе, а четвертая была изображеніемъ военнаго флота въ боевомъ порядкѣ. Входъ къ катафалку охраняли золотые львы, глядѣвшіе на входящаго. Между стройными колоннами помѣщена была золотая листва, вившаяся также вверхъ до капителей. Надъ сводомъ посреди крыши, распростертъ былъ драгоцѣнный финикійскій коверъ, и на немъ вѣнокъ изъ золотыхъ оливковыхъ вѣтвей. Колесница, везшая это великолѣпное строеніе, покоилась на четырехъ персидскихъ колесахъ, которыя почти цѣликомъ были вызолочены и снабжены пружинами, чтобы никакая неровность почвы не измѣняла горизонтальнаго положенія колесницы. Въ каждое изъ четырехъ дышелъ четырьмя цугами рядомъ впряжено было по шестнадцати муловъ. Для этого выбраны были красивѣйшія и крупнѣйшія животныя; каждое имѣло на головѣ позолоченную корону, справа и слѣва отъ удила по золотому колокольчику и вокругъ шеи ошейникъ, покрытый драгоцѣнными камнями.

Птолемей съ большой пышностью встрѣтилъ похоронную процессію въ Сиріи и повелъ ее въ Мемфисъ, гдѣ тѣло хранилось, пока не было окончено исполинское сооруженіе царской гробницы въ Александріи. Лишь при преемникѣ Лагида оно нашло тамъ окончательное мѣсто успокоенія. То, что Птолемей дерзнулъ, обойдя царское постановленіе, увести останки усопшаго героя въ Египетъ, такой человѣкъ какъ Пердикка не могъ оставить безъ наказанія. Онъ рѣшилъ поэтому наказать строптиваго сатрапа. Въ то же время онъ получилъ другую желанную вѣсть. Именно: престарѣлая царица Олимпіада, съ горькимъ недовольствомъ выносившая свое исключеніе отъ верховной власти, предлагала ему брачный союзъ съ ея дочерью Клеопатрой и тѣмъ открывала ему виды на вступленіе въ царскій домъ, высшую цѣль его непомѣрнаго честолюбія. Олимпіада, правда, понимала, что Пердикка не такой человѣкъ, который позволилъ бы водить себя на помочахъ, но въ ея груди кипѣли ненависть и бѣшенство противъ Антипатра и всѣхъ, стоявшихъ на ея пути. Ихъ хотѣла она погубить, хотя бы при этомъ сама нашла свою гибель. Пердикка медлилъ отвѣтомъ; онъ не хотѣлъ порвать съ Антипатромъ, пока не счелъ его лишнимъ для себя и созрѣвшимъ для устраненія.

Около этого времени двое другихъ лицъ вмѣшались въ запутанную игру, при которой побѣда должна была рѣшить вопросъ о верховной власти или о кровавой могилѣ. Опять то были двѣ женщины царскаго дома; ибо на женщинъ, повидимому, перешла сила великаго царя, между тѣмъ какъ мужское поколѣніе умирало въ немощной хилости.

Кинана, дочь царя Филиппа и матери изъ иллирійскаго рода, унаслѣдовала дикость материнскаго племени. Часто она въ походахъ противъ варварскихъ народовъ съ копьемъ и щитомъ сражалась передовой воительницей и вызывала побѣду. Со смерти своего мужа Аминты она жила въ вынужденномъ уединеніи и воспитывала свою дочь Эвридику, но не для занятій женской горницы, а для дѣлъ, приличествующихъ мужчинамъ. Прекрасенъ, властителенъ былъ видъ пятнадцатилѣтней княжны, когда шлемъ покрывалъ ея голову, окруженную кудрями, а блестящій панцырь облегалъ ея дѣвственную грудь. Въ созерцаніе расцвѣтшей дѣвушки мать набрасывала грандіозные планы. Не за одного изъ полководцевъ, не за регента хотѣла она выдать свое дитя, но за самого царя Арридея. Возлѣ него, отъ его имени она должна была принять бразды верховной власти; тогда—такъ надѣялась она—сіяніе, окружающее дочь, прольетъ свой отблескъ и на мать.

Итакъ, она собрала хорошо вооруженный отрядъ войска и устремилась къ Стримону. Войска, высланныя ей навстрѣчу застигнутымъ врасплохъ Антипатромъ, были слишкомъ слабы; они были разсѣяны. На Геллеспонтѣ нашлись корабли, на которыхъ странное войско переправилось въ Азію. Безпрепятственно оно направилось къ Вавилону, пока не преградило ему путь войско, высланное навстрѣчу Пердиккой. Тотчасъ же Кинана и Эвридика распорядились наступленіемъ. Когда же онѣ, узнаваемыя всѣми, посреди своихъ воиновъ, двинулись впередъ, то противостоявшіе македоняне опустили копья на-земь и отказались отъ битвы, завели переговоры; но во время совѣщанія непріятельскій военачальникъ, какъ то было приказано Пердиккой, велѣлъ умертвить Кинану. Это злодѣйство вызвало взрывъ ожесточенія воиновъ. Оба отряда соединились и повели юную княжну Эвридику въ Вавилонъ, гдѣ отпраздновано было бракосочетаніе съ царемъ Арридеемъ. Такимъ образомъ, она достигла желанной цѣли,

но все-таки тѣмъ ничего не выиграла, такъ какъ она находилась вблизи и подъ вліяніемъ регента, противъ власти котораго даже расположеніе войска не представляло достаточной защиты.

Походъ Пердикки на Египетъ. Пердикка не обратилъ вниманія на то, что начальники, которыхъ онъ собралъ для суда надъ Лагидомъ Птолемеемъ, оправдали послѣдняго во всякой винѣ; онъ устроилъ рѣшенный уже походъ на Египетъ, не взирая на растущее нерасположеніе воиновъ, которымъ побѣлѣвшіе черепа въ пескахъ пустыни на ихъ пути каждый день возвѣщали, сколько народа постигла уже смерть при подобныхъ предпріятіяхъ. Несказанны были бѣдствія, которыя имъ пришлось вынести на ихъ походѣ черезъ пустыни Суэзскаго перешейка. Когда между тѣмъ регентъ услышалъ, что Антипатръ вступилъ въ сношеніе съ непокорнымъ сатрапомъ Антигономъ, онъ отрекся отъ его дочери и объявилъ Клеопатру своей избранной супругой. Въ Сардахъ, куда уже прибыла царственная вдова, предупреждая событія, она должна была его дожидаться, пока онъ не вернется изъ Египта. Тамъ предполагали одновременно отпраздновать побѣду и бракосочетаніе. Клеопатра повиновалась, хотя она охотнѣе послѣдовала бы за супругомъ на театръ войны.

Дальнѣйшія распоряженія регента касались безопасности азіатскихъ провинцій; ибо Пердикка долженъ былъ ожидать, что значительныя силы изъ Европы переправятся черезъ Геллеспонтъ, чтобъ угрожать ему съ тыла. Поэтому онъ передалъ вѣрному Эвмену обширныя полномочія надъ прочими намѣстниками и далъ ему значительныя денежныя средства для увеличенія своихъ военныхъ силъ. Эти мѣры предосторожности не были приняты безъ основанія. Дѣло въ томъ, что въ то самое время, когда государственное войско двинулось на Египетъ, союзные военачальники Антипатръ и Кратеръ со всѣми боевыми силами перешли черезъ Геллеспонтъ; сатрапы въ Малой Азіи были ненадежны, и старые воины громко высказывали, что они не станутъ сражаться противъ всѣми почитаемаго Кратера. При такихъ обстоятельствахъ Эвменъ не отважился мѣшать переходу непріятеля. Онъ стоялъ особнякомъ; онъ былъ греческаго происхожденія, родомъ изъ Кардіи, города ѳракійскаго Херсонеса, и потому на него съ презрѣніемъ смотрѣли македонскіе военачальники и даже простые воины. Но его умъ, неистощимый въ подысканіи вспомогатель-

ныхъ средствъ, и вѣрность его царскому дому, съ которымъ онъ долженъ былъ жить и погибнуть, не покидали его ни въ какомъ положеніи его тревожной жизни. Прежде всего онъ удалился въ свою провинцію Каппадокію, гдѣ онъ пріобрѣлъ себѣ любовь населенія и выучилъ превосходную конницу страны македонскому военному искусству. Затѣмъ онъ двинулся противъ Неоптолема, гордаго сатрапа Арменіи, который хотѣлъ соединиться съ Кратеромъ. Бой былъ жаркій; фаланги Эвмена, частью состоявшія изъ азіатовъ, не могли устоять передъ старыми воинами Неоптолема, но во главѣ своихъ конныхъ дружинъ первый совершенно разбилъ непріятельскія, затѣмъ атаковалъ пѣхоту непріятеля, и заставилъ ее, послѣ отчаяннаго сопротивленія, сложить оружіе передъ обыкновенно столь презираемыми варварами (321 г.). Самъ разбитый полководецъ спасся только съ 300 всадниковъ въ лагерь Антипатра. Тамъ поняли, что нельзя оставить въ тылу у себя побѣдоноснаго Эвмена, и когда старанія благопріятными предложеніями отчудить его отъ дѣла Пердикки остались безуспѣшными, то Кратеръ съ побитымъ и жаждавшимъ мести сатрапомъ двинулся, чтобъ подавляющими силами поразить смѣлаго кардійца.

Эвменъ охотно избѣжалъ бы борьбы со старымъ, милымъ собратомъ по оружію, но въ это смутное время нельзя было принимать въ расчетъ сердечныя чувства. Онъ съумѣлъ скрыть отъ своихъ воиновъ присутствіе уважаемаго Кратера среди непріятельскихъ силъ, и они охотно послѣдовали на битву. Выдвинувъ на обоихъ крыльяхъ конницу въ видѣ полумѣсяца, онъ двинулся черезъ цѣпь холмовъ, еще отдѣлявшую его отъ непріятеля. Послѣдній наступалъ въ подобномъ же порядкѣ; эскадроны праваго крыла велъ Кратеръ, лѣваго Неоптолемъ. Съ послѣднимъ, послѣ неоднократныхъ тщетныхъ атакъ, столкнулся самъ Эвменъ. Ихъ доспѣхи оставляютъ удары копій безъ дѣйствія; они обнимаются и, борясь, падаютъ на-земь. Они продолжаютъ бѣшеный бой копьемъ и мечомъ, у обоихъ льется кровь изъ глубокихъ ранъ; наконецъ, кардійцу удается вонзить въ горло противника смертельное оружіе. Тщетенъ ударъ умирающаго по направленію къ животу Эвмена, и послѣдній поднимается побѣдителемъ, садится на свою лошадь и появляется снова во главѣ своихъ эскадроновъ въ изрубленныхъ, обагренныхъ кровью доспѣхахъ.

Непріятели бѣгутъ; Эвменъ же скачетъ къ лѣвому крылу, чтобы и тамъ рѣшить бой. Онъ застаетъ непріятельскую конницу уже въ полномъ разстройствѣ, ибо Кратеръ, все смявшій передъ собой въ ожесточенной рукопашной схваткѣ, лежалъ умирающимъ на кровавомъ полѣ брани. Ѳракійскій всадникъ, ринувшись сбоку, ранилъ его на смерть.

Эвменъ слѣзаетъ съ лошади, заключаетъ въ свои объятья соратника, который его еще узнаетъ, и проклинаетъ судьбу, принудившую его бороться на смерть съ другомъ, великодушнымъ товарищемъ Александра. Однако онъ не можетъ спасти дорогой жизни и вспоминаетъ теперь о своей должности полководца. Вскорѣ битва выиграна на всѣхъ пунктахъ. Непріятельскіе всадники совершенно разбиты, невредимыя еще фаланги, послѣ того какъ имъ обѣщали свободный уходъ, начали отступленіе, но вскорѣ затѣмъ соединились съ войсками Антипатра.

Антипатръ—правитель государства. Побѣдоносный полководецъ не могъ ихъ преслѣдовать; онъ лежалъ больной лихорадкой отъ ранъ и долженъ былъ разрѣшить отдыхъ себѣ и истощенному войску. Когда онъ затѣмъ, спустя нѣкоторое время, сталъ подвигаться далѣе въ Малой Азіи, пришли извѣстія, совершенно измѣнившія положеніе дѣлъ,—именно Пердикка вторгся въ Египетъ, но запутавшись въ различныхъ рукавахъ Нила, понесъ значительныя потери. Послѣ тщетнаго штурмованія крѣпкаго замка, который защищалъ съ большой храбростью самъ Птолемей, и послѣ неудавшейся попытки пройти въ бродъ черезъ глубокую и тинистую воду Нила, причемъ значительная часть македонянъ безславно лишилась своей жизни, Пердикка въ слѣдующую ночь былъ убитъ своими ожесточенными воинами. Затѣмъ Птолемей, радостно привѣтствуемый государственнымъ войскомъ, прибылъ въ лагерь, гдѣ ему предложили должность регента. Но онъ предпочелъ безопасное владѣніе Египтомъ и основаніе собственнаго правительскаго дома. Вслѣдъ за этимъ подступающему А н т и п а т р у предложены были высшія почести, приверженцевъ же Пердикки, и въ особенности храбраго Эвмена объявили опальными. Новый правитель государства, ведя съ собой царей Арридея и Александра, сына Роксаны, вмѣстѣ съ матерью, былъ теперь на обратномъ походѣ въ Малую Азію. Въ Сардахъ, куда привелъ его путь, находилась Клеопатра, горевавшая

по Пердиккѣ или, скорѣе, по своимъ не исполнившимся надеждамъ. Антипатръ привлекъ ее къ отвѣту; но она упрекнула его въ неблагодарности къ царскому дому и смѣло спросила его, что даетъ ему право судить ее. Изъ боязни передъ привязанностью македонянъ къ членамъ царскаго рода, Антипатръ не отважился на кровавое рѣшеніе и продолжалъ свой путь. Въ Малой Азіи онъ назначилъ Антигона стратегомъ, затѣмъ переправился въ Европу. Такимъ образомъ, средоточіе царства изъ Вавилона снова перенесено было на старую родину, изъ которой вышло это, потрясшее цѣлый міръ, движеніе. Но оно потеряло свою силу и значеніе; въ ничѣмъ не ознаменованной зависимости отъ временныхъ властителей оно влачило жалкое существованіе, идя навстрѣчу недалекой гибели.

Прежде всего царскому дому вѣрно былъ преданъ еще Эвменъ. Онъ гнушался вступить въ сношенія съ однимъ изъ стратеговъ; онъ велъ борьбу на смерть противъ Антигона, стремленія котораго къ верховной власти онъ видѣлъ насквозь. Что только были въ силахъ сдѣлать стратегическое искусство, опытъ и личное мужество, сдѣлали оба знаменитыхъ вождя въ искусныхъ переходахъ и убійственныхъ битвахъ. Но кардійцу приходилось бороться съ отпаденіемъ и измѣной, такъ какъ македоняне неохотно повиновались лицу греческаго происхожденія. Послѣ одной убійственной битвы храбрый мужъ увидѣлъ себя покинутымъ большою частью своихъ войскъ. Онъ распустилъ остальное войско и съ нѣсколькими сотнями надежныхъ людей удалился въ непроходимыя горы. Гдѣ могучій Тавръ, замыкающій Киликію, отсылаетъ вѣтвь въ сѣверномъ направленіи, которая простирается между Ликаоніей и Каппадокіей, тамъ, точно передовые замки, торчатъ надъ плоскогорьемъ отдѣльныя крупныя конусообразныя горы. На одной изъ нихъ, между Иконіемъ и Мазакой, стояла крѣпость небольшихъ размѣровъ, но, благодаря крѣпкимъ стѣнамъ, неодолимая. Эту горную твердыню Нору кардіецъ избралъ себѣ въ послѣдніе убѣжище отъ враговъ, тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ. Онъ обманулъ ихъ насчетъ своего отступленія, такъ что они направили свое преслѣдованіе въ въ другія стороны. Выигранное время онъ употребилъ на то, чтобы достать въ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, очистить колодцы, устроить снаряды и вообще сдѣлать всѣ приготовленія

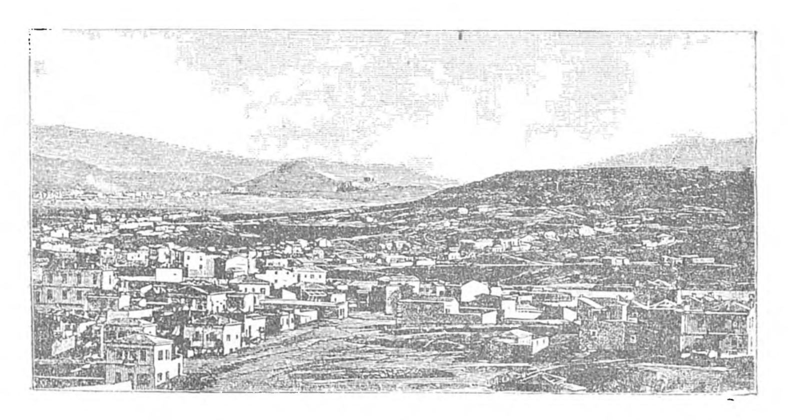
для выдержанія осады. Когда, наконецъ, прибыли непріятельскіе отряды и пытались начать приступъ, они съ большимъ урономъ должны были отъ этого отказаться. Антигонъ желалъ склонить на свою сторону храбраго противника; онъ предлагалъ больше и больше, но вѣрность Эвмена царскому дому нельзя было купить богатствами Индіи, а весь гарнизонъ замка походилъ на своего военачальника, такъ что ничего не оставалось болѣе, какъ держать крѣпость подъ осадой многочисленнаго войска. Но Эвменъ продолжалъ ждать бодро и терпѣливо; онъ надѣялся, что въ это тревожное время среди продолжающейся борьбы властителей, наконецъ, все-таки наступитъ перемѣна, которая дастъ ему свободу дѣйствій, можетъ быть, усилитъ его почетъ и даруетъ побѣду правому дѣлу. Надежда на переворотъ вещей не должна была его обмануть, но за то обманули его ожиданія счастливаго исхода. Тамъ, гдѣ страсти имѣютъ свободный просторъ дѣйствій, тамъ лишь могила можетъ успокоить бурю разнузданныхъ вожделѣній, и тутъ нельзя было ждать ничего другого.

Полисперхонтъ. Въ началѣ 319 г. умеръ восьмидесятилѣтній Антипатръ и оставилъ должность государственнаго правителя не своему честолюбивому сыну Кассандру, но старому соратнику Полисперхонту, опытному и храброму предводителю фаланги, который, однако, не былъ въ силахъ справиться съ запутанными обстоятельствами. Кассандръ бѣжалъ къ Антигону въ Азію, гдѣ нашелъ поддержку и признаніе; регентъ же, предвидѣвшій тяжкую войну съ этой стороны, велѣлъ отъ имени царей публично провозгласить свободу и независимость греческихъ государствъ. Онъ чрезъ это надѣялся пріобрѣсти вѣрныхъ союзниковъ и самъ выступилъ со слонами и большимъ войскомъ, чтобъ заставить повиноваться распоряженію.

Въ Аѳинахъ вѣсть эта вызвала громкое ликованіе въ черни, которая теперь снова вступила въ утраченныя права. Настойчиво стали просить престарѣлаго Фокіона, избраннаго стратега, чтобъ онъ силой прогналъ македонскія войска, подъ начальствомъ Никанора занимавшія Мунихію, такъ какъ они все еще не собирались удалиться. Фокіонъ же медлилъ; онъ не хотѣлъ дать оружія въ руки измѣнчивой толпѣ. Когда, наконецъ, пришло извѣстіе, что отрядъ солдатъ на Мунихіи занялъ также Пирей и длинныя стѣны, тогда Фокіонъ и самъ сталъ совѣтовать про-

извести нападеніе, но было уже поздно; постановленіемъ народа онъ былъ объявленъ низложеннымъ и вмѣстѣ съ друзьями и единомышленниками обвиненъ въ уголовномъ преступленіи. Прежде всего онъ искалъ безопасности у Александра, сына Полисперхонта, и затѣмъ поѣхалъ въ македонскій лагерь, разбитый уже по сю сторону Ѳермопилъ, куда одновременно отправилось посольство изъ Аѳинъ. Тамъ онъ самимъ регентомъ прерванъ былъ въ своей простой рѣчи и покрытъ позоромъ, и царь Арридей приказалъ обвиненныхъ въ измѣнѣ въ цѣпяхъ отвести обратно въ Аѳины. Такимъ образомъ, благородный старецъ, на общественной жизни котораго не было пятнышка, съ друзьями-единомышленниками своими преданъ былъ суду черни. Скованный появился онъ въ театрѣ Діониса. Онъ пытался простыми словами истины защитить себя или спасти хотя бы только товарищей, но дикіе, безпорядочные крики заглушили его голосъ; среди насмѣшекъ и издѣвательствъ и съ нарушеніемъ всѣхъ обычныхъ до этого формъ правосудія онъ объявленъ былъ виновнымъ. Немного дней спустя, Фокіонъ выпилъ отраву (318). Изъ любви къ родному городу, въ которомъ свобода стала лишь противной маской тиранніи черни, онъ всегда держалъ сторону македонскаго царскаго престола, и какъ разъ послѣдній, послѣ цѣлаго ряда годовъ, принесъ ему погибель. Въ такое время, когда всѣ гнались за деньгами, почестями и вліяніемъ, онъ, какъ непричастный къ дѣлу путникъ, среди шума шарлатанства, спокойно шелъ своей дорогой, давалъ совѣты и помогалъ, сколько могъ, не требуя никогда ничего для себя, и все-таки былъ осыпаемъ чинами и почестями. Онъ желалъ и старался вести свой народъ той же дорогой, на которой онъ чувствовалъ себя счастливымъ, чтобъ онъ, безъ участія въ міровыхъ распряхъ, въ мирныхъ занятіяхъ земледѣлія, наслаждаясь плодами своей работы, пользовался безмятежнымъ покоемъ. Но народъ этотъ и тревожное время къ тому не были пригодны, и поэтому и самъ Фокіонъ не могъ мирно довести своей роли до конца. Какъ частное лицо, онъ, быть можетъ, могъ бы продолжать счастливо наслаждаться плодами своей безкорыстной дѣятельности; но, какъ мужъ государственный, какъ общественный дѣятель, онъ вовлеченъ былъ въ водоворотъ событій и палъ жертвой господства черни, съ которымъ онъ безъ шума, но упорно боролся.

Полисперхонтъ мало выигралъ отъ гибели Фокіона и его приверженцевъ. Аѳинскихъ портовъ онъ не могъ завоевать; за то онъ вступилъ въ Пелопоннесъ. По его приказу, тамъ, въ большей части городовъ, не безъ кровавыхъ звѣрствъ свергнуты были олигархическія правительства. Только городъ Мегалополь въ Аркадіи воспротивился перевороту. Государственное войско пошло на городъ приступомъ; часть стѣны была повалена посредствомъ минъ; но граждане мужественно защищали развалины, и когда на

МУНИХІЯ (СЪ ФОТОГРАФІИ).

слѣдующій день пригнаны были слоны, они изранили себя о желѣзные зубцы и гвозди, которые были прикрыты рыхлой землей, и произвели общее замѣшательство въ рядахъ подступавшихъ для штурма македонянъ, такъ что послѣдніе были отбиты со значительнымъ урономъ. Для новой осады регентъ не имѣлъ времени, ибо Кассандръ высадился уже въ Пиреѣ, занялъ Эгину и Саламинъ, завязалъ сношенія въ Македоніи, а его союзникъ Антигонъ стоялъ на Геллеспонтѣ, готовый переправиться въ Европу.

Олимпіада. Теперь война на морѣ и на сушѣ колыхалась съ перемѣнным счастьемъ въ ту и другую сторону, но большей частью не въ пользу Полисперхонта. Послѣдній поэтому завелъ переговоры съ Олимпіадой, матерью Александра, и приглашалъ ее вернуться въ государство и принять на себя воспитаніе царственнаго отрока Александра. За то и Эвридика получила вліяніе.

Ея супругъ, царь Арридей, снова былъ въ Македоніи, между тѣмъ какъ регентъ пребывалъ еще въ Греціи; отъ имени слабаго царя, честолюбивая женщина управляла дѣлами государства. При извѣстіи о приближеніи Олимпіады съ вооруженными силами, она призвала на помощь Кассандра, но въ то же время сама выступила навстрѣчу престарѣлой царицѣ. Битва казалась неизбѣжной. Здѣсь стояла Эвридика въ блестящемъ вооруженіи во главѣ своего войска, тамъ Олимпіада со своими сѣдыми волосами, убранная подобно менадѣ, выстраивая свои воинственныя полчища. Но войско молодой царицы отказывается отъ битвы противъ матери Александра; оно переходитъ къ ней, Арридей захватывается въ плѣнъ, а вскорѣ и Эвридика, бѣжавшая въ Амфиполь. Во всей Македоніи признается авторитетъ матери великаго царя; въ ея рукахъ бразды правленія, она, повидимому, у цѣли самыхъ смѣлыхъ своихъ желаній. Если она теперь справедливостью выкажетъ себя достойною всеобщаго довѣрія, благодѣяніями крѣпче привяжетъ къ себѣ друзей, примиритъ мудрой умѣренностью противниковъ, то власть ея обезпечена. Но не ради того искала она власти, чтобы самой себѣ поставить новыя границы: достигнутое господство освободило мрачныя силы ея скрытной души, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ сдерживало внѣшнее принужденіе. Всѣ ея мысли и стремленія сходятся въ одномъ чувствѣ мести своимъ врагамъ, въ особенности роду Антипатра. И Арридей, ея пасынокъ, сынъ ѳессалійской гетеры, долженъ умереть. Ѳракійскіе наемники убиваютъ его стрѣлами въ темницѣ. Эвридика получаетъ для выбора смерти кинжалъ, петлю и ядъ. Она приводитъ въ порядокъ одѣяніе умирающаго супруга и завязываетъ собственный поясъ въ смертельную петлю, пожелавъ такихъ же благъ своей ненавистницѣ. Безъ суда, жертвой открытаго убійства, падаетъ Никаноръ, братъ Кассандра; отъ петли, копья и меча умираютъ свыше ста знатнѣйшихъ людей страны, друзья и приверженцы ненавистнаго рода. Царица, въ ненасытной жаждѣ все новыхъ жертвъ, не обращаетъ вниманія на то, что народъ съ ужасомъ смотритъ на ея дѣянія и съ омерзеніемъ отворачивается отъ нея.

Кассандръ. По полученіи извѣстія объ этихъ происшествіяхъ, Кассандръ выступаетъ изъ Греціи (317). Онъ преодолѣваетъ всѣ препятствія, какія ставитъ ему на дорогѣ поздняя

осень, тѣснины и непріятельскія войска. Въ самой Македоніи онъ находитъ многихъ приверженцевъ и неудержимо наступаетъ далѣе впередъ. Олимпіада едва имѣетъ время удалиться въ Пидну, когда онъ уже появляется подъ стѣнами города съ превосходными силами и начинаетъ осаду. Однако ни приступы, ни голодъ не колеблютъ мужества царицы. Она надѣется на помощь изъ Азіи, изъ Эпира, изъ отдаленныхъ частей государства. Но, наконецъ, когда не было болѣе надежды на спасеніе и попытка къ бѣгству также не удалась, она должна была согласиться на переговоры. Потребовано было безусловное подчиненіе, и только лично ей была обѣщана пощада жизни. Такимъ образомъ, престарѣлая царица съ царскимъ семействомъ попала въ руки своего смертельнаго врага. Вооруженные копьями воины посылаются убить ее; но они опускаютъ оружіе, когда имъ навстрѣчу выходитъ царица, покрытая діадемой и пурпуромъ, въ сопровожденіи свиты своихъ женщинъ. Тогда Кассандръ посылаетъ сыновей и родственниковъ казненной знати и тѣ совершаютъ судъ. Подъ градомъ брошенныхъ на нее камней падаетъ Олимпіада, безъ единаго звука жалобы, убравъ свою голову и приведши въ порядокъ свое одѣяніе. Такъ снова палъ членъ царскаго рода (316 г.). Мальчикъ Александръ былъ слабымъ ребенкомъ, мать его Роксана была варварка, оба въ рукахъ Кассандра, ждавшаго только случая, чтобъ устранить ихъ безъ шума. Онъ былъ владыкой въ Македоніи и Греціи; Полисперхонтъ удалился къ воинственнымъ, не покореннымъ еще этолянамъ.

Дѣла въ Азіи были не менѣе запутаны. Поздно лишь вѣсть о смерти Антипатра проникла къ Эвмену въ его окопанную горную крѣпость Нору, но одновременно съ ней и постановленіе регента Полисперхонта, чтобы вѣрный кардіецъ принялъ стратегію или должность государственнаго полководца противъ отпавшаго Антигона и его товарища Кассандра. Съ помощью ловкихъ переговоровъ и ссылки на царское постановленіе Эвменъ разомкнулъ линію осады и собралъ затѣмъ своихъ старыхъ соратниковъ. Отъ превосходившихъ его войско силъ Антигона онъ благополучно спасся въ горы Киликіи. Тамъ стояли лагеремъ аргираспиды (сереброщитные), воины, участвовавшіе въ битвахъ великаго царя и посѣдѣвшіе въ побѣдахъ. Они съ гордостью смотрѣли на свое прошлое, съ презрѣніемъ на поколѣнія настоящаго, которыя истощались въ

мелочной борьбѣ за обломки государства. Въ это время ихъ охранѣ ввѣрены были привезенныя сюда изъ Сузъ царскія сокровища. И вотъ, когда славный полководецъ прибылъ къ нимъ съ полномочіями отъ регента, они охотно приняли его и признали его своимъ главнокомандующимъ. Но вскорѣ Эвменъ замѣтилъ, что командиры съ недовольствомъ и пренебреженіемъ принимали его приказы; онъ поэтому въ дружескомъ собраніи какъ-бы невзначай подошелъ къ нимъ и разсказалъ, что великій царь явился ему во снѣ и открылъ ему, что онъ самъ будетъ вождемъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Согласно съ этимъ онъ предложилъ далѣе, чтобы ежедневно собирались въ царской палаткѣ вокругъ золотого трона; тамъ-де царь незримо будетъ руководить совѣщаніемъ. При всеобщемъ одобреніи предложеніе было принято и исполняемо, а въ собраніи умный полководецъ умѣлъ проводить свои взгляды. Обладая сузіанской казной, онъ навербовалъ потомъ многочисленныхъ наемниковъ, и вскорѣ со включеніемъ 3,000 среброщитныхъ располагалъ войскомъ въ 12,000 человѣкъ; въ короткое время онъ овладѣлъ и Финикіей и снарядилъ значительный флотъ.

СЕЛЕВКЪ

ПОРТРЕТЪ НА КАМНѢ ВЪ БРИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.

Борьба между Антигономъ и Эвменомъ. Попытки Птолемея и Антигона возмутить аргираспидовъ противъ эллинскаго вождя потерпѣли крушеніе. Но когда флотъ разсѣялся передъ непріятельскими морскими силами Антигона, и послѣдній, одолѣвъ фригійскихъ и лидійскихъ сатраповъ, сталъ подступать со значительно превосходящими силами, Эвменъ направился на востокъ въ верхнія провинціи. Тамъ также враждебно стояли другъ противъ друга двѣ партіи: Селевкъ Вавилонскій съ Пиѳономъ, разбитымъ при внезапномъ вторженіи въ Пароію, и намѣстники верхнихъ странъ; первые открыто отпали отъ царскаго престола, послѣдніе по имени оставались вѣрны царскому дому. Съ послѣдними Эвменъ старался вступить въ связь. Онъ перешелъ черезъ

Евфратъ, расположился въ горахъ къ сѣверу отъ Тигра на зимнихъ квартирахъ и весной двинулся на Вавилонъ. Селевкъ и Пиѳонъ велѣли прорвать плотину одного стараго канала, чѣмъ вызвано было гибельное для подступающаго войска наводненіе. Благополучно преодолѣвъ это препятствіе, Эвменъ перешелъ за Тигръ и въ Сузахъ соединился съ сатрапами верхнихъ провинцій. Здѣсь казначеи передали ему сохранившіяся еще царскія богатства, но намѣстники спорили изъ-за верховнаго начальства. Эвменъ снова рѣшилъ дѣло, предложивъ совмѣстныя совѣщанія въ царской палатѣ. Между тѣмъ тутъ люди утопали въ изобиліи, предоставляемомъ богатой мѣстностью, не спрашивая ни о Эвменѣ, ни о непріятельскомъ войскѣ, пока не прибыло извѣстіе, что Антигонъ, соединившись съ Селевкомъ, находится въ полномъ наступленіи. Теперь гордые вожди склонились передъ опытнымъ кардійцемъ и стали слѣдовать его распоряженіямъ. Онъ отступилъ къ юго-востоку за глубокій Паситигръ; но когда услышалъ, что непріятель съ сильнымъ урономъ по жаркимъ сузіанскимъ равнинамъ подступилъ къ самому Копрату, притоку Паситигра, онъ выступилъ ему навстрѣчу и самъ съ отборными воинами поспѣшилъ впередъ. Часть непріятельскихъ силъ уже переправилась черезъ быструю рѣку, когда Эвменъ напалъ на нихъ и одержалъ блестящую побѣду (317 г.).

Нѣсколько тысячъ непріятельскихъ воиновъ пали на полѣ брани или потонули въ рѣкѣ, и около 3,000 сдались побѣдителю.

Антигонъ послѣ этого отступилъ въ Мидію, но не безъ сильнаго урона, который нанесли ему разбойническіе горцы—коссейцы. Впрочемъ онъ нашелъ въ Экбатанѣ богатства, воиновъ и лошадей и вскорѣ снова могъ выступить въ походъ съ подавляющими силами. Если бы побѣдители теперь послѣдовали совѣту Эвмена, то они, двигаясь впередъ въ Переднюю Азію, отрѣзали бы непріятеля отъ всѣхъ его вспомогательныхъ источниковъ; но сатрапы, заботясь о собственныхъ своихъ странахъ, подали голосъ за наблюдательное положеніе; поэтому походъ направился въ Персеполь, гдѣ въ богатой долинѣ и былъ разбитъ лагерь. Певкеста, намѣстникъ Персіи, угощалъ здѣсь воиновъ со всей возможной пышностью, чтобъ расположить къ себѣ войска. Вѣсти изъ Европы и наступленіе Антигона прервали, однако, наконецъ праздничныя жертвоприношенія и роскошныя пиршества. Опять

Эвменъ является героемъ, котораго всеобщее довѣріе призываетъ во главу войска; но онъ тяжко занемогъ, его приходится въ носилкахъ нести позади войска, и Антигонъ уже развертываетъ къ бою свои ряды, полный упованія на побѣду, такъ какъ онъ получилъ извѣстіе о болѣзни храбраго противника. Пораженіе союзниковъ кажется вѣрнымъ, ибо аргираспиды, опуская свои щиты, отказываются наступать безъ своего полководца. Тотчасъ же больной велитъ нести себя къ нимъ и слабымъ голосомъ увѣщеваетъ ихъ къ борьбѣ за царское дѣло. Тогда они и также прочее войско выстраиваются по его приказаніямъ; Антигонъ же, наблюдающій съ возвышенности непріятельское войско, приказываетъ отступить, со смѣхомъ увѣряя, что носилки съ той стороны грозятъ опасностью.

Лишь послѣ нѣсколькихъ дней дальнѣйшихъ переходовъ и стратегическихъ движеній въ области Габіенѣ, между Персіей и Мидіей, дѣло дошло до убійственной битвы. Несмотря на значительное превосходство своихъ силъ, Антигонъ увидѣлъ, что его лѣвое крыло и центръ передъ храбрымъ Эвменомъ и непреодолимыми среброщитными припуждены были отступить; но самъ онъ во главѣ своихъ отборныхъ конныхъ дружинъ бросился въ промежутокъ, возникшій въ боевой линіи противниковъ и разсѣялъ правое крыло непріятельскаго войска. Такимъ образомъ битва осталась нерѣшенною, и оба знаменитыхъ полководца снова старались ловкими поворотами и переходами выиграть другъ у друга преимущество. Но у Антигона были вполнѣ преданныя ему силы, между тѣмъ какъ Эвменъ командовалъ неохотно ему повиновавшимися, завистливыми сатрапами и гордыми, ожесточенными воинами. Въ теченіе зимы его стратегическое искусство спасало разбросанные во многихъ мѣстахъ отряды отъ нападенія неутомимаго противника. За то заговоровъ командировъ онъ не могъ ни наказывать, ни предотвращать. Онъ жилъ, какъ самъ онъ признавался, точно среди дикихъ звѣрей; но все-таки онъ предпочиталъ погибнуть въ мужественной борьбѣ, чѣмъ вести безславную жизнь. И вотъ, весной слѣдующаго года онъ снова натолкнулся на непріятельскія силы, подступавшія отъ мидійской области Гадамарты. Войска выстроились, фаланги по срединѣ, конница на флангахъ, фронтъ же былъ прикрытъ слонами.

Смерть Эвмена. Когда Эвменъ, въ мрачномъ предчувствіи, но

все-таки твердымъ голосомъ увѣщевая къ храбрости, проѣзжалъ на конѣ вдоль рядовъ, то аргираспиды кричали ему, чтобъ онъ былъ спокоенъ, такъ какъ жалкимъ новичкамъ не устоять передъ ними. При этомъ они махали своими блестящими, покрытыми серебромъ щитами и опускали сариссы для нападенія. Когда слоны и непріятельскіе эскадроны понеслись по песчаной равнинѣ, то воздухъ наполнила непроницаемая пыль, такъ что нельзя было видѣть хода битвы, а только можно было опредѣлять его по звуку трубъ, звону оружія и крикамъ сражавшихся. Но во время колыхавшагося туда и сюда коннаго сраженія внезапно Певкеста со своими всадниками на лѣвомъ крылѣ предательски обратился въ бѣгство. Антигонъ и славолюбивый сынъ его Деметрій воспользовались замѣшательствомъ и непреодолимо стали наступать. Певкеста бѣжалъ къ правому крылу, но не оказалъ помощи, какъ требовалъ отъ него кардіецъ, но и тамъ бѣгствомъ своимъ навелъ испугъ. Фаланги союзниковъ также выказали себя ненадежными, и вся тяжесть боя пала на аргираспидовъ. Эти старые воины, никогда еще не отступавшіе передъ непріятелемъ, тѣсно сомкнули свои ряды и проложили себѣ кровавую дорогу. Со всѣхъ сторонъ тѣсно окружаемые все новыми и новыми дружинами, они клали ихъ на мѣстѣ цѣлыми кучами, не теряя ни одного человѣка. Копьеносцы, гипасписты, вооруженныя панцыремъ фаланги, все было смято въ непреодолимомъ натискѣ. Лишь когда ихъ атаковала также и непріятельская конница, они съ поля битвы отошли на берегъ близкой рѣки, чтобъ прикрыть себѣ тылъ, и здѣсь побѣдоносно отбили всѣ нападенія. Наступилъ вечеръ, бой прекратился, фаланги и конные эскадроны собрались вокругъ аргираспидовъ.

Эвменъ старался поднять духъ войска. Онъ указывалъ на то, что только трусость и измѣна вызвали несчастіе, и на слѣдующій день сулилъ вѣрную побѣду. Но Антигонъ овладѣлъ лагеремъ союзниковъ; богатое имущество аргираспидовъ, добыча многихъ битвъ, ихъ жены и дѣти были въ его рукахъ. Тогда они прокляли Певкеста и другихъ измѣнниковъ, затѣмъ гнѣвъ ихъ обратился противъ храбраго кардійца; они называли его виновникомъ безконечныхъ войнъ, они не уважали болѣе главы славнаго полководца, наложили на него руки и связаннымъ выдали его противнику. Этимъ участь герой-

скаго мужа была рѣшена; онъ умеръ отъ руки убійцы въ темницѣ (316 г.).

Прочіе сатрапы также поплатились своей жизнью или искали спасенія въ бѣгствѣ. Среброщитные въ награду за измѣну своему вождю получили обратно утраченное добро, но раздѣлены были на нѣсколько отрядовъ и отведены въ различныя мѣстности. Вмѣстѣ съ этимъ они перестали составлять замкнутую часть войска, и потеряли вліяніе и значеніе. Певкеста также подчинился побѣдителю. Онъ получилъ не только прощеніе, но и почести, однако не былъ водворенъ опять въ своей сатрапіи. Онъ, бывшій слишкомъ гордымъ для того, чтобъ подчиниться герою кардійцу, теперь долженъ былъ согласиться поступить въ свиту Антигона. Кажется, онъ вскорѣ былъ совершенно устраненъ. Такимъ образомъ проклятіе, тяготѣющее надъ злодѣяніями, быстро исполнилось на предателяхъ великодушнаго Эвмена, и притомъ именно въ лицѣ того человѣка, который извлекъ выгоду изъ измѣны. А македонскій царскій домъ потерялъ въ лицѣ храбраго полководца послѣдняго защитника, съ мужествомъ и воинскимъ искусствомъ поддерживавшаго еще его дѣло.

Антигонъ. Антигонъ, окруженный славой и почестями, остановился на полѣ битвы, чтобы привести въ порядокъ побѣдоносное войско и слить его съ многочисленными дружинами, присоединившимися добровольно или по принужденію. Онъ былъ теперь владыкой Азіи, уже престарѣлый, но еще полный мужества и юношеской энергіи. Изъ подваловъ Сузъ онъ взялъ 20.000 талантовъ, а доходовъ изъ странъ Евфрата до Инда на югѣ и Яксарта на сѣверѣ онъ получалъ 11.000 талантовъ. Что это было добыто потомъ и кровью милліоновъ людей, тревожило его столь же мало, какъ и прочихъ властителей. Лично для себя онъ нуждался не въ многомъ и бережно обходился съ богатствами, но не для того, чтобы обосновать на нихъ благоденствіе своихъ народовъ, но чтобы вербовать наемниковъ, строить флоты и исполнять свои честолюбивые планы, ибо онъ смѣло простиралъ руку къ діадемѣ великаго царя. Но въ эту рискованную игру онъ не бросился необдуманно; напротивъ, онъ осторожно разсчитывалъ всевозможныя случайности, собиралъ войска и денежныя средства и умѣлъ употреблять ихъ цѣлесообразно. Своихъ подчиненныхъ онъ щедро награждалъ за оказанныя ему услуги и

въ обращеніи съ ними проявлялъ ласковость, неистощимый юморъ; въ то-же время онъ презиралъ пышность, расточительность и пиршества. Когда онъ, какъ это бывало часто, ночью проходилъ по лагерю и слышалъ поношенія по адресу своего образа веденія войны, онъ раскрывалъ двери палатки и замѣчалъ, чтобы осторожнѣе дѣлали такіе упреки, иначе-де за это можно и поплатиться. Точно также ненавистна была ему лесть. Поэтому, когда одинъ поэтъ называлъ его сыномъ солнца, онъ увѣрялъ, что слуги, присутствовавшіе при удовлетвореніи имъ своихъ потребностей,

МОНЕТА АНТИГОНА.

правильнѣе бы съумѣли указать его происхожденіе. Онъ любилъ власть ради нея самой.

Совершенно противоположнаго характера былъ любимый сынъ его Деметрій. Гнаться за счастіемъ въ бурю на морѣ, въ пылу битвы, утрачивать его за чашей наслажденія, въ объятіяхъ гетеръ — вотъ что было его отрадой, его натурой, которой онъ предавался безъ оглядки. Необычными путями, новыми вспомогательными средствами онъ боролся за высшую побѣдную награду, затѣмъ онъ въ наслажденіи всякими радостями забывалъ о битвахъ и трудностяхъ и о будущемъ съ его требованіями. Онъ носился безпечно по волнамъ случая; въ сознаніи своей силы онъ не обращалъ вниманія на тучи, подымавшіяся на горизонтѣ; а когда надъ нимъ разражалась буря, тогда онъ поднимался духомъ, и ему довольно часто удавалось опять уловить утраченное счастіе и снова приковать успѣхъ къ своихъ знаменамъ. И трезвый, разумный отецъ не мѣшалъ ему; онъ съ нимъ дѣлилъ свою власть и свои почести.

Но за то Антигонъ имѣлъ въ лицѣ Деметрія вѣрнѣйшаго

товарища, который покидалъ даже путь побѣды, когда желаніе отца призывало его къ нему. Антигонъ гордился отношеніемъ полнѣйшаго довѣрія, царившимъ между нимъ и его сыномъ. Поэтому, когда Деметрій однажды, возвращаясь запыленнымъ съ охоты, поцѣловалъ его и сѣлъ возлѣ него, онъ сказалъ присутствующимъ посламъ: „Сообщите вашему повелителю, въ какихъ отношеніяхъ я съ сыномъ". Это были тѣ два полководца, которые теперь составляли средоточіе военныхъ движеній: самъ Антигонъ, стратегъ Азіи, на шестьдесятъ восьмомъ, сынъ его— на двадцать первомъ году жизни.

Послѣ того какъ Антигонъ привелъ войско въ порядокъ, онъ двинулся въ Мидію и тамъ остановился на зиму. Въ Экбатанѣ онъ завладѣлъ накопленными тамъ денежными средствами, и такъ-какъ прежній его союзникъ Пиѳонъ въ этой его прежней провинціи сталъ стремиться къ независимому положенію, то онъ безъ всякаго вниманія къ его заслугамъ удалилъ его съ дороги. Весной онъ пошелъ въ Персеполь, оттуда въ Сузы и здѣсь издалъ постановленія о сатрапіяхъ верхнихъ странъ: Карманіи, Арахозіи, Бактріи, Парѳіи и другихъ. Въ 22 дня затѣмъ все возраставшее войско передвинулось въ Вавилонъ. Слоны, повозки и верблюды везли несмѣтныя богатства чеканеннымъ золотомъ и серебромъ, слитками и произведеніями искусства. Селевкъ съ царскими почестями встрѣтилъ побѣдоноснаго союзника; но когда онъ долженъ былъ дать отчетъ о своемъ управленіи, то онъ предпочелъ поспѣшное бѣгство блестящей, но не очень-то почетной зависимости. Онъ съ трудомъ убѣжалъ въ Египетъ, гдѣ обратилъ вниманіе Лагида Птолемея на предстоящую борьбу. Самъ Антигонъ пошелъ въ Месопотамію и далѣе въ Киликію; онъ готовился къ войнѣ противъ прочихъ властителей, но не за царскій домъ, а за свой собственный. Противъ него соединились Кассандръ Македонскій, Асандръ, властитель Малой Азіи, Лисимахъ Ѳракійскій и Птолемей Египетскій съ покровительствуемымъ имъ Селевкомъ, между тѣмъ какъ самъ Антигонъ старался поддержать Полисперхонта, потерявшаго уже всякое значеніе. Онъ завладѣлъ Сиріей и Финикіей и съ удивительной быстротой создалъ морскія силы, которыя, однако, не могли равняться съ египетскими. Онъ послалъ полководцевъ и войска въ Пелопоннесъ (315) и вновь далъ эллинскимъ городамъ, чтобы скло-

нить ихъ на свою сторону, часто злоупотреблявшееся обѣщаніе ихъ освобожденія. Съ другой стороны, Птолемей, вооруженный, стоялъ на границѣ; Кассандръ, хотя ему угрожали въ Элладѣ, послалъ войско въ Азію, и только Лисимахъ настолько былъ стѣсненъ войнами съ дикими народностями ѳракійцевъ и скиѳовъ, что не былъ въ состояніи съ своей стороны также поддержать союзниковъ.

Война затянулась. Наконецъ къ концу 313 г. Антигонъ съ большимъ войскомъ двинулся въ Малую Азію, чтобы перейти черезъ Геллеспонтъ и рѣшить дѣло въ Европѣ. Какъ только Птолемей получилъ объ этомъ вѣсть, онъ приготовился къ вторженію въ Финикію. Безъ потерь онъ прошелъ черезъ пустыню и приблизился къ старому городу Газѣ.

Битва при Газѣ. Молодой Деметрій, оставшійся для охраны этихъ южныхъ провинцій, выбралъ Газу своимъ сборнымъ мѣстомъ. Полный страстнаго желанія помѣриться силами со славными полководцами Александра, онъ двинулся имъ навстрѣчу во главѣ своего войска. Старые военачальники отсовѣтывали отъ битвы, такъ какъ непріятель превосходилъ его силами и привыкъ побѣждать подъ командой Птолемея и Селевка; но Деметрій, юный, прекрасный, въ блестящемъ вооруженіи обращаясь съ холма съ рѣчью къ воинамъ, казался другимъ Александромъ. Его увѣренность въ побѣдѣ и радость ея ожиданія воодушевляли войска; они съ бурнымъ ликованіемъ требовали, чтобъ онъ велъ ихъ на бой. Тотчасъ же онъ выстроилъ войско. На лѣвое крыло, которое онъ велъ самъ, онъ потянулъ многочисленную конницу и для связи съ фалангами 10 слоновъ, въ перемежку съ легковооруженными воинами. Средину занимали тяжеловооруженныя войска, бывшія значительно слабѣе непріятельскихъ, но также подкрѣпленныя 13 слонами. Правое крыло, состоявшее изъ конницы и менѣе многочисленное, косой линіей тянулось назадъ. Птолемей и Селевкъ оба рѣшили встрѣтить пылкаго героя на правомъ своемъ крылѣ. Они собрали вокругъ себя превосходные эскадроны и выставили противъ слоновъ легковооруженныя дружины. Послѣднія должны были бороться съ этими исполинскими животными не только своимъ метательнымъ оружіемъ, но и при помощи кольевъ и положенныхъ въ песокъ желѣзныхъ остроконечностей и зубцовъ.

Сначала при звукахъ трубъ и громкомъ боевомъ крикѣ стол-

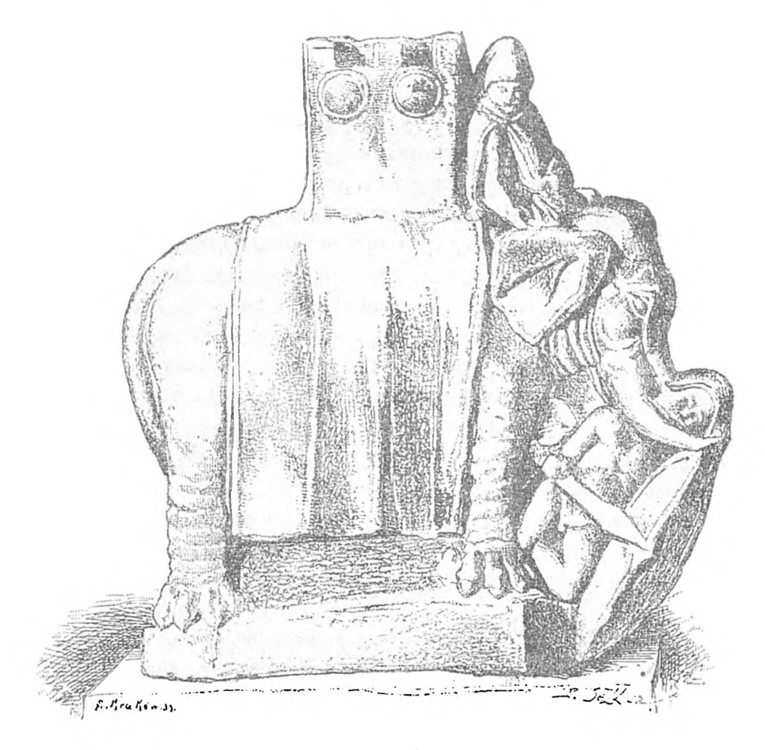
кнулись всадники. Деметрій не поддавался превосходнымъ его силамъ. Въ самой тѣсной схваткѣ видѣнъ былъ его султанъ. Бой колыхался туда и сюда. Вотъ нагрянули слоны; земля задрожала подъ ихъ ногами; они не обращали вниманія на стрѣлы и копья, градомъ падавшія вокругъ нихъ. Но скоро они наступили на желѣзныя острія, изранили себя, заревѣли отъ боли и, съ бѣшенствомъ все затаптывая, ринулись на враговъ и на своихъ. Это рѣшило битву при Газѣ (312 г.). Конныя дружины Деметрія обратились въ бѣгство; фаланги также отступили и наконецъ сдались, когда непріятельскіе эскадроны отрѣзали имъ отступленіе. Еще въ тотъ же день побѣдоносные полководцы завоевали Газу со многими запасами.

Когда Деметрій затѣмъ попросилъ разрѣшеніе на погребенія убитыхъ, Птолемей не только далъ это позволеніе, но послалъ побѣжденному также прислугу, плѣнныхъ изъ числа его друзей, багажъ и рабовъ и велѣлъ черезъ него сказать Антигону, что онъ борется не ради такихъ вещей, но за свое право; ему-де доставляетъ удовольствіе дать храброму, юному герою доказательство своего высокаго уваженія. Такимъ образомъ въ дикихъ войнахъ діадоховъ все-же замѣчалось рыцарство, необычное вообще въ войнахъ древности.

Птолемей эксплоатировалъ свою побѣду. Ему предшествовалъ ужасъ; города въ Финикіи открывали ему свои ворота, и онъ проникалъ впередъ въ Палестину и въ Сирію. Теперь и Селевкъ отправился снова овладѣвать своей сатрапіей Вавилономъ. Силы его состояли только изъ 1300 человѣкъ, но онъ разсчитывалъ на любовь и расположеніе, пріобрѣтенныя среди нѣкогда управлявшихся имъ народовъ, какъ и среди македонскихъ воиновъ.

Селевкъ въ Вавилонѣ. Когда его небольшой отрядъ, въ виду угрожающихъ опасностей, палъ духомъ, онъ разсказалъ ему случай изъ прежней своей жизни. Однажды, говорилъ онъ, стоялъ онъ съ Александромъ у озера царскихъ могилъ въ Персіи; тамъ діадема царя порывомъ вѣтра унесена была въ воду, и онъ, одинъ изъ всей свиты, поспѣшилъ за нею. Онъ благополучно досталъ ее изъ глубины и, плывя, обвилъ ее вокругъ головы, пока на берегу могъ передать ее царю. Это, продолжалъ онъ, означаетъ его будущность: онъ когда-нибудь добьется того, что обовьетъ себѣ вокругъ головы царскую повязку, и пусть его вѣрные приверженцы до-

вѣряютъ ему и его счастью. Такими и подобными рѣчами Селевкъ наполнялъ свои дружины мужествомъ, а ласковостью при всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ онъ пріобрѣлъ ихъ расположе-

СЛОНЪ, УБИВАЮЩІЙ ГАЛАТА.

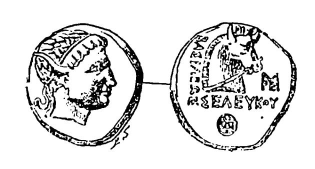
Группа изъ терракотты, открытая въ Миринѣ при раскопкахъ афинской École française; нынѣ хранится въ музеѣ Лувра. — Слонъ, въ профиль, идущій вправо, спина котораго покрыта длинной, ниспадающей до ногъ, попоной, а шея украшена бубенчикомъ, несетъ на спинѣ небольшую четырехугольную башенку съ двумя зубцами и двумя круглыми выпуклостями. На шеѣ его сидитъ корнакъ, покрытый остроконечной шапкой, въ плащѣ, прикрѣпленномъ на правомъ плечѣ, обернувшійся всѣмъ лицомъ. Слонъ схватываетъ хоботомъ и между клыковъ своихъ галатскаго воина, голаго, сбитаго съ ногъ, держащаго правой рукой мечъ, а лѣвой длинный овальный щитъ.

ніе. Такъ походъ шелъ черезъ Месопотамію; непріятельскіе посты были побѣждены быстрымъ нападеніемъ, или же уговорены присоединиться. Среди ликованія населенія смѣлый полководецъ вступилъ въ Вавилонъ и вскорѣ затѣмъ разбилъ далеко превосходившее его силами войско Никанора, стратега верхнихъ

сатрапій, при ночномъ нападеніи. Теперь онъ былъ господиномъ верхнихъ провинцій. Еще разъ впослѣдствіи онъ временно долженъ былъ уступить превосходству силъ Деметрія; но по отступленіи послѣдняго онъ утвердилъ и удержалъ свое господство и распространилъ его до самаго Инда.

Между тѣмъ, на западномъ театрѣ войны Деметрій отступилъ до самой Киликіи, тамъ онъ собралъ свои дружины и внезапнымъ нападеніемъ совершенно уничтожилъ одинъ египетскій отрядъ. Когда затѣмъ подступилъ и самъ Антигонъ, Птолемей началъ отступленіе и отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній.

Заключеніе мира. Итакъ, кромѣ Селевка, никто изъ стратеговъ не извлекъ выгоды изъ кровопролитныхъ сраженій. Обманутые въ своихъ надеждахъ, истощивъ средства къ веденію войны, они согласились на миръ, въ которомъ, какъ бы въ насмѣшку, еще разъ выставлены впереди всего были права царскаго рода (311). Договоръ, именно, гласилъ, что четыре стратега, Лисимахъ, Кассандръ, Птолемей и Антигонъ, должны оставаться при своихъ владѣніяхъ, пока двѣнадцатилѣтній царь Александръ, сынъ Роксаны, не станетъ совершеннолѣтенъ. Впрочемъ, царское дитя осталось подъ надзоромъ жестокаго, эгоистичнаго Кассандра, который позаботился о томъ, чтобы оно послѣдовало за славнымъ отцомъ своимъ не на престолъ, но преждевременно въ могилу. Употребивъ насиліе, мужъ сначала держалъ его въ долгомъ заключеніи въ Амфиполѣ, затѣмъ, по его приказу, кинжалы убійцъ нашли дорогу къ сердцу невиннаго царственнаго отрока и къ сердцу его матери, которая нѣкогда въ блескѣ рѣдкой красоты съ повелителемъ міра дѣлила тронъ и почести, и ни одна рука не поднялась въ защиту, не поднялась для мести, и никакой памятникъ не отмѣтилъ мѣста, гдѣ трупы ихъ тайкомъ были зарыты наемными слугами.

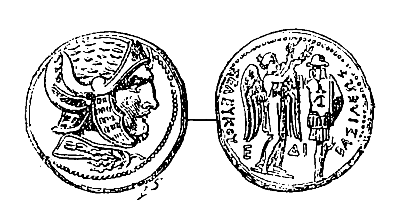

ЗОЛОТОЙ СТАТЕРЪ СЕЛЕВКА I-ГО.

На лицевой сторонѣ — голова Селевка съ діадемой, украшенная бычачьимъ рогомъ. На оборотной—надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ (царя Селевка); взнузданная голова Буцефала, съ рогами, обращенная вправо; въ полѣ двѣ монограммы.

За то выступилъ на сцену защитникъ за единственно остававшійся еще послѣдній мужской отпрыскъ македонскаго царскаго рода: то

былъ Полисперхонтъ, который до этого удерживалъ за собой славу храбраго воина и честнаго мужа. Онъ призвалъ на осиротѣлый тронъ восемнадцатилѣтняго Геракла, сына великаго царя и Барсины, вдовы Мемнона. Онъ нашелъ приверженцевъ въ Греціи и собралъ значительныя силы (309). Уже онъ стоялъ на границѣ Эпира и Македоніи противъ Кассандра; всюду высказывалось участіе къ царственному юношѣ, сулившее ему побѣду. Но скоро стало видно, что Полисперхонтъ уступалъ прочимъ властителямъ въ талантѣ, но не въ эгоизмѣ; онъ продалъ жизнь юнаго царя за золото и обезпеченное могущество. За веселымъ пиромъ онъ велѣлъ отравить довѣрчиваго юношу и получилъ за это, кромѣ своихъ македонскихъ владѣній, сто талантовъ, въ качествѣ награды палачу. Въ слѣдующіе годы Полисперхонтъ еще разъ появляется во главѣ войска въ Пелопоннесѣ, но о дальнѣйшихъ его дѣяніяхъ и концѣ его жизни ничего не извѣстно.

СЕРЕБРЯНАЯ ТЕТРАДРАХМА СЕЛЕВКА I-ГО ПОБѢДИТЕЛЯ.

На лицевой сторонѣ — голова Селевка, обращенная вправо, покрытая шлемомъ, украшеннымъ рогами и снабженная парагнаѳидами или боковыми частями, прикрывающими шею. На оборотной: надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Побѣда, стоящая лицомъ вправо и увѣнчивающая трофей; въ полѣ знаки монетнаго двора.

Одинаково коварно, но съ большей осторожностью, поступилъ Антигонъ съ овдовѣвшей царицей Клеопатрой, сестрой Александра. Она со времени своего обрученія съ Пердиккой жила въ Сардахъ и была предметомъ усиленныхъ желаній и сватанія властителей государства. Она отвергла запятнанную убійствомъ руку Кассандра и руку высокомѣрнаго Антигона; но къ Лагиду Птолемею она казалась расположенной, и ему въ приданое она хотѣла принести свои притязанія. Но во время переговоровъ ее нашли на ея постели зарѣзанной. Хитрый стратегъ Азіи велѣлъ казнить ея рабынь, обвиненныхъ въ злодѣйствѣ, а царицу предать погребенію со всѣми почестями, подобавшими ея сану.

БОРЬБА 311—301 г.г.

Въ мирномъ договорѣ 311 г. греческимъ городамъ въ Европѣ и Азіи обѣщана была независимость; однако, македонскіе гарнизоны остались въ эллинскихъ замкахъ и крѣпостяхъ. Тогда Лагидъ Птолемей выступилъ исполнителемъ договора. Со своими превосходными морскими силами онъ высаживался то тутъ, то тамъ, и хотя въ Азіи Деметрій успѣшно противодѣйствовалъ ему, въ Пелопоннесѣ онъ имѣлъ рѣшительный успѣхъ. Какъ освободитель грековъ, онъ вскорѣ надѣялся стоять во главѣ могущественнаго союза государствъ. Войны въ Киренѣ и вокругъ нея однако отозвали его обратно въ Африку, и тогда Антигонъ самъ принялъ на себя его роль. Сыну своему Деметрію онъ поручаетъ призвать Грецію къ свободѣ и въ качествѣ избраннаго стратега эллиновъ привести въ исполненіе его планы въ Европѣ. Съ радостію тотъ послѣдовалъ призыву отца. Его любимое желаніе исполнено: онъ надѣется поселиться въ Аѳинахъ, средоточіи образованнаго міра, окруженный шумнымъ ликованіемъ освобожденнаго народа, вызывая удивленіе своей красотой, своими воинскими подвигами, и изъ Аѳинъ распространить свою славу чрезъ поэтовъ и мудрецовъ во всѣ страны.

Деметрій въ Греціи. Флотъ въ 250 кораблей съ значительнымъ войскомъ, военными инженерами и орудіями всякаго рода повезъ юнаго героя изъ Эфеса въ Элладу. У мыса Сунія онъ сталъ на якорѣ и затѣмъ съ 20 лучшими судами поплылъ въ Аѳины. Граждане, опасаясь враждебной высадки, вооруженные, двинулись на берегъ; но Деметрій, сіяя блескомъ своего царскаго вооруженія, открываетъ имъ цѣль своей миссіи и затѣмъ, радостно привѣтствуемый

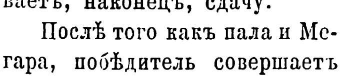
ТЕТРАДРАХМА ПТОЛОМЕЯ I-ГО СОТЕРА.

народомъ, приступаетъ къ взятію приступомъ занятаго войсками Кассандра Пирея. Оно удается въ короткое время; послѣ этого прежній правитель города, Деметрій Фалерскій, человѣкъ просвѣщенный искусствомъ и наукой, требуетъ себѣ свободнаго пропуска и покидаетъ страну, гдѣ онъ въ теченіе десяти лѣтъ поддерживалъ миръ, споспѣшествовалъ ремесламъ и торговлѣ, но въ то же время утопалъ въ роскоши и не мало содѣйствовалъ порчѣ нравовъ. Но побѣдоносный стратегъ еще не вступаетъ въ городъ: онъ хочетъ сначала завершить его освобожденіе. Со всѣми силами онъ движется на крѣпкія стѣны Мунихіи. Онъ строитъ могучія осадныя сооруженія и пускаетъ ихъ въ ходъ (307). Подъ убійственнымъ градомъ метательныхъ снарядовъ падаютъ защитники; стѣны потрясаются таранами, и непрерываемое въ теченіе двухъ дней нападеніе вызываетъ, наконецъ, сдачу.

ПТОЛЕМЕЙ I СОТЕРЪ

АНТИЧНЫЙ БЮСТЪ.

Послѣ того какъ пала и Мегара, побѣдитель совершаетъ вступленіе въ прославленный городъ Аѳины. Государственные мужи, продажные ораторы, поэты безъ достоинства и призванія, вся жадная до новизны, краснобайствующая и праздная толпа, истощалась въ лести, превознеся героя, принесшаго свободу, введшаго снова демократію. Деметрій наслаждался упоеніемъ, поклоненіемъ, хвалебными гимнами, пиршествами, устраивавшимися для его возвеличенія. Ему и отцу его сооружали алтари и приносили имъ жертвы; онъ даже самъ сталъ думать, что онъ, подобно Діонису, предназначенъ въ упоеніи блаженствомъ, подъ

пѣніе и музыку укрощать міръ. Тогда получилъ онъ нежданное посланіе отъ отца, который приглашалъ его немедленно выступить съ войскомъ противъ египетскаго сатрапа. Охотно Деметрій теперь наверсталъ бы упущенное, освободилъ бы Пелопоннесъ и прочія эллинскія государства отъ непріятельскихъ гарнизоновъ, но теперь было поздно. Привыкши слѣдовать отцовскому призыву, онъ, послѣ тщетной попытки овладѣть посредствомъ подкупа Коринѳомъ и Сикіономъ, поплылъ въ восточныя воды.

Деметрій на Кипрѣ. На берегу Каріи и Киликіи онъ подкрѣпилъ свои морскія силы, велѣлъ построить корабли необыкновенной величины, суда съ семью рядами веселъ и съ укрѣпленными башнями на палубахъ, и затѣмъ поплылъ къ острову Кипру, важнѣйшему сборному мѣсту египетскихъ морскихъ силъ. Онъ завоевалъ нѣсколько крѣпостей, и затѣмъ подступилъ къ главному городу Саламину. Тамъ главнымъ начальникомъ былъ Менелай, братъ Птолемея. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи шестьдесятъ тріеръ и многочисленное войско. Онъ мужественно двинулся сухимъ путемъ навстрѣчу врагу, но понесъ тяжкое пораженіе и лишь съ трудомъ могъ снова достигнуть укрѣпленнаго города.

Деметрій тогда сейчасъ-же приступилъ къ осадѣ. Устроены были метательныя орудія всякаго рода, баллисты, дугой бросавшія весьма тяжелые камни, катапульты, снаряды которыхъ, летая горизонтально, разбивали самые крѣпкіе палиссады и бревна, и масса мелкихъ лукообразныхъ машинъ. Самъ Деметрій изобрѣлъ совершенно новыя сооруженія, изъ-за чего впослѣдствіи получилъ прозвище Поліоркета (Завоевателя городовъ). Страшное дѣйствіе производила особенно его гелеполь (берущая городъ), громадная осадная башня, для сооруженія которой были призваны изъ Азіи опытные строители. Она была въ длину и ширину 25 m., въ вышину 50 m. Въ девяти этажахъ она содержала всѣ рода орудій, между тѣмъ какъ на обѣихъ сторонахъ помѣщены были исполинскіе тараны подъ соотвѣтствующими навѣсами. Она покоилась на четырехъ колесахъ и многочисленными воинами придвигалась возможно близко къ стѣнѣ. Затѣмъ начиналась разрушительная работа.

Защитники, въ свою очередь, примѣняли всѣ вспомогательныя средства, бывшія въ ихъ распоряженіи; но они не могли устоять предъ безпрестанно сыпавшимся на нихъ градомъ метательныхъ

снарядовъ. Спустя немного дней, и стѣны, и башни рушились подъ ударами тарановъ. Открылся широкій проломъ; но на развалинахъ стѣны гарнизонъ съ отчаяннымъ мужествомъ до вечера сопротивлялся шедшему на приступъ непріятелю; слѣдующій день долженъ былъ принести вѣрную гибель городу и его храбрымъ защитникамъ. Но нужда дѣлаетъ людей изобрѣтательными. Около полуночи рѣшительные люди, не обращая вниманія на опасность, натаскиваютъ сухого лѣса въ пространство между развалинами стѣны и гелеполью, затѣмъ туда бросаютъ факелы и головни, и скоро подымается пламя, которое съ разрушающей яростью охватываетъ исполинскую деревянную постройку. Всѣ попытки тушенія тщетны; вся башня съ машинами, метательными орудіями и многими воинами и рабочими дѣлается добычей разрушающей стихіи.

ДЕМЕТРІЙ ПОЛІОРКЕТЪ.

БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА ИЗЪ ГЕРКУЛАНЕЯ.

Морской бой съ Птолемеемъ. Раздраженный этимъ промахомъ, неутомимый Деметрій велитъ тѣсно запереть городъ съ моря и съ суши и помышляетъ о новыхъ средствахъ для штурма. Но прежде, чѣмъ приступаетъ къ дѣлу, осажденному городу является желанная помощь. Самъ Птолемей, опытный боевой товарищъ Александра, подплываетъ со всѣми своими, никогда еще не по-

бѣжденными, морскими силами. Уже разъ, при Газѣ, Деметрій испыталъ тяжкую руку стараго полководца; однако, онъ снова дерзаетъ встрѣтиться съ нимъ въ открытомъ бою. Онъ оставляетъ достаточно войска для блокады города; десять кораблей онъ считаетъ достаточными для загражденія гавани, чтобы шестьдесятъ тріеръ осажденныхъ не напали на него съ тыла. Съ 108 кораблями, отъ четырехъ до семи рядовъ веселъ, онъ плыветъ навстрѣчу египетскому флоту. Онъ дивится множеству непріятельскихъ парусовъ; 140 военныхъ кораблей и 200 транспортныхъ съ военными припасами приближаются тѣсно сомкнутой массой; но онъ все-таки ни на минуту не робѣетъ. Онъ надѣется на величину своихъ судовъ, на свое мужество и свое счастье и дѣлаетъ необходимыя распоряженія къ битвѣ. Самъ онъ пытается рѣшить дѣло на лѣвомъ крылѣ, гдѣ онъ собралъ наибольшія силы; центръ и правое крыло слабѣе.

Птолемей съ своей стороны наблюдаетъ за движеніями противника и по нимъ дѣлаетъ приготовленія къ нападенію. Онъ не чуждъ тревоги изъ-за величины непріятельскихъ военныхъ кораблей, такъ какъ его флотъ состоитъ только изъ четырехъ и пятивесельныхъ судовъ, но онъ надѣется своимъ значительно усиленнымъ лѣвымъ крыломъ прорвать непріятельское правое, ставшее на позиціи вблизи берега, соединиться съ наступающей изъ Саламина эскадрой, напасть затѣмъ на противника съ тыла и совершенно уничтожить его. Какъ только сдѣланы были эти распоряженія, съ обѣихъ сторонъ произнесена была молитва; ибо, несмотря на невѣріе той эпохи, все-же не упускали ничего, что могло поднять духъ воиновъ. Теперь полководцы выставили блестящіе золотые щиты—знакъ къ нападенію; затрубили рога, поднялись боевые клики, тутъ же пронзительно раздавались звуки дудокъ боцмановъ въ тактъ ударовъ веселъ, высоко вздымались и пѣнились волны. Съ крайнимъ напряженіемъ гребцовъ неслись корабли другъ на друга для рѣшительнаго удара, на нихъ сыпался градъ метательныхъ снарядовъ; громко носы ударялись въ переднюю часть и бока непріятельскихъ судовъ; нѣкоторыя пошли ко дну свѣйчасъ-же, другія носились разбитыя, третьи были взяты. Сражались вблизи и издали, бортъ о бортъ или многократными искусными поворотами.

Высоко на кормѣ своего семивесельнаго корабля стоитъ Деметрій въ блестящемъ, непроницаемомъ вооруженіи, работы зна-

БОГИНЯ ПОБѢДЫ.

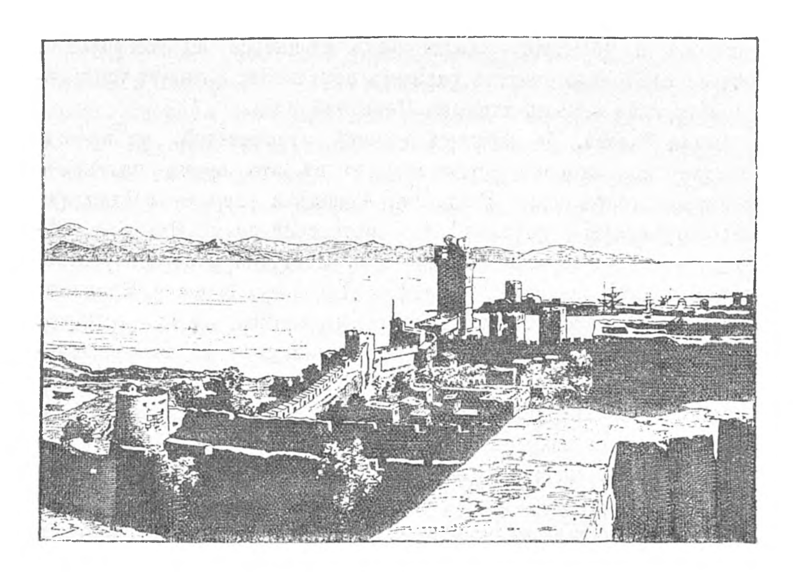
Мраморная статуя найденная въ 1863 г. въ Самоѳракіи, находится въ настоящее время въ Луврѣ.

менитаго оружейнаго мастера Зоила. Мощно раздается его боевой кликъ сквозь шумъ сраженія. Онъ отражаетъ щитомъ летящіе на него снаряды или избѣгаетъ ихъ ловкимъ поворотомъ. Его оруженосцы, пронзенные, лежатъ вокругъ него; онъ же мускулистой рукой бросаетъ копье за копьемъ. Отъ напора его могучей гептеры (семивесельнаго корабля) тонутъ непріятельскія галеры; вскорѣ побѣждено правое крыло египтянъ, вскорѣ и центръ ихъ. Птолемей, вначалѣ побѣдоносный, видитъ себя окруженнымъ; ему едва удается пробиться съ восемью кораблями. Онъ убѣгаетъ въ близколежащій Китій, собираетъ, что можетъ еще спасти изъ флота и войска, и затѣмъ поспѣшно продолжаетъ бѣгство въ Египетъ.

Послѣдствія побѣды. Деметрій, напротивъ, сіяя радостью по поводу побѣды, вернулся въ лагерь. Велико было ликованіе, встрѣтившее его, раздавались ликующія пѣсни въ честь побѣды, собрана была богатая добыча, 80 непріятельскихъ военныхъ кораблей было потоплено, 40 взято, захвачено болѣе 100 транспортныхъ судовъ съ воинами, рабами и оружіемъ. Также и 60 тріеръ въ Саламинской гавани, самый городъ и весь островъ сдались вскорѣ послѣ битвы. Аристодемъ, одинъ изъ вѣрныхъ слугъ Деметрія, былъ отправленъ съ радостной вѣстью къ престарѣлому отцу побѣдителя, и когда онъ вошелъ къ стратегу, то привѣтствовалъ его словами: „Радуйся, царь Антигонъ, Птолемей побѣжденъ". А толпа присоединилась къ этому привѣтствію несмолкаемыми возгласами: „Радуйся, царь Антигонъ! Слава тебѣ, царь!" Потомъ военачальники и знатнѣйшіе чиновники вручили стратегу діадему, и онъ возложилъ ее на голову, въ знакъ царскаго владычества не только надъ Передней Азіей, но, какъ онъ надѣялся, надъ всѣмъ царствомъ Александра. Въ самомъ дѣлѣ, онъ одолѣлъ могущественнѣйшаго изъ противоборствующихъ сатраповъ, а прочіе властители, казалось, не долго могли устоять передъ превосходствомъ силъ. Антигонъ поэтому отослалъ побѣдоносному сыну своему благодарственное письмо съ надписью: „Царю Деметрію".

Однако, онъ скоро замѣтилъ, что прочіе стратеги вовсе не думаютъ подчиняться безъ сопротивленія, но рѣшились съ неустрашимымъ мужествомъ противостать его притязаніямъ. Птолемей, Кассандръ, Лисимахъ и Селевкъ сами приняли царское достоинство и потребовали признанія неограниченнаго владѣнія ими

своими сатрапіями, послѣ того какъ всѣ наслѣдники Александра были удалены съ пути хитростью или насиліемъ. Они хотѣли быть царями надъ доставшимися имъ кусками великаго наслѣдства, Антигонъ—надъ всѣмъ; теперь мечъ долженъ былъ рѣшить дѣло. Деметрій между тѣмъ справлялъ радостныя празднества на прекрасномъ островкѣ, который, подобно алмазу, подобно украшенному цвѣтами алтарю богини любви и красоты, подымается изъ водъ. Прекрасная и остроумная флейтистка Ламія, которую онъ

ГАВАНЬ РОДОСА.—РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ.

оставилъ себѣ изъ побѣдной добычи, украшала его празднества. Онъ обращаетъ къ ней все свое расположеніе. Въ обществѣ ея и единомыслящихъ товарищей онъ забываетъ о продолжающей свирѣпствовать войнѣ и о вновь воздвигнутомъ царскомъ тронѣ. Онъ полными глотками осушаетъ чашу наслажденія, пока снова, какъ то было въ Аѳинахъ, его не пробуждаетъ отъ опьяненія призывъ отца. Тогда онъ внезапно опять трезвъ и спѣшитъ къ почитаемому отцу. Когда онъ, при торжественномъ пріемѣ, нѣжно обнимаетъ его, тотъ, улыбаясь, его спрашиваетъ: „Но ты, мой сынъ, вѣдь не воображаешь, что цѣлуешь свою Ламію?“ Онъ, конечно, хорошо

зналъ, что для молодого героя почтенный отецъ дороже всѣхъ любовницъ міра.

Походъ на Египетъ. Теперь начались обширнѣйшія вооруженія противъ Египта. Собраны были деньги, оружіе, снаряды, корабли, войско, слоны. Съ несмѣтными силами на морѣ и на сушѣ предпринято было нападеніе поздней осенью, но затрудненія почвы, надувавшіеся рукава Нила, бурная погода и въ особенности храбрая и осмотрительная оборона Птолемея и его испытанныхъ дружинъ противопоставили нападенію непреодолимыя препятствія. Антигонъ и Деметрій должны были рѣшиться на отступленіе, которое слѣдовало считать равнымъ пораженію; Египетъ успѣшно воспротивился силамъ владыки Передней Азіи.

Осада Родоса. Не заботясь о спорѣ властителей, ни на чью не становясь сторону, существовало въ это время маленькое эллинское государство Родосъ. Городъ и островъ составляли благоустроенную республику. По прелестной поэмѣ Пиндара, нѣкогда безсмертные боги дѣлили міръ. Но Геліосъ не присутствовалъ и потому остался безъ надѣла. Тогда онъ сказалъ Крониду: „Въ глубинѣ морской я увидѣлъ подымающійся со дна островъ, богатый пищею для людей и стадъ, отдай мнѣ его въ собственность". И владыка поклялся, что онъ будетъ его надѣломъ, когда поднимется изъ нѣдръ морскихъ. Что обѣщалъ богъ, исполнилось, и Геліосъ сталъ покровителемъ острова. Это и подобныя сказанія указываютъ на то, что финикіяне были первыми (?) поселенцами прекраснаго острова и ввели тамъ культъ своего національнаго бога Ваала. По тому-же преданію, внуки Геліоса, Линдъ, Ялисъ и Камиръ, основали города этихъ названій. Однако, дѣятельные эллины и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, вытѣснили финикіянъ, и ихъ городъ Родосъ сталъ господствовать надъ болѣе древними поселеніями. Онъ пользовался умѣреннымъ аристократическимъ устройствомъ и справедливыми законами. Судоходство и торговля со всѣми странами на Средиземномъ морѣ и, чрезъ посредство другихъ рынковъ, даже съ Индіей, обогащали гражданъ. Эллинская духовная природа, художественный вкусъ и любовь къ отечеству нашли себѣ здѣсь родину, между тѣмъ какъ метрополія погрязла въ раздорѣ, рабствѣ и беззаконіи.

Островъ этотъ теперь возбудилъ гнѣвъ Антигона, потому что онъ, сохраняя свою независимость, оставался въ сношеніяхъ какъ

съ прочими странами, такъ и съ Египтомъ. Онъ былъ приглашенъ подчиниться, и такъ какъ граждане отказались, то Деметрій приступилъ къ осадѣ главнаго города, расположеннаго на сѣверо-восточной сторонѣ острова (305). Его флотъ изъ 200 военныхъ кораблей и безчисленныхъ транспортныхъ лодокъ и судовъ всякаго рода покрывалъ каналъ шириной въ 15 km. (14 верстъ), отдѣляющій островъ отъ карійскаго побережья. Было высажено войско въ 40.000 человѣкъ, чтобъ запереть городъ съ суши. Послѣдній вооружился самымъ лучшимъ образомъ; для обороны призваны были 7.000 свободныхъ, способныхъ носить оружіе, гражданъ и нѣсколько тысячъ рабовъ, всѣ готовые побѣдить или умереть. Собраны были припасы, приготовлены орудія и военныя машины; женщины отдали свои длинныя волосы на тетивы; корабельщики, извѣстные какъ самые смѣлые и искусные пловцы Средиземнаго моря, надѣялись прорвать непріятельскую армаду, чтобъ привести помощь въ родной городъ. Такъ началась осада; это, быть можетъ, была самая достопримѣчательная осада, о которой сохранились намъ сообщенія того времени. Устроены были сооруженія и машины, исполинскіе размѣры и разрушительное дѣйствіе которыхъ кажутся невѣроятными. Деметрій былъ неистощимъ въ изобрѣтеніяхъ, которыя съ удивительной быстротой исполнялись многими тысячами рабочихъ. Не менѣе дѣятельными выказали себя родосцы, и особенно важно было то, что имъ удалось, несмотря на тѣсную блокаду превосходнымъ непріятельскимъ флотомъ, неоднократно вводить въ гавань предметы военной надобности и воиновъ изъ Египта. Деметрій хорошо понималъ, что необходимо отрѣзать всѣ сообщенія на морѣ. Поэтому онъ ближайшимъ образомъ направилъ свои нападенія на гавань и прилегающія части городской стѣны и подвелъ навѣсы и осадныя башни на связанныхъ вмѣстѣ судахъ. Нѣсколько изъ нихъ потонули при отчаянныхъ вылазкахъ осажденныхъ, но они замѣнены были другими. Страшные метательные снаряды сломали часть стѣны; но родосцы отбросили штурмующихъ, и когда сильный южный вѣтеръ подхватилъ плавающія машины и унесъ ихъ, они сами стали наступать и завоевали сооруженный въ концѣ внѣшней портовой дамбы больверкъ, опорный пунктъ непріятельской позиціи.

Неблагопріятное время года принудило Деметрія измѣнить свой способъ нападенія. Онъ тогда попытался подойти къ городу

съ суши. Онъ тревожилъ его со всѣхъ сторонъ и въ то же время велѣлъ построить гелеполь еще болѣе исполинскихъ размѣровъ, чѣмъ та, которою онъ пользовался подъ Саламиномъ. Обивкой изъ листового желѣза и обильнымъ запасомъ воды въ верхнихъ этажахъ онъ старался предохранить ее отъ огня; два могучихъ тарана по обѣимъ сторонамъ, приводившіеся въ движеніе не менѣе, чѣмъ тысячью человѣкъ, дѣлали ея дѣйствіе еще ужаснѣе. На восьми массивныхъ колесахъ исполинская постройка, которая посредствомъ вращательныхъ приспособленій могла быть передвигаема во всякую сторону, придвигалась къ стѣнѣ.

Работа катапультовыми копьями, тяжелыми метательными камнями и ударами тарановъ началась и была такого разрушительнаго дѣйствія, что уже въ первый день штурма обрушились стѣна и башни.

Однако, позади развалинъ осажденные уже возвели новую стѣну. Была темная, безлунная ночь, простиравшаяся надъ землей и моремъ; высокая и громадная, какъ гора, стояла машина передъ угрожаемымъ городомъ. Тогда внезапно по воздуху въ безчисленномъ множествѣ засвистали метательные снаряды, среди нихъ зажженныя стрѣлы, которыя подобно огненнымъ змѣямъ летали вокругъ гелеполи. Въ темнотѣ нельзя было защищаться отъ страшнаго града. Казалось, будто родосцы умножили свои силы и соединили ихъ въ одной точкѣ, чтобъ разрушить непріятельскую постройку. Обивка изъ листового желѣза валилась кусками, зажигательныя стрѣлы застрявали въ деревѣ. Наконецъ, когда уже стали появляться огненные языки, Деметрій далъ сигналъ къ отступленію. Съ большимъ трудомъ потушенъ былъ огонь и гелеполь удалена изъ-подъ выстрѣловъ.

Но Деметрій не отказался вслѣдствіе этой неудачи отъ новыхъ попытокъ. Онъ выбралъ 1500 храбрѣйшихъ и смѣлѣйшихъ воиновъ и побудилъ ихъ крупными обѣщаніями попробовать ночное нападеніе. Они проникли, сбивая сторожевые посты, черезъ проломъ и черезъ новую стѣну въ городъ и укрѣпились въ высоколежащемъ театрѣ вблизи самого акрополя. Великъ былъ испугъ гражданъ, но власти сохранили свою твердость. Граждане и египетскія вспомогательныя войска, которымъ ввѣрена была защита стѣнъ, должны были отстаивать свои посты; юноши, старцы и вооруженные рабы шли приступомъ на театръ. Послѣ ожесточеннѣйшаго боя

ворвавшіеся непріятели были побѣждены и въ то же время отбить штурмъ на стѣну.

Едва-ли можетъ быть сомнительнымъ, что Деметрій все-таки наконецъ достигъ бы своей цѣли; онъ теперь получилъ извѣстіе, что вся Греція и преимущественно его возлюбленныя Аѳины находятся въ опасности быть совершенно осиленными Кассандромъ. Это сдѣлало его склоннымъ къ міру. И родосцы, стратеги и храбрѣйшіе граждане которыхъ пали, торговля которыхъ совершенно пріостановилась, выказали готовность къ переговорамъ (304). Такимъ образомъ, состоялся договоръ, въ силу котораго маленькое государство родосцевъ сохраняло свою независимость, но обѣщало Антигону и Деметрію вѣрный союзъ и союзническую помощь противъ ихъ враговъ, исключая Птолемея, и дало въ обезпеченіе 100 заложниковъ. Когда Деметрій потомъ покидалъ островъ, онъ подарилъ гелеполь гражданамъ, чтобы почтить ихъ храбрость.

Деметрій снова въ Греціи. Какъ послѣ перенесенной опасности вздохнули защитники города въ радостномъ чувствѣ сохраненной свободы, такъ и Деметрій почувствовалъ облегченіе, видя вновь передъ собой широкій просторъ для своей дѣятельности. Онъ забылъ о всѣхъ разочарованіяхъ, испытанныхъ имъ со времени крупной побѣды при Саламинѣ: передъ нимъ лежало море, на которомъ онъ господствовалъ своими 330 парусами. Цѣлью его были Аѳины; онъ надѣялся освободить ихъ и новыми побѣдами увеличить свою славу. Когда онъ прибылъ въ греческія воды, онъ нашелъ положеніе затруднительнымъ. Кассандръ занялъ островъ Эвбею и беотійскую область и обложилъ уже Аѳины. Деметрій высадился въ тылу македонскаго войска. Быстрымъ побѣдоноснымъ походомъ онъ завоевалъ одинъ городъ за другимъ. Кассандръ, увидѣвъ себя чрезъ это угрожаемымъ, поспѣшно началъ отступленіе. Его арріергардъ въ 6000 человѣкъ былъ отрѣзанъ; главное же войско спаслось въ Ѳессалію. Естественно было, что аѳиняне приняли своего избавителя съ большими почестями. Они назвали его младшимъ братомъ своей богини—покровительницы Аѳины и отвели ему для жилища „святая святыхъ" въ Парѳенонѣ.

Такъ выродился народъ въ то время, что онъ нисколько не возмущался, когда въ священныхъ чертогахъ дѣвственной богини раздавался безпорядочный шумъ пышныхъ пировъ и ночныхъ оргій.

Весной 303 г. Деметрій снова воспрянулъ отъ упоенія сла-

страстными наслажденіями, чтобы въ схваткахъ войны добиться новыхъ вѣнковъ. Въ Пелопоннесѣ, куда онъ прежде всего обратился, онъ не засталъ никакого непріятельскаго войска, а лишь сильные гарнизоны въ городахъ. Но ни одинъ акрополь, ни одинъ городъ не могъ устоять передъ его машинами. Онъ доказалъ, что по праву заслуживалъ названія Поліоркета. Въ Коринѳѣ онъ, какъ нѣкогда царь Филиппъ, былъ избранъ послами греческихъ государствъ полководцемъ союза.

Во время вооруженій къ совмѣстной войнѣ противъ Кассандра Деметрій вернулся въ Аѳины, гдѣ праздновали его вступленіе, какъ вступленіе бога, курили ему ѳиміамъ и приносили жертвы, въ хоровыхъ пѣсняхъ называли его живымъ богомъ, подателемъ благъ и расточали ему столь низкую лесть, что самъ онъ, наконецъ, жалкую толпу нашелъ презрѣнной. Впрочемъ, онъ снова сыпалъ деньги полными руками. Когда ему однажды поднесли 250 талантовъ, онъ тотчасъ подарилъ ихъ своей Ламіи со словами: „Вотъ тебѣ на румяна“.

Наконецъ, лѣтомъ (302), было снаряжено большое войско союза, и Деметрій не замедлилъ вступить въ Ѳессалію. Во главѣ свыше 50.000 человѣкъ онъ былъ полонъ надежды на рѣшительныя побѣды, ибо Кассандръ стоялъ противъ него съ гораздо меньшими силами. Но тутъ въ Ѳессаліи его застали посланцы его престарѣлаго отца, который, со всѣхъ сторонъ угрожаемый врагами, призывалъ къ себѣ на помощь храбраго сына. Деметрій поспѣшилъ послѣдовать приказанію.

Битва при Ипсѣ. Кончина Антигона. Въ Азіи дѣйствительно обстоятельства сложились весьма угрожающимъ образомъ для старика Антигона, а онъ не обладалъ уже неутомимой дѣятельностью и смѣлостью, какъ въ прежніе годы. Дѣло въ томъ, что всѣ властители государства заключили тѣсный союзъ и двинулись на него съ разныхъ сторонъ. Птолемей вторгся въ Сирію, отрядъ Кассандра проникъ до Сардъ, Лисимахъ со всѣми своими силами стоялъ уже во Фригіи. Послѣдній, правда, неоднократно приводимъ былъ Антигономъ въ крайне стѣсненное положеніе, но все-таки онъ постоянно находилъ случай ускользнуть отъ превосходныхъ силъ противника и дожидался только соединенія съ Селевкомъ, чтобъ перейти въ наступленіе. А этотъ страшнѣйшій среди союзниковъ приближался со значительными силами. Ему

повиновалась вся страна отъ Евфрата до Инда, а на сѣверѣ до Окса и Яксарта, и народы были привязаны къ нему, такъ какъ онъ соединялъ съ военнымъ искусствомъ справедливость и кротость. Незамѣтно отъ властителей Передней Азіи окрѣпло его могущество на востокѣ; войной на Индѣ онъ пріобрѣлъ себѣ въ союзники Сандракотта или Чандрагипту, владыку страны празійцевъ на Гангѣ, и теперь съ 32.000 воиновъ, 480 боевыми слонами и свыше 100 колесницъ, вооруженныхъ серпами, онъ подступалъ, чтобъ рѣшить дѣло на западѣ.

Послѣ различныхъ военныхъ передвиженій, наконецъ, войска оказались другъ противъ друга при Ипсѣ во Фригіи: съ одной стороны Антигонъ и Деметрій, съ другой Селевкъ и Лисимахъ. Осторожный Птолемей отсутствовалъ; Антигонъ, теперь 83 лѣтъ, испуганный дурными предзнаменованіями, въ тяжеломъ ожиданіи рѣшился на рѣшительную битву (301). Его жаждавшій боя сынъ вѣроятно ожидалъ ея исхода съ большей увѣренностью и не обращалъ вниманія на то, что на сторонѣ непріятеля пригнано было большое число слоновъ. Онъ разбилъ и разсѣялъ своими конными дружинами противостоящую конницу непріятельскаго крыла и погнался за ней, обойдя исполинскихъ животныхъ. Но теперь эти послѣдніе двинулись на пѣхоту, сражавшуюся уже съ фалангами Лисимаха въ кровопролитной рукопашной схваткѣ. Когда затѣмъ легковооруженные всадники Селевка стали нападать на стѣсненныя главныя силы Антигона и съ тыла, то послѣднимъ нельзя было ожидать спасенія ни въ сопротивленіи, ни въ отступленіи. Престарѣлый царь держался еще съ крайнимъ мужествомъ и глядѣлъ вдаль, не является ли на помощь возлюбленный сынъ; но только непріятельскіе эскадры и бѣглецы покрывали равнину, и съ обѣихъ сторонъ наступали стрѣлки изъ лука на кучку вѣрныхъ приверженцевъ, державшихся вмѣстѣ вокругъ стараго героя. Тогда пали храбрецы подъ смертельными снарядами, палъ, наконецъ, и самъ онъ, пронзенный стрѣлами. Одинъ только вѣрный человѣкъ, Ѳоракъ изъ Лариссы, остался охранять царскій трупъ отъ позорнаго съ нимъ обращенія, пока не подошли сами побѣдоносные полководцы и не распорядились о достойномъ погребеніи.

Такимъ образомъ, битва вслѣдствіе слишкомъ стремительнаго наступленія Деметрія и преодолѣвающей силы непріятельскихъ

слоновъ была проиграна, старый царь палъ, войско и царство его уничтожено. Побѣдители подѣлили между собой добычу. Они между своими территоріями оставили существовать небольшія царства Арменію, Каппадокію и Понтъ подъ управленіемъ туземныхъ царей, чтобъ предотвратить раздоръ. Зато Птолемей, до сихъ поръ остававшійся спокойнымъ зрителемъ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ пріобрѣтеній на финикійскомъ побережьи, а Кассандру пришлось удовольствоваться надеждой на расширеніе территоріи въ Элладѣ. Уже въ этихъ мѣропріятіяхъ лежалъ зародышъ новой вражды.

Только страхъ передъ могучимъ владыкой Передней Азіи сдерживалъ царей; со смертью его и съ паденіемъ его царства распалась и связь, ихъ соединявшая. Всякій узнавалъ въ другомъ соискателя на наслѣдство Александра, препятствіе на своей дорогѣ, естественнаго противника, котораго нужно повалить хитростью или силой. Всѣ они предвидѣли войну, долженствовавшую рѣшить вопросъ о первенствѣ, и старались всячески усилить себя умноженіемъ своихъ боевыхъ силъ и заключеніемъ союзовъ. Подобно юнымъ глупцамъ, довѣряющимъ свое имущество игрѣ въ кости, эти мужи съ сѣдыми волосами смотрѣли лишь на выгоду данной минуты и не думали упрочивать счастье своихъ народовъ и существованіе своихъ троновъ на цѣлые вѣка. Даже осмотрительный Птолемей, который преимущественно заботился объ обезпеченіи Египта, не удержалъ руки своей отъ этой игры, гдѣ случай рѣшалъ вопросъ о коронахъ и царствахъ. Перевѣсъ въ силахъ, благодаря военному искусству и обширнымъ землевладѣніямъ, имѣли Лисимахъ и Селевкъ. Первый послѣ раздѣла господствовалъ надъ всей областью отъ Дуная и Гема до Чернаго моря и Пропонтиды, а также и въ Малой Азіи надъ Каріей, Киликіей и другими странами къ западу отъ Тавра. Послѣднему повиновались области къ востоку отъ этой горной цѣпи, вмѣстѣ съ Финикіей и всѣми государствами отъ источниковъ Евфрата и Тигра до самаго Инда. Рядомъ съ этими великими царями Птолемей въ Египтѣ удерживалъ за собой значительное могущество, да и Кассандръ въ Македоніи, приведшій въ зависимость отъ себя большую часть эллинскихъ государствъ, не хотѣлъ отставать отъ прочихъ правителей. Наслѣдіе Александра, македонско-азіатское міровое царство, такимъ образомъ, распалось и раздѣлилось на несвязанныя

между собой части, подъ владычествомъ враждебныхъ другъ къ другу властителей.

КОНЕЦЪ ДЕМЕТРІЯ ПОЛІОРКЕТА.

Но еще былъ живъ человѣкъ, казавшійся наиболѣе способнымъ извлечь пользу изъ запутанныхъ обстоятельствъ. Этотъ человѣкъ былъ сынъ Антигона.

Изъ убійственной схватки при Ипсѣ Деметрій спасся съ частью своихъ, вначалѣ побѣдоносныхъ, эскадроновъ, присоединилъ къ себѣ бѣжавшія дружины и затѣмъ въ безостановочномъ бѣгствѣ помчался къ берегу.

Въ Эфесѣ стояла на якорѣ часть флота Деметрія; тамъ сѣлъ онъ на корабль, подкрѣпилъ гарнизоны приморскихъ городовъ и собралъ свои многочисленныя эскадры. Онъ хотѣлъ основать себѣ въ Элладѣ новое царство, и его любимыя Аѳины должны были быть его столицей. Тогда онъ получилъ извѣстіе, что эти Аѳины, которымъ онъ принесъ свободу, которыя онъ осыпалъ благодѣяніями, гдѣ онъ утопалъ въ упоеніяхъ побѣды и въ разгульномъ весельи, отпали отъ него, закрываютъ передъ нимъ ворота, и что города Пелопоннеса послѣдовали этому примѣру. Это его глубоко обидѣло; но не долго онъ предавался унынію. Родина его теперь была на борту его кораблей, царствомъ его было открытое море, обширное и неограниченное, какъ его геній, какъ его надежды. Онъ поплылъ къ Кипру, гдѣ пребывала его благородная жена Фила, часто испытывавшая пренебреженіе съ его стороны. Она осталась преданной и вѣрной ему и заботилась о припасахъ и всяческой поддержкѣ. Затѣмъ, онъ показалъ свои силы у греческихъ и македонскихъ береговъ. Не будучи готовымъ къ серьезнымъ предпріятіямъ, онъ продолжалъ свое авантюристское плаваніе во Ѳракію. Лисимахъ со своимъ войскомъ былъ еще въ Азіи; поэтому онъ высаживался то тутъ, то тамъ на берегахъ Геллеспонта и Пропонтиды и захватилъ значительную добычу. Его имя и его золото привлекали подъ его знамена массы наемниковъ и искателей приключеній. Къ этому присоединилась еще и

другая благопріятная перемѣна счастья. Могущественный Селевкъ, нуждавшійся для дальнѣйшихъ своихъ плановъ во флотѣ, желалъ соединиться со смѣлымъ морскимъ царемъ. Онъ присватался къ его дочери Стратоникѣ, которая подъ надзоромъ своей матери Филы расцвѣла прелестной красавицей. Назначено было бракосочетаніе. Деметрій присталъ къ берегу Киликіи. Плистархъ, братъ Кассандра, воздвигшій себѣ здѣсь державу, торопливо бѣжалъ и безъ сопротивленія оставилъ ему всю провинцію въ желанную добычу.

Въ Росѣ, на границѣ страны, болѣе чѣмъ пятидесятилѣтній Селевкъ принялъ юную невѣсту, и съ большими празднествами совершено было бракосочетаніе.

Но теперь и съ другой стороны стали искать союза съ царемъ-авантюристомъ, и Птолемей выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей. Въ качествѣ поруки за миръ къ египетскому двору отправился Пирръ, молодой царь молоттовъ. Изгнанный изъ своей наслѣдственной страны Эпира, онъ дотолѣ былъ вѣрнымъ спутникомъ Деметрія, рядомъ съ нимъ сражался въ битвѣ при Ипсѣ, и съ нимъ раздѣлялъ бѣгство, бури и приключенія. Теперь онъ по его желанію отправился ко двору въ Александріи и тамъ своимъ рыцарствомъ и своей любезностью пріобрѣлъ полное расположеніе правителя, который помогъ ему къ обратному завладѣнію своей наслѣдственной землей.

Болѣе трехъ лѣтъ длился миръ; тогда въ Деметріѣ снова проснулось желаніе основать царство въ Греціи. Первыя попытки мало имѣли успѣха (297); но когда около этого времени умеръ Кассандръ и вскорѣ между его сыновьями возникли споры за престолъ, онъ съ войскомъ двинулся на Аѳины и овладѣлъ городомъ послѣ жестокой осады (295 г.). Великодушно простилъ онъ отпаденіе и подарилъ замореннымъ голодомъ гражданамъ обильные запасы провіанта. Такъ же счастливо сражался онъ въ Пелопоннесѣ. Тутъ безсильные спартанцы снова воспрянули духомъ и подъ начальствомъ своего царя Архидама выступили въ Мантинею навстрѣчу непріятелямъ. Деметрій принудилъ ихъ къ отступленію, нанесъ имъ пораженіе въ долинѣ Эврота и двинулся на Спарту. Но прежде чѣмъ онъ добился сдачи не очень-то способнаго къ сопротивленію города, вновь засіявшій лучъ надежды поманилъ его на сѣверъ. Дѣло въ томъ, что Александръ, одинъ

изъ споривших между собой наслѣдниковъ престола въ Македоніи, обратился къ нему за помощью. Деметрій прибылъ со своимъ войскомъ, удалилъ съ дороги юнаго государя, устрашилъ другого брата, такъ что тотъ бѣжалъ къ Лисимаху, и самъ сталъ царемъ на родинѣ людей, завоевавшихъ востокъ. Укрѣпивъ свою власть здѣсь и въ большей части Греціи, онъ протянулъ руку и къ Ѳракійскому царству. Время казалось удобнымъ, Лисимахъ во время неудачнаго похода попалъ въ плѣнъ къ дикимъ гетамъ, страна лежала передъ нимъ открытою и лишенною защитниковъ. Однако, вскорѣ послѣдовавшее освобожденіе царя, волненіе въ Беотіи и грозившее вторженіе прежняго его товарища Пирра, побудили завоевателя отступить. Въ безпрестанныхъ войнахъ въ Элладѣ и противъ эпирцевъ онъ одержалъ еще много побѣдъ; но и Пирръ также выказалъ мужество и военное искусство.

Послѣдній тѣмъ болѣе восхвалялся македонянами, что ихъ царь роскошными пиршествами, гордостью, любовью къ пышности, обременительною роскошью навлекъ на себя ихъ ненависть. Его діадемы, пурпуровыя мантіи и пурпуровые башмаки стоили громадныхъ суммъ. Еще болѣе крупные расходы вызывались его блестящимъ придворнымъ штатомъ и многочисленными блюдолизами и тѣлохранителями, его окружавшими. Притомъ никто не смѣлъ жаловаться ему, никакая просьба не доходила до его ушей; для страны большое несчастье, если государь по гордости или лѣни закрываетъ уши отъ требованій гражданъ, ничего не хочетъ слушать о ихъ желаніяхъ и потребностяхъ; вся невыгода отъ такой замкнутости рано или поздно падаетъ на него самого. Въ тѣ времена быстрой и крутой смѣны счастія реакція должна была наступить скоро. Къ этому присоединялось и то, что царь, не тревожась бѣдствіемъ и настроеніемъ своихъ народовъ, предпринималъ громадныя вооруженія на морѣ и на сушѣ (288 г.). Онъ велѣлъ построить корабли въ одиннадцать, даже въ пятнадцать и шестнадцать рядовъ веселъ. Флотъ въ 500 парусовъ возникъ по его приказу и его указаніямъ. Въ то же время онъ навербовалъ войско болѣе чѣмъ въ 100.000 воиновъ всѣхъ родовъ оружія, такъ какъ онъ хотѣлъ привести въ исполненіе планы своего отца, завоевать востокъ и западъ.

Союзъ царей. Противъ такихъ угрожающихъ приготовленій тотчасъ же прочіе цари заключили тѣсный союзъ, и послѣдній

былъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что въ особенности могущество Птолемея и Селевка покоилось на надежномъ основанія благоденствія и привязанности ихъ народовъ. Селевкъ уже завладѣлъ киликійскимъ побережьемъ и городами; египетскія интриги и раздача денегъ повлекли за собой отпаденіе въ эллинскихъ странахъ и среди начальниковъ флота; Лисимахъ приближался съ сѣвера, Пирръ съ запада.

Деметрій слишкомъ поздно замѣтилъ недовольство въ странѣ: оно распространилось въ войскѣ; оно проявлялось уже въ громкомъ ропотѣ войска и въ возстаніи послѣдняго противъ военной дисциплины. Онъ еще надѣялся, что его македоняне съ обычной храбростью будутъ сражаться противъ презрѣнныхъ эпирцевъ; но когда въ полѣ появился Пирръ, въ вѣнкѣ изъ зеленыхъ вѣтокъ, то сначала отдѣльные воины, затѣмъ цѣлые отряды убрали себѣ шлемы листьями дуба и перешли на его сторону. Благородная Фила, жена свергнутаго царя, приняла ядъ; самъ онъ, преслѣдуемый угрозами и поношеніями, бѣжалъ въ Элладу, гдѣ командовалъ его храбрый сынъ Антигонъ Гонатъ. Здѣсь, среди борьбы партій, среди мелочныхъ распрей отдѣльныхъ государствъ, онъ могъ надѣяться удержаться, пока благопріятная судьба броситъ ему снова корону, какъ мячъ; но привыкнувъ считать своей цѣлью державу Александра, онъ на эту шаткую надежду поставилъ все, что ему судьба еще оставила. Подобно тому, какъ странное явленіе въ пустынѣ, называемое фата-моргана, морочитъ путника обманчивой картиной зеленыхъ, богатыхъ источниками полей, а между тѣмъ все далѣе завлекаетъ его въ пустыню, такъ Деметрію среди побѣдъ и пораженій и въ упоеніи наслажденіемъ все сызнова являлась блестящая діадема міроваго господства. Онъ гнался за ней, не тревожась о томъ, исчезали-ли черезъ это подъ его руками всякія другія владѣнія, всякое другое добро. Подобно отчаянному игроку, бросающему послѣдніе остатки своего состоянія, онъ надѣялся благопріятнымъ броскомъ костей достигнуть еще грезившагося ему счастья. Вокругъ него собралась толпа искателей приключеній, другое войско и военные припасы предоставилъ ему сынъ его Антигонъ. Болѣе чѣмъ съ 10.000 человѣкъ онъ сѣлъ на готовый флотъ. По Эгейскому морю онъ поплылъ въ Милетъ, чтобъ въ Азіи у мерзкаго казначея, какъ называлъ онъ жаднаго до денегъ Лисимаха, отбить добычу, кото-

рой нѣкогда добился его отецъ (287). Онъ нашелъ приверженцевъ, къ нему переходили командиры и наемники, города Лидіи и Каріи открывали ему свои ворота. Тогда онъ отважился проникнуть внутрь страны и занять даже Сарды, столицу Лидіи; ибо онъ надѣялся пробиться въ Арменію и въ верхнія страны и тамъ пріобрѣсти себѣ господство и силы для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Агаѳоклъ, сынъ Лисимаха, преградилъ ему путь далеко превосходящимъ войскомъ. Тогда Деметрій отступилъ во Фригію и затѣмъ въ сторону къ дикимъ высотамъ Тавра, бросая сообщеніе съ моремъ, гдѣ онъ такъ часто вновь догонялъ утраченное счастіе. Отпаденіе, трудности и заразы ослабили его приверженцевъ. Съ незначительнымъ войскомъ бродилъ онъ по равнинамъ и ущельямъ Тавра, преслѣдуемый, гонимый, какъ дичь, оцѣплявшими его врагами. Онъ поднялся на крутыя горныя вершины и посмотрѣлъ внизъ въ киликійскія долины, гдѣ нѣкогда онъ былъ повелителемъ; послалъ къ Селевку просить у него зимнихъ квартиръ, затѣмъ свободнаго пропуска въ страны варваровъ, гдѣ онъ надѣялся основать новое царство. Пришелъ ласковый отвѣтъ, но въ то же время и вѣсть, что царь приближается съ большимъ войскомъ. Теперь, отказываясь отъ счастія и надежды, даже отъ жизни, Деметрій кинулся изъ горныхъ ущелій со своими одичавшими полчищами, обратилъ въ бѣгство все, что противостало ему, и грабилъ, рѣзалъ, всюду, куда ни приходилъ. Ему предшествовалъ ужасъ; значительное войско Селевка съ царскими серпоносными колесницами было разсѣяно; онъ завладѣлъ аманскими проходами на востокъ, вскорѣ и сирійскими, и тогда остановился на Иссѣ. Но здѣсь его приковала къ постели тяжкая болѣзнь, отъ которой онъ выздоровѣлъ лишь черезъ сорокъ дней. Едва поправившись, онъ чрезъ аманскіе проходы проникъ въ богатую область. Когда здѣсь двинулся навстрѣчу ему Селевкъ съ большимъ войскомъ, Деметрій неустрашимо напалъ на него и

ТЕТРАДРАХМА ДЕМЕТРІЯ ПОЛІОРКЕТА.

Рогатая, съ діадемой, голова Деметрія Поліоркета обращена вправо. На оборотной сторонѣ — надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ (царя Деметрія); Посидонъ, стоящій лицомъ вправо, нагой, опираю-щійся на свой трозубецъ и ставящій правую ногу на скалу. Въ полѣ двѣ монограммы.

заставилъ правое крыло непріятеля отступить. Онъ прошелъ чрезъ одно ущелье; но по ту сторону стоялъ Селевкъ со слонами и войскомъ. Послѣдній, снявъ шлемъ, выступилъ впередъ и посулилъ военную службу и богатое жалованье, если войско покинетъ вождя разбойниковъ. Такая рѣчь имѣла желанный успѣхъ. Воины Деметрія опустили оружіе; онъ бѣжалъ съ немногими вѣрными приверженцами. Онъ скрывался въ густомъ лѣсу, пока не наступила ночь. То была мрачная, бурная ночь. Подъ ея охраной онъ продолжалъ путь къ берегу; но когда онъ со своими спутниками на одной возвышенности могъ свободно оглянуться, то вокругъ на горахъ они увидѣли сторожевые огни непріятелей. Тогда и храбрѣйшіе изъ нихъ пали духомъ; они заявили, что нужно сдаться. Правда, Деметрій взмахнулъ мечомъ на того, кто сказалъ это слово; однако и онъ наконецъ долженъ былъ убѣдиться, что не осталось выхода, и подчиниться тяжкой необходимости (286).

Кончина Деметрія. Съ высотъ Ливана, боковая цѣпь котораго Гермонъ шлетъ на югъ Іорданъ въ Святую землю, течетъ на сѣверозападъ довольно многоводная рѣка Оронтъ. Въ 75 km. (70 верст.) отъ его устья впослѣдствіи процвѣталъ въ плодоносной области большой и знаменитый городъ Антіохія. Выше по теченію рѣка образуетъ полуостровъ, гдѣ чередуются другъ съ другомъ плодоносныя поля, луга и прелестныя рощи. Тутъ Селевкъ основалъ городъ Апамею. Его украшали царскіе дворцы, тамъ находились царскіе конскіе заводы и засѣки боевыхъ слоновъ, такъ какъ благородныя животныя на пышныхъ пастбищахъ находили обильный кормъ; поселеніе окружено было крѣпостными сооруженіями и охранялось многочисленными дружинами. Сюда приведенъ былъ плѣнный Деметрій. Онъ получилъ денегъ, вино, пышный столъ и товарищей для своихъ наслажденій, все, чего желало его сердце, исключая свободы. Тщетно сынъ его Антигонъ предлагалъ себя въ заложники на мѣсто отца; тщетно ходатайствовали за него Пирръ и Птолемей; онъ оставался плѣнникомъ. Онъ охотился, пировалъ, короталъ время игрой въ кости; но тоска по утраченной свободѣ грызла его жизнь. Подобно тому, какъ ненасытный завоеватель начала нашего вѣка, который громомъ своихъ битвъ привелъ въ ужасъ Европу, лишь немного лѣтъ прожилъ въ тѣсномъ заключеніи на о. Св. Елены, такъ и Деметрій

въ Апамеѣ. Онъ умеръ на третьемъ году своего плѣна и на пятьдесятъ четвертомъ своей бурной жизни (283).

ПОСЛѢДНІЯ ВОЙНЫ ДІАДОХОВЪ.

Около этоо же времени умеръ и Лагидъ Птолемей въ возрастѣ 84 лѣтъ, назначивъ своимъ преемникомъ любимаго сына своего Птолемея Филадельфа. Старшій его сынъ Птолемей, за насильственный характеръ свой прозванный „Керавномъ" (молніей), раздраженный выказаннымъ къ нему пренебреженіемъ, бѣжалъ во Ѳракію къ Лисимаху, а потомъ къ Селевку, такъ какъ уже подготовлялась послѣдняя борьба между оставшимися еще преемниками Александра.

Герои изъ школы великаго царя всѣ, кромѣ Лисимаха и Селевка, унесены были смертью изъ дикихъ войнъ діадоховъ и со своихъ престоловъ. Тѣ двое подѣлили между собой все наслѣдство Александра, за исключеніемъ Египта. Въ неоспоримомъ обладаніи своими обширными землями они спокойно могли бы наслаждаться плодами своихъ сраженій и побѣдъ; но этому они еще не научились, хотя оба сгибались отъ бремени семидесяти съ лишнимъ лѣтъ. Еще разъ надѣли они панцырь на дряхлые члены и шлемъ на убѣленную голову, чтобы испытать свои силы другъ противъ друга. Побѣда не была сомнительна. Лисимахъ, который, будучи обязанъ возвышеніемъ благопріятному случаю, никогда не сливалъ народовъ своего государства въ одно упорядоченное цѣлое, увидѣлъ, что всюду въ Малой Азіи ему грозитъ отпаденіе. Своего дѣльнаго сына Агаѳокла одряхлѣвшій отъ старости человѣкъ, по интригамъ царицы Арсинои, мачихи Агаѳокла, на основаніи ложныхъ обвиненій лукаваго Птолемея Керавна, велѣлъ казнить; теперь онъ безъ друга и совѣтника стоялъ противъ умнаго и имѣвшаго хорошихъ совѣтниковъ Селевка и долженъ былъ отступить передъ нимъ къ Геллеспонту. На равнинѣ Кора (Корупедія) онъ наконецъ остановился и отважился на рѣшительную битву, въ которой онъ самъ потерялъ побѣду и жизнь (281). Послѣдній борецъ изъ діадоховъ стоялъ у цѣли своихъ желаній.

Послѣ этого успѣха престарѣлый побѣдитель думалъ вновь увидѣть свою родину. Тамъ онъ хотѣлъ окончить свой тяжелый житейскій трудъ въ качествѣ благодѣтеля своего народа, въ качествѣ третейскаго судьи и совѣтника другихъ царей. Онъ передалъ поэтому попеченіе о всѣхъ народахъ отъ Геллеспонта до Инда сыну своему Антіоху и затѣмъ съ большимъ войскомъ отправился въ Европу. На пути въ Лисимахію, столицу ѳракійскаго государства, онъ съ немногими провожатыми покинулъ большую дорогу, чтобъ осмотрѣть старинный алтарь. Среди его свиты находился лицемѣрный Птолемей Керавнъ, душа котораго питала мысли объ убійствѣ, въ то время какъ уста его были исполнены благодарности и льстивыхъ рѣчей. Онъ-то, воспользовавшись уединенностью, схватилъ и пронзилъ сзади царственнаго старца, такъ что кровь его обагрила ступени алтаря. Вѣроятно онъ уже раньше вошелъ въ измѣнническія соглашенія, ибо безъ труда привлекъ къ себѣ лишенное вождя войско и вскорѣ съ его помощью захватилъ господство во Ѳракіи и Македоніи.

Такъ палъ послѣдвій и благороднѣйшій изъ діадоховъ или преемниковъ Александра; но этимъ кровавая игра не кончилась. Возмездіе постигло убійцу со стороны, отъ которой онъ ея не ожидалъ. Дѣло въ томъ, что пока онъ оборонялся отъ нападеній Пирра и Антигона Гоната, осенью 280 г. внезапно вторглись на македонскую территорію полчища кельтовъ и другихъ варварскихъ племенъ, подобно переселенію народовъ. Царь выступилъ противъ нихъ въ открытомъ полѣ, но въ пылу битвы онъ, раненый, упалъ со своего слона. Варвары отсѣкли ему голову и посадили ее на копье. Затѣмъ они прорвали и разсѣяли, налетая съ дикимъ ревомъ, испуганныя фаланги и, производя грабежъ и рѣзню, разлились по всей страны до самой Ѳессаліи и Греціи. Сосѳенъ, благородный македонянинъ, правда, поставилъ предѣлы ихъ опустошеніямъ въ его отечествѣ, но не могъ воспрепятствовать ихъ проходу и вскорѣ послѣ неудачнаго сраженія нашелъ смерть. Въ Элладѣ греческія государства собрали войско и старались защитить Ѳермопильскія тѣснины; но когда варвары, какъ нѣкогда персы, нашли путь черезъ высоты, греки бѣжали на аѳинскій флотъ и предоставили открытую страну дикимъ ордамъ. Грабя и опустошая, тѣ поспѣшно двинулись на Дельфы, гдѣ храмовыя богатства сулили богатую добычу; однако, въ тѣснинахъ

и ущельяхъ долины разбойники понесли чувствительное пораженіе отъ сопротивленія горцевъ, отъ бури съ грозой и другихъ ужасовъ и вслѣдствіе этого направились обратно на сѣверъ. Другія многочис-

ПТОЛЕМЕЙ II И ЕГО СУПРУГА АРСИНОЯ

РѢЗНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ НА КАМНѢ, ХРАНЯЩЕМСЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ЭРМИТАЖѢ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

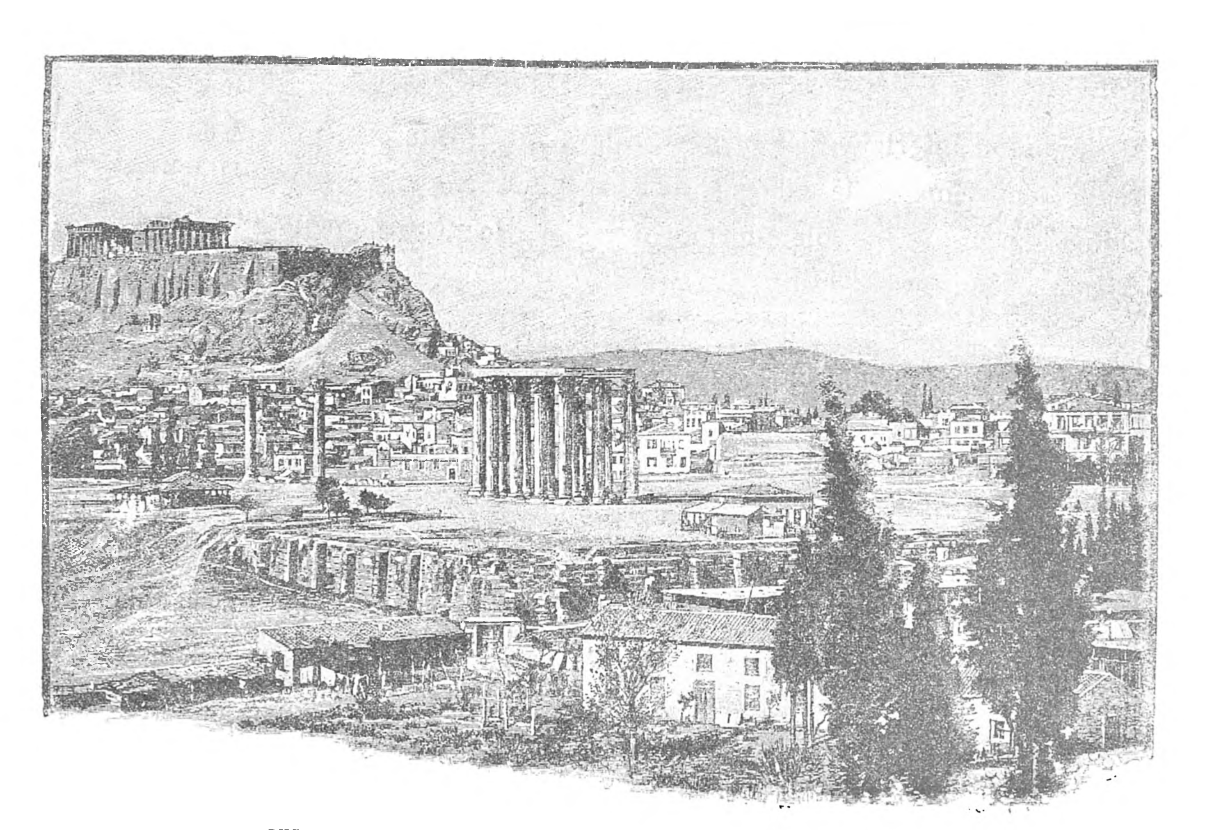
ленныя орды пошли, опустошая Ѳракію, черезъ Геллеспонтъ, и послѣ многихъ разбойническихъ походовъ поселились внутри страны. Тамъ они то на жалованье сосѣднихъ царей, то на собственный страхъ вели разбойническія войны, пока наконецъ не были замирены тяжкими пораженіями. Область, въ которой они поселились и занимались земледѣліемъ, называлась Галатіей.

ГОРОДА И ГОСУДАРСТВА ПО ОКОНЧАНІИ ВОЙНЪ ДІАДОХОВЪ.

ПОСЛѢ паденія стремившихся къ большимъ цѣлямъ людей, героевъ вышедшихъ изъ школы Александра, государства великой монархіи въ Европѣ и Азіи были совершенно обезсилены и распались. Македонія была опустошена и обезлюжена, цвѣтъ ея дворянства палъ, народъ утратилъ свою свободу и свой воинственный духъ. Онъ безъ сопротивленія подчинялся всякому, кто выступалъ съ достаточно крупной толпой наемниковъ. Въ концѣ концовъ престоломъ овладѣлъ Антигонъ Гонатъ и основалъ династію, упрочившуюся и снова поднявшую значеніе страны. Такимъ образомъ, благодаря странному сцѣпленію обстоятельствъ, родъ Деметрія опять достигъ престола въ той странѣ, гдѣ рушилось великолѣпное зданіе его счастья.

Распалось также и могущественное царство Селевка при его слабомъ сынѣ Антіохѣ и его преемникахъ. На его счетъ увеличилось нѣсколько государствъ въ Малой Азіи, расцвѣтшихъ подъ властью туземныхъ правителей. На Черномъ морѣ простиралось царство Понтійское, которое впослѣдствіи при великомъ Миѳрадатѣ или Миѳридатѣ VI Эвпаторѣ (120—63 до Р. Хр.) обнимало все восточное побережье. Къ западу отъ него, на Черномъ морѣ, на Пропонтидѣ и до самаго Геллеспонта, стало могущественнымъ царство Виѳинское. При его знаменитомъ царѣ Никомедѣ городъ Никомедія достигъ блеска, продолжавшагося до позднѣйшихъ временъ. Такимъ же значительнымъ царствомъ стала область Пергамъ благодаря своему правителю Атталу I, который послѣ нѣсколькихъ побѣдъ надъ галатами и надъ сирійскими царями самъ принялъ царскій вѣнецъ. На дальнемъ востокѣ, гдѣ теперь татарскія орды кочуютъ по степямъ или сидятъ въ отдѣльныхъ городахъ, Бактрія отдѣлилась отъ великаго сирійскаго царства.

Діодотъ, намѣстникъ Бактріи, основалъ здѣсь царство и распространилъ его на всю южноазіатскую возвышенность. Позже сюда стали наступать орды кочевниковъ парѳянъ; они послѣ многихъ перемѣнъ завладѣли всѣми странами до Тигра. На

ВИДЪ НА АѲИНЫ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

берегахъ Малой Азіи все еще процвѣтали древне-эллинскіе города: Смирна, Эфесъ, Милетъ и др., то подъ сирійскимъ, то подъ египетскимъ владычествомъ, а также и на самостоятельной свободѣ. Сколь могущественъ былъ маленькій Родосъ, мы видѣли выше; но и Византія, а на Черномъ морѣ Гераклея и Синопъ, благодаря своей торговлѣ, достигли большого благосостоянія и владѣли значительными военными флотами.

Не мало многолюдныхъ городовъ основали сирійскіе цари. Такимъ была особенно Селевкія на Тигрѣ, куда переведено было отчасти населеніе Вавилона, затѣмъ выше описанная Апамея на Оронтѣ, далѣе Антіохія и наконецъ другая Селевкія неподалеку отъ устья той же рѣки.

ТЕТРАДРАХМА МИТРИДАТА IV ЕВПАТОРА.

Вся страна на Оронтѣ была крайне плодоносна и населенна, въ особенности же тянулись цвѣтущіе и душистые сады и рощи вокругъ Антіохіи до увеселительнаго замка Дафны, славившагося пышностью и мистическимъ культомъ. Тамъ богамъ чувственныхъ наслажденій были воздвигнуты алтари; тамъ цари и вельможи государства утопали въ наслажденіяхъ, затуманивающихъ умъ и не дающихъ опомниться.

Лучше былъ устроенъ и управлялся Египетъ. Ибо подобно первому Птолемею и сынъ его Птолемей II Филадельфъ и внукъ его Птолемей III Эвергетъ заботились о благополучіи своихъ народовъ. Посредствомъ крупныхъ морскихъ силъ и счастливыхъ походовъ въ Африкѣ и Азіи они расширили свою державу на западѣ до Кирены, на югѣ до Эѳіопіи и на востокѣ по азіатскому побережью. Они обладали золотыми рудниками повыше нильскихъ водопадовъ и разрабатывали ихъ, привозили караваннымъ путемъ золотой песокъ изъ внутренней Африки, черезъ торговые флоты на Красномъ морѣ—произведенія Индіи, между тѣмъ какъ тысячи судовъ поддерживали сношенія на Средиземномъ морѣ.

А всѣ богатства стекались въ Александрію, гдѣ поселились сами цари.

Такимъ образомъ мы въ краткомъ обзорѣ разсмотрѣли народы и государства, которыя достигли прочнаго существованія и значенія, послѣ того какъ прошумѣли бурныя войны діадоховъ. Замѣтить слѣдуетъ еще, что всѣ эти государства, проникнутыя эллинскимъ духомъ, достигли высокой точки культуры и цивилизаціи. Всѣ народы болѣе или менѣе принимали эллинскій характеръ, и хотя сельскія массы большею частью сохраняли свои собственные языки и нравы, то въ городахъ все-таки греческое вліяніе брало верхъ. Тамъ всюду, поскольку это допускало монархическое правленіе, было самостоятельное городское устройство, тамъ занимались греческимъ искусствомъ и наукой для украшенія жизни, тамъ возникали школы ученыхъ и художниковъ, гимнасіи и храмы, и оживленныя сношенія связывали другъ съ другомъ различныя націи.

Даже въ Галатіи, гдѣ поселились кельтскія шайки, города, въ особенности Анкира, пользовались эллинскимъ устройствомъ. До самаго Инда и до степей внутренней Азіи простиралось греческое вліяніе; однако, на востокѣ оно снова было ограничено наступавшими ордами пареянъ и здѣсь мало-по-малу перешло въ грубость и безсодержательную пышность восточной культуры.

Духъ эллинизма, такимъ образомъ проникавшій варварство, былъ впрочемъ инымъ, чѣмъ тотъ, который когда-то наполнялъ сердца героевъ Саламина и Платеи. Религіозное чувство, вѣра въ боговъ, какъ въ идеалы вѣчно прекраснаго и превосходнаго, превратилось съ одной стороны въ безутѣшное безвѣріе, съ другой въ презрѣнное суевѣріе. Свободной Эллады, для которой граждане радостно жертвовали добромъ и жизнью, больше не было. Поэзія и образовательныя искусства опустились до служенія всеобще распространенной страсти къ наслажденіямъ; ими часто занимались, какъ ремесломъ, чтобы раздражать чувства и придать распутному наслажденію культурную окраску. Краснорѣчіе, нѣкогда возвышавшее народы, руководившее и управлявшее ими, предавалось самой низкой лести по отношенію къ царямъ и ихъ фаворитамъ, философія шла съ нимъ рука объ руку на этой презрѣнной службѣ, оправдывая всякое распутство, всякую безнравственность. Исторія и географія наконецъ выродились въ сухія сопоставленія фактовъ

или въ высокопарныя, напыщенныя повѣствованія о часто незначительныхъ происшествіяхъ и о дѣяніяхъ отдѣльныхъ правителей.

Греція. Впрочемъ, это состояніе господствовало не только въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ эллинская культура нашла

ЭТОЛІЙСКІЯ МОНЕТЫ.

У первой монеты на лицевой сторонѣ — голова Паллады, на оборотной—геній Этоліи, одѣтый въ въ широкополую кавсію, хитонъ и хламиду. У второй монеты на лицевой сторонѣ юношеская голова племенного героя Этола, на оборотной—кромѣ надписи ΑΙΤΩΛΩΝ (этолянъ), наконечникъ копья и челюсть калидонскаго вепря, въ полѣ — ягода и монетный знакъ (ΕΙ).

МОНЕТЫ АХЕЙСКАГО СОЮЗА.

Первая—бронзовая монета Эгиры; на лицевой сторонѣ — увѣнчанная лавромъ голова Зевса Гоматрія, на оборотной—передняя часть намекъ на названіе города. Вторая—серебряная коза, монета Сикіона; на передней сторонѣ опять голова Зевса Гоматрія, на оборотной монограмма Ахъ (ΑΧ) и голубь, символъ Сикіонскаго монетнаго двора.

себѣ вторую родину: собственно Греція находилась въ еще менѣе утѣшительномъ положеніи. Спарта для вида носила цѣпи Ликурговыхъ законовъ; но послѣднія мѣшали только всякому жизненному подъему, а не наростамъ, обезображивавшимъ больное государство. Свободныхъ гражданъ осталось еще приблизительно сто родовъ, въ рукахъ которыхъ находилось почти все землевладѣніе и управленіе. Они, правда, все еще добросовѣстно шествовали къ столамъ, гдѣ дымилась извѣстная черная похлебка, на мѣста упражненій и составляли праздничныя процессіи; но они вознаграждали себя за это роскошными пирами, пышными банями и позорными, сладострастными наслажденіями, которымъ безстыднымъ образомъ предавались мужчины и женщины. Прочее населеніе страны обѣднѣло и считалось немногимъ выше гелотовъ.

Этихъ людей ничего поэтому не связывало съ отечествомъ, которое отказывало имъ въ правахъ гражданства и почестяхъ. Они цѣлыми толпами шли на тенарскій мысъ, ставшій мѣстомъ вербовки наемниковъ и искателей приключеній, чтобы за-границей искать себѣ военной службы и большаго счастья. Даже нѣсколько бывшихъ царей этимъ непочетнымъ способомъ старались пристроиться на чужбинѣ. Они предпочитали стоять, въ качествѣ морскихъ разбойниковъ, во главѣ шаекъ наемниковъ, чѣмъ дома подъ деспотизмомъ жалкихъ эфоровъ носить царскій титулъ.

Въ Аѳинахъ все еще по имени существовало старое демократическое законодательство; но оно было лишь карикатурой того устройства, подъ вліяніемъ котораго нѣкогда государство поднялось до высшаго могущества и славы. Праздность днемъ, разгульная ночная жизнь, лакомый столъ, полныя чаши, сладострастныя наслажденія, вотъ въ чемъ состояли тѣ утѣхи, за которыми гнались граждане, знатные и простые.

Зато вліяніе города въ отношеніи искусства и науки длилось еще много вѣковъ, и тогда какъ Спарта пришла въ полное забвеніе, а великолѣпный Коринѳъ подъ римскимъ владычествомъ погибъ въ пламени, Аѳины долго еще составляли средоточіе всѣхъ стремленій древности, направленныхъ на дальнѣйшее духовное развитіе.

Во время высшаго расцвѣта Аѳины, съ Пиреемъ включительно, имѣли въ окружности 30 km (28 верстъ), въ каковое число, правда, включено все пространство внутри длинныхъ стѣнъ, соединявшихъ городъ съ гаванью. Весь полуостровъ покрытъ былъ зданіями и сильно укрѣпленъ; онъ составлялъ портовый городъ Пирей. Однѣ Аѳины занимали приблизительно четвертую часть этой окружности. Оба соединенныхъ города заключали въ себѣ на большей частью узкихъ и кривыхъ улицахъ около 10.000 домовъ и 180.000 жителей.

Безспорно, въ жизни и дѣятельности опустившагося поколѣнія въ Аѳинахъ носилось вѣяніе аттическаго духа, который въ лучшія времена творилъ безсмертныя произведенія и облагораживающимъ образомъ проникалъ жизнь гражданъ. Въ стояхъ гимнасіевъ и храмовъ рядомъ съ учителями софистики расхаживали и люди серьезной науки съ многочисленными учениками. На ораторской трибунѣ и въ театрахъ не слышно было больше возвышенныхъ звуковъ чистаго одушевленія. Напротивъ, краснорѣчіе и поэзія разсчитаны были почти исключительно на развлеченіе и увеселеніе; однако, тон-

кость выраженія, гладкость діалога, остроуміе все-таки всегда и въ этой области отличали аттическое образованіе отъ неуклюжести и пустой пышности варваровъ. Изящный тонъ, полированность и умственная живость болѣе или менѣе стали собственностью всего народа.

Художники, актеры и даже гетеры занимались математикой и другими серьезными науками, чтобы обладать ловкостью во всякомъ родѣ бесѣды. Объ этой ловкости и остроуміи аттическихъ гетеръ разсказываютъ много забавнаго. Такъ, однажды поэтъ Дифилъ, выброшенный изъ театра за дурное исполненіе своей роли, пришелъ къ гетерѣ Гнаѳенѣ, чтобы за ужиномъ вознаградить себя за испытанную обиду. Онъ потребовалъ, по обычаю, ножной ванны. Тогда эта дама шутливо воскликнула: „Какъ, развѣ ты не былъ сюда брошенъ?“ Другой разъ она подмѣшала къ его вину снѣгу, по двѣ чаши снѣга на десять чашъ вина. Обрадованный прохладнымъ напиткомъ, онъ сказалъ: „Клянусь Аѳиной, Гнаѳена, твоя цистерна, должно быть, очень прохладна и глубока!“ — „Ничуть не бывало“, возразила она; „мы только положили въ вино нѣсколько прологовъ твоихъ собственныхъ пьесъ“.

Внѣшній лоскъ образованія, распространявшійся на всѣ слои населенія, еще долго придавалъ Аѳинамъ извѣстное значеніе и послѣ того, какъ онѣ утратили свою политическую важность. Если онѣ ранѣе чрезъ своихъ государственныхъ мужей, полководцевъ, художниковъ и философовъ были средоточіемъ греческаго міра, то теперь онѣ блистали ловкими софистами, умными актерами и остроумными гетерами. Поэтому князья и цари добивались знаковъ отличія со стороны аѳинскаго народа. Они за статуи, ладанъ и льстивыя славословія дарили ораторамъ и поэтамъ пенсіи, а голодную чернь часто накармливали.

Этоляне. Съ другой стороны, около этого времени большое значеніе получили два союзныхъ племени: э т о л я н е и а х е я н е. Этоляне, о которыхъ выше часто упоминалось, искони были разбойническимъ народомъ. Они не имѣли въ своей странѣ значительнаго города, но жили открытыми деревнями и мѣстечками, которыя они покидали, если къ нимъ вторгались непріятельскія войска. Они тогда удалялись въ лѣса и на крутыя горы и, будучи легко вооружены, вели партизанскую войну, пока истощенные непрі-

ятели не уходили. Затѣмъ они вознаграждали себя за понесенныя потери разбойническими вторженіями въ сосѣднія страны. Ихъ связь была слабая, обусловленная лишь общей выгодой. Но когда могущество македонскихъ царей грозило совершенно вытѣснить ихъ изъ ихъ разбойничьихъ гнѣздъ, то они тѣснѣе сомкнулись и установили ежегодныя собранія союза. Приблизительно въ срединѣ страны въ суровыхъ, мало доступныхъ горахъ лежало мѣстечко Θермонъ, а возлѣ него на видной издали возвышенности всѣми почитаемое святилище Аполлона, гдѣ осенью обыкновенно совершались народныя празднества и богослуженія. Это-то мѣсто, которое всѣ племена страны почитали и украшали награбленными статуями и сокровищами искусствъ, и избрали мѣстомъ собранія союза. Тутъ сходились способные носить оружіе люди, постановляли рѣшенія по большинству голосовъ и избирали трехъ высшихъ должностныхъ лицъ союза: стратега, начальника всадниковъ и государственнаго писца (нѣчто въ родѣ министра внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ). Черезъ это они въ предпріятія и разбойническіе набѣги ввели планъ и порядокъ; племена слились въ одно государственное цѣлое, гдѣ господствовала свободнѣйшая демократія, тогда какъ управленіе посредствомъ должностныхъ лицъ союза доставляло преимущества ограниченной монархіи. Поэтому вліяніе воинственнаго народа распространилось далеко за его границы, и не только сосѣди, но и отдаленныя государства искали его дружбы или принятія въ союзъ.

Союзъ городовъ въ Ахайѣ имѣлъ другую цѣль. Онъ былъ заключенъ для того, чтобы посредствомъ взаимной поддержки добиться свободы и независимости и удержать ее. Область Ахайя со своими двѣнадцатью городами занимала сѣверную часть Пелопоннеса, граничила, значитъ, на всемъ своемъ протяженіи съ коринѳскимъ моремъ. Какъ остальная Греція, она во время преемниковъ Александра была игралищемъ властителей, и была занимаема то войскомъ Деметрія, то войскомъ Кассандра, то была порабощаема туземными тираннами. Но въ концѣ концовъ большая часть городовъ освободилась и заключила крѣпкій союзъ (276). Вначалѣ на происходившихъ ежегодно, весной и осенью, собраніяхъ избирался начальникъ союза (стратегъ) и государственный писецъ (грамматей), первый для внѣшнихъ,

послѣдній для внутреннихъ дѣлъ. Въ обыкновенныя собранія имѣлъ доступъ каждый гражданинъ союзнаго города. Точно также ему была присвоена свобода слова и голосъ при всѣхъ постановленіяхъ. Но вѣроятно собирались лишь депутаты, или во всякомъ случаѣ состоятельные люди, ибо мелкіе земледѣльцы и ремесленники не могли пренебрегать своимъ поденнымъ заработкомъ, чтобъ обсуждать политическія мѣропріятія. Въ бурныя времена, напротивъ, едва ли кто желалъ отставать отъ другихъ; тогда собраніе бывало многолюдно и демократически настроено. Рядомъ со стратегомъ стоялъ еще совѣтъ (герусія) избранныхъ представителей отдѣльныхъ городовъ, мнѣніе которыхъ въ важныхъ дѣлахъ слѣдовало знать и принимать во вниманіе. Чрезъ это деспотическому произволу съ его стороны были поставляемы преграды и обезпечивалось сохраненіе свободы. Впрочемъ, принадлежавшіе къ союзу города вначалѣ имѣли лишь незначительныя силы, такъ что союзъ ихъ не возбуждалъ ни зависти, ни опасеній сосѣдей. Это перемѣнилось, когда исполненный патріотизма Аратъ присоединилъ къ союзу свой родной городъ Сикіонъ.

Сикіонъ былъ издревле уже значительный городъ, неподалеку отъ Коринѳа. Въ его стѣнахъ находилась славившаяся въ цѣлой Греціи школа художниковъ. Уже много лѣтъ онъ несъ иго насильниковъ тиранновъ, отъ которыхъ Аратъ уже въ раннемъ дѣтствѣ долженъ былъ бѣжать въ Аргосъ. Зато онъ въ сердцѣ своемъ питалъ горячую ненависть ко всякому деспотическому произволу. Какъ только онъ подросъ, онъ собралъ кучу рѣшительныхъ земляковъ, подобно ему жившихъ въ изгнаніи (251 г.), ночью взошелъ на стѣны родного города и прогналъ тиранна. Когда городъ затѣмъ присталъ къ ахейскому союзу, Аратъ, благодаря своему высокому происхожденію, своему богатству и денежнымъ подаркамъ расположеннаго къ нему царя Птолемея Филадельфа Египетскаго, достигъ большого значенія. Уже на двадцать шестомъ году (245 г.) онъ былъ избранъ въ стратеги и потомъ занималъ эту должность изъ года въ годъ. Теперь онъ распространилъ союзъ на Коринѳъ, Мегару, большую часть Пелопоннеса, и даже Аѳины пресоединились къ нему Напрасно этоляне соединились съ царемъ македонскимъ противъ этого мощно распространявшагося союза: Аратъ съ большимъ благоразуміемъ умѣлъ сдѣлать тщетными всѣ нападенія. Зато, наконецъ, онъ встрѣтилъ преграду съ другой стороны.

Клеоменъ. Дѣло въ томъ, что почти заглохшая Спарта еще разъ воспрянула отъ своего безсилія, чтобы сыграть болѣе значительную роль на аренѣ событій. Тамъ царь Агисъ IV отпущеніемъ долговъ и новымъ раздѣломъ имѣній пытался создать многочисленное гражданство и снова вернуть Ликурговымъ законамъ ихъ значеніе. Но напрасно самъ онъ принесъ въ жертву свои крупныя имѣнія, напрасно на его сторону стала воодушевленная молодежь: господствующіе роды имѣли достаточно приверженцевъ, чтобъ благороднаго филантропа принести въ жертву своей выгодѣ и своей ненависти. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ него царь Клеоменъ III сталъ преслѣдовать ту же цѣль, но другимъ, болѣе насильственнымъ образомъ, лучше подходившимъ къ тому испорченному времени. Онъ сначала повелъ войско противъ ахеянъ, стремившихся присоединить всю Аркадію къ своему союзу, и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ достигъ рѣшительныхъ выгодъ передъ Аратомъ, который, несмотря на значительное превосходство силъ, всюду долженъ былъ отступить и плохо оправдалъ въ серьезной борьбѣ дешево пріобрѣтенную славу полководца.

Пріобрѣвъ такимъ образомъ славу и привязанность своихъ воиновъ, Клеоменъ съ отборнымъ войскомъ поспѣшилъ изъ лагеря въ Аркадіи въ Спарту, неожиданно напалъ на эфоровъ, велѣлъ ихъ заколоть и объявилъ ихъ должность отмѣненною. Воспользовавшись первымъ испугомъ, онъ тотчасъ же принялся дѣйствовать противъ родовъ. Болѣе восьмидесяти ихъ горделивыхъ главъ спаслись бѣгствомъ, прочіе подчинились и дали ему, безъ помѣхи, постановить и провести вторичное уничтоженіе долговъ и раздѣлъ имѣній. Государство, казалось, помолодѣло; новые граждане въ числѣ 4000 мужей окружали рѣшительнаго царя, который такъ же въ народномъ собраніи, какъ и въ герусіи и въ войскѣ пользовался неограниченной властью (224 г.). Уже на слѣдующій годъ онъ вторгся въ Ахайю и одержалъ полную побѣду при Димѣ надъ всѣмъ ополченіемъ ахеянъ. Послѣ этого онъ предложилъ союзу избрать его самого въ стратеги, чрезъ что почти весь Пелопоннесъ былъ бы соединенъ въ одно союзное государство съ однимъ царемъ-гражданиномъ и устраненъ отъ чужеземнаго вліянія. Но планъ этотъ разбился о ненависть ахеянъ къ побѣдоносной Спартѣ и о тщеславіе Арата. Обратились за помощью къ Антигону Дозону,

тогдашнему царю Македонскому; охотнѣе отдавали эллинскую землю врага всякой свободной конституціи и его наемныхъ войскъ, чѣмъ соглашались выбрать властелина изъ своихъ.

Между тѣмъ Клеоменъ продолжалъ побѣдоносной силой расширять свое царство. Онъ завладѣлъ Аргосомъ, Коринѳомъ; онъ взялъ приступомъ Мегалополь и на вырученныя изъ добычи деньги и другія средства навербовалъ многочисленныя шайки наемниковъ. Но когда сталъ подходить Антигонъ, когда въ тылу его снова отпалъ Аргосъ и ахеяне выставили новое войско, онъ долженъ былъ отступить. При **Селласіи** на рѣкѣ Энунтѣ, въ боковой долинѣ Эврота, спартанецъ наконецъ остановился и, достойно своихъ предковъ, сразился съ превосходившими его силами (221 г.). Побѣду македонянъ рѣшилъ молодой **Филопёменъ**, который во-время, не дожидаясь приказа, съ ахейской конницей стремительно атаковалъ непріятельскую и такимъ образомъ сдѣлалъ возможнымъ для иллирійцевъ, уже преслѣдуемыхъ легковооруженными наемными войсками Клеомена, съ новымъ мужествомъ броситься навстрѣчу войскамъ **Эвклида** (брата спартанскаго царя), оттѣснить ихъ и прогнать за склоны возвышенности. Такимъ образомъ лѣвое крыло непріятеля совершенно было разбито, самъ же Эвклидъ палъ. Теперь главная масса македонскихъ тяжеловооруженныхъ людей, подъ начальствомъ царя Антигона, всей тяжестью 10000 бойцовъ неудержимо двинулась противъ рядовъ спартанскихъ гоплитовъ: эти послѣдніе не могутъ устоять передъ слишкомъ сильнымъ натискомъ, они разсѣеваются въ разныя стороны, и кровопролитная битва для спартанцевъ проиграна. Клеоменъ ускользнулъ отъ кровопролитія лишь съ немногими приверженцами. Онъ не могъ ужь спасти Спарты и бѣжалъ поэтому въ Египетъ, гдѣ его, недолго спустя, постигла насильственная смерть.

Филопёменъ. Антигонъ Дозонъ послѣ битвы при Селласіи сталъ господиномъ всей Греціи, но онъ вскорѣ долженъ былъ вернуться въ свое царство, угрожаемое варварами, и, короткое время спустя, умеръ, черезъ что эллинскія племена снова получили свободу — разорять другъ друга внутренними распрями. Вся Лаконика стала разбойничьимъ становъ, цари грабили во главѣ своихъ шаекъ сосѣднія страны. Тогда наконецъ храбрый **Филопёменъ** (род. 253 г. въ Мегалополѣ) въ качествѣ стратега сталъ

во главѣ ахейскаго союза. Отъ его руки палъ спартанскій вождь наемниковъ Маханида въ убійственномъ сраженіи. Такъ же побѣдоносно сражался онъ противъ его преемника въ Спартѣ, тиранна Набида, и когда послѣдній былъ убитъ своими вѣроломными этолійскими союзниками, Филопёменъ соединилъ Спарту, Мессенію и почти весь Пелопоннесъ съ ахейскимъ союзомъ.

Но тогда Римъ былъ уже міровой державой; царь македонскій испыталъ ужасъ римскихъ мечей, римскіе посланцы рѣшали споры народовъ. Они раздували огонь раздора среди грековъ, чтобы съ возможно меньшимъ трудомъ присоединить ихъ къ римскому міровому государству. Подъ покровительствомъ Рима, Мессенія отпала отъ ахейскаго союза. Динократъ, богатый и честолюбивый мессенецъ, увѣрилъ себя, что ему такъ же, какъ ахейскому стратегу, можетъ удасться сыграть значительную роль. Онъ на собственныя средства навербовалъ наемниковъ и нашелъ также многочисленныхъ приверженцевъ среди мессенскаго народа, все еще носившагося съ надеждами на будущую гегемонію своего племени. Филопеменъ, тогда уже семидесятилѣтній старикъ, лежалъ больной въ Аргосѣ; постигая грозящую опасность, онъ тотчасъ же воспрянулъ съ юношескимъ мужествомъ, чтобы по возможности подавить отпаденіе въ самомъ зародышѣ. Онъ поспѣшилъ въ Мегалополь въ Аркадіи, гдѣ вскорѣ вокругъ него собрались преданныя конныя дружины. Не обращая вниманія на меньшее число своихъ бойцовъ, онъ напалъ на далеко превосходившаго его непріятеля, но не могъ прорвать его подавляющихъ силъ. При отступленіи онъ былъ въ числѣ послѣднихъ и часто въ рукопашной схваткѣ смѣло сопротивлялся преслѣдователямъ. Но когда его боевой конь упалъ на каменистой тропинкѣ, непріятели накинулись на тяжко-раненаго старика и, ликуя, повлекли его въ Мессену. Динократъ, считавшій престарѣлаго героя самымъ страшнымъ своимъ противникомъ, велѣлъ подать ему кубокъ съ отравой. Безстрашно Филопеменъ принялъ горькій напитокъ и умеръ съ мужествомъ мудреца, которое высказывалъ онъ и въ бурныхъ народныхъ собраніяхъ, и на полѣ битвы, въ горячей схваткѣ копій.

Его образцомъ былъ Эпаминондъ, и онъ дѣйствительно достоинъ въ пантеонѣ исторіи стоять рядомъ съ героемъ Мантинеи. Вмѣстѣ съ нимъ умерла послѣдняя надежда увидѣть эллинскій

народъ соединеннымъ въ одно сильное союзное государство, такъ какъ вліяніе стремившейся къ міровому владычеству римской державы было уже преобладающимъ. Уже усмиренъ былъ, послѣ долгой борьбы, битвой при Киноскефалахъ, царь Филиппъ Македонскій, уже сирійская великая держава была побѣждена римскимъ оружіемъ: какъ же маленькая, раздираемая партіями, Эллада могла бы безъ выдающагося вождя долго противустоять городу на Тибрѣ! Однако отъ войны противъ Мессеніи, для отмщенія ей, ахейскій союзъ все-таки не отступилъ передъ римскими угрозами. Храбрый стратегъ Ликорта, вѣрный товарищъ Филопёмена, вступилъ въ отпавшую область и осадилъ главный городъ, который Динократъ защищалъ цѣлый годъ. Послѣ окончательнаго завладѣнія имъ, властелинъ его со знатнѣйшими спутниками своими умеръ отъ собственной руки, другіе пошли въ неволю, кости Филопёмена были сожжены съ большой пышностью, а пепелъ погребенъ въ его родномъ городѣ Мегалополѣ. Полибій (Поливій), сынъ Ликорты и впослѣдствіи знаменитый исторіографъ, отнесъ урну въ украшенную статуями могилу.

Разстроенныя и расщепившіяся племена эллиновъ теперь быстрыми шагами шли навстрѣчу своей совершенной гибели. Ихъ политическое значеніе было уничтожено, ихъ путь оконченъ; даже эллинское имя должно было исчезнуть; Греція, подъ названіемъ Ахайи, должна была образовать незначительную провинцію великаго государства римлянъ. Повѣсть объ этихъ событіяхъ однако принадлежитъ къ римской исторіи, гдѣ мы подробно о нихъ и сообщимъ.

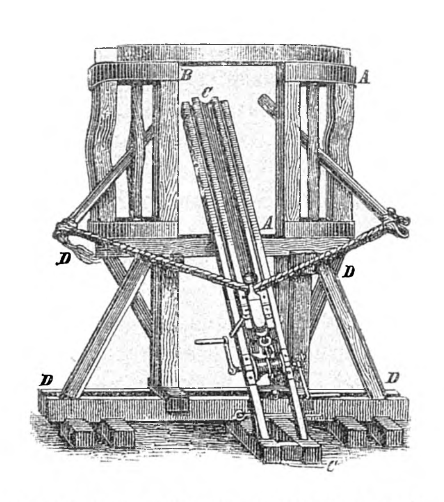
КУЛЬТУРА ПОСЛѢДНЯГО ПЕРІОДА.

РЕМЕСЛА, ИСКУССТВО И НАУКА.

Разложеніе, упадокъ эллинства внутри и внѣ Греціи въ этотъ только-что описанный періодъ, казалось, заставляли ожидать мало достохвальнаго и въ области искусства и науки. Однако дѣло обстоитъ, какъ на это было мелькомъ указано, уже вовсе не такъ. Духъ эллинства такъ многосторогенъ, такъ неистощимъ, что онъ и въ это время себялюбиваго наслажденія открываетъ себѣ пути, по которымъ онъ старается достигнуть высокаго и удивительнаго.

Промышленность. Художественная промышленность. Прежде всего искусства и ремесла, служащія для увеличенія удобствъ и пріятности ежедневной жизни, развивались все дальше и примѣнялись все въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Изготовлялись такія пурпуровыя одѣянія, царскія мантіи, даже обувь, великолѣпіе которыхъ поразительно. Домашняя утварь, драгоцѣнныя вазы, благовонные кубки и другія чаши для питья изъ обоженной глины, мирры и мастики, муравленыя подъ серебро, выдѣлывались съ большимъ искусствомъ. Такъ же усовершенствовано было искусство оружейныхъ мастеровъ, какъ это мы говорили выше о знаменитыхъ доспѣхахъ работы кипрскаго оружейнаго мастера Зоила.

Еще болѣе искусными были орудія и осадныя машины, примѣненіе которыхъ, правда, требовало гораздо большей затраты денегъ и людей, чѣмъ наше огнестрѣльное оружіе. Военное дѣло вообще достигло высокой степени развитія; оно стало стратегическимъ искусствомъ. Для исхода битвъ рѣшающимъ факторомъ не была уже одна только грубая храбрость, но еще болѣе тактическая ловкость полководцевъ въ руководствѣ цѣлымъ и въ правильномъ примѣненіи различныхъ родовъ войска. Особенно важнымъ стало употребленіе конницы, которая долгое время играла подчиненную роль. Она въ большинствѣ случаевъ рѣшала дѣло, какъ это мы видѣли въ сраженіяхъ діадоховъ. Послѣ пораженія конныхъ эскадроновъ пѣхота не могла ни наступать, ни отступать. Она обыкновенно должна была сдаваться побѣдителю. Но что одного только одностороннягo развитія стратегической тактики не было достаточно, что порой толпы варваровъ съ своею дикою, природною храбростю могли стремительнымъ натискомъ преодолѣть всякое искусственное оружіе, позиціи и повороты, показываютъ упомянутыя вторженія и побѣды кельтовъ.

МАШИНА ДЛЯ МЕТАНІЯ ТЯЖЕЛЫХЪ КАМНЕЙ И БАЛОКЪ (БАЛЛИСТА).

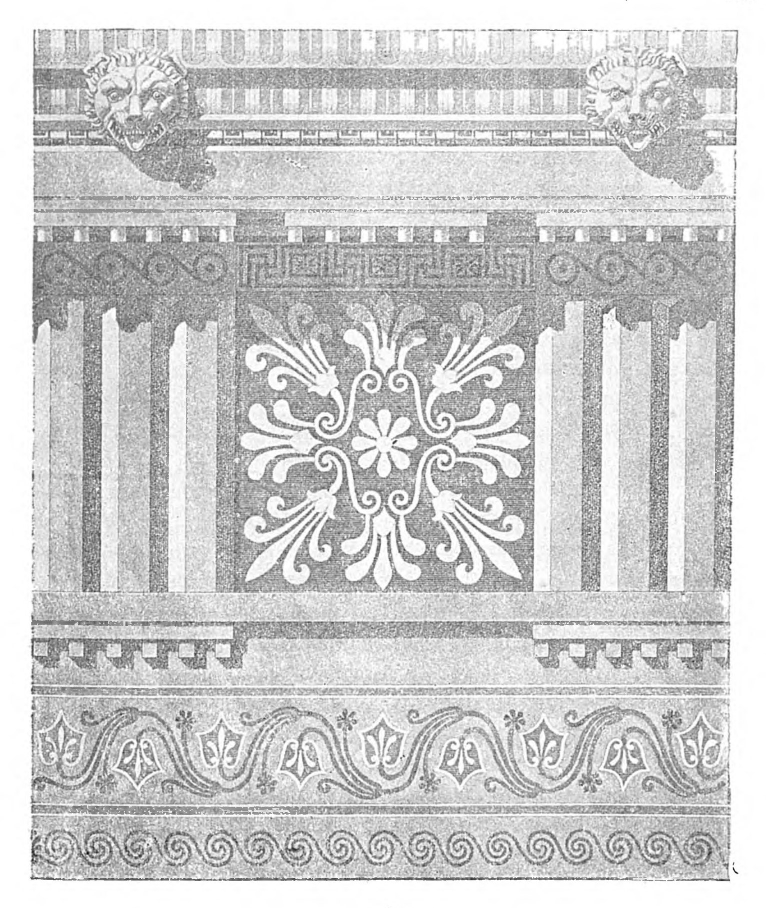
Касательно метательныхъ машинъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что въ древности строили два рода ихъ: катапульты (болѣе мелкаго калибра) для метанія прямого и косого, и баллисты (тяжелаго калибра) для дугообразнаго метанія тяжелыхъ снарядовъ, часто до 80 kg (почти 5 пудовъ) вѣсомъ.

Кораблестроеніе. Не менѣе осадныхъ машинъ замѣчательны громадные корабли, строившіеся въ это время, причемъ, правда,

изъ любви къ роскоши часто переступали правильную мѣру. Объ огромныхъ судахъ Деметрія мы уже говорили. Но если увѣряютъ, что колоссы въ шестнадцать весельныхъ скамеекъ, построенные имъ, когда онъ былъ царемъ Македоніи, отличались и подвижностью и быстротой, то въ этомъ приходится сомнѣваться. Городъ Гераклея назвалъ одинъ корабль въ восемь рядовъ веселъ львоносцемъ; онъ рѣшилъ побѣду въ одной битвѣ. На каждомъ боку этого исполинскаго корабля работало по 800 гребцовъ, на палубахъ выстроены были 1200 воиновъ; направляли его два кормчихъ. Птолемей II, который во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ развертывалъ царскую пышность, владѣлъ также очень многочисленнымъ флотомъ. Среди его кораблей было два съ тридцатью весельными скамейками, одинъ съ двадцатью, четыре съ тринадцатью, два съ двѣнадцатью, четырнадцать съ одиннадцатью, тридцать съ девятью рядами веселъ и много меньшихъ размѣровъ. Сообщаютъ и объ одномъ колоссѣ съ сорока скамейками для гребцовъ, къ экипажу котораго принадлежало 4.000 гребцовъ и 3.000 воиновъ. Корабль этотъ, съ двадцатью рядами веселъ на каждомъ боку, произведеніе великолѣпное какъ относительно постройки, такъ и относительно обстановки, былъ подарокъ царя Гіерона Сиракузскаго.

Коринѳскій мастеръ Архія руководилъ его постройкой, а знаменитый Архимедъ изготовилъ для него машины. Устройства доковъ и верфей, въ которыхъ корабли вполнѣ изготовлялись и затѣмъ спускались на воду, тогда еще не знали; поэтому громадное судно строили отдѣльными частями, которыя затѣмъ отвозились въ море и тамъ соединялись въ одно цѣлое. Для передвиженія огромныхъ тяжестей пользовались изобрѣтеннымъ Архимедомъ безконечнымъ винтомъ, тѣмъ остроумнымъ приспособленіемъ, которое въ различнѣйшихъ формахъ находитъ столь разнообразное примѣненіе, особенно же въ качествѣ корабельнаго винта для передвиженія крупныхъ военныхъ и торговыхъ пароходовъ нашего времени.

Что касается внутренняго устройства Птолемеева корабля, то онъ заключалъ въ себѣ великолѣпныя залы, библіотеки, купальни, конюшни, кухни, водоемы для рыбы и т. д. Вокругъ палубы шла желѣзная стѣна для охраны защитниковъ; надъ нею возвышались громадныя мачты и восемь боевыхъ башенъ, по

ГРЕЧЕСКІЙ ФРИЗЪ.

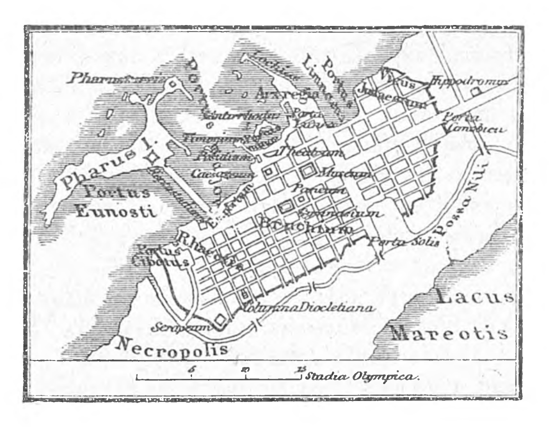
двѣ на носу и на кормѣ и четыре по срединѣ. Среди метательныхъ машинъ была одна, которая бросала бревна длиной въ 6 m. ($8^1/_2$ арш.) и камни, пуда въ три. Впрочемъ, колоссъ, несмотря на свое военное вооруженіе, все-таки употреблялся только на Нилѣ, въ качествѣ роскошнаго корабля; объ употребленіи прочихъ исполинскихъ кораблей на войнѣ также ничего не сообщаютъ.

Зодчество. Не менѣе военной архитектуры примѣнялась архитектура вообще любившими роскошь царями и ихъ вельможами. Храмы и царскія зданія блистали золотомъ, серебромъ и бронзой; архитектурныя украшенія, особенно колонны различныхъ стилей, примѣнялись въ величайшемъ разнообразіи. Часто теперь выбирали каріатиды или человѣческія фигуры въ качествѣ опоръ балокъ. То были женскія фигуры, поддерживавшія изящную іонійскую кровлю, то атланты, колоссальныя статуи мужчинъ, подпиравшія дорійскую кровлю. Такое украшеніе годилось для времени, когда народы были порабощены; лишь изрѣдка и въ Аѳинахъ въ цвѣтущее время государства для особыхъ строительныхъ цѣлей примѣнялись такія колонны, какъ напримѣръ въ портикѣ каріатидъ Эрехѳеона, гдѣ исполненныя жизни статуи шести аттическихъ дѣвицъ въ полномъ праздничномъ нарядѣ служили носительницами балокъ.

Въ возведеніи великолѣпныхъ построекъ египетскіе правители превосходили другихъ царей. Они были въ состояніи дѣлать это благодаря несмѣтнымъ богатствамъ, стекавшимся въ то время въ Египетъ. Плодородіе страны, обширная торговля, фабричное дѣло, золотые рудники и, наконецъ, побѣдоносные походы Птолемея Эвергета содѣйствовали этому необыкновенному накопленію богатствъ. Царскія сокровищницы, по преданію, содержали до 740.000 египетскихъ талантовъ серебра. Хотя бы правильность этого сообщенія подлежала многимъ сомнѣніямъ, все-же описанія празднествъ, пышныхъ процессій и военныхъ силъ Птолемеевъ доказываютъ, что въ Египтѣ накопленъ былъ необычайный запасъ благородныхъ металловъ, драгоцѣнностей, статуй и другихъ произведеній искусства.

Царскому богатству соотвѣтствовали особенно сооруженія и постройки въ Александріи. Этотъ городъ имѣлъ большей частью прямыя улицы, каналы, великолѣпные дворцы и храмы. Двѣ гавани служили посредницами его торговли. Большая гавань, открытая на сѣверовостокъ, защищена была дамбой, возведенной изъ громадныхъ четырехугольныхъ камней. Съ юга къ ней примыкала часть города Брухій, обнимавшая нѣсколько храмовъ, театровъ, гимнасіевъ, форумъ, сому или сему (гробницу великаго Александра) и наконецъ музей. Послѣднее зданіе было устроено въ видѣ заведенія для ученыхъ и, какъ таковое, имѣло

въ древности большую славу. Портики, аллеи для преподаванія, по греческому способу, при хожденіи взадъ и впередъ, чередовались въ немъ съ собственно аудиторіями, помѣщеніями для учебныхъ занятій и жилищами для выдающихся ученыхъ, получавшихъ жалованье и безплатный столъ. Весьма большое пространство занимала б и б л і о т е к а, такъ какъ въ ней не только были разставлены сотни тысячъ рукописей и книжныхъ свитковъ, но и занимались нѣсколько сотъ писцовъ, корректоровъ и другихъ работниковъ. Тамъ склеивались книжные свитки, изготовлялись и

П Л А Н Ъ Г. А Л Е К С А Н Д Р І И.

вызолачивались папки для свитковъ, изготовлялись покрышки для свитковъ и производилось много другихъ работъ. Музей, судя по этому, долженъ былъ имѣть значительное протяженіе.

Еще грандіознѣе былъ собственно царскій замокъ: тамъ находились царскія тронныя залы и парадные покои, бани, бесѣдки, помѣщенія для прислуги, конюшни, а также и крупныя вмѣстилища для звѣринцевъ. Тамъ содержались 2.000 собакъ всѣхъ породъ, попугаи, павлины, цесарки, рѣдкія эѳіопскія птицы, пантеры, даже эѳіопскій носорогъ.

Еще замѣчательнѣе всѣхъ этихъ заведеній и сооруженій былъ въ архитектурномъ отношеніи маякъ Ф а р о с ъ на одной опасной для моряковъ скалѣ. Дѣло въ томъ, что обѣ гавани Александріи образованы были лежавшимъ впереди островомъ Фаросомъ. Между

нимъ и вышеупомянутой портовой дамбой лежала та скала, о которую, въ бурную погоду, особенно ночью разбивались многія суда. Тамъ-то вотъ при первомъ Птолемеѣ начата была постройка башни и окончена въ двѣнадцать лѣтъ при его сынѣ Филадельфѣ. Знаменитый строитель Состратъ Книдскій, сперва начавъ снизу, обложилъ пирамидально скалу камнемъ, чѣмъ уменьшенъ былъ ударъ волнъ и выиграна была большая площадь. Затѣмъ начали строить самую башню въ прекраснѣйшихъ архитектурныхъ пропорціяхъ. Она подымалась пятью колоссальными этажами, изъ которыхъ нижніе походили на усѣченныя пирамиды, и, какъ говорятъ, достигала 220 m. вышины, значитъ—превосходила высочайшія пирамиды. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ въ это измѣреніе вѣроятно включена и высота скалы. На верхней площадкѣ каждую ночь зажигался громадный костеръ. Когда послѣдній весь былъ охваченъ пламенемъ, то отъ него на небѣ стояло зарево, и свѣтъ маяка виденъ былъ болѣе чѣмъ за 50 km. (46 верстъ). Это дѣлало возможнымъ для моряковъ избѣжать опасной скалы и даже въ беззвѣздную ночь безопасно отыскать входъ въ гавань.

Много грандіозныхъ построекъ предпринято было и правителями прочихъ, вновь возникшихъ государствъ, послѣ того какъ прекратился шумъ войнъ діадоховъ.

Преемники Селевка соперничали въ такихъ дѣлахъ съ египетскими Птолемеями. Они основали много городовъ, которымъ давали названія Антіохіи и Селевкіи. Всѣхъ болѣе цвѣтущею и многолюдною была Антіохія на Оронтѣ. Здѣсь и въ уже упомянутой Апамеѣ они въ великолѣпныхъ дворцахъ предавались всякой невоздержности и всѣмъ сладострастнымъ наслажденіямъ, какія можетъ изобрѣсти безмѣрное вожделѣніе. Дворцы, которые они выстраивали себѣ тамъ, увеселительные дома въ рощѣ Дафны и всѣ постройки въ богатой долинѣ Оронта нынѣ почти безслѣдно исчезли; такъ же мало сохранилось отъ города Селевкіи, который былъ построенъ на каналѣ, соединявшемъ Евфратъ съ Тигромъ, и крѣпостью стѣнъ, числомъ населенія и живостью торговли равнялся Вавилону. Напротивъ отъ другой Селевкіи, къ сѣверу отъ устья Оронта, сохранились еще огромныя портовыя дамбы и высѣченный въ скалѣ некрополь (могильный городъ). Въ этихъ и въ другихъ, вновь основанныхъ

городахъ поселено было греческое населеніе, такъ что греческій языкъ и обычаи тамъ получили преобладаніе.

Постройка дорогъ и мостовъ. Для соединенія отдаленныхъ провинцій со столицами прокладывались, далѣе, шоссейныя дороги. Для этой цѣли устраивались дамбы черезъ болотистую почву, выравнивались крутыя возвышенности, взрывались скалы, выкапывались, гдѣ только было возможно, колодцы въ пустыняхъ, черезъ что и въ самомъ дѣлѣ достигалось объединеніе народовъ вплоть до внутренней Азіи и до Инда, какъ о томъ мечталъ Александръ. Впрочемъ царство Селевкидовъ, правители котораго погибли одинъ за другимъ въ невоздержности и неестественныхъ звѣрствахъ, не на долго удержало свое протяженіе. Не только восточныя провинціи отдѣлились отъ него, но и въ Передней Азіи возникли свои государства. Хотя первыя скоро приняли снова національный, своеобразный отпечатокъ, но греческая культура все-таки продолжала существовать въ западныхъ государствахъ. Любившіе роскошь Пергамскіе цари, Атталъ и Эвменъ, завели, по образцу александрійской, библіотеку и платили жалованье ученымъ и художникамъ.

Чтобы сдѣлать дороги годными для пользованія, нужно было построить мосты черезъ рѣки, а это въ то время имѣло свои затрудненія, такъ какъ сводчатой стройки еще не знали, или, по крайней мѣрѣ, въ греческихъ и восточныхъ государствахъ для практическихъ цѣлей не примѣняли. Изъ походовъ Александра мы видѣли, что онъ иногда закладывалъ понтонные мосты, большей частью переправлялся на лодкахъ, иногда даже на кожаныхъ мѣхахъ, наполненныхъ соломой. Постоянные мосты обыкновенно строились изъ дерева. Въ русло рѣки вбивали дубовыя сваи и поверхъ нихъ клали толстыя и тонкія доски. Иногда сооружались и каменные быки, поддерживавшіе деревянную надстройку. Въ самой Греціи, напр. въ Мессеніи, находятъ слѣды, что мосты строились по образцу воротъ и сокровищницъ древняго времени, т.-е. кверху каменныя глыбы все выдвигались немного впередъ, и этотъ родъ свода замыкался большой каменной плитой.

Гавань въ Родосѣ. Уже раньше было указано, что небольшое островное государство Родосъ успѣшно защищалось противъ могущества азіатскихъ царей. Необычайное благосостояніе этой

республики основывалось на ея обширной торговлѣ. Поэтому тамъ и заботились объ обезпеченіи судоходства всякимъ способомъ. Вооруженныя тріеры сопровождали торговыя суда вдаль и сражались съ морскими разбойниками во всѣхъ частяхъ Средиземнаго моря. Торговые договоры доставляли защиту противъ каперскихъ судовъ другихъ государствъ. Затѣмъ просторная гавань столицы, образованная самой природой, укрѣплена была грандіозными постройками. Воздвигнуты были громадныя портовыя дамбы и чрезъ это были добыты обособленныя другъ отъ друга помѣщенія для различныхъ родовъ судовъ, для легкихъ лодокъ, для торговыхъ и военныхъ кораблей, наконецъ безопасный рейдъ для тѣхъ судовъ, которыя хотѣли пристать только на короткое время.

Въ концѣ большой дамбы, замыкавшей военную гавань, поставлена была далеко видная съ суши и съ моря колоссальная бронзовая статуя солнечнаго бога. Здѣсь возвышался богъ, охранитель посвященнаго ему острова, который лучами своими велъ моряковъ по темнымъ волнамъ морскимъ и проводилъ ихъ въ безопасную гавань. Статуя вышиной была въ 44 m. (144 фут.), каждый палецъ ея имѣлъ величину обыкновенной статуи; внутренность статуи наполнена была каменной массой. Творцомъ этого произведенія называютъ Хареса Линдскаго, значитъ — родосца, ученика Лисиппа Сикіонскаго, который, по преданію, пересадилъ въ Родосъ художественное направленіе своего учителя, стремившееся къ колоссальному. Въ позднѣйшее время пришли къ представленію, будто колоссъ съ растопыренными ногами стоялъ надъ входомъ въ гавань, и это показаніе всѣми было принято безъ изслѣдованія, на чемъ оно основано. Однако, объ этой необычайной и вовсе не эстетической позѣ нигдѣ не упоминается у древнихъ писателей. Колоссъ впрочемъ простоялъ только нѣсколько десятилѣтій, а затѣмъ обрушился отъ землетрясенія. Почти 1000 лѣтъ спустя арабскій полководецъ Моавія продалъ бронзовые обломки, вѣсомъ приблизительно въ 21,000 пудовъ, еврейскому торговцу, которому для перевозки ихъ потребовалось 900 верблюдовъ.

Ваяніе. Пытаясь представить себѣ статую Гелія, мы отъ разсмотрѣнія архитектурныхъ произведеній перешли къ созданіямъ скульптуры. На нихъ мы должны остановиться; но мы можемъ высказаться вкратцѣ, такъ какъ о различныхъ

мастерскихъ произведеніяхъ этого періода, ради болѣе легкаго обозрѣнія, мы говорили уже въ предыдущей главѣ. Пустота, безсодержательность государственной и умственной жизни этого времени естественно должна была вредно подѣйствовать и на изобразительное искусство. Вѣра въ древнихъ боговъ пережила себя, такимъ образомъ изсякъ источникъ, изъ котораго великіе художники блестящаго времени Аѳинъ черпали темы для своихъ мастерскихъ произведеній. Мѣстности, гдѣ дотолѣ пластическое искусство приводило въ движеніе соперничествующія руки, особенно Аргосъ, Аѳины, Сикіонъ, пустѣли все болѣе и болѣе, и въ качествѣ средоточій новой художественной дѣятельности прежде всего выступаютъ передъ нами два не принадлежащихъ собственно къ эллинской метрополіи мѣста, Родосъ и Пергамъ. Искусство, теперь состоявшее на службѣ царей и богачей, страдало подъ гнетомъ стѣснительныхъ оковъ, и, чтобы удовлетворять выродившемуся вкусу, которому нравилось только необычайное, оно прибѣгало къ усиленнымъ средствамъ эффекта, стараясь дѣйствовать на переутомленныя чувства современниковъ или мастерскимъ совершенствомъ техники, или доведенною до крайности страстностью въ изображеніи. Тогда какъ прославленные художники прежнихъ временъ изображали божество какъ-бы воплощеннымъ въ его величіи и невозмутимомъ блаженномъ спокойствіи, теперь задачей изобразительнаго искусства стало человѣческое въ страданіи и борьбѣ, въ изнеможеніи и въ побѣдѣ. Даже статуи боговъ этого, какъ уже и непосредственно предшествующаго ему періода, суть идеализированные образы людей, волнуемыхъ страстью. Еще болѣе это выражается въ статуяхъ бойцовъ, борющагося и умирающаго, и Лаокоонта, какъ и Фарнезскаго быка, мы склонны назвать трагедіями, полными человѣческой борьбы и страданій. Эти два произведенія — колоссальныя группы, высѣченныя въ мраморѣ. Такъ называемый Фарнезскій быкъ изображаетъ наказаніе злой Дирке, какъ она сыновьями Антіопы, Зеѳомъ и Амфіономъ, привязывается къ рогамъ быка, чтобы онъ волочилъ ее до смерти. Эта богато расчлененная группа, произведеніе двухъ работавшихъ въ Родосѣ художниковъ, Аполлонія и Тавриска, найдена была при раскопкахъ, предпринятыхъ папой Павломъ III, изъ дома Фарнезе, въ термахъ императора Каракаллы и потомъ была доставлена въ Неаполь, гдѣ она теперь стоитъ въ Національ-

номъ Музеѣ. Преданіе помѣщаетъ арену изображеннаго въ группѣ происшествія на вершинѣ Киѳерона и во время празднества Діониса. На это указываютъ возвышающіеся на каменистой почвѣ утесы, пестрое множество предметовъ на базѣ, и пастухъ, убранный плющемъ, слѣпой зритель отмщенія. Сцена оживляется еще набрасывающеюся, лающею на быка собакой. Въ центрѣ смѣло пирамидально построенной группы стоитъ могучій, дико вздымающійся быкъ, который въ слѣдующее мгновеніе грозитъ перескочить черезъ Дирке. Справа и слѣва отъ него фигуры двухъ сильныхъ, стройныхъ юношей. Амфіонъ, плечи котораго покрываетъ короткій плащъ, развѣвающійся по вѣтру, въ смѣломъ положеніи стоитъ на вершинахъ скалъ и хватаетъ быка за правый рогъ и за морду. Усиліе, котораго ему стоитъ, чтобы укротить бѣшеное животное, отлично высказывается въ его страстно взволнованныхъ выраженіяхъ лица и въ тугомъ напряженіи его членовъ. Братъ его Зеѳъ старается удержать бѣшеное животное веревкой, обвитой вокругъ его роговъ, а другой рукой прикрѣпить волоса несчастной Дирке къ нижнему концу веревки. Трогательная фигура Дирке, образъ совершенной тѣлесной красоты, юности, какъ-бы въ чарахъ испуга, опустилась на-земь, наполовину закрытая ея одѣяніемъ, отличающимся множествомъ складокъ. Лѣвой рукой она обнимаетъ правую ногу Амфіона, простираетъ къ нему, моля о жалости, свою правую руку и направляетъ очи на неумолимаго мстителя. Находящаяся на заднемъ планѣ женская фигура—есть фигура Антіопы, матери обоихъ юношей, много натерпѣвшейся отъ Дирке. Лицомъ своимъ, лишеннымъ выраженія, и отсутствіемъ участія въ дѣйствіи, она странно отличается отъ прочихъ фигуръ, драматически оживленныхъ; впрочемъ, она немало содѣйствуетъ художественной законченности произведенія.

Въ тѣснѣйшей связи съ только-что описанною группой находится принадлежащее, судя по особенности всего своего характера, къ тому же времени и къ той же школѣ произведеніе, которое достойно удивленія по грандіозной смѣлости наброска и по высокому совершенству его техники: группа Лаокоонта, мастерское произведеніе родосскихъ художниковъ Агесандра, Аѳенодора и Полидора. Въ 1506 г. группа эта была найдена въ развалинахъ Титова дворца въ Римѣ, а нынѣ составляетъ укра-

«ФАРНЕЗСКІЙ БЫКЪ», МРАМОРНАЯ ГРУППА ВЪ НЕАПОЛИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.

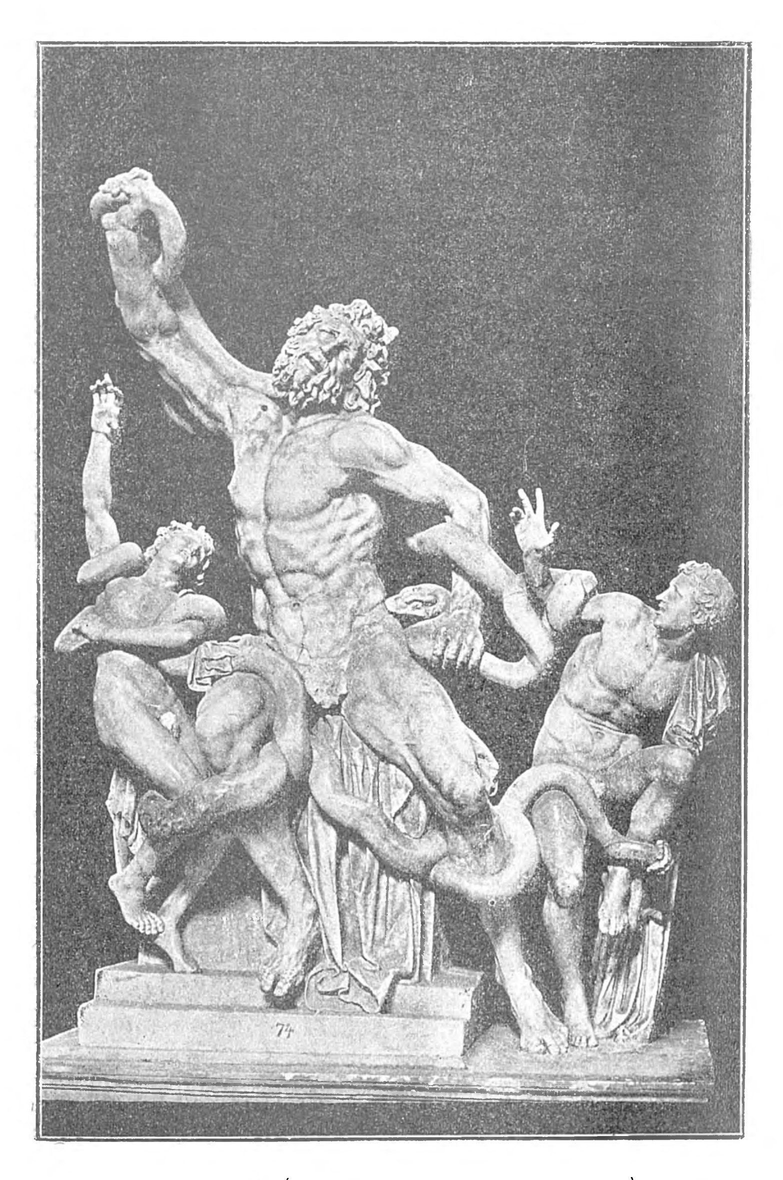
шеніе коллекцій Ватикана. Предметомъ изображенія служитъ троянскій жрецъ Лаокоонтъ съ двумя своими сыновьями. Поэзія разсказываетъ о немъ, какъ мы знаемъ, что онъ пронзилъ копьемъ деревяннаго коня, построеннаго греками на погибель Трои, и затѣмъ съ сыновьями своими обвитъ былъ и задушенъ двумя змѣями. Это мгновеніе и схвачено въ скульптурномъ изо-

браженіи, которое представляетъ намъ дѣйствіе въ трехъ моментахъ, съ постепенными переходами, но тѣсно слитыхъ внутреннимъ единствомъ идеи. Младшій сынъ слѣва отъ созерцателя борется уже со смертью. Одна змѣя обезоружила его. Сила мальчика поддается уничтожающему дѣйствію ядоноснаго зуба. Правая рука его безсильно падаетъ назадъ, лѣвая хватается еще механически за голову чудовища, лицо омрачено признакомъ близкой смерти. Еще моментъ, и цвѣтущая фигура мальчика падетъ безжизненно на-земь.

У отца, дюжая, коренастая фигура котораго образуетъ центръ пирамидально построенной группы, трагическое событіе является въ самомъ непосредственномъ и захватывающемъ развитіи. Его обвили неразрывныя змѣиныя кольца, и ядъ какъразъ совершающагося смертельнаго укушенія неудержимо льется по его жиламъ. Онъ, правда, лѣвой рукой схватываетъ змѣю за шею и также поднятой правой отбивается отъ ея смертоносныхъ объятій, однако попытка удалить ее безуспѣшна, и, не вынося боли, онъ истощенный падаетъ на жертвенникъ. О страданіи, которое испытываетъ его тѣло отъ ядовитаго укушенія, свидѣтельствуетъ изборожденное болью лицо, надувающіяся жилы на лбу, сильно насупленныя брови, неподвижные, широко-раскрытые глаза. Такимъ образомъ, сила сопротивленія Лаокоонта противъ тѣлесной боли является сломленной и побѣжденной враждебною силою.

Старшій сынъ еще не пострадалъ отъ смертоноснаго зуба змѣи и лишь нѣсколько стѣсненъ въ свободномъ пользованіи своими членами. Его спасеніе удалось бы ему безъ большого труда, если бы только онъ серьезно постарался уклониться отъ грозящей опасности. И онъ уже дѣлаетъ попытку крѣпкимъ нажимомъ рукою снять слабое кольцо короткаго конца хвоста, когда увидѣлъ обезображенное мучительной болью лицо отца. Ужасъ и состраданіе парализуютъ его движенія и не даютъ ему болѣе думать о бѣгствѣ. Такимъ образомъ, благопріятное время для спасенія уходитъ неиспользованнымъ, и чрезъ нѣсколько мгновеній и его постигнетъ мрачная участь.

Въ заключеніе упомянемъ еще о двухъ весьма прославленныхъ произведеніяхъ, Аполлонѣ Бельведерскомъ и Діанѣ Версальской. Они получили свои названія отъ мѣстъ, гдѣ они были поставлены, послѣ того какъ ихъ нашли подъ мусоромъ и раз-

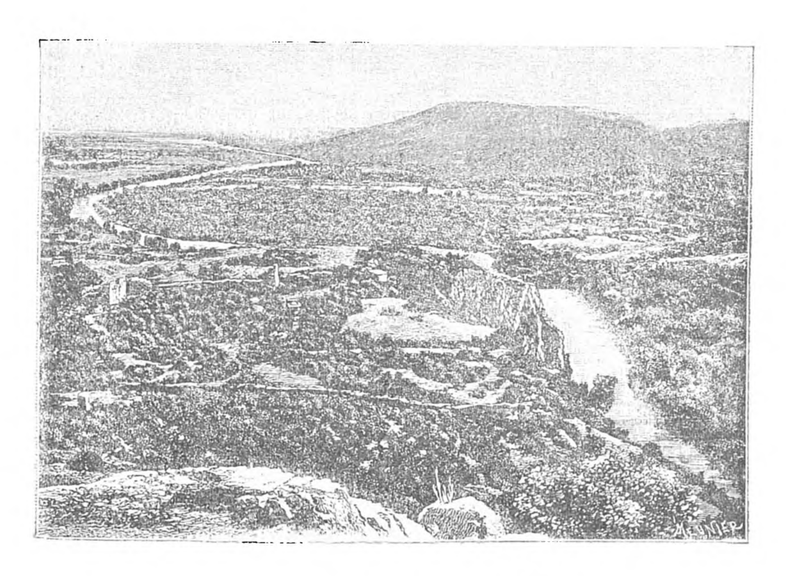
ЛАОКООНТЪ (ГРУППА ИЗЪ МРАМОРА ВЪ ВАТИКАНѢ).

валинами. Это не оригинальныя произведенія, но хорошо удавшіяся копіи ихъ римскаго времени. Оригиналъ Аполлона принадлежитъ во всякомъ случаѣ ко времени послѣ Александра, и предполагаютъ, что онъ, въ память пораженія, которое понесли кельты, какъ выше разсказано, при ихъ разбойническомъ набѣгѣ на Дельфы въ 278 г., былъ поставленъ какъ обѣтный даръ въ храмѣ побѣдоноснаго бога. Аполлонъ изображенъ лично отвращающимъ опасность, грозящую его святилищу. Простертая лѣвая рука держитъ навстрѣчу наступающему непріятелю возбуждающую ужасъ эгиду. Серьезный лобъ, дышащіе огнемъ глаза обнаруживаютъ еще гнѣвъ бога, но вокругъ его устъ играетъ уже самонадѣянная улыбка торжествующей увѣренности въ побѣдѣ. Поднятая лѣвой рукой хламида и прикрѣпленныя тонкими ремнями сандаліи суть единственныя украшенія стройнаго, и въ то-же время мощнаго тѣла. Панданъ къ этому представляетъ Діана Версальская. Артемида является въ видѣ стройной охотницы въ дорійскомъ хитонѣ безъ рукавовъ. Художникъ изображаетъ моментъ, когда богиня останавливается въ поспѣшномъ бѣгѣ, потому, можетъ быть, что навстрѣчу ей выступаетъ преступникъ, котораго она думаетъ наказать. Взоръ ея проявляетъ гнѣвъ, голова поворачивается въ сторону, между тѣмъ какъ правая рука хватается за стрѣлу въ колчанѣ, а лѣвая прикасается къ животному, ищущему у ней защиты.

Надгробные памятники. Не малая забота обращалась до македонскаго времени въ продолженіе его на надгробные памятники. Можетъ быть, на это имѣло вліяніе болѣе близкое знакомство съ Египтомъ; греческіе монументы этого рода однако превосходили египетскіе красотой формъ и вообще художественнымъ исполненіемъ, если даже и значительно отставали отъ нихъ въ величинѣ и массивности. Открыты грандіозныя развалины надгробной постройки у К с а н ѳ а въ Ликіи на побережьи Малой Азіи, происходящей отъ греческихъ художниковъ. На фундаментѣ вышиной болѣе чѣмъ въ 6 m. (20 фут.), богато украшенномъ двумя шедшими вокругъ него полосами рельефной работы, возвышался изящный храмикъ съ іонійскими статуями, окружавшій целлу (cella). Фризъ былъ украшенъ богатой рѣзьбой, фронтонъ выступающими фигурами. Еще болѣе восхищались въ древности м а в з о л е е м ъ, т.-е. надгробнымъ памятникомъ царя М а в з о л а въ Га-

ликарнассѣ, въ Каріи. Его называли чудомъ свѣта, для исполненія котораго соединились величайшіе мастера того времени какъ въ архитектурѣ, такъ и въ скульптурѣ. Мавзолъ, правившій почти какъ независимый государь, въ союзническую войну сталъ на сторону, противную Аѳинамъ, и значительно увеличилъ свои морскія силы.

Его жена, Артемисія, со второй преемницей которой, Адой, мы познакомились въ исторіи Александра, пыталась успокоить свою печаль и свое горе по умершемъ сооруженіемъ монумента, на достойную обстановку котораго она не жалѣла ни труда, ни издержекъ.

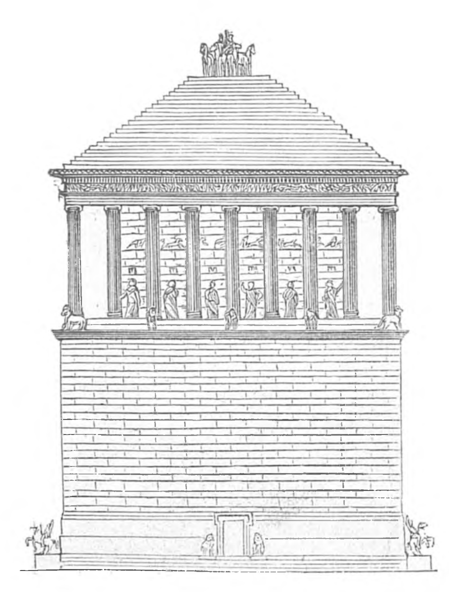

ВИДЪ КСАНѲА ВЪ ЛИКІИ
(РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

Она призвала, въ качествѣ строителей, Бріаксида, Тимоѳея и Леокара и поручила главное руководство постройкой и изготовленіе важнѣйшихъ скульптуръ знаменитому Скопѣ. Прекрасно декорированные портики окружали массивный фундаментъ, снабженный рельефными фризами и статуями. Надъ нимъ возвышался іонійскій храмъ, диптеросъ, заключавшій въ себѣ

cella небольшого объема. Надъ нимъ была пирамидальная крыша въ 24 ступени, вершина которой увѣнчана была колоссальной четверкой коней (квадригой) со статуей усопшаго царя. Рельефы и статуи украшали фризъ, промежутки между колоннами и ступени пирамиды.

Такъ было устроено это дивное произведеніе искусства, по образцу котораго грандіозные надгробные памятники вообще называются мавзолеями.

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ЦАРЯ МАВЗОЛА ВЪ ГАЛИКАРНАССѢ.

Искусство рѣзьбы на камняхъ. Усовершенствованіемъ техники особенно въ этотъ періодъ было развито искусство рѣзьбы на камняхъ. На геммахъ, предназначавшихся для колецъ съ печатью, рисунокъ врѣзывался вглубь, и для этого брали одноцвѣтные, прозрачные или волокнистые камни, какъ аметистъ, топазъ, агатъ. Въ предметы украшенія выбирали разноцвѣтные драгоцѣнные камни, особенно бѣлый, какъ молоко,ониксъ съ цвѣтными полосками, и на нихъ выпукло вырѣзались фигуры. Любимой была особенно форма скарабеевъ или жуковъ, но вырѣзали изъ драгоцѣнныхъ камней и вазы, баночки для мази и другіе сосуды. Рѣзьба на геммахъ большей частью производилась съ крайнимъ вкусомъ и художественной тонкостью; она представляетъ образы боговъ, портреты царей, или поставцы, маски и т. п. Геммы, сохранившіяся отъ этого времени, имѣютъ высокую цѣнность не столько изъ-за драгоцѣнности камня, сколько изъ-за замѣчательно превосходной рѣзьбы.

Живопись. Иначе дѣло обстоитъ съ живописью. Для празднествъ и пышныхъ процессій нужно было работать быстро; поэтому такія картины набрасывались слегка и торопливо и разсчитывались только на мгновенный эффектъ, часто также на соблазнительность и раздраженіе чувствъ. Вошла въ моду также мозаичная живопись, искусство составлять картины изъ цвѣтныхъ камней. Такими картинами украшали потолки и полы парадныхъ покоевъ, бань и спаленъ.

Большіе успѣхи механики привели, наконецъ, къ изобрѣтенію автоматовъ, т.-е. фигуръ, приводившихся въ движеніе посредствомъ внутреннихъ механическихъ приспособленій. Въ особенности намъ повѣствуютъ объ автоматахъ, показанныхъ на торжествѣ коронаціи Птолемея Филадельфа. Именно, въ праздничномъ шествіи, среди множества драгоцѣнныхъ показныхъ предметовъ и произведеній искусства, появилась и колесница, шириной въ четыре метра, которую везли 60 человѣкъ. На ней сидѣло колоссальное изображеніе кормилицы Діониса. Оно одѣто было въ лаконское нижнее платье и протканное золотомъ верхнее, увѣнчано золотымъ плющемъ, виноградными листьями и ягодами изъ драгоцѣнныхъ камней, и въ лѣвой рукѣ держало жезлъ — ѳирсъ, въ правой — чашу съ молокомъ. Посредствомъ внутренняго механизма оно подымалось съ сидѣнія, выливало молоко и садилось снова. Въ процессіи провозили также гротъ, покрытый плющемъ. Въ немъ двигались нимфы въ изящныхъ хороводахъ, а источники давали молоко и вино. Повременамъ оттуда вылетали живые голуби. Этими и другими остроумными забавами наука высказывала свою благодарность своимъ царственнымъ покровителямъ.

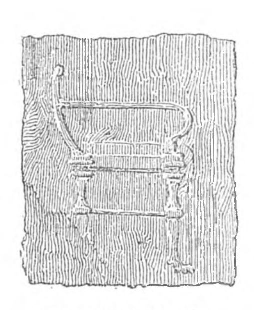
Большую и болѣе существенную пользу доставляла она имъ, изготовляя средства разрушенія на войнѣ и произведенія для увеличенія общественнаго благополучія въ мирное время, о чемъ мы уже упоминали.

Но наука преслѣдовала и свои собственныя цѣли и помогала имъ. Она изобрѣтала новыя и превосходныя орудія для опредѣленія положенія городовъ, протяженія странъ и для изслѣдованія движенія, величины и отдаленія небесныхъ тѣлъ. Въ особенности Архимедъ установилъ сферу, т.-е. искусственную машину посредствомъ которой наглядно изображалось движеніе звѣздъ.

Утварь. Чтобы дополнить наше представленіе о жизни и стремленіяхъ эллиновъ во время упадка, мы еще разъ должны войти въ греческій домъ и разсмотрѣть поставленную тамъ утварь. И въ этотъ періодъ неумѣренной любви къ роскоши мы вовсе не находимъ такой внутренней обстановки, какъ нынѣ видна въ покояхъ и салонахъ богачей. Подобно тому, какая дама или мужчина съ хорошимъ вкусомъ даетъ знать о своемъ богатствѣ не множествомъ колецъ и висулекъ, а немногими, но дорогими цѣнностями, такъ поступали греки относительно украшенія своихъ домашнихъ покоевъ. Комодовъ съ ящиками, шкаповъ для платья еще не знали. Имѣлись только кресла, стулья, столы и кушетки; но эта мебель въ богатыхъ жилищахъ была изысканной работы и драгоцѣннѣйшаго матерьяла.

Для храненія одѣяній, предметовъ украшенія и подобныхъ вещей служили сундуки и ящики, которые, смотря по надобности, имѣли большіе или меньшіе размѣры и часто были весьма искусной работы.

Стулья были весьма различны. Были складные стулья со скрещивающимися ножками и сидѣньями, сплетенными изъ ремней, которые можно было носить за кѣмъ-нибудь, далѣе стулья, похожіе на наши и тѣмъ лишь отличные отъ нихъ, что спинки для болѣе удобнаго сидѣнья были согнуты въ полукругъ. Кресло или тронъ, со спинкой и боковыми ручками, почетное сидѣнье въ домѣ, снабжено было орнаментами изъ листвы, часто также подпирающими фигурами, а также и подушками и мохнатыми шкурами. — Обычай возлежать за столомъ, общепринятый даже среди женщинъ, привелъ къ установкѣ удобныхъ кушетокъ. Онѣ имѣли спинку либо на верхнемъ концѣ, чтобъ упираться въ нее лѣвой рукой или головой, либо таковую на нижнемъ концѣ, можетъ быть, для второй персоны, иногда также заднюю стѣнку, чѣмъ онѣ походили на наши софы. Туго натянутые ремни, поверхъ нихъ наполненные шерстью или пухомъ матрасы и драгоцѣнныя одѣяла составляли ложе, мягкія подушки покрывали спинки.

ГРЕЧЕСКОЕ КРЕСЛО.

Ножки и передняя сторона искусно изрѣзывались и выкладывались слоновой костью или благородными металлами. Такое ложе (кушетку) съ принадлежащей къ нему и со вкусомъ изукрашенной скамеечкой мы видимъ на приложенномъ рисункѣ, набросанномъ по живописи на античной вазѣ.

ГРЕЧЕСКОЕ ЛОЖЕ (ЖИВОПИСЬ НА ВАЗѢ).

Много проще были конечно кушетки и предназначенныя для сна ложа у болѣе бѣднаго класса народа. Пастухъ, незажиточный арендаторъ возлежалъ, какъ во времена Гомера, на мохнатой шкурѣ животнаго, или же онъ имѣлъ лавку, покрытую такими шкурами и порой снабженную только высокой спинкой въ головахъ.

Разнообразны, какъ сидѣнья и ложа, были и столы, которые употреблялись для ѣды и установки другихъ предметовъ, но не для письма, такъ какъ по старинному обычаю писали только на колѣняхъ. Были столы съ четырьмя, тремя ножками, а въ послѣднее время и съ одной, всѣ гораздо ниже нашихъ, такъ какъ такихъ требовалъ обычай возлежанія за столомъ. Столы съ тремя ножками изготовлялись съ особеннымъ вкусомъ, часто изъ дра-

гоцѣннаго матеріала. Вообще для этого, какъ и для другихъ предметовъ мебели, употреблялись преимущественно кленовое дерево, слоновая кость, бронза и благородные металлы.

Сосуды. Изъ предыдущаго видно, что изготовленіе этой утвари требовало искусныхъ рукъ и въ то же время правильнаго пониманія соединенія цѣлесообразнаго съ прекраснымъ. Мы конечно можемъ это вывести только изъ картинныхъ изображеній, такъ какъ вмѣстѣ съ жилищами безслѣдно исчезла и утварь. Однако то же доказываетъ хрупкая глиняная посуда, найденная въ гробницахъ. Дѣло въ томъ, что къ покойнику въ могилу клали чашу, изъ которой онъ пилъ, сосудъ, въ которомъ онъ мѣшалъ вино, вазу, въ которой онъ сохранялъ плоды и жидкости; и много этихъ подземныхъ жилищъ, не разрушенныхъ еще алчностью, раскрыла любознательность и извлекла оттуда неоцѣнимый матеріалъ для знакомства съ древностью. Такъ какъ раньше мы въ общихъ чертахъ говорили о греческихъ сосудахъ, то тутъ присовокупимъ лишь нѣсколько замѣчаній.

КРАТЕРЪ.

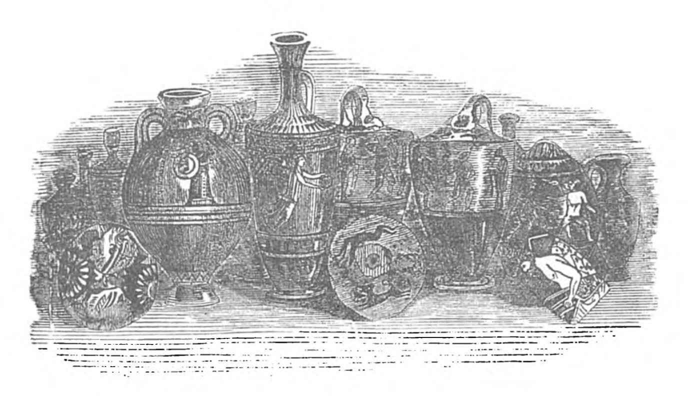
У древнихъ эллиновъ было большое количество сосудовъ разнообразнѣйшихъ формъ, частью весьма красивыхъ. Существовали сосуды для храненія, далѣе—сосуды для разбавленія вина, для черпанія и, наконецъ, чаши для питья. Сосуды для храненія вина, масла, фигъ и др. вообще назывались амфорами. Они имѣли двѣ ручки и болѣе или менѣе узкую шейку. Для большихъ количествъ предназначался п и ѳ ъ. Онъ часто имѣлъ объемъ винной бочки и очень толстыя глиняныя стѣнки и заключалъ въ себѣ до ста слишкомъ кружекъ вина. Бочка, которою пользовался въ качествѣ спальни чудакъ Діогенъ, была такимъ пиѳомъ. Кромѣ этихъ глиняныхъ бочекъ, вино вливалось также въ кожаные мѣха, которые тщательно завязывались и засмаливались. Сосуды для ношенія воды походили на амфоры, но для удобства черпанія имѣли третью ручку въ мѣстѣ расширенія ихъ выпуклости. Для подобной же цѣли служили кувшины съ одной ручкой.

Такъ какъ греки не пили вина не разбавленнымъ, то на по-

ставцахъ стояли кратеры, т.-е. сосуды для смѣшенія, съ просторнымъ отверстіемъ и довольно широкой ножкой. Кратеръ всегда имѣлъ красивые орнаменты и часто также бывалъ сдѣланъ изъ бронзы. Сосуды для черпанія естественно были гораздо меньше и снабжены были далеко выдававшимися кверху ручками, чтобы рука не погружалась въ жидкость.

Чаши для питья имѣли либо плоскую форму, либо онѣ были глубоки, какъ наши чашки, и безъ ножки, или съ таковой, приблизительно наподобіе чаши.

На большихъ пирахъ большими питухами осушались, пожа-

РАЗНЫЕ ГРЕЧЕСКІЕ СОСУДЫ.

луй, и подставки кратеровъ, или же брались рога для питья, заимствованные отъ ѳракійцевъ. Греки придавали этимъ сосудамъ для питья, которые они изготовляли изъ обожженной глины, бронзы и другого матеріала, весьма изящныя формы; они оканчивались головами змѣй и другихъ животныхъ, къ которымъ прибавлялись орнаменты изъ листьевъ. Всѣ эти сосуды выдѣлывались также изъ драгоцѣннаго металла и выставлялись на показъ въ жилищѣ или, въ качествѣ обѣтныхъ даровъ, въ храмахъ и ихъ окружности. Глиняные сосуды снабжались живописью. Въ древнѣйшее время, когда фигуры изображались еще безжизненно и съ преувеличенной мускулатурой, нацарапанные рисунки расписывались въ черный цвѣтъ на красномъ фонѣ глины. Но прогрессъ образованія обнаружилъ вліяніе и здѣсь.

Сосуды стали покрывать черной краской и фигуры выступали на нихъ красными, и притомъ весьма часто въ большомъ совершенствѣ. Металлическіе сосуды обыкновенно были великолѣпными произведеніями и украшены мастерскими скульптурами.

Убранство. Что въ періодъ Александра и его пріемниковъ не было недостатка въ одѣяніяхъ самой неумѣренной роскоши, мы это видѣли въ историческомъ изложеніи. Рука объ руку съ этимъ шла роскошь въ предметахъ убранства. Какъ карикатура, выдавалась порой среди роскоши въ платьяхъ старая спартанская простота и была предметомъ насмѣшки и издѣвательства, между тѣмъ какъ масса народа все глубже погружалась въ нужду и нищету. Можно было видѣть мужчинъ и дамъ съ драгоцѣнными пряжками, аграфами и поясами, съ кольцами на рукахъ, пальцахъ и даже на суставахъ. Исключая серегъ, принадлежавшихъ только къ женскому туалету, оба пола пользовались этими предметами украшенія. Но женщины теперь старались перещеголять мужчинъ въ нарядахъ. Въ то время, когда Греція была велика своими мудрецами и героями, женщины, по причинѣ недостаточнаго образованія умственно ограниченныя, жили только для хозяйства и не знали лучшаго украшенія, какъ цѣломудріе и скромность. Но послѣ того какъ государство и нравы пришли въ упадокъ, женщины поднялись выше стѣснявшихъ ихъ преградъ. Онѣ не стѣснялись больше вступать въ общество мужчинъ; онѣ слушали даже лекціи философовъ, и, украшая свой умъ подхваченными обрывками мудрости, онѣ еще болѣе стремились усиливать свои тѣлесныя прелести дра-

ГРЕЧЕСКАЯ КРУЖКА.

гоцѣнными украшеніями. Онѣ обвивали себѣ волосы богато украшенной повязкой (стефане), онѣ также закутывали косу или такъ-называемое гнѣздо въ сѣтку изъ золотыхъ нитей, а еще чаще въ красиво запутанный платокъ, назывaвшійся сакомъ. Аграфы, поясныя пряжки и кольца украшались искусно рѣзанными драгоцѣнными камнями; не менѣе драгоцѣнными были состоявшія изъ соединенныхъ вмѣстѣ колецъ ожерелья и нагрудныя украшенія. Въ такомъ нарядѣ шествовали жены и дочери государей, высшихъ сановниковъ, и богатыхъ фабрикантовъ и негоціантовъ. Ибо государственное управленіе, война, торговля и промышленность представляли возможность пріобрѣсти большія богатства. На нашей иллюстраціи видно много предметовъ украшенія, также зонтикъ, два плоскихъ вѣера, металлическое зеркальце и два высокихъ канделябра.

ГРЕЧЕСКАЯ ВАЗА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ПЕРЕДАЧИ ПИСЬМА ПРОИТА.

ЛИТЕРАТУРА, ФИЛОСОФІЯ.

Что касается литературы этого періода, то въ ея произведеніяхъ можно найти безконечно много искусства и бездну учености, но мало природы. Въ нихъ проявляется не волнующаяся народная жизнь, не внутреннее стремленіе сердца, а стремленіе угодить знати, занимать ее и схватить одобреніе или получить мѣсто въ музеѣ. Поэтому язвительный сатирикъ Тимонъ говоритъ: „Много кормится въ много-

людномъ Египтѣ мужей-писакъ, которые безконечно много спорятъ въ куриномъ лукошкѣ музея, пока не излѣчиваются отъ словеснаго поноса".—Подобными александрійскимъ были заведенія для ученыхъ и библіотеки въ Пергамѣ и въ сирійской Селевкіи. Толковали древнихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, подражали имъ, превосходили ихъ изящными оборотами и учеными намеками; но отъ внутренней правды, величія и красоты, запечатлѣнной въ ихъ произведеніяхъ, оставались на такомъ разстояніи, какъ небо отъ земли. Среди великаго множества гимновъ, элегій, дидактическихъ стихотвореній и поэмъ того времени конечно встрѣчается иногда и хорошее, и мы охотно привели бы здѣсь образцы различнаго рода; но и хорошее здѣсь мало для насъ занимательно и еще менѣе является источникомъ идей, поучающихъ, освобождающихъ и возвышающихъ до божественнаго. Мы поэтому удовольствуемся нѣсколькими короткими отрывками.

Однимъ изъ плодовитѣйшихъ поэтовъ въ Александріи былъ Каллимахъ, около 250 г. Онъ писалъ гимны, элегіи и эпиграммы. Однимъ изъ наиболѣе прославленныхъ его гимновъ былъ гимнъ на волосы Береники, сохранившійся въ латинской поэтической передачѣ Катулла. Дѣло въ томъ, что новобрачная супруга Птолемея III Эвергета дала обѣтъ посвятить свои прекрасные волосы богамъ, если царь побѣдоносно вернется изъ похода въ Сирію. Она сдержала слово; но спустя короткое время волосы изъ храма исчезли, и всѣ поиски за ними оставались тщетными. Тогда Конону, знаменитому астроному, пришла счастливая мысль, что они поднялись къ звѣздамъ и сіяютъ тамъ въ видѣ созвѣздія. Эту остроумную и прелестную мысль Каллимахъ развилъ въ своемъ стихотвореніи, и слѣдуетъ предполагать, что ему не было отказано въ милости царскаго двора, которой онъ добивался такимъ выраженіемъ благоговѣнія.

Менѣе преисполнено учености его стихотвореніе на купанье Паллады. Именно въ Аргосѣ, ежегодно въ большой праздникъ, въ рѣчкѣ Инахѣ обмывалась колесница и статуя Паллады. Въ концѣ стихотворенія поэтъ упоминаетъ, какъ нѣкогда Тиресія видѣлъ богиню купающейся, ослѣпъ изъ-за этого, но богато былъ ею вознагражденъ даромъ прорицанія.

Приводимъ здѣсь отрывокъ:

„Будетъ вѣдь онъ прорицатель, прославленный въ пѣсняхъ потомства,
И искусствомъ своимъ всѣхъ превзойдетъ онъ другихъ.
Вѣдать онъ будетъ и птицъ, тѣхъ, кто счастливы, и также
Тѣхъ, что ничтожны, и тѣхъ, кои бѣдою грозятъ.
Много пророчествъ онъ будетъ вѣщать беотійцамъ и Кадму,
Будетъ пророчить потомъ роду и Лабдака онъ.
Дамъ я и посохъ ему, чтобъ стопамъ его былъ направитель,
Дамъ ему долгую жизнь, дамъ ему поздній конецъ.
Онъ, послѣ смерти, одинъ между мертвыми будетъ разумнымъ
Шествовать, чтимый царемъ всякихъ народовъ въ Аду".

Счастливымъ подражателемъ Гомера былъ Аполлоній Родосскій. Въ своей эпической поэмѣ „Походъ Аргонавтовъ" онъ избѣжалъ напыщенности Александрійцевъ и составлялъ гекзаметръ совершенно на гомеровскій ладъ; даже сравненія, періоды, картины народовъ и нравовъ подслушаны у оригинала, чѣмъ онъ много содѣйствовалъ толкованію древняго поэта. Напротивъ, Ликофронъ, извѣстный, какъ трагическій поэтъ, въ своей „Кассандрѣ„ изъ-за сплошной учености весьма теменъ и крайне труденъ для пониманія. Онъ даетъ напр. вмѣсто описанія странъ мало извѣстные разсказы, имѣющіе какое-нибудь къ нимъ отношеніе; есть у него мѣста, гдѣ онъ говоритъ о молніяхъ, которыя слышны, о крикахъ, которые видны, и т. п.

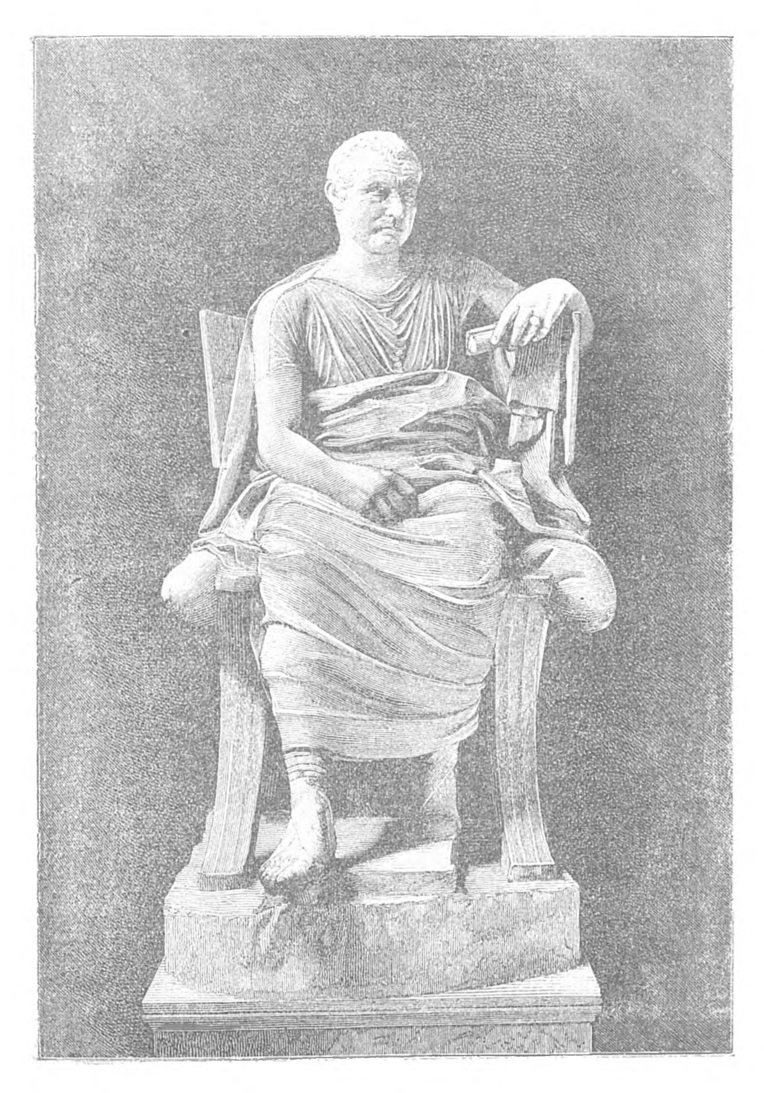
Произведенія другихъ трагическихъ поэтовъ, отъ которыхъ сохранились только отрывки, страдаютъ большей частью подобными же недостатками, какъ „Кассандра" Ликофрона.

Лучше обстояло дѣло съ комедіей. Не слѣдуетъ конечно при этомъ думать о какомъ-нибудь Аристофанѣ, который своимъ оригинальнымъ юморомъ не только возбуждалъ гомерическій смѣхъ, но и старался склонить весь народъ къ болѣе высокимъ цѣлямъ. Поэты Менандръ, Дифилъ и др. писали для большого свѣта; ихъ пьесы двигались частью вокругъ тонко построенныхъ интригъ, проведенныхъ съ остроуміемъ и юморомъ. Онѣ отличались ловкостью и гладкостью діалога и тонкой характеристикой и, можетъ быть, имѣли нѣкоторое сходство съ нашими современными комедіями. Къ сожалѣнію, отъ этихъ комедій сохранились лишь недостаточные отрывки.

Въ древнѣйшія времена прерывали хоровое пѣніе въ честь Діониса и Деметры смѣшными народными представленіями, гдѣ не одна народная острота, не одно удачное слово возвышало

праздничную веселость. Благородная трагедія позаимствовала у этого обычая сатирическую драму, составившую пріятное заключеніе представленія. Въ александрійскій періодъ и такой дивертисментъ являлся слишкомъ еще грубымъ и первобытнымъ; поэтому въ Сициліи изобрѣли мимы, предназначенныя не для сцены, а для чтенія характерныхъ картинокъ на здоровомъ, народномъ языкѣ, которыя отвергаютъ искусныя сплетенія и даже привлекательное, драматическое, развивающееся дѣйствіе вообще, чтобы въ немногихъ сценахъ въ діалогической формѣ описывать какой-нибудь характеръ, сословіе или обычай. Такого рода — буколическія или пастушескія стихотворенія Θеокрита (около 260), которыя называются также идилліями. Этотъ поэтъ жилъ частью въ Сиракузахъ при Гіеронѣ II, частью въ Александріи при первыхъ Птолемеяхъ; но не въ „куриномъ лукошкѣ“ музея сочинялъ онъ свои пѣсни, а въ качествѣ странствующаго пѣвца онъ далеко бродилъ по бѣлу свѣту, посѣщая чужія страны и людей. Его поэзія лилась изъ свѣжаго ключа природы и тревожнаго времени; она не искусственна, а все-же искусна, она правдива, не становясь плоской и пошлой. У поэта преимущественно выступаютъ сицилійскіе пастухи, но выводитъ онъ и рыбаковъ, горожанъ и воиновъ. Нѣкоторыя его стихотворенія распѣвались, поэтому въ нихъ встрѣчаются постоянно повторяющіеся стихи, какъ у насъ припѣвъ; большинство ихъ разсчитано было на дѣйствительное представленіе. Мы даемъ здѣсь нѣсколько образцовъ. Въ первой идилліи Θеокритъ воспѣваетъ смерть Дафниса, пастуха, извѣстнаго въ Сициліи своими пѣснями и умершаго отъ тоски по отнятой у него женѣ.

„Такъ начинайте же пѣснь, сельскія, милыя музы!
Гдѣ были вы, когда Дафнисъ съ тоски умиралъ, и гдѣ нимфы?
Или въ прелестной долинѣ Пенея, или на Пиндѣ?
Не были вы ни у водъ рѣки могучей — Анапа,
Ни на Этны вершинѣ, ни на священномъ Акидѣ.
  Такъ начинайте же пѣснь, вы сельскія, милыя музы!
Вѣдь рыдали по немъ и шакалы, рыдали и волки,
Левъ даже плакалъ по немъ въ кустарникѣ, какъ онъ палъ мертвый.
. . . .
Ну, кончайте же пѣснь, вы сельскія, милыя музы!
Такъ онъ сказалъ и умолкъ; ему Афродита хотѣла
Силы придать, но уже кончалась нить его жизни;

МЕНАНДРЪ

Мраморная статуя, открытая въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и сидячая статуя комическаго поэта Посидиппа, и хранящаяся въ Ватиканѣ (съ фотографіи). — На статуѣ Менандра нѣтъ надписи, тогда какъ на статуѣ Посидиппа таковая есть; но, кромѣ того, что онѣ находились вмѣстѣ, мы обладаемъ небольшимъ бюстомъ съ надписью, не оставляющемъ никакого сомнѣнія относительно названія, какое слѣдуетъ дать нашей статуѣ.

Къ Стиксу отправился Дафнисъ; охваченъ былъ шумомъ пучины
Тотъ, кого музы любили и милыя нимфы любили".

Въ „Волшебницѣ" (II идилліи) выступаетъ дѣвушка со своей рабыней, которая заклинаніями и всякими зеліями старается зачаровать измѣняющаго ей возлюбленнаго. Мы приводимъ начало:

„Лавры подай, Ѳестилида! Живѣй подавай-ка мнѣ чары!
Увѣнчай мнѣ главу пурпурнымъ цвѣткомъ усыпленья,
Я зачарую любовника, что меня такъ изобидѣлъ.
Ярко свѣти мнѣ, Селена! Тебѣ я въ тиши напѣваю
Также Гекатѣ подземной, собакъ что пугаетъ
Ночью, когда она ходитъ по крови и ямамъ умершихъ.
Страшной Гекатѣ привѣтъ! Пусть мнѣ до конца помогаетъ!"

Въ концѣ волшебница грозитъ, если заклинаніе не окажетъ пользы, отыскать ядовитыхъ травъ, чтобъ отправить бѣглеца въ подземное царство. Она говоритъ:

„Чарами я укрощу его; если-жъ еще разъ обидитъ,
То, клянусь мойрами, онъ во врата постучится Аида;
Вѣдь въ ларцѣ для него смертельные яды храню я,
Я, которую нѣкогда гость наставлялъ ассирійскій.
Такъ прощай же, богиня, коней ты направь къ океану;
Я свершу свое дѣло, какъ это я обѣщала.
Ты же, Селена, прощай, свѣтлощекая; звѣзды, прощайте,
Вы, провожатые для колесницы ночи спокойной".

Такія заклинанія въ то время не были рѣдкостью, и довольно часто прибѣгали къ отравѣ, когда не помогали чары. „Адоніазусы" (идиллія XV) очевидно являются выраженіемъ благоговѣнія, которое поэтъ свидѣтельствуетъ Птолемею и его супругѣ Арсиноѣ, восхваляя устами двухъ горожанокъ пышность царскаго двора и великолѣпіе празднества Адониса. Тутъ онъ вводитъ насъ прямо въ жизнь горожанъ въ Александріи. — Горго навѣщаетъ свою пріятельницу Праксиною, чтобъ пойти съ нею на празднество. (Переводъ Гнѣдича)

ГОРГО.

Дома, иль нѣтъ Праксиноя?

ЭВНОЯ.

Ахъ, Горго, какъ поздно ты!.. дома.

ПРАКСИНОЯ.

Диво, что ты и пришла. Пододвинь-ка ей кресло, Эвноя,
Брось и подушку.

ГОРГО.

Спасибо; ахъ, какъ хорошо!

ПРАКСИНОЯ.

Ну, сиди же!

ГОРГО.

Счастливы души безплотныя: я такъ насилу спаслася,
Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четверокъ, народу!
Все сапоги, да хламиды, все лишь военные люди.
Ну, да и путь—безъ конца! Далеко ты, мой другъ, поселилась.

ПРАКСИНОЯ.

Это все онъ, дуралей: на краю мнѣ свѣта здѣсь нанялъ
Нору, не домъ; и все для того, чтобъ съ тобою въ сосѣдствѣ
Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечитъ, злодѣй мой всегдашній!

ГОРГО.

Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про мужа
Вслухъ при ребенкѣ: смотри, какъ глаза на тебя онъ уставилъ.

ПРАКСИНОЯ.

Нѣтъ, мой Зопиріонъ, я говорю не про тятю, мой милый!

ГОРГО (*въ сторону*).

Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ. *(Вслухъ)*. Твой тятя прекрасенъ!

ПРАКСИНОЯ.

Этотъ тятя—вчера... (я вчерашнимъ всѣ дни называю)...
Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и селитры.
Что же принесъ онъ мнѣ?.. Соли!—въ тринадцать локтей мужчина!

ГОРГО.

Тоже сдѣлалъ точь въ точь Діоклидъ мой, пагуба денегъ!
Но надѣвай же ты платье и плащъ твой съ застежками новый;
Время, пойдемъ-ка въ палаты царя-богача Птолемея
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица готовитъ
Много прекраснаго.

ПРАКСИНОЯ.

Дивно ли? все у богатыхъ богато.
Ты-жь, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

ГОРГО.

Время однако отправиться: праздным всякій день праздникъ.

ПРАКСИНОЯ.

Эвноя, воды ключевой, и поставь посрединѣ; скорѣе жь!
Ахъ ты, нѣженка! Спать спокойно хотятъ ужь и кошки.
Двигайся-жъ, мигомъ воды! вода всего мнѣ нужнѣе.
Какъ она держитъ кувшинъ! Ну, давай! безтолковая, тише
На руки лей мнѣ! несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь.
Полно! Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась.

ГОРГО.

Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье
Съ частыми сборами! прелесть! А что оно стоитъ съ работой?

ПРАКСИНОЯ.

Лучше не спрашивай; чистымъ сребромъ поболѣе мины,
Или и двѣ; объ работѣ молчу: приложила всю душу.

(*Онѣ выходятъ на улицу*)

ПРАКСИНОЯ.

Боги, какая толпа!.. неужели должны перейти мы
Эту бѣду? Муравьи несчетные, нѣтъ и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птолемей, для народа ты сдѣлалъ
Послѣ того, какъ къ богамъ пріобщенъ твой родитель! Злодѣи
Путникамъ болѣ не страшны египетскимъ подлымъ коварствомъ.
Милая Горго... что съ нами будетъ? Воины сзади,
Конники царскіе скачутъ... Другъ мой, меня ты задавишь!
Сталъ на дыбы его рыжій!.. онъ дикъ совершенно, онъ бѣшенъ!..

ГОРГО (*къ старушкѣ*).

Ты изъ дворца, моя матушка?

СТАРУХА.

Да, мои дѣти.

ГОРГО.

Легко ли
Будетъ войти намъ?

СТАРУХА.

Съ попыткою въ Трою вошли аргивяне:
Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.

ГОРГО.

Ахъ, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!

ПРАКСИНОЯ.

Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвноя,
Руку возьми и держися ея, чтобъ отъ насъ не отстала.

(*Незнакомецъ помогаетъ женщинамъ въ давкѣ*)

ПРАКСИНОЯ.

Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!
Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!..

(*Онѣ во дворцѣ*)

ГОРГО.

Здѣсь, Праксиноя, на эти мы ткани прежде посмотримъ:
Какъ онѣ тонки, прекрасны! Творенiе Божiе, скажешь.

ПРАКСИНОЯ.

Дѣва Аѳина! какiя работали ихъ мастерицы?
Кто живописецъ, чертившiй прекрасные эти рисунки?
Точно, какъ будто стоятъ и какъ будто движутся люди!
Это живое, не тканое! Много ума въ человѣкѣ!
Самъ же—о, какъ онъ прекрасенъ лежитъ на серебряномъ ложѣ
Юный Адонисъ, первый лишь пухъ по ланитамъ разсыпавъ,
Многолюбезный Адонисъ, и въ самомъ Аидѣ любимый!

НЕЗНАКОМЕЦЪ (2-й).

Вы перестанете-ль, жалкiя, вздоръ болтать безконечный?
Горлицы... каждую рѣчь во весь ротъ распѣваютъ несносно!

ГОРГО.

Кто ты, другъ мой? и что тебѣ нужды, хоть мы и болтаемъ?
Слугамъ приказывай, ты сиракузянкамъ развѣ указчикъ?

ПРАКСИНОЯ.

Нѣтъ, сохрани, о Сладчайшая, насъ отъ владыки другого!

ГОРГО.

Молчи, Праксиноя: выходитъ Адониса славить
Дѣва аргивская, пѣснопѣвица, славная даромъ.

Пѣвица затѣмъ поетъ пѣснь во славу Афродиты и Адониса,

который ежегодно возвращается изъ подземного царства праздновать свое бракосочетаніе съ богиней. Она кончаетъ словами:

Милостивъ будь намъ, Адонисъ, и въ будущемъ годѣ возрадуй.
Нынѣ пришелъ ты, Адонисъ, и паки придешь намъ любезенъ.

ГОРГО.

Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! возратися опять намъ на радость.

Изъ приведенныхъ образцовъ видно, что въ этихъ идилліяхъ предлагались прелестныя жанровыя картинки, которыя привлекательны простотой и безыскусственной естественностью, но конечно не сравнимы съ грандіозными твореніями древняго времени. Кромѣ Ѳеокрита, высоко почитались сочинители идиллій Мосхъ и Біонъ, отъ которыхъ также сохранилось нѣсколько стихотвореній.

Остается еще сказать о научныхъ стремленіяхъ въ этомъ періодѣ. Покровительство царей и преобладающее умственное направленіе времени необыкновенно содѣйствовали отвлеченнымъ изслѣдованіямъ, а возроставшія потребности жизни во многихъ случаяхъ должны были имѣть послѣдствіемъ практическое ихъ примѣненіе.

Аристотель. Человѣкъ, который положилъ основаніе для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, который, обнимая всю область знанія своего времени, воспринялъ въ себя весь прежній опытъ и, исходя отъ него, съ необычайной проницательностью приходилъ къ самымъ поразительнымъ результатамъ, былъ Аристотель, учитель Александра Великаго.

Аристотель, родившійся (384) въ Стагирѣ, на часто упоминавшемся полуостровѣ Халкидикѣ, сначала посвятилъ себя врачебной наукѣ, такъ какъ отецъ его былъ врачомъ при дворѣ македонскаго царя Аминты II. По смерти своихъ родителей, на семнадцатомъ году жизни онъ отправился въ Аѳины, гдѣ въ теченіе двадцати лѣтъ слушалъ Платона, а затѣмъ, когда вспыхнула война между Филиппомъ и Аѳинами, онъ отправился къ Герміи, Атарнейскому царю, въ эолійскую Малую Азію, и по его паденіи—въ Митилену на Лесбосѣ (346). Призванный оттуда царемъ

Филиппомъ для воспитанія его сына, онъ впослѣдствіи вернулся въ свои любимыя Аѳины, гдѣ въ тѣнистыхъ аллеяхъ Ликея онъ училъ утромъ своихъ ближайшихъ учениковъ, а вечеромъ всякаго любознательнаго (343). При этомъ онъ со своими слушателями ходилъ взадъ и впередъ, изъ-за чего ихъ называли перипатетиками (гуляющими). Его великій воспитанникъ любилъ его, какъ отца своего, и поддерживалъ его въ его изслѣдованіяхъ крупными денежными суммами и важными сообщеніями изъ отдаленныхъ странъ. Въ болѣе поздніе годы однако онъ, повидимому, изъ-за дружественной связи Аристотеля съ Антипатромъ сталъ недовѣрчивъ къ нему. По смерти Александра, въ Аѳинахъ нашлись люди, которые изъ религіознаго рвенія хотѣли привлечь къ суду глубокомысленнаго изслѣдователя, какъ прежде Сократа; но философъ не питалъ охоты до кубка съ цикутой и переселился въ Халкиду на Эвбеѣ, гдѣ въ томъ же году и скончался (322).

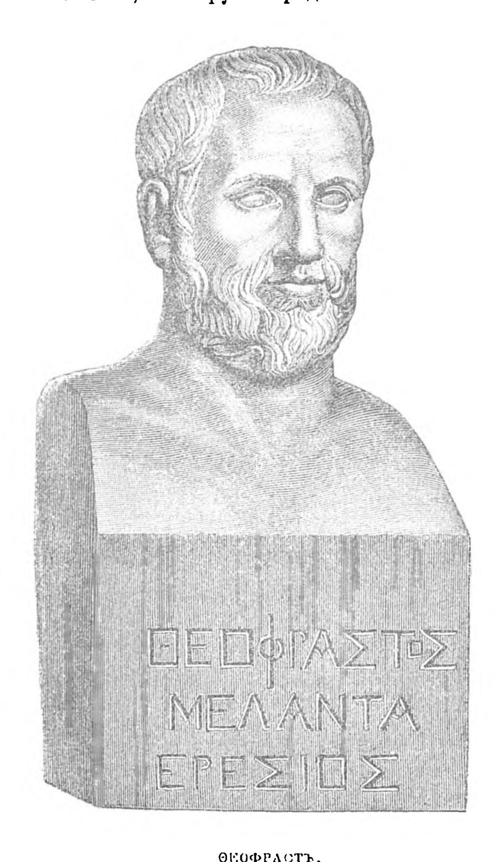

АРИСТОТЕЛЬ

Античная статуя, находящаяся въ палаццо Спада въ Римѣ.

Изъ многочисленныхъ сочиненій Аристотеля многія потерялись. Дѣло въ томъ, что, какъ разсказываютъ, всѣ свои рукописи онъ оставилъ преданнѣйшему ученику своему Ѳеофрасту. Тотъ передалъ ихъ по наслѣдству другу своему Нелею, потомки котораго хранили ихъ, какъ дорогое фамильное добро въ подземномъ склепѣ. А здѣсь много сочиненій невозвратно было уничтожено сыростью и молью. Въ изслѣдованіяхъ глубокаго мыслителя опытъ, дѣйствительно существующее, образуютъ осно-

ваніе, между тѣмъ, какъ все, принадлежащее фантазіи, отвергается. Такимъ образомъ, отъ него ускользаетъ прелесть поэтическаго изложенія, которую представляетъ Платонъ; зато всюду онъ

Θеофрастъ.

Бюстъ виллы Альбани въ Римѣ.

показываетъ достижимое въ его истинномъ видѣ. Если поэтому въ позднѣйшее время арабскіе и также христіанскіе ученые среднихъ вѣковъ схоластики) изъ его сочиненій заимствовали темы для многихъ безполезныхъ мудрствованій, то это происходило отъ того, что они не понимали имъ изложеннаго. Особенно важными были и остаются его книги о математикѣ; ибо на нихъ покоятся послѣдующіе успѣхи въ этой наукѣ. Аристотель первый отдѣлилъ чистую математику отъ прикладной, механики, физики, астрономіи, химіи, которыя всѣ онъ трактовалъ самостоятельно. Между прочимъ въ нихъ онъ объясняетъ круговое движеніе двумя силами, стремленіемъ къ центру и стремленіемъ удалиться отъ него, что совпадаетъ съ центростремительной и центробѣжной силой, открытой новѣйшею наукой. Изъ этого онъ развиваетъ мысль о необходимости шарообразной формы вселенной и

земли въ частности, которую онъ по отношенію къ послѣдней доказываетъ въ то же время и тѣнью земли при лунныхъ затменіяхъ. Въ своемъ ученіи о душѣ онъ говоритъ, что душа не тѣло, но и не можетъ быть безъ тѣла, потому что она можетъ быть мыслима только какъ дѣятельность и какъ совершенная сущность опредѣленнаго тѣла.

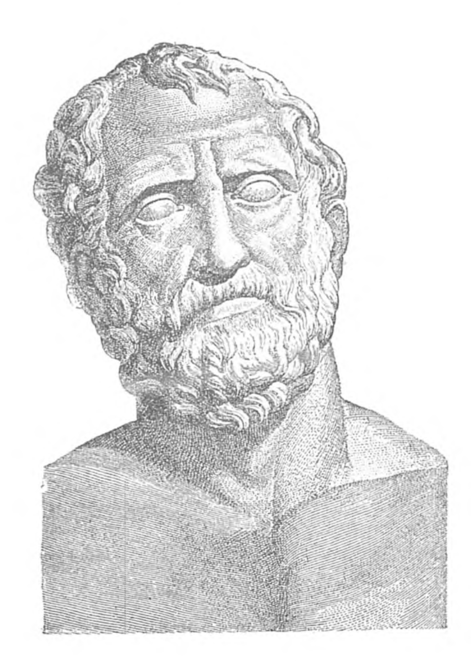
ЭПИКУРЪ

Бюстъ въ залѣ философовъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Какъ Аристотель заслуживаетъ удивленія въ своей естественной исторіи и своей физикѣ своею тонкою наблюдательностью, такъ онъ въ своей логикѣ отличается правильнымъ изложеніемъ законовъ мышленія. Онъ на этомъ основалъ свои книги объ искусствѣ краснорѣчія, о государственномъ устройствѣ и о государствѣ въ частности. Въ сочиненіяхъ о государствѣ онъ училъ, что собственно существуетъ только три рода государственнаго устройства, именно, когда одинъ, немногіе, многіе (монархія, аристократія, равноправное гражданство) правятъ ради общаго блага, и три выродившіяся формы его, именно, когда одинъ, немногіе, многіе (деспотія, олигархія, демократія) правятъ ради ихъ собственнаго блага. — Въ тѣсной связи съ этими сочиненіями стоитъ ученіе о нравственности. Аристотель говоритъ относительно этого, что опредѣленіе добра и зла въ устройствѣ государствъ то-же самое, какъ и опредѣленіе добра и зла въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка.

О томъ, какое истинное и возвышенное понятіе имѣлъ великій философъ о жизни и существѣ человѣка, можно судить по слѣ-

дующему мѣсту: „Всякій думаетъ, что обладаетъ добродѣтелью, какъ бы мала ни была его доля въ ней; богатства же, власти и славы ищутъ въ избыткѣ. Тѣмъ, кто раздѣляетъ это заблужденіе, я замѣчу, что ихъ легко можетъ вразумить опытъ, который показываетъ имъ, что такими благами они не сохраняютъ за собой своихъ добродѣтелей, но посредствомъ добродѣтелей сохраняютъ эти блага. Точно также они могутъ научиться тому, состоитъ ли блаженная жизнь человѣка болѣе въ его добродѣтели, или болѣе во внѣшнемъ благосостояніи. Они найдутъ, что счастье можно всегда скорѣе застать у такихъ, кто отличается свойствами разума и сердца, и кто владѣетъ внѣшними благами лишь въ незначительной мѣрѣ, чѣмъ у тѣхъ, которые послѣднихъ имѣютъ больше, чѣмъ имъ нужно, но бѣдны первыми. Далѣе: „Блаженство не есть состояніе; ибо если-бы оно было таковымъ, то имъ можно бы было также наслаждаться, ведя жизнь растительную. Но оно есть дѣятельность, которой ищутъ ради нея самой, а не для внѣшнихъ цѣлей. Такого рода собственно всѣ добродѣтельные поступки; ибо дѣлать добро нужно стараться ради него самого. Но такого же рода и увеселенія. Обычное представленіе о блаженствѣ поэтому многихъ людей вводитъ въ заблужденіе, ибо они ищутъ счастія въ увеселеніяхъ. Однако, не слѣдуетъ думать, что такія

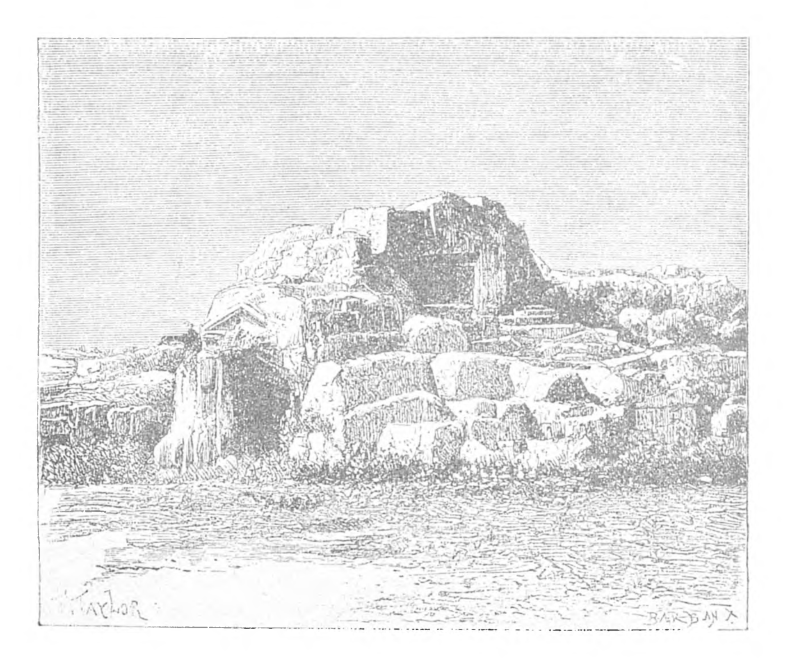

ЗЕНОНЪ
АНТИЧНЫЙ БЮСТЪ.

наслажденія заслуживаютъ предпочтенія. Вѣдь и дѣти того мнѣнія, что то, что имъ всего милѣе, должно быть и самымъ лучшимъ. Какъ взрослый человѣкъ и мальчикъ придаютъ цѣну совершенно различнымъ предметамъ, точно такъ различно смотрятъ на вещи обыкновенный человѣкъ и тотъ, которому досталась болѣе благородная натура и образованіе".—А что касается представленія Аристотеля о мірѣ и его происхожденіи, то онъ представлялъ его себѣ вѣчнымъ, а не возникшимъ случайно или отъ безсознательной силы природы, природу же, совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ вещей, безъ начала и конца, приводимою въ движеніе внутренней силой. Причина этого творческаго движенія есть для него божество, вполнѣ блаженное, потому что оно наслаждается совершеннѣйшей дѣятельностью.

Насъ завлекло бы слишкомъ далеко, если бы мы пожелали глубже войти въ изслѣдованія этого философа. Но изъ вышеприведеннаго ясно, что онъ, благодаря проницательности своей мысли и обширной своей дѣятельности, завоевалъ для науки широкое царство ума, какъ его царственный воспитанникъ хотѣлъ основать своимъ оружіемъ земное міровое царство, оживить и одушевить его греческой культурой. Созданіе Александра распалось, потому что смерть слишкомъ рано отозвала его съ арены дѣятельности; созданіе же Аристотеля было долговѣчно, и его сокровища имѣли основное значеніе для умственныхъ изслѣдованій всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Но это было царствомъ только для знающихъ и ученыхъ, царствомъ знанія, которые не давало удовлетворенія сердцу. Народы продолжали жить, какъ и прежде, въ тупомъ суевѣріи или въ разрушительномъ безвѣріи. Какъ было имъ достигнуть своего мира? И вотъ тутъ чувствуешь себя поднятымъ радостнымъ чувствомъ, когда замѣчаешь, какъ Провидѣніе малыми съ виду средствами совершило избавленіе человѣческаго духа отъ его приниженнаго состоянія. Ибо люди, не покрытые пурпуромъ, не вооруженные ученостью, бѣдные рыбаки, мытари, ремесленники, разошлись по всему міру со словомъ истины и съ дѣломъ любви и основали новое царство для высшихъ и низшихъ, для царей и рабовъ; они дали міру иныя формы, иные законы, они принесли ему то, что онъ утратилъ: вѣру, любовь и надежду.

Эпикуръ. Зенонъ. Въ одно время съ Аристотелемъ и послѣ него жили еще два философа, имѣвшіе большое вліяніе на своихъ современниковъ, а впослѣдствіи на господствовавшихъ надъ міромъ римлянъ, именно Эпикуръ и Зенонъ. Первый училъ въ принадлежавшемъ ему саду въ Аѳинахъ. Онъ сохранялъ не-

РАЗВАЛИНЫ, НАЗЫВАЕМЫЯ МОГИЛОЮ АРХИМЕДА ВЪ СИРАКУЗАХЪ (РИСУНОКЪ ПО ФОТОГРАФІИ).

возмутимую ясность души во время долгой, мучительной болѣзни, положившей конецъ его жизни въ возрастѣ 72 лѣтъ. Свою философскую систему онъ построилъ на принципахъ основанной Аристиппомъ киренской школы, хотя онъ воздерживался отъ ихъ распутныхъ выводовъ. Во главѣ своей системы онъ поставилъ положеніе, что самое высшее благо, къ которому слѣдуетъ стремиться, есть благополучіе тѣла и души, которое можетъ быть достигаемо только мудростью и добродѣтелью; порокъ же, какъ

несовмѣстимый съ благополучіемъ, именно поэтому и достоинъ презрѣнія. Его приверженцы, эпикурейцы, облегчили себѣ задачу. Они видѣли въ утонченномъ посредствомъ науки и искусства наслажденіи жизнью высшее благо и поэтому первѣйшую цѣль человѣческихъ стремленій.

Противъ этого эпикуреизма рѣшительно выступилъ Зенонъ изъ Китія на Кипрѣ (300). Онъ собиралъ своихъ приверженцевъ въ разноцвѣтной (пе́киле) стоѣ (галлереѣ) въ Аѳинахъ, почему ихъ называли стоиками. Зенонъ очистилъ и облагородилъ философію киниковъ. По его мнѣнію, матерія есть мертвая масса міра, облагороженная, проникнутая и одушевленная божествомъ или всеобщей умственной силой, такъ что законы природы не что иное, какъ божественные законы. Задача человѣка—познавать ихъ и соображать съ ними свою жизнь. Поэтому нравственность является единственнымъ зломъ, между тѣмъ какъ ни чувственныя наслажденія не могутъ называться благами, ни страданія и даже смерть—бѣдами. Вліяніе обѣихъ философскихъ школъ простиралось, какъ сказано, и на позднѣйшее римское время.

Естественныя науки. Изслѣдованія Аристотеля въ естественной наукѣ и математикѣ ученые александрійскаго времени продолжали далѣе. Прежде всего научно обоснована была медицина. Освободились отъ предразсудка противъ разрѣзыванія мертвыхъ тѣлъ и занялись анатоміей, особенно въ Александріи; тамъ людямъ науки охотно доставлялись трупы для ихъ изслѣдованій. Такъ-же основательно занимались ботаникой и другими отраслями естествознанія. Возникли значительныя медицинскія школы въ Египтѣ, Малой Азіи, на островѣ Косѣ, гдѣ нѣкогда училъ уже Гиппократъ, и въ другихъ мѣстахъ.

Математическими науками занимались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и по такому методу, который никогда вѣроятно не утратитъ своей силы. Основателемъ этого метода былъ знаменитый Эвклидъ въ Александріи. Въ его книгахъ о геометріи, стереометріи и ариѳметикѣ одно положеніе выводится изъ другихъ, и доказательства ведутся всѣ съ величайшей строгостью. Когда первый Птолемей пожелалъ для себя болѣе легкаго метода, Эвклидъ сказалъ: „Для царей нѣтъ особаго пути къ геометріи“.

Аратъ, другой ученый, по астрономическому сочиненію

прежняго времени описалъ звѣздное небо въ поэмѣ, ставшей руководствомъ для всѣхъ образованныхъ людей. Какъ ни неполны описанія въ немъ, все-же люди науки не пренебрегали объяснять его, такъ какъ оно было всюду распространено. Эратосѳенъ по своей многосторонней учености и обширнымъ познаніямъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ людей всей греческой древности. Онъ пытался найти окружность земли посредствомъ измѣренія въ градусахъ разстоянія между Александріей и Сіеной на границѣ Верхняго Египта и Эѳіопіи. Хотя это измѣреніе по несовершенству инструментовъ должно было выйти очень неточнымъ, все-же оно замѣчательно, какъ первое, какое было вообще предпринято.

Архимедъ сдѣлалъ еще большее. Онъ былъ родственникомъ царя Гіерона Сиракузскаго, который постоянно былъ въ сношеніяхъ съ учеными въ Александріи. Во всѣхъ отдѣлахъ низшей и высшей математики, механики и гидростатики онъ сдѣлалъ важнѣйшія изобрѣтенія и открытія и показалъ ихъ практическое примѣненіе. Между прочимъ, онъ нашелъ отношеніе діаметра къ окружности круга. Онъ принялъ отношеніе 7 къ 22, чего достаточно для примѣненія въ обыденной жизни. Съ неменьшей проницательностью онъ опредѣлилъ, что объемъ шара составляетъ двѣ трети описаннаго вокругъ него цилиндра, и что парабола находится въ такомъ же отношеніи къ описанному вокругъ нее прямоугольнику. Онъ училъ, что не только количество морского песку, но и масса песчинокъ величиной во вселенную могли бы быть выраженными въ числахъ, если числа выражать постоянно повторяющимся знакомъ. Этимъ онъ подошелъ очень близко къ общепринятой теперь арабской системѣ чиселъ. Теорію составного блока, рычага и винта и примѣненіе ихъ въ практической жизни онъ развилъ съ большой проницательностью. Онъ говорилъ, что даже землю можно бы было сдвинуть, еслибъ внѣ ея можно было найти точку опоры для рычага. Царь Гіеронъ пожелалъ, чтобъ ему опредѣлили количество серебра, примѣшаннаго въ коронѣ его къ золоту. Архимедъ размышлялъ объ этомъ, и, находясь въ ваннѣ, открылъ, что два тѣла одинаковаго объема и тяжелѣе жидкости, въ которую они погружаются, теряютъ въ ней одинаковую часть вѣса. Онъ тотчасъ же понялъ, что посредствомъ этого положенія сможетъ рѣшить

задачу царя, и, какъ былъ, неодѣтый, съ восклицаніемъ: „Нашелъ!“ поспѣшилъ въ свою комнату для занятій. Въ возрастѣ 75 лѣтъ Архимедъ защищалъ еще свой родной городъ, осажденный римлянами, своими машинами (212 г.). Когда городъ, наконецъ, былъ взятъ приступомъ, его поразилъ мечъ римскаго воина, не догадывавшагося, какую благородную жизнь онъ разрушалъ преступною рукой.

Гиппархъ, знаменитый астрономъ, достойнымъ образомъ примыкаетъ къ этому превосходному математику. Онъ жилъ и училъ въ Родосѣ и Александріи. Опираясь на прежнія изслѣдованія, онъ развивалъ ученіе тригонометріи, т.-е. искусства измѣренія посредствомъ треугольниковъ. Это было крупнымъ успѣхомъ въ научномъ отношеніи, хотя полнаго примѣненія еще нельзя было дѣлать изъ-за неуклюжести системы счисленія древнихъ. Онъ вычислилъ пути солнца (правильнѣе земли) и луны, опредѣлилъ солнечный годъ такъ точно, что ошибся только на нѣсколько минутъ противъ нынѣшняго опредѣленія, научилъ предсказывать солнечныя и лунныя затменія и показалъ, наконецъ, какъ неподвижныя звѣзды, хотя постоянно и сохраняютъ свое положеніе относительно другъ друга, все-таки кажутся подвигающимися съ запада на востокъ. Это открытіе дало возможность звѣзды, которыя разъ были наблюдаемы и опредѣлены, отыскать спустя столѣтія. Еще важнѣе было его наблюденіе надъ географической долготой и широтой отдѣльныхъ звѣздъ, и примѣненіе этого опредѣленія долготы и широты къ городамъ и странамъ. Черезъ это стали возможными чертежи картъ, и не менѣе того судоходство и торговля получили бо́льшую безопасность и распространеніе. Ибо теперь морякъ уже не блуждалъ на-удачу по морю, а караванъ по пустынѣ, но звѣзды стали вѣрными путеводителями, такъ какъ время ихъ восхода и захода и прохожденія ихъ черезъ меридіанъ были опредѣлены для каждой мѣстности.

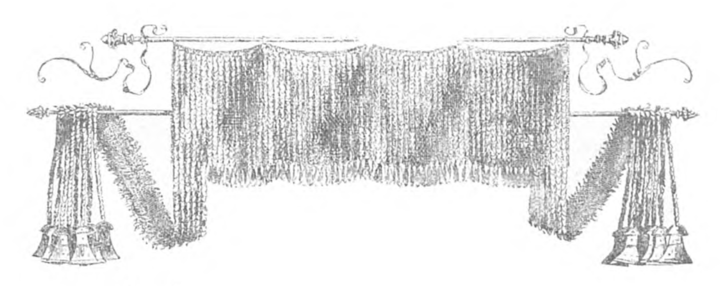
Уже ранѣе сдѣлана была смѣлая попытка измѣрить пространства, отдѣляющія небесныя тѣла отъ земли; но Гиппарху было суждено найти методъ, съ помощью котораго стало возможнымъ рѣшеніе этой задачи. Прежде всего для него вопросъ шелъ объ опредѣленіи разстоянія солнца. Вотъ онъ представилъ себѣ треугольникъ, образованный радіусомъ земли и двумя линіями, изъ которыхъ одна проведена къ солнцу изъ центра земли,

а другая отъ мѣста наблюденія. Уголъ, образуемый обѣими линіями на самомъ солнцѣ, называли и называютъ параллаксомъ. Если наблюдаемая звѣзда стоитъ на горизонтѣ, то уголъ долженъ быть наибольшимъ и тогда называется горизонтальнымъ параллаксомъ. Величина этого послѣдняго угла зависитъ опять отъ разстоянія звѣзды. Онъ является тѣмъ большимъ, чѣмъ ближе данное небесное тѣло. У неподвижныхъ звѣздъ онъ исчезаетъ, потому что по причинѣ огромнаго разстоянія обѣ стороны представляются параллельными прямыми. Лишь въ новѣйшее время открыли горизонтальные параллаксы и у нѣкоторыхъ неподвижныхъ звѣздъ. Гиппархъ нашелъ для угла въ солнцѣ три минуты, тогда какъ онъ вѣдь содержитъ только восемь секундъ; значитъ, онъ принималъ разстояніе солнца въ $22^1/_2$ раза меньшимъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ, но все-таки своимъ вычисленіемъ предначерталъ путь, которымъ можно было рѣшить задачу. Почти 2000 лѣтъ не выходили изъ предѣловъ добытыхъ имъ результатовъ. Лишь Коперникъ, Кеплеръ и Ньютонъ стали строить дальше на его основаніи, а въ новѣйшее время и въ этой области знанія сдѣланы сильные успѣхи. Такъ, духъ человѣческій въ великомъ зданіи науки кладетъ одинъ камень къ другому, ибо однажды добытые результаты не теряются; приходитъ надлежащее время, они отыскиваются и служатъ основой для новыхъ изслѣдованій и болѣе правильныхъ открытій.

Послѣ Гиппарха математическими науками въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ еще занимались въ Александріи, и Юлій Кесарь, исправившій римскій календарь, долженъ былъ призвать въ Римъ ученаго Сосигена изъ александрійской школы, чтобы исполнить свое намѣреніе съ его помощію, такъ какъ римляне совершенно были неопытны въ такихъ изслѣдованіяхъ. Преимущественно достоинъ упоминанія во второмъ вѣкѣ Клавдій Птолемей въ Александріи, который особенно примѣнялъ математику къ географіи и оставилъ много сочиненій, сохранившихся частью въ арабскихъ переводахъ. Онъ привелъ открытія Гиппарха въ систему, извѣстную какъ „Птолемеева“. Онъ предполагалъ, что шарообразная земля неподвижно покоится по срединѣ также шарообразной вселенной, и что солнце, луна, планеты и неподвижныя звѣзды двигаются вокругъ нихъ. Неправильность этой системы давно сознана; однако, изъ такихъ стремленій видно,

что эллинскій геній все еще шевелилъ своими крыльями. Энергію и многосторонность свойственной греческому народу умственной силы знаменуетъ то еще, что во время государственнаго упадка эллинства александрійскіе ученые своими изслѣдованіями пріобрѣли потомству капиталъ, который все еще продолжаетъ приносить проценты для науки и жизни.

Золотой головный уборъ въ формѣ повязки для лба. Состоитъ изъ близко нанизанныхъ другъ около друга цѣпочекъ изъ золотыхъ листочковъ съ болѣе крупными листочками внизу, и болѣе длинными цѣпочками по бокамъ. Найденъ Шлиманомъ въ Гиссарликѣ (Троя).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

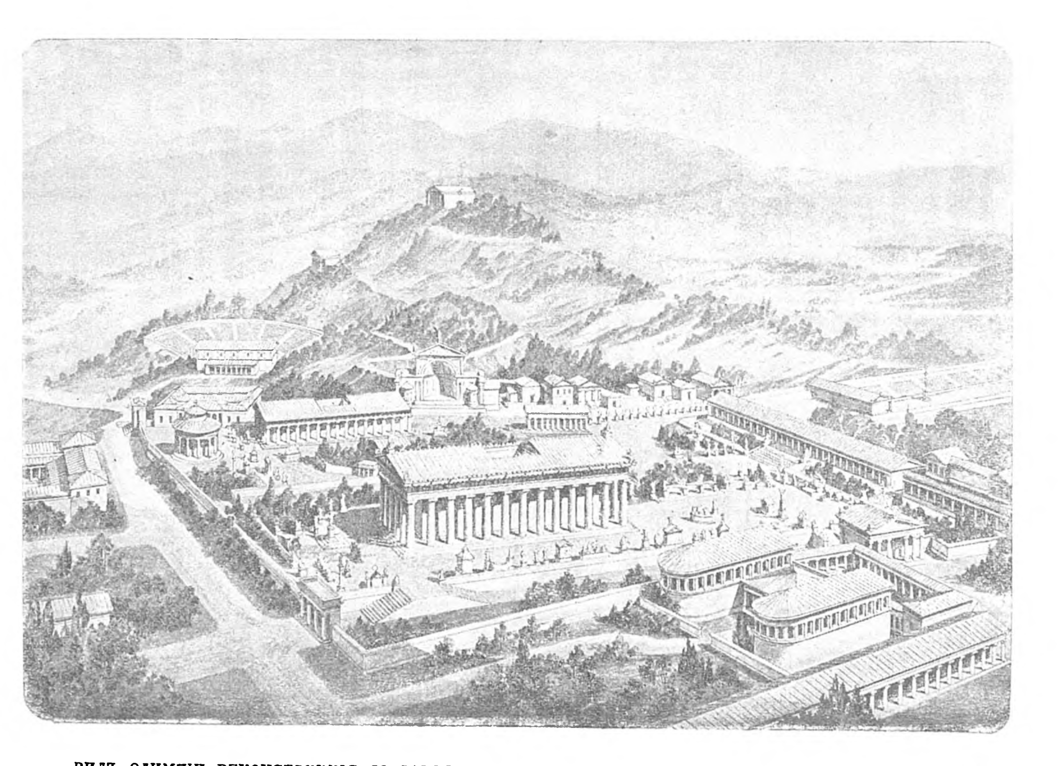
ИЗЪ НѢДРЪ ЗЕМЛИ НА БѢЛЫЙ СВѢТЪ

РАСКОПКИ ВЪ МѢСТАХЪ ДРЕВНЕКЛАССИЧЕСКИХЪ РАЗВАЛИНЪ

РАСКОПКИ ВЪ ОЛИМПІИ

Но прежде, чѣмъ мы простимся съ нашими любезными читателями, они еще разъ должны послѣдовать за нами въ древнюю Элладу, и притомъ въ Олимпію, къ самому достопочтенному святилищу эллинскаго міра, гдѣ собирались обыкновенно всѣ племена, чтобъ почтить отца боговъ и людей жертвоприношеніями и праздничными играми. Мы говорили объ этомъ уже на стр. 322 и слд.; но въ новѣйшее время тамъ копались и работали здоровые люди, подъ руководствомъ нѣмецкихъ ученыхъ, чтобы съ помощью науки извлечь все, что осталось еще среди мусора и развалинъ отъ произведеній, созданныхъ эллинскимъ геніемъ.

Послѣ освобожденія Греціи отъ турецкаго ига, французскіе ученые въ 1829 г. предприняли первыя изслѣдованія на почвѣ Олимпіи и во время своихъ раскопокъ, длившихся лишь шесть недѣль, среди другихъ скульптурныхъ остатковъ извлекли на бѣ-

ВИДЪ ОЛИМПІИ. РЕКОНСТРУКЦІЯ ПО ДАННЫМЪ ПОСЛѢДНИХЪ РАСКОПОКЪ АРХИТЕКТОРА РЕЛЕНДЕРА.

лый свѣтъ три плитки метоповъ съ изображеніемъ подвиговъ Геракла. Такимъ образомъ, богатыя сокровища едва были тронуты и еще цѣлыми десятилѣтіями оставались скрытыми въ глубинѣ. Лишь вновь возникшей Германской имперіи предоставлено было извлечь ихъ въ большей полнотѣ. Имперское правительство въ 1874 г. заключило договоръ съ греческимъ, въ силу котораго первое приняло на себя издержки по раскопкамъ, а греческое правительство — пріобрѣтеніе земли, надзоръ и охрану работъ. Въ обладаніи находками должна была оставаться Греція, а Германія — имѣть исключительное право дѣлать ихъ отливки. Работы начались 4-го октября 1875 г.

Для дополненія и исправленія того, что мы говорили объ Олимпіи на стр. 322 и 498, мы напередъ должны вкратцѣ разсмотрѣть прежнее состояніе и притомъ принять въ разсчетъ сообщенія Павсанія (Павсаніи), жившаго во 2-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. при Адріанѣ и Антонинахъ, а равно и результаты прежнихъ раскопокъ.

„Въ древнѣйшее время въ области Олимпіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ Эллады, жило племя пелазговъ, занималось скуднымъ земледѣліемъ, пасло свои стада и почитало боговъ по образу предковъ. Тогда однажды съ сѣвера черезъ горы понесся сюда Кроніонъ въ темной грозовой тучѣ и пламенной молніей разсѣкъ землю. Испуганные пастухи прибѣжали, увидѣли разверзтую пропасть и построили тутъ богу святилище, гдѣ они съ той поры совершали жертвоприношенія и игры. Они назвали сѣверныя горы Олимпомъ, а передовыя высоты ихъ, куда ударила молнія, холмомъ Кроніона. Часто въ глубинѣ слышны были чудные голоса, которые свѣдущіе въ этомъ жрецы толковали, какъ оракулы. Поэтому мѣсто это стало извѣстнымъ на широкомъ пространствѣ. Когда впослѣдствіи сюда пришелъ Гераклъ, онъ устроилъ порядокъ въ празднествахъ въ честь своего отца и насадилъ въ равнинѣ, расположенной впереди Олимпіи, оливковыя и платановыя деревья“.

Такъ повѣствуетъ сказаніе о возникновеніи святилища. По вторженіи дорянъ въ Пелопоннесъ, союзники ихъ, этоляне, заняли плодоносныя поля Элиды, а граждане города Писы имѣли надзоръ надъ олимпійскимъ празднествомъ, пока они послѣ долгой борьбы не были осилены элейцами. Послѣдніе впредь съ короткимъ перерывомъ оставались въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ во

владѣніи Олимпіей и подъ верховенствомъ Спарты управляли священными играми.

Послѣ персидскихъ войнъ, простого храма Зевса Кроніона не было уже достаточно: его нужно было устроить достойнѣе великаго побѣдоноснаго бога. Поэтому рѣшено было построеніе новаго храма, которое начато было подъ руководствомъ туземнаго архитектора Либона вскорѣ послѣ 469 г. и закончено около 430 г., включительно со всей пластической обстановкой, порученной Фидіи и его товарищамъ.

Площадь Олимпіи, мѣсто святилища пелопоннесскаго союза, духовное средоточіе всей эллинской націи, это—красиво окруженная горами и рѣками долина. На сѣверъ лежитъ Олимпъ, самый южный отрогъ котораго, господствующій надъ Олимпійской равниной, далеко вдается въ долину. На западѣ межъ глубокихъ склоновъ и дикихъ ущелій течетъ быстрая рѣчка Кладей, которая сливаетъ свои воды съ вытекающимъ изъ горъ Аркадіи Алфеемъ; послѣдній, многократно извиваясь, течетъ съ востока на западъ и образуетъ южную границу равнины.

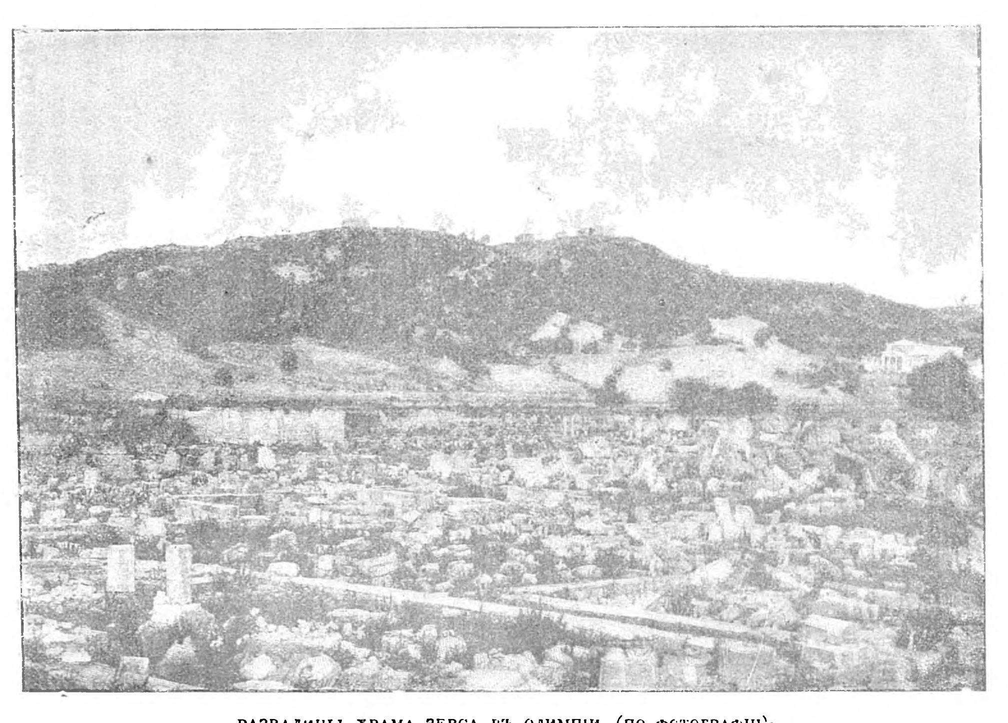
Алтисъ. Посвященный богамъ участокъ, по имени Алтисъ, имѣетъ форму неправильнаго четырехугольника, въ длину имѣетъ приблизительно 250 m. (=117 саженей), въ ширину 260 m. (=94) и со всѣхъ сторонъ окруженъ стѣной. Между южной стѣной Алтиса и русломъ Алфея остается свободнымъ довольно обширное пространство, на которомъ находились жилища жрецовъ и храмовыхъ служителей, мастерскія художниковъ и во время праздничнаго торжества большое количество палатокъ, лавокъ, харчевенъ и гостиницъ для чужестранцевъ, во множествѣ сюда стекавшихся. Двѣ дороги вели пилигримовъ на мѣсто празднества, гдѣ каждый четвертый годъ происходило празднованіе знаменитыхъ игръ: одна изъ Аркадіи, для пелопоннесцевъ, между рѣкой и стѣной, другая изъ Элиды черезъ мостъ, соединяющій берега ручья Кладея; обѣ сходились передъ входными воротами на югозападной сторонѣ.

Входимъ вмѣстѣ съ праздничнымъ шествіемъ чрезъ великолѣпный шестиколонный порталъ въ южный Алтисъ. Передъ нашими глазами развертывается роща оливковыхъ деревьевъ, платановъ, серебристыхъ тополей и пальмъ, между которыми густыми рядами наставлена масса обѣтныхъ приношеній. Эллинскія племена и

города наперерывъ старались украсить это мѣсто величайшимъ блескомъ. Вокругъ храмовъ и другихъ священныхъ построекъ тѣсными кучами были наставлены безчисленныя изображенія боговъ и героевъ, статуи олимпійскихъ побѣдителей, группы животныхъ на мраморныхъ цоколяхъ, треножники, колонны цвѣтного мрамора, на которыхъ были развѣшаны бронзовыя доски съ важными грамотами о государственныхъ договорахъ и т. д., и многое другое.

Храмъ Зевса. Слѣдуемъ за шествіемъ участниковъ въ празднествѣ. Сейчасъ-же справа отъ входнаго портика стоитъ маслина, съ которой золотымъ ножомъ срѣзывались вѣтви съ тонкой листвой на вѣнки для побѣдителей. Приблизительно средину огражденнаго стѣной священнаго участка занимаетъ Олимпіей, храмъ Олимпійскаго Зевса, національное святилище всѣхъ эллинскихъ племенъ. Лѣстница ведетъ насъ на площадку, на которой возвышается этотъ храмъ Зевса, покоющійся на могучемъ фундаментѣ со ступенями и видимый на далекое разстояніе. Лицевая сторона обращена на востокъ. Все зданіе окружаетъ простая дорійская колоннада. Это, значитъ, периптеръ, и притомъ образуемый шестью могучими колоннами на каждой фронтонной сторонѣ и тринадцатью по бокамъ. Въ длину онъ имѣетъ 64,73 m. (30 саженей), въ ширину 27,73 m. (13 саженей), и отъ самой нижней ступени до гребня крыши приблизительно 22 m. (10,3 сажени) высоты. Фронтоны увѣнчаны были двумя позолоченными богинями побѣды, а по угламъ ихъ, въ качествѣ пластическихъ украшеній, помѣщено было по одному позолоченному котлу. Части храмового зданія были изъ раковистаго известняка сосѣднихъ ломокъ, шероховатая поверхность котораго покрыта была штукатуркой, частью расписанной орнаментами.

Праотецъ Зевсъ, котораго мастерская рука Фидія изобразила въ божественномъ величіи и могуществѣ, соединенныхъ съ снисходительной кротостью, сидѣлъ въ cella на украшенномъ съ изысканной роскошью креслѣ изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, и пилигримъ съ благоговѣніемъ вступалъ, черезъ богато наполненное обѣтными дарами преддверіе, въ „святая святыхъ“, гдѣ хоры жрецовъ въ праздничныхъ гимнахъ восхваляли дарователя побѣды, подателя всѣхъ благъ. Наосъ, внутренность храма, былъ двумя рядами стройныхъ доридскихъ колоннъ, по семи въ каждомъ,

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА ЗЕВСА ВЪ ОЛИМПІИ (ПО ФОТОГРАФІИ).

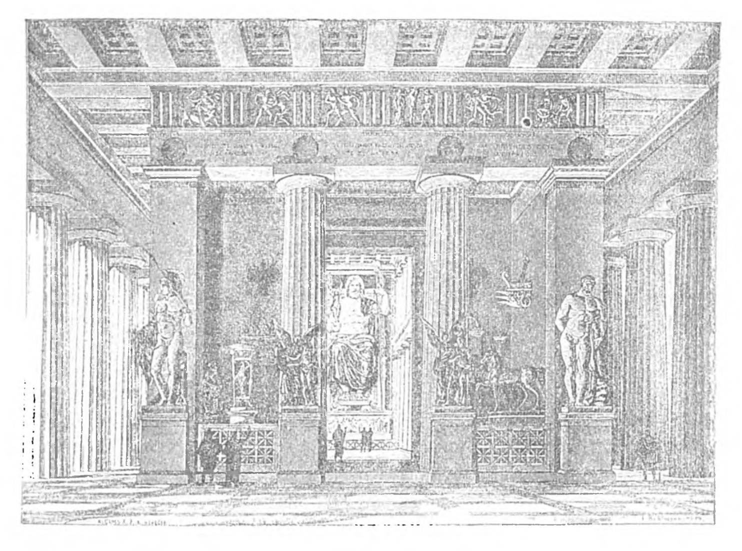
раздѣленъ на три корабля, въ среднемъ изъ которыхъ, въ западномъ его концѣ, на высокомъ фундаментѣ стояло изображеніе Олимпійца, блиставшее золотомъ и слоновой костью. Великолѣпный, разотканный рисунками коверъ въ непраздничное время закрывалъ бога отъ мірского глаза. Соединенныя посредствомъ плоскихъ антъ съ поперечными стѣнами внутреннія колонны поддерживали верхній этажъ, къ которому вели деревянныя витыя лѣстницы справа и слѣва отъ входа. Къ задней стѣнѣ cella примыкалъ описѳодомъ, съ двумя колоннами между антами и съ бронзовыми рѣшетками подобно пронаосу. Средній корабль cella вымощенъ былъ мраморными плитами, боковые корабли имѣли полъ штукатурный; мозаичный полъ сѣней изображалъ тритоновъ, окруженныхъ красиво переплетающимися лозами. Передъ срединой восточнаго фасада храма на возвышенной площадкѣ стоялъ большой жертвенникъ, къ которому съ востока вела широкая лѣстница. На этой лѣстницѣ и возлѣ нея поднималось множество драгоцѣнныхъ обѣтныхъ даровъ, какъ и вообще ближайшій храмовой участокъ, именно на восточной сторонѣ, густо былъ занятъ статуями всякаго рода.

О всѣхъ этихъ архитектурныхъ свойствахъ храма, его положеніи, величинѣ и архитектурномъ расчлененіи исполненныя въ 1875—78 г.г. раскопки дали самыя надежныя разъясненія, а богатыя находки статуй сдѣлали возможнымъ не менѣе ясное знакомство съ его скульптурнымъ убранствомъ.

Восточный фронтонъ. Изъ скульптурныхъ группъ восточнаго фронтона, исполненныхъ болѣе или менѣе ремесленнымъ образомъ туземными элейскими скульпторами, по наброску Пэонія изъ Менде во Ѳракіи, при раскопкахъ найдены главныя части всѣхъ двадцати одной фигуръ, причемъ изъ тринадцати человѣческихъ—семь съ головами.

Группа восточнаго фронтона изображаетъ состязаніе между туземнымъ царемъ Писы, Эномаемъ, и пришедшимъ изъ Малой Азіи героемъ Пелопомъ, и притомъ художникъ схватилъ тотъ моментъ дѣйствія, когда оба героя готовятся къ начинающемуся состязанію. Изображеніе Зевса, съ торжественной, полной достоинства, осанкой, превосходя громадностью всѣ другія фигуры, занимало средину фронтоннаго треугольника. Богъ, прославленный боевой оплотъ Олимпіи, онъ и здѣсь, невѣдомо для спо-

рющихъ героевъ, является высшимъ судьей. Въ томъ, что онъ обращается къ Пелопу, стоящему на его правой, приносящей счастіе, сторонѣ, для наблюдателя выраженъ ясный намекъ, что побѣда достанется этому славному его внуку. Послѣдній, юношески мощная фигура въ хламидѣ и шлемѣ и съ выраженіемъ хладнокровнаго, самосознательнаго спокойствія, находится въ бесѣдѣ съ Гипподаміей, прекрасной дочерью царя, изобра-

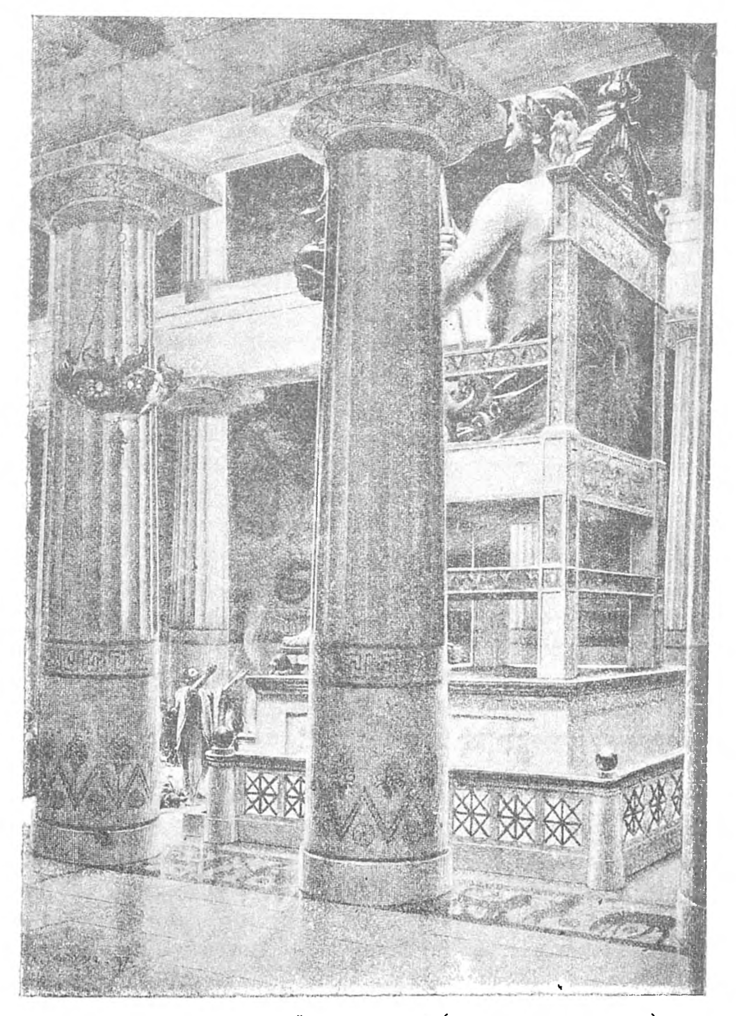
ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ ХРАМА ЗЕВСА ВЪ ОЛИМПІИ СЪ КОЛОССАЛЬНОЙ СТАТУЕЙ БОГА ВЪ ЗАДНЕЙ ЧАСТИ (РЕСТАВРАЦІЯ).

женіе которой, при старинной строгости и принужденности въ одѣяніи, обнаруживаетъ дѣвическую прелесть въ улыбкѣ ея устъ.

Слѣва отъ Зевса Эномай и его жена Стеропа образуютъ особую группу, симметрически соотвѣтствующую группѣ Пелопа и Гипподаміи. Морщинистый лобъ, бородатое лицо и немного раскрытый ротъ Эномая превосходно рисуютъ гордый духъ этого мужа. Стеропа, въ просто ниспадающемъ безъ рукавовъ хитонѣ, складки котораго лишь ниже груди обильнѣе и движутся живѣе, задумчиво опираетъ голову на лѣвую руку, точно предчувствуя участь, разражающуюся надъ ея мужемъ вслѣдствіе предательства

Миртила. Возлѣ обѣихъ главныхъ группъ мы замѣчаемъ ихъ свиты, и притомъ на сторонѣ Пелопа, считая отъ средины къ наружной сторонѣ, прежде всего передъ упряжью возницу Килласа, въ образѣ мальчика, сидящаго на корточкахъ на землѣ, затѣмъ безжизненно-неподвижную четверку лошадей безъ колесницы, головы которыхъ обращены внутрь, наконецъ рядомъ полусидящія, полураспростертыя фигуры двухъ конюховъ, напряженное участіе которыхъ въ дѣйствіи проявляется въ ихъ положеніи. На другой сторонѣ мы въ томъ же порядкѣ видимъ передъ лошадьми Эномая предателя-возницу Миртила, въ видѣ пожилого, бородатаго мужчины, поджавшаго лѣвую ногу, а правой рукой уперша-гося въ землю. Позади четверки коней въ меланхолическомъ настроеніи на землѣ сидитъ лысый старикъ, правая рука котораго служитъ опорой задумчиво опущенной головѣ. И онъ, кажется, преисполненъ тяжкаго страха за своего господина. Возлѣ него на колѣняхъ стоитъ дѣвушка, равнодушно созерцающая происходящее. Наконецъ, въ южномъ углу фронтона, на сторонѣ Пелопа, въ строгомъ спокойствіи лежитъ рѣчной богъ Алфей, зрѣлый бородатый мужчина съ достойнымъ, кроткимъ лицомъ, приподнимающій верхнюю часть тѣла съ помощью лѣвой руки и опирающій слегка обращенную къ srединѣ голову на правую руку. Въ качествѣ пандана къ нему въ сѣверномъ углу фронтона является намъ рѣчной богъ Кладей, мощная, крѣпкая фигура юноши съ сильно выгнутой грудью, лежащаго, упершись руками, въ грубо-натуральномъ положеніи на животѣ и съ живымъ интересомъ слѣдящаго за происходящимъ.

Западный фронтонъ. Недостатку внутренней связи, который обнаруживаютъ равномѣрно-мертвенныя отдѣльныя группы восточнаго фронтона, слѣдуетъ приписать то, что здѣсь не заключается единаго общаго впечатлѣнія отъ композиціи. Иначе обстоитъ дѣло съ фронтоннымъ изображеніемъ западной стороны. Несмотря на многіе замѣтныя слабости исполненія, здѣсь группы свидѣтельствуютъ о высокомъ дарованіи задумавшаго ихъ художника. Эти, приписанныя Алкамену, скульптуры задняго, западнаго фронтона изображаютъ разгорающійся на свадьбѣ Пириѳоя и Деидаміи бой лапиѳовъ съ кентаврами. Въ центрѣ всей композиціи стоитъ колоссальная фигура гнѣвающагося бога свѣта, Аполлона, являющагося въ качествѣ мстителя и по-

СТАТУЯ ЗЕВСА ВЪ ОЛИМПІЙСКОМЪ ХРАМѢ (ПО РИСУНКУ КАСТЕНЯ).

мощника. Рѣзко повернувъ голову вправо, онъ направляетъ свой взоръ вслѣдъ за протянутой впередъ рукой, которая покровительствующе простирается надъ Деидаміей, обнятой кентавромъ Эвритіономъ.

Стройный, полный величія, юношескій образъ бога съ его величественной осанкой образуетъ эффектный контрастъ со страстной бурностью шумящаго вокругъ него боя. По обѣ стороны Аполлона находится по три группы, составленныхъ каждая изъ двухъ или трехъ отдѣльныхъ фигуръ и наглядно изображающихъ отдѣльныя сцены жестокаго боя. Жены лапиѳовъ схватываются дико налетающими кентаврами, сшибаются съ ногъ и, несмотря на сильное сопротивленіе, заключаются въ ихъ объятія и уносятся. Чтобы высвободить своихъ женъ изъ власти злодѣевъ, лапиѳы мощно наступаютъ и рѣшаются на отчаянную борьбу съ кусающимися чудовищами. Всѣ эти группы живо изображаютъ бурное боевое бѣшенство. Въ сторонѣ отъ сражающихся съ обоихъ боковъ лежитъ по одной старухѣ, опустившейся на землю, что, можетъ быть, изображаетъ испуганныхъ служанокъ и указываетъ на замѣшательство, произведенное внезапнымъ вторженіемъ кентавровъ. Въ качествѣ угловыхъ фигуръ мы здѣсь находимъ двухъ мѣстныхъ нимфъ, безъ участія смотрящихъ на сумятицу боя.

Метопы. На внутреннихъ стѣнахъ храма Зевса надъ входами въ пронаосъ или описѳодомъ поля метоповъ заполнены были шестью плитками съ рельефами, которые, большей частью въ строгихъ и архаически неподвижныхъ формахъ, изображали двѣнадцать подвиговъ Геракла. На западной, задней сторонѣ находились первые подвиги, именно побѣда надъ немейскимъ львомъ, бой съ лернейскимъ чудовищемъ-змѣей, убіеніе стимфальскихъ птицъ, укрощеніе критскаго быка, поимка керинитской лани и, наконецъ, бой съ царицей амазонокъ Ипполитой. Рѣзьба передней, восточной стороны показываетъ позднѣйшія работы героя, а именно захватъ эриманѳскаго вепря, укрощеніе кобылъ Діомеда, побѣда надъ великаномъ Геріономъ, пріобрѣтеніе золотыхъ яблокъ Гесперидъ черезъ Атланта, съ котораго Гераклъ снимаетъ тяжесть небеснаго свода, далѣе—расчистка Авгіевыхъ конюшенъ и, наконецъ, похищеніе Кербера изъ подземнаго царства.

Пелопей, Пританей, Филиппей, Герэонъ, Экзедра. Къ сѣверу отъ храма Зевса, приблизительно въ сердцѣ Алтиса и въ непосредственной близости наидревнѣйшаго пепельнаго жертвенника Зевса, отмѣчавшаго собой какъ бы средоточіе всей священной площади, лежалъ Пелопей, участокъ, посвященный герою-покро-

вителю Пелопу. Въ направленіи отъ ручья Кладея къ южному подножію холма Кроніона, и при томъ внутри сѣверной стѣны Алтиса, лежалъ ближайшимъ образомъ въ сѣверо-западномъ углу недалеко отъ сѣверныхъ воротъ Пританей элейцевъ, мѣсто празднества и трапезы для олимпійскихъ побѣдителей. Вокругъ внутренняго квадратнаго двора, по срединѣ котораго вѣроятно возвышался жертвенникъ Гестіи съ вѣчнымъ огнемъ, шло нѣсколько залъ и просторныхъ покоевъ. Далѣе къ востоку слѣдовалъ основанный вскорѣ послѣ битвы при Херонеѣ въ 338 г. царемъ Филиппомъ Македонскимъ Филиппей, покоющаяся на трехъ ступеняхъ центральная периптерная постройка, въ окружной галлереѣ которой разставлены были драгоцѣнныя статуи царя, его знаменитаго сына Александра и другихъ членовъ его семейства. Непосредственно къ этому примыкалъ съ востока видный Герэонъ, древне-дорійскій храмъ Геры съ идущей кругомъ галлереей, окружавшей раздѣленную рядами обѣтныхъ даровъ на три корабля целлу съ пронаосомъ и описѳодомомъ. Искони зданіе это служило сокровищницей для важныхъ предметовъ искусства и документовъ; поэтому въ колонны юговосточной стороны, гдѣ находился главный входъ въ храмъ, вставлены были бронзовыя таблицы съ надписями, а болѣе крупныя таблицы были укрѣплены между отдѣльными колоннами съ надписями. Въ ближайшей окружности стояло кромѣ того нѣсколько пепельныхъ жертвенниковъ, имѣвшихъ большое употребленіе.

За храмомъ Геры къ востоку шла экзедра оратора Ирода Аттика. Эта грандіозная кирпичная постройка состояла изъ двухъ террасъ. Крылья нижней оканчивались двумя маленькими, красивыми, круглыми храмами коринѳскаго стиля. Полукругъ верхней занимали прекрасной работы мраморныя изображенія Антонина Пія и М. Аврелія, нѣкогда посвященныя Иродомъ, далѣе—статуи самого Ирода и его родственниковъ, поставленныя благодарными элейцами въ честь ихъ благодѣтеля. Передъ экзедрой, которую слѣдуетъ считать конечной постройкой водопровода, созданнаго Иродомъ для Олимпіи, находился большой водоемъ съ фонтаннымъ украшеніемъ въ видѣ мраморнаго быка, по надписи котораго вся постройка также была посвящена олимпійскому Зевсу.

Тезавры, заны, метроонъ, стадій. Ниже холма Крона на воз-

вышенномъ каменномъ основаніи построены были тринадцать небольшихъ четырехугольныхъ сокровищницъ, такъ называемыхъ тезавровъ, различныхъ эллинскихъ государствъ. Изъ нихъ всего замѣчательнѣе сокровищница мегарянъ, по своей древности. Извлеченныя теперь снова на свѣтъ фронтонныя группы, принадлежащія вѣроятно къ срединѣ шестого вѣка до Р. Хр., потому имѣютъ особенную цѣнность, что онѣ образуютъ древнѣйшую, сохранившуюся до насъ фронтонную композицію. Плиты съ рельефами изъ разсыпчатой желтоватой мергельной извести изображаютъ бой съ гигантами, который побѣдоносно выдерживаютъ Зевсъ, Гераклъ, Аресъ, Аѳина и Посидонъ.

Въ небольшомъ разстояніи отсюда на ступеняхъ лѣстницъ, ведшихъ къ сокровищницамъ, воздвигнуты были такъ называемыя заны, т. е. мѣдныя статуи Зевса. Немного въ сторонѣ отъ экзедры лежалъ метроонъ, дорійскій периптерный храмъ матери боговъ. Къ югу отъ самой восточной сокровищницы длинно растянутая сводчатая постройка, украшенная двумя статуями Немезиды, образовывала предназначенный для судей и борцовъ входъ въ стадій. Эта прославленная арена эллиновъ тянулась въ длину на 192,15 m. (89 саженей) по направленію Алфея, съ запада на востокъ. Сейчасъ же за входомъ находились бѣговыя границы ристалища. Послѣднее окружено было простыми земляными валами, служившими мѣстомъ пребыванія зрителей.

Стоя эхо, леонидей. Вдоль всей восточной стѣны Алтиса тянутся два видныхъ портика, сѣверный изъ которыхъ есть стоя эхо. Этотъ портикъ, спереди окаймленный различнѣйшими обѣтными дарами, простирался отъ скалы Кронова холма почти на 100 m. (46 саженей) на югъ. На передней сторонѣ онъ имѣлъ 46 колоннъ, а на задней, образуемой стѣной Алтиса, былъ украшенъ стѣнной живописью, которая и дала ему названіе „пестраго портика". Къ нему съ юга примыкалъ другой портикъ, также длинно растянутый. Неподалеку отсюда въ южной стѣнѣ Алтиса открыты остатки римской тріумфальной арки, служившей въ позднѣйшее время вѣроятно входомъ для праздничныхъ шествій. Собственно праздничныя ворота, черезъ которыя послы чужихъ государствъ торжественной процессіей входили въ священный участокъ, должно быть, лежали западнѣе. Священная дорога вела мимо Булевтерія, ратуши элейцевъ, гдѣ передъ возбуждаю-

щимъ ужасъ изображеніемъ Зевса Горкія атлеты торжественно должны были клясться въ исполненіи законовъ борьбы. На юго-западной сторонѣ, черезъ западныя ворота Алтиса, по широкой дорогѣ, окаймленной обѣтными дарами и статуями всякаго рода, приходили къ храму Зевса.

Гимнасій, палестра. Вдоль западной пограничной стѣны внѣ Алтиса устроено было нѣсколько мѣстъ преподаванія и упражненій. Прежде всего на югѣ — гимнасій, постройка значительной величины. Въ фундаментѣ византійской церкви, расположенной немного сѣвернѣе, узнали остатки мастерской Фидіи, а въ небольшомъ отъ него разстояніи найдено необыкновенное строеніе съ замѣчательнымъ землянымъ жертвенникомъ героя. Еще дальше къ сѣверу лежала Палестра, мѣсто для упражненій въ борьбѣ, состоявшая также изъ открытаго двора съ идущими вокругъ него галлереями и залами. Смежныя мѣста для упражненій въ прыганіи и метаніи диска простирались въ самую долину Кладея.

По обнаруженіи всѣхъ выше названныхъ построекъ и мѣстъ для празднествъ внутри и внѣ Алтиса, лежавшихъ погребенными подъ слоемъ песку, толщиной часто до 6 m. (2,8 сажен.), теперь усиліямъ изслѣдователей удалось набросать ясную топографическую картину какъ священнаго участка въ цѣлости, такъ и отдѣльныхъ его построекъ.

Скульптуры. Среди вновь найденныхъ отдѣльныхъ статуй, рядомъ съ выше уже описаннымъ подробно Гермесомъ Праксителя, Нике Пэонія изъ Менде на Гебрѣ занимаетъ выдающееся мѣсто, между прочимъ и потому, что статуя эта—первое дошедшее до насъ оригинальное произведеніе мастера времени высшаго расцвѣта эллинскаго искусства. Обращенный къ храму Олимпійца, этотъ блистательный обѣтный даръ за побѣду высоко выдавался среди большого множества статуй побѣдителей и почетныхъ изображеній. Въ качествѣ обѣтнаго дара послѣ славныхъ военныхъ подвиговъ, богиня побѣды, фигура которой, выше человѣческаго роста, стояла на трехстороннемъ цоколѣ въ 5 m. (2, 3 сажени) съ лишнимъ вышины, изображена спускающейся, на широко расправленныхъ крыльяхъ, на землю и держащею въ опущенной правой рукѣ пальмовую вѣтку, а въ поднятой лѣвой вѣнокъ или подобный знакъ побѣды. Тѣло покрываетъ опоясанное на бедрахъ,

тѣсно прилегающее длинное одѣяніе, которое, будучи скрѣплено только на правомъ плечѣ, оставляетъ лѣвую грудь открытою, Къ нижней части тѣла тонкая матерія прилегаетъ такъ тѣсно, что нѣжныя формы просвѣчиваютъ ясно и отчетливо.

Рельефы метоповъ целлы и групповыя скульптуры на поляхъ фронтоновъ храма Зевса вмѣстѣ съ свободно стоявшими статуями Гермеса и Нике, какъ по времени ихъ возникновенія, такъ и по ихъ историко-художественной цѣнности, образуютъ средоточіе всѣхъ, сдѣланныхъ въ Олимпіи, скульптурныхъ находокъ. Вокругъ нихъ группируются многочисленныя другія находки, принадлежащія частью болѣе древнему, частью болѣе новому расцвѣту искусства.

Древнее время, въ которомъ обработка мрамора была еще рѣдка, кромѣ вышеупомянутыхъ фронтонныхъ изображеній сокровищницы мегарянъ, представлено еще нѣсколькими другими горельефами, выдѣляющимися на лазуревомъ фонѣ, далѣе колоссальной женской головой въ архаическомъ натянутомъ стилѣ, съ мертвеннымъ лицомъ, широкимъ улыбающимся ртомъ, жеманной завитой прической и расширяющимся головнымъ уборомъ; послѣднее, можетъ быть, остатокъ изображенія Геры. Выдвинуть здѣсь слѣдуетъ особенно сдѣланную уже изъ мрамора голову элейца Эпераста, побѣдителя въ бѣгѣ, принадлежащую къ концу 6-го или началу 5-го вѣка. Изъ скульптурныхъ произведеній греческихъ мастеровъ римскаго времени открыто значительное количество; всѣ они свидѣтельствуютъ о тщательности и вкусѣ, тогда еще присущихъ художественной дѣятельности аттическихъ ваятелей. Сюда относится Аполлонъ съ лирой, играющій на флейтѣ сатиръ, далѣе нѣсколько изображеній атлетовъ и прежде всего многочисленныя почетныя статуи императорскихъ фамилій и другихъ знатныхъ особъ.

Бронзовыя вещи. Пріятное дополненіе къ каменнымъ скульптурамъ представляетъ великое обиліе бронзовыхъ находокъ, дѣлающихся каждый годъ при раскопкахъ въ Олимпіи, особенно въ болѣе глубокихъ слояхъ. Изъ немногочисленныхъ лишь большихъ бронзовыхъ вещей заслуживаетъ особаго упоминанія голова олимпійскаго побѣдителя, въ натуральную величину, перворазрядное мастерское произведеніе второго или третьяго вѣка до Р. Хр. Значительно больше число маленькихъ

НИКЕ

МРАМОРНАЯ СТАТУЯ ПЭОНІЯ.

бронзовыхъ вещей. Немало статуэтокъ носятъ на себѣ всѣ признаки самой ранней техники, особенно статуэтка Зевса въ нѣсколькихъ экземплярахъ стариннаго типа, изображающая бога нагимъ, широко шагающимъ, съ молніей въ поднятой правой

рукѣ и съ орломъ въ простертой лѣвой. Другая представляетъ бородатаго мужчину, закутаннаго въ свой плащъ и поднимающаго обѣ руки подъ прямымъ угломъ. Изъ болѣе поздняго времени происходитъ изящная бронзовая фигурка юноши, расположившагося для пиршества. Цѣнна далѣе большая бронзовая доска съ рельефами выбивной работы. Изображенія, въ древнѣйшемъ стилѣ, работанныя съ большой тщательностью и чистотой, идутъ четырьмя рядами, одинъ надъ другимъ. Во второмъ ряду является Гераклъ въ видѣ стрѣлка изъ лука, цѣлящагося въ кентавра. Весьма много добыто обѣтныхъ табличекъ и маленькихъ, большей частью совершенно грубой работы, фигуръ животныхъ, которыя на олимпійскихъ играхъ приносились въ жертву богамъ состязающимися. Эти фигуры, неуклюжей и безыскусной формы, изображали всякаго рода четвероногихъ, а также птицъ и всадниковъ, возницъ, колесницы, треножники и другую утварь. Сюда присоединяются бронзовые сосуды и орудія всякаго рода и формы, какъ котлы, треножники и т. д., предметы украшенія и оружіе различныхъ формъ, также обѣтный дискъ и многое другое. Помѣщенныя на большей части бронзовыхъ вещей украшенія принадлежатъ къ разнымъ ступенямъ орнаментики, отъ самой примитивной формы ломанной линіи и поставленнымъ рядомъ и соединенныхъ касательными кругсвъ вплоть до все болѣе развитыхъ и отличающихся болѣе художественнымъ стилемъ формъ листьевъ, животныхъ и людей.

Терракоттовыя издѣлія. Рядомъ съ металлическими издѣліями стоятъ предметы изъ обожженной глины. Замѣчательны тутъ нѣсколько терракоттовыхъ статуй, по ихъ архаическому стилю и ихъ рѣдкостной величинѣ. Большей частью, впрочемъ, это—фронтонныя черепицы, обломки карнизовъ и другія украшенія. Эти части строеній, большей частью чернаго, желтаго, красноватаго или бураго цвѣта, и украшенныя частью черными, красными или бѣлыми линіями, частью плоскими рельефами въ видѣ вѣтокъ аканѳа и другихъ листьевъ, дѣлаютъ несомнѣннымъ тотъ фактъ, что греки были свѣдущи въ искусствѣ украшать пестрыми красками свои скульптуры и постройки. Лишь изрѣдка показывались з о л о т ы я и с е р е б р я н ы я м о н е т ы, но зато большія массы м ѣ д н ы х ъ. Позднѣйшія изъ нихъ относятся къ царствованію восточно-римскаго императора Юстиніана (527—565).

Надписи. Напослѣдокъ нужно упомянуть объ извлеченныхъ изъ могилы забвенія надписяхъ, которыя громче всего говорятъ о величіи минувшихъ вѣковъ и греческой культурной жизни. По содержанію, это—надписи въ честь олимпійскихъ побѣдителей, обѣтныя надписи, надписи художниковъ, государственныя постановленія, договорныя грамоты, списки одержанныхъ побѣдъ, чиновниковъ, храмовыхъ служителей и др. Чрезъ нихъ только выясняются для насъ многія черты античной жизни и культуры. Наше знаніе исторіи греческаго письма, изслѣдованіе особенностей діалектовъ въ словахъ и ихъ формахъ получило болѣе твердую основу, и точно также намъ даны разнообразныя поучительныя разъясненія характера состязаній въ Олимпіи. И для исторіи греческихъ художниковъ найденныя надписи также доставляютъ немаловажный новый матерьялъ. Рядомъ съ именами давноизвѣстныхъ мастеровъ, обстоятельства жизни которыхъ, часто благодаря олимпійскимъ находкамъ, придвинуты къ намъ гораздо ближе, выступаютъ забытыя дотолѣ имена многихъ видныхъ художниковъ различныхъ эпохъ искусства, напр. Аѳанадора, Асоподора, Аргіады (сына Агелады)—пятаго вѣка, далѣе семья художниковъ Агіи, Аристомена и Пирилампа—временъ Августа, аѳинянине Элевсиній, Эратонъ, Эротъ и др. временъ позднѣйшихъ императоровъ.

Итакъ необычайно богатое обиліе сокровищъ, извлеченныхъ германскими раскопками изъ нѣдръ олимпійской почвы, во многихъ направленіяхъ имѣетъ неисчислимую цѣнность для науки, и нѣмцы съ радостной гордостью могутъ смотрѣть на научныя сокровища, которыя нѣмецкое стремленіе къ знанію и усердіе изслѣдователей вновь открыли и пріобрѣли для современниковъ.

РАСКОПКИ ВЪ ПЕРГАМѢ.

Одновременно съ раскопками въ Олимпіи, съ сентября 1878 г. до марта 1880 подъ руководствомъ германскаго инженера Карла Гумана на акрополѣ Пергама производились раскопки, которыя въ скоромъ времени привели къ находкѣ множества сокровищъ искусства.

На трехчасовомъ разстояніи отъ эолійскаго берега, повыше плодоносной низменности Каика, лежитъ высокій холмъ съ Пергамскимъ акрополемъ, у подошвы котораго нѣкогда на обоихъ берегахъ Селинунта простиралась блестящая резиденція царскаго дома Атталидовъ.

Царь Эвменъ II (197—159 до Р. Хр.), другъ искусствъ и наукъ, почти на самой верхушкѣ акрополя воздвигъ колоссальный, великолѣпный жертвенникъ, посвященный Зевсу и Аѳинѣ. Въ память побѣдъ своихъ и побѣдъ отца своего Аттала I надъ опустошавшими Азію галлами, онъ разукрасилъ его рѣзьбой, изображавшей торжество эллинской цивилизаціи надъ варварствомъ. Чтобъ прославить эту побѣду, художники сдѣлали гигантомахію, борьбу и побѣду боговъ надъ земнородными гигантами, эту послѣднюю, но труднѣйшую борьбу олимпійцевъ противъ темныхъ стихійныхъ силъ, главнымъ предметомъ пластическаго изображенія на фундаментѣ большого и драгоцѣннаго алтаря. Фризъ въ 2, 30 m. (7, 5 фут.) вышины, съ групповыми изображеніями въ формѣ очень выпуклыхъ горельефовъ, всюду длиной въ 30 m. (14 саженей), тянулся по четыремъ сторонамъ этого фундамента. Онъ былъ увѣнчанъ воздушными іонійскими колоннадами съ видными кровельными украшеніями. Лѣстница вела на площадку, гдѣ, въ качествѣ средоточія всей постройки подъ открытымъ небомъ, воздвигнутъ былъ большой жертвенникъ.

Во время раскопокъ открылось почти безчисленное множество обломковъ плитъ съ рельефами гигантомахіи, и хотя попытки соединить остатки снова въ одно цѣлое еще не закончены, все-таки собрано уже столько матерьяла, что мы можемъ себѣ составить по крайней мѣрѣ общую картину скульптуръ и ихъ цѣнности. До сихъ поръ сужденіе объ искусствѣ

времени діадоховъ основывалось на болѣе или менѣе шаткихъ фактахъ, которые представляли отдѣльныя, большею частью не оригинальныя скульптурныя произведенія, напр. умирающій Галлъ, группа Галловъ въ Villa Ludovisi въ Римѣ, Аполлонъ Бельведерскій, Фарнезскій быкъ и др.

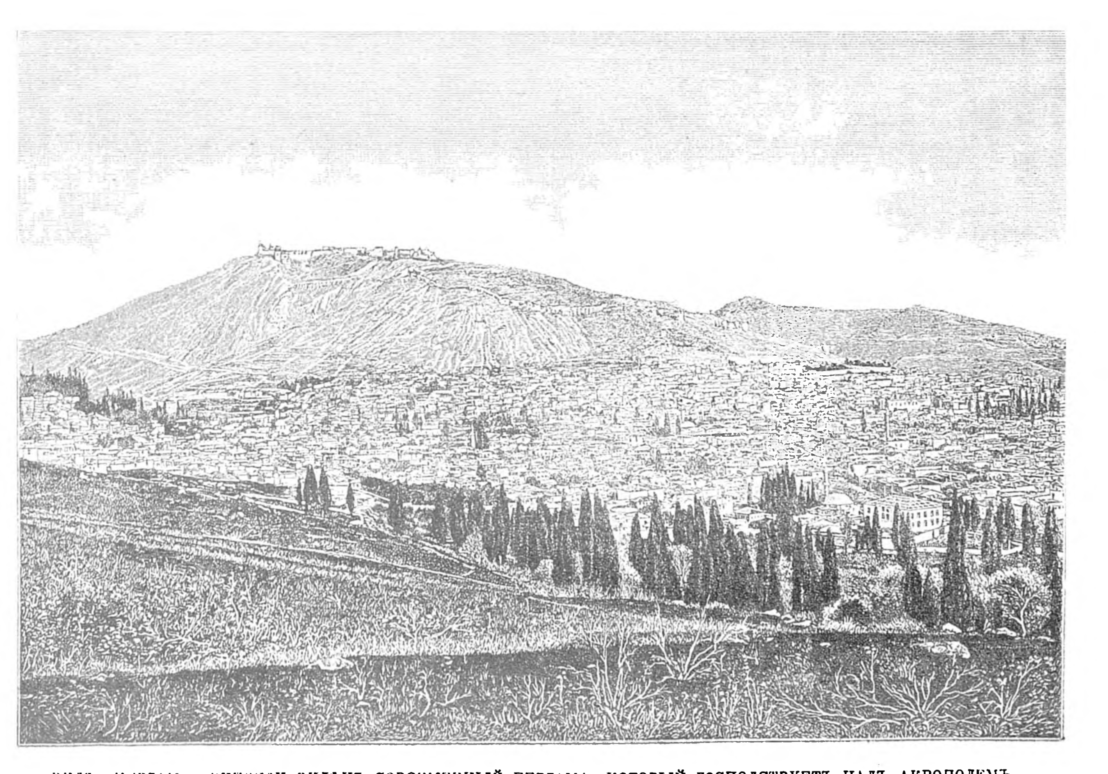
Теперь же новыя открытія пергамскихъ горельефовъ сразу дали надежное основаніе для историко-художественнаго разсмот-

ТРОЯНСКАЯ РАВНИНА ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

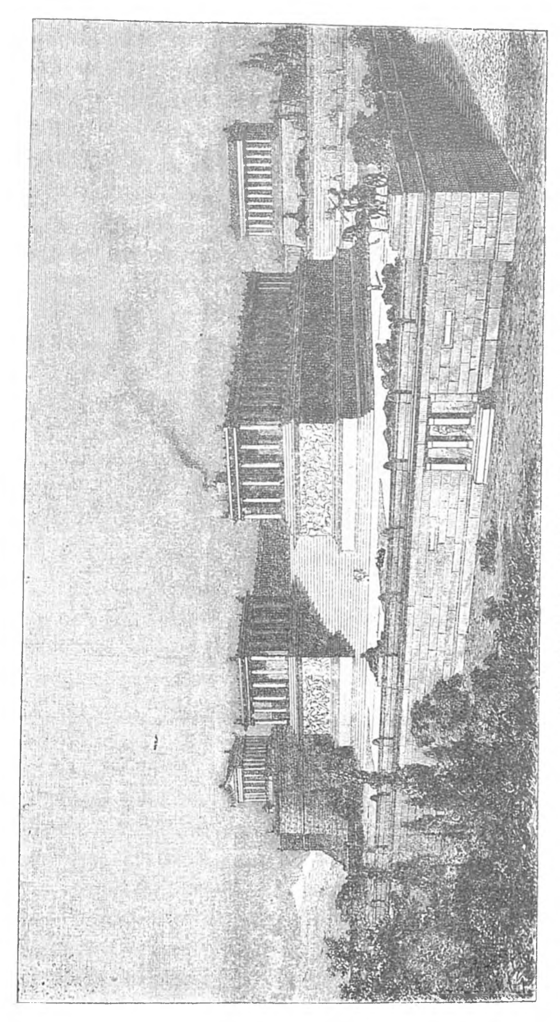
рѣнія и оцѣнки расцвѣта эллинскаго искусства, этого посредствующаго звена между греческимъ и римскимъ искусствомъ.

Пергамскія произведенія справедливо вызываютъ наше удивленіе, ибо они, какъ по грандіозной смѣлости концепціи, такъ и по безподобно мастерской техникѣ и любовной заботливости въ исполненіи деталей, принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ созданіямъ искусства всѣхъ временъ.—Укрощеніе необузданныхъ силъ природы свѣтлыми божествами неба—тяжелая и трудная работа; поэтому изображенный въ названномъ фризѣ жертвенника бой между богами и гигантами сильно колышется въ ту и другую сторону; всюду царитъ возбужденіе и напряженіе; всѣ олимпійцы, вмѣстѣ съ цѣлой толпой второстепенныхъ божествъ вызваны на дикую

ВИДЪ ПЕРГАМА. ВПЕРЕДИ ВИДѢНЪ СОВРЕМЕННЫЙ БЕРГАМА, КОТОРЫЙ ГОСПОДСТВУЕТЪ НАДЪ АКРОПОЛЕМЪ ДРЕВНЯГО ПЕРГАМА.

борьбу съ воинственными чудовищами, и жаркій бой ведется богами противъ преступныхъ сыновей Геи страстно, хотя и съ

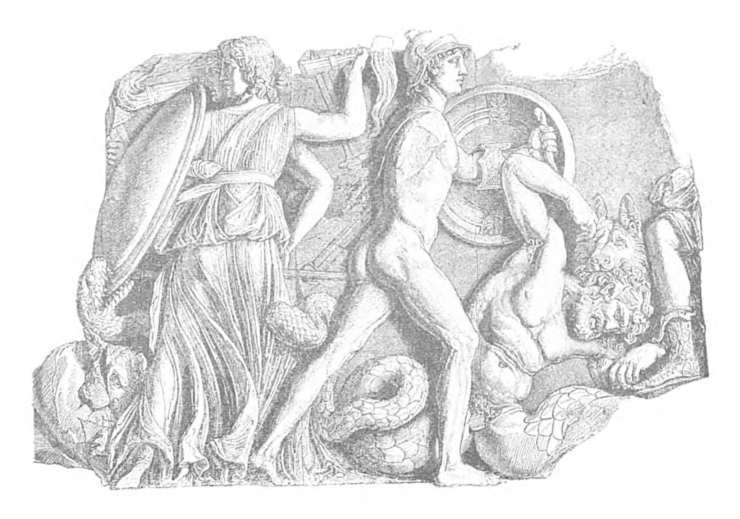

АЛТАРЬ ВЪ ПЕРГАМѢ (ПО РЕКОНСТРУКЦІИ БОНА).

увѣреннымъ въ побѣдѣ величіемъ, отчасти съ помощью копій, мечей и стрѣлъ, отчасти посредствомъ молній и факеловъ. Даже

животныя боговъ принимаютъ въ немъ участіе: орлы разносятъ всюду истребительную молнію, змѣя помогаетъ Аѳинѣ, левъ Кибелѣ, пантера Діонису, собаки Гекатѣ.

Большому числу божественныхъ воителей въ пергамскихъ скульптурахъ соотвѣтствуетъ пестрая смѣна фигуръ гигантовъ. Въ самомъ пріятномъ разнообразіи фигуры нападающихъ, побѣждаемыхъ, павшихъ гигантовъ являются то въ возрастѣ цвѣтущихъ

ГЕКАТА.

ГРУППА ИЗЪ БОРЬБЫ БОГОВЪ СЪ ТИТАНАМИ И ГИГАНТАМИ. ОРИГИНАЛЪ ВЪ БЕРЛИНѢ.

юношей, то зрѣлыхъ мужчинъ, съ одной стороны плѣняя благородными формами своего тѣла, съ другой — отталкивая безобразіемъ своихъ помѣсей. Они имѣютъ частью чисто человѣческій видъ, въ полномъ воинскомъ вооруженіи, или только съ одной шкурой звѣря на рукѣ, вмѣсто щита, частью же изображены великанами, съ ногами въ видѣ змѣй, съ крыльями и безъ крыльевъ, борющимися съ помощью большихъ камней, стволовъ деревьевъ и иного естественнаго оружія.

Изъ ряда скульптурныхъ группъ, отличающихся лучшей сохранностью, укажемъ на одну, на группу Гекаты. Она по захвата-

вающей реальности выраженія, идеальности общаго характера и солидности работы — настоящая рѣдкость. Геката занята жестокимъ боемъ съ могучимъ змѣинымъ гигантомъ. Троеобразная богиня снабжена всякаго рода оружіемъ. Щитъ и ножны въ лѣвыхъ рукахъ ея, а три правыя нападаютъ на противника съ мечомъ, копьемъ и высокоподнятымъ факеломъ. Натискъ ея поддерживается бѣшенымъ животнымъ, помѣсью собаки и волка, кусающимъ гиганта въ бедро. Возлѣ Гекаты славная юношеская фигура гиганта съ вполнѣ человѣческой наружностью, вооруженнаго по образцу эллинскихъ воиновъ, въ величественномъ положеніи бойца оборачивается направо и, къ сожалѣнію, не сохранившейся правой рукой, повидимому, поднимаетъ мечъ на Артемиду, которая собирается пустить смертельную стрѣлу. Между этой парой сражающихся упалъ на-земь бородатый пожилой гигантъ мускулистаго тѣлосложенія, схваченный за шею второй собакой Гекаты. Правая его рука уже только полу-механически хватается за кусающееся чудовище, и тяжелая верхняя часть тѣла въ предсмертномъ безсиліи опустилась на лѣвую руку, кисть которой виситъ вяло и безжизненно. Но одна изъ змѣй, которыми оканчивается тѣло павшаго гиганта, вздымается еще нѣсколькими кольцами на Гекату и хватаетъ зубами край щита божественной воительницы.

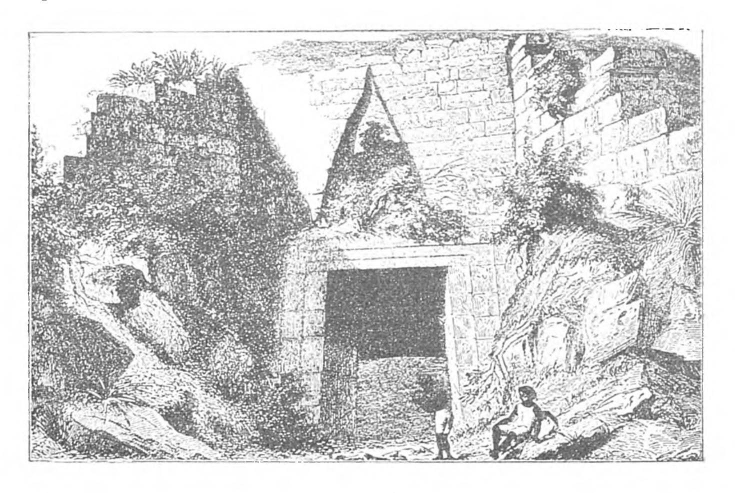
Сдѣланныя при раскопкахъ въ Пергамѣ цѣнныя находки перешли во владѣніе прусскаго государства и теперь образуютъ жемчужину сокровищъ античнаго искусства, содержащихся въ Берлинскихъ музеяхъ.

РАСКОПКИ ВЪ МИКЕНАХЪ.

НАПОСЛѢДОКЪ упомянемъ еще вкратцѣ о драгоцѣнныхъ сокровищахъ, добытыхъ недавно Шлиманомъ изъ почвы древнихъ Микенъ, резиденціи рода Пелопидовъ. Уже въ началѣ нашего изложенія (стр. 163 и слд.) мы подробнѣе сообщали о томъ, какое обиліе поучительныхъ предметовъ извлекло на Божій свѣтъ изъ нѣдръ горы Гиссарлика, мѣстоположенія гомеровской Трои, геніальное чутье Шлимана,

его неутомимая настойчивость и великодушная готовность къ жертвамъ.

Исполненный, вслѣдствіе благопріятныхъ результатовъ своихъ розысканій на мѣстѣ породившей столько сказаній Трои, еще болѣе живого энтузіазма къ изученію древности, Шлиманъ, приблизительно годъ спустя, послѣ того какъ начались, по порученію Германской имперіи, раскопки на западѣ Пелопоннеса на древней священной площади Олимпіи, пошелъ на востокъ полуострова, въ Арголиду, чтобы на свой рискъ и страхъ искать

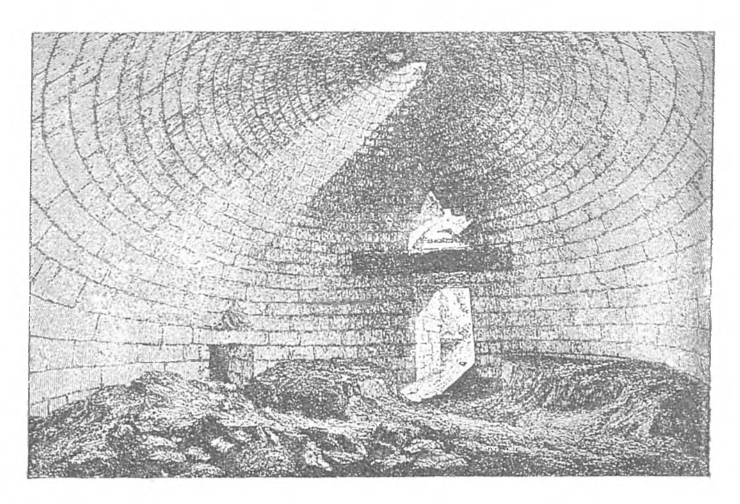

ВХОДЪ ВЪ ТАКЪ НАЗЫВАЕМУЮ СОКРОВИЩНИЦУ АТРЕЯ ВЪ МИКЕНАХЪ.

сокровищъ античнаго искусства въ мусорѣ акрополя Микенскаго, былой резиденціи пастыря народовъ Агамемнона. Подъ его свѣдущимъ и искуснымъ руководствомъ въ августѣ 1876 г. тамъ начаты были раскопки, и въ дальнѣйшемъ теченіи работы ему, по удаленіи громадныхъ слоевъ мусора, удалось въ средней глубинѣ 9 m. (4, 2 саж.) подъ поверхностью Микенской агоры обнаружить пять просторныхъ гробницъ, высѣченныхъ въ скалѣ, и извлечь изъ могилы забвенія ихъ богатое всякаго рода предметами украшенія содержаніе, лежавшее болѣе трехъ тысячелѣтій сокрытымъ въ нѣдрахъ земли, и такимъ образомъ дать наукѣ непредвидѣнную возможность бросить взглядъ на художе-

ственную дѣятельность времени, до котораго далеко не доходятъ наши историческія извѣстія.

Въ первой изъ открытыхъ гробницъ нашли три человѣческихъ скелета съ замѣтными слѣдами погребенія посредствомъ сожженія, на которыхъ лежало по пяти золотыхъ діадемъ тонкой работы. Также было найдено много художественно исполненныхъ предметовъ украшенія, состоящихъ каждый изъ четырехъ лавровыхъ листьевъ.

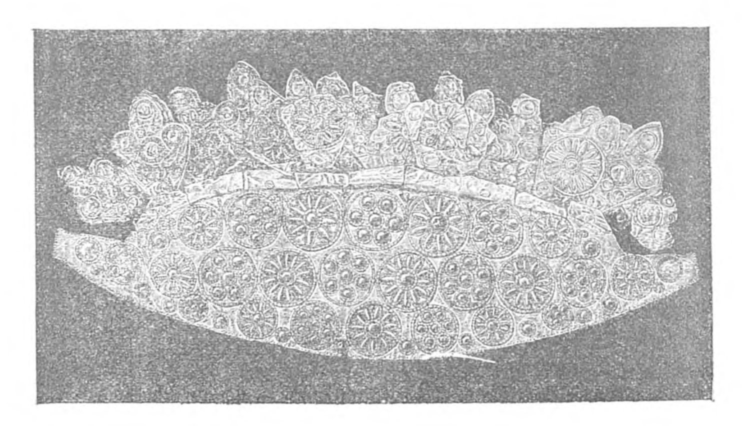

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ „СОКРОВИЩНИЦЫ АТРЕЯ" ВЪ МИКЕНАХЪ.

Вторая гробница заключала также три трупа, изъ коихъ два съ золотыми масками. Среди множества другихъ предметовъ украшенія здѣсь нашлось также страусовое яйцо; находка эта важна тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о торговыхъ сношеніяхъ между Египтомъ и Аргосомъ уже въ древнѣйшее время.

Въ третьей гробницѣ покоились три женскихъ трупа, покрытыхъ всяческими золотыми украшеніями. Между тѣмъ какъ два изъ нихъ носили діадемы, третій скелетъ украшенъ былъ великолѣпной короной изъ чистаго золота и золотой повязкой, съ изящными орнаментами, длиной въ 65 cm. (= 14 вершковъ). Возлѣ труповъ находилось еще пять діадемъ и шесть богато изукрашенныхъ звѣздъ изъ золотыхъ бляхъ. Изъ прочихъ пред-

метовъ упомянемъ о двухъ золотыхъ вѣсахъ, золотой брошкѣ съ длинной серебряной иглой, далѣе о золотыхъ булавкахъ въ формѣ различныхъ животныхъ, какъ-то львовъ, орловъ, оленей, грифовъ, лебедей и др. съ украшеніями въ видѣ бабочекъ, каракатицъ, листьевъ и цвѣтовъ. Сюда присоединяются еще кромѣ массы золотыхъ кубковъ, вазъ и ларчиковъ разнаго рода предметы изъ чернаго хрусталя, янтаря и агата, и наконецъ еще нѣсколько геммъ изъ аметиста и сардоника, тонкой рѣзьбы.

ЗОЛОТАЯ ДІАДЕМА, НАЙДЕННАЯ ВЪ МИКЕНАХЪ (ПО ШЛИМАНУ).

Не менѣе было добыто изъ четвертой гробницы, въ которой покоились пять труповъ, три въ направленіи съ востока на западъ, два съ сѣвера на югъ. Три изъ нихъ носили тяжелыя золотыя маски, одну изъ нихъ въ видѣ львиной головы. Дальнѣйшее содержаніе состояло изъ великолѣпной золотой короны, массивнаго золотого браслета, золотыхъ перевязей, нагрудниковъ, многочисленныхъ мечей съ деревянной ручкой, пяти мѣдныхъ котловъ, изъ которыхъ одинъ содержалъ сто деревянныхъ пуговокъ съ накладнымъ золотомъ, и изъ двухъ выпукло отшлифованныхъ геммъ, изображавшихъ боевыя сцены. Затѣмъ и здѣсь было обнаружено большое изобиліе часто богато и со вкусомъ изукрашенныхъ предметовъ украшенія, какъ-то діадемъ, налобныхъ повязокъ, колецъ, иглъ, многочисленныхъ цвѣтовъ и пуго-

вокъ изъ благороднаго металла, а изъ сосудовъ — отчасти золотые, отчасти серебряные кубки, кружки и вазы; среди послѣднихъ великолѣпный экземпляръ изъ алебастра; наконецъ обломокъ золотой ручки скипетра, рукоятка котораго, покрытая чешуей изъ горнаго хрусталя, кончается развергтой пастью дракона.

Пятая гробница содержала въ себѣ, за исключеніемъ многихъ аграфовъ, застежекъ, колецъ и т. д., только одинъ трупъ, украшенный діадемой.

Вполнѣ понятно, что Шлиманъ въ виду открытаго имъ безконечно цѣннаго сокровища въ избыткѣ перваго чувства радости высказалъ мнѣніе, что онъ въ открытыхъ гробницахъ пашелъ могилы Агамемнона и его царственной семьи; вѣдь истинно царская обстановка погребенныхъ здѣсь дѣлала такое предположеніе очень близкимъ. Но пусть строгая наука отвергнетъ эту ослѣпительную гипотезу, какъ несостоятельную, пусть ученые, опираясь на разные признаки, вообще отрицаютъ греческое происхожденіе этихъ находокъ и, по характеру ихъ стиля, относятъ ихъ скорѣе къ востоку: все-таки заслуга Шлимана, что онъ представилъ археологіи новый, необычайно важный и дающій массу выводовъ матеріалъ изъ доисторическаго времени и значительно расширилъ прежніе взгляды и знанія, останется за нимъ на всѣ времена не уменьшенной.

ЗОЛОТЫЕ СОСУДЫ ЭПОХИ МИКЕНСКИХЪ ЦАРЕЙ.

Сосудъ для вина съ чарками, въ греческомъ стилѣ, украшенный выпуклыми орнаментами (въ первоначальномъ, не испорченномъ видѣ) найденъ Шлиманомъ въ гробницахъ микенскаго акрополя.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь мы достигли цѣли, которая носилась передъ нами съ самаго начала нашего изложенія. Мы сопроводили греческій народъ черезъ всѣ фазисы его древней исторіи. Мы познакомились съ людьми, жертвовавшими собой для отчизны, подражать которымъ приличествуетъ юношѣ, мы видѣли, какъ развивалось греческое искусство до недосягаемыхъ мастерскихъ произведеній Фидіи, мы встрѣчались съ людьми серьезной науки, которые болѣе чѣмъ за два тысячелѣтія уже вникали съ глубокимъ рвеніемъ во всѣ области духа и достигали великихъ результатовъ. Но эллинскій міръ мало-по-малу состарился, свѣжая сила, одушевленіе юности давно исчезли, поэзія жизни перешла въ сухую прозу. Безъ подвиговъ, безъ возвышенныхъ мыслей, дающихъ размахъ жизни и стремленіямъ, греческія государства влачили свое вялое существованіе еще нѣкоторое время, и великодушныя попытки Филопёмена, Клеомена и другихъ патріотовъ обновить свое возлюбленное отечество и возстановить его прежнее величіе, при всеобщей разрозненности, безнравственности и изнѣженности народа оставались безъ продолжительныхъ успѣховъ.

Выступили на сцену другіе народы и индивидуальности, новыя бродящія, двигающія вещества были подмѣшаны къ вялой

массѣ. Толчекъ шелъ съ запада, со стороны Гесперіи, гдѣ, по греческому сказанію, зрѣлъ золотой плодъ безсмертныхъ. Тамъ среди тяжелыхъ войнъ выросъ и достигъ могущества желѣзный родъ, родъ римлянъ. Онъ въ твердомъ, сомкнутомъ единствѣ сталъ лицомъ къ лицу съ эллинскою раздробленностью. Собственно Греція, истощенная долгими бѣдствіями, распавшаяся внутри и разъединенная, обѣщала сдѣлаться легкой добычей. Македонія, лучше объединенная, но безъ народной жизни, рабски подчиненная своему царю, не могла оказать сопротивленія. Въ царствахъ Малой Азіи, въ Сиріи и Египтѣ господствовалъ деспотизмъ сатраповъ, и если, благодаря промышленности и торговлѣ, въ городахъ и стекалось большое богатство, то избытокъ служилъ только распутному вожделѣнію и лишь закрашивалъ внутреннее гніеніе самыхъ жизненныхъ соковъ. Цари, съ дѣтства посвященные во всѣ пороки, спорили въ мелочныхъ распряхъ за кусочекъ земли и не видѣли приближенія гибели, пока римскій мечъ не засверкалъ на ихъ границахъ.

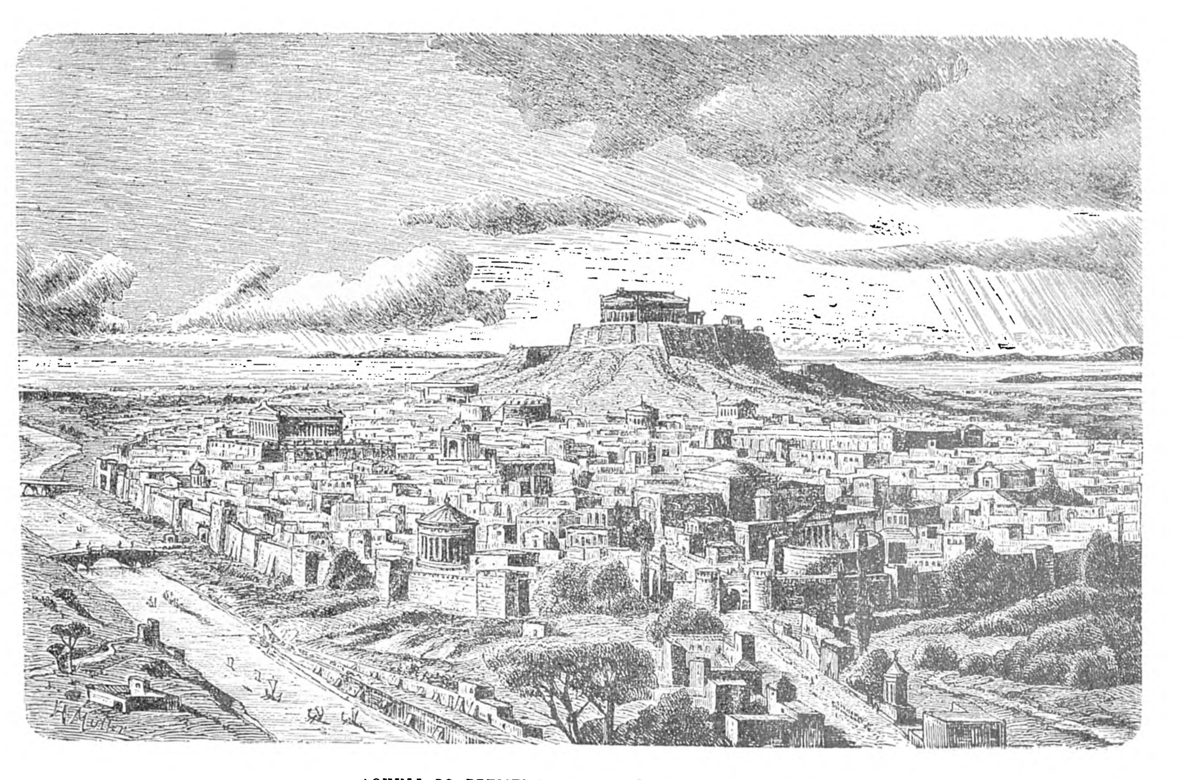
Такимъ образомъ, греческій міръ созрѣлъ для гибели; но римскій народъ, принесшій эту гибель, какъ сказано, былъ желѣзный родъ, крѣпкій какъ панцырь, которымъ опоясана была грудь его воиновъ. Римлянинъ рано воспрянулъ отъ юношескихъ грезъ фантазіи; онъ давно вышелъ изъ сказочнаго міра древняго времени, въ которомъ коренятся духовныя созданія греческаго искусства. Онъ признавалъ только назначеніе—въ качествѣ гражданина выстраивать государство и въ качествѣ воина преодолѣвать всякое сопротивленіе. Что пригодно было для этой цѣли: законовѣдѣніе, краснорѣчіе, военное искусство, казалось ему достойнымъ свободнаго мужа. Рабъ могъ проводить время въ занятіи поэзіей, чтобъ забавлять своего господина въ часы досуга. Но когда римлянинъ послѣ гражданскихъ треволненій и военной бури нашелъ, наконецъ, досугъ для оцѣнки искусства и науки, тогда онъ уже утратилъ особенность своего племени и сжился съ греческимъ направленіемъ искусства и способомъ созерцанія. Онъ не сталъ въ этомъ отношеніи творцомъ оригинальнаго направленія, но подражателемъ даннымъ образцамъ.

За то люди, принадлежащіе къ исторіи Рима, суть люди необычайной силы воли и дѣятельности. Они мало цѣнили, украшающую жизнь, поэзію; но сами они—трагическія явленія,

сами они вслѣдствіе смѣлости своей воли и дѣятельности — носители потрясающей драмы. Сказанія о битвахъ титановъ, о побѣдоносно выдержанныхъ трудностяхъ Геракла, всѣ ужасы въ домѣ Тантала и Пелопа, кажется, воплотились въ ихъ образахъ.

Мы уже написали, вслѣдъ за исторіей Эллады, исторію римскаго народа, гдѣ старались возможно нагляднѣе и живѣе изобразить величественныя явленія въ государственномъ развитіи, въ войнахъ Рима внутреннихъ и внѣшнихъ, въ его герояхъ, какъ и въ его государственныхъ людяхъ. При этомъ мы упомянули и о послѣднихъ судьбахъ греческихъ государствъ, которыя безсильно и безславно подчинились римскому мечу и вмѣстѣ съ свободой утратили даже свое общеэллинское названіе; ибо новые верховные властители соединили завоеванныя греческія земли всѣ въ одну провинцію подъ названіемъ Ахайи. Вслѣдствіе потери самостоятельности и свободы, правда, поставленъ былъ предѣлъ безконечнымъ междуусобіямъ государствъ; однако, черезъ это сталъ невозможнымъ никакой подъемъ, никакой полетъ для смѣлыхъ, грандіозныхъ предпріятій. Не слышно было болѣе, какъ во времена Перикла, чтобы ораторы возвѣщали о славѣ предковъ и приглашали своихъ согражданъ подражать имъ, но большей частью только пустая болтовня, или сплетни о новостяхъ дня, или же служащія только для забавы рѣчи во всякаго рода искусственныхъ формахъ краснорѣчія. Не смотря на то, все еще распространенное эллинское образованіе оказывало свое вліяніе на римскій міръ; въ особенности Аѳины, гдѣ въ знаменитыхъ философскихъ и ораторскихъ школахъ еще цѣлыми вѣками ревностно продолжали поддерживать научныя стремленія, гдѣ въ общественной жизни даже низшихъ слоевъ народа царилъ изящный, умственно оживленный тонъ, именно изъ-за этого много посѣщались римлянами и иностранцами, и вліяніе ихъ въ этомъ отношеніи было едва ли менѣе распространеннымъ, чѣмъ въ прежнее время.

Бури переселенія народовъ, разразившіяся въ пятомъ вѣкѣ надъ римскимъ государствомъ и погубившія его, не пощадили и Греціи. Аларикъ со своими вестготами промчался по эллинскимъ провинціямъ, завоевалъ крѣпости и города и двинулся также на Аѳины. Преданіе сообщаетъ, будто онъ, давъ приказъ къ приступу, увидѣлъ на стѣнѣ божественный образъ Аѳины Промахосъ (передовой воительницы) и даже древняго героя Ахиллеса,

АѲИНЫ ВО ВРЕМЕНА РИМСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

приготовляющимися къ отраженію его, и будто онъ поэтому отказался отъ завоеванія знаменитаго эллинскаго города. О такомъ явленіи достовѣрная исторія, конечно, ничего не знаетъ, но она учитъ, что бронзовая статуя Аѳины Промахосъ на акрополѣ была удалена оттуда лишь около середины пятаго вѣка ревнителями христіанской вѣры. Можетъ быть, этотъ бронзовый колоссъ своимъ возвышеннымъ видомъ отпугнулъ дикихъ воителей.

Зато несомнѣнно то, что въ концѣ того-же вѣка посвятили Парѳенонъ Дѣвѣ Маріи. Вообще въ Аѳинахъ выказывали чрезвычайное рвеніе въ служеніи христіанской церкви, такъ же, какъ нѣкогда этотъ городъ и въ почитаніи языческихъ боговъ былъ примѣромъ для всей Греціи. Въ этомъ все-таки еще вліятельномъ положеніи Аѳины, однако, не могли удержаться, когда императоръ Юстиніанъ упразднилъ тамошнія философскія и ораторскія школы.

Съ этого времени начался полный упадокъ умственной жизни и мракъ варварства опустился на эллинскій городъ. Однако, онъ въ тревожныя времена не погибъ совершенно, подобно другимъ городамъ; не слышно также ничего о томъ, чтобы онъ былъ завоеванъ, разграбленъ и лишенъ своихъ предметовъ искусства болгарами, славянами или морскими разбойниками; но за то сообщаютъ, какъ византійскіе императоры для украшенія своей резиденціи приказывали вывозить оттуда во множествѣ статуи, колонны и рѣзьбу. Впрочемъ, восточно-римскіе повелители въ Византіи мало заботились объ Аѳинахъ; только въ 662 г. ихъ посѣтилъ Констанцій II, можетъ быть потому, что именно путешествіе привело его въ эту провинцію. Въ 680 г. аѳинскіе епископы участвовали на соборѣ въ Римѣ, и также въ восьмомъ вѣкѣ аѳинскія духовныя лица принимали участіе въ совѣщаніяхъ различныхъ синодовъ. Далѣе, кажется, что аѳинскія женщины все еще, какъ въ древности, отличались умомъ и красотой; ибо въ восьмомъ и девятомъ вѣкѣ нерѣдко аѳинянки черезъ бракосочетаніе съ монархами возводились на византійскій императорскій престолъ. Въ десятомъ вѣкѣ особенно церковь св. Маріи, древній Парѳенонъ, была въ большомъ почетѣ, какъ мѣсто богомолья, и пользовавшійся тогда доброй славой миссіонеръ Никонъ здѣсь говорилъ свои проповѣди.

Слава прежняго умственнаго значенія Аѳинъ и во время среднихъ вѣковъ проливала свой блескъ на прежнее мѣсто мудрости.

Разсказываютъ, будто миѳическая женщина—папа Іоанна и многіе ученые учились въ прославленномъ городѣ; даже арабскіе писатели называли Аѳины жилищемъ мудрости.

Впервые со времени Констанція II древній городъ снова удостоился императорскаго посѣщенія, когда Василій II послѣ крупной побѣды своей надъ болгарами въ 1019 г. вступилъ въ него съ тріумфомъ и совершилъ торжественное богослуженіе въ церкви Парѳенона. Но никакихъ болѣе подробныхъ извѣстій о тогдашнемъ состояніи Аѳинъ нѣтъ. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ итальянскіе купцы открыли торговлю съ городомъ и чрезъ него далѣе и съ внутренней страной. Впрочемъ около этого времени городъ повидимому былъ въ глубочайшемъ упадкѣ, и когда въ 1182 г. Михаилъ Акоминатъ сталъ митрополитомъ Аѳинъ, онъ засталъ ихъ, какъ самъ разсказываетъ, низко упавшими, едва еще заслуживавшими названія города, а населеніе одичалымъ и обѣднѣвшимъ. Онъ пытался помочь дѣлу, но тщетно обращался къ префектамъ и даже къ императору. Такъ какъ онъ оставался безъ поддержки, то долженъ былъ предоставить городъ, былого величія котораго полна была его душа, своей участи.

Въ 1204 г. франкскіе крестоносцы, такъ называемые „латиняне", вмѣсто того, чтобъ идти въ Святую землю, при большихъ опустошеніяхъ напали на византійское государство и завоевали его, хотя лишь на короткое время. Аѳины сдались почти безъ кровопролитія и тѣмъ избѣгли всеобщаго разграбленія, хотя многія сокровища, заключенныя въ прежнемъ храмѣ, и были похищены. Однако, подъ франкскимъ владычествомъ они нѣсколько поднялись отъ своего упадка, и князья, которымъ достались Беотія и Аттика, называли себя „герцогами Аѳинскими", хотя имѣли свою резиденцію въ Ѳивахъ. Впрочемъ, далѣе достовѣрно сообщается, что невѣжество и варварство въ Аѳинахъ взяли еще болѣе верхъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; даже языкъ будто бы былъ совершенно испорченъ, такъ что лишь съ трудомъ понимали аттическій діалектъ. Отсюда ясно, что извѣстія о высшихъ школахъ и студентахъ въ городѣ на Илиссѣ въ средніе вѣка—одинъ миѳъ, но что воспоминаніе о минувшемъ величіи Аѳинъ и времени высокихъ подвиговъ ума все еще жило на западѣ.

Торговля и сношенія мало-по-малу снова подняли опустившійся городъ, и благосостояніе опять возрасло. Спачала венеціанскіе,

потомъ генуэзскіе моряки и негоціанты въ большомъ числѣ стали появляться въ долго бывшемъ опустѣлымъ Пиреѣ, продавали свои товары и взамѣнъ ихъ увозили съ собой другіе, но въ то же время и немало древнихъ произведеній искусства. Поэтому не безъ основанія говорили, что Генуя щеголяетъ сокровищами, увезенными изъ Греціи, въ особенности изъ Аѳинъ.

Такимъ образомъ Аѳины безпрерывно находились въ живыхъ сношеніяхъ съ западомъ, хотя политически они потеряли всякое значеніе.

Въ 1311 г. завладѣли городомъ испанцы, но въ 1385 г. должны были уступить мѣсто флорентинцамъ, которые удержались во владѣніи имъ до 1458 г. Къ этому времени турки взяли верхъ въ византійскомъ государствѣ, а потому и въ Греціи и въ Аѳинахъ, за которыя ни одинъ христіанскій монархъ не поднялъ меча или даже голоса, хотя въ эпоху Возрожденія взоры круговъ съ высшимъ образованіемъ охотно обратились снова къ сокровищамъ искусства и цвѣтамъ ума классической древности. Акрополь Аѳинскій былъ совершенно разрушенъ взрывомъ хранившагося тамъ запаса пороха, и преобразованный турецкими властителями въ мечеть Парѳенонъ сталъ окончательно развалиной. Въ 19-мъ столѣтіи, во время греческой борьбы за свободу обратилось въ развалины еще много выдающихся архитектурныхъ остатковъ въ Аѳинахъ и другихъ мѣстахъ. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не заботились о почти забытомъ городѣ, пока, наконецъ, въ самой Греціи въ 1821 г. не проснулся духъ свободы, народъ не возсталъ противъ своихъ османскихъ тиранновъ и послѣ тяжкихъ притѣсненій не добился съ помощью великихъ европейскихъ державъ въ 1830 г. своего избавленія отъ турецкаго ига.

Аѳины во время отчаянной борьбы въ 1826 г. были завоеваны турками; но когда въ 1830 г. страну Аттику соединили съ новымъ королевствомъ Греціей, турки въ 1833 г. должны были очистить Аѳины и Акрополь. Старый городъ на Илиссѣ съ 1834 г. сдѣлался столицей и резиденціей короля и съ тѣхъ поръ былъ украшенъ многими грандіозными постройками; однако, блескъ, окружавшій его во времена Перикла, не вернулся, и онъ едва ли когда-нибудь расцвѣтетъ до древняго величія. Лучшее украшеніе современныхъ Аѳинъ— ея развалины, памятники исчезнувшей пышности и величія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Обозрѣніе страны и народовъ Эллады.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сказанія эллинской старины.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Время образованія государствъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Возвышеніе Эллады.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Время процвѣтанія Эллады.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Время упадка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Перемѣнное преобладаніе отдѣльныхъ государствъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Время македонскаго владычества.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ нѣдръ земли на бѣлый свѣтъ.

ПОПРАВКИ

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Читай:*
11	1 снизу	Акрокеранскимъ	Акрокеравнскимъ
94	14 —	Гелиосъ	Гелій
106	13—15 снизу	хотя бы самый разсказъ и разработка подробностей принадлежали	принадлежалъ ли самый разсказъ и разработка подробностей
126	15 снизу	Телеманъ	Телемахъ
206	12 сверху	совязывать	повязывать
270	10 снизу	Клисфенъ	Клисѳенъ
285	1 —	(наосѣ, караблѣ)	(наосѣ, святилищѣ)
286	2 сверху	(описѳадомосъ)	(описѳодомосъ)]
324	16 снизу	Алтида	Алтисъ
328	19 сверху	Скифовъ	Скиѳовъ
348	15 —	Гиппій	Гиппія
360	подъ рисункомъ	Гермесъ	Герма
466	3 сверху	Гимназіи	Гимнасіи
—	— —	въ гимназію	въ гимнасій
—	4 снизу	проннигней	пропнигей
480	1 сверху	Мнезикла	Мнесикла
894	16 —	Употребивъ насиліе, мужъ	Любитель насилія, онъ
896	подъ рисункомъ	Птоломея	Птолемея